Валерий Сойфер

ВЛАСТЬ И НАУКА

(История разгрома коммунистами генетики в СССР)

Издание четвертое, переработанное и дополненное

Вашингтон

2001

Valery N. SOYFER

Distinguished University Professor

Laboratory of Molecular Genetics

Department of Biology

George Mason University

Fairfax, VA 22030

COMMUNIST REGIME AND SCIENCE

(History of the Crashing of Soviet Genetics by Communists)

Предисловие к четвертому изданию

Открытие далеко не полного доступа в архивы советской державы позволило лучше понять многие критически важные вопросы в истории СССР 1 . Касается это и истории политического диктата в советской науке. Российские ученые, особенно биологи лидировали в научном прогрессе в конце XIX-го и начала XX-го веков. И.П.Павлов и И.И.Мечников были удостоены Нобелевских премий, в генетике работало несколько выдающихся школ ученых. Н.К.Кольцов на четверть века опередил научный прогресс, первым предположив, что в хромосомах находятся одиночные гигантские наследственные молекулы, несущие информацию в генах, С.С.Четвериков создал научные основы генетической изменчивости популяций и тем облегчил понимание эволюции на генном уровне, группа А.С.Серебровского впервые показала экспериментально, что гены имеют внутреннюю структуру. Эти примеры могут быть дополнены множеством других. Однако поддержанный партией коммунистов Т.Д.Лысенко добился запрещения генетики в СССР как науки буржуазной и вредной. Затем О.Б.Лепешинская заявила, что клеточная теория не просто ошибочна, но и вредна для СССР, ученые ей возражали, но по команде из ЦК партии их заставили замолчать, а клеточную биологию в СССР запретили на много лет. К.М.Быков, А.А.Асратян и их сторонники начали разрушать достижения физиологической школы Павлова, и будучи поддержанными ЦК партии, добились своего. В результате СССР потерял приоритет в важных направлениях науки.

Долгое время было принято считать, что все эти уродливые тенденции стали возможными в

силу поддержки шарлатанов и проходимцев лично Сталиным. Однако сегодня, основываясь на множестве документов, добытых в архивах бывшего ЦК партии коммунистов и в ряде других архивов, можно утверждать, что нельзя списывать все на личный вклад Сталина в эти процессы, что можно видеть, как другие руководители страны, члены Политбюро ЦК ВКП(б) - КПСС, наркомы и министры правительства создавали то, что принято называть коллективной мыслью и волей партии. Гораздо понятнее стала и роль многих предателей науки в сфере самой науки.

Рассказ об этих событиях важен для понимания динамики развития советского общества. Но этот же рассказ позволяет указать на болезненные явления в сегодняшнем обществе и предостеречь от слишком наивного отношения к неминуемым отрицательным последствиям возрождения тоталитарных методов в управлении, а то, что они возрождаются, видно невооруженным взглядом. К тому же приходится с болью сознавать, что в российском обществе так и не сложилось ясного осознания вреда, нанесенного стране и обществу коммунистическим правлением. Многие так называемые патриоты любят вспоминать про гигантские стройки, про военные победы, про развитие индустрии и полеты в космос. Эти люди приписывают успехи страны мудрости коммунистической партии, поддерживавшей все новое и прогрессивное, державшей в узде врагов внутренних и внешних, приведших к расцвету науки и искусство, театр и балет, музыку и кино. Никто не вспоминает сотни миллионов рублей, выброшенных на ветер в голодной послевоенной стране для Сталинского Плана Преобразования Природы. Эти же люди не упоминают десятки миллионов зэков, строивших Днепрогэс, Беломорканал, изуродованные судьбы гигантов науки Кольцова и Четверикова, недолго отсидевших в коммунистических застенках, но десятилетиями подвергавшихся публичным оскорблениям партийцами. С.П.Королев и А.Н.Туполев так и не избавились до конца дней от страха перед тюрьмой, в которую безвинно и несправедливо попали по лживым политическим обвинениям. Их искалеченные судьбы были не частным делом каждого, страна теряла самых умных и продуктивных, а в это время партия восхваляла других. Как раз на примере деятельности Лысенко можно воочию показать сущность вмешательства коммунистов в сферу, где их участия не требовалось, где они нанесли урон, не преодоленный и сегодня.

Парадоксальной стороной сегодняшней жизни в России стало то, что вред лысенкоизма до сих пор здесь не понят, хотя на Западе пример Лысенко стал аксиоматической формулой доказательства уродливости тоталитаризма. Умиление неоцененными трудами шарлатанов было бы невозможно в цивилизованных странах, но еще находит себе лазейки в обществе российском. Ведь до сих пор в России встречаются люди, публикующие статьи о якобы неоцененном современниками положительном вкладе Лысенко в науку, с напыщенным видом разглагольствующие на эту тему с экранов телевизора. Недавно мне прислали несколько номеров газеты, издающейся сегодня коммунистами в Сибири, в которой без тени юмора автор печатала очерки о якобы великом вкладе в науку некоего Геворга Бошьяна, который в 1949 году вызвал гомерический хохот заявлением, что наблюдал своими глазами превращение частиц вирусов в клетки и распад клеток на вирусы "через стадию кристаллов". Тогда этому супершарлатану, провозглашавшему верность марксизму-ленинизму-сталинизму, удалось втереть очки крупным коммунистическим боссам, и с одобрения Политбюро создать секретные лаборатории в Москве по изучению природы вирусов, в которых несколько сот таких же шарлатанов занимались неизвестно чем. С большим трудом после смерти Сталина ученые убедили власти убрать этот "флюс" советской науки. Но, оказывается, безумная чушь и сейчас находит поддержку и рекламу. К сожалению, еще есть люди, которые злопыхают в адрес генетиков. Так, после публикации в "Огоньке" моей статьи "Горький плод" некто В.Молоканов, указавший свой адрес (Москва, ул. маршала Федоренко, д. 6/2, кв. 44), сообщил в редакцию свое мнение: "Советская контрразведка правильно сделала, что разместила перед войной генетиков по тюрьмам. Они готовились сдаться Гитлеру, а в годы

войны они передохли". Эти примеры показывают, что рассказ о том, чем действительно занимались Лысенко, Бошьян, Лепешинская, своевременен, что рано думать, будто бы они ушли в небытие и что современный научный прогресс оставил далеко позади себя лженауку.

Настоящее издание сильно отличается от предыдущих большим объемом новых материалов, что потребовало внести несколько новых глав, изменить структуру прежних и усилить аргументацию по главным линиям повествования. При подготовке настоящего издания я воспользовался помощью Ю.Н.Вавилова, В.А.Драгавцева, Э.А.Жебрака, А.Е.Левина, Н.Я.Крекнина, Л.И.Корочкина, К.О.Россиянова , Т.К.Лассан, Д.В.Лебедева, Джошуа Ледерберга, передавших мне дополнительные материалы к книге или помогших в поиске архивных документов, а также советами Е.В.Аглицкого, Марка Б. Адамса, В.В.Власова, Ю.Ю.Глебы, Ю.А.Жданова, Ю.М.Маркиша, Я.С.Юфика. В своей памяти я всегда буду хранить чувство благодарности ко всем им. Выражаю признательность доктору исторических наук В.Д.Есакову за предоставление в мое распоряжение нескольких журналов и книг, опубликованных им в 1991-2000 годах, а также сотруднице архива ВИР З.И.Михайловой, помогавшей в поиске материалов для данного издания. Частично работа над книгой была поддержана компанией "Айкон Джинетикс", которой я искренне признателен за помощь. Неоценимую помощь оказала мне моя жена Н.И.Сойфер, которая сделала много замечаний по тексту книги.

Март 2001 года, Фэйрфакс (США)

Из предисловия к американскому изданию 1994 года

Обстановка террора, развязанного властями в Советском Союзе сильнейшим образом повлияла на мышление и поведение жителей страны. Все были запуганы безжалостной системой репрессий, к концу 30-х годов люди стали скрытными, закомплексованными и часто лживыми. Слов правды, идущих вразрез с политическими декларациями лидеров, старались не произносить, а постоянная и часто откровенная ложь на страницах главной газеты - будто в насмешку названной "Правдой" - входила в сознание людей, будучи повторенной тысячи раз.

После смерти Сталина в марте 1953 года люди начали осторожно освобождаться от гнета страха. Инициированию этого процесса сильно помогло выступление Хрущева с разоблачениями "культа личности Сталина". Период раскрепощения общественной и индивидуальной мысли был метко назван писателем Ильей Эренбургом "оттепелью". Мое повзросление пришлось как раз на эти годы, и я думаю, что не только в силу личных свойств характера, но и в результате заметных изменений в общественном климате многие из моих сверстников оказались менее запуганными, чем их старшие родственники. Мы еще верили свято в идеи коммунизма и воспринимали как должное поношение капитализма и объявленного властями главного врага советской страны - Соединенных Штатов Америки. Но "крамольных" по тем временам мыслей мы уже от себя не гнали и думали определенно более свободно. Наверное, поэтому я и был открыт для встреч и знакомств, в том числе с людьми, коих ранее многие избегали.

Самой важной встречей, определившей вектор моего будущего развития, стало знакомство с основателем генетики в России - Сергеем Сергеевичем Четвериковым. После ареста по политическому обвинению в 1929 году Четвериков был сослан на Урал, а по прошествии 5 лет ему не разрешили вернуться в Москву. Так он оказался в Горьком (сейчас Нижний Новгород), где стал работать в университете. В 1948 году Четверикова, как и большинство других советских генетиков, выгнали с работы. С тех пор опальный профессор жил в уединении и вскоре ослеп.

Первая встреча с ним произошла в 1955 году, через год после окончания мною средней школы в городе Горьком и поступления в Московскую сельскохозяйственную Академию имени Тимирязева. Один из доцентов Горьковского университета, Петр Андреевич Суворов, привел меня к Четверикову домой, когда я приехал в Горький на летние каникулы. В каждый из моих последующих приездов мы проводили вместе дни и вечера и подружились.

Моральный облик потомственного дворянина Четверикова оказал на меня огромное влияние. Сын миллионера, в молодости разделявший социалистические идеи, от которых сама жизнь его отвернула, Сергей Сергеевич после революции вынужден был познать и бедность, и незаслуженную ссылку, и предательство учеников и друзей.

Четвериков как-то незаметно и в то же время быстро помог мне познакомиться с многими другими выдающимися генетиками. Я думаю, что и для них контакты с молодежью были тогда очень важными - ведь генетика еще так и оставалась в середине 50-х годов наукой запрещенной. Эти люди осознавали, каким тяжелым оказался для Советского Союза груз ошибок Лысенко, поддержанного партийными руководителями страны. Благодаря новым связям, я естественно, без особых с моей стороны усилий, узнавал из первых рук детали разгрома генетики, которые позже так пригодились при работе над книгой.

Одновременно я не мог не видеть, как от навешивания политических ярлыков страдали генетики, как они отстаивали свои научные позиции, как боролись за то, чтобы наравне с другими участвовать в жизни общества, каким благородством были пронизаны их слова и действия.

Противный лагерь - сторонников Лысенко - стал мне приоткрываться в 1954-1957 годах, когда я учился в Тимирязевке. Я описываю в книге мои встречи и долгие беседы с Лысенко, которые мы вели, пока я был студентом. Сам он казался мне человеком малосимпатичным, но по-своему интересным. Его по-крестьянски простецкая речь, логика, построенная на поверхностном сравнении предметов и явлений, разительно отличались от логики генетиков. В то же время он был изощрен в понимании извивов политики коммунистов, то есть в той сфере, в которой многие другие ученые проявляли слабину.

В 1957 году я познакомился с физиком Игорем Евгеньевичем Таммом и с его помощью перешел учиться на кафедру биофизики физического факультета Московского университета, а затем - в 1961 году - в аспирантуру Института атомной энергии. В те годы физики в СССР были в большом почете. Хотя в сталинскую пору нашлись политиканы, требовавшие запрещения в СССР теории относительности и ряда других физических дисциплин, физики избежали участи генетиков или кибернетиков и не были разгромлены, так как могущество государства стало зримо зависеть от атомного оружия, атомной энергии, полупроводников. Именно физики старались возродить в СССР генетику. Будущие нобелевские лауреаты И.Е.Тамм, А.Д.Сахаров, Н.Н.Семенов, П.Л.Капица начали активно поддерживать генетиков.

После защиты кандидатской диссертации я работал сначала в Академии медицинских наук, а затем в Академии наук СССР. В 1970 году меня пригласили в Академию сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ), где я участвовал в создании нового института - Всесоюзного НИИ прикладной молекулярной биологии и генетики. Начиная с 1938 года, ВАСХНИЛ стала почти на три десятилетия вотчиной Лысенко, домом родным для его сторонников. Годы работы в ВАСХНИЛ помогли мне узнать как многих приближенных Лысенко, так и тех партаппаратчиков, которые поддерживали его на самых высоких уровнях в партийных и государственных организациях.

Теперь надо остановиться на том, каким образом у меня появились горы документов и письменных материалов о той поре. Одна из отличительных черт советского уклада жизни заключалась в отсутствии того всепроникающего глаза юристов в любые стороны жизни, который так характерен для сегодняшнего американского общества. В СССР в повседневной жизни люди прибегали к помощи юристов лишь в одном случае - судебном преследовании. Во всех остальных случаях каждый должен был сам строить свою самооборону, а, значит, запасаться справками и копиями разнообразных документов. В результате каждый человек обрастал за свою жизнь солидным архивом, содержащим подчас уникальную информацию. Так и я собирал разные документы, касавшиеся сначала моей собственной персоны, а затем всего, что касалось истории генетики. С 1965 года я стал публиковать статьи, а затем и книги по истории генетики, а это влекло за собой расширение поиска старых документов.

Поскольку я знал многих генетиков старшего поколения, я нередко расспрашивал их о тех или иных событиях, и почти всегда мне удавалось найти кого-то, кто хранил в своих домашних архивах копии протоколов ученых советов, стенограммы выступлений на конференциях и совещаниях, копии приказов директоров институтов и пр. и пр. Таким образом для многих событий, описанных в книге, я смог найти обширные, подчас исчерпывающие материалы и документы, не прибегая к поискам в государственных архивах. Часть материалов я все-таки сумел получить из архивов, прежде всего ВАСХНИЛ и прежнего Министерства сельского хозяйства. Получил я также доступ к архиву Горьковского государственного университета, что было важно для описания судьбы Четверикова. Папки мои разбухали, но времени на выполнение больших проектов по истории советской генетики не было.

Однако в конце 1978 года все мое время стало свободным: власти узнали, что участвую в правозащитной деятельности, у меня сначала возникли трудности на работе, а затем я потерял ее вовсе 1 . Чтобы хоть чем-то себя занять, я решил работать над книгой о Лысенко и лысенковщине.

КГБ, разумеется, знало о том, чем я занимаюсь. В квартирах моих соседей, как я узнал, поставили подслушивающую аппаратуру, всю мою переписку перлюстрировали, значительная часть корреспонденции вообще исчезала. Меня не раз под конвоем милиционеров доставляли на "беседы" с представителями КГБ, где открыто угрожали. Но и я теперь был начеку.

В 1983 году я закончил первую редакцию книги и сумел переправить ее на Запад. Теперь можно было вздохнуть свободнее, и я начал давать читать рукопись кое-кому из коллег. И тут сработала так важная для меня обратная связь. Многие ученые, особенно биологи старшего поколения - В.П.Эфроимсон, В.Я.Александров, Д.В.Лебедев и другие - снабдили меня огромным количеством нового материала. Я засел за вторую, а затем в связи с поступлением все новых материалов за третью, четвертую и, наконец, седьмую редакцию книги. В 1986 году профессор Питер Дэй, руководивший тогда Американским обществом генетиков, взял последнюю редакцию книги и передал ее в Издательство Ратгерского университета в штат Нью-Джерси, США.

В те годы я все более и более активно участвовал в правозащитном движении: собирал информацию о преследованиях в СССР ученых и евреев-отказников, старался передавать эту информацию на Запад, участвовал в "Эмнисти Интернейшионал".

Часто я задавал себе вопрос, почему, несмотря на постоянные запугивания и угрозы ареста, власти этого не сделали? Ведь многие из моих знакомых оказались за решеткой за действия,

сходные с моими. Я вижу только один ответ на этот вопрос: за нашей судьбой следили на Западе, и это защитило нас от дальнейших преследований. А связи с Западом у нас в те годы ширились. И ранее, когда я был преуспевающим официальным ученым, и тем более в то время, когда меня по политическим мотивам выбросили с работы, я старался поддерживать контакты со свободным миром, не только с учеными, но со всеми, кто готов был со мной дружить. Именно поэтому я не отказывался от приглашений на приемы в посольства США, ФРГ, Великобритании и Нидерландов. Мы часто проводили вместе время с замечательными дипломатами, работавшими тогда в Москве, и их семьями, у нас дома постоянно бывали корреспонденты газет, журналов, телевидения, американские, голландские, немецкие, английские парламентарии и сенаторы посещали меня в каждый из их приездов в СССР. Власти знали о наших беседах с тогдашним Государственным Секретарем Джорджем Шульцем и его заместителями Ричардом Шифтером и Полом Вульфовцем или многочасовых обсуждениях с Робертом Кэннеди, Джеком Кемпом, Деннисом де Консини, Патришей Шредер и другими.

Первый отрывок из этой книги появился в печати в самиздатском сборнике, посвященном 60-летию Андрея Дмитриевича Сахарова в 1980 году 2 (позже этот сборник был опубликован на многих языках, в том числе на английском 3). Собственно говоря, именно эта публикация была использована как один из формальных мотивов для моего увольнения с работы. В 1986 году несколько глав книги были опубликован в парижском "Континенте" 4 . В 1987 году редактор журнала "Знамя" Г.Я.Бакланов подписал со мной договор об издании журнального варианта книги, но тогда КГБ воспрепятствовал этой публикации, и Бакланов с этим смирился. Однако статья о Лысенко, содержавшая куски из книги, была опубликована в журнале "Огонек" 5 , самом читаемом тогда в СССР. В это время на дважды повторенную М.С.Горбачеву просьбу президента Рональда Рейгана разрешить нашей семье выехать в США, наконец-то, был получен положительный ответ, и нас даже начали торопить с отъездом. Главный редактор "Огонька" В.А.Коротич передал мне просьбу М.С.Горбачева обратиться к нему с письмом, в котором я попросил бы сохранить нам гражданство (что я немедленно сделал). Но выяснилось, что моими публикациями недоволен секретарь ЦК партии Е.К.Лигачев, и он оказался сильнее: Хотя в начале, как того хотел Горбачев, нам разрешили уехать с советскими паспортами, через две недели по требованию Лигачева решение о сохранении паспортов было отменено, нас лишили гражданства, и в марте 1988 года мы уехали в США как политические беженцы. Насколько я знаю, это был последний случай лишения гражданства диссидентов в СССР. Но и на этом Лигачев не успокоился. По его требованию "Огонек" был вынужден опубликовать серию откликов на отрывки из моей книги 6 . Вскоре на Х1Х Всесоюзной партконференции, задуманной Горбачевым как съезд, призванный реформировать партию, один из членов ЦК партии - 1-й секретарь Ростовского обкома партии Б.Володин произнес речь, в которой назвал меня предателем родины и дезертиром с битвы за перестройку 7.

Большой отрывок из книги появился в 1988 году в американском журнале "Проблемы Восточной Европы" 8 . В 1989 году британский журнал "Nature" 10 напечатал мою большую статью,
основанную на материалах этой книги, другой отрывок из нее появился в мюнхенском журнале "Страна и мир" 9 . Полностью русский вариант книги был опубликован в 1989 году в США под названием "Власть и наука. История разгрома генетики в СССР" в издательстве "Hermitage" 11 . Второе издание на русском языке вышло в свет в России в 1993 году в издательстве "Радуга" 12 . Для настоящего англоязычного издания книга существенным образом переработана и сокращена.

В заключение хочу подчеркнуть, что тяжелое наследие лысенкоизма заключается в том, что во многих российских университетах и институтах работают по-прежнему приверженцы

идей Лысенко, что не может не отражаться на уровне преподавания и на воспитании новых биологов. Известно, что труднее всего изменить ментальность людей, и мне хочется, чтобы моя книга способствовала не только сохранению памяти об ушедшей эпохе, но и помогла людям бороться с тенями прошлого. Это так важно в сегодняшней России, повернувшей, наконец-то, к свету демократии и трудной дорогой идущей к тем идеалам, которые в течение многих десятилетий попирались властителями этой великой страны.

Валерий Н. Сойфер

профессор, директор лаборатории молекулярной генетики Университета имени Джорджа Мейсона

Январь 1993 года

Предисловие к 1-му изданию книги на русском языке

Не безнадежное ли это дело - тщиться восстановить не просто события давно минувших лет, а атмосферу ушедших дней? Можно ли надеяться правдиво рассказать о жизни героев тех лет, жизни звонкой, видной - и, одновременно, страшной, кровавой?...

Признаюсь, в начале работы над книгой не о том я заботился, и не эти мысли одолевали меня. Итоги случившегося в СССР и схема событий казались мне ясными, и все время я употреблял на поиск фактов, кои бы наполнили схему содержанием. Я засиживался в библиотеках, вдыхал пыль истлевающих страниц, с жадностью набрасывался на пожелтевшие от старости документы, иногда счастливо попадавшие мне в руки, записывал рассказы очевидцев, которые воспоминали... Их седые головы порой тряслись, но очи блистали, горели яростью. Многие из этих людей жаждали отмщения. Причем роли со временем явственно менялись. История делала очередной поворот, и теперь с обеих сторон слышалось бряцание оружием. Отмщения искали и те, кто был некогда унижен, и те, кто тогда унижал, а теперь терял силу.

Мои папки разбухали от бумаг, выписок, копий документов, фотографий. Главный герой книги - Трофим Лысенко - живой и язвительный, восставал во всем блеске. То он клеймил противников, то хвастался успехами, то излагал свои, далекие от научных, взгляды. Я познакомился с академиком Лысенко лично в ту пору, когда он уже потерял зверскую силу и лишь пытался запугать окружающих своим видом. Мне посчастливилось найти старые фотографии, запечатлевшие моменты, когда Лысенко выступал перед главным коммунистическим вождем Сталиным, когда он объяснял что-то ему: оба были увлечены... Атмосфера тех дней начала материализоваться, герои снова двигались, как живые, - в живой, всамделишной жизни.

И когда я добился этого воскрешения, когда из небытия, из потускневших строк, пыльных страниц, фотографий, кинопленок восстали и академик Николай Вавилов - плечистый красавец с бархатным басом и академик Трофим Лысенко - сухой как жердь, сутулившийся с детства, с его застуженным сиплым тенором, когда задвигались, заговорили, перебивая друг друга, окружавшие их люди, создававшие соперничавшие хоры... вот тогда мне стало совсем трудно, а порой бывало и жутко. Борение страстей заслоняло порой факты, и буквализм исследователя, бесстрашно следящего за развитием действия, естественно уступал место иному стремлению. Тогда я подумал, что может быть было бы лучше отойти от утомительного следования за цитатами и событиями и обратить основное внимание на описание характеров и обстоятельств.

Но потом я понял, что не имею права лишать читателя возможности самому нарисовать желанную картину, самому воссоздать хронику из этих тысяч цитат, что без них я рискую утерять доказательность, утратить доверие читателя, хотя, разумеется, число тех, кто захочет скрупулезно следить за перипетиями борьбы в науке, явно меньше числа тех, кто предпочел бы сюжетное повествование с готовыми выводами.

Для всякого пишущего желание донести свой труд до максимального числа читателей вполне понятно, и все же я решил, что избранный мною первый путь предпочтительнее и что, не потакая нетерпеливым, я допускаю меньший грех.

Вот в таком виде я предаю гласности свой труд с описанием истории партийного буйства в советской биологии.

Октябрь 1987 года. Москва

Введение

"Концлагерями, голодом, войной

Вдруг обернулась Марксова химера".

С.И.Липкин. Современность (1).

"Каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все одному. Все рабы и в равенстве равны. В крайних случаях клевета, а главное равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов... не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами... их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается каменьями... Без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства... Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство...".

Ф.М.Достоевский. Бесы (2).

Судьба творческой интеллигенции после революции

После ноябрьского переворота 1917 года, осуществленного коммунистами, в России сложился новый общественный порядок и была укоренена новая система рекрутирования научной и технической интеллигенции из так называемых неэксплуататорских классов.

Наиболее открыто природу этого варварского отношения коммунистов к интеллигенции старой выучки и рецепт формирования "красной" интеллигенции выразил еще до ноябрьского переворота 1917 года вождь нового общества В.И.Ленин (Ульянов). Обдумывая в августе-сентябре 1917 года будущее государственное устройство России, Ленин, повторяя тезисы Маркса, сформулировал свои взгляды в написанной в эти дни книге "Государство и революция". Коммунистический вождь заявил, что никаких хлопот с "господами интеллигентиками" после захвата власти не будет - подразумевалось, что они поголовно и без сопротивления перейдут в услужение новой власти:

"Вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы свергнуть капиталистов и чиновников, заменить их в деле контроля за производством и распределением, в деле учета труда и продуктов - вооруженными рабочими, поголовно

вооруженным народом.

Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.; эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше, подчиняясь вооруженным рабочим. Когда большинство народа начнет проводить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентиками, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всенародным, тогда от него нельзя будет никуда уклониться, "некуда будет деться".

Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы" (3).

Утопичность ленинского рецепта выяснилась сразу после ноября 1917 года. Большинство представителей интеллигенции не стало "работать еще лучше, подчиняясь вооруженным рабочим". В первые же месяцы коммунисты убедились, насколько они ошибались, надеясь на безропотную поддержку интеллигенцией их власти, ее "имманентную" приверженность к услужению.

"Вспомните, товарищи, - говорил Н.И.Бухарин 23 июля 1926 г. на траурном заседании пленума Московского Совета по случаю смерти Ф.Э.Дзержинского, - что было тогда, когда мы только пришли к власти... Почти вся интеллигенция - служащие, учителя, инженеры, государственные чиновники - отказывались работать" (4).

Бухарин несомненно хорошо знал положение дел и говорил правду. Сходные высказывания можно найти и у Ленина. Но в чем была причина такого поведения интеллигенции? Произошло это не потому, что образованным слоям российского общества была чужда революция. Демократические традиции, вера в торжество разума, законности, уважения человеческого достоинства - укоренились именно в этой части общества. Многие интеллигенты с восторгом встретили переворот. Но первые же действия коммунистической власти показали, что прекраснодушным идеалам нет места в новом правопорядке. Интеллигенция как непролетарская общественная группа была ущемлена во всех правах. В особенности это касалось преподавателей высшей школы, профессоров, ученых. В партийной программе коммунистов было записано:

"Наука есть... орудие организации производства и всего хозяйства. А в обществе классовая наука есть, кроме того, орудие господства высших классов, орудие социальной борьбы и победы классов поднимающихся" (5).

Само выделение понятия "классовой науки" было демонстративным. Приводя эти слова, некто Дегтярев, заведовавший в 1918 году Отделом высшей школы в газете "Правда", продолжал:

"Так определяется наука коммунистами... А в действительности... отчужденной от жизни, далекой от пролетариата, чуждой и равнодушной к его героической борьбе, своей замкнутой жизнью живет Высшая Школа" (6).

Сообщая с возмущением читателям "Правды" о том, что в Московском университете на юридическом и филологическом факультетах так и преподают, как при царе, юриспруденцию и филологию, историю права и лингвистику, якобы ненужные и даже вредные народу, Дегтярев, возможно искренне не осознавая губительности для будущего прогресса общества своего примитивизма, спрашивал:

"Почему в то время, как во всей жизни Республики применяется идея диктатуры пролетариата, участвовать в разрешении политических и экономических вопросов имеют право только трудящиеся, почему в Области Просвещения этот принцип отвергается? Почему введен классовый паек на всякую
пищу, а на духовную нет. Или мы так богаты нашими средствами, что можем воспитывать и организовывать наших классовых врагов?... Не лучше ли даже закрыть ненужные факультеты, дающие ненужные знания ненужным людям?... Да здравствует Пролетарское просвещение" (7) 1.

Обострению классовой неприязни коммунисты придавали особо важное значение. Они будили низменные инстинкты в необразованных слоях общества, в полном смысле этого слова - натравливали простолюдинов на "господ интеллигентиков", считая, что только так они создадут опору в обществе для своей власти. Но помимо давления идейного существовало давление и вполне материального свойства. Людям "умственного труда" выдавали самый скудный паек (III-ей группы - по трехступенчатой системе, введенной новой властью), причем часто месяцами не платили даже этого жалованья. Например, М.Лигин в том же номере "Правды" за 1 декабря 1918 года жаловался на то, что учителя школ и зубные врачи попали в такое положение.

"Почему так? - спрашивал он, - учителя не Крезы, а голытьба" (9).

В этих условиях участь творческой интеллигенции и ученых, в первую очередь, стала трагической. Те же, кто пришли к власти, не хотели, да, впрочем, и вряд ли могли понять это. Необразованность большинства новых руководителей страны вынужден был признать даже сам Ленин. В марте 1919 года на VI съезде РКП(б) он сказал:

"Если когда-нибудь будущий историк соберет данные о том, какие группы в России управляли эти 17 месяцев, ...никто не поверит тому, что можно было этого достигнуть при таком ничтожном количестве сил. Количество это было ничтожно потому, что интеллигентные, образованные, способные политические руководители в России были в небольшом количестве " (/10/, выделено мной - В.С .].

Таким образом, обойтись без интеллигенции старой выучки не удалось. Пришлось привлекать ее на службу в широком масштабе, но создать для нее такие условия, при которых не было возможности для проявления приверженности к иным идеалам, кроме идеалов коммунизма, когда оставалось лишь одно: безропотно повиноваться и исполнять приказы комиссаров.

В уже упоминавшейся речи на заседании памяти Дзержинского Бухарин, вспоминая отказ "почти всей интеллигенции" работать при власти коммунистов, говорил, что единственный выход из положения руководители страны видели в принуждении:

"Товарищ Ленин говорил тогда, что надо найти такого товарища, который имел бы в себе нечто якобинское" (11).

Таким человеком стал Ф.Э.Дзержинский, возглавивший специальный аппарат "по борьбе с контрреволюцией и саботажем" - Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию (создана постановлением СНК РСФСР от 7/20/ декабря 1917 г.), имевшую губернские и уездные, а также транспортные, фронтовые и армейские отделения. "В феврале 1918 г. ВЧК было дано право, наряду с передачей дел в трибунал, непосредственно расстреливать шпионов, диверсантов и других активных врагов революции" (12). К числу подлежащих расстрелу

относили, в первую очередь (после того как были экспроприированы фабрики и заводы, отнята земля у ее владельцев и разогнаны органы управления), представителей интеллигенции.

"...специалисты науки, техники все насквозь проникнуты буржуазным миросозерцанием", _

говорил Ленин, противопоставляя им рабочих и крестьян (13).

Началась смертельная борьба со всеми интеллектуалами. В качестве внешнего предлога был выставлен предлог сочувствия представителей этой социальной группы к свергнутому строю. Из огульного обвинения вытекала примитивная практика: подозревать в сочувствии к врагам стали всякого, кто имел несчастье родиться в обеспеченных семьях, многих из тех, кто получил образование, приобрел право именовать себя российским интеллигентом.

Закрытие множества газет и непериодических изданий (включая издания социалистических и демократических партий России), запрещение собраний, митингов, демонстраций и другие крутые меры вызвали возмущение многих выдающихся деятелей культуры. Среди них оказались и те, кто был известен своими демократическими взглядами, кто ранее помогал как духовно, так и материально социалистам и коммунистам, и прежде всего "Буревестник революции", много лет передававший партии Ленина и ему самому личные сбережения и организовавший сбор денег в пользу Ленина, - Максим Горький. Он резко протестовал против такого отношения к интеллигенции в газете "Новая жизнь".

Уже через две недели после так называемого Октябрьского переворота Горький писал:

"Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия.

На этом пути Ленин и соратники его считают возможным совершать все преступления, вроде бойни под Петербургом (14), разгрома Москвы (15), уничтожения свободы слова (16), бессмысленных арестов - все мерзости, которые делали Плеве и Столыпин... я верю, что разум рабочего класса, его сознание своих исторических задач скоро откроет пролетариату глаза на всю несбыточность обещаний Ленина, на всю глубину его безумия и его Нечаевско-Бакунинский анархизм.

Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть - что из этого выйдет?...

Рабочий класс должен знать, что чудес в действительности не бывает, что его ждет голод, полное расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею - не менее кровавая и мрачная реакция.

Вот куда ведет пролетариат его сегодняшний вождь, и надо понять, что Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата" (17).

В конце 1917, весь 1918 и вплоть до 1919 года Горький публикует одну за другой статьи, в которых обвиняет большевистскую власть в незаконности террора, подавлении демократии, свобод, постоянно называет новых вождей "нечаевцами" - страшным для русских демократов именем убийцы Нечаева, прототипа героя романа Ф.М.Достоевского "Бесы".

"Заставив пролетариат согласиться на уничтожение свободы печати, - пишет Горький 10/23/ ноября 1917 года, - Ленин и приспешники узаконили этим для врагов демократии право зажимать ей рот; грозя голодом и погромами всем, кто не согласен с деспотизмом Ленина-Троцкого, эти "вожди" оправдывают деспотизм власти, против которого так мучительно долго боролись все лучшие силы страны...

Вообразив себя Наполеонами от социализма, ленинцы рвут и мечут, довершая разрушение России - русский народ заплатит за это озерами крови... Эта неизбежная трагедия не смущает Ленина, раба догмы, и его приспешников - его рабов" (18).

"Поголовное истребление несогласномыслящих, - продолжал он 17/30/ января 1918 г., - старый испытанный прием внутренней политики российских правительств. От Ивана Грозного до Николая II-го этим простым и удобным приемом борьбы с крамолой свободно и широко пользовались все наши политические вожди - почему же Владимиру Ильичу отказываться от такого упрощенного приема?" (19).

Особое беспокойство вызывают у Горького страшные гонения на интеллигенцию:

"Затратив огромное количество энергии, рабочий класс создал свою интеллигенцию - маленьких Бебелей, которым принадлежит роль истинных вождей рабочего класса, искренних выразителей его материальных и духовных интересов.

...И вот остаток рабочей интеллигенции, не истребленный войною и междоусобицей, очутился в тесном окружении массы, людей психологически чужих, людей, которые говорят на языке пролетария, но не умеют чувствовать по-пролетарски, людей, чьи настроения, желания и действия обрекают лучший, верхний слой рабочего класса на позор и уничтожение" (20).

"Но более всего, - продолжает Горький, - меня поражает и пугает то, что революция не несет в себе признаков духовного возрождения человека, не делает людей честнее, прямодушнее, не повышает их самооценки и моральной оценки их труда" (21).

Не менее определенно выражал чувства писатель Владимир Галактионович Короленко, опубликовавший знаменитые письма наркому Луначарскому. Он записал в своих дневниках сходные мысли:

13 ноября 1917 года:

"Трагедия России идет своей дорогой. Куда? ...Большевики победили и в Москве и в Петрограде. Ленин и Троцкий идут к насаждению социалистического строя посредством штыков и революционных чиновников... Во время борьбы ленинский народ производил отвратительные мрачные жестокости. У Плеханова (больного) три раза произвели обыск."

19 марта 1918 года:

"Большевик - это наглый "начальник", повелевающий, обыскивающий, реквизирующий, часто грабящий и расстреливающий без суда и формальностей".

16 марта 1919 года:

"Революционная охранка ничем не отличается от жандармской. Прежде была в ходу "неблагонадежность". Теперь - "контрреволюционность"."

20 июня 1919 года:

"Расстрелы учащаются. Опять расстреливают без суда... Киевские "Известия" то и дело печатают длинные кровавые списки расстрелянных без всяких действительных оснований".

22 июля 1919 года:

"В Киевских "Известиях" напечатана статья "Будем беспощадны"... Это чудовищное рассуждение, ставящее на место объективных признаков преступления психологию и чтение в сердцах, напечатано в официальном органе украинской советской власти... /Статья/ заканчивается прямым призывом к доносам".

2 сентября 1920 года:

"Самодурство большевиков, ничем не отличающееся от произвола и самодурства царской власти, а главное - разруха производства, которой не видно конца, порождающая страдания рабочей массы, - все это уже посеяло реакцию в довольно еще темной массе "диктатора пролетариата"".

Короленко с болью пишет о результате таких действий:

"Одно из непосредственных последствий большевизма - обеднение России интеллигенцией" (запись от 31 мая 1920 года) (22).

Надежды Горького и Короленко на то, что русский народ и, в особенности, его рабочий класс, узнав о гибели пролетарской интеллигенции, встанет на ее защиту, не сбывались. Избиение кадров интеллигенции продолжалось
и в 1918, и в 1919 годах, и позже. Только за 1918 и первую половину 1919 года лишь в 20 губерниях России Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (без учета всевозможных армейских, рабочих и прочих трибуналов, ячеек, специальных отрядов, карательных групп и т.д.) расстреляла в 1920 году 8389 человек. Эту цифру привел Член Коллегии Наркомвнудела и ВЧК, председатель ЧК и Военного Трибунала 5-й армии Восточного фронта Мартын Иванович Лацис (псевдоним Судрабса Яна Фридриховича) опубликованным в советской печати (23),(Лацис при этом замечает: "ЦИФРЫ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ЗДЕСЬ, ДАЛЕКО НЕ ПОЛНЫ"). Арестовано, по его же сведениям, за это время было 87 тысяч человек, раскрыто контрреволюционных организаций - 412, подавлено крестьянских восстаний - 344.

Для сравнения можно указать, что почти за 100 лет царские правительства (включая кровавый разгром революции 1905 года), то есть за период с 1826 по 1906 г. г., применили смертную казнь 894 раза (24).

Подавляющее большинство казненных за первые два года советской власти было представителями интеллигенции. (Наверное, всем тоталитарным режимам имманентна эта ненависть к людям умственного труда - вспомним Гитлера и Хомейни, тысячами истреблявших прежде всего интеллектуалов). С.П.Мельгунов, ведший счет политических убийств органами Чрезвычайной Комиссии по данным, публиковавшимся в советской печати, сумел собрать сведения, которые, конечно, не охватывали всей картины бедствий (его цифры, к слову сказать, были меньше цифр, приведенных Лацисом). Но зато в них была ясно видна направленность террора главным образом против интеллигенции. Вот каким было распределение расстрелянных ВЧК в 1918 году по социальным группам (25):

интеллигентов - 1286

заложников (чиновники, офицеры и пр.) - 1026

крестьян - 962

обывателей - 468

неизвестных - 450

преступных элементов - 438

за преступления по должности - 187

слуг - 118

солдат и матросов - 28

буржуазии - 22

священников - 19.

Сопоставление цифр - 28 казненных солдат и матросов (наверняка сохранивших верность присяге царю и Отечеству) и 1286 представителей интеллигенции - говорит красноречивее всяких слов! Если же учесть, что среди чиновников, офицеров, обывателей, неизвестных, представителей буржуазии были интеллигенты, также как почти все священники могли быть отнесены к интеллектуалам, то станет ясным, против кого направляли свое оружие большевики.

М.Лацис позже (1919-1921 г.г.) ставший председателем Всеукраинской ЧК, так объяснял массам "юридическую" обоснованность социального террора в статье "Красный террор", опубликованной 1 ноября 1918 года:

"Не ищите в деле обвинительных улик с тем, возстал ли он против Совета орудием или словом. Первым делом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы и должны разрешить судьбу обвиняемого.

В этом смысл и суть Красного Террора... Да здравствует Красный Террор!" (26).

Без сомнения, ведущий сотрудник центрального аппарата ЧК Лацис хорошо знал, что пишет. Он пересказывал те директивы, которыми руководствовались в повседневной жизни чины рангом повыше. Еще более категорично, чем Лацис, высказывался в 1918 году редактор журнала "Красный меч" (орган Всеукраинской ЧК, Киев) Лев Крайний:

"У буржуазной змеи должно быть с корнем вырвано жало, а если нужно, и разодрана жирная пасть, вспорота жирная утроба. У саботирующей, лгущей, предательски прикидывающейся сочувствующей внеклассовой интеллигентской спекулянтщины и спекулянтской интеллигенции должна быть сорвана маска. Для нас нет и не может быть старых устоев морали и гуманности, выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации низших классов" (27).

К чему могли привести малограмотный народ огромной отсталой страны такие пламенные призывы? Не пирровой ли победой оборачивался разгром интеллигенции?

"...Я обязан с горечью признать, - писал Горький в марте 1918 года, - враги - правы, большевизм - национальное несчастье, ибо он грозит уничтожить слабые зародыши русской культуры в хаосе возбужденных им грубых инстинктов" (28).

"Бесшабашная демагогия большевизма, - продолжал он через две недели, - возбуждая темные инстинкты масс, ставит рабочую интеллигенцию в трагическое положение чужих людей в родной среде" 2 (29).

Протесты против беззакония просочились и в центральную большевистскую печать. Известный большевик Емельян Ярославский (псевдоним Губельмана Минея Израилевича) писал в "Правде" 25 декабря 1918 года:

"Слов нет: "на войне - по военному". И все же мы не можем допустить, чтобы вопрос о профессии и образовании решал судьбу обвиняемого. В момент обостренной борьбы с буржуазией, принадлежность к этому классу много значит, но все же не решает вопроса о судьбе обвиняемого.

У нас есть много очень уважаемых товарищей, вышедших из буржуазных классов. Воображаю только Карла Маркса или тов. Ленина в руках такого свирепого следователя.

- Имя ваше?

- Карл Маркс.

- Какого происхождения?

- Буржуазного.

- Образование?

- Высшее.

- Профессия?

- Адвокат, литератор.

Чего тут рассуждать еще, искать признаков виновности, улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом! К стенке его и только.

В этом смысл и суть Красного террора? Какая нелепость!... Но, зная целый ряд весьма и весьма вредных последствий для Советской республики, для дела социализма именно подобного рода приемов Красного террора, я решительно протестую против них... никогда пролетариат не думал об истреблении интеллигенции, а ему говорят: спроси, получил ли подозреваемый высшее образование? Если да - убей его, не доискивайся точных улик. Мы думаем, что такого рода "Красным террором" мы не уменьшим, а увеличим врагов Советской республики, а потому считаем его совершенно недопустимым" (31).

В том же номере "Правды", на той же странице М.Ольминский в статье "В глуши" приводил примеры беззакония ЧК в крупном городе страны - Нижнем Новгороде и Нижегородской

губернии. Возможно, пытаясь снять накал страстей и обвинить "пролезших" в партию, Ольминский сообщал:

"...в качестве чрезвычайного следователя работает бывший городовой, - теперь он коммунист; Комиссар продовольствия - бывший урядник; Секретарь труда - бывший полицейский пристав из Нижнего Новгорода, уволенный за взяточничество еще при царизме" (32).

Но Ольминский вынужден признать:

"Чрезвычайка стремится выбиться из-под всякого контроля. Были расстрелы во дворе тюрьмы, на глазах арестантов... Коммунист, заведующий кинотеатром, заставил мужика перенести его (на себе) через грязь под угрозой расстрела" (33).

Первые попытки привлечения старой интеллигенции на сторону советской власти и начало борьбы за создание кадров "красных спецов"

Подобное отношение к интеллигенции обернулось неисчислимыми бедами, так как все отрасли хозяйства огромной страны разваливались. Новой власти приходилось разрываться между двумя взаимоисключающими тенденциями - с одной стороны, невозможностью наладить работу при отсутствии достаточного числа образованных коммунистов, а, с другой стороны, открыто отрицательным отношением к интеллигенции.

Однако уже через несколько месяцев после прихода к власти Ленин начал постепенно осознавать, что одним насилием и "выбрасыванием лозунгов" про-жить не удастся. Наивные идеи о том, что стоит лишь получше следить за людьми умственного труда, и они станут послушными и полезными исполнителями спускаемых сверху приказов, развенчивались самой жизнью. Нужда в "господах интеллигентиках" становилась все острее с каждым днем. Ни о какой "единой конторе с равенством труда и равенством платы", как писал Ленин осенью 1917 года, речи быть не могло.

Пока шло это отрезвление от просчета в отношении роли интеллигентов в обществе, положение ее месяц за месяцем становилось все более тяжелым.

1 июня 1918 года Горький обращался к властям со страстным призывом:

"Надо что-то делать, необходимо бороться с процессом физического и духовного истощения интеллигенции, надо почувствовать, что она является мозгом страны, и никогда еще этот мозг не был так нужен и так дорог как в наши дни" (34).

2 августа 1918 года Совет Народных Комиссаров утвердил написанное утром того же дня Лениным Постановление СНК "О порядке приема в высшие учебные заведения РСФСР". Очередной декрет коммунистов поручал:

"Комиссариату народного просвещения подготовить немедленно ряд постановлений для того, чтобы... были приняты самые экстренные меры, обеспечивающие возможность учиться для всех желающих, и никаких не только юридических, но и фактических привилегий для имущего класса не могло быть. На первое место безусловно должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии" (35).

Декрет определил на десятилетия вперед практику в отношении воспитания интеллигенции

страны Советов. Хотя он начинался фразой, требовавшей принятия "самых экстренных мер, обеспечивающих возможность учиться для ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ", чуть ниже это требование отменялось, так как желающие учиться подразделялись на классы, и из числа "ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ" выбрасывался слой детей из "имущего класса".

Резонно спросить - из какого такого имущего? Какие могли быть имущие классы, если они перестали существовать после ноября 1917 года? И разве во главе революции не стояли в большинстве своем выходцы из самых что ни на есть имущих классов? Да и разве революция не несла освобождения всем людям страны, разве не ставила целью воспитать себе сторонников во всех слоях общества? Получалось, что нет, не ставила. Декрет был пропитан дискриминационным отношением к тем, кто мог бы и хотел учиться, и имел к тому не только желание, но и способности, и, тем не менее, лишался равных прав только на том основании, что несколькими годами раньше имел несчастье родиться не в той семье, не в той среде, которой теперь благоволила власть.

В августе 1918 года уже утихли первые радости от захвата власти, определились подводные камни и пороги на пути бурного потока,
который смел старые порядки. И одним из наиболее мучительных откровений, явившихся перед взором новых вождей, был просчет в отношении социальной прослойки, презрительно названной в России "интеллигенцией". Было решено принять меры к подготовке новой - красной интеллигенции.

Но на ее воспитание и обучение должны были уйти годы, а помощь специалистов требовалась немедленно, сегодня же. Поэтому к концу 1918 года Ленин начал новую кампанию: за временное привлечение старой интеллигенции в ряды строителей коммунизма, который должен был наступить, по его раскладкам, через 10-20 лет.

"Мы знаем, что строить социализм можно только из элементов крупнокапиталистической культуры, интеллигенция есть такой элемент. Если нам приходилось с ней беспощадно бороться, - говорил он на собрании партийных работников 27 ноября 1918 года, - то к этому нас не коммунизм обязывал, а тот ход событий, который всех "демократов" и всех влюбленных в буржуазную демократию от нас оттолкнул. Теперь явилась возможность использовать эту интеллигенцию, которая никогда не будет коммунистичной" (3 6).

Поворот в отношении к интеллигенции был встречен в ее рядах со сдержанным оптимизмом. Горький писал:

"Факт, что русская революция погибает именно от недостатка интеллектуальных сил... Теперь большевики опомнились и зовут представителей интеллектуальной силы к совместной работе с ними. Это поздно, но все-таки не плохо.

Но, - наверное, начнется некий ростовщический торг, в котором одни будут много запрашивать, другие - понемножку уступать, а страна будет разрушаться все дальше, а народ станет развращаться все больше" (37).

Призывая к сотрудничеству, Ленин никогда не забывал предупреждать своих товарищей по руководству партией, что, во-первых, это сотрудничество временное, а, во-вторых, возможно только при непрестанном и жестком контроле за каждым шагом привлеченных к работе интеллигентов, за их мыслями, намерениями, контактами. Говоря об использовании специалистов, Ленин следующим образом характеризовал свою позицию на заседании Петроградского совета 12 марта 1919 года:

"Мы ими должны пользоваться во всех областях строительства, где, естественно, не имея за собой опыта и научной подготовки старых буржуазных специалистов, сами своими силами не справимся. Мы... пользуемся тем материалом, который нам оставил старый капиталистический мир. Старых людей мы ставим в новые условия, окружаем их соответствующим контролем, подвергая их бдительному надзору пролетариата и заставляем выполнять необходимую работу. Только так и можно строить... Тут необходимо... насилие прежде всего... Совершенно незачем выкидывать полезных нам специалистов. Но их надо поставить в определенные рамки, предоставляющие пролетариату возможности контролировать их. Им надо поручать работу, но вместе с тем бдительно следить за ними, ставя над ними комиссаров и пресекая их контрреволюционные замыслы. Одновременно надо учиться у них. При всем этом - ни малейшей политической уступки этим господам, пользуясь их трудом всюду, где только возможно" (38).

О том, как осуществлялся на практике этот неусыпный контроль, дает некоторое представление инструкция, составленная для осведомителей ЧК:

"Задания секретным уполномоченным на январь 1922 г.

1. Следить за Администрацией фабрик и интеллигентными рабочими, точно определять их политические взгляды и обо всех Антисоветских Агитациях и пропаганде доносить.

2. Следить за всеми сборищами под видом картежной игры, пьянства (но фактически преследующих другие цели), по возможности проникать на них и доносить о целях и задачах их и имена и фамилии собравшихся и точный адрес.

3. Следить за интеллигенцией, работающей в советских учреждениях, за их разговорами, улавливать их политическое настроение, узнавать о их месте пребывания в свободное от занятий время и о всем подозрительном немедленно доносить.

4. Проникать во все интимные кружки и семейные вечеринки господ интеллигентов, узнавать их настроение, знакомиться с организаторами их и целью вечеринок.

5. Следить, нет ли какой-либо связи местной интеллигенции, уездной, центральной и заграницей и о всем замеченном точно и подробно доносить" (39).

"Задания" подобного рода воплощали в жизнь те наметки, которые содержались в некоторых выступлениях Ленина, не перестававшего вплоть до конца 1919 года твердить о необходимости привлечения специалистов на работу при неусыпном контроле за их деятельностью:

"Организационная творческая дружная работа должна сжать буржуазных специалистов так, чтобы они шли в шеренгах пролетариата, как бы они не сопротивлялись и ни боролись на каждом шагу" (40).

В то время Ленин еще верил, что ему удастся сделать все нужное для привлечения буржуазных "спецов" на свою сторону и этим добиться решения важнейшей (если не самой важной на этом этапе) задачи в развитии культурной революции - задачи кадров.

"Весь опыт, - говорит Ленин все в том же марте 1919 года, - неминуемо приведет интеллигенцию окончательно в наши ряды, и мы получим тот материал, посредством которого мы можем управлять" (41).

Чтобы скрасить террор и насилие, чтобы переманить на свою сторону максимально большое количество специалистов, оказавшихся к тому же в тяжелейшем материальном положении в тогдашних условиях разрухи и голода, Ленин совместно с народным комиссаром труда В.В.Шмидтом разрабатывает план увеличения ставок заработной платы "работникам интеллигентного труда". Правда, эта мера вызвала взрыв негодования среди партийцев, так как противоречила всем прежним заверениям и выкладкам Маркса и самого Ленина (вспомним его слова о "конторе с равенством труда и заработной платы"). Однако при сложившихся обстоятельствах Ленин не видел другого выхода, как платить специалистам больше, чем своим же, но не имеющим знаний, сторонникам. На протяжении 1919-1920 годов Ленин терпеливо и настойчиво разъясняет, что

"иного средства поставить дело мы не видим для того, чтобы они [то есть специалисты - В.С.] работали не из-под палки, и пока специалистов мало, мы принуждены не отказываться от высоких ставок" (42).

При этом он объяснял политику кнута и пряника предельно откровенно:

"Заставить работать из-под палки целый слой нельзя, - это мы прекрасно испытали. Можно заставить их не участвовать активно в контрреволюции, можно устрашить их, чтобы они боялись протянуть руку к белогвардейскому воззванию. На этот счет у большинства делают энергично. Это сделать можно, и это мы делаем достаточно. Этому мы научились все. Но заставить работать целый слой таким способом невозможно" (43).

Выступая на II Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 29 декабря 1918 года, Ленин даже стращал работников совнархозов карами за плохое использование специалистов:

"Мы будем спрашивать с каждого товарища, работающего в совнархозе: что вы, господа, сделали для того, чтобы привлечь к работе специалистов, ...которые должны работать у вас нисколько не хуже, чем они работали у каких-нибудь Колупаевых и Разуваевых? Пора нам отказаться от прежнего предрассудка и призвать всех нужных специалистов к нашей работе" (44).

Такая философия примата материального над духовным вряд ли могла всерьез и, главное, надолго повлиять на умонастроения всей интеллигенции и в особенности той ее части, которая была наиболее нужна советской власти в стратегическом плане, то есть интеллигенции творческой. Можно даже допустить, что подавляющая часть специалистов, оставшихся в живых к этому времени и способных еще работать, будучи поставлена в условия красного террора и не имея в себе ни сил, ни желания противоборствовать комиссарам и голоду, пошла бы навстречу категорическому приглашению вождя мировой революции. Однако среди этой части интеллигенции, пусть даже и подавляющей в количестве, могло не оказаться того небольшого числа специалистов, которые творили истинно новое. А без их помощи все радужные надежды были обречены на провал. Правда, вряд ли Ленина мучили мысли о роли творческих личностей в его обществе; коммунистам нужно было ликвидировать разруху, хотя бы примитивно наладить любое производство , так что вряд ли у их вожака возникали мысли о ком-то, кроме "нужных специалистов к нашей работе". Обязать и мобилизовать надо было бухгалтеров, связистов, инженеров по обслуживанию техники, в конце концов офицеров технических родов войск.

Заставить же ученого, конструктора, писателя, композитора, педагога работать творчески, трудиться с полной отдачей в условиях стоокого надзора комиссаров в бушлатах и с револьвером за поясом, пусть даже за приличное вознаграждение, оказалось невозможно.

Смело выразил эти мысли в письме Ленину профессор Воронежского сельскохозяйственного института М.Дукельский. На его письмо - страстное и убедительное - Ленину пришлось давать ответ. Дукельский писал:

"Прочитал в "Известиях" ваш доклад о специалистах и не могу подавить в себе крика возмущения. Неужели вы не понимаете, что ни один честный человек не может, если в нем сохранилась хоть капля уважения к самому себе, пойти работать ради того животного благополучия, которое вы ему собираетесь обеспечить? Неужели вы так замкнулись в своем кремлевском одиночестве, что не видите окружающей вас жизни, не заметили, сколько среди русских специалистов имеется, правда, не правительственных коммунистов, но настоящих тружеников, добывших специальные познания ценой крайнего напряжения сил , не из рук капиталистов и не для целей капитала, а путем упорной борьбы с убийственными условиями студенческой и академической жизни прежнего строя. Эти условия не улучшились для них при коммунистической власти... На них, самых настоящих пролетариев, хотя и вышедших из разнообразных классов, служивших трудящемуся брату с первых шагов сознательной жизни и мыслью, и словом, и делом - на них, сваленных вами в одну зачумленную кучу "интеллигенции", были натравлены бессознательные новоявленные коммунисты из бывших городовых, урядников, мелких чиновников, лавочников, составляющих в провинции нередко значительную долю "местных властей", и трудно описать весь ужас пережитых ими унижений и страданий. Постоянные вздорные доносы и обвинения, безрезультатные, но в высшей степени унизительные обыски, угрозы расстрела, реквизиции и конфискации, вторжения в самые интимные стороны личной жизни (требовал же от меня начальник отряда, расквартированного в учебном заведении, где я преподаю, чтобы я обязательно спал с женой в одной кровати). Вот та обстановка, в которой пришлось работать до самого последнего времени многим специалистам высшей школы. И все эти "мелкие буржуи" не оставили своих постов и свято исполняли взятое на себя моральное обязательство сохранить, ценою каких угодно жертв, культуру и знания для тех, кто их унижал и оскорблял по наущению руководителей. Они понимали, что нельзя смешивать свое личное несчастье и горе с вопросом о строительстве новой жизни, и это помогало и помогает им терпеть и работать.

Но верьте, из среды этих людей, которых вы огульно окрестили буржуями, контрреволюционерами, саботажниками и т. п., только потому, что они подход к будущему социалистическому и коммунистическому строю мыслят себе иначе, чем вы и ваши ученики, вы не купите ни одного человека той ценой, о которой вы мечтаете. Все же "специалисты", которые ради сохранения шкуры пойдут к вам, они пользы стране не принесут. Специалист не машина, его нельзя просто завести и пустить в ход. Без вдохновения, без внутреннего огня, без потребности творчества, ни один специалист не даст ничего, как бы дорого его не оплачивали. Все даст доброволец, работающий и творящий среди окружающих его товарищей-сотрудников в качестве знающего руководителя, а не поднадзорного, охраняемого комиссаром из коммунистов урожая 1919 года.

...Если вы хотите "использовать" специалистов, то не покупайте их, а научитесь уважать их, как людей, а не как нужный вам до поры до времени живой и мертвый инвентарь" (45).

В своем ответе Ленин по сути даже не коснулся основных вопросов, поднятых Дукельским. Он свел все к старому обвинению интеллигенции в том, что она повинна в саботаже предписаний советской власти. Ошибка интеллигенции, по его словам, происходила из-за того, что она не соблаговолила понять природу октябрьского переворота и была склонна рассматривать его как "авантюру и сумасбродство большевиков", вместо того, чтобы расценить его "как начало всемирной смены двух всемирно-исторических эпох: эпохи буржуазии и эпохи социализма, эпохи парламентаризма капиталистов и эпохи советских

государственных учреждений" (46). А это, по мнению Ленина, привело ее, интеллигенцию, к саботажу этих учреждений.

"Саботаж был начат интеллигенцией и чиновничеством, которые в массе буржуазны и мелкобуржуазны", -

заявил Ленин, забывая упомянуть, что новая власть ввела красный террор до того, как саботаж мог начаться. И чтобы окончательно снять с себя обвинения, высказанные Дукельским, Ленин заканчивал:

"Если бы мы "натравливали" на "интеллигенцию", нас следовало бы за это повесить" (47).

Коммунисты решают направить главные силы

на быстрое обучение "красных" специалистов

Осознав, что пропасть между представителями интеллигенции и большевистской властью не перестает углубляться, и понимая, что дело воспитания полноценной интеллигенции не может быть решено наскоком, Ленин пытался найти иной выход из положения. Он сформулировал программу быстрой подготовки широкого контингента красных спецов из представителей рабочего класса и беднейшего крестьянства - людей, не имеющих образования, но зато, по его представлениям, более преданных советской власти. Ленин разбивал эту задачу на две: с одной стороны, рекрутирование детей пролетариев и крестьян для поступления в вузы, а, с другой стороны, срочное обучение тех, кто проявил преданность новой власти и кого не страшно было бы использовать на местах для руководства фабриками и заводами, предприятиями и учреждениями:

"Надо поучиться у них, у наших врагов, нашим передовым крестьянам, сознательным рабочим на своих фабриках, в уездном земельном отделе у буржуазного агронома и пр., чтобы усвоить плоды их культуры" (58).

По-видимому, Ленин искренне верил, что для получения профессиональных знаний много времени не понадобится. Он все настоятельнее требует от различных органов, причастных к вопросам просвещения и образования, расширить сеть начальных учебных заведений, где бы можно было хотя бы примитивно подучить людей, близких "по своему умонастроению к большевикам" (59).

Задача воспитания новой, преданной коммунистической партии интеллигенции была признана одной из центральных на II Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1919 года (60). Пытаясь привлечь на свою сторону союзников и призывая их не бояться работы по строительству коммунизма, он утверждал:

"Если вы искренний сторонник коммунизма, беритесь смелее за эту работу, не бойтесь новизны и трудности ее, не смущайтесь старым предрассудком, будто эта работа подсильна только тем, кто превзошел казенное образование. Это неправда. Руководить работой строительства социализма могут и должны во все большем числе рядовые рабочие и крестьяне труженики" (61).

Тактический выигрыш от таких призывов был несомненным. Знаменитый лозунг Ленина: "Мы и кухарку научим управлять государством" будил у "выдвиженцев" честолюбие и рождал у власть предержащих надежду, что скоро станет возможным управлять огромным хозяйством страны без помощи интеллигентов. Утопичность таких надежд была очевидна

для умудренных знаниями и опытом специалистов, но, как видим, не пугала новых лидеров. В то же время, признание главой нового правительства того, что в его распоряжении не было достаточного числа кадров, способных обеспечить долговременность коммунистического самоуправления, свидетельствовал лучше, чем много другое, в какой обстановке мифов действовали Ленин и его окружение.

Для ускорения подготовки кадров руководителей из лояльных к новой власти людей были организованы краткосрочные школы (некоторым из них были присвоены громкие названия "университеты" - Свердловский в Москве, Зиновьевский - в Петрограде, Университет народов Востока и т. д.). Ленин горячо радуется такой возможности:

"... собрать здесь несколько сот рабочих и крестьян, дать им возможность заняться систематически несколько месяцев, пройти курс советских знаний, чтобы двинуться отсюда вместе, организованно, сплоченно, сознательно для управления, для исправления тех громадных недостатков, которые еще остаются" (62).

Формы обучения, объем и содержание предметов, именуемых странным термином "курс советских знаний", приспосабливались к "текущему моменту". Ленин в связи с этим подчеркивал:

"Это должно идти в формах не обязательно единообразных. Тов. Троцкий был вполне прав, говоря, что это не написано ни в каких книгах, которые мы считали бы для себя руководящими, не вытекает ни из какого социалистического мировоззрения, не определено ничьим опытом, а должно быть определено нашим собственным опытом" (63).

Как и чему можно научить вчерашних полуграмотных, а чаще неграмотных партийных активистов за несколько месяцев (называй это курсом "советских знаний" или как угодно иначе), чтобы они стали полноценными руководителями, да еще способными сразу после этого "сплоченно" взяться за "исправление тех громадных недостатков, которые еще остаются", Ленин не говорит. Он радуется возможности получить хотя бы эти первые несколько сот малограмотных помощников, постигших азы знаний. Печалит его лишь то, что придется, как он говорит, примерно половину этих людей отправить в качестве командиров на фронты гражданской войны.

В целом переход к срочному воспитанию управленцев показывает, насколько мизерным было число людей, которым коммунисты доверяли, и что это были за кадры. Однако Ленин придавал задаче формирования именно таких кадров огромное значение. Его постоянные уверения в том, что по своим деловым качествам полуобразованные люди ничем не хуже высококачественных специалистов, рождали самоуспокоенность на верхах и невероятную самоуверенность в низах.

Открытие ворот в управление, преподавательскую и научную деятельность для лиц с недостаточной профессиональной подготовкой и непрестанное поощрение этих людей к тому, чтобы они смелее брались за любое дело, и было началом "выдвижения" в науку (и даже руководство ею) полуобразованных людей, судивших о задачах науки с высоты своего полузнания и тем наносивших ей огромный вред. Лысенкоизм стал, быть может, одной из наиболее ярких форм этого явления.

Наряду с задачей быстрого обучения преданных людей азам профессиональной деятельности (чтобы формировать из них корпус будущих руководителей), Ленин ставит задачу изменения общеобразовательной школы. При этом главный упор делается опять-таки не на то, чтобы улучшить преподавание основ научных знаний (как в области естественных наук, так и

гуманитарных), а на то, чтобы за счет сокращения времени преподавания этих знаний усилить преподавание идеологии и прикладных сведений. Ленин требует ускорить процесс замены гимназий и реальных училищ школами нового типа - общеобразовательными с политехническим уклоном. Так, в проекте Программы РКП(б) он пишет:

"В период диктатуры пролетариата, т. е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитывающего влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся в целях воспитания поколения, способного окончательно осуществить коммунизм.

Ближайшими задачами на этом пути являются в настоящее время:

1) Проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для детей обоего пола до 16-ти лет.

2) Осуществление тесной связи обучения с общественно-производительным трудом.

3) Снабжение всех учащихся пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства 3.

4) Усиление агитации и пропаганды среди
учительства.

5) Подготовление кадров нового учительства, проникнутого идеями коммунизма 4 .

6) Привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения (развитие Советов народного образования, мобилизация грамотных и т. д.).

7) Всесторонняя помощь Советской власти самообразованию и саморазвитию рабочих и трудовых крестьян (устройство библиотек, школ для взрослых, народных университетов, курсов лекций, кинематографов, студий и т. п.).

8) Развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей" (65).

Таких в общем-то не очень четких и содержательных указаний, программных заявлений, призывов можно найти достаточно много и в последующих выступлениях и документах, написанных Лениным в 1920-1922 годах. Он понимал, что задача создания собственных красных специалистов гораздо труднее, чем все, что удалось сделать советской власти до сих пор, но он еще непоколебимо убежден в том, что эта задача будет решена в отведенные для этого сроки:

"Мы абсолютно уверены в том, что если мы в два года решили труднейшую военную задачу, то мы решим в 5-10 лет задачу еще более трудную: культурно-образовательную и просветительную" (66).

Временами он не без пафоса говорит о своей вере в победу на фронте культурной революции:

"Сотрудничество представителей науки и рабочих - только такое сотрудничество будет в состоянии уничтожить весь гнет нищеты, болезней, грязи. И это будет сделано. Перед союзом представителей науки, пролетариата и техники не устоит никакая темная сила" (67).

Можно ли доверять буржуазным специалистам?

На I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры 31 июля 1919 года Ленин признал, что новой власти не удалось найти общий язык даже с той прослойкой интеллигенции, которая всегда была сильна демократическими и революционными традициями, - с учителями. Сам выходец из семьи крупного деятеля просвещения, все дети которого пошли в революцию, Ленин признал:

"...учительство, с самого начала представляло из себя организацию, в громадном большинстве, если не целиком, стоящую на платформе, враждебной Советской власти" (48).

Позже то же самое было сказано о медиках:

"...представители медицинской профессии были также пропитаны недоверием к рабочему классу [то есть правильнее было бы сказать к власти, выступавшей от его имени, - В.С.], когда-то и они мечтали о возврате буржуазного строя" (49).

Поэтому коммунисты сохраняли все то же недоверие к кадрам интеллигенции, от правительства следовали наказы контролировать поступки и даже мысли специалистов. И ей же, интеллигенции, Ленин вменял в вину трудности на хозяйственном фронте. В известной статье "Великий почин", посвященной возвеличиванию бесплатной работы всех советских трудящихся во внеурочное время на так называемых "субботниках", Ленин пишет:

"Господа буржуа и их прихвостни, включая меньшевиков и эсеров, которые привыкли считать себя представителями "общественного мнения", разумеется издеваются над надеждами коммунистов, называют эти надежды "баобабом в горшке от резеды", смеются над ничтожным числом субботников по сравнению с массовыми случаями хищения, безделья, упадка производительности, порчи сырых материалов, порчи продуктов и т. п. Мы ответим этим господам, если бы буржуазная интеллигенция принесла свои знания на помощь трудящимся, а не русским и заграничным капиталистам ради восстановления их власти, то переворот шел бы быстрее и более мирно. Но это утопия, ибо вопрос решается борьбой классов, а большинство интеллигенции тянет к буржуазии. Не с помощью интеллигенции, а вопреки ее противодействию (по крайней мере, в большинстве случаев) пролетариат победит, устраняя неисправимо буржуазных интеллигентов, переделывая, перевоспитывая, подчиняя себе колеблющихся, постепенно завоевывая все большую их часть на свою сторону. Злорадство по поводу трудностей и неудач переворота, сеяние паники, пропаганда поворота вспять - все это орудия и приемы классовой борьбы буржуазной интеллигенции" (51).

Он прямо обвиняет интеллигентов в том, что "они воспользовались своим образованием для того, чтобы сорвать дело социалистического строительства, открыто выступая против трудящихся масс" (52).

Отсюда вытекала тактика советской власти по отношению к специалистам: подчинять их, привлекать для работы в новых учреждениях, но не доверять им ни в коей мере.

"Лозунг момента, - говорит Ленин, - уметь использовать поворот среди них в нашу сторону, ...худших представителей буржуазной интеллигенции выкинуть вон, заменить их интеллигенцией, которая вчера еще была сознательно враждебна нам и которая сегодня только нейтральна, такова одна из важнейших задач теперешнего момента" (53).

Временами Ленин уверял соратников по партии, что на пути привлечения интеллигенции в

свои ряды "мы встретим гораздо больше сочувствия" (49). В марте 1919 года он, как мы помним, был уверен, что "весь опыт неминуемо приведет интеллигенцию окончательно в наши ряды, и мы получим тот материал, посредством которого мы можем управлять" (50).

Постепенно тон Ленина по поводу интеллигенции меняется. Уходят в прошлое примирительные нотки в "отношении каждого спеца". Они прорываются лишь в тех случаях, когда надо на публике продемонстрировать незыблемость партийных установок. Так, например, в программном документе "О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики", написанном Лениным в конце декабря 1921 - начале 1922 года и принятом в виде постановления ЦК РКП(б) 12 января 1922 г., говорилось:

"Если все наши руководящие учреждения, т.е. и компартия, и соввласть, и профсоюзы не достигнут того, чтобы мы, как зеницу ока, берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием своего дела и с любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи" (54).

Но такие высказывания слышатся все реже и реже. Зато все чаще прорываются у Ленина зловещие "предупреждения" в адрес "интеллигентской публики" (55), все чаще он характеризует "представителей буржуазной интеллигенции" как "беспощадных врагов" советской власти (см., например, /56/), предупреждает о возможном утяжелении их жизни в моральном и физическом плане, если только интеллигенция не станет послушной (57); именно в это время он частенько в качестве ругательного употребляет слово "интеллигентщина". В письме Горькому, жаловавшемуся на аресты интеллигенции, Ленин ответил: " ...на деле это не мозг нации, а говно" (Полное Собрание Сочинений, 5 изд., т. 51, стр. 48).

Осознав, что все более явственный переход от пряника к плетке и красный террор отпугнул от лозунгов коммунизма тех, кто входил в элиту прослойки мыслителей, философов, литераторов, Ленин не только не смягчает отношение к интеллигентам, он меняет тактику на еще более жесткую. 15 мая 1922 года к шести имевшимся статьям в проекте подготовленного Уголовного Кодекса, предусматривавших смертную казнь за действия против Республики, он добавил еще столько же новых карательных статей, сопроводив их фразой "с заменой [казней] высылкой за границу" (57а). Еще через три дня он придал этому замечанию форму секретного приказа, направленного через Дзержинского членам Политбюро коммунистической партии:
"Тов. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим...Надо поставить дело так, чтобы этих "военных шпионов" изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу. Прошу показать это секретно, не размножая, членам Политбюро" (57б).
Через четыре дня, 19 мая 1922 года Ленина поразил первый удар, от которого он немного оправился лишь к октябрю 1922 года.

В конце октября, когда из-за болезни он оторвался от каждодневной суеты, и у него появилось время трезво обдумать некоторые результаты собственной политики, он начинает понимать, насколько радужными были надежды на скорое решение задач коммунистической революции и сколь эти надежды оказались нереальными. Он видит, как медленно идет дело вперед, как минимально число тех, кто может быть с пользой привлечен к руководству на всех уровнях, особенно на высших уровнях управления. И ему становится отчетливо ясно, и он публично это признает, - что первоначальные расчеты на быстрое и качественное обучение активистов не оправдывается в той мере, в какой вначале казалось возможным. И

тогда из-под его руки вырываются горькие строки признания в несостоятельности этих планов и расчетов, как это случилось в тексте речи, подготовленной им для IV сессии ВЦИК IX созыва, одной из последних речей в его жизни:
"Годы и годы должны пройти, годы и годы мы должны учиться, потому что уровень культуры наших рабочих низок, рабочим трудно взяться за совершенно новое дело производства - а только на рабочих мы и можем положиться в смысле искренности и энтузиазма" (68).
Это было сказано Лениным 31 октября 1922 года - за полтора месяца до болезни, от которой он уже не смог оправиться.

В конце 1922 года по распоряжению Ленина около двух тысяч выдающихся деятелей науки и культуры России было выдворено насильно за пределы Российской республики. Ленин играл в этом деле роль закоперщика и руководителя. 16 декабря 1922 года его поразил второй удар, он потерял сначала подвижность, а потом и рассудок, который не вернулся к нему вплоть до смерти в январе 1924 года.

Сталин и борьба за воспитание "выдвиженцев"

Над гробом Ленина Сталин произнес страстную речь о верности "нашему учителю - нашему вождю", но утаил от народа завещание Ленина, в котором тот советовал наследникам его дела не подпускать именно Сталина к руководству партией и страной. Такое утаивание завещания было сделано при полном попустительстве тогда еще большого числа партийцев, узнавших текст ленинского предсмертного наказа. Легко получив власть над партией и государством, Сталин унаследовал от своего предшественника все проблемы с нехваткой интеллигенции, включая ученых.
К тому же он понимал, что и в своей среде коммунистов может столкнуться с критикой со стороны образованных партийцев. Но с первых же шагов он предпринял меры, позволявшие утопить всякую критику в свой адрес в криках одобрения со стороны новых коммунистов, срочно набранных в ходе "ленинского приема в партию". За термином "Ленинский призыв" было спрятано демагогическое определение ловкого тактического хода, предусмотренного Сталиным для устранения влияния в партии ленинских сторонников. Объявленный "Ленинский призыв передовых рабочих в партию" привлек в ряды коммунистов сразу 241,6 тысяч членов, из которых 92,4% были рабочими (68а). Этот "Сталинский" призыв был осуществлен с 22 января по 15 мая 1924 года и сразу резко снизил удельный вес в партии интеллигентов и устранил опасность действенных критических мер против него самого со стороны ленинцев - возможных идейных противников Сталина. Этим шагом партия была превращена из узкого клуба соратников по революционной борьбе в массивную организацию, состоящую из послушных Сталину, хотя и не очень образованных людей "от станка" . Машина голосования могла теперь работать без сбоев.

Однако проблема нехватки образованных специалистов для управления народным хозяйством с приходом Сталина к власти не изменилась. Он точно так же, как и Ленин, пристально следил за тем, чтобы в учебных институтах была мощная прослойка партийцев и выходцев из рабоче-крестьянских кругов, хотя ему приходилось не раз откровенно признавать, что студенты-коммунисты учатся плохо, что им трудно даются специальные знания, что они предпочитают больше времени проводить на заседаниях партячеек, обсуждении мировых проблем и т. п., чем "грызть гранит науки".

Об этом же говорили и другие вожди партии. Бухарин на VI Всесоюзном съезде РКСМ 15 июля 1924 года сказал:
"В высших учебных заведениях наши комсомольцы часто назначают профессоров, вычищают студентов, а посмотришь на успешность, - 80 процентов неуспевающих. Самодеятельности много, а действительных знаний ни на грош" (69).

Выдвинутые Сталиным в 1925 году планы индустриализации промышленности России и в 1927 году коллективизации сельского хозяйства требовали невиданного числа кадров. Сеть учебных заведений страны разбухала. Было естественно ожидать, что в этих условиях Сталин призовет к поиску по всей стране талантов, откроет для них широко двери вузов, начнет массовую практику стажировки лучших студентов у лучших профессоров, даже, может быть (страшно подумать!), начнет посылать учащихся за границу. Но ничего этого не произошло (70).

Сталин еще более, чем Ленин, нажимал на подготовку красных спецов, отбираемых из детей рабочих и крестьян (71). XVI партконференция ВКП(б), состоявшаяся 23-29 апреля 1929 года, даже специально оговорила в своем постановлении необходимость "создания новых кадров красных специалистов из людей рабочего класса" (72). Несмотря на давление сверху, работа эта шла, по мнению руководителей страны, плохо. В октябре 1929 года в "Правде" появилась редакционная статья с характерным заголовком "Потерян год. Директивы партии о подготовке кадров промышленности не выполнены. Создадим красный инженерный костяк, который поведет всю инженерную массу в бой за пятилетку" (73).

Одновременно власти пытались поставить под партийный контроль работу специализированных научно-исследовательских учреждений. В это время казалось возможным использовать для этих целей созданную еще по декрету Ленина в 1918 году Социалистическую Академию, переименованную в 1924 году в Академию Коммунистическую (74). Хотя она была слабым научным центром, ее можно было рассматривать как вполне коммунистическую по идейным устремлениям входивших в нее членов. Поэтому ЦК партии принял специальное постановление (75), в котором был пункт о необходимости вовлечения Комакадемии в дело контроля за всеми научными учреждениями страны. Комакадемии предписывалось:
"... в месячный срок разработать вопрос о координировании работы ведомственных (наркоматских) научно-исследовательских институтов с работой Комакадемии" (76).
Возможно, понимая, что вряд ли ученым польстит возможность надзора за их деятельностью со стороны партийных функционеров, а, с другой стороны, от-лично представляя, что он нужен прежде всего для того, чтобы заставить ученых, пусть даже в ущерб их академическим занятиям, трудиться на поприще практической деятельности по вытаскиванию из прорыва промышленности и других сфер экономики, Центральный Комитет партии слегка подслащивал пилюлю нижеследующим пунктом:
"Представлять научным работникам не реже одного раза в два года 4-6 месячный отпуск для научной работы" (77).
В это же время благие призывы к максимально возможному использованию старых специалистов, которые иногда звучали из уст Ленина, были Сталиным перечеркнуты без всякого сомнения. 5 февраля 1931 года в ставшей на два десятилетия программной статье "О задачах хозяйственников", он писал:
"Лет десять назад 5 был дан лозунг: "Так как коммунисты технику производства как следует не понимают, так как им нужно еще учиться управлять хозяйством, то пусть старые техники и инженеры, специалисты ведут хозяйство, а вы, коммунисты, не вмешиваясь, изучайте технику, изучайте науку управления производством, не покладая рук, чтобы потом стать вместе с преданными нам специалистами настоящими руководителями производства, настоящими хозяевами дела". Таков был лозунг. А что вышло на деле? Вторую часть этого лозунга отбросили, ибо учиться труднее, чем подписывать бумаги, а первую часть формулы опошлили... Получилась чепуха, вредная и опасная чепуха, от которой чем скорее освободишься, тем лучше" (78).
Избранный коммунистическими лидерами рецепт для изменения сложившейся ситуации был прост: органы госбезопасности фальсифицировали факты и объявили о существовании в стране разветвленной сети вредительских организаций, которых на деле никогда не

существовало. Основываясь на фальшивых "доказательстах" чекистов, партия круто повела дело к расправе со старыми специалистами. Прошли первые процессы над так называемыми вредителями - инженерами угольной промышленности (Шахтинский процесс, проходивший в Москве с 18 мая по 6 июля 1928 года), затем руководителями "Союза инженерных организаций (Промышленной партии)", арестованными в 1928-1929 годах и судимыми 25 ноября - 7 декабря 1930 года. Вслед за тем были арестованы руководители сельского хозяйства, якобы создавшие так называемую "Трудовую Крестьянскую Партию", разгромлены столь же мифические организации "Вредителей-экономистов", "Группы 35-ти", кондратьевцев-макаровцев-тулайковцев и др. Этими процессами Сталин подготавливал общественное мнение к легкому восприятию параллельно идущих процессов - над своими идейными противниками по руководству партией и всеми, кто вставал на его пути к монопольной власти (или кто мог рассматриваться им в качестве таковых).

Расправа со специалистами старой формации подстегнула подготовку новых спецов, кои бы не были классово-чуждыми. Спустя 10 лет, председатель Совнаркома Молотов открыто связал процессы над "вредителями" с развертыванием срочной программы по обеспечению страны новыми кадрами:
"В 1928 году вопрос о высшей школе встал перед нами как одна из крупнейших политических задач. Это стало ясно после разоблачения шахтинских вредителей из лагеря буржуазных спецов... Тогда... состав учащихся в вузах значительно обновился, в первую очередь, за счет детей рабочего класса" (79).
Продолжая, вместе с тем, утверждать в умах ленинскую идею о том, что уж если большевики взяли власть в свои руки, то им не составит особого труда наготовить и сколько-угодно классных специалистов во всех областях науки и техники, Сталин со страниц "Правды" уверял:
"...дело это, конечно, не легкое, но вполне преодолимое. Наука, технический опыт, знания - все это дело наживное. Сегодня их нет, а завтра будут. Главное тут состоит в том, чтобы иметь страстное большевистское желание овладеть техникой, овладеть наукой производства. При страстном желании можно добиться всего, можно преодолеть все... Говорят, что трудно овладеть техникой. Неверно! Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять" (80).
Однако при всей шапкозакидательской направленности речей Сталина было хорошо известно, что голыми призывами дело подготовки достаточного количества специалистов с высшим и средним техническим образованием не сдвинуть (81). Поэтому, чтобы решить проблему кадрового голода, Сталин сделал еще один, причем решительный, шаг по пути всемерного расширения практики привлечения в ряды "технической интеллигенции" передовых рабочих, не имеющих образования, но зато проявивших себя в иных сферах деятельности, как выразился Сталин - "борцов за новое дело", "вдохновителей трудового подъема", "ударников социалистического соревнования":
"Отныне... производственно-техническая интеллигенция рабочего класса 6 будет формироваться не только из людей, прошедших высшую школу, - она будет рекрутироваться также из практических работников наших предприятий, из квалифицированных рабочих, из культурных сил рабочего класса на заводе, на фабрике, в шахте. Инициаторы соревнования, вожаки ударных бригад, практические вдохновители трудового подъема, организаторы работ на тех или иных участках строительства - вот новая прослойка рабочего класса, которая и должна составить вместе с прошедшими школу товарищами ядро командного состава нашей промышленности. Задача состоит в том, чтобы не оттирать этих инициативных товарищей из "низов", смелее выдвигать их на командные должности, дать им возможность пополнить свои знания и создать им соответствующую обстановку, не жалея на это денег" (82).
Опошление идеи высокого образования, воспитания людей с глубокими профессиональными знаниями достигло апогея. Такое пренебрежение людьми знания проявилось у Сталина не вдруг. Сам недоучившийся семинарист, в молодости главарь бандитов, он и ранее

демонстрировал это отношение. В 1939 году он опубликовал фотокопию телеграммы, посланной им в 1921 году
из Петербурга в Москву Ленину, где последний участвовал в работе X съезда партии. Телеграмма была отправлена в связи с подавлением в Кронштадте мятежа и захватом большевистскими частями укрепленных фортов "Красная горка" и "Серая лошадь":
"Москва Кремль Ленину Секретно

Москву из Петрограда Смольного

93. БОЛ 16/16 14.30

Вслед за Красной Горкой ликвидирована Серая лошадь... Морские специалисты уверяют зпт что взятие Красной Горки с моря опрокидывает всю морскую науку Тчк Мне остается лишь оплакивать так называемую науку Тчк Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела Зпт доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных Тчк Считаю своим долгом заявить что я и впредь буду действовать таким образом Зпт несмотря на все мое благоговение перед наукой Сталин 16/16 14 часов" (83).
Нельзя, разумеется, исключить того, что эта телеграмма, опубликованная лишь в 1939 году, была на самом деле фальшивкой, тем более, что главное участие в подавлении Кронштадтского мятежа принимали другие лица (84), но и в том и в другом случае желание Сталина поглумиться над наукой выпирает рельефно.

Поэтому не следует удивляться его желанию уравнять в правах тех, кто потратил годы на обучение в школах и вузах, и бойких "инициативных товарищей из низов", "вожаков соревнования", то есть людей, подобных Лысенко и его приспешникам. Как и все, под чем стояла подпись Сталина, эта установка "на бойких товарищей" имела второй смысл, внутренний подтекст, вполне очевидный для всех - и для "инициативных вожаков из низов" и для их окружающих. Вербально Сталин выражал озабоченность тем, чтобы никто не вздумал "оттирать этих инициативных товарищей" от занятия командных должностей, однако на самом деле этими словами он лишь подзадоривал активистов к тому, чтобы они смелее "оттирали" с ведущих должностей образованных, знающих специалистов . Для тех, кто принужден был продираться в интеллигенцию из рабочего класса через сито школ и вузов, существовало много преград - необходимость корпеть над книгами, работать в лабораториях, сдавать экзамены и пр. и пр. А в это же время многие из тех, кто попал из "выдвиженцев" в начальники, брался с легкостью необыкновенной, на одном "революционном дыхании" рапортовать о липовых успехах, о покорении вершин, высоту которых они себе толком и представить не могли.

Стоит ли удивляться, что, начав в 1928 году кампанию по выдвижению "ударников от станка", Сталин создал и на местах и на верхах опасную основу для сведения счетов между выдвиженцами и теми, кто серьезно оценивал размер реальных трудностей, пытался противопоставлять рецептам выдвиженцев строгие цифры научно обоснованных разработок. Хищные полуневежды не предавались мечтаниям, а быстро сообразили, что ждет система от них и начали строчить ложные доносы на своих более образованных коллег, и многие классные специалисты оказались в тюрьмах и лагерях как "враги народа", как "вредители и агенты мирового капитала". В годы "великих чисток", всеобщего страха и нагнетавшейся сверху истерии по поводу" усиления классовой борьбы по мере продвижения к социализму" и усиления влияния "капиталистического окружения и его внутренней агентуры" эта практика не затухала с годами.

После смерти Сталина кое-кого из тех, кого осудили в 1936-1939 годах, реабилитировали, но

арестованные в более ранние годы даже этой запоздалой меры не дождались, и до сих пор никто не в состоянии оценить вред, нанесенный стране репрессиями тех лет, равно как и вред от засилия выдвиженцев, от их губительной "руководящей" роли в обществе.

Конечно, далеко не все выдвиженцы так и остались командующими профанами, кое-кто из них позже закончил заочные и вечерние вузы, прошел серьезную школу и стал специалистом своего дела. Но многие так и остались на прежнем уровне, хотя и пробились к высоким постам в народном хозяйстве и даже в науке. "Красные" спецы в большинстве своем были спецами серыми.

С какой легкостью они давали (и все еще дают) рецепты решения сложнейших народнохозяйственных проблем, с такой же легкостью они умели и умеют свалить на кого-угодно вину за собственные промахи. Среди таких выдвиженцев был и Трофим Лысенко, и все его ученики и подражатели, создавшие прочную базу лысенкоизма.

Основные задачи настоящей книги

Т.Д.Лысенко появился на научном горизонте в 1928 году. А уже в 1929 году он взлетел как ракета в поднебесье сталинской империи. В год, названный Сталиным "годом великого перелома", когда коллективизация изничтожила мир его сородичей, когда был разрушен вековечный крестьянский уклад и миллионы таких же, как он, земледельцев гибли от голода, тряслись в скотских вагонах по пути в ссылку в Сибирь, он оказался восславленным.

На первых порах его поддержали несколько крупных ученых и прежде всего Н.И.Вавилов, увидевший в нем новатора - народного самородка. Ученые приняли его в свою среду, а затем он быстро добился признания в кругах руководителей Советского Союза. Благодаря этому его карьера оказалась головокружительной.

Захватив власть в науке, Лысенко перешел к открытой и беспощадной борьбе со всеми, кто не признавал его нововведений или пытался осуществлять независимую линию в науке. В этой борьбе с учеными он был безоговорочно поддержан коммунистическими лидерами. Генетика стала одной из первых естественно-научных дисциплин, в полной мере испытавших на себе действие тотального диктата коммунистов. Но вслед за тем настоящее мамаево побоище было учинено в отношении учения о гормонах и вирусологии растений. Бездумно и жестоко были разгромлены физиология высшей нервной деятельности, клеточная теория и другие отрасли биологии, затем репрессии обрушились на другие науки.

Хотя физика, химия, математика не познали такого размаха репрессий, в них делались попытки такого же рода. Но без них был бы невозможен прогресс в технике вообще и в военной технике в особенности, и поэтому в них подобное гонениям на биологию не наблюдалось. Но уже новую дисциплину, пока еще не успевшую обрасти технологией, - кибернетику объявили буржуазным извращением, применяя ту же фразеологию, как и в отношении генетики ("кибернетика - реакционная лженаука, возникшая в США после второй мировой войны... форма современного механицизма... По существу своему кибернетика направлена против материалистической диалектики... выражает одну из основных черт буржуазного мировоззрения - его бесчеловечность, стремление превратить трудящихся в придаток машины... Поджигатели новой мировой войны используют кибернеитику в своих грязных практических делах. Под прикрытием пропаганды кибернетики... происходит привлечение ученых самых различных специальностей для разработки новых приемов массового истребления людей - электронного, телемеханического, автоматического оружия... Кибернетика является , таким образом, не только идеологическим оружием империалистической реакции, но и средством осуществления ее агрессивных военных

планов", как объяснял "Краткий философский словарь", изданный Политиздатом в 1954 году в Иоскве под редакцией М.Розенталя и П.Юдина, стр.236-237).

Лысенко и его адепты нанесли стране огромный моральный и политический урон. Ведь по его подобию было воспитано поколение неучей и зазнаек, вставших во главе советской науки в последующие годы. Лысенко и его приверженцы дали яркие свидетельства того, как политический диктат приводил к закономерному явлению - непрестанной лжи. Лысенкоизм продемонстрировал всему миру, как насильственно внушенное видение того, что не существует, но о чем трубят на собраниях и в прессе вопреки жизненной правде, становится в сознании людей некоей реальностью. Советские правители не понимали, какой удар они наносят своей же репутации внутри страны и особенно в глазах западных людей, поддерживая Лысенко и загораживая его от критики, одновременно навешивая политические ярлыки на генетику, кибернетику, математическую экономику и другие науки, бурно развивавшиеся на Западе. Публикации переводов работ лжеученого на Западе каждый раз рождали бурю негодования у западных интеллектуалов и служили лучшим подтверждением чудовищного извращения морали в Советском Союзе. Существо советской системы раскрылось наиболее зримо именно на этом примере. Как правильно писал американский историк Лорен Грэм в 1987 году: "В самом деле, если среди даже слегка образованных жителей Западной Европы или Америки упоминаются "Марксизм и биология", то каждый думает, что речь идет о Лысенко" (84).

На Западе история лысенкоизма не раз становилась предметом пристального изучения 13 . Однако систематического описания научной и общественной деятельности Лысенко не существует, а вследствие этого в западной литературе нередко встречаются ошибки. Так, например, распространено заблуждение, что, дескать, в начале его карьеры Лысенко был еще вполне приличным исследователем, физиологом растений (101).

Поэтому первую задачу я видел в том, чтобы дать систематическое описание всей научной деятельности Лысенко, а для этого пришлось обратиться к первоисточникам и часто цитировать отрывки из его работ, поскольку доступ к живой ткани исторических событий возможен только через первоисточники, только через эти памятники эпохи. (Те разделы книги, которые содержат дополнительную информацию, возможно, интересную лишь части читателей, выделены мелким шрифтом).

Вместе с тем факты научной деятельности Лысенко составляют только канву, фон, на котором разворачивалось самостоятельное по своему генезису и по силам, вовлеченным в него, явление - политиканство "новатора". Оно было порождено политическим диктатом, пронизавшим все стороны жизни в тоталитарной стране. На Западе феномену тоталитаризма уделено - правда, вне связи с Лысенко - огромное внимание, его исследовали ученые, принадлежащие к разным школам (102). Однако анализ лысенкоизма дает уникальную возможность как для понимания политиканства в управлении страной, так и для описания его характерологических особенностей
на конкретном материале. Изучение этого явления было второй задачей книги. Как я надеюсь, мне удалось устранить некоторые заблуждения относительно природы лысенкоизма как политического течения. Главное из них заключается в том, что государственную поддержку лысенкоизма нельзя считать результатом культа одного Сталина. Сам термин "Культ личности Сталина", предложенный Хрущевым, был создан для камуфляжа коллективной ответственности партии коммунистов за их преступления в годы правления страной 7 . Предание гласности многих коллективных решений о поддержке Лысенко и его "учения" позволило мне показать в этой книге коллективную ответственность коммунистических руководителей СССР в процессе разрушения науки. Партийные лидеры страны совместными усилиями намеренно и целенаправленно поддерживали лысенкоизм и

столь же намеренно шли к запрещению генетических исследований.

Третью задачу книги я видел в обосновании положения, что лысенкоизм - это вовсе не система ошибочных, антинаучных взглядов одного человека, поддерживаемого лидерами официальной идеологии и государственного аппарата, а социальное явление, возникающее в условиях внешне планового построения науки, а на деле жесткого и непрестанного диктата партии в науке. Уродливая суть этого диктата обусловливает извращение морали, ведет к бесконтрольной власти демагогов, шарлатанов и приспособленцев, ревностно исполняющих указания партийных органов и одновременно кормящих верхи пустыми обещаниями.

Характерной чертой тоталитарного общества является мифотворчество. Выдвиженец партии Лысенко проявил мудрость в том, что быстро понял, чего от него ждут, и как важно вовремя выступить с грандиозными проектами, сулящими в будущем молочные реки с кисельными берегами. Описанию мифов Лысенко, подхватываемых властителями страны, в книге уделено значительное место. Этот анализ позволяет лучше понять, до какой степени умышленного обмана доходили коммунистические лидеры, грозившиеся завоевать весь мир, догнать и превзойти США и другие капиталистические страны, построить коммунизм при жизни нынешнего поколения советских людей и т.д. и т. п. Понять, как обман и очковтирательство проедали всю структуру общества, можно на примере изучения истории лысенкоизма.

Еще одна задача книги - показать на реальных примерах механизмы физического устранения научных критиков Лысенко. Эти механизмы были схожи с теми, которые использовались в других сферах жизни, и потому их изучение не замыкается в рамках анализа лишь истории Лысенко. Борясь с теми, кто критиковал его, Лысенко неизменно переводил разговор из категории научных дискуссий в политическую борьбу. Лысенко умело сваливал вину за провалы, когда его проекты лопались как мыльные пузыри, на якобы плохих исполнителей его гениальных разработок, а чаще на научных противников, обвиняемых им в скатывании на антимарксистские, или виталистические позиции, или якобы превращающихся во вредителей и заговорщиков. То, как властители страны подхватывали эти обвинения и репрессировали наиболее здравомыслящих и талантливых людей, как на смену уничтожаемым вставали беспринципные жулики, должно быть понято и усвоено сегодняшними читателями, чтобы осознать опасность тоталитаризма, неизменно использовавшего политические репрессии как единственный способ борьбы с инакомыслием.

Лысенко раз и навсегда усвоил для себя правило, успешно использованное многими политиканами в советском обществе: направляя острие критики на "идейных врагов", нужно всякий раз надувать новый мыльный пузырь, привлекая внимание к тому, как искрометно переливается всеми цветами радуги его эфемерная оболочка, а когда очередной пузырь лопается, вновь обвинять оклеветанных им ученых, даже тех, кто помогал ему выйти на первые роли в обществе. Одновременно он держал ухо востро на тот случай, если партийный ветер изменит курс и подует в неожиданном направлении. Используя эти приемы, Лысенко удерживался на роли властителя в советской биологии и во времена "культа" Сталина и в годы "борьбы с культом" при правлении Хрущева. Конечно, блефомания в советской науке и в советском обществе в целом была свойственна не только Лысенко, но именно в его деятельности пагубная страсть к блефам приобрела небывалый размах.

Мне представлялось важным осветить еще одну проблему: противостояния ученых псевдоноваторству Лысенко. Всю жизнь он чувствовал, что его собственный научный вес в глазах образованных коллег низок, что ученые не принимают его всерьез. Но задавить оппозицию полностью, подрубить ее под корень ему так и не удалось. Смельчаки находились даже в самые кровавые годы сталинского террора. В детальном описании борьбы немногих

смельчаков с Лысенко и лысенкоизмом я видел свой моральный долг перед теми, кто был унижен в этой борьбе, удален из науки или даже физически истреблен. Страницы и отдельные главы, посвященные героям этой битвы, - слабая дань преклонения человека нашего времени перед героями предшествующих десятилетий, дань тем более необходимая, что имена героев уходят в небытие, исчезают из памяти людей. Растратив жар души и ума на борьбу с Лысенко, эти люди не могли полноценно реализовать свой творческий потенциал. Данный аспект в описании лысенкоизма важен еще и тем, что он показывает расслоение ученых в экстремальных ситуациях на борцов, соглашателей и предателей. Эвристическое значение рассказа об этих категориях людей несомненно велико, но еще более важен нравственный урок истории Лысенко: сиюминутный выигрыш, даруемый сегодняшним предательством, тяга к конформизму оборачиваются несмываемым позором в более протяженном временном интервале.

Серьезная проблема, требовавшая, на мой взгляд, пересмотра, - это проблема "падения лысенкоизма" в СССР. Согласно мнению подавляющего большинства исследователей лысенкоизма, и прежде всего Ж.А.Медведева, даже символично назвавшего свою книгу "Взлет и падение Лысенко" 8 , это течение потеряло силу в советской биологии после того, как Пленум ЦК КПСС 14 октября 1964 года осудил Н.С.Хрущева за его ошибки в управлении страной и в том числе за поддержку Лысенко. После этого в СССР стала возрождаться генетика, безудержная пропаганда лысенкоизма в открытой форме была прекращена. У многих сложилось впечатление, что лысенкоизм на самом деле пал, умер, навсегда исчез из обихода науки. Но, хотя лысенковский институт генетики был закрыт, все остальные - и крупные и мелкие - научные организации, где главенствовали лысенкоисты, сохранились нетронутыми, и все люди оставались на местах. Произошла некоторая мимикрия, но и только. Продолжают применяться даже сегодня аналогичные методы "делания" науки, когда многие крупнейшие руководители науки по-прежнему увлекаются пустым прожектерством и блефами в попытке удержать власть в своих руках или добыть деньги из правительственных источников (уводя этим средства от тех, кто мог бы на самом деле заниматься наукой, а не пустозвонством). Если все это живет, можно ли говорить, что со смертью Лысенко исчез лысенкоизм? 9

Да и самого Лысенко не подвергли развенчанию, его преступления перед наукой и народом не были публично раскрыты, не говоря уж о том, чтобы в судебном порядке рассмотреть все, им содеянное. Он как был, так и оставался до смерти, наступившей в 1976 году, академиком трех академий, Героем соцтруда, сохранил за собой все материальные блага (гонорар академика, зарплата, дача, персональная машина, спецбольница, снабжение продуктами и т. п.). Под его руководством так и работал огромный коллектив из почти полутораста сотрудников на Экспериментальной базе АН СССР - "Горки Ленинские". Не лишили его неправедным путем полученных званий и после смерти.

Когда я писал первые варианты книги, СССР и КПСС еще существовали, и я понимал утопичность надежд на то, чтобы заявлять, что если руководители СССР на самом деле озабочены, как они любили декларировать, думами о процветании науки, если они способны осознать специфику научного творчества и готовы считаться с законами как с юридическими ипостасями, а не как с чем-то из области демагогии, то они должны будут извлечь уроки из истории лысенкоизма и срочно отменить диктат в науке, восстановить демократические традиции, какими российская наука раньше славилась. Этого в действительности не произошло: курс коммунистической партии по руководству наукой не был изменен, и надежды на коренное улучшение судьбы науки и ученых в СССР остались в сфере беспочвенных фантазий! Смена власти в России в 1990-х годах убрала диктат из повестки дня (неясно, надолго ли?), но пришла новая беда - финансовая поддержка науки государством сведена до минимума. Ученых перестали притеснять политически, но стали третировать

экономически, возникла угроза гибели ученых как специалистов. Это породило кое у кого ностальгические воспоминания о жизни ученых при коммунистах. Пусть эта книга послужит доброму делу - напомнит о страшных сторонах коммунистического диктата в науке и о трагической судьбе тысяч талантливых людей, которые были патриотами своего Отечества, которые не щадили себя в поиске научных истин, и над которыми надругались те, кто не имел к науке другого касательства, кроме как быть выкормышами властных структур - партийных или энкавэдэвских.

* * *

Материалы к книге я собирал много лет и старался, как мог чаще, читать отрывки из написанного друзьям - как биологам, так и не-биологам, стремясь исправить все замечаемые ими недостатки. Огромную помощь оказала мне историк Евгения Эммануиловна Печуро, чьи конструктивные советы о структуре книги, концептуальной схеме, оценке социальных процессов и стиле рукописи были для меня очень важными. Начальные главы прочел академик А.Д.Сахаров. Его краткие советы были существенными для последующей работы. Полезными были советы писателей Г.Н.Владимова, Ю.А.Карабчиевского, С.И.Липкина, И.Л.Лиснянской и Е.Г.Макаровой, а также международного гроссмейстера Б.Ф.Гулько, читавшего все главы книги. Глубоко признателен я коллегам, в особенности В.Я.Александрову, В.В.Борисову, Ю.Б.Вахтину, Я.Е.Глузману, М.Д.Голубоватому, В.И.Иванову, В.С.Кирпичникову, Л.И.Корочкину, Д.В.Лебедеву, В.Л.Лейтину, С.И.Малецкому, К.М.Мюнцу, В.П.Эфроимсону, М.Д.Франк-Каменецкому, Т.Н.Щербиновской, И.М.Яглому. Многие из них облегчили поиск материалов для книги и предоставили некоторые иллюстрации. Неоценимую помощь своим критическим отношением оказала мне моя жена Н.И.Яковлева-Сойфер, которая также помогала при перепечатке и правке текста.

Примечания и комментарии

к Введению

1 Семен Липкин. В книге: Кочевой огонь, изд. "Ардис", Анн Арбор. 1984, стр. 57.

2 Ф.М.Достоевский. Бесы. Полное собрание сочинений. Изд. "Наука", Ленинград, т. 10, 1974, стр. 322-323.

3 В.И.Ленин. Государство и революция. Сочинения. 4 изд., ОГИЗ-Госполитиздат, т. 25, стр. 44. Здесь и далее ссылки на работы В.И.Ленина даются по этому изданию, за исключением отдельно оговоренных случаев.

4 Н.И. Бухари. Речь на траурном заседании Пленума Моссовета памяти тов. Дзержинского. Газета "Известия" 24 июля 1926 г., №168 (2799), стр. 2.

5 Газета "Правда" 1 декабря 1918 г., №261, стр. 2.

6 Дегтярев. О высшей школе. Газета "Правда" 1 декабря 1918 г., №261, стр. 2.

7 Там же.

8 Там же.

8а Т Ю.Ларин. Учреждения на две смены, а студентов - на свободную площадь (в порядке

предложения). Газета "Правда", 29 июля 1929 г., № 167 (4301), стр. 2.

9 М. Лигин. Важные мелочи (Комиссариатам Просвещения и Здравоохранения). Газета "Правда" 1 декабря 1918 г., №261, стр. 1.

10 В.И.Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. Сочинения, т. 29, стр. 138.

11 См. прим. /4/.

12 М.Ю.Рагинский. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия. Большая Советская Энциклопедия (БСЭ), 3 изд., М., 1971, т. 5, стр. 456.

13 В.И. Ленин. Успехи и трудности советской власти. 1919 г. Цитиров. по: В.М. Молотов. О высшей школе. Журнал "Вестник АН СССР", №5, 1938, стр. 8.

14 Речь идет о боях между отрядами казаков, направленными в Петроград председателем Временного правительства А.Ф.Керенским и большевистскими отрядами в районе Пулково и Царского Села 30 октября 1917 г.

15 Горький говорит здесь о бессмысленных разрушениях Москвы (в особенности Кремля и центра города) красногвардейской артиллерией в боях с юнкерами за Москву.

16 Петроградский Военно-революционный Комитет сразу после переворота 26 октября (7 ноября) закрыл ряд правых, либеральных и даже социалистических газет.

17 М. Горький. "К демократии". Газета "Новая жизнь" 7(20) ноября 1917 г., №174, цитиров. по: М.Горький. "Несвоевременные мысли, статьи 1917-1918 г.г.". Составление, введение и примечания Г.Ермольева. Editions de la Seine, Paris, 1971, стр. 102-104.

18 М. Горький. "Вниманию рабочих". Газета "Новая жизнь" 10(23) ноября 1917 г., №177, цитиров. по: "Несвоевременные мысли", прим. /17/, стр. 111-112.

19 М. Горький. "Несвоевременные мысли". Газета "Новая жизнь" 17(30) января 1918 г., №11 (225), цитиров. по: "Несвоевременные мысли", прим. /17/, стр. 156.

20 М. Горький. "Несвоевременные мысли". Газета "Новая жизнь" 6(19) декабря 1917 г., №194, цитиров. по: "Несвоевременные мысли", прим. /17/, стр. 121.

21 М. Горький. "Несвоевременные мысли". Газета "Новая жизнь" 19 декабря 1917 г.,

(1 января 1918 г.), № 205, цитиров. по: "Несвоевременные мысли", см. прим. /17/, стр. 134.

22 В.Г. Короленко. "Из дневников 1917-1921 г.г.". Перепечатано в сб.: "Память. Исторический сборник". Вып. 2, Москва 1977 - Париж 1979, YMCA-Press, 1979, стр.

376-410.

23 М.И. Лацис (Судрабс). "Два года борьбы на внутреннем фронте". Гос. изд., М., 1920.

24 "Против смертной казни". Сборник под ред. Гернета, СПБ, 1907; Загоскин. "Очерк истории смертной казни в России", СПБ, 1892; Кистяковский. "О смертной казни". 2-е изд.,

СПБ, 1896.

25 С.П. Мельгунов. Красный террор в России. Изд. Brandy, Нью-Йорк, 1979, стр. 105.

26 М. Лацис. Красный террор. В журнале "Красный террор". Еженедельник Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией на чехо-словацком фронте. Казань, №1,

1 ноября 1918 г., стр. 2.
Перед этой статьей в этом же номере журнала, также названном "Красный террор", было напечатано "Постановление Совета Народных Комиссаров о Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией на чехо-словацком восточном фронте", подписанное Председателем СНК В.Ульяновым (Лениным) и Секретарем Совета Горбуновым 16 июля 1918 г., в котором поручалось "тов. Лацису организовать при Совете Народных Комиссаров Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией на чехо-словацком фронте". Там же, стр. 1.
27 Лев Крайний. Журнал "Красный меч", №1, 1918 г.

28 М. Горький. "Несвоевременные мысли". Газета "Новая жизнь" 22 февраля (9 марта) 1919 г., №48(263), цитиров. по : "Несвоевременные мысли", прим. /17/, стр. 173.

29 М.Горький. "Несвоевременные мысли". Газета "Новая жизнь" 9 апреля (27 марта) 1918 г., №62(277), цитиров. по: "Несвоевременные мысли", прим. /17/, стр. 193.

30 Арк. Ваксберг. Чувства добрые. "Литературная газета" 14 октября 1987 г., № 42(5160), стр. 13.

31 Ем. Ярославский. Недопустимая мерка. Газета "Правда" 25 декабря 1918 г., №281, стр. 1.
Нравы чекистов не раз обсуждались в многочисленных статьях даже в центральной советской печати. Так, член Коллегии Главного Нефтяного Комитета ВСНХ К.Махровский с возмущением писал, как он был подвергнут насилию, унижению и угрозам со стороны одного из весьма незначительных чинов ЧК. Махровский возвращался поездом из служебной командировки и, пользуясь официальным ордером, занял полагающееся ему по должности отдельное купе. Ночью в тот же вагон села подвыпившая компания с девицами. Под угрозой немедленного расстрела в случае неподчинения Махровский был выставлен из купе, приглянувшегося веселящимся людям. Распоряжался разбоем и размахивал пистолетом молодой парень по фамилии Черноус (или Чернолус - Махровский писал, что он не успел разглядеть его служебное удостоверение, выданное каким-то из районных отделений ЧК г. Москвы, потому что чекист, как водится, махнул им перед носом Махровского и спрятал в карман). Махровский в письме в газету возмущался тем, что столь незначительный чин - всего-то рядовой сотрудник какого-то районного отдела ЧК издевался над ним, членом Коллегии Главного Комитета ВСНХ (по нынешним меркам - члена Коллегии Министерства), и требовал немедленно выгнать из ЧК "этого мерзавца, примазавшегося к Советской власти негодяя", и не допускать впредь подобных ему близко к ЧК (газета "Правда" 7 декабря 1918 г., №266, стр. 4).
32 М.Ольминский. В глуши. Там же, 25 декабря 1918 г., №281, стр. 1.

33 Там же.

34 М.Горький. "Несвоевременные мысли". Газета "Новая жизнь" 1 июня (19 мая) 1918 г., №105.

35 В.И.Ленин. О приеме в высшие учебные заведения РСФСР. Проект Постановления Совета

Народных Комиссаров. Сочинения, т. 28, стр. 31.

36 В.И.Ленин. Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии на собрании партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. Там же, стр. 193.
Здесь Ленин, возможно, невольно подтвердил многочисленные высказывания деятелей культуры, в том числе В.Г.Короленко и М.Горького, о том, что действия большевиков после октябрьской революции оттолкнули от них демократические круги России. Характерна в этом плане уничижительная характеристика, данная Лениным интеллигенции в "Речи об обмане народа лозунгами свободы и равенства", произнесенной 19 мая 1919 года на I-м Всероссийском съезде по внешкольному образованию (см. т. 29, стр. 337): "Вся буржуазная интеллигенция на стороне Сухаревки". Заметьте, как говорит Ленин: ВСЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. (Сухаревка - одна из площадей в Москве на Садовом Кольце, ныне Большая Колхозная площадь, на этой площади располагалась знаменитая Сухарева Башня - шедевр русской архитектуры, построенная в 1692-1695 годах и снесенная по распоряжению Сталина в 1934 году. У подножия башни в конце XVIII века возник рынок - "Сухаревка", на котором торговали сначала съестными припасами, затем картинами, скульптурами, изделиями прикладного искусства, книгами. Постепенно "Сухаревка" стала центром букинистической, художественной и антикварной торговли, а в годы Гражданской войны и НЭП'а "несанкционированным" рынком по торговле поношенными вещами - барахолкой, благодаря которой уцелевшая интеллигенция, лишенная средств к существованию, только и могла выжить).

Призывы к использованию интеллигенции без предоставления ей равных прав с рабочими повторялись в речах Ленина и позже: см., например, его "Речь на III Всероссийском съезде рабочих транспорта 15 марта 1920 г.", когда он сказал, что "...всякого представителя буржуазной культуры, буржуазного знания надо ценить" (т. 30, стр. 403), или "Письмо к организациям РКП о подготовке к партийному съезду", в котором он призывал "привлечь всех до последнего (ибо их у нас чрезвычайно мало) буржуазных, т.е. воспитывавшихся в буржуазной обста-новке и усвоивших плоды буржуазной культуры "специалистов"..." (т. 30, стр. 379-380).
37 М. Горький. "Несвоевременные мысли". Газета "Новая жизнь" 22 марта (4 апреля)

918 г., №59 (274).

38 В.И. Ленин. Доклад о внешней и внутренней политике Совета Народных Комиссаров на заседании Петроградского совета 12 марта 1919 г. Т.29, стр. 5-6.

Буквально через две недели в брошюре "Успехи и трудности Советской власти" Ленин еще раз повторяет это утверждение почти теми же словами, подчеркивая тем самым важность данного положения:
"Мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут подготовлены, если забавляться этой побасенкой. У нас есть буржуазные специалисты и больше ничего нет. У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего... Когда мне недавно т. Троцкий сообщил, что у нас в военном ведомстве число офицеров составляет несколько десятков тысяч, тогда я получил конкретное пред-ставление, в чем заключается секрет использованияНАШЕГО ВРАГА: как заставить строить коммунизм из кирпичей, которые подобраны капиталистами против нас! Других кирпичей нам не дано! И вот из этих
кирпичей, под руководством пролетариата, мы должны заставить буржуазных специалистов строить наше здание" [выделено мной - В.С.] (т. 29, стр. 51-51).
Он продолжал:
"...глупо воображать, что одним насилием можно решить вопрос организации новой науки и

техники в деле строительства коммунистического общества...Такая задача требует не только победоносного насилия, она требует, сверх того, организации, дисциплины ...Задача практически стоит так, чтобы тех, кто против нас капитализмом воспитан, повернуть на службу к нам, каждый день смотреть за ними, ставить над ними рабочих комиссаров в обстановке коммунистической организации и в то же время учиться у них" [выделено мной - В.С.] (там же, стр. 52-53).
39 Впервые опубликованы в газете "Голос России" 16 апреля 1922 г., цитиров. по /25/, стр. 89.

40 В.И.Ленин. Речь при открытии VIII съезда РКП(б) 18 марта 1919 г. Т. 29, стр. 136.

41 В.И.Ленин. О кандидатуре М.И.Калинина на пост председателя ВЦИК. Т. 29, стр. 211. Одновременно, пытаясь уменьшить силу конфликта между интеллигенцией и хозяевами новой жизни, он призывал своих партийных единомышленников проявлять терпимость по отношению к тем, кого он, тем не менее, не перестает именовать врагами, и предлагал внести в программу РКП(б), подлежащую рассмотрению на VIII съезде партии, следующий пункт: "Вместе с тем надо неуклонно работать над тем, чтобы окружить буржуазных специалистов обстановкой товарищеского общего труда рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами, и терпеливо, не смущаясь неизбежными отдельными неудачами, добиваться того, чтобы пробуждать в людях, обладающих научной подготовкой, сознание всей мерзости использования науки для личного обогащения и для эксплуатации человека человеком, сознание более высокой задачи использовать науку для ознакомления с ней всей массы трудящихся" (т. 29, стр. 94).
42 В.И. Ленин. Ответы на записки. Заседание Петроградского совета 12 марта 1919 г.

Т. 29, стр. 17.
Этот тезис не раз повторялся Лениным (см., например, т. 29, стр. 156-157, 158 и далее). Дважды в одной и той же редакции он включил написанный им на эту тему пункт в "Программу РКП(б)":
"Необходимо оставить на известное время более высокое вознаграждение специалистов, чтобы они могли работать не хуже, а лучше, чем прежде, и для этой цели нельзя отказываться от системы премий за наиболее успешную и особенно организаторскую работу" (т. 29, стр. 93 и 116).
43 В.И.Ленин. Доклад о задачах профсоюзов в связи с мобилизацией на восточный фронт на пленуме Всероссийского ЦСПС 11 апреля 1919 г. т. 29, стр. 258.

44 В.И. Ленин. Речь на II Всероссийском съезде советов народного хозяйства 25 декабря 1918 г., т. 28, стр. 357.

45 Письмо М.Дукельского цитировано по статье В.И.Ленина "Ответ на открытое письмо специалиста". Т. 29, стр. 204-205.

46 Там же, стр. 206.

47 Там же.

48 В.И.Ленин. Речь на I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры 31 июля 1919 г. Т. 29, стр. 493.

49 В.И. Ленин. Речь на II Всероссийском съезде работников медико-санитарного труда

1 марта 1920 г. Т. 30, стр. 375.

50 Там же.

51 В.И. Ленин. Великий почин. О героизме рабочих в тылу. По поводу "коммунистических субботников". Т. 29, стр. 392.

52 В.И.Ленин. Речь на I Всероссийском съезде по просвещению 28 августа 1918 г. Т. 28, стр. 69.

53 В.И.Ленин. Ценные признания Питирима Сорокина. Т. 28, стр. 172.

54 В.И.Ленин. О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики.

Т. 33, стр. 168-169.

55 В.И.Ленин. Итоги партийной недели в Москве и наши задачи. Т. 30, стр. 52.

56 В.И.Ленин. Политический отчет Центрального Комитета VIII Всероссийской конференции РКП(б), т. 30, стр. 155; его же: Доклад ВЦИК и Совнаркома 5 декабря 1919 г. на VII съезде РКП(б), т. 30, стр. 202; см. также там же, стр. 206; его же: Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата, т. 30, стр. 236.

57 В.И.Ленин. Политический доклад Центрального Комитета 2 декабря VIII Всероссийской конференции РКП(б), т. 30, стр. 160; его же: Доклад ВЦИК и Совнаркома 5 декабря 1919 г. на VII съезде ВКП(б), т. 30, стр. 201.

57а Ленин В.И., ПСС, 5-е изд., т. 45, стр. 189.

57б Ленин В.И. ПСС, 5 изд., т. 54, стр. 265-266 .

58 В.И.Ленин. Успехи и трудности советской власти. Т. 29, стр. 56.

59 На объединенном заседании ВЦИК, Моссовета и ВСПС 17 января 1919 года, обсуждавшем
катастрофическое состояние снабжения населения продовольствием, Ленин требует выполнения такой организационной меры: "Введение института практикантов рабочих во всех центральных и местных органах и учреждениях для подготовки практических деятелей продовольственников из рабочей среды, могущих занять ответственные должности" (см.: Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и Всероссийского Совета профессиональных союзов 17 января 1919 г. Т. 28, стр. 379).
60 В.И.Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г. Ленин высказал в этом докладе уверенность в том, что в недалеком будущем "на месте бур-

жуазии, капиталистических рабовладельцев, буржуазных интеллигентов, представителей всех имущих, всех собственников, - во все области управления, во все дело руководства новой жизнью - с низов до верхов - вступит новый класс". (Т. 28, стр. 398).

Та же уверенность звучала в его речи на IX Всероссийском съезде советов, собравшемся в конце 1921 г., последнем съезде, на котором Ленин выступал лично. В "Наказ по вопросам хозяйственной работы" он вписал следующий пункт:
"Съезд Советов обращает внимание всех хозорганов и всякого рода классовых, не чисто правительственных организаций, на безусловную необходимость еще более настойчивой работы по привлечению к делу хозяйственного строительства специалистов, понимая под

таковыми как представителей науки и техники, так и людей, которые практической деятельностью приобрели знания в деле торговли, в деле организации крупных предприятий, контроля за хозяйственными операциями и т. п. Улучшение положения специалистов и обучение под их руководством широкого круга рабочих и крестьян - должны стать предметом постоянной заботы центральных и местных учреждений РСФСР". Т. 33, стр. 155.
61 В.И.Ленин. Государство рабочих и партийная неделя. Т. 30, стр. 46-47.

62 В.И.Ленин. Речь перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт 24 октября 1919 г. Т. 30, стр. 57.

63 В.И.Ленин. Речь в организационной секции VII Всероссийского Съезда Советов 8 декабря 1919 г. Т. 30, стр. 224-225.

64 В.И.Ленин. Проект программы РКП(б). Т. 29, стр. 11 2.

65 Там же, стр. 91-92.

66 В.И.Ленин. Речь на III Всероссийском совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования 25 февраля 1920 г. Т. 30, стр. 354.

67 В.И.Ленин. Речь на II съезде работников медико-санитарного труда 1 марта 1920 г.

Т. 30, стр. 376.

68 В.И.Ленин. Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г. Т. 33, стр. 358.

68а Большая Советская энциклопедия, 3-е изд., т. 14, стр. 329.

69 Н.И.Бухарин. Доклад на VI Всесоюзном съезде РКСМ "О политвоспитании молодежи и ленинизме" на заседании 15 июля 1924 г. Газета "Известия" 18 июля 1924 г., №162 (2197), стр. 3.

70 И.В.Сталин. О задачах хозяйственников. Сочинения. Госполитиздат, М., т. 13, 1951. Здесь и далее ссылки на работы Сталина даются по его собранию сочинений, если это не оговорено особо.

71 Выражая недовольство тем, что выходцы из рабочего класса проявляют слабый интерес к по-
лучению высшего образования даже по облегченным программам, в июле 1929 года "МК ВКП(б) и МГСПС [Московский комитет партии и Московский городской совет профсоюзов - В.С.] решили провести в Москве выдвижение 1000 рабочих в вузы и втузы" (Информационное сообщение "Прием в вузы", газета "Правда" 20 июля 1929 г., №163 (4298), стр. 5). В этом же номере газеты была напечатана большая статья В.Янау, озаглавленная "Проблема кадров. Как выполняются решения июльского пленума ЦК ВКП(б)" (на этом пленуме обсуждался вопрос о необходимости срочного укомплектования втузов и вузов представителями рабочих). В статье Янау говорилось:
"... должен быть взят курс на максимальное сокращение сроков обучения и пребывания во втузах и техникумах...беспринципное "деляческтво" в этой области является особо вредным ".

Отмечалась и вторая важнейшая задача в области воспитания кадров новой интеллигенции, обученной скоростными методами:
"Нужно особо заострить и держать наготове наше идеологическое оружие... Подготовка

кадров превращается в настоящее время в важнейшую задачу ВСЕЙ ПАРТИИ ".
72 Цитиров. по статье А.Вышинского "К ректорскому совещанию". Газета "Правда" 12 мая 1929 г., №106 (4240), стр. 4.
Об А.Я.Вышинском см. сноску на стр. 338-339. ПРОВЕРИТЬ! Его интерес к работе высшей школы определялся тем, что в 1925-1928 годах он был назначен ректором МГУ, а с 1928 по 1931 г. г. числился членом Коллегии Наркомпроса, совмещая эту деятельность с выступлениями на судебных процессах в качестве государственного обвинителя.
73 Редакционная статья "Потерян год. Директивы партии о подготовке кадров промышленностью не выполнены. Создадим красный инженерный костяк, который поведет всю инженерную массу в бой за пятилетку". Газета "Правда" 9 октября 1929 г.,

№ 233(4367), стр. 4.

74 Социалистическая Академия общественных наук была основана декретом ВЦИК РСФСР 25 июня 1918 г., открыта 1 октября 1918 г., с 1919 г. именовалась Социалистической академией, с 17 апреля 1924 г. переименована в Коммунистическую академию. См. также прим. /15/ к главе VI.
75 О мероприятиях по укреплению научной работы в связи с итогами 2-й Всесоюзной Конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений. Постановление ЦК ВКП(б). Газета "Правда" 13 июля 1929 г., №158 (4292), стр. 3.

76 Там же.

77 Там же.

78 И.В.Сталин. О задачах хозяйственников. Т. 13, стр. 36-37.

79 В.М. Молотов. О высшей школе. Речь на первом Всесоюзном совещании работников высшей школы 15 мая 1938 года. Журнал "Вестник АН СССР", 1938, № 5, стр. 3.

80 И.Сталин. См. прим. /78/, стр. 38 и 41.

81 Была и еще одна серьезная причина для беспокойства Сталина. Время показало, что, несмотря на фактически полное перекрытие каналов для получения образования выходцами из социальных прослоек, не относящихся к рабочим и крестьянам, надежды воспитать кадры интеллигенции, безропотно подчиняющиеся сегодняшнему руководству, не оправдались: стоило дать образование детям вчерашних рабочих и крестьян, как они превращались в "мудрствующих" оппонентов, вовсе не следующих бездумно "ценным указаниям" великого генсека. Сталин явственно ощутил это в момент разгара внутрипартийной борьбы в 1926-1928 годах, когда именно вузовские партячейки в большинстве своем встали не на его, Сталина, сторону, а на сторону Троцкого, Зиновьева и Каменева. Троцкий не даром говорил, имея ввиду молодых членов партии из вузовских и институтских ячеек:
"Молодежь - вернейший барометр партии, она резче всего реагирует на партийный бю рократизм".
Сталин резко возразил Троцкому, увидев серьезную потенциальную опасность для себя именно в лице вузовской молодежи, хотя за 7 лет, прошедших со времени обнародования дискриминационного декрета Ленина о преимущественном приеме в вузы представителей рабочих и крестьян, была воспитана новая, вполне "красная" по происхождению, прослойка молодых специалистов. Не обладая мелкобуржуазным и буржуазным нутром от рождения, эти молодые люди могли считаться лучшими, надежнейшими членами партии. Однако Сталин (демонстрируя свое политическое большевистское чутье) отдавал предпочтение

людям малообразованным и не способным разобраться в тонкостях деталей внутрипартийной борьбы, и потому послушным, - выдвиженцам от станка и сохи, при которых можно было, как говорил Сталин, полемизируя с Троцким, "быть спокойным за авторитет нашей партии". Поэтому он называл пред-ложение Троцкого "равняться на вузовскую молодежь" - "абсолютно неправильным, теоретически неверным, практически вредным" (см. т. 6, стр. 19).
82 И.В. Сталин. Новая обстановка - новые задачи хозяйственного строительства. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. Т. 13, стр. 67-68.

83 Цитиров. по фотомонтажу телеграммы, опубликованному в журнале "СССР на стройке", 1939.

84 Loren R. Graham. 1987. Science, Philosophy, and Human Behavior in the Soviet Union. Columbia University Press, New York, p. 69.

85 J.P.S. Hudson and R.H.Richens. The New Genetics in the Soviet Union. Cambridge University Press, 1946

86 Julian Huxley. Heredity East and West: Lysenko and World Science, London, Schuman, 1949.

87 Zhores Medvedev. The Rise and Fall of T.D.Lysenko. Columbia University Press. New York and

London, 1969.

88 См., например, Roy Medvedev and Zh. Medvedev. Khrushchov: Years in Power. Columbia

University Press, New York.

8 9 David Joravsky. Soviet Marxism and Natural Sciences, 1917 - 1932. New York, 1961; D. Joravsky. The Lysenko Affair. Cambridge, Massachusetts, 1970. David Joravsky.The Lysenko Affiar. The University of Chicago Press, Chicago & London.1986.

90 D.Joravsky. The Lysenko Affair. Scientific Ameican. v. 207, No. 5, 1962, pp. 41-49. D. Joravsky. The first stage of Michurinism. In: J.S.Curtiss, ed., Essays in Russian and Soviet History, New York, 1963, pp. 120-132; David Joravsky. The Vavilov's Brothers. In: Slavic Review, Sept. 1965, pp. 381-394.

91 Dominique Lecourt. Lyssenko. Histoire ree_lle d'une "science prol_tarienne". Avant-propos de

Louis Althusser. Fra№ ois Maspero, Paris, 1976; D.Lecourt. Proletarian Science: The Case of

Lysenko. New Left Books, London, 1977.

92 Марк Поповский. Дело академика Вавилова. Изд. Эрмитаж, Tenafly, 1983. Mark Popovsky. The Vavilov's affair (Foreword by Andrei Sakharov). Arc hon books. Hamden. Connecticut. 1984.

93 Семен Резник. Николай Вавилов. Изд. ЦК ВЛКСМ "Молодая гвардия", М., 1968; его же:

Дорога на эшафот. Изд. "Третья волна", Париж-Нью-Йорк, 1983.

94 Loren Graham. Science and Philosophy in the Soviet Union, Alfred Knopf, New York, 1972, see

pages 195-256.

96 Alexander Vucinich. Empire of Knowledge. The Academy of Sciences of the USSR (1917-1970),

University of California Press, Berkeley, 1984.

96 Mark B. Adams. The Foundation of Population Genetics: Contribution of Chetverikov School

1924-1934, Journal of History of Biology, Spring 1968, pp. 23-29; M.B.Adams. Biology after

Stalin: A case Study, Survey, v. 23, No. 1 (102), Winter 1977-1978, pp. 53-80.

97 Nills Roll-Hansen. A New Respective on Lysenko? Annals of Science, 1985, v. 42, No. 3, pp.

261-278.

98 Richard Lewontin and Richard Levings. The Problem of Lysenkoism. In: The Radicalization of

Science, H.Rose and S.Ross, eds. The Macmillan Press Ltd., London, 1976, pp. 32-64. Авторы этой статьи критиковали Ж.А.Медведева и Д.Жоравского за сведение причин возникновения лысенкоизма лишь к постоянной поддержке Лысенко Сталиным и к культу Сталина.

99 Р.Л.Берг. Суховей. Chalidze Publications, New York, 1983.

100 С.Э.Шнол. Герои и злодеи советской наука, М, ООО Изд. Дом "Крон-пресс", 1997.

101 Эта мысль высказана в статье Ролл-Хансена: Nils Roll-Hansen. Genetics under Stalin, Science, 1985, v. 227, p. 1329.

102 Hannah Arendt. Totalitarianism. Part Three of the Series" The Origins of Totalitarianism", A Harvest Book, Harcourt, Bruce & World, Inc., N.Y., 1968. Все три тома изданы в одной книге по-русски: Ханна Арендт. Истоки тоталитаризма. М. Изд. "ЦентрКом", 1996, 672 стр.

103 Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД - Биографический очерк. Документы". 1999, изд-во "Academia" при участии редакции журнала "Вестник РАН", Москва, 552 стр.

104 H.Mageshwari and Mathur Nirmala. The rise and fall of Lysenko. J. Science Club, March-May 1965, p. 167-172.

105 В.Н.Сойфер. Красная биология. Псевдонаука в СССР, М., Изд. "Флинта", 1998.

106 Ж.А.Медведев. Физиологическая природа формирования половых признаков у высших растений. Автореферат диссертации на соискание ученеой степени кандидата биологических наук. ТСХА-Государственный Никитский ботанический сад имени В.М.Молотова. Ялта, 1950.

===

Книга была дважды издана по-русски, переведена на английский, отдельные главы появились на многих европейских языках. Книга высоко оценена рецензентами в мировой литературе как наиболее полное описание истории вмешательства коммунистической партии в развитие

науки на примере поддержки Лысенко и подавления генетиков в СССР.

Обширные архивные находки позволили автору переработать книгу, включив в нее новые данные и концепции. Появились главы о преследовании ученых в начале 1930-х годов, о разгроме школы Вавилова, о массовых арестах биологов и агрономов. По-новому рассмотрена личная судьба Н.И.Вавилова, активно включившегося в развитие советской биологии, поддержавшего советскую власть (и ее выдвиженца Лысенко) и тем не менее репрессированного. Впервые документально подтверждено, что в конце 2-й Мировой войны многие руководители советского государства были готовы сместить Лысенко с позиции диктатора в науке, но под давлением Сталина они замолчали и перешли коллективно к истреблению генетических исследований . После смерти Сталина Хрущев снова взял Лысенко под партийную опеку. Насыщенная множеством архивных и научных материалов, книга тем не менее читается как захватывающий детектив, а убедительность аргументации и строгость исследователя не мешают автору раскрывать характеры героев, восстанавливать динамику событий и раскрывать, как он пишет, "историю партийного буйства в важнейшей сфере жизни советской страны". Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся как общими вопросами истории СССР и специфическими проблемами влияния тоталитарного правления в 20-м веке, так и судьбой выдающихся ученых России.

Об авторе:

Валерий Николаевич Сойфер - генетик и историк науки. Основные научные работы связаны с изучением действия радиации и химических веществ на наследственность. Сойфер (вместе с его бывшим аспирантом К.Циеминисом) открыл способность растений восстанавливать прежнюю структуру наследственных молекул ДНК после радиационных и химических повреждений (так называемый процесс репарации у растений). Его монография "Молекулярные механизмы мутагенеза" (Изд. АН СССР, Москва, 1969) была переведена на английский и немецкий языки. Известность автору принесли также книги "Очерки истории молекулярной генетики" (1970), "Репарация генетических повреждений" (197 4), "Арифметика наследственности" (1970) (издана в эстонском варианте в 1973 г.), "Молекулы живых клеток" (1975), глава в книге "Сахаров" (1979 - английское, немецкое, французское, шведское издания, а также русское издание "Сахаровский сборник"), "Трехнитевые нуклеиновые кислоты" (1996, в соавторстве с В.Н.Потаманом). Сойфер работал в Москве - в Институте атомной энергии им. Курчатова, в Институте общей генетики АН СССР, в 1974 году создал Всесоюзный научно-исследовательский институт прикладной молекулярной биологии и генетики ВАСХНИЛ и руководил им до 1976 года. С середины 70-х годов он включился в правозащитную деятельность, с 1980 года лишился работы, в 1988 году эмигрировал в США, где с первого дня начал работу профессором кафедры молекулярной генетики и Центра биотехнологии Университета штата Охайо в городе Коламбусе. С 1990 г. он выдающийся профессор Университета имени Джорджа Мейсона в пригороде Вашингтона. Сойфер избран иностранным членом Нацинальной академии наук Украины, академиком Российской академии естественных наук и ряда других академий мира, он - почетный профессор Казанского и Иерусалимского университетов, награжден международной медалью Грегора Менделя за выдающиеся достижения в области биологии.

Светлой памяти моего отца,
Николая Ильича Сойфера,
посвящаю

"В смутное время колебания или перехода
всегда и везде появляются разные людишки...
я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное

время подымается эта сволочь, которая есть
в каждом обществе... эта сволочь, сама не зная того,
почти всегда подпадает под команду той малой кучки "передовых",
которые
действуют с определенной целью, и та
направляет весь этот сор куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов, что, впрочем, тоже случается".
Ф.М.Достоевский. Бесы (Полное собрание сочинений,. Изд. "Наука", Ленинград, т. 10,

1954, стр. 354).

"И тогда из грядущего века
Незнакомого человека
Пусть посмотрят дерзко глаза ..."

Анна Ахматова. Поэма без героя.
(Сочинения. Международное литературное
содружество, том 2, 1968, стр. 126).

Ч а с т ь п е р в а я

НЕИЗБЕЖНЫЙ КОНФЛИКТ УЧЕНЫХ

И "КОЛХОЗНОГО АКАДЕМИКА"

Г л а в а I

"ВЫШЛИ МЫ ВСЕ ИЗ НАРОДА"

"Они вышли от нас, но не были наши; ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и чрез то открылось, что не все наши".

Первое соборное послание святого апостола Иоанна Богослова, глава 2, стих 19.

"Наша сила в том, что [нас] выпестовала родная партия большевиков, дорогая социалистическая родина. Наша сила в том, что мы в своей работе руководимся дарвинизмом, руководимся великой теорией Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Если отнять у нас все это, мы станем бессильными".

Т.Д.Лысенко. Мой путь в науку. Газета" Правда", 1937 (1).

"Т.Д. Лысенко - знатный сын колхозного крестьянина"

30 сентября 1898 года в селе Карловка Полтавской губернии в семье крестьян Дениса и Оксаны Лысенко родился мальчик. Назвали его Трофимом. Позже в семье появилось еще двое сыновей и дочь. Дети сызмальства трудились - и в поле и по хозяйству. На долю старшего сына и хлопот выпадало больше, и ответственность за дела была серьезнее. Постигать грамоту он начал поздно: лишь тринадцатилетним пареньком попал в двухклассную деревенскую школу. Окончил ее в 1913 году, а потом посчастливилось учиться в Полтаве в Низшей садоводческой школе еще два с небольшим года.

Верстах в трехстах от Полтавы - в Умани находилось самое известное на всю Россию

Училище земледелия и садоводства, основанное в имении графов Потоцких еще в пору, когда Умань входила в состав Речи Посполитой (до 1793 года). Прямо от корпусов училища начинался Царицын сад, теперь называемый Софиевка (о нем в энциклопедиях до революции писали: "...лучший в России, основан в 1796 году" /2/). В училище в начале XX века работали корифеи плодоводства и овощеводства России - В.В.Пашкевич и П.Г.Шитт, помощником главного садовода работал известный специалист в области плодовых культур, прошедший школу у немецких садоводов и в будущем близкий сотрудник Н.И.Вавилова, Ф.А.Крюков (3). Оказаться в числе слушателей этого училища было почетным для любого крестьянского сына.

Осенью 1916 года, еще числясь учеником Полтавской школы, Лысенко решил держать туда экзамены. И чуть было его мечта не сбылась, но на экзамене по Закону Божию он срезался (4). Пришлось вернуться домой, однако он решил твердо от своего не отступать. И, действительно, осенью 1917 года его приняли в знаменитое Училище.

В середине восьмидесятых годов я решил специально съездить в Умань, чтобы посмотреть своими глазами на Alma-Mater Трофима Денисовича. Солнечным летним днем я миновал калитку огромных парадных ворот с массивной вывеской, извещавшей, что здесь располагается ордена Трудового Красного Знамени сельскохозяйственный институт.

Я разыскал старожила этих мест, показавшего мне здания, в которых до революции размешались аудитории, дома, где тогда жили студенты, корпус для преподавателей. И теперь еще эти здания производили отменное впечатление своей монументальностью и добротностью. Что же говорить о том времени, когда Лысенко переступал порог этих зданий! Как должно быть величественно выглядели эти корпуса семидесятью годами раньше!

В угловой части основного учебного корпуса, над входом в который сейчас сиял морковным цветом транспарант "Хай живе велика непорушна єдність партії і народу", высился купол Церковки.

Здесь впервые я задумался, что ведь Трофим был крещен и не мог не ходить в эту церковь, чтобы помолиться. Как он это делал? Искренне? По привычке? По принуждению? Что стало с его верой позже? Откуда идет слух, что он якобы коллекционировал нательные кресты? Наветы врагов, досужая болтовня? Или, может быть, остатки веры все-таки гнездились в тайниках его души? Кто это может сейчас знать? Наверняка даже дети его не были посвящены в такие детали, и остается только гадать, как это происходило, когда Лысенко, еще пареньком, пересекал эту площадь и шел молиться , причащаться и исповедоваться.

Нечего говорить о том, как ему повезло в жизни. Попав в Умань, Лысенко мог получить солидные знания. Однако нормальной учебе помешали события той поры. Шла Первая Мировая война, и небольшой городок Умань (в то время 29 тысяч жителей) оказался в зоне противоборства разных армий. Сначала город захватили австро-венгерские войска. Потом эти места попали под начало Центральной Украинской Рады, боровшейся с большевиками. Советскую власть провозгласили в Умани только в феврале 1918 года. Но Гражданская война бушевала здесь и позже. Умань то переходила в руки красных, то снова оказывалась занятой белыми. Окончательно красные овладели городом только в 1920 году, когда Лысенко как раз заканчивал училище. Получилось, что все три года, пока он числился слушателем, ни о какой нормальной учебе говорить не приходилось. Неудивительно, что окончивших надо было доучивать. С этой целью Лысенко послали на несколько месяцев в 1921 году в Киев на курсы, организованные Главсахартрестом. Оттуда практикантом попал он на небольшую Верхнячскую селекционную станцию (сейчас Верхнячск - поселок в Черкасской области), а через два месяца переехал в Белую Церковь на селекционную станцию Сахартреста.

В Белой Церкви он получил свой первый должностной титул - специалист по селекции свеклы. Но, как это часто случалось с ним и позже, занялся он другим - селекцией "огородных растений и яровых культур" (5). Он попытался вывести собственный сорт томатов (из затеи ничего не вышло) и попутно решил освоить хорошо известный специалистам способ прививки отрезанных побегов, а также почек или глазков с целью получения большего количества семян (позже услужливые биографы Лысенко стали именовать эту ученическую работу "разработкой метода ускоренного размножения родоначальников новых, улучшенных сортов свеклы прививкой отдельных глазков" /6/).

Не получив сколько-нибудь серьезных результатов, Лысенко, тем не менее, публикует в 1923 году две коротенькие статейки (одну из них в соавторстве с А.С. Оконенко) (7). После этого вплоть до 1928 года ни одной публикации с его фамилией, как автора, в свет не выходит. Однако если содержание первых публикаций было малозначащим, сам факт их публикации говорил о желании Лысенко приобрести известность в научных кругах.

Другой важный факт из его белоцерковского периода жизни - стремление получить диплом о высшем образовании. В эти годы большевистское руководство страны старается всеми способами расширить контингент студентов, набираемых из пролетарской и крестьянской среды. Лысенко не упускает этой возможности и в 1922 году, оставаясь на рабочем месте в Белой Церкви, поступает в Киевский сельскохозяйственный институт, на заочное отделение, которое заканчивает в 1925 году по специальности агрономия (напомню, что до 1934 года Киев еще не был столицей Украины, центральные власти располагались в Харькове, а Киев был обычным губернским городом).

Как видим, жизнь и учеба Лысенко до этих пор не были ознаменованы чем-то выдающимся. То, что он пытался получить дипломы сначала о среднем специальном, а затем о высшем образовании свидетельствовало о хороших замыслах. Жалко, что в силу во многом независящих от него причин, полноценного образования он не получил. Эта недостаточность образования осталась у него непреодоленной и в дальнейшей жизни. Будучи знакомым с несколькими страничками, написанными им собственноручно, я смею утверждать, что и гораздо позже Лысенко был удручающе безграмотен. Книжная и письменная культура были ему чужды. К тому же не знал он ни слова ни на одном иностранном языке, а, значит, не был в курсе достижений мировой науки. (В 1956 году, во время одной из бесед с ним, состоявшихся в ту пору, когда я был студентом Московской сельскохозяйственной академии имени К.А.Тимирязева, Трофим Денисович похвалялся передо мной тем, что работающие на него переводчики просматривают литературу на 18 языках, и поучал меня: "Только на труды этих бусурман коситься нечего. Своим умом до всего надо доходить и пореже на авторитеты полагаться, в особенности на западные, а то, не ровен час, и не туда заведут"). За всю жизнь он не утруждал себя сдачей каких-либо экзаменов, положенных каждому научному сотруднику, желающему получить научные степени, так и не смог выполнить ни кандидатской, ни докторской диссертации. Он нашел иной путь. Система выдвижения в специалисты людей от сохи и от станка, "кухаркиных детей" (слова В.И.Ленина), "ударников труда, передовиков, вдохновителей трудового подъема" (слова И.В.Сталина) открыла ему путь наверх.

Переезд в Ганджу и первый успех

Жизнь в Белой Церкви и работа на селекционной станции Трофиму нравились. С удовольствием остался бы он здесь и после окончания института, но неожиданно разыгралась его первая житейская драма. Он познакомился с молодой женщиной, между ними возникли чувства, пришла близость. И все было бы прекрасно, если бы не

вмешательство мужа этой женщины. Трофим спасовал и ретировался (8). Он решил уехать, как можно дальше, воспользовавшись тем, что как молодой специалист имеет право выбирать новое место работы. Попрощавшись с Украиной, он направил стопы на Кавказ и в 1925 году оказался в городе Ганджа (в советское время - Кировабад) на "Азербайджанской Центральной опытной селекционной станции имени товарища Орджоникидзе", созданной за два года до этого, и был зачислен на должность младшего специалиста (9). Круг его обязанностей был очерчен строго: он должен был заниматься "селекцией бобовых, фуражных и сидерационных растений" (10).

Можно сказать, вторично Судьба (с большой буквы!) подарила ему удачу. Станция переживала период расцвета.
В том же 1925 году в стране было создано новое научное учреждение, которому власти придавали огромное значение - Всесоюзный институт по прикладной ботанике и новым культурам (в будущем его станут именовать Всесоюзным институтом растениеводства, ВИР). Центр института располагался в Ленинграде, но решение о его создании было объявлено в Москве - на специальном заседании в Кремле. Директором назначили профессора Николая Ивановича Вавилова. К институту присоединили многие опытные станции по всей стране. Ганджийская станция вошла в число баз этого института. Ее директором в это время был один из немногих в стране специалистов по применению математических методов в агрономии Н.Ф. Деревицкий. Книги, изданные им, до сих пор не утратили интереса для агрономов (11).

Благодаря энтузиазму Вавилова все оказавшиеся в зоне его внимания учреждения зажили бурно. Не обошла стороной волна энтузиазма и Ганджийскую станцию. Сюда зачастили сотрудники из Ленинграда и Москвы, там побывали близкие к Вавилову сотрудники института - в 1926 году Николай Николаевич Кулешов, в 1928 году Клавдия Федоровна Костина, приезжали крупные ученые из других городов. Вавилов разворачивал гигантские по масштабу испытания разных сортов растений в различных географических районах, и Гандже в этих планах уделялось заметное место.

Таким образом, милостивая Судьба поставила Лысенко под начало мудрых и целеустремленных людей, начав потихоньку сводить пока еще скромного по успехам Лысенко и преуспевающего Вавилова. Деревицкий постарался подобрать для молодого специалиста задачу по силам. Как и по всей стране, в Азербайджане не было достаточно кормов для скота, особенно в зимнее время. Хотя осень и зима в этом южном краю были относительно теплыми (Лысенко отмечал, что зимой "средняя суточная температура редко опускалась ниже 0 о" /12/), животным приходилось туго. Деревицкому пришла мысль переселить сюда из средних широт такие ценные растения, как бобовые. Он надеялся, что при посеве в осень бобовые выживут и в самое голодное время - ранней весной - взойдут, обеспечив решение сразу двух задач: пастбищные животные получат зеленый корм, а после запахивания всходов плодородие почв будет улучшено.

Такое запахивание различных растений, главным образом, бобовых (люпина, клевера, чины, вики и других) применяли с целью улучшения и облагораживания почв издревле. На Востоке этим занимались еще за 3 тыс. лет до Р.Х., а в странах Средиземноморья с IV - III веков до Р.Х. Французский ученый Ж. Виль (1824-1897) предложил для этих культур специальный термин - сидерационные культуры. Известен был метод запахивания зеленых растений и в России. Уже в 1903 году его с успехом применили в Черниговской губернии (13). Поэтому ничего удивительного не было в том, что Деревицкий решил испробовать метод в условиях Азербайджана.

Проверка этой идеи и была поручена Лысенко. Бобовые культуры в те времена в

Азербайджане практически не высевали. Лишь кое-где возделывали люцерну. Таким образом, молодому специалисту предстояло проделать большую работу, рассчитанную на много лет: перепробовать в новых условиях различные сорта нескольких бобовых культур, изучить их свойства в течение нескольких вегетаций и сделать вывод о пригодности бобовых культур для нового района. В то же время никаких экспериментальных ухищрений, сложной техники задача не требовала. С равным успехом ее можно было поручить любому лаборанту и вообще исполнительному человеку без всякого образования. Надо было аккуратно и методично засевать разными культурами опытные делянки и следить за тем, как будут развиваться растения в разные годы.

За первый год Лысенко успел посеять один раз горох. Зима 1925-1926 года оказалась мягкой и к весне посевы дали хорошую вегетативную массу. Результат обнадеживал. Если бы в последующие годы обнаруженный факт подтвердился, то Азербайджан мог бы получить полезную культуру для улучшения кормовой базы (14). Пока же один единственный опыт, к тому же случайно пришедшийся на благоприятный год, еще мало что значил. Неясно было, как поведут себя осенне-зимние посевы в более холодные и сухие зимы. Надо было продолжить работу, повторить посевы еще и еще раз.

Но случилось иное. Произошло событие, перевернувшее жизнь Лысенко и направившее ее течение по новому руслу. Ганджийскую станцию посетил в 1927 году маститый публицист, печатавший свои очерки в "Правде", Вит. Федорович. Корреспонденту понадобился прототип на роль героя из рабоче-крестьянской среды, и заезжему журналисту представили Лысенко. Два дня он занимал Федоровича рассказами, водил по полям, показывал посевы. Увиденное воодушевило корреспондента, и он попытался создать вокруг первого опыта, интересного по замыслу, но скромного по результату, настоящий "вселенский звон". В газете "Правда" появилась его большая статья "Поля зимой" (15). В ней начинающий агроном, импонировавший автору крестьянским происхождением, был расхвален. В полном согласии с веяниями времени корреспондент умилился даже тем, что его герой не блистал образованностью:
"...университетов не проходил..., мохнатых ножек у мушек не изучал, а смотрел в корень" (16).
Корреспондент писал о Трофиме восторженно и даже величал его профессором (правда, не без юмора - "босоногим профессором").

Федорович отмечал, что Лысенко стремился создать о себе впечатление, как о человеке, озабоченном одной думой - как помочь крестьянам прокормить себя и скот в этом благодатном краю. Объясняя цель его работы, Федорович писал:
"Но если растет трава, а человек нищий, как не подумать, - нет ли в научной копилке какого подкрепления, нельзя ли протащить на зимние поля Закавказья какую ни на есть культуришку?" (17).
Корреспондент рассказывал, как за те два дня, что Лысенко таскал его по полям, он старался выглядеть аскетом, был глубокомысленно молчалив, цедил слова сквозь зубы, говорил восторженно лишь об экзотических растениях, таких как арахис. Федорович повествовал:

"Он шел быстро, на пшеницу смотрел неприязненно" (18).

Лысенко успел донести до ушей заезжего журналиста разные занятные вещи, выказал неприязнь не только к пшенице, но и к местным порядкам и обычаям. Не нравилось Лысенко и то, как поют в Азербайджане, и как живут. Всего один раз за два дня он улыбнулся - когда вспомнил о любимых украинских варениках с вишней, какие готовила мама. Вообще, как человек, Лысенко произвел впечатление неважное, и Федорович дал ему удивительную характеристику:

"Если судить о человеке по первому впечатлению, то от этого Лысенко остается ощущение зубной боли - дай бог ему здоровья, унылого он вида человек. И на слово скупой, и лицом незначительный, - только и помнится угрюмый глаз его, ползающий по земле с таким видом, будто, по крайней мере, собрался он кого-нибудь укокать" (19).
Но о его многообещавшей работе с горохом журналист отозвался с завидным уважением: "Лысенко решает (и решил) задачу удобрения земли без удобрений и минеральных туков, обзеленения пустующих полей Закавказья зимой, чтобы не погибал скот от скудной пищи, а крестьянин-тюрк жил зиму без дрожи за завтрашний день...

У босоногого профессора Лысенко теперь есть последователи, ученики, опытное поле, приезжают светила агрономии зимой, стоят перед зелеными полями станции, признательно жмут ему руку..." (20)
После таких восхвалений иной человек почувствовал бы себя неловко. Ведь Лысенко должно было быть ясно, что корреспондент ради красного словца сильно приукрасил положение, заявив, что проблема решена. И уж теперь ему некуда было деться, хоть умри, но докажи, что действительно можно бобовыми накормить скот зимой в Азербайджане, чтобы свой же брат-крестьянин и на самом деле не дрожал за завтрашний день.

Впрочем, если Лысенко по простоте душевной мог и сам себе рисовать дело в чересчур радужных тонах, то видавший виды столичный журналист поступил просто (или цинично?) - властями взят курс на выдвижение людей от сохи и станка, так почему бы и не присочинить о славном решении еще одной вековечной и такой острой проблемы. Решении, ставшем возможным благодаря подвижничеству "босоногого профессора"!

В журналистских кругах о Федоровиче шла дурная слава. При нем замолкали острословы и критиканы (21). Но не он один грешил доносами, да и не имело это касательства к данному конкретному случаю. Федорович своей несерьезностью, презрительным отношением к настоящим ученым стимулировал Лысенко на новые такие же "подвиги". Как посланец Князя Тьмы он набросил темное покрывало на Трофима, и с этого момента все последующие его деяния несли на себе печать поспешности , дьявольского блеска и позорной несерьезности. Даже невинные, на первый взгляд, строчки о тех, кто изучает "мохнатые ножки у мушек", стали звучать набатом в мозгу новатора и на всю жизнь отравили его душу ядом ненависти и к самим мухам - излюбленному объекту генетиков, и к науке генетике как таковой - трудной для понимания людям полузнания. Так, счастливо начавшееся научное повзросление Лысенко, попавшего в хорошее место, в заботливые руки вавиловских соратников, вдруг в одночасье оборвалось.

Лысенко переключается на изучение низких температур

После появления статьи в "Правде" Лысенко тут же охладел к бобовым, перестал работать с ними, но за такое вольничанье его не выгнали со станции, а благосклонно разрешили переключиться на новую тему. На станции вообще произошли внезапные перемены. Деревицкого от управления делами отстранили (нельзя исключить того, что докопались до его прошлого: во время 1-й Мировой войны он, по слухам, побывал в немецком плену, потом добрался до России, был мобилизован в действующую армию, но сумел быстро уйти из нее и вернулся к научной деятельности). У Трофима, напротив, дела неожиданно пошли по-иному: у него, младшего специалиста, появились вдруг помощники, коими он взялся руководить. Под его начало попали три практикантки - Т.Г. Джавадян, которая вела наблюдения за злаками (пшеницей, рожью, овсом и ячменем), А.А. Баскова, следившая за развитием хлопчатника, и В.А. Писемская, которая
ставила опыты по воздействию полива на прорастание хлопчатника. (Вскоре Баскова стала женой Лысенко) . Начал работать с ним и его будущий многолетний сотрудник

Д.А.Долгушин.

С осени 1926 по весну 1927 года эта команда столь же молниеносно "расправилась" с новой проблемой - влиянием "различных средних суточных температур на продолжительность протекания каждой фазы" роста и развития у растений хлопчатника, пшеницы, ржи, овса и ячменя. За словами "каждая фаза развития" скрывалось нечто очень простое: Лысенко и его помощники сеяли на маленьких делянках семена, а затем ежедневно подсчитывали и записывали, сколько растений на делянке сначала проросло ("фаза всходов"), затем дало первый, второй, третий и четвертый лист ("фаза первого второго и т.д. листа"), когда злаки выходили в трубку, начинали колоситься, когда наливалось зерно и т. п. Столь же примитивной была технология опытов:
"Посев все время производился в сухую, заранее обработанную почву. Полив производился на другой день после посева по бороздкам, обыкновенно в течение 16-24 часов, пока земля не чернела сплошь. Последующие поливы и полки производились по мере надобности.

Физиологические наблюдения велись глазомерной оценкой делянки над началом фазы, когда единичные экземпляры вступали в данную фазу, и над 50% фазы, когда половина всех растений на делянке вступала в данную фазу. Регистрировались следующие фазы: посев-полив, всходы, кущение, выход в трубку, колошение, цветение, восковая спелость и время уборки" (22).
Лысенковские помощники следили также за температурой на опытном участке, записывая нехитрые данные, всегда собираемые для контроля за развитием растений. Эти данные были сведены в длинные однообразные таблицы. Лысенко снабдил их довольно примитивными примечаниями и издал в 1928 году в виде книжки "Трудов" Ганджийской станции (12). Из 169 страниц книжки 110 было отведено под таблицы с первичными данными, которые никто в тексты статей, а не то что книг, не вставляет, ибо место им в журнале наблюдений, а в статьях и книгах приводят суммарные и статистически обработанные цифры. Из 59 страниц остального текста абзацы, различавшиеся лишь мелкими деталями, были повторены много раз и заняли еще около 30 страниц.

Единственный раз за всю жизнь Лысенко попытался в этой работе использовать математику, чтобы рассчитать среднюю сумму температур, нужную для завершения отдельных фаз развития, и его работа украсилась двумя страницами, на которых имелись четыре формулы, содержавшие буквенные обозначения A , B , t и - (23). В предисловии он указал, что написать формулы и научиться подставлять в них цифры ему помогли Н.Ф.Деревицкий и И.Ю.Старосельский. Больше никогда в жизни никаких формул он в свои статьи не включал, а в пятидесятых годах даже пришел к выводу, что они вредны для биологов. Перед описанием формул курсивом было приведено видимо самое важное начальное правило, звучавшее очень заумно:
" Таким образом, выясняется, что каждая фаза у растений начинает свое развитие при строго определенной напряженности термической энергии, то-есть при определенном, всегда постоянном градусе Цельсия, и требует определенной суммы градусов-дней" (24),
а сразу за тем, но уже без всяких курсивов, шло примитивное объяснение всей премудрости, изложенное впрочем с претензией:
"Теперь мы можем ввести обычные обозначения этих величин. Начальную точку, при которой начинаются процессы, обозначим буквой В, сумму градусов, потребную для прохождения фазы, буквой А. В практике напряженность энергии измеряется термометром Цельсия, поэтому и наше В будет числовое значение градуса, соответствующего данной напряженности" (25).
Еще в семи абзацах, разбросанных по тексту, была применена одна из четырех формул или формула, в которую были подставлены нужные цифры. Так, после первой же таблицы с конкретными данными экспериментов (Таблица 4 в книжке Лысенко) можно прочесть

следующее заключение:
"Главная причина неточности... в нашем опыте - это полив после посева. День полива мы засчитываем в фазу, хотя в одном случае утром после начала полива вода по бороздкам может за 1-2 часа пройти через всю делянку и наши семена начнут уже набухать, в другом же - вода пройдет делянку только к вечеру (благодаря многим причинам, в том числе и работе поливальщика)... Большинство таких случаев выходит из ряда только потому, что им засчитан лишний день, которые семена пролежали в сухой почве, равно и температура этого дня. Выбрасывая из таблицы 4 эти сроки, мы теперь можем написать уравнения для выведения констант А и В .

Решая эти уравнения по способу Гауса 1 (решение уравнений по наименьшим суммам отклонений квадратов), будем иметь величины констант..." (26).
Каким же результатом увенчалась его работа? Лысенко выписал девять пунктов выводов. Смысл их сводился к тому, что для завершения начальных стадий развития (или фаз) требуются определенные количества тепла. Например, для яровых зерновых культур нужна большая сумма температур начальных стадий, чем для озимых, и, изменяя температуру, можно добиться того, чтобы "один и тот же сорт при одних термических условиях... был яровым, а... при других - озимым" (27). Лысенко подсчитал также, какова сумма температур, нужная для перехода от фазы простого (вегетативного) роста к кущению (то есть к фазе генеративной).

Его первую многостраничную публикацию отличали существенные огрехи: она была засорена второстепенным материалом, обработка количественных данных была недостаточной, автор не только не приступил к внимательному анализу выполненных до него исследований, он даже не потрудился представить список научных трудов, предшествовавших его исследованию (хотя публикация статей и тем более книг без списка относящейся к изучаемой проблеме литературы считается в среде ученых неэтичной). Однако при всем несовершенстве в оформлении его труда, это все-таки была еще вполне допустимая для агронома работа. Она указывала на то, что Лысенко старался расти, стремился превратиться в добротного научного сотрудника. Важная деталь - никаких практических предложений работа не содержала, да и не могла содержать, так как для этого еще не хватало материала.

Доклад на генетическом съезде

В 1927 году Лысенко изложил "основные положения" своей работы на "съезде, созванном Наркомземом Азербайджанской ССР на Ганджийской станции" (28). В декабре 1928 года он выступил в Киеве на Всесоюзном совещании Сахартреста с докладом "Влияние термического фактора на фазы развития у растений и программа работ по этому вопросу со свеклой" (29). Никогда, правда, потом Лысенко к этой программе не возвращался и исследований яровизации свеклы не проводил.

Не прошло и трех недель, как последовало новое выступление Лысенко - уже не на достаточно узком совещании свекловодов, а на огромном Всесоюзном съезде по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству, состоявшемся с 10 по 16 января 1929 года в Ленинграде (30) 2.

Лысенко зачитал доклад (его авторами значились Д.А.Долгушин и он) в последний день секционных заседаний - 15 января 1929 года. Хотя авторы заявили, что они излагают данные, представленные в книге Лысенко, на самом деле это была принципиально другая работа. В докладе было заявлено громко, что авторы пришли к революционной идее, позволяющей произвести переворот в сельском хозяйстве, - высевать весной озимые зерновые культуры

как обычные яровые. Авторы утверждали, что достаточно подержать наклюнувшиеся семена озимой пшеницы на холоду, как растения нормально выколосятся при яровом посеве, что сулит двоякую выгоду: во-первых, можно будет избежать многих неприятностей - нередкого вымерзания посевов в малоснежные зимы, вымокания их весной, удушья под ледяной коркой, а, во-вторых, можно будет получить большие урожаи. Всем известная трудность, а именно, что при весеннем посеве озимые в массе своей не выколашиваются, теперь, после обнаружения действия пониженных температур на проросшие семена, оказывается преодолена. В докладе было сделано даже более радикальное утверждение:
"Календарной границы, которая отделила бы озимые формы от яровых нет; каждый сорт ведет себя вполне индивидуально" (32).

В конце 1929 года Лысенко писал еще более категорично:
"Согласно нашему теперешнему представлению, нет ни озими, ни яри - имеются только злаки с различной степенью "озимости"... "Озимость" же мы можем искусственно изживать" (33).
В тот же день на той же секции с сообщением об изучении влияния холода на растения выступил известный авторитет в этих вопросах Н.А.Максимов, который в обширных, многократно повторенных опытах получил более аргументированные данные, но не счел возможным делать на их основании "революционные" практические выводы, ведущие к внедрению в практику на полях метода высева озимых весной. На следующий день газета "Ленинградская правда" поместила репортаж со съезда, один из подзаголовков которого имел отношение к тому, что говорил лишь один из выступавших - Лысенко: "Можно превратить озимый злак в яровой" (34). Однако имя Лысенко в репортаже не упоминалось, а сообщалось только о выступлении Максимова и специально подчеркивалось, что пока еще преждевременно говорить о применении метода на практике. Но то, что высказанная Лысенко и Долгушиным идея сразу запала журналистам в голову, очевидно.

Вместе с тем доклад Лысенко и Долгушина принес авторам разочарование: они представляли свою работу как открытие, но в конце заседания во время обсуждения заслушанных докладов был высказан ряд критических замечаний именно по работе Лысенко и Долгушина, в особенности по поводу чересчур легковесного предложения о переносе пока еще предварительных выводов на практические рельсы. Критика была корректной, мягкой, но, как позже выяснилось, один из выступавших - Максимов сильно обидел Лысенко, и последний всю последующую жизнь не забывал жрецов науки, не принявших его доклад так, как ему хотелось.

В программе съезда числился доклад Гавриила Семеновича Зайцева "Действие изменяющейся продолжительности солнечного
дня на хлопчатник". Этот самобытный талантливый ученый пошел уже дальше и Максимова и Лысенко, изучив не только влияние температурного фактора на прохождение фаз развития растений, но и приступив к исследованию других факторов среды. Но доклад Зайцева не состоялся. По дороге на съезд из Ташкента он почувствовал себя плохо, был вынужден задержаться в Москве на сутки, а там скоропостижно скончался от гнойного перитонита (см. о Г.С.Зайцеве /35/).

Газетная шумиха вокруг "открытия" отца и сына Лысенко

Прошло полгода, и Лысенко доказал, каким отличным психологом он был, как правильно понял мощь новых тенденций, сложившихся в стране. Скепсису "старорежимных спецов" была противопоставлена "созидательная, творческая" позиция даровитых людей из народа. Узнала об этом сразу вся страна.

Лысенко удалось однажды прогреметь благодаря публикации в "Правде", и он понял, как немного нужно, чтобы пленить воображение корреспондентов, ищущих сенсационные материалы. На этот раз сенсацию создали даже не вокруг опытов самого Трофима Денисовича, а вокруг невиданного достижения простого крестьянина, якобы сумевшего утереть нос маститым ученым.

Центральная пресса известила, что весной 1929 года отец Лысенко, Денис Никанорович - колхозник артели "Большевистский труд" в селе Карловка на Полтавщине, высеял весной два мешка озимой пшеницы, якобы закопанной в снег для охлаждения на всю зиму, и будто бы собрал в три раза больший урожай, чем у обычной яровой пшеницы, высеянной в срок - весной.

Что побудило необразованного крестьянина пойти на странный шаг и рисковать сразу несколькими мешками озимой пшеницы, мы никогда не узнаем. Мне приходилось слышать, что закопал он мешки с пшеницей в снег неспроста. Что в зиму 1928 - 1929 годов, когда в ходе коллективизации Красная Армия и особые продотряды из революционных рабочих и чекистов экспроприировали у крестьян все наличное зерно, отец Лысенко припрятал в снегу два мешка озимой, самой лучшей пшеницы, после чего случилась незадача: семена под снегом намокли, дали ростки, и не оставалось ничего иного, как высеять их весной в землю, на авось (36). Проверить это предположение невозможно.

Итак, история с весенним посевом озимой пшеницы была широко разрекламирована в советской прессе. Летом 1929 года (еще до сбора урожая, то есть до окончания "эксперимента") центральные газеты опубликовали статьи об успехе Лысенко: 21 июля 1929 года в "Правде" появляется статья Вл.Григорьева (37), через неделю подборку статей печатает газета "Экономическая жизнь" (38). Через два месяца в "Правде" помещают статью А.Шлихтера на ту же тему (39).

Особенно важной для последующей карьеры Лысенко была статья, написанная А.Шлихтером. Александр Григорьевич Шлихтер (1868-1940) был в это время наркомом земледелия Украинской ССР. Он не сумел получить законченного высшего образования (в 1889-1891 годах Шлихтер учился в Харьковском, а затем в Бернском университете в Швейцарии). С 1891 года он целиком посвятил себя революционной деятельности в России, был дважды сослан (в 1895-1901 и 1909-1917 годах). В октябре 1917 года был комиссаром Московского военно-революционного комитета по продовольствию, в 1917-1919 годах работал наркомом земледелия и позже наркомом продовольствия РСФСР. По распоряжению Ленина Шлихтер был направлен в район восстания крестьян против советской власти в Тамбовскую губернию, где было введено осадное положение. Все время, пока шла вооруженная борьба с взбунтовавшимися (октябрь 1920 - июль 1921), Шлихтер был председателем Тамбовского губисполкома. После подавления восстания армией под руководством М.Н.Тухачевского, И.П.Уборевича, И.Ф.Федько, Г.И.Котовского и других (по официальным советским данным, было убито и ранено более 11 тысяч крестьян /40/), Шлихтера перевели на дипломатическую работу, а в 1927 году он вернулся на Украину и стал наркомом земледелия УССР. В 1928 году он стал академиком Всеукраинской АН, но только в 1936 году ему присвоили степень доктора экономических наук без защиты и написания диссертации. В начале 1930 года его переместили на должность директора Института марксизма-ленинизма Украины, а с 1931 года он одновременно был президентом Всеукраинской ассоциации марксистско-ленинских институтов, вице-президентом Всеукраинской Академии наук и кандидатом в члены Политбюро ЦК КП(б) Украины (1926-1937). В годы коммунистического террора Шлихтер был арестован и погиб в заключении. В 1994 году было издано посмертное собрание его избранных работ (41).

Повторяю, в момент публикации статьи о Лысенко Шлихтер был наркомом земледелия Украины. Суровые зимы 1927 и 1928 годов и страшные последствия начатой в 1928 году поголовной коллективизации лишили Украину хлеба. Видимо, поэтому так радостно отнесся нарком земледелия к посулам Лысенко:
"За последние два года сельское хозяйство Украины понесло значительные потери от вымерзания озимых посевов... В этом отношении исключительное значение имеет открытие молодого агронома-селекционера Лысенко ...оно несет величайшие возможности и в борьбе с суховеями..." (42).
Никаких научных сообщений об "опыте" отца и сына Лысенко, кроме заметок в газетах, в печати не появилось. Информацию для них могли поставлять лишь сами Лысенко. Но при сопоставлении статей выявляется неприглядная особенность: в зависимости от обстоятельств сообщались факты, противоречащие друг другу. Вот, например, как выглядели одни и те же события, излагавшиеся одной и той же газетой "Правда" в статьях, разделенных интервалом времени всего в два с половиной месяца (я специально сопоставляю факты в изложении одной и той же газеты, чтобы сравнение было более ясным):

Вл. Григорьев, 21 июля 1929 г. (37)

"Агроном Лысенко, работам которого "Правда" в 1927 г. посвятила очерк Вит. Федоровича..., последние годы продолжал свои опыты... в Азербайджане. Здесь Лысенко на основе установленного им экспериментального метода подготовил первую небольшую партию семян озимой пшеницы "украинка" под яровой посев и выслал ее для проверки в совершенно иных вегетативных условиях за 3000 км к северу 3 своему отцу, передовому крестьянину-середняку в родное село Карловка, Краснодарского района, Полтавского округа."

А. Шлихтер, 8 октября 1929 г. (30)

"В конце августа-начале сентября прошлого года в Ленинграде состоялся Всесоюзный съезд по селекции и генетике 4 ...К сожалению, доклад [Лысенко - В.С.] прошел почти незамеченным, и на съезде не было принято по этому вопросу никакого решения. По дороге на съезд т. Лысенко заехал к своему отцу, крестьянину, и рассказал ему о своих работах и о докладе, который он собирается сделать на съезде. Отец решил проверить открытие сына на практике и рискнул посеять озимые весной. Раньше... [он] 3 года сеял "украинку" под зиму, но... теперь... для проверки способа сына... он у себя в хате намочил в тепловатой воде около полцентнера семян украинка... семена "наклюнулись"... [затем он] разложил [их] в два мешка так, что они легли ровным пластом толщиной около 15 см, укрыл мешки... снегом... [оставил] до весны... 1 мая 1929 г. посеял..."

"Старик Лысенко высеял перерожденную озимую "украинку" весной 1929 г. на своем поле, согласно указаниям сына, обычным способом, сохраняя эту решающую часть опыта до поры до времени в строгой тайне. Даже ближайшие соседи не подозревали великой задачи, разрешаемой на полутора гектарном участке "дида Трахима"" 5 .

"Соседи, узнав, что старик Лысенко посеял в мае озимую пшеницу, решили, что он сошел с ума ("здурів старий"). Затем начались посещения опытного посева. Удивления и молва о "чудесном посеве" росли по мере роста озимых".

"Неделю назад по приглашению Лысенко, адресованному НКЗ Украины, на его поле прибыла специально назначенная комиссия. Соседи, в простоте сердца удивлявшиеся необычному состоянию пшенички "дида Трохима", поняли, что дело не только в случайной удаче..."

"10 июля с.г. в Наркомзем УССР пришел крестьянин Лысенко с прекрасными образцами

вызревающей озимой пшеницы... 12-13 июля комиссия Наркомзема УССР на месте убедилась в необычайных результатах опыта крестьянина Лысенко и привезла в Харьков образцы посевов. Комиссия установила, путем осмотра посевов на месте, опроса местного населения , агрономов и самого Лысенко следующее..."

"...примерно 20-25 июля можно приступить к уборке... Урожай..., по определению комиссии, должен выразиться приблизительно около 3 тонн с гектара при ожидаемом среднем урожае всех остальных яровых пшениц в районе в 1 тонну".

"Озимая пшеница росла совершенно нормально и дала урожай более двух с половиной тонн с гектара, яровая же пшеница, посеянная одновременно и рядом с озимой, легла от июньских дождей и дала урожай вдвое меньше".

Как видим, основные факты в статьях об одном и том же событии, опубликованные в одной и той же газете, не совпадают.

В одной статье сказано, что опытную партию семян готовил Лысенко-сын, после чего "выслал ее для проверки... отцу", а в другой говорится, что это отец ("у себя в хате") намочил имевшиеся у него семена "Украинки".

В одном случае речь идет о "небольшой партии семян", а во втором случае это число выросло до полуцентнера, которые и в сухом виде за "3000 километров" просто так не пошлешь, не говоря уже об отправке нежных и легко ломающихся проростков.

Условия посева, по описанию Григорьева, были засекречены, а Шлихтер толкует о том, что всем все было известно, так как комиссия Наркомзема ходила справляться о деталях посева и правдивости говоримого отцом Лысенко и у соседей, и даже у агрономов (кстати, откуда в маленькой Карловке с 4 тысячами жителей в 1900 году и всего 17 тысячами даже в 1971 году /43/ оказалось несколько агрономов, следивших за посевами простого крестьянина-середняка Дениса Лысенко?).

Приглашение в Наркомзем Украины, согласно первой статье, было послано из Карловки, а в другой статье описан приезд "старика" Лысенко в тогдашнюю столицу Украины Харьков прямо в Наркомзем Республики со снопиком созревающей пшеницы в руках.

Странной представляется цифра собранного
 урожая. Согласно статьям в "Правде", весенний посев озимой пшеницы дал 30 ц/га (якобы оценка авторитетной наркомземовской комиссии, сделанная за несколько дней до уборки урожая, см. статью Григорьева, опубликованную 21 июля, в которой говорится, что уборку начнут немедленно, 20-25 июля), или выше 25 ц/га (статья Шлихтера, повествующая о цифрах урожая, уже собранного). Сам Лысенко называл позже в своих статьях иную цифру - 24 ц/га (44), которая тем не менее была в три с половиной раза выше средних урожаев, собиравшихся тогда по стране. Но в изданном Академией наук СССР при жизни Лысенко и несомненно не без его ведома жизнеописании Лысенко (45) ближайший его сотрудник и биограф И.Е.Глущенко 6 назвал цифру 140 пудов с гектара, или 8,5 ц/га (1 пуд = 16,38 кг), что значительно меньше первоначально называвшихся, в том числе и самим Лысенко, цифр. Как же так?

По-видимому, позже, когда издавалось жизнеописание (в 1953 году), Лысенко и Глущенко посчитали, что за давностью времени можно снизить первоначально названную цифру, чтобы хоть немного приблизить все к реальным урожаям тех лет, которые, согласно данным доклада В.М.Молотова на XVII съезде ВКП(б), составляли в 1928-1932 годах в среднем 7,5

ц/га, в том числе озимой пшеницы - 8,6 ц/га и яровой пшеницы - 6,7 ц/га (46). Позже сам Лысенко и его приближенные исчисляли прибавку от яровизации пшениц (как стали называть этот метод обработки семян Лысенко и его последователи) в размере не более 15 процентов от средних урожаев по стране, утверждая, что прибавка составляла около 1,1 ц/га (47). Следовательно, первоначальное сообщение о высоком урожае от обработки холодом проростков озимой пшеницы и высеве их весной было ложным. Показательно, что позже и Лысенко-отец сильно снизил цифры повышения урожайности от яровизации (48) и о трехкратном увеличении урожаев не вспоминал.

Нарком земледелия Шлихтер на все противоречия в своей и григорьевской статье не обратил внимания и выдал Лысенко-сыну огромный вексель:
"...агрономом Лысенко совершенно опровергнуто существующее до сих пор определение озимых... Открытие агронома Лысенко превращает озимые культуры в яровые..." (49).
Конечно, нарком был волен писать в "Правде" все, что угодно. Однако никакого открытия сделано как раз не было. Однократное наблюдение малограмотного колхозника, осуществленное без сравнения урожаев на контрольных и опытных делянках, без подсчета числа давших колосья и погибших проростков озимой пшеницы, без учета других обязательных для такого ответственного вывода факторов, нельзя было называть открытием.

Между прочим, надо отметить явную двойственность оценки Шлихтером "опыта" отца и сына Лысенко. Нарком включил в свою статью абзац, в котором сообщал, что предписывает научно-исследовательским учреждениям Украины предпринять научное изучение нового метода:
"Придавая исключительное значение этому открытию, НКЗем УССР решил развернуть работу как по дальнейшему углубленному научно-исследовательскому изучению открытия Лысенко, так и по проверке и практическому применению его в условиях хозяйственных посевов.

Конечно, эти посевы нужно провести в таких условиях, чтобы результат их можно было сравнить с посевами тех же культур и сортов обыкновенным способом осенью; и, например, если озимые высеваются по чистому пару, необходимо, чтобы и для весеннего посева озимых был оставлен участок пара, чтобы были те же самые семена и т.д." (50).
Однако эти разумные требования повисали в воздухе и казались ненужным излишеством, так как весь остальной текст статьи был выдержан в таком тоне, который отвергал сомнения в утверждениях отца и сына Лысенко. К тому же эти утверждения подкреплялись ссылками на выводы авторитетных комиссий, составленных из специалистов Наркомзема. Как могло случиться, что комиссии Наркомзема Украины, в которые входили специалисты, проявили такое легкомыслие и не увидели несовпадений в том, что утверждали отец и сын Лысенко - остается загадкой.

Обе статьи в "Правде" завершались в мажорном тоне:
Вл. Григорьев (37)

"Перспективы, вытекающие из этого исключительного открытия агронома Лысенко, подтверждаемого столь блестящими экспериментальными данными, настолько велики, что не поддаются сразу сколько-нибудь действительному подсчету".

А.Шлихтер (39)

"Открытие агронома Лысенко выводит наше полеводство на широкую дорогу огромных возможностей и исключительных достижений и содействует значительному усилению темпа нашего социалистического строительства".

Вслед за заметкой Вл. Григорьева шло официальное сообщение. Мало ли что может наговорить восторженный корреспондент! А "Правда" пыталась создать впечатление о действительно выдающемся событии, и потому речь переводилась на строгую основу. Сообщалась информация, переданная самым авторитетным в СССР органом, выступающим от имени руководства страны, - Телеграфным Агентством Советского Союза:
"Харьков, 20 июля. (ТАСС). В беседе с сотрудником РАТАУ [радиотелеграфное агентство Украины - В.С.] по поводу открытия агронома Лысенко зам. наркома земледелия УССР тов. Горбань заявил: "Ценность открытия Лысенко для сельского хозяйства совершенно исключительная. Применение этого открытия сыграет колоссальную роль... Наркомзем Украины приступает к практическому осуществлению открытия... Если метод Лысенко себя оправдает, то он будет иметь такие огромные последствия для всего сельского хозяйства страны, какие сейчас даже трудно учесть" (51).
Так сложившаяся в стране административная система начала подсказывать Лысенко, как ему следует себя вести. И начинающий ученый твердо, без колебаний и угрызений совести усвоил этот урок. Он уже был психологически подготовлен к блефомании прежними уроками, и теперь виртуозно включался в разыгрываемый спектакль.

Вообще история с мгновенным признанием открытия Лысенко могла бы казаться какой-то мистификацией или крупномасштабным помутнением рассудка сразу у сотен начальников, если бы не простое объяснение: земля под ними горела, и они готовы были подписаться под любым бредом, только бы продемонстрировать своим начальникам инициативу и заботу о сельском секторе экономики. Только этим можно объяснить странную, даже парадоксальную ситуацию, при которой руководители сельского хозяйства Украины и страны в целом вообще никаких трудностей в использовании на практике несостоявшегося открытия не видели и ни о каких возможных просчетах не ведали. Они разом уверовали в могущество чуда и решили, что жар-птица у них в руках, и их не бес попутал, прельстив возможностью замены реальной (и серьезной) работы мифами, якобы способными разом решить все проблемы. Но мифами была пронизана вся советская жизнь, все ожидания близкого наступления коммунизма, светлое будущее грезилось не во сне, а в ближайшей перспективе. В связи с этим очень подходили и личности передовиков - простых людей, "рожденных сказку сделать былью".

Сам Лысенко позже не раз утверждал, что весенний посев озимых был делом не случайным, а заранее им спланированным, что летом 1929 года его отец целенаправленно поставил особый ОПЫТ. Результаты ОПЫТА Т.Д.Лысенко называл "закономерностями новооткрытой теории стадийного развития растений" (52). Вот как он описывал историю открытия яровизации в его центральной печатной работе - "Теоретические основы яровизации", которую написал как ответ критикам, выступившим против его "теории" 16 января 1934 года на заседании в Союзсеменоводобъединении и обвинившим его в пренебрежении законами генетики (53). Зту книжку он считал своим самым глубоким теоретическим исследованием):
"... в наших опытах вопрос озимости и яровости растений вытекал из вопроса длины вегетационного периода растений.

Результат этих исследований был доложен в Ленинграде на Всесоюзном генетическом съезде (январь 1929 г.).

Сообщение о наших исследованиях ничего определенного и нового в представление участников съезда не внесло. Причин неколошения озимых при весеннем посеве... до этого времени выставлялось довольно много, и наше сообщение в лучшем случае закончилось тем, что было внесено в науку еще одно объяснение. Какое же из этих объяснений верно, аудитории трудно было разобраться...

Весной и летом 1929 г. на селекционной станции в Азербайджане мы довольно широко продолжали свои исследовательские работы по данному вопросу, не отрывая его от общего вопроса длины вегетационного периода сельскохозяйственных растений. Летом того же года советская общественность из нашей печати (газет) узнала о полном и дружном колошении озимой пшеницы весеннего посева в условиях практического хозяйства на Украине. (Посев этот был не случайным. По моему предложению, он был произведен моим отцом Д.Н.Лысенко в его хозяйстве).

Этот практический посев подтвердил главнейшие выводы наших исследований, после чего они приобрели права гражданства. В защиту выдвинутого нами толкования длины вегетационного периода растений выступила советская общественность" (54).
В 1938 году, когда Лысенко стал депутатом Верховного Совета СССР, появилось несколько больших очерков об его успехах в жизни (один из них принадлежал перу брата Доната Долгушина - соавтора "открытия агронома Лысенко" /55/). В них снова рассказывалось об истории "чудесного посева семян [отцом Лысенко - В.С.] по методу сына", и снова вносились коррективы в сторону преувеличений пользы от лысенковской "задумки". Нновые детали привел в журнале "Новый мир" Тихон Холодный (56). Ранее Шлихтер утверждал в "Правде", что Трофим заехал в Карловку по дороге на съезд, теперь, спустя почти десятилетие, сообщалось, что этот визит произошел уже после съезда, была изменена площадь отцовского участка:
"Лысенко, возвращаясь из Ленинграда, решил съездить к отцу. Давно уж не бывал он на родине... И вот он в Карловке.

Вечером, оставшись с отцом, молодой ученый принялся рассказывать о своих опытах..., о докладе на съезде... Как приняли, тоже рассказал. 7 Через полчаса все было решено. Сын рассказал отцу, как надо подготовить озимые семена к весеннему севу, как следить за процессом охлаждения,
как, наконец, уловить подходящий момент для высева.

Сообщения газет не оказались для Лысенко неожиданностью. В успехе оригинального посева он как будто не сомневался: должно было вырасти - и выросло... Препятствие взято, в хозяйственных условиях выращен один гектар. Возвестили об этом на весь мир.
И в тот же вечер, взяв кратковременный отпуск, уехал на Украину" (58) .

Поражает, с какой неприкрытой злобой говорили о научных оппонентах Лысенко те, кто описывали его дела. Сомнения ученых - наиболее ценимый в сфере науки скептицизм, позволяющий избегать ошибок, - подавались Тихоном Холодным как проявление политического противостояния ученых "новатору из народа":
"Прошедшие два года не только доказали правоту Лысенко. Они еще и разоблачили тех, кто под влиянием защиты "чистой науки" боролся против партии и советской власти, проповедовал фашизм с его расовой теорией, за которой пряталось гнусное людоедство... Эти прохвосты вели свою подлую подрывную работу, продавались иностранным разведкам, готовили народу голод, поражение в будущей войне и каторжное ярмо капитализма" (59).
То, что исключительной важности НАУЧНОЕ открытие, как утверждает его автор, было введено в науку в результате трех газетных публикаций, а в его последующую экспериментальную проверку были "втянуты" сотни "опытников-колхозников", а не профессионалы-исследователи - представляет собой немыслимый и абсолютно уникальный факт в истории науки.

Наличие же разночтений в сообщенных в газетах сведениях (о деталях обработки семян, условиях проведения "опыта", размере урожая, осмотре делянок комиссией) не может не наводить на мысль, что авторы "опыта" врали каждый раз разное, лишь бы заинтересовать

корреспондентов и наркоматовских начальников. Кстати, если уж речь зашла об этом, стоит указать на еще одно разночтение: в "Правде" было сказано, что Лысенко-старший посеял яровизированные семена на полутора гектарах, но уже в 1932 году Т.Д.Лысенко сразу в двух статьях - в газете "Социалистическое земледелие" (60) и в журнале "Бюллетень яровизации" (61) - заявил, что посев был сделан на площади лишь в полгектара, а позже, в 1938 году, говорил о гектарном посеве (62). Изменения таких важных деталей не могут не настораживать: ведь вся информация об этих посевах содержалась только в таких несерьезных газетных публикациях и популярных (а не научных) журналах, и количественные несовпадения в цифрах вносили сомнения и в верность всего остального.

Знал ли Лысенко о работах своих предшественников,

когда формулировал свое "открытие"?

Но остается необъясненным еще один вопрос, касающийся "открытия агронома Лысенко" - а был ли он оригинален в открытии возможности весеннего высева семян озимой пшеницы, выдержанных какое-то время на холоду, или это было известно и до него? Некоторые авторы в относительно недавнее время признавали его оригинальность и писали, что книга Лысенко, изданная в Гандже в 1928 году, содержала важные новые выводы о физиологии растений. Этот взгляд разделял Медведев (63), к той же мысли склонялся американский историк Д.Жоравский (64). Позже Н.Ролл-Хансен вполне определенно высказался по этому вопросу: "Некоторые из его [Лысенко - В.С.] физиологических работ были высоко расценены даже самыми сильными критиками из среды генетиков" (65).
Поэтому вдвойне важно разобраться в том, насколько независимым от предшествующих исследователей был Лысенко в этой работе, почему он вдруг бросил многообещавшие посевы гороха и переключился на новую тему. Вряд ли серьезным было бы объяснение, что неожиданное устранение Деревицкого с поста директора станции сделало необязательным выполнение тем, начатых при нем. Столь же несерьезны попытки представить переход к исследованию "стадийного развития" логическим продолжением одной и той же идеи (66).

Большинство исследователей указывало, что само явление выколашивания озимых после обработки холодом проростков было известно физиологам растений за сто лет до Лысенко (67). Высеянные осенью семена озимых успевают до наступления заморозков прорасти, после чего на них всю зиму действует низкая температура, и это позволяет семенам естественно пройти нужную фазу развития. Весной проростки успешно переходят к фазе роста и т.д. В 1927-1928 годах специалисты вообще уже много знали о действии низких температур на прохождение различных фаз развития растений. Было установлено, что если озимые не прошли эту фазу, их дальнейшее развитие весной застопорится, а если подержать проростки на холоду, как правило, этот блок будет снят. Без холодовой обработки семена озимых культур, высеянные весной, могут прорасти нормально, даже дадут густые всходы, но затем подавляющее большинство растений не станет куститься и не даст колосьев. Незавершенность процессов развития помешает им вступить в фазу колошения.

В начале века над этими вопросами работали и в Германии, и в США, и в России (68). Большого прогресса достигли немецкий ученый И.Г. Гасснер еще в 1910-1913 годах (69), а в СССР профессора Н.А.Максимов и Б.А.Вакар в 1923-1925 годах (70). Занимались этим и другие ученые. Естественно, что за много лет до Лысенко физиологи выявили возможность ускорения развития растений с помощью разных факторов, а не только температуры (71). Появился и термин "вернализация" (от англ. vernal - весенний). Еще одно указание на популярность в те годы идеи о важной роли воздействия холодом на проростки содержится в статье В.Т. Батыренко (72), в которой сообщалось, что некто Д. Москалев в 1929 году добился ускорения созревания яровой пшеницы, ячменя и ржи на 2 - 2,5 недели благодаря

промораживанию прорастающих семян.

Таким образом в самом описании явления ничего нового не было. Современники Лысенко, занимавшиеся исследованием данного явления, видели тогда научную задачу в том, чтобы понять причины вернализации, изучить ее физиологические особенности и, по возможности, биохимию процесса, а, изучив, подобрать ключи к управлению процессом, попытаться, хотя бы в далекой перспективе, приспособить его для практических нужд. Но ведь Лысенко мог ничего не знать ни о своих предшественниках, ни о ставящихся ими задачах. Так что же натолкнуло его на анализ влияния низких температур?

О возможности превращения озимых форм в яровые Лысенко скорее всего мог услышать из уст сотрудников ВИР'а, каждое лето наезжавших в Ганджу. Именно в эти годы работы Гасснера, Гарнера и Алларда и многих других, подхваченные ведущим физиологом ВИР'а Н.А. Максимовым, были в центре внимания ученых института. Если бы Лысенко, услышав эти разговоры, занялся данным вопросом, если бы принялся заново изобретать велосипед и преуспел бы в этом занятии, то в заслугу ему надо было поставить то, что он нащупал свой метод исследований, приведший к новой идее о сумме критических температур и к установлению самостоятельно закономерности перехода озимых в яровые только при накоплении определенной суммы дней с низкими температурами. Важно, что он взялся за количественное изучение обоих вопросов. Без этого было бы невозможно прийти к тем девяти пунктам выводов, которые были приведены в конце его ганджийской книги 1928 года, пунктам вполне конкретным. Если бы он сделал это все сам, не заимствуя чужих идей, это охарактеризовало бы его с лучшей стороны и свидетельствовало, что, несомненно, на этом этапе своей жизни Лысенко был вполне оригинальным исследователем.

Однако в начале 30-х годов, в советской научной литературе можно было встретить статьи, в которых приоритет Лысенко и в изучении зависимости развития растений от суммы критических температур, как бы запускающих следующую стадию развития, и в установлении пяти стадий развития были отвергнуты. В 1936 году профессор И.Васильев даже отверг в целом приоритет Лысенко в исследовании яровизации (73) и в связи с этим писал:
"Все факты, установленные Лысенко, были известны и раньше (см. Слезкин, "Зерновые злаки", 1-е изд., 1904; Gassner, Ztschr. f. Bot. 1918, 16 и литературу у Гасснера)... Ошибочным оказалось математическое выражение зависимости быстроты протекания отдельных фаз от фактора температуры" (74).
Васильев и некоторые другие авторы высказали мнение, что Лысенко переоценил свои результаты, отнесся к ним, как говорят специалисты, некритически. Но позже за Лысенко все-таки утвердилась репутация первооткрывателя важного процесса. Так ли это было на самом деле?

Я не раз возвращался к этому вопросу, пытаясь в нем разобраться. Априорно казалось ясным, что человек без достаточного образования, пусть даже умелец или народный самородок, как его аттестовали в советской прессе, не мог на пустом месте, то есть без навыков солидного экспериментирования, сразу прийти к важнейшим выводам в новой отрасли науки - физиологии растений.

Однако о своих предшественниках Лысенко написал в книге 1928 года скудно и невразумительно.

Мне удалось, наконец, найти ответ на загадку, кто мог надоумить его заняться этими вопросами, листая подшивки газет тех лет. Интерес к газетам был не случаен, ведь вся информация о "новом учении" была опубликована не в научных статьях, а рассказана

журналистами на страницах газет.

Как оказалось, уже на самом раннем этапе своей работы Лысенко узнал, какими должны быть основные выводы, а также как следует проводить опыты и как их интерпретировать, услыхав о работах Гавриила Семеновича Зайцева - известного не только в России, но и на Западе физиолога растений и селекционера 8 , организовавшего широкие научные исследования физиологии растений в условиях Средней Азии, где он изучал поведение растений после воздействия на них низких температур и других факторов среды. Работая главным образом с хлопчатником, Зайцев вывел важные закономерности, приложимые и к другим растениям. Еще в 1926 году он издал книгу (76), в которой не только поставил задачу о суммах температур, но и дал решение этой задачи. В книжке 1928 года Лысенко трижды цитирует работы этого ученого (77), как бы сверяя свои заключения с его выводами. Однако Лысенко делает эти сопоставления в очень туманной форме. Из его фраз трудно понять, где кончаются границы исследования Зайцева и где начинается исследовательское поле, "распаханное" самим Лысенко.

О том, что Лысенко узнал о методах работы и выводах Зайцева, говорила заметка, опубликованная в "Сельскохозяйственной газете" авторитетнейшим агрономом и земледелом России Николаем Максимовичем Тулайковым, который 13 января 1929 года писал:
"В начале 1927 г. [то есть в самом начале работы Т.Т.Лысенко по яровизации - В.С.] на опытной станции в Гандже мне пришлось много говорить с Лысенко, ...который разрабатывал в приложении к различным растениям того района установленные проф. Г.С.Зайцевым закономерности о суммах температур, необходимых для прохождения различных фаз развития хлопка" (78).
Из заметки следует, что Лысенко выяснил детали работы Зайцева с хлопчатником и обсудил их, что, разумеется, не могло не способствовать тому, чтобы направить его энергию по верному руслу. В то же время, давая объяснение истокам лысенковской работы, Тулайков не отвергал ее, а лишь призывал к осторожности при ее интерпретации.

Тулайков вспоминал о своем продолжительном разговоре по свежим следам: прошло всего два года с момента их встречи, и говорил он вполне определенно о приложении к различным растениям уже открытой закономерности (и притом доброжелательно указывал на то, что ко времени разговора " Лысенко уже намечал... некоторую зависимость "). Теперь становилось понятным, почему Лысенко трижды упоминал Зайцева в книге 1928 года, примеряя свои выводы к зайцевским и повторяя каждый раз, что они схожи. Не ссылаться тогда вовсе на здравствующего Зайцева он не мог (Зайцеву оставалось до внезапной кончины жить около года). Позже Лысенко уже никогда Зайцева не цитировал (см. например, /33/), настаивал на своем приоритете, видел в установлении факта перехода одной фазы в другую отличие своей работы от всех предшествовавших. Не случайно также, на мой взгляд, что Лысенко ввел в число объектов своей работы хлопчатник, хорошо изученный Зайцевым, и тем подстраховал себя на случай возможных неудач с другими культурами. Вряд ли случайно и то, что часть работы, которая проводилась на хлопчатнике, он поручил верному человеку - своей жене, Александре Басковой.

Итак, истоки первой работы Лысенко со временем были забыты. Критик работы - Максимов вскоре также отошел от осторожно негативного отношения к работе новаторов и стал их захваливать (79). Уступками подобного рода, пусть даже невинными или вынужденными, Максимов и все последующие оправдатели и восхвалители "полезных идей" Лысенко только помешали ему стать настоящим ученым, оказали ему дурную услугу. И когда Максимов серьезно разбирал ошибки Лысенко (80), он поступал более правильно.

Газета объявляет Лысенко победителем в научном споре

А тем временем события развивались стремительно. 13 ноября того же 1929 года "Сельскохозяйственная газета" - центральный орган печати, официальное издание Наркомата земледелия страны - отвела почти целую полосу теме "Яровизация озимых" (81) 9 .

Редакция пригласила принять участие в дискуссии нескольких известных ученых: генетика растений и селекционера академика А.А.Сапегина, профессора П.И.Лисицына - известного селекционера и семеновода, проект которого лег в основу подписанного Лениным декрета "О семеноводстве" (Лисицын в том же 1929 году занял кафедру селекции и семеноводства полевых культур Тимирязевской сельскохозяйственной академии в Москве), уже занкомого нам Тулайкова и профессора-агронома М.Прика.

Все четверо никак в это время от Лысенко не зависели и могли говорить то, что они по этому поводу на самом деле думали. Так же несомненно, что каждый из них не мог не осознавать, что они привлечены к серьезной дискуссии на важную тему. К их мнению должны были прислушаться руководители сельского хозяйства.

Однако вышло так, что никакой дискуссии на деле не получилось, точки зрения всех ученых оказались сходными: о работе Лысенко говорилось без излишнего восторга, хотя и уважительно, но применять немедленно его предложение о холодовой обработке зерна на практике в широких масштабах все считали делом преждевременным! Столь же единодушны все были в том, что претензия автора на открытие безосновательна. Открытия, говорили они, никакого нет. Все , о чем Лысенко заявляет, науке известно. А новизна его подхода заключается в желании перевести дело на рельсы практики. Лисицын указывал, что вопрос о созревании озимых при яровом посеве
"... является частным случаем более общего биологического вопроса о факторах, способствовавших переходу вегетативной фазы в генеративную. Он не нов даже в такой широкой постановке и поэтому с точки зрения физиологии растений агроном Лысенко не сделал открытия.... предложенный Лысенко способ можно с некоторой натяжкой признать пригодным только для индивидуального безмашинного хозяйства" (84).
Далее Лисицын убедительно говорил о том, как может перегреваться прорастающее зерно, облитое водой, из-за чего потребуется его перелопачивать, как будут при этом ломаться ростки. Упоминал он и о трудностях, связанных с посевом такого влажного прорастающего зерна:
"В маленьком хозяйстве при известной аккуратности, пожалуй, можно еще посеять его руками, вразброс... но в крупных хозяйствах это не подойдет... Любая сеялка, рядовая или разбросная - безразлично, поломает ростки и поплющит набухшее зерно. Высевающий аппарат слишком груб. Нужна машина специальной конструкции" (85).
Конечно, в те годы всеобщего оптимизма ученые часто предавались мечтам о том, чего может достичь раскрепощенный разум, и в своей статье Лисицын искал путь к применению на практике идей Лысенко. Поэтому он подробно рассказывал, какие совершенные машины есть в промышленности, способные даже набивать табаком тончайшие гильзы из папиросной бумаги и не рвать ее при этом, и сетовал, что техника, используемая в сельском хозяйстве, пока груба и несовершенна. Он объяснял это тем, что
"условия капиталистического строя не дали возможности проявиться в этом направлении человеческому гению" (86).
Уповал Лисицын на то, что
"чудеса сельскохозяйственной техники может дать только социалистический строй. Вот, где больше, чем в других местах, нам нужно не только догнать, но и перегнать. Я думаю, что нужно скорее усилить и развернуть институт сельскохозяйственной механики, нужно дать задание нашим наиболее талантливым конструкторам... нужно искать, пробовать, вообще проявить наибольшую активность для осуществления идеи Лысенко..." (87).

"Я - за практическое осуществление идеи Лысенко" - завершал он свою заметку, но указывал, какая еще большая работа ждет впереди тех, кто захочет применить идею на практике. Пока же пожелания о создании совершенных механических устройств для земледельцев оставались в области фантазии, и Лисицын констатировал:

" ... машин для осуществления идеи Лысенко нет " (88).

Сапегин предлагал несколько иной выход из тупика с наклюнувшимися семенами. Он советовал изучить возможность высушивания прорастающих семян после окончания обработки их холодом и посмотреть, сохранят ли они при этом приобретенное свойство яровости:
" Без этого применение метода Лысенко в практике больших хозяйств вряд ли возможно. Не ясно также, дадут ли яровизированные озимые урожай более высокий, чем яровые" (89). Поэтому Сапегин писал, что нужны еще длительные опыты, которые снимут все вопросы.

Прик был более категоричным, в полет фантазий не верил и считал неоспоримым, что "весенние посевы озимой пшеницы не дадут таких урожаев, как осенние посевы", хотя и признавал, что в ряде районов, особенно на юге Украины, яровизация озимых, возможно, проявит себя положительно.

Тулайков столь же недвусмысленно высказывался против практического применения предложения Лысенко, рассказав о тех опасностях, которые подстерегают посевы, сделанные весной, пусть даже яровизированными семенами. Его заключение сводилось к тому, что овчинка выделки не стоит, так как все неприятности при жарком лете, засухах и т. п. будут столь же губительными для летних посевов озимых, как и для обычных яровых культур. Восхитившую наркома земледелия Украины Шлихтера возможность избежать вымерзания растений при весеннем посеве Тулайков оспорил:
"П осеянная с весны озимая пшеница вынуждена провести весь период своего развития наряду с яровой и подвергаться с ней всем случайностям лета в засушливой полосе. А мы знаем, что эти случайности по существу могут быть значительно чаще, чем случайность вымерзания озимой пшеницы " (90) .
Исходя из этого, Тулайков предлагал руководству страны направить основные усилия в другую сторону - отпустить больше средств селекционерам для выведения улучшенных сортов пшеницы, способных успешнее противостоять заморозкам, чем существующие сорта.

Все четверо выражали убеждение, что интересная задумка Лысенко будет тщательно изучена в предварительных опытах, и только после этого станет ясно, стоит ли применять ее на практике в тех или иных земледельческих зонах страны.

В целом, публикация материалов о "гипотезе озимости" сразу вывела Лысенко в разряд выдающихся ученых. Возможно, с позиций сегодняшнего дня кое-кому покажется несерьезным, что ученые с именами послушно согласились с тем, чтобы их втянули в обсуждение никем еще не проверенного агротехнического приема. Однако обсуждавшийся вопрос - количество хлеба для народа (с учетом повторившихся два года кряду холодных бесснежных зим на Украине, закончившихся, как писал Максимов, "почти полной гибелью озимых посевов") - был жизненно важным. Неудачи заставляли срочно искать любой выход из положения, и специалисты всех рангов готовы были внести посильную лепту в решение этой проблемы. К тому же, наверняка, ученые еще не поняли, куда клонят дело власти, и потому их слова о том, что вообще-то затея Лысенко интереса не лишена, но вот до применения на практике далековато, могли для разных ушей звучать по-разному. Широкие слои публики и руководители сельского хозяйства воспринимали слова профессоров как очередное чудачество,

очередное проявление интеллигентской половинчатости. Сами же ученые могли тешить себя надеждой, что завтра же, как то и полагается людям разумным, кто-то, засучив рукава, примется за дело, все самым скрупулезным образом изучит, измерит, взвесит, и тогда только можно будет сказать определенно - есть ли в идее рациональное зерно и, если есть, стоит ли заниматься ею в широких масштабах. Скорее всего так и рассуждали про себя Сапегин, Тулайков, Лисицын и Прик, когда они согласились публично высказаться о "гипотезе озимости".

Профессор Максимов отвергает осторожные оценки коллег

Однако вывод о необходимости перепроверок практической стороны предложения Лысенко не устроил руководителей сельского хозяйства. Через шесть дней, 19 ноября 1929 года, "Сельскохозяйственная газета" продолжила дискуссию, выводы которой, оказывается, наркоматскими властями уже были сделаны. Материал о Лысенко был подан под броским заголовком "Яровизация озими - новое завоевание в борьбе за урожай " (91). Под этой категоричной шапкой шла заметка "От редакции", в которой все высказанные неделей раньше сомнения ученых даже не упоминались, о проверке метода говорилось только в связи с тем, что эта проверка поможет "усовершенствованию метода Лысенко для возможно широкого практического использования..." и начальственно утверждалось следующее:
" ... опыты тов. Лысенко вплотную подводят нас к решению одной из самых серьезнейших проблем текущего дня - зерновой проблемы. Введение в практику сельского хозяйства яровизированного посевного материала озимых, страхует хлеба от гибели их, вследствие замерзания" (/ 92/, эти фразы в оригинале были набраны жирным шрифтом - В.С.).
Затем набранные крупным жирным шрифтом шли фразы:
" Превращение озимых в яровые методом холодного проращивания уже давно применяется в научно-исследовательских работах ВИ ПРБ и НК [Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур - В.С.]. Поэтому яровизация озими не открывает новых "Америк" в сельском хозяйстве. Но крупная ценность работы агр. Лысенко состоит в том, что он перенес метод холодного проращивания в широкую практику в полевом масштаб е. - Яровизация озимых обещает во многих районах повысить урожайность... " (93).
Как же могло получиться, что выводы ученых, опубликованные неделей раньше, были отвергнуты? Кто мог дать в руки Наркомата и его печатного органа иное заключение? Ответ содержался в этом же номере газеты. Ниже была помещена статья Н.А.Максимова (94), который поддержал практическую сторону предложения Лысенко. Таким образом опора под наркоматский вывод была подставлена от лица вавиловского Института прикладной ботаники и новых культур заведующим отделом физиологии растений института Максимовым. Однако в ссылке о "давно наблюдавшемся превращении озимых в яровые" содержалась неправда (так как и по сей день такого полного перехода озимых в яровые у пшениц добиться не удалось). За десять месяцев, прошедших со дня доклада Лысенко на генетическом съезде, никаких новых экспериментов, которые бы подтвердили правоту Лысенко, в отделе Максимова тем более осуществлено не было. Изменилось только одно: вокруг имени Лысенко началась газетная шумиха, за лысенковскую идею ухватились наркоматские чиновники в Москве и Харькове, и Максимов дрогнул: его большая статья (95) была построена иначе, чем статьи четырех авторов, напечатанные неделей раньше в той же газете. Критика теоретической компоненты в рассуждениях начинающего агронома осталась (да и нелепо было бы поступать иначе эксперту в области действия низких температур, еще в 1913 году опубликовавшему солидную сводку на эту тему /96/). В частности, Максимов писал, что "...наследственная озимая природа [при весеннем посеве], конечно, совершенно не изменяется" и продолжал:
"Не представляя собою таким образом чего либо принципиально нового, не являясь научным "открытием" в точном смысле этого слова, полученные Лысенко результаты представляют собой, однако дальнейший и довольно значительный шаг вперед в деле познания природы

озимых и, что еще более важно, в деле управления их ходом развития по желанию земледельца" (97).
А вот практическую сторону предложения Лысенко Максимов оценил высоко:
"Главнейшей же заслугой Лысенко я считаю то, что достижения теоретической науки он сумел непосредственно применить в практической жизни. И Гасснер, и мы, будучи физиологами, а не агрономами, не шли дальше лабораторных опытов. Холодное проращивание казалось нам слишком простым приемом, чтобы он мог получить непосредственное применение в полевом хозяйстве... Лысенко крайне упростил предварительную обработку семян, упростил настолько, что она стала доступной даже для рядового крестьянского хозяйства. А это, конечно, нельзя не признать крупнейшим достижением" (98).
Максимов при этом ни словом не обмолвился о тех решающих недостатках метода Лысенко, о которых говорили семеновод Лисицын, земледел Тулайков селекционер-генетик Сапегин, агроном Прик - люди, близкие к сельскохозяйственной практике. Он лишь вскользь упомянул о необходимости тщательной проверки приемов Лысенко:
"... остается только пожелать, чтобы чрезмерные ожидания, возлагаемые на них сейчас некоторыми увлекающимися кругами, не помешали затем трезвой деловой оценке результатов этих важных опытов" (99).
В противовес Тулайкову он утверждал, что,
" высевая с весны, вместо настоящих яровых, "яровизированные" озимые, мы можем ожидать значительного повышения урожая " (/100/ выделено мной - В.С .).
Нет нужды говорить, насколько важной для последующей судьбы Лысенко оказалась эта максимовская оценка и ссылка на авторитетный вавиловский институт в центральном органе Наркомзема. Магия высоких имен завораживала.

Как же могло случиться, что известный ученый, каковым несомненно был руководитель всех физиологических работ вавиловского института Максимов, так некритически отнесся к лысенковскому предложению? Почему он от лица ВИПБиНК и вообще ученых поддержал "новатора" в эту решающую минуту? Вряд ли плодотворно гадать сегодня, что случилось бы с советской наукой, если бы все до одного ученые единодушно и жестко отвергли именно в тот момент лысенковские притязания, погасили бы его нездоровое прожектерство, с одной стороны, и тягу к чудесам людей из властных структур, с другой. Мы не можем сказать, как бы развивались биология, сельское хозяйство, медицина в СССР, если бы яровизация с самого начала была оценена подобающим образом. Не будем задаваться риторическим вопросом, были бы такими же по масштабу репрессии коммунистического режима в биологии, если бы феномена Лысенко не возникло. Но разобраться хоть отдаленно в том, что двигало пером Максимова, когда он высказал одобрение практическим замыслам Лысенко, несомненно нужно.

Выходец из высших культурных кругов России (отец - профессор Петербургского Технологического Института и Института Гражданских Инженеров, мать - преподаватель психологии Бестужевских Высших Женских Курсов) Николай Александрович Максимов блестяще закончил гимназию (с золотой медалью) в 1897 году и естественное отделение физико-математического Петербургского Императорского Университета. В 1889 году, еще будучи студентом, он слушал лекции летнего семестра в Лейпцигском университете и работал в лаборатории классика цитологии и физиологии растений Вильгельма Фридриха Пфеффера (1845-1920). Многократно бывал он за границей (и в Старом и Новом Свете, в Японии и других странах) и позже. В годы учебы в университете Максимов уже со 2-го курса целеустремленно занимался исследовательской работой в области физиологии растений, и в конце 1902 года защитил дипломную работу, которую опубликовал не только по-русски, но и по-немецки и был удостоен диплома 1-й степени. В 1913 году он защитил магистерскую диссертацию, 28 апреля 1929 года получил премию имени В.И.Ленина, в 1932 году был

избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1946 году - академиком.

Казалось бы, вовлеченность с рождения в среду культурных людей, понимающих силу устного и печатного слова и меру ответственности за свои слова, не могли не наложить отпечатка на отношение к собственным поступкам, а жизнь и работа на Западе, особенно в среде аккуратистов-педантов в Германии не могли не приучить к строжайшему самоконтролю. Покорная позиция покровителя "выходцев из народа" и тем более покрывателя нездорового фанфаронства и хлестаковщины не могла быть имманентно присуща серьезному ученому Максимову.

Однако не все самоочевидно в таком объяснении. Ю.С.Павлухин рассказывает в сборнике "Соратники Н.И.Вавилова" (101), что еще студентом Максимов был вовлечен делами, а не на словах в активность тех, кто готов был отдать жизнь за идею раскрепощения простого народа. Маленькая деталь, приведенная в этом замечательном очерке ясно об этом говорит. Студент Максимов оказался в Лейпциге совсем не случайно: его дважды исключали из Петербургского университета за участие, как писал сам Максимов в советское время в автобиографии, "в студенческом движении", и ему пришлось уехать в Германию, оказавшись выдворенным из стен Alma Mater. Уезжал он за границу, чтобы скрыться подальше от глаз царских жандармов.

Этот эпизод указывает, что Максимов мог симпатизировать выходцам из народа, и снисходительно относиться к недоработкам таких людей, в надежде на мощное раскрытие их природных талантов в будущем. Максимов и в последующей жизни открыто проявлял свой демократизм, уважение к людям из прежде угнетаемых слоев. Отнюдь не случайно студенты Закавказского университета, в создании которого на базе Тифлисских Высших Женских Курсов Максимов принимал активное участие, избрали именно его в 1918 году деканом естественного факультета. В 1919 году из Тифлиса он перебрался в Россию, в Екатеринодар (позже Краснодар) в Кубанский Политехнический Институт, и там снова строил свое поведение так, что вызывал симпатии выходцев из "народа", вытеснивших из студенческих аудиторий по решению Советского Правительства детей представителей бывших "имущих классов" (см. об этом во введении к книге). В Екатеринодаре, также как и в Тифлисе, студенты-политехники избрали его проректором. Тогда таким избранным проректорам и ректорам присваивали характерную добавку к титулу - Красный Проректор. Позже он стал (и снова выбранным студентами! такими были порядки в советских вузах) профессором и Красным проректором Кубанского Государственного Университета (об одном из таких людей, Красном ректоре Тимирязевки, В.Р.Вильямсе, пытавшемся политиканством истребить своего научного антипода, Д.Н.Прянишникова, написал книгу О.Н.Писаржевский /102/). Не означают ли эти факты, что профессор Максимов всегда симпатизировал выходцам из низов (или пасовал перед ними)?

Может быть и более простое объяснение, а именно, увидев, какие симпатии с первой минуты стали выявлять в отношении Лысенко максимовские коллеги и начальники, почувствовав, как возбудились представители властей от простецкой и тем-то и привлекательной идеи Лысенко, он решил, что на рожон лезть не стоит и нужно словесно поддакнуть "новатору", а там жизнь сама покажет, что чего стоит?! Из истории всех времен и народов такое поведение хорошо известно, и то, что именно в таком конформистском духе вели себя многие в годины перепутья, тоже известно.

Правда, для понимания этих вопросов есть еще одна возможность, которую нельзя отбрасывать. Вероятно, Лысенко, не осознавая этого, затронул тему, которая не была чужда Максимову-исследователю. В течение нескольких лет до Лысенко Максимов разрабатывал проблему действия низких температур на растения. Еще в 1923 году, будучи приглашен

Вавиловым перейти к нему на работу, Максимов выступил 8 ноября на заседании Совета Отдела Прикладной Ботаники Государственного Института Опытной Агрономии (ГИОА) с докладом о плане работ будущего отделения физиологии и экологии, которым Вавилов предложил ему руководить. В числе различных тем будущий руководитель остановился на проблеме изучения морозостойкости яровых и озимых пшениц, закаливания их холодовой предобработкой, укрепления устойчивости к низким температурам и связанной с этим урожайности (103). В докладе он произнес фразы, ясно говорящие о том, что вектор его размышлений простирался в том же направлении, что и у Лысенко, конечный итог научных разработок представал перед Максимовым в тех же терминах, что и в заявлениях Лысенко: "Еще у Гелльригеля и Коссовича имеются указания на то, что овес и другие злаки, прошедшие первые фазы развития, до кущения, при более низких температурах, оказываются в дальнейшем более крепкими и дают более высокий урожай. Эти указания можно проверить, так как вопрос о физиологическом предопределении дальнейшего развития условиями раннего периода жизни растения сейчас уже усиленно разрабатывается и может представлять не только чисто теоретический, но и практический интерес" (104). Существенная разница однако заключалась в том, что Максимов предлагал в 1923 году организовать всестороннее исследование проблемы, а Лысенко в 1929 году без всяких экспериментов объявлял проблему разрешенной и журавля в небе пойманным. Тем не менее Максимов в "Сельскохозяйственной газете" предпочел этой разницы не замечать и Лысенко поддержать.

Максимов и в последующей жизни (далеко не безоблачной - так, 5 февраля 1933 года он был арестован ОГПУ по обвинению в участии в мифической антисоветской организации, но уже в сентябре 1934 года был освобожден из под стражи и решил, или был вынужден, перебраться на 5 лет, с 1934 по 1939 годы, в Саратов, в институт, руководимый Н.М.Тулайковым) с Лысенко нарочито не пререкался. Биограф Максимова Ю.С.Павлухин не случайно пишет, давая оценку этой стороне деятельности крупного физиолога растений: "Сам Н.А.Максимов и его ближайшие сотрудники, особенно В.И.Разумов и И.И.Туманов, окажутся заложниками этой псевдонауки и будут вынуждены не единожды говорить о яровизации как о передовой теории "народного академика" Трофима Лысенко" (105).

"Он /Максимов - В.С/ и раньше, еще в Саратове, порою вынужденно признавал менталитет лысенковщины в статьях, ввел большой раздел яровизации в "Краткий курс физиологии растений" (1938), расширив его позже (1948 г.), и все же после августовской сессии ВАСХНИЛ руководимый им институт подвергся критике лысенковцев. Может быть, этим объясняется сделанный им в 1950 г. доклад, размноженный во многих тысячах экземпляров Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний на тему "Мичуринское учение и физиология растений". Тогда же вышла популярная книжка "Как живет растение" массовым тиражом (100 тыс. экз.) (с дифирамбами в адрес Лысенко, в которой Максимов награждал его выспренними эпитетами, типа "выдающийся ученый нашей эпохи" - В.С.), переизданная в в 1951 г." (106).
Так или иначе, но благодаря высказываниям Максимова в 1929 году в "Сельскохозяйственной газете" скептицизм всех ученых, отвергших практическую целесообразность применения приема холодовой обработки проростков пшеницы, был отвергнут.

Заметим, что сам факт переноса научных дискуссий из лабораторий на страницы газет был явлением экстраординарным. Впервые в столь явной форме власти - руководители наркоматов через органы информации оказали силовое давление на ученых и, не принимая во внимание их предостережения, объявили, что открытие Лысенко уже состоялось.

Для Лысенко же это был наглядный урок того, как власти подходят к оценке его новаторств. Еще не было получено ни одного убедительного факта положительного влияния яровизации

на урожай, еще ни одного опыта и поставлено не было, а орган Наркомата земледелия от своего имени и, полностью отвергнув предостережения ученых, заявлял, что метод Лысенко "СТРАХУЕТ ХЛЕБА". Конечно, такое отношение не могло не подталкивать Лысенко на новые шаги в том же направлении.

Газетные шапки уже кричали о гарантированном урожае, гипотезу смело характеризовали как "новое завоевание". Поэтому закономерно, что заключая дискуссию, триумфатор Лысенко 7 декабря 1929 года в солидной по объему статье (107) уже никакими сомнениями не терзался. Самим фактом публикации заключительной статьи в дискуссии редколлегия газеты приравнивала Лысенко к ведущим ученым страны, а в глазах партийного и административного руководства он, конечно, вставал выше всех дипломированных спецов старой выучки, вынужденных теперь лишь скромно следовать в фарватере высказываний крестьянского самородка-гения, заботящегося о главном - как быстрее поставить достижения передовой науки на службу народу.

Лысенко в этой статье уже настаивает на приоритетности своего "открытия". В начале он называет свое предложение "методом озимости" и высказывает претензию, что разработал особую "гипотезу озимости" (44), отличную от метода "холодного проращивания", который до него развивали Гасснер, Максимов и другие физиологи:
"Вопрос об "озимости" открывает действительно громадные перспективы перед сельским хозяйством многих районов нашего Союза. Однако здесь необходимо внести определенность и ясность, так как некоторые, даже видные научные силы, смешивают метод "холодного проращивания" Гасснера и метод "озимости" растений, предложенный мной" (108).
В заключительной части статьи он делает широковещательное заявление о практической ценности своего открытия:
"Гипотеза "озимости" растений открывает еще большие перспективы, в сравнении с которыми опытные посевы озими весной будут являться только маленькой частичкой всех тех практических возможностей, которые может дать этот метод в сельском хозяйстве... Это открывает перед нами реальные широкие возможности найти сорта более ранние, более урожайные для ярового клина, чем те плохие яровые пшеницы, которые во многих районах СССР дают теперь слишком пониженный сбор... Над этими вопросами сейчас энергично работают уже Украинский Генетический институт и Азербайджанская сельскохозяйственная опытная станция, положительные результаты которых, вероятно, станут общим достоянием в самом ближайшем будущем" (109).
Уверенные обещания свидетельствовали, что из маленького сотрудника ганджийской станции вырос влиятельный деятель, диктатура его власти в советской биологии началась.

Агроном превращается в заведующего научной лабораторией

и изобретает анкетный метод "науки колхозно-совхозного строя"

Через несколько месяцев, не проведя никаких дополнительных опытов и не получив никакого подкрепления своим пока еще предварительным данным, Лысенко начинает утверждать, что открыл вообще новое явление живой природы - превращение любых озимых культур в яровые.

Не накормив никого плодами своего открытия, но заставив заговорить о себе советскую прессу в самых восторженных тонах, Лысенко добился многого для себя лично. В конце 1929 года ему удается перескочить сразу через много ступенек, обязательных в послужном списке любого научного работника. Специальным постановлением Наркомзема Украины для него создают большую лабораторию в Одесском Институте селекции и генетики - одном из ведущих в стране научных учреждений такого профиля, руководимом крупным ученым

академиком АН УССР Андреем Афанасьевичем Сапегиным. Из младшего специалиста опытной станции Лысенко одной строкой в наркоматском приказе был превращен в заведующего лабораторией академического института. Вот как он об этом вспоминал:
"По постановлению Наркомзема была создана в Украинском институте селекции (Одесса) специальная лаборатория, а потом отдел по разработке этого вопроса. Для проверки и дальнейшей разработки выдвинутой нами идеи управления длиной вегетационного периода сельскохозяйственных растений наряду с созданной лабораторией были втянуты в 1930 г. сотни опытников-колхозников и работников совхозов" (54).
Теперь у него открылась возможность начать методичную научную проверку своей идеи о переводе озимых в яровые. Однако этого не случилось. Вместо этого все силы снова были брошены на далекие от научных упражнения по сбору и суммированию большей частью фальсифицированных отчетов колхозов и на расширение газетной шумихи.

До наступления весны 1930 года Лысенко пытается организовать пропаганду своего метода в близлежащих колхозах. Новому селу, заявил он, нужна новая наука, которую он и начал создавать. Сотрудники его лаборатории включились в необычную работу. Они разослали в колхозы и совхозы письма с призывами как можно шире применять яровизацию озимой пшеницы и сообщать в Одесский институт результаты. А чтобы облегчить учет испытаний, были приложены анкеты с готовыми графами, в которые предлагалось внести цифры о количестве яровизированных семян, площадях посевов, указать время появления всходов (форма №1), начала и конца колошения (форма №2), конца созревания, данные по обмолоту и собранному урожаю (форма №3).

Сама идея составления анкет ничего в себе дурного не содержала. Собранные данные, возможно, могли дать ответ на ряд вопросов. Но вовсе не это надлежало делать Лысенко. Совсем иных данных ждали от него ученые (и, говоря выспренне, хотя и точно, НАУКА И ВЛАСТЬ). Поскольку никакого опыта Лысенко, о котором кричали газеты, еще проведено не было, нужно было срочно поставить этот опыт, хотя бы задним числом получить нужные результаты, а потом уже думать о внедрении доказанных в опыте предложений в практику.

Сфера деятельности, в которую столь стремительно, благодаря газетной шумихе и покровительству Наркоматов земледелия, внедрился Лысенко, имела свои законы. Став ученым, он должен был им следовать, иначе научной его работу просто нельзя было считать. Известно, что перед тем, как ставить опыт, нужно сформулировать рабочую гипотезу, которую данный опыт должен подтвердить или отвергнуть. Затем надлежит выбрать метод экспериментального доказательства гипотезы, адекватный поставленной задаче. Не стоит разбивать лоб в потуге исхитриться и взвесить атом на базарных весах. Заниматься этим волен каждый, но к науке это отношения не имеет. Ученый обязан предложить метод научного исследования, реально приложимый к данной проблеме на практике.

Требуется также разработать схему опыта, и здесь на первый план выступает продумывание контрольных экспериментов, в сравнении с которыми только и можно что-то утверждать. Неправильно выбранные контроли нередко сводят на нет даже вроде бы удавшиеся опыты. Когда результат сравнивать не с чем, это уже не результат. Работу надо начинать сначала.

Только после этого можно приступать к сбору данных. На этом этапе ученые должны знать степень точности ставящейся ими задачи, ибо от этого зависит, сколько раз нужно повторить опыты, какой объем информации будет достаточным, чтобы удовлетворить критерию заданной точности. Например, при испытаниях технических устройств вероятность поломки может быть оценена, скажем, в пяти или десяти повторах опыта. А вот если проверяют действие нового лекарства всего на десяти или даже ста больных и находят, что лекарство способствует выздоровлению, это еще не значит, что лекарство безопасно и полезно. Если

при более широком его применении у каждого пятисотого или тысячного пациента появятся осложнения или будут выявлены серьезные побочные эффекты, это будет указанием на невозможность использования препарата как лекарства. Значит, в зависимости от поставленной задачи должна меняться точность испытаний. Иначе, в спешке, можно проскочить мимо ошибки. Эти примеры показывают: то, что годится для опытов с бездушными предметами, не подходит для экспериментов с людьми. То же правило действует и в отношении растений: если в девяти случаях из десяти изучаемая гипотеза оправдывается, а в одном случае из десяти проваливается, то на практике это может привести к тому, что каждое десятое поле вместо прибавки урожая даст недород.

Как видим, теоретическая предпосылка опыта, разработанная гипотеза, выбранный для ее проверки метод и схема опыта, число повторов измерений взаимосвязаны, ни одной деталью нельзя поступиться, иначе вся работа пойдет насмарку. Причем заметим, пока речь шла лишь об этапах, предшествующих сбору данных, и не говорилось об обработке собранных сведений.

Лысенко эти элементарные правила выполнять не стал. Возможно, он и не знал ничего о таких премудростях и в рассылке анкет видел единственный реальный путь "делать науку", да еще в массовых масштабах. Не понял он и того, что анкетный метод не позволяет осуществлять важнейшую для научного анализа операцию: сравнивать результаты повторностей опытов, проведенных в одинаковых условиях (одинаковые почвы, одинаковая обработка земли и посевов, одинаковые климатические условия и т. п.). Поэтому сбор данных из сколь угодно большого числа колхозов и совхозов и суммирование их в принципе было пустой затеей, так как не позволяло судить о сравнимости результатов яровизации, а, значит, и о ее преимуществах и недостатках.

К тому же начало рассылки анкет пришлось на особый период в жизни советской деревни - пору поголовной коллективизации. В условиях организационной неразберихи яровизацию можно было в лучшем случае осуществить лишь на бумаге. А между тем позже и Лысенко 10 и его сотрудники уверяли, что уже весной 1930 года в эту работу включились сотни колхозников (лысенкоисты использовали непременный штамп - "колхозники-опытники"). Но приводимые лысенкоистами данные показывают, что точной картины происходившего никто из них не знал. Достаточно сослаться на три примера, заимствованные из публикаций одних и тех же людей - подсобного рабочего Родионова, которого Лысенко после ареста Сапегина в 1931 году по обвинению во вредительстве сделал заместителем директора Одесского института, сотрудников того же института Берченко и Барданова и аспиранта Созинова 11 . В трех разных публикациях они сообщили взаимоисключающие сведения о том, что же "яровизировали" весной 1930 года "колхозники-опытники" - озимую или яровую пшеницу, и как много людей участвовало в этой увлекательной работе.
А.Д.Родионов,

Б.Э.Берченко, 1937

"Первые анкеты по эффектив-

ности яровизации озимой

пшеницы при весеннем по-

севе были получены Инсти-

тутом селекции в 1930 году"

(111).

А.Д.Родионов, Б.Э.Берченко

и М.И.Барданов, 1958

"Многие колхозники-опытни-

ки уже в 1930 г. сообщили в

институт об эффективности

применения предложенного

академиком Лысенко 12 метода

яровизации яровых колосо-

вых культур". (112).

Б.Э.Берченко и

А.А.Созинов, 1958

"В 1930 году в опытах 100 кол-

хозников-опытников было

четко доказано, что... озимая

пшеница проходит стадию

яровизации и после этого при

весеннем посеве выколашива-

ется" (113).

Оригинальное решение этих загадок нашел И.Е.Глущенко, который, публикуя в 1953 году биографию Лысенко, предусмотрительно опустил ненужные детали и своеобразно обошелся с цифрой числа энтузиастов:
"Весной 1930 г. в работу по яровизации включились первые сотни колхозников-опытников. Вскоре был разработан агроприем яровизации для яровых хлебных злаков, а также для картофеля и других культур" (114).
Какие успехи были зафиксированы в первых десятках или даже сотнях анкет и поступили ли они вообще в лабораторию Лысенко в 1930 году, мы, по-видимому, никогда узнать не сможем, так как данные о них не были опубликованы. Однако, ссылаясь на их наличие, Лысенко бомбардирует столичное начальство и в Харькове, и в Москве предложениями о необходимости обязать колхозы и совхозы проводить яровизацию в приказном порядке. Он сулит большой прирост урожая и скрывает при этом неприятные стороны яровизации (115).

Итак, рассылкой анкет и сбором заполненных малограмотными людьми листков Лысенко заменил научно-обоснованные методы работы. Нельзя исключить, что сделал он это, быстро сообразив, что все требуемые наукой манипуляции могут обернуться плохими последствиями. На неприемлемость анкетного метода Трофиму Денисовичу не раз указывал Сапегин (116), но Лысенко упорно отказывался применять научные (включая математические) методы анализа экспериментальных данных.

В то же время анкетно-вопросный метод стал на деле закамуфлированной формой очковтирательства. В условиях сталинского нажима на коллективизацию заполнение таких анкет случайными цифрами, не отражавшими реальную пользу или вред от внедряемых агроприемов, стало массовым, а партийные органы, как мы увидим, приняли меры к тому, чтобы придать яровизации характер исключительной важности. В областях и районах выпускали газеты и листовки, пропагандировавшие новые агроприемы, в ход пошли уже хорошо зарекомендовавшие себя способы нагнетания страха и возможных репрессий против "нерадивых яровизаторов" (разновидность вредителя). "Враг у стен амбара", "Дадим по рукам антияровизаторам" - такими заголовками запестрела печать.

Конечно, плоды такой политики сразу же дали себя знать. Общими усилиями "чудо" начало обретать осязаемость. Никакой ответственности за преувеличение цифр в анкетах никто на местах не нес: это были еще одни бумажки, коими наводняли колхозы и совхозы разные органы с целью сбора нужных им сведений, а не бланки строгой государственной отчетности. Проставляемые в анкетах цифры никто не контролировал, и никто за них не отвечал, а вот за плохие показатели могли последовать нагоняи. Поэтому любой учетчик в колхозе, бригадир или бухгалтер отлично знали, в какую сторону следует изменять цифры. Таким образом, даже честное суммирование данных анкет, в которых - исключительно для пользы дела! - было приврано "немножко", приводило к гигантскому обману. Позже, когда правительство ввело планы яровизации, а из центра на места пошли "разверстки по яровизации", стало уже небезопасным проставлять в анкетах незначительные цифры прибавок. Блеф разрастался как снежный ком.

Позже сам Лысенко признал низкую эффективность работы с анкетами: оказывается, даже в 1932 году (данных о предыдущих годах так и не было никогда сообщено): "не все опытные точки прислали к 27/ VIII все эти три формы анкет. Особенно мало прислано анкет №3 (уборка и учет урожая)... со всех областей только 59 анкет" (117). Цифра "пятьдесят девять" была ужасающе низкой. Никаких выводов, кроме одного - затея провалилась - сделать было на основании этого числа нельзя. И тот факт, что Лысенко привел эту цифру в его собственной
публикации, говорил , что он, видимо, не понимал требований к научной работе, хотя еще был честен в представлении своих данных (не утаил правду, не приукрасил ее).

Но ненаучный метод вполне удовлетворил начальство и на Украине, и в Москве. На Лысенко обратил благосклонное внимание нарком земледелия СССР (этот Наркомат руководил не только обработкой земли, но и растениеводством, животноводством и другими отраслями сельского хозяйства) Я.А.Яковлев 13 . Все обещания, раздававшиеся Лысенко, встречали неизменно радушный прием у Яковлева, хотя он без труда мог заметить, что основанные на анкетном методе данные вряд ли сколько-нибудь правильно отражают истинные успехи. Видимо, Яковлеву хотелось быть обманутым, и он с удовольствием воспринимал слова Лысенко. Наверняка, не последнюю роль в таком ослеплении и поглупении играла позиция самого Сталина, который подавал в эти годы пример нигилистического отношения к статистически обоснованным методам планирования и оценкам хозяйственной деятельности. Как это ни было парадоксальным, Сталин считал, что нельзя, например, оперировать усредненными величинами, чтобы установить, имеет ли место тенденция к увеличению или

снижению того или иного процесса. В речи на пленуме Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) в апреле 1929 года, озаглавленной "О правом уклоне в ВКП(б)", Сталин по этому поводу говорил:
"Рыков пугал здесь партию, уверяя, что посевные площади по СССР имеют тенденцию систематически сокращаться. При этом он кивал в сторону партии, намекая на то, что в сокращении посевных площадей виновата политика партии. Он прямо не говорил, что дело у нас идет к деградации сельского хозяйства. Но впечатление от его речи получается такое, что мы имеем на лицо что-то вроде деградации.

Верно ли, что посевные площади имеют тенденцию к систематическому сокращению? Нет, неверно. Рыков оперировал здесь средними числами о посевных площадях по стране. Но метод средних чисел, не корректированный данными по районам, нельзя рассматривать как научный метод.

Может быть Рыков читал когда-либо "Развитие капитализма в России" Ленина. Если он читал, он должен помнить, как Ленин ругает там буржуазных экономистов, пользующихся методом средних чисел о росте посевных площадей и игнорирующих данные по районам. Странно, что Рыков повторяет теперь ошибки буржуазных экономистов" (118).
После таких неграмотных рассуждений в ход могли пойти любые способы учета, лишь бы они сигнализировали о нужных руководству тенденциях, а не наоборот. Уроки нигилистичного отношения к экономическим категориям, к статистике и вообще к анализу действительности, не могли не учитываться всеми в стране. Партийный лидер учил тому, как надо вести себя, и нет ничего удивительного, что Лысенко и его штатные и нештатные помощники вели себя аналогично в своей сфере: подсчитывали якобы достигнутые на колхозных полях прибавки урожаев от яровизации, полученные цифры умножали на цифры посевных площадей и выводили гигантские, ни с чем не сравнимые цифры, рапортуя об этом во все инстанции (119). Однако абсолютная прибавка урожая от яровизации, рассчитанная самим Лысенко, даже в те годы не выходила за пределы ошибок измерений и составляла около 1 ц/га (в 1935 году Лысенко писал: "прибавка от яровизации равна в среднем свыше центнера на гектар" /120/).

Но, конечно, раздутыми на бумаге цифрами народ не накормишь, а страна чем дальше, тем больше недополучала хлеба, кормового зерна и другой сельскохозяйственной продукции. В этих условиях сообщения о том, что в "тысячах колхозов получены прибавки урожая от яровизации", что "метод показал свою жизненность, будучи проверенным на полях", как это постоянно заявлял Лысенко, принимались на ура, а скептицизм ученых, не доверявших сомнительной информации или требующих все тщательно проверить, рассматривался как происки вредителей, очернителей колхозного строя.

Сам же Лысенко повторял снова и снова, что именно советские условия научили его тем специфическим (скажем от себя: антинаучным) методам работы. В программной статье" Мой путь в науку" в газете "Правда" в 1937 году он откровенно высказался по этому поводу:
"Имея способности и желание, в нашей стране легко стать ученым. Сама советская жизнь заставляет становиться в той или иной степени ученым. У нас очень трудно и даже невозможно провести резкую, непереходимую грань между учеными и неучеными. Каждый сознательный участник колхозно-совхозного строительства является в той или иной степени представителем агронауки. В этом сила советской науки, сила каждого советского ученого . Вот почему тот путь, который привел меня к науке, является обычным, доступным для любого гражданина Союза" (121).
Сельскохозяйственная политика коммунистов

Призыв к индустриализации страны звучал много раз из уст Ленина. На VIII-м

Всероссийском съезде Советов в 1920 году он сказал:
" Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно (122).
На XIV-м съезде ВКП(б) в декабре 1925 года было объявлено, что главной задачей в стране становится срочная индустриализация страны. Троцкий и его сторонники по "левому уклону партии" Зиновьев и Каменев выступили против такого курса, но в борьбе со Сталиным (и поддержавшим его Рыковым и Бухариным) потерпели поражение. Страна начала невиданное по широте строительство новых крупных металлургических, машиностроительных, станкостроительных, автомобильных, тракторных, химических заводов, электростанций, предприятий по добыче угля и металла. Параллельно коммунисты нагнетали в стране страх перед неминуемым грядущим нападением на Советский Союз капиталистических государств (после прихода Гитлера к власти параллельно с военной истерией в СССР осуществлялась широкая, причем противоречащая международным соглашениям, помощь Германии в развитии ее авиации, флота и танковых войск).

В 1926 - 1927 годах на создание промышленности был выделен 1 миллиард рублей, в 1927 году все работающие граждане были обязаны отдавать значительную часть своего заработка "в долг" государству в виде закупки облигаций 1-го займа индустриализации. Таким путем удалось собрать еще 200 миллионов рублей. Согласно советским статистическим данным, удельный вес государственного сектора в промышленности достиг 82,4%, в торговле частный сектор был сокращен с почти 90% в 1922 году (52,7% в 1924 году) до 23,6% (123).

Вопрос о путях развития сельского хозяйства стоял остро с первых дней существования советского государства. Одним из первых декретов новой власти был декрет "О земле", провозгласивший полное распределение пахотных земель в индивидуальное пользование, что и позволило привлечь на сторону большевиков массы крестьянства. Но проблема снабжения продукцией сельского хозяйства оставалась нерешенной, что заставило Ленина искать разные (порой взаимоисключающие) пути преодоления голода: от политики мирных уговоров крестьян (сдавать зерно государству по приемлемым ценам) до конфискации всего наличного зерна (посылаемыми в деревню вооруженными продотрядами); от стимулирования беднейшей части крестьян (так называемых бедняков - в России или незаможников - на Украине) до передела земель у зажиточных и трудолюбивых крестьян.

Ленину импонировала идея создания под контролем государства крупных сельскохозяйственных артелей (Сталин был продолжателем его дела), которые можно было бы снабжать тракторами, комбайнами, сеялками и другими машинами, но все-таки трезвые головы в ленинском аппарате не давали развернуть лозунг резкого ускорения в создании таких артелей (коллективных хозяйств, или колхозов) в лозунг поголовной коллективизации. Многие большевистские лидеры понимали, что сельский труд по своей природе индивидуален, что только любящие свое дело и готовые трудиться до "седьмого пота" люди способны добиться реальных успехов в сельскохозяйственном производстве, что многовековая традиция работать на земле, причем на своей земле, "рвать пуп", чтобы эту землю холить и лелеять, не может быть отброшена в одночасье.

При Ленине начались нападки на крепких крестьян со стороны некоторых "проводников советской линии". Использовав ругательную кличку "кулаки", Ленин и многие коммунисты пытались начать террор против них с первых дней советской власти. Но наиболее здравомыслящие из большевиков пытались противостоять насилию. В 1918 году в газете "Правда" развернулась дискуссия по этому поводу. М.А.Ольминский, работавший в 1917 году членом Коллегии Наркомфина, а в 1918-1919 годах членом редколлегии "Правды", в серии статей резко возражал против разорения сильных крестьян под флагом борьбы с

кулаками. Он остро ставил вопрос о кулаках и предупреждал, что нападки на тружеников села могут обернуться серьезными бедами для советского государства в целом. В статье, озаглавленной "Одно из самых возмутительных явлений", Ольминский писал:
"Трудно строится новая, Советская Россия. К трудностям внешним присоединяется и наше собственное непонимание, неумение, незнание.

Но хуже всего, когда мы даже не хотим знать, не хотим понимать. В этом случае наша гибель, гибель всей пролетарской революции неизбежна.

С фактом такого нежелания понимать приходится нередко встречаться, когда слышишь разговор о так называемых "кулаках".

... Мы не ведем и не вели войны с крестьянами-тружениками. Вести с ними войну - значило бы... рыть самим себе могилу.

Помню, летом в одной партийной газете было напечатано, будто в таких-то волостях, - кажется, в Орловской губернии, - девяносто процентов крестьян - кулаки.

Это - явная нелепость...

Неужели октябрьская революция с лозунгом отобрания земли от помещиков произведена лишь для того, чтобы, наделив разоренных крестьян землею, объявить их кулаками-кровопийцами и начать новую войну против них?" (129).
Через две недели в "Правде" появилось другое письмо, в котором позиция Ольминского оспаривалась. Заведующий финансовым отделом Курского губисполкома С.Казацкий возразил Ольминскому, заявив, что последнему легко обвинять, сидя в столице, и говорить, что многие крестьянские бунты в Тамбовской, Орловской, Курской и других губерниях инспирированы неверной политикой местных властей (а Ольминский открыто писал об этом в "Правде" из номера в номер в конце 1918 года), но что, дескать, оставалось делать властям на местах, чтобы выколотить из крестьян "чрезвычайный налог"? По мнению Казацкого, единственный путь выполнения плана, спущенного из центра, - это обложить всех сколько-нибудь имущих крестьян большим налогом (130). Позже Ольминский пытался возразить против такой практики, утверждая, что она противоречит здравому смыслу, что заявления, будто для сбора продналога на местах не оставалось ничего иного, как "давить кулака", приведут к беде, но отменить решение ЦК партии Ольминский не мог.

Борьба с кулаками продолжалась и позже. Нелепость разорения зажиточных крестьян была многим ясна. Против нее открыто выступали не только политические деятели. Известны многочисленные обращения против расправ с крестьянами-тружениками деятелей литературы, философии, агрономии, экономистов и пр. В.Г.Короленко в опубликованном письме А.М.Горькому призывал его встать на защиту безвинно страдающих, обращал внимание на экономический вред от такой политики:
"Нужно отказываться от так называемого раскулачивания. Я знаю такую историю. В одной из близлежащих волостей была семья, очень трудоспособная, у нее было сорок десятин [1 десятина примерно равна 1 гектару - В.С.]. Комнезаможи 14 половину отобрали, оставили только 20 десятин на большую семью. Но все-таки семья опять справилась и живет зажиточно. Тогда им оставили только 12 десятин. Семья живет все-таки лучше других. Тогда комнезаможи не знают, что делать с этими "кулаками", и решили, наконец, ... выгнать их совсем из села... Скажите, что же это такое, если не предположить, что тут преследуется окончательное обнищание России. Всех под одно...

От этой системы раскулачивания надо решительно отказаться...

Обобщая все сказанное, делаю вывод: наше правительство погналось за равенством и добилось только голода. Подавили самую трудоспособную часть народа, отняли у нее землю, и теперь земля лежит впусте. Комнезаможи - это часть народа, которая никогда не стояла на особенной высоте по благосостоянию, а распоряжаются всем хозяйством коммунисты, то-есть теоретики, ничего не смыслящие в хозяйстве.

Опять повторяю: нужно вернуться к свободе" (150).
Такие выступления против борьбы с кулаками способствовали ограничению разорения деревни, и временами давление на "кулака" ослабевало.

Столь же неоднозначным оставался вопрос о создании крупных хозяйств. Вскоре после смерти Ленина А.И.Рыков - член Политбюро ЦК РСДРП и один из руководителей советского государства, оставшийся главой правительства (председателем Совета Народных Комиссаров, до этого с 1921 года он был заместителем председателя, а Ленин председателем) настаивал на том, что нужно стимулировать работу именно индивидуальных (единоличных) крестьян. Его поддерживал другой крупный руководитель партии и государства Н.И.Бухарин. В докладе "Об экономическом положении СССР и итогах партдискуссий в РКП(б)" на V-м Всемирном конгрессе Коминтерна 4 июля 1924 года Рыков показательно озаглавил раздел о сельском хозяйстве: "Крестьянский двор - основа нашего сельского хозяйства" и сказал: "Отличительной чертой нашего сельского хозяйства является то, что оно есть сельское хозяйство мелкое, хозяйство крестьянского двора. Мы совершенно не имеем крупных латифундий, крупных имений, фабрик зерна и мяса. Из земель, которые были конфискованы во время Октябрьской революции... в количестве более 30.000.000 десятин, мы почти все раздали крестьянам. В руках государства осталось и удобных и неудобных земель что-то около 2 миллионов десятин, которые должны быть использованы для организации показательных хозяйств, семеноводства, коневодства и т. д. и т. п. Основой всего сельскохозяйственного производства, его рабочей ячейкой является колхозный двор. Этих дворов насчитывается 18-20 миллионов. Эти 18-20 миллионов самостоятельных земледельческих хозяйств работают на основе свободного товарооборота" (124).
Избранный подход дал свои плоды. К 1923 году советская Россия впервые полностью обеспечила не только свои внутренние нужды, но и смогла экспортировать за границу около 3 млн. тонн зерна. На V Конгрессе Коминтерна Рыков сообщил:
"Мы имели [в 1923 году - В.С.] избыток хлеба, по покрытии всех потребностей в республике, более 200 миллионов пудов" (125).
Возможно, его заявление не отражало реальных успехов, и вывоз хлеба за пределы России был пропагандистским шагом, но тем не менее этот результат политики компартии был озвучен. Таким образом опора на частных землевладельцев привела коммунистов к хорошим итогам, и хотя в ряде мест упор делали на силовой подход к созданию коллективных хозяйств, однако в целом по стране социализация сельского хозяйства еще не достигала таких размеров, как в промышленности и на транспорте. В 1927 году в стране насчитывалось более 25 миллионов индивидуальных крестьянских хозяйств, из которых 5% рассматривались властями как кулацкие, 60 процентов - середняцкие и 35% - бедняцкие (126). Можно было бы и дальше развивать экономические рычаги для помощи индивидуальным хозяевам (фермерам в западном понимании). Но политические рецепты насильственной социализации в сельском хозяйстве, как считал Сталин, требовали иного: заставить крестьян поступиться своими "частнособственническими" интересами и, лишившись своих наделов земли, пойти в коллективные хозяйства, где все было бы общим. А чтобы подать этот рецепт как единственно возможный, партия пошла на меры экономического удушения индивидуального крестьянства, искусственно создав впечатление якобы растущих в деревне антигосударственных устремлений. Под нажимом Сталина

государственные органы стали занижать закупочные цены на зерно и другую сельскохозяйственную продукцию, при этом планомерно и резко завышая цены на все промышленные товары. Устанавливая эти "ножницы цен", коммунистическая партия намеренно старалась выжать из крестьян как можно больше продукции за меньшую цену. Одновременно были снижены отчисления из государственного бюджета на развитие инфраструктуры деревни. Крестьян пытались этими мерами подтолкнуть к тому, чтобы они поняли сами, как хорошо забыть все тяготы и вступить в колхозы, которым государство давало много льгот и поблажек. Вместо ожидаемого результата произошло другое: крепкие хозяева пытались всеми силами выжить, слабые разорялись и, естественно, озлоблялись против крепких хозяев еще больше. Реальные закупки сельскохозяйственной продукции в стране, по словам Сталина, резко упали. Было ли действительно падение столь сильным, сказать нельзя, но утверждение это в партийной прессе муссировалось и было использовано как предлог для перехода к насильственной коллективизации сельских хозяйств.

В Политическом отчете Центрального Комитета ВКП(б) XV-му съезду партии, сделанном 3 декабря 1927 года, Сталин, обсуждая провал планов подъема хлебозаготовок в стране (хотя к этому времени официальные сводки гласили, что масштаб производства и заготовок зерна был будто бы выше, чем во все предшествующие годы советской власти), задал вопрос: "Где выход для сельского хозяйства?" и дал ответ:
"Выход в том, чтобы мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства постепенно, но неуклонно, не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения, объединять в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, коллективной обработки земли, с применением сельскохозяйственных машин и тракторов, с применением научных приемов интенсификации земледелия. Других выходов нет" (127).
Такой вывод был тем не менее не единственно возможным, на что указывали специалисты в области сельского хозяйства и даже многие руководители партии большевиков, предлагавшие изменить ценовую политику и дать больше свободы индивидуальным крестьянам. Как сказано выше, Рыков, Бухарин, М.П.Томский считали, что политика тотальной коллективизации приведет к падению производства продукции сельского хозяйства, что опора на кулаков как наиболее творческих и сильных людей в деревне была бы более оправдана, что поворот к социализму у сельских жителей произойдет постепенно (как говорили тогда, стихийно), по мере того, как будет налажен товарооборот промышленного города с деревней. Они одновременно возражали против ускоренных до изнурения темпов индустриализации.

Однако вопреки их мнению подавляющее большинство делегатов XV-го съезда партии приняло предложение Сталина как программу действий, дав санкцию на коллективизацию сельского хозяйства страны.

Но пока, в декабре 1927 года, Сталин еще играл в демократию, делал вид, что он не готовит никакой поголовной коллективизации всех хозяйств с арестом и высылкой лучших крестьян, названных "кулаками". Он еще вполне миролюбив на словах и потому задает вопросы в рамках якобы законной обеспокоенности тем, все ли делается правильно и без перегибов:
"Все ли делается для того, чтобы ограничить и изолировать экономически кулачество? Я думаю, что не все. Неправы те товарищи, которые думают, что можно и нужно покончить с кулаком в порядке административных мер, через ГПУ: сказал, приложил печать и точка. Это средство - легкое, но далеко не действительное. Кулака надо взять мерами экономического порядка и на основе советской законности. А советская законность не есть пустая фраза" (132).
Но прошло лишь несколько дней и эта "мирная инициатива" под шумок опрокидывается. ЦК партии начинает эскалацию приготовлений к поголовной коллективизации крестьянских хозяйств. 14 декабря 1927 года ЦК ВКП(б) рассылает по всем партийным органам директиву

о хлебозаготовках и ускорении формирования колхозов. Вслед за ней, 24 декабря, якобы потому, что первая директива ничего не дала (а, спрашивается, чего можно было добиться существенного за 10 дней?), ЦК посылает вторую директиву, составленную в более жестких тонах, а сразу за ней, 9 января 192 8 года, третью, как подтверждает сам Сталин в феврале того же года:
"... совершенно исключительную как по своему тону, так и по своим требованиям. Директива эта кончается угрозой по адресу руководителей партийных организаций, если они не добьются в кратчайший срок решительного перелома в хлебозаготовках" (133).
Вслед за тем, 15 января 1928 года, Сталин выезжает в Сибирь, объясняя цель поездки "неудовлетворительным ходом заготовок в крае", выступает в Новосибирске, Барнауле, Омске, Рубцовске, призывает к созданию колхозов и "вытеснению" кулаков, обосновывая срочность этого мероприятия в основном тем, что за три последних высокоурожайных года в стране собрано много хлеба, а кулаки, якобы стремясь взвинтить на зерно спекулятивные цены, искусственно задерживают сдачу хлеба государству. На этот раз Сталин уже не уговаривает создавать колхозы, а угрожает местным властям.
"Я объехал районы вашего края, - говорит он сибирякам, а заодно и всем руководителям в стране - и большим и маленьким, - и имел возможность убедиться, что у ваших людей нет серьезной заботы о том, чтобы помочь нашей стране выйти из хлебного кризиса" (134).
Теперь, спустя менее месяца после своей же миролюбивой речи на XV съезде ВКП(б), когда он призывал объединять крестьян "не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения", он вдруг говорит диаметрально противоположное о текущих задачах:
"Отсюда вывод: нажать во-всю на развитие крупных хозяйств в деревне типа колхозов и совхозов, стремясь превратить их в хлебные фабрики для страны, организованные на основе современной науки. Этим, собственно, и объясняется, что XV съезд нашей партии дал лозунг о всемерном развитии колхозного и совхозного строительства" (135).
В качестве юридической основы для ареста кулаков он предлагает использовать статью 107, введенную за год до этого в Уголовный Кодекс РСФСР, предписывающую привлекать лиц к уголовной ответственности за спекуляцию с конфискацией имущества в пользу государства.

16 мая 1928 года в газете "Правда" на самом видном месте было опубликовано "Обращение ЦК ВКП(б) ко всем ЦК компартий республик, бюро ЦК ВКП(б), крайкомам, обкомам, губкомам, окружкомам и укомам ВКП(б)", озаглавленное "За социалистическое переустройство деревни (основные задачи отделов по работе в деревне)". Под обращением стоит подпись секретаря ЦК ВКП(б) В.М.Молотова.

С этого момента начинается официально санкционированная кампания по выявлению тех, кого местные начальники, активисты и бедняки-ударники относят к кулакам. Никаких четких критериев, кого считать кулаком, не было выработано, и в разных районах страны в разряд кулаков попали хорошо хозяйствовавшие крестьяне с самым разным достатком. У них конфисковывали все имущество, их самих с семьями срочно высылали, кое-где их зверски убивали свои же односельчане из числа оголтелых бедняков, а по всей стране формировали колхозы. Максимального размаха эта кампания достигла к январю 1930 года.

Точных цифр числа кулаков, высланных и уничтоженных в СССР, ни в советское, ни в постсоветское время опубликовано не было, хотя эти цифры наверняка должны быть известны властям. Размер бедствия приоткрывался потихоньку, и каждый раз цифры росли. По так называемым "официальным советским данным", опубликованным в 1975 году, более 2,5 миллионов человек было признано кулаками, причем большая их часть была выслана (136); в 1987 году экономист Николай Шмелев, выступая с лекцией в Москве, сообщил, что на самом деле только погибло в годы коллективизации около 7 миллионов человек (видимо, он знал достаточно точные цифры, так как в прошлом был зятем Н.С.Хрущева). Еще несколько сотен тысяч человек (опять по официальным, несомненно, сильно заниженным

данным) было раскулачено вплоть до 1934 года, причем "раскулачивание в начале 1930 года в целом проходило на основе и в тесной связи со сплошной коллективизацией, хотя в ряде случаев и опережало ее" (137). Во многих областях были приняты меры к тому, чтобы ни один зажиточный крестьянин не мог избежать раскулачивания. Так, Нижегородский крайком ВКП(б) 12 февраля 1930 года разослал не только подробные указания о порядке проведения раскулачивания в районах сплошной коллективизации, но и о запрещении самовольного выезда кулаков и распродажи ими имущества (138).

В августе 1942 года, в разгар 2-й Мировой войны у Черчилля состоялись длительные многочасовые беседы со Сталиным, которые Черчилль описал в своих мемуарах. Вот отрывок из русского перевода воспоминаний Черчилля:
" - Скажите, - спросил я, - на вас лично так же тяжело сказываются тяготы этой войны, как проведение политики коллективизации?"

Эта тема сразу оживила Сталина.

- Ну нет, - сказал он, - политика коллективизации была страшной борьбой.

- Я так и думал, что вы считаете ее тяжелой, - сказал я, - ведь вы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей.

- С 10 миллионами, - сказал он, подняв руки. - Это было что-то страшное, это длилось четыре года...

- Это были люди, которых вы называли кулаками?

- Да, - сказал он, не повторив этого слова. После паузы он заметил:

- Это было трудно, но это было необходимо" (139).
Однако потери крестьянства в те четыре года были значительно больше. Помимо раскулаченных еще около 9 миллионов человек умерло от голода в результате экспроприации всего зерна Красной армией и коммунистическими отрядами рабочих (140).

Многие пытались жаловаться на произвол властей. Только в приемную председателя ЦИК СССР и ВЦИК М.И.Калинина "в течение 1930 года поступило 172,5 тысячи жалоб и заявлений, из них около 30% в связи с раскулачиванием" (141).

Секретарь ЦК ВКП(б) Украины, член Политбюро ВКП(б) С.В.Косиор, позже сам погибший от сталинского террора, призывал в 1930 году к еще большему развертыванию кампании борьбы с кулаком:
"То, что мы осуществляем, является лишь первым мероприятием, правда, крайне серьезным, решающим, но впереди еще гигантская и трудная работа. Надо учесть, что в районах сплошной коллективизации мы не всех кулаков раскулачили, многим удалось от раскулачивания улизнуть. Кроме того, у кулака в деревне еще остались крепкие корни, связи, у него есть своя агентура в лице подкулачников. Наконец, без всякого надзора остались раскулаченные кулаки и те, которые ждали раскулачивания. Ясно, что они озлоблены, враждебно настроены и готовы на все" (142).
Ему вторил в те дни секретарь Нижне-Волжского крайкома партии, член ЦК ВКП(б) Б.П.Шеболдаев, расстрелянный в октябре 1937 года:
"Конечно, проведенные меры по конфискации имущества, частичной высылке и расселению раскулаченных еще не означают ликвидацию кулачества как класса. Лишенное своей

эксплуататорской основы кулачество остается злейшим врагом колхозов и Советской власти" (143).
Даже в феврале 1932 года, уже после окончания основной фазы раскулачивания, секретарь ЦК ВКП(б) П.П.Постышев, расстрелянный через 7 лет, призывал на VI Совещании руководящих работников органов юстиции (чтобы они не расслаблялись):
"Мы ни в коем случае не должны забывать, что этот вчерашний кулак морально не разоружился, что он пока еще не склонен сдаваться на милость победителя... Он - этот вчерашний кулак - не перестает питать надежду на срыв социалистического строительства, все время озираясь на капиталистическое окружение и рассчитывая на интервенцию" (144).
И, конечно, разрушение хозяйств наиболее рачительных крестьян, конфискация их имущества, выселение и аресты - все это делали под флагом облегчения работы по созданию колхозов на всей территории страны. Откровенно раскрыл эту политику "всесоюзный староста", сам недавно выходец из крестьян, Калинин, выступая 14 февраля 1930 года:
"Мы проводим раскулачивание не для того только, чтобы поделить имущество. Раскулачивание ведется для того, чтобы перестроить всю жизнь... Наша главная работа - это закрепить раскулачивание. Это значит уничтожить те элементы, которые создают новых кулаков. Этого мы сможем добиться только созданием крепких колхозов" (145).
Когда же основное было сделано, миллионы людей подвергнуты репрессиям, Сталин выступил со статьей "Головокружение от успехов (К вопросам колхозного движения)" (опубликована в "Правде" 2 марта 1930 года), в которой попытался снять с себя вину за все репрессии, обвинив местные органы в проведении линии партии на коллективизацию с искривлениями в особенно уродливых формах.

Последствия коллективизации оказались для страны губительными. Политические решения были воплощены в жизнь силой: Красная Армия, ГПУ, партийные органы довели дело уничтожения крестьянских хозяйств до последней точки, но ни сеять, ни собирать урожай от этих мер никто лучше не стал. Жесточайший голод в России, на Украине и в Белоруссии был расплатой за волевые приказы вождя всех народов. В этих условиях обещания Лысенко были подобны манне небесной для коммунистических лидеров.

Использовал Сталин коллективизацию и для решения своих внутрипартийных дел. Обвинив Рыкова, Бухарина, Томского в правом уклоне в развитии генеральной линии партии, Сталин, невзирая ни на какие экономические доводы, начал борьбу с правоуклонистами, с ядром партийного и государственного руководства не на жизнь, а на смерть именно по вопросам индустриализации и коллективизации. И Рыков, и Бухарин, и все стоявшие на их платформе руководители были обвинены во вредительстве, а вместе с ними были отброшены и разрабатываемые ими представления о путях развития сельского хозяйства. В ноябре 1929 года Рыков публично покаялся в своих ошибках в определении линии партии на поголовную коллективизацию, но это не спасло его от преследований Сталина: он был снят со всех крупных постов и выведен из Политбюро. "Партия осудила позицию правооппортунистической группы и признала пропаганду ее взглядов несовместимой с пребыванием в ВКП(б). Рыков, председатель СНК СССР (с 1924) был снят с этого поста. Председателем СНК СССР в 1930 назначен В.М.Молотов" (128).

Надо
 также сказать о том, что одновременно с борьбой против "левого" и "правого" уклонов в партии, Сталин приступил к новому витку культурной революции. Именно с этого времени в стране партия перешла к неослабному контролю за литературой, искусством, научными и другими публикациями. Органы безопасности перешли к массовым арестам интеллектуалов, в особенности тех, кто участвовал в "несанкционированных семинарах" на любые темы, включая научные (несанкционированными считались любые встречи в отсутствие наблюдателей от партийных организаций и от ЧК-ГПУ); тех, кто открыто критиковал

советские власти или, не дай Бог, партийные комитеты; тех, кто был уличен в создании художественных произведений, относимых к безыдейным, упадочническим, религиозным и вообще идеалистическим, не говоря уже о самом страшном - антипартийным. Именно в 1929 году был арестован, а затем сослан из Москвы крупнейший российский генетик Сергей Сергеевич Четвериков. До ареста он выполнил исследование, благодаря которому впервые генетика и дарвинизм были объединены единой идеей, он заложил основы учения о генетических факторах накопления мутаций в видах в естественных условиях, что сегодня исключительно важно для охраны окружающей среды. Арест фактически прекратил плодотворную работу четвериковской лаборатории, из которой вышли самые крупные генетики России, Белоруссии и Украины. Арест Четверикова в 1929 году был далеко не единичным случаем. Именно с 1929 года - "года великого перелома" - по Сталинской терминологии - коммунистический террор пошел на новый, все более набиравший силу уровень. И именно в этом году на командные позиции в науке власти вывели Лысенко.

Примечания и комментарии

к главе I

1 Т.Лысенко. Мой путь в науку. Газета "Правда", 1 октября 1937 г., №271 (7237), стр. 4.

2 Умань. Малый Энциклопедический словарь, Брокгауз-Ефрон, т. 3, С.-Петербург.

3 В.Л.Витковский. Федор Авксентьевич Крюков. В кн.: "Соратники Николая Ивановича Вавилова. Исследователи генофонда растений". СПБ, Изд. ВИР, 1999, стр. 272-276.

4 Сведения об этом приведены в очерке Тих. Холодного "Академик Т.Д.Лысенко". Журнал "Новый мир", 1938, №7, стр. 192.

5 См. книгу: Трофим Денисович Лысенко. Материалы к биобиблиографии ученых СССР, сер. биол. наук, агробиология, вып. 1, Изд. АН СССР, М., 1953. Сведения о трудовой деятельности Лысенко приведены во вступительной статье, написанной И.Е.Глущенко, (см. стр. 3).
6 Там же, стр. 6.

7 Т.Д. Лысенко. Техника и методика селекции томатов на Белоцерковской селекстанции. Бюллетень сорто-семеноводческого управления, 1923, №4, стр. 72-76; его же (совместно с А.С. Оконенко). Прививка сахарной свеклы, там же , стр. 77-80.
8 Личное сообщение академика ВАСХНИЛ И.Е. Глущенко, 1980.

9 Биографы Лысенко всегда тяготели к улучшению, исправлению и приукрашиванию фактов из жизни своего героя. Так , во вступительной статье к биобиблиографии Лысенко сказано, что он в 1925-1929 годах работал "заведующим отделом селекции бобовых селекционной станции в г. Гандже Азербайджанской ССР" (см. прим. /5/, стр. 3), тогда как сам Лысенко, подписываясь 15.ХП.1927 г. под "предисловием автора" к его работе 1928 г. (см. прим. /12/), на стр. 3 указывает свою должность как "специалист станции " , а позже, в 1937 году, в статье "Мой путь в науку" в газете "Правда" (см. прим. /1/) пишет:
"В Гандже... мне предложили должность младшего специалиста по селекции бобовых, фуражных и сидерационных растений" [выделено мной - В.С.].

10 См. прим /1/.

11 Н.Ф.Деревицкий. К вопросу о методике полевого опыта в сортоводстве. Труды

Ганджийской
Центральной Селекционно-опытной с.-х. станции. Вып. 1, Тифлис. 1926. Его же: Математические методы в полевом опыте. М., Гос. Техническое Издательство. 1929. Его же: Браковка отдельных дат полевого опыта и последующая обработка его данных. Труды Среднеазиатского Государственного Университета, серия V - Математика, вып. 22, Ташкент. 1939. Его же: Указания по статистической обработке данных сортоиспытания (составитель доктор сельскохозяйственных наук Н.Ф.Деревицкий), М., Изд. Наркомзема РСФСР. 1940.
12 Т.Д.Лысенко. Влияние термического фактора на продолжительность фаз развития растений. Опыт со злаками и хлопчатником. Труды Азербайджанской Центральной Опытно-селекционной станции им. тов. Орджоникидзе, вып. 3, Баку, 1928. Эта же работа была перепечатана в сборнике работ Т.Д.Лысенко "Стадийное развитие растений", Сельхозгиз, М., 1952, стр. 5- 189. Приводимая цитата взята со стр. 12.

13 См. статью "Сидерация", Большая Советская Энциклопедия (далее везде цитируется как

БСЭ), 3 изд., М., Изд. "Сов. Энцикл.", 1976, т. 23, стр. 350-351.

14 Справедливости ради надо отметить, что бобовые так и не стали сколько-нибудь существенной культурой в растениеводстве Азербайджана (см., напр., БСЭ, 3 изд., статья "Азербайджанская ССР", 1970, т. 1, стр. 261-262, а также таблицы 5, 6, 8 там же).

15 Вит. Федорович. Поля зимой. Газета "Правда", 7 августа, 1927 г., №178 (3710), стр. 5.

16 Там же.

17 Там же.

18 Там же.

19 Там же.

20 Там же.

21 Личное сообщение поэта, переводчика и писателя С.И.Липкина, 1987 Семен Израилевич Липкин в конце 20-х годов жил в Одессе, встречался с другими молодыми интеллектуалами в городе и, как он рассказал мне в 1983 году, в 1929-1930 годах несколько раз встречал приходившего на некоторые встречи молодого Лысенко, перебравшегося в Одессу и тяготевшего к литераторам. Липкин запомнил Лысенко как скромного, вежливого человека.
22 См. прим. (12). Цитировано по перепечатке его работы в сборнике "Стадийное развитие рас тений", Сельхозгиз, М., 1952, стр. 15

23 Там же, стр. 21.

24 Там же, стр. 20.

25 Там же.

26 Там же, стр. 31.

27 Там же, стр. 188.

28 См. прим. (12), стр. 3.

29 Всесоюзное совещание по вопросам научно-исследовательской агрономической работы в сахарной промышленности, на котором выступил Лысенко, было созвано Центральным Институтом сахарной промышленности и Сортоводно-семенным управлением Сахартреста 12-19 декабря 1928 г. (см. сборник "Материалы Всесоюзного совещания по вопросам научно-исследовательской агрономической работы в сахарной промышленности, созванное ЦИНС'ом", М., изд. НТУ ВСНХ, 1929, стр. 34-36 /Труды ЦИНС, вып. 2/).
30 Т.Д.Лысенко, Д.А.Долгушин. К вопросу о сущности озими. В кн.: "Список докладов и тези-
сов Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде, 10-16 января 1929 г.", Л., изд. Орг. бюро Съезда, 1929, стр. 131-132. Полный текст доклада был опубликован под тем же названием в книге "Труды Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде 10-16 января 1929 г.", том 3, Л., тип. Военноморских сил РККА, 1929, стр. 189-199, см. также перепечатку в кн.: Т.Д.Лысенко "Стадийное развитие растений", 1952, Сельхозгиз, М., стр. 193-201.
31 Б.Л.Астауров. Съезд генетиков, газета "Известия", 31 мая 1966 г.

32 Цитир. по /22/, стр. 193.

33 Лысенко. В чем сущность гипотезы "озимости" растений? "Сельскохозяйственная газета", 7 декабря 1929 г., №233, стр. 3. Статья подписана: "гор. Ганджа. Лысенко" (без инициалов автора), свидетельствующая о том, что Лысенко некоторое время числился одновременно и на станции в Гандже и в Одесском институте (см. также перепечатку этой статьи в книге "Стадийное развитие растений", прим. /22/, стр. 205). По утверждению Б.Э.Берченко и А.А.Созинова (см. прим. /113/ в этой главе) Лысенко был приглашен в Одесский институт Наркомземом Украины, и в октябре 1929 г. началась его деятельность в Одессе, где для него была создана "специальная лаборатория, получившая название лаборатории физиологии развития" (см. прим. /113/, стр. 357).
34 Репортажу в "Ленинградской правде" предшествовали сразу четыре заголовка, набранных

разными шрифтами:

"Всесоюзный съезд по генетике, селекции и семеноводству

УСПЕХИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Германские ученые используют наш опыт

МОЖНО ПРЕВРАТИТЬ ОЗИМЫЙ ЗЛАК В ЯРОВОЙ"

Репортаж начинался с рассказа о работах по изменению сроков высева зерновых культур путем обработки наклюнувшихся семян низкими температурами. В заметке говорилось: "Проф. Н.А.Максимов устанавливает новую точку зрения на озимые и яровые злаки. Каждый злак в известных условиях может быть превращен в яровой. Такое положение уже достигалось в лабораторной обстановке.

Конечно, перенесение этих опытов на поля невозможно. Но, безусловно, представляется возможность широкого вмешательства в вегетацию парниковых растений". (См. "Ленинградская правда", 16 января 1929 г., №13, стр. 3).

В своем изложении журналисты, по-видимому, приписали Н.А.Максимову более широкий взгляд на возможности изменения растений при обработке их холодом, сообщив, что

"каждый озимый злак ... может быть превращен в яровой". Можно думать, что в этой фразе совместили точку зрения Лысенко и Долгушина, с одной стороны, и Максимова, с другой, хотя все последующее (то есть ограниченность возможной сферы применения этого метода) отражало максимовские взгляды.
35 А.Ф.Мауер. Памяти Гавриила Семеновича Зайцева (1887-1929). "Ботанич. журнал", 1958, т. 43, №12, стр. 1771-1774; Семен Резник. Завещание Гавриила Зайцева, М., Изд. "Детская литература", 1981. Н.К.Лемешев. Гавриил Семенович Зайцев; В кн.: "Соратники Николая Ивановича Вавилова. Исследователи генофонда растений". СПБ. Изд. ВИР, 1994, стр. 173-178.

36 Такое предположение, в частности, многократно высказывала профессор Тимирязевской Академии А.И.Атабекова.

37 Вл. Григорьев. Открытие агронома Лысенко. Метод Лысенко будет на практике применен в

совхозах и колхозах Украины. Газета "Правда", воскресенье 21 июля 1929 г., №165 (4299), стр. 4.

38 Газета "Экономическая жизнь" 4 августа того же года опубликовала анонимную статью "Открытие агронома Лысенко", №177.

39 А.Шлихтер. О посеве озимых культур весной (Открытие агронома Лысенко). Газета "Правда", 8 октября 1929 г., №232 (4366), стр. 3.

40 Антоновщина. БСЭ, 3 изд., т. 2, 1970, стр. 96-97.

41 А.Г.Шлихтер. Экономические проблемы строительства фундамента социализма. М. Изд. "Наука", 1982. Его же: Вопросы революции в России и некоторые проблемы общественной жизни. М., Изд. Наука, 1983 (в книге приведена библиография трудов А.Г.Шлихтера, см. стр. 227-237). О нем: П.Дубенский, Б.Ванцак. Главная удача жизни. Повесть об А.Г.Шлихтере. М., Политиздат (серия "Пламенные революционеры"). 1980.
42 См. прим. (39).

43 Карловка. Малый энциклопедический словарь. т. 2, СПБ, Брокгауз и Эфрон, 1900, стр. 984-985; Карловка. БСЭ, 3 изд., т. 11, 1973, стр. 440

44 Т.Д.Лысенко. Теоретические основы яровизации. М.-Л., Гос. изд. колх. и совх. лит-ры,

1935, 151 стр. с рис. и 1 вклейкой и портретом автора. Эта книга неоднократно переиздавалась (2-е переработанное и дополненное издание, 192 стр., 1936 г.; то же на армянском языке, 1939 г.; сокращенный вариант на эстонском языке, 1947 г. и др.), была неоднократно включена в том избранных работ Лысенко "Агробиология" и т. п. Цитир. по его книге "Стадийное развитие растений", 1952, стр. 336.

Эту же цифру 24 ц/га привел в своей брошюре близкий в те годы к Лысенко Н.В.Турбин: см. Н.В.Турбин. Творцы новых растений (стенограмма лекций, прочитанных проф. Турбиным в лектории по естественнонаучным вопросам при Раменском горкоме ВЛКСМ). Издание отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ "Молодая гвардия", М., 1945, стр. 31. Тот же текст дословно повторен в другой брошюре Н.В.Турбина с тем же названием "Творцы культурных растений", Библиотека естествознания, Ленинградское газетно-журнальное и книжное

издательство, 1945, стр. 42.

45 И.Е.Глущенко в "Кратком очерке научно-исследовательской и производственной деятель ности Т.Д.Лысенко" (см. прим. /5/) дал такую версию открытия яровизации:
"В 1929 г. отец ученого, Д.Н.Лысенко, по указанию сына, впервые произвел в производственных условиях весенний посев озимой пшеницы "Украинка" тронувшимися в рост семенами, предварительно выдержанными определенное время на холоде под снегом. Урожай превзошел все ожидания (140 пудов с 1 га)" (стр. 7) .
46 В.М.Молотов. Задачи второй пятилетки. В кн.: "XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет". Партиздат, Москва, 1934, стр. 360.

47 Т.Д.Лысенко в 1935 году в газете "Социалистическое земледелие" сообщил:
"В 1934 г. в 1060 колхозах, которые дали сведения об учете урожая, среднее увеличение урожайности от яровизации было 1,14 ц/га. Колебания прибавок урожая от яровизации по отдельным колхозам были значительными. Есть колхозы, где урожаи яровизированных и неяровизированных посевов одинаковы. В некоторых случаях имеются и отрицательные результаты. Но зато есть и прибавки в 8-10 и более центнеров на гектар" (Т.Д.Лысенко. Яровизацию сочетать с высокой агротехникой. Газета "Социалистическое земледелие", 21 марта 1935 г., №43, стр. 3 . Эта статья была перепечатана в книге "Стадийное развитие растений", 1952, стр. 483-485.
48 В декабре 1935 года Лысенко-отец выступил на Одесском областном совещании по вопросам яровизации и сообщил, что яровизация дала прибавку в 1933 году только в размере 3 ц/га, в 1934 г. - 1,75 ц/га и в 1935 г. - 1,2 ц/га (см. журнал "Яровизация", 1936, №1 /4/, стр. 127).

49 См. прим. /39/.

50 Там же.

51 Газета "Правда", 21 июля 1929 г., №165 (4299), стр. 4.

52 26 декабря 1934 года Т.Д. Лысенко опубликовал в газете "Социалистическое земледелие" (№296) статью под характерным названием: "Не извращать теорию яровизации". Она же перепечатана в книге "Стадийное развитие растений", 1952, стр. 327-329. В этой статье он писал:
"Между тем накопленные знания о яровизации как одной из стадий развития растения представляют основную теоретическую базу учения о стадийном развитии растений. С этой стороны многими научными работниками теория яровизации и до настоящего времени в должной мере не осознана".
В последующем и сам Лысенко и его последователи уверенно называли конгломерат высказываний о яровизации учением о яровизации. См., например, Т.Д.Лысенко, Теоретические основы яровизации, 1936; его же, Мой путь в науку, газета "Правда", 1 октября 1937 г. и др.

53 См. при. (4 4).

54 Там же. Приведенный здесь отрывок цитируется по книге "Стадийное развитие растений",

М., 1952, стр. 343.

55 Ю.Долгушин. Учение Трофима Лысенко. Журнал "Знание-сила", 1938. №11, стр. 7-9.

56 Тихон Холодный. Академик Т.Д. Лысенко (очерк). Журнал "Новый мир", 1938, №7, стр. 189-200. Очерк был опубликован в связи с избранием Т.Д. Лысенко депутатом Верховно го Совета СССР.

57 См. прим. (55).

58 Там же, стр. 193.

59 Там же, стр. 199.

60 Т.Д.Лысенко. Физиология растений на новом этапе. Газета "Социалистическое земледе-

лие", 12 ноября 1932 г., №261 (см. также книгу "Стадийное развитие растений", М., 1952, стр. 250). В этой статье Лысенко писал:
"Термин "яровизация" впервые появился в середине 1929 г. после получения выколашивания весеннего посева озимой пшеницы в условиях практического хозяйства (половина гектара на Полтавщине у Д.Н.Лысенко)".
61 Т.Д. Лысенко. Основные результаты работ по яровизации сельскохозяйственных растений. Журнал "Бюллетень яровизации", 1932, №4, стр. 3 (см. также книгу "Стадийное развитие растений", М., 1952, стр. 255). В этой статье повторялся дословно тот же текст, что и в предыдущей статье (см. прим. /67/).
62 См. примеч. (55).

63 См. прим. /87/ к Введению.

64 См. прим. /90/ к Введению.

65 См. прим. /97/ к Введению.

66 Э.Д.Маневич. В защиту Н.И.Вавилова. Журнал "Вопросы истории, естествознания и техники", №2, 1991, Москва, Изд. "Наука", стр. 138-143.

67 Еще е 1858 г. американский физиолог растений Клиппарт писал:
"Для превращения озимой пшеницы в яровую достаточно озимой пшенице тронуться в рост осенью или зимой, но удержать от прорастания низкой температурой или замораживанием до тех пор, пока ее можно будет посеять весной. Это обычно производят посредством вымачивания и проращивания зерна и последующего замораживания в этом состоянии, пока не придет время весеннего посева". Klippart. An assay on the origin, growth, disease, etc. of the wheat plant. Ohio State Bot. Agr. Ann. Rep., 1857, 12, 1858, p.562-816.

Цитировано по книге Ж.А.Медведева "Биологические науки и культ личности", машинописный вариант (каждая глава собственноручно подписана Ж.А.Медведевым), датированный сентябрем 1962 г., стр. 335-336.
68 Сведения о возможности колошения озимых злаков и вызревания других озимых культур, подвергнутых обработке холодом на ранних стадиях развития и затем высеянных не под зиму, а весной, многократно сообщались в отечественной литературе. Интересный обзор исследований был сделан в 1936 году проф. И.Васильевым в статье "Яровизация зернобобовых культур" в журнале "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства", 1936, №12 (декабрь), стр. 128-150. Он, в частности, упоминал, что известный петербургский садовод и огородник Е.И.Грачев в середине 70-х годов прошлого века не только применил метод, авторство которого приписывал себе Лысенко (см. сообщение Е.И.Грачева в "Земледельческой газете", 10 октября 1874 г., №12), но и научился с помощью воздействия

холодом на семена изменять стадии развития различных растений (см. о Грачеве: Я.Суханов. Конструктор растений, газета "Известия", 21 января 1982 г., №21 /20002/, стр. 6). Об этих приемах воздействия холодом много писали в русской сельскохозяйственной литературе в последней четверти прошлого века. Уже в XX веке подробные наблюдения над хлопчатником сделал проф. Г.С.Зайцев, см. его книгу " Влияние температуры на развитие хлопчатника", Труды Туркестанской селекционной станции, М.-Л., Промиздат, 1927; вып. 7, 76 стр. Научное описание явления яровизации (вернализации) можно найти в работах, опубликованных до того, как Т.Д.Лысенко начал свою работу: А.Д.Муринов. Колошение озимых ржи и пшеницы при яровом посеве. "Журнал опытной агрономии", 1913, т. XIV, стр. 238-254; его же: Биология озимых хлебов. Колошение озимых ржи и пшеницы при яровом посеве. В сб.: "Из результатов вегетационных опытов и лабораторных работ Московского с.х. института", 1914, т. IX, стр. 167-252.
69 G.Gassner. Beobachtungen und Versuche Яber den Anbau die Entwicklung von Getreidepflan zen im Subtropischen Klima. Jahresb.Vereinigung fЯr Angewandte Botanik, Bd. 8, ss. 95-163; G.Gassner. Beitrage zur physiologischen Charakteristik Sommer und Winterannular GewKchse, ins besondere der Getreidepflanzen. Zeitschr. fЯr Bot.,1918, Bd. 10, ss. 417-430.
70 Н.А.Максимов и А.И.Пояркова. К вопросу о физиологической природе различий между яро выми и озимыми расами хлебных злаков. Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции, 1924 -1925, т. XIV, вып. 1, стр. 211-234; Б.А.Вакар. К вопросу о влиянии температуры на выколашивание озимых ржи и пшеницы. "Научно-агрономический журнал", 1925, т. XII, стр. 776-785.

71 W .W.Garner and H.A.Allard. Effect of the relative length of day and night and other factors on growth and reproduction in plants. J. Agric. Res., 1920, v. 18, pp. 553-606. Лысенко в статье "Основные результаты работ по яровизации сельскохозяйственных растений", опубликованной в 1932 (см. "Бюллетень яровизации", 1932, №4, стр. 3-57), цитировал одну из работ Гарнера и Алларда, но, во-первых, далеко не первую из серии этих работ (W.W. Garner and H.A.Allard. Effect of abnormally long and short alterations of light and darkness on growth and development of plants. Journal of Agric. Res., May 15, 1931), а, во-вторых, не приводил ни номера тома журнала, в котором была помещена эта статья, ни номера выпуска, ни страницы, на которых была напечатана данная статья. Это не могло быть результатом простой небрежности, а отражало уже отмеченное выше свойство научной продукции Лысенко - непонимание значения и смысла прежде выполненных исследований. Разумеется, при незнании языков Лысенко мог приводить хоть какие-нибудь ссылки только ознакомившись с рефератами этих статей.
72 В.Т.Батыренко. Шире развернуть проверочные опыты по методу Лысенко. "Сельскохозяйственная газета", 19 ноября 1929 г., №217, стр. 3-4.

73 Проф. И.Васильев. Яровизация зернобобовых культур. В журнале "Социалистическая ре- конструкция сельского хозяйства", 1936, № 12, стр. 128-150.
74 Там же, стр. 138.

75 См. письма Бородина в кн. "Николай Иванович Вавилов. Научное наследие в письмах. Международная переписка. Том I. Петроградский период 1921-1927", Изд. "Наука", М., 1994, стр. 268, 270, 273, 356, 392,

76 Г.С.Зайцев. Влияние температуры на развитие хлопчатника. 1927, М.-Л., Промиздат (Труды Туркестанской селекционной станции), вып. 7, 76 стр.; эта же работа перепечатана в серии "Библиотека хлопкового дела", 1927, кн. 7 "Вопросы хлопкового дела", стр. 5-68. См. также его книгу: К методике оценки хлопковых посевов. 1927.

77 Т.Д.Лысенко, см. прим. /12/, стр. 16, 136, 142.

78 Проф. Н.М.Тулайков. Его статья помещена среди подборки из статей четырех авторов под общим заглавием "Яровизация озимых", "Сельскохозяйственная газета", 13 ноября 1929 г., №212, стр. 3.
79 Н.А.Максимов. Весенний посев озимых открывает широкие перспективы. "Сельскохозяйственная газета", 19 ноября 1929 г., №217, стр. 3.

80 См. статьи Н.А.Максимова в сборниках: Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции, 1929, т. XX, стр. 169-212; там же, 1930, т. XXIII, вып. 2, стр. 465-470.

81 В "Сельскохозяйственной газете" 13 ноября 1929 г., №212, стр. 3 в разделе "Агротехника" были помещены отзывы о работах Лысенко (материалы были опубликованы под заголовком "Яровизация озимых"). Публикация начиналась фразой:
"Огромная практическая важность опытов агр. Лысенко с весенним посевом озимых хлебов побудила редакцию обратиться к нашим виднейшим специалистам с запросом, ответы на который печатаются ниже".
Были помещены заметки проф. П. Лисицына, акад. А.А. Сапегина, проф. М.Прика и проф. Н.М.Тулайкова.

82 Лысенко писал:
"Предыдущими опытами выяснено, что любое растений озимой пшеницы, пошедшее в зиму полностью яровизированным, несравненно менее зимостойко, чем растение того же сорта пшеницы, одновременно высеянное, но пошедшее в зиму в неяровизированном состоянии. Это положение из работ по яровизации многим специалистам уже известно 2-3 года".
См.: Т.Д. Лысенко. Очередные задачи яровизации. Газета "Социалистическое земледелие", 29 декабря 1935 г., №227.

83 Т.Д.Лысенко. Физиология развития растений в селекционном деле. Журнал "Семеноводство", 1934, №2, стр. 20-31.

84 См. прим. /81/, стр. 3.

85 Там же.

86 Там же.

87 Там же.

88 Там же.

89 Там же.

9 0 Там же.

91 Подборка статей под названием "Яровизация озими - новое завоевание в борьбе за урожай", "Сельскохозяйственная газета", вторник, 19 ноября 1929 г., №217, стр . 3-4.

92 Там же.

93 Там же.

94 Н.А.Максимов, там же.

95 Там же. Т.Д.Лысенко. Очередные задачи яровизации. См. прим. (82).

96 Н.А.Максимов. О вымерзании и холодостойкости растений. Экспериментальные и критические исследования. Известия Лесного института. 1913, вып. 25, стр. 1-330.

97 См прим. /33/.

98 Там же.

99 Там же.

100 Там же.

101 Ю.С.Павлухин. Николай Александрович Максимов. В сб. "Соратники Николая Ивановича Вавилова. Исследователи генофонда растений". СПБ. Изд. ВИР, 1994, стр. 347-363.

102 О.Н.Писаржевский. Прянишников (Из серии "Жизнь замечательных людей"), М., Изд. "Молодая гвардия", 1963.

103 Н.А.Максимов. Задачи и цели нового отделения физиологии и экологии Отдела приклад-

ной ботаники ГИОА (Доклад, прочитанный в заседании научного совета Отдела прикладной ботаники 8 ноября 1923 г.). Изв. Гос. института опытной агрономии, 1924, том II, №1-2, стр. 5.

104 Там же, стр. 6.

105 См. прим. /101/, стр. 355.

106 Там же, стр. 361.

107 См. прим. /33/.

108 Там же.

109 Там же.

110 Т.Д.Лысенко. Яровизация. 1935. Опубликовано в "Сельскохозяйственной энциклопедии"; здесь цитировано по книге Лысенко "Стадийное развитие растений", М., Сельхозгиз, 1952, стр. 455.

111 А.Д.Родионов, Б.Э.Берченко. Итоги массовых опытов в колхозах. Журнал "Яровизация", 1937, №5 (14), стр. 84.

112 А.Д. Родионов (зам. директора института), Б.Э. Берченко (кандидат сельскохозяйственных
наук), М.И.Барданов (кандидат сельскохозяйственных наук). Наука и колхозное опытничество. В кн.: Научные труды Всесоюзного ордена Трудового Красного Знамени

селекционно-генетического института имени Т.Д.Лысенко, вып 3, Одесса, 1958, стр. 335.
113 Б.Э. Берченко (кандидат сельскохозяйственных наук), А.А. Созинов (аспирант). Страницы из истории института. Там же, стр. 358.

114 И.Е.Глущенко (см. прим. /5/, стр. 7).

115 То, что при яровизации на семенах развивается плесень, прорастают споры грибов, такие как головневые, появляются другие болезни, было прекрасно известно Лысенко. Например, 16 января 1934 г., выступая на заседании Научно-технического совета при Союзсеменоводобъединении в Москве, он сказал:
"Нам не раз приходилось наблюдать, что растения, поведение которых изменено путем яровизации, поражаются на 100% грибными болезнями, в то время как контрольные растения, находящиеся рядом в одном и том же поле, вовсе не поражаются" (Т.Д. Лысенко. Физиология развития растений в селекционном деле. Журнал "Семеноводство", №2, 1934, стр. 20-31, цитировано по книге "Стадийное развитие растений", М., 1952, стр. 304).

Правда, здесь же Лысенко, желая затушевать столь неприятное признание, утверждает, что в ряде других случаев яровизированные посевы оказались более устойчивыми к заражению грибными болезнями, но в редактируемом им же журнале "Яровизация" неоднократно помещались статьи на эту тему (см., напр., Э.Э.Гешеле, Борьба с грибными заболеваниями при яровизации, "Бюллетень яровизации", 1932, №2-3, стр. 69-80; Ф.Немлиенко. К вопросу о борьбе с твердой головней при яровизации пшеницы. Там же, стр. 81-86 и др.).
116 Личное сообщение профессора В.П.Эфроимсона.

117 Т.Д. Лысенко. Предварительное сообщение о яровизированных посевах пшеницы в совхозах и колхозах в 1932 г. Журнал "Бюллетень яровизации", Одесса, сентябрь 1932 г., №2-3, стр. 3.

118 И.В. Сталин. О правом уклоне в ВКП(б). Сочинения, М., Гос. Изд. полит. лит-ры, 1949, т. 12, стр. 83.

119 Только в 1931-1932 годах Лысенко дважды выступал на коллегии Наркомзема СССР (см. газету "Соцземледелие", 13.IX. 1932, №253), неоднократно на Коллегии Наркомзема Украины, выступил на сессии ВАСХНИЛ, на заседаниях Президиума ВАСХНИЛ (см. газету "Соцземледелие", 24. II. 1931, №54), опубликовал ряд статей на эту тему.
120 Т.Д.Лысенко. Очередные задачи яровизации. Газета "Соцземледелие", 29 октября 1935 г., №277, с портретом.
121 В.Т.Д.Лысенко. См. прим. (1).

122 В.И.Ленин. Полное Собр. Соч., 5 изд., т. 42, с. 159.

123 БСЭ, 3 изд., т. 24, книга II, стр. 140, 1977

124 А.И.Рыков. Итоги новой экономической политики. Доклад тов. А.И.Рыкова об экономическом положении СССР и об итогах партдискуссий в РКП(б) на Всемирном конгрессе конгрессе Коминтерна. Газета "Известия ЦИК и ВЦИК СССР" 4 июля 1924 г., №150 (2185), стр. 3.

125 Там же.

126 См. прим. (123).

127 И.В. Сталин. Политический отчет XV съезду ВКП(б), 3 декабря 1927 г. Цитиров. по: И.В.Сталин. Сочинения. Гос. изд. полит. лит., М., 1949, т. 10, стр. 305-306.

128 См. прим. (123).

129 М. Ольминский. Одно из самых возмутительных явлений. Газета "Правда" 3 декабря 1918 г., №262, стр. 1-2.

130 С. Казацкий. О чрезвычайном налоге и "Курской тактике". Газета "Правда" 17 декабря 1918 г., №274, стр. 1-2. Там же опубликован "Ответ" Казацкому М. Ольминского (стр. 2).

131 В.Г.Короленко. Письмо к А.М.Горькому. Перепечатано в сб. "Память. Исторический сборник", вып. 2, Москва, 1977 - Париж , 1979, Ymca-Press, 1979, Париж, стр. 426-427.

132 См. прим. /127/, стр. 311.

133 И.В.Сталин. О хлебозаготовках и перспективах развития сельского хозяйства. Из выступлений в различных районах Сибири в январе 1928 г. (Краткая запись). Сочинения, т. 11, 1949, стр. 11. Полные тексты этих выступлений и телеграмм, отправленных из Сибири Сталиным, были опубликованы в 1991 году. См. : 1928 г. Поездка И.В.Сталина в Сибирь. Документы и материалы. Журнал "Известия ЦК КПСС", 1991, №6, стр. 202-216.

134 Там же, стр. 2.

135 И.В.Сталин. О работах апрельского Объединенного пленума ЦК и ЦКК. Доклад на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. Сочинения, т. 11, стр. 41.

136 И.Я. Трифонов. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. Изд. полит. литературы, М., 1975, стр. 322.

137 Там же, стр. 329.

138 Там же, стр. 328.

139 У.Черчилль. Вторая Мировая война. Пер. с английского. том 4, М. Воениздат, 1955, стр. 493.

140 См. например: Ричард Пайпс. Выжить недостаточно. Нью-Йорк, 1984 (русское издание) Chalidze Publication, Benson, Vermont. Пайпс указывает, что 10 млн. так называемых кулаков было выслано, еще более 9 млн. крестьян умерло в годы коллективизации от голода (стр.138).
141 См. прим. (136), стр. 328.

142 С.В.Косиор. Незаможникам о коллективизации. Харьков, 1930, стр. 17.

143 Б.П.Шеболдаев. Журнал "Большевик", 1930, N_11-12, стр. 56.

144 П.П.Постышев. Основные задачи советской юстиции на современном этапе. М., 1932, стр. 25.

145 М.И. Калинин. Выступление 14 февраля 1930 г. Центр. полит. архив Инст. марксизмаленинизма, ф. 78, оп. 1, д. 358, л. 72, 73, 79; цитиров. по И.Я.Трифонову, прим. / 155/, стр. 290.

======

290.
Г л а в а II

БИОЛОГ Н.И. ВАВИЛОВ

"Здесь есть досуг над жизнью поразмыслить:

Родится гений, чтоб ничтожного возвысить,

Ничтожный -- чтобы гения попрать".

Инна Лиснянская. Из книги "Дожди и зеркала" (1).

"Я более, чем многие другие обязан правительству СССР за огромное внимание к руководимому мною учреждению и моей личной работе.

Как верный сын советской страны я считаю своим долгом и счастьем работать на пользу моей родины и отдать самого себя науке в СССР"

Н.И.Вавилов. Заявление редакции газеты "Нью-Йорк Таймс", 22 декабря 1936 г. (2).

Крестьянские корни Ильиных-Вавиловых

Лысенко вел свою родословную от крестьян, но и Вавилова отделяло от его таких же крестьянских предков --по отцовской и по материнской линии -- всего одно поколение. Отец Николая Ивановича, Иван Ильич, стал крупнейшим российским предпринимателем, миллионером.
Миллионы он нажил своим талантом и трудом, всего добился сам и стал человеком видным. Родители его жили примерно в ста верстах от Москвы и были крепостными. Отмена крепостного права в 1861 году открыла для таких, как он, дверь в свободный мир, и мальчиком он перешагнул порог отчего дома, чтобы померяться силами с трудностями и соблазнами свободной жизни.

У Ивана Ильина (фамилию Вавилов он возьмет себе позже, разбогатев) с младенчества был сильный голос, он был музыкален, выделялся из всех детей в местном церковном хоре, и родители паренька, послушав совет местного священника, отправили сына в Москву -- учиться пению (от него красивый баритон унаследовал и сын Николай).

Некоторое время он был певчим хора при Ново-Ваганьковской церкви, затем перешел работать "мальчиком" к купцу Сапрынину (была такая низшая должность помощника приказчика -- мальчик), а в двенадцать лет попал в магазин Прохоровых -- владельцев знаменитой Прохоровской мануфактуры (после революции "Трехгорная мануфактура"). У Ивана Ильича оказался редчайший талант коммерсанта, а позже и промышленника, и общественного деятеля. Он быстро становится во главе сначала магазина, затем отделения фирмы Прохоровых, содиректором всей компании, отвечает за распространение товаров в зарубежных странах, и в начале 1890-х годов совместно с компаньоном основывает торговое предприятие "Удалов и Вавилов", стремительно богатея. Фирма приобретает известность, покупает торговый ряд в крупнейшем московском магазине "Петровский Пассаж". Вавилов становится купцом первой гильдии, общественным деятелем (в частности, он был избран

гласным Московской городской управы, то есть одним из отцов города). Как утверждали неоднократно следователи ОГПУ-НКВД в 1932-1940-х годах, он вступил в члены "Союза Русского Народа" (3), в рамках которого возник черносотенный "Союз Михаила Архангела". Сам Николай Иванович показал на одном из первых допросов в НКВД 14 августа 1940 года: "Мне известно, что отец в 190-51906 годах был членом "Союза 17 октября"" (4). Эта организации состояла из крупных торгово-промышленных деятелей, наиболее зажиточных помещиков (название идет от царского "Конституционного Манифеста 17 октября 1905 года", провозглашавшего победу над теми, кто пытался совершить революцию 1905 года) и ставила своей целью укрепить царский трон в России всеми доступными средствами. Союз стремился воспрепятствовать любой либерализации страны, идущей вразрез с сильной царствующей властью.

Воспитание детей (двое сыновей и двое дочерей) было делом матери -- Александры Михайловны (в девичестве Постниковой), а отец всецело посвятил себя управлению фирмой и общественным обязанностям. Их сын Сергей Иванович вспоминал о родителях:

"Отец... был человек умный, вполне самоучка, но много читал и писал и, несомненно, был интеллигентным человеком. По-видимому, он был отличный организатор, "дела" его шли всегда в порядке, он был очень смел, не боялся новых начинаний. Общественник, либерал, настоящий патриот... Его любили и уважали... Мать, замечательная, редкостная по нравственной высоте... окончила только начальную школу, и весь смысл житья ее была семья. Собственных интересов у нее не было никогда, всегда жила для других... Мало таких женщин видел я на свете" (5).

Ссылка на либерализм отца мало подтверждается фактами: И.И.Вавилов не напрасно состоял в общественных организациях, ставивших своей целью укрепить самодержавие в России. После Октябрьского переворота 1917 года он круто порвал с Россией и теми условиями, которые установились в стране и которые, как в ту пору многие верили, позволят воплотить в жизнь идеалы российского либерализма и вывести Россию из-под владычества царей. Бросил он в России и семью. Как показал на том же допросе Николай Иванович:

"В 1918 году отец вместе с белыми из Ростова ушел заграницу и с 1918 по 1927 год проживал в Болгарии" (6).

В 1921 году Николай Иванович во время зарубежной командировки сумел повидать отца в Берлине и попытался уговорить его вернуться в Советскую Россию. Однако в то время возвращение не состоялось, отцу еще хватало сил надеяться, что засилье большевиков на его родине кончится и что его дела на Западе пойдут хорошо. Но годы шли, развернуться в Европе не удалось, а жить на старости в разрыве с семьей становилось все труднее, да и здоровье с годами утекало. Наконец, в самом конце 1927 года он под влиянием внутренних переживаний и под нажимом родных (Николай Иванович встретился с отцом еще раз во время пребывания в Берлине на Генетическом конгрессе в 1927 г.) решился на возвращение из эмиграции. Вернулся он в Россию в 1928 году. Однако пожить на родине довелось недолго: через две недели после приезда Иван Ильич скончался на руках детей -- Александры, Николая и Сергея.

Дочери Ивана Ильича -- Лидия (умерла в 1914 году) и Александра (скончалась в 1940 году) -- смогли получить высшее медицинское образование, работали врачами, а Александра помимо этого занялась и научной деятельностью, сыновья стали выдающимися учеными, оба были избраны действительными членами (академиками) АН СССР. Младший сын Сергей (1881--1951) стал крупнейшим физиком, Президентом Академии наук СССР (1943-1951). Он подтолкнул своего аспиранта П.А.Черенкова на исследование сверхслабого свечения

вещества под действием заряженных частиц. Эффект Вавилова--Черенкова и само свечение, названное позже черенковским, стали широко использовать во многих областях техники, в особенности для регистрации радиоактивных излучений. Советские физики И.Е.Тамм и И.М.Франк дали теоретическое объяснение эффекту, после чего Черенкову, Тамму и Франку в 1958 году присудили Нобелевскую премию.

С не меньшим уважением во всем мире произносят имя Николая Ивановича Вавилова -- биолога, путешественника и географа (интересно, что его дети воспринимали отца только как географа, считая его ботанические и растениеводческие занятия делом побочным и не определяющим главные интересы их отца).

Годы научного повзросления

Николай Вавилов родился 25 ноября 1887 года. Выходец из богатой среды, он мог, естественно, выбирать любую дорогу, но волею отца спектр будущих призваний уже с первых ступеней учебы был сильно заужен. Мальчика отдали не в гимназию, а в коммерческое училище. Этим была закрыта дорога в университет (туда можно было поступить, только завершив классическую гимназию, где обязательным было не только более глубокое изучение точных наук, но и очень интенсивное изучение древних языков и по крайней мере двух современных иностранных языков). По окончании училища Николай Вавилов поступил в расположенный в пригороде Москвы сельскохозяйственный институт (бывшая Петровская земледельческая академия). Однако этот институт не был заштатным вузом, в нем работали первоклассные преподаватели, многие из которых были к тому же известными учеными, и студент Вавилов своим трудолюбием и сообразительностью быстро добился того, чтобы на него обратили внимание. Вот выдержка из характеристики, данной крупным российским ботаником Р.Э.Регелем:

"Еще во время пребывания студентом в течение полугода состоял практикантом Полтавской опытной станции, где впервые в России поставил проверочные опыты по выяснению вопроса о борьбе с сорными растениями путем опрыскивания /ядами -- В.С./, выяснившие, как и следовало ожидать, непригодность этой меры... Результатом этих опытов была первая его научная работа "Опрыскивание ядовитыми веществами, как мера борьбы с сорными растениями", опубликованная в 1910 году, каковой год и следует считать началом его научной деятельности" (7).

Дипломная работа "Голые слизни (улитки), повреждающие поля и огороды Московской губернии" заслужила в 1910 году премию имени А.Богданова Московского политехнического музея. В следующем году Вавилов закончил институт, получил диплом ученого-агронома 1-й степени и по рекомендации одного из любимых им преподавателей, основателя отечественной агрохимии Дмитрия Николаевича Прянишникова, был оставлен при кафедре частного земледелия для приготовления к профессорскому званию. Однако буквально через несколько месяцев Вавилов изменил специализацию и начал работать у профессора Дионисия Леопольдовича Рудзинского, организовавшего еще в 1903 году первую в России селекционную станцию{[1]}.

Эта работа однако также не удовлетворила молодого исследователя. Уже 18 октября 1911 года Вавилов обратился с письмом к Роберту Эдуардовичу Регелю (1867--1920) с просьбой принять его практикантом в Бюро по прикладной ботанике{2}. В то время задача Бюро заключалась в том, чтобы консультировать Министерство земледелия России по вопросам растениеводства, вести самостоятельно научную работу и руководить сетью опытных станций и отделений по всей стране. В письме Вавилов писал:

"...к устремлению в Бюро /меня/ побуждает и то обстоятельство, что собственно прикладная ботаника почти не представлена у нас в Институте, да и вообще в Москве.

Заданиями ставил бы себе более или менее подробное ознакомление с работами Бюро, как единственного учреждения в России, объединяющего работу по изучению систематики и географии культурных растений; большую часть времени хотел бы посвятить систематике злаков, в смысле ознакомления с главнейшими литературными источниками, выяснения затруднений в определении культурных злаков и просмотра коллекций Бюро. Весьма ценным почитал бы для себя всякие указания работников Бюро и разрешение пользоваться Вашей библиотекой.

Сознавая ясно загроможденность Бюро работой, лично постарался бы быть возможно меньше в тяготу работникам Бюро. Необходимый инструментарий (лупа, микроскоп) захватил бы с собою. С всевозможными неудобствами мирюсь заранее.

На Харьковском Селекционном съезде я получил от Вас надежду на содействие, и теперь снова решаюсь торить свою большую просьбу о разрешении заниматься в Бюро...

В ожидании благосклонного ответа

С совершенным уважением

Ник. Вавилов" (10).

Через 10 дней от Роберта Эдуардовича был получен положительный ответ. Вавилов быстро собрался и уже в ноябре 1911 года оказался в северной столице. Этот шаг стал определяющим в судьбе Вавилова: в будущем он, как мы увидим, на всю жизнь оказался связанным с этим научным учреждением, а само Бюро стараниями Вавилова превратилось во всемирно известный Всесоюзный институт растениеводства (теперь Всероссийский НИИ растениеводства имени Н.И.Вавилова). С 1908 года Регель начал издавать "Труды по прикладной ботанике", которые позже, в вавиловские времена, были переименованы в "Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции". В Петербурге Вавилов также стажировался и в Бюро по микологии и фитопатологии у А.А.Ячевского, где знакомился с методами изучения грибных заболеваний растений. "В 1912 году он /в качестве ассистента/ вел летние занятия по частному земледелию со студентами Московского сельскохозяйственного института и со слушательницами Голицинских сельско-хозяйственных курсов" (11), а в 1913 году отправился за границу. План поездки Вавилов составил обширный -- год в Англии, полгода -- в Германии и Австрии, несколько недель -- во Франции и полгода -- в США. Всю программу выполнить не удалось: вступление России в 1-ю Мировую войну прервало поездку, но Вавилов пробыл 14 месяцев в Англии, где успел пройти неплохую школу в Кембридже в лаборатории одного из основоположников генетики Уильяма Бэтсона, прослушал курсы лекций Реджиналда Пеннета по зоологии, Роулэнда Биффена по ботанике и продолжил исследование проблемы, заинтересовавшей его еще в студенческие годы -- иммунитета растений к болезням. Кроме того по нескольку недель он работал в Германии и Франции.

По возвращении из-за границы в 1914 году Вавилов продолжил работу преподавателя на Высших Женских Голицынских сельскохозяйственных курсах и одновременно вел летний курс частного земледелия в Московском сельскохозяйственном институте. Большого удовлетворения преподавательская работа ему не принесла, хотя он тратил на нее много времени, так что только урывками мог продолжать изучение растительного иммунитета.

В 1915 году он выдержал в Московском сельскохозяйственном институте необходимые экзамены, требуемые для получения в будущем звания магистра наук по отделу растениеводства. Однако формально диссертаций Вавилов, как и Лысенко, никогда не подготавливал и не защищал.

В июне 1916 года он отправился в Персию (Иран) -- в полувоенную, полунаучную экспедицию. Шла война России с Турцией, и Вавилову было предписано разобраться, почему русский "экспедиционный корпус" страдает от загадочной болезни: съев даже небольшое количество хлеба, выпеченного из местной муки, солдаты впадали в состояние, близкое к опьянению. Здесь и пригодились Вавилову прежние ботанические занятия. Он определил, что "пьяным" хлеб становится от попадания в муку спор гриба фузариума и семян опьяняющего плевела. С караванами Вавилов прошел до горных районов Таджикистана, добрался до Памира.

По возвращении из Персии в 1917 году он подал документы на конкурсы, объявленные сразу в нескольких высших учебных заведениях, и был избран адъюнкт-профессором частного земледелия в Воронежском институте Петра I и преподавателем Саратовских Высших сельскохозяйственных курсов. Воронежским приглашением он не воспользовался и летом 1917 года решил перебраться в Саратов. Первая же его лекция, прочитанная в сентябре 1917 года и озаглавленная "Современные задачи сельскохозяйственного растениеводства", прошла блестяще. Вскоре на его лекции стали собираться не только студенты, но и сотрудники других кафедр, преподаватели Саратовского университета. Одна из слушательниц, Э.Э.Аникина, вспоминала позже:

"Время от времени Николай Иванович делает две--три минуты передышки, "перекур" для слушателей и время вопросов. Или так: идет лекция о мягких пшеницах... Ряд вопросов, заданных слушателями, отводит от пшениц к ячменям или к типам ржи. Николай Иванович сначала объясняет, затем перекидывается двумя словами со своими многочисленными ассистентами и совершенно независимо от регламента объявляет перерыв. И вот мы летим с четвертого этажа на одном конце здания вниз, на второй этаж другого конца здания, где стены лаборатории кафедры сплошь заняты стеллажами с коллекциями натуральных объектов, фотографиями, рисунками, картами и книгами" (12).

Проработав всего месяц в Саратове, Вавилов получил приглашение от Регеля занять пост помощника (заместителя по теперешней терминологии) заведующего Отделом прикладной ботаники Министерства земледелия России. У Регеля как заведующего отделом было в штате 14 помощников, каждого из них утверждал министр, и помощники вместе с их шефом должны были, помимо всего прочего, присутствовать на заседаниях Ученого Комитета Министерства земледелия, в который входили крупнейшие ученые России.

В архиве ВИР сохранилась копия представления, направленного Регелем в Совет Заведующих Отделами Сельскохозяйственного Ученого Комитета, в котором он на пяти страницах машинописного текста обстоятельно описывает достоинства предлагаемого им кандидата, весь его послужной список, научные работы, выполненные в студенческое время, последовавшие затем исследования, рассказывает о том, как

"Вавилов не остановился перед затруднениями поездок в военное время, отчасти даже и непосредственно на персидском театре военных действий, и совершил в 1915 году поездку по Памиру и пограничным частям нашей Закаспийской области и по Северной Персии вплоть до Хамадана и Карманшаха, сделав при этом верхом свыше 5000 верст" (13).

Характеризуя результаты, достигнутые Вавиловым в изучении проблемы иммунитета

растений к заболеваниям, Регель дает им чрезвычайно высокую оценку:

"По вопросам иммунитета работали за последние 20 лет уже очень многие и выдающиеся ученые почти всех стран света, но можно смело утверждать, что еще никто не подходил к разрешению этих сложных вопросов с той широтою взглядов при всестороннем освещении вопроса, с какою подходит к нему Вавилов" (14).

Затем Регель с уважением отмечает интерес Вавилова к изучению литературы, причем особо подчеркивает постоянное стремление молодого ученого составить всестороннее самостоятельное мнение об изучаемых проблемах, знакомиться с работами предшественников в оригинале, а не по рефератам или сводным обзорам. Регель высоко оценивает это желание обдумать проблемы

"не только с точки зрения систематики форм, генетики и гибридологического анализа, т. е. с разных естественно-исторических точек зрения, но даже и филологически, для чего ему приходилось у лучших специалистов восточных языков ознакомиться с основами филологии персидского и индийско-санскритских языков" (15).

В заключительной части представления Регель пишет буквально пророческие слова о предлагаемом им кандидате:

"Не подлежит никакому сомнению, что несмотря на сравнительную краткость собственно научной деятельности Вавилова (8 лет) и на отсутствие еще формального научного ценза (магистрант, еще не магистр), он прошел уже с избытком стаж для назначения на должность в положении экстраординарного профессора, что и доказывается тем, что он избирался уже неоднократно на кафедру в Воронеже и в Саратове. В лице Вавилова мы привлечем в Отдел прикладной ботаники молодого талантливого ученого, которым еще будет гордиться русская наука. Как человек Вавилов принадлежит к числу людей, о которых Вы не услышите дурного слова ни от кого решительно. Для Отдела прикладной ботаники особенно ценным является то, что Вавилов, будучи по научной деятельности естественником с обширной эрудицией в самом широком смысле, является по образованию агрономом, а следовательно совмещает в себе именно те стороны научной подготовки, совмещение каковых требуется в Отделе по существу его заданий..." (16).

После такого отзыва Вавилов без препятствий (единогласно) прошел сито отбора. Регель в письме, датированном 25 октября 1917 года, добавлял: "Сожалею, что это радостное событие для нас нельзя сейчас подкрепить соответствующими пожеланиями, проглатывая при этом подходящую жидкость за общим столом или столиком" (день, в который Регель отправлял письмо с мечтой посидеть за столом или столиком, вошел в историю как один из самых мрачных дней России: именно 25 октября по старому стилю большевики захватили власть в Петрограде, арестовав Временное правительство в Зимнем дворце). Этот дворцовый переворот лишил Вавилова наследственных богатств и оторвал его отца от семьи. Вавилов был утвержден в должности с 1 октября 1917 года, но свержение Временного Правительства задержало прохождение бумаг, и лишь 4 января 1918 года Регель смог направить в Саратов следующее письмо:

"Милостивый Государь

Николай Иванович.

Настоящим уведомляю Вас, что согласно извещению Председателя Сельскохозяйственного Ученого Комитета Вы назначены Помощником Заведующего Отделом прикладной ботаники

с 1 октября 1917 года. Оклад в размере пяти тысяч /5000/ рублей Вам причитается с 1 января 1918 года.

Примите уверение в совершенном моем уважении и таковой-же преданности" (17).

В сопроводительном письме говорилось

"Формального приказа правительства о назначении и распубликования его не могло еще быть в виду смещения Временного правительства. Его придется ждать до установления в России признанного правительства" (18).

Вавилов приглашение Регеля принял, но с одним условием, что он временно сохранит за собой должность и в Саратове, преобразует отведенное ему там опытное поле в одну из баз Отдела и будет работать и в столице, где располагался Отдел, и в Саратове. Его просьба была удовлетворена. Пользуясь своим положением государственного чиновника довольно высокого ранга, Николай Иванович сумел получить средства для расширения саратовского отделения, а благодаря такой находчивости заручился согласием университетских коллег, что Сельскохозяйственные курсы, на которых он преподавал, будут присоединены к университету в качестве агрономического факультета. В результате вокруг Вавилова в Саратове начали группироваться молодые исследователи-агрономы, он сам подружился со многими саратовскими селекционерами, некоторые из них позже стали авторами выдающихся российских сортов.

В 1920 году Вавилов организовал экспедиции в юго-восточные губернии Европейской части России -- Астраханскую, Царицынскую, Саратовскую и Самарскую -- для изучения состояния посевов и сбора образцов семян, сам принял в них участие и был счастлив тем, с каким успехом экспедиции были завершены.

Многочисленные, даже вернее сказать, неисчислимые заботы, обязанности и хлопоты, которые взвалил на себя Вавилов, хлопоты, главным образом организационные и административные, должны были полностью поглотить его, не оставляя ни минуты на творческую научную работу. Он действительно не мог уже сам вести экспериментальную работу, требующую каждодневного многочасового личного участия. Вроде бы и на теоретические исследования, не нуждающиеся в педантичном сидении за микроскопом или иным прибором, времени при такой нагрузке хватить не могло. Но у Вавилова была индивидуальная черта, сближавшая его с многими величайшими в истории человечества людьми. Он спал поразительно мало -- не более четырех-пяти часов в сутки и благодаря этому выкраивал время для систематического слежения за мировой литературой по широкому кругу вопросов, для обдумывания сразу многих теоретических проблем.

В начале 1920 года по предложению Вавилова группа энтузиастов (в их числе селекционер Георгий Карлович Мейстер, растениевод и селекционер Евгения Михайловна Плачек, ботаник Вячеслав Рафаилович Заленский, врач Петр Павлович Подъяпольский и другие, всего 12 человек) подготовила проект созыва в Саратове Всероссийского съезда селекционеров. Он должен был стать третьим по счету съездом (первый состоялся в Харькове в 1911 году, второй в Петербурге в 1913 году, в последующем традиция прервалась из-за начавшейся войны и прихода большевиков к власти). 4 июня 1920 года съезд открылся. На него прибыли ученые со всей страны. В первый день съезда и произошло событие, оставшееся яркой страницей в истории отечественной науки -- Вавилов представил собравшимся гипотезу о параллелизме наследственной изменчивости у близких видов. Обдумывать эту идею Вавилов начал перед самым съездом. Первоначально она была выдвинута в 1911 году выдающимся немецким генетиком Э.Бауром, который дал ей название

"гомологические ряды мутаций" (19). В считанные дни, к 20 мая, Вавилов написал на эту тему текст доклада, названного "Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости", который он прочел на первом заседании съезда. К этому времени ученые собрали достаточную информацию о том, какие признаки у растений разных видов, родов, семейств наиболее часто подвергаются мутированию. Вавилов указал на факт параллелизма изменчивости одних и тех же родственных систематических групп. Скажем, у пшениц был замечен параллелизм в изменчивости структур колоса, у растений семейства тыквенных -- параллелизм в наследственной изменчивости органов плодоношения и т. п. Подобно тому, как на основе периодического закона химических элементов Менделеева можно было предсказать свойства еще не открытых элементов, так и закон Вавилова помогал предсказать наличие в природе многих форм растений, которые не были известны в тот момент, но позже были обнаружены. Таким образом, закон имел важное значение и для практики, ибо позволял целенаправленно искать в природе нужные селекционерам формы. Кроме того, на основании этой идеи впервые удалось объединить данные описательных разделов морфологии, анатомии и систематики растений, с одной стороны, и генетики, с другой.

Доклад Вавилова был восторженно встречен участниками съезда. Когда аплодисменты стихли, саратовский ботаник Заленский произнес слова: "Съезд стал историческим. Биологи приветствуют своего Менделеева". От Опытного отдела Наркомзема, руководившего всей исследовательской работой по агрономии в стране, на съезде присутствовал профессор Николай Максимович Тулайков. По окончании Съезда Тулайков сделал доклад в Опытном отделе Наркомата Земледелия в Москве, обратив особое внимание на выдающуюся работу Вавилова, назвал ее автора "гордостью советской науки" и предложил кандидатуру Вавилова на должность директора Государственного Института Опытной Агрономии -- центрального в советской стране научного сельскохозяйственного учреждения.

Переезд в Петроград и внедрение в государственные структуры

В том же 1920 году в Петрограде скончался Регель. Еще при жизни он рекомендовал Вавилова в свои преемники на посту заведующего Отделом прикладной ботаники и селекции. Сельскохозяйственный Ученый Совет (высший тогда в стране орган по научному руководству финансируемыми государством учреждениями в этой сфере) проголосовал за избрание Вавилова на этот пост. Народный Комиссариат земледелия назначил Вавилова заведующим Отделом. Теперь уже Вавилову пришлось уезжать из Саратова в Петроград окончательно. Перед тем, как приступить в 1921 году к исполнению новых обязанностей, Вавилов съездил в США, сделал краткую остановку в Европе, в Берлине, повидался в декабре с отцом.

Перебираясь в Петроград, Вавилов отчетливо понимал, что его, как когда-то в Саратове, где он обживался на пустом месте, ждут снова трудности, да еще усиленные послереволюционной и послевоенной разрухой и отсутствием самых необходимых вещей. 5 ноября 1920 года он писал своей молодой сотруднице Елене Ивановне Барулиной, вскоре ставшей его второй женой:

"Сижу в кабинете за столом покойного Роберта Эдуардовича Регеля, и грустные мысли несутся одна за другой. Жизнь здесь трудна, люди голодают, нужно вложить заново в дело душу живую, ибо жизни здесь почти нет, если не труп, то сильно больной, в параличе. Надо строить заново все. Бессмертными остались лишь книги да хорошие традиции.

В комнате холодно и неуютно. За несколько часов выслушал рапорт о тягостях жизни. Холод, голод, жестокая жизнь и лишения. Здесь до 40 человек штата. Из них много хороших, прекрасных работников. По нужде некоторые собираются уходить. Они ждут, что с моим

переездом все изменится к лучшему.

Милый друг, мне страшно, что я не справлюсь со всем. Ведь все это зависит не от одного. Пайки, дрова, жалованье, одежда. Я не боюсь ничего, и трудное давно сделалось даже привлекательным. Но боязнь не за самого себя, а за учреждение, за сотрудников. Дело не только в том, чтобы направить продуктивно работу, что я смогу, а в том, чтобы устроить личную жизнь многих. Все труднее, чем казалось издали..." (20).

Вавилов блестяще разрешил многие проблемы. К исполнению обязанностей директора Отдела он приступил с марта 1921 года и, проявив упорство, терпение и унаследованный от предков организаторский талант, начал развивать и расширять Отдел. Теперь он еще более укрепился на службе государственной, непосредственно подчинялся высшим руководителям Наркомата земледелия, взаимодействовал с крупными государственными руководителями в других ведомствах и должен был искать и находить с ними общий язык.

Сознательное следование предопределенным сверху заданиям не могло, конечно, не сочетаться у Вавилова с бессознательной, врожденной тягой к полезной деятельности, к все более широкому развитию его собственного ВАВИЛОВСКОГО дела, крепко поставленного на ноги и добротно управляемого.

Для упрочения своего дела Вавилов вынужден был невольно воспроизводить в своей сфере, при создании собственной школы, механизмы, развитые при новой власти. Естественно, что, интегрируя себя во всё более высокие уровни этой власти, он не пассивно воспринимал методы ее упрочения, но относился к этому с высоты собственного понимания целей и потребных для их выполнения средств. Параллельно вхождению во властные структуры протекал процесс эволюции вавиловского мировоззрения -- изменения взглядов на многие стороны действительности, на политическую организацию общества и на людей.

В публикациях и письмах тех лет можно найти указания на то, что в начальные годы пребывания на государственной службе он испытывал к большевикам чувства, далекие от почтения{3}. С первых же дней работы он столкнулся с финансовыми и организационными трудностями. Довольно часто в 1922-1923 годах в письмах коллегам на Запад (особенно часто Д.Н.Бородину{4}) или тем из эмигрантов, с кем он установил деловые контакты, Николай Иванович сетовал на трудности жизни в постреволюционной России:

"...на телеграмму Вам у нас денег нет" (25).

"Наши ставки уже давно не были так низки, как теперь" (26).

"Каждый рубль здесь дается с большим трудом" (27).

"Если бы Вы представляли себе тот ужас финансового положения, которое мы чувствуем на каждом шагу" (28).

"Работать в России можно, хотя и очень трудно... все-таки переживается здесь очень трудное время: учителя в средних и высших школах бедствуют из-за ничтожных окладов. В городах Москве и Петрограде сильная безработица" (29).

Финансовые трудности заставили Вавилова задуматься над тем, не поработать ли некоторое время за приличное вознаграждение в еврейском благотворительном фонде -- Еврейском Объединенном Комитете Распределения Помощи" (Jewish Joint Distribution Committee), международной организации, помогавшей остро нуждавшимся евреям во всем мире. Эта

организация отличалась от движения сионистов тем, что не выдвигала политических или религиозных условий как для получателей средств, распределяемых Комитетом, так и для преподавателей и консультантов, принятых на работу. Комитет был сформирован в 1914 году и существует до сих пор на частные пожертвования евреев. Начиная с 1920 года, Комитет (и на Западе, и в России его часто именовали просто Джойнт) начал систематическую благотворительную помощь в РСФСР путем выдачи небольших стипендий на обучение новым профессиям, организацией курсов для евреев и наймом высококачественных преподавателей на эти курсы, закупкой литературы для учебных и научных заведений России и т. п. Только в 1921--1923 годах Джойнт перевел в Советскую Россию огромную по тем временам сумму -- 24,5 миллиона долларов (30). В числе ученых, согласившихся подрядиться на работу в Джойнте, оказался близкий в будущем сотрудник Вавилова В.В.Таланов (работавший до революции в Ставрополе и Екатеринославе, в 1919-1922 гг. в Омске, а затем перебравшийся в Москву; с 1926 года -- сотрудник Вавилова). Возможность приработка в Джойнте обсуждалась в трех вавиловских письмах. В одном из них (Бородину, отправлено 10 февраля 1923 года) Вавилов писал:

"Литература, присланная через Джойнт, направлена в Петроградскую академию и будет там распределена. Таланов уже состоит на службе у Джойнта. Пожалуй, и я готов пойти бы на это. Платят в Москве 150 долларов, что соответствует по нашему 10 миллиардам в месяц. Мой оклад с совместительствами около 600 миллионов. Согласитесь, пойдешь при таких условиях на службу в учреждение почище Джойнта, например академик Бородин -- ботаник -- читает на старости лет лекции по ботанике в Компартии. Но в общем мы все же не увлекаемся сотрудничеством с Джойнтом" (31).

Как видим, о том, что Бородин читает лекции коммунистам, Вавилов отзывается с явной издевкой. Такая нелестная характеристика, несомненно отвечала репутации, которую большевики заслужили в то время в среде ученых.

Тем не менее Вавилову приходилось с первых же дней государственной службы не просто контактировать, но тесно взаимодействовать напрямую с руководителями Наркомата земледелия, Петроградского совета, центрального правительства. Надо заметить, что в то время в Наркомате земледелия видную роль всё еще играли такие крупные ученые как А.В.Чаянов и С.К.Чаянов, Н.Д.Кондратьев, Н.М.Тулайков, с которыми у Вавилова сложились деловые отношения. По мере внедрения во все более высокие сферы административной системы его отношение и к властям вообще и к коммунистам в частности начало меняться к лучшему, о чем говорят отрывки из его писем тех лет:

"Работать в России можно, хотя и трудно" (32).

"Живем внутренне удовлетворительно. Собралась большая группа, дружная. И если бы не было трудностей внешних условий, можно было [бы] работать" (33).

"Условия здесь не такие плохие, какими они были несколько лет назад. Жизнь трудна, но улучшается. Наша экспериментальная работа развивается помаленьку, и мы скорее оптимистически настроены" (/34/, нужно отметить, что в личной переписке Вавилов в редчайших случаях обращался к адресатам "на ты", а себя называл "по-царски" -- в множественном числе: "мы").

"Всесоюзный институт (имеется в виду Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур -- В.С.) как будто становится на ноги" (35).

"Нынешний год сильно поставил нас на ноги. Опытные станции развертывают большую

работу как научную, так и практическую...

Положение о Всесоюзном институте... утверждено А.И.Рыковым" (36).

"Жизнь Института идет полным ходом. Почти лихорадочно развертывается сеть опытных учреждений Института. Мы растем, и, может быть, в некоторых частях своих слишком поспешно. Нехватает людей. Налаживаем лаборатории: химическую, физиологическую, цитологическую" (37).

Вплоть до конца 1924 -- начала 1925 годов в письмах, отправленных за границу, в особенности российским эмигрантам, Вавилов нередко подчеркивал свою дистанцированность от политики (см., например, /38/). Так, в письме М.Б.Кормеру от 31 августа 1925 года в Норвегию Вавилов пишет:

"Как ты знаешь, я никогда политикой не занимался... Я состою директором Государственного института опытной агрономии, должность выборная и в то же время утверждаемая правительством" (39).

Аналогичная фраза вставлена им в письмо от 7 марта 1926 года, адресованное во Францию В.И.Вернадскому, которого Вавилов просит поддержать его просьбу о получении въездной визы в африканские страны через французский МИД (Вернадский в 1923--1924 годах жил во Франции, был хорошо известен в этой стране как крупнейший ученый и мог поспособствовать в этом вопросе):

"К политике я никогда не имел никакого отношения" (40).

Однако постепенно Вавилову пришлось все теснее знакомиться с руководителями Наркомзема на разных уровнях, выбивать средства из центральных финансовых ведомств, встречаться и взаимодействовать с руководителями партии в Москве и в союзных республиках (в середине 30-х годов он, в частности, нередко дружески посещал Л.П.Берию дома), с наркомами (министрами) правительства (Совета Народных Комиссаров СССР и РСФСР, или Совнаркома) и членами Центрального Исполнительного Комитета, или ЦИК (подобие законодательного органа страны). Высочайшие деловые качества Вавилова обращают на себя внимание, а в сочетании с его образованностью, эрудицией, умением нравиться женщинам и завоевывать их сердца, мягкостью в общении с близкими людьми в неформальной обстановке создают ему репутацию отличного администратора и в высшей степени приятного человека. Нет ничего удивительного, что уже через полгода после переезда из Саратова в Петроград его вводят в состав Ученого Совета Государственного Института Опытной Агрономии. Этот институт был создан как центральное научно-исследовательское учреждение страны в области сельского хозяйства, и в августе 1922 года на съезде опытников на институт "было возложено объединение научной исследовательской деятельности в опытной агрономии в России" (из письма Вавилова Бородину от 29 августа 1922 г. /41/). Председателем Института (то есть председателем ученого совета) был избран Тулайков, а товарищами председателя (его заместителями) энтомолог В.П.Поспелов из Саратова и Вавилов. Директором института (одновременно почетным председателем Совета) стал В.И.Ковалевский -- агроном, растениевод и редактор "Энциклопедии сельского хозяйства" Девриена. Через полтора года -- в конце января или в первые дни февраля 1924 года -- директором института был избран Вавилов.

"По несчастью, я в настоящее время избран директором Государственного института опытной агрономии и фактически приходится принимать ближайшее участие в организации всего опытного дела", -- писал Вавилов Бородину в США (42).

В эти годы Вавилов входит во многие важные комитеты как полноправный член. В 1922--1923 годах он был включен в оргкомитет 1-ой сельскохозяйственной выставки в Москве, проведению которой коммунистические власти придавали большое значение и которую посетил Ленин и другие руководители правительства. В 1923 году он был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук, в 1924 году его назначают директором Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур (ВИПБиНК), в 1926 присуждают высшую в те годы в СССР Премию имени В.И.Ленина за работы по иммунитету растений, в том же году его вводят в состав законодательного органа всей страны -- Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК СССР), а через год в аналогичный орган Российской республики (РСФСР) -- Всероссийского ЦИК (ВЦИК). 12 января 1929 года его единодушно избирают академиком АН СССР (он стал самым молодым академиком, исполнилось ему в ту пору всего 42 года), в том же году избирают академиком Всеукраинской Академии наук, назначают президентом Всесоюзной Академии Сельскохозяйственных Наук имени В.И.Ленина (ВАСХНИЛ), членом коллегии Наркомзема, в 1930 году -- членом Ленинградского городского совета депутатов трудящихся, в том же году в связи со скоропостижной смертью создателя и директора Лаборатории генетики АН СССР Ю.А.Филипченко Вавилов становится директором этой лаборатории (в будущем Институт генетики АН СССР).

Вавилов -- советский патриот

При попытках понять внутренние пружины вавиловского подвижничества в науке и в организационных делах исследователи неминуемо сталкиваются с трудным вопросом относительно политических пристрастий и умонастроений этого человека. В годы советской власти те, кто писали о Вавилове как ученом, однозначно характеризовали его как истинного патриота советской страны, делами доказавшего свою искреннюю приверженность советскому строю, государству и коммунистической партии. Антиподы Вавилова -- лысенкоисты, напротив, утверждали, что сын миллионера-эмигранта был не кем иным, как противником "власти рабочих и крестьян", наймитом империалистов, их шпионом и диверсантом. В недавнее время вопрос о патриотизме Вавилова стал оспариваться и была высказана гипотеза (в форме не терпящего возражений утверждения /21/), что Вавилов, будучи лишенным наследственных богатств и разлученный с отцом именно Октябрьской революцией, ненавидел и власть и установленные ею порядки, и правящую коммунистическую партию.

Попробуем более спокойно и без пристрастий разобраться в этих вопросах, отчетливо понимая, что окончательного ответа на них никто уже получить не может, так как единственно верный ответ мог бы дать только сам Вавилов.

Мы должны прежде всего вспомнить ту идейную атмосферу, которая пропитывала общество российских интеллигентов и промышленников со второй половины XIX века вплоть до большевистского переворота в 1917 году. Чувство вины интеллигентов -- выходцев из среднего класса, а то и из обеспеченных и часто очень богатых семей -- перед простым народом, отвергание идеалов обогащения ради обогащения, постоянно муссировавшиеся среди образованных слоев российского общества призывы идти в народ и тому подобное стали главенствующими в обществе. Всю революционную деятельность в России в XIX и начале XX веков вели в основном интеллигенты, а вовсе не простые "крестьяне и рабочие", втягиваемые в "российские бунты, кровавые и беспощадные". Поэтому искать изначально, основываясь только на факте рождения в среде миллионеров, негативное отношение к власти, декларирующей свою поддержку лишь угнетенным прежде слоям общества, нельзя.

Важнейшую роль в выдвижениях, назначениях и продвижениях по службе Вавилова в советской стране могли сыграть знакомство и затем дружба с видным деятелем партии большевиков -- Николаем Петровичем Горбуновым{5}. Не могли эта дружба и другие связи не сказаться и на перемене отношения Вавилова к властям и к коммунистам: исчезает из переписки и из выступлений даже налет критического к ним отношения. Сначала это изменение прорывается в строках писем о расцвете наук в СССР. Например, в письме к Б.П.Уварову, эмигрировавшему в Англию в 1920 г. и впоследствии (в 1950 году) избранному членом Лондонского Королевского общества (академиком по французской и российской терминологии), Вавилов пишет (письмо отправлено 23 января 1928 года):

"До Вас, вероятно, доходят известия о большом подъеме, который сейчас, несомненно, наблюдается в развитии научной работы..." (46)

Через год, в январе 1929 года Вавилова, как уже упоминалось, избрали действительным членом (академиком) АН СССР. Политбюро ЦК ВКП(б) (на заседании 23 марта 1928 года в присутствии Сталина) впервые в истории СССР пошло перед выборами на шаг, никогда ранее не практиковавшийся, но в последующем ставший обязательным при выборах членов во вроде бы независимую от партии организацию -- Академию наук СССР. Политбюро рассмотрело и утвердило список кандидатов на избрание в члены Академии, желая этим шагом предопределить будущий состав АН СССР. Список был подан на утверждение в Политбюро специальной Комиссией, которая, конечно, не могла не проверить политические взгляды представляемых кандидатур. Разумеется, научные заслуги кандидатов даже не рассматривались, а все обсуждение касалось лишь того, как кандидаты относятся к партии и как они будут взаимодействовать с партийными органами. При этом список рекомендуемых был разделен на три группы:

"1. Члены ВКП(б) -- Бухарин, Кржижановский, Покровский, Рязанов, Губкин, Лукин, Фриче, 2. Кандидаты ближе к нам" (Деборин, Бах, Прянишников, Кольцов и другие, всего 13 человек), и "3. Кандидаты приемлемые" (15 человек и среди них Вавилов, Каблуков, Рождественский, Гедройц, Обручев. Шокальский, Чичибабин) (47).

Как видим, Вавилов (хоть и сын миллионера-эмигранта) рассматривался властями как приемлемый для них ученый.

Члены Политбюро считали, принимая это решение, что голосующие на выборах академики не посмеют нарушить решение Политбюро ЦК партии коммунистов -- единственной правящей партии в стране и безропотно проголосуют за их список. Однако на выборах расчеты на беспрекословное подчинение мнения академиков партийному вмешательству в их дела провалились. Всех коммунистов из первой группы и многих из второй и третьей групп в первом и втором туре забаллотировали. Тогда власти потребовали провести несколько дополнительных туров голосования, перед каждым из которых партийные эмиссары по очереди "уговаривали" академиков подать голос за выдвиженцев партии, и в конце концов Н.И.Бухарин, М.Н.Покровский, Д.Б.Рязанов (по политическим мотивам он в 1931 г. был исключен из числа членов АН СССР), Г.М.Кржижановский и И.М.Губкин были в дополнительном туре голосования все-таки в академики проведены. Однако философ А.М.Деборин, историк Н.М.Лукин и литературовед Н.В.М.Фриче были забаллотированы, что вызвало громкие обвинения академиков в их якобы политической провокации. Публикация обвинений в печати была инспирирована непосредственно Политбюро ЦК партии коммунистов (48). Президиум АН СССР счел за благо просить Политбюро в нарушение Устава Академии разрешить провести повторное голосование. В конце концов всех коммунистов в академики провели. В этом процессе "победы над Академией" Н.П.Горбунов принимал непосредственное участие как управделами Совнаркома СССР и член комиссии,

работавшей под присмотром Политбюро ЦК.

Вавилов же был избран сразу, в первом туре. Вскоре после избрания он писал своему институтскому учителю, Д.Н.Прянишникову, которого избрали академиком одновременно с Вавиловым:

"Коммунисты работают неплохо: и Бухарин, и Рязанов, и Покровский подходят к существу дела, и работа пойдет, по-видимому, нормально. Отношение самое доброжелательное. Атмосфера в общем, деловая, и договариваться легко. Во всяком случае, большая готовность поддерживать чистую науку, и экспериментальную, и Институт, и лаборатории, и работы также отдельных работников"{6} (51).

Коренным образом изменилась в это время не только оценка большевиков Вавиловым. Он стал утверждать, что большевистская революция привела к созданию в стране наилучшей системы общественного устройства. Он, как считал первый исследователь жизни Вавилова М.А.Поповский, приветствовал и коллективизацию сельского хозяйства (Поповский основывал такое заключение на взятых интервью у родных Вавилова, прежде всего у сына сестры Вавилова А.Н.Ипатьева, и утверждал, что Вавилов спорил с родными и близкими, сомневавшимися в правильности насильственного перехода к поголовному и беспрекословному объединению крестьян в коллективные хозяйства).

Приводимые ниже примеры таких высказываний подкрепляют точку зрения о советском патриотизме Вавилова. В своих докладах, начиная с 1929 года, Вавилов не перестает настаивать на том, что именно коллективизация в сельском хозяйстве, введение планового начала в экономике страны (причем именно централизованное планирование сверху вниз взамен индивидуального планирования своего хозяйства владельцами предприятий и земельных участков), вообще социалистические начала уклада всей жизни -- вот, что полезно стране и её населению. В конце апреля 1929 года беспартийные Вавилов и Тулайков (последний стал коммунистом в 1930 году, Вавилов так и не стал членом партии) выступили на XVI Всесоюзной конференции ВКП(б), принявшей Первый Пятилетний План. Оба оратора приветствовали социальные перемены в стране. Факт предоставления слова беспартийным на высшем партийном форуме был многозначащим. Конечно, выступление беспартийных ученых, обладающих огромной популярностью в стране (Тулайков стал академиком АН СССР в 1932 году, но был широко известен своими трудами в области почвоведения и земледелия за десять лет до этого), немедленно использовали средства массовой информации. Газета "Правда" посвятила их выступлению большой материал, подав его под такой шапкой, напечатанной крупным шрифтом:

XVI Всесоюзная Конференция ВКП(б)

Выступления академика Вавилова и профессора Тулайкова

"МЫ ПРИШЛИ ЗАЯВИТЬ О ПОЛНОЙ ГОТОВНОСТИ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ

ВСЕМЕРНО СОДЕЙСТВОВАТЬ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

НА НОВЫХ НАЧАЛАХ" (52).

В газете было приведено подробное изложение обоих выступлений, в которых ученые якобы от лица всех коллег одобряли создание кооперативных хозяйств и выдвигали в связи с этим новые задачи перед биологической и сельскохозяйственной науками. Вавилов, в частности, говорил:

"У нас есть агрономическая наука, но те огромные задачи, которые выдвигают партия и жизнь, требуют исключительного внимания к организации и реорганизации самой агрономической науки... В ответственный исторический момент поворота сельского хозяйства на социалистические начала, переключения его на новые рельсы мы пришли к вам... заявить полную готовность нас, научных работников, всемерно содействовать реконструкции сельского хозяйства на новых началах" (53).

Его дополнял Тулайков:

"Социальный строй (в нашей стране) открывает полную свободу научного творчества и восприятия необходимых научных истин огромной массой индивидуального крестьянского, кооперированного и крупного коллективного и советского хозяйства" (54).

В мае 1929 года Вавилов выступил на V Всесоюзном съезде Советов со словами:

"Без науки нельзя построить социализма... Тот энтузиазм, который ныне охватил все строительство Советского Союза, захватил широко научные круги... Призыв, с которым съезд Советов обращается к научным работникам, услышан, и нет никаких сомнений в том, что советский ученый сделает все, что от него зависит, чтобы содействовать укреплению социализма в нашей стране" (55).

В другой речи, произнесенной в том же 1929 году, Вавилов настаивал на важной роли для СССР новых культур и прежде всего кукурузы в поднятии сельского хозяйства, утверждая, что коллективизация сельских хозяйств и создание мощных кооперативных объединений помогут внедрению кукурузы. В том же году в статье о селекции и семеноводстве он заявляет:

"Расцвет селекционной деятельности опытных учреждений в нашей стране определенно относится к последнему десятилетию. Широкая селекционная работа в сущности начинается вместе с революцией. Роль государства в организации семеноводства, в организации селекционной работы оказалась исключительно благотворной в СССР" (56).

При открытии Второго международного конгресса почвоведов в Ленинграде 20 июля 1930 года Вавилов от имени Правительства СССР и президиума ВАСХНИЛ произнес речь, символично назвав её "Социализм и наука неразрывны", в которой сказал:

"Мы приступили к переустройству всей нашей жизни на новых социалистических началах. Мы убедились, что для того, чтобы развернуть земледелие в нашей стране, нужно коренным образом перестроить всю систему сельского хозяйства. От разрозненных миллионов единоличных хозяйств мы переходим к коллективизации, к созданию крупного хозяйства, крупных совхозов и колхозов. Даже за короткий промежуток времени мы уже успели убедиться в тех огромных возможностях, которые открываются перед нами в связи с социалистическим переустройством нашей жизни... Россию боялись. Россию не понимали. "Святой Руси" больше не существует. Место религии заняла наука. Правительство не щадит средств на развитие научных учреждений. За практическими задачами сегодняшнего дня мы не забываем социалистических вопросов, без которых немыслим прогресс науки" (57).

Возвратившись из поездки по Северной Америке и Европе Вавилов прочел 14 марта 1931 года лекцию в Большом конференц-зале Академии Наук СССР, о которой были извещены все научные учреждения (было отпечатано 800 афиш, разосланных по институтам и организациям). В афише был приведен план доклада, содержавший, в частности, такой абзац:

"Мировой кризис. Усиление конкуренции. Анархия производства. Мировой кризис в тропических странах. Сокращение числа фермеров в Соединенных Штатах Сев. Америки. Интерес к реконструкции сельского хозяйства на социалистических началах" (58).

На первом пленуме ВАСХНИЛ в мае 1930 г. Вавилов твердо сказал об этой своей убежденности:

" Товарищи! Советская страна строит заново свою жизнь. Её основной промысел -- сельское хозяйство вступило в период величайших сдвигов. От десятков миллионов разрозненных индивидуальных
 хозяйств, трудно поддающихся агрономическому воздействию, построенных всецело на эгоистических принципах, на тысячелетней рутине, на средневековом инвентаре, мы переходим гигантскими шагами к укрупненному, специализированному хозяйству, построенному на данных науки... Мы наблюдаем небывалый размах земледелия.

Широкий простор открывается перед исследователем. Сконцентрировать усилия над решением важнейших практических задач социалистического земледелия -- таково основное требование наших дней" (59).

Та же позиция была выражена в 1931 году:

"Мы еще только в начале развертывания социалистической реконструкции сельского хозяйства, но уже в корне изменился масштаб и самый характер научных проблем, выдвигаемых сельским хозяйством... Совхозное и колхозное производство оказалось обладающим исключительной "поглотительной способностью" к знаниям" (60).

Нельзя и на секунду допустить мысль, что Вавилов, общавшийся с С.К.Чаяновым, Н.Д.Кондратьевым, другими критиками сталинской коллективизации, не знал, к каким пагубным последствиям привела коллективизация, как резко упали урожаи всех культур. Но он говорил и писал о коллективизации совершенно иное:

"Продукция наших полей и садов по ряду культур должна быть в ближайшем будущем удесятерена. Такой масштаб показался бы несколько лет тому назад утопическим, ныне он стал действительностью" (60а).

Даже в тех случаях, когда волевые решения партии были несомненной ошибкой, Вавилов старался найти в них полезное ядро, закрывая глаза на нелепости и прямой вред. Так, в 1931 году было издано партийно-правительственное постановление, требующее, чтобы селекционеры начали выводить сорта за --45 лет вместо обычных 12-15 лет (см. об этом в главе IV). Селекционеры открыто заявляли о неприемлемости и нереалистичности таких решений наркому земледелия Яковлеву. А Вавилов в июне 1932 года на Всесоюзной конференции по планированию генетико-селекционных исследований утверждал положительную роль решения ЦКК--РКИ и говорил:

"Перед селекцией растений поставлены огромные новые задания... В отличие от капиталистических стран вся растениеводческая исследовательская работа также, также как селекционно-генетическая в нашей социалистической стране должна быть построена по определенному единому плану, с учетом всех потребностей. Теоретическая работа должна быть увязана с практикой. В отличие от прошлого вся селекция в нашей стране должна учитывать требования специализированного механизированного хозяйства с учетом развертывания в предстоящие годы химизации земледелия" (61).

На этой конференции степень подчиненности ученых самым уродливым по сути императивам коммунистов достигла раблезианских масштабов. Оргкомитет конференции, в который входили Н.И.Вавилов и А.С.Серебровский, "призвал, -- как отмечает К.О.Россиянов, -- к коренной реконструкции науки" на социалистический лад (61а). В решение конференции был записан призыв к "…внедрению принципа классовости и партийности науки" (61б).

Имя Вавилова не сходило с газетных страниц, этому способствовало умение ученого ярко и вдохновенно выступать, чем он неизменно пользовался, бывая на множестве конференций и публичных встреч. Вавилов стал частым участником и многих митингов на государственном уровне. О таких собраниях всегда появлялись отчеты в средствах массовой информации, а Вавилов твердо придерживался той линии, что для блага его институтов и подведомственных организаций важно, чтобы его деятельность была видна всем, чтобы его имя не сходило с газетных и журнальных полос. Да и скорее всего жизнь на виду приносила ему внутреннее удовлетворение.

И дома, в СССР, и за рубежом Николай Иванович не переставал пропагандировать достижения советской власти.

Яркий пример убежденности Вавилова в этих ценностях привел Феодосий Григорьевич Добржанский -- любимый ученик Ю.А.Филипченко, направленный в командировку в лабораторию Т.Моргана в США в 1927 году. Добржанский за два с половиной года работы в лучшей в мире генетической лаборатории выполнил выдающиеся исследования, и Морган предложил ему остаться в Калифорнийском Технологическом институте в должности приглашенного профессора. Добржанский рвался домой, но из-за искусственно созданных советскими властями бюрократических препон, возвращение оттягивалось и оттягивалось, и в конце концов талантливейший молодой генетик вынужденно остался на Западе (история того, как руководство АН СССР в сотрудничестве с НКВД создали все условия для невозвращения Добржанского из командировки в срок, а затем для принятия им окончательного решения о невозвращении, документально описана в работе М.Б.Конашева /62/){7}. Вскоре он стал академиком Национальной Академии наук США, крупнейшим генетиком и эволюционистом XX-го века. Вавилов хорошо знал Добржанского лично, переписывался и встречался с ним в США несколько раз. Во время последнего приезда Вавилова в Штаты в 1932 году его уже не оставляли ни на минуту молодые "люди в штатском", но все-таки обманным маневром, по предложению Г.Д.Карпеченко, который в 1930-1931 годах также находился в США и постоянно контактировал с Добржанским, удалось осуществить хитрый план: Добржанский пригласил Вавилова съездить в Национальный парк секвой. Приглашение было сделано в присутствии сопровождавших чекистов и в такой форме, что они поняли, будто и их пригласили в поездку. Перед отъездом было совместно решено отвезти вавиловские чемоданы и все бесчисленные коробки с семенами и образцами в комнату, где их можно было на время сложить. Молодые "люди в штатском" начали заносить вещи в лифт, Вавилов, Добржанский, Лесли Данн и еще несколько американцев помогали это сделать. В момент, когда всё было внесено, молодые люди зашли в кабину, Добржанский, оставаясь в коридоре, протянул руку внутрь кабины лифта, нажал кнопку верхнего этажа, двери лифта начали закрываться, а Вавилова вытянули из лифта наружу. Лифт поехал наверх, увозя вещи и чекистов, а вся компания американцев срочно расселась по машинам, прихватив с собой Вавилова, и укатила (65). Содержание своих разговоров с Вавиловым Добржанский предал гласности уже после ареста Вавилова, причем на всякий случай дата разговоров была изменена и было сказано, что она имела место в предыдущий приезд Вавилова. В лесу оба генетика были вдвоем, и там Добржанский напрямую спросил Вавилова, как все-таки ему живется, и услышал страстный монолог Вавилова, утверждавшего, что нигде не открывается так много возможностей для

приложения своих сил, как в советской России. Добржанский вспоминал:

"Вавилов был пылким патриотом России. За пределами России его считали коммунистом, каковым он не был. Но он всем сердцем принял революцию, так как полагал, что она откроет более широкие возможности... для народа России... В октябре 1930 года во время поездки по Национальному парку секвой с автором этих строк (причем, вокруг нас никого не было) Вавилов с большим энтузиазмом и убежденностью говорил, что, по его мнению, возможности для удовлетворения потребностей человека, которые существуют в СССР, столь велики и столь вдохновляющи, что только ради этого можно простить жестокость режима. Он утверждал, что нигде в мире работа ученого не ценится столь высоко, как в СССР" (66).

Об этой же позиции Вавилова писал Поповский, который приводил для иллюстрации строки из письма директора Департамента сельскохозяйственных исследований Канадского зернового объединения Стрэнджа, писавшего Вавилову о своих чувствах после посещения Николаем Ивановичем Канады{8}:

"Вы дали нам совершенно новую картину прекрасной работы, проводимой правительством СССР в целях поднятия благосостояния и преуспеяния своего народа. Если бы большее число людей Вашей страны могло посетить нас и если бы большее число наших [жителей] могло приехать в Вашу страну и видеть Вашу работу, я убежден, что нам пришлось бы гораздо реже слышать глупые высказывания о недопущении русских товаров в другие страны" (68).

С итальянским ученым Оттавио Мунерати, директором опытной станции в Ровиго, Вавилов провел несколько дней во время поездки по этой стране и позже переписывался с ним. Вот что писал ему итальянский коллега:

"Я присоединяюсь как итальянец к тем аплодисментам, которые объединяют людей всех частей света и которые предназначены Вашей стране за замечательный подвиг корабля "Красин" -- подвиг, достойный эпохи" (68а).

Это письмо показывает, какой облик Вавилова складывался у западных коллег после общения с ним за границей.

Еще один из примеров, иллюстрирующих позицию Вавилова, можно почерпнуть из эпистолярного наследия академика. День 7 ноября 1932 года, 1-5ю годовщину Октябрьской революции, Вавилов встречал вдали от родины в Перу. В этот день он отправил сотрудникам своего института в Ленинград большое письмо, в котором были строки:

"Беру все, что можно. Пригодится. Советской стране все нужно. Она должна знать все, чтобы мир и себя на дорогу вывести. Выведем!

Издали еще яснее, что, dear friends, дело делаем... Мир баламутим. И к сути дела пробираемся. Институтское дело -- большое, и всесоюзное, и всемирное...

...Да, сегодня 1-5летие революции. Издали наше дело кажется еще более грандиозным... Будем в растениеводстве продолжать начатую революцию" (69).

В газете "Правда" 28 октября 1935 года он утверждал:

"Социалистическое земледелие нашей страны являет могучий потенциал невиданных возможностей. Колхозы и совхозы стали рычагом величайших сдвигов в сельском хозяйстве"

(/70/, выделено мной -- В.С.).

Конечно, он мог писать патриотические строки из-за рубежа с учетом реальной возможности негласного контроля за его перепиской агентами властей, мог вставлять аналогичные фразы в газетные статьи, понимая потребности уже сложившейся официальной идеологии, с которой было бы лучше не расходиться в оценках на публике, он мог быть напуганным арестами в его институте в 1932--1933 годах (у нас еще будет возможность более подробно обсудить эти события), но не менее вероятно, что он делал это вполне искренне. В любом случае не принимать такую
гипотезу во внимание невозможно. Также нельзя сегодня узнать, был ли Вавилов искренним, когда он вместе с несколькими академиками поставил подпись под телеграммой в газеты, в которой подписавшиеся приветствовали и одобряли расстрелы Тухачевского и других военачальников (телеграмму приводит в книге Раппопорт), или когда он подписал обращение к Сталину 20 мая 1938 года с одобрением репрессий и с выражением желания "помочь очистить… всю нашу страну от остатков троцкистской и прочей контрреволюционной мрази".

Не соглашаясь с Поповским, первым высказавшего тезис об искреннем советском патриотизме Вавилова (71), Медведев в 1967 году заявил, что, будучи

"...командующим большой армией ученых" Вавилов не мог в вопросах идеологии "идти на неоправданный риск. В его положении нужна была тактика, нужна была стратегия, нужна была дипломатия" (72).

Мне все-таки кажется, что позиция Медведева, по сути искавшего в поведении Вавилова двойные стандарты (дипломатичное признание всех атрибутов советского патриотизма на публике, в офисе, в общении с начальством и с сослуживцами и отрицание мнимых ценностей этого рода в душе, возможно в кругу близких и родных), если и годится, то не для всей жизни Вавилова. Представленные выше материалы показывают, что давать однозначное толкование поведению Вавилова на протяжении всей его жизни неправильно, что более справедлив психологический портрет развивавшейся и менявшейся во времени личности Вавилова. Зная подавляющее большинство его печатных работ, тексты выступлений и писем, трудно отвергнуть представление о нем, как о человеке, искренне и прямолинейно выражавшем советский патриотизм, начиная с 1929--1930 годов (73).

О том, что и в руководимом Вавиловым Институте прикладной ботаники и новых культур четко следовали и принимали без ропота политические требования руководства с момента создания института говорит такой факт. Осенью 1929 года чекисты (скорее всего неожиданно для себя) столкнулись с тем, что в библиотеке Российской Академии наук в Ленинграде хранится архив Департамента Полиции, 3-го Департамента, Охранного Управления, Жандармского Корпуса Царского Правительства, канцелярии Николая II, подлинники грамот об отречении от царского престола Николая II и Вел. Кн. Михаила, некоторые другие материалы. Об этом Киров немедленно поставил в известность Сталина секретной (зашифрованной) телеграммой. Известие произвело страшный переполох: в Ленинград тут же была отправлена бригада из высших чекистских начальников во главе с Я.С.Аграновым и Я.Х.Петерсом, краткие информационные сообщения о развертывавшихся событиях ежедневно стали появляться в партийной печати. Библиотеки АН СССР, Пушкинского Дома, Археографической Комиссии и (по-видимому, для отвода глаз) еще нескольких ленинградских институтов, включая Химический институт, были опечатаны, архивы срочно изъяты, были предприняты розыскные мероприятия по отслеживанию других материалов, связанных с деятельностью царского правительства, затем начался поиск тех, кто мог знакомиться за годы советской власти с архивом Охранного Управления, Полицейского и

Жандармского Департаментов царского правительства, пошли аресты. Сталин и Молотов лично следили за каждым шагом следователей. Руководство Академии наук оказалось под ударом, Непременный Секретарь Академии, крупнейший ученый-востоковед С.Ф.Ольденбург (1863--1934) был снят со своего поста в нарушение Устава Академии наук, академики С.Ф.Платонов, Н.П.Лихачев, М.К.Любавский, Е.В.Тарле и еще 11 сотрудников Библиотеки АН СССР арестованы и осуждены. Спасло их от немедленной казни лишь то, что Ольденбург в самую критическую минуту предъявил властям написанное лично Лениным распоряжение Бонч-Бруевичу (подписанное в первые дни после захвата Зимнего и ареста Временного российского правительства) передать архивы Охранного Управления и другие захваченные большевиками архивы на хранение именно в Библиотеку Академии наук (74). В переданных по распоряжению Ленина связках документов хранились в том числе дела секретных осведомителей и агентов царского Охранного Управления, и как полагают, столь нервическая реакция Сталина была вызвана тем, что и он сам числился в "стукачах", а, возможно, и функционерах Охранного управления.

Эта история с документами, найденными в Библиотеке, была рассмотрена первым вопросом на заседании Научной Коллегии вавиловского института (правда в его отсутствие, председательствовал В.Е.Писарев) 16 ноября 1929 года. В протоколе заседания содержится следующая запись:

"1. Научная Коллегия ВИПБиНК от лица всех сотрудников института резко осуждает и отмежевывается от поведения руководящих членов Академии наук, виновных в скрытии важных документов, и целиком поддерживает меры, принятые по отношению к ним нашим правительством. Научная Коллегия института заявляет, что поведение этих лиц не является выражением мнения масс советской интеллигенции, все более и более активно участвующей в социалистическом строительстве" (75).

Несомненно, подобные резолюции были приняты и в других (возможно, многих) научных институтах страны, но стиль и редакция заявлений весьма характерны.

Недавно крупнейший российский физик, близко знавший брата Николая Ивановича -- С.И.Вавилова, член-корреспондент РАН Евгений Львович Фейнберг писал в книге "Эпоха и личность", что братья Вавиловы были "сознательными сторонниками Октябрьской революции", что такое их отношение к жизни было

"не камуфляжем и приспособленчеством. Не зря же братья уговорили своего отца из эмиграции вернуться на родину в 1927 г." (43).

Он продолжает:

"Судя по всему, братья Вавиловы, помогавшие строить баррикады во время восстания 1905 г. на Пресне, где они жили, спокойно перенесли потерю имущества в результате Октябрьской революции, жили "как все", и с энтузиазмом включились в создание большой отечественной науки XX века" (44).

Но эту точку зрения разделяют не все, можно встретить утверждения, что более правильно характеризовать Вавилова как тонкого и умного приспособленца к условиям среды. Будучи конформистом, он якобы выбирал, что говорить на публике, чтобы сохранять и руководимые им коллективы и свою руководящую роль в стране:

"Возможно, наиболее яркими примерами конформистов могут быть братья Николай и Сергей Вавиловы... Н.И.Вавилов всеми силами пытался посредством компромиссов охранить

созданные им коллективы исследователей... Он делал все, что требовалось по канонам того времени. Тяжело читать его речи с прославлением Великого Вождя Народов", --

пишет С.Э.Шноль (45).

И все-таки я склоняюсь больше к точке зрения Фейнберга, понимая, что без искреннего подчинения своей энергии и личностных ценностей идеологическим требованиям новой власти Н.И.Вавилов был бы неминуемо уличен если не в контрреволюционных поползновениях, то во внутреннем несогласии с советской властью, и тогда никаких выдвижений и взлетов в Советской России ему бы не видать. "Бдительные органы" начали обвинять его во вредительстве и шпионаже в начале 1930-х годов (смотри об этом подробно в главе V), но этим сигналам не придали значения на верхах партийного руководства, и он остался на свободе в пору массовых репрессий в СССР вплоть до 1940-го года. Если бы обвинения несли неотразимые свидетельства враждебности строю, этого бы не случилось, ведь "классовое" чутье и "классовый" нюх новых властителей и их попутчиков были развиты в максимальной степени, а публичные разбирательства даже отдельных слов во время "чисток кадров" и проработок стали частью жизни всех руководителей в стране. К тому же, если бы Вавилов не был солидарен с властями (или бы власть и установленные порядки ему не нравились) у него было много возможностей во время зарубежных поездок стать невозвращенцем, как сделали многие, в том числе и его знакомые.

Главное детище Вавилова -- Всесоюзный институт растениеводства

Успехи руководимого Вавиловым Бюро по прикладной ботанике, вскоре переименованного в Отдел аналогичного названия, и Института Опытной Агрономии снискали ему популярность в правительственных кругах и позволили в короткое время добиться превращения Отдела в самостоятельный и крупный Институт. В 1924 году Советское Правительство приняло такое решение, и Вавилов писал своему саратовскому другу П.П.Подъяпольскому{9}:

"Мотаюсь между Питером и Москвой. Заставили устраивать Всесоюзный институт прикладной ботаники. Выйдет из этого что или не выйдет, толком не знаю" (76).

Председателем научного совета института по предложению Вавилова стал управляющий делами Совнаркома СССР Н.П.Горбунов, и, благодаря этому шагу, многие организационные вопросы были быстро решены. Под обещания Вавилова не только обеспечить селекционеров Союза ССР нужным числом линий культивируемых растений, перспективных для выведения улучшенных сортов пшеницы, ячменя, ржи и других культур, но и заняться поиском новых растений для сельского хозяйства институт сразу же получил огромные, несоизмеримые ни с чем в науке в масштабах страны ассигнования. Направление, связанное с введением новых культур, было даже вынесено в название института. Вавилов брал на себя и своих сотрудников огромную ответственность: обещания надо было подкреплять результатами.

Помощь Горбунова предопределила также столь важное решение, как непосредственное административное подчинение института Правительству советской республики: "при Управлении делами Совета Народных Комиссаров СССР было создано Управление Научными Учреждениями, в которое входили, кроме Академии наук, Институт прикладной ботаники и новых культур во главе с Н.И.Вавиловым -- головной институт будущей ВАСХНИЛ, Монголо-Тибетская экспедиция под руководством П.К.Козлова{10} и Особое техническое бюро (Остехбюро)" (78). Открытие нового научного учреждения было обставлено в высшей степени торжественно. Хотя базироваться он должен был в Ленинграде, церемония открытия, приуроченная к первому заседанию ученого совета института, состоялась летом 1925 года в Москве, причем непосредственно в Кремле. Вот что писала

"Правда" об
этом экстраординарном событии:

"20 июля, в 3 часа дня, в Кремле, в зале заседаний Совнаркома РСФСР, открылось первое торжественное заседание ИПБ и НК [Института прикладной ботаники и новых культур -- В.С.]...

На заседании присутствовал весь цвет сельскохозяйственной научной мысли СССР.

Председатель ЦИК СССР т. Червяков охарактеризовал значение института, являющегося первым звеном в деле создания всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И.Ленина.

Совет института образован в следующем составе: председатель совета -- Н.П.Горбунов, директор института -- Н.И.Вавилов, два заместителя -- В.В.Таланов и В.Е.Писарев. Кроме того, в состав совета входят председатели наркомзема союзных республик, председатель ЦК Всеработземлеса т. Анцелевич и представитель Сельскосоюза.

Институт имеет шесть основных опытных станций, шесть... опытных учреждений, 5 лабораторий, 55 географических пунктов, представительство в Нью-Йорке.

Основной задачей института является повышение урожайности всех видов сельскохозяйственных и лесных угодий СССР... т. Горбунов сообщает, что... Совнаркомом было ассигновано 4 миллиона рублей на ввоз первоклассного (семенного материала)... и около 3 млн. рублей на расширение семенных посевов. Это должно дать к осени миллион пудов исключительных по качеству отечественных семян, превосходящих лучшие заграничные образцы.

Институт в своей работе преследует практический уклон" (79).

Горбунов как человек, работавший личным секретарем Ленина вплоть до его смерти, озвучил тезис о том, что, создавая этот институт, Правительство исполняет волю Ленина, якобы выраженную им за год до смерти, в декабре 1922 года:

"Все делается... во исполнение завета обновления сельского хозяйства нашего Союза, данного Владимиром Ильичом Лениным..." (80).

Далее, представляя собравшимся руководящее ядро института, он говорил:

Директор института -- профессор Николай Иванович Вавилов, ученый мирового масштаба, ...пользующийся громадным научным авторитетом как в нашем Союзе, так и в Западной Европе и Америке.

Заместитель директора -- профессор Виктор Викторович Таланов... Ему Союз обязан выведением лучших сортов кукурузы, суданской травы и других кормовых трав.

Заместитель директора -- Виктор Евграфович Писарев... один из крупнейших русских селекционеров..." (81).

Примат практицизма в научной деятельности Вавилова

При оценке деятельности Вавилова не следует забывать то важное обстоятельство, что,

поставив себя на службу новой власти, он, в соответствии с требованиями этой власти, направил основные усилия на всемерное развитие прикладных направлений, развитие науки, обращенной "лицом к практике".

В гимне коммунистов "Интернационал" был многократно повторен один и тот же лозунг относительно разрушения старого общества и создания на его обломках более совершенного. "Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног", -- выводили коммунисты, веря в то, что им будет несложно построить "наш, новый мир!". Вавилов также включился в этот мифический процесс, найдя свое место среди строителей новых устоев, заявив, что он и его сотрудники коренным образом изменят ассортимент выращиваемых в сельском хозяйстве культур, что разыщут на земном шаре массу новых видов полезных растений и введут их в практику. Экспедиции вавиловского института обследовали все уголки земного шара и собрали огромную коллекцию семян. Теперь, обещал Вавилов, основываясь на этой уникальной коллекции, специалисты начнут скрещивать лучшие формы. Он нередко употреблял метафоры вроде того, что "Мы будем проводить опыты на глобусе -- земном шаре".

Введением в название института девиза о новых культурах Вавилов привлек к себе внимание властителей, и несомненно слава крупного ученого помогла ему завоевывать доверие верхов, а умело разрекламированные обещания практической полезности его науки обеспечили такую финансовую подпитку его детища, какой не имело ни одно другое научное учреждение страны в те годы. Достаточно сказать, что в его институте уже в начале 30-х годов работала почти тысяча научных сотрудников, а через пять лет она возросла до тысячи семисот сотрудников! Эта цифра была по тем временам невообразимо большой. Для сравнения -- в ведущем в стране биологическом научном учреждении -- Институте экспериментальной биологии Кольцова штатных сотрудников было около десяти, в главном физическом институте страны -- Физико-техническом в Ленинграде, руководимом академиком А.Ф.Иоффе, -- институте, где работали будущие Нобелевские лауреаты Л.Д.Ландау, П.Л.Капица, Н.Н.Семенов и И.Е.Тамм (был в институте в 1942-1946 годах), было сто штатных научных сотрудников. Но как много из этой сотни оказалось по-настояшему великих физиков!{11}.

В соответствии с заказом властей, Вавилов с первых дней создания института, помимо серьезной научной задачи, связанной с изучением эволюции культурных растений, стал требовать, чтобы сотрудники были максимально настроены на практические задачи. Отнюдь не чистая наука должна была превалировать в деятельности сотрудников. Этим обстановка в новом институте коренным образом отличалась от той, что была заведена годами в Бюро по прикладной ботанике. От отделов физиологии, генетики, цитологии (первоначально входившей в лабораторию генетики, руководимую Карпеченко), биохимии требовалось теперь львиную долю времени отдавать практическим работам. Таланов, Писарев, Говоров, Максимов без возражений и внутреннего протеста подчинились этому требованию. Несколько труднее складывалось взаимопонимание между Вавиловым и талантливейшим генетиком Карпеченко. Отголоски такого отношения можно легко увидеть в письмах Вавилова Карпеченко, особенно в годы, когда Карпеченко работал за границей (те же разногласия проявились и в 1938-1939 годах). Хотя у Вавилова в целом были прекрасные отношения с Георгием Дмитриевичем, однако, просматривая письма той поры, можно найти немало сердитых строк как раз по поводу излишней, по мнению Вавилова, увлеченности Карпеченко теоретическими, а не узкоприкладными вопросами (приводимые ниже отрывки взяты из писем, которые Вавилов направлял в Англию, куда Георгий Дмитриевич был командирован в 1926 году):

"Что касается того, что мы все не занимаемся генетикой, что генетика отодвинута,

объясняется логикой исследования... Не думаю, что такие большие работники, как Максимов, Левитский, Воронов, Жуковский и др., были бы меньшими сторонниками свободы, чем Г.Д.Карпеченко. Но, если нас мало интересует редька и очень интересует пшеница, ячмень, овес и рожь -- ничего не поделаешь...[редька как раз и была центральным объектом карпеченковских исследований -- В.С.]

Жаловаться на то, что Вам придется заниматься организацией, считаю сплошным недоразумением, ибо Вы поступили фактически на все готовое. Я привык ставить интересы дела выше своих личных, думаю, что это общее положение, на котором строится научная работа больших учреждений. Неся крест по налаживанию и обеспечению работы огромного коллектива, я, как и большинство из нас, наряду с минусами персонального порядка вижу в этом большой плюс и полагаю, что и в нашем учреждении действительно, может быть, существует для Вас несколько неприятная дисциплина...

Смысл нашего учреждения -- его безусловная полезность стране, и нужно уметь сочетать свои личные устремления с общими. Мне приходилось довольно много учиться, пожалуй, более, чем многим из моих коллег, и..., как мне кажется, та линия, которую мы ведем, не стоит в противоречии с общим ходом исследовательской работы...

Во всяком случае Вам придется внимательно учесть нужды Института..." (82). "Ведя большую машину, каковую представляет собой Институт, мы, конечно, делаем это не потому, что имеем склонность быть метродотелями по устроению сотрудников и комфорта для них, а потому, что понимаем, что при всех дефектах... это учреждение может дать огромный эффект даже практически... Вы напрасно отлыниваете от наших пожеланий и просьб..." (83)

Сам Вавилов верил в посильность решения задачи внедрения новых культур и постоянно писал об этом сотрудникам, увлеченно говорил об этом в многочисленных выступлениях и письмах (84). В 1932 году он напечатал небольшую книжку, названную "Проблема новых культур", в которой перечислил 136 видов растений, которые считал перспективными для внедрения в качестве новых сельскохозяйственных культур (85). В списке было небольшое число растений лишь условно новых для СССР. Они были давно окультурены и в ограниченных масштабах возделывались в странах с более мягким климатом. Вавилов призывал расширить площади под ними в СССР (так, он считал нужным расширить площади под кукурузой, сорго, соей, земляной грушей, бататом, клещевиной, арахисом). Остальные растения представлялись Вавилову потенциально полезными, и он перечислял их: тепари, ворсовальная шишка, американский пырей, судза, ажгон, бадан, скумпия и много им подобных. Сегодня, спустя три четверти века, приходится констатировать, что воплотить в практике свои надежды Вавилов не смог: за пятнадцать лет работы эти культуры не вошли в арсенал растениеводства и не революционизировали сельское хозяйство.

Командирские окрики руководителей государства

в адрес ученых после начала коллективизации

Серьезность задачи изменения сортового состава и поиска новых культур отлично понимали высшие руководители страны. До поры до времени политика раздачи Вавиловым обещаний и получение под них все новых финансовых вливаний пользовалась успехом.

Но сразу после коллективизации положение резким образом поменялось. Потеря в результате коллективизации почти всех сортов требовала немедленной отдачи от Вавилова и его армии. Ждать дальше, когда он начнет воплощать в жизнь то, что в течение почти пяти лет повторял в своих выступлениях и документах, было нельзя. Грубая рука голода, сжимавшего горло и

пугавшего власти больше всего на свете, не оставляла времени на топтание на месте. Верившие Вавилову и поддерживавшие его годами Горбунов, Рыков, Яковлев и другие сами находились теперь в трудном
положении, так как Сталин требовал от них немедленного перелома в положении дел в сельском хозяйстве.

Особенно резко стоял вопрос о выведении новых сортов и внедрении новых культур. В ходе проведения насильственной и тотальной коллективизации сортовое зерно было конфисковано, и сорта большинства культур были попросту уничтожены. Государство столкнулось с никогда раньше не существовавшей задачей и, будучи управляемым теми, кто заранее не продумывал последствия резких шагов, а предпочитал гнуть "генеральную линию", не взирая на предостережения специалистов, предпочло и на этом этапе командирские окрики. Как уже было упомянуто, в 1931 году коллегия Наркомата рабоче-крестьянской инспекции и президиум Центральной Контрольной Комиссии Центрального Комитета ВКП(б) приняли жесткое постановление, предписывавшее в срочном порядке, за 4 -- 5 лет обеспечить сельскохозяйственные предприятия страны (совхозы и колхозы) новыми сортами с чудесными свойствами (86). Комплекс характеристик, которые нужно было придать новым сортам, был включен в приказном порядке в постановление НК РКИ и ЦКК ЦК ВКП(б). Селекционеры должны были немедленно приступить к выведению сортов, пригодных для машинной обработки и сбора урожая (теперь на огромных площадях колхозов и совхозов открывался простор для применения мощных тракторов, комбайнов, другой сельскохозяйственной техники). Нужны были сорта с повышенной устойчивостью к болезням и вредителям (старые работы Вавилова по иммунитету могли привести к решительному изменению селекции в этом направлении). Можно было теперь, учитывая успехи агрохимии, перейти к созданию сортов, быстро и мощно отвечающих на внесение химических, особенно азотных, удобрений (работы учителя Вавилова -- академика Прянишникова об азотном обмене становились исключительно важными в этом направлении). Большим подспорьем для селекционеров могли стать исследования физиологов растений, изучавших физиологические механизмы термического режима устойчивости разных культур, светового режима растений, засухоустойчивости, солевых режимов, влияния мелиорации и многих других современных приемов агротехники и земледелия. Но, несмотря на все эти новые и перспективные достижения, перескочить через очевидные ограничения в сроках выведения сортов, диктуемые генетикой, было нельзя.

Большинство грамотных селекционеров пыталось объяснить наркому земледелия Яковлеву, что поставленная задача выведения сортов за --45 лет утопична, так как законы генетики и селекции не позволяют добиться решения поставленной задачи в такой короткий срок, как бы ни напрягаться. Ранее и Вавилов говорил и писал, что "в среднем... получение нового сорта яровой пшеницы путем гибридизации занимает 12--13 лет... Работа с озимой пшеницей путем гибридизации потребует, может быть, еще большего срока" (87). Сейчас же Вавилов предпочел иной способ разговора с властями. Он решил в открытую властям не перечить и что-то обещать в том смысле, что, возможно, поставленная задача и будет решена (см. /61/), что селекционеры, генетики, растениеводы понимают важность решения РКИ--ЦКК и сделают все от них зависящее для воплощения в жизнь требований партии и правительства. Видимо, он действительно решил, что словесное согласие с властями, а не разрыв отношений лучше и что, потянув время, можно попытаться хоть что-то сделать, чтобы удовлетворить аппетиты властей. Одновременно он стал требовать от своих сотрудников неукоснительного следования требованиям властей.

Вавилов -- организатор сельскохозяйственной науки в СССР

Вавилов лично в экспериментах не участвовал. Времени на самостоятельное проведение

опытов у него с аспирантской поры не было, организаторская деятельность требовала все больше и больше сил. Академик П.Л.Капица, лауреат Нобелевской премии и крупнейший физик современности, выступая в 1943 году на заседании Президиума АН СССР, высказался по аналогичному поводу следующим образом:

"Только когда работаешь в лаборатории сам, своими руками... только при этом условии можно добиться настоящих результатов в науке. Чужими руками хорошей работы не сделаешь. Человек, который отдает несколько десятков минут для того, чтобы руководить научной работой, не может быть большим ученым... Я уверен, что в тот момент, когда даже самый крупный ученый перестает работать сам в лаборатории, он не только прекращает свой рост, но и вообще перестает быть ученым" (88).

Однако вряд ли можно рассматривать это категоричное заключение великого физика (экспериментатора и теоретика одновременно) как непреложное правило. Во всяком случае Вавилов, благодаря фантастической работоспособности и любви к книгам, вообще к печатному слову, как мог, следил за развитием теоретической мысли в биологии и агрономии, выказывая заметную широту интересов. Отсюда же вытекало стремление издавать как можно больше стоящих переводов классиков мировой науки. Под редакцией Вавилова выходили "Труды по прикладной ботанике и селекции", книги основоположников генетики, трехтомная сводка "Теоретические основы селекции растений" (89) и другие многотомные издания. Он же был основателем нескольких отечественных журналов по сельскому хозяйству, включая "Доклады ВАСХНИЛ".

Постепенно приобрела законченный вид гипотеза Вавилова о предполагаемых центрах происхождения культурных растений. В 1927 году он выступил с пленарным докладом на эту тему на V Международном генетическом конгрессе в Берлине. Год от года ширился список работ, выходивших из-под его пера. Ими зачитывались не только ученые. Известно, как высоко ценил его труды А.М.Горький.

"На днях я... прочитал труд проф. Н.И.Вавилова "Центры происхождения культурных растений", его доклад "О законе гомологических рядов"... -- как все это талантливо, как значительно", --

писал Горький (90).

При всей занятости организационными и административными делами Вавилов успевал читать лекции, выступать с научными докладами, многих людей принимал, с писателями и актерами дружил, все премьеры в ведущих театрах непременно посещал, дома был хлебосолен: без двоих-троих гостей обедать никогда не приезжал, влюбчив был -- и в сотрудников (за ум, за энергию, за находчивость, за галантность, просто за удачливость), -- и в сотрудниц. И никогда снобом не был.

Казалось, не иссякает неуемная энергия этого человека, знавшего лично тысячи специалистов в стране и за ее пределами, успевавшего писать книги и статьи, переписывавшегося с сотней ученых, ухитрявшегося руководить академией и двумя институтами в Москве и Ленинграде, методично (он даже сказал однажды -- "фанатично") объезжать самые отдаленные уголки мира и вести сбор семян ценных растений (благодаря его усилиям мировая коллекция растений, сосредоточенная в его институте в Ленинграде, насчитывала около 250 тысяч образцов). Его умение действовать в любых обстоятельствах поражало:

"Как Ваши дела, -- пишет ему эмигрант из России Яков Самойлович Хоровер, живущий в

Испании. -- На досуге черкните. Ведь Вы мастер писать открытки во всех положениях: стоя, лежа, на ходу, в поезде, в автомобиле" (90а).

Но все-таки организационные и политические задачи отнимали у него уйму времени. Об этой кипучей стороне его общественной жизни многие из современников Вавилова отзывались неодобрительно (особенно открыто Н.К.Кольцов). Были критики Вавилова и в его собственном институте, в особенности из числа глубоко образованных, преданных науке ученых.

"... старые дореволюционной, регелевской формации специалисты... порою находились в тихой, "культурной", оппозиции к директору. Ее вызывали тесная связь Н.И.Вавилова с управделами Совнаркома Н.П.Горбуновым, председателем Ученого Совета ВИПБиНК, вхождение директора в государственные структуры, активная работа в большой и сельскохозяйственных академиях, бесконечные правительственные, наркомземовские задания, отвлекавшие коллектив от теоретических разработок, осмысления экспериментальных результатов, и в силу этого все больший крен в сторону производственной, чисто растениеводческой, агрономической деятельности -- все это, как считали они, мешало нормальному труду ученых", --

писали Ю.С.Павлухин и Ю.И.Кириллов в книге "Соратники Н.И.Вавилова" (91). Равным образом не все старые специалисты в его институте приветствовали и практическую устремленность их шефа:

"... неявно выраженный антивавиловский настрой стариков, работавших еще в регелевские времена, против горячей увлеченности директора слишком, на их взгляд, прагматическими делами, против тесной его зависимости от властных государственных и партийных структур, настрой, о котором, не раскрывая причин, говорила Е.Н.Синская в строках рукописи "Воспоминаний о Н.И.Вавилове"{12}, не вошедших в текст изданной книги" (92).

Использовал Вавилов предоставившиеся ему возможности и для упрочения своей личной власти. Внедрение, интеграция его и в высшие научные круги и в аппарат государственной власти сочетались с упрочением самого "ДЕЛА ВАВИЛОВА", с привлечением к его детищу государственного внимания и, значит, придания ему государственного размаха. Воссоздавая (возможно, неосознанно) пирамидальную структуру власти в своей области, Вавилов старательно расширял основание пирамиды, наращивал новые её ярусы, и по мере роста пирамиды возносился сам все выше и выше. Так, он увеличивал число руководимых им институтов, насаждал туда своих учеников и знакомых. Благодаря инициативе Вавилова и при его непосредственном участии в СССР были созданы научно-исследовательские институты: Зернового хозяйства Юго-Востока, Плодоводства, Овощеводства, Субтропических культур, Кормов, Кукурузы, Картофеля, Хлопководства, Льна, Масличных культур, Конопли, Сои, Виноградарства и чайного дела и другие. В Ленинграде, кроме ВИР'а, был создан Институт защиты растений. На базе первоклассной лаборатории профессора Юрия Александровича Филипченко, которая уже начала разворачиваться в институт (Ю.А. Филипченко скоропостижно скончался 19 мая 1930 года), был создан Институт генетики АН СССР. Этот институт в 1933 году перебазировали в Москву,
и Вавилов, сохранив за собой пост директора и в ВИР'е и в Институте генетики, параллельно руководя огромной системой институтов и баз Всесоюзной Академии Сельскохозяйственных Науки имени Ленина (ВАСХНИЛ), вынужден был теперь разрываться между Ленинградом и Москвой.

Конечно, он создавал новые институты не без спешки и выдвигал в руководители, где мог, и также спешно, своих людей. Набрать уйму первоклассных исследователей на вновь

образуемые должности было неоткуда. Поэтому так получилось, что во многих из возникших по воле Вавилова институтах оседали люди второстепенные, порой нетворческие, часть из которых позже стала искать покровительства у Лысенко. Но что Вавилов делал методично -- наезжал в эти институты, придирчиво экзаменовал своих ставленников, указывал им на просчеты, наталкивал на новые пути исследований.

Вавилов -- путешественник

Чтобы выполнить поставленные перед институтом задачи и прежде всего обеспечить поиск новых видов, которые можно было бы ввести в культуру, Вавилов решает предпринять множество экспедиций во все уголки Советского Союза и значительно расширить масштаб зарубежных поездок. Сам Вавилов к этому времени посетил уже многие страны, приобрел вкус к путешествиям, поняв, как много они дают ботанику, человеку, заинтересованному сбором образцов растительного сырья.

Во время допроса в НКВД 14 ноября 1940 года Николай Иванович назвал 34 страны, в которых ему удалось побывать в 1913--1933 годах: Англия, Франция, Германия, Иран, США, Голландия, Швеция, Дания, Афганистан, Абиссиния, Испания, Италия, Греция, Япония, Корея, Западный Китай, Французское Сомали, Алжир, Тунис, Марокко, Сирия, Палестина, Трансиордания, Эритрея, Мексика, Гватемала, Перу, Боливия, Эквадор, Чили, Аргентина, Уругвай, Бразилия и Куба (95). Он не назвал Кипр, Тринидад и Пуэрто-Рико, которые он также посетил.

Писатель М.А.Поповский в своей книге о Вавилове высказал подозрение, что Вавилов исполнял в ряде своих поездок двоякие функции -- исследователя и разведчика, собиравшего шпионскую информацию. Против этого умозаключения выступали некоторые российские историки, заявлявшие, что последнего занятия быть не могло. Между тем такое подозрение высказывалось много раньше Поповского. Так, 26 декабря 1930 года Александр Федорович Бухгольц -- сын известного ботаника-миколога, эмигрировавший в США и друживший с Вавиловым, сообщал ему следующее:

"Русская газета в Н[ью] Й[орке] продолжает бессовестную травлю. Печатают гадости. Так недавно напечатали "известие": "Известный коммунист и чекист Вавилов (произведенный в "академики" для втирания очков Западу), о систематических командировках на Восток которого для налаживания агентурной сети ГПУ уже сообщалось, выехал для этой же цели в Мексику и Южную Америку. Конечно, командировка эта проходит под флагом "изучения технических и эфирно-масличных субтропических растений" (94).

Сбор коллекций семян, высев собранного материала в разных географических условиях и изучение свойств чужестранных сортов и диких растений стал основной задачей института, а по ходу работы Вавилов продолжал искать новые факты, которые бы подкрепили его идею, что на земле существовало в прошлом несколько основных центров происхождения культурных растений, главным образом таких мест, где наиболее активно развивалась цивилизация и где человек приспосабливал для себя дикорастущие растения, вел неосознанную, стихийную селекцию будущих сортов.

В первых же поездках он сформулировал свою главную задачу -- попытаться понять историю возникновения культивируемых растений, найти предковые формы, восстановить методы работы древних селекционеров, осмыслить их приемы с позиций новейших достижений науки.

"... обобрал весь Афганистан, пробрался к Индии, Белуджистану, был за Гиндукушем-- писал

он своему другу П.П. Подъяпольскому. -- Около Индии добрели до финиковых пальм, нашли прарожь, видел арбузы, дыни, коноплю, ячмень, морковь. Четыре раза переваливали через Гиндукуш, один раз по пути Александра Македонского... Собрал тьму лекарственных растений" (96).

Чтобы понять истоки культивируемых растений, Вавилов читает древние книги, знакомится лично с раскопками археологов в Сахаре и на острове Крит, поражается тому, насколько был высок культурный уровень древних народов, населявших территории нынешних арабских стран, утерявших эти достижения. Точно так же в Греции он подчеркивает, что "трудно понять, как современные торгашески настроенные Афины, занимающие в смысле культуры ничтожное место, некогда стояли в передовой шеренге культур" (97).

Почти два месяца Вавилов провел в маленькой Палестине и тогдашней Трансиордании, знакомился с древними еврейскими религиозными текстами, "чтобы восстановить картину земледелия библейских времен" (98).

"Был два дня в пустыне Аравийской. Нашел огурец пророков. Выехал на юг, -- писал Вавилов жене. -- Отсюда доеду до Синайской пустыни, затем в Иерусалим, в Заиорданье, к Мертвому морю. Дальше Самария, Галилея, словом, весь Закон Божий. Я люблю эту страну. Она прекрасна с ее горами, оливами, морями, разнообразием ландшафтов, бесконечными руинами, длинной историей" (99).

В письме к своему другу и заместителю Писареву Вавилов сообщал об этом путешествии:

"Палестина будет представлена исчерпывающе. Собрал до 1000 образцов и исследовал 5000 километров. Это для маленькой страны даже много" (100).

8 октября 1926 года он из Иерусалима пишет жене:

"В газете "Дни" вычитал о получении премии [имеется в виду премия имени Ленина, которой Вавилов был удостоен в числе первых пяти её лауреатов -- В.С.]. Сама по себе она меня не интересует. Все равно пролетарии. Но за внимание тронут. Будем стараться" (101).

Зная несколько языков (102), покоряя всех своим открытым характером, обладая одновременно мужественными и утонченными манерами, он находил общий язык и с негусом Абиссинии, и с представителями семейства де Вильморенов, и с туземными проводниками в пустыне Сахаре.

Его деятельность как путешественника находит признание: в 1925 году Русское Географическое общество, отмечая результаты экспедиции в Афганистан, награждает его медалью имени Н.М.Пржевальского "За географический подвиг", а Итальянское Географическое общество медалью "За выдающиеся открытия". В 1931 году Николая Ивановича избирают Президентом Всесоюзного Географического общества{13} .

Советское правительство неизменно утверждало разрешения на зарубежные поездки Вавилова и выделало ассигнования на эти цели (чаще всего довольно скудные).

"Имею честь сообщить Вам, что Постоянный Комитет Международного Агрономического Института, по указанию Вашего правительства, выбрал Вас членом научно-технической комиссии по колониальной агрономии", -- сообщают ему из Рима 18 марта 1927 года, а 25 мая мая того же года пишут из того же института и снова со ссылкой на решение Советского Правительства, что тот же Комитет "назначил [Вавилова] членом Научно-технической

комиссии по сельскохозяйственной экологии и метеорологии" (103).

5 июня 1931 года Политбюро ЦК ВКП(б) специально рассмотрело предложение Н.И.Бухарина о включении Н.И.Вавилова в состав делегации на Лондонский международный конгресс по истории науки и техники вместо исключенных ранее из состава делегации Г.М.Кржижановского (решением Политбюро) и Нобелевского лауреата И.П.Павлова. Это предложение поддержал секретарь Сталина А.Постышев. Однако зав. Культпропом ЦК ВКП(б) А.Стецкий предложил 26 мая кандидатуры акад. Палладина (от Украинской АН) и проф. Н.Н.Семенова (от "института Иоффе", как было сказано в представлении). Последнее предложение поддержал Генеральный Секретарь ЦК КП(б) Украины и кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) С.В.Косиор. Тем не менее при голосовании в Политбюро была утверждена кандидатура лишь Вавилова (104).

По возвращении с конгресса Вавилов представил отчет, подлинник которого хранится сегодня в Государственном Архиве Российской Федерации (105). Написан он был в полном соответствии с "социальным заказом" властей той поры и содержал, например, такие абзацы:

"Сам конгресс... по существу не представил для техники большого интереса. Он демонстрировал в значительной мере скудость исторической концепции, которая свойственна современному подходу к проблемам истории естествознания и технологии в заграничной литературе. Метод диалектического материализма до сих пор почти не нашел отражения в докладах иностранных ученых, и в этом отношении на советскую делегацию выпала ответственная миссия... демонстрировать всю значимость его для современной науки...

Общее впечатление о научной работе в области мне близкой, именно сельского хозяйства, коротко можно резюмировать следующим образом: в области агрономии нас уже мало удовлетворяет тематика и темпы исследований за границей, в особенности в Европе. Повторяются одни и те же темы. Повторностью опытов думают усилить их значение. Некоторые опытные сельскохозяйственные станции повторяют 50 лет одни и те же опыты.

... В 1923 году мне пришлось работать в качестве аспиранта при Кембриджском институте по агрономии, и должен сказать, что за протекшие 18 лет мало что изменилось и практически разрабатываемые темы частично остались одними и теми же.

Акад. Н. Вавилов" (106).

Этот текст как будто позаимствован из арсенала пропагандиста советского толка, так как все нужные властям акценты были расставлены в полном соответствии с их чаяниями -- и суровый приговор теоретической никчемности западных исследователей, и якобы совершенная практическая пустота от приложения научных работ на Западе (при том, что Вавилов отлично знал как уровень успехов западного сельского хозяйства, базирующегося на научных разработках, так и то, что произошло на самом деле в сельском хозяйстве в СССР в результате коллективизации). Под некоторыми пассажами мог бы подписаться и Лысенко. Можно было ожидать, что после представления такого отчета Вавилову будет открыта зеленая улица в поездках на Запад.

Однако конец зарубежным поездкам приходит уже в следующем году. 3 июля 1934 года заместитель наркома по иностранным делам Н.Крестинский и нарком земледелия М.Чернов обратились к Секретарю ЦК ВКП(б) Л.Кагановичу с аргументированным письмом о желательности командирования Вавилова в Турцию в связи с личным приглашением Председателя Совета Министров Турции Исмет-паши. В письме наркомов утверждалось, что

"... сельскохозяйственные науки в Турции почти целиком монополизированы немецкими специалистами. Приезд в Турцию академика Вавилова, пользующегося у турок большим авторитетом, мог бы создать выгодный для нас перелом и открыть перспективы для приглашения советских ученых.., для укрепления советско-турецких научных и культурных связей... изучения некоторых, прежде недоступных... районов Турции..." (107)

Это предложение было направлено на рассмотрение Политбюро. Но в то время ОГПУ уже плело интриги вокруг Вавилова, лично Сталину было направлено "Директивное письмо ОГПУ" (см. главу V), в котором сообщалось о якобы доказанной вредительской деятельности Вавилова и его якобы оскорбительных замечаниях в адрес вождя. Арестован Вавилов не был, но на его зарубежных поездках был поставлен крест. На тексте письма Крестинского и Чернова появилась "резолюция ядовито-зеленым карандашом: "против Л.Каганович" и следом автографы Молотова, М.Калинина, А.Микояна, В.Чубаря" (108). Интересная деталь касалась рассылки выписки из протокола заседания Политбюро: первоначально сотрудники аппарата Секретариата ЦК сделали запись, что копии решения должны быть направлены Чернову и Вавилову. Однако фамилия Вавилова была перечеркнута и ниже ее от руки была вписана фамилия Крестинского.

Решение о полном запрете на поездки за границу было не просто оскорбительным для Вавилова, оно на самом деле унизило советскую Россию в глазах образованного мира. В эти и последующие годы Вавилов завоевывал всё более прочное имя в мировой науке. Работами, выходившими из-под его пера интересовались многие исследователи в мире, о чем говорят опубликованные письма из-за рубежа в томах "Международной переписки Вавилова" (109). До сих пор его сводки "Полевые культуры Юго-Востока" (1922), "Земледельческий Афганистан" (совместно с Д.Д.Букиничем, 1929), "Проблемы северного земледелия" (1931), "Современное состояние мирового земледелия и сельскохозяйственные науки" (1932), "Культурная флора Таджикистана в ее прошлом и будущем" (1934), "Земледельческая Туркмения" (1935), "Растениеводство Советской Киргизии и его перспективы" (1936) и многие другие не потеряли своей актуальности и значения. А постановка проблемы происхождения культурных растений навсегда вошло в мировую науку с именем русского ученого Вавилова (110). Обнаружение им центров происхождения культурных растений, разработанное им учение об иммунитете у растений, работы по связи генетики и селекции как и вообще обоснование роли науки в селекции (вторжение в старый спор о том, что такое селекция -- искусство или наука), вклад в понимание проблемы биологического вида и многие другие теоретические работы создали Вавилову такую репутацию в мировой науке, какой удостаивался мало кто из русских биологов. Недаром на обложке каждого выпуска международного журнала" Heredity", издававшегося в Англии, имя Вавилова стоит в одном ряду с именами величайших биологов -- Менделя, Дарвина, Моргана, Линнея, де Фриза, Спаланцани, Вильсона, Бэтсона, Бовери, Вильморена, Вейсмана, Гальтона, Иоганнсена. Совсем недавно труды Вавилова, касавшиеся теории происхождения культурных растений, были изданы на английском языке (111). Недавно были переведены на английский и изданы в разных странах другие ставшие классическими работы академика Н.И.Вавилова (112).

Примечания и комментарии

к главе II

1 Инна Лиснянская. 1974. Из книги "Дожди и зеркала", YMCA-Press, Paris, стр. 102.

2 Н.И.Вавилов. Газета "Известия", 22 декабря 1936 г., стр. 4.

3 См. в кн.: "Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. Биографический очерк. Документы", Изд. Academia, Москва, 1999, стр. 142.

4 Там же , стр. 264.

5 Цитировано по книге В. Келера "Сергей Вавилов", М., Изд. ЦК ВЛКСМ "Молодая гвардия", 1961, стр. 15 и 19. Сведения о жизни Ивана Ильича Ильина (Вавилова) -- отца академика Н.И.Вавилова можно отчасти почерпнуть из книги Л.Б.Левшина "Сергей Иванович Вавилов", Изд "Наука", серия "Научно-биографическая литература", 1977, стр. 9-13.

6 См. прим /3/.

7 Письмо Р.Э.Регеля от 12 октября 1917 года, Архив ВИР, опись 1, дело 4, лист 5.

8 Цитировано по стенограмме лекции К.А.Фляксбергера на первом заседании кружка приклад

ной ботаники при В.И.П.Б. и Н.К. 14 декабря 1928 г., озаглавленном "История возникновения Института Прикладной Ботаники". Стенограмма хранится в Архиве ВИР. Выражаю благодарность Т.К.Лассан за предоставление копии стенограммы. Как утверждал Фляксбергер, постепенно были сформулированы следующие цели Бюро: "идентификация культивируемых и дикорастущих (как полезных, так и сорных) растений, их болезней, ботаническое и фитопатологическое изучение культивируемых сортов растений и исследование мер по контролю за болезнями, сбор информации о новых растениях и помощь во внедрении их в культуру, экспериментирование по их акклиматизации к новым условиях Российской Империи" (цитировано по: T.Lassan. 1987. The Bureau of Applied Botany. Sveriges UtsКdesfЪrenings Tidskrift (Journal of the Swedish Seed Association), vol. 107, No. 4, ss. 221-224.

9 Цитир. по тексту стенограммы лекции Фляксбергера, см. прим. (8), стр. 9-10.

10 Архив ВИР, оп. 1, д. 1, л. 4 и 4 об.

11 Из письма Регеля (прим. /7/), л. 5 об.

12 Т.И.Короткова. Н.И.Вавилов в Саратове (1917-1921). Документальные очерки. Саратов, Приволжское книжное издательство, 1978, стр. 12-14.

13 Из письма Регеля (см. прим. /7/), л. 6 -- оборотная сторона.

14 Там же, л. 7.

15 Там же.

16 Там же, л. 7 и 7 об.

17 Архив ВИР, оп. 1, д. 4, л. 28.

18 Там же, л. 27.

19 Э.Бауэр. Введение в экспериментальное учение о наследственности. 1911.

20 Цитиров. по /12/, стр. 89.

21 См прим. (3), стр. 21.

22 Вавилов Н.И. Предисловие к книге Р.Э.Регеля "Хлеба в России", Петроград. 1922, при-

ложение 22-е к тому 13-му "Трудов по Прикладной Ботанике и Селекции",стр. 6.

23 См. прим. (2), стр.21.

24 Цитируемые ниже отрывки из писем взяты из книги "Н.И.Вавилов. Научное наследие в

письмах. Международная переписка, т. I. Петроградский период 1921-1927", изд. "Наука", М., 1994. Бородину были направлены письма №№ 6, 8--13, 15, 18, 27, 60--63, ,5--68, 70, 72. 7--476, 78, 81, 85, 89, 90, 95. 98, 99, 109, 124, 125, 128, 129, 137, 1--44146, 149, 150, 156, 161, 162, 177, 182, 184, 189, 193, 197, 214, 224, 237.

25 Письмо Н.И.Вавилова Д.Н.Бородину, отправленное в июне 1922 г. См. прим. (24), письмо № 11, стр. 37.

26 Письмо Н.И.Вавилова Д.Н.Бородину, отправленное 1 ноября 1923 г. См. прим. (24), письмо № 81, стр. 87.

27 Там же, стр. 88.

28 Там же, стр. 89

29 Письмо М.О.Шаповалову в Калифорнию, отправленное 4 февраля 1924 г. См. прим. (24), письмо № 96, стр. 100.

30 См. прим. (24), стр. 466.

31Письмо Вавилова Бородину, см. прим. (24), письмо № 63, стр. 68.

Письмо Н.И.Вавилова Д.Н.Бородину, отправленное в июне 1922 г. См. прим. (10а), письмо № 11, стр. 37.

32 См. прим. (29).

33 Письмо Д.Л.Рудзинскому в Каунас от 15 марта 1924 г. См. прим. (24), письмо № 112, стр. 108.

34 Письмо доктору Л.В.Хэрлэну (Харлану) в США от 14 января 1925 года. См. прим. (24), письмо № 123, стр. 114.

35 Письмо Д.Н.Бородину от 5 февраля 1925 года. См. прим. (24), письмо № 125, стр. 1016.

36 Письмо Бородину от 4 июля 1925 г., См. прим. (24), письмо № 144, стр. 128.

37 Письмо Бородину от 5 ноября 1925 г., См. прим. (24), письмо № 182, стр. 144.

38 Письма З.М.Шаповалову от 8 декабря 1921 г. и М.Б.Кормеру от 31 августа 1925 г., см. прим. (24), стр. 27 и 140, соответственно.

39 Пиьмо М.Б.Кормеру от 31 августа 1925 г., см. прим. (24), стр. 140.

40 Письмо В.И.Вернадскому от 7 марта 1926 года, АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 218, л. 1 -- оборот, Цитировано по кн. "Н.И.Вавилов. Документы. Фотографии",Изд. "Наука", СПБ, 1995, стр. 62.

41 См. прим. (24), стр. 47.

42 Пиьмо Д.Н.Бородину от 3 февраля 1924 г., см. прим. (24), стр. 98.

43 Е.Л.Фейнберг.Эпоха и личность. Физики. Очерки и воспоминания, Изд. "Наука", М., стр. 151.

44 там же, стр. 173.

45 С.Э.Шноль. Существование "конформистов" -- условие стабильности общества в экстре-

мальных условиях", "Российский Химический Журнал -- Журнал Всесоюзного Химического Общества им. Д.И.Менделеева", 2000, т. 43, №6, стр.57.

46 Письмо Ю.П.Уварову от 23 января 1928 г., цитир. по книге: "Николай Иванович Вавилов. Научное наследие в письмах. Международная переписка. Том II, 1927 -- 1930", М. Изд. "Наука", 1997, стр. 22.

47 Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). 1922-1952, М., Изд. РОС-СПЭН, 2000, стр. 53-54.

48 Там же, стр. 53-56.

49 См. прим. (3), стр. 25.

50 Валерий Сойфер. Ленин и интеллигенция. Журнал "Проблемы Восточной Европы", Вашингтон, №29-30, 1990, стр. 240-277.

51 Цитировано по кн. "Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1929--1940 гг.", М. 1987, стр. 24.

52 Газета "Правда", 1 мая 1929 г., №100 (4234), стр. 4.

53 Там же. Перепечатано также в -5м томе Избранных трудов Н.И.Вавилова, Изд. "Наука", М. -- Л., 1965, стр. 712-713.

54 Там же.

55 Н.И.Вавилов. Научное наследие в письмах. Международная переписка. Том II, 1927--1930,М., Изд. "Наука", 1997, стр. 6.

56 Н.И.Вавилов. Селекция и сортовое семеноводство как государственные мероприятия в борьбе за урожай. Оригинал хранится в ЦГАНТД СПБ, ф. 318, оп. 1, д. 332, л. 6. Цитировано по кн. "Н.И.Вавилов. Документы. Фотографии",Изд. "Наука", СПБ, 1995, стр. 83.

57 Н.И.Вавилов. Социализм и наука неразрывны. Речь на открытиии Второго

международного конгресса почвоведов в Ленинграде. Газета "Известия" от 21 июля 1930 г. Цитировано по кн. "Н.И.Вавилов. Документы. Фотографии",Изд. "Наука", СПБ, 1995, стр. 97.

58 Н.И.Вавилов. Современное состояние мирового земледелия и организация научно-иссле довательской работы в области сельского хозяйства.
Содержание доклада. Цитировано по кн. "Н.И.Вавилов. Документы. Фотографии",Изд. "Наука", СПБ, 1995, стр. 101.

59 Н.И.Вавилов. Речь на Первом пленуме Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук

имени В.И.Ленина. Газета "Социалистич. земледелие", 18 мая 1930, №113, перепечатано под тем же названием в -5м томе Избранных трудов, Изд. "Наука", М. -- Л., 1965, стр. 459-461.

60 Н.И.Вавилов. Агрономическая наука в условиях социалистического строительства. Доклад

на Всесоюзной конференции по планированию науки 3 апреля 1931 г., Журнал "Социалистич. реконструкция седьского хозяйства", 1931, №-56, стр. 128-138, цитата взята со стр. 129.

60а Там же, стр. 10.

61 Н.И.Вавилов. План генетических исследований в области растениеводства на 1932-1937 гг. в связи с народнохозяйственными задачами. Доклад на Всесоюзной конференции по пла нированию генетико-селекционных исследований 25--30 июня 1932, Гос. Архив АН, ф. 2, оп. 1-1932, д. 36, л. 15. Цитировано по кн. "Н.И.Вавилов. Документы. Фотографии",Изд. "Наука", СПБ, 1995, стр. 115.

61а К.О.Россиянов. Сталин как редактор Лысенко (К предыстории августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ). Машинописный препринт Института истории естествознания и техники РАН, 1991, стр. 5.

61б Труды Всесоюзной Конференции по планированию генетико-селекционных исследований. Ленинград, 2-529 июня 1932 г., Л. 1933, стр. 5.

62 М.Б.Конашев. Об одной научной командировке, оказавшейся бессрочной. В сб. "Репрессированная наука", Изд. "Наука", Л, 1991, стр. 240-263.

63 В.Н.Сойфер. Арифметика наследственности. Изд. "Детская литература", М., 1969.

64 Личное сообщение присутствовавшего при этой поездке на финско-советскую границу шведского генетика Оке Густафсона, сделанное мне в 1973 году.

65 Личное сообщение профессора Пенсильванского университета Марка Адамса, слышавшего этот рассказ от Ф.Г.Добржанского.

66 Th. Dobzhansky. N.I. Vavilov. A Martyr of Genetics. 1887 - 1942. Journal of Heredity, August 1947, vol. XXXVIII, №8, pp. 229-230.

67 М.А. Поповский. Дело Вавилова (главы из книги). В сб. "Память" -- "Исторический сборник", вып. 2, Москва 1977 -- Париж 1979, стр. 26 и 278.

68 Там же, стр. 196.

68а Письмо О.Мунерати Н.И.Вавилову от 15 июля 1928 года во 2-м томе Международной переписки Вавилова,, см. прим. (55), стр. 268.

69 Н.И.Вавилов -- письмо, адресованное заместителю директора ВИР Н.В.Ковалеву, В.Е.Пи-

сареву и С.М.Букасову, отправлено 7 ноября 1932 года из Куско, Перу. Опубликовано с купюрами в сб.: "Из истории биологии", М., Изд. "Наука", сб. 2, 1970, стр. 180. Здесь цитировано по кн. "Н.И.Вавилов. Документы. Фотографии",Изд. "Наука", СПБ, 1995, стр. 121.

70 Н.И. Вавилов. Пшеница в СССР и за границей. Газета "Правда", 28 октября 1935 г., №298 (6544), стр. 2-3; 29 октября 1935 г., №299 (6545), стр. 2-3.

71 М.А.Поповский. 1000 дней академика Вавилова. Журнал "Простор", Республиканское газетно-журнальное издательство при ЦК КП Казахстана, Алма-Ата, 1966, № 7 (июль), стр. 4-27 и № 8 (август), стр. 98-118.

72 Ж.А. Медведев. У истоков генетической дискуссии. Журнал "Новый мир", 1967, № 4, стр. 226-234. Цитата взята со стр. 233.

73 Недавно в комментариях к публикации следственного дела Вавилова автор комментария

Я.Г.Рокитянский заявил в категоричной форме свое несогласие с взглядами М.А.Поповского и В.Н.Сойфера:

"Поповский и вторивший ему Сойфер... ошибались , что ...Вавилов с открытым сердцем принял революцию и стал советским патриотом.

В основе такого подхода лежит непонимание истинных взглядов Вавилова, нежелание понять суть его действий и выступлений... Находясь в плену своей одномерной схемы, Поповский и Сойфер проигнорировали то, что говорит о весьма скептическом отношении Вавилова к послеоктябрьскому режиму, к политике его вождей, к Октябрьской революции, которая негативно сказалась на благополучии его семьи, по существу, разрушила ее, заставив отца эмигрировать.

Свое скептическое отношение к коммунистическим идеям Вавилов и не скрывал. Ведь он до конца дней оставался беспартийным" (см. прим. /3/, стр. 20).

Для обоснования этого заявления Рокитянский привлекает цитаты из рождавшихся в недрах

чекистских застенков оговоров Вавилова разными людьми, многие из которых были с ним шапочно знакомы. Опора на выдержки из показаний этих людей может вести к заблуждениям, так как будучи поставленными в нечеловеческие условия пытками, они оговаривали в угоду НКВД Вавилова, причем нередко занимались и самооговорами. Следователи НКВД утверждали при допросах Вавилова, что он -- антипод советского строя, вождей и партии, они пытались заставить Вавилова согласиться с этим утверждением, однако сам Вавилов правоту этих обвинений ни на следствии, ни на суде не признал. Мне представляется в связи с этим, что соглашаться с утверждениями чекистов сегодня неправомерно (и даже кощунственно). Для изучения динамики политических взглядов людей того времени и их отношения к общественным порядкам нужны внушающие доверия

материалы, ибо даже использование воспоминаний близких к Вавилову людей, сделанных через много лет после обсуждаемых событий, несет опасность искажения личностных взглядов. Ведь неминуемо в воспоминаниях происходит перенос собственных оценок на личностные характеристики изучаемого субъекта, что может исказить идентификацию личности, которую живописует воспоминающий.

Крайне наивна также ссылка на беспартийность Вавилова. Нужно ли упоминать, что Т.Д.Лысенко также всю жизнь оставался беспартийным, хотя, как и Вавилов, выступал на Всесоюзных партконференциях и съездах партии с полным одобрением политики партии.

74 Aleksey E. Levin. Expedient Catastrophe: A Reconsideration of the 1929 Crisis in the Soviet Academy of Science. Slavic Review, v. 47, No. 2 (Summer 1988), pp. 261-279.

75 ЦГАНТД СПб, ф. 318, оп. 1-1, д. 230, л. 99.

76 Цитиров. по книге М.А.Поповского "Надо спешить" (Путешествия академика Н.И.Вавилова). Изд. "Детская литература", М.,1968, стр. 105.

77 Биографию П.П.Подъяпольского можно найти в журнале "Врачебное дело", 1955, № 3.

78 См. прим. (47), стр. 11.

79 Информационное сообщение "Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур (Расширенное заседание Совета института)". Газета "Правда", 22 июля 1925 г., №165 (3096), стр. 6.

80 Там же.

81 Там же.

82 Из письма от 25 марта 1926 г. Цитир. по книге: Николай Иванович Вавилов. Научное наследие в письмах. Международная переписка, т. I. Петроградский перитод, 1921-1927, Москва, Изд. "Наука", 1994, стр.157-158.

83 Письмо от 12 апреля 1926 г., там же, стр. 160.

84 См. два тома его "Научного наследия" и сборники международной переписки Вавилова, прим. /24/.

85 Текст книги воспроизведен в -5м томе избранных трудов Н.И.Вавилова, М.--Л., Изд. "Наука", 1965, стр. 537-563.

86 "О селекции и семеноводстве". Постановление Президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР по докладу РКИ РСФСР. Газета "Правда", 3 августа 1931 г., №212(5017), стр. 3.

87 Н.И.Вавилов.Ботанико-географические соображения о возможностях продвижения культу-

ры озимой пшеницы в СССР. В кн.: Гибель озимых хлебов и мероприятия по их предупреждению. Л. 1929, стр. 26-5274. Цитир. по кн. Н.И.Вавилов. Избранные труды. Изд. "Наука", т. 5, 1965, стр. 457.

88 П.Л. Капица. Организация научной работы в Институте физических проблем. 1943. В кн.: П.Л.Капица. Эксперимент, теория, практика. Изд. "Наука", М., 1987, стр. 135.

89 Теоретические основы селекции растений. Тома I, II и III. Под общей редакцией академика Н.И.Вавилова. Гос. Изд. сельскохозяйственной совхозной и колхозной литературы, М. -- Л., 193-51936.

90 М.Горький. Письмо к П.С.Когану от 22 июля 1927 г. Собрание сочинений, т.10, стр. 55.

90а Н.И.Вавилов. Международная переписка, том 2, см. прим. (55), стр. 201.

91 Ю.С.Павлухин и Ю.А.Кириллов. Владимир Александрович Кузнецов. В кн. "Соратники Николая Ивановича Вавилова. Исследователи генофонда растений". СПБ. Изд. ВИР, 1994, стр. 285.

92 Е.Н.Синская. "Воспоминания о Н.И.Вавилове", рукопись, хранящаяся в архиве ВИР, стр.

60--61, см. также строки из книги аналогичного названия, Изд. "Наукова Думка", Киев, 1991, стр. 33-34.

93 См.прим. (91), стр. 287.

94 Цитир. по Николай Иванович Вавилов. Научное наследие в письмах. Международная пере писка, том. II. 1927-1930. М., Изд. "Наука", 1997, стр. 457.

95 См. прим. (3), стр. 330.

96 См. прим. (76), стр. 107. См. также книгу "Надо спешить" (Путешествия академика Н.И.Вавилова). Изд. "Детская литература", М.,1968.

97 Там же, стр. 97.

98 Там же, стр. 119-120.

99 Там же, стр. 139-141.

100 Там же, стр. 141.

101 Там же, стр. 100.

102 Т.Яковлева. Вкус милосердия. Газета "Комсомольская правда", 29 марта 1986 г., №75 (18578), стр. 4.

103 Письма Дж. де Михаэлиса от 18 марта и от 25 мая 1927 года во 2-м томе Международной переписки Вавилова, см. прим. (55), стр. 139 и 146.

104 РГАСПИ. Ф. 17, оп. 163, д. 1035, л. 37-38 об. См. также прим. (47), стр. 109.

Во время подготовки советской делегации к Лондонскому Конгрессу по истории науки и техники, состоявшемся в 1932 году, под руководством Вавилова была подготовлена книга, описывающая успехи вавиловского института. Рукопись книги была переведена на английский и издана в 1933 году в Англии на советские средства. Позже, ссылаясь на это

английское издание, в газете "Соцземледелие" была напечатана редакционная статья "Величайшие опыты, которые когда-либо видел мир", в которой якобы от лица англичан были высоко оценены успехи руководимого Вавиловым ВИР'а и было указано на приоритет школы Вавилова во многих вопросах растениеводства. См. газету "Соцземледелие", 18 декабря 1933 г., №290 (1499), стр. 3. В статье говорилось:

"В только что выпущенной Британским бюро по растениеводству в Лондоне книге, говорится, что то, что делается в ВИРе за последние 15 лет, есть "величайшие опыты, которые когда-либо видел мир"".

105 ГА РФ, Ф. 7669, оп. 1, д. 427, л. 40-44.

106 Цитировано по публикации В.Д.Есакова и Е.С.Левиной, озаглавленной "Н.И.Вавилов и английские биологи Из эпистолярного наследия,
1914-1940 гг.", Журнал "Исторический Архив", стр. 122-123.

107 См. прим. (47), стр. 154.

108 Там же.

109 См. прим. (24).

110 N.I.Vavilov. Origin and Georgraphy of Cultivated Plants. Cambridge. University Press. 1992.

111 Valery N.Soyfer. Seeds of Revolution (Book review). Nature (Lond.), v. 368, N0. 6471, 7 April 1994, pp. 503-504. I.G.Loskutov. Vavilov and His Institute. International Plant Genetic Resources Institute. Roma, 1999.

112 N.I.Vavilov. Five Continents. International Plant Genetic Resources Institute. Roma, 1997.

===
===

Г л а в а III

УЧЕНЫЕ ПРИЗНАЮТ ЛЫСЕНКО ЗА СВОЕГО

"Освободить и разнуздать нетрудно

Неведомые дремлющие воли:

Трудней заставить их себе повиноваться".

Максимилиан Волошин. Магия. 1923 (1).

"Я авторитетно заявляю, что не было ни одного образованного биолога в тридцатые и сороковые годы, кто мог бы вполне серьезно воспринимать лысенковское "учение". Если грамотный биолог стоял на позиции Лысенко -- он врал, выслуживался, он делал карьеру, он имел при этом какие угодно цели, но он не мог не понимать, что лысенковщина -- это бред!"

В.П.Эфроимсон (2).

Первое выступление Лысенко на Научном совете

Вавиловского института

При описании процесса выдвижения Лысенко на роль ученого, признаваемого большевистской партией и советским правительством, мы почти не касались вопроса об участии самих ученых в этом процессе, признания учеными выдвиженца властей за своего коллегу. В литературе не раз было высказано утверждение, что Лысенко -- это продукт извращения правильных социалистических принципов Сталиным, выбравшим Лысенко на роль своего любимчика. А между тем и сам Сталин не сразу стал тотальным диктатором, а постепенно шел к неразделяемой ни с кем власти (хотя и быстрее, чем предполагали Троцкий, Бухарин и другие вожаки коммунистов), и Лысенко без первоначального признания за своего учеными не мог бы продвинуться наверх (особенно на начальных этапах). Поэтому нужно уделить серьезное внимание процессу идентификации Лысенко учеными и отождествления его с ними самими.

Выступление Лысенко с докладом на Всесоюзном съезде по генетике и селекции и последовавшее за этим прославление лысенковского "опыта" в газетах в июле-августе 1929 года привело к тому, что руководители Всесоюзного Института Прикладной Ботаники и Новых Культур (ВИПБиНК) решили пригласить новатора, чтобы обсудить его работу в спокойной обстановке научного семинара. Случай для выступления представился в конце лета 1929 года, когда в Ленинграде Наркомземом было созвано "Совещание по организации всесоюзного испытания зимостойкости озимых культур", на котором Лысенко выступил одним из главных докладчиков. В этот приезд в город на Неве он выступил 1 сентября 1929 года в ВИПБиНК. Директор института Вавилов в это время был в поездке по Дальнему Востоку, Китаю, Японии и Корее. Поэтому председательствовал на заседании заместитель директора по научной работе профессор В.Е.Писарев. Лысенко назвал свой доклад "Вопрос об озимости" (термин "яровизация" появится чуть позже) и начал его с еще более, чем раньше, категоричного утверждения о природе "озимости":

"Принципиального различия между озимыми и яровыми формами злаков не существует. Все злаки -- озимые, но только с различной степенью озимости. Яровых злаков нет" (3).

Различия между озимыми и яровыми пшеницей, рожью и другими злаковыми растениями многообразны, они затрагивают морфологические, биохимические, и, разумеется, физиологические признаки. Их изучало много поколений ученых, тысячелетняя мировая практика земледельцев накопила массу приемов культивирования озимых и яровых. В одних климатических зонах более удачными оказывались посевы озимых, в других яровых культур. Теперь же Лысенко разом перечеркивал и мировой земледельческий опыт, и вековые наблюдения ученых. Но время было лихое, революционное, в стране ломали привычные "...нормы, установки, которые стали тормозом на продвижении вперед", как утверждал Сталин, осторожность старорежимных "спецов" просто раздражала многих из "рвущихся вперед", и в этой атмосфере эйфории, умело культивировавшейся партийной пропагандой, было даже престижно объявить о "крушении догм" в самых разных областях. Так что в этом отношении Лысенко шел в ногу с временем.

Чтобы убедить слушателей в столь кардинальном выводе, он не вдавался в рассмотрение биологических различий озимых и яровых культур, возможно, не зная при своем не очень пока широком образовании, с какого бока подходить к этому многообразию процессов, а бесхитростно рассказал о посевах подержанных на холоде проростков разных культур весной и осенью, отметив решающее, по его мнению, значение термического фактора для развития растений. Его посевы, якобы "полностью подтвердили, что злаки нельзя делить на озимые и

яровые" (4) и что "охлаждение парализует неблагоприятное действие срока посевов" (5).

Лысенко сообщил также о двух новых наблюдениях: оказывается, и яровая пшеница также поддается действию низких температур, после чего разные сорта выколашиваются на 1--10 и более дней раньше, и что не одна пшеница меняет свойства при охлаждении проростков: "рожь... ведет себя аналогично озимой пшенице; вика при охлаждении также дает ускорение развития" (6).

Не устранил противоречий в описании деталей "хозяйственного посева" в 1928 году Лысенко и в этом докладе. К сказанному по-разному в газетах теперь добавились новые подробности, которые окончательно сбивали с толку, так как нельзя было понять, что, как, в какие сроки, на какой площади сеял его отец и каким получился урожай:

"При предварительном охлаждении вес семян урожая получается больше, чем без охлаждения. В 1928 г. был произведен весенний посев озимой пшеницы на Украине в хозяйственных условиях. Перед посевом семена замачивались в бочке и затем охлаждались в снегу в мешках. Урожай выдался чрезвычайно блестящий, настолько, что даже затруднительно решиться сделать из него какие-либо выводы. Урожай вышел такой, какой обычно получается при лучшей обработке (около 145 пуд. на гектар). Но вероятно, этому благоприятствовали какие-нибудь особо счастливые обстоятельства" (7).

Уже на этом этапе ученые могли (и по сути дела должны были!) отметить ненаучность главного утверждения Лысенко, что яровая и озимая пшеницы -- это одно и то же. Заявляя, что озимые могут переходить в яровые, что между этими двумя пшеницами принципиальной разницы нет, Лысенко фактически утверждал, что у этих двух видов отсутствуют различия в генетической структуре. На явный нонсенс такого заявления никто докладчику не указал. А ведь уже и тогда генетические различия между озимыми и яровыми пшеницами были известны (сегодня определены и охарактеризованы гены, детерминирующие эти различия). Но к сожалению этот кардинальный вопрос прошел мимо внимания вавиловских сотрудников{1}.

После доклада несколько ведущих специалистов высказали мнение о представленном докладе. Оно было единодушным: Н.А.Максимов, В.В.Таланов и В.Е.Писарев высоко оценили работу Лысенко и вполне уважительно, даже восторженно охарактеризовали докладчика. Первым выступил Виктор Викторович Таланов (1871-1936) -- крупнейший в советской России специалист по сортоиспытанию (именно он был инициатором и создателем системы сортоиспытания в стране) и селекционер, пытавшийся преодолеть нескрещиваемость разных видов кукурузы{2}. Он отметил "необычайную осторожность и скромность докладчика, но в то же время чрезвычайное практическое значение и теоретический интерес произведенных работ" (8) и предложил пригласить Лысенко на работу в ВИПБиНК.

Ему вторил физиолог растений Максимов, сказавший, что "доложенная работа в высшей степени ценна и интересна" (9). Можно усмотреть некоторое лукавство в последовавшем за этим высказывании Максимова, когда он заявил, что для установления Трофимом Денисовичем его закономерностей решающим стало то, что он проводил опыты в Азербайджане. "Вне Ганджийской обстановки подмеченные закономерности, может быть, не могли-бы быть выявлены", -- сказал Максимов (10). Но по главному вопросу -- об отсутствии "принципиальных различий между яровыми и озимыми формами растений" -- он с Лысенко полностью согласился и даже делал вид, что в его лаборатории получены сходные результаты:

"Расхождения докладчика с точкой зрения, которой придерживаются при работах в физиологической лаборатории ВИПБиНК, -- небольшие. Принципиальной разницы между яровыми и озимыми формами растений нет, она только количественная. Она в антагонизме между вегетативными и репродуктивными органами, в тормозе, проявляющемся при развитии репродуктивных органов" (11).

Резолюцию по докладу Лысенко предложил Виктор Евграфович Писарев (1882-1972) -- селекционер пшениц и правая рука Вавилова в институте. Он отметил большое значение для селекционеров метода холодного проращивания. Он полагал, расширяя сферу интересов Лысенко, что благодаря этому методу можно будет легче выделять расы яровых хлебов и успешнее изучать гибриды, "выделять формы, расщепляющиеся после скрещивания" (12). Вообще было очевидно, что Лысенко пробудил в уме каждого из выступавших какие-то отличные от узкого лысенковского подхода мысли. Ученые с интересом говорили каждый о своем, а попутно хвалили Лысенко, невольно направившего их мысль в новое русло.

Писарев предложил принять резолюцию в четырех пунктах: /1/ просить Лысенко написать статью для трудов их института, /2/ привлечь Лысенко для работы в их институте, /3/ "поставить в институте ряд опытов по испытанию зимостойких хлебов с привлечением к этой работе Т.Д.Лысенко" и /4/ "подобрать сорта для этих опытов в Комитете по изучению зимостойкости культур". Участвовавшие в заседании проголосовали за все четыре предложения, однако в своем заключительном слове Лысенко от всех лестных предложений отказался ввиду своей исключительной занятости, отметив, что он не претендует на приоритет в открытии явления превращения озимых в яровые, но твердо оспорил осторожные высказывания Максимова практически по всем пунктам и заявил, что "если окажется, что озимые и яровые злаки не одно и то же, то он не в состоянии будет вести дальше свои физиологические работы" (13).

Выступление на Научном Совете ВИПБиНК было для Лысенко событием исключительной важности, так как открывало перед ним дорогу к признанию ведущими специалистами в данной области знаний.

В том же 1929 году, когда еще никаких результатов яровизация не принесла, Лысенко добивается огромной чести и со стороны государственной: его приглашают выступить с докладом на заседании Коллегии Наркомата земледелия СССР -- высшего совещательного органа при наркоме, обсуждающего только животрепещущие проблемы сельского хозяйства страны. Доклад проходит успешно. Нарком Яковлев высоко оценивает вклад Лысенко в решение продовольственной проблемы, а Наркомат официально принимает решение одобрить яровизацию (14).

С начала 1930 года Лысенко часто получает приглашения на представительные совещания и конференции, где выступает вместе с наиболее авторитетными учеными страны. Почти каждый год он делает теперь доклады и на Коллегии Наркомзема Союза. Важным для его карьеры стало то, что в начале 1931 года он заручается поддержкой ученых-аграрников, упрочая тот интерес, который проявлялся к нему с их стороны в 1929-1930 годах. В феврале 1931 года он делает доклад на заседании Президиума ВАСХНИЛ, и руководители Академии во главе с Вавиловым, председательствовавшим на этом заседании, причисляют Лысенко к рангу выдающихся исследователей и объявляют, что яровизация уже "себя оправдала" (15). В решении, подписанном Президентом ВАСХНИЛ Вавиловым, говорилось:

"Президиум Всесоюзной академии с.-х. наук им. Ленина... признает эти опыты заслуживающими исключительного внимания, при чем в помощь тов. Лысенко мобилизуется целый ряд институтов (Институт растениеводства, защиты растений и др.), которым

поручено предоставить в его распоряжение специалистов, мировую коллекцию сортов пшениц и т. д... Автору метода... выдано материальное вознаграждение" (16).

Уместно вспомнить в связи с этой резолюцией, насколько Вавилов был вовлечен в мифологию своего времени, подписывая аналогичные документы. Ему не стоило труда (вообще говоря, это была его прямая обязанность) разобраться в том, что за опыты осуществил Лысенко (как мы видели выше, их просто не существовало!). Поэтому не было оснований говорить и писать об их исключительности. Еще более изумляют строки, что все научные силы собственного вавиловского блока институтов (ВИР и созданного Вавиловым в Ленинграде Института защиты растений) и мировая коллекция сортов пшеницы "предоставляются в РАСПОРЯЖЕНИЕ" Лысенко, у которого скорее всего и понятия не было, как ими распоряжаться. Вместе с тем любая резолюция, поддержанная авторитетом Президента ВАСХНИЛ академика Вавилова, в глазах и простых людей и руководства страны представала как исключительно важная и серьезная, и оставалось только гадать, почему Вавилов не только не противостоял столь несерьезному отношению к новаторству Лысенко, а обеими руками голосовал за его одобрение. Подобный перекос в оценках не был бы столь пагубным, если бы восторг не выплеснулся за стены кабинета Президента ВАСХНИЛ. Однако через день в центральной газете снова под кричащими шапками был напечатан отчет о заседании и приведена эта резолюция Президиума ВАСХНИЛ.

Могучая поддержка на административном и на научном уровнях дает результат: в июне 1931 года Коллегия Наркомзема СССР выносит директиву -- засеять яровизированными семенами озимой пшеницы (заметьте, -- озимой, а не яровой) 10 тысяч гектаров пашни в РСФСР и в десять раз больше -- 100 тысяч гектаров на Украине (17). Буквально через две недели, 9 июля 1931 года, Коллегия принимает решение (18) о предоставлении лаборатории Лысенко ежегодно по 150 тысяч рублей на исследования, об издании специального журнала "Бюллетень яровизации" под редакцией Лысенко и о других поощрениях. (С 1935 года года название "Бюллетень яровизации" было заменено на "Яровизация"). Забегая вперед, отметим, что на 1935 год еще более высокая инстанция -- Совет Народных Комиссаров СССР утвердил новый план: 600 тысяч гектаров (но уже посевов яровизированной яровой, а не озимой пшеницы, признав этим, что с яровизацией озимой пшеницы покончено).

В августе 1931 года агроприем яровизации снова должен был рассматриваться на заседании Президиума ВАСХНИЛ, и, предваряя обсуждение, профессор В.Румянцев писал в газете "Социалистическое земледелие":

"Разрешение проблемы укорочения вегетационного периода, имеющей огромное практическое значение... уже в значительной степени продвинуто вперед благодаря весьма ценным научным и практическим работам тов. Лысенко по яровизации" (19).

Автор будто подсказывал Лысенко, в каком направлении развивать дела с яровизацией, ставя перед ним задачу "углублять опыты по яровизации... воздействовать на все сельскохозяйственные культуры" (/20/, выделено мной -- В.С.).

Этот призыв, который, конечно, раздавался со многих сторон, был услышан и подхвачен Лысенко. Уже в 1932 году он стал настаивать, чтобы яровизировали не только пшеницу, но и другие культуры, с которыми пока еще не успели провести никакого исследования -- картофель, кукурузу, просо, траву суданку, сорго, сою, в 1933 году -- хлопчатник, а затем и плодовые деревья и даже виноград (о чем он поведал в 1934 году на конференции опытников-плодоводов в городе Мичуринске /21/){3}. Жонглирование предложениями становится самой характерной чертой лысенковской тактики, а единственным методом доказательства полезности его предложений так и остается анкетный метод.

От речи к речи Лысенко смелел и в представлении цифровых данных, быстро сообразив, что проверять его никто не собирается, а от завышения собственных успехов его акции растут. Эту "вексельную" систему он прочно усвоил уже в начале карьеры, уловив цепким умом истину, недоступную совестливым коллегам по науке: на верхах устали от просьб и сетований ученых, обещающих лишь крупицы из того, что властям хотелось бы получить немедленно.

Эта нехитрая мысль требовала, правда, смелости. Боязнь оказаться банкротом сковывала даже тех ученых, кто готовы были выдать завышенные обязательства, ибо они понимали, как легко оказаться у разбитого корыта. Но этого знать не хотели и учитывать не собирались авантюристы, лихачи, изобретатели вечных двигателей или сверхмощных ветряных мельниц, которые всегда выплывали наверх во времена крупных общественных потрясений.

Однако было и коренное отличие Лысенко от этих авантюристов-однодневок. Он уже тогда понял, что его векселя не только не предъявят к оплате, но и предъявив, дела не выиграют. На него работала новая идеология, его классовое происхождение. Поэтому без страха и самокопания в душе он кочевал с совещания на совещание, взлетая, ступенька за ступенькой, именно взлетая, -- бодро и весело -- по лестнице успеха.

Типичная для советских условий бумажная кампания вокруг яровизации, в которой все стороны -- и те, кто заполнял липовые бумажки на местах, и те, кто собирал "липу" в Одесском институте, и те, кто получал на верхах лысенковские отчеты о колоссальном разрастании "дела яровизации" -- всё понимали, но испытывали радость от выводимых на бумаге цифр, была схожа с другими подобными кампаниями, прокатывавшимися по стране. Здесь важно еще раз подчеркнуть, что яровизация провалилась не потому, что с годами специалисты поняли ее практический вред. Она провалилась, не начинаясь. Как мы увидим в главе VI, Лысенко был сам вынужден признать, что яровизация в массовых посевах не прижилась.

Генетики терпят первое поражение в глазах партийных лидеров на

совещании в Наркомземе СССР в сентябре 1931 года

Помощь в решении проблем сельского хозяйства могла бы оказать стране наука. Первый правительственный декрет "О семеноводстве" был создан на основе проекта, подготовленного профессором П.И.Лисицыным. Декрет подписал Ленин в 1921 году, но без сети учреждений по сортоиспытанию он оставался малозначащим документом. Такую сеть начали формировать Вавилов и Таланов в 1923-1924 годах. Помимо учреждений по семеноводству и сортоиспытанию, были созданы хозяйства для апробации сортовых посевов и контроля за качеством семян (государственная система апробации была учреждена в 1924 году, а система контроля за качеством семян -- в 1926 году). Сразу после организации в 1929 году Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина Вавилов приступает к организации сети научно-исследовательских институтов и опытных станций.

Ученые пытались сделать всё, чтобы наладить систему быстрого и эффективного выведения новых сортов -- высокоурожайных, обладающих хорошей приспособляемостью к неблагоприятным условиям среды, устойчивых к болезням и вредителям. Они предлагали также изменить условия испытания новых сортов, создать такую систему их экзаменации, чтобы исключить в будущем, при районировании, непроизводительный труд земледельца, отсечь сорта-однодневки, способные преподнести лишь нежелательные сюрпризы, но в то же время и не утерять ничего перспективного.

Многие стародавние сорта российских пшениц характеризовались во многих отношениях хорошими свойствами: имели исключительную устойчивость к болезням, засухои холодоустойчивость, высокую белковость, хотя и не всегда были высокоурожайными. Другими словами, они обеспечивали пусть и не максимальный, но стабильный урожай в районах с разными климатическими условиями. Страна всегда была с хлебом. Не случайно многие из старорусских сортов стали прародителями лучших из современных сортов пшениц Америки и Канады.

Научно-обоснованная система выведения сортов и сортоиспытания была единственной системой, позволявшей обеспечить прогресс в растениеводстве. Задача ученых заключалась в том, чтобы, используя на практике законы новой биологической науки -- генетики, возникшей на рубеже XIX-XX столетий, поставить выведение сортов на строго научные рельсы, исключить знахарство, превратить селекцию, как любил повторять Вавилов, из искусства в науку (22). В 1929 году по
его же предложению было проведено первое районирование лучших сортов, а к 1931 г. завершено создание сети сортоиспытания и семеноведения.

Предложения Вавилова встретили в Правительстве положительное к себе отношение. По его наметкам в июле 1929 года Совет Труда и Обороны СССР принял постановление срочно "расширить посевные площади под чистосортными и улучшенными семенами", причем отметил, что "РСФСР имеет в этом отношении значительные достижения" (23). Тогда же председатель Совнаркома СССР А.И.Рыков в нескольких речах призвал за 2--3 года полностью перейти на сортовые посевы.

Однако задачи, возникшие после тотальной коллективизации сельских хозяйств, требовали небывалого ускорения работ по селекции и семеноводству. Этой цели было посвящено проходившее в первую декаду сентября 1931 года совещание в Наркомземе СССР под председательством Яковлева. Из большого отчета в газете "Социалистическое земледелие" (24), можно было узнать, что после вступительного слова наркома выступили Прянишников, Вавилов, Мейстер, Тулайков и другие.

Заметное внимание привлекла тогда работа ленинградского генетика Георгия Дмитриевича Карпеченко, сумевшего добиться такого результата, который большинству ученых казался невозможным: используя необычный метод воздействия на наследственные структуры -- хромосомы, он получил плодовитый гибрид двух родов: капусты и редьки (в природе, как известно, представители разных родов не скрещиваются). За эту работу Карпеченко был удостоен международной стипендии из фонда Рокфеллера, позволявшей ему поехать поработать на Западе, и вообще его имя стало сразу известным среди крупнейших ученых мира. Поэтому Вавилов рассказал об этом открытии (25), затем о деятельности любителей-плодоводов: американца Лютера Бербанка и русского -- И.В.Мичурина. Он остановился на многих вопросах селекции и генетики, даже на таких новинках, как облучение семян рентгеновыми лучами с целью получения наследственно измененных форм -- мутантов (возможность вызывания мутаций у высших организмов облучением была показана в 1925 году ленинградскими учеными Г.А.Надсоном и Г.С.Филипповым и в 1927 году американцем Германом Джозафом Мёллером, позже удостоенным за это Нобелевской премии), использовании других физических воздействий на растения{4}.

Ценность каждого из рассмотренных Вавиловым направлений была неодинаковой, но все-таки каждое из них нечего было и сравнивать с пока еще никак неапробированной яровизацией. И, тем не менее, Вавилов выделил ее в особый раздел доклада и превзошел в оценках всех ученых, говоривших или писавших о яровизации раньше:

"Особенно интересны... работы Лысенко, который подошел конкретно к практическому изменению позднеспелых сортов в раннеспелые, к переводу озимых сортов в яровые. Факты, им обнаруженные, бесспорны и представляют большой интерес... Опыт Лысенко показал, что поздние средиземноморские сорта пшеницы при специальной предпосевной обработке могут быть сделаны ранними в наших условиях. Многие из этих сортов по качеству, по урожайности превосходят наши обыкновенные сорта... нужна немедленная упорная организационная коллективная работа, чтобы реализовать интереснейшие факты, установленные Лысенко" (/27/, выделено мной -- В.С.).

Конечно, от таких слов у любого человека могла закружиться голова, но Лысенко уже вполне свыкся с ролью победителя. Его выступление было самым заметным на совещании. Вряд ли даже Вавилов мог предположить, что в центре внимания участников совещания окажется вовсе не его доклад, а выступление начинающего агронома. Лысенко начал с того, что "горячо протестовал" против "слишком упрощенного представления о его работе как о попытке добиться весеннего посева озимых яровых культур" (28). Он претендовал уже на то, что им развита особая теория изменения свойств любых культур -- и озимых, и яровых, а не только пшениц.

"Слово яровизация понимается почему-то по-разному, -- продолжил он -- Эта теория{5} несмотря на новизну (появилась она в 1929 г.), успела уже "устареть". В громадном большинстве случаев ей приписывают очень узкое значение: плодоношение озимых хлебов при весенних посевах" (29).

Он поговорил еще некоторое время о не имеющих прямого отношения к яровизации всяких квази-теоретических материях, затем рассказал о том, что призывает воздействовать холодом не только на пшеницы, остановился на необходимости поиска сортов, лучше всего отвечающих на холодовое проращивание, разграничении процессов роста и развития, а затем ошеломил присутствующих заявлением, что благодаря изменению всего одного фактора -- температуры, ему удалось увеличить урожайность азербайджанских пшениц, высеянных в Одессе, сразу на СОРОК процентов!

Больше никаких цифр в докладе приведено не было -- и это тоже было существенным моментом выступления, которое свидетельствовало, какой он тонкий психолог. Главное было сказано -- без излишнего шума и ненужных словоизлияний. Одна цифра говорила больше, чем сто цифр.

Остановился он еще на одном вопросе, вряд ли тогда привлекшим чье-то внимание, но для нашего будущего рассказа существенном: он заверил присутствующих, что не посягает на отмену канонов науки:

"Может получиться такое впечатление, с которым мне постоянно приходится вести борьбу: противопоставление метода яровизации методу селекции. Так думать нельзя. Никаких противопоставлений нет. Наоборот, яровизации без генетики и селекции не должно быть...

... Метод яровизации дает возможность использовать гены, и в этом его основное значение" (30).

Спору нет, следовало из его выступления, благодаря яровизации удалось резко поднять урожайность пшениц, что правда -- то правда. Есть также надежда увеличить урожаи и других культур. Но устои науки от этого не пошатнутся и отмене не подлежат. Говоря об этом, Лысенко опять проявил изрядную мудрость, когда облек свои слова в форму полемики

с какими-то неназванными им оппонентами, слишком, дескать, вольно обращающимися с его теорией. Если даже таких чересчур радикально мыслящих оппонентов и не было, то все равно эффект от такого полемического приема получался солидным: вот, они, радикально мыслящие, палку перегибают, а я -- нет, я на земле стою, излишними надеждами не обольщаюсь и даже готов с радикалами поспорить.

Эти слова о росте, развитии, генетике, генах очень показательны, так как вскоре он изменит позицию и перейдет к неприятию генетики и генов, но пока он держался скромно в отношении основ науки, резонно полагая, что ядро его выступления -- ссылки на увеличение урожаев -- привлечет внимание присутствующих и прежде всего Яковлева. Главное было то, что с помощью его метода можно почти в полтора раза повысить урожай! ПОЧТИ В ПОЛТОРА РАЗА!

Никто из ученых, и прежде всего Вавилов и Мейстер, без сомнения способных понять несерьезность утверждения агронома Лысенко о скачке урожайности (просто невозможно представить, чтобы они этого не понимали), не возразил против лихачества, никто не спустил на грешную землю оторвавшегося от правды-матки творца "теории" яровизации. Это было непростительной ошибкой, расплачиваться за которую пришлось уже и на этом совещании и много лет спустя. Впервые ученые высочайшего ранга собрались вместе с наркоматскими чиновниками и не дали отпора в решающем вопросе о невероятном росте урожаев, не поняли, что они молчанием своим подкрепили фальшивые векселя. Это был решающий час в судьбе науки российской, и час этот ученые проморгали. Ведь такая цифра гипнотизировала. Она становилась мерилом вклада любого ученого в процветание народа. То, что официальный лидер биологии и агрономии, Президент ВАСХНИЛ Вавилов говорил в это самое время о ТЕОРИИ Лысенко как о важнейшем вкладе в науку, только укрепило впечатление огромности научного подвига скромного агронома.

Поэтому Яковлев уже в первый день совещания дал ясно понять, что теперь на фоне достижения Лысенко ни молодым, ни старым ученым не удастся спрятаться за общие фразы, за туманные формулировки обоснований будущих положительных сдвигов, благодаря их теоретическим и экспериментальным упражнениям. Сделал он это в тот момент, когда речь зашла о возможности сокращения сроков выведения новых сортов в 3 -- 4 раза. Поводом для таких разговоров стало принятое месяцем раньше чисто волюнтаристское постановление Президиума Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) и Наркомата Рабоче-Крестьянской Инспекции (31), предписывавшее ускорить селекцию именно такими темпами. Мы уже несколько раз выше упоминали это "историческое" постановление.

Однако один из самых результативных селекционеров России Георгий Карлович Мейстер (1873--1943), сорта которого занимали десятки миллионов гектаров, выступая после Лысенко, постарался вразумить сотрудников Наркомата и самого товарища наркома, что такое сокращение сроков -- верх легкомысленного отношения к азам науки:

"Ведь если в современных условиях сорта выводятся в течение 10-12 лет, то "выкрасть" у природы 3-4 года -- значит получить громадное достижение. Но говорить о сокращении сроков с 12-10 лет до -54-3 лет невозможно" (32).

Яковлев, как можно судить по опубликованному в газете отчету о совещании, не возразил уважаемому селекционеру, но уже следующего выступавшего, повторившего тезис о том, что новые сорта можно в лучшем случае получить "только через 10 лет", нарком срезал жесткой репликой:

"Нам некогда ждать 10 лет" (33).

Точно так же он начал "срезать" всех ораторов и на следующий день. Первым в это утро говорил Карпеченко. Его доклад был сугубо специальным, как специальной и изощренной была и его исследовательская работа. Теоретическая работа Карпеченко по преодолению нескрещиваемости разных родов растений была блестящей. Был открыт путь для их гибридизации. Теперь можно было ожидать, что в далеком, но все-таки в более близком, чем раньше все считали, будущем, генетикам удастся разработать для селекционеров арсенал чудесных методов объединения наследственных структур нужных видов, которым Природа придала свойство нескрещиваемости. Теперь этот барьер больше не казался непреодолимым. Но пока капусто-редька ничего сельскому хозяйству не дала и дать не могла. То, что воодушевляло тонко мыслящих специалистов, оставалось малопонятным практикам и совсем не интересно Яковлеву. Не привлекли интереса и другие слова Карпеченко "о задачах генетики, о десятках возможностей в этой области работы". Все эти возможности, пусть даже десяток, не позволяли поднять сбор зерна, хлопка, подсолнечника даже на один процент, и потому Яковлев начал "прижимать" Рокфеллеровского лауреата, сначала вполне благожелательно, а затем всё более и более нетерпеливо, желая добиться ответа на вполне конкретный вопрос:

"Яковлев: -- Что бы вы сказали, если бы мы поставили перед вами вопрос, что можно сделать в течение ближайших лет для создания засухоустойчивых сортов пшеницы.

Карпеченко: -- Нужно изменить природу растений, изучая эти признаки, о которых я говорю. Нужна техническая база.

Яковлев: -- Базу мы вам дадим. Я заранее согласен на то, что вы просите. А теперь вы скажите, что можно сделать для того, чтобы повысить урожай наших полей, где и как нам искать контрнаступление на суховей?

Карпеченко: -- Нужно "бракосочетать", во-первых, массу растений, а, во-вторых, генетиков, селекционеров, физиологов и климатологов. Думаю, что нужно это сделать путем самой теснейшей "увязки" существующих у нас лабораторий.

Яковлев: -- Какую цель им нужно поставить?

Карпеченко: -- Мне представляется, что нужно привести в порядок ботанику, выбрать возможно большее количество форм. А потом мы, генетики, будем говорить с другими научными работниками на эту тему. Мы можем взять генетику на себя, а все, что пойдет дальше, селекционер должен оставить за собой и прибавлять кое-что новое. Эта проблема очень сложная, но если мы возьмем очень большой масштаб и возьмем большое количество растений, будем систематически работать, то добьемся определенных успехов. Повторяю, эта проблема очень сложная: если мы хотим получить скрещивание засухоустойчивых форм, то должны работать путем получения первого поколения. Мы такого рода работу сейчас ведем, но определенных результатов пока еще нет. Проблема очень трудна" (34).

Каждый серьезный ученый ничего иного на месте Карпеченко сказать бы не смог. Вопрос, поставленный Яковлевым, не мог быть решен в те годы, как остается нерешенным полностью и сегодня. Так что слова Карпеченко были правильными и честными. Но один упрек ему все-таки сделать можно. Будь он более изощренным политиком, он, возможно, построил бы свой ответ иначе, категорично и авторитетно сказал бы, что нельзя перескакивать через нерешенные проблемы, закрывать на них глаза. Будь он осмотрительнее, он тем более должен был так говорить после речи Лысенко. Он мог бы догадаться, как ловко использует Лысенко свое вранье об уже достигнутых сорока процентах прибавки урожая, и

дай Карпеченко ему отпор в таком преувеличении, или скажи Яковлеву, что не может идти по пути тех, кто несерьезно манипулирует цифрами и обещает несбыточное, он мог бы и сам выиграть в глазах наркома, и Лысенко на место поставить. Но этого не случилось. Георгий Дмитриевич туманно изъяснялся о будущих успехах, вроде бы и не отрицал их и что-то обещал, но всем было ясно, что никакой практической программы у него нет, что не дадут ни сегодня, ни завтра ни килограмма лишнего зерна его обещания говорить с ботаниками, селекционерами, другими учеными на какие-то отвлеченные темы. Ведь от слов "мы возьмем генетику на себя" у любого наркома, ждущего конкретных цифр, могло только расти раздражение, особенно учитывая тот факт, что здесь же сидел такой же молодой человек -- Трофим Денисович Лысенко, не столь, правда, обласканный зарубежными профессорами и никакими премиями Рокфеллеров не увенчанный, но делающий конкретные дела, нужные Родине, такие дела, от которых душа согревается.

Вот так и получилось, что в этот день Карпеченко (и Вавилов, и Мейстер, и Тулайков) проиграли свой главный бой с Лысенко и даже не заметили, что это был бой -- жестокий поединок с хитрым и коварным соперником, положившим их на лопатки всех разом.

Сколь пагубна такая позиция, нарком Яковлев продемонстрировал им сразу. Взяв слово после выступления Карпеченко, он сказал:

"Представьте себе, что мы пришли бы к вам в качестве предпринимателей и сказали бы, что наша житница Волга, что наши наиболее хлебные места в роде Юго-Запада Сибири выбиваются из сил на невероятно низких урожаях. Так вот советский "предприниматель" интересуется: чем можно помочь в этом деле? Уровень наш поднимается, возможности растут, крестьяне пошли в колхозы. Так чем же может помочь им наука? Американцы приезжают и поражаются технике наших совхозов, приезжают германцы и утверждают, что ничего подобного им и не снилось.

Выставка в Кёнигсберге создает огромные очереди желающих побывать на ней. Разве все это не говорит о колоссальных возможностях, которыми мы обладаем! Так чем же может помочь советская наука нашему полеводству, обладающему такими неизмеримыми возможностями?" (35).

Яковлев дал понять, что дальше так продолжаться дело не может, что правительство готово идти на любые затраты, будут щедро субсидировать науку, но времени на раскачку нет, нужны немедленные, конкретные, если угодно -- героические усилия ученых, которые дадут практический успех. Яковлева, видимо, не на шутку разозлило лавирование Карпеченко. Причем необходимо признать, от него наверняка не менее жестко требовало его руководство, и Сталин в первую голову, немедленных, решающих успехов, сравнимых с невиданными нигде в мире ранее успехами в развитии промышленности: почему же там -- могут, а здесь -- пасуют? Что, тут люди -- другие, не советские?! Свое раздражение Яковлев выказал тут же, так как следующего выступавшего -- профессора Н.А.Максимова, попробовавшего на очередной практический вопрос наркома дать уклончиво-наукообразный ответ, он прервал совсем грубо. Он метнул Максимову реплику о "недопустимости игры в науку" и о необходимости, наконец, перейти на рельсы практики:

"Вот именно этого поворота лицом к требованиям социалистического сельского хозяйства ждет сельско-хозяйственное производство от научных агрономических работников", --

однозначно заключил Яковлев (36), а газета "Соцземледелие", печатая отчет об этом заседании, выделила эти слова наркома жирным шрифтом.

Такие публикации не могли не производить вполне определенного впечатления на людей в стране. Лысенко уже представал героем науки, а настоящие ученые полупроигравшими, особенно, если учитывать вес слов академика Вавилова, превознесшего Лысенко и даже заявившего, что факты Лысенко -- бесспорны. Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже в октябре того же 1931 года Всеукраинский съезд по селекции встретил Лысенко бурными приветственными аплодисментами (37).

Такое признание учеными Лысенко за своего, за яркого представителя их профессиональной группы было той ошибкой, за которую многим из них пришлось расплатиться собственной жизнью. Вместо критического и строгого отношения к новаторствам, как того требует наука, ученые отнеслись легкомысленно и придали "выходцу из народа", "выдвиженцу", как тогда называли таких простецких по происхождению и виду парней, вес и значение. А захваливание идей и работы Лысенко, якобы доказывающей правоту идей, автоматически выводило Лысенко в лидеры науки в глазах властителей страны.

Непредвиденная трудность в использовании мировой

коллекции семян

Вавилов с явной симпатией относился к Лысенко с начала его выдвижения в ученые и активно хвалил его работы на протяжении почти 8 лет (с 1929 до 1936 года), чем помог ему за эти годы сформировать в глазах публики и властей образ талантливейшего ученого. Почему это произошло?

Мне не раз доводилось слышать от биологов старшего поколения, что Лысенко покорил Вавилова еще до того, как, приехав в Ленинград, он выступил в январе 1929 года на съезде генетиков (38). Рассказывали, что будто бы уже в Гандже состоялась их первая встреча, и что лично от Вавилова молодой агроном получил приглашение послать доклад на генетический съезд. Мне не удалось найти документы, подтверждающие это. Но одно свидетельство живого интереса Вавилова к работе Лысенко, интереса, проявленного еще до выступления последнего на съезде, имеется. Съезд открылся 10 января, доклад Лысенко был назначен на последний день работы секций съезда (на 15 января), а уже 11 января в ленинградской газете "Смена" было опубликовано такое заключение Вавилова, когда он обсуждал то, о чем говорил Лысенко -- об отношении растений к низким температурам: "Учитывая этот признак, мы станем лучше районировать наши сорта и культуры" (39).

Однако, как мне представляется, причина интереса Вавилова к яровизации и ее автору, гораздо глубже. Лысенковские фантазии воспламенили Вавилова именно потому, что в них он увидел выход из тяжелого положения, в котором очутился сам. В изучение собранной под его руководством мировой растительной коллекции были втянуты тысячи людей, высевавших семена, следивших за развитием посевов, придирчиво относившихся к каждому образцу и не забывавших главную цель -- искать те новые формы, которые могли быть с пользой применены на благо советского сельского хозяйства, главным образом через срочное выведение новых высококачественных сортов. Именно в этом направлении Вавилов призывал всех своих сотрудников работать.

Но одна из принципиальных трудностей скоро выявилась и принесла горькие минуты Вавилову. Растения дальних стран, приспособленные к климатическим условиям, отличным от российских, -- к иной продолжительности дня, к иным сезонным колебаниям погоды, -- либо неравномерно прорастали, цвели и плодоносили, либо вообще теряли всхожесть. Но раз нельзя было добиться синхронизации в цветении форм, которые предстояло скрестить друг с другом, то надежды на то, что иноземные формы помогут резко ускорить темпы выведения

новых сортов, улетучились.

И вдруг Вавилов сообразил, что открытие яровизации может облегчить выход из положения. Если даже озимые сорта,
будучи подвергнуты температурной предобработке, так ускоряют развитие, что колосятся много раньше -- в совершенно для них несвойственные сроки, то уж, конечно, более легкую задачу -- заставить всякие заморские растения цвести одновременно -- можно будет разрешить. Если все сорта из собранной ВИР'ом мировой коллекции, до сих пор имевшие разновременные сроки развития, удастся синхронизировать, и все они начнут цвести в одно время с местными сортами, то удастся обойти главную трудность: можно будет свободно переопылять цветки любых сортов и получить, наконец-то, гибридное потомство, а затем из этого моря гибридов отобрать лучшие перспективные формы... Тогда скачок отечественной селекции будет гигантским, разнообразие первичного материала необозримым, успехи неоспоримыми. Быстро сообразивший это Вавилов стал активно помогать Лысенко, который, еще не понял возможности, увидевшиеся Вавилову.

Для начала Вавилов дал указание яровизировать пшеницы ВИР'овского запаса и высеять их под Ленинградом и в Одессе. При этом часть растений тех сортов, которые под Одессой не колосятся, дали зрелые семена. Лысенко тут же раздул этот результат и представил его как доказательство того, что теперь все сорта можно будет высевать в необычных для них зонах (40). Категоричный вывод очень понравился Вавилову, и, поверив на слово, он много раз выступал по этому поводу, захваливая метод яровизации. Конечно, ни к каким реальным практическим выгодам данный способ не привел и успехам селекции не способствовал. Вавилов авансом выдал восторженную оценку, повторенную позже и некоторыми его учениками (см. напр. /41/). Вместе с тем, надежды Вавилова были искренними, о чем говорят строки из его записных книжек за 1934 год. Они пестрят заметками о яровизации, он делает запись, что сам "хочет подучиться яровизации" (/42/, см. также книгу Поповского /43/). Понять радость Вавилова можно. Будучи лично оторванным от экспериментов, погруженный в массу организационных дел и веривший словам других так же, как он верил самому себе, Николай Иванович застрял в паутине лысенковских измышлений и обещаний. Он не заметил, как несовершенна сама гипотеза, как далек до завершения процесс её экспериментальной проверки. По-видимому сыграло роль и то обстоятельство, что к Лысенко благоприятно отнесся Максимов -- ведущий сотрудник ВИР'а, близкий к Вавилову человек.

Именно надеждами на использование яровизации для включения в селекционную работу видов из мировой коллекции культурных растений объясняется то, что вслед за применением приема обработки холодом проростков всех образцов пшениц из его мировой коллекции Вавилов предложил срочно яровизировать растения множества других видов.

Решающая роль академика Вавилова в выдвижении Лысенко

В 1965 году американский историк Дэвид Жоравский (см. прим. /89/ к Введению),кажется первым обратил внимание на то, что неоценимую помощь Лысенко в первоначальном выдвижении в научной среде оказал Вавилов а за ним тот же тезис развивал писатель Поповский в книге "1000 дней академика Вавилова" (43).

Против этого взгляда резко и категорично, но без достаточно весомых аргументов, выступил Медведев (44), полагавший, что приведенные Поповским выдержки из писем и выступлений Вавилова должны толковаться иначе{6}, что крупный администратор Вавилов мог подписывать бумаги, подсунутые ему помощниками, не вдаваясь в их содержание. Позже в книге "Дело академика Вавилова" (46) Поповский привел выдержки из некоторых выступлений Вавилова. Они подкрепили правоту позиции Поповского, так как

предположение Медведева этими выдержками отвергалось: выступал Вавилов сам и говорил он, что думал. Ниже я приведу обнаруженные мной дополнительные данные по этому вопросу.

Прежде всего Вавилов поддержал идею яровизации как новаторскую на заседании Наркомзема СССР и Президиума ВАСХНИЛ еще в 1930 году. Отражением высокой оценки работы Лысенко стали строки письма Вавилова одному весьма влиятельному французскому ученому и администратору. Эдмон Рабатэ, генеральный инспектор Французского правительства по сельскому хозяйству и директор Национального агрономического института Франции обратился 7 февраля 1930 г. к Вавилову с просьбой порекомендовать ему литературу по очень специальному вопросу: о развитии первого листа злакового растения (колеоптиле). Колеоптиле окружают проросток растения; образуя вокруг проростка трубку, они защищают его от повреждений и вредных влияний (47). Вавилов быстро отвечает ему письмом, датированным 10 марта того же года, и рекомендует французскому коллеге познакомиться ни с чем иным, как с работой Лысенко по действию низких температур на проростки пшеницы:

"Дорогой сударь! Я посылаю Вам со следующей почтой сборник трудов Съезда селекционеров, который проходил в Ленинграде в прошлом году. Вы найдете там работу Т.Лысенко... Примите, сударь, мои самые искренние чувства уважения к Вам. Ваш Н.Вавилов! (48)

Уже упоминалось, что 20 февраля 1931 года Лысенко был приглашен выступить с докладом о своих работах на Президиуме ВАСХНИЛ (49), и Вавилов похвалил его работу, а летом 1931 года Вавилов как Президент ВАСХНИЛ подписал постановление Президиума этой академии с резолюцией:

"Считать необходимым для разворачивания и расширения работ тов. Лысенко по укорачиванию длины вегетационного периода злаков, хлопка, кукурузы, сои, овощных культур и пр. ассигновать из бюджета Академии 30.000 рублей" (50).

Среди вавиловских выдвиженцев был агроном Полярной станции ВИР в Хибинах -- Иоган Гансович Эйхфельд{7}. В ноябре 1931 года Вавилов писал ему:

"То, что сделал Лысенко и то, что делает, представляет совершенно исключительный интерес, и надо Полярному отделению эти работы развернуть" (51).

Весной 1932 года, когда формировали состав советской делегации для поездки в США на VI Международный генетический конгресс, Вавилов, исполняя поручение Наркома земледелия СССР Яковлева, и как глава подготовительного комитета посчитал, что в число генетиков (не опытников, или агрономов, или физиологов растений, а в число ГЕНЕТИКОВ) должен быть включен не имеющий к этой науке никакого отношения Лысенко. Он послал 29 марта 1932 года Лысенко личное письмо с приглашением поехать в США, сообщая, что на конгрессе "будет для генетика много интересного" (53) и также будет важно

"...чтобы Вы нам сделали доклад о Ваших работах и к выставке подготовили бы демонстрацию работ.

Последнее совершенно обязательно, но только в компактном виде, удобнопересылаемом. Скажем, на 2 -- 3 таблицах полуватманских листов, фотографии; может быть несколько гербарных экземпляров" (54).

Одновременно, в тот же день 29 марта 1932 года Вавилов отправил письмо Степаненко -- сотруднику лысенковской лаборатории, который вскоре стал директором всего Украинского института генетики и селекции после ареста создателя института А.А.Сапегина:

"Нарком земледелия Союза тов. ЯКОВЛЕВ поручил Президиуму Академии С.Х. наук им. Ленина взять под особое наблюдение работы по яровизации в нынешнем году для оказания максимального содействия в проведении этих опытов...

Прежде всего сообщите выздоровел ли тов. ЛЫСЕНКО? как проводятся массовые опыты по яровизации; как проводится исследовательская работа; какие нужны экстренные меры, чтобы провести работы?

Прошу телеграфировать или непосредственно мне или в особо трудных случаях тов. ЯКОВЛЕВУ о том, что необходимо сделать.

...Если Вы заняты, то прошу поручить кому-либо из ответственных работников, ведающих яровизацией сноситься непосредственно со мною" (55).

Еще до отъезда на конгресс в США, Николай Иванович, как он обещал в письмах Лысенко и Степаненко (56), съездил в мае 1932 года в Одессу, заразился окончательно идеей яровизации и писал оттуда своему заместителю в ВИР'е -- Н.В.Ковалеву:

"Работа Лысенко замечательна. И заставляет многое ставить по-новому. Мировые коллекции надо проработать через яровизацию..." (57).

Таким образом, Вавилов очередной раз показывал, что работу Лысенко он ставит столь высоко, что готов свое детище -- мировую коллекцию сортов -- пропустить через "сито" яровизации. Лысенко на Конгресс не поехал, но и в его отсутствие, выступая на Конгрессе с пленарной речью, Вавилов высказался о работах Лысенко следующим образом:

"Замечательное открытие, недавно сделанное Т.Д.Лысенко в Одессе, открывает новые громадные возможности для селекционеров и генетиков... Это открытие позволяет нам использовать в нашем климате тропические и субтропические разновидности" (58).

Из Америки Вавилов еще раз пишет Н.В.Ковалеву о волнующей проблеме:

"Сам думаю подучиться яровизации" (59).

По завершении Конгресса Вавилов выступил с несколькими лекциями в США, побывал в Париже (60) и опять характеризовал работу Лысенко как выдающуюся, пионерскую, имеющую огромное значение для практики:

"... сущность этих методов, которые специфичны для различных растений и различных групповых вариантов, состоит в воздействии на семена отдельных комбинаций темноты, температуры, влажности{8}. Это открытие дает нам возможность использовать в нашем климате для выращивания и для работы по генетике тропические и субтропические растения... Это создает возможность расширить масштабы выращивания сельскохозяйственных культур до небывалого размаха..." (61).

Возвратясь из зарубежной поездки, Вавилов публикует 29 марта 1933 года в газете "Известия" пространный отчет о ней, где пишет:

"Принципиально новых открытий... чего-либо равноценного работе Лысенко, мы ни в Канаде, ни САСШ (Северо-Американских Соединенных Штатах -- В.С.) не видели" (62).

Разбирая важнейшую для себя проблему новых культур, Вавилов в 1932 году пишет в книге того же названия:

"Физиологические опыты Алларда, Гарнера, Н.А.Максимова, Т.Д.Лысенко и других исследователей, а также проведенные нами географические опыты показали большое значение в вегетации различий районов по длине ночи (фотопериодизму)" (63),

хотя ни в одной из опубликованных работ Лысенко даже упоминаний о подобных опытах нет и, следовательно, Вавилов просто приписал Лысенко научные достижения, о которых тот и слыхом не слыхал.

В следующий раз Вавилов похвалил работы Лысенко в начале декабря 1933 года на Коллегии Наркомзема СССР. Корреспондент газеты "Социалистическое земледелие" А.Савченко-Бельский подробно описал это заседание:

"Третьего дня в НКЗ СССР тов. Лысенко сделал доклад о яровизации.

На столе длинный ряд снопиков пшеницы. Снопы лежат попарно. В одном -- высокие стебли, тяжелый колос, полновесное зерно. В соседнем чахлые растения, полупустые колоски, щуплые зернышки.

...В тех снопиках, где колос тучен, растения яровизированы...

Снопики... тов. Лысенко ярче диаграмм, убедительнее цифр доказывали, каким мощным оружием в борьбе с засухой и суховеем является яровизация" (64).

Конечно, выставленные снопики могли поразить воображение корреспондента. Но у любого здравомыслящего человека не мог не возникнуть вопрос, насколько же повышает урожай яровизация, если столь зримы отличия колосьев на вид. И если вспомнить, что даже по словам Лысенко, превышение урожая от яровизации составляло в лучшем случае 10-15%, то становится очевидным, что заметить на глаз столь незначительные отличия в массе колосьев было никак нельзя. Значит, нужно допустить, что Лысенко нарочито преувеличивал пользу яровизации и, помалкивая о гибели многих растений на участках, засеянных яровизированными семенами, отбирал для демонстрации своих достижений лучшие по виду колосья на опытном поле и худшие на контрольном и формировал из них снопики для заседания коллегии.

Ничем иным, как тягой к преувеличениям, можно объяснить эти уловки Лысенко. В то время он преувеличивал пользу от яровизации, произнося слова, которые позже напрочь забыл и никогда уже не употреблял:

"У меня есть цифры по Северному Кавказу. В отдельных колхозах яровизация... дала примерно 6-8 ц дополнительного зерна с га... Я считаю, что мы можем получить... УДВОЕНИЕ урожая в отдельных случаях... И если до сих пор это еще не сделано, то в значительной мере здесь вина земельных органов" (/65/, выделено мной -- В.С.).

На подобные непроверенные и неподтвержденные авансы, так же как на ссылки о вольных или невольных вредителях в земельных органах, могли клюнуть люди, плохо разбирающиеся и в растениеводстве, и в науке вообще. Тем не менее, присутствовавший на заседании

Вавилов ни в чем не усомнился и, даже более того, указал на новую область, где якобы с успехом можно было применить лысенковскую яровизацию, а именно на ускорение работы по выведению сортов, то есть направление, в котором сам Вавилов постоянно обещал властям срочно добиться решающих успехов. Вавилов говорил:

"До сих пор селекционеры работали на случайных сочетаниях. Сейчас работы тов. Лысенко открывают совершенно новые, невиданные возможности для селекции, потому что мы можем и должны вести работу с такой целеустремленностью, какая раньше не мыслима была в селекционной работе.

В свете работ тов. Лысенко нужно круто повернуть, перестроить селекционную работу" (66).

20 декабря 1933 года газета "Соцземледелие" еще раз использовала авторитет Вавилова для поддержки мифа о том, что яровизация способна удваивать урожай. Если на Коллегии Наркомзема речь шла о пшенице, то теперь выяснялось, что того же результата можно достичь и для хлопчатника. Из заметки в газете следовало, что Лысенко удалось привлечь Вавилова для поездки летом 1933 года на Северный Кавказ в район Прикумска, где они вдвоем осмотрели посевы хлопчатника, выполненные промороженными (яровизированными) семенами (67), и оказалось, что будто яровизация дала удвоение (!) сбора хлопка, и потому сразу же за упоминанием фамилий Вавилова и Лысенко шел текст, набранный жирным шрифтом:

"Двести процентов повышения урожая самого ценного доморозного хлопка-сырца и 36 процентов повышения общего урожая обязывают к скорейшему продвижению яровизации на хлопковые поля колхозов и совхозов" (68).

Этот "успех" с хлопчатником был очень важен. Задание расширить посевные площади под этой культурой, чтобы дать стране дешевый и надежный путь выхода из иностранной зависимости в ценном сырье, поступило лично от Сталина. Поэтому за решением проблемы хлопчатника и земельные и партийные органы следили особенно пристально. Конечно, такая крупная удача, да еще приправленная ссылкой на самого известного в стране эксперта в вопросах растениеводства -- академика Вавилова, не могла пройти мимо взора руководства страны.

О правомерности тезиса о том, что именно Вавилов методично выводил Лысенко в лидеры советской науки, говорят и другие обнаруженные в архивах факты. Актом особого расположения Вавилова к агроному Лысенко стали повторявшиеся несколько раз попытки выдвинуть последнего в академики. В 1932 году Вавилов подписал письмо Президенту Всеукраинской Академии наук А.А.Богомольцу, в котором сообщил о своей поддержке в выдвижении Т.Д.Лысенко в члены этой академии (69). Однако это инициативное предложение не сработало. Коллеги в том году возразили.

В следующем, 1933 году, обращаясь в Комиссию содействия ученым при Совнаркоме СССР, которая рассматривала кандидатуры для присуждения премии имени В.И.Ленина -- высшей в СССР премии за достижения в области науки и техники (во времена сталинского правления -- в 1948 году -- премию имени Ленина заменили Сталинской премией, а после смерти Сталина премию его имени стали именовать государственной, а Ленинские премии восстановили как самостоятельные), Вавилов писал (16 марта 1933 года):

"Настоящим представляю в качестве кандидата на премию в 1933 году агронома Т.Д.Лысенко.

Его работа по так наз[ываемой] яровизации растений несомненно является за последнее десятилетие крупнейшим достижением в области физиологии растений и связанных с ней дисциплин. Впервые с исключительной глубиной и широтой т. ЛЫСЕНКО удалось найти пути овладения управлением растением, найти пути сдвигов фаз растений, превращения озимых растений в яровые, позднеспелых в раннеспелые. Его работа является открытием первостепенной важности, ибо открывает новую область, притом вполне доступную исследованию. Несомненно за работой ЛЫСЕНКО последует развитие целого раздела физиологии растений; его открытие дает возможность широкого использования мировых ассортиментов растений для гибридизации, для продвижения их в более северные районы.

И теоретически и практически открытие Лысенко уже в настоящей фазе предоставляет исключительный интерес, и мы бы считали т. Лысенко одним из первых кандидатов на получение премии в 1933 году.

Если бы понадобились более подробные данные, то они могут быть предоставлены мною.

Академик Н.И.Вавилов" (70).

Эта выдержка еще раз показывает, что главное достоинство работы Лысенко Вавилов видит в том, что яровизация позволяет преодолеть нескрещиваемость растений, созревающих разновременно, что благодаря синхронизации цветения растений можно добиться их гибридизации. После этого, надеялся Вавилов, лучшие формы новых гибридов можно будет продвинуть в северные районы. Иным путем использовать мировую коллекцию для северного русского земледелия Вавилову казалось невозможно. Эта мысль проходит красной нитью через все высказывания, и письменные, и устные, Вавилова, давая понять, что же было наиболее притягательным для него при оценке идеи Лысенко.

Ленинскую премию Лысенко всё же не получил. Члены Комитета (М.Н.Покровский, Н.И.Бухарин, А.М.Деборин, Г.М.Кржижановский, О.Ю.Шмидт, И.Д.Папанин, В.Н.Ипатьев и др. /71/) разумно от такого решения воздержались. Но это не повлияло на решимость Вавилова продвинуть Лысенко в число наиболее титулованных ученых страны. 8 февраля 1934 года он посылает письмо в Биологическую Ассоциацию Академии Наук СССР, которым представляет Лысенко в члены-корреспонденты АН СССР, аргументируя свой шаг следующим образом:

"Исследование Т.Д.Лысенко в области яровизации представляет собой одно из крупнейших открытий в мировом растениеводстве. При помощи этого метода мы можем превращать озимые формы в яровые, поздние в ранние... Хотя природа яровизации еще и подлежит дальнейшему изучению и, вероятно, еще вскроет много нового, но принципиально этот метод уже в настоящее является разработанным настолько, что в текущем году на миллионе гектаров проводится практически яровизация хлебных злаков и хлопчатника.

Огромное значение яровизации уже теперь проявляется в селекции, позволяя селекционеру использовать весь мировой ассортимент, который до сих пор не мог быть выращиваем в наших условиях

Больше того, многие из южных сортов, повидимому, могут быть непосредственно, даже без селекции, при помощи яровизации использованы в культуре.

Учение о стадиях у растений, разрабатываемое т. ЛЫСЕНКО, меняет коренным образом наше представление о вегетационном периоде.

В применении к картофелю метод яровизации дал возможность найти пути практического решения для культуры этого растения на юге, где она представляла до сих пор значительные трудности. ...

Тов. Лысенко в течение 10 лет упорно работает в одном и том же направлении. Хотя им опубликовано сравнительно еще мало работ, но последние его работы по значению представляют настолько крупный вклад в мировую науку, что позволяет нам всемерно выдвинуть его кандидатуру в Члены-корреспонденты Академии наук СССР

Академик Н.Вавилов" (72) (слово "всемерно" зачеркнуто в оригинале -- В.С.).

Избрание снова не состоялось.

Как бы ни был Вавилов ослеплен энергией, проявляемой Лысенко, он не мог не понимать, что не прошедший через публикации, то есть через контроль научных рецензентов, через проверку в других лабораториях материал не подлежит оценке вообще. Не подтвержденные в независимо проведенных экспериментах идеи Лысенко оставались вещью в себе. Нарушать этику науки всегда опасно, и история науки хранит много примеров на этот счет. Какой бы ни был поднят шум вокруг имени новатора, критерии научного творчества должны были оставаться незыблемыми и для Лысенко и, если уж говорить откровенно, для любого его покровителя, как бы высоко он не находился в данный момент в системе научной иерархии. В
главе VI будет показано, основываясь на документальных свидетельствах тех лет, что никакого посева на миллионе гектаров яровизированных семян никогда, ни в один год не было. Создав свой особый -- анкетный метод сбора данных о результатах яровизации, Лысенко открыл возможности для безудержной фальсификации отчетности малограмотными счетоводами колхозов, в то же время отлично понимавшими, в какую сторону лучше приврать. Как мог Вавилов -- лучше чем кто-либо в СССР информированный о состоянии дел с растениеводством -- не знать истинного положения дел, остается совершенно непонятным! Столь же наивной выглядела в отзыве Вавилова фраза об уже достигнутых практических успехах в выращивании картофеля по методу Лысенко: как мы увидим ниже, никаких успехов не было даже на бумаге, и Вавилов обязан был это знать.

В то самое время, когда Вавилов расточал комплименты в адрес выдвиженца "из народа", сам выдвиженец даже не скрывал своего полупрезрительного отношения к серьезной науке. Например, в том же месяце, когда Вавилов выставлял кандидатуру Лысенко в члены-корреспонденты АН СССР (февраль 1934 года) Лысенко заявил на заседании в ВАСХНИЛ в присутствии Вавилова:

"Лучше знать меньше, но знать именно то, что необходимо практике, как на сегодняшний день, так и на ближайшее будущее" (73).

Бахвальство недостатком знаний -- такое поведение не могло не настораживать ученых, и мы видим, что раз за разом они выказывают Лысенко свое отношение: проваливают его и в члены-корреспонденты, и в академики, и в лауреаты. И лишь Вавилов ничего не видит и не слышит. Несерьезная бравада пролетает мимо его ушей, ошибки в методике остаются незамеченными, нечисто поставленные опыты не задерживают на себе внимание. В 1934 году на Конференции по планированию генетико-селекционных работ он сказал:

"Может быть ни в каком разделе физиологии растений не происходит таких серьезных сдвигов, как в этой области (т.е. в вегетационном периоде). Мы считаем в этом отношении работу Т. Д. Л ы с е н к о выдающейся" (74).

"Сравнительно простая методика яровизации, возможность широкого применения ее, открывает широкие горизонты. Исследование мирового ассортимента пшениц и других культур под действием яровизации вскрыло факты исключительного значения. Мировой ассортимент пшеницы под влиянием простой процедуры яровизации оказался совершенно видоизмененным" (75).

Более всего в этом пассаже поражает ложный пафос: никакого СОВЕРШЕННОГО видоизменения мирового ассортимента на деле еще не произошло. Было другое -- обычное преувеличение и искажение результатов агрономом Лысенко. Однако этого Вавилов замечать не хотел{9} . В мае 1934 года он, "докладывая... в Совнаркоме о достижениях ВАСХНИЛ как Президент ВАСХНИЛ, снова подчеркнул заслуги Лысенко" (76).

23 мая 1934 года Вавилов как член Всеукраинской Академии Наук (ВУАК) направил ее президенту А.А.Богомольцу письмо с выдвижением в академики "по биологическим или по техническим наукам" Лысенко.

"Работы Трофима Денисьевича за последнее время являются безусловно исключительно выдающимися как в области агрономии, так и в области биологии. Они затрагивают широкий круг явлений как физиологии растений и селекции, так и всего растениеводства. Совершенно бесспорно можно утверждать в настоящее время, что это открытие является исключительно плодотворным, вносящим новый принцип в управление растением.

Как показывают работы Л.С.БЕРГА, метод яровизации может быть, повидимому, использован и применительно к зоологии /установление озимых, яровых рас рыб/.

Открытие Трофима Денисьевича настолько общеизвестно, что его не приходится излагать: оно уже имеет в настоящее время многостороннее значение:

1) Прежде всего оно дает возможность ускорять рост наших обычных сортов и практически уже применяется в нынешнем году на площади в миллион га.

2) Оно открывает исключительные возможности по овладению мировыми сортовыми растительными ресурсами, позволяя ныне селекционеру использовать огромный растительный материал, который был ранее практически почти недоступен. Уже в настоящее время, пользуясь методом яровизации, мы можем под Ленинградом выращивать средиземноморские формы пшениц и ячменей.

1){10} Для гибридизации метод ЛЫСЕНКО открывает исключительные возможности, Возможно, что при дальнейшем углублении разработки метода яровизации он окажется применим и к древесным растениям и к многолетним травянистым растениям. Он затрагивает область биохимических изменений.

Можно сказать определенно, что в области биологии растений -- а косвенным образом и в селекции -- открытие Т.Д.Лысенко является крупнейшим событием в мировой науке...

ЧЛЕН ВСЕУКРАИНСКОЙ

АКАДЕМИИ НАУК /Н.Вавилов/" (78).

После этого перед Лысенко открывается гладкая дорога в в самый элитарный круг советских ученых. 27 мая 1934 года (почему-то на следующий день после проведенного для всех

кандидатов тура голосования) он оказывается избранным сразу в академики Всеукраинской Академии наук (а не в члены-корреспонденты для начала, как это обычно бывает)!

27 октября 1934 года на заседании дирекции ВИР, проходившем под председательством Вавилова, был рассмотрен важный вопрос об издании в стране нового журнала по селекции, который должен был быть "не исключительно Института Растениеводства, а системы селекционных учреждений Союза" (79). В своем вступительном слове Вавилов сообщил "о необходимости создания центрального журнала по селекции, по типу немецкого журнала "Der ZБchter"... в Редакционную Коллегию необходимо привлечь крупных селекционеров Союза... Организацию всего дела можно поручить Ин-ту Растениеводства" (80). В принятом постановлении было решено срочно приступить к изданию журнала, и "Наметить в Редакционную Коллегию журнала следующих лиц: Г.К.Мейстера, П.И.Лисицына, П.Н.Константинова, Т.Д.Лысенко, А.А.Сапегина. Н.И.Вавилова, Г.Д.Карпеченко, К.И.Пангало, В.Е.Писарева" (81). Каждый из предложенных членов редколлегии действительно относился к видным специалистам по селекции, кроме Лысенко.

Крупным вкладом в мировую науку стало издание в 1935 году под руководством Вавилова капитального трехтомного труда "Теоретические основы селекции растений", в котором ведущие ученые страны и он сам представили обзоры состояния науки в селекции, семеноводстве, генетике, цитологии, иммунологии и других. К написанию статей в сборник все авторы подходили серьезно, был дан взвешенный анализ мировых достижений науки. Ко времени окончания работы над трехтомником Лысенко уже должен был раскрыться в глазах Вавилова не только как далекий от науки человек, но и как обманщик, и просто как человек очень некультурный. Ведь уже было ясно, что яровизация провалилась и что большинство других предложений Лысенко оказались пустышками. Во время июньской 193-5го года выездной сессии ВАСХНИЛ в Одессе Лысенко бахвалился своими мнимыми заслугами и буквально шпынял академиков за их позицию по отношению к нему. Любому грамотному человеку становилось понятно, что за личность представлял собой этот "народный выдвиженец". Тем не менее в предисловии к этому капитальному труд , написанном самим Вавиловым, говорилось, что авторами

"... особое внимание уделено методологии селекции на иммунитет к заболеваниям, на физиологические свойства засухоустойчивости и зимостойкости, на химический состав и проблеме вегетационного периода, получившей новое освещение в последние годы в результате работ акад. Т.Д.Лысенко" (82).

Во вводной статье к первому тому, также принадлежащей перу Вавилова, утверждалось, что яровизация сыграет огромную роль в селекции (83). А в следующей статье "Ботанико-географические основы селекции", также написанной им, был специальный раздел "Метод яровизации и его значение в использовании мировых растительных ресурсов", и в нем раскрывалось совершенно ясно то значение, которое Вавилов уделял работе Лысенко как способу, с помощью которого удастся включить в селекционную работу коллекцию семян ВИР:

"Учение Лысенко о стадийности открывает исключительные возможности в смысле использования мирового ассортимента" (84).

"Метод яровизации, установленный Т. Д. Л ы с е н к о, открыл широкие возможности в использовании мирового ассортимента травянистых культур. Все наши старые и новые сорта, так же, как и весь мировой ассортимент, отныне должны быть исследованы на яровизацию, ибо... яровизация может дать поразительные результаты, буквально переделывая сорта, превращая их из непригодных для данного района в обычных условиях в

продуктивные высококачественные формы...".

"Мы несомненно находимся накануне ревизии всего мирового ассортимента культурных растений... Метод яровизации является могучим средством для селекции".

"Для подбора пар при гибридизации учение Лысенко о стадийности [выделено мной -- В.С.] открывает также исключительные возможности в смысле использования мирового ассортимента" (85).

Кроме того, в этом томе была специальная статья "Значение яровизации для фитоселекции", написанная Сапегиным (86), в которой, правда, была дана достаточно осторожная оценка вклада Лысенко в изучение этого явления. О работах Лысенко говорили и авторы других статей (87). В одной из них, написанной А.И.Басовой, Ф.Х.Бахтеевым, И.А.Костюченко и Е.Ф.Пальмовой, не только приводились слова Н.И.Вавилова, но и давалась собственная оценка:

"Лишь Т.Д.Лысенко в своей теории стадийного развития растений (яровизация) по сути дела дал наиболее правильное направление к разрешению проблемы вегетационного периода" (88).

Имя Лысенко было упомянуто только в первом томе 29 раз (!); с ним конкурировали лишь Дарвин (27 цитирований) и сам Вавилов (55 упоминаний).

Как мы увидим в главе VII, многие крупные ученые открыто критиковали Лысенко в 1935 году (в год выхода в свет 1-го тома данного труда) за неудачи с яровизацией (особенно сильно академики П.Н.Константинов и П.И.Лисицын), но это не изменило отношения Вавилова к нему. Совершенно поразительно звучат слова из выступления Вавилова на заседании Президиума ВАСХНИЛ 17 июня 1935 года:

"ЛЫСЕНКО ОСТОРОЖНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ТАЛАНТЛИВЕЙШИЙ, ЕГО ЭКСПЕРИМЕНТЫ БЕЗУКОРИЗНЕННЫ" (89).

Это было далеко не единичным высказыванием в 1935 году, продиктованным, как кое-кто считает, желанием соответствовать принятому руководством страны курсу на поддержку "новаторов". Другие печатные и устные высказывания Вавилова в 1935 году показывают, что он и впрямь видел в яровизации серьезный научный прорыв. Так, сразу в двух номерах "Правды" за 28 и 29 октября 1935 года была опубликована большая статья Вавилова "Пшеница в СССР и за границей" (90), в которой были приведены статистические данные, ссылки на американские, английские и немецкие работы. Ученый давал прогноз того, как должна строится культура главного хлебного злака в СССР. В этой солидной по размеру статье восхваления Лысенко были продолжены:

"Учение о стадийности открыло новые возможности по правильному подбору наиболее интересных пар для получения в короткий срок необходимых нам сочетаний свойств. Одной из заслуг этого учения является доказательство, что в селекции путем гибридизации можно итти не только путем подбора лучших родительских форм для данных условий, а также путем выбора для скрещивания самих по себе малоценных растений в этих условиях, но дающих ценнейшее потомство. Это дает возможность использования мировых ресурсов пшеницы" (91).

Через месяц, выступая 27 октября 1935 года с докладом "Пшеница советской страны" на

сессии ВАСХНИЛ (92), Вавилов повторил еще раз полюбившееся им утверждение о помощи "теории стадийного развития" в использовании мировой коллекции растений:

"Учение о стадийности открыло новые возможности по правильному подбору наиболее интересных пар... Это открывает возможность широкого использования мировых сортовых ресурсов пшеницы" (93).

Перед встречей нового, 1936-го года, Сталин распорядился провести в Кремле встречу руководителей партии и правительства с передовыми колхозниками. Это уже была вторая подобная встреча Сталина в этом году. Были приглашены на встречу и Вавилов с Лысенко. Николай Иванович выступал по традиции от имени Академии сельхознаук и с воодушевлением стал говорить о том, насколько замечательной представляется ему деятельность колхозников-опытников, избачей, якобы всемерно содействующих работе серьезных ученых, какое это счастье трудиться в науке рука об руку с простыми крестьянами, выразил он и самые восторженные чувства к Лысенко:

"Я должен отметить блестящие работы, которые ведутся под руководством академика Лысенко. Со всей определенностью здесь должен сказать о том, что его учение о стадийности -- это крупное мировое достижение в растениеводстве (Аплодисменты). Оно открывает, товарищи, очень широкие горизонты. Мы даже их полностью не освоили, не использовали полностью этот радикальный новый подход к растению...

Я, может быть, больше, чем кто-либо другой, в последние годы занимался почти фанатически сбором, изъятием со всего земного шара всего ценного по всем культурам... Только тов. Лысенко понял, что получить ценные сорта можно часто из двух несходных географически далеких, казалось бы, мало пригодных сортов; их сочетание дает именно то, что нам нужно{11} .

...И у нас... уже... появляются стахановцы с.-х. науки. Это движение еще только в начале…

Одно стало совершенно ясно для нас, что все эти сдвиги, все крупные достижения, взрывы в научной мысли получают свой смысл только тогда, когда они умножаются на колхозную массу...

Хаты-лаборатории... -- это новое звено, связывающее науку с производством. В этом [единении с колхозниками -- В.С.] -- весь смысл наших общих огромных успехов.

От себя лично и от коллектива руководимого мною Института растениеводства и всей нашей Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина я хочу сказать, что мы считаем за великое счастье работать вместе с вами, итти с вами нога в ногу, учиться у вас. (Бурные аплодисменты). Мы хотим учиться у вас и учить вас. (Аплодисменты)... Долг настоящего ученого в советской стране -- дать возможно больше социалистической культуре и возможно лучше.

Идя к единой определенной цели -- созданию новой, величайшей социалистической культуры, под руководством великого Сталина, под руководством коммунистической партии, мы надеемся, что с честью выполним задание, которое на нас возложил товарищ Сталин. (Аплодисменты)" (94).

Кстати, Сталин демонстративно вышел из зала, как только на трибуну поднялся Вавилов (95). Конечно, сегодня многие из тех, кто пишут о Вавилове и пытаются осмыслить его поступки, говорят, что такие слова, произнесенные на совещании, созванном Сталиным, пусть даже в

его отсутствие, были разумным средством самосохранения. Сложившаяся в стране обстановка благоволения властей к выходцам из низов могла диктовать свои условия. Не хвалить людей типа Лысенко и крестьян-избачей могло быть уже не безопасно. Однако на этой же встрече пример совершенно другого рода дал академик Дмитрий Николаевич Прянишников (96). Он говорил действительно о науке, о ее задачах, о возможностях подъема продуктивности полей, совершенно не касался мифического вклада в науку полуграмотных знатоков и умельцев из хат-лабораторий. Характерно, что, даже заканчивая свою речь, Прянишников не прибегнул к вроде бы обязательному штампу и никаких здравиц в честь Сталина и коммунистической партии не произнес. В то же время вряд ли Вавилов лишь играл в уважение к Лысенко, желая показаться лучше, чем он был на самом деле. Против столь простого объяснения говорят другие высказывания, которые Вавилов делал в совсем узком кругу, с глазу на глаз с ближайшими к нему людьми, когда он высказывался о Лысенко более, чем благосклонно. О таком отношении, в частности, говорила А.А.Прокофьева-Бельговская в 1987 году, когда она вспоминала что даже в 1936 году Вавилов, обращаясь к ней и к Герману Мёллеру в их лабораторной комнате в Институте генетики в Москве, повторял не раз, как и прежде, что Лысенко -- талант, умница, но не обучен тонкостям науки, и надо прилагать усилия к тому, чтобы обучать его всеми доступными средствами.

О решающей роли именно Вавилова в выдвижении Лысенко на ведущие позиции в научной среде говорили и многие другие люди, бывшие свидетелями поведения Вавилова. Так, ближайший его сотрудник, с которым у Вавилова были чисто дружеские отношения, Е.С.Якушевский, утверждал:

"Я считаю, что Николай Иванович сделал серьезную ошибку в конце 20-х годов, поддержав Т.Д.Лысенко: который оказался для науки человеком неподходящим, а скорее -- гибельным. Он был очень самолюбивый и завистливый и не терпел всех, кто был выше его в интеллектуальном отношении. И хотя Вавилов способствовал научной карьере Лысенко, последний, после того как связался с И.И.Презентом, начал борьбу против Вавилова" (97).

То же утверждал Дубинин, лично наблюдавший развитие взаимоотношений Вавилова и Лысенко:

"Когда Лысенко появился на горизонте, то Вавилов его поддержал, причем эта поддержка не соответствовала достижениям Лысенко. Вавилов говорил, что достижения Лысенко таковы, каковых нет в мировой генетике. Это, конечно, было преувеличением" (98).

Лысенко становится руководителем научного института

Поддержка, оказанная Лысенко Вавиловым от лица науки, была неоценимой. Но не только из научных сфер черпал силы агроном. Всё больше тянул его наверх могущественнейший человек из сталинского окружения Яковлев. Так, 29 января 1934 года в речи на XVI съезде ВКП(б) он при Сталине и других руководителях партии во всеуслышанье охарактеризовал Лысенко как лучшего деятеля сельскохозяйственной науки:

"Наконец, с большим, правда, трудом, мы установили такой порядок, что молодые специалисты, кончающие вузы, -- а они социально гораздо более близкие нам элементы, чем предыдущее поколение специалистов, -- целиком направляются на работу только в районы и МТС. Имеем же мы директора хлопкового совхоза Пахта-Арал товарища Орлова..., таких людей, как агроном Лысенко, практик, открывшей своей яровизацией растений новую главу в жизни сельскохозяйственной науки, к голосу которого теперь прислушивается весь агрономический мир не только у нас, но и за границей, таких людей как агроном Эйхфельд, доказавший на примере своей работы полную возможность широкого развертывания

земледелия за Полярным кругом.

Это и есть те люди..., которые станут костяком настоящего большевистского аппарата, создания которого требует партия, требует товарищ Сталин. Одновременно надо выгонять негодных людей, но не путем общей чистки, как это было раньше, а путем индивидуальной проверки негодных..." (99).

Будучи обласкан высшими властями, Лысенко, со своей стороны, не сидел сиднем, а наращивал капитал. Он не только переезжал с конференции на конференцию, с совещания на совещание, но и печатал одну за другой статьи. Ведь с 1932 года благодаря решению Наркомзема СССР он начал выпускать собственный журнал "Бюллетень яровизации", издаваемый за государственный счет и предназначенный для освещения личных успехов. В нем Лысенко в 1932-1933 годах публикует девять статей (одну совместно с Долгушиным). Статьи эти ни в коем случае нельзя было назвать научными: в них приводились таблицы собранных по колхозам данных, инструкции о том, как на практике осуществлять яровизацию пшениц, картофеля и других культур. Словом, это были полупроизводственные, полуагитационные материалы. Но, тем не менее, на титульном листе "Бюллетеня" значилось:

"У.С.С.Р. - Н.К.З. - Всеукраинская академия

сельскохозяйственных наук{11}

УКРАИНСКИЙ ИНСТИТУТ СЕЛЕКЦИИ{12}",

а в аннотации к выпускам журнала можно было прочесть:

"В "Бюллетене яровизации" будут широко освещены достижения научно-исследовательских работ лаборатории т. Лысенко Т.Д. по вопросам регулирования вегетационного периода с.-х. растений. Проведение опытов по яровизации в колгоспах{13} и совхозах (инструктирование, достижения). Выходит двумя изданиями на украинском и русском языках" (100).

Такое прикрытие давало Лысенко право рассматривать свои статьи как научные и подавать их широкой публике как последнее слово науки. Кроме того, он выпускает в Харькове на украинском языке, а затем дважды перепечатывает на русском маленькую брошюрку "Яровизация сельскохозяйственных растений", ее переводят на марийский, белорусский и немецкий языки (последнее издание делают для ознакомления с яровизацией немцев Поволжья -- брошюру выпускают в городе Энгельсе на Волге, столице тогдашней Республики Немцев Поволжья). В Харькове выходит написанная совместно с женой, А.А.Басковой, брошюрка "Яровизация и глазкование картофеля" на 16 страничках. Кроме того, вместе с Долгушиным Лысенко издает две инструкции для колхозников о яровизации пшениц, одну инструкцию о хлопчатнике, в журнале "Семеноводство" -- свою статью о возможной роли яровизации в селекции растений, к этому он добавляет записи четырех его выступлений (на конференции в Харькове в сентябре 1931 года; на встрече с комсомольцами; на конференции по плодоводству в Мичуринске и на коллегии Наркомзема в Москве)... и буквально за год он превращается из подающего надежды практика в солидного (ПО ЧИСЛУ ПУБЛИКАЦИЙ) ученого, имеющего 48 "трудов" (а с газетными статьями -- аж ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЬ "ТРУДОВ"!).

Избрание его украинским академиком завершает столь для Лысенко успешный процесс вхождения в научную элиту.

Сразу после избрания академиком пресса стала восхвалять его еще более неумеренно.

Например, в четвертом номере всесоюзного журнала "На стройке МТС и совхозов" за 1934 год на 16 страницах было помещено свыше 40 снимков, иллюстрирующих работу Одесского института (101). Слов нет, когда-то этот институт действительно был одним из ведущих центров селекционной и исследовательской работы, в нем были получены хорошие сорта, были выполнены интересные разработки в области генетики растений. Уже упоминалось, что прежним директором института Сапегиным здесь впервые были предприняты попытки получить радиационные мутанты растений. Фотография рентгеновской установки также приводилась в очерке, но главный упор делался отнюдь не на эти, на самом деле, выдающиеся и многообещавшие работы, а на примитивные и по замыслу и по результатам попытки Лысенко, выставляемые теперь на передний план:

"Основным достижением института селекции являются замечательные работы агронома Т.Д.Лысенко в области физиологии развития растений. Т.Д.Лысенко -- крестьянин Полтавщины -- избранный за свои работы членом Всеукраинской Академии Наук, создал теорию стадийного развития... теория... дает возможности создавать новые сорта сельскохозяйственных растений сознательно, с предвидением результатов.

Применение открытий Т.Д.Лысенко позволяет с уверенностью ожидать, что в ближайшие два-три года институт селекции даст новые сорта яровой пшеницы, ячменя, картофеля, хлопчатника, клещевины, кунжута и других культур, обеспечивающие высокие устойчивые урожаи в условиях украинской степи" (102).

Обыгрывание деталей социального происхождения и даже намеренные ошибки в биографии Лысенко (все-таки он сделал свое "открытие" не в то время, когда был крестьянином, а когда уже имел диплом о высшем образовании) служили одной цели -- прославлению кадровой политики новой власти.

Известный цинизм был и в том месте, где сообщалось о грядущих успехах. Специалистам, со слов которых корреспонденты только и могли выдавать информацию о том, что ждет народ в будущие два-три года, было ясно, что никоим образом новые сорта перечисленных культур не могут быть получены за такой короткий срок. А по некоторым культурам даже и предварительная работа не началась. Все эти обещания были заведомой ложью. Но факт оставался фактом -- в украинские академики Лысенко пройти сумел, а теперь уже прикрытый высоким титулом, он мог вести себя более свободно, и к каждому его слову с этой поры прислушивались с особым подобострастием. Каждое слово исходило от выдающегося ученого, облеченного высоким доверием не только властей, но и коллег.

В том же 1934 году Лысенко не только закрепил свое номинальное лидерство в Украинском институте селекции, но и фактически стал главой этого крупного научного центра. По приказу свыше его назначают научным руководителем института -- пока только научным руководителем. Директорский пост он займет через два года.

Примечания и комментарии

к главе III

1 Максимилиан Волошин. Магия. 1923. Цитировано по кн.: Стихотворения. Изд. "Советский писатель", Ленинград, 1982, стр. 279.

2 В.П.Эфроимсон. Авторитет, а не автритарность. Журнал "Огонек", 11 марта 1989 г., № 11 (3216), стр. 10

3 ЦГАНТД СПб, ф. 318, оп.1-1, д. 230, л. 95. В книге Е.С.Левиной "Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский", М., Изд. "Аиро-XX",1995 (стр. 57) дана ссылка на стенограмму этого заседания (ссылка № 51) и затем приведена библиографическая справка, что стенограмма хранится ЦГАНТД СПБ и указаны следующие данные о нахождении данного документа в архиве: ф. 318, оп 1, д. 230, л. 9-5116. (см. стр. 87 книги Левиной). Однако данная Левиной библиографическая справка неверна, так как в данном деле в ЦГАНТД СПБ не существует листов 99-116.

4 Там же, стр 95, оборот листа.

5 Там же.

6 Там же, стр.96.

7 Там же.

8 Там же, л. 96 об.

9 Там же.

10 Там же.

11 Там же, л. 96 об -- 97.

12 Там же, л. 97.

13 Там же, л. 97 об.

14 Об этом одобрении неоднократно сообщалось в лысенковском журнале "Бюллетень яровизации" в 1932 году, см. № 1 и 2.

15 См. газету "Социалистическое земледелие", 24 февраля 1931 г., №54 (616), стр. 3.

Пространный отчет о заседании Президиума ВАСХНИЛ был напечатан под следующим заголовком: "Посевы озимых весной по методу агронома Лысенко себя оправдали. Доклад тов. Лысенко в президиуме Академии с.-х. наук им. Ленина". Ниже были два подзаголовка:

"Яровизация семян превращает позднеспелые сорта в ранние" и

"Опыты тов. Лысенко создадут переворот в зерновом хозяйстве нашей страны".

16 Там же.

17 Лысенко в статье о предварительных итогах яровизации (см. прим. /117/ в главе I) писал:

"Плановое задание по опытно-хозяйственным посевам яровизированных яровых пшениц в 1932 г. было: по линии Союзного Наркомзема -- 10.000 га, по линии Наркомзема УССР -- 100.000 га" (стр. 3).

18 Постановление Коллегии Наркомзема СССР от 9 июня 1931 года, протокол №33. Опубликовано в журнале "Бюллетень яровизации", 1932, вып. 1, стр. 71-72.

19 Проф. В. Румянцев. К пленуму президиума Академии с.-х. наук им. Ленина. Ближайшие задачи советской науки. Газета" Социалистическое земледелие", 3 августа 1931 г.,

№212 (774), стр. 2.

20 Там же.

21 Т.Д. Лысенко. Яровизация и плодоводство. Журнал "Плодоовощное хозяйство", 1934, №11, стр. 50-51.

22 Н.И.Вавилов. Селекция как наука. В кн. "Теоретические основы селекции растений", т 1, Гос. изд-во совхохно и колхозной литературы, М.--Л., стр. 1-14.

23 Расширить посевные площади под чистосортными и улучшенными семенами. Решение Совета Труда и Обороны". Газета "Правда", 9 июля 1929 г., №154 (4288), стр. 5. В решении, в частности, говорилось:

"Одним из важнейших условий, способствующих повышению урожайности, является применение чистосортных и улучшенных семян. РСФСР в этом отношении имеет значительные достижения. СТО (Совет по трууа и обороеы -- В.С.) принял решение о необходимости дальнейшего расширения площадей, занятых посевами чистосортных и улучшенных семян".

24 См. газету" Социалистическое земледелие", 13 сентября 1931 года, №253 (815),

стр. 2-3.

25 Академик Н.И. Вавилов. Новые пути исследовательской работы по растениеводству. Доклад

на коллегии НКЗ СССР. Газета" Социалистическое земледелие", 13 сентября 1931 года, №253 (815), стр. 2. В докладе были освещены (кроме раздела о яровизации) следующие вопросы: порайонная агротехника сельскохозяйственных культур, поиск новых растений для введения их в культуру, использование пшениц Палестины, Сирии, Марокко для улучшения отечественных сортов, улучшение методов гибридизации, привлечение таких методов как гетерозис и рентгенизация семян для получения мутантов, о работах Л.Бербанка и И.В.Мичурина, о работе Г.Д.Карпеченко.

26 Отзыв Н.И.Вавилова "о работе заведующего электро-биологической лабораторией ВИРа тов ГАМАНА, А.Н." (без даты, но описывающий ситуацию в 1934 году) находится в Архиве ВИР (фонд -, оп. 2-1, дело 250, л. 11-12), там же хранится документ со следующей записью:

"Гаман АнатолийНиколаевич отстранен с 17/XI- 34 от занем. должн. с прекращением выплаты зарплаты ввиду неявки на работу вследствие ареста" (Там же, л. 25 и 25 об.).

27 См. прим. /25/, стр. 2.

28 Там же, стр 3.

29 Там же.

30 Там же.

31 "О селекции и семеноводстве". Постановление Президиума ЦКК ВКП(б) и Коллегии НК РКИ СССР по докладу РКИ РСФСР. Газета "Правда", 3 августа 1931 г., №212 (5017), стр. 3.

32 См. прим. /25/.

33 Там же.

34 Там же.

35 Там же.

35 Там же.

36 Там же.

37 См. журнал "Бюллетень яровизации". 1932, №1, стр. 71-72.

38 Об этом писал Н.П.Дубинин в мемуарной книге "Вечное движение", М. Политиздат, 1973; на

сведения, полученные от генетиков старшего поколения ссылается М.А.Поповский в книге "Надо спешить". Изд. "Детская литература", М., 1968, стр. 119-120.

39 Газета "Смена", 11 января 1929 г. Рукопись статьи хранилась в Ленинградском Государственном Архиве Октябрьской Революции и Социалистического Строительства (ЛГАОРСС), фонд ВИР, № 9708, дело 258, лист 22.

40 Т.Д. Лысенко. Физиология развития растений в селекционном деле. Журнал "Семеновод-

ство", 1934, № 2, стр. 20-21. Эта же статья перепечатана в книге "Стадийное развитие растений", М., 1952, стр. 304. См. также: Т.Д.Лысенко. Основные результаты работ по яровизации сельскохозяйственных растений. Журнал "Бюллетень яровизации", 1932, № 4, стр. 3-57 (на русском и украинском языках), перепечатана в книге "Стадийное развитие растений", 1952, стр. 270-271.

41 См. в статье: А.П. Басова, Ф.Х.Бахтеев, И.А. Костюченко, Е.Ф. Пальмова. Проблема вегетационного периода в селекции. В кн.: "Теоретические основы селекции растений", Госуд. изд. сельскохозяйственной и колхозной литературы, М.-Л., 1935, стр. 865.

42 М.А.Поповский ссылается на документы, хранящиеся в Архиве АН СССР (Ленинград. отделение),
фонд 803, оп. 1, дело 73.

43 М.А. Поповский. 1 000 дней академика Вавилова. Журнал "Простор", Республиканское газетно-журнальное издательство при ЦК КП Казахстана, Алма-Ата, 1966, № 7 (июль), стр. 4-27 и № 8 (август), стр. 98-118. Все цитаты в дальнейшем будут приведены из № 7.

44 Ж.А.Медведев. У истоков генетической дискуссии. Журнал "Новый мир", 1967, № 4, стр. 226-234.

45 Н.П.Дубинин. Вечное движение, см. прим. (38), стр. 163-164.

46 М.А.Поповский. Дело академика Вавилова. Изд. "Hermitage", Тенафлай, США. 1983.

47 Письмо д-ра Рабата Вавилову , письмо № 508 в книге "Николай Иванович Вавилов. Научное наследие в письмах. Международная переписка. Том II, 1927-1930", М., Изд. "Наука", 1997, стр. 389.

48 Письмо Вавилова Рабату, там же, стр. 104, письмо №".

49 Выступая на Президиуме ВАСХНИЛ, Лысенко сказал:

"Многие сорта злаков (озимых, полуозимых) при весеннем посеве не могут переходить или слишком поздно переходят к стадии плодоношения из-за отсутствия в полевой обстановке соответствующих температур. Хлопчатник и многие другие теплолюбивые растения вне хлопковых районов не переходят или поздно переходят в стадию плодоношения по той же причине. Многочисленные опыты со злаками показали, что соответствующую температуру, которой не хватает в полевой обстановке, можно дать посевному материалу до посева и этим заставить растения плодоносить в тех полевых условиях, в которых они не плодоносят".

Архив ВАСХНИЛ, Протоколы Заседаний Президиума, выступление Т.Д. Лысенко 20.II.1931, опись 141, связка 17, лист 19.

50 Архив ВАСХНИЛ, опись 141, связка 17, дело 35, лист 18.

51 Н.И.Вавилов. Письмо агроному И.Г.Эйхфельду в Хибины, ЛГАОРСС, фонд ВИР, № 9708, дело 409, лист 155, письмо от 11 ноября 1931 г.

52 Академик И.Г. Эйхфельд. Полярное земледелие. Газета "Правда", 8 мая 1936 г., № 125 (6731), стр. 6.

53 ЦГАНТД Спб, фонд 318, оп. 1-1, дело 470, л. 56.

54 Письмо Вавилова Лысенко, там же.

55 Письмо Вавилова Степаненко, там же, л. 55.

56 Там же.

57 Из письма Вавилова Н.В.Ковалеву. ЛГАОРСС, фонд ВИР, дело 469, л. 24-25.

58Н.И. Вавилов. Цитиров. в обратном переводе из: The Scientific Monthly, July 1949, p. 367.

59 Письмо Н.В.Ковалеву от 9 августа 1932 г., фонд ВИР, № 9708, дело 469, лист 36.

60 См. статью: O.Munerati. Il pre-tratlamento della Sementi Secondo in metodo del dott. Lyssenko. Gionalo di Agricultura della Domenica, Piacensa, 1933, Anno 43, №27, 263.

61 Цитиров. М.А. Поповским в его книге "1000 дней академика Вавилова", см. прим. /43/, из статьи Роберта Кука, опубликованной в The Scientific Monthly, июль 1949.

62 Акад. Н.И.Вавилов. По Северной и Южной Америке (из отчета о заграничной командировке). Газета "Известия", 29 марта 1933 г., № 64 (5015), стр. 2.

63 Н.И.Вавилов. Проблема новых культур. М.--Л., 1932. Перепечатано в -5м томе Избранных трудов, изд. "Наука", М. - Л., 1965, стр. 536-571, цитата взята со стр. 547.

64 А.Савченко-Бельский. Яровизацию продвинуть в массы. Газета "Соцземледелие", 10 декаб-

ря 1933 г., № 283 (1492), стр. 2.

65 Там же.

66 Там же.

67 П.Яхтенфельд (Прикумск, Сев. Кавказ). Дорогу яровизированному хлопку. Газета "Социалистическое земледелие", 20 декабря 1933 г., № 291 (1500), стр. 3.

68 Там же.

69 ЛГАОРСС, фонд ВИР, дело 673, л. 3.

70 ЦГАНТД Спб, ф. 618, оп. 1-1, д. 52, л. 12.

71 Цитировано по "Положению о премиях имени В.И.ЛЕНИНА за научные работы", хранящемся в Архиве ВИР, оп.1, д. 15, лл. 118-120.

72 ЦГАНТД Спб, ф. 618, о. 1-1, д. 52, л. 12 (ранее хранилось в ЛГАОРСС, фонд ВИР, № 9708, дело 667, лист 28), письмо напечатано на бланке академика Н.И.Вавилова 8 февраля 1934 г.

73 Архив ВАСХНИЛ, опись 450, связка 196, дело 43, лист 21.

74 См. прим. (43).

75 Там же.

76 См. прим. (46), стр. 17.

77 ЦГАНТД Спб, ф. 318, оп. 1-1, д.667, л.28.

78 ЦГАНТД Спб, ф. 318, оп. 1-1, д.667, л.28-29.

79 Протокол совещания при директорате Всесоюзного Ин-та Растениеводства об издании цент-

рального журнала по селекции 27 октября 1934 г. ЦГАНТД Спб, ф. 318, оп. 1-1, д. 647, лл. 60-60 об. Хранящийся в архиве протокол содержит собственноручные пометы Вавилова и его подпись.

80 Там же, лист 60.

81 Там же, л. 60-об.

82 Н.И. Вавилов. Предисловие к I т ому "Теоретических основ селекции растений", Гос. изд.

с.-х. совхозной и колхозной лит-ры, М.-Л., 1935, стр. XV.

83 Н.И. Вавилов. Селекция как наука. Там же, стр. 10 и 12.

84 Н.И. Вавилов. Ботанико-географические основы селекции. Там же, стр. 72.

85 Там же.

86 А.А. Сапегин. Значение яровизации для фитоселекции. Там же, стр. 807-814. О работе Лы-

сенко говорилось в других статьях тома: В.С.Федоров и И.М.Еремеева. Внутривидовая гибридизация, стр. 388-389; Л.И.Говоров. Селекция на засухоустойчивость (в этой статье был специальный раздел "Яровизация как метод селекции на засухоустойчивость", стр. 837-838); его же: Селекция на зимостойкость, в которой говорилось: "Важными... для понимания морозостойкости являются исследования о стадиях развития", стр. 849.

87 См. там же, стр. XV, 72, 388, 389, 807-814, 864-866, 877, 881, 891 и др., на некоторых страницах ссылки на Т.Д.Лысенко даны неоднократно.

88 А.П. Басова, Ф.Х. Бахтеев, И.А. Костюченко, Е.Ф. Пальмова. Проблема вегетационного периода в селекции. Там же, стр. 865.

89 Доклад Н.И. Вавилова на заседании Президиума ВАСХНИЛ 17 июня 1935 года, Архив ВАСХНИЛ, опись 450, л. 192, д. 3.

90 Н.И.Вавилов. Пшеница в СССР и за границей. Газета "Правда", 28 октября 1935 г., №298 (6544), стр. 2-3 и №299 (6545), стр. 2-3.

91 Там же. См. выпуск газеты от 29.X.35 г., №299 (6545), стр. 3.

92 Пшеница советской страны. Доклад на сессии ВАСХНИЛ. Газета "Социалистическое земледелие", 29 октября 1935 г., № 227 (2036), стр. 3.

93 "Важнейшие вопросы октябрьской сессии Академии с.-х. наук. Беседа с вице-президентом академии Н.И.Вавиловым". Газета "Социалистическое земледелие", 18 октября 1935 г., №218 (2027), стр. 3.

94 Акад. Н. И. Вавилов. Речь на Совещании передовиков урожайности по зерну, трактористов и

машинистов молотилок с руководителями партии и правительства, произнесенная 29 декабря 1935 г. Газета "Правда", 2 января 1936 г., №2,(6608), стр. 2.

95Личное сообщение академиков ВАСХНИЛ И.Е.Глущенко и Н.В.Турбина.

96 Д.Н. Прянишников. Речь на Совещании передовиков урожайности. Газета "Правда", 3 января 1936 г., № 3 (6609), стр. 4.

97 Д.В.Лебедев, Э.И.Колчинский. Последняя встреча Н.И.Вавилова с И.В.Сталиным (Интервью с Е.С.Якушевским). В сб. "Репрессированная наука", вып. II, Изд. "Наука", СПБ, 1994, стр. 219.

98 Е.Б.Музрукова, В.И.Назаров, Л.В.Чеснова. Из истории советской генетики (Интервью с академиком Н.П.Дубининым). Там же, стр. 245.

99 Я.А. Яковлев. Речь на XVII съезде ВКП(б). В кн.: "Стенографический отчет о работе XVII съезда ВКП(б)", 1934, М., стр. 155.

100 См. обложку журнала "Бюллетень яровизации" за 1932 год.

101 А. Шайхет. Украинский Институт селекции. Журнал "На стройке МТС и совхозов", 1934,

№ 4, стр. 10-24. Раньше показанная на одной из фотографий рентгеновская устновка была использована академиком А.А.Сапегиным для индукции мутаций у растений. См. его статью: Академик Сапегин. Применение рентгеновских лучей в селекционных целях. Газета "Социалистическое земледелие", 30 августа 1931 г., №239 (801), стр. 3.

102Там же.

Г л а в а IV

ЗА БЛЕФОМ БЛЕФ

(ЛЫСЕНКО ВЫБИРАЕТ ПУТЬ ПОЛИТИКАНСТВА В НАУКЕ)

"Имел распутинский он дар

Влиять, путем как-будто чар,

Гипнозом взбалмошных идей

На слабые мозги людей".

И.И.Пузанов. Сокрушение кумиров (1).

"Наша молодая сельскохозяйственная наука уже сейчас на деле обгоняет буржуазную науку, а в некоторых областях уже обогнала ее.

Товарищи, вам известно задание старой науки -- это помогать буржуям, кулакам, всяким эксплоататорам. Задание же нашей науки -- служить делу колхозного строительства...

Конечно не нам жалеть буржуазных ученых. Но серьезно, жалко просто людей. Неважная участь буржуазных ученых".

Т.Д.Лысенко. Из речи в Кремле на встрече со Сталиным и другими руководителями партии и правительства, 1935 (2).

Неудачи сельскохозяйственной политики коммунистической партии и

первые попытки дать "партийный наказ" науке

Насильственная коллективизация деревни привела к скорому краху всего сельскохозяйственного сектора экономики, невиданному в истории человечества. С весны 1929 и вплоть до начала 1930 года из села было экспроприировано всё наличное зерно, на

Украине начался повальный голод. Урожай собирали далеко не везде, и в основном силами Красной Армии, так как жители многих деревень и сел вымерли от голода. Сообщения о полной конфискации всего зерна, включая и пищевое, и кормовое, и семенное, просочились даже в центральную печать. Так, газета "Правда" 6 октября 1929 года писала:

"Украинская партийная организация одновременно беспощадно борется со всякими проявлениями хлебозаготовительского оппортунизма. Кое-где стали раздаваться голоса, что планы слишком большие, что их нельзя выполнить... Запорожское партийное руководство в лице бюро окружкома стало доказывать, что хлебозаготовительный план центра "не оставляет ни одного килограмма для населения"... ЦК КП(б)У быстро и решительно реагировал на это. Отметив, что план хлебозаготовок, данный Запорожскому округу, вполне реален, ЦК указал секретариату запорожского окружкома на недопустимость его постановления, признал невозможным для секретаря окружкома тов. Икса оставаться в дальнейшем на этой работе и снял с работы заведующего запорожским окружторгом. Постановление ЦК по вопросу о хлебозаготовках Запорожья было совершенно ясной директивой всем украинским организациям" (3).

Коллективизация привела к краху и в области животноводства: оставшиеся на местах крестьяне были вынуждены резать тот скот, который еще не пал от голода. Сельскохозяйственные проблемы выросли до никогда не виданных на Руси размеров, а власти ничего не могли с этим поделать.

В этих условиях обещания Лысенко и ему подобных (см., например, /4/), грозившихся вытащить из разрухи сельское хозяйство, не просто импонировали верхам, они воспринимались с большим удовлетворением, его "научные выкладки" вселяли надежды в руководителей Наркомзема и ЦК партии. Реальные научные прогнозы С.К.Чаянова и других экономистов показывали, что ни принятые тенденции к тотальному обобществлению индивидуальных хозяйств, ни темпы воплощения в жизнь этих тенденций не дадут послабления руководству в разрешении проблемы снабжения зерном и продуктами животноводства. Власти о таких прогнозах и слышать не хотели. Совершенно неприемлемыми были для них призывы отказаться от поголовной коллективизации, так как их рассматривали как требования политических изменений в стране.

С неистребимой верой в неминуемость светлого завтра большевикам не оставалось ничего иного, как верить, что умельцы из народа, такие как Лысенко, спасут положение. Настоящие ученые не могли предложить ничего, что чудесным образом изменило бы положение. А оно становилось всё хуже. Даже Сталин был вынужден на XVII съезде партии признать:

"Годы наибольшего разгара реорганизации сельского хозяйства -- 1931-й и 1932-й -- были годами наибольшего уменьшения продукции зерновых культур" (5).

Их средняя урожайность в 1928-1932 годах, как это следовало из цифр, приведенных на том же съезде в докладе председателя правительства Молотова (6), составляла всего 7,5 центнера с гектара, что было гораздо ниже партийного плана. Еще хуже обстояло дело с животноводством. Уместно отметить, что до перехода к поголовной коллективизации сельское хозяйство России начало заметно крепнуть. Так, если сравнить официальные советские данные конца 1927 года с данными 1916 года, то можно увидеть, что количество голов крупного рогатого скота к этому году возросло на 11,6, овец и коз -- на 31,5 и свиней -- на 5,6 млн. голов. Коллективизация привела к противоположному результату. Вместо резкого роста поголовья скота, обещанного Сталиным перед её началом, численность скота упала и оказалась в 1928 году гораздо ниже, чем в последнем предреволюционном году (вовсе не лучшем из предреволюционных лет, так как 1-я Мировая война разрушила сельское

хозяйство Европейской России и Дальнего Востока). Молотов сообщил на съезде данные, согласно которым поголовье лошадей за время коллективизации (с 1928 по 1932 год) упало почти вдвое (с 33,5 до 19,6 млн. голов), крупного рогатого скота почти на 60% (с 70,5 до 40,7 млн. голов), овец и коз в три раза (с 146,7 до 52,1 млн. голов), а свиней -- больше, чем в два раза (с 25,9 до 11,6 млн. голов) (7).

Цифры, названные Молотовым, были устрашающими, но и они были приукрашены. На самом деле реальное снижение поголовья коров и свиней, овец и коз было еще большим так как земельные органы приукрашивали данные, чтобы скрыть правду. Такое утаивание точной информации признали даже коммунистические лидеры (см. прим. /111/). Однако согласиться тем, что коллективизация превратилась в настоящую катастрофу для сельского хозяйства, отказаться от нее, предложить сколько-нибудь реальную программу подъема сельской экономики ни Сталин, ни его коллеги по руководству компартии не собирались.

В деревню для командования колхозами было направлено по разнарядке партийных органов 25 тысяч случайных, не имевших никакого отношения к земле "представителей пролетариата" из числа партийных выдвиженцев. Перед посылкой органы ЧК проверили их лояльность, отправляемым на село "комиссарам в бушлатах" были даны огромные полномочия по наведению порядка силой. Ни о какой разумной или научно обоснованной роли 2-5тысячников в руководстве колхозами и говорить не приходилось. Значительная часть образованных агрономов была к тому времени истреблена, оставшимся на свободе уже просто не доверяли. Свою задачу "2-5тысячники" видели прежде всего в том, чтобы проводить правильную идеологическую линию (как они её себе представляли), то есть зажигательно выступать с речами, распространяться о насущных "задачах пролетариата и смычке с крестьянством". Давший это определение член Политбюро ЦК ВКП(б) Л. М. Каганович в речи на XVI съезде ВКП(б) 28 июня 1930 года говорил:

"2-5тысячники -- это организаторы деревни, которые сумеют организовать и воспитать для партии новых товарищей. Один путиловский рабочий в Сибири рассказывал мне: "Когда я работал в Ленинграде и сам видел своих руководителей, заводских, районных и других, я думал, что я ни чорта не стою, и часто даже боялся выступать на ячейке [имеется виду низовая партийная организация -- партячейка -- В.С.], а когда в деревню приехал, когда сама жизнь заставила выступать, я вижу, что дело пойдет, что дело организуем"" (8).

"Вот что пишут красные партизаны из ЦЧО [Центрально-черноземной области -- В.С.] в ЦК, -- продолжал Каганович. -- Приветствуем ЦК партии и благодарим за 2-5тысячника т. Несчастного, который выслан для смычки города с деревней, который работает 3 месяца и проявил действительную преданность делу социализма и привлек на свою сторону красных партизан, актив бедноты и всех колхозников. Просим ЦК давать побольше в нашу деревню таких рабочих от станка" (9).

Попытка добиться исправления положения в колхозах и совхозах за счет посылки в деревню сразу 25 тысяч рабочих от станка была такой же нелепостью, как и большинство предшествовавших мер большевистского руководства в управлении сельским хозяйством страны. Дело усугублялось еще и другими обстоятельствами. В деревню поехала "рабочая шантрапа", а вовсе не идейные по духу и сильнейшие по своим деловым качествам рабочие. Разрушив вековой уклад сельской жизни, коммунистическая партия и советское правительство не могли ничего предложить взамен. Работа из-под палки, бездумные приказы "комиссаров в бушлатах", развал семеноводства и селекции, постоянное вмешательство командиров из центра в дела, творившиеся на земле, были непродуктивны. Всё это нагромождение одной организационной глупости на другую не оставляли даже малейшей надежды на улучшение состояния дел в деревне.

Кстати сказать, и Сталин и его последователи в вопросе отношения государства к сельскому хозяйству самым решительным образом изменили лозунгам революции, которыми удалось обмануть народ в 1917-1920 годах. Ведь главным притягательным стимулом для крестьянства в момент прихода коммунистов к власти было обещание окончательно разрушить помещичье землепользование и полностью передать землю тем людям, которые её обрабатывают, Лозунг "Земля -- крестьянам" был самым вероломным образом "забыт", отброшен и заменен лозунгом тотальной коллективизации. То, что по сей день все сторонники коммунистических партий в России настаивают на сохранении государственного владения землей, говорит, что они намеренно наследуют этот чудовищный обман народа.

Рассуждая с восторгом об отправке "проверенных товарищей" в деревню, Каганович видимо совершенно не осознавал сюрреалистичности достижения большевиков в этом вопросе, не понимал комизма пафоса, рисуя образ "товарища Несчастного -- 2-5тысячника" в следующих выражениях:

"Он еще сельское хозяйство знает слабо, крестьяне ему говорят о многополье, о севообороте, а он еще этого не усвоил, но крестьяне о нем говорят, что хотя он еще сельское хозяйство не знает, и еще многому у них (крестьян) должен поучиться, но организовать их, собрать их, поставить вопрос, разъяснить, что к чему, он умеет очень хорошо" (10).

Легко себе представить, как могла сказаться "акустическая" деятельность таких организаторов "от станка" на состоянии тех дел в колхозах, которые требовали солидных агрономических знаний. Самым катастрофическим образом перемены в деревне отразились на посевном зерне. После конфискации всего зерна и повсеместно наступившего голода сеяли, что придется, были утеряны почти все самые ценные стародавние сорта пшениц -- Крымки, Кубанки, Арнаутки, что вынужден был позже признать на Пленуме ЦК ВКП(б) 28 июня 1937 года нарком земледелия Я.А.Яковлев (11). Утеря генофонда была страшной потерей в стратегическом плане. Сорта, ставшие основой для работы американских и канадских селекционеров, перестали существовать.

В начале 1934 года, выступая на XVII съезде партии, Сталин признал, что одна из главных причин провала надежд на быстрый подъем продуктивности сельского хозяйства после сплошной коллективизации, состояла именно в том, что "семенное дело по зерну и хлопку так запутано, что придется еще долго распутывать его" (12). Ему вторил на съезде член ЦК ВКП(б), секретарь обкома партии Центрально-Черноземной области И.М.Варейкис (13), расстрелянный позже его же "подельниками" по партии.

Партийно-правительственное постановление о резком

ускорении выведения новых сортов

2 августа 1931 года Президиум Центральной Контрольной Комиссии (партийный орган) и Коллегия Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР{1} -- правительственный орган (сокращенно, ЦКК и РКИ) приняли, как тогда называлось, партийно-правительственное постановление "О селекции и семеноводстве" (14). Постановление предписывало:

"1. Предложить НКЗему Союза, с.-х. академии им. Ленина и ВИР:

а)... по пшенице поставить важнейшей задачей в области селекции достижение в 3--4 года следующего: высокой урожайности,... однотипичности и однородности зерна (стекловидности), приспособленности к механизированному хозяйству (неполегаемость и

неосыпаемость), хладостойкости, засухоустойчивости, повышения мукомольных и хлебопекарных качеств, устойчивости против вредителей и болезней, а также качеств, необходимых для форсированного продвижения культуры на север и восток...

2. а) Завершить к 1933 году в основном полную смену рядовых семян испытанными сортовыми...

3. а) Поставить работу селекционных станций на основах новой заграничной техники с применением новейших усовершенствованных методов селекции (на основе генетики)..., сократив таким образом срок получения новых сортов (вместо 10-12 лет до --45 лет)..." (15).

Этот категоричный документ был образцом нового подхода властей к управлению наукой. Подавляющее большинство выписанных в императивном тоне пунктов постановления были совершенно нереальными, но в царстве мифов, когда руководителям и функционерам казалось, что нет таких преград, которые бы не преодолели осененные зажигательными идеями "массы", они без колебаний ставили в приказном порядке задачи, немыслимые ни по срокам, ни по принципиальной возможности выполнения.

В условиях постколлективизационной анархии власти требовали фактически за один сезон (за лето 1932 года) восстановить сорта, размножить их в таких количествах, чтобы осуществить "к 1933 году... полную смену рядовых семян испытанными сортовыми". Когда же размножать и когда испытывать? Сказочность этой задачи не вызывала сомнений, но поручение тем не менее было внесено в постановление в самой категоричной форме.

Странное впечатление оставалось от пункта постановления, в котором перечислялись свойства будущих сортов. У них непременно должен был быть такой набор признаков, который можно было сформулировать, но которого нельзя было достичь на практике. До наших дней эта задача не получила удовлетворительного разрешения, и селекционеры бьются над тем, чтобы придать все перечисленные качества новым сортам. Но, пожалуй, верхом волюнтаризма было приказать ученым выводить сорта не за 10--12 лет, а за --45 лет! Ссылка на генетику была празднословием (или вопиющей безграмотностью): как раз согласно законам генетики такие темпы были невозможны.

Первый год должен уйти на выращивание первого поколения от скрещивания (если сорт создают методом гибридизации), или на размножение выделенной из посевов лучшей формы (если сорт пытаются получить методом отбора). На второй год нужно -- в соответствии с законом генетики, открытым в 1865 году Грегором Менделем -- ждать расщепления признаков у гибридных растений, на третий -- выяснить, какие из лучших форм наследственно однородны по этому признаку, а какие -- смешанны; на четвертый нужно размножить однородный материал, и в последующие 3--4 года предварительно испытать лучшее из лучшего. Затем рекордсменов нужно проверить в сравнительном (конкурсном) испытании, то есть сопоставить с известными и хорошо зарекомендовавшими себя сортами, точно определить устойчивость к болезням в специальных питомниках и т. д. На конкурсное испытание уходит 3--4 года, после чего новую линию нужно размножить и проверить в производственных условиях (нередко случается, что линия, хорошо ведущая себя в деляночных опытах, теряет свои качества при посеве массовом). После этого размноженный материал, который еще никто пока не имеет права называть сортом, можно передать в государственное сортоиспытание. Для этого требуется столько семян, сколько нужно на высев в большом числе повторностей в различных зонах страны, на разных сортоучастках, с применением разных схем высева, обработки и т. д. На государственное испытание уходит также не меньше 3--4 лет (в лучшем случае!). Только после завершения этого долгого марафона проверок новой линии может быть присвоено название "сорт", в книги

государственной регистрации сортов будет внесена соответствующая запись об этом сорте, и последний будет рекомендован для высева в тех районах страны, где он оказался лучше других сортов, возделывавшихся здесь раньше, и специальные семеноводческие хозяйства могут начать (при жестком контроле за большим числом основных свойств сорта, так называемой сортовой апробации) производить суперэлитные и элитные семена данного сорта.

Поэтому и получается, что на создание сорта нельзя потратить меньше, чем 10--12, а чаще 1--415 лет! Применение теплиц и зимней выгонки материала может несколько сократить сроки первоначальных этапов селекции, однако конкурсное, производственное и государственное испытание должны проходить в нормальных полевых условиях. Иначе от лица государственных органов будет рекомендован в качестве сорта не доведенный до кондиций полуфабрикат.

Установленный порядок не просто зиждился на строгих канонах науки, и прежде всего генетики, он был утвержден как государственный закон, так как многие его положения были записаны в подготовленном профессором Лисициным и подписанном Лениным декрете "О семеноводстве". Чиновники из ЦКК ВКП(б) и РКИ СССР не отменили прежнего декрета. Они просто о нем умолчали. В этих органах решили, что придерживаться старых норм могут только люди, не понимающие, что властям теперь некогда ждать, что им сейчас, немедленно нужны первоклассные сорта (отметим: властям, сначала преступно разрушившим сельское хозяйство, а потом спохватившимся, что база зернового хозяйства -- все сорта -- утеряна). То, что нужны первоклассные, а не какие-то посредственные сорта, -- это власти уже сообразили. Только с их помощью можно было воплотить в жизнь амбиционные планы, о которых трубила партийная пресса. Как получить такие сорта -- это дело ученых, пусть они исхитряются, на то они и ученые, чтобы находить выход из тупиковых ситуаций.

Против такого решения о сокращении сроков выведения сортов, как мы уже видели раньше, высказывались многие селекционеры -- отмена научных основ селекции представлялась невозможной. Однако Вавилов в выступлении на Всесоюзной конференции по планированию генетико-селекционных исследований в июне 1932 года высказался определенно в поддержку решения партии и правительства, хотя нельзя исключить и того, что он пытался своим планом развития селекции, базирующейся на генетике, подправить нелепое решение:

"Постановлением ЦКК, НК РКИ и НКЗ СССР селекционная работа в области растениеводства должна быть всемерно расширена, начиная с 1932 г. Практическая селекция должна охватить все важнейшие культуры... Генетические работы отныне должны быть всемерно проникнуты запросами практической селекции..." (16).

Руководимый Вавиловым штаб сельскохозяйственной науки, ВАСХНИЛ, старался всеми доступными силами наладить сортоиспытание и семеноводство на высоком уровне. Но, естественно, то, что было бездумно разрушено за несколько лет коллективизации, требовало теперь гораздо больше времени и сил для своего восстановления. Нужно было очистить посевной материал от примесей (для этого нужно было вести очистку каждый год в течение нескольких поколений), размножить чистосортный материал (еще несколько лет). Руководителям партии это казалось топтанием на месте. Например, Яковлев в октябре того же 1931 года на Всесоюзной конференции по засухе в присутствии Лысенко (на том же заседании, где выступал и последний) поддержал решение РКИ-ЦКК и заявил: "Нам нужна практическая программа селекционной и семеноводческой работы" (17). Приводя эти слова наркома Яковлева, редакция газеты "Известия" добавляла:

"... тов. Яковлев резко критиковал "кустарничанье" в семеноводческой работе. Мы тратим на выведение сорта в 2--3 раза больше времени, чем это требует современная техника..." (18).

Лысенко заручается благосклонностью Молотова

на конференции по борьбе с засухой

и получает первый правительственный орден

Когда начинаешь выписывать даты выступлений Лысенко на различных научных и ненаучных встречах в 1929 -- 1931 годах, то не можешь не обратить внимания на то, что основное время этот молодой ученый (человек уже вполне сложившийся, но ученый еще без году неделя) тратил не на научные занятия, а на мельтешение перед глазами начальства. В сентябре 1931 г. он выступает на Коллегии Наркомзема СССР в Москве, в начале октября -- на конференции в Киеве, в конце того же месяца опять в Москве. В конце октября--начале ноября 1931 года в Москве прошла Всесоюзная Конференция по борьбе с засухой, и выступление на ней помогает ему подняться на еще одну ступеньку выше.

Задача проводившейся на правительственном уровне конференции, по мысли лидеров партгосаппарата, заключалась в том, чтобы дать проверенные наукой рекомендации относительно возможности преодоления основного бича российского земледелия -- засух.

Как вспоминал достаточно близко знавший Вавилова ботаник П.А.Баранов, перед проведением конференции Вавилова вызвал к себе Сталин и предложил оценить планируемые партией мероприятия по мелиорации земель вдоль низкого берега Волги. Вавилов объяснил, что проведение воды на поля может существенным образом повысить урожаи, но добавил, что экономически это вряд ли оправданная мера, так как потребует невиданных капиталовложений. Ответ Сталина, по словам Баранова, был вполне в духе повседневных сталинских резолюций: "Мне интересно ваше мнение как растениевода, а в экономике мы без вас разберемся".

В дни работы Конференции на ней выступил глава Правительства Молотов (19), а на заключительном заседании номинальный глава государства М.И. Калинин (20). В числе крупнейших ученых получил слово и Лысенко. Он снова расхвалил яровизацию, обещал, что ее широкое использование даст возможность и засухи побороть. Более свободно чувствовал он себя в полемике с теми, кто осторожно оценивал перспективы яровизации, и прежде всего с недавно раскритикованным Яковлевым профессором Максимовым, которого теперь Лысенко не считал зазорным уверенно поправлять, хотя аргументов для такой уверенности у него, конечно, не было:

"Профессор Максимов и его сотрудник тов. Разумов довольно легко объясняли [противоречивые данные -- В.С.] тем, что между вегетативным развитием и репродуктивным развитием существует антагонизм. Такого антагонизма не существует" (21).

Эта легкость в отвергании выводов авторитетов кажется особенно безответственной, если обратить внимание на то, чем оперировал Лысенко в докладе на конференции. Он сам сказал, что еще не располагает сведениями об итогах яровизации, а может говорить только о предварительных данных:

"... было взято 1260 чистых линий главным образом твердых пшениц из различных районов Советского Азербайджана. ВЕСОВОГО УЧЕТА УРОЖАЯ НЕ ПРОИЗВОДИЛОСЬ, но ПО ВЕСУ ЗЕРНА и по весу 1000 зерен... видно, что зерно получилось НЕСРАВНЕННО ЛУЧШЕ

наших украинских пшениц" (/22/, выделено мной -- В.С.).

Конечно, и неспециалисту ясно, что при учете лишь веса неизвестно с какой площади собранной тысячи зерен сказать что-либо определенное о преимуществах того или иного способа обработки семян нельзя, а по внешнему виду семян об урожаях судить нельзя. Но это очевидное соображение никоим образом не повлияло на решимость руководства поддержать Лысенко. Все центральные газеты принялись восхвалять его. Газета "Правда" сообщала:

"27 октября, вслед за докладом акад. Вавилова о мировых ресурсах засухоустойчивых сортов, выступили т. т. Таланов, Кулешов, Максимов, Константинов, Лысенко, Дроздов и другие... С исключительным интересом конференция выслушала доклад агронома Лысенко, рассказавшего об открытых им методах яровизации и о перспективах, открывающихся в связи с этим в области сокращения вегетационного периода растений. По предложению наркомзема тов. Яковлева... конференция наметила комиссию..., тов. Яковлев особо подчеркнул значение работ агронома Лысенко" (23).

В те же дни газета "Известия" писала так:

"Тов. Яковлев подчеркнул, что совершенно особо должен быть поставлен вопрос о работах тов. ЛЫСЕНКО. Сам тов. Лысенко еще недостаточно отдает себе отчет о значении своей работы, а ее значение ОГРОМНО... Наша задача -- ...уже весной 1933 года применить метод тов. Лысенко в МАССОВОМ масштабе, в масштабе по меньшей мере сотен тысяч гектаров. Только в этом случае дело будет поставлено действительно по-научному, действительно по-революционному" (24).

Научные, приравнивавшиеся к революционным, заслуги Лысенко отмечал не один Яковлев. Услышав выступление Лысенко, Молотов в кулуарах с похвалой отозвался о нем. По рассказу академика ВАСХНИЛ Н.В.Турбина, также допущенного на конференцию, мнение Молотова оказалось очень важным для Яковлева, который, узнав об этом, воспылал еще большей любовью к Лысенко. В постановлении, принятом на конференции, указывалось: "необходимо развернуть работу по установлению способов предпосевного влияния и на другие растения...", то есть не только на хлебные злаки (25).

Пытаясь понять корни легкомысленного отношения к пока еще не прошедшим серьезной проверки рекомендациям, следует обратить внимание на два момента. Первый -- это взрыв интереса широких слоев общественности к всевозможным залихватским проектам, взрыв, рожденный общим оптимизмом и верой, что недалеко то время, когда и природа, и люди, и общество в целом будут перестроены, когда "открытия инженера Гарина" из фантастических книг перекочуют в повседневную реальность. Второй -- это средоточие власти в руках людей без глубоких знаний -- революционеров-заговорщиков, не способных критически оценить серьезные проблемы естествознания и техники.

Это хорошо показала Конференция по борьбе с засухой. Восторженный прием на ней встретила не только яровизация. Инженер Авдеев (Авава) выступил с проектом орошения заволжских засушливых степей. Он предложил перегородить Волгу в районе Камышина плотиной длиной 4 километра и высотой 37 метров. После этого, заявил он, воды Волги самотеком устремятся по степи в сторону Аральского моря и оросят миллионы гектаров земель (26). Судьба Каспийского моря автора проекта не волновала, вопросы водного режима и самой Волги и ее нового русла не обсуждались, а лишь давалось обещание устранить засуху на огромных территориях и разом накормить страну хлебом.

Другой инженер, Б.Кажинский, высказал идею иного рода -- посылать в приземные слои атмосферы стратостаты и самолеты с установками для ионизации воздуха, чтобы вызывать искусственные дожди (27). И снова поражали не столько фантазия автора, свободный полет его мыслей, сколько низкий уровень чисто инженерной проработки проекта: подсчета влаги в атмосфере над зоной засушливых районов представлено не было, возможности переноса воздушных масс различной влажности и динамика этого переноса в годичные и более протяженные циклы, вертикальный и горизонтальный массообмены воздуха не изучены, технические возможности того времени не оценены, лабораторная проработки эффективности ионизации отсутствовала.

Тем не менее оба доклада были с энтузиазмом приняты. В газетах появились большие статьи с описанием предлагаемых фантасмагорических проектов. У читателей газет, а это была вся страна, могло действительно сложиться мнение, что в деле борьбы с засухой уже открылись новые эффективные возможности, что, благодаря такому мощному наступлению на бич земледелия, и яровизация, и обводнение степей Заволжья, и искусственное вызывание дождей вот-вот дадут реальный положительный результат. Сегодня, спустя более полувека, мы можем видеть, что ни один из проектов не ушел из сферы иррационального, а борьба за урожай и преодоление капризов погоды и по сей день остаются наисерьезнейшими проблемами.

Но в глазах властей все сомнения ровным счетом ничего не стоили, масштаб реального и иррационального их не волновал. Словесная шелуха обещаний и откровенное манипулирование фактами в угоду политическим чаяниям весила в их глазах больше, чем доводы ученых. Прозорливость же Лысенко заключалась как раз в том, что он четко осознал запросы и меру требовательности властей, выстроил свою фразеологию в полном соответствии с мифотворческими лозунгами дня и твердил на публике о взятии вершин, высоту которых он не был способен оценить, но которые хвастливо объявлял покоренными. Эти словесные победы тиражировали органы советской печати, тотально контролируемые коммунистическими властями, и Лысенко был возведен в ранг героев без единой победы. Итог всех этих выступлений был неожиданным даже по тем временам. Лысенко еще никого не накормил хлебом из яровизированной пшеницы, но сумел получить первую правительственную награду: в 1931 году "за работы по яровизации" правительство СССР награждает его орденом Трудового Красного знамени! (28).

Лысенко начинает борьбу с генетикой

Постановление партии и правительства об изменении сроков выведения сортов, споры селекционеров и наркома Яковлева подсказали Трофиму Денисовичу, что от яровизации надо срочно уходить. В 1950-е годы В.П.Эфроимсон в своем аналитическом обзоре деятельности Лысенко, направленном в ЦК КПСС, утверждал, что яровизация не дала на практике ничего, кроме убытков (29). Да и собственное приуменьшение первоначальных цифр о стопроцентном, сорокапроцентном, тридцатипроцентном повышении урожаев от яровизации, которыми Лысенко оперировал в 1929--1930 годах, быстро было низведено им же до цифры в 1,1 центнера с гектара (при среднем урожае на Украине, где яровизация якобы применялась в наибольших масштабах, от 12 до 17 ц/га). Даже и эту оценку оспаривали такие знающие положение в сельском хозяйстве ученые, как академик П.Н.Константинов (30). Всё, что можно было выжать из неудавшейся яровизации для себя лично, было выжато, и Лысенко посчитал, что надо срочно привлекать интерес властей новыми инициативами. Увидев, что в вопросе выведения сортов столкнулись две разнонаправленные силы, Лысенко быстро решил ввязаться в этот спор на стороне партийных сил. Раз нужны первоклассные сорта, выведенные за 5 лет, нужно пообещать это сделать, причем принародно объявить, что он берется получить сорта за срок, вдвое меньший!

Попав в Институт генетики и селекции, Лысенко оказался в среде одновременно ему знакомой и новой. Он и ранее крутился среди селекционеров, даже сам пытался создать сорт томатов, но из этой затеи ничего не вышло. А в то же время он видел, какими нехитрыми на сторонний взгляд были действия селекционеров, с утра до темна пропадавших на полях, что-то высматривающих, скрещивающих, отбирающих, вглядывающихся с пристрастием к вроде бы одинаковым растениям и ждущих, что вот-вот появятся чудесные комбинации и тогда... Тем, кто бывал в этом кругу, так знакомо жгучее чувство ожидания, эта страстная надежда на успех -- на чудо-колос, на рекордную урожайность, на невиданные доселе свойства. Не мог не видеть этого и Лысенко, и его пылкая натура не могла не трепетать при мысли, что и ему ведь не заказано ждать такого чуда, ведь и ему может улыбнуться удача -- и тогда ЕГО сорт не только станет приносить людям пользу, тогда ОН докажет ЭТИМ спорящим ученым, что правда на стороне смелых и ищущих.

Загоревшись мечтой, Лысенко снова проявил нетерпение. Уже в конце 1932 года он объявил в институте, что берется вывести сорт за срок, вдвое меньший, чем установлено постановлением ЦКК-РКИ. Но приветственных возгласов от сотрудников института он не услышал. Институт был воспитан на иных -- научных традициях. В течение многих лет директор института академик Андрей Афанасьевич Сапегин старался поставить селекцию на научную основу, поелику возможно устранить фактор чуда из работы, вести селекцию планово, на твердых основах законов генетики. Сапегин едва ли не первым в мире начал применять для получения новых форм рентгеновскую установку (31). Он же перевел все скрещивания на базу так называемых чистых линий -- наследственно однородных растений, ряд лет до этого размножавшихся близкородственно и потому освободившихся от свойств случайных, исчезающих при дальнейшем размножении. Генная структура чистых линий проявляла себя далее стабильно, и это устраняло многие проблемы.

Андрей Афанасьевич прекрасно разбирался и в других законах генетики -- науки молодой, бурно развивающейся, использующей математический аппарат, требовавшей солидных знаний и непрестанного слежения за литературой, за фактами, о которых еще лет 10--15 тому назад селекционеры даже не задумывались. И, конечно, Сапегин не только сам знал генетику и считал ее главной опорой для селекционера, но и от своих сотрудников требовал овладения ею, чтения научной литературы -- не только отечественной, но и зарубежной.

Вот этот незнакомый Лысенко подход, эта въедливость директора, его излишняя настырность в желании заставить сотрудников тратить время не только на полевую работу, не только на лабораторные упражнения (хотя и их, дескать, можно было бы вести поменьше), но еще и на освоение теории и мировой литературы оставались чуждыми для Лысенко, не раз служили причиной разногласий. Стена отчуждения между директором и новым заведующим привилегированной лаборатории с его командой "яровизаторов" поднималась всё выше.

Вдова Сапегина рассказывала, что последней
каплей, переполнившей чашу терпения обеих сторон, стал случай, произошедший осенью то ли 1930, то ли 1931 года. Сотрудники Лысенко убрали урожай со своих делянок, поля института опустели, надо было готовить их к осенней пахоте. Неожиданно в одной из комнат, где работал Лысенко со своими учениками, появился разгневанный директор и потребовал от Лысенко немедленно пойти с ним в поле. Там еще валялись кое-где остатки соломы, ботва, делянки были не распаханы, вбитые в землю колышки с надписями вариантов опытов оставались на местах. Осматривая поля, Сапегин, оказывается, наткнулся на неожиданную и неприятную деталь: на части делянок кто-то бросил снопики необмолоченных растений. Дотошный Андрей Афанасьевич все поля тщательно осмотрел и установил истину: выяснил, что это не было делом раззявы или лентяя. Снопики валялись, не как попало. Во-первых,

необмолоченный материал остался только на поле лаборатории Лысенко, а, во-вторых, "забывчивые" селекционеры осмотрительно следовали определенной системе: материал остался несобранным только на контрольных делянках. Таким нехитрым путем сотрудники Лысенко искусственно завышали результат своих опытов, "забывая" учесть весь урожай с контрольных посевов.

Лысенко от показанного директором пришел в показную ярость (его артистические наклонности отмечали многие из тех, кто встречал его в жизни) и набросился на Долгушина и других своих сотрудников.

А вскоре Сапегина арестовали как вредителя. Согласно рассказу И.Е.Глущенко (32) на актив сельскохозяйственных работников Украины в столичный город Харьков приехал союзный нарком Яковлев. В ходе актива он услышал от кого-то, что один из выведенных Сапегиным сортов оказался плохим. Не проверяя правильности сказанного, нарком обрушился с обвинениями на директора Одесского института. Под утро последний оказался в тюрьме. Оставшиеся в живых лысенковские приближенные в семидесятые и восьмидесятые годы при одном только упоминании имени Сапегина складно твердили одно и то же: это Яковлев виноват, это он грубо и несправедливо напал на Сапегина за якобы низкую урожайность одного из его сортов и обвинил его чуть ли не во вредительстве, а местные власти переусердствовали, слишком буквально поняли гнев наркома (формальным основанием для ареста огэпэушники выставили обвинение во вредительстве и в соучастии в Трудовой Крестьянской Партии, организации, выдуманной самими чекистами). Однако слова, как известно, -- лишь слова. С чьей подачи Яковлев набросился на Сапегина, остается загадкой. Отсидев положенный срок в тюрьме, он так и не смог вернуться на директорское место в Одессу, и Вавилов пристроил его в своем институте генетики в Москве.

У нас нет документальных доказательств, что именно Лысенко постарался убрать с дороги надоевшего директора. Но о том, что он его не любил и что неприязнь с годами не остыла, говорить можно. Сохранилось свидетельство этой неприязни, оставленное самим Лысенко. Я еще буду несколько раз цитировать отрывки из статьи "Мой путь в науку", опубликованной 1 октября 1937 года в "Правде" (33), ибо каждая фраза в ней написана ярко, выпукло, это был настоящий крик сердца человека, тонко чувствующего важность момента, отдающего отчет в том, что и какими словами следует сказать, чтобы максимально потрафить высшему руководству. Близилась развязка борьбы за кресло Президента ВАСХНИЛ. Надо было спешить. В статье среди самовосхвалений и фраз с восхвалением системы, породившей его, автор откровенно сказал о своем отношении к порядкам в одесском институте, установленным первым директором. Всего два предложения заключали зловещий по тем временам смысл:

"А институт, куда я перешел в 1930 году, работал по-старинке, келейно, вдали от широких масс. Более того, связь с людьми практики считали здесь зазорной для научного работника" (34).

После ареста Сапегина Лысенко, уже не стесняемый ничьим авторитетом, решил вплотную заняться селекцией пшениц. Но, не зная генетики, основ опытного дела, не обладая при этом многолетней практикой и врожденным чутьем, помогающим хорошим селекционерам, он пошел самым примитивным путем: отверг принципы генетики. На Украинской генетической конференции в Одессе в 1932 году, он впервые (и пока довольно робко) выступил против законов генетики, якобы только мешающих селекционеру, и объявил, что выставленные ЦКК и РКИ сроки выведения сортов вполне реальны.

В то же время негативное отношение к законам наследственности нужно было

компенсировать какими-то собственными предложениями. А что мог предложить взамен Лысенко? В полном согласии с объемом имевшихся у него знаний он обратился к идее, давно изжитой наукой, но живучей в умах неспециалистов: идее прямого влияния среды обитания на наследственные свойства организмов. Обычно принято связывать эту идею с именем выдающегося французского биолога Жана Батиста Ламарка (1744 -- 1829), хотя надо сказать определенно: те положения, которым всю последующую жизнь следовал Лысенко, были слишком примитивными, чтобы называть их ламаркистскими.

"Скоростное" выведение сортов пшеницы

В конце 1932 года, а затем в январе 1933 года на собрании в Селекционно-генетическом институте Лысенко берет торжественное обязательство:

"...в кратчайший срок, в два с половиной года, создать путем гибридизации сорт яровой пшеницы для Одесского района, который превзошел бы по качеству и количеству урожая лучший стандартный сорт этого района -- саратовский "Лютесценс 06"2..." (35).

За словами о сверхскоростном выведении сорта могло скрываться только чудо, какая-то новая, не известная никому технология научного творчества, покоящаяся на действительно новых, эпохальных открытиях. Рассказ о том, как собирался совершить свое чудо Лысенко, помогает объяснить приемы, использованные для воплощения в жизнь каждого такого "чуда". Нам будет нетрудно проследить технологию "чуда" от его истоков до завершения, так как основной участник работы, ближайший советчик Лысенко, Донат Александрович Долгушин, описал события тех лет в длинном хвастливом очерке "История сорта", который не раз публично одобрял и сам Трофим Денисович (36).

Чтобы понять идею Лысенко, нам не придется морщить лоб и вчитываться в сложные многоступенчатые схемы скрещивания, строгие математические формулы, примененные для расчета вероятностей появления нужных растений с заранее предсказанными наследственными свойствами, или же разбираться в сути хитроумных физико-химических анализов, кои бы выявили улучшенные индивидуумы, ускользавшие раньше из рук селекционеров. Всё было просто и примитивно как лапоть. Начиная рассказ об этой работе, Долгушин сообщал:

"Идея по замыслу чрезвычайно проста. Она же была и самой важной частью работы" (37).

Оказывается, Лысенко решил, что вся хитрость в правильном выборе родителей, чего-де раньше селекционеры вообще не понимали или понимали неверно. Будут хорошими родители -- тогда и потомство будет таким, какое нужно селекционеру. Этот основополагающий принцип звучал так:

"... родителей необходимо подбирать по принципу наименьшего количества отрицательных признаков, а не по наибольшему количеству положительных" (38).

Так -- и только так. Кто раньше этого не знал, тот вообще ничего не смыслит в селекции. Исходя из этой нехитрой философии, выдаваемой за последнее слово науки, Лысенко распорядился взять два сорта, каждый из которых, по его мнению, нес всего по одному отрицательному свойству: местный одесский сорт пшеницы "Гирка 0274" -- устойчивый к пыльной и твердой головне и ржавчине, но позднеспелый, выведенный Сапегиным, и чистую линию "Эритроспермум 534/1", выведенную из местных пшениц в Азербайджане В.П.Громачевским. Эта линия отличалась скороспелостью, но была малоурожайной. Лысенко намеревался получить сорт скороспелый (как Эритроспермум) и устойчивый к болезням (как

Гирка). Похоже, ему не был известен старый анекдот, приписываемый Бернарду Шоу, которого первая красавица мира признала за самого умного на свете мужчину и предложила завести ребенка в расчете на его будущие невиданные достоинства. "Помилуйте, мадам, -- якобы возразил ей Шоу, -- а если он умом получится в Вас, а красотой в меня?!" Этот вполне вероятный исход почему-то не пришел в голову украинским селекционерам. Они заявили вполне серьезно:

"... скрестив два таких сорта, мы обязаны получить сорт яровой пшеницы, лишенный недостатков родителей" (39).

Любой студент-биолог второго года обучения мог бы им разъяснить, что вероятность совмещения желательных генов зависит от их положения в хромосомах, что в ходе скрещивания могут появиться и нежелательные комбинации, почему следует рассчитать заранее, сколько скрещиваний (и никак не меньше!) следует предпринять, за каким количеством потомков надо следить и т. п. Но мучить себя подсчетами Лысенко с учениками не стали:

"После нескольких дней [выделено мной -- В.С.] жарких споров, обдумываний, взвешивания противоречий, одним словом -- вынашивания идеи, был намечен строжайший план работ на два с половиной года вперед" (40).

На то, на что у людей знающих уходили месяцы, а то и годы кропотливых разработок, у лысенковцев ушло всего "несколько дней". Зато скороспелая теория, пусть даже рожденная в "жарких спорах", и методы доказательства этой теории были предельно просты:

"Новый подход к выведению сорта требовал доказательств, и единственным доказательством могло быть только одно -- создать таким путем новый сорт яровой пшеницы, более скороспелый, более урожайный... Сорт надо было создать в кратчайшее время, и Т.Д.Лысенко назначает минимальный срок -- два с половиной года" (41).

Всё. На этом "теория" кончалась. Подобно ловким обманщикам из сказки Андерсена, новоявленные ткачи могли приступать к изготовлению волшебного платья короля.

"3-го декабря 1932 года, в теплице, в обычных глиняных вазонах [все великое должно быть по форме простым -- В.С.] был произведен посев родительских форм... С 26-го января по 4-е февраля 1933 г. произведено скрещивание" (42).

Однако первый блин, как водится, вышел комом:

"Результаты
скрещивания оказались довольно плачевными. От скрещивания

"534/1" x "0274" было собрано только 30 зерен" (43).

Число это ничтожно мало, ибо 50 родительских растений должны были дать несколько тысяч семян. Грамотных биологов такой провал наверняка бы насторожил -- либо была ошибка в методике скрещиваний, либо, еще хуже, взятые сорта оказались генетически несовместимыми, либо вкралась какая-то иная ошибка. Но на команду Лысенко эта первая неудача не произвела ровным счетом никакого впечатления. Они уже понимали, что их занятия противоречат азам науки, в особенности генетики, и ни повторять опыт, ни заново начинать работу, учиться скрещиваниям и другим премудростям они не собирались. Законы науки пора было отвергнуть. И не случайно тяготеющий к красивостям стиля Донат

Долгушин писал по этому поводу:

"Современная моргановская генетика, призванная быть теорией селекции, ни в коей мере не оправдала себя... И вот, когда в замкнутые двери настойчиво стали стучаться революционные идеи о новом подходе к селекции, встревоженная резким шумом, углубленная в теорию "наука" собралась с силами, чтобы обрушиться на акад. Т.Д.Лысенко [тогда еще, впрочем, не академика -- В.С.] -- нарушителя ее восторженного покоя... В селекционно-генетическом институте в Одессе, среди шума этой ожесточенной борьбы, под непосредственным руководством Т.Д.Лысенко небольшой сплоченный коллектив работников, воодушевленных одной идеей и непоколебимой верой в победу, преодолевая препятствия и осторожно обходя наиболее трудные места, уверенно и настойчиво шел к намеченной цели: за два с половиной года должен быть создан сорт (44)".

Объясняя свою решимость порвать с генетикой, Лысенко годом позже, 16 января 1934 года, сказал:

"Я за генетику и селекцию, я за теорию, но за такую теорию, которая, по выражению товарища Сталина, "должна давать практическую силу ориентировки, ясность перспектив, уверенность в работе, веру в победу"... Вот почему я был против, а в настоящее время еще в большей мере против той генетики, которая безжизненна, которая не указывает практической селекции ясной и определенной дороги" (45).

Словом, "уверенно и настойчиво идя к намеченной цели", лысенкоистам надо было идти, поспешая: у них ведь был "намечен строжайший план работ -- за два с половиной года должен быть создан сорт". Поэтому -- ничтоже сумняшеся 30 "драгоценных" семян высеяли снова, опять в теплице, 17 апреля 1933 года.

Результат опять оказался плачевным -- колосья образовались менее чем на половине растений, но 10 июля всё, что удалось собрать, высеяли снова. Заодно семена перемешали, нарушив важное правило селекции, особенно существенное для работы с частично стерильными растениями: посемейный отбор.

Беды на этом прекратиться не могли: "от плохого семени не жди доброго племени", и теперь летописец Долгушин зафиксировал новую неудачу: на этот раз -- "всходы долго не появлялись... некоторая часть семян так и не взошла" (46).

Раз неудачи повторялись из поколения в поколение, весь этот материал следовало забраковать и начать эксперимент сначала. Любой селекционер и просто грамотный биолог сделал бы это непременно и не стал бы далее терять время попусту. Но лысенкоисты не хотели отступать от намеченных планов, хотя у Долгушина вырывается невольное признание:

"По правде сказать, опасность неполучения всходов не была оценена, как нужно, и в последующем нам пришлось раскаиваться в этом" (47).

Ни здесь, ни дальше он так и не раскрыл, в чем же им пришлось раскаиваться и какие меры после раскаяния были приняты. О всех неудачах автор очерка предпочитал говорить вскользь, туманными намеками, лишь сухо фиксируя их. На этом этапе, видимо, для собственного успокоения нарушили еще одно важнейшее правило -- исключили из последующей работы контрольные посевы родительских форм, так что сравнить гибриды с родителями стало невозможно (48). Сколько семян было собрано Долгушин не сообщал, поведав лишь, что с восьмого по двадцатое декабря -- с той же поспешностью -- высеяли около 3 тысяч семян третьего поколения опять в теплице.

"От недостатка ли тепла или света, -- писал Долгушин, -- или же неподходящей влажности воздуха (при паровом отоплении обычно воздух слишком сух), растения заметно страдали, были слабыми и вытянутыми..." (49).

Но, оказывается:

"...плачевный их вид нас особенно не смущал... Мы заинтересованы были в наивозможно быстрой выгонке растений, чтобы до весеннего посева в поле вырастить еще одно поколение гибридов... мы особенно боялись, как бы они не оказались стерильными... Причины стерильности пыльцы нам не были известны. Предполагали только, что дело может быть в недохватке тепла или в недостаточной влажности воздуха, в ином качестве света и т. д." (50).

Причина их неудач была понятна -- и повторявшаяся от поколения к поколению стерильность пыльцы, и низкая завязываемость семян, и плохая всхожесть, и низкий процент колосящихся растений указывали на генетические нарушения, обусловленные незнанием правил гибридизации. Надо было усвоить азы генетики, а не чураться её, как это постоянно делал Лысенко. Только не пониманием задач и методов генетики можно объяснить его слова, высказанные в 1935 году по поводу пользы генетических знаний:

"В самом деле, чем занимаются генетики и цитологи (если генетику и цитологию взять вместе)? Они считают хромосомы, разными воздействиями изменяют хромосомы, ломают их на куски, переносят кусок хромосомы с одного конца на другой, прикрепляют кусок одной хромосомы к другой и т. д. Нужна ли эта работа для решения основных практических задач сельского хозяйства? Нужна также, как работа дровосека для токарной мастерской" (51).

Ругательства ругательствами, но сейчас совет именно генетика мог бы спасти их от позора. Тем не менее ни Лысенко, ни его друзья никого слушать не желали. Они упрямо шли вперед, снова выращивали из полустерильных семян новые поколения, но чуда не возникало. В четвертом поколении после того, как было получено уже несколько тысяч семян, лысенковцы вынуждены были снова вернуться к двадцати отобранным на глаз семенам. Видимо что-то остановило их от использования всех семян. Но и из этих двадцати снова выросли заморыши, и можно было не продолжать описывать страдания горе-селекционеров, ясно, что ничего путного у них получиться не могло. Это их, однако, не страшило, а даже как бы придавало куражу. Гордыня обуяла душу новоявленных "колумбов", и Долгушин писал:

"Как жаль, что так мало людей видело в нашей теплице эти двадцать захудалых растений, которые приковывали к себе все наши мысли, все желания и надежды. Вот когда бы могли искренне посмеяться некоторые наши генетики, рекомендующие, исходя из своих позиций, скрещивать друг с другом чуть ли не все, что собрано на земном шаре, и потом искать со свечкой на гектарах гибридных полей неизвестные "подходящие" формы растений. Мы знали наперед, что среди двадцати отобранных нами растений должны быть обязательно несколько форм, вполне удовлетворяющих нашим требованиям, так как большинство из них, не считая возможно "ложно" скороспелых форм, лишены единственных недостатков обоих родителей -- "длинных" стадий яровизации и световой... Это и было нашей путеводной нитью, дававшей нам уверенность в победе" (52).

Оставляя на совести Долгушина неприличный тон в отношении генетиков, ссылки на свечки и "подходящие", но неизвестные ученым формы, нельзя не подивиться самоуверенности и забористости стиля "триумфаторов" колхозно-совхозной науки. Всё им было заранее известно, всё понятно, успех гарантировало не что иное, как первоначальная "идея Лысенко" (правда, за вычетом "возможно ложных" скороспелых форм). А, кстати, что это за штука --

"ложно" скороспелые формы? И сколько их было? Объяснений Долгушин так и не дал. Обращает на себя внимание и другая показательная деталь -- как в угоду своим целям они трансформировали причины и следствия их работы, как жонглировали -- в зависимости от обстоятельств -- понятиями "теория" и её "доказательство". Помните, как Долгушин коряво, но образно писал о "новом подходе": "...единственным доказательством могло быть только одно -- создать... новый сорт". Теперь все было перевернуто еще раз.

"Что же в конце концов давало уверенность в правильности всего хода работ?" --

задает он вопрос, и мы ждем слов о подтверждении теории практикой (то есть сортом), как говорилось раньше. Но ничуть нет! То "единственное доказательство", которое "могло быть только одно", теперь стало совсем другим:

"... давала уверенность в правильности всего хода работ изложенная в начале этой статьи теория подбора родительских пар" (53).

Неотразимая логика!

Однако проследим дальше за их работой. Сколько выросло растений из двадцати семян четвертого поколения, не сообщалось, но говорилось, что были отобраны семена всего лишь от четырех семей растений (уж не потому ли, что только четыре растения дали семена?), которые и решили дальше размножать.

А сроки поджимали. До обусловленной самим Лысенко даты оставалось всего 8 месяцев, и они падали на осень и зиму 1934 года. О конкурсном и производственном испытаниях (даже если бы и было что испытывать) нечего было и думать. К весне нужно было иметь по нескольку центнеров семян, изученных, как минимум, в трех поколениях в государственном сортоиспытании. Ни времени на испытания, ни нужного количества семян не было. Все, что они имели, -- жалкая горсть семян от каждой так называемой семьи. (Характерный штрих: сколько на самом деле семян было в их распоряжении, Долгушин не сообщал{2}).

Казалось бы, крах, закономерный и неумолимый крах, возмездие за шапкозакидательские устремления и безграмотность -- вот что ждало новоявленных кандидатов в герои. Превратить горсть семян в несколько центнеров первоклассного зерна, проверенного в трехлетнем сортоиспытании, -- такое могло случиться только в сказках. Лысенковской мыши предстояло родить гору...

И вот тогда Лысенко показал, что он и впрямь рожден, чтоб сказку сделать былью. Большевистские уроки он усвоил
 в полном обьеме. Он пошел на элементарную подтасовку: каждой кучке семян был присвоен номер, для пущей солидности -- четырехзначный, чтобы все думали, что и в самом деле из тысяч линий отобраны самые лучшие -- 1055, 1160, 1163, 1165. Номера назвали гибридами и высеяли 19 июля, но опять не в поле, хотя было лето, а в "40 ящиков по 48 зерен в каждом". Но что это были за гибриды! Долгушин описывал их:

"Через несколько дней стали появляться всходы, но очень недружные... Некоторые из них даже про прошествии 10 дней не дали ни одного всхода. Наш гибрид "1160" вел себя в этом отношении несколько лучше -- на 10-й день он дал, примерно, 50% всходов. Остальные дали только единичные всходы, причем характерно, что они чрезвычайно медленно и ненормально развивались. Замечено было также, что потомство отдельных растений одной и той же семьи ведет себя по-разному. Одни всходили дружно, другие сильно задерживались, а были и такие, что совсем не дали всходов. К 1-му августа из отлучки вернулся Т.Д.Лысенко. Решено было

во что бы то ни стало снизить температуру. Первая мысль -- отправить ящики, хотя бы основных наших гибридов в Одесский холодильник. Вторая, и на ней остановились... к вечеру того же дня подвезли 80 кг льда. Работницы спешно укладывали в ящики куски льда, покрывали их сверху бумагой и соломой" (/55/, выделено мной -- В.С.).

Героические усилия не принесли вознаграждения -- всходов стало чуть больше, но ни о какой их равномерности говорить не приходилось. Можно повторить еще раз: ни один селекционер в мире с таким материалом работать бы не стал. Лысенковцев же это обстоятельство не смутило. В начале октября 40 ящиков перетащили в теплицу, собрали все семена без разбору, перемешали их, а уже 25 ноября высеяли снова,

"чтобы получить примерно по килограмму семян каждого из четырех гибридов для сеялочного посева сортоиспытания весной 1935 года" (56).

Насчет сортоиспытания было сказано лихо, но в расчете на профанов. Полученный материал не был даже в нужных количествах размножен, поэтому данную фразу следовало отнести к разряду несерьезных. В одну из январских ночей южный одесский климат преподнес сюрприз: температура внезапно опустилась до минус 26 градусов по Цельсию, теплицы начали промерзать. Долгушин расписывает, как боролись они с холодом, как стали устанавливать дополнительные железные печки-буржуйки, выводить трубы наружу, при этом применяя на практике привычное большевистское мародерство.

"В эту ночь пострадали две дождевые трубы на здании лаборатории: их сорвали для спасения растений, "ограбили" чью-то жилую квартиру и в теплицу притащили еще одну печь-колонку. Наспех установили ее. Не хватало дров, "незаконно" добывали доски, бревна, тут же в теплице превращая их в дрова... В сизом дыму, в бликах раскаленных докрасна печей мелькали силуэты людей, бросавшихся от одной печки к другой, поддерживая огонь, тягу, предотвращая аварии, восстанавливая разрушенное. К утру, несмотря на все усилия, температура в нескольких местах упала до -3оС. В этих местах почва ящиков промерзла" (57).

Остановимся на секунду на этом месте и задумаемся над вопросом, который Лысенко и его единомышленники должны были себе задать: зачем был нужен этот героизм? Не был ли он изначально никчемным? Что за великую цель преследовали эти люди? Кого и что они спасали? Ведь наверняка и им самим было уже кристально ясно, что никакого сорта -- ни плохого, ни хорошего -- к сроку не получить. К тому же к прежним бедам добавилась новая.

"В период налива зерна стали обнаруживаться растения, пораженные твердой головней", --

отмечает Долгушин (58). Шутка Бернарда Шоу сбылась: сохранить положительное свойство Гирки -- устойчивость к головне -- не удалось.

К весне было собрано всего полкилограмма семян "гибрида 1163", чуть больше -- "гибрида 1055", семян остальных двух "гибридов" получили по полтора килограмма. Эти крохи высеяли весной 1935 года в поле, и якобы их посевы демонстрировали участникам июньской выездной сессии ВАСХНИЛ. Но их ли? Ведь из описания самого Долгушина следовало, что хвастать было нечем.

При полевом посеве старые беды выявились с новой силой, а наивное объяснение пороков растений за счет "недохватки" тепла или влаги в теплицах не выдержало проверки практикой:

"Всходы показали большую изреженность и неравномерность..." (59).

Сомнений не оставалось -- шестое поколение подряд страдало неравномерностью всходов, плохой завязываемостью семян, что могло быть только следствием генетических дефектов. Торжественное обещание вывести за два с половиной года раннеспелый сорт пшеницы, унаследовавший от родителей одни положительные свойства, не оправдалось. "Теорию" эксперимент не подтвердил. К тому же и с практикой успех не вытанцовывался. Да и сортоиспытания провести не удалось.

Вот тогда-то Лысенко и проявил себя в блеске. Как учили лидеры нового общества, планы и обязательства, взятые на себя торжественно, должны выполняться беспрекословно, во что бы то ни стало. Любой ценой. И Лысенко не стал мучиться сомнениями. 25 июля 1935 года из Одессы в Москву отбили огромную телеграмму с победным рапортом, начинавшуюся словами:

"ЦК ВКП(б), зав. сельхозотделом тов. Я.А.Яковлеву

Наркому земледелия СССР тов. М.А.Чернову

Зам. наркома земледелия СССР - Президенту Всесоюзной Академии с.х. наук им. Ленина тов. А.И.Муралову

При вашей поддержке наше обещание вывести в два с половиной года, путем скрещивания, сорт яровой пшеницы для района Одесщины, более ранний и более урожайный, нежели районный сорт "Лютесценс 06"2 -- выполнено. Новых сортов получено четыре.

Лучшими сортами считаем безостые "1163" и "1055". Меньшее превышение урожая сорта "1163" в сравнении с остальными новыми сортами объясняем сильной изреженностью посевов этого сорта из-за недостаточного количества семян весной.

Семян каждого нового сорта уже имеем от 50 до 80 кг. Два сорта -- "1163" и "1055" -- высеяны вторично в поле для размножения" (60).

Это было лишь начало длинной телеграммы. Лысенко всеми силами стремился создать впечатление, что его четыре "гибрида" -- и на самом деле сорта, а не разваливающиеся от генного дисбаланса уродцы. Дальше шло предложение, в котором рассказывалось о якобы проведенных сортоиспытаниях. Так и говорилось: "Данные сортоиспытания (трехкратная повторность)". Сообщались цифры прибавок урожая над стандартом -- сортом Лютесценс 062. Цифры давались абсолютные -- в центнерах с гектара (12 и 14 ц/га, соответственно, для сортов 1163 и 1055) и относительные -- в процентах по отношению к стандарту. Не сильно напрягаясь, можно было сообразить, что все эти цифры -- липовые, ибо в той же телеграмме говорилось о наличии всего 50 и 80 килограммов семян, то есть ни о каких гектарах и собранных с них 12 и 14 центнерах и заикаться было нечего. Да и трехкратные повторности не были повторностями посевов одного поколения за другим (как того требовали правила сортоиспытания), а тремя делянками посевов в один год, с которых собрали однократно весь урожай и вывели среднее значение. Поскольку разброса данных по повторностям не сообщалось (да и был ли на самом деле этот повтор делянок?), то никакого смысла в словах "трехкратная повторность", кроме желания обмануть, выдать словесную фикцию за повтор, не существовало!

Лысенко и его помощники не переставали восхвалять достоинства своих "сортов" и позже (61), сообщая каждый раз всё более фантастические цифры. Тем не менее тщетность всех

надежд была скоро выявлена. Три "сорта" сами лысенковцы были вынуждены отбросить как непригодные, а тот, на который Лысенко особенно уповал, "1163", и который в приказном порядке срочно размножали, буквально через год был раскритикован специалистами. Но, взявшись за выполнение программы, нереальной с точки зрения науки, Лысенко выигрывал в другом: прочно завоевывал доверие высшего руководства.

Однако самое большое место в телеграмме (по количеству слов и смысловой нагрузке) занимал рассказ -- почти на страницу текста -- о разработанной новой фундаментальной теории селекции и семеноводства, о которой еще никому в науке не было ничего известно. Говорилось об этом таким тоном, чтобы всем стало понятно: выведение четырех первоклассных сортов в рекордные сроки -- не более чем приятный пустяк, а вот новая теория -- событие эпохальное. Уж она-то даст стране огромную прибыль и спасет Россию от недорода.

Сообразно с хорошо продуманной тактикой Лысенко и вставил в телеграмму об успехах с сортами сведения о новой теории. Он добивался этим главного -- рапортовал, радовал, веселил сердца и вселял уверенность. "Не прекращается ни на миг научный поиск" -- этот газетный штамп мог быть приложен к данному случаю в полной мере:

"Наши теоретические предпосылки (практически еще не проверенные), -- сообщалось в телеграмме, -- дают нам основание надеяться на громадную практическую эффективность обновления семян сортов самоопылителей. Эту новую работу считаем наиболее ударной в тематике института и строим ее с таким расчетом, чтобы в случае оправдания этого мероприятия в наших опытах в 1936 г., уже в 1937 г. иметь в совхозах и колхозах элитные семена основных районных сортов, а в 1939 г. основные хозяйственные площади засеять обновленными семенами.

Надеемся и в дальнейшем на ваше руководство и большую поддержку наших новых начинаний.

Научный руководитель селекционно-генетического института

акад. Т.Д.Лысенко

Директор Института Ф.С.Степаненко

Секретарь комитета ВКП(б) Ф.Г.Кириченко

Председатель рабочкома Лебедь

25 июля 1935 г." (62).

Совмещение в одной телеграмме сведений о двух новинках могло бы кому-то показаться проигрышем. Дескать, почему сначала не выдоить всё, что может принести первая новинка, а затем уже выступать со второй. Но Лысенко еще раз показал этим, что он -- выдающийся политикан, гений фальсификации. Он хорошо знал, что никаких сортов нет, поэтому неродившуюся новинку (новые сорта) он замещал другой новинкой (теорией обновления сортов). Жонглирование предложениями рождало в глазах начальства уверенность в неисчерпаемости научного поиска Лысенко, в его огромной творческой мощи.

Этот феномен жонглирования новинками сопровождал его всю жизнь. И каждый раз, строго следуя выработанной и проверенной годами тактике, он сначала трубил о грядущем успехе, а

затем, выдавая на-гора другую новинку, принимался обвинять в провале предыдущей своих научных противников, вредителей или нерадивых колхозников, указывая, что все эти люди -- враги социалистического строя.

Наверняка, в день получения телеграммы и в ЦК партии и в Наркомземе царил душевный подъем: мудрые предначертания встретили должный отклик у тружеников и завершились грандиозными трудовыми успехами{3}. Должны были порадоваться и в Академии сельхознаук: все-таки академический институт выполнил соцобязательства (64). Стоит ли говорить о том, как подобные успехи Лысенко поднимали его в глазах руководства над всеми маловерами.

Летние посадки картофеля

Сопоставление дат обнародования всех последовавших за яровизацией "открытий" Лысенко показывает, что идеи, положенные в основу их, были сформулированы в течение примерно года -- начиная с конца 1932 года. Научный багаж Лысенко за это время не мог существенно возрасти -- времени на учебу не было. Но он быстро столкнулся с непреложным правилом: каждый раз, стоило ему выдвинуть очередную новинку, как генетические законы оказывались препятствием. В то же время, войдя в обойму новаторов, признанных партийным руководством, поддерживаемых прессой, он должен был всё время сохранять этот имидж, и поэтому должен был сделать выбор между двумя взаимоисключающими возможностями -- удовлетворять требованиям генетики (и из-за этого потерять ядро своих предложений) или же преуспеть в делании карьеры, но отвергнуть генетику как таковую. Конечно, рассмотреть обе возможности серьезно он не мог по простой причине: для этого надо было знать, как минимум, основы генетики. Поэтому на путь отвергания генетики он вступил неосознанно. Тем не менее он всё более определенно и решительно стал утверждать тезис о недоказанности законов генетики и вредоносности этой науки для дела социалистического переустройства деревни. Вера в то, что новая колхозная и совхозная практика непременно подтвердит правоту его идей и автоматически докажет нежизненность (любимое его словечко) генетических теорий, сформулированных буржуазными (а значит, идеалистически мыслящими) учеными стали лейтмотивом всех выступлений. Ведь генетики не могли предвидеть, что наступит такой золотой век, когда на необозримых просторах возникнут новые общественные структуры -- колхозы и совхозы -- и тогда сама собой отпадет нужда в "законах" генетики, может и справедливых когда-то, доказывавшихся на клочках земли, но предназначенных для иного -- буржуазного общества.

Лысенко был талантливым учеником системы: его своеобычный стереотип сложился быстро. И с уже сформировавшимися приемами и подходами он принимается за разрешение еще одной практической задачи -- увеличения урожайности картофеля, высеваемого на юге Украины. И снова ход его мыслей шел от неприятия законов генетики и от следования нехитрой схеме, построенной на базе представлений о том, что внешняя среда способна лепить наследственность запросто, меняя формы и свойства растений.

Он придумал примитивное объяснение низких урожаев картофеля на колхозных полях на юге: допустил (без единого опыта), что оно обусловлено теплым климатом. Дескать, стоит клубням побыть пару месяцев в теплой земле, как картофельная "порода" (так, по-крестьянски, именовал он наследственность) испортится. Картофель начнет хуже "родить". Высади его еще раз на юге -- он еще раз подвергнется порче. На третий раз "порода" будет испорчена вконец, и ничего хорошего от такого выродившегося картофеля не жди.

Но раз породу легко испортить, то так же легко ее улучшить, посчитал Лысенко, надо только посадить клубни не в теплую, а в прохладную землю. Скажем, ближе к осени. Тогда за один-

два сезона наследственность улучшится -- вот и решение проблемы повышения урожаев картофеля, так нужного советской стране. Было во всем этом что-то от суеверий, от древней простонародной веры в наговоры и сглаз. Не было ничего, конечно, от науки. Надуманные схемы приобрели в сознании необразованного человека самодовлеющую власть.

Следует сразу же сказать, что сам метод посадок картофеля летом никак нельзя было назвать новинкой. Принцип этот использовали задолго до Лысенко земледельцы Средиземноморья, океанских побережий США и других территорий с влажной теплой осенью, чтобы избежать засухи в критический момент жизни картофельных растений -- момент созревания, налива клубней. Но, смещая сроки посадки картофеля, никто не связывал это с изменением наследственности и, значит, ухудшением или улучшением "породы", ПОРОДНЫХ качеств, никто не предотвращал ВЫРОЖДЕНИЕ.

6 июля 1933 года по его распоряжению ассистент Е.П.Мельник засаживает в Одессе четверть гектара клубнями сорта "Элла". Посадка идет в сухую почву. Спасает то, что, по словам Лысенко:

"... лето было в этом году дождливое. Поэтому удалось получить всходы картофеля на участке, где уже был выращен один урожай, чего в обычные годы на неполивных участках нельзя получить в условиях юга" (65).

Однако везение есть везение и раз на раз не приходится: в следующие годы летних дождей было мало, и "опыты" дали отрицательный результат. Уже в 1934 году "оздоровление" не получилось, и Лысенко, сравнивая обычные и летние посадки, был вынужден констатировать:

"... разницу между этими посадками трудно подметить, ничего особенного в поведении растений из клубней от урожая летней посадки в глаза не бросалось... Можно было думать, что поведение растений в указанном опыте весенней посадки 1934 года... как бы не подтвердило нашего вышеупомянутого предположения о том, что летние посадки должны прекратить ухудшение посадочного материала картофеля при его репродукции на юге" (66).

Обратите внимание на его замечательное -- "как бы не подтвердило". Провал этот, дает понять Лысенко, как бы не имел места.

Очевидная неудача не повлияла на решимость Лысенко рекомендовать колхозам летние посадки. Он уже убедился в том, что анкетный метод подтвердит "действенность" любого его предложения, а вера в то, что его предложения правильны, была у него железобетонной. Поэтому летом 1934 года близлежащим колхозам дается команда посеять по одному-два гектара посадочным материалом, передаваемым лысенковцами из Одессы.

Лысенко уверял, что летние посадки завершились прекрасными результатами и что поздней осенью из колхозов поступили анкеты с записями о якобы замечательных урожаях. Особенно впечатляющим, по его словам, был вес индивидуальных клубней, собранных после летней посадки. Правда, и здесь не обошлось без курьезов. Лысенко называл вес выращенных тогда клубней равным то 400--500 граммам (см. /67/), то 300--500 граммам (68), то даже килограмму (69). А иногда он сообщал о якобы часто встречавшихся полуторакилограммовых и даже двухкилограммовых клубнях (70).

Впервые на публике Лысенко заговорил о картофеле в конце 1933 года, а уже в 1934 году объявил новую "теорию вырождения картофеля на юге" доказанной (71), зачислив ее в разряд "крупнейших достижений новой биологии", и заверил партийных лидеров, что благодаря

этому очередному вкладу в науку производство картофеля на юге будет быстро увеличено. Его оптимизм был вполне в духе времени:

"Каждому трудящемуся более чем ясна прелесть нашей советской действительности, нашего советского строя. В самом деле, разве есть в мире для человека более душевное наслаждение, чем чувствовать и осознавать, что и ты вложил свою агрономическую мысль, свой труд в общее дело расцвета социалистического сельского хозяйства" (72).

Столь же демагогическим был подход к решению новой задачи -- отказаться от научных методов и заменить их своими:

"По старым представлениям мы должны были начать свои исследования с нахождения пути химического или биохимического анализа отличий одних клубней от других. Но такой подход к решению многих вопросов в агронауке, в том числе и вопроса борьбы с вырождением посадочного материала, -- не наш путь и не с этого нужно начинать" (73).

Параллельно он отверг вывод ученых о роли вирусов картофеля в порче клубней, приписав порчу только плохому действию внешних условий, а заодно решил отрицать необходимость изучения распространения вирусов в стеблях, листьях и клубнях:

"Ухудшение природы картофеля при культуре его в жарких условиях не связывалось с изменением породы в зависимости от условий жизни, а было зачислено в болезни" (74).

"Но так как возбудителей, то есть заразного начала, нельзя было обнаружить, то эту болезнь причислили к болезням, вызываемым фильтрующимися вирусами" (75).

Дальше события развивались по уже апробированной схеме: Лысенко организует газетную шумиху и протаскивает через Наркомзем УССР и СССР нужные ему постановления об обязательности летних посадок. В украинской газете "Коммунист" 21 марта 1935 года он помещает статью "За власну степову картоплю", а затем разражается вереницей статей в центральных газетах. 25 июня и 27 октября 1935 года он публикует статьи в "Правде", 15 июля и 15 сентября -- в "Известиях", 26 марта, 28 апреля, 8 июля, 30 июля, 9 октября и 7 ноября -- в "Социалистическом земледелии". "Возрождение сорта", "Обновление земли", "Картофель на юге", "Картофель на юге и теория стадийности", "Літня посадка картоплі" -- повторяющиеся названия статей создают впечатление действительно новой победы Лысенко. Параллельно те же статьи с минимальными изменениями он помещает в журналах "Колхозное опытничество" (76), "Колхозный бригадир" (77) и др.

На сессии ВАСХНИЛ в том же 1935 году он выступил с откровенной саморекламой и заявил, что благодаря летним посадкам "на 1937 год весь юг будет обеспечен на 200% посевным картофелем" (78). Спрашивается, а зачем нужны эти 200%, хватит и ста. Но залихватский тон рождал такие же залихватские цифры. Лысенко уже не мог остановиться, его заносит, и появляются
эти хлестаковские "тридцать тысяч курьеров". Точно так же он заявляет в 1935 году в одной статье о проверке летних посевов в 25 колхозах на 300 гектарах, а в другой статье (79) эта же цифра площадей у него возрастает в 20 раз.

В это время он начинает проигрывать еще один мотив, становившийся у него популярным. Он дает объяснение, почему его новинки никогда не появлялись на презренном Западе и никогда там не подхватывались практичными капиталистами. Он пишет:

"... признать изменение природы картофеля при культуре его на юге -- это значит признать

изменение наследственности организмов от условий жизни. Буржуазной же науке о наследуемости такую зависимость не выгодно было признавать. Не признает она ее и до сих пор" (80).

Как можно было законы экспериментальных наук объявлять буржуазными? Разве закон тяготения на одной шестой части суши действует иначе? Разве электрический ток при пересечении границы страны Советов перестает подчиняться закону Ома, а законы Менделя при этом меняют свой смысл и значение? Абсурдность таких утверждений ясна любому нормальному человеку. И уж совсем нелепо утверждать, что "буржуазной науке НЕВЫГОДНО ПРИЗНАВАТЬ" какие-угодно реально существующие факты и законы. Логичнее было бы считать, что уж если кому и выгодно "выжимать" максимальную пользу из научных исследований, то, говоря словами пропагандистов, прежде всего буржуям. Ведь для них чем больше прибыль, тем лучше. И, если борясь с вирусами, можно увеличить сборы картофеля, то они будут бороться с ними, как только можно. А если узнают, что не в вирусах дело, а в особом картофельном вырождении, то, будьте уверены, они и за "вырождение" примутся. Им, буржуям, лишь бы с выгодой остаться.

Лысенко был не единственным человеком, смело перебрасывавшим мостик от обвинений западной общественной мысли в буржуазном перерождении к перерождению естественных наук. Он уже хорошо понимал, что безапелляционные обвинения в буржуазности на самом деле адресованы точно, что там, где надо -- в кабинетах коммунистических вождей и высших чекистских начальников -- его слова услышат, поймут однозначно, и в своих ожиданиях он не обманывался. Поэтому он все более уверенно декларировал тезисы о классово-обусловленных корнях заблуждений не только генетиков, но и вирусологов, физиологов растений и других ученых.

Трудно понять, почему эта идея Лысенко была оценена Вавиловым положительно. Возможно, он по инерции продолжал некритически относиться ко всему, что исходило от новатора. Однако поддержка Вавилова уже не была нужна Лысенко, он теперь искал опору в коридорах властей и укрепился настолько, что даже если бы люди ранга Вавилова стали его критиковать, он мог парировать любую критику апелляцией к верхам.

Требование Лысенко "отменить" закон чистых линий В.Иоганнсена

и заменить его свободным переопылением сортов

В 1898-1903 годах датский биолог Вильгельм Иоганнсен в серии изящных опытов установил, что различия в признаках потомков одних и тех же родителей возникают из-за их гибридной природы, и что после ряда самоопылений потомков по нисходящей линии дальнейшего расщепления по признакам не происходит -- образуется константная чистая линия. Иными словами, если исключить перекрестное опыление растений, а поколение за поколением опылять цветки родственной пыльцой, то постепенно получатся организмы со сходными признаками -- так называемые чистые линии.

Закон чистых линий Иоганнсена был положен во всем мире в основу семеноводства и селекции, а, кроме того, позволял работать с нерасщепляющимся (стабильным) материалом при выведении новых сортов и отвергал наивные надежды тех, кто верил в наследование благоприобретенных признаков.

Положения закона Иоганнсена никак не устраивали Лысенко. Они сковывали его инициативу. А раз так, то он смело и решительно заявил, что Иоганнсен ошибался, чистых линий в принципе быть не может. "Чистая линия быстро изменяется, быстрее, чем представляла себе

наука", -- объявил он, не поставив ни одного эксперимента. Из этого тезиса вытекало, что использовать чистые линии не только не нужно, а даже вредно (дескать, силы потратишь, время потеряешь, а всё равно чистого материала в природе быть не может), и потому он предложил заменить прием получения чистых линий диаметрально противоположным по смыслу приемом -- свободным переопылением растений летающей в воздухе пыльцой. Для перекрестноопыляющихся растений (ржи, свеклы и других) новатор предложил другой радикальный способ -- воспитание (именно так: в о с п и т а н и е) расчеренкованных частей растения в различающихся условиях внешней среды с... последующим переопылением.

Свою новинку Лысенко уверенно объявил последним словом науки (/81/ и /82/) и твердо обещал, что она принесет стране много дополнительного зерна, поможет улучшить свойства всех сортов.

26 июня 1935 года в Одессу съехались селекционеры и генетики. Здесь открывалась выездная сессия зерновой секции ВАСХНИЛ. Лысенко повел гостей на экскурсию по своим делянкам, спорил с приехавшими светилами по поводу всех его предложений, а на следующий день в докладе, озаглавленном "О перестройке семеноводства" (83), сказал:

"Если бы мне поручили выводить сызнова новый сорт яровой пшеницы, то, конечно, я бы выводил его теперь не в два с половиной года, а, наверно, в более короткий срок и думаю, что дал бы более лучший сорт" (84).

"...разрабатывать методику выведения сорта путем высасывания теории из пальца (подразумевая под пальцем хотя бы и хорошую голову), а также путем лишь литературного освоения всего мирового опыта, вне самой практической работы по выведению сорта -- невозможно. Этим я хочу подчеркнуть, что разрабатывать новые способы выведения сортов, более действенные, чем существующие, можно только в процессе выведения новых сортов" (85).

Понимания и ответного чувства восторга у биологов и селекционеров, собравшихся на сессию, эти поучения не вызвали, и, осознавая это, Лысенко вставил в свой доклад фразы, которыми он надеялся парировать будущую критику загодя, считая, что этим он с лучшей стороны продемонстрирует свои устремления к революционному преобразованию основ наук:

"Прошло уже больше года после заявления товарища Сталина на XVII съезде партии о том, что семенное дело по зерну и хлопку запутано. Изменилось ли положение на этом участке сейчас? Очень мало, семеноводство по-прежнему один из самых отсталых участков социалистического сельского хозяйства. И виновата в этом в значительной мере сельскохозяйственная наука. Генетика и селекция во многих случаях стоят в стороне от практики семеноводства" (86).

На самом деле теория семеноводства, основанная на достижениях генетики, была к этому времени прекрасно разработана, но Лысенко начал с жаром доказывать, что генетика вредна как в целом, так и в частностях, особенно нажимая на вредность закона чистых линий:

"... Вопрос изменчивости так называемой "чистой линии" несравненно ближе касается селекционеров и семеноводов, чем они это до сих пор себе представляли. Мы твердо установили, что чистая линия изменяется, и что изменение происходит несравненно быстрее, чем себе представляли селекционеры и семеноводы" (87).

Никаких собственных доказательств, кроме громкой словесной декларации, Лысенко ни в

докладе, ни после него не представил. В лысенкоистской литературе, правда, можно встретить указания на то, что доказательство это было получено неким М.Цюпой, заведующим отделом селекции Елизаветинской селекционной станции, расположенной на Балтийской ветке Октябрьской железной дороги.

М.Цюпа в числе других практиков сельского хозяйства, приглашаемых на всякие курсы и инструктажи в Одессу, приехал, прослушал доклад Лысенко и быстро сообразил, чего ждет от таких, как он, великий реформатор биологии. Вернувшись к себе в Елизаветино, он мгновенно -- в первый же день по приезде -- "обнаружил доказательства", так нужные Лысенко. Описание "открытия" Цюпы было опубликовано в редактируемом Лысенко и Презентом журнале "Яровизация", в том же номере, что и доклад самого Лысенко, и сопровождалось заметкой:

"От редакции. Настоящее письмо является откликом на высказанные Т.Д.Лысенко мысли о перестройке семеноводства и еще раз демонстрирует, как неправильная теоретическая установка (в данном случае теория чистой линии Иоганнсена) создает шоры, мешающие видеть факты, как они есть на самом деле, и как исследователь положительно прозревает, взглянув на свой фактический материал в свете методологически правильной теории" (88).

Вот, что писал Цюпа:

"Трофим Денисович.

Мысли, развитые вами в отношении нечистоты "чистой линии", явились тем свежим ветром, который сдул пыль установившихся "научных" традиций.

После возвращения от вас, я побежал по своим питомникам, которых не видел 2 недели. На озимой пшенице сотрудница Виноградова показывала мне свои линии в конкурсном испытании. Среди них одна "чистая линия" обратила мое внимание своей "нечистотой"... (от 5 до 10%)" (89).

Без объяснений того, как и что Цюпа узрел, и почему он решил, что увидел "нечистоту", трудно вообще о чем-то говорить, впрочем, причин "нечистоты" могло быть много -- и гетерозиготность исходного материала, и возможность заноса чужеродной пыльцы, и банальная путаница в семенах (загрязнение семенного фонда). Прежде чем заявлять об опровержении закона Иоганнсена, надо было проверить каждую из возможностей. Это, конечно, требовало кропотливой работы. Вместо нее Цюпа ссылался на то, как сотрудница станции наблюдала переопыление растений пшеницы пыльцой, попавшей с чужих цветков пшеницы. Такое переопыление (особенно при резких колебаниях погоды и других необычных условиях выращивания) случается у пшеницы -- не слишком строгого самоопылителя. Однако Цюпа писал вполне серьезно:

"... я попросил Виноградову завтра утром понаблюдать за поведением цветения у этого номера... На другой день тов. Виноградова дежурила... с 5 час. утра и возвратилась с поля чрезвычайно удивленной -- на ее глазах колоски... раскрывали колосковые и цветковые пленки: на упругих и длинных нитях выбрасывались наружу совершенно целые вполне зрелые пыльники и только снаружи пыльники лопались, высыпая массу пыльцы в воздух. Туча пыльцы носилась по делянке... Сегодня я просил тов. Виноградову еще просмотреть свой питомник, особенно "чистые линии" из местных сортов, и дать мне цифры их "чистоты".

Только что тов. Виноградова была у меня, чтобы смущенно сказать мне, что многие из ее

"чистолинейных" линий уже далеко не чисты" (90).

В наблюдениях Виноградовой и Цюпы не было ничего, не известного науке раньше, и ничем их банальные наблюдения не противоречили закону чистых линий: они просто не заметили, что в их условиях происходит переопыление, и, следовательно, должны были принять меры к тому, чтобы растения не переопылялись (надеть на еще не зацветшие колосья марлевые или пергаментные чехлы-изоляторы, как это делают все грамотные специалисты, или разместить посевы так, чтобы риск заноса чужой пыльцы с одного участка на другой был максимально снижен, пересмотреть все ранее имевшиеся "чистые линии" в их коллекции и отбраковать уже загрязненные и т.д.). И автор письма и его помощница не знали самых элементарных правил получения чистых линий, они, подобно герою пьесы Мольера, не знавшего, что он всю жизнь говорил прозой, ничего не знали о простых методиках проверки линейного материала. Не знали этого и редакторы журнала "Яровизация", опубликовавшие невразумительные описания М.Цюпы. Кстати, никаких "цифр чистоты" он так и не сообщил.

Конечно, такой кавалерийский способ решения серьезных научных проблем вызвал возражения у ученых. Вавилов и другие специалисты решили воспользоваться дискуссией на одесской сессии ВАСХНИЛ летом 1935 года и разобрать вопросы, поднимавшиеся необразованными новаторами с немалым апломбом. Это был один из первых случаев, когда Вавилов открыто журил Лысенко за научные заблуждения. Но его слова не произвели отрезвляющего действия, а, напротив, ожесточили "колхозного академика".

"Исследователь обязан быть упорным и настойчивым в своей работе. В то же время исследователь должен уметь подниматься выше колокольни разрабатываемого им предмета, иначе из-за деревьев такой исследователь не будет видеть леса, -- заявил он в заключительном слове. -- Многие из выступавших указывали на то, что я недооцениваю науку, другими словами, -- недооцениваю теорию. Науку я ценю и уважаю не меньше любого из сидящих здесь товарищей. В Советском Союзе наука вообще, и, в частности, агронаука ценится несравненно более высоко, чем в капиталистических странах. По заслугам у нас ценятся и люди науки, особенно академики" (91).

Нисколько не тушуясь, он пошел во встречную атаку: обвинил в неграмотности тех, кто "осмелился" критиковать его -- прежде всего Вавилова и профессоров Г.Д.Карпеченко, Т.К.Лепина, В.Я.Юрьева, Г.К.Мейстера и других.

Эта дискуссия продемонстрировала, что Лысенко уже настроился на вполне определенный лад, что научные аргументы он может игнорировать, хорошо осознавая, что теперь сила в другом.

Призыв Сталина: "не бояться авторитетов"

Одновременно с кампанией коллективизации Сталин в 1928-1929 годах включился борьбу за создание кадров интеллигенции (92), зорко следил за настроениями среди красного студенчества, не уставал повторять, что нужно смелее браться за решение любых научных проблем без скидок на молодость, отсутствие опыта, невысокую образованность. Он внушал строителям социализма, что чувство преклонения перед авторитетами прошлого -- рудимент буржуазной сентиментальности. Ни авторитеты, ни прошлые заслуги, ни прочие "ненужные" атрибуты не следует принимать в расчет, учил Сталин. Именно так он высказался на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 года:

"Я знаю, что подымая ярость трудящихся масс против бюрократических извращений наших организаций, приходится иногда задевать некоторых наших товарищей, имеющих в прошлом

заслуги... Но неужели это может остановить нашу работу... Я думаю, что не может и не должно. За старые заслуги следует поклониться им в пояс, а за новые ошибки и бюрократизм можно было бы дать им по хребту. (Смех, аплодисменты)" (93).

Эта речь была опубликована в "Правде", прорабатывалась во всех комсомольских ячейках страны. Разве могла она не зажигать дух тех, кто рвался в командиры, стремился выйти на передовые позиции, искренне верил в правоту выбранного вождями и теперь ими самими пути и в скорую победу над всеми и всяческими авторитетами? Максимализм, свойственный юности, к тому же усиленный недостатком образования, разжигался такими речами невероятно, и самые решительные из молодых, особенно из не наделенных склонностью к самоанализу и природной застенчивостью, прямо-таки воспламенялись от них. В той же речи Сталин утверждал:

"Надо взяться вплотную за организацию крупного общественного производства в сельском хозяйстве. Но чтобы организовать крупное хозяйство, надо знать науку о сельском хозяйстве. А чтобы знать -- надо учиться. Людей же, знающих науку о сельском хозяйстве, у нас до безобразия мало. Отсюда задача создания новых, молодых кадров строителей нового, общественного сельского хозяйства" (94).

Слова о нехватке людей, знающих практику сельского хозяйства и нехватке ученых-аграрников были на деле грубым искажением истины. Именно в России активно разрабатывались многие отрасли сельскохозяйственной науки, о чем речь шла выше. Сталин обязан был знать об этом и как руководитель страны, и как человек, берущийся осуждать отсталость отечественной науки. Но Сталин именно потому разжигал антагонизм к авторитетам у малограмотной молодежи, что понимал суетность надежд встретить ответное чувство у тех, кто хорошо освоил предмет. Вот, например, как он "лестно" отзывался о науке в известной статье "Год великого перелома" (опубликована 3 ноября 1929 года):

"Рухнули и рассеялись в прах возражения "науки" против возможности и целесообразности организации крупных зерновых фабрик в 40-50 тысяч гектаров. Практика опровергла возражения "науки", показав лишний раз, что не только практика должна учиться у "науки", но и "науке" не мешало бы поучиться у практики" (95).

Призывая ученых учиться у практиков, не забывая каждый раз окружать само слово наука кавычками, демонстрируя свое неуважение к ней{4} , он не обходился без элементарной подтасовки. Наука не возражала против создания совхозов-гигантов: ученые высказывали тревогу по поводу СПЛОШНОЙ распашки степей, указывали на нарушения экологических связей, уничтожение путей миграции животных, распашку мест гнездования птиц, грубого вторжения в складывавшиеся тысячелетиями цепи взаимодействия видов и на прямую опасность всего этого для человека. Повторим еще раз: сегодня мы знаем, что эти опасения были правильными. И как ни глумился Сталин над учеными, их подход был обоснованным, позиция гуманной, а действия и предложения отнюдь не враждебными государству. Ожесточенность малограмотного человека была плохим советчиком в делах государственных, но эта ожесточенность находила отзвук в сердцах многих таких же грамотеев, имевших страстное желание построить всё заново, кромсая, круша и разваливая старые порядки и законы.

Как Сталин научил лысенок вранью

Ни одно из "достижений" Лысенко за все годы его последующей деятельности не обходилось без того, чтобы в угоду надуманным схемам он сам или его последователи не фальсифицировали результаты экспериментов, чтобы они не опирались на липовые

доказательства "передовых" колхозников, якобы "проверяющих и подкрепляющих наши выводы на полях", как твердил Лысенко. Пагубная страсть к перманентному блефованию возникла не на пустом месте, она закономерно следовала из общих тенденций партийной пропаганды тех лет, в том числе из соответствующих выступлений Сталина. Вот краткое описание одного сталинского урока, ставшего на многие годы моральным оправданием любого мошенничества Лысенко и ему подобных.

На XVI конференции ВКП(б) в конце апреля 1929 года партия призвала к еще большему развертыванию социалистического соревнования как средства "могучего производственного подъема трудящихся масс" (97). Сталин лично включился в число агитаторов за это мероприятие и среди других мер решил усилить печатную пропаганду соцсоревнования, надеясь этим показать, что

"соревнование не очередная мода большевиков, которая должна заглохнуть по окончании "сезона"... а коммунистический метод строительства социализма на основе максимальной активности миллионных масс трудящихся... Соревнование есть тот рычаг, при помощи которого рабочий класс призван перевернуть всю хозяйственную и культурную жизнь страны на базе социализма" (98).

Признавая, что "редко можно встретить такие заметки, которые изображали сколько-нибудь связно картину того, как проводить соревнование самими массами" (99), Сталин решил издать большим тиражом брошюру "неизвестного в литературном мире человека", как сам Сталин назвал её автора (то есть читай: выдвиженца в литературном мире), -- Елены Микулиной и даже написал к ней предисловие. Еще до того, как брошюра "Соревнование масс" (100) вышла в свет, предисловие уже было опубликовано в газете "Правда" 11 мая 1929 года. В этом предисловии книжке была дана высокая оценка, а одна лишь подпись -- И.Сталин означала безоговорочное одобрение труда партийным руководством. Сталин характеризовал книжку следующим образом:

"Достоинство этой брошюры состоит в том, что она представляет собой простой и правдивый рассказ о тех глубинных процессах великого трудового подъема, которые составляют внутреннюю пружину социалистического соревнования" (101).

Но с этим "простым и правдивым рассказом" случился большой конфуз. В брошюре оказалось много фактических ошибок и намеренных искажений. Один из подзаголовков назывался "Фабрика в Зарядье". Начинала этот раздел Елена Микулина неторопливо, эпически:

"Фабрика в "Зарядье". Вернее это не фабрика, а комбинат. Здесь и прядильная, и ткацкая, и красильная. Жили до сих пор на фабрике тихо, спокойно..." (102).

Но царило это спокойствие лишь до поры, пока не надумали начать соцсоревнование. Зарождающееся дело повело к нервозности, взвинченности -- искали внутренние резервы, причины отставания. Инициатива якобы шла от директора, но за живое задела многих и на низах. Вот как Микулина описывала собрание, на котором обсуждали соревнование:

"Долго говорил директор, отчего так вышло... Кончил он свою речь, выпрямился и руку свою поднял, -- вытянул в зал и говорит:

- Должны мы все это изжить и за полгода подтянуться в том, чего не выполнили, и постараться дать ситец дешевле...

Все захлопали ему, а ткачихи до того в азарт вошли -- кричат: правильно, правильно.

Петрова как вышла, платок поправила и начала резать.

- Я все знаю. Директор правильно сказал... Кто виноват, что у нас грязь, плевки на полу?

- Станки стояли, а мы разговаривали...

- И потом я предлагаю вызвать нашему ткацкому отделу -- прядильный. Ну-ка, давайте возьмемся, бабочки.

Ну, тут уж в зале поднялся невозможный шум. Кричат кто во что горазд. А поуспокоились немножко и начали высказываться.

От прядилок говорила Бардина.

- Что же, бабочки, Петрова правду сказала. Много у нас... брака происходит" (103).

Когда брошюра вышла в свет, и её прочли, в том числе и те, о делах кого Микулина живописала, пошел ропот. Дело дошло до разбирательства в Иваново-Вознесенском обкоме партии, пошли письма во всесоюзную "Рабочую газету". Корреспондент Руссова привела факты о том, что на фабрике в Зарядье, описанной в брошюре, вовсе нет прядильни, о соревновании рабочих которой так красочно повествовала Микулина, что одна из героинь книжки Микулиной -- прядильщица Бардина -- попросту вымышленный персонаж, что идеальные порядки, якобы введенные на фабрике соревнующимися рабочими, есть плод фантазии завравшегося в "угоду интересам дела" автора.

Всё это поставило Сталина в неудобное положение. Ему пришлось давать ответ, который он адресовал секретарю областного бюро ЦК ВКП(б) по Иваново-Вознесенской области Колотилову, а также члену Польского бюро при ЦК ВКП(б) и редактору "Рабочей газеты" Феликсу Кону. В письме к ним, опубликованном 9 июля 1929 года, он предпочел целиком и полностью взять нужного ему автора под защиту. Сталин писал:

"Я допускаю, что прядилки Бардиной нет в природе и в Зарядье нет прядильной. Допускаю также, что зарядьевская фабрика "убирается еженедельно". Можно признать, что т. Микулина, может быть, будучи введенная в заблуждение кем-то из рассказчиков, допустила ряд грубых неточностей, и это, конечно, нехорошо и непростительно. Но разве в этом дело?" (104).

Во-первых, он говорит, что "брошюра т. Микулиной, конечно, не является научным произведением". Во-вторых, Сталин полагает, что если бы брошюре не было предпослано его, Сталина, предисловие, то, может быть, на эти ошибки и не обратил бы никто никакого внимания, и между строк явственно читалось, что, мол, с других в подобных ситуациях "стружку не снимают".

"Не вина т. Микулиной, если мое предисловие создало слишком преувеличенное мнение об ее, по сути дела очень скромной, брошюрке", --

уговаривает Сталин (105).

Наконец, он категорически возражает против предложения Колотилова и Кона снять тираж с продажи, как это многократно делалось с книгами авторов, в чем-либо не потрафивших

властям. Он даже полагает, что фактом изъятия книги из продажи можно "наказать читателей":

"Изымать из продажи можно лишь произведения не советского направления, произведения антипартийные, антипролетарские. Ничего антипартийного и антисоветского в брошюре т. Микулиной нет" (106).

То, что Микулина опошлила и дискредитировала идею соревнования, -- этого Сталин не только не замечает, но и замечать не собирается. Только так и можно понять его слова о партийном и советском характере и духе этой книги. И чтобы была ясна его позиция , он даже выговаривает в строгом тоне автору критической заметки товарищу Руссовой, взявшейся за разбор труда, лично одобренного товарищем Сталиным. Действия товарища критика кажутся Сталину совершенно непростительными, а потому:

"рецензия т. Руссовой производит впечатление слишком односторонней и пристрастной заметки" (107).

На замечание рецензента, что "т. Микулина ввела в заблуждение тов. Сталина", он даже отвечает в ироническом тоне:

"Нельзя не ценить заботу о тов. Сталине, проявленную в данном случае т. Руссовой. Но она, эта забота, мне кажется, не вызывается необходимостью" (108)

и добавляет в назидание критику:

"Не так-то легко "вводить в заблуждение" тов. Сталина" (109).

Сталин убежден, что "малость приврав", Микулина поступила правильно, и заключает, что она создала книгу, которая "принесет рабочим большую пользу", так как

"... она популяризирует идею соревнования и заражает читателя духом соревнования" (110).

Сталин выделяет жирным шрифтом слово "заражает". Он уверен в том, что это главное -- заразить духом соревнования. То, что в заразном начале оказалась немалая толика вранья, его не смущает. Врите, как бы говорит он, но выдерживайте главную идеологическую линию, которой сегодня придерживается партийная верхушка. Тогда никакая критика правдолюбцев, вроде Руссовой, докапывающихся до вашего вранья, не будет вам страшна. Вас защитят и оправдают, а критикам "дадут по хребту", как говаривал товарищ Сталин. К тому же известно, что если неправду повторить сто раз, -- ей обязательно поверят.

Практика приукрашивания действительности проникла во все сферы советской жизни, но особенный размах она получила в сталинские годы в области сельского хозяйства. Вот один из показательных примеров.

На XVII съезде партии в докладе наркома земледелия СССР Яковлева (и ранее, 21 ноября 1933 года, в его докладе Правительству СССР) были приведены цифры благополучного роста продуктивности животноводства. Но в докладе председателя Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) и наркома Рабоче-Крестьянской инспекции Я.Э.Рудзутака на этом же съезде все данные наркомата земледелия по животноводству были взяты под сомнение.

"Если мы проверим и проанализируем чисто арифметические данные товарища Яковлева, то уже одно это вызовет ряд недоуменных вопросов", (111) --

говорит Рудзутак и продолжает:

"Вот, например, товарищ Яковлев пишет, что в 1933 году падеж телят составлял всего 19% против 28% в 1932 году... Если отбросить 19% падежа... то все же недостает, по данным самого же товарища Яковлева, 350 тыс. голов телят, или 15%. Куда они делись? Или сведения, сообщаемые в докладе, неправильные, или падеж телят был не 19%, а гораздо больше, или же имеет место недопустимый процент яловости" (112).

Разбирая таким же образом данные о свиноводстве и овцеводстве, Рудзутак с цифрами в руках показал, что либо наркомзем "недоучел" 2 миллиона 600 тысяч поросят (четверть всего поголовья свиней в стране!), либо укрыл их от отчетности Центральному Комитету партии и правительству, а заодно и высшему коллегиальному органу страны -- партийному съезду, что было маловероятно (куда лучше было бы козырнуть лишним приплодом), либо "падеж был гораздо больше". И это было не всё: партийные контролеры обнаружили, что ведомство Яковлева без зазрения совести приврало о большом приплоде овец. "Каким образом овцы размножаются таким быстрым способом -- это остается секретом Наркомзема -- продолжает нарком РКИ (113) и делает вывод, что наркомат земледелия:

"допустил, по моему, целый ряд неточностей, что свидетельствует о не совсем точном знании действительного положения... Планирование в Наркомземе поставлено неудовлетворительно, цифры его работники нередко берут просто с потолка, руководство планированием на местах поставлено плохо" (114).

Как это ни парадоксально, вопиющие факты обмана партии и правительства не получили никакой дальнейшей критики на съезде. В те годы, когда сажали и расстреливали за малейшую провинность, сталинскому наркому всё сошло с рук. Поговорил Рудзутак, и этим всё завершилось. Яковлеву не пришлось даже оправдываться или в чем-то виниться. Весь обман с миллионами голов скота был представлен как невинное упражнение в арифметике, а Яковлева избрали в состав Центрального Комитета партии большевиков.

Вот точно так же и вся деятельность Лысенко, как две капли воды, была схожа с писаниями Микулиной или отчетами о положении в животноводстве Яковлева. Лысенко голословно утверждал, что его предложения направлены на то, чтобы облегчить новым советским организациям на селе -- колхозам переход к высокой рентабельности. Чем больше он шумел (все хорошо понимали -- шумит с одобрения вождей), тем более становился популярным в кругах околонаучной партократии и любителей-опытников, на-ура принимавших любые предложения Лысенко, а также в среде практических низовых работников села, с энтузиазмом признавших в Лысенко своего, близкого и понятного борца против всякого рода интеллигентов-зазнаек.

Задача и сверхзадача

В попытке вывести сорт пшеницы даже быстрее, чем это предписывалось постановлением ЦКК--РКИ, проявились две важных черты характера Лысенко. Во-первых, взявшись за эту работу, он показал всем корифеям селекции и их последователям, что авторитеты науки его не пугают и не останавливают, а, во-вторых, сигнализировал властям, что в его лице они всегда найдут опору. Отчетливо проявившееся желание Лысенко взвалить на свои плечи любой наказ вождей и, особенно, тех органов, которые, как это было точно известно, были близки лично Сталину, то есть ЦКК и РКИ, укрепило его престиж, возвысило в глазах руководства, хотя и создало временные трудности в общении с более грамотными, но менее лабильными в смысле управляемости, коллегами. Лысенко воспринимал указания сверху как

не подлежащие обсуждению задачи, но при этом шел дальше: объявлял, что готов ускорить темпы, выставить свой "встречный план" (не следует, кстати, забывать, что сам термин "встречный план" родился в середине 30-х годов). Эта логика перехода от решения задачи, спущенной сверху, к решению сверхзадачи, сформулированной самим собой, -- была присуща Лысенко уже в те годы. Проявление личной инициативы, а также пустой, вернее, пустозвонный героизм при выполнении "взятых на себя обязательств" стали характерными особенностями Лысенко на всю его жизнь. Ведь одна из вожделеннейших целей любой диктатуры -- привить гражданам своей страны управляемость, беспрекословное и даже радостное следование приказам, готовность не щадить себя при их выполнении.

Сталину и другим коммунистическим лидерам в условиях захвата ими монопольной власти требовалось воспитать во всех слоях общества не просто безропотность, не просто бездумное следование приказам, а горячую заинтересованность в выполнении их каждым членом общества. Призывы, повторенные тысячи и тысячи раз, сопровождали каждый шаг человека, входили в его сознание с рождения, становились неотъемлемой частью мышления, а через это и бытия. Кажущаяся кое-кому безликость и аморфность лозунгов искупалась их постоянством. Стереотипность автоматически рождала впечатление обязательности, неотвратимости следования этим лозунгам. Нужно было добиться их аксиоматического звучания, не требующего доказательств, признания массами их подлинности. В лозунгах могло говориться о священности воли каждого, но выворачивался смысл говоримого, и взамен воли "каждого" оставался только императив, обращенный сразу к всем без исключения (иногда для отвода глаз сохранялся текст -- "воли всех и каждого"). Поэтому люди страны, все без исключения, должны были перестать задумываться над тем, верны ли лозунги, а единообразно, причем бездумно, следовать им и следовать, выказывая большое удовлетворение в их восприятии.

В конце 20-х годов этот стереотип во всей толще общества только складывался, безусловное следование лозунгам только еще прививалось. И процесс погружения личной воли, сознания и энергии индивидуумов в мир категорических императивов был далеко не простым. Ему особенно противостояла та среде, которая была более всего нужна руководителям в стратегическом плане -- творческая (творящая новое) интеллигенция и особенно ученые, приученные самой профессией к критическому отношению ко всему на свете, к придирчивой проверке любых умозаключений. В этой аналитической склонности был заложен опасный для властей дуализм: с одной стороны, без критического начала вроде невозможно само по себе эффективное творчество, а, с другой, эта склонность может легко перерасти в критицизм, от которого рукой подать до критиканства и инакомыслия. В демократическом обществе инакомыслие приветствуется, оно рассматривается большинством как единственно возможный источник новшеств и процветания, равно как и барометр нравственного здоровья всей социальной структуры. Но в среде тоталитарной или тяготеющей к тоталитаризму опасность инакомыслия квалифицируется и понимается как опасность для устоев, для самого существования такого общества. Поэтому в этих условиях превалировала и превалирует одна тенденция: боязнь критиканства. Польза критиканства однозначно отвергается: нам критиканы не нужны, нам с ними не по пути, нам нужны СТРОИТЕЛИ НОВОГО, с о л д а т ы революции, а не скептики и циники, лишь подменяющие производительный труд рассусоливаниями о каком-то там свободном творчестве, или творческом начале, или осмыслении принципов труда... Всё это опасное суесловие, путь к анархии, развалу и потрясению основ.

Отсюда вытекало благорасположение властей лишь к тем ученым, кто лишен этого опасного качества, к ученым послушным, управляемым, готовым к радостному карабканью на указанные им вершины науки и разгрызанию тех гранитных утесов, которые сегодня НАМ

ВСЕМ нужны. Власти давали понять: ценить будут тех, чья управляемость не выходит за рамки управляемости простых рабочих и крестьян.

Однако высшим достижением в решении проблемы управляемости было придание членам общества нового качества -- готовности принять любой приказ и считать его не приказом, а внутренней потребностью. Это добровольное перекладывание на свои плечи инициативы, спущенной сверху, последующее декларирование личной сопричастности к постановке задачи и исторгание из недр души полезной инициативы, а затем к проведению её в жизнь уже от своего лица -- вот что становилось сверхзадачей, вот каким мыслился конечный результат такого воспитания. "Патриотическая инициатива масс", а отнюдь не навязываемый приказ. "Воля миллионов", а вовсе не правящей верхушки. И только после этого: "ИДЯ НАВСТРЕЧУ ПОЖЕЛАНИЯМ ТРУДЯЩИХСЯ". Такие императивы приобретали особую значимость в создаваемых социальных условиях.

Но если задача и сверхзадача акцептировались относительно легко основной массой тех слоев общества, которые вожди считали своей опорой, -- в среде рабочих, беднейшего крестьянства и отчасти в среде мелких служащих, то в кругах творческой интеллигенции и особенно даровитых ученых, а также думающих преподавателей эту проблему решить было труднее, и тем значительнее был в глазах руководства успех любого человека из этой социальной группы, который вдруг принимал на себя "управляющий императив" и начинал ревностно воплощать его в жизнь. Такой индивидуум приобретал особо прочную характеристику "своего среди своих".

Конечно, никто никому впрямую такой рецепт поведения не навязывал. Чтобы пришибить несогласных, можно было громогласно заявлять: "Воля партии священна для каждого". Но все-таки верхом управляемости было иное: "Народ решил!" Никто о замене одной воли другой вслух не говорил. Более того, страстное желание властителей заполучить в число ревностных исполнителей партийных установок максимальное число граждан всегда скрывалось. "Прелесть" игры заключалась в том, что никакой игры вроде бы и нет. Ведь люди сами хотят быть передовиками во всем. Они не винтики и не марионетки. Их воля священна для руководства, а не наоборот. Тот же, кто в этом сомневается, или, упаси Бог, возражает, -- не просто скептик, а скрытая контра. В любом случае дорога к высотам командного руководства ему (или ей) категорически закрыта. Но и тому, кто переигрывает, слишком зарывается в показном рвении, тоже доверия мало. Поэтому так важна золотая середина, которая только и может привести к успеху.

Достоинством Лысенко стало то, что он не только правильно и быстро оценил замысел авторов игры, осознанно прочувствовал свои задачу и сверхзадачу, но и то, что стал блестяще разыгрывать весь спектакль в ту пору, когда подавляющая часть ученых еще ничего не осознала и, с одной стороны, честно пыталась, например, доказать ненаучность планов ускоренной селекции, пользы уже одобренной верхами яровизации и прочая и прочая, а, с другой стороны, с опасной страстностью принялась твердить об ошибочности и даже вредности практического применения предложений Лысенко или ставила под сомнение положительность истоков всех его усилий. На этом пути ничего, кроме репрессий, их ждать не могло, а Лысенко, казавшийся многим в лучшем случае наивным простаком, не познавшим премудрости науки, выигрывал по всем статьям.

Казавшееся кое-кому несерьезным и нелепым словесное отвергание науки вовсе не воспринимались так на верхах. И хоть объективно поведение Лысенко было сродни знахарству, а научная позиция беспомощной и безграмотной, но субъективно он выступал как новатор, шаг за шагом движущийся к новым умозаключениям, закономерно вытекавшим из "нежизненности" генетики. Каждый его даже маленький шажок был продолжением пути по

одной дороге, сойти с которой он уже не только не мог, но и не хотел. Отступление в сторону признания законов науки означало бы падение в социальном статусе. К тому же сложившаяся в стране система взглядов учила его, что нечего оглядываться назад. Социальная среда включила его в себя, направляла его в соответствии со складывающимися стереотипами. Раз от раза, шажок от шажка накапливалось раздражение против "апологетов буржуазной науки", пытавшихся, кто как мог, урезонить ниспровергателя законов, объяснить ему хотя бы на пальцах суть дела.

Формируя стереотип своего поведения (и мышления), Лысенко двигался несколькими путями: он учился фальсификации (а может быть тяга к этому была заложена в нем генетически), опирался на всё более липовые данные, отрабатывал фразеологию, учился обходиться без новых знаний, заменять отсутствие таковых трескучими штампами. Был еще один фактор обучения: среда указывала ему, что нужно зорко следить за политическими изменениями на верхах, воспитывала умение лавировать, подстраивать свои "научные" обещания под сегодняшние интересы руководства (много десятилетий спустя М.А.Поповский удачно назовет этот стиль деятельности "управляемой наукой"/115/) .
Примечания и комментарии

к главе IV

1 Иван Иванович Пузанов. Поэма "Сокрушение кумиров", цитировано по имеющейся у меня машинописной копии рукописи поэмы.

2 Т.Д.Лысенко. Яровизация -- могучее средство повышения урожайности. Газета "Правда", 15 февраля 1935 г., №45 (6291), стр. 2.

3 С.Винницкий. Борьба за хлеб и "хлебный оппортунизм". Газета "Правда", 6 октября 1929 г., №231 (4365), стр. 3.

4 Т.Д.Лысенко. Очередные задачи яровизации. Газета "Социалистическое земледелие", 29 октября 1935 г., №277 (6291), стр. 2 с портретом.

5 И.В.Сталин. Отчетный доклад о работе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии. В кн.: "Стенографический отчет о работе XVII съезда ВКП(б) 26 января - 10 февраля 1934 г.", Партиздат, М., 1934, стр. 19.

6 В.М.Молотов. Доклад о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Там же, стр. 360.

7 Там же.

8 Л.М.Каганович. Выступление на XVI съезде ВКП(б). В кн.: "Стенографический отчет о XVI съезде ВКП(б)", 2-е стереотипное издание, ОГИЗ, "Московский рабочий", М.-Л., 1931, стр. 68.

9 Там же, стр. 69.

10 Там же, стр. 68.

11 Я.А.Яковлев. О мерах по увеличению семян зерновых культур. Журнал "Яровизация", 1937, №4 (13), стр. 3.

12 И.В.Сталин, см. прим. /5/, стр. 23.

13 И.М.Варейкис, член ЦК ВКП(б), секретарь обкома ВКП(б) Центрально-Черноземной области вторил Сталину на XVII съезде партии:

"Колебания урожайности происходят потому, что в нашей практике еще недостаточно осуществляются основы научного ведения земледелия, мало применяются удобрения, нет еще правильных севооборотов, плохо поставлено семеноводство... Безусловно дело семеноводства поставлено отвратительно. Произошла потеря старых сортов, перепутаны районы, а новое селекционное дело находится лишь в зачаточном состоянии... Теперь дело, товарищи, состоит в том, чтобы действительно поднять как можно выше и как можно быстрее урожайность". Там же, стр. 93.

14 "О селекции и семеноводстве". Постановление Президиума ЦКК ВКП(б) и Коллегии НК РКИ СССР по докладу РКИ РСФСР. Газета "Правда", 3 августа 1931 г., №212 (5017), стр. 3.

15 Там же.

16 Н.И.Вавилов. План генетических исследований в области растениеводства на 1932-1937 гг. в связи с народнохозяйственными задачами. Доклад на Всесоюзной конференции по планированию генетико-селекционных исследований 25--30 июня 1932 года. Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1-1932, д. 36, л. 15. Цитировано по кн. "Н.И.Вавилов. Документы. Фотографии", Изд. "Наука", СПб, 1995, стр. 115.

17 Газета "Известия", 29 октября 1931 г., №299 (4506), стр. 3.

18 Там же.

19 В.М.Молотов. Борьба с засухой -- борьба за урожай. Газета "Известия", 3 ноября 1931 года, №304 (4511), стр. 3.

20 Заключительное слово М.И.Калинина опубликовано в той же газете днем раньше: газета "Известия", 2 ноября 1931 г., №303 (4510), стр. 2.

21 Агроном Лысенко. Яровизировать можно не только пшеницы, но и теплолюбивые растения. Газета "Социалистическое земледелие", 1 ноября 1931 г., №299 (861), стр. 3. В статье утверждалось, что на яровизацию отвечают повышением урожая просо, соя, кукуруза и другие культуры.

22 Лысенко. Яровизация и борьба с засухой. Газета "Известия ЦИК и ВЦИК СССР", 29 октября 1931 г., №299 (4506), стр. 3. Здесь же были опубликованы выдержки из речи Я.А.Яковлева на конференции по борьбе с засухой.

23 Редакционная статья -- Всесоюзная конференция по борьбе с засухой. Газета "Правда", 30 октября 1931 г., №300 (5105), стр. 2.

24 Редакционное сообщение в газете "Известия ЦИК и ВЦИК СССР", 29 октября 1931 г., №299 (4506), стр. 3.

25 Цитировано по статье: А.И.Воробьев. Яровизация -- как метод ускорения селекции виногра-

да. Журнал "Бюллетень яровизации", сентябрь 1932 г., №2-3, Одесса, стр. 65. Этот лысенковец вышел из круга людей, которым первоначально покровительствовал Вавилов. В 1926 году Вавилов настоятельно рекомендовал Карпеченко взять А.И.Воробьева на работу в свою лабораторию (см книгу: Научное наследство. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1929-1940 гг. Изд. "Наука", М., 1987, стр. 111). Карпеченко на это не пошел, и Воробьев переключился на изучение и пропаганду яровизации, а позже стал ревностным и очень в отношении генетиков агрессивным лысенковцем.

26 Инженер Авдеев (Авава). Преградить путь Волге в Каспийское море. Газета "Известия", 1 ноября 1931 г., №302 (4509), стр. 3.

27 ИИнженер Б.Кажинский. Научимся управлять погодой. Там же, 22 ноября 1931 г., №321 (4528), стр. 3.

28 Т.Д.Лысенко. Материалы к биобиблиографии, см. прим. /4/ в главе 1, стр. 3.

29 Рукописные замечания В.П.Эфроимсона к рукописи первого издания этой книги, хранящиеся в моем архиве.

30 Академик П.Н.Константинов. Уточнить яровизацию. Журнал "Селекция и семеноводство", 1937, №4,стр. 12-17.

31 Академик Сапегин А.А. Применение рентгеновских лучей в селекционных целях. Газета "Социалистическое земледелие", 30 августа 1931 г., №239(801), стр. 3.

32 И.Е.Глущенко Личное сообщение, 1981 г.

33 Т.Д.Лысенко. Мой путь в науку. Газета "Правда", 1 октября 1937 г., №271 (7237), стр. 4.

34 Там же.

35 Д.А.Долгушин. История сорта. Журнал "Яровизация", 1935, №3, стр. 13.

"Такое обещание мог сделать только человек, твердо уверенный в возможности выполнения своих обязательств", -- написал в начале статьи Долгушин.

36 См., напр,. Т.Д.Лысенко. Стадийное развитие и селекция полевых культур. 1936. Цитиров. по книге: "Стадийное развитие растений", Сельхозгиз, М., 1952, стр. 453.

37 Д.А.Долгушин, прим. /35/, стр. 21.

38 Там же, стр. 23.

39 Там же.

40 Там же, стр. 24.

41 Там же, стр. 23-24.

42 Там же, стр. 24.

43 Там же, стр. 24-25.

44 Там же, стр. 16-17.

45 Т.Д. Лысенко. Физиология развития растений в селекционном деле. Доклад на заседании Научно-технического совета при Союзсеменоводобъединении 16 января 1934 г. в Москве. Впервые опубликовано в журнале "Семеноводство", 1934, №2, 934. Цитиров. по книге: "Стадийное развитие растений", 1952, стр. 30.

46 См. прим. /35/, стр. 2-526.

47 Там же, стр. 26.

48Там же, стр. 26 Долгушин писал:

"К сожалению, в данном посеве не участвовали родительские формы, и мы не смогли судить о скороспелости ранних выщепенцев по отношению к их яровым родителям "0274" и "06"2 (азербайджанец "534/1" при июльском посеве не смог бы, конечно, выколоситься)".

49 Там же, стр. 31.

50 Там же, стр. 31-32.

51 Т.Д.Лысенко. О перестройке семеноводства. Журнал "Яровизация", 1935, №1, стр. 40.

52 См. прим. (35), стр. 35.

53 Там же, стр. 34.

54 Т.Д.Лысенко, И.И.Презент. Стахановское движение и задачи советской агробиологии. Журнал "Яровизация", 1935, №3, стр. 666-667.

55 См. прим. (35), стр. 41-42.

56 Там же, стр. 42.

57 Там же, стр. 46.

58 Там же, стр. 48.

59 Там же. Интересно сравнить эти слова с теми, что, спустя год, говорил Лысенко, выступая на выездной сессии зерновой секции ВАСХНИЛ в Омске. Характеризуя те же посевы, он "забыл" об их "изреженности и неравномерности". Теперь он говорил следующее:

"При наблюдении за развитием наших новых сортов пшеницы еще в 1935 г. нам бросилось в глаза их хорошее поведение. Уже по начальным стадиям развития растений эти сорта выделялись с положительной стороны...". См.: Т.Д.Лысенко. О внутрисортовом скрещивании растений самоопылителей. Журнал "Селекция и семеноводство", 1936, №11, стр. 13.

60 Телеграмма приведена полностью в журнале "Яровизация", 1935, №1, стр. 3-4.

61 См. прим. /35/, стр. 56.

62 См. прим. (60), стр. 4.

63 Протоколы Совещания у президента ВАСХНИЛ 2 августа 1935 г., протокол №13. См. журнал "Бюллетень ВАСХНИЛ", 1935, №9, стр. 36.

64 26 апреля 1936 года в газете "Правда" (№ 116 / 6722/, стр. 3) в статье "Соревнование работников сельскохозяйственной науки", подписанной: "Научный коллектив Селекционно-генетического института. Одесса", было заявлено:

"Сельскохозяйственная наука еще не заняла подобающего ей места в сельско-хозяйственном производстве... Могучим орудием дальнейшего развития сельскохозяйственной науки должно служить социалистическое соревнование... С высокой трибуны всесоюзного совещания передовиков урожайности наш институт в лице своего руководителя академика Т.Д.Лысенко, вызвал на социалистическое соревнование другие исследовательские агробиологические институты. В настоящее время мы считаем необходимым конкретизировать этот вызов на соревнование.

Мы обязуемся передать сорта яровой пшеницы, выведенные для Одесской области, в государственное сортоиспытание в таком виде, чтобы обеспечить им первенство по урожайности в трехлетнем испытании Госсортсети в районах, для которых эти сорта создавались (Одесская область). Будучи уверенными, что эти сорта вполне отвечают хозяйственным требованиям, мы, не ожидая конца государственного сортоиспытания, обязуемся размножить эти 3 сорта, или один из них... Работы по выведению этих сортов были начаты в 1932 г. К весне 1936 года семян для размножения имеем 130 кг. Мы обязуемся так организовать размножение, чтобы к осени 1936 года иметь 50 тонн семян; к осени 1937 г. -- 1500 тонн; в 1938 году иметь 30 тысяч тонн семян нового сорта, которые позволят обеспечить в 1939 году семенами 300 тысяч га нормальных хозяйственных посевов.

...Обязуемся в течение 1936 года из 40 центнеров семян сорго, имеющихся у нас (весна 1936 г.), получить 10 тыс. центнеров семян.

...Начатая в августе 1936 г. ...работа по выведению сорта яровой пшеницы должна привести к созданию сорта за 1,5 года. Сорт ... в количестве не менее 8 килограммов будет готов к осени 1936 г.

...Мы вызываем Всесоюзный институт растениеводства (руководитель Н.И.Вавилов) и Саратовскую селекционную станцию (руководитель Г.К.Мейстер) на социалистическое соревнование...

Первая проверка договора -- ноябрь 1936 г.

Арбитром просим быть Всесоюзную академию сельскохозяйственных наук им. Ленина и газеты -- "Правду" и "Социалистическое земледелие".

Могли ли Вавилов и Мейстер соревноваться в таких делах? Какой уважающий себя селекционер взялся бы размножить за сезон сорго в 250 раз или пшеницу в 380 раз! Мог ли найтись селекционер, способный получить сорт за полтора года! Да и что за сорт обещали получить лысенкоисты, если сами говорили, что семян сорго будет всего 8 килограммов. Значит, заведомо было ясно, что этот "сорт" не пройдет не только государственного сортоиспытания (лишь после чего и можно было бы именовать его сортом), но даже и производственного испытания! Конечно, эти обязательства никогда не были выполнены, несмотря на солидность органов, выставленных в качестве арбитров. Но с лысенкоистов

взятки были гладки. А система выигрывала в главном -- выполнимость плановых заданий утверждалась в умах обывателей, не знавших существа дела, но видевших в газетах словесные эскапады Лысенко.

65 Т.Д. Лысенко. Организм и среда. Стенограмма лекции, прочитанной в Политехническом музее в Москве 11 января 1941 г., Сельхозгиз, М., 1941, стр. 12.

66 Там же, стр. 13.

67 Там же, стр. 14.

68 Там же, стр. 18

69 Т.Д. Лысенко. Картофель в южных районах СССР. Обсуждение вопросов III пятилетнего плана. Газета "Правда", 27 апреля 1937, №175; см. также его книгу "Стадийное развитие растений", 1952, стр. 602.

70 Т.Д.Лысенко. См. прим. (65), стр. 18.

71 Т.Д. Лысенко. Колхозные хаты-лаборатории -- творцы агронауки. Журнал "Яровизация", 1937, №5, стр. 12-32; перепечатана в книге Т.Д. Лысенко "Агробиология", 1952, 6 изд. под названием "Колхозные хаты-лаборатории и агронаука".

72 Там же, стр. 204.

73 Т.Д. Лысенко. Борьба с вырождением картофеля на юге УССР. Инструктивные указания. М., Сельхозгиз, 1936; перепечатана в его книге "Стадийное развитие растений", М., 1952, цитата взята со стр. 581 этого издания.

74 Т.Д. Лысенко. Мичуринское учение -- на ВСХВ. Журнал "Вестник с.-х. науки. Плодовоягодные культуры", 1940, вып. 1, стр. 3-11; цитировано по перепечатке статьи под названием "Мичуринское учение на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке" в книге "Агробиоло гия", 1952, 6 изд., стр. 298.

75 Т.Д. Лысенко. См. прим. /73/, стр. 6. Следует отметить, что изучение вирусов растений привело к тому, что в 1935 году американский ученый У.Стенли впервые получил кристаллический препарат вируса табачной мозаики. В последующие годы, особенно после окончания Второй Мировой войны, вирусология растений стала активно развиваться, однако в СССР диктат Лысенко задержал развитие этой науки, что отрицательно сказывается и по сей день.

76 Т.Д. Лысенко. Возрождение сорта. Журнал "Колхозное опытничество", 1935, №8, стр. 13-16.

77 Т.Д.Лысенко. Обновление земли. Журнал "Колхозный бригадир", 1935, №22, стр. 3-6.

78 Т.Д.Лысенко. Из материалов первой сессии Всесоюзной академии с.-х. наук им. В.И. Лени на. Журнал "Бюллетень ВАСХНИЛ", 1935, №7, стр. 1-3; цитировано по книге "Стадийное развитие растений", 1952, стр. 657.

79 Т.Д. Лысенко. Картофель в южных районах СССР. См. прим. (69), цитировано по книге

"Стадийное развитие растений", 1952, стр. 587.

80 Т.Д.Лысенко. См. прим. (65), стр. 6.

81 Т.Д.Лысенко. О перестройке семеноводства, см. прим. (51), стр. 37.

82 Т.Д. Лысенко. Возрождение сорта. Газета "Социалистическое земледелие", 30 июня 1935 г., №126.

83 См. прим. (51), стр. 26-27.

84 Там же, стр. 26-27.

85 Там же, стр. 27.

86 Там же, стр. 33.

87 Там же, стр. 37.

88 Примечание "От редакции" к заметке М.Цюпы "О расщеплении чистой линии". Журнал "Яровизация", №1, 1935, стр. 124.

89 М.Цюпа, там же, стр. 124.

90 Там же, стр. 124-125.

91 Т.Д.Лысенко. "Заключительное слово". Журнал "Яровизация", 1935, №1, стр. 55.

92 И.В. Сталин. Речь на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г. Сочинения, т. 11, стр. 73.

93 Там же, стр. 75.

94 Там же.

95 И.В. Сталин. Год великого перелома (3 ноября 1929 г.). Газета "Правда", 7 ноября 1929 г., №259.

96 Произнося тост за успехи науки, Сталин так высказался относительно научных традиций и заслуженных авторитетов:

"За процветание науки, той науки, которая не дает своим старым и признанным руководителям самодовольно замыкаться в скорлупу жрецов науки, которая понимает смысл, значение, всесилие союза старых работников науки с молодыми работниками науки, которая добровольно и охотно открывает все двери науки молодым силам нашей страны и дает им возможность завоевывать вершины науки, которая признает, что будущность принадлежит молодежи от науки.

За процветание науки, той науки, люди которой, понимая силу и значение установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций, которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устарелыми, когда они превращаются в тормоз для движения вперед, и которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки".

Речь Товарища Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 года. Госполитиздат, 1938, стр. 3-4.

97 Резолюция XVI конференции В сб.: "ВКП(б) в решениях съездов, конференций и пленумов ЦК", 1 941, ч. II, стр. 324-358; см. также "О социалистическом соревновании фабрик и заводов", Постановление ЦК ВКП(б) от 9 мая 1929 г.

98 И.В.Сталин. Соревнование и трудовой подъем масс. Сочинения, т. 12, 1949, стр. 109.

99 Там же, стр. 111.

100 Е. Микулина. Соревнование масс. Предисловие И.Сталина. Госуд. изд., М.-Л., 1929. Отпечатано в типогр. Госиздата "Красный пролетарий".

101 См. прим. (98), стр. 111.

102 См. прим. (100), стр. 40.

103 Там же, стр. 44-45.

104 И.В.Сталин. Тов. Феликсу Кону. Сочинения, т. 12, стр. 112.

105 Там же.

106 Там же, стр. 113.

107 Там же.

108 Там же.

109 Там же.

110 Там же.

111 Я.Э.Рудзутак. Доклад тов. Рудзутака XVII съезду ВКП(б). В кн.: "Стенографический отчет о работе XVII съезда ВКП(б) 26 января - 10 февраля 1934 г.". Партиздат, 1934, М., стр. 278.

112 Там же.

113 Там же.

114 Там же, стр. 279.

115 М.А.Поповский. Управляемая наука. Mark Popovsky. Manipulated Science. Doubleday, New York. 1979.

Г л а в а V

МАССОВЫЕ АРЕСТЫ В 1930-1935 ГОДАХ

"Россия казней пыток, сыска тюрем,

Страна, где рубят мысль умов с плеча".

Константин Бальмонт. Имени Герцена. 1920 (1).

"Русская интеллигенция всегда была рассадником вольнодумства. На протяжения столетия, предшествовавшего революции, она упорно сопротивлялась всякому деспотизму и, главное, -- подавлению мысли. Естественно поэтому, что на интеллигенцию репрессии обрушились с особой силой".

Роберт Конквест. Большой террор (2).

Первые раскаты критики ВИПБиНК и ВИР'а в партийной печати

Против тотальной коллективизации крестьян, предпринятой партией, были высказаны довольно резкие возражения грамотными экономистами и агрономами. "Славные чекисты" пошли и здесь на коротком поводке у Сталина и придумали, что в стране действуют антисоветские организации: в 1930 году была якобы раскрыта "Трудовая Крестьянская Партия" (ТКП), в 1933 году была сфабрикована фальсификация о якобы еще одной крупной диверсионной "Группе 3-5ти"{[2]}, затем о Московском Политическим Центре и им подобным. Эти организации никогда не существовали, они были рождены воображением лидеров партии, и по их наущению чекисты заставляли своих жертв признаваться в участии в этих организациях. Так в протоколы допросов попали записи о показаниях многих людей, ставших игрушками в руках следователей.

История этих кафкианских вымыслов, рожденных в кабинетах партийных и чекистских фюреров высшего ранга, еще ждет детального исследования, еще и по сей день архивы партии и ЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ-ФСБ тщательно оберегаются и скрывают основную массу информации как относительно того, кто в Кремле придумал ТКП и другие вредительские организации в сельском хозяйстве, так и полные списки тех, кто пострадал во время партийного террора.

В описываемое время (в конце 1929 -- начале 1930 годов) тень обвинений во вредительстве начала падать и на Вавилова. В центральных газетах стали появляться статьи, направленные лично против него. Правда, и раньше он попадал "на зубок" партийным инквизиторам. Например, еще в начале его государственной карьеры, когда он только заступил в должность директора Института Опытной Агрономии, ему пришлось опровергать обвинения, прозвучавшие в стишках Демьяна Бедного, с желчью обругавшего руководство института за то, что оно при открытии этого научного заведения якобы разрешило провести молебен и окропить стены здания Святой Водой. Стишки появились в "Правде", "Красной Москве" и петроградской "Красной газете".

"...приведенного факта... не было ни при открытии, ни при других обстоятельствах, о чем считаю долгом заявить самым категорическим образом. При переезде Заведующего [фитопатологической] Лабораторией проф. Ячевского из старой квартиры в новую на его личной квартире был действительно приглашен священник, и это, вероятно, послужило поводом к неправильному толкованию..."

-- писал Вавилов в ответ на эти обвинения (4).

В 1929 году его институт был обвинен одним из своих же сотрудников" в отрыве... работы от

задач реконструкции сельского хозяйства" (иными словами, в неучастии в коллективизации) в заметке "Ученые в облаках", появившейся в "Листке Рабоче-Крестьянской Инспекции" -- приложении к "Правде" (5).

В конце февраля 1930 года с большой критической статьей выступила уже сама "Правда". Называлась статья "Институт благородных... ботаников" (6). Длинную статью на двух колонках подписал некто В.Балашов, который сообщал о якобы никуда негодной работе сразу двух руководимых Вавиловым учреждений -- ВИПБиНК и Государственного Института Опытной Агрономии. Всё положительное, что автор узрел в работе критикуемых научных центров было представлено в одной фразе: "Ошибки, допущенные в работе институтов не искупаются рядом достижений институтов в научной области". В остальном статья была напичкана описанием недостатков. Все до одного обвинения несли политическую окраску и звучали по тем временам зловеще. Автор утверждал, например, что хотя институты рассылают семена улучшенных культур "нескольким десяткам тысяч крестьян-корреспондентов", на поверку большинство, если не все "корреспонденты" -- кулаки. "Крестьяне... жалуются, что Институт помогает кулаку", -- заключал автор этот раздел статьи.

Следующий пункт был посвящен тому, что в ВИПБиНК процветает семейственность с "дурным антисоветским душком":

"Проф. Писарев пришел в институт с женой, племянником, шурином, Букасов -- с женой и с сестрой, Коль -- с женой, Фляксбергер -- с племянницей, Таланов -- с дочерью, Петрова -- с сестрой и т. д." (7).

То, что и Вавилов работает в институте вместе с женой, не упоминалось, но те, кто знал положение дел в институте, сразу об этом догадывались.

"А социальный состав сотрудников? -- вопрошал вслед за тем автор и отвечал. -- Цифры поистине ошеломляющи".

"В институте опытной агрономии работают 59 дворян, бывших крупных землевладельцев, 25 потомственных почетных граждан, 5 сыновей купцов и фабрикантов и 12 детей попов. (Кроме того, 65 сотрудников не представили о себе никаких сведений).

В институте прикладной ботаники в группе старших специалистов дворян четвертая часть, "прочих" -- свыше половины, а в группе младших сотрудников "прочих" половина и дворян -- 12,5 процентов.

Таковы последствия семейного подбора" (8).

Еще больший гнев автора вызвал тот факт, что коммунистов в институтах почти нет, комсомольцев всего 32, причем из них научной работой занимаются только трое. Сообщалось, что заместитель Вавилова по ВИПБиНК Мартынов -- коммунист, но он ведет линию директора, на критику отвечает высокомерно и грубо, считает, что "не обязан давать отчета в своих действиях никому, кроме ЦК партии и Наркомзема". Автор считал, что работнички такого социального состава ничего хорошего наработать на пользу социалистической
родины не могут, в результате чего "...между ведущимися исследованиями и практическим применением их результатов существует разрыв,... институт не сумел связать свою деятельность с требованиями, которые выдвигала жизнь...". Оказывается, эти недостатки уже отмечал в январе 1929 года могущественный Наркомат Рабоче-Крестьянской Инспекции, но "ни одно из предложений РКИ не было проведено в жизнь" (9).

Лично Вавилова обвиняли только в одном, но очень существенном вопросе:

"Директор института акад. Вавилов, занятый рядом других работ, большую часть времени проводит вне института и организационно институтом почти не руководит."

"Еще целый ряд безобразий творится в этих институтах. Но все эти безобразия проходят безнаказанно, так как руководители институтов имеют сильных защитников в центральных московских учреждениях", --

утверждалось в статье (10). Констатируя "нежелание или неумение связать свою работу с общими задачами социалистического строительства, семейственность, отсутствие научной смены", автор статьи в "Правде" приходил к суровому выводу:

"...такие недостатки "нетерпимы в центрах советской науки. Научные институты должны быть очищены от всякого мусора и превращены в подлинные научные штабы социалистической реконструкции" (11).

29 января 1931 года в газете "Экономическая жизнь" была опубликована еще более резкая по тону статья, подписанная сотрудником Вавилова -- заведующим Бюро интродукции ВИР Александром Карловичем Колем, в которой Вавилов уже единолично был обвинен в преступлениях против советской республики:

"Революционное задание В.И.Ленина обновить совземлю новыми растениями оказалось сейчас подмененным реакционными работами по прикладной ботанике над центрами происхождения растений. Под прикрытием имени В.И.Ленина окрепло и завоевывает гегемонию в нашей с.-х. науке учреждение, не только не имеющее никакого отношения к мыслям и намерениям Ленина, но им классово чуждое и враждебное. Речь идет об институте растениеводства с.-х. академии имени Ленина" (12).

Естественно, публикация серии статей в центральных советских газетах не может не наводить на мысль, что кому-то на верхах такие статьи были нужны. Ничего случайного в том, что, начиная с 1929 года, партийные издания, находившиеся под неослабным политическим прессом и цензурой, публиковали материалы на одну и ту же тему и под одним и тем же углом зрения, быть не могло. Кто направил злобную энергию Коля и других корреспондентов партийных газет по нужному руслу? И случайным ли было, что именно в 1931 году ОГПУ завело агентурное дело на академика Н.И.Вавилова? Ведь без распоряжения на высочайшем уровне начать дело на члена высшего государственного органа страны (по нынешней терминологии депутата Государственной Думы) -- члена ЦИК СССР и ВЦИК -- было невозможно.

Внутренняя оппозиция Вавилову в его собственном институте

Как же случилось, что Коль попал в сотрудники к Вавилову? Что он был за специалист? Агроном по образованию Коль был старше Вавилова. В течение 6 лет он работал в США в лаборатории профессора Хансена в Южной Дакоте и по возвращении понравился Вавилову своей глубокомысленностью, умением вести разговоры на научные темы и, как казалось Вавилову, закономерно был выдвинут в заведующие одним из самых важных подразделений института -- Бюро Интродукции растений. Сотрудники Бюро должны были искать новые виды растений для введения в культуру, расширять ассортимент уже известных окультуренных растений, проверять их в разных условиях и передавать результаты для дальнейшего анализа. Иными словами, именно от работы этого Бюро зависело будущее

института и отношение к институту властей. Первоначально у Вавилова с Колем складывались нормальные отношения, так как из опубликованных теперь писем видно, что он писал о Коле вполне благодушно.

Однако работа у Коля не ладилась. Желчный и капризный человек, он постоянно претендовал на какое-то особое положение, был одержим гипертрофированной манией величия, вздорил с людьми (отголоски этого проглядывают в опубликованных томах "Международной переписки Вавилова", см. /13/), утверждал, что был в числе "трех инициаторов создания Института прикладной ботаники и новых культур и одним из инициаторов создания Всесоюзной Академии С.-Х.Наук имени Ленина" (14), что было далеко от истины, а к повседневным обязанностям относился с прохладцей. Ему ничего не стоило словесно обидеть любого сотрудника, высокомерно выступить с критикой в адрес коллег и даже прикрывать инертность в работе и неумение руководить людьми жалобами на то, несправедливые к нему придирки как к человеку, склонному к критике и самокритике.

В конце 1929 года в институте была создана Комиссия по обследованию работы Бюро интродукции из пяти ученых (Е.Н.Синская, П.Н.Чумак, В.Л.Васильев, А.П.Иванов и Л.И.Говоров) (15). Комиссия пришла к неутешительным выводам относительно руководства Колем всем Бюро и рекомендовала Научной Коллегии ВИПБиНК освободить его от должности, найти на нее нового человека, а Коля сохранить в институте, создав "секцию новых культур, возглавляемую А.К.Коль, при Бюро интродукции" (16). Доклад Комиссии был заслушан на заседании Научной Коллегии института 16 ноября 1929 г. Некоторые из сотрудников Бюро интродукции подтвердили невозможность работы с Колем. Многие из тех, кто не выступил на данном заседании, подали заявления об уходе, мотивируя причины ухода по-разному, но при разговорах в своей среде указывая на одну: несносный характер Коля. Каков у него характер, Коль показал и на этом заседании. Ни с одним пунктом критики он не согласился, и как сказано в протоколе заседания:

"...протестует против решения Комиссии, считая его неправильным, и указывает, что вопрос о его смещении поднят некоторыми из сотрудников, ранее работавших в Бюро, которые неправильно освещают факты" (17).

Такое выступление подлило масла в огонь и подхлестнуло еще нескольких человек на то, чтобы выступить с критикой заведующего. Заседание это было одним из самых многолюдных за всю предшествовавшую историю института: в протоколе указаны фамилии пришедших на собрание 49 ведущих ученых института и сказано, что присутствовали и другие сотрудники (Вавилов в заседании не участвовал, в числе присутствовавших указана жена Коля -- Виноградова-Коль). Собрание подавляющим большинством голосов приняло предложения Комиссии по проверке Бюро интродукции (лишь трое голосовали против). Коль заявил, что он "не согласен с мнением Научной Коллегии и просит присоединить к протоколу особое мнение" (18).

Неудивительно, что нормальные отношения дирекции с Колем после этого окончательно расстроились. Увидев, что директор не защищает его так, как бы ему хотелось, Коль стал нападать и на Вавилова, а выход из конфликта увидел своеобразный -- где только можно, хлестко и решительно обвинял Вавилова в ошибках, непонимании того, что он делает, и даже во вредительстве. Нередко повторявшаяся фраза "Все вавиловские коллекции в заграничных экспедициях собраны на местных базарах" была пущена гулять именно Колем. Вполне закономерно, что он написал обличительную статью против Вавилова.

Не один Коль атаковал Вавилова. В институт, скорее всего по прямому указанию чекистов, был внедрен сначала в качестве "специального аспиранта" некто Г.Н.Шлыков, имя которого

будет часто встречаться дальше в книге и который столь же оголтело и злобно стал выступать против Вавилова публично. Он же принялся наводнять "Органы" своими докладными записками-доносами, в коих обвинял Вавилова во вредительстве и шпионаже.

Аресты биологов, агрономов и экономистов в 1930 -- 1933 годах

Как уже было сказано, в 1928 -- 1930 годах были схвачены по обвинению в создании "Союзного бюро РСДРП" и "Трудовой Крестьянской Партии" многие ведущие специалисты в области экономики, особенно сельскохозяйственной, такие, как С.К.Чаянов, Н.Д.Кондратьев, А.В.Чаянов, брат генетика С.С.Четверикова Николай Сергеевич Четвериков -- известный специалист по математической статистике, Н.Н.Леонтьев, Я.П.Герчук, А.Л.Вайнштейн, В.А.Ревякин, Г.С.Кустарев, В.Э.Шпринк, Н.И.Жиркович, И.Н.Озеров, Корсаков, Юрамалиат, В.И.Сазанов и другие (первым атаку на лидера экономики Н;Д.Кондратьева повел Г.Е.Зиновьев, в то время вступивший по сталинскому наущению в борьбу Бухариным), а вместе с ними в тюрьмах оказались те из агрономов, кто не боялся высказываться критически против новых порядков в стране и в сельском хозяйстве, прежде всего крупнейший российский специалист в области агрономии А.Г.Дояренко{2}.

В том же 1930 году чекисты завербовали Елену Карловну Эмме, сотрудницу ВИР с 1922 года, цитолога, кариолога, позже селекционера и генетика, знавшую немецкий, французский, английский, итальянский, шведский, голландский языки, друга семьи Вавилова и непременного участника большинства встреч Вавилова с иностранцами. Будучи доставленной в ОГПУ и запуганной угрозами, Эмме согласилась подписать обязательство доносить об антисоветских высказываниях и действиях Вавилова. "Ее агентурная кличка -- "Дама", но доносов она не писала, а о своем обязательстве рассказала Н.И.Вавилову, а также М.И.Ушакову, Барышеву и своей племяннице А.С.Езерской" (20). Ниже мы увидим, что столь мужественно и порядочно вели себя далеко не все.

В числе первых арестованных в 1930 году были бывший саратовский губернский агроном Губанов, родной брат Н.М.Тулайкова -- директор Безенчукской опытной станции Сергей Максимович Тулайков и агроном из Сталинграда Сережников. Был заключен в тюрьму и будущий академик ВАСХНИЛ Иван Вячеславович Якушкин -- потомок декабриста Якушкина, человек, знавший Вавилова со студенческих лет (с Николаем Ивановичем в Московском сельхозинституте училась родная сестра Якушкина Ольга, потом проработавшая с Вавиловым пятнадцать лет). В 1930 году Якушкина, тогда сотрудника Воронежского сельскохозяйственного института, продержали в тюрьме около года{3}. Вышел он из нее благодаря тому, что согласился сотрудничать с ОГПУ (22). В заявлении от сентября 1931 года Якушкин на 10 страницах показывал,
что ВИР -- гнездо антисоветской деятельности в области генетики и селекции, а Вавилов -- организатор и руководитель этой "банды врагов" (23).

В 1931--1932 годах в СССР была арестована, заключена в тюрьмы и лагеря, выслана на окраины -- на Север (в Коми АССР), в Среднюю Азию, в Сибирь -- большая группа видных агрономов, агрохимиков, учеников Д.Н.Прянишникова, среди которых был такой выдающийся специалист, друг Прянишникова, Шалва Рожденович Цинцадзе и другие.

Первые оговоры Вавилова жертвами сталинского террора

До 1930 года у Вавилова могло еще сохраняться убеждение, что массовые репрессии в стране, развязанные Лениным и Сталиным, далеки от него лично. Как было сказано выше, Вавилов и Тулайков публично и на самых авторитетных партийных форумах объявили о своем полном согласии с положительной ролью коллективизации и заявили, что она

открывает блестящие возможности для расширения агрономических исследований. По их словам, наука обеспечит прочную поддержку этому социальному эксперименту. Такое отношение к коллективизации, казалось бы, создало для них лучшую защиту от преследования чекистами. Возможно этим объясняется тот факт, что вплоть до начала 1935 года Вавилову -- выходцу из среды миллионеров, отец которого в свое время эмигрировал из советской России, удавалось оставаться на верхах и процветать в СССР.

Однако это благополучие было только на поверхности. В недрах ОГПУ уже набирал силу другой процесс: чекисты собирали против академика разнообразные обвинения. Нет ничего удивительного в том, что после первых же арестов те, кого причислили к руководителям "Трудовой Крестьянской Партии", стали оговаривать Вавилова. Слишком яркой была его фигура, слишком он был на виду и так легко было этим людям обвинить во всех грехах тяжких человека, про которого все знали, что он -- сын миллионера.

В одном из сверхсекретных "меморандумов" НКВД, отправленных лично Сталину в 1940 году, чекисты признавались, что вплоть до 1924 -- 1925 годов Вавилов не попал в их "детальную разработку". В эти годы группа Н.И.Вавилова пострадала мало: лишь "...2 -- 3 незначительных ареста из общего количества 600 сотрудников в Ленинграде", -- сообщали чекисты в меморандуме (24).

Постепенно их интерес к личности Вавилова возрос, им стало ясно, что можно заработать одобрение Сталина, если "раскрутить Дело Вавилова", что и начало воплощаться в жизнь. Во время ознакомления с "Делом Вавилова" в 1950-е годы Поповский обнаружил, что первые обвинения во вредительстве и шпионаже прозвучали от арестованного профессора И.В.Якушкина в 1930 году. Позже аналогичные лживые обвинения были сделаны Колем. Однако поскольку они стали платными агентами НКВД, их фамилии из большинства последующих документов НКВД были изъяты. Своих агентов эта система не выдавала. Вместо этого чекисты ссылались (см. /25/) на показания против Вавилова, прозвучавшие из уст не Якушкина и Коля, а якобы Г.Г.Дибольда, арестованного по "Делу Трудовой Крестьянской Партии" в 1930 году и обвиненного в том, что он был руководителем украинского отделения этой "контрреволюционной организации". Во время допроса в марте 1930 года Дибольд показал, что самые близкие к Вавилову сотрудники -- враги советского государства (26). Хотя Дибольд не назвал имя Вавилова впрямую, он заявил, что Писарев, Таланов, Кулешов, Чинго-Чингас, Букасов, иными словами, ядро вавиловского института "...определенно оппозиционно настроены как в отношении целевых установок Октября, так и в отношении Соввласти" (27).

Следующий сигнал был получен от "группы специалистов" союзного и республиканского Наркомземов, Президиума ВАСХНИЛ, НИИ по хлопководству в новых районах и Всесоюзного института растениеводства, обвиненных в 1930 году в саботаже усилий партии по расширению посевов хлопчатника в СССР (28). Те, кто руководили сельским хозяйством в стране, хорошо знали, что за решением этой проблемы следил лично Сталин. Это знал, разумеется, и Вавилов, который вряд ли случайно на пару с Лысенко проехал по нескольким районам Закавказья, осматривая новые поля, отведенные под хлопчатник, давая рекомендации по лучшему их размещению.

Вавилов в течение многих лет поддерживал тесные научные связи с одним из крупнейших специалистов по этой культуре Гавриилом Семеновичем Зайцевым, часто переписывался с ним, дружил с его семьей (29). Зайцев был в числе организаторов Туркестанской сельскохозяйственной опытной станции в Ташкенте, его научные работы были известны ученым во всем мире и были опубликованы во многих зарубежных изданиях. Как уже было сказано в главе I, Зайцев неожиданно скончался на пути в Ленинград на съезд по генетике в

январе 1929 года. Поэтому нельзя не поражаться слабой информированности чекистов, которые в 1932 году в "Директивном письме" в верха писали о "вредительстве" Вавилова, утверждая, что последний продолжает поддерживать связи с вредителями по хлопководству, такими как Зайцев и Юферов, и что они совместно "консолидируют свои усилия ...в сопротивлении... форсированному развитию хлопководства в новых районах" (30).

Наткнувшись на имя Вавилова в донесениях "борцов за хлопок", чекисты "вспомнили" о показаниях против вавиловской школы, сделанных на Украине Дибольдом, и теперь обратили пристальное внимание на ВИР, квалифицируя этот институт как "осиное гнездо врагов советских властей" (31).

25 января 1931 года Сократ Константинович Чаянов -- один из главных обвиняемых по "Делу ТКП" показал на допросе в ОГПУ, что Вавилов, Писарев и Зайцев препятствовали "прохождению вопроса с новыми районами культуры хлопчатника... в 1925 и 1926 г." (32).

Несомненно практика физического давления на подсудимых и вообще зверское обращение с ними стали главным фактором в появлении ложных поклепов. Нельзя исключить и того, что в зарождении оговоров именно Вавилова могла сыграть роль зависть к его организационным, научным и общественным успехам.

Казалось бы, на организационном уровне было трудно к чему-то прицепиться: Вавилов -- прирожденный талант в сфере управления, он помнит и знает тысячи людей, покоряет их своими знаниями, памятью о том, что каждый из этих тысяч специалистов делает. При жизни о Вавилове шла слава, что, приезжая на каждую из сотен станций, опорных баз и институтов и встречаясь с сотрудниками, которых и видел-то может быть пару раз в жизни, он тем не менее отлично помнил их имена и отчества, направление их работы, свои прежние беседы с ними и завоевывал уважение, которого не удостаивался никто из коллег. Но у всякой медали есть оборотная сторона -- тем, кто оказывался в стороне и был этим обижен, эти личностные качества Вавилова могли быть неприятны.

Благодаря исключительным организационным талантам и счастливо складывавшейся судьбе Вавилову повезло встретить Горбунова и уговорить его стать председателем Ученого Совета своего института. Горбунов еще сохранял ореол ближайшего к Ленину сотрудника, к тому же он занимал один из важнейших бюрократических постов в коммунистическом государстве, пост управделами СНК СССР, то есть руководителя канцелярии председателя Правительства. Подружившись с Горбуновым, Вавилов раздобыл "золотой ключик" и мог спокойно им открывать заветную дверцу, ведущую к сейфам советской империи, наращивать бюджет своих институтов, создавать массу других институтов, забирать в свои руки столько власти, "сколько можно было забрать". У других такого доступа к средствам не было, славы не было, роста не было, как не было и многого другого, и это не прибавляло любви к счастливчику Вавилову.

На поприще научном Вавилов также добился многого: он был не только образован, много знал, читал, он много писал сам, был знаком с крупными учеными и держался с ними не так как Лысенко -- издали и с опаской, -- а на равных, спокойно и уверенно. Всем было известно, что за ним стоит высокая наука -- закон гомологических рядов наследственной изменчивости, пионерские работы по иммунитету у растений, теория происхождения культурных растений и лично обнаруженные в экспедициях по всему свету центры происхождения культурных растений. За ним тома сочинений, не каких-то жалких публицистических статеечек из собственного смешного до нелепости журнала "Яровизация", а серьезных трудов, изданных в разных странах.

Не удивительно, что разрастание авторитета Вавилова вызывало зависть и плохо скрываемую злобу немалого числа руководящего люда. Завистливые неудачники могли искать повод свести по сути мелкотравчатые счеты с баловнем судьбы. Оказавшись за решеткой, многие из них поступились совестью и стали возводить поклеп на "счастливца Вавилова", обвинять его в действиях, которые он никогда не совершал, каких у него никогда не было и в помыслах.

А как иначе можно было свести с ним счеты? Тем, кто оставался на свободе, но не любил или опасался его, представлялось доступным самое легкое в условиях тех лет орудие борьбы с этим гигантом с бархатным голосом -- злобное шипение в кулуарах и ложь в подметных письмах в Органы или в клеветнических посланиях Вождю Всех Времен и Народов -- Сталину (у нас еще будет возможность продемонстрировать это на примере доносов на Вавилова академика ВАСХНИЛ Бондаренко, с которым у Николая Ивановича сложились взаимно неприязненные отношения).

Возможно, не могла не отталкивать и рождать внутреннее недовольство, особенно у тех, кто не знал Вавилова близко и не понимал масштабов его научных и организационных дел, манера обращения академика с людьми, ему неприятными. Вавилов был в хороших отношениях не только с Горбуновым, с его непосредственным начальником -- председателем Правительства СССР А.И.Рыковым, с могущественным членом Политбюро С.М.Кировым и еще сохранявшим силу Бухариным, он знал многих других властителей той жизни, и они знали его. В этой среде царили особые нравы, был развит свой -- начальственный стиль общения с людьми, и Вавилов, будучи человеком восприимчивым к внешней среде, артистичным и любящим искусство, невольно воспроизводил такой стиль в своем поведении. Большой начальник, любимчик властей и журналистов,
красавец-мужчина и жизнелюб, он, как вспоминают многие из тех, кто знавал его лично, хоть и не близко, нередко вел себя вальяжно и разыгрывал нетерпеливого барина. С близкими ему по духу и с людьми непосредственно с ним работавшими, даже с далекими от него коллегами, с какими приходилось контактировать по науке, он никогда ни барином, ни вальяжным начальником не был. Напротив, его вспоминали в собственном окружении как человека не застенчивого, но милого, доброго и заботливого, хотя и требовательного в делах. Другое дело с людьми ему далекими и особенно с теми, кто был ему неприятен. Тут он менялся на глазах. Он любил, чтобы его распоряжения выполняли без лишних вопросов, и не любил, когда ему перечили (об этих свойствах Вавилова рассказывают многие ученые, знавшие Вавилова лично). Конечно, эта нетерпеливость могла обижать людей, и, оказавшись в кабинетах следователей, они наговаривали на Вавилова неправду.

Так или иначе, но в документах ОГПУ, а затем НКВД, начиная с 1924 года, все чаще стала встречаться фамилия Вавилова среди тех, кого арестованные называли врагами советского строя. В 1931 году были "взяты в разработку Экономическим Управлением ОГПУ (ЭКУ ОГПУ) группы ученых, подозреваемых в контрреволюционной деятельности" (33), которые работали по мнению чекистов в тесном взаимодействии с Вавиловым:

"...группа проф. ЯЧЕВСКОГО в Ленингр. И-те Защиты растений, группа фабриканта МУРАВИНА в Ин-те механизации в Москве, группа Шейкина в И-те Кукурузы в Днепропетровске, группа СИМИРЕНКО в Плодо-Ягодн. Ин-те в Киеве, группа КАЛГУШКИНА в Сортсемтресте в Москве, группа ДОМРАЧЕВА в Союзсеменоводе в Москве, группа ЛИСКУНА в Ин-те животноводства в Москве, группа хлопковиков в Москве и др." (34).

В начале осени 1931 года Вавилов как Президент ВАСХНИЛ проехал по многим научно-исследовательским учреждениям Украины, переговорил лично с сотнями специалистов, а сразу за этими визитами начались аресты.

"Все эти лица, встречавшиеся с Вавиловым, работают на руководящих постах в различных отраслях сельского хозяйства и почти поголовно изобличены по следственным делам о к-р (контрреволюционных -- В.С.) группировках (проф. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, проф. САПЕГИН, проф. ЛЕВШИН, ЛЕДОВ, ЛЕБЕДИНСКИЙ, ШЕЙКИН и др." (35).

В 1932 -- 1933 годах аресты лидеров сельскохозяйственной науки страны продолжились. Был репрессирован агроном по образованию, зам. наркома совхозов СССР, член коллегии Наркомзема СССР и вице-президент ВАСХНИЛ Моисей Михайлович Вольф (36). Большинство арестованных по "Делу 3-5ти" были расстреляны. Среди них был профессор-ветеринар Сизов, который дал показания о сообщниках по "вредительству в животноводстве" и назвал в числе руководителей антигосударственного заговора профессоров Белицера и Циона (/37/, их тут же арестовали), а заодно Вавилова. Затем в заключении оказались ведущие специалисты из других областей сельскохозяйственной науки -- Гандельсман, Кузнецов, Андреев, Эдуард Эдуардович Керн (родственник эмигрировавшего из советской страны А.И.Стебута -- профессора Белградского университета и доброго знакомого Вавилова). В Москве был схвачен агроном Калечиц, которого обвинили в руководстве еще одной мифической антигосударственной группой -- "Московской контрреволюционной организацией". Многих из арестованных Вавилов лично знал, с некоторыми, как, в частности с Вольфом, взаимодействовал по службе.

Массовые аресты сотрудников ВИР’а

В марте 1932 года волна арестов докатилась и до ВИР’а. Был арестован сотрудник ВИР Николай Павлович Авдулов, специалист по кариосистематике злаков. Видимо, первым из близких к Вавилову сотрудников он под пытками пошел на то, чтобы быстро дать показания против шефа, обвинив его в шпионской деятельности (Авдулов показал, что Вавилов якобы пытался завербовать его самого для передачи шпионских сведений за границу, он даже оговорил свою маму, живущую в Польше, заявив, что такая передача была сделана через неё). Авдулов подписался под протоколом допроса, в коем утверждалось, что в ВИР’е существует контрреволюционная организация, возглавляемая Вавиловым, и что он вообще руководит широкой вредительской деятельностью в области сельского хозяйства (38). Но эти вырванные у жертвы произвола "признания" не уберегли информанта от мести чекистов: на три года он был направлен на строительство Беломорканала.

В начале 1933 года ВИР был буквально дезорганизован, а все смертельно напуганы массовыми арестами ведущих сотрудников института, произведенными с 5 февраля по 5 марта Полномочным Представительством ОГПУ в Ленинградском Военном Округе. Было схвачено и заключено в тюрьму ядро института -- более 20 человек, большинство из тех, кто непосредственно и близко общался с Вавиловым: А.И.Байдин -- сотрудник библиотеки ВИР в Детском Селе, Николай Николаевич Кулешов -- зав. Секцией кукурузы, Алексей Дмитриевич Лебедев -- зав. Лабораторией прядильных растений, Григорий Андреевич Левитский -- член-корреспондент АН СССР с 29 марта 1932 г. и зав. Отделом цитологии (он подвергался аресту сразу после революции и затем был арестован в 1937 году, вскоре выпущен, а затем арестован в четвертый раз в 1941 году и погиб в заключении), Н.А.Максимов -- член-корреспондент АН СССР с 1932 года и зав. Отделом физиологии растений (в 1935 году была арестована его жена Татьяна Абрамовна Красносельская-Максимова{4}), Виктор Евграфович Писарев -- зам. председателя Научного Совета института и зав. отделом селекции, Виктор Иванович Сазанов -- зам. зав. Госсортсетью, Сергей Леонидович Соболев -- зав. Кубанской (Майкопской) опытной станцией ВИР, Виктор Викторович Таланов -- член-корреспондент АН СССР с 1931 г., селекционер, семеновод и ученый специалист, ответственный за руководство Госсортсетью, Константин Матвеевич Чинго-Чингас -- зав. мукомольно-

хлебопекарной лабораторией (находился в камере предварительного заключения до 4 мая 1933 г., после чего был сослан в Томскую область, в 1937 г. снова арестован и погиб в заключении 22 марта 1942 г.), ученый специалист по плодоводству Михаил Григорьевич Постов, Алексей Дмитриевич Лебедев -- зав. лабораторией прядильных растений, несколько сотрудников младшего звена. Большинство из них проходило по "Делу Трудовой Крестьянской Партии".

1 апреля 1933 года был арестован Михаил Григорьевич Попов, ведущий специалист отдела плодоводства, в момент ареста работавший зав. Среднеазиатским отделением ВИР. Оказался в числе арестованных в 1933 году и А.К.Коль.

ОГПУ начало аресты в момент, когда Вавилов был в своем последнем заграничном турне в Центральную и Южную Америку. Он уехал в августе 1932 года, а вернулся 26 февраля 1933 года. Сразу же по возвращении он попал в жуткую атмосферу запуганности всего ВИР'а, но не пал духом, не ушел на дно, затаившись до лучших времен, а с решимостью и поразивших многих смелостью бросился на защиту арестованных сотрудников: встретился с руководством Ленинградского обкома и ОГПУ, обратился к наркому земледелия СССР и члену ЦК ВКП(б) Я.А.Яковлеву с аргументированными письмами, содержащими положительные характеристики на каждого из арестованных. Всего за 1933 -- 1937 годы Вавилов обращался к наркому Яковлеву с просьбами о выпуске на свободу 44 ученых (только в 1934 году 15 раз), а Яковлев (в отличие от Кагановича и большинства других наркомов) шел на то, чтобы поддержать просьбы Вавилова. Благодаря этим усилиям большую часть арестованных выпустили на свободу к сентябрю 1933 года (правда, известно, что Кулешов был освобожден 17 ноября), а к началу следующего года все жертвы первых арестов были вырваны из лап ОГПУ.

Зная сегодня исторические факты о поведении большинства руководителей науки СССР тех лет, приходится только поражаться порядочности и бесстрашию Н.И.Вавилова, несомненно отчетливо понимавшего, что каждым таким письмом он роет самому себе яму, но продолжавшего бороться всеми доступными ему способами за жизнь невинно пострадавших.

Репрессии на этих арестах однако не остановились. В 1935 году группа сотрудников ВИР (Иван Васильевич Кожухов, Михаил Федорович Петропавловский, Римма Петровна Белоговская, Ася Васильевна Дорошенко, Венедикт Петрович Алексеев и другие) была арестована, а затем выслана из Ленинграда в северные районы и в Сибирь.

Оговоры Вавилова его сотрудниками

Вставший на защиту своих арестованных сотрудников Вавилов вряд ли мог знать, как они вели себя в заключении в отношении его самого. Как выяснилось позже, их поведение было различным. Например, Левитский "решительно отрицал все обвинения" в свой адрес, не дал никаких показаний против Вавилова, и хотя чекистам не к чему было прицепиться, он тем не менее "был приговорен к 3 годам административной высылки в Западную Сибирь" (40). Не в последнюю очередь благодаря ходатайствам Вавилова, он сумел все же доказать свою невиновность и в декабре 1933 года вернулся на работу в Ленинград. Конечно, не один Левитский удержался во время следствия от наговоров на Вавилова. Например, имена Чинго-Чингаса и Попова никогда не упоминались в документах ОГПУ в числе тех, кто доносил на Вавилова или обвинял его в противоправных действиях. Почти все остальные арестованные в той или иной степени согласились со следователями или по собственной воле дали показания, что их директор Вавилов вовлекал их во вредительскую деятельность. Возможно, по этой причине, а возможно в связи с решением ОГПУ, ни один из этих людей не вернулся в ВИР. Правда, и Чинго-Чингас с Поповым в Ленинград не вернулись, а были сосланы в

отдаленные места (Попова выслали в Алма Ату, позже он перебрался во Львов, стал членом-корреспондентом АН УССР, а затем жил и работал в Иркутске). И все-таки поведение Левитского, Эмме, Чинго-Чингаса, Попова было уникальным. Большинство повело себя иначе. Поповский сообщал в своей книге, что с серьезными наговорами на Вавилова во время пребывания в застенках ОГПУ выступил Коль, который" на первом же допросе... показал, что в ВИР'е действует контрреволюционная группа, возглавляемая академиком Вавиловым. Повторился тот же вариант, что и
с Якушкиным" (41). Как и Якушкин, Коль пошел дальше: он согласился сотрудничать с ОГПУ и служить доносчиком о всех замеченных непорядках в работе Вавилова.

Если действия Коля объяснимы его внутренним недовольством Вавиловым и затаенными личными обидами на директора, то ничем иным как запугиванием чекистами нельзя объяснить поведение других вавиловских сотрудников. Писарев, Таланов, Максимов, Кулешов и другие не смогли удержаться и дали показания против Вавилова. Особенно оговаривал своего патрона Писарев. Он занимал особое место в ВИР'е, председательствовал на заседаниях Научного Совета в отсутствие Вавилова, на равных правах с директором принимал участие в определении научной политики института, писал сотрудникам по поручению Вавилова длинные назидания по поводу их работы. Так, в Архиве ВИР имеется письмо Писарева Карпеченко от 27 февраля 1926 г. на 8 страницах машинописного текста, в котором Писарев выговаривал Карпеченко за то, что последний недостаточно повернулся лицом к практике и не слушает, как надо, начальников:

"...всякая работа в нашем Институте должна иметь совершенно определенный плановый характер... никакое партизанство в смысле выделения какого-нибудь одного вопроса -- хотя бы и очень интересного -- не может быть допущено. ...Очень жаль, Георгий Дмитриевич, что Вы меня мало информировали о Вашей поездке; я не беру в счет Ваше сообщение, где и сколько раз у какой знаменитости Вы завтракали... Надеюсь, что с Вашим приездом мы быстро наладим этот генетический центр и вместе с Вами попытаемся использовать весь тот опыт, который в этом отношении есть у меня, так как здесь нужно много такта и пожалуй еще больше авторитетности" (42).

На допросе 24 февраля 1933 года Писарев показал, что якобы:

"...с целью согласованного проведения в системе ин-та мероприятий, рассчитанных на противопоставление установкам Сов. власти и коммунистической партии... нам нужно было создать свою законспирированную организацию и эта организация была создана" (43).

Через месяц с небольшим (на допросе 5 апреля 1933 г.) Писарев резко увеличил объем информации, преподнесенной следователям ОГПУ и, основываясь на своих знаниях как "правой руки" Вавилова -- его заместителя в дирекции и доверенного лица в Научном Совете ВИПБиНК, напряг память, чтобы ничего не пропустить (видимо Виктор Евграфович очень волновался, поэтому в подписанном им тексте много орфографических ошибок):

"В отношении связей акад. Н.И.ВАВИЛОВ в Москве и на периферии я могу сообщить следующие данные:

В Москве ВАВИЛОВ находился в очень тесной и дружеской связи с ДОЯРЕНКО, С.ЧАЯНОВЫМ, А.ЧАЯНОВЫМ, КОНДРАТЬЕВЫМ, МАКАРОВЫМ, РЫБНИКОВЫМ (последние четыре проф. -- экономисты), проф. ЛИСИЦЫНЫМ (Московск. сельхозцентра) и проф. КОЛЬЦОВЫМ Н.К. (кажется директор ин-та экспер. биологии) и проф. ЛИСКУНОМ, дир. ин-та животноводства.

На Средней Волге ВАВИЛОВ имел связи с проф. КОНСТАНТИНОВЫМ, дир. селекции. ст. в Кинеле под Самарой, в Казани с проф. ТИХОНОВЫМ (научн. руководит. Казанского селекц. центра)

На Нижней Волге ВАВИЛОВ очень часто бывал в Саратове, где у него были связи с дир. ин-та засушл. хоз-ва акад. ТУЛАЙКОВЫМ и проф. МЕЙСТЕРОМ (директ. Нижне-Волжск. Селекцентра).

На Северном Кавказе ранее ВАВИЛОВ часто бывал у дир. Донск. селекц. ст. проф. ЛЕБЕДЕВА, а затем в Краснодаре на Табаководческой станции у проф. ШМУКА, СМИРНОВА И ПАЛАМАРЧУКА.

В Закавказье, в Тифлисе у ВАВИЛОВА были очень близкие связи с коллективом ботаников в Тифлисском ботаническом саду (проф. СОСНОВСКИЙ, проф. ДЕКАПРЕЛЕВИЧ, проф. ТРОИЦКИЙ -- последний теперь в Эревани, кажется, и проф. -- фамилия немецкая, ее забыл, завут Александр Альфонсович, теперь работает в Баку).

В Эриване у ВАВИЛОВА были связи с вышеуказанным профессором ТРОИЦКИМ и проф. ТУМАНЯНОМ, а в Баку с проф. ЛЕБЕДЕВЫМ и проф. БРАЖАЗИЦКИМ.

В ЦЧО ВАВИЛОВЫМ поддерживалась связь с проф. ЯКУНИНЫМ и его ассистентом УСПЕНСКИМ, селекционером ПОПОВЫМ И.И.

На Украине ВАВИЛОВ очень часто бывал в Одессе у академика САПЕГИНА и последнее время старается его перевести в Ленинград.

В Киеве ВАВИЛОВ поддерживал близкие отношения с проф. КОЛКУНОВЫМ и проф. ЛЕВШИНЫМ.

В Харькове из лиц, с которыми поддерживал тесную связь ВАВИЛОВ, можно назвать акад. СОКОЛОВСКОГО (кажется президент с/х акад. Украины), проф. ЕГОРОВЫМ и проф. ЯНАТОЙ.

В Средней Азии (в Ташкенте) из близких ВАВИЛОВУ лиц можно назвать проф. БАРАНОВА, проф. ДИМО, селекционера ДЕРЕВИЦКОГО (теперь в ЦЧО в селекцентре на Степной станции) и селекционера Главхлопка проф. БЕЛОВА.

При поездке через Сибирь на Д.Востоке Н.И.ВАВИЛОВ установил знакомство и связи:

В Омске -- Зап. Сибирск. селекцентр -- с БЕРГОМ и ЦИЦИНОМ.

В Красноярске -- на опытной станции (теперь это Средне-Сибирский селекцентр при совхозе Камала) с МЕЙНЕКОМ, в Благовещенске на Амурской селекционной ст. с ЗОЛОТНИЦКИМ.

В Тулуне (Вост. Сиб. край) на Тулунской Селекционной ст. с ГУСЕЛЬНИКОВЫМ.

Во Владивостоке в Университет с проф. САВИЧ и проф. СОБОЛЕВЫМ (последний теперь работает на Сев. Кавказе, заведывает Сев. Кавк. отдел ВИР'а) (44)

Получив такой список фамилий, ОГПУ могло считать себя надолго обеспеченным работой. В течение почти десяти последующих лет многие из тех, кого Писарев назвал в своем доносе, оказались за решеткой. Сам Писарев дожил до 90 лет, и в целом обеспечил себе полную

успехов и наград жизнь, стал академиком ВАСХНИЛ. В разгар лысенковского владычества в науке -- в 1951 году -- он был удостоен Сталинской премии. В 1962 году его наградили Золотой звездой Героя социалистического труда и орденом Ленина. О нем были написаны еще при жизни хвалебные книги, в которых ни слова о пребывании в заключении в 1933 году не было сказано. Только недавно из следственного дела Вавилова стало ясно, что он, как и подавляющее большинство арестованных, был сломлен нечеловеческим обращением, "признал" на допросах правдой то, что от него ждали следователи.

Возможно благодаря такому поведению, а не только письмам Вавилова, пребывание Писарева и его коллег за решеткой оказалось в тот год непродолжительным{5} . Столь же быстро оказался на свободе Коль, хотя никто не может сказать сегодня точно, был ли его арест серьезным, или взяли Коля для отвода глаз, после заключения в тюрьму и высылки большой группы действительно близких к Вавилову людей.

Но даже, отпустив на волю своих пленников (многих лишь временно) чекисты продолжали использовать их показания для обвинений других людей и прежде всего Вавилова, Карпеченко, Левитского и Говорова. Так и переходили из документа в документ фразы из протоколов допросов Авдулова, Писарева, Таланова, Кулешова и других вавиловских сотрудников. Вырванными у незащищенных жертв лжепризнаниями чекисты обосновывали снова и снова требования отдать им на растерзание Вавилова, а потом, после его ареста, выкладывали перед невинным академиком страницы из подписанных его коллегами протоколов допросов, в которых его имя было связано с нелепой и страшной неправдой.

Конечно, сегодня, спустя три четверти века, трудно воспроизвести моральную атмосферу тех дней, понять как мог спокойно работать Вавилов, не паниковал, не расслаблялся и не озлоблялся. Из опубликованных выступлений и статей Вавилова в 1933-1937 годах перед нами встает лицо оптимиста и жизнелюба, не запуганного, не деморализованного. Он ведет огромное дело, ведь его институт -- самый большой в стране, если не в мире: в нем трудятся почти полторы тысячи сотрудников, больше, чем в полусотне других институтов вместе взятых. Ни физикам, ни химикам такие масштабы в те годы даже не снились. Времена, когда Сталин захочет, чтобы ученые создали атомную и водородную бомбу, еще не настали, поэтому многотысячные коллективы физиков и техников, брошенные на решение этих суперзадач, еще далеко впереди. Пока только для Вавилова создана махина ВИР’а. Он к тому же руководил далеко не маленькой Всесоюзной Академией сельскохозяйственных наук имени Ленина -- ВАСХНИЛ, в которую входили десятки институтов, созданных с непосредственным его участием. Он же -- директор большого Института генетики АН СССР. Такая масса взваливаемых на себя дел и административных постов может трактоваться и иначе -- как стремление к нездоровому монополизму. Заниматься собственно научной работой Вавилов уже не мог, он стал могучим организатором и администратором советской науки.

В ОГПУ начинают детально разрабатывать "Дело Вавилова"

К весне 1932 года ОГПУ накопило много обвинений против Вавилова. Ему инкриминировали вредительскую и шпионскую деятельность, ненависть к советскому строю и правительству. С доказательствами обвинений дело было совсем плохо, но это мало кого волновало. Теперь собранный материал можно было двинуть наверх. В обширном документе на сорока одной странице машинописного текста, названном "Директивное письмо", обвинения были собраны воедино. 14 марта 1932 года его отправили сразу в несколько адресов на верхи (46). Авторами документа были безымянный представитель 8-го отдела Экономического Управления ОГПУ (ЭКУ ОГПУ) и начальник Экономического Управления ОГПУ Миронов. Мы еще встретим фамилию этого чекиста, бомбардировавшего верхи

сигналами о вредительской и шпионской деятельности Вавилова на протяжении многих лет.

В документе не были упомянуты Якушкин и Коль, зато были приведены новые показания против ВИР'а и Вавилова и было, например, сказано, что еще один сигнал поступил из офиса Лаврентия Берия, руководившего тогда Закавказским ГПУ:

"В письме №5766 с/к от 29 марта 1931 г. ЭКО Зак. ГПУ сообщило..., что Абхазский филиал ТКП почти до самого последнего времени поддерживал связи с Москвой... пользуясь в области вредительства и подготовки к интервенции директивами центра... полевода Таланова" (47).

Концы в этом сообщении не сходились, так как назывался сотрудник ленинградского Института -- ВИР'а -- В.В.Таланов, а утверждалось о связях абхазских "врагов" с Москвой. Но так уж получалось у чекистских знатоков, что мелочи, вроде вредительства давно покойного Зайцева или неувязка с географическим положением Таланова, живущего не в том месте, где он якобы вредил, не мешали главному: чекисты демонстрировали властям, что враг не дремлет, но и они не почивают на лаврах, открывая всё новых врагов, среди которых теперь оказалась новая крупная добыча -- Вавилов.

Во многих документах ОГПУ и НКВД содержится ссылка на то, что через несколько месяцев после "открытия" вредительских действий Вавилова чекистами из Грузии, подтверждения его "вредительства" пришли из "бдительных органов" с Украины, из Ленинградского Военного Округа и из других мест (ЭКУ ОГПУ, ЭКО ПП ОГПУ по ЛВО, ЭКО ПП ОГПУ по ЦЧО, ЭКО ПП ОГПУ по НВК и др." /48/). Проходят в этом и многих последующих документах и фразы об анонимных партийных источниках информации по Вавилову:

"Поступило ряд сообщений (орфография Директивного письма ОГПУ от 14 марта 1932 г. /42/ сохранена -- В.С.) партийцев Москвы и Ленинграда об антисоветской работе группы специалистов в ВИР и об "осином гнезде" в Ленинграде... Все эти материалы послужили серьезнейшим основанием к форсированной и широкой разработке к.-р. группировки ВАВИЛОВА" (/49/, выделено мной -- В.С.).

Как всегда было с плетением интригующих фальшивок, когда прежде всего для обосновании причин зловредных действий искали идейно-политическую подоплеку, такую же подоплеку немедленно нашли и в отношении "осиного гнезда". Длинный отрывок из "Директивного письма" хорошо передает настрой чекистского начальства:

"Возникнув с дореволюционных времен на базе Ученого Комитета царского департамента земледелия, группа быв[ших] ответственных чиновников указанного департамента и буржуазных ученых сгруппировала в Ленинграде за годы революции под различными организационными формами, сперва как Государственный Институт Опытной Агрономии, затем как Всесоюзный Институт Прикладной Ботаники и Новых Культур и, наконец, как Всесоюзный Институт Растениеводства... значительные антисоветские кадры буржуазных теоретиков и практиков сельского хозяйства. Стоя в стороне от практической деятельности по сельскому хозяйству, занимаясь отвлеченными теоретическими трудами на основе буржуазных теорий и организацией экспедиций во все части света для отыскания новых видов растений, -- указанная группа, возглавляемая с 1924 года профессором ВАВИЛОВЫМ, стала центром притяжения агрономических трудов кадров, саботирующих соввласть и не желающих участвовать в социалистическом строительстве" (50).

В этом документе чекисты впервые открывают имя их основного информатора, внедренного

в ВИР, -- Григория Шлыкова. Сопоставляя изложение в "Директивном письме" "фактов вредительства" Вавилова с тем, что Шлыков писал во множестве его обращений в разные государственные органы, в газеты и журналы, что он говорил во время своих постоянных публичных нападок на Вавилова в его же институте, можно однозначно прийти к выводу, что именно его усилиями в ОГПУ была сплетена основная канва обвинений Вавилова и сложилась фразеология обвинений. Именно Шлыков, по свидетельству хорошо его знавших профессоров Синской, Бахтеева, Фляксбергера и других, постоянно писал в разнузданно демагогических выражениях о якобы научной никчемности Вавилова. К 1932 году научный авторитет Вавилова и в стране и в мире был бесспорен. Казалось бы, с этой стороны к нему не подступиться. Но Шлыков, Коль, Якушкин отвергали именно научную значимость работ Вавилова, и эти наветы на весомость вавиловских достижений в науке были вставлены в "Директивное письмо" огэпэушными "исследователями":

"Широкая известность ВАВИЛОВА как советского ученого, известность в значительной мере им создаваемая, скрывает лицо незаурядного идеолога аграрной контрреволюции... Вавилов -- типичный авантюрист в научной области... Его научное "имя" весьма сомнительной ценности" (51).

"Вместо серьезной научно-исследовательской работы на базе марксистско-ленинской методологии и достижений физики и биологии, старое буржуазное опытничество, ставка на опыт, гадание на гуще ("вырастает не вырастает", "будет мутация (изменение вида растений) или не будет").

...ВАВИЛОВ во всех своих программных и деловых выступлениях... делает основной упор на проблеме "мировых растительных ресурсов", вопросе общем для социалистического сельского хозяйства, а не на вопросах агротехники, организации с-х., укреплении колхозов, производительности и т. д. -- вопросах больных для соц. реконструкции сельского хозяйства, выражая этим политику саботажа в важнейших проблемах строительства социалистического хозяйства" (52).

И тем не менее, хотя слова о никчемности научных поисков Вавилова были включены в документ, чекисты вынуждены были признать несколько важных положений относительно научной роли Вавилова в стране:

"Участие группировки ВАВИЛОВА в техническом разрешении ряда кардинальных вопросов сельского хозяйства страны усилилось за последнее время..., [в ВИРе работает] 1200 чел. высококвалифицированных специалистов -- техников сельского хозяйства, среди которых имеется ряд имен с мировой известностью... На местах, в Москве, Украине, Сев. Кавказе, Средней Азии, Закавказье, Дальнем Востоке и т. д. группировка ВАВИЛОВА представлена десятком отделений и десятками сортоиспытательных участков И-та Растениеводства, заполненных личным составом, аналогичным И-ту, мощной разветвленной сетью официальных и личных связей и знакомств во всех руководящих и технических органах сельского хозяйства, в центре и на местах и всех научно исследовательских институтах в ряде городов Союза...

Группировка ВАВИЛОВА, возглавляя ныне Всесоюзный Ин-т Растениеводства, руководящий всей научно-исследовательской деятельностью во всех отраслях растениеводства СССР, фактически держит в руках пути и методы дальнейшего развития земледелия Союза" (/53/, выделено мной -- В.С.).

"Группировкой совершенно усвоена марксистская фразеология, советский порядок решения вопросов, слабые и сильные стороны советского аппарата и партийного руководства, способ

и методы определения политических убеждений и настроений отдельных лиц, имеется достаточная ориентировка во всех политических вопросах текущего момента" (54)

Затем авторы документа утверждали, что

"Мнимые советские настроения, доходящие до готовности вступить в ВКП [Всесоюзная Коммунистическая Партия -- В.С.] ради того, чтобы быть в центре и получать заграничные командировки{6}, приспособленчество, двурушничество, умелое скрывание убеждений и взглядов -- стали основными маскирующими средствами к-р работы [группировки Вавилова]" (55).

. Чтобы убедить руководство страны в последнем, главное место в "Директивном письме" было обращено на обоснование разносторонней враждебной советскому государству научной и организационной деятельности Вавилова. Начинались объяснения с того, сколь злонамеренно Вавилов ограничивает приток в его огромный институт членов партии (якобы всего 10-15 большевиков на 1200 сотрудников), затем утверждалось, что он поддерживает связи с врагами Соввласти за рубежом, что в сообществе с Талановым Вавилов пытался протащить в сельское хозяйство СССР принципы американской организации этого сектора экономики и американские фирмы ("протежирует американские капиталистические интересы в пику интересам Советской власти" /56/) и одновременно "является агентом английской контрразведки" (57), затем объяснялось, как он ненавидит советскую власть ("Политические позиции группировки ВАВИЛОВА резко враждебны коммунистической партии и Советской власти" /58/) и как умело скрывает ненависть к советскому строю и компартии.

Почти половину огромного по объему "Директивного письма ОГПУ" занимали обвинения Вавилова во вредительстве в растениеводстве СССР. Эти обвинения для вящей убедительности были разбиты на множество пунктов и подпунктов, касались вредительских рекомендаций по разным сельскохозяйственным культурам. Были среди них и весьма занятные. Все в стране отлично понимали, что вину за истребление лучших сортов пшеницы и других культур нужно было возлагать на тех в Кремле, кто развязал тотальную коллективизацию и экспроприацию всего зерна у крестьян. Теперь же вину за гибель сортов чекисты возлагали на Вавилова. Он же, оказывается был виновен в "срыве работ по селекции кукурузы, сои, конопли, люцерны и т. д." (59), хотя чуть ниже утверждалось, что он, напротив, "вредил" тем, что призывал занимать "лучшие земли (пшеничные и хлопковые земли)... кукурузой" (60), а еще ниже в вину Вавилову было поставлено то, что он" скрывал зимостойкие и засухоустойчивые урожайные сорта кукурузы" и оказывал "сопротивление продвижению кукурузы на север... и развитию семеноводства кукурузы" (61). Логики в этих взаимоисключающих обвинениях не было. Читая утверждение, что Вавилов виновен в последнем "грехе" -- в сопротивлении продвижения кукурузы на север -- нельзя сразу же не вспомнить кукурузную эпопею Н.С.Хрущева, когда тот требовал продвигать "королеву полей" всё севернее, полностью воспроизводя пожелания чекистов. Время показало, что и чекисты и Хрущев принесли огромный вред стране. Вавилов (если только и эта его "вина" не была высосана из пальца) в этом вопросе оказался прав.

Два пункта обвинения чекистов были вполне понятны: с нескрываемым раздражением они писали о "деятельности... вавиловской группировки по ходатайствам за арестованных [ранее чекистами] вредителей, ... составление списков на освобождение, паломничество родственников арестованных к ВАВИЛОВУ" (62). Поступая так, Вавилов лишал чекистов лавр защитников социалистического отечества, так как оказывалось, что они хватали людей, чью невиновность удавалось легко доказать. Второй пункт раздражения был связан с тем, что Вавилов не опирался на членов ВКП(б), а предпочитал им "быв[ших] чиновников департамента земледелия, представителей земства, помещичьих элементов, деятелей

кадетской и эсеровской партий..." (63).

В последней части "Директивного письма" "аналитики" из ОГПУ нашли еще одну тему для глубокомысленных обсуждений -- противопоставление "прусско-датского пути" развития сельского хозяйства "американскому пути".
Первый якобы заключался "в апологетике... МЕЛКОГО сельского хозяйства, являлся уделом всех выброшенных и ликвидированных Октябрьской революцией идеологов аграрной контр-революции (КЕРЕНСКИЙ, ЧЕРНОВ, ЩЕПКИН, КОНДРАТЬЕВ, ЧАЯНОВ, ЧЕЛИНЦЕВ, САДЫРИН и др.)" (64), а второй -- в развитии КРУПНЫХ хозяйств по американскому образцу, что поддерживал В.В.Таланов. Воспользовавшись тем, что ЧК-ОГПУ "выбросила и ликвидировала" всех сторонников первого пути, Вавилов и его группа якобы заняли освободившееся место и лишили тем чекистов радости победы над врагом: снова надо было бороться и побеждать, теперь уже "американистов" вавиловского клана. Никакой пользы в "американизме" чекистские авторы Директивного Письма не усматривали, хотя "догнать и перегнать" капиталистические страны (как опять не вспомнить перепев этого же призыва тридцатью годами позже Хрущевым), по их мнению, мешала как раз "американская группировка Вавилова":

"Изменившаяся хозяйственно-политическая обстановка, ликвидация кулачества как класса, коллективизация, строительство крупных механизированных совхозов, социалистическая реконструкция сельского хозяйства уничтожили пути и возможности буржуазной реставрации через рост капитализма в деревне. Поэтому вредительство, срыв, задержка темпов социалистической реконструкции и сопротивление ей, постоянное подчинение сельского хозяйства Союза иностранной, и в первую очередь, американской, зависимости, не давая возможности СССР "догнать", а тем более "перегнать" капиталистические сельско-хозяйственные страны -- являются основными методами и задачами контр-революционной борьбы "американской" группировки Вавилова" (65).

В заключительных абзацах Письма, направленного высшим руководителям страны, был сделан намек на существование еще более разветвленной вредительской организации -- всей Академии Наук СССР:

"...по самым общим оперативным намекам, требующим дальнейшей разработки, можно предположить, что вавиловская группировка является только сельскохозяйственной частью той общей контр-революционной организации, которая складывается в недрах Академии Наук СССР..." (/66/, выделено мной -- В.С.).

Все до одного пункты обвинений были обоснованы не просто беспомощно, а вопиюще беспомощно. Особенно плохо обстояло дело с доказательствами шпионской деятельности Вавилова. По сути ни одного заслуживающего доверия факта, такого как поимка Вавилова с поличным или задержание в момент передачи им на Запад секретных материалов, доказано не было.

Вместо этого были названы фамилии четырех "врагов" советской страны, якобы "изобличенных материалами ОГПУ в руководстве и финансировании к-р [контрреволюционного] движения в СССР". Двое из "финансистов" были бедно живущими в эмиграции учеными, отлично известными во всем ученом мире, -- проф. С.И.Метальников из Пастеровского института и проф. А.И.Стебут из Белградского университета. Назван был еще один эмигрант из России, живущий в Берлине, -- П.Ф.Шлиппе ("автор статьи об истории фирмы Вильморенов в "Трудах по прикладной ботанике"" /67/), и германский дипломат -- Аухаген. Фамилии двух последних приводились и здесь и впоследствии без указания имен, и невольно складывалось впечатление, что даже их имен ОГПУ не знает. Ни одного

установленного эпизода обмена ими с Вавиловым чем-то предосудительным не было приведено вообще. Столь же мало доказательны были обоснования всех остальных пунктов шпионажа.

В целом при отсутствии решающих доказательств правоты выставленных обвинений документ носил безапелляционный характер. Обвинения были категоричными, призывы к немедленной расправе с Вавиловым и его ближайшими сотрудниками сформулированы крайне жестко (как это, впрочем всегда было в документах, выходивших из ведомства госбезопасности). В тексте даже присутствовал абзац, в котором было высказано недоумение по поводу причин так долго длящейся безнаказанности "группировки" Вавилова:

успехи группировки "...вызывают законный вопрос о причинах ее сохранения до сего времени и неликвидации в момент разгрома к-р организаций в сельском хозяйстве в 1930-31 г.г. Была ли эта группировка незамечена или деятельность ее не носила такого характера, какой она приобрела в последнее время и надобности в ее ликвидации не имелось?" (68).

Вавилов под подозрением, но пока остается на свободе

Знакомясь с обвинениями Вавилова, зловещими и по форме и по сути, нельзя не задаться вопросом, были ли они заказаны кем-то из тех руководителей страны на самом верху, кто мог приказывать "исследователям темных сторон жизни" из ведомства ОГПУ, или в то время -- в 1932 году -- следователи ОГПУ уже сами знали, на кого следует направить лезвие их сабель, и, основываясь на своем понимании врагов и друзей системы, могли приказывать властям, что делать с найденными ими врагами. Пример Вавилова позволяет дать осторожный и, конечно, неполный ответ на этот вопрос. Против Вавилова, как мы видели выше, уже началась кампания газетной критики, его институт и его самого уже обвиняли в различных грехах, но тем не менее Николай Иванович в 1932 году находился в лучшей форме, был демонстративно ценим властями -- введен в состав законодательных органов страны (ЦИК) и РСФСР (ВЦИК), напрямую общался с лидерами страны, был Президентом ВАСХНИЛ и Всесоюзного Географического Общества, неизменно проводил за границей много месяцев в году, постоянно печатал свои программные статьи в ведущих газетах. Как же так? Почему статьи против Вавилова появились, в недрах ОГПУ его портрет рисовали самыми черными красками, а советской общественности "звериную" суть этого буржуазного вредителя не открывали и "осиное гнездо вредителей" продолжало существовать безбедно?

Этот диссонанс указывает на то, что в таких вопросах, как "Дело Вавилова" чекисты шли впереди властей, сами формировали набор будущих жертв и еще не обладали абсолютным и непререкаемым правом решения вопроса о том, как поступать с теми, в ком они "распознали" врага. Поэтому им пришлось "трудиться" дальше, чтобы разъяснять верхам явный парадокс с публичным признанием положительной роли Вавилова и его скрытой пока от глаз общественности вредительской сущности. Во всяком случае пока сил для самостоятельной расправы с Вавиловым у ОГПУ не оказалось, а у верховных властей страны Вавилов еще сохранял кредит доверия. Этим объясняется, что "Директивное письмо" ОГПУ на деле не было директивой, что чекистам требовалось потрудиться, чтобы убедить верхи страны в том, что надо изменить отношение к Вавилову и перестать верить его посулам в области строительства нового сельского хозяйства социалистической страны.

В любом случае, несмотря на все обвинения, санкций на арест Вавилова получено не было. Единственным последствием обвинений стало запрещение на заграничные поездки Николая Ивановича, что было закреплено решением Политбюро ЦК партии (69).

Однако чекисты на этом не могли успокоиться. Следователи ОГПУ старательно и быстро

набирали новые порочащие Вавилова сведения. Вскоре непосредственно Сталину был направлен еще один документ, созданный по-видимому в начале лета 1933 года (70). Документ был подписан зам. председателя ОГПУ Прокофьевым и уже знакомым нам начальником Экономического Управления Мироновым. В нем в основном были повторены пункты "Директивного письма", изложенные более жестко и лапидарно. Снова были включены оговоры Вавилова близкими к нему людьми. Так, было повторено, что в феврале 1933 года следователи ОГПУ добыли такие сведения:

"Арестованные... ближайшие помощники ВАВИЛОВА -- профессора ПИСАРЕВ, ТАЛАНОВ, КУЛЕШОВ и другие, полностью подтвердили данные об их активном участии в консолидировавшейся к-р организации в сельском хозяйстве. В своих показаниях арестованные указывают на их идейно-политического руководителя -- акад. Н.И.ВАВИЛОВА" (71).

Соединив в одно место показания Дибольда, Писарева, Таланова, Кулешова "и других арестованных" чекистские начальники заявляли, что Вавилов "достаточно изобличен" как вредитель. К этому были добавлены голословные политические обвинения, сформулированные устрашающе:

"Политические позиции ВАВИЛОВА резко враждебны Коммунистической Партии и Советской Власти" (72).

"Двурушничество и умелое скрывание убеждений и взглядов являются основными маскирующими средствами контр-революционной работы ВАВИЛОВА" (73).

"...целой системой, якобы научных мероприятий... [Вавилов] настойчиво ведет линию на фактическое сокращение посевов зерновых культур и уменьшение кормовых ресурсов, с целью вызвать голод в стране. Кроме того ВАВИЛОВ организует борьбу против хлопководства, против хлебозаготовок, срывает борьбу с засухой, предлагает заведомо неправильное районирование сельского хозяйства, разваливает семеноводство, направляя усилия организации на подчинение советского семеноводства иностранной зависимости" (74).

Вменялось в вину Вавилову и еще одно "крупное" дело. В январе 1933 г. арестованный агроном Калечиц, видимо пытаясь заработать хоть какую-то поблажку от чекистов, показывает, что Вавилов, Тулайков и животновод Лискун возглавляют "Всесоюзный Политический Центр".

Сведения о заговорщическом ПОЛИТИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ, причем не локальном, а ВСЕСОЮЗНОМ, звучали масштабно. Чекисты якобы раскрыли угрожающую стране и строю опасность и смогли во время обезглавить врагов системы, создавших такой Центр. В том же январе арестованный профессор-животновод Сизов, оговоривший своих коллег Белицера и Циона, заявил, якобы с их слов, вообще страшные вещи о "Политическом Центре" и о роли Вавилова в нем, равно как и уже находящихся в разработке органами ОГПУ коллегах академика. Оказывается, Политический Центр разросся как раковая опухоль, это уже не центр, а настоящая подрывная организация самого мощного уровня:

"Во главе организации стоит т.н. Политический центр, структура которого сводится к объединению 6 автономных центров: Агрономического, Животноводческого, Ветеринарного, Промышленного, Военного и диверсионно-повстанческого. Во главе каждого центра стоит определенное лицо: Председатель -- Акад. ВАВИЛОВ, руководитель Агрономического центра -- акад. Тулайков, Животноводческого -- проф. Лискун,

Ветеринарного -- проф. ТАРТАКОВСКИЙ, диверсионно-повстанческого -- Зам. НКЗ СССР МАРКЕВИЧ. В состав Политцентра входил также Замнарком Совхозов СССР -- ВОЛЬФ" (75).

Арестованный тут же Белицер 13 февраля 1933 года согласился со всем, что показал профессор Сизов. А еще через непродолжительное время с этими вымыслами согласились в кабинетах следователей ОГПУ арестованные по столь же мифическому "Делу 3-5ти" тем же Экономическим Управлением ОГПУ Гандельсман, Кузнецов, Кременецкий и Андреев. Все они, как следует из этого же письма Сталину, были немедленно расстреляны.

Новым обвинением Вавилова, доложенном Сталину, стал шпионаж в пользу Франции. Все доказательства вины Вавилова ограничились тем, что в феврале 1932 года, будучи в Париже, он обедал у французского ученого Ланжавана, а вместе в ним в обеде приняли участие двое людей -- Демонзи и Мазон -- как было сказано, "ведущих разведывательную работу для французского генштаба и изобличенных следственными материалами ОГПУ в руководстве и финансировании к-р движения в СССР и подготовке вооруженного восстания на Украине" (76). Чтобы придать веса этому обвинению, авторы из ОГПУ считали достаточным привести сакраментальную фразу:

"Следственной проработкой материал полностью подтверждается" (77).

Отставим на минуту в сторону страшные слова об уже состоявшемся "изобличении" и попробуем разобраться в том, что же это за люди, с которыми Вавилов пообедал. Начнем с Ланжавана, имя которого именно в таком написании -- ЛанжАван -- фигурирует во всех документах ОГПУ-НКВД вплоть до ареста и гибели Вавилова. Речь на самом деле шла о Поле Ланжевене -- признанном главе французских физиков, известном всему миру ученом, единственном в то время французе, который был избран сразу академиком трех академий: Французской Академии наук, Британской академии наук (Королевского Общества) и Академии наук СССР (в 1929 году). Ланжевен стал самым известным другом красной России вскоре после революции. Он основал во Франции "Кружок друзей новой (читай коммунистической!) России", причем в 1919 году, то есть в период, когда эта страна была заполонена российскими эмигрантами из высшего света, оказавшимися там после революции 1917 года. Для того, чтобы основать именно тогда данный "Кружок", нужно было обладать немалым мужеством, и таких людей в мире было наперечет. Советы должны были на ланжевенов буквально молиться. Другим важнейшим основанием для самого почтительного к нему отношения было то, что Поль Ланжевен состоял ЧЛЕНОМ КОМПАРТИИ ФРАНЦИИ! Не пообедать у такого человека, особенно Вавилову, состоявшему с Ланжевеном в переписке и будучи приглашенным во Францию Комитетом, где председательствовал Ланжевен, было просто не культурно. Порядочные люди с теми, кто их пригласил, так не поступают.

Совсем не лишним на обеде у друга красной России Ланжевена был и Анри Мазон, ведь он -- секретарь французского Комитета по научным связям с СССР, председателем которого также является академик Ланжевен. Есть еще одна немаловажная деталь: по поручению Ланжевена официальное приглашение советскому ученому приехать в Париж направил 16 августа 1930 года именно Анри Мазон, оговорив все детали данной поездки (в том числе и финансовые). Это письмо фигурировало в деле Вавилова, когда то же самое ОГПУ давало разрешительную санкцию на поездку Вавилова. Так что? -- тогда они еще Мазона не раскусили?! Или готовили Вавилову западню!?

Третий присутствовавший на обеде человек -- Демонзи никак на уровень шпиона спуститься не мог: он ведь министр образования Франции! Министры по статусу не могут никем

рассматриваться шпионами, они блюдут интересы своей страны на высшем уровне и шпионскими делами не занимаются. Министр есть министр. Нужны ли советским чекистам пояснения, что значит пообедать с министром образования правительства той страны, в которую тебя пригласили, или они всё равно этого понять не смогут!

Таким образом утверждение чекистов, что эпизод с обедом доказывает факт шпионажа в пользу Франции, рассыпался при самом поверхностном анализе. А отсюда следует, что письмо, отправленное лично Сталину, было просто грязной фальшивкой. После этого начнешь поневоле сомневаться в правдивости таких же обвинений Вавилова в шпионаже в пользу Англии.

Однако такие настали в красной России времена, что дикие и по сути и по форме обвинения выдвигались представителями органов безопасности в адрес самых невинных людей. Впрочем, не одни чекисты взывали к властям с призывом устранить Вавилова из жизни. Того же требовали и некоторые из завистливых и не столь успешных, как Вавилов, людей. Красноречивым примером последнего рода стало пышущее нескрываемой злобой донесение Сталину двух находящихся под началом Вавилова сотрудников -- А.С.Бондаренко и Климова. Цитировать такие письма всегда больно и неприятно. Авторов никто не заставлял порочить своего шефа, они отчетливо понимали, что посылают сигнал, направленный на то, чтобы подвести Вавилова под арест. Забегая вперед, нужно заметить, что вступивших на путь подлости почти стопроцентно ждала та участь, которой они искали для оклеветываемых ими людей. Мне не известна судьба Климова, но Бондаренко был сам арестован по обвинению в антисоветской деятельности и вредительстве и расстрелян в начале войны. Исход, который он готовил для Вавилова, был отведен и ему, несмотря на сделку с Дьяволом, заключенную по собственному велению сердца.

Итак, 27 марта 1935 года подписавшиеся как "Вице-Президент Академии с. х. наук им. Ленина Бондаренко и парторг Академии, член Президиума Климов" отправляют под грифом "Секретно" письмо в один адрес: "ЦК ВКП(б) СТАЛИНУ И.В.", в котором обвиняют "группу старых ученых (Н.Вавилов, Е.Лискун, М.Завадовский, Д.Прянишников) [в том, что они] с явной враждебностью относятся к мероприятиям, проводимым партийной частью Президиума" (78). Особенно враждебно к партийцам, по их словам, относится Президент ВАСХНИЛ Вавилов, который особенно озлобился "после лишения его звания члена ЦИК на VII съезде Советов и в связи с отменой чествования его юбилея..." (79).

"Вавилов всегда горой стоит за вредителей. Когда ему указали на безобразное положение филиала Всесоюзного Института Растениеводства в ДВК (Дальневосточном крае -- В.С.), он, рассвирепев, заявил, что "когда там были Соболев и Савич (вредители), то дела там шли "блестяще" -- "это были честные самоотверженные люди!" Не было случая, чтобы Вавилов о ком-либо из установленных вредителей (Таланов, Максимов, Левитский и др.) сказал, что они преступники. Этим он всегда мешал нам правильно направить настроение массы научных работников. Окружен он постоянно самой подозрительной публикой" (80).

Чтобы заслужить благосклонность Сталина, Бондаренко и Климов основное место отводят рассказу о том, как они постарались наладить инспекцию академических институтов бригадой "проверенных товарищей", которые выявили сразу же массу врагов. Благодаря этой акции, сообщали они, удалось

"выявить, разоблачить и снять с работы двурушников-предателей, участников бывшей контрреволюционной троцкистско-зиновьевской оппозиции и выявить наличие значительной засоренности институтов классово-враждебными элементами... Одновременно мы всячески выявляем и укрепляем надежный советский актив ученых" (81).

"Вот эта-то борьба за решительный поворот и перестройку науки в сторону практических запросов социалистического сельскохозяйственного производства, на что указывал т. Сталин на XVII съезде партии и вызывает глухое сопротивление части старых научных работников, пытающихся уклониться от выполнения прямых и непосредственных практических боевых задач...

Мы рассматриваем это сопротивление как одну из форм классовой борьбы на данном этапе..." (82).

Вышеописанные настроения и поведение группы ученых во главе с академиком Вавиловым не могут не тормозить разворачивание научной работы... Что касается группы старых ученых, недавно принятых в партию (Тулайков, Серебровский), то они за редким исключением (Мейстер) плетутся в хвосте за Вавиловым" (83).

Обнаруживший это письмо в архиве Президента России Юрий Николаевич Вавилов отметил, что Сталин внимательно изучил донос. Своей рукой он отчеркнул цветными карандашами одни фразы и подчеркнул другие, поставив подпись "И.Ст." (84). Более того, в Архиве Президента России найден документ №П1717 от 5 апреля 1935 года, в котором заведующий Особым Сектором ЦК сообщает всем членам и кандидатам политбюро ВКП(б) и отдельно тов. Ежову, что "По поручению тов. Сталина посылается Вам для ознакомления записка тт. Бондаренко и Климова (Академия с/х наук им Ленина) от 27. III. 35 г." (85). Не случайно вскоре Вавилов был снят с поста Президента ВАСХНИЛ и заменен партийцем с дореволюционным стажем А.И.Мураловым, правда, плохо разбиравшимся в науке. Но тем не менее и на этот раз Вавилов не был арестован. Возможно те самые связи с министрами западных держав, бесившие блюстителей безопасности, обороняли академика в глазах начальников из Кремля.

* *

*

Вплоть до 1935 года Вавилов упрочал свое лидирующее положение в биологии в СССР. Но всеми своими действиями, субъективно целесообразными и прогрессивными, он подталкивал себя к пропасти, в конце концов, поглотившей его. Таким объективно было развитие трагедии Вавилова, отторгавшегося как чужеродное тело коммунистическими лидерами страны и их подпевалами. Вавилов еще чувствовал себя своим в коридорах власти, он, как и большинство тех, кто открыто и самоотверженно принял новый строй, если и догадывался о том, сколь преступна сущность этой системы, сколь обманны лозунги нового строя, работал на систему власти с огромной отдачей.

А тем временем в недрах новой системы она сама растила смену этим ученым. В коридорах власти уже набирала силу, но двигалась в противоположном направлении, более соответствующем идеалам системы, колонна могильщиков науки, и среди них четко держал строй лидер коммунистической биологии Трофим Денисович Лысенко.
Пока еще и Вавилов, и Лысенко работали на социализм и были схожи в этом своем устремлении. Их противоположные по форме действия (один создавал институты, другой -- хаты-лаборатории) были тем не менее основаны на одном и том же стремлении к собственной монополии. Поэтому разницы во внутренних мотивах Вавилова и Лысенко пока не проявлялось: каждый исповедовал одни и те же социалистические императивы, хотя использовал разные приемы для достижения сходной цели, опираясь на свое понимание того, что для её достижения больше подходит. Однако постепенно созревал конфликт между

классическим ученым Вавиловым и партийным ученым Лысенко: Вавилов становился всё более ненавистным конкурентом "колхозному академику" и тем, кто окружал и поддерживал его сверху и снизу. Ни в арестах в вавиловском институте в 1932-1935 годах, ни в начале слежки за самим Вавиловым и в накоплении фальшивых обвинений в адрес последнего Лысенко участия не принимал (это был процесс, направлявшийся общей обстановкой в стране, созданной правящей партией коммунистов). Но Лысенко уже шел к тому, чтобы ввязаться в противостояние идеалов ученого и инстинктов партии с её тайной полицией -- ЧК--ГПУ--ОГПУ--НКВД. То, что смертельная схватка Лысенко с Вавиловым состоится, было предопределено.

Описанные в этой главе политические репрессии в отношении ученых совпали с массовыми арестами конкурентов Сталина по руководству партией, представителей мира искусства, литературы и видных деятелей из всех остальных сфер жизни. В большинстве случаев аресты касались людей, которых нельзя было отнести к враждебно настроенным или даже инакомыслящим. Писатели и журналисты, подпевавшие партийным вершителям судеб и подчиненным им чекистам, размножали ложь о карательных процессах и их жертвах в книгах, газетах, журналах и по радио. Они несут значительную часть вины за действия властей. Люди, послушно голосовавшие на собраниях за резолюции, бичующие арестованных, помогали Сталину и сталинистам превращать весь народ в послушных ягнят.

Развернутая Сталиным борьба не на жизнь, а на смерть с бывшими товарищами по руководству партией научила чекистов методам фальсификации признаний. Выбивая их вместе с зубами от бывших товарищей по партии, чекисты исполняли наказы Сталина (по свидетельствам современников он сам не раз присутствовал при пытках) и быстро уяснили, что от людей, запуганных страхом смерти, легко добыть любые признания. Карательные органы заранее получали задания о том, какие самооговоры следует получить от жертв, и почти все арестованные готовы были принять на себя самые дикие преступления, согласиться на откровенный вздор, только бы облегчить свои страдания под пытками. В ход шли поклепы на сослуживцев, знакомых, даже родных. Ректор Московского университета (выпускник Киевского университета, бывший меньшевик, бывший доносчик, плохо обученный и слабый профессионал) Андрей Януарьевич Вышинский помог подвести юридическую базу под истязания. Он подоспел в 1927 году с новой "юридической наукой" о важности признаний под пытками ("признание -- венец доказательства"), стал Генеральным обвинителем на Шахтинском процессе 1928 года и ревностно зарабатывал очки в соревновании за право выражать взгляды вождя (учась при этом, как избежать возможности самому попасть под нож сталинской гильотины).

В целом в конце 1920-х -- начале 1930-х годов стало ясно, что Сталин укрепил монополистский режим в стране, сделал его воистину тотальным. Ему удалось пронизать слежкой все стороны жизни, найти массу людишек, готовых повторять неправду вслед за чекистскими следователями и даже активно способствовать доносами и клеветой истреблению лучших ученых, лучших профессионалов во всех сферах общества, руководителей и особенно критиков системы. Времена чудовищных по охвату репрессий наступили.

Одной из наиболее часто упоминавшихся в сталинское время стала формула о нарастании классовой борьбы по мере продвижения вперед строительства социализма. Сталин именно так пытался объяснить размах репрессий тем, кто наивно не понимал, откуда вдруг в его империи, населенной вроде бы добропорядочными гражданами, взялось столько злобных врагов социалистического образа жизни. Из формулы вытекало следствие, что чем дальше, тем больше арестованных следует ожидать. Повторяли и другую формулу тех лет: "Кто не с нами, тот против нас!" Иными словами, отсидеться в уголочке с потайными мыслями никому

не удастся, и нейтральных быть не может. Либо ты свой, либо враг. А с врагами разговор один: -- выявление и беспощадное уничтожение. "Великий Пролетарский Писатель" Максим Горький даже вывел еще одну популярную в те годы формулу: "Если враг не сдается -- его уничтожают".

Примечания и комментарии

к главе V

1 К.Бальмонт. Стихотворения, Изд. "Советский писатель", Л., 1969, стр. 435.

2 Роберт Конквест. Большой террор. Eduzione Aurora, Firenze, 1974, р. 585 (Русское издание).

3 См. журнал "Огонек", № 8 (3213), 1989, стр. 27.

4 Архив ВИР, Оп. 1, Д. 19а, л. 173.

5 Ученые в облаках. Листок рабоче-крестьянской инспекции" -- приложение к газете "Прав-

да". Данная статья упомянута в газете "Правда" от 21 февраля 1930 г., цитировано по фотокопии статьи, хранящейся в Архиве ВИР, оп. 1, д. 20, лл. 18 и 18а.

6 В.Балашов. Институт благородных ... ботаников. Газета "Правда", 21 февраля 1930 г.

7 Там же.

8 Там же.

9 Там же.

10 Там же.

11 Там же.

12 А.К.Коль. Прикладная ботаника или ленинское обновление земли. "Экономическая газета", 29 января 1931., стр. 3.

13 См., например, "Николай Иванович Вавилов. Научное наследие в письмах. Международная переписка, 1921-1927", т. 1, М., 1994, стр. 323.

14 ЦГАНТД СПб, Ф. 318, оп. 1-1, д. 230, л. 99-102, текст напечатан на лицевых и оборотных страницах листов) , приводимые слова см. на л. 102 об.

15 Там же, л. 99.

16 Там же, л. 101.

17 Там же, л. 99 об.

18 Там же, л.100.

19 Архив ВИР, оп.1, д. 15, л. 62-63.

20 Н.Я.Крекнин, М.М.Рудакова (в статье ошибочно вместо фамилии М.М.Рудакова напечатано М.М.Руденко), Т.К.Лассан. Елена Карловна Эмме. В кн.: "Соратники Николая Ивановича Вавилова. Исследователи генофонда растений". СПб. 1994, стр. 590.

21 Цитировано по книге М.А.Поповского "Дело Вавилова", опубликованной в сборнике "Па-

мять", вып. 2, Москва 1977 -- Париж 1979, стр. 290. Поповский приводит показания Якушкина, данные Военной Прокуратуре СССР при перепроверке дела Вавилова, содержащиеся в "Следственном деле Н.И.Вавилова", № 1500, том. 10.

22 Там же.

23 Поповский ссылается на том 1 "Следственного дела Н.И.Вавилова".

24 "Суд палача -- Николай Вавилов в застенках НКВД -- Биографическмй очерк. Документы", сост. Я.Г.Рокитянский, Ю.Н.Вавилов и В.А.Гончаров. Изд. "Academia", М., 1999, стр. 229.

25 Там же, стр. 142.

26 Там же.

27 Там же.

28 Там же.

29 В Архиве ВИР хранится папка копий писем Вавилова Зайцеву, дело 36.

30 См. прим. (24), стр. 143.

31 Там же.

32 Там же, стр. 175.

33 Директивное письмо, подготовленное 8 отд. ЭКУ ОГПУ, подписанное начальником ЭКУ ОГПУ Мироновым и утвержденное заместителем председателя ОГПУ Акуловым 14 марта 1932 года, цитир. по кн. "Суд палача", (прим. /24/), стр. 149.

34 Там же.

35 Там же.

36 Там же, стр. 161.

37 Там же.

38 Там же, стр. 160 и далее.

39 Личное сообщение профессора В.И.Кефели.

40 Цитировано по статье Д.В.Лебедева и Л.И.Абрамовой. Григорий Андреевич Левитский. В кн. "Соратники Николая Ивановича Вавилова. Исследователи генофонда растений". СПб. 1994, стр. 307-322. Приведенная цитата взята со стр. 316-317.

41 См. прим. (23).

42 Архив ВИР, оп. 1, дело 15, лл.81-84 и на оборотных сторонах листов.

43 См. прим. (24), стр. 175.

44 Там же, стр. 184-186.

45 В.Долинин. Романтика научного поиска. М., Изд. "Советская Россия", стр. 144.

46 ЦА ФСБ России, дело №Р-2311, том 8, л. 58-89; все приводимые из него отрывки цитированы по книге "Суд палача" , прим. (24).

47 Там же, стр. 143.

48 Там же.

49 Там же, стр. 143.

50 там же, стр. 143 - 144.

51 Там же, стр. 148.

52 Там же. стр. 151.

53 там же, стр. 144 -- 145.

54 Там же, стр.147.

55 Там же.

56 Там же, стр. 146.

57 Там же, стр. 148.

58 Там же, стр. 146.

59 Там же, стр. 153.

60 Там же, стр. 154.

61 Там же, стр. 155.

62 Там же, стр. 150.

63 Там же, стр. 148.

64 Там же, стр. 157.

65 Там же, стр. 157--158.

66 Там же, , стр. 158.

67 См. Николай Иванович Вавилов. Международная переписка, т. 2, М., Изд "Наука", 1997,стр. 576.

68 См. прим, (24), стр. 156-157.

69 Академия Наук СССР в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС 1922-1991. М., Изд. РОССПЭН, 2000, стр. 154.

70 На приводимой в книге "Суд палача" копии "Докладной записки, включенной в следственное деле Н.И.Вавилова под грифом "Строго секретно", дата отсутствует (ЦА ФСБ России, №Р-2311, т. 8, лл. 33-40) Документ полность приведен в книге "Суд палача", стр. 158-163.

71 См. прим (24), стр. 161.

72 Там же, стр. 159.

73 Там же. стр. 159.

74 Там же, стр. 160.

75 Там же.

76 Там же.

77 Там же

78 Архив Президента России, фонд. 3, опись 30, дело 63, листы 143-146, цит по /24/, стр. 164.

79 См. прим. (24), стр. 164.

80 Там же.

81 Там же, стр. 165.

82 Там же, стр. 166.

83 Там же, стр. 167.

84 Ю.Н.Вавилов и Я.Г.Рокитянский. Знания, брошенные в огонь. Несколько страниц из жизни академика Н.И.Вавилова. Вестник РАН, 1996, №7, стр. 632-633

85 Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 30, д. 63, л. 141, см. прим (24), стр. 531.

Ч а с т ь в т о р а я

ТРИУМФ МРАКОБЕСОВ

Г л а в а VI

ПОБЕДНЫЙ 193-5Й ГОД

"И вот блоха в одежде,

Вся в бархате, в шелку,

Звезда, как у вельможи,

И шпага на боку.

Сенаторского чина

Отличья у блохи.

С блохой весь род блошиный

Проходит на верхи".

И.В.Гёте. Фауст (1).

"...догматическое мышление, бесконтрольное желание навязывать регулярности, явное увлечение ритуалами и повторениями сами по себе характерны как раз для дикарей и детей. Возрастание же опыта и зрелости скорее создает позицию осторожности и критики, чем догматизма".

К.Поппер. Логика и рост научного знания.

1983 (2).

Сталин: "Браво, товарищ
Лысенко, браво!"

Наверное, если бы Лысенко спросили, какой год своей жизни он сам считал самым важным, определяющим в его судьбе, вряд ли он выделил бы какой-то отдельный из череды лет: каждый был важным, каждый определяющим, каждый вел его вверх, обгоняя в реальности затаенные мечты. И все-таки особым был год тысяча девятьсот тридцать пятый. Тогда его похвалил сам Сталин, да что -- похвалил, восторженно приветствовал.

В феврале того года в Кремле собрали ударников сельского хозяйства на встречу с руководителями партии и правительства с самим Иосифом Виссарионовичем. На этой встрече выступали знатные люди села, крупные ученые, такие как Вавилов или Прянишников, а все-таки горячее всех встретили самого народного ученого -- Трофима Денисовича Лысенко, сына простого крестьянина, выучившегося на агронома, а теперь ставшего академиком Всеукраинской Академии наук.

Лысенко начал свою речь с яровизации и пытался ошеломить Сталина упоминанием о десятках тысяч колхозов, якобы вовлеченных в "практическую науку". "Но все ли мы, товарищи, сделали, что тут можно было сделать?" -- вопрошал Лысенко и сам себе отвечал:

"Нет, не все, и намного еще не все. На самом деле, если в этом году колхозы с применением яровизации дали 3-5 миллионов добавочного зерна... то, товарищи, что такое для нас, для нашего Союза эти 3-5 миллионов пудов зерна? Чепуха эти 3-5 миллионов пудов, ...а наше

задание -- это поднять урожайность всех полей, колхозных и совхозных" (3).

Свою речь он продолжил прославлением ничего не давших ни науке, ни практике летних посадок картофеля. Он призвал повести работу так, "чтобы на 1936 год 100% семенного картофеля в Одесской области было уже невырождающегося. Это будет настоящее дело, настоящая наука. Дело это нетрудное, но необходимо как следует взяться" (4). В конце речи он возвратился к вопросу о картофеле, дав понять Сталину и всем присутствующим, что еще далеко не везде его идея встречает теплый прием:

"Хорошо, если бы в этом году хотя бы южные области, хотя бы одесские колхозы взялись за это дело по-настоящему, под руководством земельных органов. К сожалению, некоторые земельные работники областей и районов еще недооценивают во всей полноте это дело" (5).

Однако все эти слова, хотя они и были произнесены с воодушевлением, не несли в себе чего-то экстраординарного и вряд ли могли вызвать у Сталина какие-либо эмоции, что либо такое, что было бы выше снисходительного одобрения. А Лысенко уже знал ход, которым можно было покорить Сталина, вызвать у него жгучий интерес к своей персоне. Он надумал прилюдно обвинить тех, кто критиковал его, во вредительстве, в попытке отбросить его работу не потому, что она научно слабая и недоработанная, а потому, что критики-вредители были классовыми врагами таких вот крестьянских, колхозных ученых, каковым является он, академик из "народа":

"Товарищи, ведь вредители-кулаки встречаются не только в вашей колхозной жизни. Вы их по колхозам хорошо знаете. Но не менее они опасны, не менее закляты и для науки. Немало пришлось кровушки попортить в защите, во всяческих спорах с так называемыми "учеными" по поводу яровизации, в борьбе за ее создание, немало ударов пришлось выдержать в практике. Товарищи, разве не было и нет классовой борьбы на фронте яровизации?

... Было такое дело... вместо того, чтобы помогать колхозникам, делали вредительское дело. И в ученом мире, и не в ученом мире, а классовый враг -- всегда враг, ученый он или нет.

Вот, товарищи, так мы выходили с этим делом. Колхозный строй вытянул это дело. На основе единственно научной методологии, единственно научного руководства, которому нас ежедневно учит товарищ Сталин, это дело вытянуто и вытягивается колхозами" (6).

Этот политический донос на своих коллег вызвал бурю восторга: зал разразился аплодисментами... Всё остальное было встречено по инерции восторженно, но кульминация речи содержалась в этих словах, хотя и в конечной части её было кое-что интересное, например, предложение передать селекцию из рук ученых -- с их опостылевшей генетикой -- в руки простых колхозников:

"Многие ученые говорили, что колхозники не втянуты в работу по генетике и селекции, потому что это очень сложное дело, для этого необходимо окончить институт. Но это не так. Вопросы селекции и генетики... ставятся теперь по-иному. Сейчас, как хлеб, как вода для жаждущего, необходимо вмешательство в работу селекции и генетики масс колхозников. Колхозная инициатива в этом деле необходима, без этого у нас будут только ученые специалисты-селекционеры, кустари-одиночки" (7).

И чтобы завершить эту тему, он добавляет:

"Колхозники, а таких колхозников к нашей гордости у нас довольно много, -- дают народному хозяйству больше, чем некоторые профессора" (8).

С газетной фотографии, запечатлевшей Трофима Лысенко во время выступления с кремлевской трибуны в присутствии Сталина, глядят горящие глаза фанатика. Он подался вперед, наклонив сухое лицо с выступающими скулами, прилизанные волосы сползли на лоб.

Я много раз слышал Лысенко в 50-е годы, когда речь его, возможно, не была столь горячей, как раньше, но и тогда он производил завораживающее действие на аудиторию. Он обладал даром кликушества, испускал какие-то флюиды, заставлявшие слушателей забыть всё на свете и воспринимать как откровение любой вздор, изливавшийся из его уст.

Люди, подобные Гитлеру и Лысенко, владеют магическими чарами. Они умеют повести за собой толпу, воздействовать на её стадные чувства и замутить мозги даже искушенным специалистам и трезво мыслящим индивидуумам, способным в нормальных условиях без труда оценить суть истеричных призывов и обещаний. Многие из тех, кто в исступлении аплодируют лжепророкам, спустя какое-то время прозревают и начинают себя спрашивать: что же со мной тогда случилось, какому колдовству я поддался?

Вряд ли, однако, на холодного и трезвого политика Сталина могли повлиять лысенковские флюиды. Сталин сам умел играть настроениями толпы и был способен легко раскусить этого лжеца. Скорее, он обратил взор на другое: ему понадобился этот человек с его "харизматическими" качествами, и всё, что он говорил, вполне его устраивало, соответствовало собственным устремлениям.

Прирожденный оратор Лысенко затем решил набросить на себя флёр смиренности и скромности. Хотя и говорят, что показное самоуничижение паче гордости, но Лысенко и здесь рассчитал всё отлично, он знал перед кем надо поставить себя "на место":

"Я уверен, что я чрезвычайно плохо изложил затронутые мною вопросы по генетике и селекции. Я не оратор. Если Демьян Бедный{1} сказал, что он не оратор, а писатель, то я не оратор и не писатель, я только яровизатор, и поэтому не сумел вам это дело просто объяснить" (9).

Так немногими мазками он нарисовал картину, любезную взору вождя. Расчет оказался верным -- Сталину его речь нравилась всё больше. В конце концов он возбудился настолько, что вскочил с места и закричал в зал, потрясая воздух своими ладошками: "Браво, товарищ Лысенко, браво!" Публика наградила скромнягу Лысенко -- зал сотрясли бурные аплодисменты.

15 февраля 1935 года "Правда", а затем и другие газеты напечатали эту речь, опубликовали портрет Лысенко и привели знаменательные слова Сталина.

И в тексте, напечатанном в "Правде", и в большинстве последующих воспроизведений этой речи не приводились слова, сказанные Лысенко после реплики Сталина. А слова эти были также существенными, так как Лысенко говорил, и вполне определенно, о корнях, взрастивших его. Вот лишь один отрывок из заключительной части речи Лысенко (полностью текст приведен в прим. /10/):

"В нашем Советском Союзе, товарищи, люди не родятся, родятся организмы, а люди у нас делаются -- трактористы, мотористы, механики, академики, ученые и так далее. И вот один из таких сделанных людей, а не рожденных, я -- я не родился человеком, я сделался человеком. И чувствовать себя, товарищи, в такой обстановке -- больше, чем быть счастливым" (11).

Разнесенное газетами по всей стране сообщение о личной похвале Сталина имело огромное значение. Лысенко сразу поднялся над всеми учеными. Сталинское одобрение значило в тех условиях больше, чем мнение сразу всех академиков вместе взятых.

Исай Презент -- правая рука Лысенко

В 1934 году среди ближайших приближенных Лысенко появился новый сотрудник, сразу затмивший своей персоной всех других соратников украинского академика, -- Исай Презент (по документам он числился Исааком, но со времен жизни в Ленинграде к нему прилипло Исай, да так и осталось).

Исаак Израилевич Презент родился в 1902 году, закончил в 1926 году трехгодичный факультет общественных наук Ленинградского университета имени Бубнова (12). По некоторым сведениям до поступления в Университет Презент побывал в Германии (1923?), а до этого посетил Иран. Под псевдонимом Даров он якобы опубликовал книгу об одном из сектантских религиозных течений, возникших в странах Ближнего Востока в XIX веке -- бехаизме (названо по имени его основоположника Мирзы Хуссейна Али Бехауллы). Согласно бехаизму, наука, в частности, должна объединиться с религией (13).

После окончания университета Презент был замечен Вавиловым и принят в ВИР. Но уже через год Презент оттуда уходит (14), унося неприязнь к Вавилову, сохранявшуюся им всю жизнь. Презент получает место в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена как специалист в области диалектического материализма. В 1930 г. он упоминается в числе руководителей Ленинградского отделения Коммунистической академии (15), в том же году становится председателем Ленинградского общества биологов-материалистов. В 1931 году он возглавил кафедру со странным названием "Кафедра диалектики природы и эволюционного учения" Ленинградского университета, оставаясь одновременно доцентом пединститута и научным сотрудником 1-го разряда Института философии Ленинградского отделения Комакадемии (16). Перу Презента к этому времени принадлежало несколько печатных работ (17).

Он мог бы спокойно работать в Ленинграде и дальше, но отношения с коллегами у него постоянно ухудшались из-за несносного характера и всегдашнего стремления кого-то разоблачать и клеймить. Презент приложил руку к погрому в ботанике в начале 30-х годов, он был главным лицом в кампании против специалистов в области охраны природы (18), что привело к аресту одного из основателей биоценологии в СССР В.В.Станчинского{2}, он же оклеветал совершенно неповинного человека, пользовавшегося заслуженным уважением у коллег, видного ученого и педагога Б.Е.Райкова, заявив в докладе перед работниками просвещения Ленинграда:

"Возможно, что сидящие здесь товарищи не отдали себе отчета, что значит классовый враг. Но если перед каждым встанет с остротой вопрос, что Райков является не чем иным, как агентом той самой буржуазии...что Райков является одним из фунтиков, которые на весах буржуазии лежат и хотят создать победу буржуазии, если представить себе, что этот враг хочет уничтожить все достояния, все завоевания, которые пролетариат сделал своей кровью, тогда такой Райков ничего иного в каждом честном товарище, который слился с Советами рабочих, вызвать не может, кроме омерзения, брезгливости и ненависти" (20).

Райков был арестован, судим и выслан на Север, откуда он смог вернуться только в 1945 году, после чего был избран действительным членом академии педагогических наук.

До объединения с Лысенко Презент выставлял себя на роль непримиримого борца за диалектический материализм, за дарвинизм, даже за правильно понимаемую генетику. Например, в 1932 году он похвально высказался о работах молодого генетика Дубинина, попавшего в фокус внимания советской прессы. Под руководством Серебровского Дубинин совместно с другими сотрудниками лаборатории выполнил в 1929-1932 годах серию интересных работ по дробимости гена (21), эти исследования заинтересовали ученых как в СССР, так и за рубежом, и Презент решил нажить капиталец на популяризации достижений входившего в моду генетика.

В том же 1932 году он писал в брошюре о методике преподавания в советской школе:

"Нужно давать основы наук наших [курсив Презента -- В.С.], повернутых к социалистическому строительству. Например не просто говорить о мутациях и законах наследственности, а изучая эти законы, уяснить как они служат или должны служить нашему строительству" (22) [сохранена пунктуация оригинала -- В.С.].

В другой статье, написанной ранее, но опубликованной в 1935 году (23), он назвал Вейсмана, Менделя и Моргана гениями науки.

Неприятные черты характера Презента приводили ко множеству конфликтов, а после ареста Райкова его одновременно стали и бояться и презирать все окружающие, и, понимая, что это не может кончиться добром, Презент начал искать новое место работы. Он решил примкнуть к восходящей звезде советской науки -- Лысенко.

Близкий одно время к Лысенко Н.В.Турбин рассказывал мне вскоре после смерти Презента (умер 15 сентября 1969 года), что первое знакомство Лысенко с Презентом состоялось в 1929 году во время выступления Лысенко на 1-ом Всесоюзном съезде генетиков и селекционеров в Ленинграде. Презент будто бы присутствовал при этом и указал докладчику на то, что неплохо было бы связать идею яровизации с дарвинизмом. Какую связь усмотрел между ними будущий "диалектик природы и эволюционного учения" Презент -- сказать трудно, но поразительно другое: как ни был скуден уровень познаний "стихийного диалектика" Лысенко, но все-таки имя Дарвина он не мог не слышать. Однако оказалось, что не слышал, не знал, о ком Презент ведет речь, и после заседания принялся выспрашивать у Презента, с кем из ученых, с каким-таким Дарвином ему надо поговорить, и где его можно встретить! В 1935 году во время второго выступления перед Сталиным (об этом выступлении речь впереди) Лысенко не постеснялся признать, что до недавнего времени не знал работ Дарвина и что учителем его в данном вопросе был Презент. О столь существенных пробелах в своем образовании Лысенко повинился публично перед Сталиным, видимо, понимая, что Сталин не начнет о нем дурно думать, поскольку и он тоже -- недоучившийся семинарист:

"Я часто читаю Дарвина, Тимирязева, Мичурина. В этом помог мне сотрудник нашей лаборатории И.И.Презент. Он показал мне, что истоки той работы, которую я делаю, исходные корни ее дал еще Дарвин. А я, товарищи, должен тут прямо признаться перед Иосифом Виссарионовичем, что, к моему стыду, Дарвина по настоящему не изучал.

Я окончил советскую школу [?? - В.С.], Иосиф Виссарионович, и я не изучал Дарвина" (24).

После того, как летом 1933 года Презент съездил с Лысенко в Асканию-Нова, связь между ними была восстановлена (25), и Презент мгновенно и круто поменял полярность высказываний, начав характеризовать работы генетиков, отрицательно. В 1956 году Дубинин напомнил Презенту о его "шатаниях", на что Презент в свойственной ему манере возразил:

"Но с 1932 года прошло почти двадцать пять лет и за это время я, Николай Петрович, кое-чему научился и хоть немного поумнел, чего, к сожалению, "кое о ком" сказать никак нельзя" (26).

Задумав пойти в компаньоны к Лысенко, Презент стал тут же безудержно превозносить Лысенко в своих выступлениях, упоминая к месту и не к месту о его "выдающихся достижениях" (27). Характерно, что в одном из докладов этой поры Презент показал, что его взгляды совпадают с лысенковскими и еще в одном вопросе: он высказался против применения математики и против статистико-вероятностных подходов к оценке биологических закономерностей.

Маленького роста, юркий, даже вертлявый, то размахивающий руками, то пускающийся в пляс, загоравшийся при виде любой смазливой девчонки, ежеминутно готовый к тому, чтобы что-то с жаром опровергать или, напротив, с не меньшим жаром отстаивать, Презент как нельзя лучше подошел к такому же, как и их шеф, серенькому, простецкому окружению.

Презент принял последний раз экзамены у студентов в Ленинградском университете в весеннюю сессию 1934 года (в числе сдававших экзамены был Даниил Владимирович Лебедев, который в будущем станет одним из наиболее стойких борцов с лысенкоизмом /28/). Летом Презент кочевал между Ленинградом и Одессой (в это время в Ленинграде выходили еще некоторые его печатные работы /28а/), а с осени он окончательно перебрался с берегов Невы на берег Черного моря. Переехав в Одессу, Презент присвоил себе титул профессора, хотя всего за несколько месяцев до этого все знали его всего лишь как самочинного доцента.

Для Лысенко союз с Презентом также был полезен, ибо, несмотря на свою поверхностность, Исай Израилевич был (или казался) ему кладезем знаний в самых различных областях, в которых он сам был профаном. Ну и, конечно, Лысенко, хоть и испытывал влечение к полемике, но уступал Презенту в умении хлестко жонглировать цитатами из самых разных областей -- от высказываний классиков марксизма-ленинизма до выдержек из книг Священного Писания. Презент привнес в лысенковский обиход яркость, броскость, брыляние цитатами вождей, откровенное политиканство, подаваемое под соусом бескомпромиссной (а, по сути -- бесшабашной) заботы о чистоте знамен, -- качества, которых в этой компании не хватало и которые были так нужны для процветания в советском обществе в те годы.

И в работах советских биологов и у многих западных специалистов можно прочесть, что именно Презент снабдил Лысенко марксистской фразеологией, перевел его будто бы чисто агрономические разговоры в плоскость идеологической борьбы (29). Надеюсь, что всё написанное в предыдущих главах освобождает меня от необходимости опровергать эту точку зрения: Лысенко сам был не промах и умел идти напролом, применять идеологическую "дубину" в научной полемике. Но нельзя не признать, что Презент действительно придал публицистическо-идеологической стороне деятельности Лысенко дьявольский блеск.

Он же сделал еще одно важнейшее для Лысенко дело. Претендующий на то, что он основатель самостоятельного учения, Лысенко как-то не очень умело формировал и багаж и антураж "учения". Он не смог найти соответствующую яркую оболочку для "учения", не сумел, как следует, сформулировать тезис о том, что же это за учение. А ловкий Презент преуспел здесь лучшим образом. Он уже знал, что может быть марксистско-ленинская философия, дарвиновская биология, сталинское учение о нарастании классовой борьбы по мере расцвета социализма. В словосочетании "лысенковская биология" было что-то чрезмерное, может быть, даже опасное. Надлежало подыскать иное знамя, с иным девизом, и Презент, который хвастался знакомством с Мичуриным (у него была даже фотография, на которой он был запечатлен вдвоем с Мичуриным), придумал: эклектической мешанине

лысенковских псевдоноваторств было присвоено имя Мичурина. Появился гибрид "мичуринская биология", в которой от Мичурина ничего не было, но зато новое словосочетание звучало (особенно, памятуя о том, что с Мичуриным переписывался сам Иосиф Виссарионович!) вполне призывно, солидно и ново.

Иван Владимирович Мичурин (18-551935) -- потомственный дворянин, родился в семье помещика Рязанской губернии. С 1877 года он начал заниматься садоводством, вывел много сортов плодовых и ягодных культур, приобретя этим широкую популярность в России и даже за рубежом. Он же усовершенствовал ряд технических приемов скрещивания, включая и вегетативные прививки. Однако, сорта его оказались неспособными конкурировать с другими сортами и были с годами практически полностью вытеснены из садов.

Не получив образования (за дерзость он был выгнан из гимназии), Мичурин был вынужден добывать знания методом самообразования, что не могло не сказаться на формировании самобытного, но путаного и примитивного воззрения на суть законов биологии. Никогда никаким генетиком, тем более величайшим, он не был, да и не претендовал на эту роль. Более того, в своих статьях и заметках он неоднократно обращал внимание будущих последователей на необходимость перепроверки его выводов.

Мичурин страдал тягой к резонерству, всю жизнь любил посылать статьи и письма о садоводстве в различные издания, вступая в споры по всевозможным поводам с авторитетными учеными. Большинство умозрительных постулатов Мичурина не имело под собой надежной научной основы и было отброшено с годами как неверное.

Не чурался Мичурин и общественной деятельности, был председателем Козловского отделения "Союза Михаила Архангела", а перед революцией направил телеграмму Царскому Правительству с призывом к дворянству сплотиться вокруг трона против надвигающейся революции (30).

После прихода большевиков к власти Мичурин быстро перекрасился, приветствовал Советы, завязал дружеские контакты с Н.И.Вавиловым, и по его протекции стал известен высшим руководителям страны. Ленин обращался к руководителям Тамбовской губернии с указанием улучшить материальное положение Мичурина. В 1922 и 1930 годах Мичурина посетил Председатель ВЦИК М.И.Калинин, Сталин послал Мичурину телеграмму. При жизни Мичурина город Козлов, где находился питомник плодовода, был переименован в город Мичуринск.

Имя Мичурина всячески восхвалялось советскими средствами информации, еще при жизни его был снят кинофильм "Юг в Тамбове", в котором Мичурин представал в виде советского Бербанка, его наградили орденами Ленина и Трудового Красного знамени. Популярность простого любителя, якобы добившегося никогда ранее не виданных успехов, была огромной. Лысенко и Презент решили сразу после смерти Мичурина использовать его имя как собирательное для их псевдо-теоретических рассуждений. Они подняли на щит примитивные высказывания Мичурина и, ловко проведя отбор нужных им цитат из противоречивых писаний козловского садовода, представили его закоренелым противником Менделя и других генетиков. На деле Мичурин вначале выступал против "пресловутых гороховых законов Менделя" [выражение Мичурина], но затем понял роль работ Менделя и писал о нем диаметрально противоположные фразы, о чем, конечно, лысенкоисты помалкивали. В 1933 году в газетах появился термин "мичуринцы", но первоначально им пользовались только в отношении садоводов-любителей (см., например, статью, призывавшую любителей обратить внимание на растущее в Аджарии дерево аноны или азилины /31/).

Зажили Лысенко с Презентом душа в душу, испытывая взаимную радость от совместного "трепа" и от обилия дел. Презент стал с 1935 года соредактором журнала "Яровизация", заменившего "Бюллетень яровизации". Лишь одна крупяная неприятность поджидала его в 1937 году. Приехавший тогда в Одессу для консультации с Лысенко ботаник П.А.Баранов (в будущем член-корреспондент АН СССР и директор Ботанического института АН СССР имени Комарова) застал хозяина в смятении чувств. Трофим Денисович зазвал Баранова к себе домой, они крепко выпили, и тут хозяин начал реветь, размазывая пьяные слезы по физиономии и причитая: "Что-о-о же-е мне бедному-у делать! Исайку-то мо-о-во заарестовали! Исайку надо-о-о выручать! Что я без него-о делать бу-у-ду-у!" (32). Выручить Исайку удалось -- криминал был не очень по тем временам страшный: его взяли за соблазнение несовершеннолетней, и дело как-то полюбовно уладили, Трофим Денисович помог.

"Брак по любви"

В момент, когда Презент переехал в Одессу, Лысенко одолевала новая задумка. Размышляя дальше над свойствами растений, он решил, что все существующие сорта год от года портятся, и что можно остановить порчу, если их переопылить. Тогда, дескать, и урожайность всех культур в стране сразу поднимется. Это уже был удар не по одной какой-то культуре, а сразу по всему растениеводству.

Раньше я уже упоминал, что размножение сортов -- в соответствии с канонами генетики и многовековой практикой - специалисты вели так, что бы не допустить путаницы, случайного опыления цветков одного сорта пыльцой другого сорта. Для этого в семеноводческих хозяйствах, выращивавших сортовое зерно, растения каждого сорта высевали вдали от других, нередко даже одно хозяйство специализировалось лишь на одном сорте. Лысенко заявил, что эта хлопотная и кропотливая деятельность никому не нужна и даже вредна, используемые методы -- неправильны, и что надо, напротив, специально переопылять сорта, чтобы повысить их урожайность.

Доводов в пользу такого утверждения у него не было никаких, но рецепт будущего улучшения выдавался в форме истины, не нуждающейся в подтверждении. Перекрестноопыляющиеся растения, в отношении которых в соответствии с правилами науки следовало проявлять особую предосторожность и оберегать от заноса чужой пыльцы при цветении, Лысенко предлагал подвергать такой процедуре: двое рабочих, взявшись за длинную бечевку, должны волочить её по цветущим растениям, чтобы вызвать массовое переопыление. У строгих самоопылителей он предлагал срывать колосковые и цветковые чешуи, закрывающие цветки, а затем кисточкой переносить пыльцу с цветка на цветок. При таких вивисекциях, конечно, занос чужеродной пыльцы был неминуемым. Формулируя новую идею о пользе переопыления, Лысенко уже твердо стоял на той точке зрения, что все возражения, неизбежно вытекающие из закономерностей генетики, должны быть объявлены ложными. Если раньше он отрицал отдельные положения генетики, то теперь поставил крест на всей науке генетике как таковой.

Естественно, на этот раз он не только не нашел сочувствия в среде биологов, но вызвал всеобщее возмущение. Впервые высказался против его завиральной идеи Вавилов. На совещании в Наркомземе в конце 1934 года, в том же году на заседании Союзсеменоводобъединения, весной 1935 года на заседании Президиума ВАСХНИЛ Вавилов критиковал идею Лысенко, хотя делал это вполне деликатно и в рамках чисто научной дискуссии.

В скором времени у Вавилова начались крупные и им непредвиденные неприятности.

Особенно трагичным для его судьбы стало то, что прежде благожелательное отношение к нему Сталина сменилось неприязнью. Известно, что Сталин относился к Вавилову в течение ряда лет миролюбиво. Конечно, без его одобрения Вавилов не был бы введен в высшие государственные органы.

Но, как писала бывшая одно время сотрудницей Вавилова А.И.Ревенкова, выпустившая после его посмертной реабилитации книгу "Николай Иванович Вавилов", именно в 1935 году состоялась встреча Сталина и Вавилова, во время которой они будто бы разошлись во взглядах:

"Вавилова вызвал Сталин в...1935 году, приглашая Вавилова приехать к нему ночью. Вавилов ответил, что в это время он спит, а днем в любое время может к Сталину явиться{3}. На другой день Сталин принял Вавилова... Разногласия у них обнаружились по поводу роли ВИР'а ... И они расстались, сказав друг другу, что их "дороги разошлись". Вскоре Н.И.Вавилов был снят с поста президента ВАСХНИЛ, выведен из членов ВЦИК" (33).

Сегодня мы знаем, что это объяснение Ревенковой неверно. В 1935 году органы госбезопасности направили Сталину информацию о вредительской деятельности Вавилова (см. прим. /70/ к главе V). Сталин внимательно прочел донесение и со своими замечаниями на полях разослал его членам Политбюро. Вавилов был освобожден от должности Президента ВАСХНИЛ Постановлением Совнаркома 4 июня 1935 года (34). Вместо него Президентом был назначен старый партиец А.И.Муралов, а Вавилов был оставлен вице-президентом ВАСХНИЛ вместе с Г.К.Мейстером и М.М.Завадовским. Таким образом личные споры между Вавиловым и Лысенко (даже если они были) могли не иметь значения: клин между Сталиным и Вавиловым скорее всего вбили именно чекисты.

Муралов приступил к исполнению обязанностей Президента ВАСХНИЛ 21 июня 1935 года (35), а 25 июня в Одессе собрались ведущие ученые страны -- специалисты в области зерновых культур, чтобы разобраться со всеми предложениями Лысенко.

Понимая, что обстановка в ВАСХНИЛ быстро меняется и зная многое из того, что нам неизвестно и о чем мы можем только догадываться, Лысенко вел себя на выездной сессии как увенчанный лаврами победитель. Скорее всего он знал, что уже подготовлены и согласованы в верхах документы о назначении академиков ВАСХНИЛ (именно назначении, а не избрании) постановлением СНК и что в числе кандидатур есть и его фамилия. Действительно, 4 июля 1935 года Лысенко становится действительным членом (академиком) уже не республиканской, а общесоюзной академии -- ВАСХНИЛ.

В соответствии с этими перемещениями и назначениями Лысенко, делавший центральный доклад на сессии (содокладчиками выступили сотрудники Лысенко -- Л.П.Максимчук, М.Д.Ольшанский и директор Полярной станции ВИР, также теперь получивший титул академика ВАСХНИЛ, И.Г.Эйхфельд), держался вызывающе. Он рассказал о яровизации, летних посадках картофеля, "отмене им" теоретических основ селекции и семеноводства и главный пафос приберег для рассказа о принудительном переопылении сортов. Он с большим воодушевлением говорил о примитивной операции сбора кисточкой пыльцы с одних цветков и переносе ее на другие цветки и объяснял своим образованным коллегам чудовищные по наивности вещи:

"А дальше рыльце [цветка -- В.С.] пусть берет какую хочет гамету [т.е. пыльцевую клетку -- В.С.]. Проделав это, мы можем спокойно уйти с поля. Мы свое дело сделали. Мы предоставили возможность яйцеклетке выбрать того, кого она хочет. Тов. Презент довольно удачно назвал такое опыление "браком по любви". А самоопыление -- это вынужденный

брак, брак не по любви. Как бы ни хотела данная яйцеклетка "выйти замуж" за того "парня", который растет от нее за три вершка, она этого сделать не сможет, потому что пленка закрыта и не пускает чужой пыльцы" (36).

Примитивно антропоморфные рассуждения Лысенко о желании яйцеклеток выходить "замуж" за "того парня" грозили окончательно развалить семеноводство и погубить даже те сорта, которые уцелели от коллективизации. Поэтому против "брака по любви" высказались многие присутствовавшие специалисты, включая и Вавилова. Было указано на непонимание Трофимом Денисовичем элементарных терминов: например, чистосортным материал после переопыления уже нельзя было назвать ни в каком случае, слово "элита" в приложении к нечистому материалу звучало как насмешка и т. д. Вавилов и другие ученые напомнили Лысенко, что имеется масса сортов, которые не выродились за сто лет самоопыления, следовательно, тезис о "вырождении" надуман.

В резолюции, принятой после окончания сессии, было отмечено "прежде всего исключительное теоретическое и практическое значение работ, ведущихся под руководством тов. Лысенко по вопросам, связанным с учением о стадийном развитии" (37), но все другие гипотезы Лысенко, вошедшие в противоречие с современной наукой (за исключением почему-то летних посадок картофеля, которые, по-видимому, нравились, как и прежде, Вавилову), подверглись сомнению (38). В отношении их резолюция гласила: "Считать целесообразным проведение дискуссии по вышеуказанным вопросам" (39).

Однако Лысенко и его сторонникам, наверное, было даже трудно понять, отчего на него опять ополчились ученые, почему его идеи вызвали их столь дружное отрицание. Он видел только одно объяснение такого поведения: сами вовремя не догадались, привыкли думать, как в книжках пишут, вот теперь и обозлились вместо того, чтобы сразу за дело сообща взяться.

Своих же хлопцев, одесских ребят, идея захватила. Каждый был готов внести вклад в ее воплощение на практике. Руководить внедрением переопыления в колхозах и совхозах Лысенко поручил А.Д.Родионову -- человеку без всякого образования, но, как считал он, преданного ему, которого он возвышал всеми силами (сам Родионов писал в анкетах, что у него "незаконченное среднее самообразование"). В том же году в статье в газете "Соцземледелие" Лысенко, называя свой метод по-крестьянски "обновлением крови сортов самоопылителей", писал:

"Лучших специалистов Института селекции и генетики я расставил для руководства важнейшими мероприятиями на этом фронте... Центральный и актуальный вопрос борьбы за повышение качества семян... поручается лучшему специалисту по организации массовых опытов в колхозах по яровизации -- А.Д.Родионову" (40).

Эти слова были написаны, видимо, не только для того, чтобы посильнее обидеть дипломированных "спецов", всяких там мудрено рассуждающих академиков. Малообразованный, но с большими амбициями и отсутствием критического начала по отношению к самому себе, он верил в свою непогрешимость, потому и брался так легко выдвигать и новые положения и новых людей, вроде Родионова, и был уверен в своей правоте. Поэтому он именовал все свои предложения не иначе как ТЕОРЕТИЧЕСКИМИ, так как считал, что теория -- это всё то, что сложилось в голове, но еще не прошло проверку практикой. После проверки уже станет УЧЕНИЕМ. Рамки законов науки его не ограничивали, полет фантазии был безбрежным, ибо фантазии были беспочвенными.

И, конечно, его вдохновляло то, что любую его "идею" легко понимали (и тут же принимали!)

неспециалисты как на низах, так и на верхах. Действительно, говорит ученый человек, что имеющиеся сорта вырождаются, что раньше всё лучше было -- и сорта были лучше, а теперь вот испортились. Почему? Да потому, что они самоопылились. Какой же выход? Надо устранить самоопыление, устроить "брак по любви", а для этого снять все покровы, мешавшие вливанию новой "крови" в застоявшиеся от времени наследственные резервуары самоопылителей. Чем не идея? Чем не выход? И ведь кто предлагает -- академик. Притом не простой академик, а -- колхозный!

В те годы, когда наука стала управляться не учеными, а проверенными вожаками, когда и формулировка её задач, и финансирование, и оценка деятельности сосредоточились в руках не-ученых, такой легкомысленный, по сути оскорбляющий науку подход только и стал возможным. Поэтому Лысенко, не встретив понимания у ученых, даже не подумал сдавать позиции и воспринимать минимально критику специалистов. 4 июля постановлением СНК он сам был включен в состав академиков ВАСХНИЛ, ТО ЕСТЬ БЫЛ УРАВНЕН В ПРАВАХ со всеми этими критиками. А раз права равные -- то и стесняться нечего. Раз не принимают хорошие идеи заскорузлые старорежимные "спецы", поступим иначе: известим инстанции более высокие и важные. И об осмеянном ими выведении сразу четырех сортов за два с половиной года, и об отвергнутой теории обновления сортов сообщим. Так и появилась на свет уже упоминавшаяся телеграмма (см. прим. /60/ к гл. IV), посланная 25 июля этого же года в ЦК партии и в Наркомат земледелия (а в ВАСХНИЛ -- копия, только копия, дескать, известим вас, дорогие академики, как же иначе, но в копии -- знайте свое место!).

Вступив на стезю борьбы с учеными, Лысенко уже не собирался с нее сходить. В телеграмме "обновление семян" подавалось как открытие безусловное, неоспоримое и несущее великую пользу народу:

"На основе этих работ по выведению сортов встал вопрос о пересмотре научных основ семенного дела... Мы пришли к выводу, что длительное самоопыление приводит к вырождению многих сортов полевых культур. Разрабатываем методику устранения вредного влияния длительного самоопыления путем выращивания элиты из семян, полученных искусственным перекрестом внутри сорта. Вырожденные сорта этим путем должны стать биологически обновленными.

По примеру разработки и внедрения агроприема яровизации и в работу по обновлению семян включаем совхозный и колхозный актив (хаты-лаборатории). Обещаем за период с 20 июля 1935 г. по 20 июля 1936 г. дать данные практической эффективности мероприятия обновления семян. Одновременно с этим проведем все подготовительные работы для быстрого внедрения и использования этого мероприятия в совхозной и колхозной практике" (41).

Несогласные биологи уже не могли с ним совладать, их доводы потеряли всякий смысл: теперь Лысенко мог спокойно любую критику квалифицировать однозначно -- мешают, вредят, палки в колеса вставляют. Уже в июльском номере журнала "Яровизация" за 1936 год все скептики могли прочитать:

"Заявление акад. Лысенко (о необходимости внутрисортового скрещивания) было встречено бурей возражений со стороны ряда научных работников.

На эти необоснованные возражения колхозники в 1936 году ответили делом. Около двух тысяч колхозов 12 областей и краев Украины и РСФСР энергично взялись за работу... Всего в 2000 колхозов кастрировано и перекрестно опылено примерно восемь миллионов растений..., все селекционные станции мира за полсотни лет своего существования не скрещивали

столько растений самоопылителей, сколько сделали две тысячи колхозов в один год" (42).

Правда, сопоставление "со всеми селекционными станциями мира" было лишено всякого смысла: нигде в мире никто таким делом не занимался и заниматься не намеревался, но своим заявлением лысенкоисты показывали, что они готовы выставить себя героями и во всемирном масштабе!

Октябрьская сессия ВАСХНИЛ 1935 года

Став академиком ВАСХНИЛ, Лысенко еще более воспарил духом, еще активнее взялся за раздувание шума вокруг своего имени. Предшествовавший ему мир науки, отношения между учеными, мораль -- все эти старомодные понятия виделись неправильными и подлежащими разрушению. Червь отрицания проедал ему душу, а нашедшиеся во множестве корреспонденты газет, партийные функционеры, второстепенные (и не только одни второстепенные!) ученые разжигали амбиции "колхозного академика". Они публиковали одну за другой хвалебные статьи, корреспонденции, очерки, фотографии любимого героя коммунистов. 26 марта 1935 года газета "Социалистическое земледелие" напечатала его статью "Яровизация картофеля на юге" (43). 8 апреля того же года заметку о другом его детище -- яровизации пшениц, в которой он писал:

"Важной задачей является сейчас повсеместный тщательный учет результатов яровизации еще на корню{4} ...чтобы завоевать этим примером в будущем году десятки миллионов пудов дополнительного урожая зерна" (44).

8 мая эта же газета расхваливала еще раз летние посадки картофеля (45), за-являя, что проблему картофеля "одним ударом... блестяще разрешил академик Т.Д.Лысенко".

После смены Президента ВАСХНИЛ в академии решили изменить характер годичных сессий: делать их, во-первых, чаще и, во-вторых, предпринимать широкое общественное обсуждение проблем, поднимаемых на сессиях, открыть "всенародную трибуну передового опыта". Первым примером такого рода должна была стать октябрьская сессия ВАСХНИЛ 1935 года.

Так получилось, что эта подготовка совпала с решением Сталина показать, что дело с продовольствием в СССР, наконец-то (после уже 7-летнего периода, прошедшего со времени поголовной коллективизации), поправляется. 2 октября 1935 года все газеты страны сообщили, что с 1 октября в СССР отменены карточки на продовольственные товары (46), введенные сразу после коллективизации. Чтобы одновременно люди знали, что не везде в мире дела с продуктами питания обстоят так хорошо, как в СССР, в течение почти 10 дней "Правда" публиковала не заметки, а большие статьи о продовольственных затруднениях в фашистской Германии (47).

Задолго до сессии, которая должна была открыться в конце месяца, в газетах стали печатать статьи ученых и практиков. Центральными на самом деле проблемами были такие, как организация селекционной работы с растениями и животными, улучшение семеноводства, агротехника основных культур. Статьи по этим вопросам появились (48), они принадлежали перу крупных ученых (Лисицына, Константинова, Тулайкова) и написаны были строго, к излишней сенсационности авторы не прибегали. Но так получилось, что за наиболее животрепещущие были выданы отнюдь не эти проблемы. Искусственно раздутыми оказались два вопроса: ошибки А.С.Серебровского, предложившего кардинально перестроить селекцию животных на базе постулатов евгеники, и революционная роль антигенетических предложений Лысенко.

Призывы Серебровского были крайне радикальными, его статьи, публиковавшиеся в течение года, были написаны прекрасным языком, пестрели терминами (бХльшая часть из них в науке не прижилась). Автор, став главным специалистом в ВАСХНИЛ, отвечавшим за внедрение генетики и особенно евгеники в практику животноводства, взялся за дело решительно. Однако, будучи чистым теоретиком, не зная множества тонкостей изощренной многовековой зоотехнической практики, Серебровский своими предложениями (многие из которых, надо признать, были сформулированы чересчур безапелляционно и потому выглядели вызывающе для знатоков животноводческого дела) стимулировал критиков к достаточно резким высказываниям (49).

Что касается Лысенко, то шум вокруг его имени стоял и до начала сессии и во время нее. В "Соцземледелии" было опубликовано две статьи самого Лысенко (50), развязные статьи его трубадуров -- М.Дунина (в будущем академика ВАСХНИЛ) (51) и А.Савченко-Бельского (52), а 22 октября Нарком земледелия Украины Л.Л.Паперный восхвалял Лысенко в газете "Правда":

"Многие хаты-лаборатории ведут большую работу по изучению новых методов в селекции, разработанных академиком Т.Д.Лысенко... Пользу... [хат]лабораторий... прекрасно понял Т.Д.Лысенко: именно он установил наиболее тесную связь с колхозными лабораториями" (53).

Через день, 24 октября, в газете "Социалистическое земледелие" группа сот-рудников Днепропетровского института зернового хозяйства во главе с Фаиной Михайловной Куперман (в будущем близкая к Лысенко сотрудница, профессор Московского государственного университета) сообщила о том, что "по предложению акад. Т.Д.Лысенко и проф. Презента были проведены опыты по действию ультракоротких звуковых колебаний на растения хлопчатника", и что "под действием необходимых, лучших дозировок ультракоротких волн могут происходить положительные изменения -- увеличение энергии прорастания, повышение урожайности, ускорение вегетационного периода" (54). Что понимали Лысенко и Презент в ультракоротких волнах, сказать нельзя, возможно, они знали о волнах, расходящихся по воде, но симптоматично, что "мудрые" предложения колхозного академика и примкнувшего к нему "профессора" блистательно оправдывались в соответствующих руках.

25 октября в "Правде" на 1-й странице была напечатана фотография "Знатный бригадир Грейговской МТС, Николаевского района Одесской области Григорий Дымов в гостях у академика Т.Д.Лысенко знакомится с новым сортом яровой пшеницы" (55). Никакого сорта яровой пшеницы Лысенко показывать не мог: его в природе не существовало. Но попробуй, поспорь с "Правдой", не только утверждающей, что сорт есть, но даже печатающей фотографии тех, кто этот сорт видел, да еще в руках самого академика.

На следующий день в той же "Правде" была напечатана передовица "Советская сельскохозяйственная наука", в которой говорилось:

"За последние несколько лет советская сельскохозяйственная наука достигла немалых успехов. Всему миру теперь известна теория стадийного развития. Ее создал и разработал молодой советский ученый Трофим Денисович Лысенко... Яровизация, как агротехнический прием, дает уже дополнительно полтора центнера зерна с гектара. Академик Лысенко решил и другую важную проблему: невырождающегося картофеля на юге" (56).

На 2-й странице этого номера "Правды" была опубликована вместе со статьями академиков

Мейстера и Константинова статья Лысенко "Некоторые итоги яровизации", а на 3-й странице запись беседы с матерью товарища Сталина -- Екатериной Георгиевной Джугашвили, которая рассказала, как её сын на днях, после многолетнего отсутствия посетил родной город Гори и даже недолго побыл вместе со своим другом Лаврентием Берией в отчем доме. Да, это был далеко не рядовой номер "Правды".

В эти же дни в "Правде" была опубликована большая статья Вавилова "Пшеница в СССР и за границей" (57), а еще через три дня Серебровский писал:

"Селекция станет силой, изменяющей племенной состав нашего животноводства, лишь тогда, когда все селекционеры тесно свяжутся с колхозными массами. Академик Т.Д.Лысенко дал образец такой связи, и на его опыте мы должны учиться... Социалистическая система открывает широкие просторы для племенного улучшения скота" (58).

Имя Лысенко с уважением повторили многие из тех, у кого брали интервью перед самой сессией, -- Вавилов (59), Муралов (60), Мейстер (61), и многие из тех, кто выступал на сессии, хотя были ученые, которые обошлись без таких восхвалений (62) и среди них прежде всего Лисицын и Константинов.

Благодаря высказываниям восхвалителей формировалось общественное мнение на всех уровнях, раздувалась не по заслугам слава "колхозного ученого". Что же было возразить по поводу величия Лысенко, если самые известные в те годы специалисты -- растениевод Вавилов, генетик Серебровский, селекционер Мейстер - прославляли его?!

В результате действительно серьезные проблемы оказались отодвинутыми на задний план (в частности, академик Сапегин коснулся проблемы исключительной важности, лишь сегодня осознанной как центральной в селекции, -- выведения сортов так называемого "интенсивного типа", но его заметочка, написанная скромно, потонула в ворохе иных статей /63/). Вот и получилось, что еще до всякого обсуждения на сессии проблем генетики, эта наука оказалась посрамленной, чему немало способствовало заявление нового Президента ВАСХНИЛ Муралова, сказавшего при открытии сессии, что "учение Лысенко о стадийности растений" уже сыграло огромную роль, а вот генетика мало чем помогла селекционерам:

"Генетика не дала никаких указаний относительно подбора родительских пар для скрещиваний... Некоторые генетики еще не освободились до конца от пут предрассудков и традиций буржуазной науки" (64).

Такие слова вызвали у одного из академиков -- Н.К.Кольцова -- возражения, поэтому Муралов в последний день сессии снова вернулся к данному вопросу и попытался сгладить неблагоприятное впечатление, но снова получилось неуклюже, слишком решительно:

"...Я хочу, чтобы генетика, как наука, пошла на службу социалистическому земледелию уже сейчас, немедленно. Поэтому я стою за такую линию в науке, которая ведет к сближению генетики с селекцией" (65).

Впрочем нельзя было требовать от профессионального революционера Муралова, далекого от науки, чтобы он трезво оценивал возможность "немедленного... сближения генетики с селекцией". Такое сближение осуществлялось каждодневно, только результатов немедленных ждать было нельзя, и Муралову можно было простить это непонимание. Наверно, он и не стремился ни к чему плохому, но получилось так, что его требование формально совпало с лысенковской фразеологией, и этим очень поддержало мнение о полезности идей Лысенко.

Возможно также не стремился к чрезмерному возвеличиванию Лысенко и Вавилов, но повторявшиеся в каждой из его статей, в каждом из выступлений хвалебные фразы (см., напр., примечания /91/, /92/ и /93/ к главе III, примечание /57/ к этой главе, его же высказывание в газете "Соцземледелие" от 18 октября 1935 года /№218(2027/, стр. 3/, когда Вавилов привлек внимание читателей к будущей речи Лысенко словами "Специальный доклад академика Лысенко посвящается яровизации") играли в эти дни объективно негативную роль.

Выступление же самого Лысенко на сессии было не просто победным. Оно было вызывающим.

"Где лучше разработано управление развитием в онтогенезе? -- вопрошал новоиспеченный академик и сам себе отвечал. -- Нигде в мире, и вряд ли оно скоро будет где-либо освоено так, как разработано у нас.

Где в мире так четко и ясно разработан и так блестяще освоен подбор родительских пар для скрещивания? Можно поехать в Одессу и убедиться в том, что нами в течение 2 лет и 5 месяцев выведен новый сорт пшеницы путем скрещивания. Где в мире зарегистрированы такие факты?

Где за границей разработана теория, на основе которой крестьянин, а у нас колхозник в один год мог бы провести громадную селекционную работу по повышению зимостойкости пшеницы? У нас эта теория разработана. О ней вы можете слышать и обсуждать ее в Одессе.

Где в мире решен кардинально и окончательно вопрос борьбы с вырождением посадочного материала картофеля ранних сортов в южных районах? Эта болезнь имеется во всем мире. Только у нас этот вопрос решен и решен вне всяких институтов по вирусным болезням. На территории института в Одессе имеется посев картофеля без всяких признаков вырождения. Недалеко от Одессы в 25 колхозах имеется такой посев в 300 га. На 1936 год уже обеспечена площадь в 5000 га. На 1937 год весь юг будет обеспечен на 200% посевным картофелем ранних сортов (не завозным). Где в мире зарегистрировано такое явление?" (66).

Лысенко, видимо, считал, что он по заслугам воздал тем, кто еще летом этого же года пытался указать ему на серьезные ошибки в теоретических вопросах, тянущие его неминуемо к ошибкам в практике. Никакой критики дважды академик слушать уже не хотел. Теперь на всякую критику он отвечал однозначно: там, где не мог приклеить политический ярлык, он переходил к разглагольствованиям о нужде колхозных полей и его, Лысенко, личной озабоченности подъемом их продуктивности в условиях побеждающего социализма и стоящих поперек его дороги вольных или невольных пособниках буржуазии. Он вовсю оперировал термином "наука колхозно-совхозных полей", которая будто бы противостоит "буржуазной биологической науке". Последней, по его словам, "не под силу по самой природе капиталистического сельского хозяйства проверять истинность своих выводов" (67).

Начиная с этого года, Лысенко взял на вооружение один тон -- поучателя всех и вся, что он и продемонстрировал на октябрьской сессии, объяснив собравшимся академикам:

"Нас учат, что единственным надежным критерием истинности всех научных выводов является практика... Объяснения, которые не показывают закономерности существующих явлений и не дают руководства к действию, являются ненаучными, хотя бы они давались академиками... Каждому известен предмет физиологии, агрохимии, селекции, генетики -- это абсолютно обособленные друг от друга предметы. Однако среди этого научного наследства нет одного предмета -- колхозного и совхозного растениеводства...

Теперь, товарищи, наша первая задача -- освоить богатейшее научное наследство И.В.Мичурина, величайшего генетика. Мы должны прежде всего освоить наследство Мичурина и Тимирязева и требовать от себя, от академиков, в первую очередь, от специалистов, от аспирантов и от студентов досконального знания работ этих двух великих людей. А мы интересуемся только тем, сколько прочтено иностранных книжек" (68).

Приближенные Лысенко равнялись
на него и старались перещеголять шефа и пообиднее представить своих оппонентов из лагеря генетиков и селекционеров. Так, через три дня после окончания сессии в газете "Соцземледелие" на 3-х страницах был напечатан хвастливый очерк Д.Долгушина "История сорта" (69), подробно разобранный выше, в котором генетика была представлена немощной и вредной наукой, а генетики - недоумками, способными лишь со свечкой в руке искать на гектарах полей неизвестные им "подходящие формы" растений.

Про свечки Долгушин упоминал не только для куражу. Он все-таки был пообразованнее шефа, поинтеллигентнее, да и времени на полях проводил больше, чем Лысенко, и знал, как отбирают лучшие формы среди миллионов обычных, ничем не примечательных растений. Сказано это было со злым умыслом: кому же не известно, что эти генетики поголовно в Бога веруют, в церковь ходят, вот и скажем сегодня, в пору разгула воинствующих атеистов, про свечки, а поймут все про церковь! Где еще люди со свечками ходят!

Молотов критикует Вавилова

Тем не менее в 1935 году Вавилов еще не потерял своей силы. Он еще оставался вице-президентом ВАСХНИЛ, руководил огромными коллективами ВИР'а и Института генетики АН СССР. 5 октября того же 1935 года он был первым упомянут в газете "Правда" среди состава редколлегии нового издания сельскохозяйственной энциклопедии (70).

И, наверняка, мало кому бросилось в глаза отсутствие вавиловского приветствия читателям газеты "Соцземледелие" по случаю очередной годовщины Октября. По краям газетных полос этого номера (71) были напечатаны краткие заметки с факсимильным воспроизведением подписей -- Лысенко (его послание было поставлено первым), Мейстера, Тулайкова, Лискуна, Константинова, Давида и других (сотрудник Вавилова П.М.Жуковский написал: "Мое пожелание -- чтобы академик стал привычным гостем колхозов и совхозов"), но приветствие Вавилова отсутствовало.

Возможно, эта мелочь и не имела значения, но через месяц Вавилову пришлось пережить настоящее унижение. 9 декабря состоялась встреча тогдашнего главы Правительства Молотова с руководителями ВАСХНИЛ, на которой Молотов публично накричал на Вавилова.

Формальным предлогом для встречи было желание руководителей страны обсудить результаты октябрьской сессии ВАСХНИЛ, разрекламированной в печати. Как сообщила газета "Соцземледелие":

"5 декабря тт. Молотов и Я.Э.Рудзутак{5} совместно с наркомом т. М.А.Черновым приняли... президента А.И.Муралова, вице-президентов т.т. Г.К.Мейстера, Н.И.Вавилова, М.М.Завадовского и академиков т.т. Е.Ф.Лискуна [и др.]...

Во время беседы, продолжавшейся свыше 3 часов, научные работники рассказали об итогах работы последней Октябрьской сессии Академии с.-х. наук..." (72).

Главе Правительства был передан план научно-исследовательских работ. Молотов начал его просматривать и вдруг наткнулся на удивившую его тему: "Исследование одомашнивания лисицы".

- А это еще с какой целью? - спросил Молотов (73).

Тему эту внесли в план животноводы, ее должен был курировать академик ВАСХНИЛ А.С.Серебровский, но его почему-то в Совнарком не пригласили. На вопрос начальствующей персоны могли бы ответить М.М.Завадовский или животновод Е.Ф.Лискун, но на защиту темы встал Вавилов (впрочем, Николай Иванович еще в 20-е годы поддерживал идею акклиматизации и гибридизации животных, в том числе и диких, с целью их одомашнивания). Его слова вызвали еще больший гнев Молотова, и последний с лисиц переключился на работу собственного вавиловского института растениеводства и, возвысив голос, несправедливо попрекнул Вавилова тем, что он транжирит уйму так нужных государству денег на сбор никому не нужных коллекций семян, а потом гноит эти семена без всякого применения. Последний пассаж из монолога Молотова в газету на этот раз не попал, но про лисиц упомянуто было:

"... т. Молотов указал, что... надо беречь и заботливо помогать работе каждого действительно сведущего в с.-х. науках деятеля, что не только не исключает, но предполагает критическое отношение к таким деятелям, которые отгораживают себя от интересов государства, убивая время на изучение "проблемы" об одомашнивании лисицы и т.п." (74).

А через девять дней в той же газете передовая статья опять была посвящена беседе Молотова с учеными, и в ней уже было сказано о якобы плохой работе ВИР. Институт критиковали за медленное продвижение в практику устойчивых к заболеваниям сортов и бесполезное хранение образцов семян. "Но от того, что эта коллекция хранится в шкафах института, практикам... не легче", -- было сказано в статье (75). Сразу за этим шел абзац о "блестящих работах академика Т.Д.Лысенко, выдающегося новатора и революционера в сельскохозяйственной науке, работающего методами прямо противоположными, т. е. опираясь на живую связь с широкими колхозными массами", и был задан вопрос:

"Не странен ли тот факт, что ряд ученых еще не оказывает необходимой активной поддержки... Лысенко?" (76).

Так уже в центральной советской печати прозвучало обвинение в адрес Вавилова, что он, во-первых, оторванный от колхозных масс бесплодный теоретик, а, во-вторых, что его методы не несут помощи практике. Были прямо противопоставлены имена Лысенко и Вавилова как антиподов в науке.

Декабрьская встреча колхозников и ученых со Сталиным

Еще заметнее это противопоставление проявилось через две недели, когда в Кремле собрали "Совещание передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства". Снова на встречу пришел Сталин и другие вожди, а выступали не только передовики сельского хозяйства, но и ученые, в том числе Вавилов, Прянишников, Лискун и другие.

Без сомнения к концу 1935 года у Вавилова было много возможностей понять, какую фигуру представляет собой его протеже Лысенко. Но Вавилов не изменил своего поведения и во время этой -- предновогодней встречи в Кремле, как не менял он его и в течение всего 193-

5го года, принесшего ему столько невзгод и, напротив, оказавшегося счастливым для Лысенко. Вавилов посвятил успехам Лысенко много времени (см. отрывок его речи, посвященной прославлению Лысенко в главе III, прим. /94/), но желанного эффекта его речь не произвела. Сталин, как уже было сказано, при первых же словах Вавилова демонстративно поднялся и вышел из зала{6}.

Вавилов, вероятно, ждал, что Лысенко, который должен был выступить позже его, скажет в знак благодарности хорошие слова и в его адрес. А Вавилову очень нужны были эти хорошие слова именно сейчас, когда его взаимоотношения со Сталиным испортились. Николай Иванович, наверняка, помнил, как правильно и даже тепло сказал о нем Лысенко во время первой такой встречи со Сталиным в Кремле в феврале этого же года, когда произнес:

"Академиком Николаем Ивановичем Вавиловым собраны по всему миру 28 тысяч сортов пшеницы. Академик Николай Иванович Вавилов сделал громадное и полезное дело" (78).

Однако вызвать Лысенко на сентиментальность, на ответные чувства, когда это не приносило ему выгоды, было невозможно, он был искусным политиканом и отлично знал, что новое время требует новых песен. Времена возблагодарения Вавилова канули в небытие, и потому он преподал Вавилову урок иного тона и иной "добропорядочности".

До Лысенко на трибуну вышел новый сталинский выдвиженец -- агроном из Сибири Николай Васильевич Цицин, о котором уже в течение многих месяцев писали газеты (79). Цицин объявил, что он берется скрестить сорняк пырей с пшеницей и утверждал, что стоит на пороге большого достижения: получения многолетней пшеницы, которая к тому же будет устойчива к грибным болезням. Обещания Цицина были в духе времени: он уверял, что его пшеницу вообще, дескать, не надо будет годами пересевать, значит, отпадет необходимость в механизированной обработке земли, не нужно будет каждый год заботиться о семенах, к тому же, в полном соответствии с "учением" другого, столь же великого новатора -- Василия Робертовича Вильямса будет нарастать почвенное плодородие и т.д.

Цицин подтвердил, что в своей работе он опирается на помощь Лысенко, и, естественно, как и подобает сподвижнику Лысенко, хвастался "журавлем в небе", но даже и "синицы в руках" у него не было, так как на встрече в Кремле он сообщил:

"Сейчас у нас имеется только 240 граммов семян многолетней пшеницы, а надо ее иметь не менее, чем на полгектара" (80).

Что же было трубить не один месяц на всю страну об успехах, если никакой проверки цицинского гибрида еще не было проведено, и семян в руках селекционера оказалось меньше четверти килограмма? И для каких целей надо было иметь семян "не менее, чем на полгектара"? Для предварительного испытания? Для производственного? Цицин об этом молчал. Он предпочитал говорить то, что было приятно слышать высокому начальству:

"В нашей стране не может быть науки, стоящей вне политики. Каждое решение партии и правительства должно стать боевой программой работы науки... Скажите -- где, в какой стране науке уделяется столько внимания и заботы, как у нас?" (/81/, выделено мной -- В.С.).

Цицин закончил свою речь, как и Лысенко, подобострастным выражением своей преданности и любви к товарищу Сталину, обращаясь прямо к нему:

"В заключение своей речи, товарищи, мне хотелось бы выразить свое и ваше отношение к товарищу Сталину. Я долго думал над этим, и трудно мне найти слова, чтобы выразить свои

чувства. Нет таких слов, которыми можно было бы рассказать о своей любви к товарищу Сталину и его лучшим соратникам. (Аплодисменты)" (82).

Сталину очень понравилась речь Цицина. Он, как сообщалось в газетах,

"...подозвал Цицина и просил показать ему семена, о которых шла речь. Посмотрев семена, он сказал: "Экспериментируйте смелее, не бойтесь ошибок, мы Вас поддержим"" (83).

Стоит ли сомневаться, что один взгляд такого "признанного знатока" семян, как Сталин, был ценнее любых свидетельств станций по сортоиспытанию, тем более, что "возможные ошибки" Цицина заранее прощались. Кстати, всю последующую жизнь Цицин так и простоял на "пороге великого открытия" (он скончался в 1981 году), обещая всем последующим преемникам Сталина, что вот-вот получит долгожданный сорт многолетней пшеницы. Сорт на поля так и не вышел, зато хорошие обещания были неплохо вознаграждены: Цицина по указанию Политбюро ЦК ВКП(б) одновременно с Лысенко и самим Сталиным "избрали" 29 января 1939 года в Академию наук СССР и за год до этого, 23 февраля 1938 года, без выборов назначили действительным членом ВАСХНИЛ, сделали директором Главного Ботанического сада АН СССР, наградили многими орденами, при Брежневе дважды присвоили звание Героя социалистического труда! Вот что значит во-время сделанные посулы и любовь к диктаторам!{7}

За Цициным на трибуну вышел Лысенко. Ни одного из выступавших не приветствовали так восторженно. "Совещание встречает тов. Лысенко шумными аплодисментами, все встают", - писали газеты. Поднявшись со своего места и рукоплеща, встречал выход на трибуну Лысенко и сам Сталин.

Речи Лысенко "Правда" отвела целую страницу, тогда как отчеты о других речах занимали несколько абзацев. На следующий день "Правда" на первой странице поместила огромную фотографию "Сталин, Андреев, Микоян и Косиор слушают речь акад. Т.Д.Лысенко в Кремле 29 декабря 1935 года". Фотография запечатлела интересный момент: Лысенко о чем-то самозабвенно говорил, его левая рука взметнулась вверх, ладонь была раскрыта, растопыренные пальцы полусогнуты в напряжении. Как будто он силился так раздвинуть пальцы, чтобы обхватить диковинный по размеру колос... Видимо, его речь была настолько захватывающей, что Сталин не смог усидеть на месте и слушал -- весь сосредоточенный и серьезный -- стоя, не спуская с Лысенко глаз.

Чем же так заинтересовал Сталина Лысенко? Свою речь он начал с выпадов в адрес ученых, затем осудил авторов бесчисленных, на его взгляд, книг и учебников, в которых якобы переписаны старые рецепты и не сообщается ничего стоящего для тех, кто взялся бы создавать, как выразился Лысенко, "прекрасные сорта растений и породы животных". После этого критического запала можно было без ложной скромности поговорить и о себе:

"Небольшие знания развития растений, полученные в результате руководимых мною работ, без всякого преувеличения..., несмотря на ограниченность этих знаний, неизмеримо больше тех знаний, которые в этой области имеют представители биологической науки капиталистических стран" (86).

Не менее красочно обрисовал он и свои практические достижения. Хотя точных цифр прибавок зерна от его предложений он сообщить не мог, эффект, по его словам, получался все равно внушительный:

"... в этом году колхозы и совхозы, применившие яровизацию, получили по -56-7 тысяч

центнеров добавочного урожая. А вся страна получила не меньше 12-15 млн. пудов добавочного зерна. (Аплодисменты) "(87).

Под смех и аплодисменты присутствующих он глумился над своими коллегами -- учеными, заявляя, что они мало понимают в сегодняшней жизни, что большинство книг и учебников не просто не нужны, а вредны, что их авторы переписывают все друг у друга, а "сами не только не выводили сортов, а даже не видели, как готовый сорт растет на полях" (88). Указывал он и на то, на какие стандарты надо теперь равняться, к чьим словам прислушиваться:

"Товарищи, в своей речи на совещании стахановцев товарищ Сталин сказал: "Если бы наука была такой, какой ее изображают некоторые наши консервативные товарищи, то она давно бы погибла для человечества. Наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отжившее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики"" (89).

Вообще своими речами в присутствии Сталина в этом году он стремился показать, как независимо его творчество от всей предшествовавшей науки и тем более от деятельности сегодняшних коллег. В февральской речи, обзывая многих из них самой страшной в советских условиях кличкой "классовый враг", он специально подчеркивал, что они -- вредители и ничуть не отличаются от любых других классовых врагов. Помните его ставшее знаменитым:

"Вредители-кулаки встречаются не только в колхозной жизни... Классовый враг -- всегда враг, ученый он или нет" (90).

В ту встречу он плакался, вспоминая, сколь много "кровушки пришлось /ему/ пролить, попортить в защите, во всяческих спорах с некоторыми так называемыми учеными" (91). Теперь он снова проигрывал ту же пластинку, но в новой аранжировке: заявил, что ученые в большинстве своем работают вхолостую ("работа велась не по заниженным нормам, а просто впустую" /92/), что ученые не знают, ради чего они работают, какие у них задания, каковы нормы ("В исследовательской работе по сельскому хозяйству нормы, задания в основном еще не установлены, не конкретизированы, и исследователь в большинстве случаев не знает, выполняет он свое задание или не выполняет" /93/), и что поэтому в лучшем случае через много лет и то лишь честные специалисты смогут убедиться, что зазря ели хлеб народный, так как "все эти годы делали вообще не то дело, которое надо делать" (94).

Эти обвинения и жалобы не были просто абстрактными упражнениями в риторике. Говорилось всё с прицелом на то, чтобы создать нужное обрамление для рассказа о собственных трудностях в общении с учеными. Ему якобы стоило большого труда продвинуть в практику яровизацию. Еще труднее пришлось, когда он вздумал "впервые по заранее строго намеченному плану вывести... в неслыханно короткие сроки, в 2,5 года, сорт яровой пшеницы" (95):

"Это было нелегко сделать, приходилось преодолевать сотни трудностей..., вести борьбу с людьми науки, не верящими в это дело" (96).

Центральную часть речи он посвятил тому, как трудно ему приходится в борьбе с научными оппонентами, которые и спорят с ним и подвергают сомнению целесообразность его "методов", и просто мешают ему административно.

В конце концов, многочисленные упоминания о "работниках науки, которые спорят о неправильности /его/ методов", настолько возбудили интерес, что Я.А.Яковлев спросил из

президиума: "А кто именно, почему без фамилий?", на что Лысенко ответил:

"Фамилии я могу сказать, хотя тут не фамилии имеют значение, а теоретическая позиция. Проф. Карпеченко, проф. Лепин, проф. Жебрак, в общем, большинство генетиков с нашим положением не соглашается. Николай Иванович Вавилов в недавно выпущенной работе "Научные основы селекции", соглашаясь с рядом выдвигаемых нами положений, также не соглашается с основным нашим принципом браковки в селекционном процессе" (97){8} .

Произнеся эту тираду, Лысенко занес секиру над головами уважаемых ученых. Заканчивал он свою речь в мажорных тонах. Он заверял Сталина и других руководителей партии и правительства в неминуемой и скорой победе его сторонников:

"В нашем Союзе среди работников сельскохозяйственной науки уже немало есть молодняка, немало лучших представителей старых специалистов, по которым можно равняться... И я, товарищи, глубоко уверен, что сейчас, когда стахановское движение, возглавляемое великим вождем мирового пролетариата товарищем Сталиным, с небывалой силой разлилось по всем разделам, по всем областям, по всей территории нашего могучего Советского Союза, сельскохозяйственная наука не останется незатронутым островом в этом движении. Да здравствует великий вождь и руководитель мирового пролетариата, организатор колхозно-совхозных побед товарищ Сталин!" (100).

Сталин на совещании не выступил. Итоги от лица руководства партии под-водил Яковлев, и он дал высочайшую оценку Лысенко:

"Здесь выступали представители молодой советской агрономической науки, которые действительно хотят итти вперед вместе с колхозами, совхозами, которые выросли из колхозов и совхозов. Для них наука есть прежде всего обобщение опыта, практики.

Здесь выступал молодой академик Лысенко, который создал теорию яровизации, открыл способ в 3-4 раза ускорить выведение новых сортов, который решил задачу выращивания здорового, невырожденного посадочного материала картофеля на юге" (101).

Яковлев причислил к числу тех, на кого может положиться руководство страны, не только Лысенко, но и Цицина и Эйхфельда:

"Это молодые орлята, они только еще расправляют свои крылья. (Шумные аплодисменты). Нам недолго ждать, когда они свои крылья расправят ...

С ними в ряд работают такие старики, мастера... как Мейстер, создавший для засушливой степи прекрасные сорта зерновых культур" (102).

К этой оценке присоединился Нарком земледелия СССР Чернов, который призвал "смелее итти по пути, о котором говорил товарищ Лысенко, -- по пути яровизации наших посевов" (103). Радуясь тому, что обещанные Лысенко прибавки урожая появятся сами собой (наиболее привлекательное для "экономных" руководителей достижение), Нарком вопрошал:

"Что это дело трудное, что ли? Что для этого нужно фабрики строить? Заводы строить? Нет, для дела яровизации семян нужно иметь хороший амбар или сарай, самый обыкновенный термометр и агронома... который бы болел за дело. Все это в наших силах. И поэтому посев яровизированными семенами должен расти у нас гигантскими темпами" (104).

Уже на следующий день после окончания совещания в Кремле, 3 января 1936 года, передовая

статья "Правды", озаглавленная "Союз науки и труда", оповестила всю страну о награждении лучших из лучших высокими правительственными орденами. "В числе награжденных стахановцев сельского хозяйства имеются выдающиеся сельскохозяйственные ученые", -- говорилось в статье (105). Первым среди них был назван Лысенко, удостоенный второго ордена -- на этот раз высшего ордена СССР, ордена Ленина. Под передовицей было напечатано следующее сообщение:

"Саратов, 2 января (ТАСС). Вице-президент Всесоюзной с.-х академии имени Ленина Г.К.Мейстер, награжденный орденом Ленина, послал в Москву -- товарищу Сталину телеграмму следующего содержания.

"Дорогой товарищ Сталин! Счастлив признанием полезности моей работы. Горю желанием отдать под вашим руководством все свои знания и силы на великое дело социалистического строительства.

Мейстер" (106){9}.

Под этой телеграммой шел текст:

"МОГЛИ ЛИ МЫ КОГДА-НИБУДЬ МЕЧТАТЬ О ТАКОЙ

ВЕЛИКОЙ
ЧЕСТИ"

Письмо родителей академика Т.Д.Лысенко

товарищу Сталину

Любимый наш, родной Сталин! День, когда мы узнали о награждении орденом Ленина нашего Трофима -- это самый радостный день в нашей жизни. Могли ли мы мечтать когда-нибудь о такой великой чести, мы -- бедные крестьяне села Карловка, на Харьковщине.

Тяжело было учиться до революции нашему сыну Трофиму. Не приняли его -- крестьянского парня, мужицкого сына, в агроучилище, хотя в школе он имел одни пятерки. Пришлось Трофиму пойти в Полтавское садоводство. Так и остался бы он на всю жизнь садовником, если бы не советская власть. Не только старший Трофим, но и младшие пошли учиться в институты. Мужицкому сыну была открыта широкая дорога к знанию.

Закончив институты, младшие сейчас работают инженерами: один -- на Уральской шахте, другой - в Харьковском научном институте, а старший сын -- академик. Есть ли еще такая страна в мире, где сын бедного крестьянина стал бы академиком? Нет! ...

Не знаем, чем отблагодарить вас, дорогой товарищ Сталин, за великую радость -- награждение сына высшей наградой. Я, Денис Лысенко, за свои 64 года много поработал, однако, работу в своем родном колхозе "Большевистский труд" не бросаю, ибо в колхозе весело сейчас работать, ибо жить стало лучше и веселее{10}. В колхозе я работаю опытником, огородником, пасечником и садоводом. Подучившись на курсах селекционеров здесь, у сына, я обучил четырех колхозников скрещивать растения. Сам скрестил 13 растений, произвел опыты по яровизации свеклы, в результате чего получаю двойные урожаи. Недавно задумал специальную машину для подкормки свеклы жидким удобрением и поручил ее выполнить колхозному кузнецу. Этими работами я по мере своих старческих сил отблагодарю вас, товарищ Сталин, руководимую вами коммунистическую партию и

советскую власть.

С колхозным приветом!

Денис Никанорович Лысенко (отец академика Лысенко), Оксана Фоминична Лысенко (мать).

Одесса, 2 января.

(ТАСС)" (108).

Примечания и комментарии

к главе VI

1 И.В. Гёте. Фауст. Перевод с немецкого Б.Пастернака, М., Изд. "Художественная литерату ра", 1969, стр. 107.

2 К. Поппер. Логика и рост научного знания. Избранные работы. Перевод с английского, М., Изд. "Прогресс", 1983, стр. 265.

3 Т.Д. Лысенко. Яровизация -- могучее средство повышения урожайности. Прения по докладу тов. Я.А. Яковлева на 2-ом Всесоюзном съезде колхозников-ударников. Газета "Правда", 15 февраля 1935 г., № 45 (6291), стр. 2.

4 Там же.

5 Там же.

6 Там же.

7 Там же.

8 Там же.

9 Там же.

10 После реплики Сталина: "Браво, товарищ Лысенко, браво!", Лысенко произнес:

"Заканчивая свое выступление, я хочу сказать следующее. Каждый из нас, колхозников, чувствует, что за жизнь у нас появилась, что за благодатная, счастливая колхозная жизнь. Вы чувствуете, насколько у нас растут производительные силы при колхозном строе. Ученые это еще более чувствуют. Недаром я пожалел, и довольно искренне пожалел, своих кровных врагов, которые на каждом шагу и теперь в колеса палки ставят - это буржуазных ученых, пожалел их вот почему: больно уж у них низка производительность труда, и больно уж высока производительность труда у наших ученых. То, что наши ученые делают, делается само собой, наваливается колхозный строй, колхозное строительство, о котором так красочно говорил Яков Аркадьевич Яковлев. И вот, товарищи, если вы себя чувствуете счастливым, то я не могу выразить того счастья, которое я испытываю, что я живу в таком веке, веке социализма, веке победоносного колхозного строительства. Ведь быть ученым в это время -- счастье!

В нашем Советском Союзе, товарищи, люди не родятся, родятся организмы, а люди у нас

делаются - трактористы, мотористы, механики, академики, ученые и так далее, и так далее. И вот один из таких сделанных людей, а не рожденных, я -- я не родился человеком, я сделался человеком. И чувствовать себя, товарищи, в такой обстановке -- больше, чем быть счастливым. Как говорил товарищ Киров, убитый нашими врагами, -- жить в такой век очень хочется. Я испытываю, как приятно быть ученым в наш век.

Итак, товарищи, не будем зазнаваться своими достижениями. И я искренне говорю, что еще мало нами сделано. Можно сказать -- очень мало сделано, -- нами сделано только дело и хорошее дело для спора с учеными буржуазными, а для колхозов сделано очень мало.

Товарищ Сталин сказал, что наука, сельскохозяйственная наука чрезвычайно отсталая и мало помогает колхозам. Науки действенной еще очень мало, которая помогает нашему сельскому хозяйству. То, что наше сельское хозяйство, наши колхозы добились, то, что мы перегнали довоенную урожайность кулацких хозяйств, и для нас это еще далеко не предел. Товарищи, наше участие биологов, ученых чрезвычайно малое, и мы, товарищи, живем одними перспективами. Мы видим, что наш труд может быть продуктивнее буржуазного, но сделано чрезвычайно мало. Поэтому, товарищи, дадим слово о том, что добьемся полного единства теории и практики, и тогда мы дадим такой расцвет нашей биологической советской, колхозной науке [орфография сохранена -- В.С.], которого еще мир не видал никогда.

Нам нужно равняться сейчас не на буржуазную науку, нам нужно сельскохозяйственную науку равнять на нашу социалистическую промышленную науку, на нашу индустрию. Вот на эти достижения мы должны равняться. Тогда скажем и мы, биологи, растениеводы, что и мы -- люди -- участвуем в строительстве социализма.

Да здравствует такая советская, настоящая наука!

Да здравствует коммунистическая партия большевиков!

Да здравствует вождь мирового пролетариата и организатор колхозных побед -- товарищ Сталин! (Продолжительные аплодисменты)".

Цитиров. по брошюре: Т.Д.Лысенко, Д.Нурматов, Т.С.Мальцев, А.А.Курносенко. Сельско-хозяйственная наука и колхозное опытничество. Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников. ОГИЗ-Сельхозгиз, 1935, стр. 14-15. Дважды в этой брошюре (перед речью Лысенко и под его портретом), как и во многих других местах вплоть до 1936 года повторяется измененное отчество: Трофим Дионисович Лысенко.

11 Там же.

12 См. об этом в статье Е.В. Рыжковой. Академик Исай Израилевич Презент. Журнал "Вестник Ленинградского государственного университета", 1948, № 10, стр. 98-101.

13 Сведения получены от Д.В. Лебедева. В Гос. биб-ке имени Ленина имеется книга: И.Даров /Ленингр. восточный институт имени А.С.Енукидзе/ 1930. Бехаизм (Новая религия Востока), 54 стр.

14 Личное сообщение Д.В.Лебедева, 1987.

15 Социалистическая Академия общественных наук была основана декретом ВЦИК РСФСР 25 июня 1918 г., открыта 1 октября 1918 г., с 1919 г. именовалась Социалистической академией, с 17 апреля 1924 г. переименована в Коммунистическую академию,

просуществовала до 8 февраля 1936 г., когда постановлением СНК и ЦК ВКП(б) была включена в состав АН СССР и прекратила свое существование. В состав ее входило 100 действительных членов и ряд членов-корреспондентов. Задачи академии заключались в "исследовании и разработке вопросов истории, теории и практики социализма, в подготовке научных деятелей социализма и ответственных работников социалистического строительства, в объединении и сплочении работников научного социализма" (из декрета ВЦИК от 15. IV.1919 г., цитировано по БСЭ, 3 изд., М.,1970, т.I. стр. 313). В состав академии входило около 10 институтов, включая естественнонаучные институты и в их числе: биологический, аграрный, естествознания; при академии функционировали Общества: воинствующих материалистов-диалектиков, биологов-марксистов, врачей марксистов-ленинцев и др. Президент до 1932 г. - М.Н.Покровский.

16 См. сведения о Презенте в книге: Научные работники Ленинграда. Серия "Наука и научные работники СССР", часть V, с приложением перечня научных учреждений Ленинграда, под редакцией Ольденбурга, Л., Изд. АН СССР, 1934, стр. 295.

17 В 1928 году Презент опубликовал компилятивную книжку о происхождении речи у человека. См. также его статьи: Теория дарвинизма в свете диалектического материализма, Изд. Ленинградск. отд. Комакадемии, 1932, стр. 7-8; Против вреднейшей "философии агрономии, журнал "Под знаменем марксизма", 1934, №3, стр. 202; выступление на дискуссии "Об основных установках и путях развития советской экологии", журнал "Советская ботаника", 1934, N_ 3, стр. 52; Коммунистическая академия. Материалы научной сессии: К пятидесятилетию со дня смерти Маркса. М.-Л. Огиз, 1934, стр. 358-359; Труды 1-го Всесоюзного съезда по охране природы, стр. 76.

18 См. об этом в работе: D.R. Weiner. Community ecology in Stalin's Russia: "Socialist" and "Bourgeois" science. ISIS, December 1984, v 75, No. 279, pp. 684-696.

19 Н.Т. Нечаева, С.И. Медведев. Памяти Владимира Владимировича Станчинского (к истории биоценологии в СССР). Бюллетень Московского Общества испытателей природы, отд. биологич., 1977, т. 82, вып. 6, стр. 109-117.

20 И.И.Презент. Классовая борьба на естественно-научном фронте. Доклад перед работника ми просвещения Ленинграда. Госучпедгиз, М.-Л., 1932, стр. 63.

21 И.И.Презент. Учение Ленина о кризисе естествознания и кризисе буржуазной биологичес кой науки. В книге: В. Ральцевич (ред.). Материализм и эмпириокритицизм, Л., 1935, стр. 255 и ранее.

22 См. прим. /20/, стр. 70.

23 См. об этом в книге Н.П. Дубинина "Вечное движение", М., Госполитиздат, 1973, стр. 159.

24 Газета "Правда", 2 января 1936 г., № 2 (6608), стр. 3.

25 См. прим. /19/, стр. 111-112.

26 См. журнал "Наш современник", 1956, книга 3, стр. 180.

27 Проф. И.И. Презент. Выступление в дискуссии "Основные установки и пути развития советской экологии". Журнал "Советская ботаника", 1934, № 3, стр. 52-63. Говоря о насущных проблемах советской экологии, к которой Лысенко касательства не имел, Презент,

тем не менее, нашел, каким боком приплести сюда его будущего патрона: он посвятил более трети своего длинного выступления работе Лысенко по яровизации как наилучшем примере для подражания тем, кто изучает связь условий существования и процессов жизнедеятельности.

28 Даниил Владимирович Лебедев Биобиблиографический указатель. Изд. Библиотеки Российской Академии Наук, Санкт-Петербург , 1992, 80 стр.

28а И.И. Презент (ред.). Хрестоматия по эволюционному учению. Изд. Ленинградского Государственного университета имени Бубнова, кафедра диалектики природы и эволюционного учения, Л., 1935 г.

29 См. об этом в книге: Loren Graham. Science and Philosophy in the Soviet Union. 1972, p. 209.

30 Личное сообщение профессора В.П.Эфроимсона.

31 В.Павлович. Мичуринцы, ваше слово! (письмо из Аджаристана). Газета "Соцземледелие", 14 декабря 1933 г., 286 (1495), стр. 2.

32 Личное сообщение Д.В.Лебедева, 1987.

33 Анна Ивановна Ревенкова, написавшая эти строки в письме к Н.С.Хрущеву, аттестовала

себя соратницей Н.И.Вавилова, но преследовала при этом странную цель -- обелить Лысенко и показать (в противовес М.А.Поповскому, описавшему также эту сцену со слов друзей Н.И.Вавилова), что Лысенко не только не имел отношения к аресту Вавилова, но даже дал Вавилову, хвалебную характеристику по запросу НКВД. Ревенкова, кроме того, писала:

"Может быть уместно отметить еще и то, что "друзья" Вавилова много говорят, что его погубил Лысенко Т.Д. и больше всего кричат именно те, кто так немилосердно и иезуитски его топил. В течение десяти месяцев (с 10.VIII-40 по конец мая 1941 года) я находилась под следствием по так называемому "делу Вавилова". За это время мой следователь знакомил меня с большим количеством гнусных доносов на Вавилова, иногда касающихся и меня лично. И никогда мне не давали читать показания Лысенко Т.Д. и вообще о нем не упоминалось. А письма были Якушкина И.В. -- по словам следователя, это главный консультант, писали Рунов Т., Лорх и много других, но особенно изощрялся академик Жуковский П.М., который после Вавилова возглавил ВИР [это ошибка: Жуковский стал директором ВИР в 1951-1960 годах -- В.С.] и оказался бездарным руководителем и непревзойденным иезуитом. Одновременно со мной находился под следствием акад. Н.К.Кольцов. Он мне рассказывал о кляузах на Вавилова то же, что я знала от своего следователя. Кстати сказать, обвинения Вавилова не касались проблем генетики. Они относились к другой области.

А.И.Ревенкова".

(цитиров. по машинописному экземпляру копии письма А.А.Ревенковой, имеющемся в моем архиве). В настоящее время дети Т.Д.Лысенко, а также его последователи и сторонники стараются распространить это письмо, как можно шире, показывая его при всяком удобном случае разным лицам и добавляя, что А.И.Ревенкова чуть ли не единственное доверенное лицо семьи Н.И.Вавилова, и противопоставляя ее рассказы сведениям, приводимым М.А.Поповским. См. также книгу: А.И.Ревенкова. Николай Иванович Вавилов. 1887-1943. Изд. сельскохоз. лит-ры, М., 1962.

34 Постановление СНК СССР от 4 июня 1935 года за 1114. Президентом ВАСХНИЛ,

согласно постановлению, был утвержден А.И.Муралов, вице-президентами: Н.И.Вавилов, Г.К.Мейстер и М.М.Завадовский, ученым секретарем -- академик А.С.Бондаренко.

35 О том, что новый состав Президиума приступил к исполнению своих обязаностей на основании приказа по ВАСХНИЛ 1 от 21 июня 1935 г., см. : "О порядке работы руководства Академии", журнал "Бюллетень ВАСХНИЛ", 1935, 8, стр. 37.

36. Т.Д.Лысенко. О перестройке семеноводства. Журнал "Яровизация", 1935, 1, стр. 51.

37 Резолюция выездной сессии зерновых культур Всесоюзной академии с.-х. наук им. В. И. Ленина (июнь 1935 г., Одесса). Журнал "Бюллетень ВАСХНИЛ", 1935, 8, стр. 1-5 16. В ссылке к этой публикации сообщается, что "резолюция принята у президента Акаде мии с.-х. наук им. В.И.Ленина 2 августа 1935 г.".

38 Резолюция гласила:

"По вопросам, выдвинутым акад. Лысенко о критическом пересмотре учения об инцухте, о методах работы с перекрестноопылителями, об обновлении сортов самоопыляющихся растений путем применения внутрисортового скрещивания так же, как в отношении отбора гибридов на вегетационный период по первому поколению, в виду недостаточной выясненности и спорности ряда существенных моментов, сессия считает необходимым развернуть широкую экспериментальную работу по поднятым вопросам, провести опыты как при селекционных учреждениях по применению внутрисортовых скрещиваний для повышения гетерозиса, так и в отдельных наиболее организованных совхозах". Там же, стр. 1-516.

39 Там же, стр. 16.

40 См.: Т. Д. Лысенко. Очередные задачи яровизации. Газета "Соцземледелие", 29 октября 1935 г., 227.

41 Редакционная статья "Колхозные отчеты о работе по внутрисортовым скрещиваниям". Журнал "Яровизация", 1936, 4 (7), стр. 96.

42 Журнал "Яровизация", июнь 1936 г., 2-3 (-56).

43 Т.Д.Лысенко. Яровизация картофеля на юге. Газета "Соцземледелие", 26 марта 1935 г., 47 (1856), стр. 2.

44 Т. Д. Лысенко. Широко учесть результаты яровизации. Там же, 28 апреля 1935 г.,

75 (1884), стр. 2.

45 А. Савченко-Бельский. Картофель, лишенный покоя. О проращивании молодого картофеля и гипотезе академика Лысенко. Там же, 8 мая 1935 г., 81 (1890), стр. 3.

46 См.: газета "Правда", 1 октября 1935 г., 272 (6518), стр. 3.

47 С 3 октября 1935 года (273) по 8 октября в каждом номере "Правды" сообща-

лось о продовольственных затруднениях в Германии (печатались большие статьи). 8 сентября была напечатана короткая заметка "Полемика Гитлера с Болдуином", в которой говорилось: "В своей речи Гитлер указал на недостаток территории и сырья у Германии как на одну из причин продовольственных затруднений "Третьей империи" (278 [6524], стр. 5). На следующий день, а затем 12.X.1935 г. публикация статей под рубрикой "Продовольственные трудности в фашистской Германии" была продолжена.

48 Акад. Н.Тулайков. Использование орошаемых земель в Заволжье. Предварительные итоги орошения пшеницы в 1935 году. Газета "Соцземледелие", 11 октября 1935 г., 212 (2021), стр. 2 и 4.

49 Л. Старцев, И.Подвойский. О методах племенной работы и формальных поклонах родослов-

ным (к октябрьской сессии Академии с.-х. наук им. Ленина). Там же, 21 октября 1935 г., 220 (2029), стр. 2; Проф. Л.Гребень, руководитель научной части Института гибридизации и акклиматизации животных в Аскании-Нова). Еще раз о методах племенной работы. (По поводу статьи академика А.С.Серебровского), там же, 26 октября 1935 г., 224 (2033), стр. 2 и 4. В этой статье А.С.Серебровский был обвинен в незнании деталей работы селекционеров животных и Я.Л.Глембоцкий в том, что работу по обнаружению связи гена серой окраски каракулевых овец ширози и летальностью он приписал себе. Утверждалось, что такая связь в гомозиготном состоянии была обнаружена ранее Константинэску в Румынии на серых цурканах.

50 Академик Т.Д. Лысенко. Картофель на юге и теория стадийности. Там же, 9 октября 1935 г., 210 (2019), стр. 2-3; его же: Очередные задачи яровизации. Там же, 29 октября 1935 г., 227 (3036), стр. 3.

51 М. Дунин. Пора выбирать и делать выводы. (О "Возрождении сорта" Т.Д.Лысенко и тактике молчальников). Там же, 28 октября 1935 г., 226 (2035), стр. 2. Попутно М.Дунин бросал камень в огород сторонников Вавилова, заложившего в СССР основы фитоиммунитета и фитоиммунологии:

"Фитоиммунологи". .. дали "яблоко греха" ... они ... сами того не замечая, изо всех сил пытаются доказать абсурдность того, во что они верят и в чем клянутся".

52 А. Савченко-Бельский. "Созерцатели" яровизации. (К Октябрьской сессии Академии с.-х. наук им. Ленина). Там же, 18 октября 1935 г., 218 (2027), стр. 2-3.

53 Л.Л. Паперный, Народный Комиссар земледелия Украины. Хаты-лаборатории. Газета "Правда", 22 октября 1935 г., 292 (6538), стр. 2.

54 Куперман, Оратовский, Тимковский, Житник. Ультракороткие волны. О влиянии лучистой энергии на сельскохозяйственные растения. Газета "Соцземледелие", 24 октября 1935 г., 223 (2032), стр. 2.

55 См.: газета "Правда", 25 октября 1935 г., 295 (6541), стр. 1.

56 Передовая статья "Советская сельскохозяйственная наука". Газета "Правда", 26 октября 1935 г., 296 (6542), стр. 1.

57 Н.И.Вавилов. Пшеница советской страны. Доклад на сессии ВАСХНИЛ. Газета "Социали-

стическое земледелие", 29 октября 1935 г., 227(2036), стр. 3. Днем раньше и в этот же день Вавилов напечатал в "Правде" большую по размеру статью под близким названием: Пшеница в СССР и за границей. 28 октября 1935 г., 298 (6544), стр. 2-3; 29 октября 1935 Г., 299(6545), стр. 2-3)См. прим. /90/ к главе III.

58 Академик А.С. Серебровский. Искусственное осеменение животных. Газета "Правда",

31 октября 1935 г., 301 (6547), стр. 2.

59 Газета "Соцземледелие", 18 октября 1935 г., 218 (2027), стр. 3 и 29 октября 1935 г., 227 (2036), стр. 3.

60 А.И. Муралов, президент ВАСХНИЛ. Речь на открытии сессии Академии. Там же,

стр. 1-2, 29 октября 1935 г., 227 (2036), стр. 1-2.

61 Г.К.Мейстер. Реконструкцию селекционного дела довести до конца. Там же, 30 октября 1935 г., 228 (2037), стр. 2. О работе Лысенко Мейстер сказал: "Я считаю, что эта работа для селекции имеет исключительное значение".

62 Для того, чтобы не сложилось впечатление о всеобщем захваливании работ Лысенко, следует отметить, что ряд ученых, опубликовав большие статьи, подготовленные к Октябрьской сессии ВАСХНИЛ 1935 года, обошлись без дифирамбов Лысенко. См., в частности: Академик П.Н.Константинов. Перестроить систему сортоиспытания. Газета "Соцземледелие", 1 ноября 1935 г., 229 (2038), стр. 2; Академик П.И.Лисицын. Сортосмена и сортообновление. Там же.; Академик В.П.Мосолов. Агротехника пшеницы в Нечерноземной полосе. Там же, стр. 3.

63 Академик А.А. Сапегин. О селекции сортов сельскохозяйственных растений (в порядке обсуждения). Там же, 15 октября 1935 г., 215 (2024), стр. 3. В статье говорилось:

"На полную своевременность постановки селекции сортов для полей, получающих воду, удобрения и прочее в максимальной степени, я указывал научному совету Украинского государственного института селекции в 1932-1933 году".

64 Речь президента Академии тов. А.И. Муралова на открытии сесии ВАСХНИЛ. Там же, 29 октября 1935 г., 227 (2036), стр. 1-2.

65 Выступление президента Академии с.х. наук имени Ленина А.И. Муралова "Ближе к практике, к производству!".
Там же, 1 ноября 1935 г., 229 (2038), стр. 2.

66 Т.Д.Лысенко. Из материалов первой сессии Всесоюзной академии с.-х. наук им. В.И.Ленина. Журнал "Бюллетень ВАСХНИЛ", 1935 г., 7, стр. 1-3; см. также его книгу "Стадийное развитие растений", М., 1952, стр. 657.

67 Там же, стр. 1.

68 Там же, стр. 3.

69 Д.А.Долгушин. История сорта. Газета "Соцземледелие", 5 ноября 1935 г., 233 (2042), стр. 2-4.

70 Информационное сообщение "Новое издание сельскохозяйственной энциклопедии". Газета "Правда", 5 октября 1935 г., 275 (6521), стр. 6.

71 В праздничном выпуске газеты "Социалистическое земледелие" за 7 ноября 1935 года,

234 (2043), стр. 2-3 под общей шапкой "Наши пожелания с.-х. науке" были опубликованы обращения Т.Д.Лысенко, Г.К.Мейстера, Н.М.Тулайкова, Е.Ф.Лискуна, А.И.Мальцева, А.С.Серебровского, проф. Л.Гребеня, К.И.Скрябина, П.Н.Константинова, Б.Н.Рождественского, Р.Э.Давида, Р.Р.Шредера, И.В.Якушкина, Н.М.Кулагина, П.М.Жуковского.

72 Редакционная статья "Прием работников сельскохозяйственной науки в Совнаркоме СССР". Там же, 9 декабря 1935 г., 259 (2068), стр. 1.

73 Там же.

74 Там же.

75 Передовая статья "Теснее связь сельскохозяйственной науки с практикой!". Там же, 18 декабря 1935 г., 267 (2076), стр. 1.

76 Там же.

77 Д.Н. Прянишников. Речь на Совещании передовиков урожайности. Там же, 3 января 1936 г., 3 (6609), стр. 4.

78 Т.Д. Лысенко. Яровизация - могучее средство повышения урожайности. В кн.: "За яровизацию", изд. "За коллективизацию", 1935 г., а также в книге "Стадийное развитие растений", М., 1952, стр. 647.

17 мая 1986 г. зять Н.С.Хрущева А.И.Аджубей в статье "Время в лицах и деталях", газета "Комсомольская правда", 114 (18617), стр. 4 воспроизвел строки из этого выступления, дополнив их новым ранее неизвестным предложением. Аджубей писал:

"Жизнь человеческая коротка, а бой за правду может потребовать куда большего срока. Жаль, но Николай Иванович Вавилов не узнал и не узнает, что Лысенко проиграет научный спор с ним. Как мы не узнаем и того, что испытывал этот человек, бесчестьем оборвавший жизнь Вавилова. Не узнаем, что чувствовал он сам, если вдумаемся в страшную суть сказанных некогда им слов: "В нашем Советском Союзе люди не рождаются. Рождаются организмы. А люди у нас делаются - трактористы, мотористы, академики, ученые и так далее. И это безо всякой идеологической чертовщины - генетики с ее реакционной теорией наследственности"".

В телефонном разговоре с Аджубеем я спросил его, по какому источнику он цитировал этот текст с добавлением фразы об "идеологической чертовщине". А.И.Аджубей сообщил, что он воспроизвел эту цитату по тексту сценария фильма о Вавилове, подготовленном украинскими кинематографистами. К сожалению, источник работы самого Лысенко ни он, ни авторы сценария не знают.

79 В газете "Правда" 4 октября 1935 г., 274 (6520), стр. 2 была напечатана статья "Гибрид пшеницы и пырея", в которой говорилось:

"Имя Николая Вавильевича Цицина хорошо известно в научных кругах, особенно среди селекционеров. "... на днях сессия сельскохозяйственных наук заслушает мой доклад о результатах работы с гибридом",- заявил Н.В.Цицин".

Через пять дней в "Правде" была опубликована большая статья Н.В.Цицина "Мои опыты с пшеницей", в которой он обещал в ближайшее время "решить проблему пшенич-ного клина Западной Сибири". См. газета "Правда", 9 октября 1935 г., 279 (6525), стр. 3. В день выступления Цицина на Совещании в Кремле в газете "Соцземледелие" он писал:

"...вопрос с выведением многолетней пшеницы решен... скептицизм и недоверие... со стороны ряда важнейших научных работников сменились признанием достигнутых успехов... в тесном контакте с академиком Лысенко мы с задачей размножения перспективных форм гибридов справимся".

См.: Н.В. Цицин. На пути к многолетней пшенице. Дикарь пырей на службе урожаю. Газе та "Соцземледелие", 28 декабря 1935 г., 275 (2084), стр. 2.

80 Н.В. Цицин. Речь на Совещании передовиков урожайности по зерну. Газета "Правда",

1 января 1936 г., 1 (6607), стр 2.

81 Там же.

82 Там же.

83 Об этих словах Сталина написал в своей заметке вице-президент Академии наук СССР

В.Л.Комаров. См. его статью "Советская наука в 1936 году". Газета "Известия ЦИК и ВЦИК", 1 января 1936 г., 1 (5858), стр. 6. Позже слова "Эспериментируйте смелее. Мы вас поддержим. И.Сталин" можно было часто увидеть на лозунгах и транспарантах, вывешиваемых в научно-исследовательских институтах.

84 Академик Н.В.Цицин. Моя попытка использовать цитогенетику. Журнал "Яровизация", 1, стр. 141-145.

85 Л.Н.Андреев. Неизвестный документ академика Н.В.Цицина. Вестник РАН, том 68, 12, 1998, стр. 1096-1098.

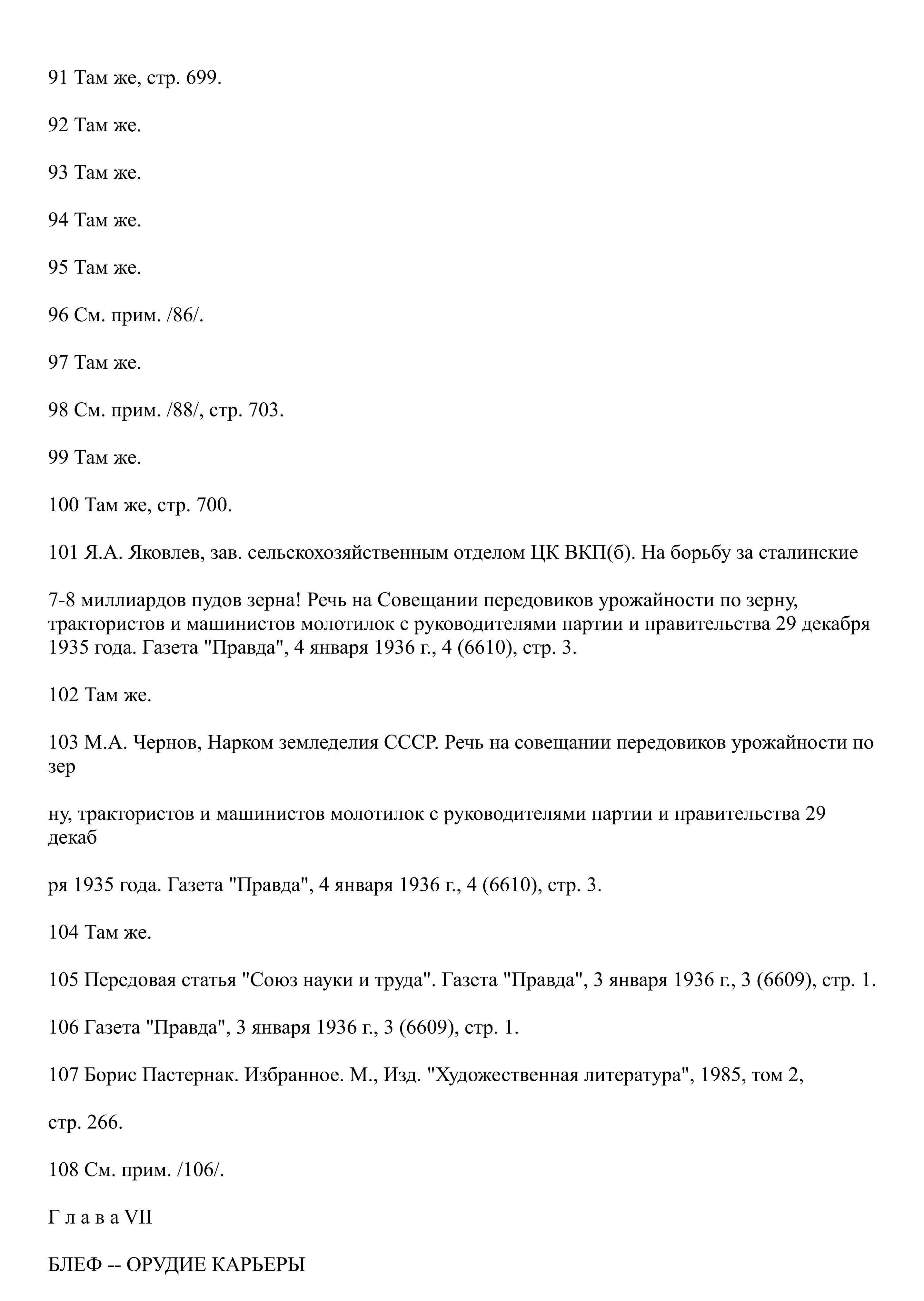
86 Т.Д.Лысенко. Речь на Совещании передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства. Газета "Правда", 2 января 1936 г., 2 (6608), стр. 3.

87 Там же.

88 Цитировано по книге: Т.Д.Лысенко. Стадийное развитие растений. М., 1952, стр. 699.

89 Там же, стр. 700.

90 Там же, стр. 649.

91 Там же, стр. 699.

92 Там же.

93 Там же.

94 Там же.

95 Там же.

96 См. прим. /86/.

97 Там же.

98 См. прим. /88/, стр. 703.

99 Там же.

100 Там же, стр. 700.

101 Я.А. Яковлев, зав. сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б). На борьбу за сталинские

7-8 миллиардов пудов зерна! Речь на Совещании передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства 29 декабря 1935 года. Газета "Правда", 4 января 1936 г., 4 (6610), стр. 3.

102 Там же.

103 М.А. Чернов, Нарком земледелия СССР. Речь на совещании передовиков урожайности по зер

ну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства 29 декаб

ря 1935 года. Газета "Правда", 4 января 1936 г., 4 (6610), стр. 3.

104 Там же.

105 Передовая статья "Союз науки и труда". Газета "Правда", 3 января 1936 г., 3 (6609), стр. 1.

106 Газета "Правда", 3 января 1936 г., 3 (6609), стр. 1.

107 Борис Пастернак. Избранное. М., Изд. "Художественная литература", 1985, том 2,

стр. 266.

108 См. прим. /106/.

Г л а в а VII

БЛЕФ -- ОРУДИЕ КАРЬЕРЫ

"Уже ему казалось:

он всесилен".

Семен Липкин. Из книги "Кочевой огонь" (1).

"Знание какой-нибудь истины может быть не совсем удобно в известную минуту, но пройдет эта минута -- и эта же самая истина станет полезной на все времена и для всех народов".

Клод Адриан Гельвеций. Об уме (2).

Провал яровизации пшениц

На следующий же год после объявления о внедрении яровизации озимых в колхозную и совхозную практику стало ясно, что вместо повышения урожайности агроприем ведет к значительным потерям урожая. Поэтому уже в 1932 году призывы к обработке холодом озимых пшениц прекратились, а вместо этого Лысенко начал пропагандировать яровизацию яровых. Ни о каком провале первого предложения он позже, разумеется, и не упоминал. Вроде бы ничего особенного не случилось, просто наука сделала шаг вперед -- и теперь нужно проращивать на холоду уже не озимые, а яровые культуры. То, как он несколькими годами позже объяснил на публике свою неудачную выдумку с озимыми, стало привычным для него на протяжении всей последующей жизни. Например, 29 октября 1935 года в газете "Социалистическое земледелие" он опубликовал статью "Очередные задачи яровизации", в которой будто невзначай, просто потому что к случаю пришлось, объяснил отказ от первоначальной идеи:

"Предыдущими опытами выяснено, что любое растение озимой пшеницы, пошедшее в зиму полностью яровизированным, несравненно менее зимостойко, чем растение того же сорта пшеницы, одновременно высеянное, но пошедшее в зиму в неяровизированном состоянии. Это положение из работ по яровизации многим специалистам уже известно 2-3 года" (3).

Странно, что никаких научных сообщений об этом "два-три года назад" в печати не проскользнуло.

Но и с яровизацией яровых дела оказались плохими. Пока Лысенко шумел в газетах, на собраниях и встречах о 12-15 миллионах пудов дополнительного зерна, подаренного стране за счет яровизации (4), накапливались неутешительные данные о реальном положении дел с яровизацией (5). Никак не удавалось добиться даже того, чтобы вся запланированная посевная площадь была действительно занята такими посевами. Например, в 1932 году вместо 110 тысяч гектаров все яровизированные посевы в стране составили лишь 19 277 га (6). Впрочем, и эта цифра была плодом преувеличения. Ее высчитали помощники Лысенко якобы на основании анкет колхозов и совхозов, но позже сам Лысенко сообщил, что анкеты о собранном урожае поступили только из 59 колхозов и охватывали площадь в 300 га, так что больше чем о 300 гектарах говорить было нечего (7). Характерно и другое заявление, которое иначе как саморазоблачением не назовешь. Лысенко признал, что данные, сообщаемые в анкетах, фальсифицированы: "...нередки случаи... когда посев только числился яровизированным, без яровизации" (8).

Однако постепенно и теоретическая и практическая стороны этого агроприема стали подвергаться серьезной проверке (9). Сапегин, например, отмечал, что представление о стадиях имеет право существовать как всего лишь одна из концепций в физиологии растений

(10), причем:

"Самой сущности внутренних яровизационных процессов мы еще не знаем, углубленной теории развития растений, как теории самих этих внутренних процессов онтогенеза, еще нет (11)... предложение Лысенко не универсально, не панацея. Мы ведь знаем пока только две стадии развития растений, да и то лишь в первом, поверхностном подходе... (12). Сущность самих стадий -- еще полные потемки" (13).

С самого начала Сапегин считал, что если польза от яровизации и проявлялась кое-где, то она не превышала пользу, которую приносит обычная селекционная работа с сортами (14).

Систематическая проверка яровизации была проведена в независимых от Лысенко сортоиспытательных станциях во всех земледельческих зонах в точно контролируемых условиях, с соблюдением всех требуемых наукой принципов. К 1935 году (за 4--5летний период исследований) были накоплены вполне ясные данные. Их получили на 54 сортоучастках, расположенных по всей стране, эффективность яровизации проверяли для 35 сортов. Результаты были суммированы крупнейшим специалистом по методике опытного дела академиком Петром Никифоровичем Константиновым, к тому же выдающимся селекционером, сорта которого высевались на миллионах гектаров. Вывод проверки в комментариях не нуждался:

"В среднем по годам наблюдалось то снижение, то повышение от яровизации, а в среднем за пять лет яровизация прибавки [урожайности -- В.С.] почти не дала" (15).

На деле это означало, что яровизация себя не только не оправдала, но принесла огромный вред. Во время манипуляций с прорастающим зерном почти половина семян при перелопачивании гибла, и поэтому количество семян, потребных для высева, следовало увеличить больше, чем вдвое (16), всходы оказывались изреженными, и Лысенко, начиная с 1933 года, постоянно предупреждал, что нужно загущать посевы по сравнению с обычным севом (17). И это при острой нехватке в стране любого зерна, не говоря уже о посевном -- самом ценном!

Как только надежно проверенные данные были обработаны, ученые (в особенности академики Константинов и Лисицын) начали возражать против насильственного внедрения яровизации. Сначала они выступили на научных конференциях. Затем Константинов послал статьи в газеты (часть их была опубликована /18/). После этого Константинов вместе с Лисицыным и болгарским ученым Дончо Костовым1, приехавшим тогда в СССР, чтобы работать вместе с Вавиловым, опубликовали обстоятельную статью об ошибках в трактовке пользы от яровизации и отмены научных основ селекции (19). Ученые возражали против неправомерно широкого использовании метода на практике (20). С подлинной заботой о нуждах страны они резюмировали:

"Все сказанное обязывает к более или менее детальному районированию яровизации как агроприема на основе опыта. И эта работа должна предшествовать массовому внедрению яровизации...

Пока же... яровизация применяется очень широко и вообще учет производственного опыта стоит не на должной высоте. Методика учета заведомо страдает... Всякие отрицательные результаты нередко выбрасываются... Даже объективные данные опытных учреждений не всегда пользуются в институте [Лысенко -- В.С.] доверием только потому, что они не дают иногда высоких эффектов или же дают отрицательные результаты" (21).

Будто предвидя, какую бурю негодования вызовут их спокойные, деловые заметки, авторы заканчивали статью такими фразами:

"Высказанные замечания единственной своей целью имеют уяснение истины. К сожалению, полемические приемы и самого акад. Лысенко и его отдельных сотрудников далеко не содействуют разумной дискуссии, а, следовательно, и уяснению истины" (22).

Как в насмешку над трезвыми расчетами ученых, из центральных органов год за годом поступали команды об удвоении и утроении посевов яровизированными семенами (23). Лысенко продолжал заверять власти в том, что яровизация непременно даст миллионы тонн дополнительного зерна без всяких на то расходов, а власти предпочитали не слышать критики новой идеи!

Рьяные борцы за яровизацию (вроде бывшего студента Константинова Андрея Утехина, искавшего теперь покровительства у Лысенко), выслуживаясь перед властями, рапортовали, что всё больше колхозников обучаются яровизации, что только в Куйбышевском крае на краткосрочных курсах подготовлено 65 тысяч яровизаторов (24). В 1940 году Лысенко уверял, что якобы площадь, занятая яровизированными посевами пшеницы, превысила уже 10 миллионов гектаров (25), то есть стала равной площади посева пшеницы во Франции и Италии вместе взятых.

Однако, несмотря на распоряжения руководящих органов, планы яровизации яровых пшениц так никогда и не удалось выполнить: во многих областях работа была свернута целиком, не взирая ни на какие приказы сверху, и даже "бумажные" отчеты содержали цифры гораздо меньшие, чем предписывалось планом. Поразительно, что даже в Одесской области, где располагался лысенковский институт, яровизацию свели к минимуму, и пленум ЦК компартии Украины вынужден был записать в решении от 30 января 1936 года:

"Особенно выделяются в этом отношении Одесская область, где яровизированные посевы занимали в 1935 году всего лишь 11,9% площади ранних яровых, и Донецкая область -- 4,3%" (26).

Это при плане, предусматривавшем 100%-ные посевы яровизированными семенами!

Неудачи со сверхскоростным выведением сортов пшеницы

Еще более неприятная картина складывалась с другим разрекламированным "успехом" Лысенко -- выведением им за два с небольшим года сразу четырех сортов яровой пшеницы. В 1935 году Лысенко заявил, что к осени 1936 года будет располагать пятьюдесятью тоннами семян каждого сорта (27). Перед тем, как ехать на вторую встречу со Сталиным в конце декабря 1935 года, он вместе с Презентом писал:

"Принятые нормы размножения семенного материала сам-15 [то есть получение в 15 раз больше семян, чем посеяно -- В.С.], сам-20... на сегодняшний день ничего, кроме смеха, у нас не должны вызывать... Мы, как бы в угоду всем не верующим в новый метод работы, в плановое создание сорта, берем самые баснословно укороченные сроки выведения и размножения... для посева тысяч гектаров в колхозах и совхозах, где эти лица смогут наблюдать наш "провал" новой методики работы" (28).

Во время самого выступления перед Сталиным Лысенко поразил всех присутствующих фантастической скоростью размножения семян, когда сказал, что"...из 500 зернышек..., имевшихся у нас в начале 1934 года, к осени 1935 года, то-есть с небольшим через год мы

получим сам-800" (29), и что такой темп будет удержан и в 1936 и в 1937 годах. Но к весне 1936 года семян собрали в десятки раз меньше обещанного, хотя точное количество названо не было: в одном выступлении Лысенко сообщил о 120 килограммах каждого сорта (30), в другом - о 130 кг (31), в третьем - о 1,5 центнерах (32).

Выше было отмечено, что в те годы в стране подняли на щит идею так называемого социалистического соревнования -- рекордных плавок, сверхплановой добычи угля и т. п., по этому поводу шумели газеты. При ненормальном планировании, вольном обращении с цифрами нормирование трудовой деятельности фактически перестало существовать. Кроме того, в большинстве отраслей промышленности превалировал выпуск технологически несложной продукции, которую можно было изготовлять с заметными отклонениями от предписанных стандартами характеристик, и которой, тем не менее, всё еще не хватало, она и в таком некачественном виде шла нарасхват. Поэтому власти и на верхах и в низах понукали трудящийся люд работать шустрее, перевыполнять нормы, словом, проявлять то, что называлось трудовым героизмом. Реального стимулирующего действия это не оказывало, большинство из тех, кто рвался в передовики, шло на обман.

Такая деятельность в принципе не могла иметь отношения к научному труду, была противопоказана для ученых. Быстро сляпанное исследование, без надлежащих повторов и контролей и столь же спешно внедренное в практику, могло преподнести в будущем столько неприятных сюрпризов, отозваться в перспективе такими нежелательными последствиями, что лучше было удержаться от такого "героизма" в науке. Однако Лысенко и тут ловил рыбку первым и не мог устоять перед соблазном покрасоваться. Он включился в соцсоревнование, объявив об этом в газете "Правда", причем среди пунктов обязательств повторялось, что лысенковский институт берется получить по 50 тонн семян каждого сорта (33) и что арбитром выполнения соцсоревнований согласилась выступать "Правда". Посылая вызов Вавилову, который выведением сортов не занимался, Лысенко, наверняка, намеревался выставить его в черном цвете: что-де ты всё о селекции теории разводишь, а сам даже такой пустяковины сделать не можешь, как вырастить за год из пятисот зернышек пятьдесят тонн семенного зерна!

Но одним бахвальством не проживешь. Легкий успех, достигнутый при ручном выращивании сотни колосьев в тепличных ящичках, повторить не удалось. Когда наступил ноябрь, отчитываться было нечем: было заявлено, что всего получили не пятьдесят, а якобы около полутора десятков тонн (34). Сообщая об этом уже не в "Правде", а в "Известиях", Лысенко признал этот факт, но попытался увернуться от провала помпезно принятых на себя социалистических обязательств. Он, во-первых, выставил новое обещание -- получить до начала следующего года 22 тонны семян (тем самым размер непойманной жар-птицы уменьшался более, чем вдвое, хотя почему он был уверен, что соберет именно 22 тонны, не говорилось), а, во-вторых, он заявлял, что в принципе соцобязательства выполнены. Провал с получением 50 тонн преподносился как несомненный и неоспоримый успех, абзац на эту тему был даже набран жирным шрифтом:

"Так как выведение вышеозначенных сортов (1163, 1160 и 1055) имело основной целью практически проверить правильность теории стадийного развития как основы селекционной работы, то факт выведения на этой основе сортов яровой пшеницы для Одесской области говорит, что взятое на себя обязательство институтом выполнено" (35).

Вместо ответа по ранее взятым обязательствам, он теперь давал более залихватские обещания:

"Мы с июля 1935 г. ведем опыты по созданию путем скрещивания нового сорта пшеницы в

ОДИН год. Результаты будут известны летом 1936 года" (/36/, выделено мной -- В.С.).

Позже о сортах, выведенных за год, он не вспоминал, но нельзя не признать, что тактический выигрыш от горячечных заявлений был несомненен. Молчала о провале и "Правда" -- гарант и арбитр соцсоревнования. Главная задача -- вдалбливание в умы обывателей, что настоящие ученые ночей не спят, всё о благе народном пекутся, была выполнена, остальное же -- суета сует.

Провалилась и надежда на быстрое сортоиспытание этих "сортов". Выступая перед Сталиным в конце 1935 года, Лысенко выразился так, что его можно было понять однозначно: дескать, сортоиспытание -- этап пройденный: "...мы пропустили этот сорт через полевое машинное сортоиспытание" (37). Повторял он аналогичные заявления много раз (см., например,
/38/), в том числе и на протяжении 1935 года. Однако позже, 29 августа 1936 года, выступая на выездной сессии зерновой секции ВАСХНИЛ в Омске (39), и видимо нечаянно, он проговорился, что "сорт" или "сорта" никакого -- ни производственного, ни государственного -- испытания не прошли:

"В настоящее время три новых сорта [почему-то не четыре, а лишь три -- В.С.] мы считаем уже готовыми; в известной мере они уже и размножены... Они прошли двухлетнее полевое сортоиспытание. В 1935 г.... на небольших делянках, а в 1936 г. на нормальных по площади делянках в полевом сортоиспытании" (40).

(Отметим, что и здесь Лысенко старается завуалировать истинное положение вещей: то, что он называл "полевым сортоиспытанием", на самом деле было обычным размножением, предшествующим начальным этапам конкурсного испытания, а сортоиспытание на делянках -- вообще нонсенс).

С другой стороны, как ни превозносил он отменные свойства выведенных им "сортов", иногда и он нечаянно ронял слова об обуревавших его страхах, как это случилось во время встречи в Омске, когда он сказал:

"Лично меня, как одного из главных авторов данной работы, волновал вопрос -- останутся ли эти сорта, не ухудшатся ли они по сравнению с тем, что я наблюдал на делянках сортоиспытания в 1935 г.... Все время меня мучила мысль -- не случится ли это с нашими новыми сортами яровой пшеницы? Каждому ведь известны случаи, что многие сорта на делянках ведут себя прекрасно, но потом, при внедрении в производство, по каким-то неизвестным причинам оказываются негодными" (41).

Положим, такие казусы у настоящих селекционеров не могли случиться: для того и существовало многоступенчатое сортоиспытание на всё возрастающих площадях, чтобы исключить возможность выпуска на поля недоработанного материала. Поэтому, подводя базу под видимый ему провал своих "сортов", Лысенко, как говорится, "наводил тень на плетень". Наверно, потому и не спешил он передавать их в производство, зная им истинную цену, а всё время напирал на то, что они "ускоренно размножаются".

Из всех этих недоговорок и непроверенных обещаний вытекало, что в речи в Кремле Лысенко попросту обманул Сталина, когда расхвастался о своих успехах в селекции. Сталин, конечно, был рад узнать, что в его стране выведен выдающийся сорт, но те, кому доводилось присутствовать не на одном, а на многих выступлениях Лысенко, не могли не обратить внимания на то, как часто он противоречил сам себе. То говорил об одном, то о трех, то о четырех сортах и т. п., и против его воли, слушателям становилось ясно, что сорта эти

существуют только в его воображении.

Примеры несогласованности в цифрах, которые я находил, знакомясь с печатными материалами, выходившими под фамилией Лысенко (42), поражали меня еще по одной причине: в 50-е годы во время встреч с ним я не раз удивлялся блестящей памяти Трофима Денисовича, умению вспоминать дословно протяженные куски текста из любых его работ. Этим он потрясал меня в продолжение нескольких наших с ним многочасовых бесед. А ведь, наверняка, двадцатью годами раньше его память хуже не была. Можно дать только одно объяснение этим "оговоркам". Лысенко проникся психологией руководителей нового общества и утвердился в мысли, что выпуск в обращение фальшивых векселей ненаказуем, а, напротив, приветствуется. Поэтому он использовал любые способы привлечь внимание к своему безостановочному "подвигу", жаждал зажечь воображение верхов тем, что рождает новые приемы, выводит новые сорта, что сорта его прекрасны. На запоминающих все несовпадения коллег он не обращал внимания, так как убедился, что никакого реального вреда они ему принести уже не могут.

Он смелел в общении со Сталиным и использовал встречи для собственного выдвижения на роль истинного кормильца народного, прибегая при этом к любым эффектным ходам, пусть не имеющим ничего общего с наукой, но действовавшим на столь же далекого от науки Сталина безошибочно. Об одном ярком примере такого его поведения я услышал от профессора-химика Я.М.Варшавского:

"В 1937 году после ареста главного ученого секретаря АН СССР ("непременного секретаря", по тогдашней терминологии) Н.П.Горбунова, временное исполнение этих обязанностей было возложено на Владимира Ивановича Веселовского, тогда кандидата химических наук, работавшего в Институте им. Карпова. В один из первых же дней работы в новом качестве он был вызван в Кремль на совещание у Сталина по вопросу о срочном выходе из прорыва в обеспечении Москвы овощами. Был вызван из Одессы на это совещание и Т.Д.Лысенко.

Как водится, ученые (и в их числе проф. Лорх -- автор одного из лучших сортов картофеля) докладывали о мерах, которые они принимают или собираются предпринять. Неожиданно Сталин поднял с места Лысенко, попросив осветить положение с картофелем в Москве. Лысенко вышел, вынул из одного кармана несколько мелких картофелин, высыпал их на стол перед Сталиным и сказал, что вчера, не поленившись, съездил на поле Института картофельного хозяйства, где работал Лорх, и выкопал первый попавшийся ему на глаза куст, и вот какая мелочь оказалась на поле института. Затем он полез в другой карман, вытащил оттуда три больших картофелины, положил их также перед Сталиным и добавил: а вот такая картошка растет под любым кустом на его поле в Одессе.

Эффект от такой не имеющей касательства к науке выходки превзошел все ожидания. Сталин начал выговаривать ученым и потребовал, чтобы они срочно исправили свою работу, привели ее в соответствие с методами Лысенко" (43)2.

Аппетит приходит во время еды и, начав раздавать обещания по поводу выведения сортов, Лысенко никак не мог угомониться. С пшениц он перебросился на хлопчатник, и во время декабрьской встречи передовиков сельского хозяйства со Сталиным пообещал ему, что в том же темпе, за 2 года, решит и проблему выведения замечательного сорта хлопчатника, о котором Сталин мечтал. В марте 1936 года украинские власти организовали аналогичную московской встречу ударников села с руководством украинской компартии, и тогда Лысенко снова вернулся к вопросу о сорте хлопчатника (он говорил тогда по-украински, но центральные газеты напечатали речь по-русски):

"Если же я к весне не получу 40 кг семян нового сорта, то я не смогу дать к осени 5 т, а если так, то не выполню своего обещания, данного в Кремле товарищу Сталину. А вам известно из опытов пятисотниц, что если обещание дано партии и правительству, значит нужно его выполнить, иначе не будешь настоящим колхозником.

Г о л о с и з п р е з и д и у м а . Правильно. (Аплодисменты).

Л ы с е н к о . А я хотя и не колхозник, а рядовой ученый ...

Г о л о с и з п р е з и д и у м а . Вы в коллективе работаете.

Л ы с е н к о . Совершенно правильно. Так вот, если я не выполню задание, какое право я имею называть себя ученым?" (45).

Никаких сортов у него, разумеется, не получилось. Он еще несколько лет (вплоть до начала войны) продолжал упоминать о якобы размножаемых и всё еще доводимых до кондиций сортов яровой пшеницы, так и фигурировавших под четырехзначными номерами, но постепенно и в речах стал упоминаться только "сорт 1163", об остальных умалчивалось (46). Об этом "сорте" академики Константинов и Лисицын и профессор Дончо Костов писали:

"Зерно пшеницы 1163 слишком мучнисто и, по словам акад. Лысенко, дает плохой хлеб. Этот недостаток академик Т.Д.Лысенко обещает быстро исправить. Кроме того, сорт поражается и головней, Но если принять во внимание, что сорт селекционно недоработан, то-есть не готов и, кроме того, не прошел государственного сортоиспытания, то сам собою встает вопрос, для каких надобностей этот неготовый, неапробированный сорт размножается такими темпами. Едва ли семеноводство Союза будет распутано, если мы будем выбрасывать в производство таким анархическим путем недоработанные сорта, не получившие даже права называться сортом" (47).

Вердикт специалистов вскрывал также тот неприятный для Лысенко факт, что потуги его услужить властям, делом доказать правоту Постановления ЦКК и РКИ 1931 года, позорно провалились. Да и в постановлении речь шла не просто о быстрой селекции. Там указывалось, что свойства новых сортов должны быть лучше, чем у предшествующих. Ни одному из выставленных требований "сорта" Лысенко не отвечали.

"Шедевр" Лысенко так никогда и не был доработан. Это его детище не принесло пользы сельскому хозяйству, как, впрочем, не принесло и прямого вреда: сеять сорт не стали, а, значит, и убытков не понесли. Убытки были в другом: тактика обмана, фикции, имитации успехов, политического приспособленчества создала новую стратегию в науке. Исследования заменяла суетливая фальсификация под лозунгом борьбы за передовую советскую науку.

Неудача с летними посадками картофеля

Повернувшись лицом к Сталину, Лысенко произнес с кремлевской трибуны 29 декабря 1935 года:

"Я буду изо всех сил драться, чтобы иметь право в будущем году рапортовать товарищу Сталину, что все 16 тысяч колхозов юга Украинской ССР уже решили проблему преодоления вырождения картофеля" (48).

По картофельному вопросу даже разгорелась дискуссия. Лысенко, желая еще больше заинтриговать руководителей страны своими разработками в этой области, сказал:

"Я обращаюсь, товарищи, к представителям южных районов СССР со следующей просьбой: расскажите наибольшему числу колхозников... о мероприятии летней посадки картофеля. Если на будущий год мы с вами по-настоящему возьмемся за дело, мы сумеем обеспечить весь юг Украины посадочным материалом" (49).

Тут из президиума раздался вопрос: "Заволжью поможете?" Лысенко ответил хитро:

"Поможем, но в 1936 году, к сожалению, еще немного. В районах Казахстана, Туркестана и других мы сможем развернуть массовые опыты только в 1937 году. Мы работаем в Одессе, дальность расстояния... является большим тормозом. Если вы найдете нужным, то я перееду туда работать. В этих районах своя специфика. По одной написанной инструкции этого дела не сделаешь, нужно самому посмотреть, проанализировать конкретные условия. Мы и не решаемся пока развертывать там массовые опыты" (50).

Из президиума снова раздался голос -- теперь одобрения такого подхода:

"Правильно!"

Однако, несмотря на готовность Лысенко переехать куда-угодно (а, может быть, он намекал, что ему в Одессе уже неуютно и тесно, и пора его перебазировать в какое-нибудь местечко получше), летние посадки картофеля не приобрели популярности. Ни на юге Украины, ни в других регионах страны с теплым климатом, сколько Лысенко не обещал, какие распоряжения не поступали сверху, летние посадки себя не оправдали: урожаи оказались низкими, причем скрывать это дальше стало невозможным. Надо было давать хоть какое-то объяснение, и Лысенко решил, что виновных в случившемся надо искать вне стен его института:

"В этом году плохой урожай картофеля не потому, что была засуха, а потому что поле засадили всяким сборным материалом с урожая летних посадок прошлого года" (51).

Но ведь раньше было торжественно провозглашено, что любой картофель станет оздоровленным и высокоурожайным, как только пройдет чрезвычайно полезную процедуру летних посадок, улучшающую даже наследственность. При чем же тут "всякий сборный материал"? Лысенко и здесь ищет руку врага:

"... посадочный материал из урожая летних посадок 1936 года во многих колхозах был разбазарен и не оставлен на семена только потому, что кому-то захотелось, чтобы колхозы не имели посадочного материала, а отсюда, конечно, и хорошего урожая... Картофелем уже можно было завалить юг, но, к сожалению, мы этого еще не добились" (52).

Не упустил он возможности кинуть камень и в огород ученых, не воспринимающих безоговорочно эту его новинку. Он зачислил в разряд ретроградов тех академиков и сотрудников аппарата президиума ВАСХНИЛ, которые, по его мнению, "по долгу службы знают, что это дело должно быть в их ведении (с какой стороны -- это другое дело)" (53), но мешали продвижению яровизации в практику и теперь препятствуют летним посадкам.

Между тем, несмотря на провал, Совет Народных Комиссаров отверг в приказном порядке все сомнения. 3 февраля 1937 года газета "Известия" опубликовала специальное постановление правительства СССР "О летних посадках картофеля по методу академика Т.Д.Лысенко", в котором говорилось: "Обязать Совнарком УССР с 1938 года прекратить в

южной части Украинской ССР посевы картофеля вырожденными семенами и целиком перейти на посев картофеля невырожденными семенами"3. Это постановление выполнено не было. Вот, что писал сам Лысенко 1 апреля 1938 года:

"Для осуществления этого постановления в 1937 г. под летние посадки на Украине было запланировано 53 тысячи га. Фактически же было посажено 1...3 га, что составляет 25% к правительственному заданию" (55).

На следующий год правительство СССР, опасаясь, видимо, нереальности раздутых Лысенко цифр, было вынуждено сократить план и в очередном постановлении "О мерах по повышению урожайности картофеля в 1938 году", принятом 19 марта 1938 года, план был снижен до 49,8 тысяч га. Чтобы мероприятие не сорвали и на этот раз, в важном государственном документе для каждой области Украины теперь был задан объем посевов, записанный отдельной строкой. Но и скорректированный план остался невыполненным. Уже после войны Лысенко признал, что к 1940 году, по его собственным подсчетам (а мы уже знаем его страсть к завышению результатов) в стране было всего 7,3 тысячи гектаров летних посадок (56). Выяснились также многие нежелательные стороны этого "чудодейственного" агроприема:

"... летом сажать картофель под плуг [как это делали и делают повсеместно и в России и на Украине -- В.С.] нельзя, необходимо сажать под лопату, а лучше специальной картофелесажалкой, сконструированной специалистом Института селекции и генетики А.И.Нижняковским при участии А.М.Фаворова", --

пишет Лысенко в апреле 1938 года (57), так как сажалка эта "не иссушает почву". Но вот вопрос: а где её взять? И сколько она будет стоить? И где гарантия ее хорошей работы? Сажать же под лопату означает в десятки раз увеличить затраты ручного труда. Кроме того:

"Сразу же вслед за посадкой поле необходимо забороновать: ни в коем случае нельзя допускать глыбистой поверхности почвы, так как это приведет к чрезмерному и быстрому ее иссушению, а в практике летних посадок 1937 года были случаи, когда из-за непроведенного рыхления почвы последняя изобиловала трещинами, что чрезмерно иссушало ее, и в результате был получен низкий урожай" (58).

Как видим, он окружает свое предложение многими ограничениями, условиями, которые могут якобы повлиять на урожай при летних посадках, тем самым снимая с себя вину и перекладывая ее заранее на "плохих" исполнителей его несомненно правильной идеи! И, наконец, Лысенко дезавуирует свое же прежнее заявление, сделанное им в "Правде" 27 июня 1937 года, что клубни от летней посадки "значительно лучше переносят зимнее хранение и до самой весны не прорастают". Известно, что гниение картофеля во время зимнего хранения в основном обусловлено зараженностью клубней бактериями, грибами и вирусами. Лысенко же всё время оспаривал роль вирусов, потому и писал в "Правде" о замечательной сохранности клубней, выращенных летом и осенью. И вдруг менее чем через год выясняется, что картофель, полученный по его методу, гниет даже сильнее, чем обычный. Естественно, Лысенко не признает ошибочности своих предпосылок, а находит "косвенную" причину: оказывается, кожура картофеля от летних посадок слишком тонка, легко повреждается, поэтому "нужно организовать копку так, чтобы вывернутые клубни могли быть обветрены в течение получаса, и, во-вторых, избегать лишнего перебрасывания клубней из корзины в корзину" (59). Тем самым хлопоты с хранением такого картофеля возрастают. Лысенко предлагает закладывать его в специальные траншеи глубиной 1,2 м и шириной 1,5 метра, пересыпая слой картофеля слоем земли. Во сколько раз возрастет при этом стоимость картофеля, и кто будет рыть эти могилы, академик предпочитает умалчивать.

5 мая 1939 года ему приходится очередной раз давать отбой. В газете "Соцземледелие" он публикует статью "О хранении картофеля в траншеях с пересыпкой земли", где сообщает о массовом гниении клубней теперь уже в траншеях и предлагает срочно, немедленно -- вскрыть траншеи, заложенные по его рекомендациям осенью 1938 года,

"тщательно просмотреть траншеи с картофелем и во всех случаях, где началось массовое прорастание клубней, немедленно вынуть их из траншей, обломать ростки и поместить клубни в подвалы или сараи, защищенные от прямых лучей солнца. Картофель, начавший сильно прорастать, ни в коем случае нельзя оставлять в траншеях" (60).

Лысенко спешит предупредить, что вынуть из траншей нужно и тот картофель, "верхние слои которого убиты морозом". Но и всё, что осталось целым и невредимым, тоже не следует хранить дольше 15 мая. За два месяца до летних посевов все клубни (вопреки тому, что утверждалось раньше) должны быть из траншей удалены. Возникал вопрос, кто же такую работу осилит: по штучке, по картофелине всё перебрать и отсортировать, да еще не из корзин или буртов, а из уходящих на рост человека в землю траншей, где картошка пополам с землей перемешана! На эту тему Лысенко советов не давал. Его заявление в центральной печати было равносильно саморазоблачению. Никакого оздоровления летние посадки не принесли, никакой комплекс мер против гниения создан не был. Конечно, не от хорошей жизни пришлось Лысенко идти против своих же слов: просто гибель картофеля приняла катастрофический характер.

Итак, очередной "подарок" колхозного академика не принес ничего, кроме вреда. Летние посадки картофеля быстро свернули. Хотя Лысенко продолжал и позже твердить: "Летние посадки картофеля я считаю блестящим достижением советской агрономической науки" (61) и даже пытался гальванизировать этот труп, вставив в постановление "О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период", принятое на февральском пленуме ЦК ВКП(б) в 1947 году, фразу о необходимости возобновить летние посадки (62). Записать -- партийные лидеры записали, а сажать картошку таким методом никто не стал. Нелепость очередного агрономического "чуда" специалистам была ясна (63).

В ответ на научную критику Лысенко публично оскорбляет Вавилова

Нельзя не признать, что Лысенко, в общем, везло в жизни. Он как в сорочке родился. И всё шло стремительно, ярко, без сучка и задоринки. Не понимал он лишь одного: что все его идеи, все предложения, такие ему близкие и понятные, всё больше и больше входили в противоречие с законами и фактами науки, рождали у специалистов, а не у дилетантов, коими он себя окружил, недоумение, а чем дальше -- и раздражение.

Конечно, и генетики, и селекционеры, и сам Вавилов пытались поправить Лысенко, обращались к нему с предложениями, делаемыми в мягкой интеллигентной форме. Не нашлось смельчака, который бы должным образом, с фактами в руках, публично отхлестал зарвавшегося нахала, еще лучше в присутствии Сталина, а только это и могло отрезвить Лысенко, заставить его задуматься над своими шагами. Многие уже боялись его. Все-таки сказанные Сталиным слова "Браво, товарищ Лысенко, браво" значили очень много. Рядясь в тогу новатора, приписывая себе роль народного спасителя и радетеля о хлебе насущном, Лысенко преуспевал в другом -- он заинтриговывал своей персоной власти, и они стояли за него горой, считали своим, передовиком--стахановцем. Мешать же стахановцам, спорить с ними было уже небезопасно. Не зря "Правда" предупреждала: "Люди, не помогающие стахановцам -- не наши люди" (64)4. Тем более, что все знали: "Кто не с нами -- тот против нас!" Понимая это, никого слушать дважды академик Лысенко не просто не хотел, он терял

всякую сдержанность и после увещеваний переходил в контрнаступление. А поскольку научных фактов в распоряжении не было, поскольку его теоретических разработок, кроме нелепых выдумок, также не существовало, то в ход пошли брань и оскорбления. Он час от часа наглел, матерел и ощетинивался.

В речи, произнесенной 25 февраля 1936 года, он обратился к подобному стилю полемики, обвинив Вавилова в намеренном обмане читателей в книге "Научные основы селекции пшеницы", где Вавилов коснулся вопроса взаимоперехода яровых и озимых хлебов. Лысенко сделал особенно резкое и рассчитанное на то, что никто его не проверит, заявление:

"Приведу другой пример из литературных источников. Николай Иванович пишет: "Маркиз, являющийся яровым сортом в Канаде и у нас, в Аргентине рассматривается как озимый сорт. Я уверяю, а кто не верит -- пусть проверит посевом, что Маркиз при весеннем посеве в Аргентине всегда будет яровым, то-есть будет выколачиваться.

Дальше Николай Иванович по литературным источникам указывает, что в опытах Чемряка озимый образ жизни является доминантом, а яровой рецессивом. Я также уверяю, что это неверно. Я НЕ ГОВОРЮ, ЧТО У ЧЕМРЯКА ТАК НЕ БЫЛО. Я ТОЛЬКО ГОВОРЮ, ЧТО НИ У КОГО В БУДУЩЕМ ТАК НЕ БУДЕТ" (/65/, выделено мной -- В.С.).

Можно было подумать, что он не отвечает за свои слова, не соображает, что Вавилов -- это кладезь знаний, и просто так, за здорово живешь, обвинять его во лжи, по крайней мере, несерьезно5. Но это было бы самое поверхностное, самое неверное объяснение, тем более, что несколькими минутами раньше Лысенко сказал:

"Мне могут здесь возразить, что ведь Н.И.Вавилов и целый ряд других товарищей возражает не так себе, зря, свои возражения они обосновывают, подкрепляют огромным литературным материалом. Это так. Против этого я не собираюсь возражать. Как никто, я признаю, что акад. Вавилов в десятки раз знает больше в сравнении со мной и фактическое состояние селекционной работы во всем мире, и мировую литературу" (66).

После этого "реверанса" он продемонстрировал, что его грубые выпады хорошо продуманы, и что у него есть "философские" обоснования столь нехорошего изъяна в поведении Вавилова. Обоснование это опять несло на себе социальный налет -- дескать, то, что знает Вавилов, нам классово чуждо, мы печемся о другом благе, о колхозно-совхозной науке, и твердо верим в свою единственно правильную линию. Вавилов опирается лишь на данные буржуазной науки. Мы же делаем новое революционное дело, для которого ни прототипов не существует, ни законов еще нет, утверждал Лысенко. Поэтому не следует обращать внимания на слова Вавилова, как и не стоит бояться противоречий со всей генетической литературой (67). Высказал он и еще одну причину расхождений с наукой. Оказывается, "старой науке было невыгодно это признавать", да к тому же представители старой школы не имели, дескать, той революционной смелости, которая присуща ему и его сторонникам:

"Чем это объяснить? Я лично объясняю это только тем, что... если признать наши теоретические установки, ...то тогда получится много противоречий между обычными генетическими установками и положениями, вплоть до таких вещей, как определение количества генов, "управляющих" тем или иным признаком.

Другими словами, если генетику-морганисту признать наши теоретические положения, то ему придется все свое мышление о наследственной основе растительных форм перестраивать" (66).

Так, витийствуя, он брал на себя уже функции ментора, поучал и Вавилова, и других ученых (в этом же выступлении он признал, что "большинство академиков и специалистов" разделяют точку зрения Вавилова). То обстоятельство, что за каждым теоретическим положением, развитым в науке, стояли сотни и тысячи опытов, а за его "законами" не было и одного строго поставленного,его не заботило. А поскольку противопоставить генетикам научные аргументы, поспорить с ними на равных он был неспособен, то оставалось лишь одно: всю генетику объявить неверной и только мешающей формированию науки колхозно-совхозной.

И все-таки пришел конец терпению ученых. В конце августа 1936 года в Омске была запланирована очередная встреча крупных специалистов в области зернового хозяйства. На этот раз руководители ВАСХНИЛ и ведущие специалисты-зерновики намеревались обследовать посевы другого чудодея -- Николая Васильевича Цицина -- и обсудить еще раз стратегию в области селекции зерновых культур. Поехал в Омск и Лысенко, взяв с собой в качестве сопровождающего Ивана Евдокимовича Глущенко6 . По приезде Лысенко был тепло встречен Вавиловым, они пошли вместе осматривать поля -- Лысенко теперь усвоил правило: ходить только с китами науки или с вождями, раз и он стал китом (шутка ли, академик двух академий). Они беседовали с Вавиловым мирно, даже дружески. Похоже, и Вавилову это нравилось (70).

Однако, стоило начаться научным дебатам, как опять возник спор о правомерности предложений Лысенко, о его завихрениях относительно законов генетики и методах получения гибридов, и тут все миролюбие Лысенко испарилось. В ответ на очередные спокойные замечания Вавилова, ссылки на мировую литературу, он, разъярившись, решил отвечать уже иначе: стал открыто приписывать Вавилову то, что никак не было тому присуще, -- обвинять в том, что Вавилов склонен намеренно искажать истину:

"Приводить же такие примеры, "опровергающие" выявленную нами закономерность развития гибридных растений..., какие нередко приводит Н.И.Вавилов, это значит вводить в заблуждение аудиторию... Разберем его пример со льном... вся беда в том, что этого явления, НА МОЙ ВЗГЛЯД, у Н.И.Вавилова не было, хотя он и утверждает, что это ЕГО ОПЫТ, и ОН САМ, СВОИМИ ГЛАЗАМИ ЭТО ВИДЕЛ" (/71/, выделено мной -- В.С.).

Прозвучали из его уст во время этого выступления слова еще более злые:

"До последних дней акад. Н.И.Вавилов, и проф. Карпеченко, и ряд других голо, беспринципно отвергают выявленную нами (Лысенко, Презент) основную закономерность развития гибридов" (72).

Понимал ли Лысенко, чей лексикон он принес на заседание академиков? Можно ли было оскорбить и даже унизить ученого сильнее? Ведь он пытался обвинить Вавилова в отсутствии принципов, в подтасовке данных, на что ни один ученый и просто умный человек не пойдет, ибо знает, что наука -- это повторение, воспроизведение твоих же данных идущими за тобой последователями, разрабатывающими на базе твоих данных новые вопросы. Ошибись намеренно один раз -- и больше тебе никто никогда не поверит.

Однако Лысенко, уже привыкший к тому, что все его раскладки ВСЕГДА подтверждались анкетами, присланными из колхозов, похоже, сам уверовал в свою непогрешимость и не видел ничего сверхъестественного в таком подходе.

Идея о том, что Вавилов -- книжный человек, который толком практики не знает, в экспериментах сам лично не участвует, а потому и не понимает, что правда, а что вымысел,

засела в его мозгу, и он теперь часто прибегал к такому оскорбительному стилю реплик.

Дискуссия в ВАСХНИЛ в 1936 году

Многие ведущие специалисты, возмущенные нигилистическим отношением лысенкоистов к законам науки, потребовали провести дискуссию в рамках ВАСХНИЛ по генетике и селекции. Подготовка к сессии началась загодя. Были написаны статьи и оппонентами Лысенко, и его сторонниками (73). Большую их часть (правда, с купюрами) опубликовали в журнале "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства" и в виде двух отдельных книг: "Сборник дискуссионных статей по вопросам генетики и селекции" (опубликован в 1936 году) и "Спорные вопросы генетики и селекции" (вышел в 1937 году). Помещенные в них статьи свидетельствовали, что на грядущей сессии ВАСХНИЛ (с 1935 года, когда Муралов сменил Вавилова на посту Президента, это была IV сессия ВАСХНИЛ) ожидаются бурные дебаты.

Надо сделать небольшое отступление от рассказа собственно о сессии, чтобы пояснить шаги Вавилова перед её началом. Это была последняя сессия, на которой Вавилов играл еще сколько-нибудь заметную роль как руководитель ВАСХНИЛ: он еще оставался вице-президентом и вместе с другими вице-президентами готовил сессию, хотя решающей роли в руководстве самой дискуссией уже не играл (Г.К.Мейстер исполнял партию первой скрипки в новом оркестре под руководством дирижера Муралова).

Эта дискуссия, по-видимому, была очень важна для Вавилова в чисто личном плане. До дебатов он еще сохранял веру в то, что Лысенко неплохой практик, просто не разбирающийся в теории, к тому же окруженный самоуверенными политиканами типа Презента, и что, если хорошенько ему всё объяснить, привести научно проверенные и неопровержимые факты правоты генетических выводов, то он, Лысенко, конечно же, всё поймет и с радостью примет. После сессии Вавилов начал острожно, а потом и более решительно отходить от веры в "хорошего практика Лысенко". О вере Вавилова в возможность обучения Лысенко рассказала 27 января 1983 года на заседании памяти Н.И.Вавилова член-корреспондент АМН СССР Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская. По ее словам, Вавилов до конца 1936 года твердил своим ученикам и коллегам о необходимости терпеливо и целенаправленно объяснять Лысенко его заблуждения.

Характерным было поведение Вавилова перед подготовкой к сессии ВАСХНИЛ 1936 года. Вавилов поручил Герману Мёллеру (будущему Нобелевскому лауреату)7 , работавшему тогда в вавиловском институте в Москве, подготовить вместе с Прокофьевой-Бельговской специальные микроскопические препараты, отражающие важные события из жизни хромосом с тем, чтобы показать их перед началом сессии Лысенко и также сделать красочные картинки на бумаге с пояснениями, чтобы любой человек, посмотрев в микроскоп и увидев препараты с настоящими хромосомами, а затем познакомившись со схематическими упрощенными картинками и прочтя пояснительный текст к ним, мог воочию убедиться в том, как это всё точно соответствует представлениям генетиков.

На приготовление препаратов клеток с нужными сочетаниями хромосом ушло много времени, но и Мёллер и работавшая с ним Прокофьева-Бельговская выполнили просьбу Вавилова: всё было готово к сроку. В фойе здания, где проводилась сессия, установили столики с микроскопами, рядом с ними разложили картинки.

Первым пришел сам Николай Иванович и долго, придирчиво изучал препараты и пояснения, после чего удовлетворительно изрек:

"Ну вот, наконец-то, всё совершенно ясно. Теперь мы сможем им все объяснить!"

Затем столь же придирчиво осмотрел
 экспозицию также пришедший заранее Николай Константинович Кольцов. И ему всё очень понравилось.

Лишь перед самым началом заседания в фойе появились Лысенко с Презентом и другие "мичуринцы". Конечно, Вавилову было неудобно сказать Лысенко -- академику и директору института, что весь этот ликбез был устроен специально для него. Поэтому Николай Иванович, поздоровавшись, деликатно сообщил, что вот здесь его коллеги приготовили любопытные препараты хромосом с пояснениями, и пригласил познакомиться с ними.

Лысенко и Презент от осмотра не отказались: не сняв длиннополых плащей, они присаживались боком к микроскопам, бросали беглый взгляд на пояснительные картинки, неумело тыкались глазом в окуляры микроскопов и быстро переходили к следующим микроскопам.

На весь осмотр не ушло и пяти минут. Дружно хмыкнув, лысенковская компания покинула фойе. Никакие препараты и доказательства их не смутили. Им заранее всё было ясно. В полемике с генетиками они использовали другие аргументы и руководствовались другими целями.

Сессия открылась в декабре 1936 года и с самого начала превратилась в арену настоящей борьбы. В течение полутора недель генетики и в их числе Мёллер и ведущие селекционеры страны выступили против лысенкоизма в целом -- и убожества их теоретической мысли и преувеличений своих практических успехов. Сообщения о выступлениях на сессии ежедневно комментировали главные газеты страны, на ней присутствовал зав. отделом науки К.Я.Бауман, который даже выступил, призывая ученых спорить и искать истину в открытых и честных дискуссиях8 .

Логически свою оборону (а уже приходилось обороняться под напором партийной прессы, дружно нападавшей на "бесплодных" генетиков и превозносившей огромную пользу от "мичуринцев") биологи построили разумно. Главные теоретические доклады должны были сделать трое: Вавилов о генетике растений, Серебровский -- о генетике животных, Мёллер -- о теоретической генетике. Затем должны были выступить другие биологи, на частных примерах показав силу методов науки и ее результативность.

Вавилов в своем докладе, помимо детального рассказа об успехах генетики растений, указал на недопонимание лысенкоистами основ науки, привел примеры огромного вклада науки в практику, а генетики в особенности, в развитие селекции. В сущности о том же говорил и Серебровский, который в длинном выступлении постарался доказать, что успехи генетики неоспоримы, что, несмотря на свою сугубую теоретичность, она уже дала много практике и станет настоящей золотой жилой в будущем. Но оба докладчика будущее не определяли завтрашним днем, трезво осознавая, что между раскрытием основных закономерностей и приложением их к селекции еще немало работы. За это и ухватились многие из стана Лысенко. Вот видите, говорили они, обращаясь к широким кругам и в данном зале, и за его стенами, генетики только обещают будущий прогресс, но не дают ничего для сегодняшнего и даже завтрашнего дня. А мы ждать не можем. Как сказал Цицин:

"... ведь в этом гвоздь спора, так как Т.Д.Лысенко доказывает, что генетика в современном состоянии своего развития отстает на несколько лет от быстро растущей, социалистической действительности" (74).

Особое значение могло иметь выступление Германа Мёллера, в котором он рассказал о факторах наследственной изменчивости (генах), о природе мутаций (именно за открытие искусственного вызывания мутаций он получил позже Нобелевскую премию) и темпах мутирования. Конечно, и сама генетика была наукой сложной, и рассказ Мёллера получился далеко не простым, но все-таки он содержал важные указания на нереальность надежд менять гены запросто, по желанию экспериментатора и простым изменением окружающей среды. Именно этот аспект больнее всего задел лысенковцев, и мы увидим, как они принялись нападать на своего американского коллегу.

Н.К.Кольцов, также бывший академиком ВАСХНИЛ, обратился и к лысенкоистам и к их оппонентам с призывом более глубоко вникать в исследуемые вопросы, повседневно учиться, стремиться к познанию истины, а не к жонглированию словами. Кольцов не пощадил самого Вавилова, сказав ему следующее:

"Я обращаюсь к Николаю Ивановичу Вавилову, знаете ли вы генетику, как следует? Нет, не знаете... Наш "Биологический журнал" вы читаете, конечно, плохо. Вы мало занимались дрозофилой, и если вам дать обычную студенческую зачетную задачу, определить тот пункт хромосомы, где лежит определенная мутация, то этой задачи вы, пожалуй, сразу не решите, так как студенческого курса генетики в свое время не проходили" (75).

Кое-кто из генетиков поступил иначе. Так, Н.П.Дубинин называл ошибки Лысенко заблуждениями и утверждал, что они временны и случайны, так как обусловлены чересчур большим доверием к Презенту, который, собственно, и ответственен за все ошибки своего патрона. Такими речами Дубинин оказывал дурную услугу своей науке. Еще более неприятным было то, что он укорил своих собратьев по науке (главным образом, своих учителей -- Кольцова и Серебровского) за их, как он выразился, "грубейшие, реакционные ошибки... подчас дискредитирующие науку" (76) и находил ошибки (как он выразился -- "элементы лотсиантства") даже в вавиловском законе гомологических рядов. Как показало время, эта позиция Дубинина не была быстро преходящим "грехом молодости"9. Много лет спустя Дубинин вернулся к сессии ВАСХНИЛ 1936 года и повторил дифирамбы в адрес Лысенко, но раскритиковал генетиков:

"Итак, доклады Н.И.Вавилова, А.С.Серебровского и Г.Г.Мёллера на дискуссии не содержали новых идей ни в теории, ни в практике, не указывали путей прямого, быстрого внедрения науки в производство. Выступления этих лидеров опирались на прошлое генетики.

Другой характер имел доклад Т.Д.Лысенко... Он атаковал своих противников с новых позиций, выдвинул несколько принципиальных идей в свете своей теории стадийного развития растений, указал на необходимость пересмотра научных основ селекции, развернуто ставил вопрос о связи науки с производством.

Очевидно, что в этих условиях общественное звучание позиции Т.Д.Лысенко было предпочтительным. Надежды на успех от применения науки в сельском хозяйстве начали связываться с его предложениями. Дискуссия значительно ослабила позиции Н.И.Вавилова и А.С.Серебровского" (77).

Михаил Михайлович Завадовский (он исполнял обязанности вице-президента) -- ведущий в мире специалист в области эмбриологии и индивидуального развития, выступив на сессии, отметил" низкий уровень, на котором ведут свои нападки Лысенко и Презент" (78).

"Язык Щедрина, к которому прибегает Презент, -- сказал он, -- используется тогда, когда

нужно убить, а не тогда, когда хотят исправить" (79).

(Это было заявлено смело: не следует забывать, что Сталин тоже говорил и писал в том же презрительно-саркастическом тоне и частенько прибегал к цитированию Салтыкова-Щедрина с теми же целями). Одновременно Завадовский осудил несерьезное отношение многих генетиков к ошибкам Лысенко, видевших в них несущественные и неопасные выкрутасы безграмотного агронома. Завадовский звал генетиков к внимательному анализу именно генетических ошибок Лысенко, к предметному и детальному их разбору, к их публичному, а не кулуарному, как это нередко бывало, развенчанию. Он сказал:

"Генетик, видя в выступлениях своих оппонентов ворох нелепостей, готов пройти с миной пренебрежения к дискуссии, даже мимо того, к чему едва ли он должен и может относиться снисходительно" (80).

Помимо этого с докладами на сессии выступило еще несколько ученых на стороне генетики (Сапегин, Жебрак и другие).

Некоторые же специалисты, прилично разбиравшиеся в генетике, решили, что не объявить публично о своем признании правильности основных положений Лысенко в складывающихся обстоятельствах -- уже небезопасно. Особенно отчетливо это прозвучало в выступлении родного брата Завадовского -- Бориса Михайловича, также академика ВАСХНИЛ, выразившегося весьма категорично:

"Я должен прежде всего выразить свое восхищение той силой, с которой академик Т.Д.Лысенко поставил ряд кардинальных вопросов... Я считаю также необходимым разрушить миф-легенду о "вандалах", якобы поставивших своей задачей разрушить генетическую науку и не знающих ее ценности. Необходимо дать категорический отпор всем попыткам... изобразить атаку тов. Лысенко на некоторые каноны классической генетики как проявление "невежества, незнания основ этой науки"" (81).

В согласии с таким заявлением Б.М.Завадовский не удержался от критики выступавших до него Вавилова, Серебровского, Мёллера, своего брата и других, обвинив их в разработке проблем, далеких от нужд практики.

Выступление Бориса Михайловича отражало то, с чем много раз в истории сталкивались люди: с раздвоением сил в обществе, с отходом грамотных людей -- даже из одной семьи -- к разным полюсам. За два десятилетия до этого выходцы из одних семей нередко оказывались по разные стороны баррикад, одни шли в Белую армию, другие в Красную, одни сохраняли веру в идеалы самодержавия, другие со всей страстью вставали на сторону большевиков. Это не было чисто русским феноменом, такое поведение свойственно людям во всех странах, на всех континентах, во все времена. Это же произошло здесь, когда два брата выступили антиподами друг друга. (Забегая вперед, нужно, правда, сказать, что когда пришел 1948-й год, Борис Михайлович больше не шел на поводу у лысенковцев, а мощно выступил против них).

Проявилось на этой сессии и еще одно важное для оценки морального климата в советской науке положение. Не только братья Завадовские оказались по разные стороны научных "баррикад". Открыто разошлись между собой Вавилов и Кольцов. Конечно, можно и по сей день услышать, что, высказав публично осуждение плохого знания Вавиловым генетики, Кольцов нанес ему удар в спину. Но если вспомнить, сколько раз Вавилов публично превозносил полуграмотного Лысенко, как он настойчиво протаскивал его в члены-корреспонденты, академики, лауреаты, можно понять понять досаду образованных генетиков и прежде всего лидера биологов Кольцова. Мы увидим

ниже, что даже сразу после этой сессии, когда Кольцов обратился к Президенту ВАСХНИЛ Муралову с письмом, осуждавшим поддержку лысенковщины и требовавшим принять резолюцию против лженауки, Вавилов в беседе с Кольцовым с глазу на глаз согласился с его оценкой, а при открытом голосовании предпочел уклониться от резолюции, предложенной Кольцовым.

Громадное значение должно было быть обращено на участие в дискуссии признанных лидеров советской селекции и агрономии. Почти единодушно эти специалисты подвергли критике безоглядное распространение яровизации, которую лысенкоисты старались внедрить во всех земледельческих зонах, во всех хозяйствах, со всеми культурами. Лисицын, на заре яровизационной кампании положительно расценивший желание Лысенко ускорить созревание злаков, теперь просто высмеял бахвальство яровизаторов, сказав:

"Мы сейчас не имеем точного представления о том, что дает яровизация. Академик Лысенко говорит, что она дает десятки миллионов пудов прибавки. В связи с этим мне приходит на память рассказ из римской истории. Один мореплаватель, перед тем как отправиться в путь, решил принести жертву богам, чтобы обеспечить себе счастливое возвращение. Он долго искал храм, где было бы выгоднее принести жертву, и везде находил доски с именами тех, кто принес жертву и спасся. "А где списки тех, кто пожертвовал и не спасся? -- спросил моряк жрецов. -- Я хотел бы сравнить милость разных богов".

Я бы тоже хотел поставить вопрос академику Лысенко -- вы приводите урожаи в десятки миллионов пудов. А где убытки, которые принесла яровизация?" (82).

Академик Константинов оперировал уже упоминавшимися данными многолетней проверки яровизации. Его цифры были столь показательными, что даже газета "Правда" была вынуждена сообщить в информационной заметке о сессии:

"Академик Константинов считает, что яровизация не является универсальным агроприемом... Число случаев понижения урожаев из-за яровизации не так уж мало, чтобы ими можно было пренебрегать" (83).

Но приводились эти слова в "Правде" походя, скороговоркой, без комментариев (чтобы сохранить видимость объективного изложения основных событий на сессии). Складывалось впечатление, что к словам крупнейшего селекционера ни в Наркомземе, ни в ЦК партии прислушиваться не собирались10 . А между тем Константинов, которого по праву можно было назвать кормильцем народным, держал речь спокойно, вовсе и не стремился обидеть или принизить Лысенко. Закончив анализ яровизации, он остановился на ошибках Лысенко в вопросах семеноводства, объяснил, почему "брак по любви" нельзя применять на практике, почему нападки на метод близкородственного скрещивания (инцухт-метод) неверны (85). Он сказал:

"Если бы акад. Лысенко уделял больше внимания основам современной генетики, то его работа была бы во многих отношениях облегчена. Многие явления, над которыми акад. Лысенко ломает голову, придумывая для их объяснения разные теории ("брак по любви", "мучения", "ген-требование" и т. д.) современной генетикой уже научно объяснены. Отрицая генетику и генетические основы селекции, акад. Лысенко не дал генетике взамен ничего теоретически нового... Большое недоумение вызывает несерьезное отношение акад. Лысенко не только к генетике... Отрицание существования вирусов [имеется ввиду многократно повторенное Лысенко утверждение, что в падении урожаев многих культур, особенно картофеля, вирусы никакого значения не имеют, а все это обусловлено "вырождением крови" растений -- В.С.]... едва ли послужит интересам науки в нашей стране, тем более, что мы и

так отстали в этой области" (86).

Аналогичным было выступление другого выдающегося селекционера А.П.Шехурдина. Его критика оказалась настолько серьезной, что "Правда" в том же репортаже с сессии была вынуждена отвести два предложения изложению взгляда этого ученого:

"Одним из первых выступает доктор сельскохозяйственных наук орденоносец Шехурдин (Саратовская селекционная станция). Он утверждает, что экспериментальные работы, проводившиеся несколько лет в Саратове, не подтверждают учения акад. Лысенко о вырождении сортов в результате самоопыления" (87).

Еще более резко прозвучали слова одного из руководителей сессии вице-президента ВАСХНИЛ Мейстера (88), высказавшего несогласие с центральным положением, развиваемым Лысенко и Презентом, о том, что практика социалистического строительства будто бы диктует необходимость отмены "старых" -- буржуазных наук, только вредящих делу социализма, и замены их новыми науками. "Та позиция, которую заняли т. т. Презент и Лысенко в отношении современной науки, совершенно непонятна и не соответствует философии пролетариата", -- сказал Мейстер (89). Правда, тут же он добавил: "Этим мы, конечно, ни в коей мере не склонны умалять значения открытий Лысенко". Особо выделив генетику как науку, играющую первостепенную роль в качестве непременной теоретической основы селекции, Мейстер заявил, что неудачи Лысенко с выведением сортов, с работой по инцухту обусловлены именно тем, что Лысенко не взял на себя труда изучить генетику:

"На Одесской станции ничего не получается с инцухтом. Но в этом еще большой беды нет. Надо разобраться в причинах неудачи, познакомиться с вопросами инцухта в литературе. Все же у генетиков и селекционеров есть чему поучиться" (90).

Особенно резко звучали фразы из заключительной части его выступления:

"...в статье "Возрождение сорта" Лысенко всю современную экспериментальную работу с хромосомами старается представить в смешном виде. Но, читая эти строки, действительно становится смешно, но не по поводу генетики, а по поводу того легкого отношения к науке, которое проявляется, притом без всякой застенчивости.

...зачем же свои неудачи возводить в принцип и дезорганизовать селекционеров, наиболее опытные из которых все равно с вами, Лысенко, не согласятся... Нельзя, конечно, запретить Лысенко и Презенту писать о чем и как угодно, поскольку подобные статьи находят себе место в печати. Но совершенно непонятно, как в официальном органе НКЗ Союза могут помещаться статьи, дезорганизующие селекцию и семеноводство.

Пора бросить дезорганизацию семеноводства. Пора добиться того, чтобы декреты о семеноводстве и правила, установленные для последнего, проводились заморганами в жизнь. Тогда исчезнет и вырождение сортов, наступит конец беспринципной демагогии, и поля наши покроются лучшими селекционными сортами, как это уже имело место в прошлом в некоторых наших краях и областях" (91).

Казалось бы ответить на прозвучавшую критику со стороны и чистых теоретиков-генетиков и ученых-селекционеров, при отсутствии практических результатов будет невозможно. Однако отсутствие успехов не лишило полемического задора лысенкоистов. Вполне прочувствовав заботливое отношение к ним верхов, отчетливо понимая, что под партийным прикрытием им не грозят серьезные беды, сторонники Лысенко даже не старались прислушиваться к доводам ни теоретиков, ни практиков. Презент, Перов, Долгушин в

решительных выражениях объявили генетику наукой вредной, вовсе и не наукой, а буржуазным извращением научной мысли. Фактически они призывали расправиться не только с учеными-генетиками, но и вовсе запретить в СССР саму генетику как вредительскую науку. Презент четко озвучил большевистский тезис о том, как следует вести теперь дискуссию:

"Диктатура пролетариата и социализм не могут не поставить на очередь творческую дискуссию. Наша дискуссия ничего общего не имеет с теми дискуссиями, которые имеют место на Западе и в Америке" (92).

Много времени он посвятил запугиванию Вавилова и дискредитации его как руководителя науки и обратился к генетикам со следующими словами:

"... знамя дрозофилы, украшающее грудь многих генетиков, мы оставляем тем из генетиков, для которых дрозофила стала кумиром, заслоняющим от них всю замечательную радость построения обновленной советской науки, науки социализма" (93).

Долгушин призывал:

"отступить назад..., забыть Менделя, его последователей, Моргана, кроссинговер... и другие премудрости генетики" (94)11 .

С нетерпением ждали участники сессии выступления Лысенко. В его адрес уже столько раз звучала обоснованная критика, что без фактов и надлежащих объяснений отвергнуть её, казалось, было невозможно. Но Лысенко продемонстрировал иное отношение.

"Некоторые из дискуссирующих в журналах выступают в довольно приподнятых тонах, с нередкими на мой взгляд перегибами, со стремлением подтасовать факты в выгодном для себя направлении. Лично к себе я этого отнести не могу", --

начал он (96). Он еще раз нелестно высказался в адрес Вавилова, осмеял как ошибочные утверждения Вавилова и Константинова, что сорта, выведенные с учетом законов генетики, весьма стабильны, чего нельзя сказать о продуктах свободного внутрисортового переопыления. И опять он не мог уйти от обвинений Вавилова в намеренном искажении истины (97). Факты, противоречащие его теориям, Лысенко просто объявил ненужными:

"Н.И.Вавилов в своем докладе заявил, что проводить внутрисортовое скрещивание не нужно, бесполезно... Вавилов указал, что есть много примеров, говорящих о столетней и больше долговечности сортов пшеницы, ячменя и других культур-самооопылителей... Пусть даже сортов-самоопылителей, живущих столетиями, будет во много раз больше, нежели количество, которое Н.И.Вавилов назвал в своем докладе, но ЭТИ ФАКТЫ СЕГОДНЯ УЖЕ НЕ НУЖНЫ" (/98/, выделено мной -- В.С.)12 .

Он оспорил научные положения и самого Вавилова, начав с закона гомологических рядов в наследственной изменчивости.

"Изложенное мной..., -- сказал Лысенко, -- конечно, в корне противоречит и "закону" гомологических или параллельных рядов изменчивости Н.И.Вавилова. Этот "закон" в своей основе зиждется на генетической комбинаторике неизменных в длительном ряду поколений корпускул "вещества наследственности". Я не чувствую в себе достаточно силы, знаний и уменья, чтобы по-настоящему разбить этот "закон", не отвечающий действительности эволюционного процесса. Но в своих работах я все время наталкиваюсь на неприемлемость

этого "закона": сама работа говорит, что нельзя мириться с этим "законом", если ты борешься за действенное, направленное овладение эволюцией растительных форм" (/100/, выделено мной -- В.С.).

Раззадорившись, Лысенко начал крушить всех и вся. Он обвинил Константинова в злонамеренном обмане, Мейстера -- в непонимании (даже в нежелании понять) истоков и масштабов его работы (101). По его словам, критики нарочито перевирали его высказывания, неправильно цитировали, замалчивали успехи. Он обвинил в этом и Карпеченко, и Сапегина, и Серебровского, и Мёллера, и других (перечисляя по очереди каждого из "обидчиков" и сетуя на коварство и несправедливость по каждому пункту критики). По его словам, все они и, в первую очередь, Вавилов наносят вред социалистическому строительству. "Признать закон гомологических рядов -- это значит отказаться от проблем управления природой растений", -- сказал он (102).

Такую определенность в отказе от главного вавиловского положения можно понять. Согласно закону гомологических рядов у близких видов и родов растений наследственные изменения -- мутации генов должны были возникать преимущественно в одних и тех же гомологических участках хромосом. Тем самым вавиловский закон строго определял рамки изменчивости, исключал возможность легкого манипулирования наследственностью. Лысенко же считал для себя непреложным тезис о прямом и скором воздействии среды на растения, уповал на то, что природу растений менять легко, что никаких генов нет и нечего преувеличивать поэтому консерватизм мифических наследственных структур. Это положение он считал краеугольным и, опираясь на него, декларировал возможность скорого решения тех практических задач, которые считал самыми важными для успеха социалистического строительства.

Лысенко сообщил на сессии о своих ближайших планах, в частности, о намерении быстро переделать все озимые зерновые культуры в яровые (не яровизировать, как он хотел раньше, а полностью преобразить, так воздействовав на наследственные свойства озимых, чтобы они навсегда превратились в яровые). Ранее Вавилов и его сотрудница Кузнецова, изучая генетическую природу озимости и яровости, пытались определить, какие и сколько генов управляют указанными свойствами. По мнению Лысенко, занявшись этим, "они упустили из рук хорошую работу" (103). Его рецепт был прост: вот если бы они отказались от представлений о наличии генов, то тогда

"они легко могли бы придти к выводу, что озимые растения в известные моменты своей жизни, при известных условиях, могут превращаться, могут изменять свою наследственную природу яровости и наоборот, что мы довольно успешно экспериментально теперь и делаем. Приняв нашу точку зрения, и Н.И.Вавилов сможет переделывать природу озимых растений в яровые. Причем любой озимый сорт при любом количестве растений можно переделать в яровой" (104).

Вавилов, видимо, не очень веря в серьезность такой бравады, прямо из зала переспросил Лысенко:

"Наследственность переделаете?"

На что Лысенко с вызовом ответил:

"Да, наследственность!"13

и продолжил:

"К сожалению, генетическая концепция с ее неизменными генами в длительном ряде поколений, с ее непризнанием естественного и искусственного отбора все-таки владычествует в головах многих ученых" (106),

не удержавшись опять от передержки: никто из генетиков, конечно, искусственный и естественный отбор не отвергал.

Дискуссии на сессии ВАСХНИЛ 1936 года было придано такое важное значение, что о её ходе всех жителей страны оповещали через центральную прессу (107). Причем материалы публиковались избирательно: взгляды критиков Лысенко излагались столь скупо, что ни сути критики, ни деталей понять было нельзя, а доклад Лысенко со всеми его выпадами против генетиков и генетики в целом опубликовали и "Известия" (на следующий день после доклада), и -- немаловажная деталь, иллюстрирующая то, как власти следили за формированием нужного общественного мнения по данному вопросу, -- одновременно "Совхозная газета" и "Социалистическое земледелие" (108).

А Вавилов еще продолжал верить, что можно вразумить Лысенко, что главная беда, мешающая ему получать добротные научные данные -- слабая методическая подготовка и отсутствие глубоких знаний.

Уже после посмертной реабилитации Вавилова стали известными некоторые материалы, подкрепляющие эту точку зрения. Так, было обнародовано заключение Н.И.Вавилова по статье Г.А.Машталлера, подготовленной им для журнала "Природа". В этой статье, озаглавленной "Учение Т.Д.Лысенко и современная генетика", автор описывал дискуссию, имевшую место на сессии ВАСХНИЛ 1936 года, представляя ее как полную победу Лысенко над его оппонентами. Статью прислали из редакции на отзыв Вавилову, и он еще раз продемонстрировал, что ни в коем разе не рассматривает всю деятельность Лысенко как неверную и опасную для науки, а видит в ней лишь отдельные ошибочные стороны:

"Сущность дискуссии весьма своеобразно понята автором. Острота состояла в том, что ряд экспериментальных положений академика Лысенко вызвал большие сомнения и вызывает таковые. Опыт доказателен только тогда, когда его можно повторить и получить определенные результаты. Ряд экспериментальных положений, выдвигаемых школой академика Лысенко, к сожалению, на основе всего огромного опыта современной генетики, требует дальнейших точных доказательств. Если доказательства эти будут, то тем самым значительно уменьшится острота дискуссии" (/109/, выделено мной -- В.С.).

Конечно, можно увидеть в этом высказывании и другое -- нежелание Вавилова открытым текстом выражать суть своих мыслей, а, играя в политическую игру, навязанную властями, отмечать лишь какие-то мелочи, но многие из знавших Вавилова склонны считать, что именно так он и думал, как писал. После этого отзыва статья Машталлера в журнале не была опубликована. Пока еще авторитет Вавилова в академических кругах оставался высоким.

Настала заключительная часть дискуссии. Лидеры трех спорящих групп -- генетиков, селекционеров и сторонников Лысенко, должны были выступить с завершающими речами, подвести итоги дискуссии, как они их поняли. Вот в этот-то момент и всё встало на свои места. Смысл и содержание критики Лысенко полностью испарились, как будто её и вообще не было, и получилось что первое в истории СССР важнейшее столкновение взглядов ученых и лысенкоистов завершилось полной и безусловной победой Лысенко.

Вавилов в заключительном слове предпочел не драматизировать обстановку и не давать

никаких категорических оценок провала лысенковских обещаний, невежественности его теоретических взглядов и их научной абсурдности, а, как бы надеясь на благоразумие Лысенко и его сторонников, призвал к тому, чтобы проявлять "побольше внимания к работе друг друга, побольше уважения друг к другу" (110).

Лысенко в "Заключительном слове" вообще отверг всякую критику без разбора. К тому же он сделал еще один шаг вперед в обвинении генетиков:

"Обнаружилось также, что основная масса "чистых генетиков" (говоря языком Серебровского), особенно лидеры генетики, оказались во многих случаях безграмотными в биологических явлениях" (111).

Патетически Лысенко трансформировал слова Мёллера в демагогическую форму: ждать от генетиков помощи социалистическому сельскому хозяйству нечего -- не дождешься:

"Я благодарен проф. Мёллеру за его блестящий доклад. Сегодня его заключительное слово было не менее блестящим. Мёллер определенно поставил точку над i. Он четко и ясно сказал -- гены мутируют лишь через десятки и сотни тысяч поколений. Влияния фенотипа на генотип нет...

В общем получается, что курица развивается из яйца, яйцо же развивается не из курицы, а непосредственно из бывшего яйца.

Объяснения, которые дал проф. Мёллер, для нас ясны и понятны. Проф. Мёллер раскрыл свою позицию...

Основное заблуждение генетиков состоит в том, что они признают неизменность генов в длительном ряду поколений. Правда, они признают изменчивость гена через десятки и сотни тысяч поколений, но спасибо им за такую изменчивость.

Мы, признавая изменчивость генотипа в процессе онтогенетического развития растений... уже можем путем воспитания заставлять направленно изменяться природу растений в каждом поколении.

Я убежден, что в ближайшее время этот раздел работы у нас в Союзе быстро разрастется... Это является делом нашей советской науки" (112).

Заключительное слово вице-президента ВАСХНИЛ Мейстера коренным образом отличалось от его первого выступления на сессии, когда он критиковал Лысенко за волюнтаризм в вопросах селекции растений. Теперь ни от прежнего тона, ни от оценки фактической ситуации в науке практически ничего не осталось: Георгий Карлович видимо четко понял из тона ежедневных отчетов о сессии в центральных газетах, кого видят победителем диспута партийные власти. Правда, он заявил, что генетика как наука не рассматривается руководством ВАСХНИЛ в виде лженауки, как того хотелось бы лысенкоистам, и призвал генетиков не проявлять по этому поводу излишних волнений:

"В защиту генетики выступил здесь наш молодой советский ученый, успевший стяжать себе славу за границей, Н.П.Дубинин, но под влиянием охватившей его паники он совершенно неожиданно начал доказывать нам, что генетика свободна от формализма и строго материалистична. Я хотел бы указать Н.П.Дубинину, что его паника ни на чем не основана. На генетику как науку в Союзе ССР академия с.-х. наук им. В.И.Ленина отнюдь не покушается..." (113).

На этом защита генетики кончалась, и Мейстер, отлично разбиравшийся в основах этой науки, принялся критиковать работавших в ней специалистов. По его словам, генетики якобы преувеличивали во много раз стабильность генов, что они в целом далеки от практики, даже оторвались от нее, что вместо помощи сельскому хозяйству они подчас берутся внедрять не только ненужные, но даже вредные приемы, такие как искусственное осеменение животных, на широком использовании которого настаивал Серебровский.

Критикуя Серебровского за это предложение, Мейстер перебрасывал мостик к другому его предложению -- призыву заняться всерьез улучшением генофонда человека. Мейстеру это показалось кощунственным, и он строго отчитал Серебровского:

"Исходя из успехов искусственного оплодотворения животных, он [Серебровский -- В.С.] те же меры использовал для улучшения населения СССР. Это чудовищное оскорбление советской женщины. Этого, несмотря на личное покаянное выступление тов. Серебровского, советская женщина никогда ему не простит. Мало того, несомненно, что память об этом переживет и самого Серебровского" (114).

Мейстер имел ввиду статью Серебровского "Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе" (115), в которой автор, воодушевясь сталинским принципом ведения хозяйства по пятилетним планам, предлагал ускорить выполнение этих планов с помощью выведения людей с лучшими генетическими свойствами. Ругая буржуазию за то, что она никогда не станет следовать рекомендациям евгеников (евгеника -- наука о наследственном здоровье человека и путях улучшения наследственности человека), и, сетуя на то, что рабочий класс в условиях капиталистического строя должен думать только о социальной революции (рабочий класс, писал он, "справедливо видит в свержении капиталистического строя единственный радикальный способ уничтожения гнета и насилия. При капитализме ему не до евгеники" /116/), Серебровский предлагал такую программу:

"Решение вопроса по организации отбора в человеческом обществе несомненно возможно будет только при социализме после окончательного разрушения семьи, перехода к социалистическому воспитанию и отделения любви от деторождения...

... при сознательном отношении к делу деторождение может и должно быть отделено от любви уж по одному тому, что любовь является совершенно частным делом любящих, деторождение же является, а при социализме тем более должно явиться, делом общественным. Дети нужны для поддержания и развития общества, дети нужны здоровые, способные, активные, и общество в праве ставить вопрос о качестве продукции и в этой области производства" (117).

Серебровский действительно поместил в "Медико-биологическом журнале" "Письмо в редакцию" (118), в котором признал ошибочность трех своих прежних утверждений -- реальности сокращения сроков выполнения пятилетки до 2-х лет при использовании евгенических мероприятий; утверждение, что разведка нефти, угля и металлов ничуть не более важное дело для жизни страны, чем изучение распространенности патологических генов; и заявление, что "биологически любовь представляет собой сумму безусловных и условных рефлексов". Последнее определение он заменил теперь таким: "...в "любовь" входят, во-первых, наследственные и, во-вторых, приобретенные или не наследственные элементы, а также моменты идеологии" (119).

Негативно отозвался Мейстер и о Вавилове:

"Акад. Вавилов... вместо критического отношения к своим ошибкам, в том числе и к ошибкам методологического порядка, увлекся перечислением бесконечных достижений Всесоюзного института растениеводства" (120).

Это обвинение было несправедливым. Как директор института Вавилов был не в праве замалчивать достижения своих сотрудников, тем более, что со всех точек зрения достижения эти были столь весомы, что люди, типа Презента или Лысенко, имей они в своем активе такие успехи, устроили бы им широчайшую рекламу. И уж совсем неверным был выпад Мейстера против закона гомологических рядов Вавилова: "Ясен антидарвинистический характер этих положений тов. Вавилова" (121). Однако заключительное слово Мейстера было напечатано в "Правде", и слова осуждения Вавилова и генетиков приобретали в связи с этим характер завершенный и обоснованный.

Несомненно, что Лысенко, ведя полемику на этой сессии, уже прекрасно осознавал, в каких сферах его ждет полная поддержка. Его спору с генетиками, спору, в общем, сугубо профессиональному, была придана особая -- ПОЛИТИЧЕСКАЯ острота. Вопрос этот понимался верхами шире, он вычленялся из рамок научных диспутов и переводился в иную плоскость, как выводилась и вся наука из-под контроля самих ученых.

Лысенко -- полемист

В конце 1936 -- начале 1937 года Лысенко приобрел в стране огромную популярность. Понимая это, он всё определеннее показывал, на что способен и к каким приемам готов прибегать в спорах с коллегами. Ему уже и раньше приходилось выходить за рамки академического стиля в дискуссиях. Вспомним, как он обвинил профессора Максимова, первым выступившего с весьма осторожными замечаниями на съезде в Ленинграде (см. главу I), чуть ли не в плагиате (122). Лысенко и его сторонники и позже не упускали случая, чтобы побольнее "задеть" Максимова (123).

Теперь же Лысенко принялся буквально обругивать тех, кто пытался сделать замечания в его адрес (124). Одними из первых почувствовали это на себе Константинов, Лисицын и Костов. Вслед за перепечаткой их статьи в журнале "Яровизация" (19) Лысенко и Презент как редакторы журнала призвали своих читателей выступить с критикой "тех из ученых, которые упорно цепляясь за старые догмы в науке, "принципиально" считают неправильным или подложным все действительные завоевания агробиологической науки, строящейся на основе теории биологии развития" (125).

"Мы просим научных работников, агрономов, зав. хатами-лабораториями, колхозников-опытников, -- говорилось в обращении редакторов, -- высказаться на страницах нашего журнала в связи с содержанием статьи "Несколько слов ..."" (126).

Тон выступлениям задал сам Лысенко в статье под характерным заголовком -- "Запутались или путают?" (127). Начал он следующим образом:

"Отличительной чертой советской науки и вообще всего советского является честность, правдивость. Этого-то в "нескольких словах", занявших 18 страниц рукописи академика Лисицына, академика Константинова и доктора Дончо Костова, как раз и нет. В этой статье нет ни единого научного положения, которое авторы выставили бы в противовес нашей концепции. Наших же положений авторы, видимо, настолько не любят, что не сочли нужным даже привести их в своей статье, а если и привели, так искаженно, и нередко неуместно. В статье есть ложь, лицемерие, извращения, передергивания" (128).

На убийственный для его детища факт, что -5летние исследования яровизации на 54 сортоучастках показали отсутствие прибавки урожая, он не обратил внимания, а просто декларировал: "яровизация повышает урожай". Точно так же он уклонился от обсуждения цифр урожаев и перевел разговор на то, сколь большие площади заняты под посевами яровизированными семенами ("Яровизация в 1936 году применялась на площади более 6 миллионов га" /129/), как много народу удалось вовлечь в эту работу ("Этим делом занимались 50 тыс. колхозов" /130/). Обоснованным данным ученых он стал противопоставлять подсчеты, взятые с потолка:

"Думаю, что по этому вопросу лучше, ближе к действительности, смогут высказаться в печати колхозники-яровизаторы, агрономы, а также краевые и областные земельные органы... Я же утверждаю, что яровизация в этом году дала колхозам и совхозам около 10 миллионов центнеров добавочного урожая и в любой будущий год она будет давать добавочный урожай: в одних случаях больший, в других случаях меньший, в зависимости от овладения колхозными массами теорией и практикой данного мероприятия" (131).

Как и прежде, он ударился в патетику, старательно этим отвлекая от себя огонь критики:

"Советская агронаука -- это неотъемлемая сторона колхозно-совхозной жизни. Отсюда -- она не замкнутая, не кастовая, а массовая... Отсюда, "авторитеты" -- носители... лженаучных положений -- жизнью развенчиваются. Лучшая и притом значительная часть их, по настоящему перестраивается... Более же слабая, ...думающая, что настоящая наука только в "белом халате" (не подумайте, что я отрицаю необходимость халатов), думающая, что наука -- это дело касты, а не массы, с каждым новым успехом нашей теории все больше и больше становится в позу обиженных богов. Чувствуя себя научно-развенчанными, они всеми средствами стараются затормозить развитие теории... Эти авторы, как и некоторые другие из дискуссирующих с нами по вопросам непосредственно нашей работы... сходятся в одном: очернить, заклеймить, доказать ненаучность этих работ" (132).

"К сожалению, -- заключал Лысенко, -- есть еще представители среди научных работников, которые слабо или даже вовсе не разбираются в том предмете, который они обязаны разрабатывать. К таким людям в разделе управления развитием наследственной природы организмов... относится и академик Лисицын, не говоря уже о Дончо Костове" (133).

Академика Константинова Лысенко невзлюбил особо. В газете "Соцземледелие" 4 апреля 1937 года он опубликовал грозную статью в его адрес, в которой содержались недостойные ученого окрики, политические выпады, впрочем, распространенные в то время в советской прессе. Лысенко пытался представить своего оппонента врагом социалистической родины:

"Академик Константинов вместо того, чтобы прямо и открыто сказать, что дело здесь шло вовсе не о яровизации как агроприеме... скрыл, что дело здесь шло и идёт о борьбе двух взаимно исключающих направлений сельскохозяйственной науки. Иначе, чем же все-таки объяснить, что и акад. Лисицын, и акад. Константинов четыре года молчали об агроприеме яровизации, а в конце 1936 г. они выступили, да еще совместно с таким "знатоком" агроприема яровизации, как д-р Дончо Костов.

... Академику Константинову не мешало бы подумать, почему данные сортосети по яровизации расходятся с многочисленными многолетними данными производственных посевов. Ведь были же у нас примеры того, как довольно согласованные данные опытных станций по вопросу мелкой пахоты были нацело сметены производственно-колхозными данными. Ведь были же примеры, когда данные некоторых опытных станций о пользе позднего сева зерновых были полностью сметены производственно-колхозными данными. В

то же время акад. Константинову следовало бы подумать и о том, что вместе с такими данными сметались с поля научной деятельности и те, кто не желал понять особенность таких неверных данных и упорно
 на них настаивал" (134).

Иными словами, Лысенко откровенно стращал Константинова арестом. Особо следует отметить содержащийся здесь и совершенно ясный намек на академика Тулайкова: именно он был автором идей мелкой пахоты, смещения времени сева в засушливых районах, проведения почвозащитных мероприятий. Эта статья Лысенко появилась за неделю до того, как в "Правде" была опубликована статья близкого к Лысенко человека -- В.Н.Столетова, непосредственно приведшая к аресту академика Н.М.Тулайкова (см. след. главу).

О том, как Лысенко пытался унизить в глазах читателей "Социалистического земледелия" Константинова и других критиков его яровизации, можно судить на основании следующей фразы:

"Колхозники Куйбышевского края о яровизации в своем крае, безусловно, больше знают, нежели об этом знают академик Константинов и академик Лисицын, не говоря уже о докторе Дончо Костове, который, да простит он меня, буквально не знает, как сеется и жнется пшеница" (135).

Старательно выплескивал злость на Константинова на страницы газет и журналов и А.Г.Утехин, рекомендовавшийся агрономом Кротовской машинно-тракторной станции Куйбышевской области (136), быстро делавший карьеру14 .

В другой статье Лысенко продолжал настаивать на том, что критики намеренно извращали результаты, и требовал привлечь их к ответу:

"Совершенно недопустимо, прямо скажу, недостойным является выпад... обвинение нас в жульничестве, в подтасовке опытных материалов, на основе которых правительственные органы планировали агроприем на миллионах гектаров... Этот вопрос заслуживает специального разбора... необходимо выяснить, кто лжет в этом деле. Сотрудники руководимого мною института или авторы статьи, а также, что их побуждает это делать" (137).

Такому же обругиванию подверглись другие критики. Физиолог растений М.Х.Чайлахян, вслед за американцами С.Адамсом и Р.Клэйгсом, опубликовал в 1933-1934 годах серию статей, в которых расширил понятие яровизации, он же заметил, что длительность разных стадий развития растений меняется при варьировании длины светового дня и тем показал, что явление яровизации следует понимать гораздо шире, чем его трактует Лысенко. В адрес Чайлахяна -- серьезного и продуктивного ученого15 прозвучала команда упреждения: оказывается, он неправильно поставил опыты и не смог их даже объяснить, как надо (138). Лысенко взялся учить Чайлахяна:

"Факты, полученные в экспериментальной обстановке, никогда нельзя обходить, но нельзя также исходить только из них. Исследователь, кроме глубокого знания своего раздела работы и знания смежных областей науки, должен еще уметь работать, уметь заканчивать свою работу, уметь проверять свои выводы на практике" (139).

Сразу за этим поучением шел абзац, который был рассчитан на то, чтобы навести читателей на мысль о злонамеренности Чайлахяна -- он, дескать, не просто ошибся, потому что не умел ни работать, ни верные выводы из работы делать, -- а намеренно, во враждебных целях

выставил порочный вывод:

"Проверка своих выводов, на основе которых автор будет дальше двигаться в своих теоретических построениях, исследователям буржуазной биологической науки недоступна по самой природе капиталистического сельского хозяйства. Поэтому буржуазная агронаука и не знала, какие же выводы, подчас диаметрально противоположные, объективны, более достоверны... Выводы, которые не дают руководства к действию, у нас не считаются научными, хотя бы эти выводы и давались "людьми науки"" (140).

Ставя уничижительные кавычки у слов "людьми науки", Лысенко к тому же давал понять, что такие как Чайлахян -- не только буржуазные извращенцы, но и к науке отношения не имеют.

Не стоит поэтому удивляться, что через несколько месяцев в редактируемом Лысенко и Презентом журнале "Яровизация" появилась совсем уж разнузданная по тону статья двух аспирантов Лысенко -- А.А.Авакьяна (позже он подписывался в русской печати как Авакян) и А.Х.Таги-Заде (141), в которой Чайлахяна непрофессионально, но яростно ругали.

А как только академик Мейстер выступил со спокойной статьей "Несколько критических замечаний" (142) по поводу предложений Лысенко и Презента изменить научные принципы семеноводства, то Презент не просто отверг всякую критику, но обозвал сорта и новые формы, полученные самим Мейстером -- выдающимся селекционером своего времени, "уродцами", осыпал оскорблениями Мейстера и как ученого и как человека (143). Эти нападки привели к тому, что защита докторской диссертации Чайлахяна в Институте генетики АН СССР была отменена директором института Н.И.Вавиловым и задержана на долгое время,

Крепко досталось и профессору Антону Романовичу Жебраку -- крупнейшему советскому специалисту в области генетики растений, который в рукописной статье "Генетика и теория стадийного развития растений" (144) указал на теоретические ошибки Лысенко и Презента. В ответ Жебрака обвинили не просто в искажении истины и научной безграмотности, но и в незнании русского языка: "Хромает, хромает у вас грамматика, не годитесь вы в учителя последней... Сочувствуем вам, проф. Жебрак, но опять же помочь ничем не можем" (145), в скудоумии: "...цитату он [Жебрак] не только не понял, но и не дочитал. Впрочем, может быть, и дочитал. Иногда, ведь, и это некоторым не помогает" (146), и даже в самом страшном грехе в условиях политических репрессий в СССР в те годы -- в аполитичности и сочувствии международному фашизму (147). Статья кончалась словами, которые не встречались раньше в научной литературе вообще:

"Эх, профессор Жебрак! Наш вам совет: не беритесь вы за международные темы.

С вашей генетикой это вас к добру не приведет" (148).

Лысенко -- государственный деятель

С помощью отлично налаженной советской пропагандистской машины Лысенко быстро прославился, стал наиболее популярным героем советского истеблишмента. Из года в год его имя не сходило со страниц плакатов, газет, журналов.

В 1936 году Лысенко участвовал в работе VIII Чрезвычайного Съезда Советов (149). В том же 1936 году его ввели в состав Редакционной Комиссии для выработки окончательного текста Конституции СССР (150), а через две недели после принятия этого документа,

названного "Сталинской конституцией" (проект которой был написан Н.И.Бухариным), в "Правде" был напечатан лысенковский "Отчет делегата Съезда Советов", в котором он поведал, что один из членов комиссии засомневался, нужно ли такое количество депутатов в будущем Верховном Совете СССР, не запутаются ли они при обсуждении государственных дел, и тогда якобы:

"Тов. Сталин подал по этому поводу замечательную реплику, после которой все сразу стало ясным. Он сказал, что людей у нас много, а раз людей много -- много депутатов: дальше людей будет еще больше" (151).

В 1937 году, когда начали формировать состав будущего Верховного Совета СССР, Лысенко включили в этот список (152

). И снова его имя замелькало на страницах центральных газет, уже не в связи с его научными успехами, а как бы в преддверии будущих важных государственных свершений.

Когда нечего было сказать о Трофиме Денисовиче, писали о его замечательном папе, сообщая любые мелочи из жизни выдающейся семьи (например, 28 апреля 1936 года "Правда" сообщала: "Колхозник Д.Н.Лысенко утвержден участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки" /153/).

После избрания в Верховный Совет Лысенко назначают заместителем председателя Совета Союза -- верховного органа законодательной власти (154). Лысенко стал -- опять для видимости -- по своему положению выше самого Сталина -- члена всего лишь исполнительного органа, Президиума Верховного Совета СССР, не располагающего законодательной властью. Конечно, такая скромность Сталина была показной. Как раньше Ленин, он переехал жить в официальную резиденцию русских царей -- Московский Кремль. Большой Кремлевский Дворец не стал музеем для народа, наподобие Эрмитажа в "северной столице" или дворцов в пригородах этого города. Его приспособили для проведения различных совещаний на высочайшем уровне (при Сталине весь Кремль, а не лишь часть его, как сейчас, был закрыт, и в Кремль можно было попасть только по пропускам, причем всех входящих обыскивали). В Большом Кремлевском Дворце оборудовали зал для заседаний Верховного Совета СССР. На сцене были сооружены специальные трибуны на трех уровнях -- две боковые, они же самые нижние (на них рассаживались руководители партии и правительства и сам Сталин), чуть выше располагалась трибуна для выступавших, а на самом верху -- главная, возвышавшаяся надо всем в зале, в том числе и над самим Сталиным, -- для председателей палат советского парламента и их заместителей. Таким образом, на многие годы Трофим Лысенко стал восседать в Кремле, усаживаясь выше Иосифа Сталина. Именно Лысенко становится тем "винтиком" сталинской машины, которая давила не только науку. Лысенко сопредседательствовал и на таких, например, заседаниях 2 и 3 августа 1940 года, когда Верховный Совет "единогласно одобрил включение в состав Союза ССР Литвы, Латвии, Эстонии, Северной Буковины, Хотинского, Аккерманского и Измаильского уездов Бессарабии" (155). Газеты неизменно воспроизводили на первых страницах фотографии членов правительства и вождей партии вместе с руководителями Верховного Совета СССР, на которых любой гражданин страны мог рассмотреть Лысенко -- сидящего, стоящего, рукоплещущего, но вечно торчавшего над Сталиным, Молотовым, Берией, Ворошиловым, Хрущевым или Вышинским. Почетнее места не было!

Лысенко старался, как можно чаще, выступать, будучи беспартийным, на пленумах Центрального Комитета партии и даже на съездах партии с рапортами и патриотическими речами. Эта беспартийность могла кое-кому нравится (не вступает в партию -- значит, сам себя уважает), но могла быть и прозаическая причина: чтобы демонстрировать единение

партии и народа, всегда были нужны лица из формально беспартийных, коих можно было бы выставить на публике как безоговорочно поддерживающих любые начинания партии.

Академик АН Украинской ССР (с 1934 года) и ВАСХНИЛ (с 1935 года), научный руководитель (с 1934 года) и директор (с 1936 года) Всесоюзного селекционно-генетического института, член Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и Центрального Исполнительного Комитета СССР (ЦИК СССР) с 1935 года, депутат Верховного Совета СССР (с 1938 года) и заместитель председателя верхней палаты этого парламента -- Совета Союза, депутат Верховного Совета Украинской ССР, член множества комиссий и комитетов он поднимался все выше по государственной и научной лестнице.

Но все-таки главной его работой считалась научная. Лысенко, видимо, искренне думал, особенно на первых порах становления, что он как человек, устремленный мыслями и делом на сближение науки с производством, улучшение колхозной практики, поможет облегчить жизнь народную. В сложившихся условиях ученые уже не могли ни административно, ни даже в форме дискуссии воздействовать на обласканного властями лже-новатора. Время было упущено. Лысенко набрал такую силу, с которой ученым справиться было нельзя.

Как мы помним, на летней сессии зерновой секции ВАСХНИЛ 1935 года Лысенко критиковали многие, в том числе Вавилов (пока еще очень осторожно, по-отечески, скорее журя за непонимание законов генетики и излишнюю торопливость с выведением сортов и прочими несерьезными выходками). Сразу же газета "Правда" взяла Лысенко под защиту, теперь он был не только выдающимся ученым, но и членом высших органов страны -- ЦИК и ВЦИК, из которых вывели Вавилова. 27 октября 1935 года в передовой статье (каждая из которых шла в набор только после одобрения аппаратчиками из ЦК партии), озаглавленной "Советская сельскохозяйственная наука", говорилось о ВСЕМИРНОМ значении его работ и утверждалось:

"Блестящий опыт Трофима Денисовича Лысенко неопровержимо доказал, какие огромные возможности таит в себе самая тесная связь науки с производством, с практикой колхозов и совхозов. Наука обогащает колхоз, колхоз обогащает науку, дает ей новую пищу для исследований и открытий" (156).

Год от года рос список его наград. Первый орден -- Трудового Красного Знамени -- Лысенко получил от Советского правительства за якобы безусловную пользу для страны яровизации. 31 декабря 1935 года газета "Известия" сообщила о награждении Лысенко орденом Ленина. Характерно, что награду ему дали "за выведение высокоурожайных сортов сельскохозяйственных растений" (157), как бы подводя итог и более ранним дискуссиям и недавним обсуждениям ошибок Лысенко именно в вопросах селекции растений. Особо циничным было то, что никаких сортов Лысенко не вывел ни тогда, ни позже. Его селекционные порывы закончились созданием пустоцветов.

Но в этом отношении партия коммунистов оставалась верна себе. Яровизация провалилась, фактически не начавшись, летние посадки картофеля привели к падению сбора этого важнейшего для страны продукта сельского хозяйства, к гибели даже собранного урожая, сортов не получилось, а существующие сорта из-за "брака по любви" загубили. Однако Советское правительство продолжало награждать его высшими орденами за проваливавшиеся на практике предложения. Пренебрежение мнением специалистов нельзя было выразить более наглядно.

В последующие годы он получил еще семь орденов Ленина, был удостоен звания Героя социалистического труда, трижды ему присуждали Сталинские премии (в 1941, 1943 и 1949

годах), награждали другими орденами и медалями. Одновременно принимались всевозможные постановления о расширении посевов по рецептам Лысенко, внедрении его "достижений" в практику, перестройке разных отраслей по его мудрым указаниям. В газете "Правда" 29 июня 1938 года в передовице "Науку на службу стране" говорилось:

"Кто в СССР не знает... академика Т.Д.Лысенко, крестьянского сына, в небывало короткий срок ставшего крупнейшим мировым ученым, чьи труды обильным урожаем расцветают на колхозных и совхозных полях" (158).

О том, что это был за урожай, мы уже знаем.

Примечания и комментарии

к главе VII

1 Семен Липкин. Кочевой огонь. Ардис. Анн Арбор, 1984, стр. 111.

2 Клод Гельвеций. Об уме. ОГИЗ-Гос.-соц.-экономиздат, М., 1938, стр. 2.

3 Т.Д. Лысенко. Очередные задачи яровизации. Газета "Социалистическое земледелие", 29

октября 1935 г., 227. Цитиров. по книге "Стадийное развитие растений", М., 1952, стр. 653.

4 Там же.

5 Сам Лысенко в отчете о яровизации за 1932 год (см.: Т.Д.Лысенко. Предварительное сообще-

ние о яровизированных посевах пшениц в совхозах и колхозах в 1932 г., журнал "Бюллетень яровизации", 1932, 2-3, стр. 3-15) приводил сведения, выдававшие, что на практике яровизация позорно провалилась:

"На основании имеющегося материала можно видеть определенное повышение урожая яровизированных посевов только по Харьковской области и МАССР. Об урожаях по Донецкой области ничего нельзя сказать определенного на основании 10 присланных анкет. По Одесской области в отдельных случаях хорошие результаты, а по всей области как будто намечается только тенденция к повышению урожая" (стр. 11).

На самом деле в этих словах была большая натяжка. Об этом можно судить на основании помещенной здесь же таблицы с расшифровкой данных, содержащихся в 59 присланных анкетах. Из таблицы следовало, что никакого ясного превышения урожаев по Харьковской области не было: из 8 анкет, которыми располагал Лысенко, в двух отмечалось даже снижение урожая, в одной говорилось, что прибавка урожая колебалась между 0 и 0,5 центнеров с гектара, в трех анкетах сообщалось о прибавке менее 1 ц/га (то есть в пределах разброса средних значений) и лишь в одной анкете указывалось на превышение урожая в размере полтора-два центнера с гектара. И эти данные Лысенко называл "определенным превышением урожая". В Одесской области понижение урожая было отмечено в 3 хозяйствах, в одном яровизация ничего не дала, в одиннадцати -- прибавка была меньше 0,5 ц/га, и в 4 хозяйствах она составила менее 1 ц/га. Еще хуже было дело в Донецкой области: там в 5 хозяйствах яровизация привела к падению урожаев, в 3 хозяйствах урожай остался таким же, как и на землях, засеянных неяровизированными семенами, и лишь в двух хозяйствах было превышение, но какое -- менее 0,5 ц/га! Ни один уважающий себя ученый не

стал бы оперировать этими цифрами для того, чтобы утверждать что-либо о пользе яровизации. Странно было и другое: в таблице была строка с данными из Днепропетровской области, оттуда, как и из Харьковской области, пришло 8 анкет, но о днепропетровских посевах Лысенко предпочитал умалчивать. Он, конечно, уверял, что это только начало, а на первых порах любое дело не идет гладко. В другом материале, подготовленном им для печати совместно с тогдашним директором Одесского института Ф.С.Степаненко, -- брошюре о яровизации (брошюра эта опубликована не была, но приведенные в ней цифры содержались в статье А.А.Сапегина "Значение яровизации для фитоселекции, в кн. "Теоретические основы селекции растений", Гос. изд-во с. х. совхозной и колхозной лит-ры, М. -- Л., 1935, т. I, стр. 807-814), а также в статье Лысенко, опубликованной в газете "Правда" 9 марта 1933 года 67, указывалось, что урожай от яровизации был собран всего лишь в 240 колхозах, и прибавка зерна составляла: в Донецкой и Одесской областях -- от 0,2 до 0,7 ц/га, в Днепропетровской -- от 0,8 до 1,1 ц/га (поскольку статистические данные не обрабатывались, сказать, насколько верны и эти цифры, было нельзя).

В 1933 году по данным уже самого Лысенко (Т.Д.Лысенко. Колхозные и совхозные опыты 1932-1935 г. г., цитиров. по книге "Стадийное развитие растений", М., 1952, стр. 617-627; Лысенко указывает в конце этой статьи, что она впервые была опубликована в 1935 году и печатается в книге по тексту первой публикации, но ни в одном из опубликованных им списков своих работ эта статья не цитируется и не числится), собранным опять в очень малом числе хозяйств (всего 296 хозяйств), в 20 хозяйствах яровизация снизила урожай на 1--4 ц/га, в 26 колхозах никакого влияния яровизации ни в сторону прибавки, ни в сторону снижения урожая отмечено не было, в 127 колхозах прибавка была минимальной (не более 1 ц/га), в 65 колхозах она равнялась 2 ц/га, в 33 колхозах -- 3 ц/га, а из двух колхозов сообщили даже о 10-центнеровой прибавке (стр. 618). В среднем же прибавка урожая в 1933 году составила, по словам Лысенко, 1,17 ц/га, в 1934 г. -- 1,22 ц/га, в 1935 г. -- 1,23 ц/га (стр. 620 и 627). Несомненно, что при том методе обработки данных, которым пользовался Лысенко, различия между цифрами недостоверны.

6 Т.Д.Лысенко. "Предварительное сообщение...", см. прим. /5/, стр. 3.

7 Там же, стр. 3-4.

8 Там же, стр. 4.

9 А.А.Сапегин. Значение яровизации для фитоселекции. "Теоретические основы селекции растений", Гос. изд-во с. х. совхозной и колхозной лит-ры, М. -- Л., 1935, т. I, стр. 807-814.

10 Там же, стр. 807. Сапегин писал:

"Стремление физиологов, в особенности Лысенко -- заставить озимое растение развиваться нормально при весеннем посеве привело, в конечном итоге, к концепции стадийности развития растений".

11 Там же, стр. 808.

12 Там же, стр. 814.

13 Там же, стр. 816.

14 Там же, стр. 812. Автор писал:

"В общем, средняя прибавка [урожая от яровизации -- В.С.] выражается 10-15%, т. е. столько же, сколько дает начальная селекция, выведение чистых линий из готовых, имеющихся в природе сортов-смесей".

15 Цитировано по статье Т.Д. Лысенко "О каких "выводах" тревожится академик Константинов?". Газета "Социалистическое земледелие", 4 апреля 1937 г., 77 (2465), стр. 2-3; она же была перепечатана в журнале "Селекция и семеноводство", 1937 г., 5, стр. 16-19 и в книге "Стадийное развитие растений", стр. 636.

16 См. журнал "Яровизация", 1936, 1 (4), стр. 118.

17 См. прим. /6/, стр. -56.

18 Акад. П.Н.Константинов. Уточнить яровизацию. Журнал "Селекция и семеноводство", 1937, 4, стр. 12-17. В статье говорилось:

"Что касается вообще яровизации как широкого агроприема, то она еще далеко не доработана" (стр. 12) и "...при неблагоприятных погодных условиях яровизированные посевы страдают больше, чем неяровизированные, и
даже гибнут" (там же),

а также указывалось, что яровизация увеличивает частоту случаев распространения твердой головни.

19 П.Н.Константинов, П.И.Лисицын и Д.Костов. Несколько слов о работах Одесского института селекции и генетики. Журнал "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства", 1936 г., 10; эта же статья была перепечатана в журнале "Яровизация", 1936 г., 5 (8), стр. 1-529.

20 Там же. Цитир. по журналу "Яровизация", стр. 16.

21 Там же, стр. 18.

22 Там же, стр. 29.

23 Нарком земледелия Украинской ССР Л.Л.Паперный в газете "Социалистическое земледелие" от 10 октября 1935 г., 311 писал:

"Мы смело идем на внедрение яровизации в наше социалистическое сельское хозяйство. То, что для некоторых "профессоров" является лишь проблематичным, стало бесспорной истиной для основной массы колхозников".

На 1936 год Совнарком Украины запланировал огромные посевы яровизированными семенами. В речи на Пленуме ЦК КП(б)У 27 января 1936 года председатель Совнаркома Украины П.П.Любченко сообщал, что в украинских степях будет засеяно такими семенами 50% площади, в лесостепи -- 2-530%. Но необузданную лихость в оценке яровизации проявляли не только на Украине. Через неделю уже в Москве Нарком совхозов М.Н.Калманович заявил:

"В этом году мы наметили посеять яровизированными семенами 900 тысяч гектаров, из них 600 тысяч в зерносовхозах... Мы ни под каким видом не допустим срыва плана яровизации в 1936 году. Данные нами цифры являются минимальными" ("Совхозная газета", 4 февраля

1936 г., 20).

24 Журнал "Яровизация", 1936 г., 2-3 (-56), стр. 80.

25 См. также А.Д.Родионов и др., прим. /112/ к главе I, стр. 336.

26 Цитиров. по журналу "Яровизация", 1936 г., 1 (4), стр. 121.

27 Обещание Лысенко выглядело следующим образом:

"К осени 1936 г. количество семян этих сортов предполагается довести до 50 т, одновременно проводя сортоиспытания на урожайность и другие оценки по хозяй-ственно-важным показателям... Ближайшие годы жизни и практики колхозных и совхозных полей покажут, выведен ли нами сорт или раннеспелая форма".

См. Т.Д.Лысенко, И.И.Презент. Стахановское движение и задачи советской агробиологии. Журнал "Яровизация", 1935 г., 3, стр. 3-12. Перепечатана в книге: Т.Д.Лысенко. "Стадийное развитие растений", М., 1952, стр. 666-667.

28 Т.Д.Лысенко, И.И.Презент. Стахановское движение и задачи советской агробиологии. Журнал "Яровизация", 1935 г., 3, стр. 3-12. См приведенную цитату на стр. 9.

29 Т.Д.Лысенко. Речь на совещании передовиков урожайности... Газета "Правда", 2 января 1936 года, 2 (6608), стр. 3.

30 Т.Д.Лысенко. На уровень эпохи. Журнал "Хата-лаборатория" (издавался на русском и

украинском языках), 1936, 2, стр. 7-11.

Лысенко в этой статье писал:

"Из 500 зерен -- или из 9 колосьев, созревших 29/VII.1934 г., к осени 1935 г. институт собрал 120 кг отсортированных семян и пропустил сорт через полевое испытание".

31 Т.Д.Лысенко. Из материалов первой сессии ВАСХНИЛ. Журнал "Бюллетень яровизации", 7, 1935, стр. 1-3.

32 Т.Д.Лысенко. Пять центральных вопросов. О единстве науки и практики и работе хатлабораторий (сокращенный перевод с украинского доклада на совещании работников хат-лабораторий УССР). Газета "Социалистическое земледелие", 6 марта 1936 г., 54.

33 См. прим. (31).

34 Т.Д. Лысенко. Первые итоги. Газета "Известия", 12 октября 1936 г.; перепечатано в

журнале "Яровизация", 1936, 5, стр. 3-14, а также в книге "Стадийное развитие растений",1952, стр. 673-683. Сведения о получении всего 156 центнеров приведены в статье, опубликованной в журнале "Яровизация", 1935, 5 (8), стр. 5.

35 Там же (стр. 6 в журнале "Яровизация"; стр. 677 в книге "Стадийное развитие растений").

36 Т.Д. Лысенко. Роль сельскохозяйственной науки в разрешении проблемы урожайности.

Журнал "Фронт науки и техники", 1936, 2, стр. 60-61.

37 См. прим. (29).

38 См., например, Т.Д.Лысенко. Физиология развития растений и вопрос зимостойкости ози-

мых хлебов. Доклад, прочитанный в Днепропетровске на Всесоюзном совещании по зимостойкости в 1934 году. Ежегодник "Сельское хозяйство СССР" за 1935 г.; перепечатано в книге "Стадийное развитие растений", М., 1952, стр. 31-5326. На стр. 324 этого издания говорилось: "В 1935 году новый сорт яровой пшеницы уже получен, прошел сортоиспытание с хорошими показателями".

39 Т.Д.Лысенко. О внутрисортовом скрещивании растений самоопылителей. Обработанная

стенограмма доклада на выездной сессии зерновой секции Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина в г. Омске, август 1936 г., журнал "Селекция и семеноводство", 1936, 11, стр. 13-27.

40 Там же, стр. 13.

41 Там же.

42 По ходу дела многие новаторы показывали примеры своей несерьезности, перманентного

жонглирования цифрами и фактами. Выше я привел много примеров подобного рода, но стоит привести и еще один пример. Из долгушинского рассказа о выведении четырех сортовследовало, что эта работа была начата с опыления растений, относившихся к двум сортам -- Гирка и Лютесценс. Вдруг в 1934 году, выступая в Союзсеменоводобъединении 16 января, Лысенко заявил, что он работает "с 30 комбинациями, взятыми для скрещивания" (см. Т.Д.Лысенко. Физиология развития растений в селекционном деле. Журнал "Семеноводство", 1934, 2; цитиров. по книге "Стадийное развитие растений", 1952, стр. 311). В 1936 году Лысенко повторил снова, что он попрежнему работает с 30 комбинациями для скрещивания яровых пшениц с целью получения нового сорта (Т.Д.Лысенко. Теория стадийного развития растений и селекция. 1936. Цитиров. по книге "Агробиология", 6 изд., М., Сельхозгиз, 1952, стр. 107), хотя в других работах он твердил, что сорта давно получены.

43 Рассказ Я.М.Варшавского, дружившего с В.И.Веселовским, записан в марте 1986 г.

44 Личное сообщение писателя Ф.Ф.Шахмагонова, близко знавшего Шолохова, октябрь 1987 года

45 См. прим. /64/ к главе IV.

46 См., например, его статью Т.Д.Лысенко. Летние посадки картофеля на юге Украины. Газета "Правда", 4 июля 1938 г., 182./44/, в которой он продолжал уверять, что размножает свой чудо-сорт с целью облагодетельствовать колхозы Украины.

47 См. журнал "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства", 1936, 10, стр. 128.

48 Цитиров. по книге Лысенко "Стадийное развитие растений", М., 1952, стр. 704.

49 Там же, стр. 705.

50 Там же.

51 Т.Д.Лысенко. Колхозные хаты-лаборатории -- творцы агронауки. Журнал "Яровизация", 1937, 5, стр. 12-32.

52 Там же, стр. 18.

53 Т.Д. Лысенко. Культура семенного картофеля в условиях юга СССР. В кн.: Труды ВАСХНИЛ, 1936, вып XII. (Культура картофеля на юге и юго-востоке СССР. Доклады и решения I Пленума плодо-овощной секции), М., 1936, стр. 8-20, здесь цитиров. по книге "Стадийное развитие растений", 1952, стр. 599.

54 Т.Д. Лысенко. О летних посадках картофеля. Одесская газета "Большевистское знамя", 1-2 апреля 1938 г.; она же перепечатана газетой "Социалистическое земледелие", 1938,

6 апреля; она же помещена в книге "Стадийное развитие растений", 1952, стр. 605.

55 Т.Д. Лысенко. Картофель в южных районах СССР. Обсуждение вопроса III пятилетнего плана. Газета "Правда", 27 июня 1937 г., 175, стр. 3.

56 Т.Д.Лысенко. Задачи ВАСХНИЛ. 1947. Цитиров. по книге Т.Д.Лысенко "Агробиология", 6 изд., М., Сельхозгиз, 1952, стр. 529.

57 См. прим. /55/, здесь цитиров. по книге "Стадийное развитие растений", 1952, стр. 608.

58 Там же, стр. 609.

59 Там же.

60 Т.Д. Лысенко. О хранении картофеля в траншеях с пересыпкой земли. Газета "Социалистическое земледелие", 4 мая 1939 г.

61 См. прим. /56/, стр. 528-529.

62 Постановление Пленума ЦК ВКП(б) "О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период", февраль 1947 года.

63 Г.Н.Линник. О причинах вырождения картофеля. "Ботанический журнал", 1955, т. 40, 4, стр. 528-541.

Г.Н. Линник -- сотрудник Харьковского с. х. Института им. Докучаева подробно обосновывала вредность летних посадок картофеля по методу Лысенко. Автор писала:

"Летние посадки в литературе известны давно (Gasparin, 1862; Маракуев, 1912; Farmers Bulletin, 1205, 1924; Stuart, 1923), а в практике в плавнях Днепра они применяются с незапамятных времен" (стр. 533).

Заключение статьи гласило:

"... попытка бездумного расширения практики летних посадок на весь юг Украины безотносительно к условиям влажности принесла только вред".

64 См. передовую статью в газете "Правда" от 13 октября 1935 г., 283 (6529), стр. 1.

65 Т.Д. Лысенко. Стадийное развитие и селекция хлопчатника. Впервые напечатано под наз-

ванием "Выступление на III сессии ВАСХНИЛ 25 февраля 1936 года, посвященной вопросам селекции и семеноводства хлопчатника" в книге "Борьба за урожай хлопчатника. Материалы сессии", Труды ВАСХНИЛ, вып. XXVI, ч. 2, стр. 89-95, М., 1936. Здесь цитиров. по книге Т.Д.Лысенко "Стадийное развитие растений", М., 1952, стр. 462.

66 Там же, стр. 461.

67 Лысенко в этой связи писал:

"... мне кажется, что литературные источники, в особенности по генетике и селекции довольно часто бывают не совсем надежными ... Можно было бы привести целый ряд примеров из литературных источников, которые попросту говоря, не соответствуют действительности. Это не значит, что не нужно литературу использовать. Необходимо только всегда, читая ту или иную книгу по селекции и генетике, прикидывать, сопоставлять то, что там написано, с действительностью." Там же, стр. 462.

68 Там же, стр. 463.

69 См., например, статью И.Е.Глущенко с осуждениями взглядов генетика Д.Ф.Петрова, оза-

главленную "Наглая вылазка антимичуринца", Газета "Социалистическое земледелие", 9 сентября 1937 г., 207(2595), стр. 3. Автор подписался как "Аспирант И.Глущенко".

70 Личное сообщение академика ВАСХНИЛ И.Е.Глущенко.

71 Т.Д. Лысенко. О внутривидовом скрещивании растений самоопылителей. Обработанная

стенограмма доклада на выездной сессии зерновой секции ВАСХНИЛ в г. Омске 27 августа 1936 г., журнал "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства", 1936, 10; цитиров. по книге Т.Д.Лысенко "Биология развития растений", Киев-Харьков, 1940, Гос. изд. колхоз. и совхоз.
лит-ры, стр. 107, перепечатано в его книге "Агробиология", 6 изд., М., 1952, стр. 163.

72 Там же (книга "Биология развития растений"), стр. 105.

73 Акад. А.Сапегин. О хромосомах, расщеплении и гибридной мощности. Журнал "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства", 1936, 10, стр. 69-77. Автор писал:

"... основной генетический тезис Лысенко неприемлем, так как противоречит всему опыту генетики" (стр. 69, выделено автором жирным курсивом);

См. там же: Проф. А.Жебрак. Категории генетики в свете диалектического материализма,

там же, 12, стр. 78-88; Проф. Б.Вакар. О вырождении сортов в зависимости от самоопыления. Там же, стр. 113-127; Проф. Л.Делоне. Дает ли что-нибудь "формальная генетика" для практики выведения новых сортов? Там же, стр. 59-68, автор высказывался в защиту генетики как базы селекции; П.Яковлев. О теориях "настоящих" генетиков. Там же, стр. 47-

58, автор обрушивался с нападками на генетиков, обвинив их в реакционности и бесплодности.

74 Цитиров. по книге Н.П.Дубинина "Вечное движение", М., Госполитиздат, 1973, стр. 167.

75 Там же.

76 Н.П.Дубинин. Выступление на IV сессии ВАСХНИЛ. В сб.: "Спорные вопросы генетики и селекции", Сельхозгиз, М.-Л., 1937, стр. 335.

77 См. прим. (74), стр. 167.

78 Акад.М.М.Завадовский.Генетика, ее достижения и блуждания. Там же, стр. 93. В своем выступлении М.М.Завадовский дал интересный обзор достижений и трудных пока для понимания вопросах, исследуемых генетиками.

79 Акад. М.М.Завадовский. Против загибов в нападках на генетику. Там же, стр. 94-109, цитата взята со стр. 109.

80 Там же, стр. 93. Не лишне привести еще несколько выдержек из этой статьи:

"Академик Лысенко готов считать себя генетиком; руководимый им институт в Одессе носит название "Генетико-селекционного института"... В то же время настоящие генетики не считают Лысенко генетиком..." (стр. 97). "Какой же вывод вытекает из рассмотрения шумных выступлений Презента и Лысенко? Силлогизм Лысенко: генетика дает недостаточное количество хозяйственно-полезных эффектов, а я даю хозяйственно полезную продукцию, -- следовательно, генетика представляет собой занятие, подобное игре в футбол, -- в основе своей порочен" (стр. 107). "Критика генетики и динамики развития, идущая со стороны Презента, находится на крайне низком уровне и осуществляется без знания предмета, который им обсуждается. Пытаясь опорочить основы этих наук и навешивая для простоты расправы с ними ярлыки: "в ней де работают механисты", Презент занимается по существу обскурантским делом" (стр. 108).

81 Акад. Б.М. Завадовский. За перестройку генетической науки. Выступление на IV сессии ВАСХНИЛ 25 декабря 1936 года. Журнал "Под знаменем марксизма", 1937, 2, стр. 119- 133.

82 Архив ВАСХНИЛ, оп. 450, дело 59, стенограмма IV сессии ВАСХНИЛ, заседание 25 декабря 1936 года, выступление акад. Лисицына.

83 Информационное сообщение "На сессии Академии сельскохозяйственных наук им. В.И.Ленина", газета "Правда", 26 декабря 1936 г., 355 (6961), стр. 2.

84 А.Г.Утехин. Выступление на IV сессии ВАСХНИЛ. В сб.: "Спорные вопросы генетики и селекции", Сельхозгиз, М.-Л., 1937, стр. 278-281.

85 Академик П.Н.Константинов говорил:

"Утверждение академика Т.Д.Лысенко, что в первом поколении без исключения доминирует скороспелая форма, мы считаем неверным"

и приводил примеры, опровергающие данное заявление Лысенко. Затем он задавал вопрос:

"В каких же случаях и какое значение может иметь предлагаемое акад. Лысенко обновление сортов путем внутрисортового скрещивания?" и отвечал: "Ясно, что при нормальной постановке семеноводства чистых линий оно никакого значения иметь не будет".

См.: Акад. П.Н.Константинов, акад. П.И.Лисицын, Д.Костов. Несколько слов о работах Одесского института селекции и генетики. В кн.: "Сборник дискуссионных статей по вопросам генетики и селекции", 1936, Изд. ВАСХНИЛ, на правах рукописи, стр. 110-122. Эта же статья была опубликована в журнале "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства", 1936, 11.

86 Там же, стр. 120-121.

87 См. прим. /83/.

88 Акад. Г.К. Мейстер. Несколько критических замечаний. В кн.: "Сборник дискуссионных статей по вопросам генетики и селекции". Изд. ВАСХНИЛ, М., 1936, на правах рукописи, стр. 48-54.

89 Там же, стр. 48.

90 Там же, стр. 53.

91 Там же, стр. 48. Чуть позже Г.К. Мейстер еще раз вернулся к этому вопросу, сказав:

"Генетика уже давно пережила столь упрощенные подходы..." (стр. 49). "Генетика обвиняется [Лысенко и его сторонниками -- В.С.] в метафизичности, механицизме и в отрыве от практики. Все это верно, но обвиняя других, нельзя самим быть механистами и абсолютистами" (стр. 50).

Далее Мейстер остановился на нескольких примерах ошибок Лысенко в его экспериментальной работе, стараясь показать на этих конкретных примерах, что они проистекают из незнания закономерностей генетики. В частности, обращаясь к Лысенко, Мейстер указал, что согласно собственным данным Лысенко внутрисортовое скрещивание "062 с 062 ни в отрицательную, ни в положительную сторону [изменений -- В.С.] не дало" и продолжил: "... уж если говорить о любви, то вся селекция представляет собой не брак по любви, а брак по принуждению. Да вряд ли пропагандируемая "свобода" вообще хоть сколько-нибудь соответствует задачам социалистического строительства..." (там же). См. также стр. 53.

92 И.И. Презент. Против формализма и метафизики в генетической науке. Доклад на IV сессии ВАСХНИЛ. Журнал "Яровизация", 1937, 1 (10), стр.86.

93 Там же, стр. 102.

94 Д.А.Долгушин. Выступление на IV сессии ВАСХНИЛ. В сб.: "Спорные вопросы генетики и селекции", 1937, стр. 264-265.

95 А.И. Воробьев, М.А.Ольшанский. На позициях формальной генетики. Газета "Социалистическое земледелие", 14 декабря 1938 г.

96 Т.Д. Лысенко. О двух направлениях в генетике. Доклад на IV сессии ВАСХНИЛ 23 декабря 1936 г., журнал "Яровизация". 1937, 1 (10), стр. 29-75. Цитата взята со стр. 30.

97 Там же, стр. 41-42.

98 Там же.

99 См. прим. /96/, стр. 63-64

100 Т.Д.Лысенко. Возрождение сорта. Газета "Социалистическое земледелие", 30 июня 1935 г., 126.

101 Т.Д. Лысенко. К статье "Несколько критических замечаний акад. Г.К.Мейстера". В "Сборнике дискуссионных статей по вопросам генетики и селекции", М., Изд. ВАСХНИЛ, на правах рукописи, 1936, стр. -5568. Статья также была перепечатана в журнале "Селекция и семеноводство", октябрь 1935, 2/10.

102 См. прим. /96/, стр. 71.

103 Там же, стр. 74.

104 Там же.

105 Ф.Х. Бахтеев. История одной "переделки" в документах. "Ботанический журнал", 1957,

т. 42, 1, стр. 133-135.

106 См. прим. /96/, стр. 74.

107 См прим. /83/.

108 Т.Д. Лысенко. Дискуссия по вопросам генетики и селекции. Доклад на сессии Академии

сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. Газета "Известия", 24 декабря 1936 г., 299; та же статья была опубликована в "Совхозной газете" в тот же день 24 декабря 1936 г., 181 и в газете "Социалистическое земледелие", 24 декабря 1936 г., 295.

109 Опубликовано в сборнике "Из истории биологии", сборник 2, М., Изд. "Наука", 1970, стр. 187.

110 Н.И. Вавилов. Заключительное слово. В сб.: "Спорные вопросы генетики и селекции". Работы IV сессии ВАСХНИЛ 19-24 декабря 1936 года, Сельхозгиз, М.-Л., 1937, стр. 473.

111 Т.Д.Лысенко. Заключительное слово. Журнал "Яровизация", 1937, 1 (10), стр. 66.

112 См. прим. /96/, стр. 71-72.

113 Г.К.Мейстер. Заключительное слово. В кн.: "Спорные вопросы генетики и селекции", М.-Л., Сельхозгиз, 1937.

114 Там же.

115 А.С. Серебровский. Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе. "Медикобиологический журнал", М., 1929, вып. 5, стр. 3-19.

116 Там же, стр. 16.

117 Там же.

118 А.С.Серебровский. Письмо в редакцию "Медико-биологического журнала", 1930, вып. 5, стр. 447-448.

119 Там же, стр. 448.

120 Речь акад. Г.К. Мейстера на IV сессии Академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. Газета "Правда", 29 декабря 1936 г., 358 (6964), стр. 3.

121 Там же.

122 Т.Д.Лысенко писал тогда:

"На Всесоюзном генетическом съезде в Ленинграде в январе 1929 г. мной были зачитаны основные положения гипотезы "озимости"... Проф. Максимов ни до этого съезда, ни на самом съезде этой мысли не высказывал. Спустя же непродолжительное время после съезда в одной из ленинградских газет [по-видимому речь идет о "Ленинградской правде" от 16 января 1923 г. -- В.С.] появилась заметка, где уже указывается, что между озимыми и яровыми растениями разница не качественная, а количественная, то-есть как раз то, что является основной мыслью моей работы. В последней статье, напечатанной в "Сельскохозяйственной газете", проф. Максимов, не решаясь отказаться от своих прежних выводов, в то же время опять подчеркивает, противореча себе, что разница между яровыми и озимыми не качественная, а количественная".

123 См.: Т.Лысенко. "В чем сущность гипотезы ...", см. прим. /28/ к главе 1.

Обратите внимание на аргументацию Лысенко: сначала он приписывает Максимову то, что тот якобы никогда не видел количественных различий между озимостью и яровостью, а затем, заявляет, что Максимов заимствовал у Лысенко важный принцип.

124 Т.Д.Лысенко. Биология развития растений -- общебиологическая основа агрономии. Журнал "Яровизация", 1935, 1, стр. 6-7.

125 Заметка "От редакции". Там же, 1936, 5 (8), стр. 15.

126 Там же.

127 Т.Д.Лысенко. Запутались или путают? Журнал "Яровизация", 1936, (8), стр. 30-44.

128 Там же, стр. 30.

129 Там же, стр. 31.

130 Там же.

131 Там же, стр. 33.

132 Там же, стр. 41-42

133 Там же, стр. 44.

134 См. прим. /15/, здесь цитировано по книге "Стадийное развитие растений", М., 1952, стр. 642-643.

135 Т.Д.Лысенко. Стадийное развитие растений, см. прим. (3), стр. 642.

136 А.Г. Утехин. Два дополнительных килограмма на трудодень. Журнал "Яровизация", 1936, 2-3 (-56), стр. 160-165.

137 Т.Д.Лысенко. Ответ на статью "Несколько слов о работах Одесского института селекции и

генетики" акад П.Н.Константинова, акад. П.И.Лисицына и Дончо Костова. В кн.: "Сборник дискуссионных статей по вопросам генетики и селекции", М., Изд. ВАСХНИЛ, на правах рукописи, 1936, стр. 127.

138 Т.Д. Лысенко. Физиология развития растений и вопрос зимостойкости озимых хлебов

(доклад, прочитанный в Днепропетровске на Всесоюзном совещании по зимостойкости в 1934 году). Впервые опубликован в ежегоднике "Сельское хозяйство СССР" за 1935 год, цитиров. по книге "Стадийное развитие растений", М., 1952, стр. 318.

139 Там же.

140 Там же.

141 А.А.Авакьян и А.Х.Таги-Заде. О так называемой "яровизации" растений светом. Журнал "Яровизация", 1935, 1, стр. 6-5107.

142 Акад. Г.К.Мейстер. Несколько критических замечаний. Журнал "Селекция и семеноводство", октябрь 1935, 2 (10), стр. 13-16.

143 И.И.Презент. Дарвин и Тимирязев о биологическом значении близкородственного разведения. Журнал "Яровизация", 1935, 3, стр. 84-86.

144 А.Р. Жебрак. Генетика и теория стадийного развития растений. 1935. Рукопись. Хранилась в библиотеке ВИР, шифр каталога Б-924-05.

145 И.И.Презент. Биология развития растений и генетика (ответ критикам). Журнал "Яровизация", 1936, 1 (4), стр. 3-46.

146 Там же, стр. 24.

147 Там же, стр. 4-546.

148 Там же, стр. 46.

149 Я.А. Яковлев. Депутаты Чрезвычайного VIII съезда СССР. Доклад Председателя Мандатной Комиссии Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 г. На стр. 22 Яковлев перечисляет деятелей науки, техники, культуры, искусства,

участвующих в работе съезда:

"т. Комаров -- вице-президент Академии наук СССР; т. Лысенко -- сын крестьянина, ныне академик, настоящий ученый, из которого выковывается человек, умеющий преобразовывать растения в интересах нашего хозяйства; т. Мейстер -- выдающийся селекционер нашей страны; т. Бурденко -- профессор, один из крупнейший мастеров хирургии; т. Москвин -- один из любимейших народных артистов Союза".

150 Газета "Правда" 2 декабря 1936 г., 331 (6937), стр. 1.

151 Т.Д.Лысенко. Отчет делегата Съезда Советов академика Т.Д.Лысенко на собрании в Одесском селекционно-генетическом институте. Там же, 20 декабря 1936 г., 349 (6955), стр. 3.

152 Информационное сообщение "Новоархангельский район Одесской области. Колхозники и

колхозницы с.х. артели им. Шевченко наметили кандидатом в депутаты Совета Союза Трофима Денисовича Лысенко". Газета "Соцземледелие" 29 октября 1937 г., 249 (2637), стр. 1. См. также: С.Беляков. Знатный сын колхозного крестьянства (кандидаты в депутаты Верховного Совета СССР). Там же, 23 ноября 1937 г., 268 (2656), стр. 2. В номере был помещен портрет Т.Д.Лысенко и сказано: "Трофим Денисович дважды награжден орденами, в последний раз орденом Ленина, избран членом ЦИК Союэа и членом ВУЦИК [Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета --В.С.]".

153 Газета "Правда" 28 апреля 1938 г., 117 (7442), стр. 3.

154 В информационном сообщении о съезде говорилось:

"По предложению депутата Н.С.Хрущева I сессию Верховного Совета СССР I-го созыва открывает депутат академик А.Н.Бах. Председателем Совета Союза единогласно избран Андреев Андрей Андреевич, заместителями Председателя избраны тов. Лы-сенко Трофим Денисович и тов. Сегизбаев Султан".

Газета "Правда" 13 января 1938 года, 13 (7338), стр. 1. На стр. 2 этого же выпуска газеты помещена фотография А.А. Андреева и его двух заместителей. Через два дня (16 января) в "Правде" снова помещена фотография Лысенко.

155 См. газета "Правда" 3 августа 1940 г., 214 (8260), стр. 1.

156 Там же, 27 октября 1935 г., 297 (6543), стр. 1.

157 Газета "Известия" 31 декабря 1935 г., 304 (5957), стр. 1.

158 Передовая статья "Науку на службу стране". Газета "Правда" 29 июля 1938 г., стр. 1. См. также редакционную заметку "Новые работы академика Т.Д. Лысенко" в газете "Соцземледелие" 4 апреля 1937 г., 77 (2465), стр. 4. В заметке говорилось:

"Весной в институте академика Т.Д.Лысенко начнутся интересные работы по плодовым. На деревьях яблони будут привиты черенки четырех сортов яблок: пармен золотой, пепин литовский, кальвиль снежный и бельфлер ... Можно будет наблюдать весьма интересное явление: каждое дерево даст тринадцать разновидностей".

Понять сказанное невозможно: во-первых, каким образом четыре прививки могли привести к изменению дерева в тринадцати направлениях, не говорилось; во-вторых, сорта яблонь не относятся к разным разновидностям, а являются сортами одной разновидности, следовательно, прививки такого рода не могли никак изменить разновидности данного ботанического вида. Однако, написать это корреспонденты могли только со слов сотрудников Одесского института.

Г л а в а VIII

"КОЛХОЗНЫЕ АКАДЕМИКИ" И ГИБЕЛЬ ТУЛАЙКОВА

"Но всё трудней мой следующий день,

И всё темней грядущей ночи тень".

Вильям Шекспир. Сонет 28-й" (1).

"...у них нервы крепкие, взгляд острый и ум ясный, не расшатанный вольнодумными софизмами. Это дает им возможность отлично понимать, что по настоящему времени самое подходящее время -- это перервать горло.".

Михаил Е Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо (2).

Наука колхозно-совхозного строя

У жителей страны, одурманенных пропагандой, складывалось, да и не могло не сложиться впечатление о непрекращающейся полезной деятельности Лысенко, его сторонников и учеников. Учитель разъезжал по солидным учреждениям, участвовал в престижных совещаниях, мельтешил перед глазами руководителей страны и журналистов. Ученики исполняли роли эмиссаров -- сновали по колхозам, следили за цифрами в анкетах, направлявшихся из низов в верхи. В Одессе стали часто проводить кратковременные совещания, слеты, курсы, на которые приглашали крестьян со всех районов Украины (3).

В это же время Вавилов наращивал усилия в создании своей империи. Помимо его собственного гигантского института он развивал те почти двадцать новых институтов, которые сумел в короткий срок учредить в системе ВАСХНИЛ. Главная трудность в развитии этих новых научных учреждений заключалась в нехватке кадров квалифицированных научных сотрудников, специализирующихся сразу по многим новым направлениям. Чтобы срочно их наготовить, Вавилову удалось получить от Правительства финансовые средства на колоссальное расширение приема в аспирантуру по линии ВАСХНИЛ -- шесть тысяч ученых должны были срочно пройти через аспирантуру в вавиловской академии1.

Однако, взявшись за решение этой проблемы, Вавилов не обеспечил удовлетворявшую коммунистических надзирателей систему предварительной фильтрации принимаемых в аспирантуру по признаку их социального происхождения, идейной направленности, преданности курсу партии и полной подчиненности руководству. Увлеченный своими идеями, Вавилов упустил из виду столь важный аспект в кадровой политике, что это не могло не насторожить партийные власти. Возмездие за непозволительное вольничанье в кадровом вопросе не заставило себя долго ждать. В 1933 году было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) о недостатках в подготовке кадров сельскохозяйственных научных работников. Партия отменила вавиловский курс (5). Прежде всего было заявлено, что по мнению

коммунистических лидеров научных работников готовили слишком много: "за последние 4 года число аспирантов в системе ВАСХНИЛ возросло в 21 раз и в 1933 году достигло 1722 чел.", -- было сказано в постановлении (6). ЦК партии коммунистов постановило резко уменьшить это число. Хотя это требование не выпячивалось в словесном виде, но между строками была запрятана цифра, сколько же аспирантов надо готовить в год для сельскохозяйственной науки. Всего СОРОК человек. Уменьшение с 1722 до 40 аспирантов в год в комментариях не нуждалось. А затем было указано и на главную причину недовольства действиями руководителя ВАСХНИЛ. Теперь в аспирантуру было разрешено зачислять только членов партии, комсомольцев и проверенных товарищей. Чтобы сразу и навсегда отметить надлежащим клеймом тех, кто прошел раньше бесконтрольную аспирантуру, от тех, кто закончит разрешенную партией и ею проконтролированную аспирантуру, в постановлении был введен новый термин для проверенных товарищей: их назвали "специальными аспирантами". В "специальную аспирантуру" вменялось брать работников партийных органов, печати, комсомольских и иных проверенных активистов2.

Семь из этих мест в первый же год было отдано Лысенко, и, таким образом, у него появились "специальные" аспиранты, такие как И.Е.Глущенко, перед поступлением в аспирантуру работавший в комсомольской газете Украины.

"Специальные аспиранты" решительно вошли в жизнь Одесского института, стали душой всех слетов, сборов, курсов, проявляли смекалку и находчивость. Например, И.Е.Глущенко рассказал мне в 1976 году, как он, будучи аспирантом у Лысенко, догадался послать письмо в Департамент Земледелия США с просьбой прислать какой-нибудь отчет о свойствах русских пшениц, использованных при выведении американских сортов. Составить письмо и перевести его на английский язык взялся один из сотрудников, оставшихся еще со времен Сапегина. Американцы быстро прислали в Одессу просимое, тот же сотрудник перевел всё с английского на русский, Глущенко вставил перевод в качестве одной из глав будущей диссертации и пошел прочесть этот раздел шефу. Дело было летом, Лысенко теперь по положению имел право занять одну из дач на берегу Черного моря, где и жил в самой спартанской обстановке. Когда Глущенко пришел на дачу, он, по его словам, застал шефа разлегшимся с Исаем Презентом на полу, на рваном армяке. На предложение прочесть написанное оба "профессора" ответили утвердительно. Глущенко уселся на табуретку и зачитал развалившимся шефам "свой" труд, крайне изумив их глубиной познания. "Когда это ты стал таким умным?" -- спросил Лысенко у своего аспиранта и, получив разъяснение, как можно без особого труда раздобывать уникальные сводки литературы, остался очень довольным и Глущенко за находчивость похвалил.

"Специальные аспиранты" принимали активное участие в проведении партийной линии, в слежении за умонастроениями коллег и часто выступали с "разоблачениями" в газетах. Так, 9 августа 1937 года группа специальных аспирантов лысенковского института (Глущенко и др.) опубликовали в газете "Соцземледелие"
письмо в редакцию, озаглавленное "О "технических ошибках" специалиста Куксенко" (7а). Специальные аспиранты доносили, что специалист Куксенко не выполнил указания Лысенко, ссылаясь на всякие несущественные, с точки зрения авторов письма, причины (например, приказ его непосредственного начальника). В назидание другим аспиранты сообщали, что Куксенко получил за это тюремный срок и находится в заключении, и затем доносили, что непосредственным начальником Куксенко был Прокофий Фомич Гаркавый, который пока разгуливает на свободе. Аспиранты требовали применить к нему более строгие меры. Согласно личному сообщению И.Е.Глущенко, сделанному мне в 1985 году, после их статьи НКВД действительно арестовало Гаркавого, но Лысенко пожалел толкового селекционера, заступился за него, после чего Гаркавого выпустили (в будущем Гаркавый получит Ленинскую премию за выведение сортов ячменя и других культур, в 1972 году его изберут

академиком ВАСХНИЛ). Другой бывший сотрудник Одесского института недавно рассказывал мне, как "специальные аспиранты", убежденные, что Гаркавый -- враг и вредитель старались добыть порочащие его сведения. Они, а не чины из НКВД, нагрянули в хату Гаркавого. Командовала всем секретарь парторганизации Гапеева, а ближайший лысенковский ученик Хитринский ломал ломом полы в доме, и все они вместе искали, что там припрятано. Позже Хитринский прославился и во всемирном масштабе: его вместе с Глущенко власти часто отправляли заграницу -- "достойно представлять передовую советскую науку"). Как было сказано в предыдущей главе, Глущенко опубликовал 9 сентября 1937 г., в газете "Социалистическое земледелие" еще одну статью, озаглавленную "Наглая вылазка антимичуринца" (прим. /69/ к главе VII), в которой он сообщал о вражеских взглядах генетика Д.Ф.Петрова.

Для быстрой популяризации своих идей Лысенко использовал не только печать, но и устное общение со слушателями курсов. Простецкий с виду, одетый так же, как и обычные колхозники, владевший тем же лексиконом, что и они, доступный и прямой, всегда появлявшийся на этих курсах в окружении невидных людей, -- Лысенко вызывал симпатии слушателей курсов.

Его энергия заражала. Вокруг крутились такие же, как он, простые ребята, вечно озабоченные -- кто посевом, кто починкой сельхозмашин, кто обработкой семян. Они входили в здание в сапогах, телогрейках, вымазанные землей, перепачканные машинным маслом, шли со своими нуждами, вполне понятными и близкими любому крестьянину, обращались к Лысенко за советами. И всё это было на виду. Натруженные руки лысенковских помощников, как бы говорили всем, что хлеб даром они не едят.

Сохранилась фотография лысенковской гвардии тех лет, на которой они засняты не в парадной форме, а так, как были одеты в повседневной жизни. Было видно, что все вернулись с поля, сапоги и ботинки в земле, никто не прихорашивался, чтобы выглядеть на фотографии получше. Какими пришли, такими и устроились для съемки, дружно и сосредоточенно: восемь человек уселись на длинную скамью, девятеро встали за их спинами у стены здания. Единственная женщина -- А.И.Гапеева надела варежки, а остальные спрятали руки в рукава пальто и телогреек. Только двое или трое были в галстуках, а остальные в косоворотках, в темных рубашках. И нельзя было отличить обычно франтоватого Д.А.Долгушина от простецкого И.Е.Глущенко, А.Д.Родионова от Ф.Г.Луценко, С.А.Погосяна от Г.А.Бабаджаняна, и всех их от сидящего в центре Лысенко, сунувшего руку в карман пальто, заложившего ногу за ногу. Не знай его в лицо, так и не скажешь, что это -- академик, орденоносец, руководитель института. Крестьянин и крестьянин, лицо в лицо с другими такими же крестьянами... Все эти черты способствовали безоговорочному признанию Лысенко за "своего" всеми, кто стал считать, что теперь для них открылась прямая дорога к таинству научной деятельности.

Стать ученым! Стать, минуя долгий и в общем трудный путь гимназического или школьного, а потом университетского или институтского обучения, минуя аспирантуру или докторантуру, сразу взять быка за рога -- этого жаждали многие. Не удивительно, что призывы и обещания Лысенко находили восторженный отклик среди сотен крестьян, загоревшихся мечтой превратиться "по щучьему велению, по одному хотению", как говорилось в русских сказках, -- в ученых, какими стали Лысенко и его приближенные.

"Колхозных академиков" настраивают против ученых

Важнейшим козырем Лысенко, разыгранным им с блеском, стало раздувание кампании поддержки его простыми колхозниками. Привлечение их в качестве главных арбитров в

споре с учеными рассматривалось тогда руководством страны как вполне нормальное, естественное и правильное явление, а не попрание науки, не оскорбление ученых. В пору массового оптимизма такое направляемое сверху "мнение масс" приобрело невиданную силу.

Молодежи сегодняшнего дня трудно вообразить себе тот дух оптимизма, который питал советское общество в начале 20-х годов и, спадая, но все-таки сохраняясь, существовал вплоть до середины годов тридцатых. За утекшие в лету десятилетия изменился мир, иным стало восприятие событий и поведение людей. Мы утеряли тот изначальный оптимизм, о котором рассказывали нам родители и который прорывается в кадрах кинохроники тех лет. Нам уже трудно представить, что это были за годы, давшие миру изумительные образцы вдохновенного труда, высочайшей поэзии и прозы Мандельштама и Бабеля, Пастернака и Булгакова, но одновременно родившие Лысенко и Берию, вытолкнувшие их на верхи общества.

Нам уже не дано прочувствовать, что означало для миллионов людей, практически для всего народа поголовно счастье учиться читать и писать, впервые взять в руки книгу, впервые услышать радио, впервые увидеть кино, впервые ..., впервые..., впервые... Раскрепощенные люди, познавшие грамоту, дрожащими от натуги пальцами выписывавшие первые в их жизни слова: "Рабы не мы. Мы -- не рабы", эти люди считали -- наивно и искренне -- что тысячелетиями ожидавшееся равенство всех людей наступило и зовет их подняться над сегодняшней серостью и вчерашней забитостью.

Когда демонстрируют кадры немногих отснятых документальных фильмов о том времени, мы часто остаемся холодно равнодушными, вроде бы и верящими и не верящими во всеобщность этого оптимизма. Мы видим чумазые лица шахтеров, выбирающихся из шахт с сияющими от счастья глазами, смотрим, как тысячи плохо одетых людей копошатся вдали с носилками и тачками, возводя школу или цех, а затем видим марширующие с деревянными ружьями колонны (не за горами Мировая Революция -- надо готовиться! Да и враг в любую минуту может напасть!).

Это время, сметенное, раздавленное террором, ушло, как уходят определенные этапы развития общества, но оно было, были эти тысячи оптимистов, рвавшихся к знанию, к свету равенства и братства... и к должностям, к власти, к деньгам, к сладкой жизни. Для многих из них слова "равенство и братство" означали, что и на самом деле все уже равны, так чего же задаваться -- все теперь академики в своем деле, все должны к одному стремиться -- к коммунизму, когда равенство станет всеобщим, а жизнь райской.

Вот эту тягу и этих оптимистов (а сколько среди них было и карьеристов, а не только невинных) и использовал Лысенко, использовал умело и с большим размахом. Манипулируя людьми, он превратил их мнение в страшную силу, назвав его коллективным разумом масс, найдя способ публиковать высказывания простых людей в газетах и журналах, натравливая их на ученых и одновременно культивируя ненависть к серьезной науке, к сугубому профессионализму.

Конечно, сам Лысенко слегка поднаторел, оказавшись в научной среде, знал слова, неведомые крестьянам, и они за это чтили его как бога, но и их он одарил новыми возможностями, дал им право называть избу с десятком книжек, весами и термометром на столе -- "хатой-лабораторией" (все, как в настоящей науке, своя лабалатория), величал их "колхозными академиками" (а им и неведомо было, какие там еще такие академики имеются, чай, есть такие в столицах, сидят за столами -- у кого голова посветлее, да лицо почище).

Решив обратить незнание этих людей себе на подмогу, Лысенко поступил крайне расчетливо.

В Одессе, как уже упоминалось, организовали краткосрочные -- от недели до трех недель -- курсы для колхозников. Примитивным языком сам Лысенко, чаще вместо него Исай Презент, иногда другие хлопцы из собравшейся вокруг них команды рассказывали доходчивые байки о том, как растет, как развивается растение, излагали суть лысенковских предложений, а параллельно клеймили врагов лысенковской науки, объясняя, что эти люди зазнались и мешают расцвету жизни простых колхозников, раз высокомерно посягнули на самое святое для крестьянина -- на замечательное учение товарища Трофима Денисовича Лысенко, нашего колхозного академика. (Благодаря этому изначально проповедовавшиеся идеи всеобщей справедливости и равенства возможностей изначально же стали перерастать в свою противоположность -- разжигание розни между социальными группами, и это было также фактором формирования лысенкоизма).

Когда статья Константинова, Лисицына и Костова о недостатках яровизации (см. прим. /85/ в главе VII) была опубликована, в Одесском институте собрали открытое партийное собрание (дела научные ведь нужно решать не иначе как на партийном собрании). Произошло это 28 октября 1936 года. Презент зачитал выдержки из статьи, а затем, как сообщалось в отчете об этом собрании коммунистов: "горячее участие в обсуждении этих вопросов приняли прибывшие на курсы при институте заведующие хатами-лабораториями из Днепропетровской области" (8). Срочно в журнале "Яровизация" напечатали отрывки из их речей, насколько возможно подправленные стилистически редакторами, с факсимильным воспроизведением подписей-каракулей авторов выступлений. Для этих людей, недавно познавших грамоту, строй мыслей, факты и аргументация ученых были темным лесом, но они брались уверенно судить об ошибочности мнения ученых с мировым именем: демонстрируя этим, что теперь им предоставлено право на равное с академиками волеизъявление. Приговоры их были единодушными.

"Мы, колхозники, знаем пока единственного человека из людей науки, который открыл нам глаза... этот человек и есть академик Лысенко... И вот я узнаю, что в науке есть немало людей, старающихся очернить, оклеветать, работу того, кого колхозники больше всего из людей науки знают, кому больше всего из ученых верят. Выслушав зачитанные тов. Презентом выдержки из статьи, написанной акад. Константиновом, Лисицыным и Костовым, я прихожу к выводу, что да, есть еще ученые, которые смотрят не туда, куда советскому ученому смотреть следовало бы", --

сказал Козыряцкий Петро из колхоза имени Кирова Запорожского района (9).

А колхозник Юрченко из "Спілной праці" Васильковского района сделал такое заявление:

"Кое-кому становится непонятным, как объяснить такое явление, что против такой жизненной науки Лысенко выступают некоторые другие люди науки? Мне, как колхознику, этот вопрос кажется очень прост. Я его понимаю так: "факты" обвинений, которые выдвигаются против акад. Лысенко, родились из ревности, зависти, на базе собственного незнания того, что действительно надо колхозам. Только это и могло способствовать написанию такого рода статей, которые вызывают только смех и сожаление о том, что некоторые люди, не брезгая [орфография сохранена -- В.С.] даже клеветой, решили выступить против работ Т.Д.Лысенко" (10).

Н.Брижан из колхоза "Коминтерн" Красноармейского района говорил:

"Великий Сталин поставил перед нами задачу добиться высоких урожаев, сделать жизнь колхозника зажиточной... И мне лично довольно странными кажутся рассуждения академиков Константинова, Лисицына и доктора Костова о том, что будто бы яровизация дает

снижение урожая" (11).

Теперь Лысенко и Презент начали из номера в номер печатать такие письма. Лысенкоисты развили новый способ дискуссий: вместо аргументов в ход пошли окрики, вместо возражений -- ссылки на отклики из колхозов и совхозов. Журнал "Яровизация" запестрел письмами простых крестьян, которые, славя "колхозного академика", противопоставляли ему "кабинетных ученых", "буржуазных приспособленцев", якобы ставивших палки в колеса "народному герою" -- Лысенко (12). Шла цепная реакция. Лысенко подстегивал колхозников, а они, в свою очередь, прибавляли смелости самому Лысенко и давали ему возможность козырять перед властями "откликами с полей", ссылаться на "мнение народа". Он всё больше смелел, используя возможности советской прессы, с видимым удовольствием печатавшей его самые разнузданные по тону статьи. А все, кто пытался даже в самой строгой академической манере изложить свои замечания или просто поделиться сомнениями, преподносились теперь и самим Лысенко, и его клевретами, как враги советской власти, выступающие уже не против него лично, а против науки и общества в целом, а иногда и хуже -- как буржуазные перерожденцы и классово чуждые и потому особенно ненавистные враги. Не забудем, что именно Лысенко был первым, кто аттестовал ученых, честно возражавших против его идей, как "классовых врагов", чем вызвал бурную радость Сталина.

Так формировался новый стиль борьбы с инакомыслящими в научной сфере, стиль шельмования, оскорблений, нетерпимости, политической подозрительности и доносов. Так воспитывалась молодежь, которую натравливали на уважаемых ученых.

Страшные плоды этой учебы вскоре дали себя знать. По вздорным, но злобным доносам были арестованы десятки людей из руководства ВАСХНИЛ, директора многих институтов (хлопководства, животноводства, агрохимии, защиты растений и др.). Руководители партии расчищали дорогу Лысенко. Из науки и жизни они устраняли явных и потенциальных его критиков.

"Обновление сортов"

Согласно объяснениям Лысенко, внутрисортовое скрещивание должно было обеспечить рост урожайности всех сортов за счет процесса перемешивания наследственных задатков (слово ген теперь не употребляли, так как, во-первых, это было слово буржуазное, во-вторых, генов вроде бы больше не существовало, а, в-третьих, русское слово "задатки" всем было безусловно понятно). За счет перемешивания задатков должно было наступить то, что было названо "обновлением сортов". Но как сама процедура перемешивания, так и обещанное улучшение качеств сортов за счет "обновления" противоречила тому, что знали биологи. Критика "обновления" последовала немедленно. Однако теперь Лысенко знал, как поступать. Когда с критикой его "внутрисортового скрещивания" выступили Вавилов, Мейстер и другие, "опровергать" их он стал с помощью уже испытанного приема: "обновлением" семян -- по указке начальства -- заставили заниматься в массовых масштабах малограмотных колхозников. Опять в ход пошли анкеты, сообщения с мест, рапорты с колхозных полей... И года не прошло, как Лысенко стал заявлять, что правильность его нового предложения была "блестяще подтверждена совхозно-колхозной практикой".

"Усовершенствовали" лысенкоисты и методику переноса пыльцы с цветков на цветки. Долгушин предложил простой (но одновременно более травматичный для растений и более грубый с биологической точки зрения) способ. Вместо хлопот с отодвиганием колосковых и цветочных чешуй и сбора пыльцы с последующим переносом на другие цветки, как рекомендовали первоначально Лысенко и Презент, Долгушин предложил просто обрывать пинцетом все чешуи на цветках, кастрировать последние, удаляя пыльники (мужское начало

цветков), и давать цветкам оплодотворяться любой пыльцой, носящейся в воздухе. Прилив чужих "кровей" был этим обеспечен (13).

"Это мероприятие блестяще себя оправдало, -- говорил Лысенко. -- Производительность труда была повышена в -56 раз. А главное, что за 2--3 часа можно научить колхозника или колхозницу владеть этим способом" (14).

Колхозников начали учить. Они, конечно, не знали, что к чему, им было безразлично, обновляются или портятся семена от таких вивисекций, -- сказали, что обновляются, записывают трудодни за работу, ну, так ползай на коленках по полям, рви пыльники, не жалей. (Заставить выполнять эту нелепую работу можно было только колхозников, крестьянин на своей земле такими экспериментами заниматься бы не стал.)

Как и во времена кампании по яровизации, лысенковский журнал начал печатать десятки писем от крестьян, заведующих хатами-лабораториями, партийных и советских чиновников, сообщавших, конечно, не о прибавках урожая, а о другом -- о числе кастрированных цветков и граммах "обновленных" семян:

"Сообщаем, что при вашем верном научном руководстве и активной помощи... кастрировано пшеницы "украинка" 3200 колосьев; ячменя -- 350 колосьев. Прошу ваших дальнейших советов о том, как лучше провести работу по сбору и посеву полученного от внутрисортового скрещивания зерна.

С уважением к академику Т.Д.Лысенко

В.О.Шимко, Винницкая область, село Липчане" (15).

"Недавно возвратилась из Немерчанской с.х. станции, где прошла 4-дневные курсы и получила инструктаж по селекции. Приехав домой, я подготовила себе 5 женщин и приступила к работе... Прокастрировали мы 3400 колосьев и каждый обозначили ленточкой и флажком с фамилией, чтобы знать, что и кто сделал... Председатель колхоза привел фотографа, который сфотографировал нас за работой.

Анна Михайловна Ткач, зав. хатой-лабораторией

(Винницкая область, село Удриевцы)" (16).

"Через журнал "Хата-лаборатория" 5 за май месяц я ознакомился с вашей практической работой по улучшению жизнеспособности пшеницы... Над этим вопросом я долго думал: советовался с правлением колхоза. Правление побаивалось, потому что дело новое... На мое счастье через несколько дней правление колхоза получило распоряжение от плисковского райземотдела провести работу по кастрации пшеницы... Было прокастрировано за 4 дня 1260 колосьев... Удачное скрещивание получилось в 915 колосьях, остальные погибли. Сейчас мы имеем 600 грамм пшеницы от внутрисортового скрещивания.

Д.Д.Кирилюк, завед. хатой-лабораторией колхоза

им. Сталина (Киевская область, Плисковский район)" (17).

А председатель Криворожского горсовета П.Чебукин "отбивал" телеграмму не в обком партии, не ЦК или в ЦИК, а беспартийному Трофиму Денисовичу (ведь хорошо понимал товарищ Чебукин, кто есть кто на данный момент!), в которой рапортовал:

"Кастрировано... в нашем районе для целей внутрисортового скрещивания 129 тысяч колосьев озимой пшеницы и 95 тысяч колосьев яровой пшеницы, всего 224 тысячи колосьев" (18).

Но возникали сомнения и у товарища П.Чебукина:

"Мы также думаем и о том, как лучше провести посев обновленными семенами. Ведь в этом отношении мы никакого опыта не имеем" (/19/, выделено мной -- В.С.).

А и в самом деле, что делать дальше? Куда девать эти "обновки"? Ведь весь этот "брак", хотя бы и "по любви", затевался, как говорилось в телеграмме Лысенко в ЦК, Наркомзем и ВАСХНИЛ, в расчете "на громадную практическую эффективность обновления семян". Но за год разговоры об эффективности забылись, прием стал самоцелью. И отчеты уже составляли не о количестве собранного зерна, а о сотнях или тысячах штук кастрированных колосьев. Что же дальше? Кастрировать следующие тысячи колосьев, собирать вручную с них семена и надеяться, что урожай будет повышен и в следующем году? Но ведь и в следующие годы надо будет тратить миллионы человеко-дней, чтобы прокастрировать очередные миллионы колосьев и наготовить новые "обновки". Получался замкнутый круг.

Лысенко пришлось снабдить свою теорию, если её можно так назвать, еще одним дополнением, гласившим, что "обновленные" семена будут много поколений подряд сохранять улучшенные свойства, хотя это предположение противоречило его же собственным первоначальным утверждениям о вреде самоопыления (а пшеница и ячмень были как раз самоопылителями -- если их принудительно не кастрировать, они опыляются собственной пыльцой). Теперь Лысенко говорил следующее:

"Не знаю, в скольких поколениях будет сказываться эффект... Думаю только, что заранее знать этого нельзя, так как разные сорта, а также один и тот же сорт в разных районах по-разному себя ведет" (20).

Впрочем,
его такие мелочи волновали мало. Он беспокоился о другом:

"Узким местом стало наличие пинцетов. Спрос на пинцеты против обычного потребления их в Советском Союзе моментально возрос в десятки раз" (21).

Предприимчивые лысенкоисты, конечно же, попробовали найти выход и на этот раз. Придумали еще более простой (и еще более травматичный для растений) способ: обстригать ножницами колосья, оголяя ось колоса с торчащими наружу рыльцами пестика -- вот и вся кастрация.

Теперь возникла очередная проблема: где взять столько ножниц, чтобы удовлетворить аппетиты кастрирователей?

"Нам потребуется для этого дела до 500 тыс. ножниц, -- заявил Лысенко на заседании IV сессии ВАСХНИЛ в декабре 1936 года, и, естественно, потребовал, чтобы для этого числа ножниц выделили столько же колхозников. -- Для работы... необходимо подготовить до 500 тысяч колхозников" (22).

Нашлись занятия и для академиков:

"Дело Академии взять на себя всю эту большую организационную работу" (23).

Но ножницы -- более сложный агрегат, чем пинцеты, и Лысенко решил снова ограничиться более простым прибором научного облагораживания семян -- пинцетами, тем более, что по предложению лысенкоистов в газетах и журналах стали печатать советы колхозным кузнецам, как лучше всего, используя местные ресурсы, самим наготовить пинцеты.

Тем временем Лысенко стал требовать уже не полмиллиона пинцетов и колхозников, а больше. В более позднем издании того же доклада назывались другие цифры:

"Нам потребуется для этого дела 800 тысяч пинцетов. То же самое с подготовкой кадров... потребуется подготовить до 800 тысяч колхозников" (24).

Итак, роли в грандиозном спектакле с участием почти миллиона действующих лиц и множества статистов из партийных, советских и других организаций были распределены. Оставалось только узнать, окупятся ли издержки? В этом вопросе новатор на обещания не скупился:

"В 1937 г. любой человек сможет убедиться в том, что будут получены сотни тонн обновленных семян из посева семенами от внутрисортового скрещивания, проведенного в 1936 году" (25).

И ни слова о главном -- о прибавках в сборе зерна. У ученых такие обещания, совершенно не подкрепленные никакими аргументами, вызывали настороженность, о чем они не раз говорили Лысенко публично. Его ответ гласил:

"Генетикам в настоящее время, мне кажется, надо готовиться не для подыскания фактов неизменяемости сортов, а подумать о том, как объяснить благотворное влияние внутрисортового перекреста. Ведь в самом деле, Николай Иванович и другие товарищи Генетики! А вдруг сотни колхозных хат-лабораторий весной 1937 г.... покажут, что озимая пшеница от внутрисортового перекреста становится более зимостойкой? Вдруг довольно большие опыты Одесского института по искусственному замораживанию тоже это подтвердят? [А что это за опыты? Ни разу никто раньше о замораживании не говорил, да и что морозили -- семена? -- пыльцу? а может прямо цветки -- наверное, тайна государственная! Сверхсекретная! -- В.С.] А что, если, в добавление к этому, и сортоиспытание покажет значительную прибавку урожая озимых пшениц? Ведь полевые опыты с яровыми пшеницами у нас в институте это уже давно показали" (26).

Но тем-то и отличались "не-колхозные" ученые, что верить на слово во все эти "а вдруг?" они не могли, что данные "опытов" с яровыми они не могли некритически переносить на озимые пшеницы, да и не убеждали их больше ссылки на победные результаты Одесского института. То, что получалось там, не воспроизводилось в других местах, о чем уже не раз сообщали и Константинов, и Лисицын, и Юрьев, и Шехурдин, и другие ученые.

Однако рекомендации Лысенко тут же приняли к исполнению партийные чиновники. Их приказ полетел в края, области, районы, оттуда в совхозы и колхозы. Сотни тысяч крестьян вместо того, чтобы заняться делом, были вынуждены тратить время на чепуху (27). А обернулась эта затея страшным провалом. На огромных массивах колхозных полей была переопылена масса самых ценных посевов -- семенных. Были перепорчены основные сорта зерновых культур, что сразу же и на много лет снизило их урожайность. Случилось то, о чем предупреждали генетики и селекционеры.

Был вред и другого порядка. Вовлечение в "науку" сотен тысяч колхозников (даже если это вовлечение было лишь на бумаге) неправомерно раздувало амбиции тех, кто хоть и не мог называться ученым, но теперь этим высоким титулом именовался. Лысенко раздувал тягу к незаслуженным званиям. В его журнале "Яровизация" было печатали панно с виньеточками и кудрявой вязью "Народные академики", на которых красовались фотографии полуграмотных избачей из хат-лабораторий с наморщенными лбами, то рассматривающих глубокомысленно термометр в вытянутой руке, то объясняющих что-то другим таким же "академикам-избачам" из развернутых перед ними книг.

Так, после арестов и высылки самых толковых крестьян, была подведена база под "идеологический карьеризм", а заодно опошлена наука и обесславлены истинные академики. Девальвация высоких титулов вела к девальвации науки и морали в целом. Аппетиты карьеристов росли. Требовательность, доказательность и скрупулезность настоящей науки были объявлены кастовыми предрассудками буржуазных (или обуржуазившихся) ученых (читай -- врагов).

Принижение науки готовило платформу для последующего не менее опасного социального феномена, развернувшегося почти полстолетием позже, когда науку объявляют ответственной за многие промахи. Испорчена природа -- не лидеры общества виноваты, одурманивающие народ лозунгом "Мы не можем ждать милостей от природы: взять их у нее - наша задача" (а что ее жалеть! косную!), не организация труда плохая (вязанка дров нужна -- вали дерево: вон их как много, дерёв-то, после нас разберутся...), а во всем-де ученые виноваты. Они химию развели, о последствиях не подумали, прошляпили ("только о своей высокой зарплате и заботились!"). Прогрессируют болезни -- ученые виноваты, да и врачи -- разве это врачи! Вот раньше земские врачи были, без кардиографов и гастроскопов, а диагнозы ставили и лечили прекрасно! А то, что в свое время лысенки, презенты и иже с ними обрушивались на ученых, призывавших к охране природы, и, что именно лысенки, идя в ногу с жадными и охочими до скорых побед властителями, жаждавшими "их -- новый -- мир построить"давали санкции на любое варварство в отношении животного и растительного мира, стерлось из памяти.

Это принижение науки в угоду дешевому практицизму -- прямое и трудно искоренимое следствие политики тех лет. Социальные просчеты, опасные их долгоживучестью, трудностью вытравливания из сознания масс -- одно из страшных последствий лысенкоизма. Давно отброшен и забыт нелепый призыв к переопылению сортов, в этом вопросе наука все-таки смогла сказать свое слово. Но засилие вошедших во вкус и в должности, да так и не обучившихся практиков, нередко продолжается. Отношение к науке как к служанке общества, долженствующей утолять не жажду познания неведомого, а быть всегда и во всем лишь опорой практикам -- сохраняется. И не только в агрономии и биологии.

Терентий Мальцев и другие "народные академики" отвергают генетику

Призывы Лысенко смело идти в науку, обращенные к малограмотным людям, не остались безответными. Нашлось немало смельчаков, решивших, что дело такое им вполне по силам.

Подбивая людей на этот путь, Лысенко подыгрывал партийной пропаганде, подлаживавшейся, в свою очередь, под Сталина, который утверждал сходный стиль в управлении страной, порочил своих коллег в высшем руководстве партии -- более образованных и неизмеримо больше его знавших.

"Осуществляется единение науки и труда", -- писала "Правда" в передовой статье 18 ноября 1937 года (28). То же самое, своими словами, твердил Лысенко. К двадцатилетию советской

власти вышел специальный номер журнала "Яровизация", в котором -- также в передовой статье -- было сказано:

"...смелая постановка и разрешение проблем и постоянное чувство ответственности перед социалистической родиной... массовость исследовательской работы, участие в ней тысяч колхозников-опытников... смелое выдвижение талантливых исследователей из среды масс опытников колхозников... -- вот замечательные черты советской агробиологической науки" (29).

В этом же номере Лысенко опубликовал большую статью "Колхозные хаты-лаборатории -- творцы агронауки" (30). В ней он обсуждал две темы: вредоносность генетики и жизненность создаваемой им агробиологии, которую, по его мысли, должны развивать передовые колхозники:

"Трудно отделаться от мысли, что в нашей массовой, научно-исследовательской агрономической работе не столько ты учишь колхозников, сколько они тебя учат" (31).

В качестве образца он приводил такой -- по сути свой удивительный -- при-мер подобного "обучения". Он сообщал, что благодаря "опытам" колхозников по внутрисортовому скрещиванию удалось повысить содержание белка в зерне пшеницы, и оказалось, что:

"Значительное увеличение в зерне пшеницы процента белка дает более вкусный и питательный хлеб. Это очень важное явление. Всего этого, до получения колхозных образцов, я не знал. А теперь это... является одной из проблем, в сути которой мне предстоит разобраться, -- иначе какой же буду исследователь и руководитель Института" (32).

Истину эту открыли вовсе не колхозники, а ученые -- притом за несколько десятилетий до этого. Человеку не знавшему элементарной зависимости свойств клейковины (а, значит, и свойств выпекаемого хлеба) от содержания белка не гордиться надо было такими "откровениями", а стыдиться собственной безграмотности.

Но одними призывами к колхозникам Лысенко не ограничивался. Ведь подходил к концу 1937 год. Сталинский террор достиг гигантских масштабов. Лагеря и тюрьмы ГУЛАГ'а уже поглотили многих из тех, кто стоял на пути у Лысенко. И не без прозрачного намека скептикам он писал в этой статье:

"Кое-кто из ученых поспешил высмеять нас... Но бояться смеха нечего. Боится смеха только тот, кто чувствует себя виноватым. Мы же, при участии многочисленных хат-лабораторий, делаем полезное
для колхозов научное дело... Ведь кое-кто пробовал смеяться и по поводу яровизации, и по поводу летних посадок картофеля, и по поводу чеканки хлопчатника. А ВЕДЬ СЕЙЧАС, ПОЖАЛУЙ, ТЕМ, КТО ЗЛОБНО НАД ВСЕМ ЭТИМ СМЕЯЛСЯ, УЖЕ НЕ ДО СМЕХА" (/33/, выделено -- В.С.).

Такие предостережения веселого академика могли напугать и остановить многих.

Для гостей, приезжавших в институт, была заведена специальная книга записей, в которой экскурсанты и слушатели курсов по просьбе администрации, выражали свое мнение об услышанном и увиденном. Туда же летописцы института заносили устные высказывания своего шефа. В журнале "Яровизация" появились выписки из этой книги, причем отбирались наиболее резкие по тону (в адрес генетики) и хвалебные (в адрес Лысенко). Такую сводку опубликовали в номере, посвященном двадцатилетию советской власти (34). В ней

говорилось:

"Вспоминаются слова Трофима Денисовича, сказанные аспиранту Петергофского биологического института Н.Глиняному (приехавшему с самыми путанными представлениями об основах теории развития). "Вам на протяжении 2-недельной командировки надо понять только о д н о важнейшее: что природа растений может меняться и почему она должна меняться, -- больше вам ничего не нужно"" (35).

Приводились слова нескольких агрономов и колхозников, восхищенных таким подходом к освоению науки:

"Приехав в экскурсию, довольно поколебленный статьей академика Константинова в правильности теории акад. Лысенко, и побывав в Институте 10 дней, ...уезжаю с убеждением, что вся теория стадийности, а отсюда и основанные на этой теории мероприятия, правильны, а потому даю вам слово, что, приехав в свой район, я буду упорно продвигать ваше дело среди колхозной массы.

Агроном Перфилов Колокольцевского района Куйбышевской области" (36).

"Для того, чтобы пристально ознакомиться с великими революционными в биологии открытиями акад. Лысенко Т.Д., с его учением ...я приехал в Институт. Не везде еще научились в колхозах умело использовать достижения вашего института, отчасти по неведению, но немалое место занимает работа кулацкого охвостья и реакционных представителей агронауки.

Заведующий хатой-лабораторией колхоза "Пятилетка" Азово-Черноморского края тов. Крин" (37).

"Время уже вам не убеждать отдельных "светил", а разбивать их, они тормозят проведение ваших достижений, и я, работник Саратовского края, эти тормозы ощущаю"...

Старший агроном Самойловского РЗО [районного земельного отдела -- В.С.] И.Шопинский (38).

Записи в "Книге для посетителей Института", несущие на себе неизгладимый налет дилетантства, демонстрировали всеобщее признание "народом" достижений Лысенко и отвергание этим же "народом" генетики -- науки чуждой и заумной. Ведь для познания законов генетики нужны были и глубокие знания и большая усидчивость. Не только простые или простоватые люди без фантазии, но и многие сравнительно грамотные специалисты относились в те годы с недоверием к казавшимся им абстрактным выкладкам генетиков, не могли осилить их аргументацию и потому не признавали их правоту. В 1958 году выдающийся русский генетик С.С.Четвериков рассказывал мне, как порой трудно приходилось ему, когда он должен был вдалбливать студентам, особенно посредственно успевающим, закономерности этой нетривиальной науки.

"Студентам надо было здорово потрудиться, -- говорил Сергей Сергеевич, -- чтобы проникнуть в мир генетических знаний, а параллельно со мной, в соседней аудитории А.Н.Мельниченко, в соответствии с распоряжением Министерства высшего образования читал лекции по курсу "мичуринской генетики". А там всё просто, понятно, доходчиво. Не надо знать ни генов, ни кроссинговеров, наследственность послушно изменяется, стоит лишь измениться внешней среде, никакой математики. И ходили самые тупые студенты в отличниках у Мельниченко, росла их неприязнь к другим профессорам университета" (39).

Так вели себя студенты университета. Что же было говорить о безграмотных крестьянах, читающих по складам, ни дня не учившихся в институтах, но воспитываемых в духе возможности "выбиться в ученые", минуя систематическое образование? (Или в писатели -- вспомним горьковский призыв к ударникам труда -- идти в большую литературу!).

В том, что такое желание сразу стать ученым было у многих, можно убедиться на примере одного из крестьян, Терентия Семеновича Мальцева, работавшего заведующим хатой-лабораторией в колхозе "Заветы Ильича" в селе Мальцево Шадринского района тогда Челябинской, а теперь Курганской области. С 22 по 25 октября 1937 года Т.С.Мальцев был на семинаре в Одессе, выступил с большой речью, которая вывела его на первые роли в среде таких же, как он, крестьян-опытников.

"Школьного образования у Мальцева нет, -- говорилось в лысенковском журнале "Яровизация" в статье "Таланты и самородки" (40), -- но по складу ума, по наблюдательности, по умению исследовать, анализировать и обобщать -- это настоящий человек науки".

Сам Мальцев так рассказал о себе на семинаре:

"Только в 1919 году, по возвращении из германского плена, мне случайно удалось прочитать ряд антирелигиозных, научно-популярных и политических брошюр, после чего и наметился в моем сознании поворот от предрассудков к знанию. А диалектический материализм, за изучение которого я взялся лишь два года назад, по-настоящему раскрыл мне глаза на природу. То был крепкий орешек, но я его раскусил, и плод оказался сладким. Раньше всё в книгах ученых о природе казалось мне правильным, что бы я в них не прочитал; теперь же я стал разбираться в литературе, и сейчас бросить науку для меня просто-таки невозможно. Какая-то внутренняя сила влечет меня все глубже и глубже распознавать все тайники жизни, все случайности, и эти случайности познать в качестве необходимости, с тем, чтобы уметь свободно пользоваться законами и явлениями природы на благо своей социалистической родины" (41).

Теперь каждого курсанта Лысенко спрашивал, требуя безоговорочного ответа, согласен ли он с ним, что генетика -- вредная для колхозников заумь. Лысенко твердил, что никаких генов нет, что число признаков организмов огромно, и потому места в маленькой клетке не хватит, чтобы уложить внутри их ядер гены, отвечающие за каждый признак. Он упрямо настаивал на том, что внешняя среда способна легко менять наследственные свойства организмов. Эти примитивные раскладки выдавались за единственно материалистические рассуждения (42), но бездоказательная "критика" легко оседала в головах малоискушенных людей, в том числе и Терентия Мальцева. В своем выступлении он об этом убежденно высказался (43):

"Большинство изданных до сих пор книг по генетике и селекции не помогало опытникам узнать всю сущность развития жизни организмов... По-моему тысячу раз прав Т.Д.Лысенко, что он новыми методами своей работы, построением своей новой революционной теории, систематически, как камни в застоявшуюся воду, бросает вызов за вызовом представителям старой генетики" (44).

"Надо, чтобы нас опытников, -- продолжал он, -- систематически в популярной форме держали в курсе событий передового научного фронта. Ведь мы, опытники, также обо всем хотим знать, что нового приобретает наука. Только нам надо об этом рассказать более понятным языком, но не упрощая содержания, не выхолащивая "самого сладкого". Я про себя скажу, что мне прямо-таки сильно хочется познать жизнь растения и научиться хоть немного

управлять им, чтобы послужить чем-либо делу покорения природы на пользу свободного человека нашей страны. Но мне самому с этим очень трудно справиться и во всем разобраться безошибочно. Ведь я же дня нигде не учился, даже в сельской школе дня не бывал, а всю жизнь достигаю знания лишь шаг за шагом своими собственными силами -- самоучкой. А таких, как я, которым революция, советская власть открыла дорогу в науку, -- немало в нашей стране. Ученые специалисты должны помочь нам, опытникам-колхозникам, все глубже и глубже входить в науку, и это даст нам богатейший урожай в виде сознательных и прилежных, своего рода ученых колхозных кадров" (45).

Это выступление Мальцева отлично отражало устремления, складывающиеся в среде таких же, как он, колхозников-опытников. Не было ни капли неловкости за недостаточность знаний: о пробелах в образовании или полном отсутствии такового говорилось спокойно и даже с вызовом, мол, вот мы какие лихие, до всего сами доходим, без барских замашек. Не было даже малейшего сомнения в том, что познать всякие там науки -- проще, чем объесться пареной репы. Нужно только, чтобы эти там, которых на народные денежки раньше в гимназиях и университетах обучали, перво-наперво растолковали таким вот опытникам, что в науке сладкого и что горького уже наоткрывали, затем систематически чтобы в курсе держали всего нового (да чтобы никакой там зауми, сложности, терминов и формул: "нам надо об этом рассказать более понятным языком, но не упрощая содержания" -- вот только так!), а уж там, после этого, мы и сами с любыми задачами справимся, нам эти черви книжные больше и нужны не будут. Вот это беззастенчивое осознание своего величия и непременности принуждения ученых к тому, чтобы они без колебаний принялись немедленно учить сладкому -- поражает больше всего. "Ученые специалисты ДОЛЖНЫ помочь нам, опытникам-колхозникам", должны и все тут! Результат обучения таких опытников таким способом был им заранее ясен: "ЭТО ДАСТ НАМ БОГАТЕЙШИЙ УРОЖАЙ...".

Но еще до овладения адаптированным знанием Мальцев считал своим долгом вразумлять генетиков, которые зашли в тупик и злонамеренно завели туда всю науку генетику:

"Я часто теперь задаю себе вопрос. Что было бы с генетикой и генетиками, если бы их не тревожили такие люди, как Т.Д.Лысенко. Нашли ли бы генетики выход из того тупика, в который их завела гипотеза независимости генов. Хотя я, повторяю, еще мало искушен в генетике, но все же понял, что не может быть никакого наследственного вещества, не зависимого от сомы... и я никак не могу понять генетиков, которые считают, что половые клетки живут только "на квартире у сомы",
не перенимая никаких "нравов" и "навыков" у их хозяев -- соматических тканей. Ведь всякий скажет, что так мыслить абсурдно. Генетика же утверждает, что на каждый признак, или группу признаков, есть "ген" или группа "ген". Я и спрашиваю, сколько же может быть у организма, тем более многоклеточного, признаков? Я думаю, что вряд ли можно для их подсчета набрать достаточно цифр, могущих выразить число, переваривающееся в человеческой голове... И вот, когда задумываешься над такими вопросами, то поневоле удивляешься фантазии генетиков, которые ведь должны принимать такое количество ген в хромосомах, которого не выдерживает никакая фантазия... Не вмещается в моей голове также учение генетиков о неизменности ген... Когда я читаю выступления генетиков [отметьте: работы генетиков он бы про-честь просто не смог, а вот выступления читает! -- В.С.], то насколько доступно моему понятию, я чувствую, что у генетиков сквозит метафизика, и путей к дальнейшему развитию их учения как-то не видится, а скорее они подходят к стене. Я бы хотел узнать от генетиков, каким же образом у Ивана Владимировича Мичурина в его саду ген оказался непрочным? Чем это он его сумел раздобрить, или, по крайней мере, сделать эластичным, буквально ручным? Никто никогда из генетиков не пытался по-настоящему дать научное объяснение тому, что это за "чудесная" сила руководила знаменитым стариком. А ведь факт, что Мичурин оставил нам в наследство сотни новых

растений" (46).

Последние две фразы особенно демонстративны. Лысенко и Презент усиленно пропагандировали тезис, что Мичурин в противовес генетикам якобы добился в своей работе чудесных изменений наследственности плодовых растений за счет изменения питания, условий выращивания и прочих доступных манипуляций. Однако на самом деле все изменения наследственности яблонь, груш, слив, которые обнаружил Мичурин, были следствием перекомбинации имевшихся генов родителей, а попытки изменить наследственность путем чисто внешних воздействий (Мичурин, например, бился над выведением сладкоплодных сортов яблонь с помощью впрыскивания под кору дерева растворов сахара!) окончились провалом. Сам Мичурин особенно и не настаивал на тезисе, что внешняя среда лепит организмы, и ни к генетике, ни, тем более, к лысенковщине он отношения не имел. Из оставленного наследства в виде сотен новых сортов (но никак не видов растений!) в садах России почти ничего не сохранилось, его сорта оказались короткоживущими. Но упирая на существование этих сотен сортов, Лысенко и его подопечные намеренно вводили в заблуждение своих слушателей, а с их голоса в наступление на генетику шли Мальцев и другие столь же малообразованные участники курсов, которые и о Мичурине знали что-либо только по наслышке. Кстати, обвинять генетиков в том, что они не могут дать объяснения методам работы Мичурина, было никак нельзя, ибо первое время они вообще не обращали внимания на эти работы, так как Мичурин прямого отношения к генетике не имел, а позже (начиная с 1939 года), учтя эти постоянные ссылки "мичуринцев" на успехи "знаменитого старика", подробно разобрали достижения и ошибки Мичурина в статьях и книгах.

Таких, как Мальцев, последователей у Лысенко было много. Подавляющему большинству из тех, кто почувствовал вкус к "науке" и "научной деятельности", нравилась горячность Лысенко, его показная смелость в отбрасывании авторитетов, декларации о связи его "науки" с практикой. Цели, провозглашаемые Лысенко, казались им близкими и понятными. "Полезную науку колхозник всегда поймет и оценит", -- сказал на том же семинаре некто Кравец из молдавского колхоза имени XVII партсъезда (47).

Подлаживаясь под эти настроения, Лысенко задавал участникам семинара риторический вопрос:

"Почему такие люди, как Мальцев, Иванов, Литвиненко и сотни других... ставших подлинными учеными-исследователями, не могут работать на опытных станциях и в научно-исследовательских институтах, в том числе и всесоюзного значения? Практику такого выдвижения пора уже распространять на агробиологические научно-исследовательские учреждения ..." (48).

В опубликованном отчете об этой встрече говорилось про доклад Мальцева, выдержки из которого я привел выше: "Такой доклад сделал бы честь любому профессору генетики, если бы последний правильно понимал таковую" (49). В журнале "Яровизация" рядом с портретами -- Якова Иванова, Ивана Литвиненко и Терентия Мальцева было прочесть:

"У нас есть все основания утверждать, что подлинная наука о природе, о жизни не может мыслиться без людей... 30-20-10 лет назад еще темных, неграмотных... которые по-большевистски взялись за переделку в интересах социализма. Только кастовое высокомерие и политическая слепота, подчас прикрывающие нечто более худшее, мешают "жрецам науки" признать тот неоспоримый факт, что хаты-лаборатории -- этот агрохимический мозг колхозного производства -- представляют из себя неотъемлемое важнейшее звено советской агрономической науки, что достижения последней были бы невозможны без этих небольших,

но многочисленных научных центров" (50).

Хаты-лаборатории -- это и есть действенные да еще и агрохимические научные центры! Эта идея показалась замечательной многим. О ней восторженно писала в те дни всесоюзная газета "Социалистическое земледелие", когда рассказывала об ученике Трофима Денисовича -- Терентии Мальцеве (51).

Последующая судьба Мальцева оказалась даже более счастливой, чем у Лысенко. К его чести, он не стал рваться к начальственным местам в столице, всю жизнь прожил в любимом селе, свою работу выполнял с прилежанием. Конечно, он часто выступал в печати, по радио, как и его учитель специализировался на особо вдохновенном прославлении Сталина (52).

Его рвение было хорошо возблагодарено: он стал сначала членом-корреспондентом ВАСХНИЛ, а потом почетным академиком ВАСХНИЛ, лауреатом Сталинской премии, был депутатом Верховного Совета СССР, дважды удостоен звания Героя социалистического труда. В честь 90-летия со дня рождения 13 ноября 1985 года ему вручили шестой орден Ленина (53).

Мальцеву приписывают создание системы земледелия, позволяющей и землю сохранить и урожаи устойчивые получать. В чем-то он воспроизвел канадско-американский опыт, отчасти сам догадался -- как вести хозяйство в местах, где нередки засухи. И хоть мальцевские приемы до мелочей схожи с предложенными и до деталей изученными Тулайковым, но все-таки и Мальцев в своем деле стал настоящим мастером.

Интерес к почвозащитным системам земледелия особенно обострился после катастрофы с черными бурями, унесшими плодородный слой земли с миллионов гектаров. Брежнев в книге "Целина" вспоминал, что когда эта беда стряслась, он специально поехал к полеводу Мальцеву за советом -- как пахать, когда пахать, чем пахать... Малограмотный, но мыслящий самобытно и обладающий богатым крестьянским опытом Терентий Семенович заменил Леониду Ильичу опыт сельскохозяйственной науки. В 1986 году Мальцев снова попал в фокус внимания, когда новый лидер Горбачев ездил в Сибирь разбираться с причинами недостатков и в промышленности и в сельском хозяйстве и снова советовался не с учеными, а с Мальцевым, а потом ссылался на Мальцева во время совещания с руководителями Сибири. Было во всем этом что-то допотопно-примитивное, идущее от общения царей с прорицателями и ясновидцами. Во-истину, "умом Россию не понять"!

Арест и гибель академика Н.М.Тулайкова

Методы физической расправы с неугодными разрабатывались быстро. Процессы над различными "уклонистами" от генеральной линии, приведшие к арестам множества безвинных "вредителей", служили примером для нечистоплотных людей и будили их активность.

В 1930-1932 годах была арестована большая группа агрономов (Дояренко, Чаянов, Крутиховский и другие), обвиненных во вредительстве другим злым гением российской агрономической науки и не менее типичным продуктом советской системы, хотя и другого социального корня, - профессором старой выучки -- Василием Робертовичем Вильямсом (о его пагубной для судеб советской науки роли написал Олег Николаевич Писаржевский в книге "Прянишников" /54/).

Вильямсу противостоял Тулайков, чей авторитет в научном мире по вопросам агрономии был неоспорим. Набрав силу, лысенкоисты и "вильямсоиды" почувствовали, что можно

разделаться с этим крупнейшим деятелем отечественной науки. Показательно, что сам Лысенко лично сыграл только роль закоперщика обвинений, введя в свою статью, опубликованную 4 апреля 1937 года (55) несколько фраз, в которых известные предложения Тулайкова о мелкой пахоте и в целом о методах земледелия в засушливых районах объявлялись вредительскими. Фамилию Тулайкова Лысенко не назвал, но причастным к агрономии людям было ясно, кого он подразумевал.

Возможность открыто напасть на Тулайкова была предоставлена Всеволоду Николаевичу Столетову. Еще раз проявилась черта лысенковского характера: он старался все грязные делишки обделывать руками людей, зависящих от него, предпочитал, чтобы вещественных следов его собственной заинтересованности оставалось как можно меньше. Лысенковскую партитуру разыгрывали по нотам солисты его ансамбля.

Николай Максимович Тулайков родился в 1875 году. В 1901 г. он окончил Московский сельскохозяйственный институт (сейчас Тимирязевская с.х. академия). В 1910-1926 годах работал директором Безенчукской (ныне Самарской) сельскохозяйственной опытной станции, в 1917 году был заведующим отделом земледелия Ученого комитета Министерства земледелия России, а в 1918 году -- председателем всего Ученого комитета при Наркомате земледелия, в 1920 году стал директором Всесоюзного института зернового хозяйства в Саратове на Волге. С 1928 года он был одним из руководителей Всесоюзной Ассоциации Работников Науки и Техники для Содействия Социалистическому Строительству СССР (сокращенно, ВАРНИТСОЗ), в 1929 году ему была присвоена премия им. Ленина, в 1932 году был избран действительным членом АН СССР. Центральные газеты часто публиковали статьи Тулайкова, обращались к нему с просьбами прокомментировать разные события в научной жизни страны (56). В 1922-1936 годах им были изданы наиболее серьезные в России монографии по земледелию и почвоведению (57). Главной темой его исследований было земледелие в засушливых районах.

Как и академик Прянишников, Тулайков в течение многих лет выступал против основных положений Вильямса о роли структуры почв в плодородии, применении травопольных севооборотов, отмены паров, глубокой пахоты с оборотом пласта. Обещание Вильямса добиться коренного улучшения плодородия за счет высева трав противоречило научным представлениям о накоплении питательных веществ в почвах, о чем постоянно повторял Прянишников. Тулайков оспаривал другие -- агротехнические -- положения Вильямса. На Всесоюзной конференции по борьбе с засухой в октябре 1931 года между Тулайковым и сторонниками Вильямса разгорелись ожесточенные споры. Даже газета вынесла в заголовок слова Тулайкова: "Против игнорирования агротехники, против шаблона в ее применении". Тулайков, в частности, говорил:

"Нам предстоит... замена отвальных орудий дисковыми..." (58). "Вопрос о создании структуры почвы, который особенно подчеркивают представители школы Вильямса, является с нашей точки зрения мало интересным, мало заслуживающим внимания... В структуре я ничего самодовлеющего не вижу, не могу ее фетишизировать и выдвигать на все случаи жизни" (из стенограммы утреннего заседания 27 октября /59/).

"Пары выбрасывать за борт и относить их к категории "вредителей" социалистического строительства не приходится. Я за травы в тех случаях, когда они могут иметь целесообразность и значение" (там же /60/).

Рассматривая динамику урожайности зерновых культур в засушливых районах России за десятилетия, Тулайков писал:

"Резкие колебания урожаев из года в год и являются характерной особенностью хозяйства в засушливой зоне, в огромной своей части не зависевшие от возможностей ведших это хозяйство лиц и организаций" (61).

В другой книге он утверждал:

"Земледелие любой страны и, в особенности, такой огромной по площади и разнообразной по ее природным условиям страны, как Советский Союз, развивается в исключительно разнообразных, сложных и не могущих быть предвиденными на долгое время вперед сочетаниях природных сил (климат, почвы и растения)" (62)

и продолжал:

"Погодные условия каждого отдельного года, в основном количество атмосферных осадков и их распределение за время роста пшеницы, определяют высоту ее урожая в засушливой области при одних и тех же наилучших приемах обработки почвы и без удобрения" (63).

Вывод, к которому пришел Тулайков после многолетних исследований, гласил:

"Единственным средством для того, чтобы окончательно избежать этой полной зависимости урожаев от условий погоды в засушливых областях, является искусственное орошение посевов" (64).

Ничего вражеского, преступного в словах и действиях Тулайкова, тем более в приведенных выше четырех отрывках из его книг, найти было нельзя. Тулайков говорил как настоящий ученый и патриот Родины, прекрасно осознававший, что только рациональным отношением к тем капризам погоды, которые подстерегают земледельца в зоне "рискованного земледелия", какой была и остается подавляющая часть сельскохозяйственных районов России, можно обеспечить получение высоких и, главное, стабильных урожаев. Поэтому он выступал против попыток Вильямса насаждать чудеса в агрономии, но сторонники Вильямса и Лысенко усмотрели в его трудах враждебность советскому строю. Вредительским было названо предложение Тулайкова не увлекаться повсюду глубокой пахотой, особенно в засушливых районах, а проводить влагосберегающую обработку земли (мелкая пахота без оборота пласта, сокращение числа всякого рода рыхлений, культиваций и т. п. с тем, чтобы уменьшить испарение влаги). Сторонники Вильямса и поддерживавшего его Лысенко полагали, что будто бы, создав идеально гладкую мелкокомковатую поверхность почвы, можно свести к минимуму эти отрицательные эффекты, хотя на самом деле, простые опыты показывали, что при измельчении почвенных комков поверхность частиц, а, значит, и капиллярные эффекты резко увеличивались, благодаря чему усиливалось испарение.

Обругали и книгу ученика Тулайкова -- А.И.Смирнова, его учебник для студентов, в котором эти здравые масли излагались (65). Но все эти выступления в целом были еще мелкими укусами.

И вдруг 11 апреля 1937 года, через неделю после того, как в статье в газете "Соцземледелие" Лысенко, не называя Тулайкова по имени, объявил вредительскими его основные научные предложения (55), в газете "Правда" В.Н.Столетов, окончивший в 1931 году Тимирязевскую академию, опубликовал подвальную статью, названную "Против чуждых теорий в агрономии" (66). С первых же строк он дал ясно понять читателям, как нужно квалифицировать академика Тулайкова. По его словам, Тулайков /1/ действовал в сговоре с врагами народа и /2/ вел вредительскую работу, направленную на развал колхозов. Первое положение обосновывалось так:

"...книгу Тулайкова редактировал "философ" Н.А.Карев [еще в начале 30-х годов обвиненный вместе с Дебориным и Стэном в приверженности к так называемому "меньшевиствствующему идеализму" -- В.С.], с агрономией, как известно, ничего общего не имевший, а впоследствии оказавшийся врагом народа" (67).

Второе положение -- вредительство -- Столетов обосновывал тем, что выписывал четыре фразы из книг Тулайкова, приведенные мною выше, и называл каждую из фраз призывом к порче земли. Столетов утверждал, ссылаясь на стремление Тулайкова быть поближе к запросам колхозников-ударников (68):

"Тулайков настойчиво, наперекор достижениям науки и всему опыту стахановцев, развивает примитивную философию, порожденную до того, как появились на земле агрономы: "Не земля родит, а небо"" (69).

Столетов утверждал, что прав не Тулайков, а Вильямс, заявлявший, что вполне возможно "немедленно овладеть водным режимом почвы" (70). Столетов уверял также, что "стахановцы полей умеют бороться с грозной стихией -- засухой более успешно, чем когда-либо раньше". Его приговор был таким:

"Тулайков формулирует свой основной тезис: агроном, ученый, колхозник-стахановец, не ищите напрасно путей к неуклонно растущим и устойчивым урожаям... Своими пространными рассуждениями о дифференцировании приемов Тулайков старается вышибить из-под агрономии, с одной стороны, ее научно-техническую базу и возможность обобщения стахановского опыта, а, с другой, - государственное планирование агротехнической политики нашего государства... Предельческая философия низкого урожая совершенно непригодна для построения планов борьбы за 7-8 миллиардов пудов зерна ежегодно.

Товарищ Сталин учит нас, чтобы руководить -- надо предвидеть" (71).

Я привожу эти длинные фразы Столетова не только для того, чтобы показать абсурдность обвинений против Тулайкова лично. На этом примере можно проследить за тем, каким был стиль обвинений в те годы, как самые невинные и даже преданные социализму люди, каким несомненно был Тулайков, в мгновение ока превращались с подачи таких личностей, как Столетов, во "врагов советской власти". Тем самым Столетов не просто исключал заслуженного ученого из числа тех, кому позволительно строить социализм, он унижал науку как таковую (72). В завершающих фразах статьи Тулайков и его последователи были открыто названы врагами, идеи которых нужно выжигать каленым железом:

"Руководствуясь и прикрываясь тулайковским пониманием дифференциации агрономических приемов, руководствуясь делаемыми им в "Основах" [речь идет об одной из книг Тулайкова -- см. /62/ -- В.С.] намеками на допустимость мелкой вспашки, на ненужность удобрений на черноземах и т. д., враг, ссылаясь на местные условия, может сорвать любое принципиальное агрономическое указание, даваемое в постановлениях ЦК ВКП(б) и СНК СССР ... Только овладевая большевизмом, можно правильно решать агрономические вопросы и своевременно разоблачать чуждые теории" (73).

Это говорилось о коммунисте, ученом, приветствовавшем советскую власть и солидарным с многими, даже уродливыми проявлениями в советской жизни! Например, Тулайков не раз печатно высказывался за "ликвидацию кулачества как класса", он же в 1930 году, когда была незаконно арестована большая группа руководителей сельского хозяйства и агрономов, так называемых "кондратьевцев-макаровцев", одобрительно отнесся к этому (74), хотя многие

звенья сельского хозяйства были оголены, а ни в чем не повинные люди -- репрессированы.

Публикация статьи в "Правде" совпала по времени с арестом сотрудников Тулайкова -- Самарина, Войтовича и Гавы (действия, как видим, были взаимно скоординированы). Через три дня статью перепечатали в саратовской областной газете "Коммунист". В тот же день, в пожарном порядке, были собраны научные сотрудники тулайковского института, сельскохозяйственного института имени Сталина, а также опытной станции, руководимой Г.К.Мейстером. Тулайкова на собрании не было.

На следующий день в газете "Коммунист" сообщалось о единодушном осуждении директора его учениками и коллегами. А еще через два дня в этой же газете была опубликована большая статья -- отчет о двухдневном собрании, проходившем под лозунгом "Разгромить до конца чуждые течения в агрономии" (75). В статье был задан вопрос: "Случайны ли ошибочные высказывания академика Н.М.Тулайкова?" и дан ответ:

"Нет. Всем известны его прежние "теории" о преимуществе мелкой вспашки, моно-культуры, предела урожая, не эффективности в условиях Нижнего Поволжья удобрений и пр. Этими "теориями", как правильно указывали на собрании проф. Смирнов, проф. Гуляев, проф. Захарьин, проф. Левошкин, пользовались и пользуются сейчас враги народа, вредители сельского хозяйства, троцкисты и их правые сообщники... Где же корни и в чем причина возникновения чуждых, предельческих "теорий" академика Н.М.Тулайкова? "Теории" академика Н.М.Тулайкова шли от его неверия в дело социалистической перестройки сельского хозяйства СССР, его преклонения перед буржуазными теориями... Одна из основных ошибок академика Тулайкова -- консерватизм, боязнь проникновения в институт таких революционных теорий в агрономии, как, например, теория акад. Лысенко... Он [Тулайков -- В.С.] подтасовывал цифры и факты (об этом ярко говорил т. Вялов) и неправильно направлял работу возглавляемого им института" (76).

Затем сообщалось, что выступивший т. Востоков пытался хоть как-то защитить Тулайкова (нашлось всего два человека, осмелившихся в самой робкой форме подать голос за учителя) и сказал, что "академик Тулайков только шатался от одной теории к другой, но что эти теории не имели никакой внутренней связи", но его тут же опроверг бдительный товарищ Яковлев:

"... у академика Тулайкова есть одна позиция, одна линия, одна "теория", направленная во вред социалистическому земледелию" (77).

В унисон с Яковлевым выступили проф. Делиникайтис, проф. Попов, доктор наук орденоносец Е.М.Плачек, проф. Сус, доктор с.х. наук орденоносец Н.Г.Мейстер и другие.

Осуждением одного Тулайкова дело на собрании не кончилось. Начали вы-являть друзей, учеников и последователей опального академика. Осудили академика Рудольфа Эдуардовича Давида, одного из создателей сельскохозяйственной метеорологии в СССР, который выступил и устно и письменно (передал в президиум собрания свое письменное несогласие с огульными обвинениями Тулайкова). В отчете о собрании в институте можно прочесть и такое:

"В Саратове есть ученики и последователи акад. Тулайкова, далеко не все из них отрешились от его чуждых взглядов... Чуждые предельческие теории и всевозможные извращения принципов агрономии далеко еще не изжиты и не разгромлены до конца. Для того, чтобы решительно бороться с ними, как правильно отмечает проф. Левошин, научные сотрудники должны глубоко изучать Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Во весь рост встала перед каждым советским ученым задача -- овладеть большевизмом" (78). (Выступление проф.

Захарьина).

"Собрание единодушно признало необходимым ЖЕСТОКО бороться со всеми извращениями в агротехнике, с чуждыми предельческими теориями академика Тулайкова" (/79/, выделено мной -- В.С.).

Через непродолжительное время информация о собрании была опубликована в официальном органе Президиума ВАСХНИЛ, но, что интересно, инициатива обвинений Тулайкова приписывалась уже "массам": согласно этой заметке главный огонь критики по Тулайкову открыли вовсе не лысенкоисты (Столетов и сам Лысенко в статье от 4 апреля 1937 года), а коллеги Тулайкова по институту (80). 4 июля 1937 года в газете "Соцземледелие" и в июльском номере журнала "Соцреконструкция сельского хозяйства" за тот же год были помещены статьи против Тулайкова (81), разоблачавшие его "вредительскую" деятельность (82). Автор последней статьи писал:

"Упрощенческие "теории" Тулайкова, Самарина и др., сослужили в свое время большую службу вредителям, врагам народа в их борьбе с совхозами и колхозами" (83)

и, подстегивая активность новых кадров красной интеллигенции, указывал на главное оружие в их "борьбе":

"Возросшая бдительность рабочих и специалистов, работа политотделов в совхозах, создание нашей советской рабоче-крестьянской интеллигенции, создание высококвалифицированных специалистов из рабочих и крестьян, воспитанных советской властью и беззаветно преданных Коммунистической партии и советскому правительству, не позволяют распоясаться вредителям" (84).

В конце года имя Тулайкова многократно склонялось в советской печати. Кое-кто наживал на этом политический капиталец. Например, некий кандидат сельскохозяйственных наук И.Николаев сначала опубликовал в газете "Соцземледелие" статью (85) с требованием остановить порочную деятельность ученика Тулайкова А.И.Смирнова, который-де по-прежнему проповедует полезность мелкой пахоты, да еще и учебник издал, по которому студенты до сих пор учатся, а через месяц в той же газете (86) доносил кому надо, что еще не всех последователей Тулайкова пересажали: гуляет на свободе его "приспешник" Казакевич, до сих пор работающий заместителем директора института.

20 января 1938 года Тулайкова расстреляли. В начале 40-х годов по библиотекам страны был разослан циркуляр, предписывавший "изъять и уничтожить труды Н.М.Тулайкова как макулатуру" (87). Столетов же вскоре стал непосредственным сотрудником Лысенко, работал в Институте генетики АН СССР, стал заместителем директора этого института.

Остается сказать, что лишь после того, как Н.С.Хрущев попытался разоблачить "культ личности Сталина", честное имя Тулайкова было восстановлено, он был реабилитирован, вышли в свет его труды. Сам Хрущев помянул Тулайкова на одном из пленумов ЦК партии как невинно пострадавшего. Правда, при этом Хрущев представил казнь Тулайкова как всего лишь критику, как результат "культа личности" одного Сталина, а не преступления всей коммунистической диктатуры. Немалая доля цинизма заключалась и в том, что Хрущев делал вид, что Лысенко чуть ли не продолжатель дела Тулайкова, а не прямой подстрекатель его убийц:

"Трофим Денисович Лысенко тут предлагал посев по стерне. Возьмем вспашку буккером. Эта обработка применялась в степных условиях, в частности, на юге Украины. Правда, было

время, когда этот способ вспашки осуждали. Этот способ обработки почвы пропагандировал профессор Тулайков. Его потом за это сильно критиковали, даже выдумали тулайковщину. А сейчас в какой-то степени то, что делает тов. Мальцев, имеет сходство с приемами Тулайкова" (88).

Разумеется, никто не призвал к ответственности тех, кто непосредственно участвовал в гибели выдающегося русского ученого, тех, кто оклеветал его. Не в правилах коммунистов было признавать свои ошибки и обращаться к покаянию. Лысенко при Хрущеве оставался президентом ВАСХНИЛ, академик ВАСХНИЛ Столетов продолжал быть министром высшего и среднего специального образования РСФСР и заведовать кафедрой генетики и селекции МГУ, преспокойно работали профессорами и директорами институтов и станций те, кто выступал с обвинениями Тулайкова на собраниях. Понять что-либо о судьбе расстрелянного академика из слов Хрущева было также невозможно: так... покритиковали!4 .

Идеи Тулайкова воплотили в жизнь фермеры Америки и Канады, но не его соотечественники. Пыльные бури, унесшие плодородные слои почвы с миллионов гектаров в Казахстане и на Алтае, на Украине и в Поволжье, были платой за глухоту к тулайковским предостережениям и за слепую веру в наветы столетовых. Почвозащитные системы земледелия, будто бы предложенные горячим сторонником Лысенко курганским земледелом Терентием Мальцевым, а затем еще раз "открытые" сибирским земледелом Александром Бараевым, удостоенным в 1972 году (вместе с Э.Ф.Гессеном, А.А.Зайцевой, И.И.Хорошиловым) за это "открытие" Ленинской премии, на самом деле были давно обдуманы и научно обоснованы погибшим в сталинских застенках академиком Николаем Максимовичем Тулайковым. Другое его предложение -- о необходимости мелиорации почв в засушливых районах Поволжья -- начали воплощать в жизнь, спустя почти сорок лет, приписывая это предложение Л.И.Брежневу. За ту же идею ратовал Горбачев.

В следующих главах мы познакомимся с тем, как в том же 1937 году была изничтожена еще одна крупнейшая саратовская школа ученых -- селекционеров зерновых культур, возглавлявшаяся другим ярчайшим ее представителем Мейстером (коллегу Мейстера, Тулайкова, и Шехурдина -- А.П.Дояренко арестовали и сослали еще в 1931 году). О том, что это были за люди, чем они жили, как крепко дружили, какая вокруг них была интеллектуальная среда, рассказывают немногие оставшиеся в живых сверстники этих ученых. В 1986 году в одном из очерков о сегодняшних саратовских селекционерах (очерке, кстати, критическом, повествующем о том, как и в 1986 году последыши лысенкоистов затирали талантливых людей, как они готовы были перепахать перспективные линии пшениц, лишь бы убрать с дороги их авторов-конкурентов, и это в дни, когда страна в буквальном смысле платила золотом за привозное из-за океана зерно) говорилось, как ученица саратовских корифеев, выдающийся селекционер В.Н.Мамонтова рассказывала своей молодой коллеге, Нине Николаевне, об ушедших временах, вспоминала учителей:

"...как дружили, ходили друг к другу в гости, как лихо отплясывал на Новогодье Мейстер, замечательно играл на флейте Тулайков, пел романсы собственного сочинения Дояренко... Нина Николаевна слушала, завидовала белой завистью и ужасалась беспощадности времени" (90).

Другая старая сотрудница института, простая женщина тетя Луша вспоминала чуть более поздние времена, когда было уже не до празднеств, игры на флейте и романсов. Запуганные репрессиями и человеческой подлостью, так откровенно раскрывшейся в те годы, люди стали бояться окружающих, страх сковывал души и усмирял речи:

"Бывалоча, милая, соберутся они [Шехурдин и Мейстер -- В.С.] вечерком чай пить. И вот

сидят друг против друга, и болтают ложками в стакане -- и ни гугу... время было лихое. Чуть скажи чего, сразу донесут. Но они-то были друзья закадычные. Так вот весь вечер просиживали. И только на прощанье: "Душевно посидели, Алексей Павлович! Отменно, Георгий Карлович!"" (91).

* *

*

К 1937 году завершилось формирование организационной и политической структуры лысенкоизма, сложился специфический метод делания науки, вы-кристаллизовалась методология.

Тем, кто знакомился с историей лысенкоизма, или оказывался волею судеб вовлеченным в опасный вихрь событий той поры, должно быть приходило в голову сравнение этой истории с кошмарными снами в описаниях психоаналитиков, сопровождающимися картинами фантасмагорических чудовищ и уродов, способных парализовать волю, одним своим видом устрашать дух, обладающих непомерной злобной силой. Мучения, испытываемые в таких снах, когда хочешь ударить -- но безвольна рука, неподвижны члены, хочешь закричать -- но не можешь: не исторгаются звуки из горла, как ни напрягайся, собираешься убежать -- а ноги не слушаются... эти мучения кажутся страшнее всего.

Насколько же возрастали муки тех, кто не во сне, а наяву оказывался опутанным сетями лысенкоистов и ощущал те же страдания, но в реальной
жизни. Каким страшным эхо отдавало от вестей о посаженных, порой даже не за противоборство, а за одно лишь молчаливое несогласие с догмами агробиологов, о выгнанных с работы, лишенных права преподавания, публично оскорбленных. Мартиролог этих казней не составлен, да и вряд ли кто-нибудь способен вспомнить всех, восстановить имя каждого, начиная от теперь уже безвестных лаборантов и младших сотрудников лысенковского института, работавших по старинке и не знавших, что нужно подгонять результаты, выбрасывать "неудавшиеся" опыты и т. п. (а несогласные с такими методами были: нет-нет, да и наталкивался я в писаниях и речениях "колхозного академика" и его ближайшего окружения на отголоски борьбы с неведомыми борцами за чистоту науки в его же институте /7а/), до ученых со степенями, порой даже работавших в далеких от Лысенко областях, но выгнанных или униженных за случайно оброненные слова или за непроизвольное действие, не так расцененное. (Вспоминаю: мальчиком слышал я разговор мамы с папой, работавшим в 1947-1950 годах в многотиражной газете Горьковского университета "За Сталинскую науку", что выгнали из университета старую заслуженную преподавательницу не то французского, не то английского языка, выгнали за то, что дала переводить студентам не тот текст, потому что далека была от генетических споров. А в тексте этом -- который она давала не одному поколению студентов -- упоминалось имя кого-то, попавшего в немилость. На нее донесли, и не стало хорошего, заслуженного преподавателя. Говорили папа с мамой тихонько, шепотом, ужас читался на лицах. Сколько их было таких, ошибавшихся ненароком!).

После 1937 года в течение еще двух лет продолжались дискуссии о пользе генетики для сельскохозяйственной науки и месте генетики в комплексе дисциплин, дозволенных в советском обществе (иначе говоря, не рассматриваемых как буржуазные, идеалистические, упадочные и пр. и пр., то есть -- вредные). Еще печатали не только научные статьи и книги, но и очерки об этой науке и о людях, включившихся в генетические исследования. В качестве примера, можно сослаться на восторженный очерк Константина Федина -- писателя, входившего в число наиболее популярных. В конце января 1938 года он с пафосом

повествовал в "Правде" о безбрежности дорог жизни, выбираемых молодыми энтузиастами. Были в этом очерке и такие строки:

"Готовясь к одной литературной работе, я провел анкету в нескольких ленинградских вузах... Вот ответ студентки двадцати шести лет, рабочей по происхождению:

"Я -- генетик. Вопросы наследственности интересовали меня еще до поступления в вуз. Мое будущее должно быть самым радостным. Во-первых, я мечтаю быть профессором. В Ленинграде будет построен большой дворец, в котором будут разрабатываться проблемы генетики. Там будут обучаться тысячи студентов и масса научных работников. Пока ничего более радостного не могу придумать для себя. Учиться самой, передавать свои знания массам -- большая радость".

Уверенность в будущем питает реальные планы, из которых растет мечта о "большом дворце" науки. Это -- романтика, корнями уходящая в действительность... Легко мечтать, когда мечты осуществляются почти беспредельно" (92).

Но романтика свободного поиска путей в жизни безжалостно заменялась "романтикой плаща и топора", корни, питавшие розовые дрёмы, безжалостно обрубались. Тех, кто мечтал о "дворцах генетики", ждали иные хоромы.

В следующих главах я подробно расскажу о механике борьбы с научными противниками на примере академика Н.И.Вавилова. Мы увидим, как методично, шаг за шагом, изничтожал Лысенко своего благодетеля, которому он отплатил страшной ценой, которого он выставил перед Сталиным своим главным противником. Эта механика показательна и в отношении других пострадавших.

Как же это стало возможным? Ведь была же Россия когда-то сильна своей наукой, демократическими традициями, стремлением к справедливости и гуманизму, широко разлившимся по всем слоям общества? Систематический разбор этой проблемы выходит за рамки моей книги, поэтому я ограничусь лишь краткими замечаниями по этому поводу.

Конечно, появление Лысенко в советской науке и его упрочение не было бы возможным ни в одном нормальном демократическом обществе. Явно напрашивающееся сравнение Трофима Денисовича Лысенко с Григорием Ефимовичем Распутиным лишь внешне правомерно: укоренение Распутина в науке, а не в полной мистицизма и знахарства жизни двора Николая II было бы абсолютно невозможным. Там, где пророчества легко проверяемы экспериментально, места для Распутиных нет.

А вот Лысенко появился, окреп и приобрел магическую силу в советской науке, а за ним, может быть, не столь колоритно, но на той же волне вторжения партийного диктата в науку, возникли свои Трофимы -- быковы, асратяны, лепешинские, бошьяны и им подобные в других областях науки. Несомненно, это не было случайностью. Только специфическая среда, особый "естественный" отбор открыли ворота в советскую науку всем лысенкам. В иных социальных условиях их появление было бы совершенно невозможно.

Где-то их остановила бы простая человеческая порядочность, единые для общества моральные критерии, понятие об этике и христианской добродетели. Где-то сразу же выявились бы научная несостоятельность, невоспроизводимость данных, абсурдность и алогичность постулатов и предпосылок, также как нечистота доказательств.

В обществе, построенном на свободной экономике и свободном предпринимательстве, сразу

же всплыла бы неэффективность предлагаемых схем и расчетов, надуманность рецептов и убыточность практических предложений. Неконкурентноспособность идей была бы залогом быстрого их забвения.

И только в обществе бездуховном, аморальном, внеэкономическом и к тому же заскорузлом, гомеостатичном Лысенко и его команда могли жить и процветать. Сельское хозяйство, не приносящее прибыли, но так и остающееся организационно неизменным -- было той средой, в которой лысенковские рецепты не могли быть отторгнутыми. Сохраняя те же убыточные по своей сути (а вовсе не по природе русского мужика, способного якобы лишь к лени, пьянству и обману) колхозы и совхозы, поглощающие бесследно миллиарды за миллиардами, но так и не приносящие ничего, кроме убытков, государство рождало и "колхозных академиков". Оно оправдывало и будет оправдывать Лысенко и лысенок до тех пор, пока будет пребывать в плену фантазий.

С другой стороны, в этой среде Лысенко не мог оставаться изолированным "старателем", одиноким путником, торящим дорогу свою в гордом осознании собственного величия. Он нуждался в соратниках и подражателях. Только в среде таких же, как он сам, могло удерживаться его "учение". Поэтому экспансия лысенковских методов и представлений шла планомерно и с ускорением. Всё новые сферы биологии оказывались пронизанными гнилостными тяжами лысенковской плесени. Метастазы этого опухолеродного организма поражали то тут, то там здоровый организм русской биологии, становившейся советской биологией. Из личного дела Лысенко, его личного процветания формировалась социальная единица, которую не только не отторгала, но жадно питала новая социальная среда -- советское общество. Из Лысенко и его афер вырастал лысенкоизм.

Примечания и комментарии

к главе VIII

1 Из Вильяма Шекспира. Сонеты. В переводе С.Я.Маршака. В кн. С.Маршак. Сочинения в четырех томах. Том третий, Гос. изд. худож. лит-ры, Л., 1959, стр. 36.

2 М.Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо. Собрание Сочинений. Изд. "Художественная литература", М., 1972,, т. 13, стр. 287.

3 В статье Л.Е. Ходькова "Замечательный поток людей" сообщалось, что только в январесентябре 1935 г. на краткосрочных (от одной до двух недель) курсах, организованных в Одесском институте, прошли обучение 249 колхозников из Одесской области, 283 -- из других областей Украины, 6 -- из Грузинской ССР, 8 -- из Туркменской ССР, по одному -- из Московской и Калининской областей. См. журнал "Яровизация", 1937, 5 (14), стр. 108.

4 Цитир. по книге: Научное наследие. Т. 10. Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1929-1940 гг., Изд. "Наука", 1987, стр. 69.

5 Постановление ЦК ВКП(б) "О контингентах и учебных планах аспирантуры ВАСХНИЛ", Газета "Социалистическое земледелие", 5 декабря 1933 года, 279 (1488), стр. 3.

6 Там же.

7 См журнал "Бюллетень ВАСХНИЛ", 1935 , 9, стр. 24.

7а См., например, письмо "специальных аспирантов" лысенковского института И.Е.Глущенко

и др. в редакцию газеты "Социалистическое земледелие", озаглавленное "О "технических ошибках" специалиста Куксенко". Газета "Соцземледелие" 9 августа 1937 г., 181(2569), стр. 2.

8 Журнал "Яровизация", 1936, 5 (8), стр. 117.

9 Там же, стр. 118-119.

10 Там же, стр. 117-118.

11 Там же, стр. 120-121.

12 Хор восхвалений любых предложений Лысенко -- от яровизации до "брака по любви"

рос год от года. Во многих номерах "Яровизации" приводились выдержки из писем крестьян и выступлений высокопоставленных руководителей из партийного и государственного аппарата страны, посвященные яровизации и другим предложениям Лысенко. Крестьяне уверяли, что "теперь никто из колхозников над яровизацией не смеется" (из письма колхозника Д.П.Макаренко, колхоз "Большевик" Волошанской МТС Азово-Черноморского края. Там же, 1935, 3, стр. 127).

13 Д.А. Долгушин. О методе скрещивания и размножения обновленных семян. Журнал Там же, 1936, 5 (8), стр. 69-81.

14 Т.Д.Лысенко. О внутрисортовом скрещивании растений самоопылителей. Обработанная

стенограмма доклада на выездной сессии зерновой секции Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина в г. Омске, август 1936 г., журнал "Селекция и семеноводство", 1936, 11, стр. 25.

15 В.О.Шимко. Наши результаты. Журнал "Яровизация", 1936, 4 (7), стр. 98.

16 А.М.Ткач. Подготовила себе помощников. Там же.

17 Д.Д.Кирилюк. Сами изготовили пинцеты. Там же, стр. 98-99.

18 П.Чебукин. Прокастрировано 224 тысячи колосьев. Там же, стр. 104.

19 Там же, стр. 105.

20 Цитиров. по книге: Т.Д.Лысенко. Агробиология. 6 изд., М., Сельхозгиз, 1952, стр. 167.

21 Т.Д.Лысенко. См. прим. /96/к
главе VII, стр. 50.

22 Там же.

23 Там же.

24 Т.Д. Лысенко. Проблемы генетики и селекции. Стенограмма доклада на IV сессии ВАСХНИЛ. Журнал "Под знаменем марксизма", 1938, 2, стр. 98-118.

25 Там же.

26 Т.Д.Лысенко. См. прим. /96/ к главе VII, стр. 41-42.

27 А.Д. Родионов и Б.Э. Берченко писали в статье "Итоги массовых опытов в колхозах" (журнал "Яровизация", 1937, 5 /14/, стр. 96):

"В 1937 году Наркомзем Союза ССР издал приказ, согласно которому внутрисортовое скрещивание, главным образом, озимой пшеницы, должны были провести 12000 колхозов 21 области Советского Союза. Предстояло в течение самого короткого времени подготовить руководителей этой работы в колхозах, не менее 50-60 тысяч колхозников, непосредственно проводящих эту работу, тысячи старших и младших агрономов МТС, научных работников и т. д. Непосредственно как в Институте, так и в районах научным коллективом Селекционно-генетического института было подготовлено 5010 человек. Эти кадры уже обучали колхозников, проводивших стрижку колосьев. На места было отправлено свыше 50000 экземпляров изданных инструкций; в газетах, журналах были напечатаны десятки статей. Специальный работник был выделен для того, чтобы ускорить отсылку ножниц колхозам ...".

Конечно, ни тогда, ни тем более позже, так и не было сообщено точное число колхозников, участвовавших на самом деле в этой работе.

"По предварительным данным, -- сообщали авторы этой статьи, -- есть основание полагать, что эту работу по внутрисортовому скрещиванию в этом году проводили не 12000, а около 15000 колхозов. Около 1 000 000 колхозников и агрономов занимались этой работой".

Правда, авторы этого победного отчета были вынуждены признать, что всего в институт поступило только 1700 анкет, и приведенные в них цифры были довольно странными. Так, указывалось о кастрировании 26.799.471 колоса (какая поразительная точность была у лысенкоистов: из почти 27 миллионов колосьев ни одного не потеряли от учета!). Далее сообщалось, что с этих колосьев было намолочено 8133 килограмма зерна. Это означало, что результат работы был плачевным: вес зерен, собранных с колоса, в среднем составил всего 0,3 грамма. Да, полновесным лысенковский колос нельзя было назвать, даже обладая большой долей оптимизма!

28 Передовая статья "Кандидаты советского народа". Газета "Правда", 18 ноября 1937 г., 317 (7283), стр. 1.

29 Передовая статья "Двадцать лет". Журнал "Яровизация", 1937, 5 (14).

30 См. прим. /51/ к главе VII.

Показательным примером того, как манипулировали лысенкоисты при описании опытов хат-лабораторий, стала статья А.Мусийко "Искусственное опыление" в журнале "Колхозное опытничество", 1938, 4, стр. 6-7. Автор начал статью с заявления, что искусственное опыление кукурузы повысило в среднем урожай на 2,5 -- 15 ц/га, а ниже привел все имеющиеся в его распоряжении конкретные данные по колхозам, из которых следовало, что в 3 колхозах прибавка равнялась 1 ц/га, а в остальных 46 колхозах -- от 1 до 3 ц/га.

31 Там же, стр. 24.

32 Там же.

33 Там же, стр. 22.

34 Цитиров. по статье Л.Е.Ходькова. См. прим. /3/, стр. 106-113.

35 Там же, стр. 109.

36 Там же, стр. 110.

37 Там же, стр. 111.

38 Там же, стр. 113.

39 Беседа с С.С.Четвериковым летом 1957 г.

40 Т.М.Беляев. Таланты и самородки. Журнал "Яровизация", 1937, 5 (14), стр. 54.

41 Там же, стр. 55.

42 Так, в уже цитировавшейся выше статье "Колхозные хаты-лаборатории -- творцы агронауки" (см. прим. /51/ к главе VII/) Т.Д.Лысенко, в частности, говорил:

"...мне кажется, что в природе растения обладают значительно большими возможностями наследственно изменяться и, благодаря естественному отбору, приспособляться к новым условиям, нежели до сих пор было в опытах, с этой целью проводимых учеными различных стран.

В результате своих безуспешных опытов генетики пришли к убеждению, что условия внешней среды, условия воспитания не играют роли в изменении природы растения. На самом же деле они просто не умеючи, не понимая, проводили опыты, поэтому природа организмов и оставалась "неизменной".

Убежден, что у нас, совместно с хатами-лабораториями, эти опыты пойдут значительно успешнее, залогом чему является все то, что нами уже проделано в этом направлении и все те безграничные возможности для настоящей научно-исследовательской работы, которые имеются в нашей социалистической стране" (стр. 31).

43 Т.С. Мальцев. Через опыт в науку. Журнал "Яровизация", 1937, 5 (14), стр. 33--43.

44 Там же, стр. 43.

45 Там же.

46 Там же, стр. 42-43.

47 Там же, стр. 44.

48 См. прим /40/, цитата приведена на стр. 56.

49 Слова Т.М.Беляева. Там же.

50 Там же, стр. 53.

51 В.Ипполитов. Путь в науку. К итогам украинского совещания заведующих хатами-лабораториями. Газета "Социалистическое земледелие", 17 ноября 1937 г., 263 (2651), стр. 3.

52 Т.Мальцев, колхозник, член-корреспондент Академии с.-х. наук, лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета СССР. Мечта и быль. В брошюре: "Великое счастье жить в сталинскую эпоху", Изд. ВЦСПС, Профиздат, 1950, стр. 6--466.

53 13 ноября 1985 года в программе "Время" советского телевидения был показан фрагмент киносъемки вручения Т.С.Мальцеву 6-го ордена Ленина в связи с исполнившейся 90- летней годовщиной со дня его рождения.

54 О.Н.Писаржевский. Прянишников. Изд. ЦК ВЛКСМ "Молодая гвардия" (серия "Жизнь замечательных людей"), М., 1963.

55 См. прим. (15) к главе VII.

56 Можно в качестве примера сослаться на то, что только в октябре 1931 года газета "Правда"

трижды публиковала статьи Тулайкова (27 октября была напечатана большая статья Тулайкова "Высокую агротехнику -- на социалистические поля", 297 (5102), стр. 2; 28 октября (298 /5103/) и 30 октября (300 /5105/) были помещены изложения выступлений Тулайкова.

57 Н.М.Тулайков. О почвах. Сельскохозяйственные беседы. 6 изд., М., 1922. Его же: Проблема

залежи и севооборота в пшеничном хозяйстве. М.-Л., 1930; Борьба с засухой в зерновом хозяйстве. Изд. АН СССР, М., 1933; Орошаемое зерновое хозяйство Заволжья, Л., 1934; Основы построения агротехники социалистического земледелия. Сельхозгиз, М., 1936. См. также газету "Сельская жизнь" от 6 января 1962 г. и изданные посмертно после реабилитации Тулайкова его "Избранные произведения", Сельхозгиз, М., 1963.

58 Н.М.Тулайков. Против игнорирования агротехники, против шаблона в ее применении. Газете "Известия" от 26 октября 1931 г., 298 (4505), стр. 3 (из стенограммы вечернего заседания 26 октября 1931 г.).

59 Там же (из стенограммы утреннего заседания 27 октября 1931 г.).

60 Там же.

61 Н.М.Тулайков. Борьба с засухой в зерновом хозяйстве. Изд. АН СССР, М., 1933, стр. 10.

62 Н.М.Тулайков. Основы построения агротехники социалистического земледелия. Сельхозгиз, М., 1936, стр. 12.

63 Там же, стр. 42.

64 Там же, стр. 43.

65 См. областную газету "Коммунист", Саратов, 2 октября 1937 г.

66 В.Н.Столетов. Против чуждых теорий в агрономии. Газета "Правда" 11 апреля 1937 г., 11

(7066), стр. 2. За год до этого В.Н.Столетов опубликовал в "Правде" еще одну заметку "Навстречу уборке", 30 мая 1936 г., 147 (6753), стр. 3.

67 Там же.

68 Там же. Столетов писал:

"Колхозные мастера высоких урожаев и... стахановцы потребовали обобщения их опытов...наиболее поворотливым здесь оказался тот же академик Тулайков. Под видом обобщения стахановского движения он решил разработать основы агротехники социалистического земледелия".

69 Там же.

70 Там же.

71 Там же.

72 Там же. По словам Столетова:

"...наука о плодородии, запечатленная в трудах Маркса и Ленина [никогда, правда, плодородием не занимавшихся -- В.С.], в трудах таких представителей биологической мысли, как Дарвин, Тимирязев, Мичурин, Виноградский, Вильямс, Лысенко и десятка других агробиологов [оказывается, покойные Дарвин, Тимирязев, Мичурин и микробиолог Виноградский задним числом причислены к "славному" племени агробиологов! -- В.С.] уже достаточно накопила знаний, опыта, чтобы решать эту задачу и помогать колхозам управлять урожаем, достигать намеченных целей".

73 Там же.

74 Проф. Н.Тулайков. Поднять урожайность в зерновом хозяйстве. Газета "Социалистическое земледелие", 1 февраля 1931 г., 31 (593), стр. 3. Тулайков писал:

"Использование фонда, созданного правительством, попало в руки людей, зараженных кондратьевско-макаровской идеологией, и в результате получилось увеличение действительно устойчивых кулацких хозяйств.

...вопросы организации хозяйства оказались в руках вредителей, и прошлая работа опытных учреждений в этом направлении должна быть выброшена вон, как работа наших врагов".

Затем Тулайков высказался за "ликвидацию кулачества как класса".

75 Редакционная статья "Разгромить до конца чуждые течения в агрономии (С собрания научных работников ВИЗХ, СХИ и селекционной станции)". Газета "Коммунист", орган Саратовского областного и городского комитетов ВКП(б), 18 апреля 1937 г., стр. 2.

76 Там же.

77 Там же.

78 Там же.

79 Там же.

80 М.Ларионов. Саратовский рассадник чуждых теорий. Журнал "Бюллетень ВАСХНИЛ", 6, 1937, стр. 53-59.

81 Н.Дмитриев, В.Минаев, Д.Криницкий. Нужна ясность в позиции Академии с.-х. наук (об ошибках академика Тулайкова). Газета "Социалистическое земледелие" 4 июля 1937 г., 151 (2539), стр. 2. Ошибками были названы предложения Тулайкова о преимуществах мелкой пахоте, анализе нужд зернового хозяйства в целом, а не только лишь его зависимости от животноводства, выступление против многолетних трав как главного способа повышения плодородия почв.

82 М. Абросимов. Ошибочные "теории" в агротехнике и вредительство в зерно-совхозах. Журнал "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства" 7 (июль), 1937 г., стр. 80- 93.

83Там же.

84 Там же.

85 Канд. с.х. наук И. Николаев. Против вредных влияний в агрохимии. Газета "Социалистическое земледелие" 22 ноября 1937 г., 267 (2655), стр. 3.

86 И. Николаев, М. Анфимов. Против вредных теорий борьбы с сорняками. Там же, 20 декабря 1937 г., 289 (2677), стр. 3.

87 Личное сообщение Д.В.Лебедева, 1986 г.

88 Цитировано по книге:
Пленум ЦК КПСС 1-519 декабря 1958 г., Стенографический отчет. Госполитиздат, М., 1958, стр. 323.

89 Введение в СССР зональной системы земледелия в 1980- годы иногда связывали с именем Н.М.Тулайкова, как, например, было сделано в статье канд. эконом. наук И.Горланова "Эффект зональной системы земледелия". Газета "Сельская жизнь" 23 сентября 1982 г., 220 (18705), стр. 2-3. О Тулайкове и его системе земледелия см. на стр. 2.

90 Павел Пэнэжко. Сноп памяти. Газета "Советская Россия" 21 сентября 1986 г., 220 (9171), стр. 4.

91 Там же.

92 Конст. Федин. Счастье быть молодым. Газета "Правда" 27 января 1938 г., 26 (7351), стр. 4.

Г л а в а IX

МУЖЕСТВО КОЛЬЦОВА

"Безумству храбрых поем мы песню".

А.М. Горький. Песнь о буревестнике (1).

"Нельзя дожидаться суда истории. История, конечно, казнит палачей и отведет им место в

ряду Аракчеевых, Биронов и Малют Скуратовых. Но нынешнего Малюту судом истории не испугаешь; он даже не прочь заслужить Геростратову славу. Нет, возмездие должно быть скорое и реальное."

Н.К.Кольцов, 1906 (2).

Становление характера и годы учебы

Николай Кольцов родился 3 июля 1872 года в Москве. Его отец, Константин Степанович Кольцов служил бухгалтером меховой фирмы "Павел Сорокоумовский". Отец умер, простудившись в дороге с ярмарки в Ирбите, когда его младшему сыну Коле не исполнилось и года, поэтому дети росли и воспитывались под руководством матери -- Варвары Ивановны Кольцовой, урожденной Быковской. Мать происходила из семьи известного российского купца, одним из первых установившего торговлю с Бухарой и Хивой, Ивана Андреевича Быковского, известного и тем, что он знал три европейских языка (французский, немецкий, английский) и пять других, включая фарси. Старший брат ученого -- Сергей писал в воспоминаниях о семье:

"Мать наша была образованная женщина. Знала французский и немецкий языки, любила читать, благодаря чему у нас всегда было много книг, имелись всегда так называемые толстые журналы -- "Вестник Европы", "Отечественные записки", "Русская мысль" и др." (3).

После смерти отца семья жила скромно, стараясь уложиться в бюджет, позволявший на оставшиеся от отца сбережения выучить детей, поставить их на ноги, ни о какой роскоши говорить не приходилось. Младший сын Коля, по воспоминаниям старшего брата и сестры рос смышленым, но довольно замкнутым и погруженным в себя мальчиком, много размышлявшим и много читавшим. Он был аккуратистом во всем -- и в делах, и в записях, и в одежде, и в распорядке дня. Спокойно и уверенно продвигался он вперед, взрослея не по годам. Правда, брат и сестра отмечали, что если какое-то раздражение извне переходило привычные рамки и выводило мальчика из себя, он мог взорваться и тогда был неукротим и несмиряем. Сам Николай Константинович вспоминал, что несколько раз в детстве впадал в состояние, когда его двоюродный брат предлагал единственное средство для усмирения -- "связать ему руки".

Повзрослев, Кольцов так и сохранил разумное спокойствие, ровность в отношениях к людям, даже отрешенность от мелких страстей, иногда так портящих жизнь людям, менее уравновешенным. Он не загорался мгновенно, не впадал в спонтанные экстазы, а делал свое дело без надрыва и резкостей, обдумывал каждый шаг и двигался вперед без рывков и надсадных взлетов. Была лишь одна причина, могущая вызвать в нем внутреннее и очень сильное чувство резкого протеста: ярко выраженная несправедливость, причем не к нему самому, а к окружающим. Другие могли при этом на минуту вознегодовать, но обстоятельства жизни быстро гасили их пыл и "вразумленные" они в дальнейшем сообразовывались с понятием, что "плетью обуха не перешибешь". Кольцов в таких случаях не то, что об удобствах жизни и неблагоприятных последствиях не заботился, он переставал о своей голове заботиться и шел на бой с несправедливостью, откуда бы эта несправедливость не исходила, хоть от "Батюшки Царя". Эту удивлявшую многих беззаветную смелость, питавшуюся убежденностью в правоте справедливости, он сохранил до конца дней.

Интерес ко всему живому он стал проявлять рано. Как вспоминал брат, "ему было не более шести лет, когда подарили ему [игрушечную] лошадь, и первое, что он с ней сделал -- это разрезал ей живот, желая посмотреть, что в нем. Мать увидя это, сказала: "Ну, быть тебе

естественником"" (4).

Закончив 6-ю московскую гимназию с золотой медалью, он поступил в Московский Императорский университет и стал одним из трех выдающихся учеников столь же выдающегося профессора -- зоолога М.А.Мензбира (троицу составили П.П.Сушкин, А.И.Северцов и Кольцов; первые двое стали впоследствии академиками Российской Академии наук). В 1894 году за дипломную работу "Пояс задних конечностей позвоночных" его удостоили золотой медали (это была написанная каллиграфическим почерком и содержавшая множество оригинальных рисунков книга форматом энциклопедии и объемом около 700 страниц), выдали диплом 1-й степени и оставили в аспирантуре ("для приготовления к профессорскому званию" -- как говорили тогда) под руководством Мензбира. После сдачи в 1896 году всех полагающихся аспирантам экзаменов (по сравнительной анатомии, зоологии беспозвоночных, зоологии позвоночных, палеонтологии, ботанике и физиологии) в 1897 году он был отправлен на средства университета стажироваться в лучших лабораториях Европы.

Кольцов решил потратить время в Европе на то, чтобы специализироваться в новой науке -- цитологии (науке о строении клеток). Эта дисциплина только зарождалась, ее ждало в ближайшем будущем бурное развитие, и то, что вчерашний студент самостоятельно пришел к желанию заняться ею, говорило много о способностях Кольцова видеть перспективу уже в те годы. Во времена учебы Кольцова в университете общий интерес был прикован к сравнительной анатомии, зоологии позвоночных и беспозвоночных, палеонтологии и ботанике. Физиология растений считалась самым важным направлением, К.А.Тимирязев страстно и громко излагал с кафедр в разных собраниях свои мысли о роли физиологических процессов. Но внутрь клеток пока никто не шел, исследования структуры цитоплазмы, ядра и клеточных органелл казались преждевременными и непривычными.

Кольцов уехал сначала в Кильский университет (Германия) к Вальтеру Флеммингу (1843 -- 1905), который был признанным основателем совсем уж нового направления -- цитогенетики. В 1879 году Флемминг первым описал поведение хромосом при делении клеток (именно он назвал процесс митозом). Термин "хромосома" еще не был введен, и Флемминг описывал "поведение при делении клеток длинных тонких структур, окрашиваемых недавно открытым красителем -- анилином". Кольцов ехал к нему с хорошо продуманным планом исследования: он намеревался использовать амфибии как экспериментальный объект и изучать на нем поведение хромосом при возникновении зародышевых клеток. Была и потаенная мысль, с которой Кольцов позже расстался, -- он намеревался создать такие условия для развития оплодотворенных яйцеклеток амфибий, при которых можно было бы менять пол в процессе повзросления зародышей. Он думал, что в момент возникновения зародышей пол еще не дифференцирован, затем под влиянием внешних условий зародыши становятся или мужскими или женскими, и в этот-то момент и можно будет научиться регулировать пол живых организмов. Кольцов не мог знать, что пол раз и навсегда определяется при возникновении зародыша сочетанием половых хромосом, которые были открыты только десятью годами позже американцем Томасом Хантом Морганом.

Закончив работу в лаборатории Флемминга, Кольцов из Киля перебрался в Неаполь, на зоологическую станцию. Там он стал работать над другой темой -- исследовать начальные этапы развития организмов, стараясь понять, как происходит закладка тканей будущей головы животных. Завершать обработку этих материалов он отправился во Францию -- в Росков и на Виллафранкскую станцию.

В конце концов он подготовил большую работу, напечатанную на двух языках. Особенно полезной оказалась работа на Виллафранкской зоологической станции. В бухте Виль Франш

на средиземноморском побережье Франции около Ниццы с 1884 года существовала Русская зоологическая станция, названная "Виллафранка". В год, когда там начал работать Кольцов, эта станция уже завоевала прочную международную репутацию, туда приезжали ученые из всех стран, в том числе и из-за океана, и вполне естественно получилось, что Кольцов не только успешно работал, но и подружился навсегда с молодыми учеными, ставшими вскоре лидерами биологии, признанными во всем мире, такими как Ив Делаж, К. Гербст, Ганс Дриш, Рихард Гольдшмидт, Макс Гартман, американец Эдмунд Вильсон, уже тогда известный своей книгой о роли клеточных структур в наследственности, а позже ставший признанным классиком в этой области. Вильсон, спустя несколько лет, пригласил к себе работать Томаса Моргана, Морган взял на работу в эту лабораторию Мёллера, Стёртеванта и Бриджеса, усилиями этой "могучей четверки" за считанные годы была разработана хромосомная теория наследственности, и так получилось, что уже в свои постаспирантские годы Кольцов оказался связанным с Вильсоном, провел много времени в беседах с ним, и неудивительно, что позже это помогло ему создать самобытную школу генетиков в России.

Затем он переехал в Мюнхен, где пришлось основные эксперименты проводить на снимаемой им квартире. Он сумел раздобыть микроскоп и микротом, позволявший делать срезы с биологического материала, пригодные для рассматривания в микроскоп. Кольцов был великолепным рисовальщиком, до сих пор его тончайшие рисунки наблюдавшихся в микроскоп картин поражают своей точностью. Даже в пору, когда микрофотографическая техника достигла совершенства, его рисунки конкурировали с микрофотографиями по обилию и точности деталей, по ясности отражения процессов, запечатлеваемых глазом или фотокамерой.

Вторая поездка в Европу и начало работ по физико-химии клетки

В конце 1899 года Кольцов вернулся в Москву, с 1900 года в качестве приват-доцента Московского университета начал читать первый в России курс цитологии, в 1901 году защитил магистерскую диссертацию и с 1 января 1902 года снова уехал на два года работать на Запад, сначала в Германию, а потом в Неаполь и Вилль Франш.

В Германию Кольцов привез свои препараты срезов индивидуальных клеток, стал показывать их местным светилам.

"Месяца два я работал в лаборатории Оскара Бючли в Гейдельберге, -- вспоминал Кольцов в 1936 году в книге "Организация клетки". -- Этот умный и очень интересный биолог подолгу просиживал над моим микроскопом, стараясь на разрезах во всех частях моих огромных клеток найти ячеистые структуры. Но теория ячеистой структуры Бючли меня давно не удовлетворяла. Мне казалось, что, чрезвычайно упрощая все огромное разнообразие протоплазматических структур, эта теория ничего не объясняет. Я...не хотел идти по его указке. В Киле я показывал свои препараты своему другу Ф.Мевесу (В.Флемминг уже скончался), он тоже восхищался их красотой, советовал описать их. Но я вовсе не хотел только описывать, хотел понять их организацию...

До этого времени [клетки] описывали главным образом мертвыми, на препаратах. Я... решил главное внимание обратить на эксперименты с живыми [клетками]... .

Очень скоро выяснилось, что вести работу можно, только зная основные законы физической химии" (5).

Кольцову было в то время 30 лет. В таком возрасте можно делать самые смелые расчеты на много десятков лет. Но смелости молодого ученого, замахивающегося на перечисленные

выше задачи, можно было позавидовать: ведь науки физико-химии просто не существовало. Ее нужно было создать на пустом месте, и именно этим он и занялся. При этом он не делал громких заявлений, не называл свои гипотезы законами, не трубил о них на всех перекрестках, не прибегал к защите вождей страны и мира, не будоражил никого своими прозрениями. Как был в мальчишестве, так и остался до конца дней спокойным, застегнутым на все пуговицы и строгим к себе и к другим первопроходцем неизведанных до него экспериментальных полей и создателем истин совсем не очевидных.

Физико-химические эксперименты Кольцова привели к открытиям мирового масштаба -- обнаружению в 1903 году "твердого клеточного скелета", казалось бы, в нежнейших клетках. До него ученые считали, что клетки принимают свою форму в зависимости от осмотического давления наполняющего клетку содержимого. Кольцов оспорил этот основополагающий вывод и вывел новый принцип, согласно которому, чем мощнее и разветвленнее различные структуры каркаса, удерживающего форму клеток, тем больше эта форма отходит от шарообразной. Он предложил термин "цитоскелет", изучил внутриклеточные тяжи во многих типах клеток, поставил тончайшие физические эксперименты, позволявшие исследовать их разветвленность, использовал химические методы для выявления условий стабильности цитоскелета.

Только с конца 1970-х годов исследование микротрубочек и других внутриклеточных волокон вышло на передний край науки, термин цитоскелет был предложен заново, и лишь в последней трети XX-го века универсальное значение цитоскелета стало осознаваться биологами и специалистами по структуре клеток. Значит опередил прогресс науки Кольцов по меньшей мере на три четверти века! Все биологи нашего времени убеждены, что понятие о цитоскелете сложилось совсем недавно, каких-нибудь три десятилетия назад. Но с начала XX-го века в течение трех десятилетий классик биологии Рихард Гольдшмидт не переставал объяснять в своих переведенных на все языки книгах "принцип Кольцова" о существовании цитоскелета и о зависимости трехмерной структуры клеток от положения и состояния внутриклеточных "эластичных волокон", обнаруженных Николаем Константиновичем. Вспоминая время, проведенное на Виллафранкской станции вместе с Кольцовым, Гольдшмидт -- свидетель рождения этого принципа -- писал на склоне своих лет:

"...там был блестящий Николай Кольцов, возможно лучший русский зоолог, доброжелательный, непостижимо образованный, ясно мыслящий ученый, обожаемый всеми, кто его знал" (6).

Через несколько лет он добавил к этой характеристике:

"Я горжусь, что такой благородный человек был моим другом всю жизнь" (7).

"Кольцовские принципы"

Вернувшись в Россию в конце 1903 года, Кольцов возобновил лекции в Московском университете и активно продолжал свои исследования физико-химии клеток. Экспериментальные данные накапливались быстро, а творческих идей у него было много. И в России и за рубежом выходили новые и новые работы русского ученого, вызывавшие всё более и более уважительное отношение. В декабре 1905 года в России началась революция, а в январе 1906 года он должен был защищать докторскую диссертацию. Эксперименты были давно закончены, сам текст диссертации написан, дата защиты была уже объявлена. Получая степень доктора, Кольцов обеспечивал себе безусловное продвижение в экстраординарные профессора -- о такой судьбе мечтали все исследователи. Однако внешние события изменили течение академических дел и сказались на научной карьере Кольцова. Принципами он не

поступался, а в тот момент стало очевидным, что нормальных условий для защиты создать нельзя. Решением правительства университет был фактически оккупирован войсками, лекции и лабораторные занятия отменены, студентам был даже запрещен проход на территорию университета. Профессора должны были собраться на защиту как бы тайком, за закрытыми дверьми, и Кольцов решил в таком действе не участвовать. Снова его принципы вошли в противоречие с навязываемыми ему властями условностями. Как он сам писал в 1936 г. в предисловии к книге "Организация клетки", защита была назначена буквально "через несколько дней после кровавого подавления декабрьской революции".

"Я отказался защищать диссертацию в такие дни при закрытых дверях: студенты бастовали, и я решил, что не нуждаюсь в докторской степени. Позднее своими выступлениями во время революционных месяцев я совсем расстроил свои отношения с официальной профессурой, и мысль о защите диссертации уже не приходила мне в голову" (8).

Кольцов в тот год вступил в очень узкий кружок единомышленников, существовавший в Московском Императорском университете и известный под названием "Кружок одиннадцати горячих голов". Возглавлял кружок астроном П.К.Штернберг, про которого в обществе уверенно знали, что он -- большевик. Члены кружка обсуждали текущие новости, в том числе и политические, тайно пронесли в лабораторию Кольцова мимеограф и на нем печатали свои оценки происходящего. По мнению властей они "мутили воду" и потому были под подозрением у службы безопасности. Когда в октябре и особенно декабре 1905 года по России прокатилась волна беспорядков, случилась первая революция, кружковцы открыто встали на сторону бастующих, а надо заметить, что студенты Московского Императорского университета были чуть ли не застрельщиками беспорядков в Москве. Интересно, что одним из руководителей студенчества во время революции 1905 года был дальний родственник Кольцова Сергей Четвериков1 , который в это время учился в университете и был избран студентами в Центральный Студенческий Совет, а от него (единственным непосредственно от российского студенчества) во Всероссийский Стачечный Комитет. (В 1955 году Сергей Сергеевич Четвериков продиктовал мне воспоминания об этом времени, опубликованные много позже /10/).

Во время революции "Кружок одиннадцати" регулярно собирался на заседания, а для отвода глаз жандармов заседания проходили не в кабинете Штернберга, как обычно, а в лабораторной комнате Кольцова в Институте сравнительной анатомии. Непосредственным результатом заседаний стала написанная и изданная Кольцовым книжка в мягкой обложке "Памяти павших", цель которой отлично раскрывает напечатанное на обложке разъяснение:

"Памяти павших. Жертвы из среды московского студенчества в октябрьские и декабрьские дни. Доход с издания поступает в комитет по оказанию помощи заключенным и амнистированным. Цена 50 коп. Москва. 1906" (11).

В брошюре на 90 страницах были такие разделы как "Избиение студентов казаками...", "Избиение в церкви...", "Убийство-казнь А.Сапожкова в Голутвине...", "Не плачьте над трупами павших борцов!" и были приведены не только фамилии погибших, описаны обстоятельства гибели, но и выдержки из газет, черносотенные призывы, исходившие из правительственных кругов и от близких к правительству и царствующему двору людей, и даже речь самого царя, в которой он благодарил убийц студентов за то, что "крамола в Москве была сломлена". Были названы по именам многие из убийц, например "железнодорожный весовщик Кашин, который по показаниям свидетелей возбуждал толпу к убийству. Это тот самый Кашин, который вместе с графом Бобринским, Грингмутом и пр. ездил в Царское Село представляться Государю, был принят и выслушал милостивые царские слова" (12). Книга была вызывающе направлена против именно черносотенного

мышления и действий правительства России. Немудрено, что правительство распорядилось книгу конфисковать.

Случившееся было доведено до директора Института сравнительной анатомии М.А.Мензбира. Последний придерживался ровно противоположных взглядов, был горой за сохранение спокойствия и порядка в стране, не случайно он был введен в совет университета. Узнав, что в его институте Кольцов устраивал противоправительственные сходки, Мензбир, человек вообще-то импульсивный, взбеленился. От Кольцова потребовали освободить с 1 сентября 1906 года занимаемый им кабинет, затем запретили заведование библиотекой, затем "сдержанный и замкнутый" Кольцов написал откровенное (а, если посмотреть с другой стороны, вызывающее) письмо учителю и начальнику с призывом принять его точку зрения в общественной жизни и вообще обращать основное внимание на научную деятельность, раз уж они ученые:

"Мне бы хотелось, многоуважаемый Михаил Александрович, чтобы Вы, прежде чем реагировать так или иначе на настоящее письмо, вспомнили, что было время, когда Вы с известным уважением относились к моим научным работам, видели во мне своего ученика. Ведь как бы ни сложились наши общественные и политические убеждения, я думаю, все-таки и в Вашей и в моей жизни самое ценное -- это наши отношения к науке, и самое большее, что мы способны произвести, -- это работать научно собственными руками и руками своих учеников" (13).

Ответом было безусловное запрещение работы в лаборатории Института. Разногласия с Мензбиром достигли крайнего предела.

Мензбир решил отнять у него место в лаборатории, Николай Константинович в ответ попросил оставить ему хотя бы одну комнату -- совершенно пустое место, куда собирался купить из своих скудных средств микроскоп и другие приборы. Работа для него была важнее еды и прочих удобств жизни. В категорических тонах ему было в этом отказано. Тогда он решил обратиться к руководству университета с аналогичной просьбой. Отказ последовал незамедлительно. Мензбир в это время уже числился не только директором Института, заведующим кафедрой, но и помощником ректора и членом президиума университета. Кольцов в беседе с ректором услышал, что все отказы связаны не просто с его неблагонадежностью, но и с тем, что какой-то из профессоров университета, хорошо его знающий много лет, свидетельствовал против него и сообщал о нем неблагоприятные сведения. Кто этот профессор, догадаться было нетрудно. Правда, при всем остракизме порядков в те ненавистные демократам царские времена, в Сибирь Кольцова не сослали и даже читать лекции он еще мог, но за них платили довольно маленькие деньги, он ведь был не штатным доцентом, а приват-доцентом, то есть получал лишь почасовую оплату. Экспериментальная работа -- то, что составляло для него главный смысл в жизни, начиная с 1909/1910 учебного года, оказалась под запретом. За "дурное поведение" ему даже не выделили средств на поездку на Неаполитанскую станцию, хотя другие сотрудники при схожих обстоятельствах получали финансовую поддержку без труда. Кольцов потребовал, чтобы над ним совершили официальный, открытый суд, в котором бы судебные органы указали статью закона, делающую невозможной для него научную деятельность. Суда такого никто, конечно, проводить не собирался. Еще через год руководство университета отлучило приват-доцента, имя которого стало слишком хорошо известно как покровителя бунтарей, не только от лаборатории, но и от преподавания.

Однако не в характере Кольцова было посыпать голову пеплом и идти просить прощения за убеждения. Ни к какому конформизму Кольцов не только не склонялся, но ни на йоту от своих убеждений отходить не собирался. Не в одной цитологии вводил он "принципы

Кольцова", он и в личной жизни принципами не поступался. Он стал искать новое место работы. Еще в 1903 г. он приступил к чтению курса "Организация клетки" в новом учебном заведении, созданном в Москве -- на Высших Женских Курсах профессора В.И.Герье, существовавших на частные пожертвования и на средства, вносимые студентками за обучение. Когда в императорском университете пошли споры и разборки, он перешел полностью на эти курсы. Они пользовались огромным авторитетом, и от слушательниц отбоя не было. Блестящего лектора Кольцова студентки высоко ценили. Затем известный деятель на ниве благотворительности, золотопромышленник А.Л.Шанявский собрал пожертвования от богатых людей, внес свою львиную долю, и в Москве был открыт Московский городской народный университет, который чаще называли Частный университет Шанявского. С 28 апреля 1909 года Кольцов перебазировался в этот университет, где создал заново лабораторию, и тут же его прежние ученики потянулись к нему из императорского университета (М.М.Завадовский, А.С.Серебровский, С.Н.Скадовский, Г.В.Эпштейн, Г.И.Роскин, П.И.Живаго, И.Г.Коган и другие).

Зажил Кольцов снова, как прежде, работал до изнеможения, читал лекции, успевал заниматься и общественной деятельностью. А в 1911 году он протянул руку помощи Мензбиру. В том году заступивший 1 февраля в должность министра народного просвещения Лев Аристидович Кассо, юрист по образованию (учился, кстати, в студенческие годы в основном на свободолюбивом Западе -- во Франции и Германии) и сам с 1899 года служивший профессором Московского университета, немедленно издал драконовские законы, отменявшие почти все университетские свободы и превращавшие университеты в подобие казарм. Ректор университета А.А.Мануйлов, проректор и помощник ректора подали в отставку в знак протеста против этих полицейских нововведений. Кассо отставку принял в день подачи заявлений -- 2 февраля 1911 года. В ответ на это около четырехсот профессоров и сотрудников университета в феврале последовали ректору и проректору университета и тоже подали в отставку. И как не был законопослушен Мензбир, но и он был по-своему человеком убеждений. Он тоже подал в отставку. Тут его и пригласил работать на Высших Женских Курсах его же ученик Кольцов. Мензбир был несказанно тронут, приглашение принял и прежние отношения могли бы восстановиться, но сделавший доброе дело Николай Константинович оставался замкнут и холоден, в прекраснодушии он замечен никогда не был2.

Таким образом "принципы Кольцова" распространялись не только на организацию клетки, но и на положение в обществе. Твердость убеждений, поддержание имени сильным костяком нравственности, целесообразности и свободолюбия создали Кольцову крепчайшую репутацию. В мировой науке его имя укоренилось, принцип цитоскелета вошел в немецкие, английские, итальянские, американские, испанские и русские учебники, а на родине высочайшее уважение снискала его общественная активность, несгибаемая воля и активная деятельность как профессора и наставника молодежи.

Создание Института экспериментальной биологии

Работам Кольцова, в особенности его физико-химическим исследованиям клеток и принципу цитоскелета, было воздано должное в научном мире. В 1911 году выходит дополненное издание книги Кольцова о цитоскелете на немецком языке. В большой монографии Р.Гольдшмидт переносит принцип цитоскелета Кольцова на объяснение формы мышечных и нервных клеток. Ученые из Гейдельбергского университета сообщили, что они применили с успехом кольцовский принцип для исследования одноклеточных организмов, шотландский ученый Дерен Томпсон (ставший позже президентом Шотландской академии наук) в монографии "Форма и рост" на нескольких страницах книги подробно объясняет принцип Кольцова и сообщает, как ему помог этот принцип в его исследованиях. Признанный уже

лидером в своей области Макс Гартман в книге "Общая биология", ставшей позже классической и много раз переиздававшейся, на описании принципа Кольцова строит первые две главы первого тома. В США великий Эдмунд Вильсон на собраниях ученых постоянно рассказывал о принципе цитоскелета и о других работах Кольцова, ссылался на работы его учеников, вообще ставил Кольцова на первое место среди биологов своего поколения.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что в 1915 году Петербургская Академия наук пригласила Кольцова переехать в северную столицу, где для него собирались создать новую огромную биологическую лабораторию и избрать его соответственно академиком. Кольцов и здесь проявил свою принципиальность, уезжать из Москвы отказался и вынужден был довольствоваться званием члена-корреспондента Академии наук.

В это время он уже был вовлечен в активность по созданию на деньги меценатов серии научно-исследовательских институтов. Леденцов, Шанявский, книгоиздатель Маркс и другие сложились, и предоставили финансовую основу для организации независимых от государственных структур новых институтов. Был таким образом создан в Москве летом 1917 года Институт экспериментальной биологии (ИЭБ), открывшийся за несколько месяцев до того, как большевики совершили государственный переворот. Кольцов спланировал ИЭБ, продумал его детали и возглавил.

Обдумывая принципы создания института, Николай Константинович исходил из идеи, что в его институте должно быть немного работников, но каждый сотрудник должен быть уникальным специалистом, случайных и полубесполезных людей не должно быть вовсе. Каждый должен быть на уровне современной науки, каждый быть центром кристаллизации пионерских идей. Для проведения исследований в природных условиях была использована маленькая экспериментальная станция под Москвой, в Звенигороде, потом в 1919 году около деревни Аниково была создана станция по генетике сельскохозяйственных животных, а институт вначале располагался всего в нескольких комнатах в здании на Сивцевом Вражке и лишь с 1925 года было получено красивое, но отнюдь не поражавшее размерами здание в маленькой улочке Воронцово поле (позже улица Обуха) в старой части Москвы (теперь в этом особняке, отнятом в конце концов советской властью у института, расположено посольство Индии).

Кольцов среди заговорщиков против большевиков

Первые же действия советского правительства отвратили от себя тех лучших людей России, которые не на словах, не в тиши столовых за вечерним разговором, а рискуя всем своим состоянием, именем и даже самим существованием боролись против тупых проявлений жандармского отношения к человеческой личности, кто не боялся открыто признать, что не уважает царское правление и кто требовал введения демократических реформ. Мы видели, что Кольцов был среди этих людей, что он пошел даже на то, чтобы остаться со степенью магистра и не защищать докторскую диссертацию по работе полностью законченной и написанной, чем закрывал себе большинство дорог в официальной жизни. Он не жалел о потерянном и вел себя как рыцарь чести.

И вот пришла революция, несшая на своих знаменах лозунги того миропорядка, который был символом веры для людей типа Кольцова. Но лозунги большевиков оказались демагогическими игрушками, а практика показала, что эти лозунги для них ничего не стоят, что они вероломно порывают со всеми демократами, хоть национального, хоть универсального свойства. Ни социал-революционеры (эсеры), ни социал-демократы (эсдеки), ни конституционные демократы (кадеты), ни другие демократически мыслящие люди им не только оказались не нужны, но рвавшиеся к монополизму большевики начали их

преследовать. Органы
печати демократов были запрещены сразу, их организации оказались в числе тех, против которых была направлена активность чекистов. В первые же дни после революции на квартире Плеханова был проведен обыск, а самого учителя Ленина и признанного лидера свободомыслия России поместили под домашний арест, многих ярких представителей других революционных организаций арестовывали, убивали, высылали из страны. Инакомыслие (иными словами -- демократический выбор) было внесено в разряд государственных преступлений.

Стоит ли удивляться, что эти еще совсем недавно передовые люди, относимые теперь большевиками к врагам нового порядка, стали всерьез думать, как освободить страну от засилия безумных робеспьеров и кровожадных маратов. Якобинские замашки большевиков напугали все общество и прежде всего тех, кто не боялся бороться против царизма, рассматриваемого ими душителем свободы, но который и отдаленно не напоминал по жестокости большевистских правителей. В стране возникло много групп людей, искавших пути освобождения России от владычества большевиков, групп, собиравшихся посильными и законными путями бороться с захватчиками власти в стране.

В одной из таких групп оказался на ведущих ролях Кольцов (не бывший граф, не миллионер, утерявший богатства, не озлобленный человек). Будучи разочарованными в претворении в жизнь идеалов революции, Кольцов с друзьями создали подпольную организацию (некоторые ученые считают, что это была партия конституционных демократов или кадетов / 14/). Мы знаем сегодня слишком мало, чтобы говорить что-то определенное о ее деятельности, но факт остается фактом: "Национальный центр" -- так называли в своих отчетах эту организацию чекисты -- был раскрыт в 1920 году. Кольцов исполнял в нем самую щепетильную роль: отвечал за финансовую сторону работы, был казначеем (значит, доверяли ему в максимальной степени его друзья по организации!). В 1920 году всех выявленных членов организации -- 28 человек, включая Кольцова, чекисты арестовали. То, что на квартире Кольцова заговорщики часто собирались, было также поставлено профессору в вину.

Кольцов был приговорен к расстрелу, но за него вступился близкий приятель -- Максим Горький, обратившийся непосредственно к Ленину. Благодаря его заступничеству Кольцов был приговорен в 1920 году лишь к 5 годам тюремного заключения, провел некоторое время в тюрьме3 , но затем был вообще освобожден по личному ходатайству Горького. А поскольку освобождение было даровано самим Лениным, то больше за эти действия в советское время Кольцова публично не преследовали и его антибольшевистскую деятельность даже не вспоминали. Возможно, что открытая позиция Кольцова как врага большевизма, о чем чекисты не могли никогда забыть, оберегла его от топора, нависшего над тысячами других людей, заподозренных в нелояльности режиму и вторично арестованных в конце 20-х -- 30-х годов. Властям также было известно, что Кольцов никогда душевной слабины не давал, до компромиссов в вопросах морали не опускался.

Важную роль в такой нерушимой крепости характера и неотклоняемости от линии порядочности и честности играла в жизни Кольцова его столь же крепкая духом и нравами жена -- Мария Полиевктовна Садовникова-Кольцова (урожденная Шорыгина, ее брат Павел Полиевктович -- крупный химик-органик, академик АН СССР, первооткрыватель реакции металлизирования углеводородов). Она была студенткой Кольцова в Университете Шанявского, затем ассистентом в его лаборатории. Они полюбили друг друга и любили всю жизнь беззаветно и страстно. Жили не просто душа в душу, а неразрывно -- и в семье и на работе: все дела были общими (Мария Полиевктовна стала известным зоопсихологом и вела опыты в кольцовском институте), а вне общих дел у каждого не было ничего, -- ни в мыслях,

ни наяву. То, что у супруги Кольцова характер строгий и требования к безупречности поведения высокие, знали все ученики и сотрудники Кольцова. Мария Полиевктовна и Николай Константинович занимали квартиру на втором этаже Института, рядом с ней располагался рабочий кабинет Кольцова. Много лет спустя, ставшие академиками Борис Львович Астауров и Петр Фомич Рокицкий вспоминали:

"Когда к семье Кольцова приходил кто-либо из артистов или певцов (а дружили Кольцовы с многими -- В.И.Качаловым, Н.А.Обуховой, скульптором В.И.Мухиной, муж которой работал у Кольцова, с А.В.Луначарским, А.М.Горьким и другими -- В.С.), то нередко он просил исполнить что-либо для сотрудников. И тогда передавался сигнал: скорее идите в зал, будет петь Обухова (Дзержинская или Доливо-Соботницкий) или играть трио имени Бетховена. Именно здесь в небольшом зале института, мы впервые видели и слышали замечательных артистов" (15).

Вклад Кольцова в развитие генетики и молекулярной биологии

Институт экспериментальной биологии становится центральным научным учреждением по исследованию клеток, их строения, физико-химических свойств, а позднее и генетики. Выдающиеся успехи в последнем направлении были обусловлены тем, что в институте Кольцова создал свою знаменитую лабораторию Сергей Сергеевич Четвериков, который в 1926 году заложил основы нового направления науки -- популяционной генетики, а его ученики -- Н.В.Тимофеев-Ресовский, Б.Л.Астауров, П.Ф.Рокицкий, Д.Д.Ромашов, С.М.Гершензон и другие получили первые экспериментальные доказательства правоты взглядов их учителя. (В 1928 году С.С.Четвериков по грязному политиканскому навету был арестован и в 1929 году выслан на Урал. Бурное развитие популяционной генетики в СССР, начавшееся при Четверикове, после этого заметно ослабло, а затем вскоре американские ученые нагнали русских, поняв важность проблемы, обозначенной и развивавшейся Четвериковым).

В 1927 году Кольцов выступил с гипотезой, в которой утверждал, что наследственные свойства должны быть записаны в особых гигантских по строению молекулах и высказал предположение о том, каким должно быть принципиальное строение наследственных молекул, предвосхитив этим развитие молекулярной генетики на четверть века (16). По мысли Кольцова каждая хромосома должна нести по одной наследственной молекуле, каждый ген должен быть представлен отрезком этой гигантской наследственной молекулы, а сами молекулы должны состоять из двух идентичных нитей, причем каждая отдельная нить при делении перейдет в дочернюю клетку, на ней будет синтезирована ее зеркальная копия, и создание новых идентичных двойных гигантских наследственных молекул обеспечит сохранение преемственности в наследственных записях. Все четыре предположения: наличие гигантских молекул, несущих наследственные записи, представление о гене как об отрезке наследственной молекулы, принцип двунитевого строения наследственных молекул, одинаковости записи в каждой из нитей двойного комплекса и матричный принцип при воспроизведении копий наследственных молекул (способность к воспроизведению в том же виде, как и у родителей, или принцип "из молекулы -- молекула"), были пионерскими предвосхищениями будущего прогресса науки. В 1953 году Дж.Уотсон и Ф. Крик предложили теоретическую модель двойной спирали ДНК (они, как рассказал мне Уотсон в 1988 году, даже не слыхали об идее Кольцова), а позже было установлено, что и на самом деле одна двунитевая молекула ДНК приходится на одну хромосому. Таким образом принцип, предложенный Уотсоном и Криком, за который они были удостоены Нобелевских премий, был досконально разработан русским ученым Кольцовым четвертью века ранее.

Ставшие классическими исследования русского биолога касались многих сторон жизни и

строения живых организмов. Характерной же чертой собствен-но кольцовской индивидуальной деятельности было то, что до конца своих дней он не прерывал личной экспериментальной работы. Кроме того, каждодневно, обычно во второй половине дня, он переходил из своей квартиры или кабинета в лаборатории и тратил несколько часов на неторопливый, въедливый разбор полученных в этот день его сотрудниками экспериментальных результатов. Поскольку штат института был небольшим (Кольцову претила гигантомания), он был в состоянии не только сам ставить эксперименты, но и постоянно направлять работу каждого из своих сотрудников.

С 1 января 1920 года ИЭБ был передан в систему Наркомздрава РСФСР. В его составе были утверждены лаборатории генетики, цитологии, физико-химической биологии, эндокринологии, гидробиологии, механики развития, зоопсихологии. Во главе лабораторий работали люди, каждый из которых без исключения стал выдающимся ученым. В ИЭБ были развиты методы культуры тканей и изолированных органов, а также трансплантация органов и опухолей (включая злокачественные). Из изолированного зачатка глаза Д.П.Филатов научился выращивать хрусталик и дифференцированные ткани глаза. С.Н.Скадовский осуществил замечательные, действительно пионерские опыты по изучению влияния водородных ионов на водные организмы. Вообще проблеме исследования ионов Кольцов уделял особое значение (обгоняя в этом вопросе современную ему науку на полвека) и любил шутливо, но вместе с тем вполне серьезно повторять, что "ионщики должны понимать генщиков и наоборот!" Первые исследования роли Ca, Na, K на расслабление и сжатие биоструктур, а также их роль в возбуждении эффекторных цепей были выполнены собственнноручно Кольцовым в начале века. Он писал: "Работа возбужденного нерва на его эффекторном конце сводится прежде всего к повышению концентрации Ca по отношению к Na" (17), предвосхищая этим важные научные направления сегодняшнего дня.

В те годы было трудно надеяться на то, что удастся построить новые институты чисто биологического профиля (на это правительство скупилось дать деньги). Поэтому Кольцов стремился помогать созданию небольших, но доведенных до высшей возможной эффективности работы научных станций за пределами Москвы. Уже были упомянуты Звенигородская гидрофизиологическая станция, созданная при покровительстве Кольцова его учеником Скадовским, и Аниковская генетическая станция, основанная самим Кольцовым. Им же были созданы лаборатории при генетическом отделе Комиссии по изучению производительных сил (КЕПС) Академии наук, при Всесоюзном институте животноводства, биологическая станция в Бакуриани в Грузии, он же помог развиться Кропотовской биологической станции, затем его ученики при его помощи создали новые центры исследований в Узбекистане, Таджикистане, Грузии. В самом ИЭБ Кольцов сумел создать лучшую в стране библиотеку научной литературы. Он первым читал все журналы, а потом сотрудники находили их на полках и следили за записями, сделанными на полях журналов Кольцовым, помечавшим, кто конкретно должен прочесть ту или иную статью. Даже когда люди уходили по разным причинам из его института, Кольцов продолжал помечать важные для их профессионального роста статьи и страницы книг, и случайно попавшие по делам в институт ученые вдруг с удивлениям для себя обнаруживали, что их фамилия по-прежнему фигурирует на полях страниц новых изданий: Кольцов никого не вычеркивал из своей памяти и зла на ушедших никогда не держал и не копил.

"Кольцов был в курсе мельчайших деталей каждой работы. Сотрудники привыкли слышать быстрые шаги человека, уже седого как лунь, но с юношеской живостью взбегавшего по лестницам, совершавшего свой неукоснительный ежедневный обход лабораторий для ознакомления с ходом работ, для беседы с каждым сотрудником. Счастливец, сделавший какое-либо интересное открытие, становился одновременно и мучеником, так как он не поспевал отвечать теперь уже дважды в день на настойчивый вопрос: "Ну что же у Вас

нового?"" (18).

С момента создания ИЭБ приобрел высокую репутацию в мире. В него зачастили важные иностранные гости. Среди них нужно отметить двух учеников Моргана -- К.Бриджеса и Г.Мёллера, которым наверняка много о Кольцове рассказывал заведующий кафедрой Колумбийского университета, создавший Моргану лабораторию и считавшийся формальным начальником последнего, Эдмунд Вильсон. Мёллер, преисполненный теоретической (заочной) любви к социалистическим идеям, приехав в Россию первый раз в своей жизни в 1922 году, не только посетил ИЭБ, но и привез с собой небольшую коллекцию мутантов дрозофилы (около 20 мутантных линий). Приезжал из США крупнейший биохимик микроорганизмов, рожденный на Украине, окончивший в 1910 году экстерном гимназию в Одессе и в том же году эмигрировавший в США, Зелмон Эбрэхэм (Залман Абрамович) Ваксман, получивший в 1952 г. Нобелевскую премию за открытие стрептомицина. Гостями из Англии были основатель генетики, предложивший сам термин генетика, У.Бэтсон и крупнейший генетик и эволюционист Сирил Дарлингтон, а также Дж. Холдейн -- ученый, несколько раз в жизни менявший специализацию (от генетики до биохимии и биостатистики), убежденный коммунист. Выдающиеся немецкие ученые Эрвин Баур, почитавшийся за патриарха немецкой биологии, Оскар Фогт (впоследствии организатор Института мозга в СССР и Института по изучению мозговых процессов в Берлине, в котором работал с 1925 по 1945 год Н.В.Тимофеев-Ресовский) и классик биологии Рихард Гольдшмидт (в конце своей жизни переехал работать в Калифорнию, в США) -- далеко не последние в списке гостей ИЭБ. В январе 1930 г. Гольдшмидт высказался так об институте Кольцова:

" Я поражен и до сих пор не могу разобраться в своих впечатлениях. Я увидел у вас такое огромное количество молодежи, интересующихся генетикой, какого мы не можем себе представить в Германии. И многие из этих молодых генетиков так разбираются в сложнейших научных вопросах, как у нас только немногие вполне сложившиеся специалисты" (19).

Общественная позиция Кольцова в досоветское и советское время

Вклад Кольцова в развитие русской биологии и русской науки в целом был бы очерчен неполно, если бы осталась в тени его гуманитарная деятельность. Он сделал очень много не только для женского образования в России. Он не раз вступался за честь и достоинство многих русских ученых, несправедливо обиженных, оклеветанных, арестованных. И в советское время он не изменил своим принципам. (Сергей Сергеевич Четвериков рассказывал мне на закате его дней, что Кольцов сразу же после распространения слухов об обвинении Четверикова в аполитичном поступке, не боясь ничего, бросил все свои дела и поехал защищать его в разных инстанциях, чем, видимо, сильно помог Четверикову: суда как такового вообще не было, его заменили административной ссылкой, а ссылали Четверикова тоже необычно -- друзья пришли проводить его на вокзал с шампанским и с цветами. Правда, в самом Свердловске, где Четвериков отбывал ссылку, ему пришлось не сладко).

Кольцов ярко и много писал. Он не замыкался рамками чисто научного творчества, владел захватывающим читателей слогом, хотя никогда не опускался до красивостей, нарочитой занимательности и упрощенчества. Ему был также несвойственен стиль, подгоняемый к принятым в данную пору политиканским веяниям и "политически корректным" фразеологическим вывертам. Написанные строго, не упрощенно, но с уважением к читателю статьи Кольцова всегда обращали на себя внимание, их читали и ими зачитывались. По сей день важный вклад в распространение научных знаний играет журнал "Природа". Его издание инициировали в 1912 году зоолог и психолог В.А.Вагнер и химик

Л.В.Писаржевский, пригласившие Николая Константиновича стать главным редактором "Природы" (он оставался им до 1930 года). Именно благодаря усилиям Кольцова авторами "Природы" стали Вернадский, Мечников, Павлов, Чичибабин, Лазарев, Метальников, Комаров, Тарасевич, Кулагин и другие выдающиеся русские ученые. Им же была основана в качестве приложения к "Природе" серия "Классики естествознания", в которой появились книги, посвященные жизни Павлова, Мечникова, Сеченова и многих других ученых. В 1916 г. он редактирует "Труды Биологической лаборатории", выходившие в серии "Ученые записки Московского городского народного университета им. А.Л.Шанявского", затем организовал журналы "Известия экспериментальной биологии" (1921), "Успехи экспериментальной биологии" (начали выходить в 1922 г.), "Биологический журнал" и ряд других изданий. Принимал он также участие в издании журналов и альманахов "Научное слово", "Наши достижения", "Социалистическая реконструкция и наука". Он был редактором биологического отдела Большой Медицинской Энциклопедии и соредактором биологического отдела Большой Советской Энциклопедии, написал много научно-популярных брошюр.

Была и еще одна сторона интересов Николая Константиновича, использованная для грязных политиканских нападок на него. Кольцов еще в начале века познакомился с первыми работами по наследованию умственных способностей у человека, планировал организовать у себя в институте отдел генетики человека и стал собирать литературу и сведения по этой проблеме. В начале века вслед за британским исследователем Гальтоном -- племянником Дарвина, биологи заинтересовались проблемой изменения наследственности человека, стали изучать генетику человека, назвав это направление евгеникой. В 1920 году Кольцов был избран председателем Русского евгенического общества (оставался им до момента прекращения работы Общества в 1929 году). С 1922 года он был редактором (с 1924 -- соредактором) "Русского евгенического журнала", в котором опубликовал свою речь "Улучшение человеческой породы" (20), произнесенную 20 октября 1921 года на годичном собрании Русского евгенического общества. В этом журнале в 1926 году появилось его исследование "Родословные наших выдвиженцев" (21).

Но, конечно, наибольшее признание и в СССР и за рубежом получили классические работы Кольцова по физико-химическим процессам в клетках. В последние десятилетия ученые пришли к кольцовскому принципу цитоскелета вторично, используя новую технику -- сверхмощные электронные просвечивающие и сканирующие микроскопы и другие приборы. Россия же утеряла свой приоритет в науке в этом вопросе в значительной мере потому, что коммунисты помешали работе Кольцова, запретили ему контакты с Западом при жизни, зачеркнули его имя в своей стране после внезапной смерти. А ведь" Природа вакуума не терпит", и, разгромив русскую школу Кольцова, большевики сделали всё возможное, чтобы по соображениям идейного противостояния с кольцовскими принципами охаять достижения великого ученого в СССР и способствовать их забвения в остальном мире. Без продолжения школы Кольцова, без появления соответствующих статей в западной литературе, в которых бы авторы продолжали упоминать имя автора исходных идей, его идеи и даже его имя остались знакомыми только историкам биологии. Поэтому и не было ничего удивительного в том, что западные экспериментаторы пришли к его же заключениям много десятилетий спустя, не зная ничего о первооткрывателе важных направлений науки.

Однако вплоть до кончины Кольцов оставался настоящим лидером генетики в СССР (не надо забывать, что у него в институте и после ареста Четверикова работала прекрасная генетическая лаборатория, что под его непосредственным руководством трудились такие ученые как Б.Л.Астауров, Н.П.Дубинин, И.А.Рапопорт, Д.Д.Ромашов и другие). Благодаря этому Кольцов стал неоспоримым главой экспериментальной биологии в СССР, а это, в свою очередь, не могло остаться незамеченным теми, кто начал атаку и на генетику и на биологию

в целом.

Политиканские нападки лысенкоистов на Кольцова

Независимая позиция Кольцова не только в науке, но и в общественной деятельности вызывала раздражение коммунистов. Особенно злобно наскакивали на Кольцова деятели из Общества биологов-марксистов в марте 1931 года (об этом подробно рассказано в Приложении к основному тексту книги). Резким публичным нападкам Кольцов стал подвергаться весной 1937 года. Пример подал Я.А.Яковлев, который совершенно безосновательно квалифицировал Кольцова как "фашиствующего мракобеса..., пытающегося превратить генетику в орудие реакционной политической борьбы" (22).

Одной из причин такого отношения к Кольцову стало то, что во время дискуссии по генетике и селекции в декабре 1936 года (на IV-й сессии ВАСХНИЛ) Николай Константинович вел себя непримиримо по отношению к лысенкоистам.
Понимая, может быть, лучше и яснее, чем все его коллеги, к чему клонят организаторы дискуссии, он перед закрытием сессии направил президенту ВАСХНИЛ письмо, в котором, не таясь, прямо и честно заявил, что организация ТАКОЙ дискуссии, покровительство врунам и демагогам, никакой пользы ни науке, ни стране не несет. Он остановился на недопустимом положении с преподаванием генетики в вузах, особенно в агрономических и животноводческих, заявив, что "генетика не менее важна для образованного агронома, чем химия, и что нельзя Советскому Союзу отстать хотя бы в одной области на 50 лет". Он сделал вывод: "нужно, чтобы студенты начали изучать генетику, так как невежество ближайших выпусков агрономов обойдется стране в миллионы тонн хлеба" (23).

Это письмо он показал многим участникам сессии, в том числе Вавилову, видимо, призывая их присоединиться к такой оценке. Большинство, включая Вавилова, на словах присоединилось, но лишь на словах, публично все предпочли отмолчаться.

Открыто отрицательное отношение Кольцова к лысенкоизму рождало не менее открытые нападки в его адрес. Особенно яростные нападки прозвучали 1 апреля 1937 года, когда был собран актив Президиума ВАСХНИЛ. Предлогом для срочного сбора актива послужил арест ряда сотрудников Президиума и сразу нескольких руководителей институтов этой академии (Антона Кузьмича Запорожца -- директора Всесоюзного института удобрений и агропочвоведения, Владимира Владимировича Станчинского -- директора института сельскохозяйственной гибридизации и акклиматизации животных "Аскания-Нова" и других).

Первые обвинения в адрес Кольцова прозвучали на этом активе из уст Президента академии Муралова уже в самом начале заседания (24). Говоря об идеологических упущениях, Муралов заявил:

"...на этом фронте мы не сделали всех выводов, обязательных для работников с.-х. науки, выводов, вытекающих из факта капиталистического окружения СССР и необходимости максимального усиления бдительности. Ярким примером этого может служить письмо акад. Кольцова, направленное президенту Академии после дискуссии, в котором говорится, что дискуссия не принесла никакой пользы или принесла только вред" (25).

Вообще говоря, этот партийный актив был организован странно. На него пригласили людей со стороны, вроде Презента (которого привез с собой Лысенко), не имевших никакого отношения к аппарату Президиума. Один из таких гостей -- А.А.Нуринов4, разыгрывая деланное возмущение, восклицал:

"...на активе всего 5 академиков... Это определенный политический саботаж" (26).

Нельзя исключить того, что члены Академии не приняли всерьез факт созыва актива, но, может быть, они не явились со страха, надеясь,что, не присутствуя, они не попадутся на глаза и не вызовут огонь на себя. Но Кольцов не испугался, пришел и, выслушав многократно повторенные обвинения в свой адрес, попросил слова и без всяких колебаний отверг несправедливые выпады. Он остановился и на декабрьской сессии ВАСХНИЛ, сказав:

"Газеты неправильно информировали о сути происходившей дискуссии. По ним нельзя составить ясного представления о том, что говорилось. В результате положение генетиков очень тяжелое. Стало трудно преподавать генетику" (27).

(Такое обвинение советской печати -- в искажении правды -- было в те годы событием экстраординарным: печатное слово обладало почти мистической силой, поэтому нужна была огромная смелость, чтобы выступить так, как позволил себе Кольцов).

Затем Николай Константинович упомянул посланное им Муралову письмо и отметил, что и сегодня считает его правильным, а вот поведение своих коллег, решивших отмолчаться, неверным, особенно их голосование по резолюции, предложенной им. Он сказал:

"Один из вице-президентов Академии сказал, что под моим письмом подписалось бы 2/3 собравшихся на дискуссии" (28).

При этих словах Муралов перебил его.

"Акад. А.И.Муралов. Тот же самый вице-президент голосовал за нашу резолюцию.

Акад. Н.К.Кольцов. Может быть. Кто слышал речи Завадовского и Вавилова [М.М.Завадовский и Н.И.Вавилов были в то время вице-президентами ВАСХНИЛ -- В.С.], те стали в полное недоумение. Они только что высказали свои взгляды, а потом сразу же голосовали за эту резолюцию [т. е. за резолюцию, предложенную Мураловым, а не Кольцовым -- В.С.]" (29).

О том, что Кольцов говорил дальше, можно понять из отчета об активе:

"Акад. Кольцов считает, что он прав, что ни одного слова из своего письма он не берет назад и что письмо и было подлинной критикой. "Я не отрекусь от того, что говорил", -- заканчивает акад. Кольцов" (30).

После такого заявления радетели чистоты партийных взглядов бросились в атаку. Стали вспоминать, что Кольцов был одним из основателей Русского евгенического общества, забывая, впрочем упомянуть, что общество было основано в 1920 году и прекратило свое существование в 1929 году по предложению именно Кольцова. Разумеется, политиканы не упоминали, что Кольцов уже при жизни стал классиком биологии, что создал лучший биологический институт России. Вместо этого один из руководителей Академии -- ее ученый секретарь и ответственный редактор "Бюллетеня ВАСХНИЛ" академик Л.С.Марголин сказал: "Н.К.Кольцов ... рьяно отстаивал фашистские, расистские концепции" (31), хотя никогда даже намеков на это в работах Кольцова не было. Линию политических обвинений использовал Презент и, откровенно перевирая сказанное Кольцовым, утверждал: "Акад. Кольцов выступил здесь, чтобы заявить, что он не отказывается ни от одного слова своих фашистских бредней" (32). Презент попытался затем доказать, что его политический нюх всегда был острее, чем у других товарищей, и вспоминал в связи с этим, что еще

"В 1931 году в "Под знаменем марксизма" была опубликована моя статья, которая разоблачала Кольцова, Пилипченко [здесь или Презент или составители отчета допускали ошибку -- речь шла о Ю.А.Филипченко -- В.С.], Левита, Агола и др." (33).

Заканчивал Презент, как он это умел прекрасно делать, -- на высокой демагогической нотке:

"Советская наука -- понятие не территориальное, не географическое, это понятие социально-классовое. О социально-классовой линии науки должна думать наша Академия, тогда у нас будет настоящая большевистская Академия, не делающая тех ошибок, которые она теперь имеет" (34).

Ничем иным, как подстрекательством к аресту Кольцова, было выступление директора Всесоюзного института животноводства Г.Е.Ермакова:

"Но когда на трибуну выходит акад. Кольцов и защищает свои фашистские бредни, то разве тут место "толерантности", разве мы не обязаны сказать, что это прямая контрреволюция" (35).

Составители отчета о прошедшем партактиве получили возможность благо-даря всем этим выступлениям выписывать такие строки:

"Негодование актива по поводу выступлений акад. Кольцова, пытавшегося защитить реакционные, фашистские установки, изложенные в его пресловутой брошюре, в пол-ной мере сказались и в последующих выступлениях участников собрания и в принятой активом резолюции" (36).

Были приведены в отчете и строки из резолюции:

"Собрание считает совершенно недопустимым, что акад. Кольцов на собрании актива выступил с защитой своих евгенических учений явно фашистского порядка и требует от акад. Н.К.Кольцова совершенно определенной оценки своих вредных учений" (37).

Выступивший на активе одним из последних Вавилов ни единым словом не поддержал Кольцова, а даже как-то отгородился от него патетическими фразами. Он говорил о необходимости проявления бдительности в момент, когда кругом орудуют враги, о срочной потребности в исправлении идеологических ошибок, его речь ни на иоту не отличалась от речей Муралова или Марголина. А в конце выступления он даже пошел дальше: решил поддержать антинаучные домогательства Лысенко, отойдя от своих же убеждений и прежде не раз произносившихся слов о вреде для практики улучшения сортов за счет переопыления. Ниже мы подробно познакомимся с отступлением Вавилова в этом принципиальном вопросе, а здесь приведем строки из отчета о партактиве:

"Вавилов считает целесообразным выезд президента с группой академиков в Одессу и обращение Академии в НКзем с рядом предложений по работе акад. Лысенко" (38).

Уже на следующий день после актива, 3 апреля, отчет о нем появился в газете "Социалистическое земледелие". Автором был все тот же А.А.Нуринов (39), выступивший на активе. Он назвал свой репортаж "На либеральной ноте" (40), подчеркивая, что даже тот резкий тон осуждений, который царил на собрании актива, был слишком мягким.

Разумеется, то, что и в аппарате Президиума ВАСХНИЛ, и среди руководителей

академических институтов были проведены аресты, бросало тень на лидеров Академии (дескать, плохо присматривали за кадрами), но все-таки и Муралов, и Марголин, и Вавилов еще оставались на своих местах. Однако автор статьи поставил себе цель указать как на главный факт, вытекающий из рассмотрения дел Академии на партактиве -- что руководство ВАСХНИЛ не отнеслось серьезно к волне арестов, не ведет необходимой борьбы с вредителями. Было симптоматичным также, что всегда поддерживавшая Лысенко редколлегия газеты "Соцземледелие" публиковала эту статью, написанную к тому же приехавшим из провинции и далеким от верхов человеком. Судя по тому, в каких выражениях автор статьи, видимо, хорошо информированный из каких-то источников о том, что сейчас нужно писать и в каком тоне, говорил о Президенте Академии А.И.Муралове, вице-президенте Л.С.Марголине, главном ученом секретаре А.С.Бондаренко (работавшем вплоть до 1935 года вице-президентом ВАСХНИЛ), кому-то очень хотелось убрать и их с занимаемых постов:

"Тов. Муралов и Марголин безответственно подошли к организации этого чрезвычайно важного собрания. Т. Муралов не вскрыл политических корней вредных теорий. Он обошел преступную, подрывную деятельность разоблаченных ныне отдельных членов секций академии ... А.С.Бондаренко, долгое время работавший в академии имени Ленина ученым секретарем ... ни слова не сказал о своих связях с бандитом Запорожцем, не выявил преступной роли Ходорова..."
(41).

Им противопоставлялся в статье лишь академик Лысенко, принявший активное участие вместе с Презентом в собрании актива. По словам Нуринова, Лысенко

"в своем содержательном выступлении показал, что Президиум Академии мало помогает ему..." (42).

(Это было нешуточное обвинение: самому выдающемуся ученому и не помогать! Ясно, что -- враги!).

""В результате я вынужден действовать через голову академии", -- говорит Лысенко",--

сообщал Нуринов (43), не объясняя, к кому же, минуя ученых, "через ИХ ГОЛОВУ", обращается Лысенко, когда ему надо решать вопросы, связанные с научной деятельностью.

Прошли еще полторы недели, и в "Правде" была опубликована центральная часть январского доклада Яковлева в Сельхозгизе, в которой партийный деятель в резких выражениях охарактеризовал генетику как науку фашистскую. Текст его выступления был сокращен и назван "О дарвинизме и некоторых антидарвинистах" (44). Раздел с обвинениями генетиков в том, что они "в своих политических целях" якобы "осуществляют фашистское применение "законов" этой науки", был в статье сохранен. Вслед за ним Яковлев ставил вопрос:

"Кто же открыто выступает против дарвинизма?"

и сам на него отвечал:

"Никто, кроме явных мракобесов и неучей" (45).

В число последних он включил Кольцова и ближайшего сподвижника Вавилова проф. К.И.Пангало.

В тот же день, когда статья Яковлева вышла в "Правде", в "Соцземледелии" была напечатана статья Презента и Нуринова (46), в которой были повторены выпады в адрес генетики и была дана ссылка на яковлевскую статью (значит, Презент и Нуринов заранее получили текст этой статьи и руководящие указания и сговорились, как действовать). Тон их статьи был просто зловещим:

"В эпоху Сталинской Конституции, в век доподлинной демократии трудящихся ... мы обязаны потребовать от научных работников ясного и недвусмысленного ответа, с кем они идут, какая идеология ими руководит?... Никто из наших ученых не имеет права забывать, что вредители и диверсанты, троцкистские агенты международного фашизма будут пытаться использовать всякую щель, всякое проявление нашей беспечности в какой бы то ни было области, в том числе не в последнюю очередь в области науки" (47).

Лысенковские ландскнехты вменяли в вину Кольцову (и теперь присоединенному к нему А.С.Серебровскому) интерес к обдумыванию возможных в будущем подходов к исправлению наследственных дефектов человека и оценки вероятности в совсем отдаленном будущем лепить наследственность отдельных индивидуумов с заранее запланированными свойствами. Кольцов перестал заниматься этими вопросами почти десятью годами ранее, но теперь его теоретические размышления трактовались как доказательство фашистских устремлений (высказанную еще до зарождения самих фашистских доктрин). Из контекста статей Кольцова и Серебровского вырывались отдельные высказывания и выставлялись на всеобщее осквернение. Презент и Нуринов позволяли себе по отношению к уважаемым ученым такие выражения:

"Когда-то в библейские времена, валаамова ослица заговорила человеческим языком, а вот в наши дни кольцовская пророчица показала, что можно делать и наоборот" (48).

18 апреля та же газета опубликовала статью доктора сельскохозяйственных наук М.С.Дунина "Отступление с боем", в которой прокручивалась та же тема враждебности генетики социалистическому сельскому хозяйству:

"Если бы генетические концепции были приняты, они могли бы принести неизмеримо больший вред, тормозя и направляя по ложному пути работу не единичных ученых, как это было в прошлом, а целой армии профессиональных исследователей и еще большего коллектива новых активнейших работников науки из числа лучших представителей колхозно-совхозного актива. Но этого мало. Это только цветики. Ягодки не заставили бы ждать себя. В таком случае была бы подведена "научная биологическая база" под человеконенавистничество. Ах, как пригодились бы фашизму такие ягодки!" (49).

Это говорил не пропагандист, не политработник, не смыслящий ничего в науке. Это была речь ДОКТОРА НАУК. Хорош был ученый, если целую научную дисциплину он объявлял фашистской, человеконенавистнической. И какую науку? Науку, в буквальном смысле направленную на благо человека и развивающуюся во имя человека. (Знал Дунин ради чего он это делает -- стал вскоре заведующим кафедрой фитопатологии Тимирязевской сельскохозяйственной академии и позже академиком ВАСХНИЛ). Разнообразил он лишь мишени, по которым стрелял: к Кольцову был добавлен еще Мёллер. Он называл их "антимичуринцами" и "генорыцарями" и, имея ввиду, главным образом, Кольцова и его школу, писал:

"Негодное оружие и порочные методы ... применяли эти люди" (50).

Генетикам Дунин противопоставлял Лысенко и его сторонников:

"многотысячный коллектив ученых и лучших представителей колхозно-совхозного актива во главе с акад. Лысенко решительно поставил вопрос о неправильности общепринятых воззрений о наследственной основе организмов" (51)5.

Дунин пользовался приемом, введенным в обиход Презентом: он группировал Кольцова, Серебровского, Мёллера в один блок с развенчанным Бухариным, проводя мысль, что перечисленные генетики дружат с самыми заклятыми врагами партии. Глумился Дунин даже над тем, мимо чего любой сколько-нибудь воспитанный человек прошел бы мимо, склонив голову:

"Как и полагается двурушнику, Бухарин "проливал слезы" по поводу смерти Мичурина" (54).

В июне Презент еще раз выступил против Кольцова (55), старательно создавая у читателей впечатление, что научная деятельность ученого ничем не отличается от работы фашистов. С этой целью Презент цитировал статью марксиста Степанова, опубликованную в "Правде" 12 мая 1937 года (56), в которой содержались его (Скворцова-Степанова) впечатления от нравов в фашистской Германии. Презент в связи с этим писал:

"теперь германский обыватель охвачен страхом "перед наследственностью" и вытекающей отсюда опасностью принудительной стерилизации" (57).

Презент уверял, что виноваты в этом не фашисты (социал-националисты, как они себя называли), а генетики:

"Ведь именно ... установки, имеющие место в современной генетике, ... подхватываются фашистами и делаются в их руках орудием человеконенавистнической политики" (58).

А в это самое время большинство серьезных генетиков (такие как Шарлотта Ауэрбах, Курт Штерн, Рихард Гольдшмидт и многие другие) бежали из фашистской Германии, что доказывало: для полнокровного развития генетики в логове тоталитаризма не было условий.

В июле 1937 года в журнале "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства" Г.Ермаков и К.Краснов еще раз назвали Кольцова пособником фашистов (59):

"Что же это за "законы", на которых так усердно настаивают "ученые" сатрапы Гитлера, на которых также настаивает и Н.К.Кольцов, а равно и его сподвижники по русскому евгеническому журналу -- акад. А.С.Серебровский, проф. В.В.Бунак, Т.И.Юдин, А.В.Горбунов и др.?" (60),

"... "ученые" рассуждения акад. Кольцова полностью оправдывают имперские войны" (61)

"Ни от одного своего положения, разработанного им по данному вопросу, не только не отказался, но считает их правильными, как правилен закон движения земли вокруг солнца" (62).

Причем, если раньше его обвиняли в сочувствии фашистским извращениям, то теперь и это было перевернуто, и авторы статьи сообщали читателям, что взгляды Кольцова:

"ничем не отличаются от стержневой части фашистской программы! И возникает справедливый вопрос, не положены ли в основы программы фашистов эти "научные труды" акад. Кольцова" (63).

Вывод, делаемый в статье, был определенным:

"Кольцов фальсифицирует историю рабочего движения в своих реакционных целях ... Советской науке не по пути с "учениями" Кольцова" (64).

И тут же от рассмотрения личности Кольцова перебрасывался мостик ко всей науке -- генетике:

"Борьба с формальной генетикой, возглавляемой Кольцовым, последовательная борьба за дарвиновскую генетику [не правда ли, замечательный оборот -- "дарвиновская генетика", особенно если вспомнить, что во времена Дарвина генетика еще не существовала! -- В.С.] является непреложным условием пышного расцвета нашей биологической науки" (65).

Такой характерный переброс был всегда присущ дискуссиям политиканов.

К чести Кольцова он, проявив огромное мужество, не отступил от своих взглядов (66), как не отступал всегда раньше и всегда позже, вплоть до самой смерти.

Снятие Н.К.Кольцова с поста директора Института

экспериментальной биологии

Наскоки не могли продолжаться вечно без последствий, но расправе с Кольцовым мешало одно обстоятельство: его институт подчинялся не Академии наук СССР и не ВАСХНИЛ, а Наркомздраву, финансировался также органами здравоохранения, а в них, похоже, Кольцова уважали и в обиду не давали. В январе 1938 года Институт экспериментальной биологии, был передан из ведения Наркомздрава СССР в Академию наук СССР. Кольцов отнесся к этому решению с удовлетворением. Он послал в АН СССР большую докладную записку с изложением задач института и его структуры. Директор института считал, что для успеха дальнейших исследований и сохранения лица института необходимо, чтобы в нем работали следующие подразделения: 1) отдел, занимающийся собственно изучением клетки; 2) отдел цитологических основ наследственности и изменчивости и 3) отдел цитологических основ физиологии развития. В конце записки Кольцов выражал уверенность, что

"институт, конечно, сохранит свое прежнее наименование ... под которым он работал в течение 21 года и которое подчеркивает экспериментальный характер и двойственность его проблематики: объединение теории эволюции с учением о клетке ..." (67).

Но ни программа института не была принята, ни его название не было сохранено. Академия наук оказалась мачехой для прославленного научного учреждения. Во-первых, сразу же было изменено название. Теперь институт стали именовать Институтом цитологии, гистологии и эмбриологии. Во-вторых, структуру института быстро изменили, и директор начал испытывать на себе отношение, которого раньше он счастливо избегал.

В 1938 году
после обвинения Академии наук СССР на заседании Советского Правительства в неудовлетворительном развертывании научных работ в СССР, приказом сверху было объявлено о выборах большого числа новых членов академии. Партийные власти решили, что нужно изменить существующие тенденции в науке путем внедрения в Академию наук тех людей, которые будут послушны приказам сверху и кто обеспечит нужное правительству развитие исследований. По идее, ученые-академики должны были бы избрать в АН СССР

лучших ученых, а на практике политиканы, отчетливо понимавшие чаяния вождей стремились сделать все возможное, чтобы избрать академиками и членами-корреспондентами послушных по поведению и устремлениям людей, чтобы сделать академию ручной. В январе 1939 года в "Правде" близкие к верхам академики Бах и Келлер и восемь примкнувших к ним молодых ученых, из которых шестеро были сотрудниками Вавилова по Институту генетики АН СССР, выступили с заявлением, что Кольцов и Л.С.Берг -- выдающийся зоогеограф, эволюционист и путешественник не должны быть избраны в состав академиков. Их письмо так и было озаглавлено: "Лжеученым не место в Академии наук" (68)6 . Великому русскому ученому Кольцову, чье имя украсило бы навсегда Академию наук СССР, авторы инкриминировали фашистские взгляды, при этом было заявлено, что "фашизм целиком воспринял евгенику. В обосновании еврейских погромов... лежат теории современных евгенистов". Среди названных имен евгенистов фамилия Кольцова была повторена несколько раз. Трудно поверить, что вавиловские сотрудники поставили свои подписи под состряпанным против Кольцова пасквилем, но не поставили об этом в известность своего директора. Не прошло и двух лет, как некоторые из них пошли дальше -- предали и генетику и своего учителя Вавилова (особенно вызывающе Дозорцева, Нуждин и Косиков), перейдя целиком в услужение Лысенко. Нельзя исключить того, что они подписывались под данным письмом против Кольцова, зная, что между их шефом Вавиловым и Кольцовым отношения натянуты.

После такой статьи ни Кольцов, ни Берг не прошли в академики (последнего избрали академиком в 1946 году), а для разбора дел в кольцовском институте Президиум АН СССР назначил специальную комиссию во главе с первым человеком, подписавшим письмо в "Правде", -- А.Н.Бахом. В комиссию вошли Т.Д.Лысенко, хирург Н.И.Бурденко, акад. АН УССР А.А.Сапегин, члены-корреспонденты АН СССР Н.И.Гращенков и Х.С.Коштоянц, И.И.Презент и другие. Члены комиссии стали наезжать в институт, беседовали с сотрудниками. Несколько раз приезжал на Воронцово поле Лысенко. В конце концов, были набраны нужные материалы, и было назначено общее собрание коллектива института, на котором комиссия собиралась выслушать сотрудников, изложить свои впечатления и зачитать свое решение.

На таких собраниях нередко верх берут личности малосимпатичные, злобные, или честолюбцы с неудовлетворенными амбициями, или неудачники, ищущие причину своих неуспехов в коварстве невзлюбивших их начальников. Но в небольшом кольцовском институте людей, использующих "огонь критики" для решения своих делишек, почти не оказалось. Лишь двое -- тогдашний заведующий отделом генетики Института Н.П.Дубинин, рвавшийся к креслу директора (он, кстати, председательствовал на собрании), и человек со стороны, имевший те же цели -- Х.С.Коштоянц7 выступили с осуждением, но ... лишь старых взглядов Кольцова по вопросам евгеники. Видимо понимая, что можно нарваться на всеобщий публичный взрыв негодования со стороны присутствующих коллег, даже эти двое принялись заверять присутствующих членов комиссии, что старые кольцовские заблуждения были временными, что они давно забыты и не оказывают никакого влияния на текущую деятельность директора института. Они оба повторили, что Кольцов представляет собой блистательного ученого и честного человека, не способного к двурушничеству. Собрание всецело поддержало Кольцова, что было совершенно удивительным фактом тех дней. Предателей и слабых духом людей в коллективе института не оказалось. По существовавшим правилам игры осудить Кольцова должен был коллектив сотрудников. А если коллектив этого не сделал, то и привлекать Кольцова к уголовной ответственности за вредительство в данный момент оснований не было. Демагогическая система сыграла в этом случае дурную шутку с создателями демагогии: воля коллектива священна!

Таким образом набрать порочащих Кольцова фактов из сегодняшней его деятельности

комиссии так и не удалось. Сам Кольцов и на этот раз не отступивший от своей мужественной позиции, выступил на собрании спокойно, и без дрожи в голосе произнес то, что в те дни никто говорить в подобных ситуациях не решался. Он не согласился ни с одним из обвинений, ни в чем себя виновным не признал, не только не каялся, но дал ясно понять, что презирает тех, кто навалился на него и за прошлые и за сегодняшние "проступки".

"Я ошибался в жизни два раза, -- сказал он на собрании. -- Один раз по молодости лет и неопытности неверно определил одного паука. В другой раз такая же история вышла с еще одним представителем беспозвоночных. До 14 лет я верил в Бога, а потом понял, что Бога нет, и стал относиться к религиозным предрассудкам, как каждый грамотный биолог. Но могу я ли утверждать, что до 14 лет ошибался? Это была моя жизнь, моя дорога, и я не стану отрекаться от самого себя" (69).

От подобного поворота комиссия опешила, так как большинство людей в стране уже было приучено к единственно допустимому в те годы стилю поведения, утвержденному в умах тысячами подобных собраний -- каяться и униженно умолять простить прегрешения. Хотя в текст решения комиссии были вписаны фразы об идейных ошибках Кольцова, но все ошибки были набраны из давно прожитой жизни.

Чтобы показать, какая прочная морально чистая обстановка царила вокруг Кольцова и каких учеников он воспитал, можно сослаться на поступок молодого сотрудника Кольцова -- Валентина Сергеевича Кирпичникова. В конце 1938 года он решился на ответственный и очень в те годы опасный шаг. Искренне веря, что Лысенко постоянно дезавуирует успехи генетики и дезинформирует при этом Сталина, Кирпичников написал письмо вождю, в котором изложил свои мысли, подкрепив их броскими и понятными примерами пользы генетики для сельского хозяйства. Он к тому же привел аргументы, отвергающие обвинения лысенкоистов по поводу фашистской сути евгеники.

Понимая, что вряд ли ему удастся попасть лично на прием к Сталину, он явился к Наркому легкой и пищевой промышленности Полине Семеновне Жемчужиной, жене В.М.Молотова (Жемчужину позже обвинили во вредительстве и при полном бездействии Молотова арестовали как врага народа). Пройти к ней не составило никакого труда, уже минут через десять секретарь наркома, справившись о цели визита, пригласила Валентина Сергеевича в кабинет Жемчужиной.

Так как Кирпичников не знал заранее, удастся ли ему поговорить с Наркомом, то он, помимо письма Сталину, подготовил краткое обращение к Жемчужиной, в котором, в частности, писал:

"Академик Лысенко, известный всей стране своими работами по яровизации и летним посадкам картофеля, объявил лженаучными самые основы генетики. Его авторитет и поддержка печати... привели к тому, что положения Лысенко многими партийными и беспартийными принимаются за линию партии, считаются частью марксистской теории. В результате генетика изгоняется из школ, из Вузов, из различных Институтов, даже в Институтах Академии Наук уже намечены увольнения людей, несогласных в короткий срок переменить свои убеждения и смело критикующих Лысенко.

Тяжело наблюдать, как наука, давшая практике исключительно много... наука, в области которой Советский Союз сумел выйти на одно из первых мест мира, объявляется ложной, антидарвинистической, буржуазной наукой. Больно видеть, как дискредитируются крупные советские ученые и как ряды людей, думающих о своем положении больше, чем о судьбе науки, начинают двурушничать и, великолепно понимая истинное положение вещей, на

словах отказываются от своих взглядов. Больно видеть, как противники генетики стремятся связать ее с евгеникой, хотя мы знаем, что фашистская расовая "наука" ничего общего с наукой не имеет; расисты используют, извращая в равной степени и генетику и противоположные ей точки зрения -- по мере надобности. Наконец, Советский Союз теряет многих друзей среди левой интеллигенции капиталистических стран..." (71).

Жемчужина внимательно выслушала посетителя, обещала передать письмо Кирпичникова в руки Сталину, но о судьбе его Валентину Сергеевичу узнать ничего не удалось. Он считал, что возможно Жемчужина решила не отправлять письмо, а много лет спустя пришел к мысли, что она этим спасла ему жизнь (72). Вот с какими людьми столкнулись Лысенко, Презент, Коштоянц в Институте Кольцова!

16 апреля 1939 года состоялось заседание президиума АН СССР, на котором рассматривался отчет Комиссии. Решение президиума было для тех лет необычным. Несмотря на выступления газет "Правда", "Соцземледелие", журналов "Под знаменем марксизма", "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства" и других, несмотря на попытки некоторых членов комиссии накалить обстановку, дело не было доведено до того, чтобы назвать деятельность Кольцова враждебной, квалифицировать его как вредителя и врага советской власти, и тем самым дать материалы, нужные для его ареста. Президиум вынужден был признать, что комиссия "правильно квалифицирует деятельность профессора Н.К.Кольцова". Кольцов остался в институте, ему сохранили лабораторию, сняв, правда, с поста директора института. Директорское кресло занял лысенкоист по духу Г.К.Хрущов (некоторое время научным директором считался Заварзин, а Хрущов числился административным директором). Ни Дубинину, ни Коштоянцу счастье не улыбнулось. Кольцов после этой истории перестал здороваться с Дубининым. Он не смог простить предательства в самую трудную минуту жизни, предательства, совершенного человеком, которого он не раз спасал (он взял Дубинина на работу в тот момент, когда его выставили из Коммунистической академии за склоку и беспочвенные обвинения в адрес своего же учителя Серебровского; написал в 1936 году прошение о том, чтобы Дубинину присвоили степень доктора биологических наук без написания докторской диссертации и ее защиты, -- и добился, чтобы это было сделано; не раз восхвалял Дубинина в своих статьях).

Новый директор института через год сумел выжить Кирпичникова из института, несмотря на прекрасные успехи молодого ученого в области генетики рыб, пытался даже отдать Кирпичникова под суд за фальсифицированный дирекцией "прогул" работы, но суд отклонил ходатайство дирекции и партийной организации института, так как Кирпичников представил судье доказательство своего алиби (73).

А разгневанный тем, что потопить Кольцова не удалось, Презент продолжал клеветать на Николая Константиновича. В журнале "Под знаменем марксизма" появилась его статья (74), в которой он пытался накалить страсти еще раз. Презент писал:

"Президиум АН СССР в своем постановлении вынес осуждение метафизическим и идеалистическим извращениям учения о наследственности, допущенным Кольцовым" (75).

Он подчеркивал, что советская пресса осудила Кольцова как "носителя метафизических взглядов" и добавлял:

"но Н.К.Кольцов не счел нужным пересмотреть свои воззрения и отказаться от них, заявляя, что все, что им написано, "исторически правильно"" (76).

Не понравилось Презенту также недостаточно боевитое поведение критиков Кольцова (особенно Дубинина) на собрании в институте, так же как "беспринципное" поведение всего коллектива:

"Профессор Дубинин на заседании Президиума Академии наук СССР лепетал, что он и его сотрудники давали отпор Кольцову... фактическая справка, представленная тут же комиссией, показала обратное: ...обсуждая статью в "Правде", коллектив института, руководимого Кольцовым, взял его под защиту, заявляя, что Кольцов является боевым антифашистом, советским ученым, борцом за коммунизм" (77).

Подтекст этой фразы был ясен: весь институт Кольцова -- это скопище врагов, готовых беспринципно покрывать своего вожака, спекулируя на священных, ритуальных фразах. Мечту Презента -- разогнать всех разом! -- можно понять, ибо все кольцовцы были действительно врагами всех лысенковцев. Он, видимо, не терял надежды расправиться с ним и потому заключал статью словами:

"Кольцов заявляет, что он "боролся и борется за науку". Но его реакционные взгляды никогда не были и не будут наукой" (78).

Такими заявлениями Лысенко и Презент могли напугать многих. Разросшееся преклонение перед Лысенко достигло апогея. Несмотря на это, все-таки не все безропотно поддались его, казалось бы, магическому давлению. Ни разу в своей жизни не покрививший душой, не сделавший шага навстречу политиканам и сильным мира сего, защищавший до последнего вздоха своих учеников Николай Константинович Кольцов остался в памяти последующих поколений примером несгибаемого мужества и незапятнанной чести.

Весьма вероятно, что только благодаря смелой и бескомпромиссной позиции, принципиальной твердости перед напором мракобесов Кольцов спасся и как ученый и как человек -- продолжал целеустремленно трудиться сам, оставался заведующим лабораторией в его институте, так и не был арестован.

Мне могут возразить, что Кольцов, известный своим отношением к советской власти еще с первых лет ее становления, всегда был на особом положении. Но сколько таких же ранее осужденных потом было повторно арестовано и погибло! Не более ли вероятно, что открытая позиция Кольцова оберегла его от нависшего топора? Ведь мог и он пойти по пути подчинения, как пошли многие, раздавленные судьбой, а не пошел.

После ареста Вавилова в августе 1940 года Кольцов был привлечен к его делу в качестве свидетеля, и его много раз вызывали на допросы в НКВД. Сегодня, когда следственное дело Вавилова прочитано его сыном и несколькими другими людьми, можно говорить уверенно, что ни в одном из пунктов, по которым Кольцов мог бы сказать хоть слово в осуждение Вавилова, он этого не сделал, ни на один из провокационных вопросов следователей НКВД не сказал чего-то обтекаемого, скользкого или двусмысленного. Был тверд, честен, как мог старался облегчить судьбу Вавилова. Ответами его НКВД воспользоваться против Вавилова не смогло. Но допросы эти не могли не оставить рубцов на сердце Кольцова. Долгое время многие считали, что эти ночные вызовы в НКВД сильно подвинули день, когда сердце Николая Константиновича не выдержало.

Кольцов в конце ноября 1940 года выехал в Ленинград с Марией Полиевктовной на научную конференцию. Остановились они в гостинице "Европейская". Кольцов много в Ленинграде работал, главным образом в библиотеках, готовился к выступлению на конференции и писал речь "Химия и морфология" для юбилейного заседания Московского Общества Испытателей

Природы. Внезапно, без всяких симптомов, которые бы проявлялись у него раньше, случился инфаркт миокарда, а еще через три дня, 2 декабря, в гостинице он скончался. Мария Полиевктовна написала у гроба любимого мужа последнюю записку:

"Сейчас кончилась большая, красивая, цельная жизнь. Во время болезни как-то ночью он мне ясно сказал: "Как я желал, чтобы все проснулись, чтобы все проснулись". Еще в день припадка он много работал в библиотеке и был счастлив. Мы говорили с ним, что мы "happy. happy, happy"" (79).

Этой запиской Мария Полиевктовна завершила и свое пребывание на земле. Без мужа она не видела смысла в этой жизни.

Недавно профессор И.Б.Збарский, человек осведомленный, так как много лет его отец и он сам работали в Лаборатории Мавзолея Ленина и были в курсе самых секретных сведений в СССР, высказал предположение, что Кольцова отравили чекисты, подловив момент, когда удалось подсунуть Кольцову бутерброд с ядом, видимо вызвавшим паралич сердечной мышцы (80).

В Ленинград в тот же день, когда Кольцов скончался, ночным поездом выехал Владимир Николаевич Лебедев, который все годы, пока Кольцов был директором Института экспериментальной биологии, работал его заместителем и был близким другом четы Кольцовых. Мария Полиевктовна была еще жива. На следующий день ее не стало. Чтобы помочь Лебедеву доставить тела Николая Константиновича и Марии Полиевктовны в Москву, в Ленинград отправились еще три сотрудника института -- Владимир Владимирович Сахаров, Иосиф Абрамович Рапопорт и Борис Львович Астауров, бывшие особенно близкими с Кольцовыми в последние годы его жизни. Из ленинградских генетиков тела Кольцовых в Москву сопровождал Даниил Владимирович Лебедев, которому поручил присоединиться к москвичам его руководитель аспирантуры Г.Д.Карпеченко. Сам Георгий Дмитриевич долго сокрушался, что так и не смог проститься с Кольцовыми. Вместе с женой, Галиной Сергеевной, они пришли на Финляндский вокзал, где на запасных путях стоял вагон с двумя гробами, но было так темно, что супруги Карпеченко продрогли в ту ночь, разыскивая вагон, но так его и не нашли.

В холодное декабрьское утро траурная миссия прибыла в Москву. Потрясенные московские ученые и многие друзья великого Кольцова пришли в здание Института экспериментальной биологии на Воронцово поле, в дом 6, где стояли оба гроба, усыпанные цветами. Перед ними были выставлены страницы текста речи "Химия и морфология" -- последние страницы, написанные рукой Кольцова. Иосиф Абрамович Рапопорт зачитал их за своего учителя во время панихиды. Тела обоих беззаветно любивших друг друга супругов кремировали, а урны были захоронены на Немецком (Лефортовском) кладбище в Москве.

Примечания и комментарии

к главе IX

1М.Гррький. Песнь о Буревестнике.

2 Н. Кольцов. Памяти павших. 1906, стр. 56.

3 Цитировано по книге: В.Полынин "Пророк в своем отечестве. Изд. "Советская Россия", М., 1969, стр. 6.

4 Там же, стр. 8.

5 Там же, стр. 47-48. Н.К.Кольцов. Организация клетки. Биомедгиз. М.-Л.

6 R. B.Goldshmidt. Portraits from memory. Seattle, University of Washington Press, 1956, p. 106.

7 R.B.Goldshmidt. 1960. In and out the Ivory Tower. Seattle, University of Washington Press, p. 240.

8 Цитировано по книге Б.Л.Астаурова и П.Ф.Рокицкого "Николай Константинович Кольцов". М., Изд. "Наука", 1975, стр. 18

9 А.П.Чехов. Осколки Московской жизни <1883> . 10 сентября. Полное собрание сочинений. М., Изд. "Наука", т. 16,, стр. 50

10 С.С.Четвериков. Воспоминания. Журнал "Природа", 1980, 5, стр. 50-55, 11, стр. 86-94, 12, стр. 76-85.

11 См. прим. (3), стр. 61.

12 Там же, стр. 62.

13 Там же, стр. 63.

14 См., например книгу : И.Б.Збарский. Объект 1. Изд. Вагриус, М. 2000, стр. 109.

15См. прим. (8, стр. 142.

16 Н. Кольцов. Физико-химические основы морфологии. Журнал "Успехи экспериментальной биологии", сер Б, 1928, т. 7, вып. 1, стр. 3-31.

17Кольцов. Организация клетки, Биомедгиз, М. - Л., 1936, стр. 430.

18Б.Л.Астауров и П.Ф.Рокицкий. Николай Константинович Кольцов. Изд. "Наука", Москва, 1975, стр. 40.

19См. прим. (3), стр. 88.

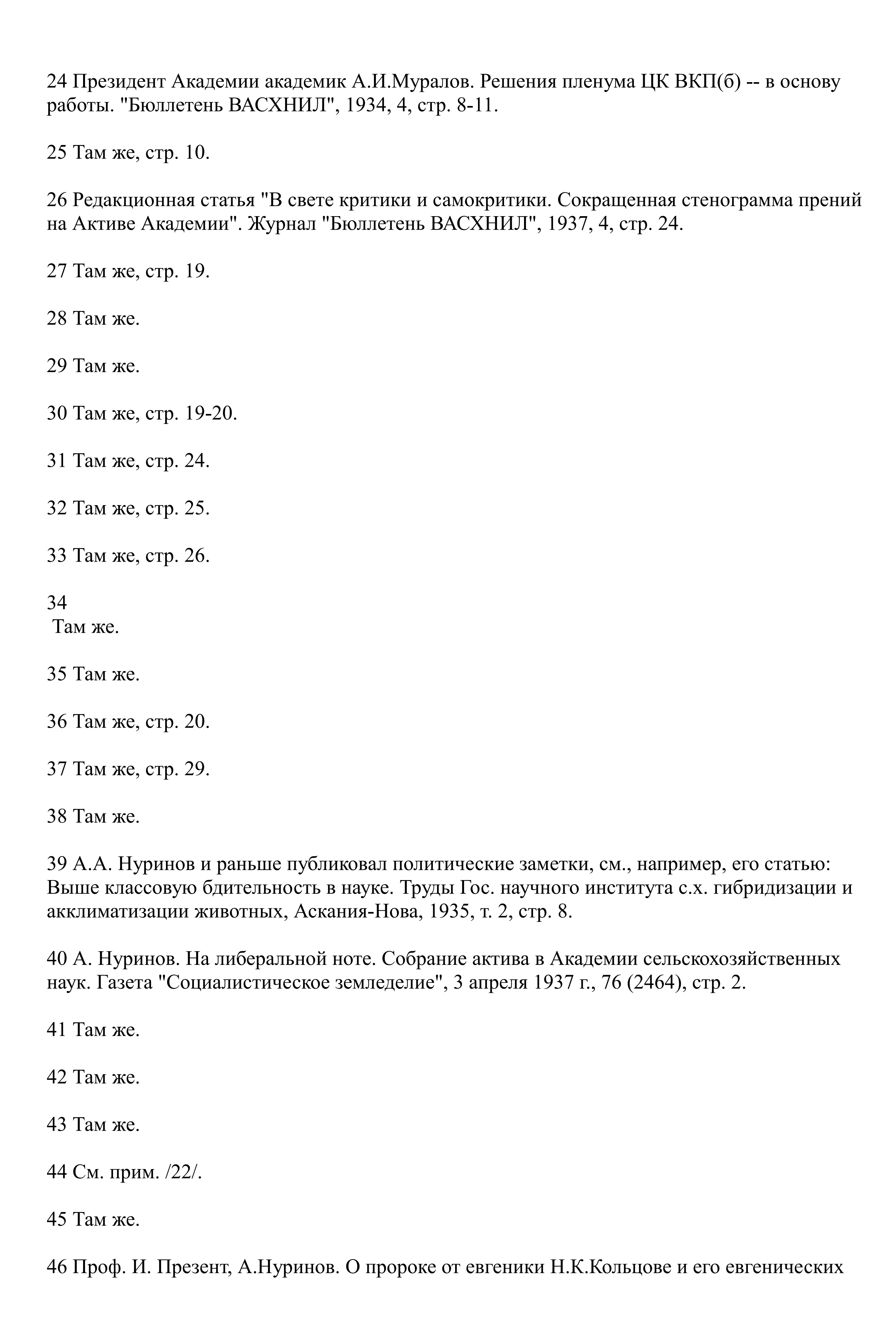
20 Н.К. Кольцов. Улучшение человеческой породы. Речь на годичном заседании Русского ев-

генетического общества 20 октября 1921 года, "Русский евгенический журнал, 1923, т. 1, вып 1, стр. 1-27; напечатана отдельным изданием: Н.К.Кольцов. Улучшение человеческой породы. Петроград, Изд. "Время", 1923, 62 стр.

21 Н.К. Кольцов. Родословные наших выдвиженцев. "Русский евгенический журнал", 1926, т. 4, вып. 3-4, стр. 103-143; см. его же: О потомстве великих людей. Там же, 1928, т. 6, вып. 4, стр. 164-177.

22 Я.А. Яковлев. О дарвинизме и некоторых антидарвинистах. Газета "Правда", 12 апреля 1937 г., перепечатана в газете "Соцземледелие", 14 апреля 1937 г., 85 (2473), стр. 2-3.

23 См. прим. (8), стр. 140.

24 Президент Академии академик А.И.Муралов. Решения пленума ЦК ВКП(б) -- в основу работы. "Бюллетень ВАСХНИЛ", 1934, 4, стр. 8-11.

25 Там же, стр. 10.

26 Редакционная статья "В свете критики и самокритики. Сокращенная стенограмма прений на Активе Академии". Журнал "Бюллетень ВАСХНИЛ", 1937, 4, стр. 24.

27 Там же, стр. 19.

28 Там же.

29 Там же.

30 Там же, стр. 19-20.

31 Там же, стр. 24.

32 Там же, стр. 25.

33 Там же, стр. 26.

34
Там же.

35 Там же.

36 Там же, стр. 20.

37 Там же, стр. 29.

38 Там же.

39 А.А. Нуринов и раньше публиковал политические заметки, см., например, его статью: Выше классовую бдительность в науке. Труды Гос. научного института с.х. гибридизации и акклиматизации животных, Аскания-Нова, 1935, т. 2, стр. 8.

40 А. Нуринов. На либеральной ноте. Собрание актива в Академии сельскохозяйственных наук. Газета "Социалистическое земледелие", 3 апреля 1937 г., 76 (2464), стр. 2.

41 Там же.

42 Там же.

43 Там же.

44 См. прим. /22/.

45 Там же.

46 Проф. И. Презент, А.Нуринов. О пророке от евгеники Н.К.Кольцове и его евгенических

соратниках. Газета "Соцземледелие", 12 апреля 1937 г., 84 (2472), стр. 2-3.

47 Там же.

48 Там же.

49 М.С.Дунин, доктор сельскохозяйственных наук. Отступление с "боем". Газета "Социалистическое земледелие", 18 апреля 1937 г., 89 (2477), стр. 2-3.

50 М.С.Дунин. Там же.

51 Там же.

52 Доктор сельскохозяйственных наук М. Дунин. К вершинам науки. Газета "Социалистическое земледелие", 7 ноября 1937 г., 266 (2644), стр. 2.

53 Там же.

54 См. прим. /49/. Что можно было увидеть преступного в этом высказывании Н.И. Бухаринна?

Какое двурушничество усмотреть? Но Дунин делает вывод (и категорически требует у читателя полного с ним согласия), что якобы Бухарин "ставит вне научного закона [фраза-то какова? -- "научного закона"! А разве могут быть законы науки не научными? -- В.С.] революционную работу Мичурина и мичуринцев, осуждая ее, как антинаучное и вредное любительство и кустарщину".

55 Доктор И.И.Презент. Советскую агробиологию -- на уровень метода диалектического материализма. Журнал "Яровизацуия", 1937, 3 (12), стр. 49-66.

56 И.И.Степанов. Нравы третьей империи. Газета "Правда", 12 мая 1937 г.

57 См. прим. /52/, стр. 62.

58 Там же, стр. 63.

59 Г. Ермаков, К. Краснов. Реакционные упражнения некоторых биологов. Журнал "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства", 1937, 7 (июль), стр. 108-116. Говоря о евгенике и евгеническом обществе, авторы пишут:

"Мы не стали бы выступать по данному вопросу на страницах журнала ..., если бы, к сожалению, не было таких людей, которые разделяют взгляды "ученых" из фашистских обществ. К сожалению, мы даже в числе академиков Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина имеем таких академиков как Н.К.Кольцов и А.С.Серебровский, которые немало потрудились над разработкой евгенических "теорий" фашиствующего порядка".

60 Там же, стр. 108-109.

61 Там же, стр. 109.

62 Там же, стр. 108.

63 Там же, стр. 115.

64 Там же, стр. 116.

65 Там же.

66 Авторов всех из цитированных здесь статей особенно возмущало именно это обстоятельство.

По их словам, то, что Н.К.Кольцов ни от одного из своих высказываний, сделанных на протяжении его научной деятельности, не отказался, ярче всего доказывало его вредоносную сущность.

67Цитиров. по книге: Б.Л. Астауров, П.Ф.Рокицкий. Николай Константинович Кольцов. Изд. "Наука", М., 1975, стр. 152-153.

68 Акад. А.Н.Бах, Акад. Б.А.Келлер, проф. Х.С.Коштоянц, канд. биол. наук А.Щербаков, Р.До зорцева, Е.Поликарпова, Н.Нуждин, С.Краевой, К.Косиков. Лжеученым не место в Акаде мии наук. Газета "Правда", 11 января 1939, 11 (7696), стр. 4.

69 Б.А.Келлер. Николай Васильевич Цицин (кандидат в действительные члены АН СССР), газета "Правда", 10 января 1939, 10 (7695), стр. 4.

70 Цитиров. по книге: В. Полынин. Пророк в своем отечестве. Изд. "Советская Россия", М., 1969, стр. 113.

71 В.С. Кирпичников предоставил мне копию этого письма.

72 Э.И.Колчинский. Рыцарь науки (интервью с В.С. Кирпичниковым). В сб. "Репрессирован ная наука", вып. II, СПБ, Изд. "Наука", 1994, стр. 231.

73 Личное сообщение В.С. Кирпичникова, 1987 год.

74 И. Презент. О лженаучных воззрениях проф.Н.К.Кольцова. Журнал "Под знаменем марк сизма", 1939, 5, стр. 146-153.

75 Там же, стр. 153.

76 Там же, стр. 146.

77 Там же, стр. 153.

78 Там же.

79 Цитировано по (3), стр. 126.

80См прим. /14/, стр. 110

Г л а в а X

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ ПОДСТРЕКАЮТ

ПОЛИТИКАНОВ НА БОРЬБУ С ГЕНЕТИКОЙ

"Страна под бременем обид,

Под игом наглого насилья --

Как ангел опускает крылья,

Как женщина теряет стыд".

А. Блок. Возмездие. 1911 (1).

"В истории лысенковщины определяющими были те условия, которые создавала партия [коммунистов] Строго говоря, история лысенковщины -- не глава из истории науки как таковой, а глава истории партии".

Д.В.Лебедев. 1991 (2).

Вмешательство Политбюро ЦК ВКП(б) в проведение Международного

Генетического Конгресса

Едва ли не самым ярким примером противоправного и даже криминального вмешательства партии большевиков в чисто научные дела стала история с проведением в СССР VII-го Международного Генетического Конгресса, запланированного на 1937 год.

Красный террор, введенный Лениным вскоре после революции 1917 года, последовавшая затем высылка более двух тысяч выдающихся ученых, философов, писателей за границу, аресты, публичное издевательство над деятелями культуры, искусства и науки создали отталкивающий образ Советской державы в глазах людей из свободного мира. Ученые отказывались проводить международные встречи в СССР. Поскольку организация научных конгрессов не зависит от правительств или правящих партий, а стопроцентно диктуется самими учеными, все попытки советских исследователей пригласить коллег собраться на очередной конгресс в их стране, долгое время единодушно отвергались. Рисковать никто не хотел. Но в 1931-1934 годах первые международные конгрессы в СССР были все-таки проведены (в частности, конгресс почвоведов), потом состоялось еще несколько международных встреч (например, по четвертичным отложениям).

Когда в 1932 году во время VI-го генетического конгресса, проходившего в США в Итаке, Вавилов предложил провести следующий конгресс в СССР, реакция генетиков сначала была отрицательной, и потребовалось приложить немало усилий, чтобы такое мнение переломить. К тому времени в США поработали Карпеченко, Добржанский, Тулайков, Максимов, Писарев, на I-й генетический съезд СССР в 1929 году приезжали крупные западные ученые, и "агентов влияния" было уже немало. Постепенно генетики стали склоняться к решению согласиться с предложением Вавилова и созвать VII-й генетический конгресс в Москве в 1937 году. Избранный в Итаке Международный Организационный Комитет по проведению следующего конгресса, должен был принять окончательное решение, за спорами дело дотянулось до 1935 года, и в конце концов всё завершилось победой сторонников Вавилова. Председатель Международного Организационного Комитета VII Конгресса норвежский ученый О.Мор известил 16 апреля 1935 года Вавилова об этом решении и предложил ему сформировать Советский Организационный Комитет, который взял бы на себя хлопоты по организации конгресса. Предполагалось, что при этом удастся заинтересовать и

правительство страны, принимающей конгресс, чтобы оно частично профинансировало как само проведение столь масштабного мероприятия, так и оплатило расходы некоторых из приглашенных лекторов.

Однако в Советском Союзе вопрос из плоскости финансовой сам собой перешел в сферу идеологическую и политическую. Это изменение привычных ученым Запада процедур выявилось очень скоро. Президиум АН СССР рассмотрел запрос академика Вавилова и принял решение поддержать его идею. С письмом на эту тему Непременный Секретарь АН СССР академик Волгин обратился 13 июля 1935 г. не в правительство СССР, то есть в СНК СССР, а в партийный орган -- к "зав. Отделом науки ЦК ВКП(б) тов. Бауману" (официально его должность именовалась заведующий отделом науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК партии). Волгин объяснял в письме, как случилось, что был выбран город Москва, как вышло, что письмо с предложением провести такой конгресс от имени Международного Комитета поступило к Вавилову (было сказано, что он -- единственный представитель от СССР в этом международном комитете), затем следовал абзац о том, что в СССР есть что показать:

"Укажем на работу по селекции растений -- Всесоюзный институт растениеводства, Саратовская и Омская селекционно-генетические станции, работы ак. Лысенко. Большие теоретические исследования ведутся Институтом генетики Академии Наук СССР, где в настоящее время работает один из крупных мировых генетиков -- американский исследователь Герман МЕЛЛЕР" (3).

Сообщалось, что ожидается приезд "не менее 1000--1200 иностранных ученых", в связи с чем была запрошена сумма размером "около 5 млн. рублей... для оплаты 40-50% расходов содержания членов конгресса, как советских, так и иностранных, -- так и оплаты половины стоимости транспорта" (4). К.Я.Бауман рассмотрел письмо Волгина, поддержал просьбу Академии наук и послал соответствующее письмо в три адреса -- 1-му Секретарю ЦК партии Сталину, секретарю ЦК ВКП(б), отвечавшему за сельское хозяйство -- А.А.Андрееву и партийному лидеру, не имевшему никакого касательства к науке или к международным связям, но уполномоченному следить за внутрипартийными делами большевиков, -- председателю Комитета Партконтроля ЦК партии Н.И.Ежову. Как и все внутренние документы в ЦК, письмо это не было предназначено для посторонних глаз, особенно глаз ученых -- как советских, так западных -- и было строго засекречено на многие годы (5).

Оргбюро ЦК партии (опять, не правительство, а партийные начальники!) 31 июля 1935 года 196-м пунктом повестки дня (протокол 34) рассмотрело это письмо и приняло решение "разрешить Академии Наук созвать конгресс по генетике в 1937 г. в СССР" (6). На этом протоколе расписались два члена Оргбюро -- Чубарь и Ворошилов, а кто-то из секретарей дописал, что за это же предложение проголосовал Каганович. Теперь 2 августа 1935 года вопрос был включен в повестку дня Политбюро ЦК ВКП(б) пунктом 24-м. Политбюро с предложением Оргбюро согласилось, дополнив его еще одним пунктом:

"Поручить отделу науки внести на утверждение ЦК предложения о повестке дня и составе съезда" (7).

Вот это уже выходило за научные рамки. Никогда страны-организаторы в такие дела не вмешивались,
а в СССР коммунисты полностью взяли в свои руки самое щекотливое дело -- формирование повестки дня научного конгресса и состава докладчиков. Решение Политбюро в большевистской стране могло изменить только Политбюро, ученым же оставалось уважительно просить высший партийный ареопаг рассмотреть их просьбы.

Сначала 28 декабря 1935 г. (видимо на основании полученного от Академии Наук и ВАСХНИЛ предложения) Бауман направил Андрееву и Ежову записку "Об организационном Комитете по созыву VII Международного Генетического Конгресса в СССР", в котором уже от имени отдела ЦК партии предлагал "утвердить состав Оргкомитета в количестве 13 человек" (Муралов -- председатель, В.Л.Комаров -- 1-й вице-председатель, Вавилов и О.Г. (ошибка -- должно быть С.Г. -- В.С.) Левит -- 2-е вице-председатели и члены: Горбунов, Лысенко, Келлер, Кольцов, Мейстер, Серебровский, Карпеченко, Навашин, Меллер (8). Интересно, что на этом этапе партийцы согласились включить в Оргкомитет даже американца Германа Мёллера. Оргбюро ЦК партии утвердило это предложение 29 января 1936 года, а 2 февраля 1936 года Политбюро утвердило решение Оргбюро. В докладной записке Баумана для каждого кандидата было указано место работы и членство в ВКП(б). Видимо не случайно, в составе оргкомитета партийцев было примерно поровну с беспартийными -- шесть к семи, но членом партии был назван и Серебровский, пока еще был только кандидатом (в члены партии его так никогда и не приняли). В решении Политбюро было указано, что Муралова обязывают "в трехмесячный срок внести в ЦК предложения Оргкомитета о порядке работ предстоящего конгресса" (9).

Спустя точно три месяца, день в день, Муралов отправил длиннейшее послание Сталину и председателю СНК Молотову с описанием планируемых заседаний конгресса и с массой других сведений (писал, что ожидается 900 советских и 600 иностранных участников, что запланировано за советский счет пригласить уже только 70 человек, были указаны стоимости жизни для гостей "по первой категории" и "по второй категории", даны расчеты по расходу средств на ремонт здания МГУ, нескольких других институтов и т.п.). К этому письму был приложен проект постановления СНК с еще более детализованной сметой расходов, вплоть до длинных таблиц с описанием сколько и какой бумаги, картона, микроскопов, микротомов и прочего потребуется. Был приложен почасовой план работы конгресса. В специальном приложении был приведен список кандидатов, приглашенных на роли президента, почетного президента и вице-президентов конгресса, а также список советских и западных пленарных докладчиков. Кандидатом в президенты был назван Вавилов, почетным президентом американец Томас Хант Морган, а вице-президентами должны были стать шестнадцать представителей иностранных государств (по одному из страны, причем не названы были по фамилии только двое -- представители Чехословакии и Турции /10/).

Теперь Политбюро должно было все эти проекты утвердить как поручения правительству, а уж потом СНК оформило бы их в виде своего постановления. Но сначала произошла заминка с утверждением проекта, потому что долго материалы находились "еще у т. Молотова", потом 29 мая появилась новая запись: "вопрос готовится в СНК", потом еще одна запись гласила: "Есть решение ЦК -- на контр[оль] Чернухе" (В. Н.Чернуха -- ответственный работник секретариата Политбюро). Ясно, что какое-то высокое лицо или несколько лиц, не оставляя следов, затормозили дело. Было ли вообще принято это постановление в предложенном Мураловым виде и когда, выяснить не удалось. Похоже, что этого не случилось, так как 22 августа 1936 года Муралов отправил еще один многословный документ секретарю ЦК ВКП(б) Кагановичу и зам. предсовнаркома СССР Чубарю, в котором снова описал по пунктам важность проведения конгресса, обозначил основные советские и зарубежные научные школы, которые будут представлены, сказал, что 750 заявок из-за рубежа (вместо 600 ожидавшихся) уже получено и т. д. и т. п. (11).

Очень быстро в аппарате Политбюро появился отзыв относительно плана Муралова, подписанный Бауманом и направленный Сталину и Молотову. В нем ситуация с конгрессом описывалась не столь радужно. Во-первых, вмешательство в научную программу пошло дальше: было заявлено, что "значительная часть советских ученых выступит в качестве

докладчиков по основным вопросам", во-вторых, список этих основных докладчиков выглядел уже довольно странно: "академики Лысенко, Мейстер, Серебровский, проф. Левит и др." (12). На первое место тем самым выставили Лысенко, а не генетиков. Затем был отведен абзац рассказу еще об одном "народном выдвиженце" -- Цицине. А через два абзаца, отведенных техническим вопросам, начинался длинный разбор политически заостренного вопроса, как ученым на конгрессе обсуждать проблему генетики человека, и был сделан упор на то, чтобы руками западных ученых навести "критику расовых теорий":

"При этом необходимо использовать антифашистски настроенных ученых других стран. Эта критика в свою очередь должна явиться одним из средств мобилизации ученых и всей интеллигенции против фашизма" (13).

Так партийцы начали делать то, чего всегда старались избежать ученые -- превращать научные заседания в форумы по решению политических задач.

После этого Бауман переходил к вопросу о том, какова будет на конгрессе роль Лысенко, и что может произойти вокруг фигуры этого любимца партии. Данный раздел "Отзыва" был, в то же время на редкость реалистичным. Значит, отчетливо понимали в недрах ЦК партии, что происходит на самом деле в среде ученых и было даже сказано, что многие не вступают в дискуссии с Лысенко только потому, что боятся репрессий:

"В то время, как большинство генетиков СССР и других стран стоят на той точке зрения, что благоприобретенные признаки не передаются потомству, что наследственность определяют гены и их комбинации, академик Лысенко на основе работ Мичурина и своих утверждает о влиянии индивидуального развития организма на изменение наследственных свойств организма...

Созванное тов. Мураловым по нашему поручению совещание генетиков [IV сессия ВАСХНИЛ -- В.С.] выявило большую страстность разногласий. Все ученые признают заслуги т. Лысенко -- его теорию стадийности развития растений и методы яровизации, -- но одновременно многие считают его общие генетические взгляды неправильными, противоречащими, по их мнению, современной науке.

Вместе с тем надо отметить, что, будучи по существу не согласными с рядом генетических положений т. Лысенко, часть ученых стремится обойти молчанием эти разногласия, как бы побаиваясь выступать против т. Лысенко, рассуждая примерно так, что т. Лысенко пользуется поддержкой партии и правительства и спорить с ним невыгодно, хотя он и не прав" (14).

Можно было бы только порадоваться такому трезвому взгляду на вещи со стороны Карла Яновича Баумана, еще недавно состоявшего кандидатом в члены Политбюро ЦК партии, если бы не его лукавство, проявленное в следующем абзаце:

"Это создает не совсем здоровую атмосферу в области научной мысли, почему мной, как заведующим отделом науки ЦК ВКП(б), на совещании генетиков была подчеркнута необходимость и полная возможность свободного обсуждения в СССР спорных вопросов генетики" (15).

На самом деле мы только что видели, как ежедневно "Правда" печатала в основном нападки на генетику, высказанные и Мураловым, и Мейстером, и уж конечно, Лысенко с Презентом. Свободной дискуссии как раз и не было.

Вместе с тем нужно признать, что Бауман выступал как человек, понимающий остроту

дискуссий и похоже был на стороне ученых, а не псевдо-новаторов, так как в резюмирующей части своего "Отзыва" Сталину и Молотову, где предлагалось разрешить проведение в Москве конгресса, он еще раз возвращался к сути разногласий генетиков и "мичуринцев" и писал, что Отдел науки пока "не может дать исчерпывающей оценки по существу спора между господствующей школой генетиков и школой Мичурина-Лысенко" (16). Бауман полагал, что дальнейшие дискуссии, "широкое обсуждение спорных вопросов генетики" помогут прийти к правильному выводу.

По-видимому все рассуждения Баумана остались невостребованными, так же как предложения Муралова, и постановление СНК так и не было принято. Хотя Бауман предложил проект постановления ЦК ВКП(б), в котором первый пункт был следующий:

"Принять предложения Оргкомитета о созыве VII Международного Конгресса в Москве с 23 по 30 августа 1937 г. и утвердить предложенный порядок работы конгресса" (17),

высшие руководители партии с ним не согласились. На "Отзыве" Баумана имеется помета "в пов[естку]", однако никаких следов включения предложения в повестку заседаний Политбюро найти не удалось. Можно догадываться, что задержать прохождение всех бумаг мог именно Молотов с его самым чутким нюхом относительно мыслей Сталина и сталинских наклонностей.

Тем временем во всем мире шла подготовка к конгрессу, готовились и в СССР. Лысенко никаких новых решающих доказательств правоты своих идей так и не получил, однако его ожесточение против генетиков росло и во фразеологии появлялись всё более угрожающие нотки в адрес зловредных ученых. Параллельно в стране достигала максимального напряжения пропагандистская компания борьбы с "врагами советской власти". Их искали во всех сферах жизни и отправляли в тюрьмы и лагеря. Уже совсем был близок момент расправы с многими недоброжелателями Лысенко.

В середине ноября 1936 года Политбюро снова вернулось к рассмотрению вопроса о конгрессе генетиков. В архиве Политбюро имеется листок с перепечатанным старым решением от 2 августа 1936 года, на котором появилась факсимильная подпись Сталина. Видимо устная договоренность Сталина с Молотовым уже была достигнута, потому что простым карандашом Молотов написал на листке резолюцию:

"Предлагаю решение ЦК о конгрессе по генетике отменить как нецелесообразное (ввиду явной неподготовленности). В.Молотов" (18).

Ниже черными чернилами было вписано особое мнение члена Политбюро Л.М.Кагановича:

"Не решение ЦК нецелесообразное, а подготовители
конгресса негодные, что вначале не внесли предложение, а дела не подготовили. Отменить придется. Л.Каганович"1 .

Еще ниже подписались остальные члены и кандидаты в члены Политбюро, указавшие, что они все согласны с Молотовым--Сталиным: Калинин, Ворошилов, Чубарь, Андреев, Микоян. 14 ноября 1936 г. Политбюро решило отменить конгресс "ввиду его явной неподготовленности".

Интересной деталью стало то, что к решению Политбюро, оформленному особо -- на отдельном листке, было прикреплено еще одно письмо, написанное почти полугодом позже. 31 января 1937 года заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) Яковлев

подготовил на имя Сталина и Молотова докладную записку, в которой заявлял, что "программа конгресса составлена неправильно, а практическая работа оргкомитета не обеспечивает проведения конгресса в соответствии с интересами нашего государства" (19). Яковлев отбросил всякие уловки в отношении того, как бы обеспечить "свободные дискуссии". Вместо этого он предлагал ввести партийно-полицейский контроль за организацией конгресса. Для обоснования этого кардинального положения он сформулировал два пункта: первый -- устранить якобы имеющийся уклон на конгрессе в сторону "фашистской генетики" и даже перевес ее над нефашистской, и второй -- перевес антилысенковцев (как было сказано, "сторонников антидарвинстских теорий неизменчивости наследственных свойств в бесконечном ряду поколений") над лысенковцами. Чтобы избежать этих нежелательных ЦК партии "перевесов", Яковлев предлагал изменить состав оргкомитета конгресса (снять с поста председателя Оргкомитета президента ВАСХНИЛ Муралова и заменить его президентом АН СССР Комаровым, ввести в число его заместителей, наряду с Мураловым и Вавиловым, Лысенко, уменьшить число членов оргкомитета до четырех), отдать контроль за будущей научной программой конгресса целиком в руки коммунистов, для чего создать "комиссию Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), на которую возложить утверждение тезисов советских докладчиков и рассмотрение списка ученых, приглашаемых из других стран" (20), а также изменить время созыва конгресса, перенеся его на август 1938 года. Разработал Яковлев и способ превращения конгресса в подконтрольный коммунистам форум. Для этого надо было взять на себя целиком формирование научной программы конгресса. Яковлев вставил в свое письмо центральным пунктом такой:

"Предложить оргкомитету основными вопросами конгресса поставить следующие:

а) отдаленная гибридизация (академик Мейстер: работы по ржано-пшеничным гибридам; доктор с.х. наук Цицын: работы по пшенично-пырейным гибридам; работы Державина по многолетним сортам зерновых культур и т.д.).

б) О яровизации и константности сортов -- работы Института Лысенко.

в) материальные основы наследственности" (21).

Такого вмешательства теперь уже не только в советскую, но и в мировую науку в истории еще не случалось.

Однако неясно, было ли это письмо рассмотрено Политбюро, или просто его отклонили, не рассматривая. Видимо страх, что дело все-таки может уплыть из рук партийных контролеров, превалировал.

Но и на этом история конгресса генетиков в Москве не была завершена. С описываемыми событиями совпал арест руководителя Главнауки (Главного управления научными, научно-художественными, музейными и по охране природы учреждениями Народного Комиссариата просвещения) И.И.Агола. В вышедшем после его ареста номере "Правды" заголовок через всю страницу извещал о случившемся (22). Немедленно слухи достигли западных ученых, обрастая по дороге кой-какими небылицами. На Западе связали в одно запрещение в СССР конгресса, арест генетика Агола и добавили от себя, что арестованы Вавилов и еще некоторые крупные ученые. Газета "Нью-Йорк Таймс" в номере от 13 декабря 1936 года выдала эти сообщения за чистую правду, якобы выясненную корреспондентом газеты в Москве. Чтобы хоть что-то для себя прояснить, несколько западных генетиков решили использовать личные контакты и запросить у советских коллег истинную информацию на этот счет. Двое из них написали эмигрировавшему из Германии в СССР Юлиусу Шакселю2.

Письма-запросы (на английском языке) и ответ Шакселя (на немецком) были переведены на русский язык и переданы в отдел науки ЦК. Шаксель писал тоном настоящего коммуниста-пропагандиста:

"Международный Генетический Конгресс вовсе не отменен, а отложен... Случай с Аголом не имеет ничего общего с научными занятиями. Агол уже давно занимался преступной против государства политической деятельностью и потому содержится под стражей..." (23).

Затем разговор был переведен на важную для коммунистов тему -- о евгенике:

"Мы в стране социализма рассматриваем человека не столько как биологический объект, сколько как члена общества. К человеческому обществу... применение методов зоотехники мы считаем научным грехом и величайшим абсурдом... мы решительно отклоняем евгенику... Кроме того, осуществленный в результате 20 лет революции социализм в нашей стране представил члену нашего бесклассового общества полную личную свободу в области выбора занятий, выбора местожительства, выбора развлечений и выбора друга или подруги жизни, и поэтому проведение придуманной буржуазными учеными евгеники в свободном человеческом обществе невозможно" (24).

Другой из обеспокоенных генетиков -- американец Ч.Дэвенпорт решил обратился 17 декабря 1936 года в Госдепартамент США с предложением направить советскому правительству протест и потребовать, чтобы СССР, который "многое черпает от открытий ученых и от применения этих открытий", вел себя цивилизованно (25). Американское правительство в лице одного из своих министерств -- Государственного департамента -- в письме, отправленном Дэвенпорту 29 декабря 1936 г., отказалось выполнить предложение ученого, считая, что упомянутые в его письме "обстоятельства не затрагивают непосредственно американских граждан или американские интересы" (26).

Вряд ли Вавилов был тогда в курсе переписки Дэвенпорта и Госдепа США, но он направил длинную телеграмму в "Нью Йорк Таймс", опубликовав ее в газете "Известия" 22 декабря 1936 года. Вавилов писал:

"Ложь о советской науке и советских ученых, добросовестно работающих на дело социализма, стала специальностью некоторых органов зарубежной прессы... Многократно мне приходилось печатно и устно выступать во многих городах Соединенных Штатов Америки с сообщениями о советской науке, об исключительных возможностях, предоставленных советским ученым, о роли науки в нашей стране, об огромном прогрессе науки в советское время.

Из маленького учреждения в царское время -- Бюро прикладной ботаники -- руководимый мною Институт растениеводства за советское время вырос в крупнейшее научное учреждение, имеющее немного равных себе по масштабу институтов в мире. Штат его с 65 человек в царское время в настоящее время дошел со всеми отделениями на периферии до 1.700 человек. Бюджет учреждения с 50 тыс. рублей дошел до 14 млн. рублей...

Мы спорим, дискутируем о существующих теориях в генетике и методах селекции, мы вызываем друг друга на социалистическое соревнование, и должен вам сказать прямо, что это сильный стимул, который значительно повышает уровень работы...

Я более, чем многие другие обязан правительству СССР за огромное внимание к руководимому мною учреждению и моей личной работе.

Как верный сын советской страны я считаю своим долгом и счастьем работать на пользу моей родины и отдать самого себя науке в СССР.

Отметая ваше сообщение обо мне и измышления, что в СССР якобы не существует интеллектуальной свободы, как гнусную клевету, имеющую темный источник, настаиваю на опубликовании этой моей телеграммы в Вашей газете.

Академик Н.И.Вавилов" (27).

Получив копии писем западных ученых и ответ Шакселя, зав. отделом науки ЦК Бауман отправил короткое письмо Сталину и Молотову. Он сообщал, что на западе активно обсуждают отмену конгресса и споры на сессии ВАСХНИЛ 1936 года, что отдел науки разъясняет всем, что конгресс не отменен, а лишь перенесен. "В связи с этим считаю целесообразным предрешить созыв Генетического Конгресса в СССР в 1938 г.", -- писал Бауман (28). В аппарате Политбюро был подготовлен проект решения из двух пунктов: о переносе проведения конгресса на 1938 года и о том, чтобы "вопросы о составе Оргкомитета и программе конгресса передать на решение СНК СССР" (29). В левом углу страницы расписался помощник Сталина Поскребышев, а затем Сталин, Ворошилов, Каганович, Молотов и были сделаны рукой секретаря записи, что Микоян, Калинин, Андреев и Чубарь - "за" (30). Решение было оформлено девятнадцатым марта 1937 года.

Новый всплеск озабоченности судьбой советских генетиков произошел в тот момент, когда на Западе стало известно содержание статьи Презента и Нуринова в газете "Социалистическое земледелие", уже разобранной выше (31), в которой содержались призывы к немедленной расправе с учеными как с "врагами народа", и прежде всего с Кольцовым и Серебровским. Снова в европейских и американских средствах массовой информации прошли тревожные сообщения о репрессиях в СССР. Как ответ на эти тревоги, на Запад было отправлено переведенное на английский язык письмо ведущих российских генетиков. Оно было датировано 23 июня 1937 г. и адресовано британскому коммунисту профессору Холдейну. На двух с половиной страницах ведущие советские генетики извещали коллег на Западе, что для паники в связи со статьей Презента и Нуринова оснований нет и что генетический конгресс в СССР все равно состоится:

"Проф. Кольцов и проф. Серебровский никогда арестованы не были... Подобно фантастической новости об аресте проф. Н.И.Вавилова, которая появилась в декабре 1936 в "Нью-Йорк Таймс", новая сенсация относительно арестов профессоров Кольцова и Серебровского -- чистая ерунда и провокация. Скорее всего эта провокация исходит от определенных кругов, намеревающихся помешать организации Генетического Конгресса в СССР.

В СССР ученые имеют право обнародовать свои научные взгляды совершенно свободно, и аресты на основании научных мнений совершенно невозможны и противоречат всему духу Советской Социалистической Конституции" (32).

Письмо заканчивалось словами:

"Мы хотим подчеркнуть, что существуют все необходимые условия для того, чтобы 7-ой Международный Генетический Конгресс состоялся в августе 1938 года в СССР и что Академия Наук СССР, Организационный Комитет и все генетические институты нашей страны сделают все возможное, чтобы обеспечить успех Конгресса" (33).

Затем против фамилий -- Левитского, Карпеченко, Вавилова, Мейстера, Навашина, Кольцова,

Серебровского, Дончо Костова, Левита, Дубинина, Сапегина, Д.А.Кисловского и Гершензона каждый из ученых расписался. Авторы утверждали, что в СССР идет полным ходом строительство новых институтов, что западные гости, приехав в СССР в следующем году на генетический конгресс, смогут в этом своими глазами убедиться.

Но конгресс в СССР так и не был проведен. Партийные руководители санкции на это не дали. Ученые всего мира в августе 1939 года собрались в Эдинбурге в Шотландии. Вавилов долгое время сохранял надежду, что его пустят на конгресс, он даже сказал об этом 15 марта 1939 года в Ленинграде:

"...я избран председателем Международного конгресса генетиков, но не знаю, буду на нем или нет" (34).

Во время церемонии открытия конгресса на сцене было установлено пустое кресло президента конгресса, и все знали, что оно предназначено для Вавилова, который "почему-то" не приехал. Открывая Конгресс, директор местного Института генетики животных Ф. Крю сказал:

"Вы пригласили меня играть роль, которую так украсил бы Вавилов. Вы надеваете его мантию на мои не желающие этого плечи. И если я буду выглядеть неуклюже, вы не должны забывать: эта мантия сшита для более крупного человека" (35).

В то время, как мы уже знаем, Политбюро приняло решение запретить поездки Вавилова за границу, а параллельно в глубочайшей тайне шла планомерная работа: разбухали тома заведенного на него агентурного дела. Но, повторяю, эта сторона деятельности коммунистов пока оставалась скрытой от Вавилова. Также не было внешних проявлений вовлеченности в этот процесс самого Лысенко. Его люди трудились на тайном фронте в поте лица, а он открыто порочил Вавилова на верхах.

Вавилов под огнем партийной критики

5 января 1937 года Яков Аркадьевич Яковлев, поднявшийся по иерархической лестнице власти еще выше (с поста Наркома земледелия СССР он перебрался в кресло заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б), то есть стал курировать не одно, а несколько ведомств сразу), держал речь перед сотрудниками и авторами Сельхозгиза. Тема собрания была банальной: обсуждали годовой отчет. Однако вместо обзора издательских планов Яковлев заговорил о другом. Он разнес в пух и прах генетику и генетиков. Последние, по его мнению, проявляли и проявляют реакционность, отстаивая неизменность генов в поколениях, а в последнее время вообще встали на путь вредительства.

"... отнюдь не случайно, "по недосмотру" исчезло из учебников имя Ч.Дарвина, это было делом их рук" (36), --

утверждал Яковлев, хотя имя Дарвина со страниц учебников не исчезло и исчезнуть не могло. Именуя генетиков "нео-менделистами"3, Яковлев сказал:

"ПРИЧИНЫ УСПЕХА... НЕО-МЕНДЕЛИЗМА -- НЕ СТОЛЬКО НАУЧНОГО, СКОЛЬКО ПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА" (37).

А все в стране уже хорошо знали, чем грозили политические ошибки их носителям. Обрушиваясь на генетику, Яковлев давал ясно понять, кого персонально он считал главным проводником политически ошибочных взглядов. Первым среди злонамеренных был назван

вовсе и не генетик, а растениевод Вавилов, хотя упоминал он и генетика Кольцова. Оказывается:

"Так называемая теория гомологических рядов идет не по дарвинистическому [читай: не по-марксистскому -- В.С.] пути" (38).

Затем Яковлев потребовал

"обеспечить дальнейшее развитие генетики с точки зрения теории развития4 вместо превращения генетики в служанку ведомства Геббельса" (39).

Утверждение, что успехи генетики "не столько научного, сколько политического характера" (40), не было случайной оговоркой, так как докладчик развил дальше эту тему, увязав генетику с фашистскими доктринами, попутно объяснив, что генетика

"представляет собой теоретический фундамент для столь модной в некоторых странах теории преимущества той или иной расы, будто бы владеющей наилучшим запасом генов, или богатых классов, будто бы являющихся также монопольными "владельцами" этих особо ценных генов" (41).

Это был очень важный по своему политическому звучанию поворот, так как крупный партийный руководитель, близкий к Сталину человек, одним махом выводил генетику из числа прогрессивных дисциплин, низводя ее до разряда идеологически вредных извращений науки. Яковлев договорился до того, что, наряду с обвинением генетики в фашистской устремленности, объявил ее... новой разновидностью "религиозного учения" (42). По его словам:

"Генетики... противопоставляют генотип фенотипу, как церкви всего мира противопоставляют тело духу. Эта теория подкупает некоторых неразборчивых коммунистов простотой своих будто бы материалистических, а на деле вульгарно механистических представлений о живом. Бессменный дух и смертное тело большинства религий, бессмертная зародышевая плазма и смертная плазма Вейсмана, бессмертный генотип растения, животного или человека и смертная одежда этого генотипа (фенотип)... разве все эти "теории" -- при всей разности внешних выражений, не являются выражением одной и той же поповщины..." (43).

Текст выступления Яковлева был срочно перепечатан в лысенковском журнале "Яровизация" (см. прим. /36/). В следующем номере этого журнала за 1937 год был помещен доклад Сталина "О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников" (44). В нем приводились строки из теперь предаваемого публичной огласке "Закрытого письма ЦК ВКП(б) по поводу шпионско-террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока от 29 июня 1936 года", из которого следовало, что:

"Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознать врага партии, как бы он ни был замаскирован" (45).

И хоть не имела отношения эта внутрипартийная борьба с двурушниками к проблемам яровизации, как, в свою очередь, яровизация к проблемам генетики и селекции, лысенковцы использовали эту борьбу для усиления нападок на генетику и на Вавилова с Кольцовым. Сделано это было следующим образом: вслед за текстом доклада Сталина и в его развитие была напечатана статья Презента, в которой тот заявил противникам "советского творческого дарвинизма" (еще одно наименование, коим окрестили свое "учение" лысенкоисты,

используя его теперь наряду с термином "мичуринская биология"), что им пора "призадуматься над тем... а не оказываются ли они в... вопросах жизни и развития преградой для наступающих по всем фронтам представителей "советской научной общественности..." (46). Отметим еще одну деталь -- Презент писал:

"... советской научной общественности в лице Мичурина и Лысенко".

Чтобы дать ясно понять, до чего может довести генетиков их наука, Презент указывал для острастки на тех, кто уже был арестован:

"... враг народа троцкист Урановский5, подвизавшийся в качестве "методолога" Академии Наук, оптом и в розницу продававший наши научные интересы...

Другой троцкистский бандит, генетик Агол6, немало потрудившийся над засорением умов наших читателей метафизикой вейсманизма...

... Столь же "честно" заслужил поцелуй от матерых противников в науке и антропогенетик Левит, немало давший в распоряжение человеконенавистников "материала" о якобы фатальной "наследственной обреченности" у людей" (49).

Перечисляя этих людей -- ученых России, имена которых сегодня произносятся с законной гордостью за отечественную науку, Презент причислил к ним одного из развенчанных Сталиным вождей партии -- Бухарина:

"Знаменательно, что и друг троцкистов враг народа Бухарин... говоря о "дарвинизме и современности" в своей статье "Дарвинизм и марксизм"... полностью принимает метафизические стороны генетики и прямо объявляет "как дальнейшее развитие дарвинизма" "учение о комбинативной изменчивости на основе законов Менделя, учение о "чистых линиях" Иоганнсена", обобщения американской школы во главе с Морганом" (50).

С показным презрением, с пониманием того, какой он наносит удар по Вавилову, Презент добавлял, что Бухарин даже не вспоминал Мичурина и Тимирязева, но "зато Бухарину очень нравится "закон гомологических рядов" Вавилова" (51).

Вавилов идет на уступки, отступая от научной истины

Как было рассказано в предыдущей главе, Кольцов на все нападки Яковлева и сторонников Лысенко, на все их категорические требования признать свои политические и научные ошибки и покаяться перед "советской общественностью", ответил отказом. Ничего не признал и ни в чем не покаялся. Вавилов поступил иначе.

Он не мог не понимать, что петля вокруг него постепенно сжимается всё туже. Поэтому он решил, что поступит разумно, если публично признает кое-какие из прежде им отвергавшихся положений Лысенко. Этим он, кстати, показывал, в чьем лице он видит главную угрозу, компромиссом с кем надеется спасти себя и руководимые им два института.

Так в печати появился неожиданный документ. В нем Вавилов -- авторитет в глазах большинства знающих специалистов -- открыто отступал от прежде занятой им позиции. В одной из предыдущих глав подробно рассказывалось о предложении Лысенко заменить научно обоснованные методы семеноводства псевдо-революционными новинками типа "брака по любви" -- то есть свободным переопылением сортов. Говорилось выше и о том, что все грамотные селекционеры и семеноводы обоснованно критиковали это предложение, и что

их точку зрения открыто разделял Вавилов. Именно позиция, занятая Николаем Ивановичем, более всего раздражала Лысенко, поскольку для подавляющего большинства специалистов сельского хозяйства и руководителей в Наркоматах и партийных органах мнение Вавилова оставалось решающим.

И вдруг 28 апреля 1937 года в центре первой полосы газеты "Социалистическое земледелие" большими буквами было набрано сообщение:

"ПО МЕТОДУ АКАДЕМИКА ЛЫСЕНКО

О ВНУТРИСОРТОВОМ СКРЕЩИВАНИИ САМООПЫЛИТЕЛЕЙ

Приказ наркома земледелия СССР т. М.А.Чернова" (52).

В приказе говорилось, что предложенное академиком Лысенко внутрисортовое переопыление полностью себя оправдало, и потому земельным управлениям предписывается в связи с рекомендациями науки широко развернуть работу по использованию метода в практике колхозов и совхозов. Под приказом была напечатана статья, объяснявшая, при каких обстоятельствах появился этот документ:

"Академия с.-х. наук имени Ленина

О ВНУТРИСОРТОВОМ СКРЕЩИВАНИИ

Президент Академии с.-х. наук имени Ленина т. А.И.Муралов, академики Н.И.Вавилов и Г.К.Мейстер недавно выезжали в Одессу по приглашению акад. Т.Д.Лысенко для ознакомления с результатами внутрисортового скрещивания пшениц... Президиум установил, что методика опытов по внутрисортовому скрещиванию, проводимая Т.Д.Лысенко, не встречает возражений ни со стороны академика Н.И.Вавилова, ни со стороны академика Г.К.Мейстера" (53).

Конечно, можно допустить и другое объяснение, что и Мейстер и Вавилов не предпринимали никакого маневра, а и впрямь уверовали в правоту Лысенко в данном вопросе и пошли не на попятный шаг с далеко идущими политиканскими целями, а просто убедились в своей неправоте и как честные ученые признали свои ошибки. Но, по крайней мере, Мейстер резко отрицательно высказался против этой завиральной идеи Лысенко на IV сессии ВАСХНИЛ в 1936 году. Да и в отношении Вавилова можно совершенно уверенно утверждать обратное: имеется документ, отвергающий изменение его научных взглядов. Это -- хранившаяся в Ленинградском архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (фонд ВИР) собственноручно подписанная Вавиловым копия его письма Герману Мёллеру в Мадрид, куда американский генетик уехал защищать испанских республиканцев в их борьбе с фашистами. В этом письме, датированном 8 мая 1937 года, Вавилов писал:

"Недавно я и проф. Мейстер побывали в Одессе, чтобы проверить работу по развитию растений, проводимую Лысенко. Должен заметить, что убедительных доказательств там слишком мало. Раньше я ожидал большего" (54).

Таким образом, решение признать правоту Лысенко, да еще в таком одиозном вопросе, как польза от перекрестного опыления, было принято после наскоков в печати (и, наверняка, не менее зловещих "предупреждений" в личных беседах на разных уровнях). Просто два вице-президента сочли за благо сдаться "на милость победителя".

Но милости не последовало. На следующее же утро после обнародования приказа наркома и решения ВАСХНИЛ газета "Соцземледелие" вышла с передовой статьей "По дарвиновскому пути", в которой смаковался факт отхода ведущих биологов со своих позиций (55). Анонимный автор писал:

"Известно, что большинство ученых-генетиков и селекционеров встретили это предложение в штыки. Метод... был объявлен сторонниками формальной генетики не более, не менее как антинаучный" (56).

Затем были названы Константинов, Лисицын и Костов и с удовлетворением отмечено, что сейчас ситуация переменилась -- Мейстер и Вавилов -- признали лысенковский метод, благодаря чему Наркомзем приказал провести внутрисортовое скрещивание в 12 тысячах колхозов. "Образцово выполнить приказ... дело чести каждого края и области" (57), -- заканчивалась передовица.

В печати началась кампания пропаганды внутрисортового скрещивания. 4 мая 1937 года "Соцземледелие" опубликовало письмо Лысенко "Шире развернуть внутрисортовое скрещивание" (58), а 21 мая разворот этой газеты (2-я и 3-я страницы) был целиком посвящен пропаганде агроприема (59), на деле приводящего к потере всех сортов пшеницы и к их загрязнению. В центре одной из страниц была помещена фотография. Подпись гласила: "Академик Т.Д.Лысенко демонстрирует результаты внутрисортового скрещивания Н.И.Вавилову и Г.К.Мейстеру". Скромные ученики внимали гордому учителю. Только потупленные взоры выдавали их истинное душевное состояние.

Аресты Муралова, Мейстера, Яковлева и Баумана

Надежды Вавилова, что он спасет себя смиренным признанием правоты Лысенко в вопросе, который тот сам называл центральным, оказались тщетными. Июльский номер журнала "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства" за 1937 год открылся Постановлением Совнаркома СССР "О мерах по улучшению семян зерновых культур". Затем были напечатаны два доклада, сделанные на Пленуме ЦК ВКП(б) 28 июня 1937 года -- Яковлевым и наркомом земледелия СССР Черновым. Вслед за докладами партийных лидеров были опубликованы две большие статьи ученых -- Вильямса "О задачах сельского хозяйства в третьей пятилетке" и Вавилова "Растениеводство СССР в третьей пятилетке".

Казалось бы, всё в этих публикациях было как надо: ведущие ученые страны обсуждают важнейшие проблемы, поднимаемые руководством партии на своем пленуме ЦК. Но редакция сразу же давала понять читателям, как нужно относиться к Вавилову. Его статье было предпослано вводное заявление:

"Редакция... считает, что акад. Вавилов... обошел важнейшие вопросы селекции и семеноводства, работы Госсортсети при ВИР'е, за которую он также несет ответственность. Акад. Вавилов не вскрыл причин запутанности сортоиспытания Госсортсетью при ВИР'е, а также причин снятия многих высокоурожайных сортов с производства [на самом деле были сняты плохие сорта, но о которых лысенкоисты кричали, что они -- высокоурожайные; теперь и это ставилось Вавилову в укор -- В.С.]. Наша общественность считает странным продолжительное молчание акад. Вавилова по вопросам, затронутым в "Правде" в статье о дарвинизме и некоторых антидарвинистах [статья Яковлева, о которой речь шла выше -- В.С.]" (60).

Описываемые события развертывались на фоне новой волны арестов. Длительная осада Президиума ВАСХНИЛ лысенкоистами, их выступления на партактиве ВАСХНИЛ, на

котором Лысенко высказался так, чтобы все поняли, почему он "вынужден" обращаться по научным делам через голову руководства академии, закулисная внутрипартийная борьба, равно как наскоки в печати не могли продолжаться бесконечно, и в том же месяце привели к "оргмерам". Первого из трех руководителей ВАСХНИЛ, согласившихся признать научность лысенковских предложений -- Муралова арестовали. Скорее всего это произошло в июне 1937 года. Вместе с ним были арестованы и другие руководители ВАСХНИЛ (А.С.Бондаренко, Л.С.Марголин и еще несколько человек). Была арестована группа руководителей Наркомзема СССР7. 30 октября 1937 года, как значится в Большой Советской Энциклопедии (61), Муралова не стало, видимо, он был расстрелян8.

Тем не менее, занять сразу после его ареста пост Президента ВАСХНИЛ Лысенко не удалось. Исполняющим обязанности Президента назначили Мейстера, Вавилов остался пока вице-президентом.

Такое положение не могло устраивать лысенковцев и покровительствовавших им, а значит и подстрекавших их руководителей партии коммунистов. Нападки на созданные Вавиловым учреждения системы ВАСХНИЛ продолжали усиливаться. Наибольшего накала эта активность достигла к концу ноября 1937 года, когда почти каждый день в "Соцземледелии" появлялись погромные статьи. 27 ноября агроном Н.Корсунский разнес Институт льноводства (64), 28 ноября сообщалось о вредительстве в Институте механизации и электрификации сельского хозяйства (65) и Институте гидротехники и мелиорации (66). В последнем из упомянутых институтов, оказывается, уже арестовали как врага народа директора Абола, но и новый директор академик А.К.Костяков не устраивал кое-кого. В том же номере газеты подвергся осуждению Хлопковый институт (67). Некто И.Шман, написавший о якобы порочной деятельности Хлопкового института, созданного при непосредственном участии Вавилова, не ограничился одной лишь констатацией факта негодной работы этого учреждения. Он прокурорским тоном прямо указал на виновника провала:

"Ответственность за литературные и научные "труды" [института -- В.С.] несет и академик Н.И.Вавилов. В июне прошлого года он оставил в книге посетителей института... хвалебную запись...

Пусть расскажет академик Вавилов о мотивах столь неуместных дифирамбов по адресу института. Разве он не заметил того, что делается в институте, на его опорных пунктах, на его опытных полях?

Многие из орудовавших в институте вредителей и врагов народа разоблачены. Остается ликвидировать до конца последствия вредительства" (68).

Всё было написано слишком прозрачно, чтобы любой читатель понял, кто виновник вредительства. Ведь, без сомнения, Вавилов -- человек искушенный -- не мог не заметить вредительства в институте. Но покрыл врагов! Так, неспроста же он это сделал, и, следовательно, ликвидация последствий вредительства "до конца" не могла обойти стороной этого пособника вредителей.

3 декабря та же линия была продолжена в статье о вредительстве в семеноводстве картофеля. В Институте картофельного хозяйства "разоблачили" еще одну группу вредителей. А кто не знал, что основы семеноводства закладывались Вавиловым. Таким образом, и с этой стороны его деятельности "высовывалась вражеская рука". В газете, правда, было названо имя человека, недолюбливавшего Вавилова и открыто, хотя и не всегда справедливо, критиковавшего его за плохое руководство селекционерами, многословие, красивости стиля в

статьях и книгах и желание пропагандировать себя с использованием всех доступных средств, -- известного селекционера картофеля Лорха, который якобы давал вредительские указания работникам картофельного фронта. Статья призывала "Навести порядок в семеноводстве картофеля" (69). Для наведения порядка Лорха через непродолжительное время арестовали. Мы увидим позже, что к судьбе Лорха Лысенко лично приложил руку.

Конечно, Вавилов был не единственной (а на этом этапе, может быть, еще и не главной) мишенью нападавших. Задача, которую ставили перед собой эти люди, была, в целом, кристально ясной -- на волне прокатывающихся по стране репрессий они пытались захватить власть в руководстве ВАСХНИЛ, чтобы устранить возможность критики в свой адрес сверху, а затем подавить огонь критики и с тылу. Вавилова, конечно, надо было локализовать, обезвредить, но пока главным было другое -- пробраться на президентское кресло.

В таких условиях Георгий Карлович Мейстер удержался на президентском посту недолго. 11 августа 1937 года его арестовали также как врага народа. В тюрьме он сошел с ума и погиб в заключении.

Напомню, что за год до его ареста торжественно отмечалась четвертьвековая годовщина со дня основания Саратовской селекционной станции, которой руководил этот выдающийся селекционер, и что только сорта яровой пшеницы, выведенные под руководством Мейстера, высевали на площади, равной 7 миллионам 241 тысячи гектаров (вся посевная площадь пшеницы во Франции составляла около 4 млн. га). Что могло лучше характеризовать трудовые успехи Мейстера? В печати утверждалось, что

"В лице академика Г.К.Мейстера мы имеем настоящего большевика-ученого, энергичного борца за высокие урожаи, смелого экспериментатора и преобразователя природы, добивающегося широкого применения результатов своих научных трудов на благо нашей великой родины" (70).

Теперь вместо благодарности к ученому, который в прямом смысле кормил народ своей страны, кормильца запрятали за решетку. Вредителем его назвать было никак нельзя, шпионом кормилец также быть не мог. Скорее можно думать, что единственным "грехом" Мейстера было то, что он выступил несколько раз с обоснованной критикой научных ошибок Лысенко!

К концу 1937 года были арестованы и вскоре расстреляны и многие другие руководители государства9, включая тех, кто курировал науку и сельское хозяйство -- Яковлев, Бауман, Чернов, Эйхе, Чубарь и другие.

Следственное дело Н.И.Вавилов в ОГПУ пухнет от доносов

В главе пятой было рассказано, что еще был Вавилов президентом ВАСХНИЛ и директором институтов, разъезжал по заграницам, выступал там в защиту советского строя, а в недрах ОГПУ на него в 1931 году было заведено агентурное дело 268615, в котором накапливались изощренные (и, как показало время, во многом инспирированные самим ОГПУ) наветы.

Страшным был номер дела, выведенный на папке с фамилией Вавилова: за четверть миллиона перевалило число тех, кто стал предметом пристального интереса огэпэушников только в центральном аппарате этой организации в Москве. И за каждым из "объектов" наблюдения следили не один и не два "старателя", фиксировавших каждый шаг подозреваемого, каждое его слово, жест, домысливавших за него устремления и посылавших доносы в НКВД и в них перевиравших действия своих жертв. Сколько же их, добровольных

или запуганных помощников карателей было в стране? Миллионы? Десятки миллионов? И ведь не наступил еще момент, который позже стали именовать временем массовых арестов, ведь шел только 1931-й год!

Выше были приведены отрывки из внутренних документов ОГПУ, в которых еще в 1932 году утверждалось, что "группа Вавилова стала центром притяжения агрономических кругов, саботирующих Соввласть и не желающих участвовать в социалистическом строительстве" (71). Сразу за этим определением вся научная деятельность Вавилова квалифицировалась как вредительская:

"Неучастие в практической работе, занятие "чистой наукой", выпуск никчемных многотомных "научных трудов", созыв научных съездов, занимающихся буржуазной схоластикой" (72).

В "Следственное дело" Вавилова аккуратно подшивали сделанные еще в 1930-1933 годах несправедливые оговоры его арестованными сотрудниками и друзьями, Якушкиным, Колем и Дибольдом, статеечки Дунина и других лысенкоистов из газет и журналов, материалы дискуссии генетиков с Лысенко, протоколы допросов арестованных руководителей сельского хозяйства страны -- бывших наркомов Яковлева, Чернова, Эйхе, заместителей наркомов Муралова и Гайстера, президента ВАСХНИЛ Мейстера, вице-президентов Тулайкова, Бондаренко, Давида, ученого секретаря академии Марголина, академика Горбунова и многих других (73).

По разному вели себя на допросах люди. Академик Рудольф Эдуардович Давид (1887-1939), арестованный вскоре после того, как он выступил публично в защиту академика Тулайкова, согласно хранящейся в деле Вавилова записи допросов якобы показал:

"Крупное ядро видных членов Академии [имелась ввиду ВАСХНИЛ -- В.С.] во главе с Вавиловым, Кольцовым, Мейстером, Константиновым, Лисицыным, Серебровским активно выступало против революционной теории Лысенко о яровизации и внутрисортовом скрещивании" (74).

Показал против Вавилова и других руководителей ВАСХНИЛ Тулайков (75). Как пишет Поповский,

"сошедший в камере с ума академик-селекционер Мейстер несколько раз объявлял Вавилова предателем и столько же раз отказывался от своих слов; впоследствии расстрелянный вице-президент Бондаренко от своих показаний на суде отказался" (76).

Сегодня уже многое известно о зверствах чекистов в их следственных (превращавшихся в пыточные) кабинетах, о нечеловеческих страданиях попавших в руки чекистов. Норма болевой чувствительности людей, равно как и их норма устойчивости к страху и вообще психическая реакция на стрессы сильно разнятся. Поэтому сегодня нельзя ничего сказать о том, почему одни заключенные оказывались более стойкими на допросах, а другие безропотно подчинялись любым требованиям следователей. Да и сами следователи были разными -- от садистов и отъявленных негодяев -- до относительно приличных людей, лишь волею судьбы поставленных на пыточные должности.

Вавилов возможно догадывался о том, что он уже стал подследственным ОГПУ. Журналист Евгения Альбац выяснила, что Вавилов мог знать тогда о создаваемом против него деле:

"Когда в начале тридцатых из недолгого заключения вернулся один из сотрудников ВИРа и

поведал Вавилову, что там он "сознался во всем" ("сознаться" надо было в существовании в институте некоей контрреволюционной организации), Николай Иванович сказал: "Я его не осуждаю, чувствую к нему большое сожаление и все-таки... все-таки и презрение!"" (77).

Коль и Шлыков в это время травили Вавилова (иного слова не подберешь) открыто (78). Большинство людей тогда не понимало, как это могло тянуться годами, почему Вавилов, вроде бы властный и решительный человек, не может остановить злобную энергию своих же подчиненных.

Но, наконец, и его проняло: в декабре 1936 года появился вавиловский ответ (79), в котором прежде всего была охарактеризована главная тенденция в писаниях Коля и Шлыкова -- извращение истинного положения дел:

"... они прибегают... к приему кривого зеркала, искажающего действительность" (80).

Навязчивым мотивом в наскоках Коля было его стремление доказать, что экспедиции Вавилова и его учеников ничего стране не дали, что большинство образцов семян оказалось бесполезным, а действительно нужные коллективизированному сельскому хозяйству растения остались вне интересов Вавилова и вавиловцев, и что вообще эти люди ничем серьезным себя не утруждали.

Отвечая Колю, Вавилов фактами опроверг это обвинение, завершив раздел следующей фразой:

"Только сумбурным увлечением и пристрастием к амарантам, кактусам, физалисам и прочим раритетам, до бешеного огурца включительно, которыми Коль давно уже донимает советскую общественность, можно объяснить то, что как в басне Крылова, он все видел и высмотрел, но "слона" действительно не заметил" (81).

Сходная характеристика была дана Вавиловым статьям и книге Шлыкова (см. /81а/), изданной в том же году:

"Непревзойденным образцом кривого зеркала... является... книга "Интродукция растений" Г.Н.Шлыкова... Читая ее, приходится изумляться, с одной стороны, развязности автора, с другой стороны, постоянному и систематическому передергиванию фактов, не говоря еще о большем числе прямых ошибок..." (82).

На примере этой книги Вавилов показал отсутствие моральных принципов у критиков, нечистоплотность их приемов. Он вспоминал, что

"имел возможность познакомиться с частью рукописи тов. Шлыкова, причем наше заключение по этому манускрипту не расходится с вышеприведенной квалификацией. Мы указываем на это потому, что из виртуозного предисловия ее автора, неискушенный читатель может понять, что нами эта книга одобрена к печати" (83).

Избавиться от Коля Вавилову все-таки удалось. Критик перешел работать во Всесоюзный институт северного зернового хозяйства и зернобобовых куль-тур. Но и уйдя от Вавилова, он не примолк, доказывая этим лишний раз, что разжигание склоки было для него самоцелью. В 1937 году он опубликовал несколько статей на ту же тему.

В одной из них (84), Коль повторял, что работа ВИР "несовместима с задачами соцреконструкции растениеводства" (85), что концепции Вавилова "недиалектичны, а роль

его "научных теорий"... неудачна, они имеют ряд вредных последствий" (86). Утверждение о вредительстве Вавилова он повторял много раз:

"Применяя "тормоза", Вавилов стремится различными ухищрениями и искажением фактов сохранить и в дальнейшем гегемонию в науке своих разбитых жизнью "теорий", уже принесших нашему строительству немало вреда... Такое учреждение как ВИР, со штатом в 1700 работников, обходящееся государству в 14 миллионов рублей ежегодно, за 12 лет работы... не дало нашему... коллективизированному земледелию ничего существенного" (87).

Коль, естественно, не мог не знать, что при выведении всех сортов в СССР использовали материал из коллекции ВИР'а. Знал, но шел на подлог, понимая, что после таких статей Вавилову могло не поздоровиться10. Но кто-то в верхах не допустил ареста академика, хотя кто-то, готовя почву для ареста, поощрял к писательству Коля.

В 1937 году Коль опубликовал еще одну статью (89). В ней он использовал завуалированный прием для обвинений Вавилова во вредительстве. Все знали, что Вавилов отвечал как научный руководитель ВИР за семеноведение и сортоиспытание в стране. Поэтому статья Коля начиналась с цитаты из Постановления СНК СССР "О мерах по улучшению семян зерновых культур" от 29 июня 1937 г.:

"Самая оценка сортов была организована так, что давала возможность врагам государства, врагам крестьян -- всякого рода вредителям скрывать от колхозов и совхозов ряд сортов как отечественного,
так и иностранного происхождения..." (90).

Далее автор статьи сухо перечислял американские сорта, которые он называл "сортами-чемпионами", после чего указывал, что сорта эти, имевшиеся в руках сотрудников института Вавилова, по непонятным причинам в СССР не внедрены. Данных их проверки в условиях России, сильно отличающихся от условий США, Коль не приводил, а просто указывал зоны, в которых эти сорта могли бы, по его мнению, культивироваться с пользой. Дескать, мотай на ус, читатель, догадывайся сам, какую цель преследовали вредители, помешавшие их внедрению в СССР.

Внутри его собственного Института растениеводства обстановка также накалялась. Приказами сверху в него зачисляли, чаще всего вопреки воле директора, сотрудников, которые львиную долю рабочего времени тратили не на науку, а на склоки, плетение интриг, изготовление и рассылку доносов.

Среди пришельцев "со стороны" был Степан Николаевич Шунденко, зачисленный в "специальную аспирантуру"11 института и прикрепленный к ученику Вавилова, ставшему через полтора десятилетия крупнейшим генетиком и селекционером, Михаилу Ивановичу Хаджинову. В момент зачисления Шунденко в ВИР (опять через голову Вавилова) дирекция института спорить из-за сомнительной кандидатуры не стала. В то же время никакой диссертационной работы Шунденко выполнить был просто не в состоянии. Но в один из дней к Хаджинову в лабораторию приехал товарищ, назвавший имя высокого ленинградского начальника, якобы приславшего его со специальной целью -- разобраться, почему у Шунденко нет продвижения в науке (91) и настоятельно посоветовать создать все условия для продуктивной работы нового "специального аспиранта" (беспартийных Вавилова и Хаджинова, разумеется, во все детали жизни, особенно важные, но потаенные от чужих глаз, не ставили). Михаил Иванович, человек тихий, вернее -- стеснительный, и что главное -- абсолютно в тот момент не понимавший, что за силы стоят за спиной Шунденко, решил не перечить властям и нашел, как ему показалось, самый простой выход (похоже, что директор

института с ним в этом вопросе в мнениях не разошелся). Он сел и написал за своего аспиранта диссертацию, которую тот немедленно защитил (92). И тут же специалист со степенью стал заводилой в разжигании антивавиловских настроений в ВИР'е.

А как только Шунденко стал кандидатом, Лысенко то ли по своей инициативе, то ли по команде с Лубянки начал продвигать его на ведущие роли в ВИР'е, а в самом начале 1938 года издал приказ о назначении Шунденко, невзирая на письменный протест Вавилова, заместителем директора по научной работе. Но теперь спорить было поздно, своими же руками вавиловцы вырастили в своем гнезде птенца ястреба. Известный ботаник профессор Е.Н.Синская писала в воспоминаниях о Шунденко:

"Что-то опасное чувствовалось в нем, в его щуплой, вертлявой фигуре, черных пронзительных и беспокойно шарящих глазах. Он быстро сошелся с другим таким же отвратительным типом -- аспирантом Григорием Шлыковым и они вдвоем принялись дезорганизовывать жизнь института" (93).

Синская вспоминала стихотворение, ходившее по рукам в ВИР'е в те годы:

"Два деятеля есть у нас на "Ш",

Как надоели всем их антраша.

Один плюгав, как мелкий бес, --

Начало его имени на "С",

Другой на "Г", еще повыше тоном,

В науке мнит себя Наполеоном.

Но равен их удельный вес.

И оба они "Г", и оба они "С"" (94).

Когда в коллективе складывается обстановка нетерпимости и склок, их закоперщики быстро обрастают другими, близкими по моральным устоям людьми. А в данном случае дело было даже не в консолидации подлецов, группирующихся в согласии с их внутренними побуждениями. Система сама ковала кадры нужных ей функционеров, открывала простор для таких людей и одновременно использовала человеческие слабости, сталкивала в пропасть тех, кто в других условиях могли бы оставаться нормальными, добропорядочными людьми. Поэтому множилось число доносчиков в ВИР'е. Среди них нужно упомянуть бывшего "специального аспиранта" Федора Федоровича Сидорова. История его, восстановленная Поповским, также помогает понять нравы того времени. Сидоров работал в Пушкинском отделении ВИР под Ленинградом и должен был следить за размножением растений, привозимых со всего света. К 1937 году он занял должность старшего научного сотрудника, но был настолько халатен и безграмотен, что тем же летом по его вине загубили уникальный материал. Узнав об этом, Вавилов немедленно отдал приказ о его увольнении. В день издания приказа уволенный явился к энкавэдэшному оперуполномоченному города Пушкино и написал клеветническое заявление на Вавилова и его заместителя А.Б.Александрова:

"Хочу заявить о вредительской деятельности руководства Всесоюзного института

растениеводства -- Вавилов, Александров -- в результате которой сорвана работа по разработке устойчивых сортов к болезням и вредителям сельскохозяйственных культур" (96).

Александрова, с 1935 года работавшего заместителем директора ВИР, незамедлительно арестовали, и он погиб в заключении. А Сидорова восстановили приказом из Москвы на работе, и он быстро дослужился до поста заместителя директора ВИР (после ареста Вавилова). В 1966 году Поповский, выступая в ВИР'е, рассказал эту историю, тайное стало явным, "...заместитель директора выскочил из зала как ошпаренный. Вскоре его как очень нужного кадра перевели заместителем директора в другой институт".

На профсоюзном собрании коллектива ВИРа 8 мая 1937 года сразу несколько человек выступили против директора. Они не были ведущими сотрудниками, ничем серьезным себя в науке не увековечили, что не мешало им громко и грубо обвинять Вавилова в ошибках. Агроном Куприянов осудил закон гомологических рядов и вообще все работы выдающегося ученого, которые он по простоте именовал кратко -- "теория Вавилова":

"Это вредная теория, которая должна быть каленым железом выжжена, ибо рабочий класс без оружия справился со своими задачами, сам начал править и добился определенных успехов.

По всей стране знают ВИР и о дискуссии между Вавиловым и Лысенко. Вавилову надо будет перестроиться, потому что Сталин сказал, что нужно не так работать, как работает Вавилов, а так как работает Лысенко" (97).

Аспирант Донской в детали слов, якобы сказанных Сталиным, не вдавался, а, выступив на том же собрании, просто потребовал ухода директора со своего поста. Он не сомневался нисколько, что прав во всем его кумир Лысенко, и что поэтому Вавилову нечего больше делать в науке:

"Лысенко прямо заявил: или я или Вавилов, четко и определенно и очень толково. Он говорит: пусть я ошибаюсь, но одного из нас не должно быть" (98).

Помимо открытой борьбы, коли, шлыковы, сидоровы "сигнализировали -- кому надо" -- потаенным образом. Некоторые материалы такого рода удалось посмотреть в свое время в архивах КГБ Поповскому. Еще два свидетельства грязной деятельности Шлыкова, выдававшего себя за ученого, сохранили друзья Вавилова. Оба обращения (правильнее говорить -- оба доноса) в высокие инстанции -- в ЦК партии и в НКВД были написаны Шлыковым в начале 1938 года. Как раз незадолго до этого Вавилову навязали в качестве заместителя директора ВИР Шунденко.

В первом доносе видно желание окончательно добить Вавилова, убрать его с поста директора. Шлыков пыжится представить свою писанину голосом ученого, принципиального борца за научную истину, величественного в своих научных достижениях, но изнемогающего под бременем несправедливости ("Мне... выпала здесь на долю тяжелая роль теоретической оппозиции Вавилову Н.И."), принципиального еще и потому, что он, в отличие от Вавилова -- представитель могучей партии большевиков. Вот полный текст его послания:

"В СЕКТОР НАУКИ ЦК ВКП(б)

Направляю при этом годовой отчет о работе Отдела Новых Культур Института Растениеводства и прошу оказать помощь ему в дальнейшей работе его существования.

Ликвидация его в системе ин-та Растениеводства приведет к безраздельному господству

стандартизированного теоретического мышления, поскольку мне, как руководителю Отдела, выпала здесь на долю тяжелая роль теоретической оппозиции Вавилову Н.И. Тяжелая потому, что при слабости местных партийных кадров специалистов, при ничтожной прослойке беспартийных специалистов, ориентирующихся на них, при системе проникновения в окружение Вавилова Н.И. карьеристов и врагов народа, инициатива критического к местным теоретическим и рабочим традициям обречена без помощи извне на полный провал. Я испытал это на самом себе и испытываю это повседневно.

Т. Шунденко, назначенный замом Вавилова Н.И., как полагаю и всякий другой заместитель такой волевой лукавой и своенравной натуры, по моим представлениям, является эпизодом, с которым было бы сверхоптимистически связывать реальные перспективы подлинной теоретической и практической перестройки Ин-та. Но тот же Шунденко освобожденный от постоянного и весьма искусного подавления инициативы со стороны Вавилова Н.И., облеченный доверием и призванный к полной ответственности за Институт, т. е. назначенный не замом, а директором осуществил бы скорее полнее и лучше перестройку Ин-та на практически строго целеустремленную селекционную работу и на подлинное (агрономическое и биологическое) и быстрое познание материала для селекции. Вавилов Н.И. как специалист, мог бы быть при этом использован лучше. Ин-т перестал бы быть синекурой одного человека, весьма и весьма большого специалиста, но путаника в теории, несомненно не искренне работающего на наш строй каким является Вавилов Н.И. Я не желаю быть пророком, но знаю, к этому придется придти рано или поздно. Болото, каким является Ин-т, осушить руками Вавилова Н.И. невозможно и роль его заместителей в этом отношении чудовищно тяжела, при очень скромных их возможностях в деле подбора и расстановки кадров. Эту прерогативу Вавилов оставляет всегда за собой.

Зав. отделом новых культур Шлыков Г.Н."

В доносе в ЦК партии Шлыков, как видим, явно указывает на вредитель-скую сущность Вавилова. Но он понимает, что письменные обращения в Центральный Комитет, наверняка, будут показаны разным людям -- и партийным, и беспартийным. Меры, принимаемые партийными органами против сторонников "безраздельного господства стандартизированного теоретического мышления" (кстати, это любимый тезис Лысенко), могут быть разными, секретность могут и не соблюсти. Поэтому обвинения строятся на базе, главным образом, плохого научного руководства институтом, недостаточной практической направленности работы ВИР'а.

Совершенно иначе составлен донос Шлыкова в НКВД. Из начальных строк мы узнаем, что Отчет своего Отдела новых культур ВИРа за 1937 год он послал не только в ЦК партии, но и наркому земледелия Р.И.Эйхе, теперь же он посылает его в НКВД, но придает сопровождающему отчет письму иную окраску. Шлыков ставит задачу показать, что Вавилов -- такой же враг и вредитель, как многие недавно арестованные руководители, что он состоял с ними в одной вражеской организации. Свой донос Шлыков направляет тому же Малинину, имя которого не раз всплывало в нашем рассказе в V-й главе, когда говорилось о докладных Сталину из ОГПУ, в которых чекисты представляли Вавилова врагом страны и самого Сталина.

"НКВД, тов. МАЛИНИНУ

Посылаю при этом копию моего письма к тов. Эйхе, которое является препроводиловкой к годовому отчету Отдела Новых Культур.

Этот отчет я уже послал Вам, обратив особенно внимание на введение и заключение. Хотя я

уверен, что тов. Эйхе даст ему надлежащий ход, но все же решил послать его и Вам и вот почему.

Пока еще не уничтожены бандиты -- Чернов, Яковлев и Бауман, надо выяснить, что делали они в плоскости вредительства по организации сельско-хозяйственной науки, опытных станций, постановки испытания и выведения новых сортов. Я все больше убеждаюсь, что тут могло быть разделение труда с Вавиловым как с фактическим главой научно-исследовательского дела в стране в области растениеводства за все время после Октябрьской революции. Не являлось ли внешне отрицательное отношение к нему, а некоторое время и к их марионетке Муралову А.И. прикрытием подлинного отношения как к сообщникам, -- подлости и хитрости этих людей, как доказывает процесс, нет предела.

Просто трудно представить, чтобы реставраторы капитализма прошли мимо такой фигуры, как Вавилов, авторитетной в широких кругах агрономии, в особенности старой. Не допускаю мысли, что он, как человек хорошо известных им правых убеждений, выходец из среды миллионеров, не был приобщен к их общей организации. Он хорошо известен, как сужу по произведениям Бухарина, и "правым".

Не является ли в связи с этим и шумиха, поднятая иностранной прессой в конце 1936 г. вокруг Вавилова, в связи с "гонениями" на него, затем печатание подложных некрологов по его адресу провокацией, затеянной и организованной ими же самими с его ведома? Ведь это не случайно, что материал, освещающий положение в Ин-те Растениеводства, который отчасти, в копиях находится у Вас, и который направлялся этим людям как представителям партии и Правительства, не имел положительных последствий. Мало сомнений и в том, что они могли сигнализировать Вавилову об этом материале.

В частности, кому в Президиуме ВАСХНИЛ потребовалось при издании книги "Спорные вопросы генетики и селекции" 1937 г. изъять из стенограммы моего доклада на 4 сессии Академии то место, где я докладывал о фашистском содержании концепции Вавилова. Получив почту из Академии для окончательной проверки текста доклада для напечатания, обнаружив изъятия самого существенного содержания, я письменно же, возвращая проверенный текст, протестовал против этого, но бесполезно. Значит, делаю вывод: эти люди (сборник печатался после того как все статьи читали Муралов, Бауман, Яковлев) не были заинтересованы в подлинном разоблачении теорий Вавилова и его самого. Случай этот не пустяковый: я знаю хорошо, что стенограмма моего доклада была затребована срочно в тот же день в ЦК через одного из помощников Яковлева (не помню -- фамилия грузинская), который оказался тоже врагом народа, по его словам для Баумана и Яковлева. Не симптоматично ли и то, что по поводу моего выступления со мной никто не счел необходимым переговорить, выяснить обстоятельства, приведшие меня к столь категорическим выводам относительно Вавилова и Ин-та Растениеводства. В этом докладе с фактами в руках я действительно разоблачал пустозвонство и вред теории и практики Вавилова.

Поэтому я и обращаюсь через Вас ко всей Вашей системе -- принять меры к вскрытию обстоятельств, изложенных выше. А узнать досконально о вредительстве в деле организации сельско-хозяйственной науки означает тоже, что ускоренно освободиться от последствий вредительства. В допросе Чернова не выяснена его практическая вредительская линия в отношении сельско-хозяйственной науки. И это я считаю пробелом. На разоблачении этого рода вредительской деятельности мы могли бы, кроме того, ускорить процесс объединения в системе Академии ВАСХНИЛ подлинно советских ученых.

7/3 38 Г.Шлыков".

Злоба и преступная тяга к клевете выражены в этом доносе поразительно. Думая, что всё, оказавшееся в недрах НКВД, не вырвется за пределы этого ведомства, что под страхом смерти никто не проговорится, Шлыков пишет особым языком, выводит чудовищные следствия из ерундовых фактов.

Это, неожиданно всплывшее на поверхность свидетельство эпохи партийных репрессий, конечно, не единственное, не уникальное и не выбивается из ряда других (тысяч, десятков тысяч, миллионов?) таких же доносов. Но оно показывает моральную деградацию, обусловленную царившими тогда коммунистическими порядками, глубину падения низких душонок, рвавшихся к власти, почету, научным званиям и степеням. Письмо не возымело немедленного действия. Вавилова снова не арестовали и не сняли с поста директора.

Лысенко -- президент ВАСХНИЛ

Звездный час Лысенко настал через полгода после ареста Мейстера. Эти полгода работой аппарата Президиума ВАСХНИЛ руководил Вавилов на правах вице-президента, но и обстановка уже сменилась и власть не оставляла академию в покое. Газета "Социалистическое земледелие" опубликовала 11 января 1938 года редакционную статью "Оздоровить Академию сельскохозяйственных наук. Беспощадно выкорчевывать врагов и их охвостье из научных учреждений" (99), в которой сообщалось о факте разветвленного вредительства в системе ВАСХНИЛ. А в феврале или марте 1938 года Лысенко, наконец-то, назначили Президентом ВАСХНИЛ.

Новый Президент в статье в "Правде", озаглавленной "На новых путях", 9 апреля 1938 года сообщал, что в академии действуют 13 головных институтов союзного значения, работает 34 академика и утверждал:

"Старое руководство Академии, в котором орудовали ныне разоблаченные враги народа, превратило весь состав академиков из исследователей в бюро консультаций по самым разнообразным вопросам, в канцелярию Наркомзема по делам науки" (100).

Вместо того, чтобы призвать к расширению научных исследований, новый президент задавался вопросом: "Не лучше ли было бы сократить в два--три раза штат научных работников..." (101). В этой же статье он заявил о коренном изменении требований к ученым: оказывается, теперь академики

"...должны взять пример со стахановцев. Работа стахановцев являет собой гармоничное сочетание физических процессов труда с полетом творческой мысли" (102).

Фактически это было отменой тех идей, которые проповедовал создатель ВАСХНИЛ Вавилов и другие ученые. Как объявил Лысенко,

"академик обязан -- как никто другой из научных работников -- делать самые глубокие обобщения и выводы из колхозно-совхозной практики" (103).

Через 10 дней "Правда" продолжила разговор о врагах народа, якобы окопавшихся в аппарате Президиума ВАСХНИЛ и теперь разоблаченных (104). В статье сообщалось, что секретарь парторганизации академии Поляченко

"говорил о подлой вредительской работе, которую вели враги народа в Академии и институтах, перечислял враждебные "теории", констатировал, что последствия вредительства

еще далеко не изжиты...".

"Вражеские корешки еще далеко не выкорчеваны в Академии" (105), --

писал автор статьи и упрекал Поляченко за то, что тот критиковал "врагов на-рода... в общей форме, бледно".

Заняв высокий пост, Лысенко добился того, чтобы Вавилова быстро сместили с поста вице-президента. А новый Президент спешил развить успех.

Совнарком устраивает разнос Вавилову

В мае 1938 года Лысенко еще раз показал, как хорошо он понимает чаяния вождей, как умеет разгадывать направление партийной борьбы и благодаря этому отлично решать свои личные задачи. Его, в числе крайне немногочисленной группы ученых, приглашают 8 мая на заседание Совета Народных Комиссаров СССР, которое решило рассмотреть план научно-исследовательских работ Академии наук СССР на следующий год. Формально -- всё правильно: правительство хочет знать, как будет развиваться наука Страны Советов, быть в курсе того, что ученые считают важнейшим в таком развитии, а, может быть, подсказать задачи, которые правительство считает первоочередными. Как говорилось в информационном сообщении о заседании:

"в развернувшихся оживленных прениях приняли участие тт. Кафтанов, Л.М.Каганович, Президент Сельскохозяйственной Академии им. Ленина Т.Д.Лысенко, акад. Кржижановский, Вознесенский, Молотов" (106).

Как видим, среди выступавших ученых не было (Г.М.Кржижановский -- соратник Ленина, старый большевик был инженером-электротехником, каким был ученым Лысенко, мы уже знаем). Результат заседания стал важным: Совнарком отклонил предложенную программу исследований, так как, по мнению руководителей страны:

"в некоторых институтах находит пристанище лже-наука, а представители этой лже-науки не встречают должного отпора" (107).

Это уникальное решение закрепило диктат в науке окончательно: от проводившегося в течение полутора десятилетий диктата в области гуманитарных наук руководители страны перешли к диктату в области наук естественных. План вернули в Академию для доработки, а чтобы улучшить научную работу,

"Совнарком признал необходимым пополнение новыми, в том числе молодыми научными силами состав Академии"
(108).

Пока еще не сообщалось, в каких институтах и какие ученые персонально занимаются лженаукой, хотя можно было догадываться, кого выставил на эти роли выступавший на заседании правительства Лысенко.

Но то, чего не знала широкая публика, было известно руководству Академии наук СССР, и оно постаралось оперативно принять меры. Была создана комиссия по проверке работы Института генетики. Руководить ею поручили академику Б.А.Келлеру.

За два года до этого он был вынужден уйти с поста директора Ботанического института АН

СССР, около полутора лет был директором Почвенного института АН СССР, но не удержался и там и теперь стал директором маленького Московского Ботанического сада АН СССР (нынешний огромный Ботсад АН СССР еще не был даже заложен, его позже, пользуясь своими личными связями со Сталиным, построит Цицин). Месяцем раньше Келлер опубликовал в "Правде" статью, в которой обвинил своих коллег из Ботанического и Зоологического институтов в Москве в оторванности от практики социалистического строительства (109).

Келлер знал основные принципы генетики и вплоть до конца 1936 года позволял себе писать похвально о генетике и генах (хотя и здесь тяга к преувеличениям и плохое знание предмета превалировали):

"Благодаря новым исследованиям в генетике отвлеченное понятие гена получило полную материальность... Отдельные гены в хромосомах уже почти стали доступны для глаза при помощи микрофотографии в ультрафиолетовых лучах" (110).

Позже Келлер на такие вольности не решался, а из бесед с оставшимися в живых сотрудниками вавиловского института мне стало известно, что Келлер в те дни постоянно советовался с Лысенко по всем вопросам.

Дальше события развивались быстро. В том, что решение Совнаркома вникнуть в деятельность советских ученых не было случайностью, открывшей неожиданно провал на этом фронте, все смогли скоро убедиться. Оказывается, партийные лидеры решили взять в свои руки управление точными науками, а другого предлога как ошельмовывание ученых, они не знали, почему и приступили к делу привычным путем. Чтобы показать всем, что партия отныне будет руководить наукой и технической интеллигенцией, на правительственном уровне 1-516 мая было проведено "Первое Всесоюзное совещание работников высшей школы". На нем с большой речью выступил председатель совнаркома Молотов, а 17 мая в Кремле Сталин дал банкет для ученых и преподавателей высшей школы, на котором призвал к борьбе со старыми авторитетами, "замкнувшимися в скорлупу... жрецами науки..., к ломке... старых традиций, норм, установок", якобы превратившихся в "тормоз для движения вперед" (111).

А еще через несколько дней стало ясно, кого подразумевал Сталин под этими "жрецами науки", становящимися "тормозом". 25 мая на специальное заседание собрался Президиум Академии наук СССР, чтобы детально разобрать критику в адрес институтов, упоминавшихся на заседании Совнаркома. Утром следующего же дня рупор ЦК партии -- "Правда" напечатала соответствующее сообщение (112), из которого следовало, что самое неблагополучное положение сложилось в двух академических институтах: генетики и геологии. Резюмируя итоги обсуждения Президиумом Академии наук, редакция газеты "Правда" от своего имени указывала:

"На примере вчерашнего заседания Президиума Академии наук видно, что пере-стройка работы ее учреждений еще по-настоящему не началась. Руководители академии рискуют выйти неподготовленными на общее собрание, до которого осталось всего два дня" (113).

Можно представить, какое впечатление на руководителей АН СССР про-изводили эти нападки, следующие крещендо. С 1936 года Президентом АН СССР стал В.Л.Комаров, ботаник, родившийся и выросший в Петербурге, много лет преподававший там в университете и вроде бы неплохо относившийся к Вавилову. Будучи человеком немолодым (к моменту вступления в должность Президента ему исполнилось 67 лет), опытным, а, следовательно, достаточно осторожным, Комаров, конечно, хорошо понимал, что скрывается

за бюрократическими оборотами сообщений в "Правде", и стремился снять академический корабль с мели.

Поэтому на следующий же день -- 27 мая 1938 года было назначено новое заседание президиума АН СССР. И теперь уже вместо общих разговоров о недостатках работы научных учреждений внимание было сосредоточено на деятельности Вавилова на посту директора Института генетики. И снова партийные круги вмешались в это, в общем, узконаучное обсуждение, стремясь придать более зловещий и масштабный оттенок обсуждению "промахов" академика Вавилова. На следующий день в "Правде" опять появилась, примерно на том же месте, статья по этому поводу, раскрывавшая два существенных момента: личное участие Лысенко в деле ошельмовывания Вавилова и умелое нагнетание партийными стратегами страстей в их центральном органе печати. Теперь день за днем миллионы людей в стране, разворачивая "Правду", узнавали всё новые подробности грехопадения недавнего лидера биологической и агрономической науки. 28 мая в "Правде" сообщали, что вавиловский "Институт отмежевался от научных работ Т.Д.Лысенко", и что именно Лысенко, выступивший на заседании, обвинил Вавилова в том, что его "институт не занимается разработкой настоящей ведущей теории, как базы всех работ... Совершенно не отражены идеи Мичурина. Развитие мичуринского наследия в стране идет без помощи и участия института. Напротив в нем распространены антимичуринские и антидарвинистские взгляды" (114).

В газете сообщалось: что

"в оживленных прениях было указано, что многие работники института генетики некритически следуют по стопам буржуазной науки; не изжиты еще традиции раболепия перед ней. Участники заседания приветствовали согласие академика Т.Д.Лысенко поставить свои работы в стенах института генетики.

Отделению математических и естественных наук поручено провести широкую научную дискуссию о проблемах генетики с привлечением работников института философии" (115).

Президиум Академии наук счел за благо пойти на поводу у политиканов и, заявляя о желании привести научную работу в соответствие с требованиями партии, записал в своем решении, используя сталинскую терминологию:

"... чтобы подняться на уровень этих требований... Академия должна ломать и разбивать отжившие традиции и навсегда отказаться от раболепия по отношению к ним. Между тем, в некоторых институтах до сих пор раболепие перед антинаучными фетишами далеко не изжито" (116).

При этом назывался лишь один институт, подпадающий под такой приговор, и одно лицо, ответственное за плохую работу академии в целом:

"Примером является Институт генетики... Раболепие перед реакционными антидарвинистскими идеями западной науки заставило этот институт пройти мимо замечательных идей Мичурина" (117).

Итак, с подачи Лысенко Институт генетики попал в разряд критикуемых, оставаясь ведущим институтом в мире по этой специальности12. В этих условиях Вавилов решил публично признать свои ошибки и наметить шаги для их исправления. В сообщении с собрания Института генетики говорилось:

"На активе Института генетики были вскрыты корни реакционных тенденций в генетике... Речь товарища Сталина, которая во много раз увеличила смелость и силу советской научной мысли, ее способность ломать отжившие традиции, должна стать и на участке советской генетики исходным пунктом нового плодотворного подъема" (119).

В обнародованном вскоре Постановлении Президиума Академии наук СССР и научные и политические ошибки института объяснялись просто:

"Эти недостатки в значительной степени связаны с направлением работ акад. Н.И.Вавилова, который в своем законе гомологических рядов исходит из представления, что организм -- это мозаика генов и, с известными поправками, указанный взгляд проводит и до сих пор...

В Институте, в общем, преобладает узко хромозомальный подход к явлениям наследственности, характерный для формальной генетики..." (120).

Был в постановлении пункт, касавшийся лично Лысенко:

"Президиум Академии Наук приветствовал согласие акад. Т.Д.Лысенко организовать в Институте генетики научную работу на основании разработанных им теоретических построений и методов" (121).

Так "колхозный академик" одним махом решил двоякую задачу: выставил Вавилова к позорному столбу и сам внедрился в Академию наук, причем непосредственно в Институт Вавилова, где ему было предоставлено право создать отдел. В Москву срочно перевели из Одессы его ближайших сотрудников и в их числе И.Е.Глущенко, А.А.Авакяна и Г.А.Бабаджаняна.

Казалось бы, теперь ученые учли требования руководства страны, а виновные признали ошибки и взялись за их исправление. Газета "Правда" 27 июля 1938 года сообщила, что в "июле Президиум Академии наук предоставил Сове-ту Народных Комиссаров СССР "новый" план на 1938 год" (122), но уже то, что слово "новый" было взято в кавычки, говорило об отношении к нему: Совнарком и на этот раз отклонил план на том основании, что "..."новый" план повторил недостатки старого" (123). Известив об этом очередном проявлении силового отношения к научным разработкам (заметим, отклонялись генетические направления, которые всего через четверть века стали называть не иначе как с добавлением самых возвышенных эпитетов, и по которым Советский Союз имел неплохой задел). Через день "Правда" дала понять, какие ученые и какие результаты будут отныне приветствоваться властями: её передовая была названа "Науку -- на службу стране", и в ней превосходные оценки высказывались в адрес "Т.Д.Лысенко, крестьянского сына", который, оказывается, уже стал "крупнейшим мировым ученым", причем, "в небывало короткий срок", и "чьи труды обильным урожаем расцветают на колхозных и совхозных полях!" (124). "Блестящими работами" были названы и яровизация, и переопыление сортов, и летние посадки картофеля!

В соответствии с приказом свыше, началось быстрое выдвижение новых членов Академии наук. Оно происходило под контролем утвержденной Политбюро ЦК КПСС комиссии в составе Маленкова, Щербакова, Вознесенкого, Кафтанова и Большакова (125). На 50 вакансий академиков
и 100 членов-корреспондентов АН СССР претендовали 248 и 501 кандидат, соответственно. Как писала в начале января 1939 г. газета "Правда", среди участвующих в конкурсе на звание академика есть "такие имена как Лысенко, Ширшов [полярный исследователь], Ал. Толстой, Вышинский и другие, заслуженно пользующиеся уважением народа". 10 января Келлер высказался на страницах "Правды" о желательности выбора в академики Цицина (126). 11

января Бах, Келлер и другие обрушились с уже описанными выше политическими нападками на Кольцова и Берга (127). 16 января уже в передовой статье было сказано:

"Нет в нашей стране человека, который бы не знал имени Т.Д.Лысенко, Н.В.Цицина. Эти выдающиеся ученые служат народу" (127).

Выборы состоялись 29-30 января 1939 года и закончились еще одной победой Лысенко: 29 января академиком избрали Цицина, а на следующий день, после небольшой заминки был избран и он сам (в первом туре ему не хватило голосов, и руководство академии потребовало переголосовать). Теперь он стал членом трех академий, а Политбюро ЦК решением от 26 января 1939 года ввело его в состав Президиума АН СССР (129). Одновременно стали членами АН СССР Сталин (почетный академик) и Вышинский. Так Академия наук СССР получила "достойное" пополнение, и работа ее "в правильном направлении" была обеспечена.

Лысенко усиливает борьбу с Вавиловым

Что и говорить, когда все мелкие факты, коротенькие заметочки в газетах, равно как и поражающие степенью злобствования цитаты лысенковских клевретов, извлеченные из многословных, витиеватых писаний, выстраиваются в ряд -- получается жуткая картина. День за днем, час за часом плел Лысенко свою паутину -- строго упорядоченную, тонко продуманную. Одна линия усиливалась другой, плелись связки между нитями, новые силы вводились в действие, чтобы укрепить всю сеть, не дать жертве вырваться из нее.

За десятилетия, которые канули в лету, эта сеть исчезла от взоров, и нелегко восстановить даже узловые ее точки, ибо, как рассыпавшееся мозаичное панно превращается в хаотичную груду цветных камешков, так и выписанные из разных источников цитаты долго не складывались в одно целое. В отдельности каждый факт и фактик были яркими, я пытался составить из них нечто единое, хотя бы отдаленно напоминающее первоначальную картину, и при каждом движении вперед сердце сжималось. Мелкие, ничтожные -- и по масштабу дел и по помыслам -- паучки старательно и кровожадно затягивали множество жертв и среди них нескольких гигантов. Они плели и плели свою липкую паутину, обволакивали становящихся всё более безоружными гигантов и душили их, понимая, что в зловонной атмосфере той поры их сети не порвет ветер очищения, ибо всё пространство вокруг также пронизано липкими нитями, уже оплетено другими пауками... и паучки торопились, спешили занять оставленную для них нишу.

Но когда факты стали на место, когда принципиальные очертания сатанинской сети прояснились, мне стало невыносимо тяжко. Господи, -- спрашивал я, -- как это стало возможным? Описать это трудно, а как же было жить в те годы, как переносить каждодневную муку -- прежде всего нравственную, но и чисто физическую тоже? И как хватало сил у главного паука и всех его отродьев на пакостную их работу?

Конечно, задумываясь над этим, я видел много причин и объяснений этому псевдоподвижничеству. Я понимал также, что, начав свой "труд", они не могли уже остановиться, не задушив всех жертв до смерти, иначе бы сами полетели вниз. А всё отпущенное им судьбой время они тратили без остатка на такую вот деятельность, так как ничего другого за душой не имели и ни к чему стоящему в жизни так и не сподобились. Интрига -- одна всё пожирающая страсть занимала дни и ночи. Они стали мастерами интриги, интриганами с большой буквы. А жажда славы дразнила, манила, подталкивала. Хотелось большего.

Поэтому-то, добившись еще одного решающего успеха в жизни, оттеснив достойных занять место действительного члена Академии наук СССР и прежде всего достойнейшего из достойных -- Кольцова и став -- через это -- "троекратным академиком", Лысенко не помягчел, не успокоился и грязных трудов не оставил. С утроенной энергией он продолжил борьбу с Вавиловым, Кольцовым и другими генетиками.

Буквально через день после избрания в "большие академики", 1 февраля 1939 года, он очередной раз ударил по Вавилову. В этот день в газете "Соцземледелие" была напечатана статья Вавилова "Как строить курс генетики, селекции и семеноводства" (130). В ней Николай Иванович уже твердо отстаивал позиции генетики в споре с лысенкоистами и писал:

"Отворачиваться от современной генетики нельзя нам, работникам Советской страны. Предложения, которые иногда приходится слышать о кризисе мировой генетики, о необходимости создания какой-то самобытной генетики, не считающейся с мировой наукой, должны быть отвергнуты. Тому, кто предлагает изъять современную генетику, мы прежде всего предлагаем заменить ее равноценными величинами. Пусть заменят хромосомную теорию новой теорией, но не той, которая отодвигает нас на 70 лет назад" (131).

Редколлегия газеты заранее познакомила Лысенко со статьей Вавилова. Статья привела Трофима Денисовича в ярость, и он написал "Ответ акад. Вавилову" (132), опубликованный в этом же выпуске газеты. В нем содержались нападки самого грязного политиканского свойства. Автор, например, писал:

"Н.И.Вавилов знает, что перед советским читателем нельзя защищать менделизм путем изложения его основ, путем рассказа о том, в чем он заключается" (133).

Пугая миллионные массы читателей газеты абсурдными приговорами генетике (в самом деле, а почему вдруг советские читатели не могут быть познакомлены с основами науки о наследственности? Что, это -- антисоветчина?), Лысенко обвинял Вавилова в идеализме и реакционности и продолжал:

"Особенно невозможно стало это теперь, когда миллионы людей овладевают таким всемогущим теоретическим оружием, как "История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), краткий курс"13 . Овладевая большевизмом, читатель не сможет отдать своего сочувствия метафизике, а менделизм и есть самая настоящая, неприкрытая метафизика" (135).

После этой публикации многие генетики направили возмущенные письма в редакцию газеты, постоянно и нарочито встававшей на защиту интересов Лысенко. В редакцию написали Жебрак, молодые сотрудники МГУ Н.Шапиро и М.Нейгауз. (Последний из упомянутых погиб в первые же дни войны, уйдя на фронт в отряде добровольцев, и, спустя сорок лет, Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская вспоминала в лекции в день своего 80-летнего юбилея: "Почти все добровольцы, ушедшие из МГУ на фронт -- с палками против танков, -- погибли. Среди них был Миша Нейгауз, напоминавший мне Пьера Безухова, близорукий и добрый. Он погиб уже на 10-й день войны").

Ни одно из писем напечатано не было. Вместо этого редакция решила усилить впечатление критики генетики, опубликовав 14 июня 1939 г. коллективное письмо студентов Тимирязевской академии "Изгнать формальную генетику из вузов" (136). Приводя слова Лысенко "вещество наследственности морганистами выдумано, в природе оно не существует", студенты уверенно заявляли, что "представление о гене противоречит материалистической диалектике", требовали изъять новый учебник для вузов, написанный

Гришко и Делоне (137), сокрушались, что "адепт... формальной генетики Жебрак... все еще продолжает читать нам лекции", соглашались с Лысенко, что преподавание генетики надо полностью запретить в вузах, и в предпоследнем абзаце отвергали заявление Вавилова, "что отбрасывание генетики отодвинет биологию на 70 лет назад". "Это неверно, -- заявляли они. -- Оставление ее, по нашему мнению, отбрасывает биологию в средневековье". Они заканчивали свое письмо просьбой к академику Лысенко написать новый учебник "советской генетики или же, в крайнем случае, возглавить бригаду работников по его составлению".

Сотрудник редакции Д.Криницкий опубликовал 8 сентября умело состряпанный "Обзор писем в редакцию", в котором сообщил, что большинство читателей, а также студенты Тимирязевки не хотят, чтобы их родная академия превращалась в рассадник менделизма-морганизма. Тогда Валентин Сергеевич Кирпичников, перешедший к этому времени на должность доцента Мосрыбвтуза, отправил письмо в три адреса -- в редакцию газеты "Соцземледелие", в сельхозотдел ЦК ВКП(б) и секретарю ЦК А.А.Жданову. В нем он осудил практику ознакомления лысенкоистов с письмами генетиков и замену настоящей критики заушательскими приемчиками:

"...мы, молодые советские ученые, окончившие советские ВУЗ'ы, открыто защищающие менделизм и морганизм от всех нередко злобных или неграмотных нападок, считающие современную "хромосомную" генетику сильнейшей опорой дарвиновского учения -- мы не можем понять, как советская газета может допускать такие методы обсуждения.

...газета давно уже перешла к травле так называемой "формальной" генетики...

Мы спрашиваем Вас, тов. Редактор, какие цели преследует редакция, стараясь обмануть читателя, дискредитировать и свою газету и науку Советского Союза в глазах как наших ученых, так и всех дружески настроенных по отношению к СССР ученых капиталистических стран?" (138).

Письмо это (под которым подписалось еще несколько молодых генетиков) осело, однако, в редакционной корзине. Защитить генетику от произвола коммунистов, командовавших в редакциях газет, не удалось.

А в это время другой серьезной антивавиловской акцией стал созыв в Москве под эгидой Наркомзема СССР Всесоюзного Совещания по селекции и семеноводству. В течение недели -- с 27 февраля по 4 марта 1939 года -- представители "мичуринского" учения укрепляли свои позиции в дискуссии с генетиками, изображая из себя глухих и представляя генетиков упрямыми тупицами. Совещание открылось двумя докладами, затем перешли к прениям (139). Оба докладчика -- заведующий отделом селекционных станций Главного сортового управления А.Я.Френкель и Лысенко говорили одно и то же. Положения генетики отвергались как неверные и вредные.

"Из доклада тов.
 Френкеля стало очевидно, что Главное сортовое управление Наркомзема пришло на Всесоюзное совещание с твердым намерением в дальнейшем строить... работу своих станций на основе дарвинизма, мичуринского учения" (140).

Одно то, что оппонентам Лысенко в праве на доклад было отказано, ставило их в положение обороняющихся. Выступившие в прениях И.Г.Эйхфельд, А.В.Пухальский (Шатиловская селекционная станция)14, П.П.Лукьяненко (Краснодарская селекционная станция) и многие другие, каждый одними и теми же словами, выражали свое несогласие с законами генетики и утверждали, что только взгляды Лысенко правильны. Отрицая правоту учения Менделя и

Моргана, Эйхфельд шел даже дальше других:

"Все действительно наблюдаемое в природе и не подтасованное говорит о том, что правы Дарвин, Мичурин, Лысенко" (141).

Вавилов также выступил в прениях и, уже не боясь обидеть Лысенко, сказал об архаичности его построений, о том, что

"...сторонники... Лысенко без всякого основания выбрасывают... опыт "мировой науки" ...в то время как подлинная мировая наука идет по пути, указанному Менделем, Иоганнсеном, Морганом" (142).

Сходно выступил профессор Жебрак, после чего Презент и Лысенко в категорической форме отвергли все их доводы (143). Лысенко нашел ловкий ход в полемике, представив (в который уже раз!) Вавилова эдаким пустомелей и поверхностным человеком.

"Высказывания Вавилова на совещании настолько неясны, настолько научно неопределенны, что из них можно сделать только один вывод: "сорта падают с неба"", --

объявил он (144). Не удержался он и от черных политических выпадов -- дал понять, что Вавилов проповедует фашизм. Сделал он это в следующих выражениях:

"Н.И.Вавилов ссылался все время в своей речи на ученого Рёмера, который написал свою книгу в Германии уже в годы фашизма. Я предубежден против теперешней науки в Германии, трактующей о постоянстве, о неизменности расы" (145).

Итоги совещания подвел нарком земледелия СССР Бенедиктов, полностью вставший на позиции Лысенко:

"Наркомзем СССР поддерживает академика Лысенко в его практической работе и в его теоретических взглядах и рекомендует селекционным станциям применять его методы в семеноводческой и селекционной работе" (146).

Президиум ВАСХНИЛ заявляет,

что работа ВИР неудовлетворительна

Число томов вавиловского дела, которое тайно вели в НКВД, перевалило за пять. 13 декабря 1938 года было заведено новое "Агентурное дело 300669". На обложке первого из них крупными буквами было выведено "ГЕНЕТИКА", а среди первых материалов лежала копия докладной записки "О борьбе реакционных ученых против академика Лысенко Т.Д.", составленная и подписанная заместителем наркома внутренних дел, кандидатом в члены ЦК ВКП(б) Б.З.Кобуловым (147). Автор записки подводил итог многолетней слежки за Н.И.Вавиловым, квалифицировал его действия как враждебные советской власти и реакционные, и утверждал, что академики Вавилов и Прянишников "усиленно пытаются дискредитировать Лысенко как ученого" (148). Тем самым органы НКВД настаивали на аресте Вавилова. Казалось, вот-вот они добьются своего, и Вавилов будет убран с дороги Лысенко, а тогда сами собой от страха замолкнут и другие противники и оппоненты Лысенко. Но докладная Кобулова -- заместителя вроде бы всесильного Берия (и тех, кто водил пером Кобулова) -- не привели к такому результату. Санкции на арест сверху не поступило, хотя очевидно, что либо кто-то науськивал кобуловых, либо страна уже так погрязла в беззаконии, что кобуловы уже не могли остановиться в нагнетания истерии

борьбы с врагами.

27 ноября 1987 года, выступая с воспоминаниями о своем отце, друге Вавилова, -- Г.С.Зайцеве (том самом ученом, закономерности которого натолкнули Лысенко на проведение работы по влиянию низких температур на растения, см. об этом главу 1), Мария Гаврииловна Зайцева рассказала, что бывала в доме Вавиловых, дружила с детьми Николая Ивановича, и один из рассказанных ею эпизодов ясно показывает, что Вавилов прекрасно осознавал, что в любую минуту его могут арестовать:

"Я вспоминаю, как однажды мы с братом пришли к Олегу [старшему сыну Н.И.Вавилова -- В.С.] ...чтобы повидаться с Николаем Ивановичем. Известно было, что он приедет. Николай Иванович забрал нас всех, и мы отправились в кино. В это время шел "Петр Первый". Мы поехали с ним в кинотеатр "Центральный" ... Мы были уже в последних классах школы...

Мне вспоминается еще одна встреча, в общем уже печальная... Это было время, когда уже сгущались тучи. Я помню, мы приехали к Олегу. /Дома/ был Николай Иванович, потом пришел Сергей Иванович [младший брат Н.И.Вавилова -- В.С.], устроился в бабушкиной комнате на маленьком сундучке. И вот состоялся разговор. Н.И. сказал с горечью, что, садясь в поезд в Ленинграде, он никогда не бывает уверен, что доедет до Москвы. И потом он предупредил нас, детей, чтоб мы были осторожны. Оторвал кусочек бумаги и написал несколько строк по-английски. Смысл их заключался в следующем: "Если вы хотите, чтоб с ваших уст не соскочило ничего лишнего, прежде всего подумайте, о ком вы говорите, кому вы говорите, где и когда..."" (149).

Однако вне семейного круга Вавилов оставался таким же, как всегда, уверенным, спокойным, собранным. Он по-прежнему руководил громадой ВИР'а и Институтом генетики АН СССР, но Лысенко и его подпевалы не оставляли любых попыток опорочить работу Вавилова.

23 мая 1939 года под председательством Президента ВАСХНИЛ Лысенко и временно исполнявшего обязанности вице-президента Лукьяненко (в стенограмме этого заседания, приведенной Медведевым, видимо, имеется ошибка, так как Лукьяненко назван вице-президентом /150/) на заседании Президиума ВАСХНИЛ был заслушан отчет дирекции ВИР. Новые руководители академии устроили докладчику -- Вавилову настоящую обструкцию. Стенограмма этого заседания -- документ, показывающий моральное падение людей, занявших высокие административные посты и призванных развивать науку, а не разрушать её.

После того, как Вавилов начал рассказывать о работах ВИР'а и кратко коснулся разработки научных основ селекции, которая, по его словам, строилась "всецело на основе эволюционного учения Дарвина", после того, как он поведал о значительном числе первоклассных специалистов, воспитанных в ВИР'е, о многогранной и редкой для ВАСХНИЛ тех лет работе, его начали прерывать. И Лысенко, и Лукьяненко стали бомбардировать Николая Ивановича вопросами, не имевшими никакого отношения ни к сегодняшней деятельности самого Вавилова как ученого и как директора ВИР, ни к тем проблемам, которые были подняты в докладе Вавилова.

Смысл вопросов и форма, в которой они задавались (особенно старался Лукьяненко15, буквально домогавшийся побольнее уязвить Вавилова), сводились к одному -- голословно продемонстрировать собравшимся, что деятельность Вавилова носит антимарксистский и антиленинский характер:

"П.П.Лукьяненко: Вы считаете, что центр происхождения человека где-то там, а мы

находимся на периферии.

Н.И.Вавилов: Вы неправильно поняли. Я не считаю, а это несомненно, что человечество возникло в Старом свете тогда, когда в Новом свете человека не было. Все данные, которыми располагает наука, говорят о том, что человек пришел в Америку недавно. Человечество возникло в третичном периоде и локализовалось в Южной Азии, Африке, и в отношении человека можно говорить объективно.

П.П.Лукьяненко: Почему Вы говорите о Дарвине, а почему Вы не берете примеры у Маркса и Энгельса?

Н.И.Вавилов: Дарвин работал по вопросам эволюции видов раньше. Энгельс и Маркс высоко ценили Дарвина. Дарвин это не все, но он величайший биолог, доказавший эволюцию организмов.

П.П.Лукьяненко: Получается так, что человек произошел в одном месте, я не верю, чтобы в одном месте произошел.

Н.И.Вавилов: Я Вам уже сказал, что не в одном месте, а в Старом свете, и современная наука, биологическая, дарвинистическая наука говорит о том, что человек появился в Старом свете и лишь 20-25 тысяч лет назад человек появился в Новом свете. До этого периода в Америке человека не было, это хотя и любопытно, но хорошо известно.

П.П.Лукьяненко: Это связано с Вашим взглядом на культурные растения?

Н.И.Вавилов: Моя краткая концепция эволюции культурных растений, моя основная идея, положенная в изучение материалов, заключается в том, что центр происхождения видов растений -- это закон и что один и тот же вид растений в разных местах независимо не возникает, а распространяется по материкам из одной какой-то области.

П.П.Лукьяненко: Вот говорят о картофеле, что его из Америки привезли -- я в это не верю. Вы знаете, что Ленин говорил?

Н.И.Вавилов: Об этом говорят факты и исторические документы. Я с большим удовольствием могу Вам об этом подробнее рассказать.

П.П.Лукьяненко: Я Вам основной вопрос задал, получается так, что если картофель появился в одном месте, то мы должны признать, что...

Т.Д.Лысенко: Картофель бы ввезен в бывшую Россию. Это факт. Против фактов не пойдешь. Но не об этом речь. Речь идет о другом. Прав товарищ Лукьяненко. Речь идет о том, что если картофель образовался в Америке, то значит ли это, что в Москве, Киеве или Харькове он до второго пришествия из старого вида не образуется? Могут ли новые виды пшеницы возникать в Москве, Ленинграде, в любом другом месте? По-моему, могут образовываться. И тогда как рассматривать Вашу идею о центрах происхождения -- в этом дело?..." (152).

Вот так и приходилось Вавилову, вместо того чтобы обсуждать на заседании высшего органа сельскохозяйственной науки СССР, Президиуме ВАСХНИЛ, серьезные научные вопросы, вести полемику с малообразованными людьми, оспаривающими с апломбом элементарные истины.

Когда позже Вавилов говорил об оценке роли приспособлений у растений к определенным

условиям внешней среды и вспоминал взгляды на эти вопросы своих учителей -- Геккеля и Бэтсона, Лукьяненко снова его прервал:

"Н.И.Вавилов: ...Когда я учился у Бэтсона -- это был самый крупный ученый, учился я сначала у Геккеля -- дарвиниста, потом у Бэтсона...

П.П.Лукьяненко: Антидарвиниста.

Н.И.Вавилов:
Ну нет, я Вам когда-нибудь расскажу о Бэтсоне, наилюбопытнейший, интереснейший был человек.

П.П.Лукьяненко: А нельзя ли Вам поучиться у Маркса? Может быть поспешили, обобщили, а слово не воробей.

Н.И.Вавилов: Вышла недавно книжка Холдейна. Это любопытнейшая фигура, член английской коммунистической партии, крупный генетик, биохимик и философ. Этот Холдейн написал интересную книгу под названием "Марксизм и наука", где попытался...

П.П.Лукьяненко: И его разругали.

Н.И.Вавилов: Конечно, буржуазная пресса его разругала, но он настолько талантлив, что и ругая его, им восхищаются. Он показал, что диалектику нужно применять умеючи. Он говорит, что марксизм применим в изучении эволюции, в истории, там, где сходятся много наук: там, где начинается комплекс, там марксизм может многое предугадать -- так же, как Энгельс предугадал за 50 лет современные открытия. Я должен сказать, что я большой любитель марксистской литературы, не только нашей, но и заграничной. Ведь и там делаются попытки марксистского обоснования.

П.П.Лукьяненко: Марксизм единственная наука. Ведь дарвинизм только часть, а ведь настоящую теорию познания дали Маркс, Энгельс, Ленин. И вот когда я слышу разговоры, относящиеся к дарвинизму, и ничего не слышу о марксизме, то ведь может получится так, что, с одной стороны, кажется все правильно, а если подойдешь с другой стороны, то окажется совсем другое16.

Н.И.Вавилов: Я Маркса 4-5 раз штудировал и готов идти дальше. Кончаю тем, что заявляю, что коллектив института состоит в основном из очень квалифицированных работников, больших тружеников, и мы просим Академию и Вас, тов. Лукьяненко, помочь коллективу создать условия для здоровой работы. А вот эти ярлыки, которые столь прилипчивы, нужно от них избавиться" (157).

Результатом этого заседания стало беспрецедентное решение: по предложению Лысенко согласный с ним Президиум ВАСХНИЛ объявил работу ВИРа неудовлетворительной (158). Осенью того же года в отсутствие Вавилова Лысенко издал приказ о полной смене Ученого Совета ВИР. Из него были выведены самые крупные ученые института и самые близкие Вавилову сотрудники: Г.Д.Карпеченко, Г.А.Левитский, М.А.Розанова, Е.Ф.Вульф, Л.И.Говоров, К.И.Пангало, Н.А.Базилевская, Е.А.Столетова, Ф.Х.Бахтеев, Н.Р.Иванов, Н.В.Ковалев, И.В.Кожухов. Вавилов, вернувшись из командировки, написал протест наркому И.Бенедиктову, и приказ Лысенко был отменен. На этот раз Вавилову удалось защитить своих людей.

Пришедший к руководству аппаратом НКВД Берия (с которым Вавилов много раз встречался

в семейном кругу и во время своих поездок в Грузию и позже) в июле 1939 года направил Председателю Совета Народных Комиссаров СССР Молотову письмо, в котором фактически просил санкции на арест Вавилова на том основании, что

"по имеющимся сведениям, после назначения академика Т.Д.Лысенко Президентом Академии сельскохозяйственных наук Вавилов и возглавляемая им буржуазная школа так называемых "формальных генетиков" организует систематическую кампанию, которая призвана дискредитировать академика Лысенко как ученого" (159).

Но санкции на арест Вавилова снова не поступило. Возможно, власти останавливало международное признание Вавилова, возможно, это произошло потому, что деятельность Вавилова была неразрывно связана с судьбами сельского хозяйства -- самого уязвимого звена советской экономики. Руководители страны, несмотря на подстрекательство Лысенко и лысенкоистов, медлили с расправой, понимая, что этим могут еще больше навредить и сельскому хозяйству и престижу страны. Такая нерешительность могла кое-кого удивлять, так как в других областях науки и культуры расправа наступала быстрее (но, правда, и такой остроты борьбы в этих областях естественных наук не было).

Поэтому Лысенко и его покровители были вынуждены расширять арсенал средств, применявшихся для того, чтобы опорочить и самого Вавилова и науку. О том, как они трудились, говорит находящееся в следственном деле Вавилова донесение "зам. нач. 3 отдела ГЭУ НКВД лейтенанта госбезопасности" (подпись неразборчива) от февраля 1940 г. с грифом "Совершенно секретно", в котором был повторен старый навет, что "ВАВИЛОВ Н.И. изобличается как активный руководитель разгромленной к.-р. организации "Трудовой крестьянской партии"" (160). Новых доказательств причастности к этой партии представлено не было (были повторены старые оговоры Вавилова, сделанные Д.В.Домрачевым, Калечицем, Сизовым, Писаревым, Максимовым, Белицером, Гандельсманом, Кузнецовым, Тулайковым, А.Б.Александровым. Максимовым, Талановым, Кулешовым и др.). Снова на свет была вытащена выдумка Тулайкова, что его втянули во вредительскую деятельность Вавилов и Бухарин. Все эти домыслы чекисты не раз уже направляли наверх, призывая власти дать санкцию на арест Вавилова. А вот действительно новым стало то, что вредительским было названо открытие им гомологических рядов изменчивости:

"Продвигая враждебные теории (закон гомологических рядов), боролся сам и давал установки бороться против теории и работ советских ученых, имеющих решающее значение для сельского хозяйства СССР (теория и работы ЛЫСЕНКО, работы МИЧУРИНА)" (161).

Дискуссия о генетике в 1939 году в редакции

партийного журнала

Число публикаций в печати, направленных против Вавилова нарастало (162). Развязка могла наступить в любой момент. Одновременно разговоры о необходимости серьезного и открытого обсуждения проблем генетики не раз возникали на разных уровнях. Возможно, последним толчком к созыву такого совещания стало письмо в ЦК ВКП(б) на имя А.А.Жданова группы ведущих ленинградских ученых, отправленное весной 1939 года. В его подготовке принимали участие Г.Д.Карпеченко, Г.А.Левитский, М.А.Розанова и молодой научный сотрудник, аспирант Карпеченко -- Д.В.Лебедев (щадя его, составители письма запретили ему подписываться: "Вам не надо подписывать. Вы аспирант", - сказал Карпеченко). Под письмом поставили подписи 12 человек, вместе с уже указанными учеными -- И.И.Соколов (университетский цитолог), Ю.И.Полянский (тогда профессор Института имени Герцена), Ю.М.Оленов, И.И.Канаев, А.П.Владимирский, А.И.Зуйтин,

М.Е.Лобашев, Б.И.Васильев (трое последних -- доценты ЛГУ) (163). На шести страницах были изложены мысли, мучившие многих биологов: было сказано о сложившейся кризисной и просто трагической обстановке, когда теоретические направления и прежде всего генетика подвергалась атакам без всяких оснований. Было указано на то, что отказ от генетики может привести к страшным провалам в практике. Вместе с тем письмо было составлено в спокойных тонах, хотя вещи были названы своими именами. Оно было рассмотрено 29 июня 1939 года секретариатом ЦК партии (Жданов, Андреев, Маленков) и было решено поручить редакции идеологического журнала ЦК ВКП(б) "Под знаменем марксизма" провести совещание, на котором заслушать ученых, принять по результатам обсуждения резолюцию и свои предложения представить в ЦК партии (164).

Таким образом, самим фактом переноса дискуссии из аудиторий ученых в редакцию партийного журнала дискуссии был придан чисто политический оттенок. Забегая вперед, нужно отметить то, чего не знали и не могли знать участники дискуссии, выступавшие под знаменем генетики, и что, наверняка, было известно лысенкоистам: перед началом дебатов руководитель совещания, весьма близкий к Сталину советский философ, не по заслугам проведенный в академики АН СССР М.Б.Митин17, известный своим раболепным отношением к Лысенко, был вызван на инструктаж в ЦК партии, где получил директиву -- поддержать Лысенко и его сторонников (7 января 1982 года профессор В.П.Эфроимсон уверял меня, что у него есть точные сведения, что Митина вызывал к себе сам Сталин и лично дал такую директиву).

Дискуссия началась 7 октября 1939 года и продолжалась неделю -- до 14 октября. Все до одного ученые, подписавшие письмо 12-ти, получили на нее персональные приглашения. Лысенкоисты с первого же дня показали, что им не страшны никакие враги в мире и вновь объявили (но уже в гораздо более жесткой форме) генетику лже-наукой, мешающей развитию социалистического сельского хозяйства. На попытки некоторых из участников дискуссии разделить представителей биологической науки в СССР на две группы -- практиков, недостаточно хорошо разбирающихся в теории, и теоретиков, не до конца осознающих запросы практики, был дан ответ:

"...двух спорящих групп нет... Именно нет группы Лысенко, а есть оторвавшаяся от практической жизни небольшая ОТЖИВАЮЩАЯ группа генетиков, которая СОВЕРШЕННО СЕБЯ ДИСКРЕДИТИРОВАЛА в практике сельского хозяйства" (/165/, выделено мной -- В.С.)

Произнесший этот приговор генетике директор Всесоюзного института животноводства ВАСХНИЛ В.К.Милованов заявил далее, что "формальная гене-тика принесла громадный вред нашему животноводству", а академик Келлер, забывший в одночасье о своих недавних словах одобрения достижений генетики, утверждал, что "формальная генетика выхолостила дарвинизм" (166). Последнее рассматривалось как страшный грех, ибо дарвинизм считали неотторжимой частью коммунистических доктрин.

Некоторые лица, хорошо разбиравшиеся в сути генетики, пошли на поводу у лысенкоистов. Так, Б.М.Завадовский продолжал следовать своей линии "умиротворения" Лысенко:

"Я делаю тот вывод, что формальная генетика, как система, себя опорочила, формальная генетика, как система, себя не оправдала, и ПОТОМУ ОНА НЕ ИМЕЕТ ПРАВА НА СУЩЕСТВОВАНИЕ" (/167/, выделено мной -- В.С.).

С.И.Алиханян18, высказавший здравые мысли о роли генетики в современной науке, в одном вопросе не удержался и поддержал Лысенко. Последний часто нападал на законы Менделя --

первые математически обоснованные законы генетики, заявляя, что они не могут объяснять биологические закономерности, так как математика и биология -- разные дисциплины. Теперь Алиханян, пытаясь отмежеваться от критики Лысенко, пошел у него на поводу, сказав, что

"...ни один генетик биологических явлений математическими законами не объясняет" (168).

Совершенно иначе повел себя молодой сотрудник вавиловского
 института Ю.Я.Керкис. Он не пожалел времени на проведение серии опытов по так называемой вегетативной гибридизации -- передачи наследуемых признаков в результате прививок одного растения на другое. Выступление Керкиса, докладывавшего конкретные результаты, опровергавшие это утверждение Лысенко и Глущенко, было особенно неприятно Лысенко, и он перебил его, выкрикнув с места: "Помимо головы, нужны еще руки" (169). Керкис парировал реплику, напомнив собравшимся курьезное заявление лидера "мичуринцев", которое без сомнения шокировало бы любого ученого. Он вспомнил слова Лысенко: "...для того, чтобы получить определенный результат, нужно хотеть получить именно этот результат; если вы хотите получить определенный результат, вы его получите" (170), а также привел принцип отбора кадров, выдвинутый Лысенко: "Мне нужны только такие люди, которые получали бы то, что мне надо" (171). Лысенко ничуть не смутился, ничего странного и шокирующего в этих своих высказываниях не усмотрел. В стенограмме совещания читаем:

"Лысенко: Правильно сказал." (172).

С большой речью на совещании выступил Вавилов, полностью отказавшийся от попыток компромисса с Лысенко ("заимствовать лучшее друг у друга", как он интеллигентно призывал во время дискуссии 1936 года)19. Теперь это был другой человек, до конца разобравшийся в устремлениях Лысенко, стоящий на позициях науки и готовый их отстаивать в борьбе с ВРАГОМ:

"Мы стоим в советской селекции и генетике перед рядом глубочайших противоречий, имеющих тенденцию к дальнейшему углублению (174) ...позиции Лысенко находятся не только в противоречии с группой советских генетиков, но и со всей современной биологической наукой... Под названием передовой науки нам предлагают вернуться, по существу, к воззрениям, которые пережиты наукой, изжиты, т. е. к воззрениям первой половины или середины XIX века... то, что мы защищаем, есть результат огромной творческой работы, точных экспериментов, советской и заграничной практики" (175).

Не менее категоричен был и Лысенко, который не только не желал слышать какие-либо замечания, но громче, чем раньше, отвергал любую критику:

"Я не признаю менделизм... я не считаю формальную менделевско-моргановскую генетику наукой (176). Мы, мичуринцы, возражаем... против хлама, лжи в науке, отбрасываем застывшие, формальные положения менделизма-морганизма" (177),

и, не ограничиваясь оценкой науки генетики, перешел на личности:

"...теперь же Н.И.Вавилов и А.С.Серебровский... мешают объективно правильно разобраться в сути менделизма, вскрыть ложность, надуманность учения менделизма-морганизма и прекратить изложение его в вузах как науки положительной" (178).

Он нашел, как ему казалось, показательный пример того, как Вавилов обманывает советский

народ: остановился на высказываниях Вавилова о том, что нужно срочно разворачивать в стране работы по применению гибридной кукурузы с целью повышения урожаев зерна. Чистые линии кукурузы (инцухтированные линии) при их сочетании попарно развивали у этих двулинейных гибридов (и только в первом поколении) гораздо более мощные початки, что предоставляло возможность американским фермерам собирать огромные урожаи. Вавилову, рассказавшему об этих успехах генетики, в ответ было сказано:

"Менделистам, кивающим на Америку, я хочу сказать следующее... до этого в течение 10-1-520 лет почти все селекционные станции, работающие с перекрестно-опыляющимися растениями, по вашим же научным указаниям в огромных масштабах работали методом инцухта. Где же хотя бы один сорт, выведенный этим методом? Это забывают менделисты и, в первую очередь, забывает об этом акад. Н.И.Вавилов" (179).

Циничная подмена одной идеи другой, голословность возражений была очевидна большинству специалистов: Вавилов говорил о сочетании двух чистых линий с целью увеличения урожая от первого поколения гибридов, а Лысенко требовал, чтобы ему показали, какой из этого СОРТ получится! Вавилов приводил точные цифры огромных площадей, на которых высевают в США межлинейные гибриды, показывал динамику урожаев и рост многомиллионной прибыли (сегодня мы знаем, что уже в середине 1940-х годов прибыль от применения американскими фермерами гибридной кукурузы окупила с лихвой затраты на "Манхэттенский проект", то есть создание атомной бомбы), призывал немедленно перенять этот опыт, а Лысенко упорно твердил, что все разговоры о гибридной кукурузе -- обман! И поскольку он не просто боролся за монопольную власть в биологии и сельском хозяйстве, но являлся орудием борьбы за монополизм партийной власти во всех сферах жизни общества, ему удалось победить. Даже просто заниматься инцухт-методом было запрещено, не говоря уже о промышленном его применении. Лысенко также обвинил Вавилова в недоброжелательном отношении к наследию Мичурина20, сказал, что Вавилов плохой директор ВИР'а, что ему не удастся проводить самостоятельную политику как директору (181).

Как и следовало ожидать, лысенкоистов активно поддержали организаторы совещания -- философы. В заключительном слове Митин так отреагировал на доводы Вавилова (до этого заявив, что научная истина, конечно, имеет право на существование, и поэтому вряд ли стоит отрицать законы Менделя и некоторые другие положения генетики, но эти его слова, вялые и робкие, потонули во фразах противоположного толка):

"Вот выступал здесь акад. Н.И.Вавилов. Он говорил о мировой генетике. Он сделал обзор того, что имеет место теперь в этой области. Но что характерно для этого обзора?... Я бы сказал, чувство преклонения перед толстыми сборниками, которые он нам здесь показывал, без малейшей попытки анализа содержания этих сборников. Неужели в этих сборниках, очень толстых, весьма солидных, напечатанных к тому же на хорошей американской бумаге, выглядящих так респектабельно, неужели там все правильно, неужели нет ничего в этих сборниках такого, что требовало бы к себе критического подхода? Простите, Николай Иванович, за откровенность, но когда мы слушали вас, создавалось такое впечатление: не желаете вы теоретически поссориться со многими из этих, так называемых мировых авторитетов, с которыми, может быть, надо подраться, поссориться!" (182).

Столь же низко оценивал он вклад Серебровского в науку:

"Вы демонстрировали тут выведенную вами нелетающую бабочку. Это очень хорошо. И эта бабочка, вероятно, имеет практическое значение. Это хорошо. Но, согласитесь, что за восемь лет это мало, мало для человека, владеющего арсеналом науки, для человека, который

претендует на то, чтобы быть крупным представителем в данной области науки.

Здесь приводились данные о том, что вам были предоставлены огромные средства... А вы в течение этих лет продолжали старую свою игру в агогии, логии, гибридагогии21 и т. д. Вы продолжали заниматься "ученой" дребеденью, которая ничего общего с наукой не имеет. Вы продолжали барахтаться и блуждать в теории от одной реакционной ошибки к другой" (183).

Митин напомнил собравшимся, что 8 лет назад Серебровскому уже пришлось каяться, когда его выступления были расценены как проявление вредного "меньшевиствующего идеализма" (184). Теперь, утверждая, что теоретические направления, разрабатываемые не только Серебровским, но и вообще генетиками, враждебны советской науке, призывая "выкорчевывать эти теории до конца" (185), Митин под аплодисменты своих коллег произносил партийный приговор науке:

"Нам пора, наконец, развить нашу, советскую генетическую науку до такой степени, чтобы она возвышалась над уровнем науки западно-европейских стран и США так же высоко, как возвышается наш передовой социалистический строй над странами капитализма" (/186/, выделено мной -- В.С.).

Другой философ такого же толка -- П.Ф.Юдин22 стремился представить генетику классово-чуждой наукой, а генетиков как не только ненужных, но и вредных носителей классово-чуждых взглядов, не способных привиться в советской науке и советской стране вообще. В соответствии с таким подходом он потребовал:

"НЕОБХОДИМО ИЗЪЯТЬ ПРЕПОДАВАНИЕ ГЕНЕТИКИ ИЗ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ, А В ВУЗЕ ОСТАВИТЬ ЕЕ ПОСЛЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДАРВИНИЗМА, ЧТОБЫ УЧАЩИЕСЯ МОГЛИ ЗНАТЬ, ЧТО И ТАКИЕ, МОЛ, ЛЮДИ И УЧЕНИЯ БЫЛИ" (187).

В русле этой идеологии был его совет, обращенный к генетикам:

"Вы можете принести огромную пользу, неизмеримо больше пользы делу социализма, делу советского народа, если пойдете по правильному пути, если откажетесь от тех ненужных, устаревших, ненаучных предположений, от того ХЛАМА И ШЛАКА, КОТОРЫЙ НАКОПИЛСЯ В ВАШЕЙ НАУКЕ" (/188/, выделено мной -- В.С.).

Митину и Юдину вторили Э.Кольман, Презент, Шлыков23 и другие. Таким образом, совещание в редколлегии журнала "Под знаменем марксизма" вылилось в идеологическое осуждение генетики как науки, ведущей к вредным последствиям. Роковым было то, что осуждению подверглись самые крупные специалисты в этой области. Роковым потому, что информация о совещании, полный текст выступления Митина, также как итоги этой встречи день за днем появлялись в "Правде" (урезанная запись совещания с приводившимися от лица редколлегии комментариями была срочно опубликована в том же году в журнале "Под знаменем марксизма"). Благодаря этому история с осуждением генетиков на совещании приобрела большой резонанс, так как воспринималась на местах как директивное распоряжение партийных органов.

Конфуз Лысенко с опровержением законов Менделя

В 1938-1939 годах лысенковская аспирантка Н.И.Ермолаева опубликовала результаты двух экспериментов, предпринятых с целью доказать, что законы Менделя -- ошибочны (193). Она скрещивала между собой растения, различавшиеся по одному четко наследуемому признаку, желая проверить, выполняется ли во втором поколении гибридов менделевское соотношение:

три однотипных формы к одной отличающейся от них форме (именно такое соотношение "три к одному" должно было наблюдаться во втором поколении). У Ермолаевой в каждой из гибридных семей расщепление отличалось от предсказанного Менделем. Поэтому вывод аспирантки (и её руководителя) свелся к тому, что опыты опровергли "закон Менделя". Но стоило сложить данные по всем семьям, как отношение оказалось близким к 3:1 (2,8:1 и 2,7:1, соответственно, в каждом опыте).

Лысенко этот казус стал известен, но он возразил своеобразно тем, кто стал объяснять ошибку в интерпретации лысенкоистами собственных данных. Он объявил, что "механическое" складывание данных для разных семей не только бессмысленно, но и не имеет никакого отношения к биологии. Раз-де внутри отдельно взятых семей правило не выполняется, то и биологический смысл закона Менделя теряется.

Вавилов, прочитав статью Ермолаевой, попросил Карпеченко поискать, нет ли в литературе уже полученных данных по расщеплению внутри больших семей, после чего Георгий Дмитриевич дал задание своим сотрудникам М.И.Хаджинову, А.Н.Луткову и Д.В.Лебедеву проделать такую работу. Данные, конечно, нашлись. Даниил Владимирович Лебедев передал их Н.И.Вавилову, а по ходу дела у него и Дины Руфимовны Габе родилась идея -- проверить соответствие разброса данных в эксперименте Ермолаевой кривой Гаусса. Если бы такое соответствие имело место, то оно доказало бы, что вариабельность её данных полностью укладывается в стохастические закономерности, и, следовательно, её данные не только можно, а нужно обрабатывать статистически, как и делал Мендель. Лебедев и Габе сделали грубое сопоставление (194), а несколько позже в журнале "Доклады АН СССР" появилась статья академика А.Н.Колмогорова (195), в которой крупнейший математик сообщил о таком же анализе ермолаевских данных, правда, с применением более изящного метода сравнения. По результатам обсчетов данных Колмогоров вычертил две кривые: идеальную (теоретически ожидаемую) и реальную (ту, что получилась на основе анализа данных лысенковской аспирантки). Совпадение кривых было настолько разительным, что можно было даже предположить подтасовку Ермолаевой её данных с целью найти лучшее соответствие закону расщепления Менделя. Получив этот результат, Колмогоров написал статью и назвал её "Об одном новом подтверждении законов Менделя" (195). Случай этот был не комичным, а анекдотичным. Карпеченко стал объяснять на лекциях в Ленинградском университете смысл работы Ермолаевой, демонстрировал две кривые и завершал пояснения фразой: "Как того и требует закон Менделя!".

Лысенко понадобилось полгода, чтобы ответить Колмогорову. Никаких новых экспериментальных данных за это время его сотрудники не получили, и он предпочел другой путь. Он решил обратиться к какому-нибудь бойкому партийцу, чтобы тот дал оценку колмогоровскому расчету с общепартийной (так сказать, непробиваемо-идейной) платформы. По его наущению за это взялся партийный полуфилософ, чешский эмигрант, руководивший раньше Отделом науки МК партии, Эрност Кольман. Воспользовавшись правом академика представлять статьи для опубликования в журнале "Доклады АН СССР", Лысенко отправил туда 2 июля 1940 года длинную пропагандистскую по стилю статью Кольмана (196), к которой присовокупил свое предисловие (197).

Кольмановская статья была незамысловата и сводилась к трем моментам. Во-первых, Колмогоров, конечно, -- крупный ученый, но все-таки математик, а не биолог. Во-вторых, в одной из ранних работ Колмогоров ссылался на то, что он разделяет взгляды одного немецкого ученого, который, в свою очередь, разделяет взгляды Э.Маха, которого, в свою очередь, совсем давно обругал Ленин. А кто же не знает, что раз Ленин обругал, пусть даже давно, то теперь навсегда все последователи Маха -- "наши идейные враги". В-третьих, Колмогорова настроил против Лысенко Серебровский, которого только что принудили

покаяться в ошибках на дискуссии в журнале "Под знаменем марксизма", значит, -- налицо упорный отказ исправляться! Кольман в этой связи писал:

"... А.С.Серебровский занялся теперь не исправлением собственных ошибок, в коих он неоднократно каялся, а мобилизацией сил против дарвинистско-мичуринского направления. В этих целях очевидно акад. А.С.Серебровский "обратил внимание" на работу Н.И.Ермолаевой академика А.Н.Колмогорова, как последний сообщает в своей статье" (198).

За всем словесным фасадом Кольман, сам всю жизнь только и занимавшийся выполнением наказов партии по ошельмовыванию настоящих ученых, скрывал прозаическое утверждение. Он заявил, что сам факт обращения генетика Серебровского к математику Колмогорову неприемлем, что вообще обсуждать данные Лысенко в чужих и своих лабораториях нельзя, иначе это будет расценено как разнос антисоветских сплетней по углам и весям! Больше ни одного соображения против фактической стороны статьи Колмогорова Кольман не выставил и выставить не мог, но партийное осуждение звучало решительно:

"Поскольку же эти теоретические вопросы теснейшим образом связаны с задачами растениеводства и животноводства, с массовой практикой, упорствование в ошибках здесь далеко не безобидно" (199).

Надо сказать, такая лексика в журнале "Доклады Академии наук СССР" никогда раньше и никогда позже не встречалась.

В сопровождавшем статью Кольмана письме, также опубликованном в этом номере журнала, "колхозный академик" делал вид, будто он и не знает, что закон Менделя имеет статистический характер, что даже и не слышал, как надо изучать количественные закономерности наследования отдельных признаков24, что не слыхал, как, анализируя поведение индивидуальных генов, ученые абстрагируются от других признаков, чтобы изучать лишь данный ген. В согласии с такой тактикой он писал:

"Академику Колмогорову, действительно, может казаться, что все растения от различных пар гетерозиготных родителей типа Аа совершенно одинаковы.

Мы же, биологи, знаем, что не может быть в природе двух растений, у которых были бы совершенно одинаковые наследственные свойства" (200).

Уже в этом письме сорокового года Лысенко открыто высказался по вопросу, ставшему для него очень важным в середине пятидесятых годов, -- отверганию роли математики (а позже физики и химии) в познании биологических закономерностей:

"Мы, биологи, не желаем подчиняться слепой случайности (хотя бы математически и допускаемой) и утверждаем, что биологические закономерности нельзя подменять математическими формулами и кривыми" (201).

Последняя встреча Вавилова со Сталиным

По свидетельству Ефрема Сергеевича Якушевского, много лет работавшего в ВИР'е и близкого знакомого Вавилова, через месяц после окончания совещания в редакции журнала "Под знаменем марксизма" Вавилова вызвали к Сталину. Это был последний визит ученого к вождю. Якушевский работал в это время на Кубанской селекционно-опытной станции в Краснодаре, приехал оттуда 28 ноября 1939 года в Москву и застал Вавилова в состоянии тяжкого смятения духа. Якушевский записал со слов Николая Ивановича подробности его

встречи со Сталиным, состоявшейся 20 ноября (202).

Когда Вавилов после двухчасового ожидания в приемной был допущен в кабинет Сталина в 12 часов ночи, партийный вождь ходил по комнате, опустив глаза и зажав в руке трубку с дымящимся табаком. На приветствие он не ответил, в сторону Вавилова даже не оглянулся. Подождав немного и понимая, что бесцельное стояние на месте всё равно ни к чему хорошему не приведет, Николай Иванович начал докладывать о работе своего института. Сталин молчал и по-прежнему метался из угла в угол, словно тигр в клетке. Когда прошло минут пять, Сталин подошел к своему столу, сел и без всяких вводных фраз, прерывая Вавилова на полуслове, изрек:

- Ну, что, гражданин Вавилов, так и будете заниматься цветочками, лепесточками, василечками и другими финтифлюшками и прочей ерундой? А кто будет заниматься повышением урожайности полей?

Вавилов попытался еще что-то рассказать, изложить свою позицию относительно роли науки, в том числе науки о цветочках для создания прочного задела в сельском хозяйстве, а, значит, через это -- и для продуктивности полей.

Сталин недолго послушал и обрубил:

- У вас всё, гражданин Вавилов? Идите. Вы свободны (203).

Можно себе представить, каким было душевное состояние Вавилова, когда он покинул Кремль, выйдя из кабинета диктатора.

Конечно, как руководитель государства, сельское хозяйство которого пребывало в упадке, Сталин мог гореть жгучим желанием немедленно получить от ученых, особенно тех, на работу которых государство потратило огромные суммы, действенное средство немедленного спасения от голода. Тем более, что деньги давали под обещания создать сказочно плодоносные сорта, ввести в практику новые культуры, преобразовать природу в соответствии с заказом людей, вознамерившихся превратить отсталую Российскую империю в расчудесное социалистическое государство. Если бы не жестокость Сталина, не ожидание каждым, что с ним расправятся как с преступником, то можно было даже признать, что и вопросы и тон Сталина были в какой-то степени оправданными. Ведь сравнение между одним ученым и другим, как бы ни хотел этого избежать Вавилов и его коллеги, не могло не происходить. Но в том-то и дело, что один из визитеров вождя исступленно врал ему о своих практических успехах, а другой был честен и не мог обещать ни журавля, ни синицу в небе. Их у него не было и в ближайшем будущем не предвиделось. Мудрый лидер наверняка бы принял во внимание то, что выйдет из обещаний одного и другого ученого завтра, каков потенциал и какова глубина научного поиска обоих. Он бы обязательно учёл, что вировцы уже передали селекционерам не одну тысячу привезенных из-за границы сортов и линий ценных для сельского хозяйства культур, что при использовании именно этого исходного материала селекционеры в СССР уже вывели сорта, занимавшие 15 миллионов гектаров. Вождь должен был прислушаться к этой цифре (все-таки посевная площадь пшеницы во всей Европе!) и должен был согласиться с тем, что без вировских линий никто из селекционеров в СССР уже обойтись не мог. Институт Вавилова стал настоящим банком сортов и линий мирового масштаба. На этих линиях всё -- и селекция, и семеноводство, и растениеводство, то есть хлеб народный -- и покоилось!

Другой неоценимый вклад вировцев заключался в том, что по всем четырем сотням культур, выращиваемым на территории СССР, именно ВИР контролировал соответствие

качеств сортов их исходным характеристикам. Без этого контроля удержать растениеводство от падения производительности было невозможно. Халтура и "авось" так вошли в натуру людей, особенно в условиях колхозов, где председателям хотелось только одного: отчитаться за сборы хоть чего-то, а там и душа не боли! -- что глаз и глаз нужен был повсюду.

"Поэтому в нашей стране ежегодно десятки тысяч апробантов оценивают состояние полей, посевов и насаждений плодовых культур и учитывают, какие посевы являются ценными, какие -- малоценными. Подготовка апробации, позволяющей отличать сорта малоценные от ценных, является одной из наших практических задач", --

говорил Вавилов в 1939 году (204).

Кроме того, ВИР занимался колоссальной научно-методической и издательской деятельностью, именно там готовили рукописи и выпускали многотомные энциклопедического плана руководства "Теоретические основы селекции растений" (три тома), "Культурная флора СССР" (пять томов вышло, еще 17 томов находились в стадии подготовки), руководства по пшеницам, ржи, овсам, льну, овощным и плодовым культурам, по методам апробации, семеноводству, по генетике и другим дисциплинам. Эту сторону могли недооценивать только люди некультурные, но ведь для страны, провозгласившей, что она выйдет в число передовых стран мира, эта деятельность была важнее многого другого. Ну, правда, Лысенко сам читать не любил и других грамотеев не ценил, но Сталин-то не мог таких точек зрения придерживаться.

Да и разве не Вавилов всё время информировал Сталина и его наркомов о том, каких успехов достигли западные страны с помощью отвергаемых неучами наук, успехов практических, экономических -- а, значит, и политических! Как не повториться, что с помощью генетики, используя именно те чистые линии, которые Лысенко объявил вредными, американцы смогли догадаться, как получать гибридную кукурузу и стали зарабатывать каждый год миллиарды долларов! А ведь впервые идея использования инцухта и гетерозиса пришла в голову ученику Вавилова Михаилу Ивановичу Хаджинову до американцев! Вавилов устал повторять в докладных записках наркому Бенедиктову значение этого метода, но слушать его не хотели, продолжали верить Лысенко, обещавшему синицу в небе поймать и на завтрак поджаренной подать! Что могло случиться бы с СССР, с его экономикой и даже политической системой, если бы ученых не давили, а слушали, если бы дали расцветать талантам, а не врунам, демагогам, приспособленцам и лакеям с рабской психологией? Мудрость вождя была бы в этом, а не в создании на бескрайних просторах Сибири, Севера и Юга лагерей и зон! В тот год Россия еще имела силы, чтобы наравне с Западом включиться в настоящую гонку, которая началась в мире в области практического использования генетики. Были еще и ученые, и лаборатории, и масса толковой молодежи. Понравившийся Сталину в 1935 году Лысенко уже много раз себя дискредитировал, и Первый Секретарь, и Политбюро в целом должны были порвать этот круг взаимообольщения и политиканства, должны были услышать Вавилова, а не унижать его. Но идеологические препоны застилали глаза и вождю и его свите. Как уже было сказано, они ждали, чтобы их обманывали лысенки, но сохраняли бы нетронутыми идеологические фантомы веры в коммунистические выдумки.

Не могла не напугать Вавилова прощальная фраза Сталина, в которой обращение "товарищ" было уже заменено словечком из лексикона энкаведешников, именно так обращавшихся к заключенным -- "гражданин". Наверняка за этим словом Вавилов не мог не слышать лязгания затворов тюрьмы, в которую у него теперь был высокий шанс попасть.

И все-таки до последней минуты он старался сохранить силу духа, работоспособность (хотя уже сдало его некогда железное здоровье) и вселить бодрость в предчувствующих близкий

конец друзей и коллег. Можно судить об этом на основании письма Николая Ивановича, отправленного Константину Ивановичу Пангало, сосланному еще в 1932 году в Карагандинскую область:

"Как всегда в жизни, здесь действуют два начала -- созидательное и разрушающее, и всегда они будут действовать, пока будет мир существовать!

Никаких сугубо угрожающих обстоятельств нет, и работайте спокойно, оформляя работы возможно скорее.

Свою функцию, как комплексного растениеводческого учреждения, мы будем вести неизменно, не взирая ни на какие препоны.

Привет!

Ваш Н.И.Вавилов" (205).

Лысенко тем временем публиковал статьи против Вавилова (206), параллельно внедрял в руководимые Вавиловым институты в Ленинграде и Москве своих людей (административно он имел для этого много возможностей).

В своих обращениях в Правительство Вавилов перестал щадить Лысенко, полностью отошел от примирительного тона в выступлениях. Он открыто и жестко осуждал действия Лысенко, смело вскрывал ошибки "мичуринцев", вел себя как настоящий герой науки. Так, в начале 1940 года он писал Наркому земледелия СССР Бенедиктову (наверняка, вызывая этим дополнительный взрыв ярости Лысенко, который, конечно, был в курсе такой переписки):

"Высокое административное положение Т.Д.Лысенко, его нетерпимость, малая культурность приводят к своеобразному внедрению его, для подавляющего большинства знающих эту область, весьма сомнительный идей, близких к уже изжитым наукой (ламаркизм). Пользуясь своим положением, т. Лысенко фактически начал расправу с своими идейными противниками" (207).

Выступая 15 и 17 марта 1939 года на выездной сессии Ленинградского областного бюро секции научных работников, Николай Иванович произнес слова, ставшие для него пророческими:

"Пойдем на костер, будем гореть, но от своих убеждений не откажемся. Говорю вам со всей откровенностью, что верил, верю и настаиваю на том, что считаю правильным, и не только верю, потому что вера в науке -- чепуха, но говорю о том, что знаю на основании огромного опыта. Это -- факт, и от него отойти так просто, как хотелось бы и занимающим высокий пост, нельзя...

Говорю вам по долгу гражданина и научного работника, который обязан говорить об этом со всей откровенностью: положение таково, что какую бы вы не взяли иностранную книжку, все они идут поперек учения Одесского института. Значит, эти книжки сжигать прикажете? Не пойдем на это" (208).

Конечно, лысенковцы и чекисты не могли пройти мимо такого вопиющего вызова, брошенного Вавиловым. В мае начальник 3 отдела Главного Экономического Управления НКВД старший лейтенант госбезопасности Рузин направил начальству "СПРАВКУ на ВАВИЛОВА Николая Ивановича" на 18 страницах машинописного текста, повторявшую

многолетние наветы сотрудников Вавилова и других арестованных (так опять была повторен длиннейший оговор Вавилова Писаревым, перечислявшим, где, с кем и когда Вавилов установил связи в стране, с называнием имен шестидесяти двух биологов по всей стране), а заканчивалась справка утверждением, что Вавилов вредил своей стране тем, что "боролся сам и давал установки бороться против теорий и работ ЛЫСЕНКО, ЦИЦИНА и МИЧУРИНА, имеющих решающее значение для с/хозяйства СССР" (209). В качестве доказательства вредительских устремлений Вавилова были приведены в вольной интерпретации его слова. Теперь они звучали так: "...на костер пойдем за наши взгляды и никому наших позиций не уступим" (210).

Сейчас, спустя полвека, трудно сказать, что чувствовал в те дни Николай Иванович, был ли он морально приуготовлен к страшному концу. Реалии тех дней не могли оставаться им незамеченными, день ото дня всё большее число ярких представителей интеллигенции и других слоев общества оказывалось жертвами страшной машины коммунистических репрессий. Слепой бы это узрел. Наверно, всё чаще приходил к тяжелым размышлениям и Вавилов, несмотря на весь его оптимизм. Наверно, всё отчетливее он понимал, откуда ждать беды.

Я уже несколько раз приводил отрывки из воспоминаний соратников, друзей и современников Вавилова, прозвучавших 27 января 1983 года на заседании, посвященном памяти Николая Ивановича, заседании, организованном Всесоюзным обществом генетиков и селекционеров, носящем его имя. Были в этих воспоминаниях и намеки на то, что ощущал Вавилов незадолго до своего ареста. Вот как говорила Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская:

"Он относился к идеям Лысенко с большим интересом. Так было до конца 1936 года. Он нас все время настраивал на один тон: наши оппоненты недостаточно образованны, мы должны помочь им... Нас поражало удивительно благожелательное отношение Николая Ивановича. До последней минуты он верил в честность. "Они чего-то недопонимают", -- часто повторял он нам...

Но затем наступили тяжелые годы. Николай Иванович начал терять свою жизнерадостность, жизнелюбивость.., хотя еще все-таки надеялся, что все изменится к лучшему, что истина победит. Помню, как он напомнил мне слова Дарвина: "Велика сила упорного извращения истины, но, по счастью, действие этой силы непродолжительно". Сегодня мы можем сказать, что действие длилось 25 лет, а последействие мы ощущаем до сих пор...

Весной 1940 года состоялась наша последняя встреча. Я сидела поздно вечером в лаборатории за микроскопом. Верхний свет был потушен, в комнате было тихо, царил полумрак. Вдруг дверь отворилась, и вошел Николай Иванович. Я его никогда таким не видела. Весь как обмякший, уставший, он тяжело сел в кресло и долго, долго сидел молча, не снимая плаща и шляпы, прислонив к креслу палку, на которую опирался. Я потихоньку встала, согрела чайник, заварила чай и так же безмолвно подвинула Николаю Ивановичу стакан. Он выпил чай и опять долго сидел молча. Какая-то мука читалась на его лице...

Наконец, он встал, пошел к двери и уже в дверях, обернувшись, сказал мне словами Шекспира:

"Офелия, нет правды на земле..."

Это был тот вечер, когда у него, как я узнала после, была встреча с Молотовым. Ему, наконец-то, все стало, видимо, ясно".

Сын близкого друга Вавилова -- Игорь Константинович Фортунатов также вспоминал свои последние встречи и разговоры с Николаем Ивановичем, и примерно та же характеристика душевного состояния Вавилова проглядывала в его словах. В мае 1940 года он несколько часов гулял с Вавиловым по городу. Николаю Ивановичу не хотелось возвращаться в свой маленький кабинетик в здании Президиума ВАСХНИЛ в Большом Харитоньевском переулке. Он жаловался на то, что "бюрократия" его заедает. По словам Фортунатова, Николай Иванович сетовал, что некогда крепчайшее здоровье, которым он славился, начало сдавать:

" ...У меня сильно болят суставы -- уже года два, да и сердце сдает... Не могу лечиться, времени на докторов не хватает, да и не к чему. Мне пора жизнь кончать. Я многое в жизни перевернул и довольно ..." (211).

Но как бы временами ни был Николай Иванович подавлен, в тяжелые минуты он находил силы, чтобы противостоять Лысенко. Летом 1940 года он подписал подготовленное М.И.Хаджиновым и И.В.Кожуховым обращение в ЦК партии (копии были посланы в Наркомзем Союза -- наркому И.А.Бенедиктову и замнаркома В.С.Чуенкову), в котором еще раз ученые писали руководителям страны об ошибке Лысенко, наложившего запрет на возделывание в СССР гибридной кукурузы, выведенной на основе инцухт-линий. Они обращали внимание на то, что США только в 1938 году получили прибавку урожая кукурузы от использования гибридов инцухт-линий, равную 100 млн. пудов. Они писали, что в условиях планового хозяйства СССР прибавки могли быть еще больше, если бы не гонение Лысенко на работы с чистолинейными гибридами и прямой обман советской общественности ссылками на якобы явную бесперспективность этого метода.

"Кому и для чего нужно такого рода одурачивание -- понять трудно и объяснить это можно только неведением и каким-то фанатизмом. Особенно стараются в этом отношении люди, сами не работающие и технически не знающие этого дела, вроде И.И.Презента, который с апломбом поучает студентов о том, чего не знает сам редактор журнала "Яровизация [т. е. Лысенко -- В.С.].

К сожалению, в унисон этой нездоровой тенденции, в угоду модному течению наблюдается и у специалистов охота смазывать факты (например, Б.П.Соколов25 , селекционер Днепропетровской станции)...

...Мы считаем своим долгом указать Вам на недопустимость таких искажений представления о мировой практике с кукурузой. Русская наука в прошлом и советская наука должна максимально использовать все ценное из зарубежного опыта... а не подгонять и не извращать факты в ущерб делу, с единственной целью -- попасть в унисон мнению некоторых хотя и авторитетных, но не во всем компетентных товарищей" (212).

Одним из результатов совещания в редакции журнала "Под знаменем марксизма" стало выставленное Вавилову требование подготовить многоплановое руководство, в котором бы с марксистских позиций, критически были рассмотрены итоги развития генетики. Поручение предусматривало, что советские ученые выступят с критикой западных идеологических и фактических ошибок генетики. Дважды план будущего издания, озаглавленного "Критический пересмотр основ генетики", и ход работ над сборником рассматривали на заседаниях Президиума АН СССР (22 марта и 15 июня 1940 года), и оба раза Вавилов испытывал огромные трудности в противостоянии нападкам политиканов, требовавших от него пересмотреть и отвергнуть кардинальные положения науки, заменив их соответствовавшими советскому духу верованиями лысенковского типа (не надо забывать,

что с 1939 года в Президиуме АН СССР заседали в качестве членов Лысенко и Вышинский). Вавилов, как мог сопротивлялся, в частности, К.О.Россиянов приводит обнаруженные им в архиве АН СССР слова Вавилова, сказанные на одном из таких обсуждений: "нужно просто сжечь всю мировую литературу на большом участке биологии, при этом наиболее связанном с практикой" (213). Но так или иначе, в последние два года жизни на свободе Вавилов отдал подготовке сборника много сил и нервов. Сборник составляли тщательно, скрупулезно собирая всё новое, что было накоплено мировой наукой к тому времени. Это по мысли Вавилова должно было дать серьезный ответ генетиков на все нападки, предпринятые на совещании в редакции журнала "Под знаменем марксизма". В сборнике была большая статья самого Вавилова (она опубликована в пятом томе его собрания сочинений /214/), статьи М.С.Навашина и А.А.Прокофьевой-Бельговской "Роль ядра в наследственности и хромосомная теория", В.Л.Рыжкова "Роль цитоплазмы в наследственности", М.И.Камшилова "Наследственность и развитие", Х.Ф.Кушнера "Модификационная изменчивость и ее роль в эволюции и селекции", М.Л.Бельговского "Проблема гена", Н.П.Дубинина "Дарвинизм и генетика" и его же "Наследственность и изменчивость в трудах И.В.Мичурина", В.В.Хвостовой "Современное состояние учения о вегетативной гибридизации". Выход такого сборника в свет мог серьезно поколебать мнение о правоте лысенкоизма и выбить аргументы из рук тех, кто критиковал генетику с позиций догматизма. Немудрено, что против выхода сборника были использованы все силы.

На заседании Президиума АН СССР в 1940 году П.Ф.Юдин, Ем. Ярославский, Б.А.Келлер раскритиковали и план и направленность сборника. Они ждали, что генетики "разоружатся", признают свои ошибки и перейдут на платформу марксизма-ленинизма-сталинизма. Расстроенный Вавилов по окончании заседания позвонил одному из участников группы по подготовке сборника и, рассказав об очередных нападках людей, ничего в этом не понимавших, но бравшихся судить и осуждать, закончил строками из Владимира Соловьева:

"На небесах горят

паникадила,

А снизу -- тьма" (215).

Выход в свет сборника затормозился, но работу над ним не прекращали до самого ареста Вавилова. Уже после того, как Вавилов оказался в заточении, 1 октября 1940 года, П.Ф.Юдин направил Президенту Академии наук СССР В.Л.Комарову и вице-президенту АН СССР О.Ю.Шмидту отзыв на сборник с резкими возражениями против его публикации. Генетиков Юдин называл "представителями антимарксистской идеологии", писал, что в сборнике

"всячески принижается значение Мичурина, его путь развития рисуется как путь сплошных ошибок ограниченного эмпирика, а вегетативная гибридизация, которая везде берется в иронические кавычки... вовсе отрицается". (216).

Юдин отмечал, что

"ради всяческого восхваления... охвостья формальной генетики, подвизающегося у нас, проф. Дубинин идет на жертву -- он критикует наиболее дискредитировавших себя деятелей этого направления, как то Кольцова и Серебровского26 " (217).

Заключение партийного философа гласило:

"Представленные статьи, взятые в целом, вовсе не учитывают результаты дискуссии по

генетике и селекции, проведенной редакцией журнала "Под знаменем марксизма", вовсе не направлены на пересмотр основных положений формальной генетики и не исходят из учения Дарвина-Мичурина, как это требовал Президиум АН СССР" (218).

Второе правило монополизма

Для человека, подобного Трофиму Лысенко, задача выдвижения, захвата -- правдами, а больше -- неправдами, главенствующих позиций в управлении наукой была важной, но отнюдь не единственной. Прорвавшись к власти, такие люди жаждали удержать ее любой ценой... и закономерно превращались в монополистов, начинали подавлять своих явных и потенциальных оппонентов, обеспечивать лидерство без конкуренции.

Монополизм в науке немыслим без того, чтобы лицо, захватившее власть, не пыталось бы вытеснить конкурентов -- идейных противников, пусть даже добившихся важных результатов ученых. Это правило в полной мере воспринял и Лысенко. Пороча более преуспевающих коллег, устраняя их, он насаждал на освободившиеся места своих ставленников -- послушных, даже безропотных, лишенных глубоких профессиональных знаний, творческого огня, изобретательской жилки. Лысенко учредил систему слежки за всеми и каждым (например, его секретарь вела картотеку на всех сколько-нибудь известных биологов), чтобы вовремя распознать тех, кто попытался бы сбросить с себя ярмо диктатуры и занять "неотведенное ему" место.

А поскольку главный монополист представлял собой (и не мог не представлять) личность серую, посредственную, то, естественно, получалось, что его ставленники являли собой поголовно скопище унылых, еще более посредственных личностей, сильных, как правило, лишь корпоративностью и характеризующихся непомерной амбициозностью.

Такой была группа (или мафия) Лысенко. Нужно еще раз подчеркнуть, что она сформировалась не на пустом месте, а была продуктом социальной системы. Система воспроизвела себя в научной области. Лысенко всегда имел перед собой показательный пример в лице Сталина, вытеснившего всех деятелей партии и заменившего их убогими и злобными фантомами, безоговорочно следовавшими всем его указаниям. Известный в ленинском окружении своей посредственностью, необразованностью и низкой культурой Сталин был силен в другом: из своего уголовного юношества он вынес строгое следование правилам бандитского мира -- распределение ролей, взаимозависимость (то есть круговая порука) и беспрекословное подчинение главарю. Интеллигенты и полуинтеллигенты, вращавшиеся в партийных верхах до прихода Сталина к власти, не имели ни этого опыта предшествовавшей уголовной жизни, ни умения или желания делить друг с другом роли и были просто сметены с арены сталинской "гвардией", быстро упрочавшей свое положение.

Механизм устранения конкурентов Лысенко также заимствовал у Сталина, который использовал созданную Лениным и поставленную последним над всеми другими органами репрессивную систему в виде Военно-революционных Комитетов (ВРК), преобразованных в ВЧК (а затем в ГПУ, ОГПУ, НКВД, НКГБ, опять в НКВД и позже в КГБ, МГБ, снова в КГБ). Сталинские уроки ошельмовывания оппонентов, приписывания им выдуманных грехов, подлавливания на неосторожном слове или незначительном поступке, осуждения и уничтожения воспринимались такими людьми как Лысенко в качестве руководства к действию.

Рожденная борьбой за власть система моральных (вернее, аморальных) критериев расшатала все представления о порядочности, добрых отношениях между людьми, то есть разрушила веками утверждавшуюся мораль. Борьба с религиозными установлениями,

официальная "отмена религии" сняла у многих (в особенности у морально слабых людей) страх перед неотвратимостью ответа перед Богом за свои прегрешения -- явные и тайные, а разбуженная революцией активность масс открыла ворота на верхи для тех, кто в иных условиях не мог рассчитывать даже на отдаленное подобие успеха в жизни.

Эта аморальная активность была нужна руководству страны для того, чтобы перетряхнуть все слои русского общества, сместить отовсюду -- на всех уровнях -- людей творческих, честных, порядочных, заменив их людьми с противоположными свойствами, но зато управляемыми, послушными. Такие люди с показным удовольствием выполняли любой приказ, одобряли любые действия властей, кого требовалось -- клеймили, кого надо -- награждали овациями, а потом спокойно могли проделать то же самое в обратной последовательности.

Тем самым советское общество было подготовлено к восторженной встрече новых монополистов -- рангом пониже, чем Сталин, таких как Молотов, Маленков, Хрущев или Каганович, но одобренных ими лично и выставленных на роли лидеров в других (непартийных) областях жизни, включая науку. Теперь уж от них самих зависело то, каким образом заявить о себе.

Гениальность Лысенко в том и состояла, что, не имея никаких достоинств в качестве квалифицированного ученого, он быстро осознал свои потенции для другой роли -- претендента на монополию в своей области науки.

С первой задачей он блестяще справился: его обещания были масштабными, действия -- активными, роль народного самородка он разыграл лучшим образом, многих крупных ученых "обольстил" (хотя, наверняка, большинство из них просто пошло на компромисс с совестью) и в академики с их помощью попал. Интерес партийных и советских руководителей самых высоких рангов он возбудил, поддержку в народе организовал и даже личное, и притом горячее, одобрение самого Сталина снискал. Так что первый экзамен он сдал на отлично и был вознагражден: реальная власть в биологии и агрономии начала сосредоточиваться в его руках.

Теперь наступило время для того, чтобы воплотить в жизнь второе правило монополистов -- убрать с дороги всех потенциальных конкурентов, всех, кто был умнее, образованнее, пользовался уважением. Немалую роль играли при выполнении этой задачи и личные качества самого Лысенко -- человека завистливого и нетерпимого. Для расправы были хороши все средства -- явные, открытые для всеобщего обзора (обвинения конкурентов в ошибках, заблуждениях, а если представится случай, и во вредительской деятельности), и тайные (доносы, фабрикация слухов, натравливание своих подручных).

В случае победы достигался не только эффект собственного возвеличивания в глазах публики (дескать, раз победил -- то сильнее), но и делалось предупреждение всем возможным претендентам на ту же позицию (смотрите, мол, что случилось с другими противниками, не дерзайте со мной бороться, вставать мне поперек пути, -- смету, растопчу, уничтожу).

Это и была вторая задача, второй экзамен, который Лысенко должен был выдержать. И он его выдержал.

Примечания и комментарии

к главе X

1 Александр Блок. Возмездие. В кн. Стихотворения и поэмы. т. 2, Л., Изд. "Советский писатель", 1951, стр. 403.

2 Д. В.Лебедев. Из воспоминаний антилысенковца с довоенным стажем. В сб. "Репрессированная наука", Л., Изд. "Наука", 1991, стр. 276.

3 Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 33, д. 210, л. 7 и об., цитировано по книге "Академия Наук СССР в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС". М. Изд РОССПЭН, 2000, стр. 185.

4 Академия Наук СССР в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. М. Изд. РОСПЭН, 2000, стр. 186.

5 Там же, стр. 185.

6 Там же, стр. 184.

7 Протокол 32, п. 24 заседания Оргбюро ЦК ВКП(б), Российский государственный архив социально-политической истории, д. 970, л. 9.

8 См. прим. (4).

9 Там же, стр. 211.

10 Там же.

11 Там же, стр. 212.

12 Там же, стр. 214.

13 Там же, стр. 215.

14 Там же.

15 Там же.

16 Там же, стр. 216.

17 Там же.

18 Там же.

19 АП РФ, ф. 3, оп. 33, д. 210, л. 42-43, см. также прим. (4), стр. 246.

20 Там же, стр. 247.

21 Там же, стр. 247.

22 Редакционная статья "По ложному пути. Газета "Правда", 26 декабря 1936 г.

23 См. прим. (4), стр. 253.

24 Там же, стр. 253.

25 Впервые об этом письме сообщил Ю.Н.Вавилов, см. его статью: "Это не только националь ное самоубийство, но и удар в лицо цивилизации" (неизвестное письмо американского уче ного в защиту советских генетиков). Журнал "Вестник РАН", 1992, 6, стр. 101.

26 Там же.

27 См. публикацию: "Телеграмма академика Н.И.Вавилова в американскую газету "Нью Йорк Таймс"", газета "Известия", 22 декабря 1936 года, 297(6154), стр. 4.

28 См. прим. (4), стр. 251.

29 Там же.

30 Там же, стр. 253.

31 И.Презент и А.Нуринов О пророке от евгеники Н.К.Кольцове и его евгенических соратниках. Газета "Социалистическое земледелие", 17 апреля 1937 г., 84(2472), стр. 2-3.

32 Мой перевод на русский язык письма Холдейну, собственноручно подписанного авторами. Фотокопия оригинала письма любезно предоставлена мне профессором Джошуа Ледербергом 25 июня 1999 г., стр. 1 письма.

33 Там же, стр. 3 письма.

34 Н.И.Вавилов. О состоянии научно-исследовательской работы и о повышении квалифика-

ции научных кадров. Доклад на выездном заседании Ленинградского областного бюро Секции научных работников профсоюза вузов и научно-исследовательских учреждений во Всесоюзном институте раст5ениеводства 15 марта 1939 года. Журнал "Сельскохозяйственная биология (серия Биология Растений)", 5, 1998, стр. 105.

35 Цитировано по книге М.А.Поповского. Дело академика Вавилова. Изд. Hermitage, Tenafly, N. J., 1983.

36 Я.А.Яковлев. О некоторых задачах сельскохозяйственного издательства. Журнал "Яровизация", 2 (11), 1937, стр. 13.

37 Там же, стр. 14.

38 Там же, стр. 11.

39 Там же, стр. 16.

40 Там же.

41 Там же, стр. 14.

42 Там же, стр. 13.

43 Там же.

44 И.В. Сталин. О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и

иных двурушников. Доклад и заключительное слово товарища Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) 3-5 марта 1937 г. Журнал "Яровизация", 1937, 3 (12), стр. 3-36.

Слово "двурушник" в словаре Ушакова (Изд. Гос. института "Советская энциклопедия", М., ОГИЗ, 1935, т. 1, стр. 663) разъясняется следующим образом: "Поведение человека, наружно принадлежащего к одной группе, но действующего в пользу двух противоположных сторон путем обмана каждой из них". Таким образом, слово "двурушник" относилось к лицам, внешне не проявляющим никаких антисоциалистических взглядов, но якобы способных нести эти взгляды в скрытом состоянии (вот здесь и открывался простор для клеветников любого сорта -- пойди докажи, что, действительно, нет в мыслях скрытых намерений!). Сталин призывал объявить им войну не на жизнь, а на смерть.

45 Там же, стр. 5.

46 Доктор И.И.Презент. Советскую агробиологию - на уровень метода диалектического материализма. Там же, 1937, 3 (12), стр. 49-66.

47 Там же, стр. 63.

48 И.И.Агол опубликовал много работ, см., напр., его книги: "Диалектический метод и эволюционная теория", М.--Л., Госиздат, 1927, "Задачи марксистов в области естествознания", 1929; "Хочу жить", М., Гослитиздат, 1936, 152 стр.

49 См. прим. (46), стр. 63-64.

50 Там же, стр. 64.

51 Там же.

52 Газета "Социалистическое земледелие", 28 апреля 1937 г., 97 (2485), стр. 1.

53 Там же.

54 Письмо Г. Мёллеру в Мадрид от 8 мая 1937 г., ЛГАОРСС, фонд ВИР, 9708, дело 1436, лист 104.

55 Передовая статья "По дарвиновскому пути". Газета "Социалистическое земледелие", 29 апреля 1937 г., 98 (2486), стр. 1.

56 Там же.

57 Там же.

58 Т. Д. Лысенко. Шире развернуть внутрисортовое скрещивание пшеницы. Письмо. Газета "Социалистическое земледелие", 4 мая 1937 года., 100 (2488), стр. 2.

59 Т. Д. Лысенко. Основы внутрисортового скрещивания. Там же, 21 мая 1937 г., 114 (2502), стр. 2-3.

60 От редакции (к статье Н. И. Вавилова" Растениеводство в СССР в третьей пятилетке").

Журнал "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства", 1937, 7 (июль), стр. 42.

61 См. статью "Муралов А.И.", БСЭ, 3 изд., 1974, т. 17, стр. 121.

62 См. книгу Гайстера "Сельское хозяйство" в серии "История 1905 года", т. 1, ч. 1 -- Экономическое положение России накануне Революции 1905 года, 170 стр.

63 Н. Родионова. Жизнь, отданная борьбе. К 100-летию со дня рождения А.И.Муралова. Газета "Вечерняя Москва", 23 июня 1986 г., 145 (19029), стр. 3.

64 Агроном Н. Корсунский. Порочные труды Института льна. Газета "Социалистическое земледелие", 27 ноября 1937 г., 271 (2659), стр. 2.

65 Редакционная статья "Плохо во Всесоюзном Институте механизации и электрификации сельского хозяйства". Там же, 28 ноября 1937 г., 272 (2680), стр. 3.

66 М. Ф. Незнаев, А. П.Алексеев, Е.В.Коковин, В.В.Опацкий, Н.Г.Сунцов, М.И.Варфоломе-

ев, В.С.Демьянов (Всесоюзный институт гидротехники и мелиорации, Москва). План, оторванный от жизни (письмо в редакциюв. Там же, 28 декабря 1937 г., 296 (2684), стр. 2.

67 И. Шман. "Научная" деятельность Хлопкового института новых районов. Там же, 28 декабря 1937 г., 296 (2684), стр. 2. На следующий день в той же газете появилось сообщение под таким названием: "В Главсельэлектро неблагополучно" (стр. 3).

58 Шман. Там же.

69 Редакционная статья "Навести порядок в семеноводстве картофеля". Там же, 3 декабря 1937 г., 276 (2664), стр. 2.

70 Редакционная статья" Юбилей мастеров селекционного дела". Журнал "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства", 1936, 6, стр. 3.

71 "Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. Биографический очерк. Документы". М., Изд. Academia, 1999, см. также прим. (38) к главе V.

72 Там же, стр. 144.

73 Сведения об этом приведены М.А.Поповским на стр. 160 его книги "Дело академика Вавилова": 1983, изд. "Эрмитаж", Тэнафлай, США.

74 Там же, стр. 163.

75 Там же, стр. 162.

76 Там же, стр. 163.

77 Евгения Альбац. Гений и злодейство, газета "Московские новости", 46, 15 ноября 1987 г., стр. 10.

78 См., например, А.К.Коль. Реконструкция растениеводства СССР. Журнал "Социалистическая

реконструкция сельского хозяйства", 1936, 10.

79 Акад. Н.Вавилов. Пути советской растениеводческой науки (Ответ критикам). Там же, 1936, 12, стр. 33-46.

80 Там же, стр. 38.

81 Там же, стр. 39.

81а Шлыков Г.Н.. Интродукция растений. М.--Л., Сельхозгиз, 1936.

82 Там же, стр. 39-40.

83 Там же, стр. 42.

84 А.К.Коль. Против морфологической абстрактности в изучении мировых ресурсов. Журнал "Яровизация", 1937, 3 (12), стр. 67-88.

85 Там же, стр. 67.

86 Там же, стр. 77-78.

87 Там же, стр. 79.

88 О факте отправки письма Прянишникова в редакцию сообщил с возмущением член редколлегии журнала И.И.Усачев, директор ВИУА, который, выступая на активе ВАСХ- НИЛ, сказал:

"Акад. Прянишников требовал, чтобы мы наложили на редактора журнала административное взыскание за помещение статьи Коля...". См. редакционную статью "В свете критики и самокритики". Журнал "Бюллетень ВАСХНИЛ", 1937, 4, стр. 23.

89 А.К.Коль. Сортовая интродукция, ее ближайшие задачи. Журнал "Селекция и семеноводство", 1937, 12, стр. 16-22.

90 Постановление СНК СССР "О мерах по улучшению семян зерновых культур" от 29 июня 1937 г., опубликовано в журнале "Селекция и семеноводство", 1937, 10.

91 Обстоятельства разговора М.И.Хаджинов поведал мне в частной беседе с ним в 1978 году во время его приезда в Москву.

92 О том, как он написал диссертационную работу для Шунденко и как последний защитил ее М.И.Хаджинов поведал 4 августа 1967 года М.А.Поповскому.

93 См. прим. /73/, стр. 177.

94 Там же.

95 Цитировано по статье: Д.В.Лебедев, Э.И.Колчинский. Последняя встреча Н.И.Вавилова с И.В.Сталиным (Интервью с Е.С.Якушевским). В сб. "Репрессированная наука", вып. II, СПБ; Изд. "Наука", 1994, стр. 211.

96 Цитиров. М.А.Поповским по "Следственному делу Н.И.Вавилова", 1500, т. 1, см прим. /73/, стр. 166.

97 ЛГАОРСС, Архив ВИР, фонд 9708, ед. хр. 1377, листы 1-516, см. также прим. /73/.

98 Там же, лист 16.

99 Редакционная статья" Оздоровить Академию сельскохозяйственных наук. Беспощадно

выкорчевывать врагов и их охвостье из научных учреждений". Газета "Социалистическое земледелие", 11 января 1938 г.

100 Т.Д. Лысенко, Президент ВАСХНИЛ. На новых путях. Газета "Правда", 9 апреля 1938г., 98 (7433), стр. 3.

101 Там же.

102 Там же.

103 Там же.

104 Д. Осипов. Плоды политической беспечности. Газета "Правда", 19 апреля 1938 г., 108 (7433), стр. 2.

105 Там же.

106 В информационном сообщении об этом заседании говорилось:

"В Совнаркоме СССР

8 мая состоялось очередное заседание Совета Народных Комиссаров Союза ССР под председательством тов. В.М.Молотова...

В развернувшихся... оживленных прениях приняли участие т.т. Кафтанов, Л.М.Каганович, президент Сельскохозяйственной Академии имени Ленина Т.Д.Лысенко, акад. Кржижановский, Вознесенский, Молотов.

Совнарком решил воздержаться пока от утверждения плана работ Академии наук СССР на 1938 год...

Совнарком признал необходимым пополнение новыми, в том числе молодыми научными силами состава Академии наук".

Газета "Правда", 11 мая 1938 г., 128 (7453), стр. 3; см. также журнал "Вестник Академии наук СССР", 1938, 5, стр. 72.

107 Там же.

108 Там же. В этом же номере газеты "Правда" передовая статья была озаглавлена "Советская наука", и в ней говорилось:

"Лжеученые и вредители, окопавшиеся в ряде институтов, всячески старались убить

побольше сил и средств на никчемную возню с никому не нужными "темами". Уроки вредительства до сих пор учтены в совершенно недостаточной степени, ликвидация вредительства протекает крайне медленно".

В передовице приводились примеры:

"...языковеды... проходят мимо борьбы против порчи русского языка... засорения украинского и белорусского языка полонизмами", [географы] "задумали выпуск географии СССР в 37 томах, между тем как однотомной географии нашей родины нет... Гуляли "теорийки"...о бедности геологических ресурсов Урала, Средней Азии, Кавказа".

Сообщались и положительные примеры:

"обнаружение... апатитов на Кольском полуострове, кобальта, молибдена -- в Средней Азии, золотоносной жилы -- в глухой сибирской тайге. Но с неменьшим увлечением работают славные творцы новых сортов растений, заставляющие землю родить улучшенные виды картофеля, пшеницы, хлопка, фруктов и т. д.".

Таким образом, фамилия Лысенко впрямую не называлась, но, о ком идет речь, всем читателям было ясно. Характерной была цитата Сталина, приведенная в статье:

"Данные науки всегда проверялись практикой, опытом. Наука, порвавшая связи с практикой, опытом, -- какая же это наука? "(Сталин).

109 6 апреля 1938 года академик Б.А.Келлер в статье "Большие планы и малые дела", опублико-

ванной в газете "Правда" (95 /7420/, стр. 3), выступил против исследований, проводившихся в Ботаническом и Зоологическом институтах Академии наук СССР. Он писал:

"Типичным примером изучения ради изучения являются темы: "Фауна чешуекрылых Башкирского и Хоперского заповедников" и "Фауна грибных мух в Ленинградской области". Зачем трудящимся Ленинградской области научные труды о свойствах грибных мух!

...очень крупное значение имеет разработка приспособлений в свете теории стадийного развития Т.Д.Лысенко... Вместо этого в плане предлагаются монографии осоки, рододендрона, манжетки. Манжетки и рододендроны! Поистине актуальные!

Пора основательно погреметь в Ботаническом институте около некоторых ушей, как это делалось в сказочной Лапутии, чтобы люди, наконец, проснулись и почувствовали себя в советской стране...

А "имеющие уши да слышат" в других научно-исследовательских институтах Академии наук СССР".

110 Акад. Б. Келлер. Генетика и эволюция. Журнал "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства", 1936, 12, стр. 23-32. Цитата взята со стр. 24. Правда, в следующем же предложении Келлер в известной степени дезавуировал заявление о познании гена:

"Но сама природа гена, как частицы живой материи, остается загадочной, и ее выяснение с совершенной очевидностью требует исторического, эволюционного подхода" (там же).

В конце статьи он почти полностью скатывался на позиции лысенкоизма, демонстрируя таким образом тягу к эклектической мешанине диаметрально противоположных суждений:

"Для того, чтобы искусственно вызвать ген-мутации, надо искать силы вне организма или даже прямо космического характера. Лучшим средством для этого считаются лучи Рентгена... Таким образом есть опасность, что генетика главную роль в возникновении ген-мутаций припишет небесным силам, хотя и вполне материального порядка" (стр. 30). Келлер далее предлагал считать возможной базой для мутаций только "длительные модификации, которые потом скачком переходят в мутации" (стр. 32).

111 И.В.Сталин. Речь на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1936 года. М.,

Госполитиздат, 1938 г.

112 Редакционная статья:

"В Президиуме Академии Наук

План работы Академии наук СССР на 1938 год, как известно, не был утвержден Совнаркомом СССР...

Вчера президиум заслушал сообщения руководителей отделений о том, как осуществляется перестройка работы в соответствии с постановлением правительства...

Из доклада акад. А.Е.Ферсмана выяснилось, что отделение математических и естественных наук окончательно составленного плана тоже не имеет. Планы отдельных институтов, как, например, генетики и геологических наук, страдают отсутствием конкретных тем...".

Газета "Правда", 26 мая 1938 г., 143 (7468), стр. 6.

113 Там же.

114 Газета "Правда", 28 мая 1938 г., 145 (7470), стр. 6.

115 Там же.

116 Редакционная статья "Борьба за передовую науку". Журнал "Вестник АН СССР", 1938, 6, стр. 6.

117 Там же.

118 К. Потапов. Большие изъяны Малой энциклопедии. Газета "Правда", 7 июля 1938 г., 185 (7510), стр. 4.

119 См. прим. /116/, стр. 7.

120 Редакционная статья" Хроника". Журнал "Вестник АН СССР", 1938, 6, стр. 7-577.

Постановление Президиума АН СССР начиналось так:

"Заслушав доклад акад. Н.И.Вавилова о работе Института генетики, Президиум Академии наук констатировал, что институт не только не ведет борьбы с классово-враждебными

установками на биологическом фронте, но своими ошибками объективно способствует развитию этих враждебных установок...

В Институте отсутствует обстановка для правильного методологического воспитания научной молодежи и для теоретической помощи старшим научным работникам ...

Институт фактически отмежевывается от направления научных работ акад. Т.Д.Лысенко...

Работы Института по разделу растений... страдают теми же общими недостатками".

121 Там же.

122 Информационное сообщение" Заседание Совета Народных Комиссаров СССР". Газета "Правда", 27 июля 1938 г., 205 (7530), стр. 2.

123 Там же.

124 Передовая статья "Науку -- на службу стране". Газета "Правда", 29 июля 1938 г., 207 (7532), стр. 1,

Авторы передовой статьи использовали в своем лексиконе далеко не литературные выражения. Утверждалось, например, что китаевед акад. В.М.Рихтер и физиолог растений А.А.Рихтер вместо науки "разводили бредни", а биофизик акад. Лазарев "позволял себе трюки".

125 См. прим. (4), стр. 270.

126 Б.А.Келлер. Николай Васильевич Цицин (кандидат в действительные члены АН СССР), газета "Правда", 10 января 1939, 10 (7695), стр. 4. Газета "Правда", январь 1939.

127 Акад. А.Н.Бах, Акад. Б.А.Келлер, проф. Х.С.Коштоянц, канд. биол. наук А.Щербаков, Р.Дозорцева, Е.Поликарпова, Н.Нуждин, С.Краевой, К.Косиков. Лжеученым не место в Академии наук. Газета "Правда", 11 января 1939, 11 (7696), стр. 4.

128 Передовая статья газеты "Правда" "Накануне выборов новых академиков", 16 января, 16 (7701). См. также статью "Выборы в Академию наук СССР", 25 января 1938 г., 24 (7709), стр. 6.

129 См. прим. (4), стр. 271.

130 Н.И. Вавилов. Как строить курс генетики, селекции и семеноводства. Газета "Социалистическое земледелие", 1 февраля 1939 г., 25. Опубликована также в 1-м томе "Избранных трудов" Н.И.Вавилова, М.-Л., Изд. "Наука", 1965, стр. 384-386.

131 Там же, стр. 385.

132 Т.Д. Лысенко. По поводу статьи академика Н.И.Вавилова. Газета "Социалистическое земледелие" 1 февраля 1939 г., 25.

133 Там же.

134 История

Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). 1938, М., Изд. "Правда", 352 стр.

135 См. прим. (132).

136 Студенты Сельскохозяйственной академии имени К.А.Тимирязева БУРЦЕВ, СМИРНОВ,

ИСАЕВ, ЦЮСТИН, АМБРОСОВА, ПЛАТОНОВ, ИВАНОВА, КОРШУНОВА, СМЕЛЯНСКАЯ, СПИЧКИН, ОРЛОВ, СОЛОДУХИН, ДЕМИДЕНКО, АТРОШЕНКО, МЕДИНКАРОВ, НЕНЮКОВ, БОДАЙ, АВДУЕВ, СОКОЛОВ, КОЛЫЧЕВ, СМОЛЯНИНОК, КОСТЮК, СЕМЕНКО, СИДОРОВ. Изгнать формальную генетику из вузов. Газета "Социалистическое земледелие", 14 июня 1939 г., 132.

137 Проф. Н.Н.Гришко и проф. Л.Н.Делоне, Курс генетики. М. Сельхозгиз, 1938.

138 Цитиров. по копии письма, любезно предоставленной мне В.С.Кирпичниковым.

139 К.М. Дмитриев. Под знаменем дарвинизма. На Всесоюзном совещании по селекции и семеноводству. Журнал "Яровизация", 1939, 2 (23), стр. 117-122.

140 Там же, стр. 117.

141 Там же, стр. 119.

142 Там же.

143 В отчете о Совещании говорилось:

"Академик Т.Д.Лысенко самым энергичным образом отмел заявления со стороны Н.И.Вавилова и других о якобы существующем зажиме деятельности сторонников менделизма-морганизма...

Т.Д.Лысенко указал далее, что генетики-менделисты в последние годы уклоняются от обсуждения спорных вопросов по существу, предпочитая отделываться общими фразами и голыми ссылками на заграничных генетиков и селекционеров". Там же, стр. 121.

144 Там же,

145 Там же.

146 Там же.

147 М.А.Поповский, Дело Вавилова. В сб. "Память", вып. 2, Москва, 1977 -- Париж 1979, стр. 296.

148 Там же.

149 Цитиров. по имеющейся у меня магнитофонной записи выступления М.Г.Зайцевой.

150 Цитировано по машинописной копии рукописи Ж.А.Медведева, 1962.

151 См.: О.Павлов. Колос по новой программе. Газета "Известия", 19 января 1985 г., 20

(21097), стр. 2.

152 Выдержки из стенограммы приведены в книге Ж.А. Медведева, см. прим. (150), стр. 12-5 127.

153 Акад. П.П.Лукьяненко. Селекция и урожай. Газета "Правда", 18 апреля 1966 г., 108 (17425), стр. 2.

154 Академик П.П. Лукьяненко. О методах селекции пшеницы. Журнал "Агробиология", 1965, 2, стр. 172.

155 Там же, стр. 170-171.

156 Там же, стр. 173. Лукьяненко здесь ссылался на статью В.П.Эфроимсона и Р.А.Медведева "Критерий -- практика". Газета "Комсомольская правда", 17 ноября 1964 г.

157 См. прим. (152), стр. 133-135.

158 Постановление Президиума ВАСХНИЛ 7 от 23 мая 1939 г., цитиров. по М.А.Поповскому, см. прим. (35), стр. 129-130.

159 См. прим. (147), стр. 297-298.

160 ЦА ФСБ России, д. з-2311, том 8, л. 138, см. книгу "Суд палача", прим. (71), стр. 168.

162 См. газету "Соцземледелие", 1-2 сентября 1938 г. и последующие номера этой газеты;

статью И.Презента в журнале "Яровизация", 1939, 2 и статью Г.Н.Шлыкова "В оковах лженауки", журнал "Советские субтропики", 1939, 6, стр. 57-61.

163 Личное сообщение Д.В.Лебедева, март 1986 г.

164 Цитировано по письму Д.В.Лебедева ко мне, 23. 07. 94 г., стр. 3.

165 В.К.Милованов. Выступление на дискуссии по генетике и селекции. Цитиров. по: "Сове щание по генетике и селекции. Спорные вопросы генетики и селекции (общий обзор совещания)". Журнал "Под знаменем марксизма", 1939, 11, стр. 89 и 92.

166 Б.А.Келлер. Выступление на совещании по генетике и селекции. Там же, стр. 92.

167 Там же, стр. 90-91. В это же время его брат, М.М.Завадовский, также выступивший на совещании, твердо защищал генетику и сказал:

"Правда фактов все-таки за той наукой, которая носит название генетики. Правда методов за той наукой, которая носит название генетики". (Там же, стр. 89).

Комментировавший от лица редколлегии этого журнала материалы дискуссии В.Колбановский сделал характерное замечание относительно выступления М.М.Завадовского:

"М.М.Завадовский не обнаруживает желания заняться самокритикой и даже не пытается объяснить, из-за чего возникли и длятся так долго споры среди генетиков". (Там же, стр. 89).

168 Там же, стр. 95.

169 Там же, стр. 93.

170 Там же.

171 Там же, стр. 94.

172 Там же.

173 Цитировано по сборнику "Репрессированная наука", вып. II , СПБ, изд. "Наука", 1994, стр. 55.

174 См. сборник "Совещание по генетике и селекции", см. прим. (165), стр. 131.

175 Там же, стр. 139-140.

176 Там же, стр. 147.

177 Там же, стр. 159.

178 Т. Д. Лысенко. Выступление на дискуссии по генетике и селекции, созванной редакцией

журнала "Под знаменем марксизма" 7 октября 1939 г. (цитиров. по тексту выступления, опубликованного под названием "Настоящая генетика -- это мичуринское учение" в книге "Агробиология", 6 изд., М., 1952, Сельхозгиз, стр. 282).

179 Там же, стр. 274.

180 И.В.Мичурин. Итоги его деятельности в области гибридизации плодовых. Предисловие Н.И.Вавилова, под ред. В.В.Пашкевича, М., Изд-во "Новая деревня", 1924.

180а Марк Поповский. Спор давний, но не забытый. Журнал "Знание -- сила",4, 1965, стр. 16-18.

181 См. прим. (178). Лысенко, кроме того, сказал:

"Насколько я на слух мог уловить, поданное Вавиловым в президиум заявление, разъясняющее его выступление, гласит, что будучи директором института, входящего в систему Академии сельскохозяйственных наук, акад. Н.И.Вавилов не будет подчиняться руководству Академии. Как это можно понять? Руководство Академии должно отвечать за академические институты, а директор одного из наиболее крупных институтов -- Всесоюзного института растениеводства заявляет, что он не будет подчиняться руководству. Неужели таким заявлениям нужно верить всерьез?" (Там же, стр. 280).

182 М.Митин. За передовую советскую генетическую науку. Газета "Правда", 7 декабря 1939 г., 337 (8022), стр. 3. См. также перепечатку этой статьи в сборнике его статей "За материалистическую биологическую науку", в которой наиболее грубые места из его выступлений изъяты, Изд. АН СССР, М.-Л., 1949, стр. 12-13. См. также.

М. Б. Митин. Вступительное слово на совещании по генетике и селекции. Журнал ЦК

ВКП(б) "Под знаменем марксизма", 1939, 11, стр. 86.

183 Там же.

184 См. сборник" Против механистического материализма и меньшевиствующего идеализма", М., 1931.

184а Т.Д.Лысенко, И.И.Презент. О "логиях", "агогиях" и действительной науке. О статье Серебровского "Гибридизация животных и наука". Газета "Правда", 26 апреля 1936 г., 170.

185 См. ссылку /182/.

186 Там же.

187 П.Ф. Юдин. Выступление на дискуссии по генетике и селекции. Журнал "Под знаменем марксизма", 1939, 11, стр. 99.

188 Там же, стр. 125.

189 Выступление Г.Н.Шлыкова, там же, стр. 95. Г.Н.Шлыков, в частности, сказал:

"... в Институте, руководимом Вавиловым, царила до недавнего времени атмосфера полного подчинения всех сотрудников идейной концепции директора Института. Всякому несогласному со взглядами Вавилова в Институте приходилось туго. В Институте полное отсутствие научной самокритики" (стр. 95).

190 Там же, стр. 96. Комментатор писал:

"От крупного ученого Вавилова... совещание ожидало глубокого критического анализа существа спорных вопросов, характеристики создавшегося положения и, наконец, решительной самокритики. К сожалению, ни того, ни другого, ни третьего тов. Вавилов в своем выступлении не дал. Речь его была проникнута пиэтэтом перед зарубежной наукой и нескрываемым высокомерием по адресу отечественных новаторов науки".

191 Там же, стр. 96.

192 Там же, стр. 98.

193 Н. И. Ермолаева. Расщепление гороха при посеве и скрещивании его в разные сроки. Журнал "Яровизация", 1938, 1-2 (16-17), стр. 127-134.

194 Личное сообщение Д.В.Лебедева, 1987 г.

195А.Н. Колмогоров. Об одном новом подтверждении законов Менделя. Журнал "Доклады АН СССР", 1940, т. 27, 1, стр. 38-42.

196 Э. Кольман. Возможно ли статистико-математически доказать или опровергнуть менделизм? Там же, 1940, т. 27, 9, стр. 836-840.

197 Академик Т.Д. Лысенко. По поводу статьи академика А.Н.Колмогорова. Там же, 1940, т. 27, 9, стр. 834-835.

198 См. прим. (196), стр. 837.

199 Там же,

200 См. прим. (197), стр. 834.

201 Там же, стр. 835.

202 Запись рассказа Е.С.Якушевского сделана Д.В.Лебедевым и пересказана мне летом 1987 года.

203 Д.В.Лебедев, Э.И.Колчинский Последняя встреча Н.И.Вавилова с И.В.Сталиным (Интервью с Е.С.Якушевским), В сб. "Репрессированная наука", Вып. II, Изд. "Наука", СПБ, 1894, стр. 243-251.

204 Н.И.Вавилов. О состоянии научно-исследовательской работы и о повышении квалифика-

ции научных кадров. Доклад на выездном заседании Ленинградского областного бюро Секции научных работников профсоюза вузов и научно-исследовательских учреждений во Всесоюзном институте растениеводства 15 марта 1939 года). В журнале "Сельскохозяйственная биология -- Серия Биология Растений", 5, 1998, стр. 87--110. Цитата взята со стр. 90.

205 Письмо Н.И.Вавилова К.И.Пангало (1939). Опубликовано в сб. "Из истории биологии",

сб. 2, М., Изд. "Наука", 1970, стр. 189. В то время К.И.Пангало работал научным сотрудником Ботанического сада в г.Балхаш Карагандинской области.

206 См., например, Т.Д. Лысенко. Мичуринское учение на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Журнал "Вестник сельскохозяйственной науки", 1940, сер. плодово-ягодные культуры, вып. 1, стр. 3-11.

207 См. прим. (204), стр. 99.

208 Там же.

209 ЦА ФСБ России, "Р-2311, т. 8, л. 152-17; см. также прим. (71), стр. 186.

210 Там же.

211 Цитировано по магнитофонной записи, сделанной мной во время данного заседания.

212 Цитиров. по имеющейся у меня копии оригинала (отпуску) письма Н.И.Вавилова, Кожухова и Хаджинова.

213 К.О.Россиянов. Сталин как редактор Лысенко, Журнал "Вопросы философии", 1993, 2, стр. 56-69. Россиянов приводит данные об архиве, где хранится текст выступления Вавилова -- Архив АН, ф. 2, оп. 4, д. 43, и д. 47.

214 Н.И.Вавилов. Критический обзор современного состояния генетической теории селекции растений и животных. В кн. Академик Н.И.Вавилов. Избранные труды, т. 5, Изд. "Наука",

М. -- Л., 1965, стр. 406-428.

215 См. прим. (211). Или Вавилов, или выступавший на заседании, посвященном его памяти, изменили строки из стихотворения Вл. Соловьева. В оригинале: "На небесах горят па-

никадила, в могилах -- тьма".

216
 Цитиров. по тексту воспоминаний академика ВАСХНИЛ И.Е.Глущенко.

217 Там же.

218 Там же.

Г л а в а XI

ГИБЕЛЬ ВАВИЛОВА, КАЗНЬ ЕГО СОРАТНИКОВ

"Известно, нет событий без следа:

Прошедшее, прискорбно или мило,

Ни личностям доселе никогда,

Ни нациям с рук даром не сходило!"

А.К.Толстой. Портрет (1).

"Мы часто на страницах прессы негодуем, когда где-нибудь обнаруживается спрятавшийся от расплаты какой-нибудь фюрер СС, -- и это справедливо. Допустим, что процессов над отечественными эсэсовцами из ГУЛАГа и МВД из-за того, что может вскрыться, проводить не хотят. Но расстрелять Лысенко и Презента следовало бы. Потеряв в застенках 10 000 000 жизней своих соотечественников, страна могла бы позволить себе добавить к ним еще двух негодяев, не нашедших в себе мужества покончить с собой."

Г.Озеров (Л.Л.Кербер) (2).

Арест Вавилова

31 марта 1940 года война СССР с Финляндией завершилась, СССР присоединил к себе часть финской территории, и для оценки ботанико-географического состояния земель и выработки предложений по их освоению туда была направлена экспедиция Наркомзема, составленная из лысенкоистов. Комиссия завершила работу быстро, но скоро выяснилось, что ее предложения безответственны. Поэтому, когда в конце июля СССР захватил Закарпатскую Украину, Нарком земледелия Бенедиктов решил направить в этот район экспедицию во главе с Вавиловым.

Можно представить себе, как это обеспокоило Лысенко. Если бы экспедиция Вавилова успешно справилась с заданием, это неминуемо ударило бы рикошетом по Лысенко, чья команда только что провалила сходное задание.

К этому времени и личные отнрошения с Вавиловым перешли в открытую вражду.Оба уже

не могли сдерживать друг друга при встречах. По свидетельству мужа сотрудницы Ботанического института АН СССР Ольги Александровны Семихатовой, художника-оформителя, работавшего в мае 1940 года в одном из павильонов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки[3], Лысенко столкнулся там с Вавиловым. Оба приехали посмотреть свои стенды перед открытием выставки для публики, и между ними начались пререкания, перешедшие в яростный спор. Вавилов распалился и начал громко, так что слышали все окружавшие, высказывать Трофиму Денисовичу всё что накопилось на душе. Лысенко все обвинения отрицал и тоже повышал голос. В какой-то момент здоровяк Вавилов ухватил Лысенко за лацканы пиджака, подтянул к себе и этим здорово напугал сухопарого и менее сильного Лысенко.

-- Не троньте меня! Вы не имеете права. Я депутат Верховного Совета СССР. Это вам плохо кончится! -- хрипел униженный "новатор" (3).

Возможно, это был не последний случай, когда Вавилов в лицо и в гневной форме высказал Лысенко всё, что о нем думал. Известный цитолог профессор Лидия Петровна Бреславец за два-три дня перед отъездом экспедиции Вавилова во Львов оказалась в приемной Лысенко в здании Президиума ВАСХНИЛ в Харитоньевском переулке, когда Вавилов был у Лысенко. Вавилов вышел из кабинета красный и проговорил, что заявил президенту: "Из-за вашей деятельности нашу страну обогнали по многим вопросам на западе" (4). Столь откровенный разговор мог также добавить злости Лысенко, ведь обвинение в грехах, приведших к отставанию всей страны, было не шуточным, вряд ли можно было сильнее озаботить человека и даже напугать его. А страх -- самое долгозапоминающееся чувство.

Случай для отмщения мог представиться во время очередной встречи начальства в Кремле. Из газетных сообщений мы можем до известной степени восстановить события тех дней. 1 августа в Кремле открылась сессия Верховного Совета СССР, продолжавшаяся до 7 августа. Фотографии членов руководства партии и правительства и восседающего на верхней трибуне -- над ними -- Лысенко появились в газетах и первого и второго августа. Сессия одобрила включение в состав Советского Союза прибалтийских государств и Закарпатской Украины, Молотов выступил с докладом о внешней политике Советского Союза (5). Известно, что именно на таких встречах многие вопросы обсуждаются и предрешаются теми, кто не хочет делать что-то открыто. Как бы невзначай, несколькими фразами, можно обменяться мыслями и наболевшими вопросами с руководителями, и сделать это вне глаз и ушей секретарей, помощников и других возможных соглядатаев и прослушивателей телефонов. Во время сессии у Лысенко было много возможностей обсудить щекотливые вопросы с высшими руководителями, не привлекая к себе особенного внимания. Не здесь ли и была решена судьба Вавилова и переломлено сопротивление тех, кто еще мешал его аресту? Наверняка, последние стычки с Вавиловым подлили масла в огонь его давней неприязни к бывшему благодетелю.

В последних числах июля экспедиция Вавилова покинула Москву. Сообщение об этом появилось в "Ленинградской правде", но, как водится, для отвода глаз маршрут экспедиции был указан неправильно (6). Вавилов и его коллеги успели приехать во Львов и сразу же на машинах отправились в Закарпатье. В тот же день, 6 августа, за ними неожиданно примчался "газик" с незнакомыми людьми, одетыми в штатское. Вавилова, как они объяснили, срочно затребовали в Москву. Рядом с Николаем Ивановичем были Вадим Степанович Лехнович и Фатих Хафизович Бахтеев, которые сначала не сообразили, что это за машина и что это за люди. Мало ли за какой надобностью Вавилова вдруг затребовали срочно в Москву. Но в суматохе агенты НКВД забыли захватить личные вещи Николая Ивановича и пришлось присылать за ними (столь же срочно) еще раз машину. Люди в штатском привезли Лехновичу записку от Вавилова, собственноручно им написанную:

"Дорогой Вадим Степанович.

В виду моего срочного вызова в Москву выдайте все мои вещи подателю сего.

6/8/40 23 часа 15 минут

Н. Вавилов" (7).

Прочтя записку и увидев, как разговаривают и как ведут себя приезжие, Лехнович и Бахтеев поняли, с кем они имеют дело и куда увезли их учителя. Интересная деталь выявилась несколькими десятилетиями спустя: в письме ректору Горьковского сельскохозяйственного института А. В.Галкину старший помощник прокурора Горьковской области по надзору за следствием в органах госбезопасности, советник юстиции В.А.Колчин, отвечавший на запрос относительно судьбы профессора института Е.К.Эмме, арестованной в 1941 году, сообщил, что "накануне ареста академика Вавилова, Эмме отказалась написать на него клеветническое письмо" (8). Значит, и вдали от Москвы, чекисты набирали компромат на академика.

Конечно, проще было арестовать Вавилова в Москве, но кому дано знать, что считают для себя более простым руководители НКВД?

В судьбе Вавилова, как он правильно писал в письме к Пангало, принимали участие противоборствующие силы. Естественно, об аресте Вавилова вдали от людских глаз, в горах, НКВД в известность никого не ставил. И в Москве -- в Наркомате земледелия, и в Ленинграде было всем известно, что Вавилов уехал с важным заданием. Поэтому было подписано решение о награждении Вавилова Большой Золотой медалью ВСХВ, которая котировалась достаточно высоко (9). Конечно, награждение Вавилова, труд которого на протяжении многих лет не поощрялся даже самой скромной почетной грамотой, было встречено вировцами с радостью. И самое поразительное: сообщение об этом решении Главного Выставочного Комитета ВСХВ появилось в "Ленинградской правде" 27 августа 1940 года (10). В сообщении говорилось, что "Н.И.Вавилов, РАБОТАЮЩИЙ во Всесоюзном институте растениеводства", награжден не только медалью, но и премией в размере 3000 рублей. Эта заметка породила много радостных надежд у сотрудников Вавилова.

О том, что Лысенко не скрывал своего удовлетворения, говорит, например, сцена, описанная в воспоминаниях Глущенко, работавшего с 1939 года в вавиловском Институте генетики в Москве и имевшего, по его словам, хорошие отношения с Николаем Ивановичем. Как-то в августе 1940 года он находился на томатном участке и следил за сбором урожая (участок находился на месте нынешнего универмага "Москва" на Ленинском проспекте), как вдруг подъехала машина, и из нее вышел Лысенко.

-- Где твой директор? -- обратился он к Глущенко с вопросом.

-- Откуда я могу знать, -- ответил Глущенко, -- я его работу не контролирую. Наверно, в Ленинграде.

-- Его нет ни в Москве, ни в Ленинграде: он арестован, -- сообщил Лысенко, сел в машину и уехал. Сама цель, с которой он приезжал, была показательной.

Презент в эти дни оказался в Ленинграде, и на одном заседании его спросили в лоб, где находится Николай Иванович. Презент, любивший пустить пыль в глаза и постоянно цитировавший на память фразы из самых разных источников, порой ошарашивая

присутствующих эрудицией Остапа Бендера, мгновенно выпалил:

- Отвечу словами Писания: я не сторож брату своему.

Этими словами Каин, только что убивший родного брата Авеля, ответил на вопрос Бога:

-- ... где Авель, брат твой?

Возможно, Презент хотел иносказательно заявить, что с Вавиловым покончено, но он даже не подумал, какое отвратительное впечатление производит, упиваясь победой над многолетним врагом.

Сразу же после ареста Вавилова Шунденко исчез из Ленинграда. Вынырнул он в Москве. Приехавшая в столицу профессор ВИР Е.Н.Синская столкнулась с ним в центре Москвы неподалеку от Лубянки. Недавний доцент был облачен в новенький мундир офицера НКВД. Синскую он не удостоил даже кивка головой. Глядя ей прямо в глаза, он лишь слегка улыбнулся. Как стало известно позже, он был внедрен в ВИР неспроста и выполнял там "важное государственное задание", будучи главным лицом в аппарате НКВД, отвечавшим за "Дело Вавилова". Но все это выяснилось только много лет спустя.

В постановлении на арест Вавилова говорилось:

"Установлено, что в целях опровержения новых теорий в области яровизации и генетики, выдвинутых советскими учеными Лысенко и Мичуриным, ряд отделов ВИР'а по заданию Вавилова проводили специальную работу по дискредитации выдвинутых теорий Лысенко и Мичурина... После разгрома право-троцкистского подполья Вавилов не прекращает своей к-р [контрреволюционная -- В.С.] деятельности, группирует вокруг себя своих единомышленников для борьбы
 с советской властью. Продвигая заведомо враждебные теории, Вавилов ведет борьбу против теорий и работ Лысенко, Цицина и Мичурина, имеющих решающее значение для сельского хозяйства СССР, заявляя, мы были, есть и будем "анти" -- на костер пойдем за наши взгляды и никому наших позиций не уступим. Нельзя уступать позицию. Нужно бороться до конца"" (11).

Примерно в то же время были арестованы руководители и ведущие сотрудники институтов хлопководства, животноводства, защиты растений и многих других. Арестовали начальника Главного свекловичного управления Наркомзема СССР Н.Ф.Скалыгу. Однако они по делу Вавилова не проходили.

Разгром ВИРа

Арест Вавилова развязал руки Лысенко. Он с удесятеренной энергией принялся уничтожать созданные Вавиловым институты.

С московским институтом -- генетики АН СССР -- все было просто. Директором его стал сам Лысенко со всеми вытекающими из этого последствиями (12): в ближайшее время все генетики -- ученики и сотрудники Вавилова, кроме троих (Т.К.Лепина, М.Л.Бельговского и его жены А.А.Прокофьевой-Бельговской), были вынуждены покинуть институт[4]. Название института теперь только номинально соответствовало своему профилю, начинка его стала чисто лысенковской.

С ленинградским институтом -- ВИР'ом -- было труднее. ВИР хоть и уменьшился в объеме,

но всё равно имел почти тысячу сотрудников, к нему относились несколько десятков опытных станций, еще больше опорных участков, лабораторий, расположенных по всей стране. Во главе лабораторий и отделов стояли, как правило, известные ученые, которых просто так разогнать было нелегко даже всесильному Лысенко. Нужно было искать методы осуждения деятельности этих людей, носящие хотя бы видимость объективного разбора ошибок в работе.

"Начался свирепый разгром Института, -- вспоминает профессор Синская. -- Совещания и партийные заседания сделались невыносимыми. Каждому из нас грозила реальная опасность получить инфаркт или что-нибудь в этом роде... Одним из первых жертв террора оказался заведующий биохимическим отделом ВИР -- старый профессор Н.Н.Иванов. Он разволновался на одном из ученых советов, затем поспорил в кабинете, который хотели у него отобрать, пришел домой и сказал: "Так жить дальше нельзя". Лег и через час его нашли мертвым" (13).

Чтобы окончательно истребить вавиловский дух в ВИР'е, в Ленинград поехала специальная комиссия, утвержденная лично Лысенко и наделенная большими полномочиями. Еще и Карпеченко, и Левитский, и Говоров, и Фляксбергер были на свободе, одно их присутствие вселяло в их коллег робкие надежды, что, может быть, институт не будет разгромлен. Старались поддержать эти настроения и наиболее твердые духом сотрудники Вавилова. Например, на одном из собраний Е.С.Якушевский встал после выступлений нескольких сотрудников с выпадами в адрес арестованного директора и пристыдил малодушных предателей, сказав, что никогда нельзя забывать огромного дела, сделанного Вавиловым, что все ему по гроб обязаны своими успехами, и что он лично никогда не поверит в виновность Вавилова. "Произошла какая-то ошибка, не может быть, чтобы ее не исправили", -- закончил Якушевский.

28 августа 1940 года в "Ленинградской правде" появилась статья о плохом отношении к мичуринскому учению в Ленинградском университете, где упоминали с применением эпитета "консерваторы" фамилии Карпеченко и Левитского (14). Но в те времена подобные статьи появлялись часто, и как единичный факт они не рассматривались в качестве исключительно угрожающих. Лысенко надо было переломить такие настроения, облегчить работу комиссии, посланной им разрушить "Вавилон", поэтому он сам направился в Ленинград.

В канун его приезда, 12 октября, Ученый Совет ВИРа рассмотрел вопрос о выдвижении кандидатуры Лысенко на получение Сталинской премии3. В заседании приняло участие 38 человек, в том числе специально приехавший Презент, несколько человек выступило с обоснованиями того, почему необходимо присвоить Лысенко Сталинскую премию (Эйхфельд, Мальцев, Фляксбергер, Бахтеев, Сизов, Говоров /16/). Лишь один Говоров, признавая в целом целесообразность присвоения премии, сказал:

"У нас... есть теоретические расхождения с т. Лысенко по некоторым методическим вопросам -- и у меня есть такие расхождения и несогласия" (17).

24-мя голосами "за" при одном воздержавшемся кандидатура была поддержана (18). Удивляться такому единодушию не следует: страх был велик и восставать в этом вопросе не следовало. В тот же день за подписью Эйхфельда в Комитет по Сталинским премиям ушло письмо на трех страницах с обоснованием решения ученого совета ВИРа (19)4.

13 октября Лысенко появился в ВИР'е, в том самом институте, где всего одиннадцатью годами раньше пригласивший его на генетический съезд Вавилов распахнул для него ворота

в науку. 15 октября студентов Ленинградского университета собрали на лекцию Лысенко, озаглавленную "Что такое мичуринская генетика" (22). В этот день вышла многотиражная газета "Ленинградский университет" со статьей Юрия Ивановича Полянского -- одного из ведущих профессоров славного некогда генетическими традициями учебного центра. Он спешил занять достойную коммуниста позицию и, начав свою статью с восхвалений Лысенко, перечисления его якобы "блестящих достижений", "огромного теоретического и практического значения" его работ, перешел к нападкам на генетику:

"... генетическая наука в капиталистических странах, а также отчасти и в СССР пошла... по неправильному, по-существу, антидарвинистическому пути... Самое учение об основной "наследственной единице" -- гене... носит несомненно преформистский характер...

Наличие глубоких и многочисленных антидарвинистических извращений в генетике ставит перед советскими биологами задачу, наряду с развитием передовых идей Мичурина-Лысенко, подвергнуть острой критике метафизические установки этой науки" (23).

Полянский призывал к изменению научной политики университета:

"Разработка передовых идей Мичурина и Лысенко не может являться исключительно делом кафедры дарвинизма и лаборатории биологии развития. Генетические кафедры ЛГУ должны принять активное участие в разработке ряда проблем, связанных с этим передовым направлением биологической науки" (24).

Приведенная затем цитата из Митина о "крупнейших научных достижениях в изучении хромосомного аппарата клеток" звучала не просто двусмысленно, она отвергалась полностью последним абзацем статьи:

"... одной из задач кафедры генетики ЛГУ...следует считать пересмотр обширного наследия так называемой формальной генетики" (25).

Такие высказывания для всех в университете звучали однозначно: Лысенко победил. Свою лекцию победитель посвятил тому, чтобы уговорить студентов не верить больше всему, что с этой кафедры в течение многих лет рассказывали Филипченко, Левитский, Карпеченко и другие генетики, и заявить, что факты, накопленные ими, понимались превратно, некритически:

"... мичуринцы и морганисты исходят из фактов, а приходят к противоположным выводам, из которых складываются два противоположных, взаимно исключающих направления в науке.

В чем же дело?

Дело в том, что некоторые факты только кажутся фактами" (26).

Далее он объяснял, почему генетики приходили к неверным выводам. По его словам, они просто плохо понимали жизнь, не знали, как растут растения, развиваются животные, а обитали в придуманном мире -- абстрактном, оторванном от реальности. Вот, например, Вейсман обрубал мышам хвосты, а всё равно мыши рождались с хвостами.

"Отсюда делался вывод: увечья не передаются по наследству, -- вещал Лысенко. -- Правильно ли это? Правильно. Мичуринцы никогда не оспаривали подобных фактов" (27).

А далее шло комическое объяснение:

"Всем известно, что в зарождении и развитии потомства мышей их хвосты участия не принимают. Отношение хвоста родителей к потомству очень и очень далекое" (28).

После лекции и бесед Лысенко с руководством университета и партийными боссами, среди которых выделялась доцент Б.Г.Поташникова -- ленинградская жена Исайи Презента, Карпеченко стали открыто травить. В газете "Ленинградский университет" было написано:

"Кафедра генетики продолжает оставаться оплотом реакционных учений. Руководство должно сделать из этого вывод" (29).

А Поташникова твердила всем кругом:

"Не поддерживайте Карпеченко. Судьба его решена!" (30).

23 ноября 1940 года в многотиражке "Ленинградский университет" была опубликована запись лекций Лысенко, а 25 ноября комиссия, проверявшая ВИР, отчитывалась в Москве на заседании Президиума ВАСХНИЛ. В комиссию вошли Сизов5, Тетерев, Шлыков, возглавлял ее Эйхфельд6.

После доклада Эйхфельда Президиум (не Лысенко -- единолично, а Президиум -- коллегиально!) проголосовал за следующее решение:

"Всесоюзный Институт растениеводства, как это установлено материалами комиссии по приему дел Института, с поставленными задачами не справился:

а) Институтом хотя и собраны большие коллекции культурных растений, но при сборе их не всегда руководствовались полезностью собираемого материала, и в настоящее время трудно определить научную и практическую ценность каждого образца коллекции;

б) Изучение собранных коллекций было поставлено неправильно и не давало ценных для производства и науки выводов. Небрежное же хранение коллекций привело к гибели части коллекционных образцов;

в) Институт недостаточно работал по продвижению перспективных сортов в производство...

ПРЕЗИДИУМ ПОСТАНОВИЛ:

Перевести всю работу с кукурузой из ВИР'а на опытную станцию Отрада Кубанка...

Цветы передать в Ботанический сад АН СССР... [цветы -- слово из домашнего обихода; в ботанике принят термин "декоративные растения", -- В.С.].

Исследования по винограду передать в Институт виноградарства...

Закрыть секцию субтропических культур...

Закрыть лабораторию табака и чая...

Передать коллекцию риса Краснодарской рисовой станции...

Закрыть отдел географии растений...

Закрыть отдел внедрения.

Передать местным органам:

Дальневосточную станцию ВИР'а (Лянчихэ),

Туркменскую станцию (Кара-Кала),

Репетекскую опытную
станцию в Кара-Кумах,

Опорный пункт "Якорная щель" в Крыму.

Считать нецелесообразным существование в составе Института Бюро пустынь и высокогорий" (33).

За каждой строкой решения стояли сотни людей -- тех, кого собирал под свои крылья Вавилов, кого он наставлял и учил, и кто теперь оказался на улице в связи с закрытием отделов, лабораторий, станций и опорных пунктов. Протокол этого заседания Президиума ВАСХНИЛ (34) собственноручно подписал Президент Лысенко.

ВИР -- гордость Вавилова и гордость советской науки был разрушен.

Вавилов дает показания в тюрьме

Итак, Вавилов как руководитель науки и ученый был устранен, а дело Вавилова -- его институты -- разрушены. Но сам Вавилов еще оставался живым. Он все еще был не осужденным, а подследственным, взятым под стражу. В самом начале 8-го тома его "Следственного дела" был вшит "Меморандум" от 19 августа 1940 года на 33-х страницах, имевший гриф "Совершенно секретно", в который начальник 3 экономического отдела Управления НКВД по Ленинградской области капитан госбезопасности Захаров и начальник 4 отделения мл. лейтенант безопасности Н.Макеев внесли большинство наиболее одиозных показаний против Вавилова (35). Но это еще были не доказательства, а лишь оговоры. Теперь, чтобы превратить их в доказательства, в соответствии с правилами игры, нужно было заставить Вавилова признать их за свои намеренные преступления против власти, совершенные в трезвом уме и при полном понимании вредительской и шпионской их сути. Огульный характер набранных чекистами обвинений, был в общем очевидным и для них самих. Это были все-таки даже на их жаргоне "версии". Например, раздел "Организованная деятельность" начинался с показаний Шлыкова, перечислявшего пятнадцать имен вредителей во главе с Вавиловым, из которых он особо выделял "агентов" Вавилова -- "Жуковского -- в области партийной организационной работы, Говорова -- в области марксистской теории, Синскую -- в области методики" (36). Стоит заметить, что Синская была исключительно авторитетным ученым с собственным и совсем не тихо-подчиненным голосом. Шлыкова она постоянно одергивала и публично "секла" за неграмотность, неаккуратность и подличанье. Неудивительно, что он вписывал ее в свой список. Однако шлыковские наговоры не были еще достаточными для осуждения. Столь же мало весило приведенное сразу за шлыковскими оговорами старое показание Писарева от 19 февраля 1933 года:

"...Основную связь с заграничной организацией крестьянской партии поддерживал Н.И.ВАВИЛОВ, который выезжал заграницу ежегодно. В смысле предлогов выезда

заграницу, якобы, вполне основательны были экспедиции для сбора ботанико-агрономических материалов, образцов семян разных культур и приглашения из-за границы на совещания, с'езды или для лекций" (37).

Практически те же обвинения были вписаны в протокол допроса Тулайкова 31 августа 1937 г., правда тогда они были дополнены ссылками на вредительскую связь Вавилова с Бухариным (38). Но, повторяю, всё это было пока из разряда "версий", оговоров. Теперь нужно было сломать Вавилова, чтобы он сделал самооговор.

На первом допросе 12 августа старший лейтенант НКВД А. Г. Хват (ну как не вспомнить А.И.Солженицына с его рассуждениями о том, что и фамилии у энкавэдэшников были под стать их ремеслу - если не Живодеров, то Горлопанов или, как в "деле" Вавилова, -- Хват / 39/) предъявил оговоры и потребовал, чтобы Вавилов с ними согласился6 . Вавилов все их категорически отверг:

"Это неправда. Вокруг ВИРа я группировал высококвалифицированных специалистов для ведения научной работы, антисоветской-же работой я никогда не занимался" (40).

Не признал себя вредителем и шпионом Вавилов и на допросе 14 августа, причем если первый допрос продолжался лишь 5 часов 40 минут и проходил днем, начиная с полудня, то в этот раз Хват допрашивал академика с 1 дня до 6 утра с одним четырехчасовым перерывом с 18 часов до 22 часов.

Через день Хват предъявил Вавилову формальное обвинение и потребовал, чтобы Вавилов ознакомился с ним и подписал. Обвинение гласило:

"ВАВИЛОВ Николай Иванович достаточно изобличается в том, что на протяжении ряда лет являлся руководителем контрреволюционной организации, сплачивал для борьбы с советской властью контрреволюционно настроенную часть интеллигенции, будучи агентом иностранных разведок вел активную шпионско-вредительскую и диверсионную работу по подрыву хозяйственной и оборонной мощи СССР, стоял на позициях реставрации капитализма и поражения СССР в войне с капиталистическими странами" (41),

Запирался Вавилов недолго. Уже 24 августа 1940 года, через две недели после помещения в лубянскую камеру, он, как это делали многие в подобной ситуации, -- или запуганные побоями и издевательствами, или верившие в то, что "чистосердечным" признанием спасут себе жизнь, -- счел нужным "признаться". На восьмом часу непрерывного допроса он выдохнул из себя слова признания во вредительской деятельности:

"Я признаю себя виновным в том, что с 1930 года7 являлся участником антисоветской делегации правых, существовавшей в системе Наркомзема СССР. В шпионской работе виновным себя не признаю" (42).

Припугнув Вавилова, что ему "не удастся скрыть свою активную шпионскую работу и об этом следствие будет вас допрашивать", Хват потребовал рассказать поименно, с кем подследственный был связан "по антисоветской работе". Вавилов назвал Яковлева, Чернова, Эйхе, Муралова, Гайстера, Горбунова, Вольфа, Черных (бывшего вице-президента ВАСХНИЛ), Тулайкова, Мейстера, Марголина8 и Ходорковского (43). Фактически Вавилов начал показывать, что был не одиночным исполнителем чьих-то поручений, а сам был руководителем группы преступников -- группы Вавилова. С этого момента в протоколах допросов, да и во всех меморандумах стало повторяться это определение -- "Группа Вавилова", иногда заменявшаяся синонимом -- "Делегация Правых".

Допрос в этот день был прекращен.

Знал ли Вавилов, что все названные им "враги" уже либо расстреляны, либо умерли от голода, побоев и болезней? Что "лишнее" дело, еще одна "преступная" фикция -- группа, делегация, фракция -- называй, как хочешь, -- им уже не повредит? Возможно догадывался, поэтому с такой легкостью и вовлекал именно их в свою ПРЕСТУПНУЮ ДЕЛЕГАЦИЮ ПРАВЫХ.

Размышляя над этим списком, нельзя не задаться вопросом: а случаен ли такой набор? Не слишком ли круто замешано? Три наркома, два замнаркома, секретарь Ленина и затем главный ученый (непременный, по тогдашней терминологии) секретарь Академии наук СССР, президенты и вице-президенты ВАСХНИЛ. Был ли этот список подсказан Вавилову следователем? Или Николай Иванович решил сам заварить эту кашу, всё заранее обдумав?

Если это дело рук следователя -- то, конечно, сделать это старший лейтенант мог только по приказу свыше. И тогда возникает вопрос: в чью голову пришла такая мысль -- связать одной веревочкой всю верхушку аграрного руководства страны, включая и члена высшего руководства -- Яковлева? Уж не усатый ли шутник с трубкой задумал еще один масштабный процесс на манер троцкистско-бухаринского, чтобы свалить разом все беды в сельском хозяйстве, начавшиеся с его -- сталинской -- коллективизации и до сих пор продолжающиеся, на эту ДЕЛЕГАЦИЮ ПРАВЫХ? Может быть, поэтому так долго, невероятно долго по тем временам тянулось следствие: Вавилов признал себя виновным 24 августа 1940 года, а всесильный "суд" огласил приговор только 9 июля 1941 года. Может быть, все это время дело крутили, прикладывая одну версию к другой, но затем, неожиданно для Сталина, началась война, и было уже не до показательных процессов, и так, дескать, война все беды в сельском хозяйстве на себя спишет?

Конечно, могло быть и другое объяснение: Вавилов мог сам на себя наговорить, причем сразу, решительно, через две недели сидения в застенках, чтобы абсурдностью всей затеи, которую не могли не донести до высочайших ушей, потянуть время следствия, отодвинуть его, а там, возможно, и доказать свою невиновность!? В это трудно поверить, тем более, что время следствия, когда ежедневно Хват садистски издевался над ним, не могло быть для Вавилова легким (М.А.Поповский раскопал такие сведения: перед каждым допросом, как только в дверях его кабинета появлялся конвоируемый Вавилов,

"Хват задавал один и тот же вопрос:

-- Ты кто?

-- Я -- академик Вавилов.

-- Мешок говна ты, а не академик, -- заявлял доблестный старший лейтенант" /44/9.

Да и вообще, повесить на себя такую организацию вряд ли было в интересах Вавилова. Что ни говори, это был прямой путь на эшафот, а известно до-подлинно, что Николай Иванович хотел жить, писал прошения отправить его на фронт, использовать на научной работе и т. п. В том же августе 1940 года он отправил на имя Берия письмо, в котором заявлял, что

"... никогда не изменял своей Родине и ни в помыслах, ни делом не причастен к каким-либо формам шпионской работы в пользу других государств. Я никогда не занимался контрреволюционной деятельностью, посвятив себя всецело научной работе" (47).

Следовательно, самые серьезные обвинения, грозившие смертной казнью, он отверг. Все-таки вредительство -- грех меньший.

Из Вавилова вытягивают показания на его коллег

Согласившись с обвинением во вредительской деятельности, Вавилов встал на путь признаний. Теперь Хвату нужен был следующий шаг: от согласия во вражеском сотрудничестве с уже уничтоженными людьми необходимо было заставить подследственного выдать чекистам новые жертвы, но уже из числа тех, кто еще на свободе. Допросы стали занимать всё больше времени. Вавилова доводили до состояния невменяемости, когда от бессонных ночей, от постоянных унижений и угроз любой человек терял не то что самоконтроль, а был согласен признаться в чем угодно, лишь бы выйти живым из кабинета следователя, хоть ненадолго успокоиться во сне, забыть те часы, когда слезы душили и застилали глаза.

28 августа Вавилов был доставлен в кабинет следователя в 11 утра, без обеда его допрашивали до 10 минут шестого вечера, потом отправили в камеру, где днем отдыхать было
нельзя, в 9 вечера он снова оказался перед Хватом и теперь был допрашиваем до почти пяти часов утра -- всю ночь. Спать пришлось один час, а в 10.45 утра мучения возобновились, но с всё более агрессивно следующими угрозами. Вот лишь один из отрывков из протокола, где наверняка атмосфера допроса трансформирована до доступного чекистам "гуманизма".

-- Вы до сих пор продолжаете говорить неправду. В таком случае мы будем вас изобличать пред'явлением нескольких из всей суммы фактов, которыми в отношении вас располагает следствие. Быть может вы без изобличения покажете всю правду о себе? -- настаивал Хват.

-- Не сомневаюсь, что во многих показаниях меня называют как участника организации, так как я был идеологически близок в то время к группе правых10. Но идеологическая близость не является еще определением моего участия в организации, -- парировал Вавилов (48).

Следователь продолжал задавать вопрос за вопросом о взаимоотношениях то с одним из расстрелянных "врагов совласти", то с другим, добиваясь от арестованного академика всё новых и новых самооговоров. При упоминании почти каждого персонажа признание следовало не сразу, а после предъявления той или иной страницы из дел, созданных ОГПУ-НКВД раньше. Дошла очередь до показаний Муралова, с которым у Вавилова отношения были, прямо скажем, натянутыми. Шел уже седьмой час допроса. Вавилов сказал, что "личных счетов между нами не было". Тогда Хват предъявил фразу из показаний, данных 7/VIII-1937 года давно казненным Мураловым:

"...Особо следует отметить антисоветскую деятельность академика Вавилова"

и с гневом в голосе произнес:

"Недостаточно ли сказанного чтобы вы убедились, что следствию хорошо известна ваша антисоветская работа. Требуем прекратить запирательство, которое ни к чему не приведет" (49).

В ответ Хват услышал то, что ему надо:

"Я заявляю, что покажу следствию о всех своих вражеских делах и связях" (50).

Допрос тут же был прекращен, Вавилова вернули в камеру и дали спокойно провести ночь. На очередной допрос он был вызван 30 августа ровно в полдень, и на этот раз Николай Иванович впервые (шла третья неделя после ареста) начал "припоминать", кого из находящихся на свободе людей и как он "втягивал" во вредительство. Чтобы не дать ему одуматься и не запнуться на полдороге, была опять использована тактика истощения: его допрашивали с 12 дня до 17 вечера, затем снова доставили из камеры под конвоем в 9 вечера, прервали допрос в 3 час 15 минут ночи, возобновили в 12 дня 31 августа и допрашивали до половины шестого вечера. После этого удовлетворенный Хват разрешил конвоирам увести Вавилова в камеру. Скорее всего арестованному к этому времени уже показали хотя бы часть наговоров на него теми из сотрудников, кто попал в заключение между 32-м и 37-м годами, в особенности отрывки из оговоров Писаревым, Талановым, Кулешовым. Теперь Вавилов мог продумать ночью, как вести себя дальше, как облегчить судьбу. Можно допустить, что он видел один путь: идти на сближение со следствием, выигрывать время, угадывать, какие детали и как воспринимаются юным лейтенантом Хватом. Все-таки из них двоих житейский опыт и умение лавировать между Сциллой и Харибдой были сильнее у Вавилова.

Итак, в полдень следующего дня он снова оказался перед Хватом. На этот раз протокол допроса содержит запись, что вначале Вавилов более обстоятельно рассказал о том, как его будто бы втянул во вредительство в 1930 году Тулайков, с которым, по его словам, у них были дружеские отношения. Затем он поговорил о Мейстере, назвав его офицером царской армии и крайне враждебно настроенным к советской власти человеком, чье вступление в партию коммунистов очень удивило Вавилова. Он сделал заявление, что с Мейстером они как-то откровенно обменялись взглядами на провалы в сельском хозяйстве и решили вредить вдвоем (как и чем они "вредили" протокол допроса не раскрывает). После этого в протоколе содержится очень неодобрительный отзыв Вавилова о Бондаренко, который будто бы "в настоящее время... работает в Москве в одном из экономических институтов".

Затем Вавилов рассказал о том, как он якобы завербовал тех, кто был арестован в 1933 и в более поздние годы. Начал он с Таланова, (который, как мы теперь знаем, уже не был в живых), затем перешел к Писареву. Ему он приписал вредительство еще задолго до своего, сказал, что Писарев точно, по его сведению, входил в ТКП, причем входил до 1930-го года, упомянул, что сам втянул Писарева в группу "правых", сказал, что после выхода Писарева на свободу в 1934 году, Вавилов "встречался с ним редко, лишь в официальной обстановке". В прошлом, по словам Вавилова, Писарев отличался "враждебным отношением к советской власти, являлся противником коллективизации и ярым приверженцем крупного индивидуального хозяйства. Будучи в "ТКП", в 1926-1929 гг. организовал сеть крестьян-опытников, привлекал к этому делу преимущественно кулаков" (51). Затем Вавилов назвал других якобы завербованных им людей -- Николая Николаевича Кулешова, Виктора Ивановича Сазанова, Леонида Петровича Бордакова, Николая Сергеевича Переверзева, Петра Павловича Зворыкина, Бориса Аркадьевича Паншина, Петра Климентьевича Артемова и Павла Александровича Солякова (52).

6 и 7 сентября такой же спаренный допрос в течение двух суток с одним перерывом был проведен Хватом и старшим следователем Албогачиевым.

А 9 сентября Хват представил "показания Вавилова Н.И. о его вредительской работе" высокому большевистскому начальнику -- первому заместителю заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК партии товарищу Гриценко, прося дать партийное заключение для НКВД о новых показаниях Вавилова. Это был важнейший поворот в деле Вавилова.

Пройдут десятилетия, и старые коммунисты, убежденные бойцы и убеленные сединами ветераны будут вспоминать то "славное время", когда они вели за собой страну, когда они, не щадя себя, бились на переднем крае за социализм, произносили речи о социалистической законности, добились того, чтобы четверть мира шагала с ними в одной шеренге. И вот распался их мир, рассыпались колонны и шеренги, истлели в земле расстрелянные и замученные или ими самими или при их бурном одобрении и приветственных криках миллионы не просто ни в чем неповинных людей, а цвет их страны и мира. В тот день товарищ Гриценко по долгу службы был обязан подойти ответственно к преступной писанине энкавэдэшника Хвата, должен был остановить его садистский порыв и подумать о том, что и сам он, и его гость Хват, и стоящий за ними Лысенко, и попыхивающий трубочкой в заподнебесном кремлевском кабинете Джугашвили-Сталин и создавший их мир и теперь куклой без покаяния лежащий в стеклянном гробу на Красной площади -- Ульянов-Ленин, что все они делали и делают недоброе дело. Гриценко наверняка знал Вавилова лично, он не мог не понимать (дураки на такие должности не проникали, умны и циничны были все они до единого), что за беды несет стране такая вот деятельность таких вот хватов. Но не хватило ему ни человеческого ума, ни самой простой порядочности и сострадания. А может быть страх за свою судьбу, боязнь, что, заступись он за Вавилова, и самого сгребут и отправят в тюрьму, сдав на руки хватам, сковывала его мысли и действия. В любом случае, всё заменила и заслонила партийная дисциплина и уголовные замашки всей их партии. Впрочем, иначе можно сказать: в тот день Гриценко вбил осиновый кол в могилу своей партии, как вбивали свои колья такие же гриценки и хваты ежедневно и ежечасно, заставляя содрогаться в одной большой зоне тех честных людей, которые вступили с чистым сердцем в их партию или сопереживали их лозунгам. Представляю, как бы повернулось дело Вавилова, если бы этот никому теперь неведомый "борец переднего края" Гриценко написал бы заключение, что не верит ни одному слову в донесении Хвата, что хочет переговорить с Вавиловым с глазу на глаз и что немедленно пойдет к своему начальнику в том же здании на Старой площади, чтобы обсудить, как помочь академику Вавилову, попавшему в беду.

Ничего этого сделано не было. Да и не могло быть сделано именно потому что все они на этих местах были циничны и умны. После четвертьвекового мордования людей, жизни неправдой, развития ублюдочной ментальности, в их кабинетах только и могли оказаться гриценки и хваты. Да и каждый из них нутром ощущал, что выбейся они из орды ублюдков, как тут же другие хваты и гриценки прихватят их и в камеру с вавиловыми запрут. Дамоклов меч, занесенный их такими же ублюдочными паханами, висел над головами. Извечный вопрос: "Быть или не быть?" решен был однозначно, и им казалось, что решен навсегда!

От имени самой высокой власти в Союзе Советских Социалистических Республик заместитель заведующего Сельскохозяйственным Отделом Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) не только полностью одобрил работу Хвата, но пошел дальше, вручил весомое подкрепление, одобрениЕ ПАРТИЕЙ РАСПРАВЫ С ВАВИЛОВЫМ. В дело была вшита теперь страница с таким текстом:

"Тов. ГРИЦЕНКО, ознакомившись с показаниями ВАВИЛОВА, заявил, что в соответствии с данными, которыми располагает сельско-хозяйственный отдел ЦК, указанные ВАВИЛОВЫМ факты о направлении вредительства в сельском хозяйстве ИМЕЛИ МЕСТО В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ" (/53/, выделено мной -- В.С.).

Вавилов в это время принялся сочинять две объяснительные записки. Первую он назвал "Вредительство в системе Института растениеводства, мною руководимого с 1920 года до ареста (6.VIII.1940)" и закончил ее 11 сентября 1940 г. (54). Вредительством Вавилов называл такие "злонамеренные" проступки, как "расширение площади посевов, создание узкоспециализированных институтов, разведение кукурузы, -- действия, одобренные

партийными органами, включенные в государственные планы, под которыми стояли подписи тех, кто дал санкцию на арест. Вавилов [снова] называл своими соучастниками Яковлева, Чернова, Эйхе, Муралова, Гайстера, Горбунова, Вольфа, Черных, Тулайкова, Мейстера" (55).

Второй документ Вавилов назвал "Моя организационная роль в антисоветской группировке во Всесоюзном Институте Растениеводства" (датирован 28 сентября 1940 г. /56/). Он был перепечатан на четырех страницах, вложен в дело и к нему было присовокуплено дополнение с краткими характеристиками двадцати пяти ближайших к Вавилову ученых. Было записано, что все они были подобраны им на руководящую работу с целью вредить Советской власти:

"Моя роль в антисоветской группировке в ВИРе в течение двух десятилетий моего директорства выразилась прежде всего в подборе руководящего персонала лабораторий и секций, идейно политически и теоретически наиболее близких мне, в объединении их, путем создания вокруг себя сплоченного ядра, поддерживавшего меня полностью в проведении научно-организационных мероприятий и в научном Совете ВИРа*, и в направлении деятельности Ин-та по линии отрыва от насущных и неотложных нужд социалистического земледелия... Наибольшую поддержку... я находил среди акад. Г.К.МЕЙСТЕРА (Саратов), акад. П.И.ЛИСИЦЫНА (Москва) и акад. П.Н.КОНСТАНТИНОВА (Москва), с которыми я идейно был близок.

*Подробный список этих лиц... с краткой характеристикой их мною составлен отдельно. Сюда (по 1940-й год) относятся: проф. Л.И.ГОВОРОВ, проф. Г.Д.КАРПЕЧЕНКО, проф. Г.А.ЛЕВИТСКИЙ, проф. Н.Н.ИВАНОВ, проф. М.А.РОЗАНОВА, проф. Г.М.ПОПОВА, д-р В.А.РЫБИН, д-р Н.А.БАЗИЛЕВСКАЯ, д-р Е.А.СТОЛЕТОВА, Г.А.РУБЦОВ, М.А.ШЕБЕЛИНА, проф. К.И.ПАНГАЛО, проф. С.А.ЭГИЗ... проф. В.В.ТАЛАНОВ, проф. В.Е.ПИСАРЕВ, проф. Н.Н.КУЛЕШОВ, проф. Р.И.АБОЛИН, д-р Б.А.ПАНШИН, А.К.ЛАПИН, Н.С.ПЕРЕВЕРЗЕВ и Л.П.БОРДАКОВ. Из Госсортсети В.И.САЗАНОВ, П.К.АРТЕМОВ, В.П.КУЗИН и П.А.СОЛЯКОВ.

28/IX-1940 года (ВАВИЛОВ)" (57).

Так впервые Вавилов в письменной форме назвал самых ему преданных людей соучастниками преступлений против советской власти. Уже через день, 1 октября Хват направляет начальству запрос "о продлении срока следствия и содержания обвиняемого ВАВИЛОВА под стражей на один месяц" (58), обосновывая это необходимостью продолжения допросов и выявления новых врагов, затребования дел и сведений на названных Вавиловым лиц из Ленинграда и других мест и проведения очных ставок с "арестованными соучастниками по антисоветской работе". Заместитель начальника следственной части Д.Шварцман визирует этот запрос, начальник главного экономического управления НКВД СССР комиссар госбезопасности Кобулов утверждает ходатайство в тот же день, а Военный прокурор Васильев уже на следующий день разрешает продлить срок пребывания под следствием и отодвинуть дату суда.

7 октября Вавилов отказался от своих прежних запирательств и согласился с тем, что уже с 1923 года он входил в состав Трудовой Крестьянской Партии (как не повторить еще раз -- такой партии никогда и нигде не существовало!). Разумеется, одним признанием этого важнейшего для чекистов факта, прозвучавшего из уст столь крупной фигуры как Вавилов, было мало, и от него потребовали деталей. Вавилову пришлось выдумывать сцены, в которых он якобы принимал участие, ситуации, в которых он взаимодействовал с другими врагами режима. Чекисты могли теперь лепить насквозь фальсифицированную схему разветвленного, проникшего во все уровни государства вредительства.

Нам неизвестно, доставляли ли в Кремль для чтения страницы с описанием всех выдумок, под которыми стояла подпись академика, еще недавно докладывавшего Сталину о работе его института. Но даже если не докладывали и не показывали, это не обеляет Сталина, и нельзя забыть, какую кровавую карусель устроил в стране этот властитель. Все сталинские действия получали отражение в признаниях плененного академика, и если кто и знал, что нет ни единого слова правды в наветах на себя и на других, вырванных из уст плененных и унижаемых граждан, так сам Сталин.

Конечно, Вавилов прекрасно понимал, что наговоренного на него другими и повешенного на себя самим уже достаточно для обвинения по самым суровым статьям советских законов. Поэтому можно видеть только один смысл в добавлении им все новых подробностей и все новых имен. Это могло оттянуть срок суда и исполнения приговора. И это было единственное, что он пока выиграл для себя -- 28 октября по запросу следователей прокурор СССР продлил ему второй раз пребывание под следствием на месяц, а затем такие отсрочки каждый раз на месяц были повторены 8 раз. Из подследственного удавалось "добыть" ценную информацию, и следователи старались. Всего, как писал Вавилов в письме на имя Берия, его 400 раз вызывали на допросы, и он провел на них суммарно 1700 часов (59).

5 ноября в 10 часов вечера он снова сидел перед Хватом и на первое же его требование "показать всю правду о лицах, причастных к вредительской деятельности в ВИРе", ответил:

"Я действительно не назвал некоторых лиц, которые вместе со мною проводили вредительскую работу в ВИРе.

Вопрос: Кого персонально вы скрыли от следствия?

Ответ: 1. Говоров Леонид Ипатьевич... 2. Карпеченко Георгий Дмитриевич... 3. ПАНГАЛО Константин Иванович... 4. Фляксбергер Константин Андреевич... ЭГИЗ Самуил Абрамович" (60).

Так впервые в протоколах допросов появились устные оговоры Вавиловым самых близких к нему людей. Старший лейтенант Хват немедленно потребовал рассказа о фактах вредительства названных людей, и подследственный начал многословные объяснения деталей, а по ходу добавил к пяти названным сотрудникам ВИРа еще одного -- своего близкого друга академика Александра Ивановича Мальцева, ведущего специалиста в мире по сорнякам.

Конечно, напрасны были бы надежды, что этим чекисты удовлетворятся. В конце допроса Вавилов услышал:

"Вы продолжаете скрывать многие факты, как своей вражеской работы, так и лиц с вами связанных. Наряду с этим вы скрываете свою работу в пользу иностранных разведок и шпионские связи. В этом направлении вы будете допрашиваться и дальше" (61).

Правда, на допросе 13 ноября Вавилов вначале отказался от своих признаний и заявил, что он все-таки не состоял членом ТКП. В ответ ему предъявили показания Мейстера на этот счет, после чего Вавилов поправился, сказав, что "идеологически он был близок к ТКП, но организационных партийных связей с ней не устанавливал" (62). Когда же Вавилову зачитали и предъявили страницу из показаний Тулайкова, он смирился. В протокол допроса была внесена соответствующая запись, и Вавилов расписался под тем, что он "не только идеологически разделял установки "Трудовой Крестьянской Партии", но и организационно

примыкал к ней еще с 1923 года, хотя и не состоял ее членом" (63). Затем он принялся излагать "существо программно-тактических установок партии" с таким видом, будто именно он их и разрабатывал (64).

От вопросов тактических следователь снова перевел подсудимого на личности, и в этот день Вавилов добавил к уже названным им "врагам" своего антипода Бондаренко, своего приятеля Петра Павловича Зворыкина, сотрудников ВИРа Мацкевич и Лихонос11 и повторил фамилии еще восьмерых людей.

С середины ноября вопросы переключились на иностранные связи Вавилова. Снова он пустился в подробные воспоминания, написал список более, чем сотни людей, перечислял их поименно, давал каждому характеристики, сообщал когда и с кем встречался, даже мимолетно, назвал консульства и посольства, которые в жизни посетил, страны, в которых побывал. Следователю пришлось дважды запрашивать власти о продлении следствия, каждый раз на месяц. Сведения Вавилова заслуживали того, чтобы продлять и продлять следственные беседы.

В этот период допросы также не ограничились лишь упоминанием имен одних иностранцев. 9 января Хват спросил Вавилова, какие у него были отношения с Еленой Карловной Эмме, которая давным давно уехала из Ленинграда12. Вавилов стал подробно рассказывать детали жизни человека, которая сама призналась ему в том, что еще в 1931 году была завербована органами для слежки за ним. Вот длинный отрывок из его показаний:

"Так как ЭММЕ владела иностранными языками (немецким, английским, французским и шведским), ей всегда поручалась организация встречи и приема иностранных ученых... а также в их приеме у меня на дому... Кроме того она принимала участие в приеме приезжавших в ВИР иностранных консулов. Некоторые иностранные ученые (Одрикул, Бриджес13, дочь Харланда) -- длительно... жили у нее на квартире, так как ЭММЕ располагала излишней жилплощадью. Вообще она часто общалась с иностранцами. Я, например, видел ее на официальных приемах в иностранных консульствах, причем приглашалась она туда, насколько мне известно, не обычным официальным порядком (как это было со мной), а непосредственно консулами. От нее лично мне было известно, что она находилась в хороших отношениях с бывшим германским консулом ЦЕЙХЛИНЫМ и английским консулом СМИТОМ, последний даже бывал у нее на дому" (66).

Протоколы допросов, состряпанные преступниками из НКВД, были сочинены умело и не несли внешних эмоций. Подписи Вавилова были проставлены везде, где надо. В каждом месте, где что-то было дописано или зачеркнуто, стояли слова: "Зачеркнутому верить" и рядом Вавилов расписывался. Только нельзя понять, в какой момент Хват просто издевался над Вавиловым, когда он его истязал многочасовым допросом, или когда он с подручными зверски его пытал. А то, что пытки в НКВД достигли нечеловеческих масштабов, известно. Могли, наприер, зажимать подследственному мошонку между тонких дощечек, скрепленных резиновыми затяжками, а затем начинать заматывать резинки (таком пытали моего отца, вышедшего на волю из сталинской тюрьмы и умершего от туберкулеза, когда мне было 13 лет). Нельзя понять или даже догадаться, на каком этапе бесстрастной записи Вавилову могли вгонять иголки под ногти и как далеко вгоняли (слышал о таком методе от двоих прошедших через политические допросы и отсидевших по двадцать лет знакомых). Не можем мы также знать, был ли к Вавилову применен тот же прием, какой был испробован на находившемся в лагере под Магаданом профессоре-статистике Николае Сергеевиче Четверикове -- родном брате генетика Сергея Сергеевича Четверикова, арестованном вместе с Чаяновыми по обвинению в контрреволюционной
деятельности в составе Трудовой Крестьянской Партии, никогда в природе не

существовавшей. Четвериков и еще несколько заключенных-интеллектуалов были занаряжены в тот день работать в цехе по производству зеркал. Им было приказано выбрать из ванн с кислотой, в которых наносили амальгаму, все осколки разбитых зеркал. На утреннем разводе Четверикова и других из его барака известили, что тот, кто перевыполнит норму вдвое, получат по второй миске еды в ужин. Вдвоем с другим профессором-математиком они напряглись, и бригадир им две нормы засчитал. За ужином, как можно скорее, Николай Сергеевич съел свою порцию, вылизал металлическую плошку и пошел по второму разу к окну раздачи за обещанной второй порцией. "Тебе что надо?" -- спросил его энкавэдэшный раздавала, увидев в окне протянутую руку с миской. "Так вторую порцию обещали. Мы две нормы сделали" -- ответил заключенный. "А-а-а, -- протянул раздавала, -- Понятно. Так получай свою вторую порцию", -- и сильной рукой ухватил миску и ударил ею в лицо Четверикова, выбив зуб. Глаза Николая Сергеевича, когда он рассказывал мне это в конце 50-х годов, не блестели слезами и не пылали гневом. Он был спокоен и просто учил меня-студента не поддаваться никогда на провокации чекистов и прочих начальников, потому что можно на этих посулах остаться и без сил, и без второй порции, и без зуба.

Поэтому, читая эти подписанные Вавиловым строки, не следует забывать нравов, при которых только и возможно было доводить людей до нечеловеческих страданий, а потом использовать это состояние, чтобы выдавить из подследственных любые нужные чекистам и их начальникам оговоры. А то, что хватам и гриценкам заказ на именно такие оговоры был дан, сегодня сомнений нет никаких.

Недавно мне довелось говорить с бывшим политзаключенным, Виктором Матвеевичем Левенштейном, арестованным в 1940-е годы по обвинению в участии в молодежной антисоветской террористической группе и проведшем годы в застенках НКВД. Он сумел познакомиться со следственными делами отца и своим собственным и увидел те же фразы, которые я зачитал ему из дела Вавилова. "Все эти записи однотипны, вписанные в допросы требования следователей переходили из дела в дело, а чаще всего вопросов именно в такой форме не было!" -- с волнением сказал он мне. "Всё было жестче и многословнее. Нас пугали -- когда изощренно, когда проще, твердили, что им всё про нас уже известно, и держали на допросах сутки, кого-то из особо запиравшихся били, кого-то доводили до исступления криками и повторявшимися угрозами и оскорблениями. Я за собой никакой вины не знал и никаким антисоветчиком не был. А меня обзывали самыми мерзкими словами и требовали, чтобы я признался в том, что вся произносимая обо мне мерзость -- правда. Что я и есть тот преступник, которого из меня они хотели вылепить. Люди теряли в таких условиях голову, а следователи часто менялись, садиста заменял какой-нибудь добрый с виду и интеллигентный по внешности человек, начинавший уверять, что если я соглашусь с ним, назову сообщников по преступлению, то не пойду на расстрел, а всего лишь поработаю с десяток лет в лагере и вернусь домой. "А то ведь выстрелят тебе в голову", -- он подносил указательный палец к затылку и показывал пальцем направление пули, -- а выйдет пуля вот отсюда -- и палец плавно переходил к лбу, - и всё. Зачем тебе надо это? Согласись, найди в себе силы, выдай нам своих сообщников, облегчи и нам и себе жизнь, подпишешь вот тут, и всё. Подумаешь, делов-то! Чего ты упрямишься. Ну, этот, -- он показывал кивком головы на ушедшего садиста, - он, конечно, грубоват. Ну, так ведь с него тоже требуют. Ведь про вас всех всё известно. Он должен тоже делать свою работу. Он ведь тоже с тобой столько времени возится. А у него мать при смерти"".

Виктор Матвеевич вспоминал, что на его памяти спокойнее всего относились и к побоям и к издевательствам баптисты. Для них смерть означала встречу с Богом. Все муки земные ничего не стоили. Жизнь в грехе казалась страшной, а муки земные даже желанными. Как через огонь очищения пройдешь. И следователи тоже знали это настроение баптистов, и их не так мучили на допросах.

Суд над Вавиловым и его смерть в тюрьме

Сразу после начала 21 июня 1941 года войны с фашистской Германией начальство заторопило следователей, приказав им срочно готовить дело Вавилова и его подельников к передаче в суд. И здесь важнейшим для раздумий над "делом Вавилова" является еще один поворот следствия -- поворот решительный. От версии разветвленной "Делегации правых", якобы втянувшей в свои сети всю верхушку аграрного руководства страны, следствие шарахнулось к вполне банальному для тех лет "преступлению" всего лишь ученых, а не наркомов и лидеров ЦК партии. К делу, кроме Николая Ивановича, подстегнули Георгия Дмитриевича Карпеченко, Леонида Игнатьевича Говорова -- бывших заведующих лабораториями вавиловского института и близких его друзей (с Говоровым они дружили со студенческих лет), Антона Кузьмича Запорожца, директора ВИУА, ученика Прянишникова и, в общем, не близкого к Вавилову человека, а также директора Института сахарной свеклы Бориса Аркадьевича Паншина, которого, как выяснил Поповский, Вавилов даже недолюбливал.

А раз версия сменилась, раз масштабность была заменена обыденным "преступлением", коих тогда через руки "старателей" из НКВД проходили миллионы за год, то и дело покатилось споро. Ему придавали не общеполитическую, а профессиональную окраску, и НКВД решило затребовать характеристику на Вавилова как ученого.

Где взять характеристику? Можно в Академии наук СССР -- все-таки Вавилов член этой Академии и не простой член, а директор Института генетики АН. Можно и в ВАСХНИЛ -- он и там член и тоже директор. Вполне понятно, что ведшие "Дело Вавилова" Шунденко, Хват и иже с ними затребовали нужное им заключение из ВАСХНИЛ. Это было надежнее. И опять ниточка протянулась к Лысенко. Состав комиссии из "нейтральных" специалистов, в ученом мнении которых нельзя было бы усомниться, чины из НКВД согласовали с руководством ВАСХНИЛ. Документ утвердил лично Лысенко. В следственном деле Вавилова сохранился этот листок, размашисто подписанный "СОГЛАСЕН, ЛЫСЕНКО" (67).

В комиссию вошли В.С.Чуенков -- зам. наркома земледелия СССР, В.В.Мосолов -- вице-президент ВАСХНИЛ, И.В. Якушкин -- академик ВАСХНИЛ, заместитель начальника Главсортуправления Наркомзема А.П.Водков и ученый секретарь секции растениеводства ВАСХНИЛ А.К.Зубарев. Мосолов и Зубарев уже "потрудились" на данном поприще -- они входили в состав комиссии по приемке дел ВИР'а после ареста Вавилова и приложили руку к разрушению "Вавилона".

А о том, что на этом этапе снова решающим было отношение Лысенко к Вавилову, что Лысенко сводил и здесь последние счеты с тем, кто ему помог в жизни больше, чем кто-либо, проговорился другой член комиссии -- И.В.Якушкин:

"Видимо я был специально подобран, как секретный сотрудник НКВД, который мог легко пойти на дачу НЕОБХОДИМОГО заключения по делу Вавилова Н.И... члены экспертной комиссии Водков, Чуенков, Мосолов и Зубарев были враждебно настроены против Вавилова [и это нейтральная комиссия! -- В.С.]. Водков просто ненавидел Вавилова. Чуенков был под большим влиянием Лысенко и являлся естественным противником Вавилова, Зубарев также был сотрудником у Лысенко и находился под его большим влиянием, а Мосолов, являясь помощником Лысенко, также был противником Вавилова" (/68/, выделено мной - В.С.).

Экспертиза проводилась (опять для устранения каких-угодно неожиданностей) под присмотром все того же ставленника органов и Лысенко -- майора НКВД С.Н.Шунденко. Но

то, как она работала и сколь стремительно не может не приниматься во внимание.

При перепроверке "Дела Вавилова" перед его посмертной реабилитацией военный прокурор Колесников вызывал для дачи показаний некоторых из членов этой "экспертной комиссии", и они столь же (а, может быть, и более) охотно рассказали, как все было на самом деле. А.К.Зубарев показал в июле 1955 года следующее:

"Экспертиза проводилась так: в 1941 году, когда уже шла война с немцами, меня и Чуенкова вызвал в НКВД майор Шунденко и сказал, что мы должны дать заключение по делу Вавилова. Подробности я уже не помню... Помню, однако, что целиком наша комиссия не собиралась и специальной исследовательской работы не вела... Однако, когда нам был представлен ГОТОВЫЙ ТЕКСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ (кто его составил, я не знаю), то я, как и другие эксперты, его подписал. НЕ ПОДПИСАТЬ В ТО ВРЕМЯ Я НЕ МОГ, ТАК КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА БЫЛИ ТАКИЕ, что трудно было это не сделать" (/69/, выделено мной -- В.С.).

Спустя много лет, во время учебы в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, мне пришлось не раз видеть академика ВАСХНИЛ И.В.Якушкина, человека чуть выше среднего роста, с бородкой клинышком и до бела седыми коротко остриженными волосами, ходившего всегда в одном и том же одеянии -- полугалифе и коричневом френче, наглухо застегнутом на все пуговицы (всё, как у Сталина). На френче висело несколько кружков с выдавленным силуэтом Сталина по чернёному золоту и пальмовой ветвью, прикрепленных к маленьким колодкам -- знаков лауреата Сталинской премии.

Якушкин производил на нас -- студентов -- впечатление недосягаемого мэтра, важного, величавого и мудрого. Его лекции были пышно обставлены, показывалось много красочных таблиц, демонстраторы и ассистенты сновали туда и сюда.

Но уже в конце 1955 года как рукой сняло вальяжность мэтра. Он стал рассеян и забывчив. Не раз студенты заставали его -- часто далеко за полночь -- шагающим по Лиственничной аллее, центральной артерии Тимирязевки, связывающей академию с городом, -- то в глубокой задумчивости, то, напротив, в непонятном возбуждении. Шел академик непременно в своем строгом френче с бляхами неоднократного сталинского лауреата, но, порой... в одних кальсонах. Стали поговаривать, что старик выживает из ума.

Невдомек нам тогда было, что дело вовсе не в старости. Его начали вызывать на допросы в прокуратуру, где он вынужден был давать объяснения по поводу своих же старых доносов, по которым многих из его коллег арестовали. Были среди его доносов, как мы теперь знаем, и доносы на Николая Ивановича Вавилова. Эти мука и страх перед возможной расплатой за содеянное подтачивали силы Якушкина, лишая его сна и памяти. Недолго он протянул14.

Но главного гонителя Вавилова -- Трофима Лысенко на допросы не таскали: он самолично грязную работу не делал. По его указке действовали якушкины, шунденки, чуенковы, хваты. Благо, таких "хватов" всегда было много.

Однако, несмотря на вызовы экспертов к Шунденко и поторапливание Хвата, начальство не стало дожидаться вердикта комиссии: суд состоялся 9 июля и рассмотрел дело обвиняемых до того, как заключение экспертов попало в руки Хвата. Спешка действительно была.

Лишь за день до суда Вавилов смог увидеть из переданных ему следователем материалов, что ему инкриминируют самое страшное -- измену Родине, шпионаж, контрреволюционную

деятельность, а не только вредительство в системе ВАСХНИЛ. Он сразу же письменно опротестовал эти обвинения. Состоявшийся на следующий день суд не занял и пяти минут. Вавилов заявил протест по всем пунктам обвинения:

"... как при подписании протокола следствия за день до суда, когда мне были предъявлены впервые материалы показаний по обвинению меня в измене Родине и шпионаже, так и на суде, продолжавшемся несколько минут, в условиях военной обстановки, мною было заявлено категорически о том, что это обвинение построено на небылицах, лживых фактах и клевете, ни в коей мере не подтвержденных следствием" (71).

Протесты Вавилова не были приняты во внимание. Суд объявил, что все пункты обвинения признаны доказанными, и приговорил подсудимого к высшей мере наказания -- расстрелу. Вавилов написал прошение о помиловании.

А в это время власти продолжали играть (для кого? -- вот ведь загадка!) комедию с правосудием. Нарком Берия обратился в Президиум Верховного Совета СССР с петицией о замене Вавилову смертной казни длительным сроком заключения. Дескать, закон суров, но сердце палачей милости просит.

"1 августа 1941 года, то-есть спустя три недели после приговора, мне было объявлено в бутырской тюрьме Вашим уполномоченным от Вашего имени, -- писал Вавилов из саратовской тюрьмы Лаврентию Берия 25 апреля 1942 года, -- что Вами возбуждено ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР об отмене приговора по моему делу и что мне будет дарована жизнь" (72).

Просьба Берии была вроде бы милостиво удовлетворена. Во всяком случае, из того же вавиловского письма 1942 года можно узнать:

"4 октября 1941 года по Вашему распоряжению я был переведен из Бутырской тюрьмы во Внутреннюю тюрьму НКВД и 5 и 15 октября имел беседу с Вашим уполномоченным о моем отношении к войне, к фашизму, об использовании меня как научного работника, имеющего большой опыт. Мне было заявлено 15 октября, что мне будет предоставлена полная возможность научной работы как академику и что это будет выяснено окончательно в течение 2--3 дней. /Однако/ в тот же день, 15 октября 1941 года, через три часа после беседы, в связи с эвакуацией, я был этапом направлен в Саратов в тюрьму 1, где за отсутствием в сопроводительных бумагах документов об отмене приговора и о возбуждении Вами ходатайства об его отмене, я снова был заключен в камеру смертников, где и нахожусь по сей день" (73).

Вавилов не мог знать, что случилось в тот день и ночь, и, наверно, рассматривал внезапный перевод из Московской тюрьмы в Саратовскую как следствие распрей из-за его личной судьбы. Но дело было в другом. В те сутки решалась судьба Москвы, а, может быть, и России.

К вечеру 14 октября Сталину доложили страшную весть: немцы подошли вплотную к Москве. Л.М.Каганович отдал распоряжение закрыть и демонтировать метро (метрополитен, действительно, закрыли, на некоторых станциях стали разбирать эскалаторы). В крупных ведомствах жгли архивы. В Москве началась паника.

Во дворе Дома ученых выстроилась очередь за получением путевок сотрудниками Академии наук СССР (по списку!) для посадки в эшелон, уходящий ночью из Москвы. Выдачу путевок поручили двум женщинам-биологам -- Милице Николаевне Энгельгардт-Любимовой и

ученице Вавилова -- Александре Алексеевне Прокофьевой-Бельговской. Вот, что вспоминала об этом дне Прокофьева-Бельговская в день ее 80-летия:

"Мы скоро раздали заготовленные путевки, но очередь стояла огромная, и мы видели, что в ней были и известные нам ученые и просто люди, ждущие помощи. Милица Николаевна придумала такой выход: мы напечатали на простых листах еще груду путевок, поставили на них печати АН и раздавали еще несколько часов.

Я вернулась домой без сил и прямо в пальто упала на диван. Разбудил меня несмолкаемый телефонный звонок. Я встала как в тумане, подняла трубку и услышала голос брата, полковника Военной Академии механизации и моторизации имени Сталина. Брат сказал мне: "Сейчас же иди на Курский вокзал, я буду ждать тебя на ступеньках у главного входа".

Когда я добралась до Курского, я увидела, что вся огромная площадь занята женщинами, детьми, стариками. Был страшный мороз, люди замерзали, дети плакали, стоял гомон, но все были покорны и тихи. Меня удивила эта рабская покорность тысяч людей, ждущих эшелоны15.

Вокзал был оцеплен солдатами, наверно, сотней или двумя солдат, растянувшихся цепочкой, и на площади тысячи людей.

Я пробралась к этой цепи, и со ступенек вокзала брат увидел меня и провел внутрь. А в вокзале было тихо, сиял свет, высшее начальство с женами стояли кучками, кое-где даже слышался смех, видимо, рассказывали анекдоты. На платформе у вагонов я увидела разодетых дам, некоторые были в мехах. В вагоны грузили добротные ящики, с наклейками "Осторожно, хрусталь", "Осторожно, не кантовать, картины". Солдаты бережно пронесли рояль...

Я часто думаю, что такое народ и что такое элита. И тогда и сейчас я считала и считаю, что разграничение на народ и элиту до добра не доведет. И поэтому рабское терпение народа меня до сих пор удивляет. Ведь там, на площади, народ мог войти и в вокзал, и в этот полупустой эшелон, загружаемый хрустальными люстрами и картинами..." (75).

В ночь на 16 октября из Москвы были срочно, панически эвакуированы многие государственные учреждения. Дорога на Горький была забита автомашинами, вывозившими тех, кто мог претендовать на место в этих машинах.

Я помню хорошо этот день 16 октября. Это был мой день рождения. Шла война, и у мамы не было денег, чтобы устраивать празднество. Поэтому запомнился он мне другим событием. Мы жили в центре Горького, в серых мрачных коробках шестиэтажных корпусов "Домов Коммуны" -- позади Театра Драмы. Между нашими корпусами и театром была небольшая площадь и сквер, которые оказались забитыми автомашинами, стоявшими вплотную друг к другу. На них привезли эвакуированных. В нашей квартире тоже появились неожиданные гости. Рано утром к нам пришел какой-то важный военный, поговорил с мамой, и нас "уплотнили". В нашей двухкомнатной квартире, в меньшей комнате, поселилась жена секретаря ЦК ВКП(б) А.С.Щербакова с сыном. В так называемой комнате-одиночке площадью семь квадратных метров на нашем же этаже разместилась семья руководителя Латвийской республики.

В эту роковую ночь, когда начальство драпало из Москвы, власти срочно вывезли из Лубянской тюрьмы всех ценных заключенных, что не дало возможности Вавилову воспользоваться "милосердием" бериевцев и их более высоких вдохновителей.

Из Саратова Вавилов писал шефу НКВД:

"Тяжелые условия заключения смертников (отсутствие прогулки, ларька, передач, мыла, большую часть времени лишение чтения книг и т. д.), несмотря на большую выносливость, привели уже к заболеванию цингой. Как мне заявлено начальником Саратовской тюрьмы, моя судьба и положение зависят целиком от центра.

Вот мои помыслы -- продолжить и завершить достойным для советского ученого образом большие недоконченные работы на пользу советскому народу, моей Родине. Во время пребывания во внутренней тюрьме НКВД, во время следствия, когда я имел возможность получать бумагу и карандаш, написана большая книга "История развития мирового земледелия (мировые ресурсы земледелия и их использование)", где главное внимание уделено СССР. Перед арестом я заканчивал большой многолетний труд: "Борьба с болезнями растений путем внедрения устойчивых сортов". Незаконченными остались: "Полевые культуры СССР", "Мировые ресурсы сортов зерновых культур и их использование в советской селекции", "Растениеводство Кавказа (его прошлое, настоящее и будущее)", большая книга "Очаги земледелия пяти континентов" (результаты моих путешествий по Азии, Европе, Африке, Северной и Южной Америкам за 25 лет).

Мне 54 года. Имея большой опыт и знания, в особенности в области растениеводства, владея свободно главнейшими европейскими языками, я был бы счастлив отдать себя полностью моей Родине, умереть за полезной работой для моей страны. Будучи физически и морально достаточно крепким, я был бы рад в трудную годину для моей Родины быть использованным для обороны страны по моей специальности, как растениевод, в деле увеличения растительного продовольствия и технического сырья.

Прошу и умоляю вас о смягчении моей участи, о выяснении моей участи, о выяснении моей дальнейшей судьбы, о предоставлении работы по моей специальности, хотя бы в скромном виде (как научного работника и педагога) и о разрешении общения в той или иной форме с моей семьей (жена, два сына, один -- комсомолец, вероятно, на военной службе, и брат -- академик, физик), о которых я не имею сведений более полутора лет. Убедительно прошу ускорить решение по моему делу.

Н.Вавилов" (76).

"Милосердие" свершилось 23 июня 1942 года, когда смертную казнь заменили двадцатью годами лишения свободы. Донести это решение до начальников Саратовской тюрьмы чекисты (спроста ли?!) не спешили. А Вавилова пока морили голодом. Настал момент, когда советское милосердие оказалось недейственным. Было поздно! Вавилов умирал от истощения. В январе 1943 года у него начался неудержимый дистрофический понос, его перевели из камеры в больницу, и спасти его было уже невозможно. Могучий организм был сломлен, 23 января пришла смерть. Тело Вавилова свалили в общую яму.

Остается добавить только одно: и после реабилитации Вавилова Лысенко не забывал его публично вспоминать. Он не вычеркнул его имя из изданий своих работ в пятидесятые годы, как сделал это с именами других лиц, подвергнувшихся репрессиям (скажем, своего патрона Я.А.Яковлева). Для многих это казалось странным. В годы сталинской диктатуры имена людей, арестованных или казненных, исчезали из употребления, переставали цитироваться (даже при переизданиях старых работ), упоминаться в выступлениях. Человека полностью вычеркивали из общественной памяти, часто подвергали публичному забвению еще при жизни. Позволительно было лишь клеймить позором главных врагов Сталина и партии,

называемых собирательным именем -- троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы и им подобные.

Поэтому можно удивляться, почему Лысенко, всю жизнь переиздавая не-счетное число раз сборники своих статей, не переставал упоминать имя Вавилова. Возможно, его самолюбию льстило, что он может ставить свою фамилию рядом с фамилией Вавилова, а может быть это происходило потому, что Вавилов остался для Лысенко врагом номер один, человеком, которого он никогда не смог забыть, спору с которым придавал особое значение, даже после того, как Николай Иванович был умерщвлен в Саратовской тюрьме голодом и издевательствами в 1943 году. Ведь по-своему и Лысенко был "убежденец".

Арест и расстрел Карпеченко

Большинство людей, названных Вавиловым соучастниками его вредительской активности, через непродолжительное время оказались за решеткой. Но до поры до времени проскрипционный список держали втайне. Вне кабинетов чекистов и партийных боссов, перед которыми энкавэдэшники отчитывались о результатах допросов Вавилова, о наговорах на остающихся на свободе генетиков никто не знал, и Лысенко и лысенковцам нужно было продолжать шельмовать сторонников Вавилова, создавать им новые и новые трудности.

На протяжении многих лет Кольцов, Карпеченко, Левитский, Мёллер -- сильные своими экспериментальными результатами и теоретическими достижениями, с достоинством отвечали на выпады лысенкоистов, язвительно и адресно парировали их выпады, не оставляли никакой надежды на сговор, молчаливое соглашательство или подчиненность. Их и почитали своими самыми зловредными противниками Лысенко и его сторонники. Однако Мёллер уже был недосягаем -- он успел уехать живым из СССР в 1937 году, избежав ареста. Кольцов событиями 1939 года был лишен силы, оказавшись удаленным с поста директора Института экспериментальной биологии, да и вообще он был вне школы Вавилова, и его фамилия почти не встречалась в протоколах допроса Николая Ивановича. Оставались Карпеченко и Левитский. Первый всё еще был заведующим кафедрой генетики и селекции растений в Ленинградском университете и заведующим Отделом в ВИРе (правда, от самого Отдела, некогда большого и важного, сохранилась лишь небольшая группа).

Своими работами Георгий Дмитриевич был известен в мире, а не только в Союзе, вел он себя совершенно независимо и смело, не раз показывал лысенковцам, что о них думает. Речи Карпеченко на многих встречах в Наркомземе, на сессиях ВАСХНИЛ и на обсуждениях в журнале "Под знаменем марксизма" были очень острыми и прямыми. Поэтому стало уже традицией у лысенковцев видеть в нем едва ли не главную мишень для нападок. Еще в 1936 году близкий сотрудник Мичурина П.Н.Яковлев опубликовал в "Правде" статью (77), в которой он обвинял Карпеченко, М.А.Розанову и еще нескольких ведущих сотрудников ВИР, "в кастовом недоброжелательстве" к Мичурину, проявившемся в первом томе "Теоретических основ селекции растений". Ленинградский обком партии тут же решил примерно наказать Карпеченко и Розанову (к счастью, они были беспартийными и большого урона не понесли), а партийцам Данину и Ковалеву за то, что они не согласились с мичуринскими выдумками о влиянии подвоя на привой и о роли ментора, были вынесены строгие партийные взыскания. Дело дошло даже до отдела науки ЦК, и зав. отделом К.Я.Бауман вмешался, переговорил с А.А.Ждановым, строгие взыскания были отменены (все-таки, Бауман считал, что это внутринаучные споры и даже написал об этом Сталину и Молотову /78/), после чего в "Правде" появилось соответствующее решение Ленинградского обкома партии (79). Примерно в это же время директор Детскосельских лабораторий ВИР В.С.Соколов писал в характеристике на Карпеченко как об ученом, "недостаточно отчетливо и искренне проводящем советскую политику", что он "реконструировать на базе марксистской диалектики генетику не может, наоборот, проявляет порой политику на дискредитирование

начинаний в этой области" (80).

После ареста Вавилова карпеченковскую лабораторию в ВИРе быстро разгромили, используя в качестве основания для этого решения наезжих комиссий. Новый директор Эйхфельд активно в разгроме участвовал. Оставалось изничтожить самого Карпеченко и его кафедру генетики и селекции растений в Ленинградском университете. На ней, кроме Карпеченко, ведущую роль играли профессора Г.А.Левитский, Л.И.Говоров, М.А.Розанова, доценты А.П.Соколовская и Д.Р.Габе. Вообще выступлений против Карпеченко, Левитского и читаемых ими курсов в ЛГУ было немало и раньше. Часть студентов, особенно из самых теперь главных -- выходцев из колхозов и семей простых рабочих -- возмущалась сложностью генетики и предпочитала простенькие рассуждения "мичуринцев". Еще 31 марта 1936 года в "Ленинградской правде" появилась статья с утверждениями о том, что курс генетики в университете не отражает успехов лысенковцев. В последующие годы такие нападки на кафедру генетики повторялись.

Арест Вавилова придал новые силы критикам генетиков. Уже была упомянута статья Гурева и Костина из "Ленинградской правды" от 28 августа (81), в которой было заявлено, что профессора Левитский и Карпеченко настроены против дарвинизма и мичуринского учения и что их поддерживает член партийного бюро биофака Э.Ш.Айрапетянц. На этом этапе М.Е.Лобашев еще сохранял приверженность науке.

" Доцент Лобашев, -- писали авторы статьи, -- недавно принятый в кандидаты партии, на заседании Ученого Совета изрек: "Все, что сделали Мичурин и Лысенко, то, что вы (то-есть его последователи) делаете, для меня неубедительно. Вот вы переделайте красные глаза в белые, тогда я вам поверю"" (82).

Заключение статьи гласило:

"... партийные руководители университета забыли простую истину, что ни одна идея не падает сама, ее надо сбросить, "развенчать", если она не имеет права на существование, на развитие" (83).

Косяком пошли статьи в многотиражке "Ленинградский университет". Почти в каждом номере партийцы публиковали материалы, в которых клеймили Карпеченко за то, что он "не перестроился", "фактически остался на тех же позициях", "продолжает заниматься схоластикой морганизма-менделизма". 13 декабря 1940 года 13 студенток и один студент 3-го курса биофака опубликовали "Письмо в редакцию о преподавании курса генетики" (84), в котором обвинили профессора Карпеченко в замалчивании "замечательного мичуринского учения и работ передового советского ученого Лысенко", заявили, что на объяснение "такого важного и дискуссионного вопроса как внутрисортовое скрещивание он отводит буквально 2 минуты... в то время как работы сторонников формальной генетики излагаются подробно, на все лады излагается учение о гене". Под письмом студенток был помещен длинный материал "От редакции", в котором критика была жестче, а обвинения решительнее, со ссылками на Сталина. Гнетущее впечатление на Георгия Дмитриевича произвело письмо пяти профессоров биофака, в котором коллеги просили Карпеченко "ради спасения факультета" перестроить курс. Как писал Д.В.Лебедев, они предлагали "изменить убеждения и предать науку, которой была отдана жизнь. Этого он не мог сделать" (85).

И все-таки, несмотря на нападки, Карпеченко и все сотрудники кафедры оставались на свободе и продолжали работать в университете более полугода после ареста Вавилова. Как выяснил Лебедев, первым изучивший следственное дело Карпеченко в 1993 году, НКВД давно плело интриги против него. Оказывается, еще 29 сентября 1937 года в казематах НКВД

был составлен документ, который согласился подписать арестованный ученый секретарь ВИР'а Н.С.Переверзев. В нем утверждалось, что Карпеченко якобы давно занимался антисоветской деятельностью и с преступными целями вредил СССР в сельском хозяйстве. Однако этих показаний в тот момент оказалось недостаточно для ареста. Переверзев был в 1937 году расстрелян, а Карпеченко оставался на свободе еще несколько лет. За решеткой он оказался лишь после того, как Вавилов дал показания против него. Суть их как раз и заключалась в том, что Карпеченко не просто был теоретиком, потому что ему нравилась теоретическая деятельность, а что он нарочито уходил от практической работы, чтобы страна не получила новых сортов, так стране нужных. В этом состояло, по записанному в показаниях Вавилова заявлению, намеренное, настоящее и изощренное вредительство.

14 февраля 1941 года Хват подписал постановление на арест (его утвердил В.Н.Меркулов), в котором было сказано, что Карпеченко "изобличен как активный участник антисоветской вредительской организации показаниями Н.И.Вавилова, сделанными 5 ноября 1940 г., показаниями Н.С.Переверзева от 29 сентября 1937 г. и комиссией ВАСХНИЛ под председательством А.К.Зубарева, обследовавшей ВИР по распоряжению Лысенко (акт комиссии от 19 октября 1940 г.)" (86). Затем было сказано, что "Карпеченко Г.Д. материалами УНКВД по Ленинградской области изобличен как участник а-с [антисоветской] группировки", и что он "под руководством Н.И.Вавилова вел открытую борьбу против передовых методов научно-исследовательской работы и ценнейших достижений акад. Лысенко по получению высоких урожаев" (87). Инкриминировали ему также шпионаж в пользу иностранных государств.

Следующей ночью, 15 февраля 1941 года, Карпеченко
арестовали (о событиях той ночи было рассказано в опубликованных в США замечательных очерках "Счастливец Карпеченко" /88/, принадлежащих перу врача и писателя Анатолия Леонидовича Шварца, приложившего огромные усилия по исследованию судьбы Карпеченко). Часть сотрудников его лаборатории в ВИР тут же уволили (А.Н.Лутков, О.Н.Сорокина), часть перевели в другие лаборатории и институты. Принесшая мировую славу России лаборатория прекратила свое существование. В университете кресло заведующего кафедрой генетики и селекции растений захватила Б.Г.Поташникова, весь состав кафедры, существовавшей при Карпеченко, расформировали.

После ознакомления с материалами заведенного на него дела Георгий Дмитриевич сразу понял, что Вавилов решил согласиться с обвинениями об участии во вредительстве, чтобы облегчить страдания при допросах.

"Начиная с 7 марта, Карпеченко последовательно проводил одну линию: он рассказывает о своих исследованиях (цели, результаты) и дополняет словами -- в этом было мое вредительство, так как я не выводил новые сорта. По существу, такое поведение подсказали показанные Георгию Дмитриевичу отрывки из показаний Вавилова. Из них вытекала тактика Вавилова -- ничего не выдумывать, но в то же время как бы признаваться во вредительстве. Минимум неизбежных мучений..." (89).

Согласие с версией вредительства могло возникнуть под влиянием собственных размышлений, а главным образом в результате уговоров его сидевшими вместе с ним в камере другими подследственными. О советах сокамерников и о том, что Карпеченко не просто били на допросах, но и пытали, стало известном А.Л.Шварцу, нашедшему одного из сокамерников Карпеченко, который прошел через тюремные муки и оказался на свободе (см. прим. /88/).

Карпеченко на следствии повел себя иначе, чем Вавилов. Решиться признаться в участии в

антисоветских организациях, в которые, как утверждал Вавилов во многих своих показаниях, он вовлек Карпеченко и других вировцев, было для Георгия Дмитриевича делом трудным. Он то соглашался с вавиловскими показаниями -- и соответствующая запись появлялась за его подписью в протоколах допросов, то отказывался от ранее данных показаний (можно представить, какими путями следователи -- лейтенанты госбезопасности Цветаев и Копылов -- пытались не допустить попадания отказов в протоколы, но Георгий Дмитриевич находил силы постоять на своем).

Как выяснил Лебедев, не раз всплывала на допросах главная причина арестов -- противостояние генетиков Лысенко. В вопросах следователей можно найти такие пассажи:

"вы высказывались против официальных установок в отношении генетики", "подследственный по указаниям Н.И.ВАВИЛОВА выступал против борьбы за передовую науку" (90).

В ответ Карпеченко подготовил длинный ответ по поводу того, чем он занимался в научной работе, прямо написал о невежестве Лысенко и мичуринцев (91).

Вавилов пытался представить дело так, что Карпеченко примкнул к его антисоветской деятельности на самом раннем этапе, уже в 1931 году. Это было выгодно и следователям НКВД, так как задним числом оправдывало их сигналы руководству страны и прежде всего Сталину, начатые именно в 1930-1931 годах. Однако Карпеченко эту версию отверг. Через четыре месяца после ареста, в ночь с 25 июня 1941 года на 26 июня, была устроена очная ставка между ним и Вавиловым, продолжавшаяся полтора часа. Краткая запись о ней содержится в следственных делах обоих арестованных. Из нее видно, что Карпеченко соглашался лишь на то, что он был вовлечен Вавиловым в антисоветскую работу, но только в 1938 году, а Вавилов повторял, что вовлек его в 1931-1932 годах. Проводивший очную ставку Хват спросил Карпеченко:

"Почему вы скрываете истинную дату установления антисоветских связей между вами и Вавиловым?" (92).

Карпеченко ответил:

"Я настаиваю на своих показаниях о том, что к антисоветской работе я был привлечен Вавиловым только в 1938 году" (93).

От обвинений в шпионаже он вообще решительно отказался на первом же допросе и продолжал держаться этой линии до конца следствия. Хотя Вавилов также отказывался от версии шпионажа, в его обвинительном заключении шпионаж фигурировал. Видимо Карпеченко был более настойчивым в отвергании подозрений в шпионаже, так как в его обвинении, утвержденном "судом" в тот же день, что и у Вавилова, Говорова и Бондаренко, значились только обвинения по статье 58, подпункты 1а, 7, 10 и 11: "участие в антисоветской вредительской организации, существовавшей в ВИРе, подрывная работа в сельском хозяйстве и антисоветские связи с заграницей".

О том, что во время следствия из Карпеченко вырывали признания под пытками, можно судить по обнаруженному в его деле заявлении суду:

"Предъявленное мне обвинение понятно, но виновным в этом себя не признаю. На предварительном следствии я признал себя виновным во всех предъявленных мне обвинениях под влиянием следственного режима" (/94/, выделено мной -- В.С.).

От своих показаний на суде отказались также Говоров и Бондаренко. Все участники дела были приговорены к расстрелу, и хотя Карпеченко, как и Вавилов, направил в Верховный Совет СССР просьбу о помиловании (в отношении Вавилова вопрос был решен положительно), Карпеченко был расстрелян 28 июля 1942 года.

К посмертной реабилитации Карпеченко органы Прокуратуры и КГБ приступили только после смерти Сталина. 24 октября 1954 года жена расстрелянного ученого направила просьбу об этом в Прокуратуру СССР. Одновременно многие ученые отправили свои письма с просьбой признать, что Георгий Дмитриевич был осужден неправильно и оправдать его. О пересмотре дела ходатайствовали П.А.Баранов, Ф.Х.Бахтеев, А.К.Ефейкин, А.С.Каспарян, А.Н.Лутков, В.В.Светозарова, О.Н.Сорокина, В.Н.Сукачев, Н.А.Чуксанова. В Прокуратуру был вызван в качестве свидетеля А.Р.Жебрак, который дал письменное показание, что Карпеченко был истинным патриотом своей страны, крупным ученым, подтвердил, что во время пребывания вместе с Жебраком в США в лаборатории Моргана Карпеченко вел себя безукоризненно. Жебрак также написал, что видит одну причину преследований Карпеченко -- "его резко отрицательное отношение к Лысенко". Из прокуратуры запросили президиум ВАСХНИЛ, а оттуда вице-президент ВАСХНИЛ М.А.Ольшанский обратился в дирекцию ВИР, чтобы та дала свои заключения по давно законченному "Следственному делу Карпеченко Г.Д.". Из ВАСХНИЛ в Прокуратуру поступил ответ Лысенко, уже данный чуть раньше по поводу начавшегося дела о реабилитации Вавилова. Подписанный Лысенко и, судя по корявости построения фраз, им же написанный ответ гласил:

"С некоторыми теоретическими биологическими взглядами Н.И.Вавилова, как и с рядом других ученых, я был и остаюсь несогласным, как и эти ученые [уже мертвые, sic!] несогласны со мной. Но эти несогласия никакого отношения к следственным, судебным органам не имеют, так как по своему характеру они не являются антигосударственными. Они направлены на выявление истины в биологической науке"(95).

Надо заметить, что в своем ответе прокуратуре Лысенко крайне осторожен. Он опять следует старой тактике: не оставлять следов своей причастности к репрессиям советской власти. Если бы такие фразы были написаны в официальном письме Президента ВАСХНИЛ по горячим следам, сразу же после ареста Вавилова и вавиловцев, или чуть спустя, когда вершили суд над Вавиловым и его сотрудниками, их судьба могла быть не столь трагичной. Со своим невероятным влиянием в стране он мог спасти их от физической гибели. Как мы знаем из его выступлений в Ленинграде, куда он специально поехал разрушать "Вавилон" в 1940 году, также как и из воспоминаний Глущенко, он вел себя иначе: его научные оппоненты были истреблены самым жестоким методом с помощью политической системы, и ни одним словом о невозможности решения научных споров в следственных или судебных органах всесильный Лысенко тогда не обмолвился. Таким образом, сказанные задним числом слова несли лишь одну функцию: отводя от себя обвинения в гибели научных оппонентов, обелять себя перед судом истории.

Помощники же Лысенко вели себя как и прежде -- открыто и грубо. В заключении, подготовленном совместно секцией растениеводства ВАСХНИЛ и дирекцией ВИР взгляды казненного профессора были осуждены точно также, как и двумя десятилетиями раньше. Вот полный текст этого заключения, которое было приобщено к делу о пересмотре приговора Карпеченко:

"Вице-Президенту Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина

академику М.А.Ольшанскому

О работе Карпеченко Г.Д. во Всесоюзном институте растениеводства

в должности руководителя Лаборатории генетики в 192-51941 гг.

Карпеченко Георгий Дмитриевич (рожд. 1889 г.) опубликовал следующие работы: О хромосомах видов фасоли (1925 г.), К синтезу константного гибрида из трех видов (1929 г.), Теория отдаленной гибридизации (1935 г.), Экспериментальная полиплоидия и гаплоидия (1935 г.) и др. В 1936 году перевел на русский язык антидарвиновскую книгу Томаса Моргана -- Экспериментальные основы эволюции.

В 1925 году Карпеченко знакомился с генетическими лабораториями в Берлине, Лондоне, Копенгагене, в 1927 году участвовал на Международном Генетическом конгрессе в Берлине. В 1929 году за капустно-редечный гибрид он получил Рокфеллеровскую стипендию, на которую в 1929--1931 годах работал в лаборатории Моргана и в других генетических лабораториях США и Англии. В 1932 году участвовал в Международном Генетическом конгрессе в США.

Как ученый, Г.Д.Карпеченко занимался цитогенетическими исследованиями (отдаленной гибридизацией и полиплоидией) ряда культурных растений, полностью стоял на теории морганизма и был активным ее пропагандистом. В те годы морганизм был господствующим направлением в генетике всех зарубежных стран, откуда распространился среди большинства наших ученых.

Развитие в нашей стране мичуринского направления в биологии привело в 193-51936 годы, затем в 1939-1940 годы к большим научным дискуссиям, которые подорвали теоретические основы морганизма. Многие советские биологи перешли тогда на сторону подлинно-научного
мичуринского учения. Карпеченко же остался на позиции морганизма, повидимому, сказалось руководство Моргана.

Биологическая дискуссия 1948 года завершила победу мичуринского учения в нашей стране. Но и теперь отдельные ученые остаются на позиции морганизма. Разумеется, они не преследуются за свои ошибочные взгляды в науке и продолжают работать в советских научных учреждениях, а некоторые из них состоят членами КПСС.

Работая в духе морганизма Карпеченко не смог дать практически ценные результаты. Из его работы ничего не пошло в производство, в том числе и капустно-редечный гибрид, за который он получил Рокфеллеровскую стипендию для работы в лаборатории Моргана.

Морганистское направление Карпеченко сказалось и на работе руководимой им Лаборатории генетики ВИРа того времени.

Нам неизвестны какие либо действия Карпеченко, сознательно направленные против Родины, против советского государства.

Директор Всесоюзного института растениеводства

академик П.М.Жуковский

Зам. директора института по научной части

доктор с. х. наук, профессор И.А.Сизов

Заведующий Лабораторией генетики

кандидат биологических наук А.Я.Зарубайло

Заведующий отделом зерновых культур --

кандидат с. х. наук А.П.Иванов

Ученый секретарь Секции растениеводства

Всесоюзной Академии с. х. наук имени В.И.Ленина

Кандидат с. х. наук П.Кралин

г. Ленинград, ВИР

11 января 1956 года." (96)

В 1955 году жена Карпеченко, Галина Сергеевна, получила официальное извещение о посмертной реабилитации ее мужа, но даже в этом документе советские власти врали, сообщив, что Карпеченко скончался в заключении 17 сентября 1942 года. Верховный суд СССР вынес 21 апреля 1956 года определение за 4н-02466/56 об отмене Приговора Военной коллегии Верховного суда СССР от 9 июля 1941 г. в отношении Г.Д.Карпеченко и прекращении его дела" за отсутствием состава преступления". В статье, посвященной Карпеченко Д.В.Лебедев вспоминает:

"Георгий Дмитриевич был удивительно обаятельным человеком. Тех, кто имел счастье общаться с ним, привлекали его прекрасные качества: демократизм, доброжелательность, жизнерадостность, чувство юмора, интерес к людям, широчайшая культура. Это был замечательный образец русского интеллигента. За внешней мягкостью легкоранимого человека скрывались удивительная стойкость и несгибаемое мужество" (97).

Арест и гибель Левитского, Фляксбергера, Говорова и Эмме

В ту же ночь 15 февраля 1941 года, когда НКВД арестовало Карпеченко, был арестован Леонид Ипатьевич Говоров. 28 июня 1941 года было произведено сразу четыре новых ареста -- члена-корреспондента АН СССР Григория Андреевича Левитского, профессора, члена-корреспондента Чехословацкой земледельческой академии Константина Андреевича Фляксбергера (о нем при открытии вавиловского института в 1925 году Горбунов говорил в Кремле: "Константин Андреевич Фляксбергер -- лучший знаток пшениц"), кандидата наук Николая Васильевича Ковалева и академика ВАСХНИЛ Александра Ивановича Мальцева16, а 19 октября в Горьком арестовали заведующую кафедрой генетики и цитологии Горьковского сельскохозяйственного института профессора Елену Карловну Эмме. Всем им предъявлили обвинение во вредительстве, Эмме также инкриминировали "шпионскую деятельность в пользу Германии", а Левитскому, который побывал в застенках чекистов в 1918 и в 1933 годах (см. главу V), приписали по старой памяти "принадлежность к Трудовой Крестьянской Партии и к троцкистско-каменевскому блоку".

Григорий Андреевич Левитский был старше Вавилова на 9 лет (родился 7 ноября 1878 г. на Украине под Киевом в семье священника). Левитский сочувствовал эсерам, в 1907 году он

принял участие во Всероссийском съезде Крестьянского союза -- революционно настроенной организации и был царскими властями арестован. На 8 месяцев он оказался заключенным в Бутырскую тюрьму, а после этого выслан на 3 года из России, которые провел в лабораториях биологов в Англии, Германии, Италии и Франции. Передвигался он с места на место на велосипеде, на другие виды транспорта денег не было. Поработал он в частности на русской биологической станции вблизи Неаполя. С апреля 1909 до августа 1910 года работал в лаборатории классика ботаники Эдварда Страсбургера. Именно здесь Левитский впервые доказал, что в растительных клетках, также как и в животных, есть митохондрии. Он же впервые высказал предположение, что у митохондрий должен быть свой генетический аппарат, что в 1950е годы блестяще подтвердилось. В 1915 году Левитский сдал магистерские экзамены в Киевском университете и был зачислен приват-доцентом. В 1921 г. он был избран профессором Киевского сельхозинститута.

Вскоре после переезда Вавилова из Саратова в Петроград в 1920 году он стал писать письма Левитскому в Киев, приглашая его возглавить работы по цитологии и генетике в создаваемом им институте. Уже в то время Левитский был самым крупным специалистом в области цитогенетики в стране (его книга "Материальные основы наследственности", изданная в 1924 году (99), была долгое время самым авторитетным руководством по этим вопросам на русском языке). Как только был учрежден Институт прикладной ботаники и новых культур, Левитский решил принять предложение Вавилова. В официальном приглашении Вавилов просил дорогого Григория Андреевича приступить к "организации Цитологического и Анатомического отделений", добавляя "все мы в один голос останавливаемся на Вас. Кроме этого, хотелось бы передать Вам также, хотя бы частично, редактирование "Трудов по прикладной ботанике"... Эта работа большой ответственности... В нашу среду входит с осени Карпеченко, но главным образом для работы по генетике" (100).

Переезду в Петроград мешало одно обстоятельство, о котором Левитский известил Вавилова. Он, как тогда говорили, был "поражен в правах" -- советская власть ограничивала переезды "лишенцев", запрещала занимать должности на государственной службе, участвовать в общественных организациях. Причиной лишения Левитского прав было то, что он был призван в 1914 году в царскую армию и получил чин прапорщика, хотя никогда в боевых действиях не участвовал. Офицеров царской армии большевики преследовали. Вавилов быстро добился для него реабилитации, ГПУ сняло свои претензии, и в 1925 году Левитский вместе с женой, Натальей Евгеньевной Кузьминой, также цитологом, переехал в Ленинград.

За годы работы в ВИРе и в университете Левитский создал самобытную школу цитогенетиков растений, воспитал много учеников, разъехавшихся по всей стране. Им были опубликованы книги и много экспериментальных статей. 29 марта 1932 года Левитский был избран членом-корреспондентом АН СССР. Как рассказано выше, в 1933 году он был арестован органами ОГПУ, но в ходе допросов не согласился ни с одним из пунктов чекистских "доказательств" и был приговорен к трем годам административной ссылки, Однако срок был скощен. Левитский был едва ли не единственным, кто тогда на следствии не выронил ни одного слова осуждений в адрес коллег и друзей, не высказал подозрений ни против кого, никого не оговорил. Ему нечего было после этого стесняться или бояться, и возможно поэтому он -- единственный из всех арестованных специалистов ВИРа -- вернулся туда работать, как только в 1933 году Прокуратура СССР решила его реабилитировать и разрешила выбраться из Западной Сибири. С 1934 года он стал профессором кафедры Карпеченко в университете. В 1937 году его арестовали, но быстро выпустили.

Пока шла непрекращавшаяся дискуссия с лысенковцами -- в частности, и на IV-й сессии ВАСХНИЛ в 1936 году, и на совещании в редакции журнала "Под знаменем марксизма" в 1939 году -- Левитский был сильным критиком взглядов лысенковцев, спокойно, а порой

саркастично приводившим аргумент за аргументом, факт за фактом. Соответственно относились к нему и "мичуринцы". Уже встречалась выше фамилия Соколова -- директора Детскосельской лаборатории ВИР. Вот, что он написал в характеристике на Левитского, направленной по партийным каналам в середине 30-х годов:

"...крайне самолюбив, резок в выступлениях, часто переходящих в антисоветские. Например, по докладу Презент в частном разговоре с т. Сизовым дал оценку диалектическая трескотня, а не методология. Для подготовки кадров не стремится подобрать советскую молодежь, а подбирает "подходящих", т. е. из бывших людей. В общественно-политической работе участие сейчас принимает крайне слабое" (101).

Ученики Левитского действительно были замечательными специалистами, но к 1938 году уже четверо из них пребывали в заключении (Н.П.Авдулов, Б.А.Вакар, В.П.Чехов, Я.Е.Элленгорн), а самый талантливый, учившийся у Левитского еще в Киеве, затем переехавший к Филипченко -- Ф.Г.Добржанский был вынужден остаться в США (стать невозвращенцем).

В 1991 году дочь Левитского Надежда Григорьевна смогла познакомиться со следственным делом отца. Выяснилось, что постановление на арест заключало в себе длинную выдержку из показаний, данных в 1933 году Писаревым, в 1937 году -- Л.С.Марголиным, в 1940 и 1941 годах Вавиловым, отрывки из донесений секретных осведомителей НКВД -- сотрудника ВИР Ф.К.Тетерева и ст. инспектора сектора кадров ВАСХНИЛ Колесникова. Как доказательства его вражеского отношения к советской власти фигурировали такие пассажи:

"В марте 1938 г. Левитский заявил... "Теперь вообще принято цитировать только Дарвина, а когда-то цитировали только Аристотеля"".

22 марта 1932 г. Левитский... говорил: "Науку нельзя смешивать с политикой".

В ноябре 1939 г. Левитский... сказал: "Докладчик напрасно хочет смешать науку с политикой -- нельзя аргументировать политическими идеями в пользу научной теории"" (102).

После ареста Левитскому были предъявлены обвинения по статьям 58-7 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР ("Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях..." и "Пропаганда и агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти..."), каравшиеся расстрелом. Содержали его в тюрьме в Златоусте и на допросы вызывали всего шесть раз (29 июня, 5 июля, 21 декабря 1941 г., 4 января, 21 и 22 марта 1942 г.). От всех инкриминируемых ему обвинений он отказался на первом же допросе и стойко удержался в этой позиции до конца, а на четвертом допросе решил применить "научный подход", попросил дать ему бумагу и ручку и в течение почти девяти часов написал на восьми страницах убористым почерком объяснение по поводу всех предъявленных обвинений. Он начал с того, как был приглашен Вавиловым в институт, какие задачи выполняла его лаборатория, что собой представляет наследственный аппарат клеток (описал хромосомы) и как они определяют развитие клеток. Серьезно, без попыток упрощения Левитский изложил следователям свое понимание применения цитогенетических методов к изучению полезных растений в сельскохозяйственных исследованиях, показывая, что никакого вредительства в этом нет. Пожалуй, такого логичного, научно строгого и в то же время стилистически уважительного по отношению к следователям произведения никто из вировцев, проходивших по делу Вавилова, не догадался сделать. Столь же убедительно он отвел политические обвинения, сделанные против него ранее осужденными Писаревым, Бондаренко и другими. Так, на обвинения Писарева он ответил тем, что именно по этим

обвинениям его уже арестовывало ОГПУ в 1933 году, что он отбыл в ссылке 7 месяцев из 3 лет, к которым был присужден, а затем был

"полностью реабилитирован Верховной Прокуратурой Союза, вернулся в Ленинград и был принят на прежнее место работы в ВИР-е. Таким образом, все... обвинения... В.Е.Писарева были признаны, как оно и было на самом деле, полным вымыслом, возобновлять который снова через 8 лет нет никаких оснований.

...Я самым категорическим образом настаиваю на проверке показаний [Бондаренко] путем очной ставки нас всех троих: меня, акад. Вавилова и Бондаренко, так как уверен, что Вавилов или ничего подобного не говорил Бондаренко, или -- нечто совсем другое, им совершенно извращенное." (103).

Спокойствие в словах и убедительность в логическом построении были самой сильной стороной этого сочинения. Рассматривая пункт за пунктом обвинения Бондаренко, Левитский показал, что тот ничего не понимает в науке и потому нельзя его слова о вредительстве в науке принимать всерьез. Такая твердая позиция чуть было не привела его к освобождению, так как следователь Куксинский не мог найти к чему прицепиться, дело оттягивалось и оттягивалось (показателен почти полугодовой промежуток между вторым и третьим допросами -- 5 июля и 21 декабря), и в конце концов, следователь фактически склонился к оправдательному заключению, так как написал в своем постановлении от 3 января 1942 года, что для того, "чтобы разобраться в деле, необходима экспертиза, а так как организовать ее сейчас [шла война с Германией -- В.С.] невозможно, приостановить дело до окончания войны..." (104). Григорию Андреевичу дали ознакомиться с этим постановлением, и он расписался на нем. Начальству однако такое постановление не понравилось, и делу был дан ход. 25 марта 1942 г. Левитскому дали расписаться, что предварительное следствие закончено, и дело передается в суд:

"Следственное дело 690-41 по обвинению Ковалева Н.В., Мальцева А.И., Левитского Г.А., Фляксбергер К.А., принять к своему производству [так в тексте!] и после дополнительного расследования направить на рассмотрение ОСО НКВД СССР.

13.03.4"2 (105).

Но суда Левитский не дождался, он скончался в Златоустовской тюрьме 20 мая 1942 года17 , а 13 сентября того же года в той же тюрьме скончался Фляксбергер. Нельзя исключить того, что оба ученых не просто скончались, а покончили с собой в тюремных застенках.

Когда в 1955 году Военная Прокуратура СССР пересматривала дела арестованных, расстрелянных и замученных генетиков школы Вавилова, по поводу дел Левитского и Фляксбергера было решено прекратить их "за недоказанностью вины". Только в 1989 году прокуратура признала, что чекистская "ошибка" была связана не с плохим доказательством вины, а что дело следовало прекратить "за отсутствием состава преступления". В окончательном постановлении прокуратуры было сказано:

" Левитский и Фляксбергер обвинялись в том, что... активно проводили вредительскую деятельность в направлении замедления темпов развития социалистического земледелия.

Обвинение их основано на показаниях незаконно осужденного и впоследствии оправданного за отсутствием в его действиях состава преступления -- Вавилова Н.И.

В ходе предварительного следствия Левитский и Фляксбергер категорически отрицали свою

вину.

Как видно из материалов уголовного дела, фактически они были арестованы за резкую критику учения Лысенко и за свои убеждения, высказанные ими на ученом совете, о том, что нельзя аргументировать политическими идеями научные теории" (/106/, выделено мной -- В.С).

Из шести арестованных в связи с делом Вавилова ученых, упомянутых в данном разделе, выжили только двое -- Н.В.Ковалев и А.И.Мальцев. Л.И.Говоров погиб в заключении.

Елена Карловна Эмме после ареста 19 октября 1941 года была обвинена во вредительстве, осуществлявшемся вместе с Вавиловым, дискредитации Лысенко и в шпионаже в пользу Германии. На первом же допросе она не смогла найти сил противостоять следователям и самооговорила себя, согласившись, что она шпионка. Ни одного конкретного эпизода передачи шпионских сведений она привести не смогла. Военный прокурор потребовал вернуть дело Эмме следователям для более ясного обоснования её преступлений. Тогда следователи вменили ей в вину вредительство при изучении овсов и ... "политическое двурушничество". Последнее было следствием того, что чекисты выяснили, что вместо доносов на Вавилова и коллег в органы, как она согласилась в 1930-м году, она о своем задании рассказала и Вавилову и еще, по крайней мере, двум людям, имена которых кто-то донес в НКВД. 24 февраля 1942 года Эмме ознакомили с новым обвинительным заключением. Теперь суд -- так называемое Особое Совещание, или ОСО, должно было решить ее судьбу. В документах, направленных в ОСО, рекомендовалось применить к ней высшую меру наказания -- расстрел. Дожидаться суда Эмме не стала -- 10 марта 1942 года она покончила жизнь самоубийством, повесившись в камере (107).

Борцы, соглашатели и предатели

Арест Вавилова придал силы лысенкоистам в борьбе за власть и дал возможность покровителям Лысенко более откровенно выступать с нападками на генетику и на генетиков, постоянно намекая на то, что все генетики -- шпионы и враги советской власти. В этих условиях даже те из руководителей советской науки, которые понимали беспочвенность лысенкоизма и вред, наносимый им, вынуждены были помалкивать.

Это отчетливо проявилось во время обсуждения плана научно-исследовательских работ Академии наук СССР на 1941 год. Дебаты по проекту плана, составлявшегося еще при участии Вавилова и включавшего предложенную им как директором Института генетики АН СССР программу работ, состоялись через 7 недель после его ареста. Эти дебаты выявили, кто же персонально поддерживал Лысенко в борьбе с Вавиловым, на кого Лысенко опирался, и кто мог быть причастен к аресту Николая Ивановича.

Предварительно -- 30 октября 1940 года было срочно созвано, как говори-лось в отпечатанных типографским способом приглашениях, "совещание членов ВКП(б) -- академиков и членов-корреспондентов, руководителей учреждений и секретарей партбюро московских институтов АН СССР по вопросам плана работ Академии наук СССР на 1941 год". Извещения, подписанные вице-президентом АН СССР О.Ю.Шмидтом, рассылались нарочным утром того же дня, а совещание назначали на 6 часов вечера в Конференц-зале Академии наук (108).

На этом узко партийном совещании прозвучало требование включить в планы академических институтов разработку проблем, близких к запросам практики. Лысенкоисты воспользовались этим, чтобы попытаться исключить из плана работы по "формальной

генетике" и заменить их работами одного мичуринского направления.

На общем собрании Академии наук, состоявшемся несколькими днями позже, О.Ю.Шмидт сообщил о плане работ с учетом замечаний, сделанных на собрании партгруппы. За ним на трибуну поднялся избранный незадолго до этого академиком АН СССР сталинский приближенный А.Я.Вышинский18, который в грубой форме раскритиковал план, сопровождая свои слова угрозами и требуя устранения всего, что хоть как-то связано с "преступной генетикой". Страх перед Вышинским был настолько велик, что академик Отто Юльевич Шмидт -- заслуженный партиец (с 1918 года), герой освоения Арктики и Герой Советского Союза, ученый, известный своими работами по географии и космогонии, от волнения потерял сознание и упал...

Конечно, работать генетикам в таких условиях было нелегко. Но не все прекратили борьбу против лысенкоизма, как и не все выступили в роли соглашателей или, хуже того, предателей своих научных интересов и идеалов. Среди тех, кто поддерживал генетику, были не только сами генетики, но и ученые других специальностей.

Исключительную роль в те годы играла деятельность академика Дмитрия Николаевича Прянишникова19. Он открыто демонстрировал свое уважение к ученику -- Вавилову уже после ареста Николая Ивановича, представлял его на Сталинскую премию, выступая, ссылался на работы арестованного академика, не раз обращался лично к Берия с просьбами помочь Вавилову. Хорошо известно отрицательное отношение Прянишникова к любым формам догматизма, его непрестанная борьба с еще одним "реформатором" агрономической науки сталинских лет, извратившим почвоведение и внедрившим в практику советского земледелия травопольную систему -- В.Р.Вильямсом. Удивлявшая многих гражданская доблесть Прянишникова и, конечно, его личный огромный вклад в науку, способствовавший созданию новой ее области -- агрохимии, снискали Дмитрию Николаевичу уважение, которого мало кто удостаивался в среде советских биологов, хотя оно не принесло ему ни бесчисленных правительственных наград, ни высоких административных постов. Всю жизнь он следовал
девизу: "К науке надо подходить с чистыми руками". Моральная чистота означала для него не просто неучастие в процессах, совершающихся на твоих глазах, не олимпийскую беспристрастность, а активное подключение к борьбе за чистоту в научной сфере. Его старшая дочь, В.Д.Федоровская, отмечала в своих записках:

"Отец не выносил лжи в науке, строго логичный, абсолютно точный в своей научной работе, он беспощадно разоблачал шарлатанов, карьеристов и недобросовестных работников" (111).

Чтобы понять, насколько смелым и порядочным был Прянишников, нам придется снова вернуться во вторую половину 30-х годов. Когда в то время в заключении оказались друзья Прянишникова (А.Г.Дояренко, Н.М.Тулайков, доктор химических наук Ш.Р.Цинцадзе), а в начале 1937 года были арестованы 12 человек в созданном им Всесоюзном институте удобрений и агропочвоведения (сокращенно, ВИУА), Дмитрий Николаевич не дрожал от страха, не боялся публично высказываться в их защиту.

В марте 1937 года новый директор ВИУА И.И.Усачев выступил на заседании актива ВАСХНИЛ, обвинив еще одну группу учеников Прянишникова в троцкизме. Отчет об активе был напечатан в "Бюллетене ВАСХНИЛ" (112). В эти дни были арестованы заместитель директора института Сергей Семенович Сигаркин и профессор Иван (Ионел) Григорьевич Дикусар. Они были близки с Дмитрием Николаевичем, и все, естественно, понимали, что скоро может дойти очередь и до него. Не без намека писал об этом в статье, посвященной ошибкам института Прянишникова, в газете "Соцземледелие" А.Нуринов:

"преступные действия врагов народа Запорожца, Устянцева, Станчинского, Ходорова и др. известны всем" (113).

4 сентября 1937 года в "Правде" появилась статья некоего Е.Ляшенко -- сотрудника ВИУА, в которой он обрушился на важное дело -- составление агрохимических карт, над которыми работали сотрудники отдела Прянишникова (114). Карты эти были прогрессивным нововведением (без них и ныне не мыслится правильное агрохимическое обслуживание), они позволяли определить, где, когда и сколько нужно вносить в почву определенных видов удобрений (115). Как и многие другие ценные новшества, требовавшие к себе серьезного отношения, они вызывали у неквалифицированных проводников в жизнь "науки колхозно-совхозного строя" лишь раздражение и подозрения.

"Плодом этой вредительской работы и явились агрохимические карты, -- писал Ляшенко, -- на составление которых затрачено несколько десятков миллионов рублей... ВАСХНИЛ и НКЗ СССР не контролировали эту работу, прозевали вредительскую деятельность врагов народа... Вздыхая по кулацким хозяйствам, где они [сотрудники Прянишникова-- В.С.] во время ??но проводили опыты по внесению удобрений, новоявленные "агрохимики" сделали все для того, чтобы превратить агрохимические карты в тормоз повышения урожайности... Вредительство на этом участке еще не распутано. Наркомзем Союза, ВАСХНИЛ и Институт удобрений ничего не предпринимают, чтобы разгромить вражьи гнезда" (116).

Через две недели подобный же призыв повторил Г.Павлов в статье в газете "Социалистическое земледелие" (117).

"Активисты" потребовали срочного созыва Пленума секции агрохимии и почвоведения ВАСХНИЛ, хотя незадолго до этого, в апреле 1937 года, очередной пленум уже плодотворно поработал20 . Несомненно, те, кто требовал этого, полагал, что уж теперь-то удастся расправиться с Прянишниковым (118).

Пленум еще не начал работать, но его направление враги Прянишникова старались очертить ясно и недвусмысленно. Утром 14 ноября -- перед открытием заседаний -- участники нашли на креслах в зале газету "Соцземледелие" и увидели там статью того же Ляшенко, который 4 сентября в "Правде" указывал на Прянишникова как на пособника вредителей и призывал "разгромить вражьи гнезда". Теперь Ляшенко ссылался на свою же статью в "Правде" как на директивное указание партии. Выходило так, что уже и партия решила, будто составление карт -- дело вредное: они не нужны, порой рассчитаны на получение минимально возможного урожая, и, что совсем плохо-- их не понимают и не принимают колхозники. Ляшенко заявлял:

"Раболепство перед немецкой агрохимией, перед старыми нормами помещичьих хозяйств привело "агрохимиков" к столь негодной продукции, как нынешние агрохимические карты. С такой работой пора решительно покончить" (120).

В каждом следующем выпуске газеты "Соцземледелие" стали появляться набранные одними и теми же броскими жирными буквами заголовки "Пленум секции агрономической химии", а под ними заметки, в которых повторялись нападки на Прянишникова. 15 ноября за анонимной подписью С.Б. сообщалось об открытии пленума и говорилось о выступлениях колхозников, откуда-то взявшихся на заседании академиков (и их уже рассматривали теперь в качестве главных экспертов в серьезном научном деле). Как следовало из заметки С.Б., колхозникам агрохимические карты показались ненужными (121). Номер от номера газеты не отличался -- идея вредоносности работы Прянишникова нагнеталась в умы читателей.

Но ни запугать, ни заставить замолчать Прянишникова не удалось. Дмитрий Николаевич продолжал сражаться за своих безвинно пострадавших учеников. Его поведение было свидетельством уникальной, беспримерной храбрости21. Биограф Прянишникова, один из тех, кто первым среди журналистов и писателей выступил против лысенкоизма в СССР и много лет отдал разоблачению этого течения, Олег Николаевич Писаржевский писал:

"На пленуме секции агрохимии и почвоведения ВАСХНИЛ в ноябре 1937 года, проходившем под председательством Прянишникова, он каждый раз останавливал клеветников, стремившихся нажить политический капиталец на деле "врагов народа", незадолго перед тем "разоблаченных" в созданном Прянишниковым научном институте по удобрениям" (123).

Поведение Прянишникова вызвало негодование. В рупоре лысенкоистов -- газете "Социалистическое земледелие" 16 ноября 1937 года за той же замаскированной подписью С.Б. было сказано:

"Достойно удивления поведение председателя пленума агрохимии акад. Д.Н.Прянишникова. Председатель всякий раз прерывал ораторов, как только тот или иной товарищ выходил за рамки чисто технических вопросов и касался подрывной работы врагов народа в области химизации земледелия.

Президиум Академии с.-х. наук имени Ленина и выступавшие в прениях члены президиума секции агрономической химии были вынуждены осудить поведение председателя пленума академика Д.Н.Прянишникова" (124).

Через четыре дня газета снова вернулась к тому же пленуму, сообщив в заключительном абзаце заметки с пленума:

"Пленум осудил выступление и поведение на пленуме акад. Д.Н.Прянишникова как недостойное советского ученого" (125).

А недостойным, как известно, не место среди советских ученых.

Следующая статья была названа зловеще: "Беспощадно выкорчевать врагов и их охвостье из научных учреждений" (126). Теперь Прянишникова обвиняли в отрицательном отношении к ликвидации вредителей. Позицию газеты нельзя было назвать иначе как подстрекательством к аресту ученого. Но и на этот раз заставить его замолчать не удалось.

"Дмитрий Николаевич вел... бой -- неравный, почти смертельный, -- писал Писаржевский. -- Он, конечно же, не мог поверить в виновность перед народом и страной тех, с кем рука об руку работал многие годы. Нисколько не задумываясь над тем, что сам вкладывает в руки противника грозное оружие, Д.Н.Прянишников вел посильную борьбу за их освобождение. Известно, что он добивался (правда, безуспешно) пересмотра дела А.Г.Дояренко, дела Н.И.Вавилова22 . Уже во время войны он шлет из Самарканда в Москву телеграмму, в которой представляет работы Н.И.Вавилова [тогда находившегося в тюрьме -- В.С.] на соискание Государственной (Сталинской) премии, тем самым высказывая не только свое отношение к этим работам, но и свое мнение о "подрывной деятельности" Николая Ивановича" (131).

Трудно отказаться от убеждения, что только открыто бескомпромиссная позиция Прянишникова уберегла его в дни травли 1937 года от ареста. Смело бросая вызов политиканствующим сторонникам Вильямса и Лысенко, он спасал себя от расправы.

Характерно, что в это же время аналогичный пленум состоялся в секции плодоовощных культур ВАСХНИЛ. И о нем теми же словами поведала газета "Соцземледелие" в заметке, подписанной столь же таинственно криптограммой "И.Д.":

"Вызывает недоумение поведение профессора т. Шитт. Вместо того, чтобы прислушаться к критике и сделать для себя выводы, он принял ее как оскорбление"(132).

Петру Генриховичу Шитту -- крупнейшему теоретику плодоводства и председателю Пленума плодоводства не удалось тогда уберечься от репрессий.

Завершить эту главу я хочу примером исключительных способностей к хамелеонству, беззастенчивой мимикрии лысенкоистов, особенно тех, кто запятнал себя прямым сообщничеством с органами госбезопасности. Один из наиболее озлобленных хулителей Вавилова -- Григорий Шлыков -- после войны был судим и провел несколько лет в заключении. Поповский пишет (133), что он отбывал наказание по бытовой статье. Однако Шлыкова поместили в лагерь под Джезказганом, где сидели лишь осужденные по политической 58-й статье. Как считал одновременно отбывавший срок в этом лагере В.П.Эфроимсон, Шлыков сам попал в сети, которые плел другим (134).

После смерти Сталина Шлыков был освобожден и в 1962 году представил к защите в Грузинском сельхозинституте диссертацию на соискание ученой степени доктора сельскохозяйственных наук (135). В ней он еще раз продемонстрировал -- вспоминая слова Вавилова -- свою виртуозность. Он неоднократно упоминал имя Вавилова как чуть ли не своего друга, представляя его уже не врагом родины-Отчизны, а патриотом. В этой связи он сообщал, что

"... после Октябрьской революции вопрос использования новых видов растений стал рассматриваться руководством страны как чрезвычайно важный" (136),

и отмечал:

"Делу этому по инициативе директора института Н.И.Вавилова были приданы невиданные масштабы" (137).

Затем следовали блестящие по композиции три абзаца: первый -- о многогранной работе ВИР'а под руководством Вавилова;
второй -- о том, что в

"послевоенные годы деятельность института [была]... значительно активизирована (директоры И.Г.Эйхфельд, П.М.Жуковский, И.А.Сизов) в связи с тем, что для нас открылись богатейшие источники, куда раньше доступ был почти наглухо закрыт... -- в Китае, Индии, Корее, Вьетнаме, Индонезии и в ряде стран Америки" (138),

и третий -- опять о том, какой замечательной ("более широкой и целеустремленной", как он выразился) была роль ВИРа. В последнем абзаце ссылки на даты отсутствовали, рассказ о доблестях ВИР велся вне времени и места: можно было подумать и о вавиловских временах и о днях правления его активизировавшихся преемников Эйхфельда, Сизова и Жуковского.

А затем шел абзац, который и комментировать нельзя никак: стукач и со-участник убийства Вавилова писал (в 1962 году!):

"Здесь у нас и возникла в рабочем общении с Н.И.Вавиловым идея о необходимости

разработки интродукции растений в качестве системы опыта и знаний, новой растениеводческой дисциплины. Автору диссертации и П.М.Жуковскому Н.И.Вавиловым было поручено в 1931 году организовать и возглавить систему экспериментальных пунктов по испытанию новых культур в различных зонах СССР" (139).

Заканчивалась диссертация не менее виртуозно. Автор оспаривал правила Международной номенклатуры растений и заявлял, что он намеренно пишет видовые названия растений, присвоенные в честь конкретных ученых не с маленькой, а с заглавной буквы, ибо моральные принципы сделать иначе -- в соответствии с правилами -- ему не позволяют. И приводил лишь один пример -- пшеницу Вавилова, T.Vavilovi: "Мы... сознательно пишем... T.Vavilovi" (140).

В диссертации была еще одна мелкая, но крайне важная деталь: список собственных исследований Г.Н.Шлыков начинал следующим образом:

"Основная работа: "Интродукция растений", 1936 г., СХГ, М.-Л., стр. 504 (монография)" (141).

Именно об этой книге Вавилов писал как о "непревзойденном образце кривого зеркала". В списке фигурировали также статьи Шлыкова, в которых он в тридцатые годы называл Вавилова врагом и расценивал его деятельность как вредительскую (142). Расчет, я думаю, был простой. Молодые ученые не очень-то склонны копаться в запыленных журналах многолетней давности... поверят на слово, что он -- друг Вавилова, а архивы НКВД -- место надежное.

Немалую изворотливость проявил и С.Н.Шунденко, перебравшийся в Ленинград после увольнения с официальной службы в центральном аппарате НКВД и КГБ. Он стал подвизаться в качестве доцента кафедры истории КПСС Ленинградского университета, и под его редакцией даже вышли в свет печатные работы о героизме ленинградцев в годы войны (143). Каким был героизм энкавэдэшников, мы уже знаем.

Мера личной ответственности

История расправы над школой Вавилова не оставляет сомнения в причастности Лысенко к этому позорному событию в жизни СССР. Его роль в гибели Вавилова, Карпеченко и других генетиков и цитологов очевидна (хотя сам он много раз впадал на публике в истерики, выкрикивая, что в гибели Вавилова он невиновен). Можно ли было навредить своей Родине больше? Испытывал ли Лысенко в день, когда он поставил свою подпись под постановлением о разрушении ВИР'а, удовлетворение от содеянного? Считал ли, что его чаяния, наконец-то осуществились? И понимал ли этот сухопарый, желчный человек, ЧТО ОН НАТВОРИЛ?

Эти вопросы неминуемо встают перед каждым, кто задумывается над судьбой Лысенко, над судьбой России, ее народа, науки, культуры. Что скрывалось за угрюмой внешностью Лысенко, за каждым из всплывших на поверхность лысенок? Эгоизм? Безумное властолюбие? Нехватка образования? Но ведь такое случалось в советской России и с людьми высокообразованными. Слепая подгонка своих действий под идеологию вождей, насаждавших монополию власти и раболепие страха? Но разве, как и вожди, эти исполнители (каковыми Лысенко и ему подобные, несмотря на все посты и звания, оставались) не понимали, что чудо преобразования истории (как у Лысенко чудо преобразования природы) не состоится! Не потому ли, что понимая неизбежность краха их чуда, они старались помочь метле тотального устранения "врагов" вымести слишком умных и

вольных критиков их собственных поступков? Ведь их нехитрый расчет исходил из того, что только террор может подавить недовольных, только страх и раздувание истерической боязни "внешнего и внутреннего врага" может научить (или заставить!) большинство безропотно повиноваться. Или же люди вроде Лысенко действовали, как автоматы, реагирующие всегда в соответствии с заложенной программой?

Единственно правильным было бы искать объяснение личных мотивов и поступков лысенок, прежде всего, в социальных условиях, диктовавших их поведение, ибо все их действия, все "новации" логично вписывались в диапазон устремлений создателей и руководителей этого общества, как вписывается автомобиль, мчащийся по автостраде, в отведенную ему полосу. Автоматизм их сродни автоматизму водителя, строго подчиняющегося дорожным знакам.

Но, если говорить только о Лысенко, то мне кажется, что вся история его ожесточенной борьбы не с одним Вавиловым, а со всеми генетиками сразу, отвергает простой ответ -- дескать, был слепым орудием в руках таких людей, как Сталин. Нет, не слепым орудием он был! Он отлично знал, что делает. Потому он и стремился самые грязные дела творить чужими руками (как нередко делали умные люди, рвавшиеся к власти во все времена и эпохи), всегда искать и находить послушных исполнителей -- таких, как Презент, Глущенко, Якушкин или Долгушин, ибо прекрасно знал меру содеянному и боялся суда истории.

Социально обусловленной была и тяга Лысенко к "чудесам". Уже не раз говорилось, что вера в чудо, естественно вытекающая из веры в неминуемое "светлое будущее", лежала в основе всех планов "преобразования природы", подхваченных "мичуринскими" биологами. Вера в "чудо" заменяла им науку, так же как вера в чудодейственность своих социальных преобразований изначально двигала вождями нового -- коммунистического общества. Поэтому любые горячечные пророчества Лысенко с такой легкостью, даже радостью, воспринимались этими вождями. Наверняка, бывали случаи, когда они пусть неясно, пусть кожей, "шестым чувством", но осознавали, что их обманывают, однако, как наркоман, умом понимающий вред страшного зелья, тем не менее, с мазохистской радостью принимает его, так и эти вожди хотели быть обманутыми. Талантливый лгун знал, что нужно сегодня врать, читал в глазах тех, кому врал, радость от услышанного -- и врал еще больше. И хоть отказ от науки (её "преобразование" на классовый лад) вел к провалу планов, построенных на песке, бережного отношения к науке у властителей после этого не возникало. Напротив, принимались еще более ирреальные планы, публиковались еще более победные отчеты, и так продолжалось по экспоненте.

Такая практика устраивала верхи (о "светлом будущем" можно было объявить народу как о мероприятии, надежно запрограммированном великими поводырями мира Марксом, Лениным и Сталиным), и вполне соответствовала интересам таких людей, как Лысенко, давая им возможность процветать не за счет реальной деятельности, а за красоту своих обещаний.

Естественно, всё это порождало злосчастную триаду -- утерю веры, цинизм и страх, причем устрашение как фактор повиновения становилось средством управления. Однако и к страху люди привыкают. Поэтому возникала новая задача -- необходимость нагнетания страха, внедрения в массы идеи о классовой борьбе, якобы обостряющейся с каждым днем, с каждой новой победой, и о необходимости усиления отпора классовому врагу внутри страны и сопротивления внешним силам, вербующим себе сторонников и засылающим шпионов.

"Классовая" борьба была многоликой, но однонаправленной. Из общества устраняли самые ценные личности -- критически мыслящих, образованных, способных к творчеству, и заменяли беспринципными хлопотунами, безграмотными исполнителями, "винтиками",

сильными лишь своим послушанием. Возможно, многие из последней категории людей не знали, не умели понять, что их деятельность вредна для страны и народа. Жадность и амбициозность исполнителей были естественным следствием их социального статуса. К тому же они были, как правило, не только хорошо управляемыми, но мстительными и злобными. Горе было тем, кто вставал на пути этих "героев", конец приходил всякому, кто поднимал их на смех или подвергал критике. Дни этого человека были сочтены, ибо он выпадал (непременно выпадал!) из социальной системы, которая воздвигалась властями, как бы ни был велик собственный вес данного индивидуума (вернее сказать: тем быстрее он выпадал, чем большим был вес данной личности).

Поэтому возможен и такой подход, при котором историк отказался бы от рассмотрения личностных свойств Лысенко, не тратил бы время и силы на поиск ответов на вопросы о том, ощущал ли "колхозный академик" свою преступность, были ли его поступки отражением тех или иных свойств его характера. В тоталитарном обществе личности исчезают, их заменяют бездушные, безэмоциональные фантомы, сохраняющие узкий спектр реакций и стремлений. Для них копание в душе лишено смысла. На первый план выпирает преступное по своей сути ДЕЛО, а всё остальное является для них рудиментом ушедшей в прошлое "буржуазной сентиментальности". Поэтому столь монотонной, лишенной обертонов, была мелодия, исполняемая солистами, игравшими в оркестре такого дирижера как Сталин.

История с Вавиловым, человеком, сделавшим в личном плане для Лысенко больше, чем кто-либо, ярко демонстрировала эту монотонность мотивов и действий "биологического монополиста" Трофима Лысенко. Он не мог оставить Вавилова в неприкосновенности, и чувства Герострата вряд ли будоражили ему душу. Вавилова нужно было задавить, иначе собственное место казалось бы Лысенко не слишком прочно оккупированным, и если бы Вавилова не задавил Лысенко, то его смял бы другой такой же ходячий автомат, для которого вопросы чести и совести значили бы столько же или еще меньше.

Примечания и комментарии

к главе XI

1 А.К.Толстой. Портерт.
1872-1873. Цит. по: Собр. Соч., т. 1, изд. "Худож. лит-ра", М. 1963, стр. 542.

2 Г.Озеров (Л.Л.Кербер) Туполевская шарага, 2-е изд;., 1973, Изд. "Посев", Франк фурт/Майне, стр. 10.

3 Рассказано Д.В.Лебедевым в 1987 году.

4 М.А.Поповский, Дело академика Вавилова. Изд. "Эрмитаж", Тенафлай, 1983, стр. 153.

5 В.М.Молотов (Пред. СНК и Наркоминдел). Внешняя политика Советского Союза. Газета "Правда", 2 августа 1940 г., 213 (8259), стр. 1-2.

6 См. редакционную статью "Экспедиция ленинградских ученых". Газета "Ленинградская правда", 26 июля 1940 г., 171 (7660), стр. 2, В заметке говорилось:

"На Северный Кавказ из Москвы и Ленинграда отправилась большая экспедиция... Сельскохозяйственную группу этой экспедиции возглавляет академик Н.И.Вавилов. Задача группы -- исследовать пастбища и луга горного и предгорного Кавказа, чтобы выявить высококачественные корма для животноводческих колхозов Северной Осетии, Кабардино-

Балкарии, Дагестана и Чечено-Ингушетии".

7 Цитиров. по книге Поповского, см. прим. /4/, стр. 187. Записка хранилась у Лехновича в Ленинграде.

8 Благодарю доцента Нижегородской сельскохозяйственной академии Н.Я.Крекнина за предоставление копии этого письма и ряда других материалов, имеющих отношение к судьбе Е.К.Эмме.

9 О том, какое важное значение власти придавали ВСХВ, говорит такой факт. Только в

областной ленинградской газете "Ленинградская правда" за 10 дней -- с 16 по 24 августа было помещено 4 материала о выставке: 15 августа на стр. 1 и 4; 21 августа на стр. 1 и 24 августа на стр. 1. Месяцем раньше в этой же газете рассказывалось о ближайшем сотруднике Н.И.Вавилова проф. Розановой, чья работа была представлена на ВСХВ (см.: А.Моисеев. Биологи /в лабораториях советских ученых/. Газета "Ленинградская правда", 10 июня 1940 г., 132 (7821), стр. 3).

10 Там же, 27 августа 1940 года. См. статью: "Вручение медалей участникам Всесоюзной сельскохозяйственной выставки". В статье говорилось:

"Вчера в Смольном состоялось очередное вручение медалей и денежных премий участникам Всесоюзной сельскохозяйственной выставки", после чего указывалось, что Вавилов был удостоен медали и денежной премии.

11 ЦА ФСБ, Р-2311, том 4, л. 14-15. См. также М.А. Поповский, Дело Вавилова (главы из книги), в сб. "Память. Исторический сборник", Москва 1977--Париж 1979, стр. 299, на основании выписки, сделанной из "Следственного дела 1500", т. 4, листы 1-15.

12 О том, какие нравы воцарились в Институте генетики АН СССР после ареста Н.И.Вавилова

и назначения Т.Д.Лысенко директором этого института, можно судить по истории, случившейся с сотрудником института Юлием Яковлевичем Керкисом. Керкис несомненно раздражал Лысенко тем, что решил заняться двумя темами, волновавшими Лысенко. Во-первых, он решил перепроверить опыты, поставленные сотрудниками Лысенко, относительно возможности вегетативной гибридизации, а, во-вторых, поставил серию экспериментов по доказательству правоты количественных закономерностей расщепления (законы Менделя). Результаты работы были частично доложены на дискуссии 1939 года в редакции журнала "Под знаменем марксизма" (см. главу X). После ареста Вавилова из института была уволена большая группа сотрудников, работавших якобы "не по теме". Но Керкиса формально уволить за это было нельзя: "вегетативная гибридизация" стала центральной проблемой института. Тогда его начали всячески ущемлять -- лишили места в теплицах, отняли делянки в поле, надеясь, что Керкис покается и смирится. Этого, однако, не произошло. О том, что случилось позже, стало известно уже после кончины Керкиса, когда в его архиве нашли документы, обнародованные в стенной газете Института цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР. Оказывается, Керкиса решили подловить на каком-нибудь нарушении дисциплины и уволить по суду. Для этого использовали Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года ("О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений", М., Кремль, 26 июня 1940 г., опубликован во всех газетах страны; см. также Указ Президиума Верховного Совета СССР "О рассмотрении

народными судами дело о прогулах и самовольном уходе с предприятий и учреждений без участия народных заседателей", подписанный М.Калининым и А.Горкиным, М., Кремль, 10 августа 1940 г.). 31 октября, как посчитали лысенковцы, такой случай подвернулся: крупнейший советский математик А.Н.Колмогоров и его ученик (в будущем член-корреспондент АН СССР) А.А.Ляпунов попросили Керкиса прийти для обсуждения математических аспектов его работы. Керкис документально оформил уход -- на 50 минут ранее окончания рабочего дня. Тем не менее, заместитель Лысенко на посту директора института передал дело Керкиса в суд. 5 ноября 1940 года народный суд 10-го участка Ленинского района г. Москвы рассмотрел переданное дирекцией Института генетики дело 101-1153, допросил свидетелей и отказал дирекции в её иске против Ю.Я.Керкиса. Но работать в Институте после этого оказалось выше всяких сил, и вскоре Керкис был вынужден уйти из института "по собственному желанию".

13 Цитиров. по /4/, стр. 183.

14 С.Гурев, В.Костин. Против консервативного направления в биологической науке. Газета

"Ленинградская правда", 28 августа 1940 г., 199 (7688), стр. 2-3.

15 РГАСППИ, ф. 17, оп. 163, д. 1251, л. 57-67, см. "Академия наук СССР в решениях Политбюро ЦК РКП(б), ВКП(б) и КПСС", Изд. "РОССПЭН", М., 2000, стр. 277-279.

16 Архив ВИР, ф. 318, оп. 1-1, д. 1817, л. 216-228.

17 Архив ВИР, ф. 318, оп. 1-1, д. 1817, л. 225.

18 Там же, л. 227. Этот факт приведен в статье Евгении Альбац "Гений и злодейство". Газета "Московские новости", 15 ноября 1987 г., 46, стр. 10.

19 Архив ВИР, оп. 1-1, д. 1817, л. 229-231.

20 Архив ВИР, ф. 318, оп. 1-1, д. 1941, л. 1.

21 Архив ВИР, ф. 318, оп. 1-1, д. 1941, л. 2.

22 Т.Д. Лысенко. Что такое мичуринская генетика. Впервые опубликовано в газете "Ленинградский университет", 23 ноября 1940 г.; здесь цитиров. по книге "Агробиология",

6 изд., М., стр. 372-389.

23 Проф. Ю. Полянский. Развивать передовую советскую генетическую науку в Ленинградском университете. Газета "Ленинградский университет", 15 октября 1940 г., 35 (433), стр. 2.

24 Там же.

25 Там же.

26 См. прим. /22/, стр. 373.

27 Там же.

28 Там же

29 Отрывок из статьи в газете "Ленинградский университет" приведен Анатолием Шварцем

в статье "Этот счастливец Карпеченко", газета "Новое русское слово", Нью-Йорк, 5 декабря 1985 г., стр. 5; 6 декабря 1985 г., стр. 5; 8 декабря 1985 г., стр. 5. Цитата приведена в номере от 8 декабря 1985 г., стр. 5.

30 Там же.

31 Газета "Известия", 25 января 1983 г., 25 (20371), стр. 3.

32 БСЭ, 3 изд., 1978, т. 29, стр. 583.

33 ЛГАОРСС (Ленинградский гос. архив Октябрьской революции и соц. строительства), фонд ВИР, дело 1833, л. 110.

34 Протокол этого заседания Президиума ВАСХНИЛ 18 от 25.XI.1940.

35 ЦА ФСБ, Р-2311, т. 8, лл. 24-56. В Меморандуме были перечислены поименно 24 челове-

ка, составляющие "антисоветскую группу Вавилова" (имена были расположены в следующем порядке: Вавилов, Говоров, Карпеченко, Фляксбергер, Левитский, Букасов, А.Г.Гржум-Гржимайло, Н.А.Базилевская, К.И.Пангало, З.Н.Жеребина, Е.Н.Синская, М.А.Розанова, Е.В.Вульф, И.В.Кожухов, В.А.Королева-Павлова, Г.В.Ковалевский, Н.И.Кичунов, А.И.Мальцев, Г.М.Попова, А.И.Лусс, Ф.С.Венцлавович-Алексеева, П.П.Гусев, Н.Н.Иванов), затем были перечислены связи с заграницей, отношение группировки к ВКП(б) и Соввласти, связь с к/р группировками на периферии, организационная деятельность, вредительство, деятельность группировки в период с конца 1938 и иначала 1939 г.

36 Суд палача. Николай Иванович Вавилов в застенках НКВД. Документы. Свидетельства, М. Изд Academia, 1999, стр. 238.

37 Там же, стр. 239.

38 Там же, стр. 240-241.

39 А.Г. Хват (М.А. Поповский называет его Алексеем Григорьевичем; Евгения Альбац, взяв-

шая у него в 1987 году интервью, Александром Григорьевичем -- см. прим. /8/) дослужился до звания полковника и был с почетом отправлен на пенсию (пенсию он, конечно, получил самую престижную -- персональную). Он еще жив, его адрес: Москва, ул. Тверская (быв. Горького), д. 41, кв. 88. В интервью, данном Е.Альбац, на вопрос: "Вы потом о нем не вспоминали?" он ответил: "В 1962 году меня исключили из партии в связи с делом Вавилова".

М.А.Поповский пишет в своей книге (см. прим. /4/, стр. 264):

"Заместитель Генерального прокурора СССР Маляров сокрушенно говорил автору этих строк в апреле 1965 года, что привлечь к судебной ответственности следователя А.Г.Хвата, который мучил Вавилова и фальсифицировал его дело, увы, невозможно, так как истек срок давности совершенных им преступлений".

40 ЦА ФСБ, Р-2311, т. 4, л. 73, цитир. по книге "Суд палача" (прим./36/), стр. 261.

41 ЦА ФСБ, Р-2311, т. 4, л. 84.

42 Там же, стр. 241 и стр. 269. См. также Поповский, прим. /4/, стр. 284.

43 ЦА ФСБ, Р-2311, т. 4, л. 84, см. прим. (36), стр. 270.

44 См. прим. /4/, стр. 303.

45 См. статью Альбац , прим. (18).

46 Там же.

47 Цитиров. по статье: Лев Сидоровский. Вавилов. Великий ученый глазами родных, коллег, строками писем. Газета "Смена" (Ленинград) 13 августа 1987 г., 185 (18735), стр. 2.

48 ЦА ФСБ, дело Р-2311, допрос 28 августа, цитир. по книге "Суд палача", см. прим. (36), стр. 175.

49 Там же.

50 ЦА ФСБ, Р-2311, т. 4, лл.100-108, см. прим. (36), стр. 27-5277.

51 Там же, стр. 282.

52 Там же.

53 ЦА ФСБ, Р-2311, т. 6, л. 4, см. прим. (36), стр. 295.

54 ЦА ФСБ, Р-2311, т. 4, стр. 129-142, см. прим. (36), стр. 288-295.

55 См. Поповский, прим. (11), стр. 285.

56 Там же, стр. 300-302.

57 ЦА ФСБ, Р-2311, том 1, лл. 160 и 164.

58 ЦА ФСБ, Р-2311, т. 1, л. 159. см. прим. (36), стр. 304

59 Там же, стр. 519.

60 ЦА ФСБ, т. 1, Р-2311, л. 191.

61 ЦА ФСБ, т. 1, Р-2311, л. 198, см. также прим. (36), стр. 316

62 Там же, стр. 320.

63 Там же.

64 Там же.

65 Горьковский Областной Архив, ф. 2375, оп. 15, ед. хран. 75, лист 16.

66
 ЦА ФСБ, т. 1, л. 369-372, стр. 382-383. Эти же показания, как сообщил мне д-р Н.Я.Крекнин

из Нижнего Новгорода, фигурировали в следственном деле Е.К.Эмме после её ареста органами НКВД, Дело 1247 Управления госбезопасности СССР по Горьковской области, лл. 46-48.

67 См. прим. (11), стр. 308.

68 Там же, стр. 304.

69 Там же, стр. 305 (Извлечение из "Следственного дела 1500, т. 10).

70 И.С.Шатилов. Иван Вячеславович Якушкин (К 100-летию со дня рождения), журнал "Вестник с.х. науки", 1986, 1, стр. 141-142.

71 Цитиров. по /47/.

72 Там же.

73 Там же.

74 См. прим (4), стр. 201.

75 Магнитофонная запись сделана мной во время выступления А.А.Прокофьевой-Бельговской.

76 Цитиров. по /47/.

77 П.Н.Яковлев. Упражнения реакционных ботаников. Газета "Правда", 44, 14 февраля 1936, 44(6650), стр. 3.

78 Академия Наук СССР в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, М., Изд. РОС СПЭН, 2000, стр. 215 и 216.

79 Цитировано на основании письма Баумана Сталину и Мролотову, см. прим. (78), стр. 216.

80 Архив ВИР, оп. 2-1, д. 498, л. 35, цитировано также в статье Д.В.Лебедева "Георгий Дмитриевич Карпеченко". в Сб. "Соратники Николая Ивановича Вавилова. Исследователи генофонда растений", 1994, СПБ, стр. 220.

81 См. прим. (14), стр. 2.

82 Там же, стр. 3.

83 Там же.

84 Фаддеева, Артемьева, Лебедева, Пружанская и др. "Письмо в редакцию -- О преподавании курса генетики", газета "Ленинградский университет", 44, стр. 3.

85 В кн.: Соратники Николая Ивановича Вавилова. Исследователи генофонда растений, 1994, СПБ, стр. ".

86 Эта и последующие цитаты сделаны по следственному делу Карпеченко 2390, с которым ознакомился в октябре 1993 года Д.В.Лебедев, передавший мне 28 декабря 1993 года копии его выписок из следственного дела.

87 Там же

88 Обстоятельства, сопровождавшие арест Карпеченко, приведены в очерках Анатолия Шварца

"Этот счастливец Карпеченко", газета "Новое русское слово", Нью-Йорк, 5 декабря 1985 г., стр. 5; 6 декабря 1985 г., стр. 5; 8 декабря 1985 г., стр. 5. Перу Шварца принадлежит также книга очерков о Серебровском, Четверикове, Карпеченко, Вавилове, Л.А.Зильбере, И.И.Мечникове: см. его книгу: Во всех заркалах. Книга поисков. М., Изд. "Детская литература". 1972.

89 Отрывки из письма Д.В.Лебедева ко мне от 23 августа 1994 г., письмо хранится в моем архиве.

90 Там же.

91 Допрос 22 марта 1941 г. и др., сведения сообщены мне Д.В.Лебедевым.

92 См. прим. (36), стр. 483.

93 Там же.

94 Цитировано по письму Д.В.Лебедева.

95 Цитировано по статье Лебедева в книге "Соратники Вавилова". См. Прим. (85), стр. 22-5226.

96 Архив ВИР, оп. --, д. --, лл. 60-62.

97 См. прим. (85), стр. 228.

98 Н.И.Вавилов. Письмо Г.Д.Карпеченко. Научное наследие. Том 5, Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия, 1911-1928, стр. 19.

99 Г.А.Левитский. Материальные основы наследственности, Киев. Госиздат Украины. 1924, 166 стр. Переиздана в 1978 г. в сб. Г.А.Левитский. Цитогенетика растений. Избранные Труды. М., изд. "Наука", с. 10-208.

100 Научное наследство. т. 5, Николай Иванович Вавилов, М. Изд. "Наука",1980, стр. 214-215.

101 Архив ВИР, оп. 2-2, д. 673, л. 41. См. также Н.Г.Левитская, Т.К.Лассан, Из истории науки. Григорий Андреевич Левитский. Материалы к биографии. Журнал "Цитология" 1992, т. 34, 8, стр.114.

102 Цитир по статье Левитской и Лассан, см. прим. (101), стр. 116.

103 Там же, стр. 119.

104 Там же.

105 Там же, стр. 121-122.

106 Там же, стр. 123.

107Обстоятельства жизни, работы, ареста и гибели Эмме изложены в нескольких работах,

подготовленных к публикации доцентами Нижегородского сельскохозяйственного института Марией Михайловной Рудаковой и Николаем Яковлевичем Крекниным См.: Н.Я.Крекнин, М.М.Рудакова . Елена Карловна Эмме. В кн. Видные ученые Нижегородской Государственной сельскохозяйственной академии. Часть 1-я Нижний Новгород.1997, стр. 110-116; см. также: Н.Я.Крекнин, М.М.Рудакова [в публикации фамилия Рудаковой ошибочно изменена на Руденко], Т.К.Лассан. Елена Карловна Эмме. В кн. "Соратники Вавилова", прим. (85), стр. 584-592.

108 Цитировано по копии имеющегося у меня приглашения.

109 Малая Советская Энциклопедия, 1929, М., т. 2, стр. 347.

110 БСЭ, 3 изд., 1971, т. 5, стр. 574.

111 Цитиров. по книге О.Н.Писаржевского "Прянишников". Изд. ЦК ВЛКСМ "Молодая гвардия", серия "Жизнь замечательных людей", М., 1963, стр. 157.

112 Журнал "Бюллетень ВАСХНИЛ", 1937, 4, стр. 23.

113 А.Нуринов. На либеральной ноте. Собрание актива в академии сельскохозяйственных наук. Газета "Социалистическое земледелие", 3 апреля 1937 года, 76 (2464), стр. 2.

114 Е.Ляшенко. Агрохимические карты и борьба за урожай. Газета "Правда", 4 сентября 1937 г., 244 (7210), стр. 2.

115 О несомненной пользе агрохимических карт писали ранее не раз центральные газеты:

см., например, статью тогдашних аспирантов Д.Н.Прянишникова - И.Афанасьева и И.Гунара "Химизация социалистического земледелия и задачи Всесоюзного института удобрений". Газета "Известия" 23 ноября 1931 г., 322 (4529), стр. 2; а также статью директора ВИУА А.К.Запорожца "Удобрения и урожай", там же, 29 мая 1935 г., 125 (5678), стр. 3.

116 См. прим. /111/.

117 Г. Павлов. Прикрываясь флагом "научных трудов". Газета "Социалистическое земледелие", 21 сентября 1937 г., 217 (2605), стр. 3.

118 А.Ф. Кабанов, ученый секретарь секции агрохимии. Проблемы основного удобрения и

подкормки. Журнал "Бюллетень ВАСХНИЛ", 1937, 5, стр. 11. Автор отчета о Пленуме с большим уважением рассказал о работе Н.М.Тулайкова, выступившего на Пленуме.

119 Там же.

120 Е. Ляшенко. Еще раз об агрохимических картах. К пленуму секции агрономической химии Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина. Газета "Социалистическое земледелие", 14 ноября 1987 г., 260 (2648), стр. 3.

121 Во Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. Пленум секции агрономической химии. Там же, 15 ноября 1937 г., 261 (2849), стр. 3. Статья подписана инициалами "С.Б.".

122 Акад. Д.Н. Прянишников. Покушение с негодными средствами (статья вторая). Журнал "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства", 1937, 11-12 (ноябрь-декабрь), стр. 20-5216.

123 См. прим. (11), стр. 219.

124 С.Б. Пленум секции агрономической химии. Газета "Социалистическое земледелие", 16 ноября 1937 г., 262 (2850), стр.3.

125 С.Б. Закончился Пленум секции агрономической химии. Там же, 20 ноября 1937 г., 265 (2853), стр. 3.

126 См. прим. /114/.

127 См. прим. /82/, стр. 329.

128 Ж.А.Медведев, Биологические науки и культ личности, машинописный вариант рукописи книги, каждая глава которой собственноручно подписана автором, 1962, стр. 193-194.

129 Л.С.Берг. Всесоюзное географическое общество за 100 лет. Изд. АН СССР, М.-Л., 1946; см. о Вавилове стр. 209-217.

130 И.И.Бабков. Отделение физической географии в советский период. Журнал "Вестник АН СССР", 1947, 2, стр. 27-29. На стр. 28 два абзаца посвящены путешествиям Вавилова по поручениям Географического общества.

131 См. прим. /111/, стр. 219.

132 И.Д. Пленум секции плодовоовощных культур. Газета "Социалистическое земледелие" 23 ноября 1937 г., 268 (2656), стр. 3.

133 См. прим. /4/.

134 Личное сообщение В.П.Эфроимсона, сделанное мне в 1986 году.

135 Г.Н. Шлыков. Введение растений в культуру и освоение их в новых районах (Интродукция и акклиматизация растений). Диссертация на соискание ученой степени доктора сельско хозяйственных наук. 1962; см. также автореферат под тем же названием,

издан в Тбилиси в 1962 г. Грузинским с.х. институтом МСХ Груз. ССР на 60 стр. Автореферат имеется в Гос. библиотеке им. Ленина.

136 См. автореферат диссертации Г.Н.Шлыкова, прим. (135), стр. 13.

137 Там же.

138 Там же. стр. 14.

139 Там же, стр. 14-15.

140 Там же, стр. 58.

141 Там же. стр. 59.

142 Шлыков перечислял статьи из журнала "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства", 1936, 9 ("Генетика и интродукция растений"); из журнала "Советские субтропики" ("Формальная генетика и последовательный дарвинизм", 1938 г.).

143 С.Н.Шунденко (ред.). Вопросы истории КПСС. "Ученые записки Ленинградского универси тета", 289, кафедра истории КПСС (сер. исторических наук, вып. 33), Ленинград, 1960.

Г л а в а XII

ТРОН ПОД ЛЫСЕНКО ЗАШАТАЛСЯ

"Да и с какой же стати буду робче я

Машин грохочущих и певчих птиц --

История есть достоянье общее,

А не каких-нибудь отдельных лиц."

Л. Мартынов. Первородство (1).

"...в пещере этой лежит книга, жалобная книга, исписанная почти до конца. К ней никто не прикасается, но страница за страницей прибавляется к написанным прежним, прибавляется каждый день. Кто пишет? Мир! Записаны, записаны все преступления преступников, все несчастья страдающих напрасно".

Евгений Шварц. Дракон (2).

Лысенко в Горках Ленинских

Став Президентом ВАСХНИЛ в 1938 году, Лысенко собрался переезжать в Москву. Приходилось бросать насиженное место, любезную сердцу Украину, прощаться с красавицей Одессой. И самое главное -- думать о том, как и где разворачивать собственную научную работу. Конечно, он сохранил за собой так называемое руководство Одесским институтом, но надо было что-то заводить и в Москве. Ведь он много раз распространялся с трибуны и в печати, что при "врагах народа" Академия сельхознаук превратилась в бюрократическую

контору, а надо, чтобы она стала настоящим центром науки. Понятно, пример должен подать "голова" -- Президент. Первая задача стала ясной -- искать базу для опытов вблизи Москвы.

В его понимании опытами должны были быть отнюдь не общепринятые в науке сложные манипуляции с растениями, всякие там физиологические, биохимические и прочие лабораторные разработки -- упражнения, как он считал, теперь уже никому ненужные. Следует быть к земле поближе: сеять и пересевать. Для опытов потребны не приборы, не техника, а ухоженные поля, где-то поблизости от столицы, с удобными подъездами, с хорошей землей, с водой для полива. Такую базу и стал искать для себя Лысенко. Выбор пал на место, известное многим в стране, -- Горки Ленинские.

В дальнейшем нам придется не раз
встречаться с "опытами", проводившимися в Горках Ленинских. Поэтому уместно рассказать об этой примечательной экспериментальной базе.

Вблизи Москвы, километрах в 20-30, было несколько старинных дворянских усадеб, названных одинаково -- Горки. Были Горки и по Нижегородскому тракту, и по Варшавской дороге, и на север от Москвы. В 3-5ти километрах на юго-восток от столицы еще в XVIII веке на берегу реки Пахры был построен комплекс красивых домов. Перед революцией усадьбой владел генерал А.А.Рейнбот (Резвой -- 1868-1918) -- московский градоначальник в 1906-1907 годах. От Москвы туда вела прекрасная дорога, рядом темнел лес. К усадьбе протянули нитки проводов -- градоначальник имел прямую телефонную связь с правительственными учреждениями. Словом, это было живописное, благоустроенное поместье. В комфортабельных дворцах была стильная мебель, висели дорогие картины, лежали красивые ковры, стояли по углам залов заморские вазы.

После революции и переезда большевистского правительства из Петрограда в Москву хозяева сменились. Комплекс облюбовал под загородную резиденцию Ленин1. Тяжело заболев, он жил здесь уже безвыездно и здесь умер в январе 1924 года. Горки с тех пор стали именовать Ленинскими. Неподалеку, еще при жизни Ленина, нашел себе аналогичную усадьбу председатель ЦИК советской республики М.И.Калинин.

А чтобы обслуживать нужды обеих правительственных дач, на прилегающей территории было создано специальное хозяйство Управления делами Совета Народных Комиссаров. Хозяйство было не маленькое (около полутора тысяч гектаров). Естественно, содержалось оно образцово, имело прекрасные надворные постройки, было электрифицировано, к нему вели хорошие подъездные пути, и была сеть дорог внутри хозяйства. После смерти Ленина оно оставалось в ведении Совнаркома до 1938 года, став чем-то вроде подсобного хозяйства для подкармливания кремлевской верхушки.

Вот оно-то и приглянулось Лысенко. Вряд ли следует говорить, что и экономически и политически Горки Ленинские, одно название которых в уме каждого советского человека будило ассоциации с Лениным, вполне удовлетворяли амбициям Лысенко. С тех пор, как хозяйство Горок, выделенное в самостоятельную единицу, отделенную от Музея Ленина (дворцов и парка), перешло в управление Лысенко, оно часто упоминалось в печати в сочетании с его именем и одновременно с именем Ленина. Многие в СССР знали, что в Горках творит новую биологическую науку великий Лысенко.

В то же время, пользуясь и своим высоким постом и ссылками на то, что это не ординарная деревня, а все-таки ГОРКИ ЛЕНИНСКИЕ, Лысенко постоянно добивался для своего хозяйства всевозможных привилегий: освободил его от обязательной в СССР сдачи почти всего урожая государству, продавал продукцию не по государственным (закупочным), а по

рыночным ценам, обеспечивал мощной техникой, удобрениями и т. п. Хозяйство всегда имело много рабочих рук, из него не сбегали правдами и неправдами работники, ведь оно в должниках перед государством никогда не ходило, а, следовательно, зарплату и приплаты за выполнение планов начисляли во-время, а не так, как в большинстве сельских хозяйств в стране, где иногда по полгода никаких выплат не производили. Немудрено, что поля были всегда ухоженными, посевы радовали глаз. А предприимчивые лысенкоисты всегда были готовы приписать это правильности теоретических предпосылок их шефа, которые якобы и предопределяют высокий уровень ведения сельского хозяйства в Горках Ленинских.

В течение последующей жизни Лысенко обосновывал свои рекомендации получаемыми в Горках результатами. рассматривал эту базу как эталон, как образец для подражания. В сравнении её с колхозами страны было заложено то же ядро неправды, какое несли с собой анкеты одесского периода. Во всех отношениях база Горок Ленинских была не похожа на колхозы -- ни по площади земель, ни по объему посевов, ни по насыщенности машинами, ни по использованию собранного урожая, а отсюда -- и по жизненному укладу работников.

К тому же как и с анкетами в Одессе, в Горках ежечасно творили обман. В 1965 году было документально доказано, что лысенковские помощнички норовили всюду смухлевать -- внести загодя побольше навоза и удобрений в почву, а потом присыпать землю ничтожной по питательности своей, "патентованной смесью" и начать трубить, что смесь эта -- чудодейственна; или раскормить коров выше всякой меры, а объявить погромче, что кормили скот умеренно, как кормят в средней руки колхозах. Но был и другой вид подтасовки. Как сказали бы статистики -- была заложена основа для постоянно присутствующей систематической ошибки: здесь хозяйствовали по иным, несоциалистическим меркам.

Чтобы не быть голословным, приведу выписку из официального документа -- "Доклада комиссии АН СССР о результатах проверки деятельности экспериментальной научно-исследовательской базы "Горки Ленинские" и ее подсобного научно-производственного хозяйства" (3):

"По главным показателям -- площади пашни и численности дворов -- хозяйство "Горки Ленинские" в 5 раз меньше среднего совхоза Московской области и в 2-2,5 раза меньше среднего колхоза имени Владимира Ильича2 (земли колхоза окружают территорию базы с трех сторон).

... Значительно лучшая обеспеченность хозяйства фондами, кадрами и предоставленное ему право реализации продукции по розничным ценам делают показатели базы "Горки Ленинские" несопоставимыми с показателями рядовых колхозов.

Здесь на 509 га пашни имеется 10 физических (15,5 условных) тракторов, 11 автомашин, 2 бульдозера, 2 экскаватора, 2 комбайна, что с избытком перекрывает потребности хозяйства и обеспечивает резервы.

По расчету на 10 га пашни здесь в 9 раз больше основных фондов, в 3 раза больше производственных фондов, почти в 2,5 раза выше энергообеспеченность хозяйства, чем в среднем по совхозам Московской области" (4).

... Наконец, следует отметить, что хозяйство "Горки Ленинские" практически освобождено от продажи зерна государству.

... Пшеница обменивается хозяйством через заготовительные органы на концентрированные корма. Это означает, что почти вся продукция растениеводства остается в хозяйстве и

используется на собственные нужды, в основном как кормовой фонд. Кроме этого, хозяйство закупает зерно, комбикорма, которые составляют 1/3 всех потребляемых концентратов" (5).

Конечно, в таких условиях можно было добиваться результатов, невозможных в условиях других хозяйств страны...

Разворачивать работу в Горках Лысенко начал в 1939 году. В Москву были переведены его любимые сотрудники -- Презент, Долгушин, Авакян, Ольшанский. Отвели делянки и поля также тем, кто стал работать с Лысенко в Институте генетики (прежде всего Глущенко и Бабаджаняну). Под началом Президента ВАСХНИЛ им предстояло теперь трудится по-новому: Лысенко хотелось начать в Москве иное дело, открыть еще одну яркую страницу в жизни. Он понимал, что на старых достижениях долго удержаться вряд ли удастся.

Первый год после переезда ушел, вполне естественно, на обживание нового места. У самого Трофима Денисовича почти все силы растрачивались на ту самую канцелярскую деятельность, которую он раньше столь решительно осудил, витийствуя о порочном, вражеском стиле его предшественников по Президиуму ВАСХНИЛ. Но оказавшись в кресле Президента Лысенко буквально всеми клетками кожи чувствовал замогильный холод, исходивший из Кремля, жизнь повернулась иначе. Страх лез из каждой щели, провокацией мог показаться любой звонок, ошибкой -- любой разговор. Провинциальному, но в то же время цепкому, изворотливому, эгоистичному крестьянскому мужику, на плечи которого легла такая ответственная поклажа, сбросить которую было равносильно тому, чтобы самому свалиться с ней в могилу, -- первые месяцы в Москве показались ужасными (один из его помощников об этом однажды мне проговорился).

И хоть нравилось ему бывать в Горках (как-то он сказал нам в лекции в Тимирязевке, что каждый раз, проезжая мимо ворот ленинского музея, улыбался своей потаенной мысли -- такой приятной: надо ведь, в таком месте работаю, по одной земле с Лениным хожу: не каждому дано), но времени на поездки туда вечно не хватало. Да еще этот смещенный график работы: днем крутишься, крутишься, и ночью до 3-4 часов утра сиди в кабинете. Вдруг Сталину понадобишься, он по ночам звонит. И тут уж держи ухо востро, соображай мгновенно, отвечай солидно, со знанием дела, но и с оптимизмом в голосе, а то -- не ровен час... Да не зарони сомнений в хитрую сталинскую душу... В общем, не до Горок. И не до опытов.

Так пролетел весь 38-й, а за ним и 39-й год. Так и дотянулось всё до июня 1941 года. Грянула война. И ждали вроде её и готовились, а вот нежданной оказалась.

Военные годы

С началом войны теоретические споры ученых сами собой отступили на задний план: все силы были брошены на оборону страны. Захват фашистами уже в 1941 году огромных земледельческих территорий обострил и без того тяжелое положение сельского хозяйства. Теперь от ученых требовалось использовать все средства для решения практических задач.

По мере продвижения немцев на территорию СССР всё больше фабрик, заводов, институтов эвакуировали вглубь страны -- за Урал. В Среднюю Азию из Одессы был переведен лысенковский селекционно-генетический институт. В Ташкенте, Фрунзе, Алма-Ате, Свердловске и других городах оказались многие академические институты. Сам Лысенко кочевал между Омском и Фрунзе. В Омске в составе Сибирского научно-исследовательского института зернового хозяйства работала часть его лаборатории. Нередко Трофим Денисович появлялся в комнате, располагавшейся рядом с кабинетом директора института Гавриила

Яковлевича Петренко, и постепенно старался перестроить работу этого давно сложившегося института на свой лад. Во Фрунзе оказались другие лаборатории Института генетики.

Первые предложения Лысенко в эти дни были далеки от его прежних увлечений "антигенетикой". Страна в результате сталинского руководства оказалась неподготовленной к войне. Первый год принес голод и нехватку сырья для промышленности.
Поэтому, как один из выходов из создавшегося положения, с весны 1942 года во всех городах была отведена земля под частные огороды, так называемые "участки". Главной культурой, которой их засевали, стал картофель.

И вот тут Лысенко с его буйной энергией сделал доброе дело. Он возродил дедовский способ посадки картофеля срезанными верхушками клубней, содержащими, как известно, зачаточные ростки (глазки), и даже отдельными глазками. Советы Лысенко о том, как срезать верхушки, как их хранить зиму и весну, а остальное использовать в пищу, были опубликованы во многих газетах. Частично этот прием помог преодолеть голод и сохранить посадочный материал, а, будучи разрекламированным САМИМ ЛЫСЕНКО, прибавил ему популярности среди народа.

Осень 1941 года оказалась в Сибири и на Дальнем Востоке холодной. Лысенко сам объехал и облетел огромные территории Сибири и Северного Казахстана, понял, что везде недозревшие массивы пшеницы могут угодить под ранние заморозки и снег... и распорядился скашивать недозревшую пшеницу, чтобы собрать хотя бы то, что успело вырасти. Конечно, в свойственной ему манере он уверял, что при этом даже сохранилась обычная урожайность ("Я не знаю случая, чтобы в прошлом году было получено снижение количества и качества урожая пшеницы, скошенной согласно нашим предположениям", -- говорил он на общем собрании АН СССР в Свердловске 6 мая 1942 года /6/), хотя, несомненно, зерно получилось щуплым. Но, несмотря на это, предложение его было ценным, так как в противном случае собрать урожай не удалось бы вовсе.

Он занялся и другими практическими делами -- определением всхожести пшеницы, хранившейся в буртах на морозе, выяснением возможности перевозки в южные районы картофеля, собранного севернее, для немедленного высева и т. д. Все эти вопросы, не требовавшие научного анализа, но достаточно существенные в то трудное время, решались им оперативно, приносили пользу, и он не смог удержаться от того, чтобы в очередной раз не раздуть свои успехи и не принизить значение теории.

"Принятый нами метод научной работы -- заниматься в теории агробиологической науки только теми вопросами, решение которых дает возможность практического выхода... -- является хотя и трудным и связан с напряженной для исследователя работой, но это наиболее верная дорога в науке" (7), --

многозначительно философствовал он, забывая упоминать, что основу давших эффект предложений составляли давно известные практикам приемы.

Он, естественно, не мог отрешиться от того, чтобы не продолжать с упорством продвигать в жизнь и непроверенные рекомендации, требовать, например, широко практиковать летние посадки сахарной свеклы в Узбекистане, что дало одни убытки (влаги не хватало, и вся свекла засыхала на ранних стадиях развития). Расхваливал он и свою довоенную идею борьбы с вредителями посевов: выпускать на поля кур, чтобы они склёвывали всех насекомых, их яйца и гусеницы. Тогда и мясо будет бесплатное (и диетическое! -- добавлял академик) и вредители исчезнут.

Но основное внимание в это время он уделял приему, который многим сразу же показался ошибочным. Продолжая давнишнюю игру в сверхскоростное выведение сортов, он еще в 1939 году обещал в срочном порядке (опять за 2--3 года) вывести зимостойкие сорта зерновых культур для Сибири (8). Сколько-нибудь перспективных сортов ему получить не удалось, и тогда он предложил сеять (сначала собственные "сорта", а когда они не пошли, то и местные сибирские сорта) весьма оригинальным путем: не вспахивая землю, а прямо в оставшуюся после скашивания яровых хлебов стерню. Преимущество такого приема, по его мнению, заключалось, во-первых, в экономии на тракторах, горючем, рабочей силе и т. д., а, во-вторых, в том, что старая корневая система оберегала бы новые посевы от вымерзания (9).

Ни физические представления о теплопроводности стерни, ни биологическая часть идеи не были достаточно проработаны (Лысенко заимствовал у Тулайкова принцип, но, не зная толком сути предложения загубленного академика, всё перепутал), и предложение было встречено критически, прежде всего, сибирскими учеными. Лысенко сделал доклад в институте в Омске. Несмотря на огромное почтение, которое не мог не вызывать Президент и троекратный академик у скромных провинциалов, среди них нашлись специалисты, выставившие свои возражения. Их поддержал директор института Петренко. Лысенко это не только не образумило, а придало энергии в отстаивании с еще большим жаром своей идеи. С Гавриилом Яковлевичем он перестал с тех пор разговаривать, а решение научного спора перенес в инстанции, всегда и во всем его поддерживавшие: вопрос о том, сеять или не сеять по стерне, был рассмотрен в Наркомземе СССР, где собрали специальное совещание. Правда, во время него случился неприятный для новатора казус. В ответ на вопрос председательствующего, не хочет ли кто-нибудь высказаться, в задних рядах кто-то поднял руку. Председатель кивнул ему, человек встал, им оказался Петренко, специально приехавший в Москву. Лысенко начал суетиться в президиуме, пытаясь лишить его слова. Но пока Трофим Денисович пререкался с председателем, Петренко начал говорить с места, с первой же фразы завладел вниманием аудитории и довел до сведения участников совещания мнение тех, кому Лысенко, по сути дела, и собирался помочь своими советами -- сибирских ученых3. Его выступление, конечно, не могло перевесить чашу весов в этом споре, ибо наркоматские чиновники всё равно горой стояли за Лысенко. Посевы по стерне были одобрены, и их приказным порядком начали внедрять повсеместно в Сибири под присмотром партийных органов.

Метод настойчиво насаждали в Сибири почти полтора десятка лет, понеся огромные убытки, пока, наконец, в 1956 году даже партийная печать была вынуждена признать, что это предложение было вредным, и что сам Лысенко и его сторонники

"... игнорируя очевидные факты... доказывали недоказуемое и упорно зачисляли в разряд консерваторов от науки добросовестных специалистов сельского хозяйства, которые смотрели фактам в лицо",

и что

"в результате только в Омской области в течение ряда лет сеяли десятки тысяч гектаров озимой по стерне, с которых никогда не были собраны даже затраченные семена" (10).

Партийный журнал, конечно, замалчивал очевидный факт, что поддержка Лысенко исходила из партийных кругов, что именно ученые выступали с самого начала против этого метода.

Посевы по стерне "зимостойкими" сортами были отменены точно так же, как летние посевы сахарной свеклы в Средней Азии, принесшие стопроцентные убытки, и превозносившиеся в начале 40-х годов гнездовые посевы каучуконоса кок-сагыза, или использование кур для

борьбы с насекомыми и другие его предложения.

Новая "догадка" Лысенко: Дарвин ошибался!

Лысенко не раз был вынужден вступать в полемику с оппонентами, и мы могли убедиться, что побеждал он в глазах вождей только в том случае: когда переводил разговоры на язык политических обвинений. Пока противная сторона искала научные аргументы, оттачивала логику фактов и обобщений, исторгавшиеся Лысенко обвинения оппонентов в буржуазном перерожденчестве, нежелании смотреть правде в глаза и верить в светлое будущее -- убивали критиков наповал. Против политической дубины -- не попрешь.

Точно такой прием Лысенко решил применить в очередной раз, когда возникла критическая ситуация после его заявления о необходимости внесения коренных изменений в дарвинизм. Ядро дарвиновской идеи заключалось в предположении, что стоит появиться измененному организму любого вида, который лучше соответствует внешней среде в данный момент, как этот организм станет лучше размножаться, начнет вытеснять менее приспособленных соседей, и за счет этого эволюция сделает шаг вперед. Именно в принципе внутривидовой борьбы улучшенного организма с неизменными "старыми" организмами заключалась квинтэссенция дарвинизма. Теперь Лысенко заявил, что никакой внутривидовой борьбы в природе нет. По правде говоря, новое утверждение Лысенко показывало, что он поднялся на иной, чем прежде, уровень. Это уже был не одесский приемчик с анкетами, рассылаемыми по колхозам. Он посчитал, что может вторгнуться в споры по самым сложным, фундаментальным проблемам. А какая фундаментальная проблема может казаться глубже проблем эволюции?

5 ноября 1945 года, в канун очередного празднования годовщины Октября, в Москве собрали работников селекционных станций, и перед ними выступил Лысенко с большой лекцией "Естественный отбор и внутривидовая борьба". Продолжая твердить о метафизичности моргановско-менделевской генетики, он стал спасать дарвинизм теперь уже от Дарвина! По его словам, создатель теории эволюции некритически воспринял идею Мальтуса о перенаселенности (это обвинение Дарвина, впрочем, гораздо раньше Лысенко высказали Маркс и Энгельс):

"Виды и разновидности никогда не достигают перенаселенности. Наоборот, всегда, как правило, наблюдается недонаселенность" (11).

Отсюда следовал категоричный вывод:

"Если же хорошенько разобраться в живой природе, то нетрудно обнаружить, что такой перенаселенности особей вида, которая вызывала бы между ними внутривидовую конкуренцию, не бывает..." (12).

Из этого умозаключения вытекало очередное "открытие": организмы одного вида не только не конкурируют за "место под солнцем", а помогают процветать своему виду, нередко ценой собственной жизни (13).

Обосновывал он свой вывод на данных опытов И.Е.Глущенко и Р.А.Абсалямовой и Т.Д.Ивановской с посевом кок-сагыза так называемым гнездовым способом. В каждую лунку высевали по одному, два и более (вплоть до 13 или 37 в разных опытах) растений, а через некоторое время взвешивали выросшие корни. Биологи давно установили, что при увеличении числа растений в гнезде (загущении посевов) наблюдается угнетение развития растений: чем их больше в гнезде, тем меньше СРЕДНИЙ вес корней. Этот вывод, чтобы

потрафить шефу, лысенковские ученики отвергали. В их опытах число растений в гнездах будто бы росло, а средний вес корней не уменьшался. Однако стоило повнимательнее приглядеться к их данным, как становился явным намеренный обман, творимый толкователями результатов.

В таблицах, приведенных Лысенко, была колонка "Средний вес корней всех растений в гнездах". В соседних колонках был приведен вес каждого отдельного растения в гнездах, и не требовалось много времени на то, чтобы, сложив цифры, понять, что здесь приведен вовсе не СРЕДНИЙ ВЕС корней, а СУММАРНЫЙ ВЕС всех корней в гнезде. Похоже, что Лысенко оригинально применил упоминавшийся выше "урок" Сталина, повторявшего вслед за Лениным, что "некорректированный метод средних чисел нельзя рассматривать как научный метод" (14). Применив "корректированный научный метод", Лысенко сделал вид, что и на самом деле разбирает усредненные, а не суммированные цифры. Поскольку вес корней в каждой лунке был в таблице приведен, я без труда рассчитал средний вес. Такой пересчет дал ряд: 66, 40, 31, 25, 20, 18, 16, 15, 14, 11 граммов на лунку. Иными словами, по мере загущения посевов средний вес корней и в этих опытах закономерно падал. Ни одного исключения из установленного учеными правила Лысенко не получил! Поэтому у него не было никакого основания произносить слова:

"На этом можно и кончить анализ вопроса о том, есть ли внутривидовая конкуренция среди растений кок-сагыза... Для целей сельскохозяйственной практики вопрос ясен" (15).

Такая "логика" напоминала конфуз с опровержением законов Менделя. Очевидно, что тот случай ничему не научил "колхозного академика", схожими арифметическими подтасовками он теперь обосновывал ошибочность центрального положения дарвинизма.

С -5го января 1946 года газета "Социалистическое земледелие" начала из номера в номер печатать статью "продолжателя" дела Дарвина, как Лысенко сам себя аттестовал, под тем же названием "Естественный отбор и внутривидовая конкуренция" (16). Тогда академик ВАСХНИЛ П.М.Жуковский опубликовал в журнале "Селекция и семеноводство" свои критические заметки, названные "Дарвинизм в кривом зеркале" (17). В ответ Лысенко применил двоякую тактику. Чтобы создать впечатление всеобщей поддержки его "новой теории", он принялся переиздавать свою статью снова и снова в разных изданиях (18). Этим создавалась видимость исключительной важности "новой теории". Раз перепечатывают одну и ту же статью, значит, есть что-то выдающееся в ней. С другой стороны, чтобы преподать урок всем последующим критикам, был нанесен удар по первому критику -- Жуковскому. 28 июня 1948 года в "Правде" был напечатан ответ Лысенко -- грубый и по названию и по содержанию: "Не в свои сани не садись" (19). Критик был представлен в таком виде:

"Автор рецензии весьма обстоятельно показал свое незнание теории дарвинизма и большую способность к извращению смысла приводимых им цитат других авторов. Этим только и интересна указанная рецензия...

...В своей статье я отрицаю внутривидовую борьбу и признаю межвидовую. Жуковский ничего этого не понял по причине непонимания элементарных основ теории дарвинизма, но все же решил возражать как угодно и чем угодно..." (20).

Лысенко несомненно надеялся, что после публикации в "Правде", все критики могут думать втайне всё, что им заблагорассудится, но уже не будут открыто спорить с ним. Раз "Правда" его поддержала, то и правда на его стороне.

Смена отношения к Лысенко у некоторых высших

руководителей страны

Война 1941-1945 годов разрушила сельское хозяйство на территории европейской части СССР, а неэффективная система коллективизированного сельского сектора советской экономики не могла справиться с все возраставшими трудностями. К тому же малоурожайным оказался 1946 год, а в 1947 году страну потряс чудовищный неурожай сразу во всех земледельческих зонах -- и в европейской части, и в Сибири, и в Казахстане. "На Украине в 1946 году был страшный голод, имелись случаи людоедства", -- признал в 1957 году Хрущев на пленуме ЦК партии (20а).

В этих условиях от Лысенко, ставшего единовластным хозяином в биологии и агрономии в СССР, требовалось обеспечить претворение в жизнь таких научных разработок, которые бы дали возможность хоть как-то облегчить тяжелую ситуацию, а он вместо этого выдавал легковесные рекомендации, причем не столь масштабные, как раньше, и даже неспециалистам казавшиеся примитивными. Например, выступая в 1946 году на открытом партийном собрании ВАСХНИЛ, он предложил для борьбы с пыреем в сибирских степях дисковать осенью поле ("Но это нужно делать только поздней осенью, сделай это раньше и пырей не будет ликвидирован" /21/). Впервые на этом собрании он заговорил о роковой для него идее, которую в будущем особенно успешно используют против него же критики, о том, что все питательные вещества, потребляемые растениями, сначала перерабатываются почвенными микробами.

"В почве растения... питаются продуктами жизнедеятельности микробов. Все удобрения, которые мы вносим в почву, даже в усвояемой форме, все равно прежде поглощаются микрофлорой, и уже продукты жизнедеятельности микрофлоры питают наши сельскохозяйственные растения" /22/.

Несомненно, что и в среде высшего руководства страны, а не только среди ученых, были люди, которые с настороженностью относились к предложениям Лысенко, сменявшим друг друга, но не приносившим реальной пользы. Сейчас можно говорить с уверенностью, что недолюбливал Президента ВАСХНИЛ секретарь ЦК партии по идеологии Андрей Александрович Жданов, резко отрицательно относился к деятельности Лысенко руководитель Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Георгий Федорович Александров4. Серьезные шаги по исправлению сложившегося в советской биологии зажима генетики, начиная с 1943 года, пытался осуществить заведующий Отделом науки Управления пропаганды и агитации Центрального Комитета партии Сергей Георгиевич Суворов.

Была еще одна причина роста недоверия к Лысенко. Перед войной средства массовой информации постоянно восславляли не только самого Трофима Денисовича, но и его семью -- отца, братьев. Многие помнили письмо его родителей Сталину, опубликованное в "Правде" после награждения их сына Трофима в 1935 году первым орденом Ленина. В письме родители благодарили Сталина за то, что "жить стало лучше, жить стало веселей", за ту замечательную судьбу, которой одарила советская власть не одного Трофима, но и его братьев и сестер и самих родителей. Были в письме такие строки:

"Закончив институты, младшие работают сейчас инженерами: один -- на Уральской шахте, другой -- в Харьковском научном институте, а старший сын -- академик. Есть ли еще такая страна в мире, где сын бедного крестьянина стал бы академиком? Нет! ..." (24).

Перед самой войной один из номеров журнала "СССР на стройке" (затем называвшегося "Советский Союз") был практически целиком посвящен прославлению семьи Лысенко --

страницы журнала были заполнены фотографиями её членов (25). Рассказано было и о младшем брате Трофима, также ученом, металлурге по специальности. Жил он в Харькове, был заносчив и хвастлив, и многие знали, что с теми, кто был ему не симпатичен, он расправлялся самым простым способом -- писал на них "куда надо" доносы, после чего люди исчезали (26).

Этот братец и подложил Трофиму свинью. Когда фашистские войска подошли к Харькову, он не стал эвакуироваться, скрылся и вынырнул только после того, как фашисты захватили город, открыто перейдя на службу к ним. Брата великого Лысенко -- любимца Сталина и президента ВАСХНИЛ -- оккупанты приняли с почестями. Он был назначен бургомистром Харькова (27). Город несколько раз переходил из рук в руки, и каждый раз фашисты увозили с собой младшего Лысенко, а затем, возвращаясь, водворяли бургомистра на прежнее место. После войны он так и исчез из России, оказался в США (28).

По теперешним законам брат за брата не ответчик. Сегодня -- и по-человечески, и формально -- Лысенко мог бы не беспокоиться о возможности наказания за действия своего родственника. Но в сталинские времена был даже юридический термин "член семьи врага народа". Таких людей сажали и ссылали наравне с осужденными5. Поэтому можно представить то щекотливое положение, в какое поставил Президента ВАСХНИЛ его брат.

В конце 1944 года ведущую роль в попытках показать руководству страны, что позиции Лысенко вошли в противоречие с мировой наукой, что авторитет Советского Союза страдает на мировой арене из-за распространения сведений о том, что партийные лидеры страны безоговорочно поддерживают Лысенко и плохо относятся к генетикам, стал играть профессор Тимирязевской сельскохозяйственной Академии А.Р.Жебрак.

Антон Романович Жебрак (1901 года рождения) не был рядовым исследователем. Коммунист с 1918 года, участник Гражданской войны он окончил не только Тимирязевскую сельскохозяйственную академию в 1925 году, но и Институт красной профессуры в 1929 году. Он заинтересовался генетикой и был командирован для более углубленной специализации в США, где работал в Колумбийском университете в лаборатории профессора Лесли Данна (в СССР его фамилию писали Дэнн), соавтора самого известного послевоенного учебника по генетике Синнота и Дэнна, и в Калифорнийском технологическом институте у основателя хромосомной теории наследственности Томаса Моргана (в 1930-1931 годах). Возвратившись на родину, Антон Романович стал профессором кафедры генетики и селекции Академии социалистического земледелия (1931-1936 г. г.), а с 1934 года, оставаясь профессором этой Академии, возглавил аналогичную кафедру в Тимирязевской академии. Спокойный и рассудительный человек, не блиставший талантами оратора, да и вообще немногословный, он брал не жестикуляцией и артикуляцией, а солидностью и основательностью. От всей его фигуры -- коренастого крепыша чуть ниже среднего роста, круглоголового, с пышной шевелюрой -- веяло силой и трезвым умом. Родился он в Белоруссии, не был так ярок и блистателен, как Серебровский, не лез в теоретики, как Дубинин, был и попроще и одновременно -- особенно в глазах партийных боссов -- поосновательнее, чем все эти видные фигуры в стане генетиков. И работал он не с дрозофилой, а с пшеницей,
 успехи его в этом плане были заметными. Он поддерживал генетиков и в 1936 году, и в 1939-м, может быть, не так напористо, как кое-кто из его коллег, но принципиально и твердо. Недаром Презент желчно охаивал даже рукописные жебраковские работы (29).

Выступления Жебрака в стане генетиков не мешали неторопливому Антону Романовичу идти вверх: в 1940 году его избрали академиком Белорусской АН. В марте 1945 года он был послан в Софию в качестве представителя Белоруссии на Всеславянском Соборе, в мае он побывал в Сан-Франциско и среди других учредителей Организации Объединенных Наций

поставил свою подпись под уставом ООН и декларацией о начале ее деятельности. Таким образом, вес неодобрительного высказывания Жебрака в адрес Лысенко был достаточно большим.

В конце 1944 года он начал подготовку большого письма Г.М.Маленкову, которое было отправлено в ЦК партии в начале 1945 года (30). В нем Жебрак кратко описал выступление своего бывшего шефа во время работы в США -- профессора Колумбийского университета (Нью-Йорк) Лэсли Данна на заседании Конгресса США 7 ноября 1943 года, посвященном 10-летию установления советско-американских отношений (31), и статью профессора Гарвардского университета Карла Сакса (32). В целом Данн дал благожелательную оценку развитию биологии в СССР. Карл Сакс не соглашался с благодушными оценками Данна и призывал коллег "не быть ослепленными нашим восхищением русским народом и его военными успехами... и не забывать о том, что наука в тоталитарном государстве не является свободной и вынуждена подстраиваться под политическую философию" (33). Сакс утверждал, что в последние десятилетия Лысенко получил правительственную поддержку из-за своих политических, а не научных взглядов.

Жебрак использовал полемику между двумя американскими генетиками и постарался в письме Маленкову показать, как вредна для СССР борьба Лысенко с генетикой:

"Что касается борьбы против современной генетики, то она ведется в СССР только ак. Лысенко... Приходится признать, что деятельность ак. Лысенко в области генетики, "философские" выступления его многолетнего соратника т. Презента, утверждавшего, что генетику надо отвергнуть, так как она якобы противоречит принципам марксизма, и выступление т. Митина, определившего современную генетику как реакционное консервативное направление в науке, привели к падению уровня генетической науки в СССР... Необходимо признать, что деятельность ак. Лысенко в области генетики наносит серьезный вред развитию биологической науки в нашей стране и роняет международный престиж советской науки" (34).

Жебрак отмечал, что Лысенко, "много раз объявлявший современную генетику лженаукой", став директором Института генетики АН СССР, "сократил всех основных работников Института и превратил Институт генетики в штаб вульгарной и бесцеремонной борьбы против мировой и русской генетической науки" (35). Жебрак предлагал объявить вредными "выступления ак. Лысенко, Митина и др.", изменить направление работы всей ВАСХНИЛ, сменить руководство институтом генетики АН СССР, начать издавать "Советский генетический журнал", командировать представителей генетиков в США и Англию "для обмена опытом и для ознакомления с успехами" в науке. Эти слова, если только они стали известны лидеру "мичуринцев" и их философскому "гуру" -- Митина, не могли не вызвать у них взрыва негодования.

Хотя в архивах коммунистов не найдено письменного ответа Маленкова Жебраку, не может быть случайностью, на мой взгляд, то, что через короткое время после отправки первого письма, Жебрак пишет второе письмо Маленкову, в котором уже докладывает, что "составил начальный проект ответа Саксу, который посылаю Вам на рассмотрение" (36). Так же не случайно, что Маленков собственноручно проставляет на втором письме резолюцию начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александрову, в которой, указывая очевидно на оба письма Жебрака, приказывает: "Прошу ознакомиться с этими записками и переговорить со мной. Г.М.Маленков, 11/ II" (/37/ то есть, 11 февраля 1945 года, выделено мной -- В.С.). В скором времени (16 апреля 1945 года) Жебрак был принят вторым после Сталина человеком в руководстве страной -- Молотовым, после чего с 1 сентября 1945 г. Жебрак приступил к работе в должности заведующего отделом сельскохозяйственной

литературы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (не бросая преподавательскую работу) и проработал в этой должности до апреля 1946 года. В начале 1947 года Жебрак был проведен в депутаты Верховного Совета БССР, а 12 мая 1947 года назначен Советом Министров БССР Президентом Академии наук БССР, сохранив за собой кафедру генетики и селекции в Московской Тимирязевской академии.

Сын Жебрака, Эдуард Антонович, в 1976 году в частной беседе сообщил мне, что в результате переговоров с Молотовым и Маленковым Антон Романович получил одобрение его идеи -- написать ответ Саксу и попытаться опубликовать его в том же американском журнале "Science" ("Наука"), в котором появилась статья Сакса. Сын Жебрака также утверждал, что в принятии решения направить эту статью на Запад принимал участие Н.А.Вознесенский, а непосредственное разрешение на отправку статьи в США было дано начальником Совинформбюро (во времена войны самым высоким органом советской цензуры), также членом Политбюро, А.С.Щербаковым (38). Материалы архивов свидетельствуют, что до этого её завизировал 25 апреля 1945 года ответственный сотрудник Совинформбюро А.С.Кружков (в будущем директор Института марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) и член-корреспондент АН СССР) (39). Статья Жебрака вышла в свет в октябре 1945 года (40).

Жебрак постарался сгладить неблагоприятные оценки Сакса и перечислил ряд советских лабораторий, в которых работают генетики, упомянул прошедшую успешно в Московском университете 12-19 декабря 1944 года генетическую конференцию, указал на практическую работу по выведению новых сортов растений селекционерами, признающими генетику. Сакс упоминал в своей статье трех генетиков, по его мнению исчезнувших из науки, -- Вавилова, Карпеченко и Навашина. Умолчав о судьбе первых двух, Жебрак сослался на четыре недавно опубликованных и две сданных в печать статьи Навашина, заявив, что "эти работы свидетельствуют, что он не был вынужден прекратить или изменить свою научную деятельность под влиянием политического диктата" (41). В остальном Жебрак, как того требовали партийные каноны того времени, постарался отвергнуть заявления профессора Сакса, многократно повторив, что советское правительство никакого давления на науку не оказывает, в споры генетиков с Лысенко никогда не вмешивалось, награждало орденами как Лысенко, так и генетиков, причем даже тех, кто резко критиковал Лысенко. По его словам, "...влияние деятельности акад. Лысенко на развитие генетики в СССР... осуществлялось в условиях свободной борьбы мнений между сторонниками различных научных воззрений и принципов, а не посредством политического давления, как говорит проф. Сакс" (42). Вторая половина статьи Жебрака была пронизана утверждениями, что СССР -- вовсе не тоталитарное государство, что наука в стране свободна, что Сакс "не понимает сущности советской концепции о связи науки, практики и философии", что диалектический материализм может только помогать ученым, а не сковывать их мышление и прочее и прочее. Он писал о Ленине, как о деятеле, "прошедшем большую школу науки и философии диалектического материализма, и его продолжатель -- И.В.Сталин продолжил и усилил научную и философскую основу... государства" (43). О самом государстве и порядках, установленных в нем коммунистами, Жебрак высказался тоже, заявив, что "советские порядки" -- это "высшая форма демократии, поскольку у нас все органы государственной власти выбираются всем народом на основе нашей демократической конституции" (44)6.

Могло быть несколько причин, побудивших некоторых руководителей страны и в их числе Н.А.Вознесенского (ставшего в 35 лет председателем важнейшего государственного органа -- Госплана СССР, а затем и членом Политбюро ЦК) инициировать критику Лысенко. Им стал известен реальный размер провалов в экономике страны, в том числе и из-за деятельности Лысенко (вряд ли доподлинно известный Сталину, так как ближайшие подчиненные генералиссимуса в целях самосохранения приукрашивали факты, сообщаемые вождю). Они

знали также, что на Западе высказываются неодобрительно о Советском Союзе как стране, где возможно засилье безграмотных людей типа Лысенко, где без всякого на то основания арестовали и погубили Вавилова, Карпеченко, Левитского и других генетиков (46). Не надо забывать, что на Западе плодотворно работали выходцы из России, прекрасно разбиравшиеся в ситуации на родине и занявшие высокое положение в научных и университетских кругах -- генетики Ф.Г.Добржанский, М.И.Лернер и Н.В.Тимофеев-Ресовский, физиолог растений А.Г.Ланг, огромным авторитетом пользовался Нобелевский лауреат Герман Мёллер, вернувшийся в США после пребывания в течение ряда лет в СССР и отлично знавший состояние советских генетических дискуссий. В декабре 1988 года Нобелевский лауреат Дж. Уотсон рассказал мне, как его учитель Мёллер, ставший с 1945 года профессором Индианского университета, подробно объяснял своим студентам, что собой представляет Лысенко и что такое лысенкоизм. Об этом же мне рассказывал профессор нашей кафедры в университете имени Джорджа Мэйсона Стивен Тауб, несколько лет проработавший с Мёллером в Индиане.

В том же 1945 году у Лысенко выявились очевидные трудности на другом поприще. Президент и Академик-секретарь АН СССР (С.И.Вавилов и Н.Г.Бруевич, соответственно) в декабре 1945 года внесли предложение в ЦК партии и Правительство о замене ряда членов Президиума АН СССР новыми людьми, и среди предлагаемых к исключению из членов Президиума были проставлены фамилии Лысенко и Митина (47). Это предложение начало прорабатываться в ЦК, и Г.Ф.Александров в письме на имя Молотова и Маленкова, с одной стороны, заявил, что "можно было бы согласиться с мнением академиков" (48), а, с другой, дал макиавеллевское объяснение ситуации. Александров отметил, что Лысенко "было бы целесообразно выбрать в новый состав президиума", но тут же пустился в длинное объяснение, наводившее на мысль, что академики, скорее всего, в ходе тайного голосования провалят кандидатуру Лысенко на выборах за серьезные грехи:

"Многие академики скептически относятся к научным исследованиям акад. Лысенко; винят его в том, что генетика, успешно развивающаяся в других странах, задавлена в СССР; в том, что академия сельскохозяйственных наук развалена, превращена в вотчину ее президента и перестала быть работающим научным коллективом; обвиняют в некорректном отношении к уважаемым советским ученым, в нетактичном поведении при приеме иностранных гостей во время юбилейной сессии... На прошлых выборах президиума (в 1942 г. -- В.С.) акад. Лысенко, несмотря на поддержку его кандидатуры директивными органами, получил при тайном голосовании лишь 36 голосов из 60, меньше, чем кто-либо другой" (49).

Симптоматичным было присуждение Сталинских премий в 1946 году специалистам, которые были известны негативным отношением к Лысенко: академику Василию Сергеевичу Немчинову за труд "Сельскохозяйственная статистика" (сама наука статистика была противна духу Лысенко: она вносила понятия меры и количества в сферу, где Лысенко опирался на интуицию и словесные декларации), и профессору (в будущем почетному академику ВАСХНИЛ) Виталию Ивановичу Эдельштейну за учебник "Овощеводство" (50).

И хотя Лысенко еще продолжал занимать высокие посты (его, например, в очередной раз избрали заместителем председателя Совета Союза Верховного Совета СССР /51/, и по этому поводу в "Правде" появилась, как в прежние времена, фотография, на которой Лысенко был изображен восседающим в президиуме в Кремле рядом со Сталиным в момент, когда Н.С.Хрущев вносил предложение об утверждении представленного Сталиным состава Совета Министров СССР /52), но министр земледелия СССР Бенедиктов в статье, опубликованной в те же дни, не сказал ни слова о Лысенко или мичуринцах (53).

Вопрос "О Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина" был

включен в повестку дня Секретариата ЦК ВКП(б) 28 ноября 1946 года (54). Основанием для включения этого вопроса послужило письмо министра земледелия СССР И.А.Бенедиктова, министра технических культур СССР Н.А.Скворцова (позже министр совхозов СССР) и министра животноводства СССР А.И.Козлова, предлагавших укрепить позиции Лысенко в ВАСХНИЛ путем выбора новых членов академии (разумеется, министры имели ввиду, что пополнение придет из числа сторонников мичуринского учения). По неизвестной причине обсуждение на Секретариате прошло не столь гладко, как того хотелось авторам письма. Вместо немедленного принятия решения партийный орган назначил комиссию из сотрудников аппарата ЦК "...в составе тт. Боркова (созыв), Суворова и Сороко...[которым предписывалось] изучить этот вопрос и результаты доложить Секретариату ЦК ВКП(б) к 15 декабря с.г." (55). Однако в назначенный срок вопрос обсужден не был, с чьего-то позволения (или указания!) созданная комиссия долго тянула с подготовкой доклада для Секретариата ЦК: она завершила свою работу лишь в начале апреля 1947 года (56). Обсуждение важного вопроса оттянулось на более дальнее время, что дало Лысенко дополнительное время, чтобы постараться развести тучи над головой.

Общеполитическая ситуация в стране стала к этому времени меняться. В 1946 году А.А.Жданов приступил к воплощению в жизнь "священной" воли Сталина в серии партийных докладов, направленных против интеллигенции: он прочел первую из своих погромных речей о якобы неверной позиции журналов "Звезда" и "Ленинград". За ней последовали речи с нападками на композиторов и кинематографистов, философов и историков, даже тех, кто неверно интерпретировал восстание рабов в Древнем Риме7. Реакционное и по сути и по форме наступление на интеллектуалов в стране ширилось. Летом 1947 года прошла вторая дискуссия по книге Г.Ф.Александрова "История западноевропейской философии", на которой книгу разругали. По результатам дискуссии, направлявшейся лично Сталиным, идеологические гонения обрушились на всю философию в СССР.

В ЦК партии начинают рассматривать предложение ученых о создании

нового генетического института в составе Академии Наук СССР

В 1946 году в Академии наук СССР наращивали усилия по созданию нового генетического института, в котором предполагалось развернуть исследования в области современной генетики. Инициатором стал Жебрак (в частности, он направил еще одно письмо Маленкову 1 марта 1946 года, /58/), он привлек к этому делу Дубинина и вдвоем они составили план будущего института8. Новый Президент Академии наук, родной брат Н.И.Вавилова, -- Сергей Иванович на первых порах после его выдвижения Сталиным на этот пост 17 июля 1945 года9 активно способствовал организации этого института (см. его собственное признание /62). Вопрос о создании нового института был рассмотрен первым пунктом на заседании Президиума АН СССР 18 июня 1946 года. Подавляющим большинством голосов идея была одобрена. Против проголосовали всего двое -- Лысенко и Н.С.Державин10 .

Несомненно на пустом месте идеи о создании академических институтов не возникают. Очевидно, что вопрос предварительно обговаривался с руководителями страны. Бюро Отделения биологических наук одобрило как идею создания Института цитологии и генетики, так и перспективный план его исследований (64), а отдел кадров Академии начал выделять ставки для зачисления сотрудников в будущий институт (65). Это означало для тех, кто знал неписанные правила взаимоотношений на верхах, что вопрос уже согласован настолько, что можно начинать практические шаги.

24 января 1947 года С.И.Вавилов и Академик-секретарь АН СССР Н.Г.Бруевич направили

заместителю Председателя Совета Министров СССР Л.П.Берия письмо, в котором на трех страницах были изложены научные и организационные предпосылки создания нового институт (66). Бывший кольцовский институт, переименованный в Институт цитологии, гистологии и эмбриологии, было предложено разделить на два: институт с прежним названием и Институт генетики и цитологии. Уже во втором абзаце письма главный довод в пользу учреждения нового научного центра был объяснен без утайки:

"Необходимость создания [нового института] вызывается тем, что существующий Институт генетики, возглавляемый академиком Т.Д.Лысенко, разрабатывает в основном проблемы мичуринской генетики. Проектируемый Институт генетики и цитологии будет разрабатывать другие направления общей и теоретической генетики" (67).

Затем были перечислены пять главных проблем, по которым планировалась работа института (в том числе третьим пунктом была названа "разработка методов физики и биохимии в проблеме наследственности"), описана структура будущих лабораторий, указано, что "в настоящее время кадры для Института генетики и цитологии представлены 8-ю докторами наук и 14-ю кандидатами" (68) и высказано предложение о территориальном размещении института.

Несколько зловеще для судьбы нового детища звучал последний абзац письма. Разумеется, Президиум АН не мог рассматривать такой важный вопрос в тайне от члена Президиума Лысенко, и столь же очевидно, что Лысенко восстал против него, написав еще 4 июля 1946 года "Особое мнение". Пришлось приложить не только проект постановления Совета Министров СССР (69) и "список научных работников" (70), которых предполагалось привлечь в новый центр, но и двухстраничный протест Лысенко по этому поводу:

"Уверен, что члены Президиума, дружно голосовавшие... за организацию указанного института не в курсе дел генетической науки в нашей стране. Они не знают, что мотив открытия нового Института вовсе не нового характера. Ярким доказательством сказанного является хотя бы то, что сделанное на заседании заявление директора будущего института А.Р.Жебрака о том, что новый институт восстановит прошлые славные традиции генетики в Академии Наук СССР на членов Президиума произвели благоприятное впечатление. А ведь эти "славные" традиции... состоят только в том, что, например, бывший институт Кольцова (генетическую лабораторию которого хотят теперь превратить в институт) разрабатывал и опубликовывал антинаучные евгенические положения. В том, что менделизм-морганизм вообще является одной из "научных" основ евгеники, легко убедиться, прочитав хотя бы статью профессора Презента "О лженаучных теориях в генетике", опубликованную в журнале "Яровизация" 2 за 1939 год.

Организация нового Института генетики и цитологии вызвана желанием авторов этого предложения (слепых последователей реакционного течения зарубежной науки) еще больше развить в нашей стране менделизм-морганизм в ущерб советской мичуринской генетике. В подкрепление этого я мог бы привести много примеров.

Правильность развития генетической науки... в значительно большей степени, чем другие разделы естествознания зависит от той или иной идеологии, т. е. от того или иного философского направления исследователей. Поэтому в вопросах генетической науки советским ученым не к лицу слепо следовать по стопам буржуазной генетики, занимающейся за рубежом не столько биологическими вопросами, сколько социологическими, независимо от объекта, над которым ведет эксперименты.

Вот почему я считал и считаю неправильным организацию указанного института, перед

которым ставится цель разрабатывать... менделизм-морганизм, направление противоположное мичуринскому, творческому дарвинизму.

Член Президиума АН СССР

директор Института генетики

академик -- Т.Д.Лысенко" (71).

Но видимо С.И.Вавилов и члены Президиума надеялись, что протест Лысенко принят во внимание не будет. Во всяком случае все документы ушли в секретариат Берии в понедельник 27 января, а уже через два дня Берия направил их секретарю ЦК А.А.Кузнецову с резолюцией-просьбой "Прошу рассмотреть и решить в ЦК ВКП(б)". Видимо именно в этот момент на первой странице письма Президиума появился штамп "Секретно".
Срочность в решении вопросов отпала в связи с резолюцией, написанной Кузнецовым на отдельном листе бумаги рукой: "Целесообразно решить в связи с вопрос[ом] заслушивания доклада Лысенко в июне в ОБ [Оргбюро ЦК ВКП(б)] АК[узнецов]. Ниже добавилась еще строка: "Согласен Жданов" (72). Хотя под резолюцией не стоит дата, ее легко вычислить. Скорее всего она появилась в тот же день, что и бериевская резолюция, так как через день, 1 февраля 1947 года на документах был проставлен штамп, что их пересылают "Тех-с[овету] Оргбюро ЦК ВКП(б)". Оттуда они были направлены, как того и следовало ожидать, в Отдел науки Управления агитации и пропаганды. Однако то, что Кузнецов связал решение этого вопроса с будущим докладом Лысенко на Оргбюро ЦК, примечательно. Само решение о том, что Лысенко будет вызван в Оргбюро с отчетом "О положении во Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук" нигде не фигурировало -- оно было принято лишь двумя с половиной месяцами позже -- 16 апреля 1947 года, а из резолюции Кузнецова следовало, что уже в первый день февраля этот секретарь ЦК ВКП(б) точно знал, что Лысенко "на ковер" вызовут, причем вызовут в первой половине июня! Значит, в недрах секретариата ЦК кулуарно шло обсуждение лысенковских "достижений" и уже могло быть согласовано между собой отношение к президенту ВАСХНИЛ.

Без всякой спешки в Отделе науки ЦК ВКП(б) была подготовлена обстоятельная записка по поводу целесообразности учреждения нового института. Подписавшие ее 5 мая 1947 года Г.Александров и С.Суворов дали положительное заключение:

"Эту просьбу следовало бы поддержать.

... Институт генетики [т.е. лысенковский институт -- В.С.] ставит своей главной задачей разработку вегетативной гибридизации и адекватного унаследования изменений организма под влиянием внешней среды... В соответствии с теоретическими воззрениями академика Лысенко, руководимый им Институт не занимается исследованиями внутриклеточного (хромосомного) механизма наследственности и микроскопической структуры элементов (генов). Эти вопросы исследуются в лаборатории цитогенетики. Таким образом Институт генетики и лаборатория цитогенетики не дублируют, а в известной степени дополняют друг друга" (73).

Важнейшей новой деталью, содержащейся в записке, было сообщение о выделении здания, в котором должен был разместиться новый институт. За несколько лет до этого у Академии Наук СССР было отобрано одно из зданий на нынешнем Ленинском проспекте и передано Министерству химической промышленности СССР для Института удобрений и инсектофунгицидов. Теперь по запросу Президиума АН СССР это здание было возвращено Академии, в связи с чем острый для Москвы вопрос с рабочими площадями для нового

института был предрешен. Александров и Суворов завизировали и приложили к своей записке проект Постановления Секретариата ЦК ВКП(б), на бланке в верхнем правом углу стояла надпись "Совершенно секретно" (74). Оставался последний шаг -- Секретариат и Политбюро должны были принять окончательное решение. Повторялась ситуация, складывавшаяся в 1937 году, когда заведующий отделом науки ЦК К.Я.Бауман, понимавший обстановку и реальные нужды науки СССР, пытался поддержать генетиков. Суворов с Александровым десятью годами позже также выступили принципиально мыслящими политиками. Дело оставалось за людьми на высшем уровне партийной власти.

Лысенкоисты из высших сельскохозяйственных

кругов нападают на генетиков

Конечно, готовить тайно в недрах ЦК партии такие документы и думать, что сторонники Лысенко (которых в этих органах было гораздо больше, чем их недоброжелателей) про эту деятельность не узнают, было наивно. Потому нет ничего удивительного, что параллельно лысенковцы начали настоящее наступление на генетиков по нескольким линиям. Прежде всего необходимо было дискредитировать любой ценой Жебрака, которого прочили на пост директора нового института. Нужно было нападать и на других недругов.

Генетикам к этому времени тоже было ясно, что без активных наступательных действий против не только лично Лысенко, а против всего комплекса лысенковщины дела не выиграть. Свою задачу генетики видели в том, чтобы наглядно показывать, какие практические и теоретические успехи были получены ими за последние годы, как делами они отвечают на "отеческую заботу партии и правительства и лично товарища Сталина". Ученый Совет биофака МГУ решил подготовить и провести 2-ю генетическую конференцию. Она была запланирована на 21 -- 26 марта 1947 года. За три месяца до начала конференции приглашения для выступлений были направлены и Лысенко, и его сотрудникам. Лысенко, конечно, сказать о его научных результатах было нечего, он даже на приглашение не ответил, но Нуждин, Кушнер и еще несколько "мичуринцев" выступили с докладами. В целом же конференция показала, что, несмотря на трудности, генетики в СССР продолжают работать, что даже их практические достижения, в особенности в области получения высокоурожайных тетраплоидных форм растений, велики. Организацию конференции взяли на себя сотрудники кафедры генетики, которой руководил А.С.Серебровский. Сам заведующий принимать участия в работе не мог, он уже не ходил, не мог говорить, и всё делали в основном секретарь парторганизации биофака С.И.Алиханян и молодые сотрудники кафедры.

Для того, чтобы настроить высших партийных руководителей против тех, кто проводил конференцию, лысенковцы избрали давно проверенный метод. А.А.Жданову и Г.М.Маленкову 27 марта 1947 года было направлено письмо, подписанное министром с.х. СССР И.А.Бенедиктовым, его первым заместителем П.П.Лобановым и зав. сельхозотделом ЦК А.И.Козловым (75). Начиналось письмо перечислением старых евгенических пристрастий Серебровского. Они приводили на первой странице две цитаты из работы, опубликованной еще в 1929 году:

"Решение вопроса по организации отбора в человеческом обществе несомненно возможно будет только при социализме после окончательного разрушения семьи, перехода к социалистическому воспитанию и отделению любви от деторождения"

и

"... при известной мужчинам громадной спермообразовательной деятельности... от одного выдающегося и ценного производителя можно будет получить до 1000 и даже 10000 детей. При таких условиях селекция человека пойдет вперед гигантскими шагами. И отдельные женщины и целые коммуны будут тогда гордиться не "своими" детьми, а своими успехами и достижениями в этой удивительной области, в области создания новых форм человека" (76).

"И этому Серебровскому поручено открытие и проведение конференции", -- гневались авторы письма. А на второй странице они перечисляли названия шести докладов о генетике дрозофилы, представленных на конференции, и сокрушались: "...неизвестно для чего поставлены на обсуждение такие доклады". Авторы письма в ЦК и Совмин предлагали "поручить специальной группе работников при участии академика Т.Д.Лысенко рассмотреть все материалы... конференции". Жданов тут же написал на их письме резолюцию Г.Ф.Александрову: "Срочно узнайте, в чем дело" (77). 15 апреля Александров представил написанный Суворовым разбор этой жалобы, в котором было показано, что ни в одном пункте авторы письма не сообщили в ЦК партии верной информации и что никакой крамолы в действиях генетиков не было (78)11. Письмо заканчивалось фразой:

"Все изложенное позволяет считать генетическую конференцию, проведенную в Московском университете, весьма полезной, а попытку тт. Бенедиктова, Лобанова и Козлова опорочить ее -- несправедливой, основанной на односторонней информации" (80).

Письмо Бенедиктова, Лобанова и Козлова было показано Жебраку, который вместе с С.И.Алиханяном направили 28 апреля А.А.Жданову свое письмо с изложением их понимания действий сторонников Лысенко.

"В полемике непрерывно извращаются взгляды генетиков... фальсифицируется диалектический материализм, полемика, особенно устная, ведется в угрожающем тоне политического шантажа и т. д.

Мы считаем такой метод со стороны Лысенко и его ближайшего окружения совершенно недопустимым по отношению к советским ученым...

Генетика теснейшим образом связана с нашим сельским хозяйством. Поэтому наши разногласия имеют государственный характер" (81).

Однако главный вопрос, вокруг которого в тот момент шла борьба противоборствующих сил, касался не мелкого повода прицепиться к делам и словам на конференции в МГУ. В упомянутом выше письме Бенедиктова, Скворцова и Козлова, направленного в Секретариат ЦК ВКП(б) осенью 1946 года, главное внимание было уделено тому, что Президенту ВАСХНИЛ Лысенко работается в этой академии плохо, так как академия не составлена полностью из его сторонников. Министры предлагали срочно провести довыборы членов академии.

Именно этот вопрос стал центральным для руководящих органов ЦК. И на Оргбюро, и на Секретариате ЦК домогательства Лысенко звучали много раз. Воспользовавшись мнением трех влиятельных руководителей сельского хозяйства, можно было или восстановить генетику в правах и окончательно загнать Лысенко в угол, или, напротив, предоставить ему полную свободу для политической расправы с оппонентами. Письма Суворова в Секретарит ЦК, позиция Александрова, по-видимому А.А.Жданова, Вознесенского и других указывала на то, что второй вариант вряд ли теперь будет возможен. Уже на следующий день после отправки двух упомянутых выше писем Суворова Жданову состоялось заседание Организационного бюро ЦК ВКП(б), на котором был рассмотрен доклад комиссии ЦК

ВКП(б), созданной еще в ноябре 1946 года (см. выше в этой главе). Члены комиссии Г.Борков, С.Суворов и Н.Сороко в целом дали отрицательный отзыв о деятельности Лысенко на посту Президента ВАСХНИЛ:

"Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина значительно отстает в своей работе от требований и запросов, предъявляемых к ней сельским хозяйством, замкнулась в узком кругу агробиологических проблем... Лысенко" (82).

Затем было раскрыто без всякой утайки бедственное положение с кадрами руководителей ВАСХНИЛ, сказано, что многие члены академии прекратили в ней работу из-за несогласий с Лысенко, а вице-президент Цицин по той же причине даже перестал посещать пленарные заседания. Поэтому авторы доклада считали, что нужно срочно провести довыборы настоящих ученых в ВАСХНИЛ, чтобы улучшить качественный состав этой вотчины Лысенко. Из доклада становится понятной позиция самого Лысенко. Он, конечно, понял тяжесть надвигающейся угрозы и решил крайними мерами добиться восстановления своей монополии. Он буквально потребовал, чтобы Совет Министров СССР признал факт идейной борьбы между его сторонниками (теперь помимо названия "мичуринцы" он добавил слово "дарвинисты") и остальными биологами, признающими законы генетики (их Лысенко обзывал "менделистами-морганистами" в одном месте и "неодарвинистами" в другом). Признав этот факт, правительство, как этого требовал Лысенко, должно было объявить директивно, что правда в многолетних спорах -- на стороне лысенковцев-мичуринцев. Если такого политического (можно назвать иначе: полицейского) решения принято не будет, то Лысенко объявлял о своем несогласии проводить довыборы новых членов академии. Он сделал даже еще более жесткое заявление: не нужно довыбирать академиков, нужно их просто назначить специальным Постановлением Совета Министров СССР по списку, который он представит.

Ответ на такое демагогическое по сути заявление, казалось бы, был очевиден. Борьба мнений в науке -- единственный залог её рационального развития, однако это было справедливо для любого общества, но не для идеологизированного советского общества. Вместо отповеди монополисту, требующему для себя еще большей монополии, Борков, Суворов и Сороко заняли иную позицию. Сохранявшаяся годами поддержка Лысенко лично Сталиным была фактором, который аппаратчики из ЦК ВКП(б) не могли не учитывать. Поэтому, всё понимая, свой документ они писали очень осторожно. Требование Лысенко было описано без лишних эмоций, будто в нем ничего противоестественного не было, а научные оппоненты Лысенко были представлены не в розовых тонах. Их обозвали "метафизиками", вслед за тем была высказана досада, что "...менделизм-морганизм... к сожалению, преподается во всех наших вузах, а преподавание мичуринской генетики по существу совершенно не ведется" (83).

В резюмирующей части документа его авторы, правда, заявляли, что, по их мнению, учитывая бедственное положение ВАСХНИЛ, нужно провести срочно довыборы, однако подходили к вопросу по-большевистски -- предлагали выборы провести под неусыпным контролем "комиссии ЦК ВКП(б)" (84).

Краткая запись в протоколах заседаний Оргбюро раскрывает, что же произошло на заседании. Протокол 303 сообщает, что в присутствии Булганина, Жданова, Кузнецова А., Маленкова, Мехлиса, Михайлова, Суслова и других был рассмотрен вопрос о положении в ВАСХНИЛ, что были выслушаны выступления по этому вопросу Боркова, Лысенко, Жданова, Маленкова и что было решено:

"Заслушать на Оргбюро ЦК ВКП(б) в первой половине июня 1947 г. доклад президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им В.И.Ленина т. Лысенко о деятельности

академии.

Вопрос о выборе новых академиков в ВАСХНИЛ решить в связи с рассмотрением доклада т. Лысенко" (85).

Эта запись позволяет уверенно говорить то, о чем историки догадывались давно -- Лысенко в вопросе назначения академиков без выборов своего не добился, более того, нарвался на то, что ему было предложено сначала отчитаться полностью за деятельность академии, в которой он уже десять лет президентствовал.

Хотя это еще не было явным проигрышем, но положение становилось трудным. Надо было искать срочно выход из положения, потому что еще один неверный шаг мог привести к падению в пропасть. Лысенко это прекрасно понимал, так как оставался настоящим гением кабинетных игр. Он не мог не осознавать, что и поддержка Сталиным в одночасье могла прекратиться. Если на секретариате ЦК расклад сил окажется не в его пользу, то, не ровен час, вождь мог принять точку зрения коллегиального органа ЦК. Лысенко знал, что Сталину не раз было свойственно разыгрывать роль выразителя воли масс, решений коллективов, и он мог не пойти против своего же Секретариата в таком вопросе, как одним Лысенко больше -- одним меньше, при его теории, что незаменимых нет.

И Лысенко решает спустить обсуждение на Секретариате под откос. Его должны были заслушать в первой половине июня 1947 года. Чтобы быть точным, то есть не упреждая событий, но и не запаздывая по срокам, объявленным Секретариатом ЦК, тютелька в тютельку -- 14 июня, на бланке ВАСХНИЛ Лысенко пишет записочку из четырех строк Секретарю ЦК партии Жданову, в которой сообщает, что направляет докладную записку в Оргбюро и отчет о деятельности ВАСХНИЛ (86). Отчет был чистой воды похвальбой, которой Лысенко грешил всю жизнь. На одиннадцати страницах он перечислял 21 тему, по которым работали лысенковцы (87). Из отчета вытекало, что якобы всё, что надо, ученые под его руководством делают, потому сады цветут и нивы плодоносят. Но вряд ли кто-то в зданиях на Старой площади, где располагался ЦК, взялся бы читать весь отчет. А вот докладная записка была написана для начальства и содержала комбинацию двух жанров -- наступательного и плакательного. Эта смесь самодовольства с разрывающей сердце печалью (связанной с тем, что до сих пор партия не подавила его научных противников до конца), пронизывает всю записку от первой до последней страницы:

"...Думаю, что будет недалеко от истины сказать, что буржуазная биологическая наука настолько же метафизична и немощна, как и буржуазные науки... настоящую агробиологическую науку можно строить только в Советском Союзе, где господствует философия диалектического материализма, где Партией и Правительством созданы буквально все необходимые материальные и моральные условия для теоретического творчества науки...

Меня буквально, мучает то, что я до сих пор не смог, не сумел довести до сведения Правительства и Партии о состоянии биологической и сельскохозяйственной науки в стране...

В Академии с.х. наук есть много неполадок и ненормальностей, их-то я и прошу помочь исправить. Но эти неполадки и ненормальности вовсе не те, которые обычно указывают работники науки. Это относится и к ряду работников аппаратов учреждений, призванных помогать и руководить сельскохозяйственной наукой.

Я отрицаю утверждение, что Академия сельскохозяйственных наук находится в состоянии

прозябания...

Беда только в том, что во многих случаях ...в проработку руководимых мною тем... не включались работники многих научно-исследовательских институтов... Поэтому мне и приходится без передаточных научных звеньев искать непосредственную связь с агрономами, колхозами и совхозами...

...Поэтому обвинять Академию в прозябании, в узости разрабатываемых проблем считаю неверным...

Пополнить состав Академии... нужно. Но... нужно обеспечить организационный порядок в сельскохозяйственной науке" (88).

Таким образом Лысенко снова использовал уже не раз помогавшее ему оружие в борьбе с учеными -- политические обвинения вместо научных аргументов -- и призывал усилить его позиции, перейдя к расправе с оппонентами. Формально можно было считать, что на поручение о постановке доклада он ответил, теперь в аппарате ЦК надо было изучить ответ, прежде чем выносить вопрос на Оргбюро ЦК. Это опять оттягивало время принятия решений и, в частности, решения о создании Института генетики и цитологии АН СССР.

Как Лысенко и думал, оттягивание пошло ему на пользу. Снова он переиграл всех критиков и в кресле удержался. А одновременно с откладыванием доклада Лысенко отпадал и привязанный Кузнецовым к этому вопрос о новом генетическом центре. Вполне возможно, что отодвинуть рассмотрение вопроса о новом институте на Оргбюро и Секретариате ЦК партии Лысенко удалось с помощью лично Сталина, который еще сохранял к нему доверие. Так или иначе, но партия не ответила согласием на предложение Академии Наук СССР создать новый Институт. 31 декабря 1948 года рукой Секретаря ЦК партии А.А.Кузнецова на письме Лысенко, к которому были прикреплены его докладная записка и отчет, была сделана окончательная надпись "В архив. А.Кузнецов". История с созданием так нужного стране генетического центра окончательно завершилась: партийные власти решили не создавать институт для генетиков и цитологов.

Лысенкоисты решают вернуться к статье Жебрака 1945 года

и представить её автора предателем Родины

Верный своей доктрине "обострения классовой борьбы по мере строительства социализма" Сталин разнообразил формы идеологического давления. Уже к концу войны он понял, какую опасность представляет то, что сотни тысяч солдат и офицеров его армии своими глазами увидели, как живут люди в загнивающих капиталистических странах, настолько отсталых, что даже социалистическая революция у них, бедных, еще не произошла. В сравнении этого образа жизни с советскими порядками лежал взрывной заряд критицизма, и, чтобы нейтрализовать его, сразу же после окончания войны пропагандистская машина Кремля начала прокручивать на все лады одну тему -- идеологической и технической отсталости Запада, коварства империалистов, чужеродности западного образа жизни.

Одновременно У.Черчилль в фултонской лекции, произнесенной 5 марта 1946 года в присутствии Трумэна, провозгласил свою программу "отбрасывания социализма". Началась холодная война. Содружество наций сменилось противостоянием идеологий.

В ответ в СССР закрутились жернова новой кампании -- искали тех, кто "низкопоклонствует перед Западом", не ценит родины с большой буквы, хамелеонствует и космополитствует. С

гневом объявлялось: такие готовы продать родину, для них одобрение западных коллег важнее чести и совести, они забывают, что и теплоход, и паровоз, и телефон, и радио, и самолеты -- впервые появились здесь, в России. "Россия -- родина слонов" -- мрачно шутили острословы. И снова пошли не пересуды, а суды с приговорами и обвинениями в предательстве, продаже на Запад технологий, шпионаже...

14 мая 1947 года Сталин вызвал к себе писателей А.Фадеева, К.Симонова и Б.Горбатова (89). В кабинете Сталина уже находился А.А.Жданов. Перед ним лежала на столе папка с подготовленным "Закрытым письмом ЦК ВКП(б) партийным организациям", в котором "изобличались" два советских биолога -- Н.Г.Клюева и Г.И.Роскин. Эти ученые создали препарат, обладавший, по их мнению, противораковым действием. Препарат они назвали по первым буквам своих имен "КР", в 1946 году издали монографию с описанием их работы (90), а рукопись книги взял с собой уехавший с кратким визитом в США академик-секретарь АМН СССР В.В.Парин (получив на это, разумеется, разрешение, подписанное министром здравоохранения СССР Г.А.Митеревым). В США Парин передал рукопись для ознакомления американским ученым, это стало тут же известно советским шпионам в США, о факте передачи рукописи чекисты немедленно донесли Сталину, и тот ухватился за этот донос, исходя, скорее всего, из двух простеньких соображений. Во-первых, Сталин знал Клюеву лично и, как всякий поверхностно-образованный человек, верящий в чудесные способы спасения от коварных недугов, считал "открытие" Клюевой и Роскина чем-то фантастически важным и для страны и для себя лично. Сама мысль о том, что описание советского открытия передали в руки американцев, показалась ему кощунственно отвратительной. Во-вторых, как человек кристально ясно различавший ситуации, в которых можно было наварить политический капиталец, он сразу понял, что можно использовать факт передачи рукописи как показательный пример "низкопоклонства перед Западом". Космополитов надо было примерно наказать. Создателя Академии Медицинских наук и её первого академика-секретаря Парина обвинили ни в чем ином как в шпионаже и осудили на 25 лет лагерей строгого режима, министра Митерева с работы сняли, настало время наказать авторов открытия и книги. Сажать и уничтожать их физически Сталин, боявшийся смерти от рака, естественно, не стал, -- вдруг пригодятся. Вызвав к себе писателей, Сталин держал перед ними получасовую речь, в которой, по воспоминаниям Симонова, сказал следующее:

"Простой крестьянин не пойдет из-за пустяков кланяться, не станет ломать шапку, а вот у таких людей [как профессор Роскин или академик Парин] не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия... Вот взять такого человека, не последний человек, а перед каким-то подлецом-иностранцем, перед ученым, который на три головы ниже его, преклоняется, теряет достоинство. Надо бороться с духом самоуничижения у многих наших интеллигентов" (91).

Разосланное по всем партийным организациям "Закрытое письмо ЦК ВКП(б)" возвестило о наступлении нового политического климата в стране. Между 1945 годом, когда американские и советские солдаты вместе боролись против фашистов, и 1947 годом пролегла глубокая пропасть. Теперь США и СССР, разделенные "железным занавесом", стояли во главе разных лагерей. Совершенно изменилась обстановка и во внутренней жизни страны Советов. В 1945 году не гулял еще по страницам советских газет и журналов лозунг о безродных космополитах и предателях родины, не было и разгула поддерживаемого государственной печатью антисемитизма. Тогда еще в журнале "Крокодил" не могло появиться, как это случилось теперь, изображение человека с утрированной еврейской внешностью, держащего в руках книжечку с надписью ЖИД. Не Андре Жид, а просто -- ЖИД. Еще не распространилось тогда и позорное прозвище "отщепенец", которое теперь перекатывалось по страницам советской прессы. За былое "низкопоклонство перед Западом" можно было понести суровое наказание теперь.

Надо заметить, что с момента посылки в 1945 году Жебраком писем Маленкову и подготовки им статьи для журнала "Science" лысенкоисты не теряли надежды расквитаться с ним -- ставшим врагом номер один. Конечно, точили они зубы и на Н.П.Дубинина, также опубликовавшего в том же журнале, но позже, свою статью (92). Они не могли забыть эти выпады и особенно резкие жебраковские слова о Лысенко и его сторонниках, написанные в письме Маленкову в 1945 году, когда старый большевик Жебрак делился со старшим по должности в партии товарищем размышлениями о бедах, принесенных СССР Лысенко и его подпевалами.

" Не приходится сомневаться, что если бы не грубое административное вмешательство со стороны ак. Лысенко... и не опорочивание генетики, которая была объявлена социально реакционной дисциплиной со стороны руководства дискуссией 1936 г. и дискуссией 1939 г., то в настоящее время мы были бы свидетелями огромного расцвета генетической науки в СССР и ее еще большего международного авторитета" (93).

Поэтому атаки на Жебрака и в какой-то мере на Дубинина не прекращались. Так, в последнем номере журнала "Агробиология" за 1946 год (напомню, под этим новым названием стал после войны выходить прежний журнал "Яровизация") Презент опубликовал длинную статью, в которой обвинял Жебрака именно в антипатриотизме, выразившимся в том, что на страницах западного издания Жебрак не признал Лысенко великим, а даже противопоставил его советским генетикам (94). 6 марта 1947 года в "Ленинградской правде" появилась выжимка из этой статьи, озаглавленная Презентом "Борьба идеологий в биологической науке" (95), начинавшаяся словами:

"Последние решения Центрального Комитета партии по идеологическим вопросам ко многому обязывают партийный актив и советскую интеллигенцию. Они обязывают вытравить какие бы то ни было остатки низкопоклоннического отношения к зарубежным идейным веяниям, смело разоблачать буржуазную культуру, находящуюся в состоянии маразма и растления" (96).

Затем Презент, не выбирая изящных выражений, высказался о генетике:

"Загнивающий капитализм на империалистической стадии своего развития породил мертворожденного ублюдка биологической науки, насквозь метафизическое, антиисторическое учение формальной генетики" (97).

Приведя сердитую цитату из "Вопросов ленинизма" Сталина, Презент продолжил обругивание генетиков, но уже не западных, а советских, сообщил о том, какой ужасный, фашистский журнал "Science (Наука)" существует в Америке, остановился на одном из "профашистских мракобесов Карле Саксе, подвизающемся в Гарвардском университете... -- злопыхателе против марксизма", а потом сообщил (нисколько не обинуясь откровенной ложью), что и в СССР есть полностью с ним согласный профессор -- Жебрак:

"Карл Сакс не заслуживал бы какого бы то ни было внимания... Однако, пожалуй, более интересно, до каких пределов низкопоклоннического пресмыкательства перед заграницей может дойти профессор, живущий в советской стране и в то же время тянущий одну и ту же ноту с г-ном Саксом. А ведь именно так поступил профессор Тимирязевской академии А.Р.Жебрак, который в статье, опубликованной им за границей по поводу выступления Сакса, по существу солидаризируется с профашистом Саксом в оценке теоретических достижений нашей советской передовой школы биологов, мичуринской школы, возглавляемой академиком Лысенко" (98).

Презент назвал еще нескольких генетиков, не нравящихся ему -- Н.П.Дубинина, Ф.Х.Бахтеева, М.Л.Карпа и других (фамилии М.Е.Лобашова и Г.Г.Тинякова он переврал). Но главный удар пришелся по персоне Жебрака. Его по требованию Презента надлежало "разоблачить и вытравить" в первую голову.

Этот выпад желанной цели не достиг. Должного внимания на статеечку не обратили. Тогда Презент отправил ее еще раз -- в центральную газету "Культура и жизнь", однако из редакции презентовский текст послали Жебраку с просьбой дать свою оценку статье. Получив обстоятельный ответ Антона Романовича, редакция ответила Презенту, что не видит оснований вступать в обсуждение вопроса, не являющегося профильным для газеты (99).

Но вся эта закрытая пока от глаз ученых и жителей страны полемика могла оставаться закрытой только до того момента, пока не были обнародованы сталинские директивы по борьбе с "безродными космополитами". Сразу после их озвучивания ситуация резко изменилась. Как только "Закрытое письмо" стало известным Лысенко и Презенту, их возможности в нанесении удара по генетикам и по Жебраку в первую голову, неимоверно возросли. Их не нужно было учить, в каком направлении надо строить свои нападки на генетиков. Хотя с момента публикации жебраковской статьи и отправки им писем Маленкову прошло уже несколько лет, Лысенко решил, что важен не срок, а возможность расплаты за прошлое унижение. Можно и нужно было использовать изменения в политической обстановке в стране и выставить сегодня Жебрака на роль предателя Родины.

И тем не менее несколько месяцев развить атаку не удавалось, пока во второй половине августа заведующим отделом науки и культуры "Литературной газеты" не был назначен "философ", которого знал Сталин, М. Б. Митин -- член ЦК ВКП(б) и депутат Верховного Совета СССР 3-го -- -5го созывов. Назначение Митина было сделано не без участия самого Сталина, который в это время решил всемерно усилить "Литературную газету", придав ей функции якобы независящего от властей выразителя мнения масс (свое желание Сталин изложил писателям на описанной выше встрече с ними 14 марта 1947 года /100/). А уж кто жаждал реванша в споре с генетиками, так это Митин, уже вписавший свое имя в число главных гонителей генетики своим руководством дискуссией в журнале "Под знаменем марксизма" в 1939 году (101).

Митин получил от ленинградского писателя Геннадия Фиша (давнего знакомого Презента еще с той поры, когда Фиш учился на факультете общественных профессий ЛГУ) статью с ругательствами и оскорблениями в адрес Жебрака. Но одного имени Фиша для мощного удара было маловато. Поэтому Митин позвонил двум самым известным в стране поэтам того времени -- А.Твардовскому и А.Суркову, попросив их подписаться под опусом Фиша. Оба поэта ничего ровным счетом в генетике не понимали, но перечить члену ЦК партии не посмели, и 30 августа 1947 года в "Литературной газете" появилось письмо за тремя подписями (102), в котором, в частности, говорилось:

"Мы оставляем в стороне противоречие между утверждением Жебрака о том, что Лысенко является только агрономом-практиком, и обвинением того же Лысенко в "чистой умозрительности". Но нельзя не возмутиться злобным, клеветническим заявлением Жебрака о том, что работы Т.Лысенко, по существу, мешают советской науке и что только благодаря неусыпным заботам Жебрака и его единомышленников наука будет спасена. И залог этого спасения А.Жебрак видит в том, что он не одинок: "Вместе с американскими учеными, -- пишет Жебрак в журнале "Сайенс", -- мы, работающие в этой же научной области в России, строим общую биологию мирового масштаба". С кем это вместе строит Жебрак одну биологию мирового масштаба? ...

... Гордость советских людей состоит в том, что они борются с реакционерами и клеветниками, а не строят с ними общую науку "мирового масштаба" (103).

Сталин начинает борьбу с "безродными космополитами",

и Лысенко использует её для атаки на своих противников

Конечно, эти идеологические споры не имели отношения к безрезультатным практическим обещаниям Лысенко, несшим стране одни беды. Хотя некоторые члены Политбюро ЦК партии уже готовы были отступиться от Лысенко, осознавая несомый им стране вред, Сталин продолжал упрямо верить новатору. Новый "гауляйтер" в сталинском окружении -- Михаил Андреевич Суслов стал смотреть на позицию вождя как на аксиоматическую истину и полностью подчинился мнению Сталина. Во всяком случае в те же дни в Управлении агитации и пропаганды, где годами зрели антилысенковские настроения, обстановка вдруг разом переменилась. Новый секретарь ЦК партии по идеологии лично распорядился опубликовать в "Правде" 2 сентября 1947 года разгромную статью мало кому известного кандидата экономических наук И.Д.Лаптева, смело подписавшегося под статьей профессором. В еще более категоричных тонах, причем перевирая слова Жебрака, автор статьи продолжил обвинения его в антипатриотичности и предательстве "интересов Родины" (104). Многие фразы из "Литературной газеты" и из статьи Презента в "Ленинградской правде" были Лаптевым повторены, что указывает на хорошее дирижирование действиями "публикаторов". По словам Лаптева:

"А.Р.Жебрак... вместе с реакционнейшими зарубежными учеными унижает и охаивает нашу передовую советскую биологическую науку и ее выдающегося современного представителя академика Т.Д.Лысенко, ...потерял чувство патриотизма и научной чести... ослепленный буржуазными предрассудками, презренным низкопоклонством перед буржуазной наукой он встал на позицию враждебного нам лагеря" (105).

Лаптев не скупился на выражения типа: "с мелкобуржуазной развязностью обывателя", "разнузданно", "клеветник" и т. п. Упомянул он и о Дубинине, также осмелившемся опубликовать в том же презренном американском журнале статью, в коей он будто бы обругал замечательные достижения мичуринской биологии. Заключительные фразы статьи напоминали стиль 37-го года:

"К суду общественности тех, кто тормозит решение этой задачи (в кратчайший срок превзойти достижения науки в зарубежных странах), кто своими антипатриотическими поступками порочит нашу передовую советскую науку" (106).

Статья в "Правде" была уже нешуточной акцией12 . Всё, что появлялось на страницах этой центральной партийной газеты, становилось руководством к действию -- заклейменных газетой ждали лагеря, прославленных -- ордена.

Однако времена менялись и безоговорочного согласия со всем, о чем писала газета, не было. С протестом против позиции газеты обратилась к Секретарю ЦК партии А.А.Жданову сотрудница Государственной комиссии по сортоиспытанию селекционер Е.Н.Радаева (107). С нескрываемым возмущением она писала о Лысенко и его "подпевалах", утверждала, что

"за короткий срок акад. Лысенко развалил ВАСХНИЛ... [которая] превратилась в пристанище шарлатанов от науки и всякого рода "жучков"...Одновременно акад. Лысенко захватил в свои руки с. х. печать... Лысенко удалось полностью заглушить критику его ошибок. Но вместе с

критикой заглохло и развитие с. х. науки" (108).

Решительно отозвавшись о статье Лаптева как о совершенно неверной и по сути и по форме, Радаева не боялась писать в ЦК партии следующее:

"Расправой над отдельными учеными с использованием политической ситуации акад. Лысенко пытается спасти свое пошатнувшееся положение, страхом расправы удержать от критики остальных ученых и, воспользовавшись созданной им суматохой, захватить снова в свои руки с/х Академию в предстоящих выборах.

Одновременно, припертый к стене, он капитулирует в основных своих теоретических положениях. В частности, он всенародно на коллегии Министерства сельского хозяйства уже отрекся от созданной им системы сортосмены, почувствовав, что все-таки придется отвечать за бесплодие этой системы.

Зазнавшийся интриган и путаник! Убаюканный лестью окружающих его подхалимов: он не заметил, что за годы Советской власти выросло поколение советских ученых, которых не запугаешь террором, не введешь в заблуждение спекуляциями, которым не преподнесешь махизм под флагом диалектического материализма. Этим ученым пока негде сказать свое слово, но они терпеливо ждут своей очереди.

Акад. Лысенко, кажется, еще не осознал, что созданное им учение -- это не больше чем поганый гриб, сгнивший изнутри и только потому сохраняющий свою видимость, что к нему еще никто не прикасался...

Можно согласиться с предложением проф. Лаптева о привлечении к суду общественности антипатриотов, но скамью подсудимого заслуживает акад. Лысенко и его подхалимы..." (109).

Письмо Радаевой поступило в ЦК партии 4 сентября. На следующий день Жданову написал Жебрак (110). Еще более сильное письмо, наполненное фактами провалов Лысенко на фоне успехов генетиков, направил в тот же адрес 8 сентября 1947 г. И.А.Рапопорт (111). В тот же день в ЦК партии пришло аргументированное письмо заведующего кафедрой Московского университета Л.А.Сабинина (112). 10 сентября краткое письмо направил Жданову крупнейший советский селекционер П.И.Лисицын. Он писал:

"Меня возмутила эта статья как дикостью обвинения..., так и грубой демагогичностью тона... Повидимому автор считает, что он живет в дикой стране, где его стиль наиболее доходчив... Пора бы призвать к порядку таких разнузданных авторов" (113).

Через почти две недели длиннейшим письмом в ЦК партии ответил на публикацию статьи Дубинин (114).

Массированное обращение в сентябре 1947 года ведущих ученых к властям страны, казалось бы, не могло остаться безответным, особенно учитывая общественное звучание таких имен как Лисицын, который был истинным кормильцем страны. Но авторы всех писем не получили даже строчки ответа. Секретари ЦК партии и их подчиненные как в рот воды набрали. Повторявшиеся на каждом шагу лозунги о нерушимой связи партии коммунистов с народом очередной раз обесценивались: партийное руководство, к которому с надеждой обращались лучшие представители научной интеллигенции, игнорировало обращения, и это было для ученых и селекционеров плохим сигналом.

Тем временем идеологические изменения в стране служили лысенкоистам сигналом к тому,

что нужно идти вперед в осуждении Жебрака за антипатриотичное, по их мнению, поведение. Партком Тимирязевской академии, составленный в основном из сторонников Лысенко, 22 сентяюря 1947 года рассмотрел статьи в "Литературной газете" и в "Правде" и решил, что к заведующему кафедрой генетики и селекции академии Жебраку должны быть применены меры идеологического порядка. 29 сентября к этому решению присоединился Ученый совет академии, а 10 октября такое же решение принял партком Министерства образования СССР (114а).

По распоряжению Сталина в это время для политической борьбы с инакомыслящими были введены "Суды чести" (115). Название было взято из обихода российской армии времен правления царей, но, конечно, ничего общего с офицерскими судами чести не было. Именно в этот суд постановила передать "Дело Жебрака" о его антипатриотической статье в журнале "Science" парторганизация Тимирязевской академии. "Суды чести" могли быть образованы только при центральных ведомствах страны, и потому делом Жебрака могло заняться Министерство высшего образования. Министром в это время был близкий к Лысенко человек -- С.В.Кафтанов. "Суд чести" Министерства в соответствии с приказом Кафтанова (116) возглавил начальник Главка Министерства И.Г.Кочергин -- хирург по специальности, а членами стали заместитель министра высшего образования СССР член-корреспондент АН СССР А.М.Самарин, член коллегии профессор А.С.Бутягин, доценты Н.С.Шевцов, Г.К.Слуднев, представитель профсоюза О.П.Малинина и товарищ А.А.Нестеров (последний товарищ имел к воспитанию непростое отношение -- он был представителем ведомства госбезопасности, отвечавшим за ведение дел в высшей школе).

Прежде чем приступать к открытому слушанию дела в "суде", было решено провести "предварительное слушание", что-то вроде следствия, чтобы выяснить степень вины "подсудимого". Оно продолжалось три дня - в пятницу тринадцатого октября и в понедельник и вторник -- пятнадцатого и шестнадцатого октября. На него и были вызваны те, кто написал письма протеста в "Правду", а также те, кого Жебрак "оскорбил" своей статьей. Итак, Лисицын, Сабинин, Дубинин, Радаева были вызваны одновременно с Презентом, Глущенко, Турбиным, И.С.Варунцяном на следствие, плюс к ним из Тимирязевки были приглашены дать свои показания директор академии В.С.Немчинов, секретарь парторганизации Ф.К.Воробьев, член парткома доцент Г.М.Лоза и профессора П.Н.Константинов, Е.Я.Борисенко и И.В.Якушкин.

Собранные свидетельские показания были полярно противоположными. Ученые (Лисицын, Константинов, Сабинин, в какой-то степени Дубинин и Борисенко) выразили несогласие с положениями статей в "Литгазете" и "Правде", а команда лысенковцев вместе с руководством Тимирязевки и её партийными руководителями резко поступок Жебрака осудила (117).

Сегодня нелегко восстанавливать события той поры, но все-таки некоторые факты известны. Мы увидим ниже, например, что в министерство приезжал влиятельный в то время партийный начальник Суворов и рекомендовал дело прекратить. Поверить в то, что он пошел на такой шаг по собственной инициативе, невозможно. Получить разрешение он мог или от своего непосредственного начальника -- Г.Ф.Александрова, или у еще более высокого босса -- А.А.Жданова. Но, как уже было сказано, именно в это время в секретариате ЦК партии появился новый человек -- М.А.Суслов, который вскоре займет место Жданова. Однозначно, что при всем совпадении основных взглядов два партийных лидера различались в своем отношении к Лысенко. Суслов, как показала вся его жизнь, действовал как его безусловный покровитель и защитник. Он несомненно мог использовать сложившуюся ситуацию в своих целях и мог действовать совсем не в том направлении, как действовали Жданов, Александров и Суворов. История с "Судом чести" это отразила.

А на изменение отношения к Лысенко в верхних эшелонах партийной власти именно в это время указывает факт, обнаруженный полвека спустя в Архиве Президента РФ сыном Н.И.Вавилова Юрием Николаевичем. Он нашел письмо Лысенко Сталину, датированное 27 октября 1947 года, и ответ Сталина (118), написанный тремя днями позже и отправленный 31 октября 1947 года по-видимому с курорта.

Оказывается, Сталин теперь еще пристальнее следил за Лысенко и ждал от него успеха в важном деле -- выведении чудо-пшеницы с ветвящимся колосом. Мешочек с 210 граммами такой пшеницы в 1946 году ему вручил лично Сталин. Лысенко, отлично знал, что из затеи ничего путного получиться не может (см. об этом в следующей главе), но обещал тем не менее Сталину резко увеличить производство пшеницы в стране и этим снова укрепил веру вождя в свое научное могущество. В лето 1947 года лысенковцы начали срочно размножать семена ветвистой пшеницы, полученные от Сталина. В Одессе, Омске, в селе Мальцево Шадринского района Курганской области и в Горках Ленинских их высеяли, и якобы в "Горках Ленинских" Авакян сумел за один сезон так их размножить, что к осени собрал "327 килограммов, т.е. в 1635 раз больше, чем было высеяно" (119). Лысенко писал Сталину, что уже

" в 1949 году... .можно будет... примерно.. 100 центнеров с гектара... получить с площади 100 гектаров... в 1950 году... засеять 15 тысяч гектаров... в 1951 году, засевая только 50 тысяч гектаров, можно будет иметь 500 тысяч тонн пшеницы для Москвы...

...эта фантазия буквально меня захватила, и я прошу Вас разрешить нам проведение этой работы в 1948 году, а потом, в случае удачи этого опыта, помочь нам в деле дальнейшего развертывания этой работы" (120).

Мудрый и лукавый царедворец хорошо знал, что надо писать властителю державы. Зачем, спрашивается, ему, президенту ВАСХНИЛ и директору "Горок Ленинских", испрашивать у 1-го Секретаря ЦК ВКП(б) разрешения, проводить или не проводить ему в его хозяйстве посев пшеницы?! Равным образом, какое, казалось бы, дело Сталину до того, сеять ветвистую на десяти или на двадцати гектарах?! Но какой же властитель запретит взращивать курочку, которая понесет золотые яички! Несись, курочка! Озолачивай!

Лукавство Лысенко простиралось дальше. Он давал понять, что если всё получится, то на лавры вовсе не претендует, скромен до предела и свое место знает. Вот каким замечательным пассажем заканчивал он свое 2-страничное послание человеку, никогда в жизни никакого касательства ни к агрономии, ни к селекции не имевшему13, но которого теперь Лысенко благодарил за учебу и за то, что он открыл ему глаза на тонкие научные вопросы:

"Дорогой Иосиф Виссарионович! Спасибо Вам за науку и заботу, преподанную мне во время Вашего разговора со мной в конце прошлого года по ветвистой пшенице.

Этот разговор я все больше и больше осознаю. Вы мне буквально открыли глаза на многие явления в селекционно-семеноводческой работе с зерновыми хлебами.

Детально изучая ветвистую пшеницу, я понял многое новое, хорошее. Буду бороться, чтобы наверстать упущенное и этим быть хоть немного полезным в большом деле -- в движении нашей прекрасной Родины к изобилию продуктов питания, в движении к коммунизму" (121).

Напомню: была осень 1947 года, осень, принесшая самый жуткий голод населению страны. Каким "просветленным цинизмом" нужно было обладать, чтобы писать о движении к

изобилию продуктов! Нет, примитивным жуликом и простым циником Трофим Денисович не был. Хорошо он понимал, что надо написать вождю коммунистов!

С тем же пониманием умонастроения вождя подходил Лысенко к описанию природы своих разногласий с научными противниками.

"Смею утверждать, что менделизм-морганизм, вейсманистский неодарвинизм, это буржуазное метафизическое учение о живых телах, о живой природе разрабатывается в западных странах не для целей сельского хозяйства, а для реакционных целей евгеники, расизма и т.п. Никакой связи между сельскохозяйственной практикой и теорией буржуазной генетики там нет.

Подлинная наука о живой природе, творческий дарвинизм -- мичуринское учение строится только у нас, в Советском Союзе... Она детище социалистического, колхозного строя. Поэтому она... так сильна по сравнению с буржуазным лжеучением, что метафизикам менделистам-морганистам, как зарубежным, так и в нашей стране, остается только клеветать на нее, с целью торможения развития этого хорошего действенного учения.

Дорогой Иосиф Виссарионович! Если мичуринские теоретические установки... в своей основе правильны, то назрела уже необходимость нашим руководящим органам... сказать свое веское слово...

Прошу Вас, товарищ Сталин, помочь этому хорошему, нужному для нашего сельского хозяйства делу" (122).

Этот призыв к главному палачу страны ввести идеологический запрет на всё, что не соответствовало устремлениям главного "мичуринца", был услышан. В своем ответном письме, написанном срочно (Сталин находился вне Москвы, но уже через три дня пространное ответное послание "Уважаемому Трофиму Денисовичу" было подписано), вождь не только клюнул на лысенковскую наживку и стал давать ему советы по агрономии и селекции, но и сурово высказался о научных противниках Лысенко:

"...я считаю, что мичуринская установка является единственно научной установкой. Вейсманисты и их последователи, отрицающие наследственность приобретенных свойств, не заслуживают того, чтобы долго распространяться о них. Будущее принадлежит Мичурину.

С уважением

И. Сталин

31.X. 47" (123).

Таким образом Лысенко заручился поддержкой Сталина в вопросе, который вождь считал идеологически важным: о роли прямого приспособления наследственности организмов к внешней среде. В науке эта идея была отвергнута много десятилетий назад, но малообразованным людям и Сталину в их числе казалось, что наследование благоприобретенных признаков существует.

Тем не менее никаких конкретных погромных решений в отношении врагов Лысенко не последовало. Спустя еще месяц, Сталин разослал записку Лысенко всем членам Политбюро и секретарям ЦК (а также академику Цицину, которого видимо Сталин считал сторонником Лысенко), добавляя, что "В свое время поставленные в записке вопросы будут обсуждаться

на Политбюро" (124). Поэтому проблема противостояния Лысенко и генетиков разрешения не получила, но одно отрицательное действие записка Сталина оказала: те в верхних эшелонах власти, кто готов был принять меры против засилия Лысенко в советской науке и, напротив, помочь генетикам, решили за благо отмолчаться и подождать, чем конкретно завершится интерес Сталина к Лысенко. К новому витку репрессий против ученых это пока не привело, но и энергию тех на верхах, кто собирался поддержать генетиков, пригасило.

Митин продолжает восхваление Лысенко в "Литературной газете"

Ставший заведующим отдела "Литературной газеты" Митин не прекращал усилий по пропаганде лысенкоизма. 18 ноября 1947 года в газете было опубликовано интервью с Лысенко, который под видом осуждения буржуазных ученых Запада откровенно предупреждал своих оппонентов, что их действия могут быть расценены как политически вредные (125). Специальные вопросы биологии Лысенко рассматривал через призму категорий извращенной политэкономии и опять вел речь о том, почему мировая наука придерживается мнения о наличии внутривидовой борьбы в природе:

"Все человечество принадлежит к одному биологическому виду. Поэтому буржуазной науке и понадобилась выдуманная внутривидовая борьба. В природе внутри видов, говорят они, между особями идет жестокая борьба за пищу, которой не хватает, за условия жизни... То же самое происходит, мол, и между людьми: капиталисты якобы умнее, способнее по своей природе, по своей наследственности... Но внутривидовой борьбы нет и в самой природе. Существует лишь конкуренция между видами: зайца ест волк, но заяц зайца не ест, -- он ест траву" (126)14 .

Захлестнутый политическими страстями, Лысенко утверждал, что и те, кто выдвинул понятие "внутривидовая борьба" (значит, Дарвин), равно как и те, кто придерживается этого понятия сейчас, есть придатки и слуги растленной буржуазной науки, приспешники буржуазии:

"Буржуазная биологическая наука, по самой своей сущности, потому что она буржуазная, не могла и не может делать открытия, в основе которых лежит непризнанное ею положение об отсутствии внутривидовой конкуренции. Поэтому и гнездовым севом американские ученые заниматься не могли. Им, слугам капитализма, необходима борьба не со стихией, не с природой... Выдуманной внутривидовой конкуренцией, "извечными законами природы" они силятся оправдать и классовую борьбу, и угнетение белыми американцами черных негров. Как же они признают отсутствие борьбы в пределах вида?" (128).

Заканчивая статью, Лысенко давал ясно понять, против кого в первую очередь направлены его тирады. Обвинения буржуазной науки были затеяны для устрашения своих же коллег в Советском Союзе:

"Но я знаю, что внутривидовую конкуренцию еще и у нас признают некоторые биологи, например, профессор П.М.Жуковский. Я отношу это к буржуазным пережиткам. Внутривидовой конкуренции в природе нет, и нечего ее в науке выдумывать. Идет острая борьба идей, а новое всегда встречает сопротивление старого. Но у нас, в Советском Союзе, новое всегда побеждает" (129).

Значимость высказываниям Лысенко придавало
 то, что Митин, подписавшийся как корреспондент "Литературной газеты", возвеличивал Лысенко ("...главное -- Ваши научные доклады не просто "точка зрения": они подтверждены богатейшей практикой"), а Лысенко, в свою очередь, убежденно заключал: "...у нас, в

Советском Союзе, новое всегда побеждает".

Это интервью появилось ровно через две недели после того, как в МГУ крупнейшие ученые -- академик И.И.Шмальгаузен, профессора А.Н.Формозов и Д.А.Сабинин -- аргументированно, логично и без малейшего налета демагогии рассмотрели взгляды Лысенко на дарвинизм, выступив с докладами на специально созванной научной конференции. Интерес к ней был огромным. Заседания шли в самой большой -- Коммунистической аудитории МГУ, и зал, тем не менее, был переполнен. Как позже была вынуждена признать даже "Литературная газета", в зале находилось более 1000 человек (130). Председательствовавший несколько раз приглашал сидевших в зале сторонников Лысенко выступить с ответом на критику, но те отмалчивались. В том же году Издательство МГУ выпустило сборник со статьями, опровергающими точку зрения Лысенко. Вынуждена была и "Литературная газета" напечатать большую статью ученых из МГУ (131). Но сделала она это своеобразно. Рядом со статьей И.И.Шмальгаузена, Д.А.Сабинина, А.Н.Формозова и С.Д.Юдинцева была помещена ответная статья А.А.Авакяна, Долгушина, Глущенко и других лысенковцев, в которой разговор был снова переведен в плоскость политических обвинений. Оппонентов Лысенко они обзывали "мальтузианцами" (132) (все знали, что Мальтуса критиковали Маркс и Энгельс, и, значит, мальтузианцы -- враги марксизма; это было нешуточное обвинение в годы сталинского террора), а затем "неучам" из Московского университета был дан такой совет:

"... читать не столько Кропоткина, сколько Лысенко, чтобы знать, где искать аргументы против несуразностей Кропоткина. Нечего и упоминать о других пугалах (Кесслер, Смэтс и др.), поставленных ими на их изреженном посеве аргументов" (133).

Заключительная фраза статьи обвиняла ученых в совсем им не свойственные действия -- уход из плоскости научной в политическую:

"Это уже не полемический выпад, а попытка восстановить советскую общественность против дарвиниста Лысенко" (134).

В последовавшие затем полтора месяца в "Литературной газете" было опубликовано несколько откликов ученых по вопросу о правильности взглядов Лысенко. Эти отклики были весьма умело и направленно скомпонованы редакцией. Б.М.Завадовский критиковал и Лысенко и его оппонентов (135). В.Н.Столетов столь же безоговорочно провозглашал единственно правильным лысенкоизм и, выворачивая наизнанку смысл сказанного критиками Лысенко, декларировал:

"У оппонентов нет фактов, а у Лысенко есть огромный опыт по помощи сельскому хозяйству, и именно потому, что фактов у оппонентов нет, творческую дискуссию они подменяют схоластическими упражнениями" (136).

Характерным для стиля развернутой редакцией полемики был отзыв Турбина, в котором он утверждал, опять безоговорочно и без аргументов:

"Взгляды Лысенко правильны, внутривидовой борьбы нет, мнение критиков является... совершенно необоснованным и искажающим истинное положение вещей...

Современная буржуазная наука... выполняет социальный заказ своего хозяина - империалистической буржуазии, поджигателей новой мировой войны, объявляющих войну естественным состоянием и законом природы.

Профессора Московского университета должны знать об этих задачах, стоящих перед советскими учеными" (137).

В конце декабря 1947 года в "Литературной газете" (138) были опубликованы: "обзор писем читателей" (студенток, домохозяек, офицеров и рабочих), выписка из протокола заседания кафедры философского факультета МГУ и заключение по дискуссии, написанное Митиным, в котором он скомпоновал фразы о "догмах... за которые... цепляются консервативные деятели науки" с выдержками из писем читателей, среди которых якобы было много писем от "переполненных гневом и возмущением... советских ученых, которые отвергают злостную клевету" в адрес Лысенко (139). Редколлегия газеты объявила, что она присоединяется к заключению Митина, и тем самым создала впечатление, что Лысенко и его сторонники якобы вышли победителями в этом споре. Идеологизированное общество, управляемое сталиными, сусловыми, митинами, предпочло словесно отвергнуть доводы ученых и поддержать лысенковские доктрины как марксистские по духу (и потому считавшиеся ими единственно верными) в противовес научным (будто бы по сути своей буржуазным). Наклеенные ярлыки представлялись им самыми сильными аргументами, а манипуляция общественным мнением движением к правде.

"Суд чести" над А.Р.Жебраком

Предварительное "следствие" по делу Жебрака не дало сторонникам Лысенко значительного перевеса. Сама идея проведения первого в стране и потому показательного процесса над космополитом и отщепенцем могла лопнуть. Для Суслова это могло закончиться крахом. За утерю такого выигрышного дела Сталин мог с него строго спросить. А слова Сталина о том, что нельзя "лить воду на мельницу жебраков", сказанные на Политбюро в мае 1948 года, показывали, что фамилию Жебрака и его противоборство с Лысенко Сталин хорошо знал и помнил. Такой выигрышный случай, когда пролезший в депутаты Верховного Совета, в члены Президиума Верховного Совета БССР и в Президенты академии наук Белоруссии и в совсем недавнем прошлом крупный аппаратчик ЦК был изобличен в предательстве интересов Родины, терять было нельзя. Если бы вдруг Жебрак выскользнул из-под удара, сорвался бы с крючка партийной инквизиции, это могло привести к падению самого Суслова15. Тем не менее в этот момент в недрах ЦК единства в отношении того, как поступать с Жебраком, не было. Как сообщал в ЦК министр образования СССР Кафтанов годом позже (в 1948 году), дело дошло до прямой конфронтации Суслова и других партаппаратчиков. По словам Кафтанова, некоторые ответственные сотрудники аппарата ЦК взялись за то, чтобы помешать проведению министерством "Суда чести" над Жебраком. Оказывается, судилище пытались предотвратить Балезин из управления кадров ЦК и Суворов (зав. отделом науки). Суворов даже приезжал для этого в министерство, "доказывая нецелесообразность Суда чести... Только после того, как т. А.А.Жданов дал прямое указание по этому вопросу, противодействие указанных работников аппарата ЦК прекратилось" (139а). Этот факт доказывает, что обстановка в коридорах власти менялась. На смену тем, кто был готов воспрепятствовать лысенковщине, принесшей уже столько бед стране, в верхние эшелоны власти пришли люди, с готовностью закрывавшие глаза на провалы и с коммунистическим задором оборонявшие идеологические фетиши. Суслов специально приехал в министерство образования и провел инструктаж председателя суда Кочергина о том, как нужно организовать суд.

Итак, в декабре 1947 года при огромном стечении народа (в первый день в зал удалось нагнать 1100 человек, раздав по московским вузам 1200 пригласительных билетов, на второй день, правда, число зрителей умеьншилось до 800)"суд" над Жебраком состоялся в зале Большого лектория Политехнического музея в Москве. Ни одного из критиков Лысенко (Константинова, Сабинина, Лисицына или Радаеву) на суд не допустили. Слово было

предоставлено только тем, кто уже показал себя сторонниками сталинской линии на осуждение "пресмыкательства перед Западом". Выступило много людей и в их числе директор Тимирязевской академии академик Немчинов, профессор И.В.Якушкин и доцент-экономист из этой академии Г.М.Лоза, молодой доктор наук из Ленинградского университета, входивший в те годы в доверие к Лысенко -- Турбин, член-корреспондент АН СССР Дубинин, и другие. Жебрак несколько раз просил суд ознакомить присутствующих с его статьей в американском журнале, чтобы убедиться в том, насколько он был патриотичен в этой статье, но Кочергин буквально с ожесточением в голосе, каждый раз эту просьбу отвергал. Строгих же правил, регламентирующих, что может требовать подсудимый, и в чем ему не должно было быть отказано, не существовало. Суд этот был одним из первых в серии подобных мероприятий, максимум которых пришелся на последующие два года, и потому всё было сделано для того, чтобы у публики осталось представление о принципиальности судей.

Турбин изо всех сил старался опорочить Жебрака, он видимо не понимал, что чем более звонкие политиканские наскоки допускал, бичуя с размахом и Жебрака, и заслуженных американских ученых, и генетиков вообще, тем меньше его запал давал толку16. Антон Романович умело и спокойно оборонялся, и жесткого решения в отношении его принято не было. 27 сентября 1947 года "Суд чести" объявил ему общественный выговор, добавив, что это решение на 5 страницах будет "приобщено к личному делу профессора Жебрак А.Р." (139б). Через 18 лет в некрологе по поводу скоропостижной смерти Жебрака 20 мая 1965 года, опубликованном в журнале "Генетика", было сказано:

"Наступили дни, когда Антону Романовичу предстояло выйти на авансцену трагедии. Погибли коммунисты-генетики И.И.Агол, В.Н.Слепков, С.Г.Левит, М.Л.Левин. Погиб великий Н.И.Вавилов и его близкие друзья -- выдающиеся ученые Г.Д.Карпеченко и Г.А.Левитский и другие. Люди стояли. В развитии истинной науки они видели свой долг перед народом, перед партией. Среди них был и... Антон Романович Жебрак. Они должны были быть повержены и знали это, знал и Антон Романович. Начался новый этап урагана. Догматики и лжеученые стремились морально и научно разгромить людей науки. На этом новом этапе первая жертва должна была быть самой известной, и такой жертвой был избран Антон Романович. Мы вспоминаем сейчас эти дни, когда судилище топталось на месте, не достигая цели, как дни позора для его устроителей" (140).

Лысенкоисты пытались организовать "суд чести" и над Дубининым. Специальное решение с рекомендацией провести его было принято на закрытом заседании парторганизации лысенковского Института генетики АН СССР, где дружно выступили Кушнер, Столетов, Челядинова, Глущенко, Нуждин и председательствовавший Косиков (141). Дубинин однако работал в Институте цитологии, гистологии и эмбриологии -- бывшем кольцовском институте -- и коллектив этого института отличался от лысенковского. Секретарь парторганизации института В.А.Шолохов и директор Г.К.Хрущов были готовы передать дело Дубинина в суд чести (142). Хрущов особенно сильно нападал на Дубинина с чисто политиканскими наскоками в своем отзыве (143), тут же переправленном в качестве приложения к письму Академика-секретаря АН СССР Н.Г.Бруевича на имя Секретаря ЦК ВКП(б) Кузнецова (144). На письме стоял гриф "Секретно". Но на закрытом партсобрании института мнения разделились. Одни (как Хрущов) следовали политическим веяниям в стране, ученица Кольцова Н.В.Попова не могла видимо простить Дубинину предательства Кольцова в 1939 году и обвинила Дубинина в том, что он всю жизнь был человеком с двойным дном. Г.Г.Тиняков также выступил против Дубинина довольно резко, а аспирант Гинзбург (возможно, в стенограмме его фамилия была написана с ошибкой, т.к. в те годы в институте был аспирант Гинцбург) и особенно смело и весомо И.А.Рапопорт встали на защиту Дубинина. Рапопорт сказал:

" Я считаю, что поскольку это [статья Н.П.Дубинина] не являлось официальным документом, то он имел право обойти авторов, которых он не считает существенными... Разглашения тайны там нет. Упоминая Вавилова и Карпеченко, он тоже не сделал ошибки, так как мы не знаем, виноваты ли они или нет, репрессированы или нет. А труды их значительны и помнить их надо... Добжанский и Тимофеев-Ресовский за границей имеют большой научный вес. Свои основные научные работы они основывают на том багаже, который они вывезли из России из школы Филипченко и Четверикова (145).

Когда дело дошло до принятия решения, Рапопорт был особенно напорист и сумел переломить ход собрания. Хрущов зачитал проект решения партсобрания с предложениями передать дело Дубинина в "Суд чести", сначала направив его на рассмотрение Биологического Отделения АН СССР, где у лысенковцев были большие возможности для сведения счетов с генетиками. Рапопорт в ответ стал возражать против этих предложений, и Тиняков поддержал его:

"Тиняков Я считаю, что привлекать Дубинина к Суду чести нельзя, т.к. надо дать конкретную формулировку о необходимости обсуждения поступка Дубинина на Ученом Совете Института.

Рапопорт Считаю, что мы не должны в резолюции указывать на необходимость передачи дела в биоотделение. Это может означать, что наш коллектив неправомочен и с ним можно не считаться.

Тиняков Я тоже против того, чтобы ошибки Дубинина выносить на биоотделение, где Дозорцева и Нуждин.

Хрущов Речь не идет о биоотделении, суть дела в том, осуждаем ли мы или нет поступок Дубинина?

Рапопорт Я считаю, что в нашем Институте надо дать работать, а не мешать. Спекуляции против генетики мы не допустим и нельзя поэтому выносить на биоотделение вопрос общественного порицания Дубинину.

Хрущов. Прошу призвать Рапопорта к порядку" (146).

Но порядок восторжествовал не в том смысле, которого ждал Хрущов. По результатам голосования было записано, что парторганизация решила не выносить обсуждение проступка Дубинина за стены института, ограничившись объявлением ему порицания на заседании Ученого совета своего же института (147). Снова люди в кольцовском институте использовали возможность обуздать политиканов их же методами: раз парторганизация решила, никто не мог отменить мнение целой организации. Вопрос о том, как относиться к Дубинину, перестал звучать так остро. Правда, лысенкоисты попытались все-таки применить партийный обух для того, чтобы пришибить Дубинина. Было созвано объединенное заседание партийных организаций академических институтов биохимии, генетики, микробиологии, палеонтологии, эволюционной морфологии и физиологии растений, на котором было принято обращение к Президиуму АН СССР "с просьбой о передаче этого дела для рассмотрения в суде чести" (решение подписано председательствовавшим Э.А.Асратяном и еще шестью секретарями парторганизаций /148/), но Академик-секретарь Отделения биологических наук Л.А.Орбели дал заключение, что не "находит оснований для предания чл.-корр. Дубинина суду чести" (149), а президент АН СССР С.И.Вавилов согласился с этим предложением. Поэтому "Дело Дубинина" переслали в институт, где он работал. А в бывшем кольцовском институте вопросы чести решались в целом честно. 25

ноября 1947 года состоялось общее собрание сотрудников Института цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР, которое постановило, что статья Дубинина "сыграла положительную роль за рубежом" (150), поэтому нет оснований для передачи дела в суд чести.

А вот для Жебрака последствия и лаптевской статьи в "Правде"17 и "Суда чести" оказались тяжелыми. В октябре его сняли с поста Президента АН БССР. На его квартиру в Минске нагрянули сотрудники госбезопасности, но не застали Антона Романовича дома -- он скрывался у друзей в Москве. Министр госбезопасности Белоруссии Л.Ф.Цанава настаивал на том, чтобы Жебрак возвратился хотя бы на несколько дней в Минск, видимо, бывшему Президенту угрожал арест. Но Жебрак приказу не подчинился, и его не схватили (153).

Суд показал, что Лысенко далеко не развенчан, что он пользуется поддержкой среди определенных лиц в руководстве партией и страной. В то же время многие были склонны считать, что конец лысенкоизма близок, что провалы практических предложений Лысенко теперь всем ясны, и вот-вот последуют оргвыводы в отношении человека, столько лет морочившего голову властям и народу своими выдумками.

Цицин отвечает на письмо Сталина, критикуя Лысенко

В этот момент к стану критиков Лысенко примкнул другой "выдвиженец из народа" -- Николай Васильевич Цицин. Долгое время, по крайней мере, вплоть до начала войны, он оставался верным лысенковщине. Так, в 1939 году он опубликовал в лысенковском журнале "Яровизация" статью (154), в которой сообщал фантастические результаты опытов подчиненных ему сотрудников Сибирского научно-исследовательского института зернового хозяйства (Цицин трудился в этом институте до 1938 года, после чего был назначен директором Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставки в Москве, в 1939 году он стал академиком АН СССР). Первой из описанных Цициным проблем, была такая: "...нельзя ли, изучив по всем цитогенетическим правилам два какие-нибудь растения, сказать заранее, скрестятся они между собой, или нет?" (155). Цитогенетики никогда не занимались решением таких проблем и не могли оказать помощь ни Цицину, ни кому-либо другому в мире, потому что скрещиваемость определяется генами несовместимости, которые на цитологическом уровне выявлены быть не могут. Подсчет хромосом просто не имеет к этому никакого отношения, а цицинцы (в силу низкой квалификации) изучали только числа хромосом в препаратах делящихся клеток. Той же элементарной неграмотностью объясняется категоричный вопрос нового академика, последовавший за банальным утверждением: "Факторы света, длины дня и т. д. изменяют цветение и плодоношение до неузнаваемости. Какую же роль играют здесь хромосомы? Ведь число их и в том и в другом случае осталось без изменения" (156). Цицин даже заявил, что опыты сибиряков помогли ему установить "разницу в балансе хромосом в пределах одного колоса и в пределах одного цветка в колосе" (157), именно то самое, что голословно утверждал Лысенко. Весь предшествовавший и весь последующий опыт генетики свидетельствовал, что данный вывод ошибочен. Экспериментальный же материал сотрудников Цицина не давал оснований для презрительных высказываний в адрес генетиков и цитогенетиков и для рекомендаций селекционерам отказаться от генетики. Таким же было и другое заявление Цицина:

"Это "мнимое доказательство" [зависимости генетических характеристик от генной структуры хромосом1 стоило нам немало времени, затраченного впустую. Следуя общепринятой методике селекции, основанной на менделевском учении, мы несколько лет работы затратили недостаточно производительно... Основываясь на своем опыте, мы можем рекомендовать всем селекционерам полностью отказаться от попыток в какой бы то ни было мере использовать цитогенетику морганистов в практической селекционной работе" (158).

Однако пятью-шестью годами позже безоговорочное признание Лысенко людьми из верхнего эшелона власти улетучилось, и тут же оказалось, что и у Цицина былого единства с Лысенко в оценках "новатора" не стало. Ведь ошибки Лысенко получили широкую огласку, сомнения многих лидеров на верхах секретом для таких людей, как Цицин, быть перестали, пора было менять позицию и самому Николаю Васильевичу. Конъюнктура могла смениться в одночасье, верхам мог понадобиться новый маг и чародей, и Цицин решил не отставать от событий и по возможности опередить их. В течение долгого времени он не отвечал на докладную записку Лысенко Сталину от 27 октября 1947 года и на письмо самого Сталина от 25 ноября 1947 года. Когда "домашний анализ" сталинского запроса был завершен, Цицин направил Сталину (через А.А.Жданова) длинное послание с оценкой взглядов Лысенко (159). В письме от 2 февраля 1948 года все пункты лысенковской похвальбы были Цициным оспорены, собственные успехи с пшенично-пырейными гибридами преувеличены, а главное Цицин подверг Лысенко серьезной критике не только за научные ошибки, но и за монополизм и попытки административными методами подавить научных оппонентов (160). Однако дальше выпадов в адрес лично Лысенко Цицин не шел. В вопросах идейных он писал то, что было бы наверняка приятно прочесть Сталину. В частности, он не удержался от того, чтобы оскорбить такие научные направления как "вейсманизм", или заявлять:

"Не приходится отрицать влияния буржуазной идеологии на наших ученых и в частности на генетиков. Однако нельзя забывать и того факта, что за последние два десятилетия советская генетика значительно выросла и такие старые течения как менделизм и морганизм давно критически переработаны советскими генетиками" (/161/, выделено мной -- В.С.).

Как утверждает член-корреспондент РАН Л.Н.Андреев (преемник Цицина на посту директора Главного Ботанического Сада РАН), опубликовавший в 1998 году это прежде неизвестное историкам письмо Цицина (162),

"Сталин отрицательно отнесся к докладной записке академика Цицина, заявив: "Нельзя забывать, что Лысенко -- это сегодня Мичурин в агротехнике... Лысенко имеет недостатки и ошибки как ученый и человек, его надо контролировать, но ставить своей задачей уничтожить Лысенко как ученого -- это значит лить воду на мельницу жебраков"" (163)18 .

Надежды генетиков на победу

Несмотря на поддержку Лысенко Митиным в "Литературной газете", общественное звучание публичной критики, причем критики серьезной, продуманной и острой было очевидным. Впервые после войны взгляды Лысенко оказались под огнем. Академика Шмальгаузена и его коллег из МГУ не следовало выставлять в виде простачков-недотеп. Те, кто это делал, доброго к себе расположения снискать не могли. Времена менялись, и что такое фракционность, групповщина, все в стране уже хорошо знали. Группа Лысенко была известна биологам, и они же, биологи, отлично знали, что эволюциониста Шмальгаузена, физиолога растений Сабинина, или зоолога и биогеографа Формозова никакие рамки групповщины не связывали. Их громкие имена крупнейших в своих областях специалистов были отлично известны. Поэтому огульностью обвинений затушевать принципиальную сторону научного спора было нельзя.

К концу 1947 года практические успехи генетиков в мире стали неоспоримыми. Применение чисто генетического детища -- гибридной кукурузы -- принесло только США сотни миллионов долларов. К началу 1940-х годов вся площадь этой основной для США сельскохозяйственной культуры была занята межлинейными сортами кукурузы. К концу Второй Мировой войны генетики одарили человечество еще одним своим детищем,

изменившим медицинскую практику. С помощью методов мутагенеза, генетики в США получили дешевые продуценты антибиотиков (в 1945 году А.Флеминг, Х.Флори и Э.Чейн были удостоены Нобелевской премии за открытие антибиотиков, и в это же время М.Демерец в США с помощью облучения создал высокопродуктивные мутанты грибов, синтезирующих эти вещества). Генетики все шире внедряли свои достижения во многие другие области, и могучая сила науки была продемонстрирована бесспорно и широко.

За успехами науки можно было следить даже из-за "железного занавеса", и во всех слоях общества окрепло понимание того, что конгломерат лысенковских идей практика не подтвердила.

Аналогично яровизации и летним посадкам картофеля быстро и с треском провалились все более поздние новинки. Чеканка хлопчатника была сама по себе вещью небесполезной, причем достаточно хорошо известной и до Лысенко (её применяли одно время за рубежом, например, на мелких участках в США, и в России /164/), но она требовала громадного ручного труда, и её энтузиасты быстро выдохлись. Отказ от законов семеноведения привел к тому, что были перепорчены сотни и сотни сортов (165). Политика полного запрета на изучение вирусов растений стала тормозом для развития вирусологии в СССР. То же произошло после заявления Лысенко о том, что "лавры генетиков не дают спать спокойно физиологам растений, генетики выдумали гены, а физиологи -- фитогормоны" (166). Важнейшее направление исследований, приоритет в котором был прочно закреплен за советским ученым Н.Г.Холодным, было разрушено. Лысенко также отрицал учение о генетических основах устойчивости растений (как и саму теорию гена) и препятствовал развитию работ по иммунитету у растений, в чем была сильна в двадцатые--тридцатые годы школа Н.И.Вавилова. Это привело к многолетнему, до сих пор не преодоленному отставанию российских биологов в вопросах, некогда пионерски развивавшихся именно в СССР.

Но пока шло отрезвление от очередных "новаций" Лысенко, он уже внедрял в практику новые продукты своей мысли. К 1947 году их список стал так обширен, что несколько биологов написали объемистые труды, посвященные разбору вреда от них для экономики и науки страны. Владимир Павлович Эфроимсон, по его словам, передал в ЦК партии рукопись своей книги (более сотни машинописных страниц) с детальным разбором ошибок Лысенко и урона, понесенного страной19. В 1983-1987 годах В.П.Эфроимсон в беседах со мной повторял, что в рукописи его книги были документально разобраны многие факты очковтирательства, допущенные Лысенко и его подчиненными, за исключением разве "возрождения сортов" пшеницы методом внутрисортового скрещивания. Эфроимсон говорил мне, что не сумел сам найти материалов по этому вопросу, но ему было точно известно от друзей из Харькова, где он несколько лет работал после выхода из первого заключения, что незадолго до 1948 года такие материалы поступили в ЦК от крупных селекционеров. Сотрудники Отдела науки, по его словам, благодарили Эфроимсона и говорили, что его книга -- серьезный документ, помогающий разоблачить Лысенко (М.Д.Голубовский на протяжении многих лет утверждал, что сходную работу в ЦК передал Любищев). Сегодня найти следы этих документов в архивах ЦК партии за 1946-1950-й годы не удалось20.

Со второй половины 1947 года началась подготовка к новой конференции МГУ, на которой бы взгляды Лысенко были серьезно разобран. Не приходится сомневаться, что Цицин не случайно тянул более двух месяцев с отправкой своего ответа на письмо Сталина -- до 2 февраля 1948 года -- и отправил его точно за день до начала конференции в МГУ, на которой главным вопросом для обсуждения должна была стать лысенковская идея прямого приспособления живых организмов к внешней среде. Приглашения на конференцию разослали всем крупнейшим специалистам в стране, был приглашен и сам Лысенко, и его ведущие сотрудники. Биологи намеревались показать, что взгляды Лысенко противоречат

научным фактам, дарвиновскому пониманию изменчивости и эволюции и, тем более, современным представлениям на этот счет. Комплекс этих проблем был подробно рассмотрен в докладах академиков И.И.Шмальгаузена и М.М.Завадовского и профессора И.М.Полякова. Биологи восстали против новой лысенковской "теории" -- "творческого дарвинизма". Лысенковцам нечего было возразить по существу.

Большинство специалистов, возможно, тогда считало, что ввиду само собой разумеющегося противоречия взглядов Лысенко и твердо установленных закономерностей науки постулаты "колхозного академика" не найдут себе места в советской биологии. Однако эти надежды оказались наивными. "Теория" Лысенко была положена в основу крупнейшего за всю историю человечества партийного плана по переделке природы (см. ниже главу "Период великих агрономических афер").

С одобрения Отдела науки ЦК партии 11 декабря 1947 года в Отделении биологических наук АН СССР было проведено обсуждение антидарвиновских взглядов Лысенко. Это обсуждение не предназначалось для широких кругов, более того председательствовавший академик-секретарь Отделения Л.А.Орбели строго предупредил присутствовавших о конфиденциальности всего происходящего и о запрещении делать записи или выносить из помещения любые материалы (168). Лысенко, выступавший в начале заседания, утверждал, как и прежде, что ошибка Дарвина была по своему смыслу политической, так как была связана с принятием "принципа перенаселенности", то-есть мальтузианства, являющегося антиподом марксистских взглядов. Несмотря на привнесение в обсуждение категорий политической борьбы, участники совещания почти единогласно выступили против взглядов Лысенко. По просьбе Отдела науки ЦК академик В.Н.Сукачев суммировал выступления в краткой форме и передал свое изложение в ЦК партии (169). В течение четырех месяцев тексты сделанных на совещании докладов были полностью подготовлены к публикации и переданы 10 апреля 1948 года в Редакционно-издательский Отдел АН СССР (170). Руководство Отделения ожидало, что издание сборника с выступлениями на совещании будет сильнейшим ударом по антинаучным построениям Лысенко. Однако сборнику не было суждено увидеть свет, так как совершившееся в тот же день событие вызвало гнев Сталина, который с помощью Политбюро ЦК партии прекратил всякую критику Лысенко на многие годы. Событием, вызвавшим такую реакцию Сталина, стало выступление Ю.А.Жданова в тот же день в Политехническом музее.

В ряды критиков Лысенко вступает Юрий Андреевич Жданов

Сталин, как пишет Ю.А.Жданов в своих воспоминаниях 1993 года (171), с вниманием и симпатией следил за его учебой на химфаке МГУ и за становлением его идейных взглядов (172).

По окончании университета в 1941 году Жданов-младший как свободно владеющий немецким языком работал в немецком отделе (Отделе по пропаганде среди войск противника) Главного Политуправления Красной Армии. По окончании войны он стал специализироваться по философии науки под руководством Б.М.Кедрова, защитил кандидатскую диссертацию. В годы учебы в МГУ он проделал под руководством В.В.Сахарова небольшой практикум по генетике и убедился в правоте правил Менделя и тех материалистических выводов, которые словесно "опровергали" лысенкоисты. Он смог убедиться в том, что не красивые слова, а строгость и продуманность законов отличают учение генетиков от "мичуринских" построений. Осмеивавшиеся "пресловутые законы Менделя" (фраза Мичурина, повторявшаяся лысенкоистами) неизменно воспроизводились в опытах, вопреки хуле лысенковцев. В то же время Ю.А.Жданову картина противостояния мичуринцев и биологов не казалась черно-белой. Он признавал много лет спустя (173), что в

пору своего назначения в аппарат ЦК партии видел и положительные стороны в деяниях сторонников Лысенко. Для формирования его взглядов важным стало то, что в обширной библиотеке отца оказалось много книг по биологии, в том числе книги Н.И.Вавилова. Юрий с молодости пристрастился к чтению, музыке, искусству. Тянуло молодого Жданова и к публицистике, так, в 1945 и 1947 году он опубликовал две статьи в журнале "Октябрь". Последнюю из них, как Жданов узнал много позже от Кагановича, рекомендовал к печати лично Сталин. Именно Сталин предложил молодому химику возглавить сначала сектор, а затем и отдел науки
в аппарате ЦК партии. Хотя отец не одобрял такого пути для своего сына, сталинское желание перевесило, и в декабре 1947 года Ю.А.Жданов приступил к работе в аппарате ЦК.

Достоверно известно, что с конца 1947 года и весной 1948 года Отдел науки стал открыто собирать данные, компрометирующие Лысенко. Многие генетики лично посетили (и были приняты!) этот Отдел в сером мрачном здании на Старой площади, неподалеку от Политехнического музея (174). Жданов перечисляет имена нескольких генетиков, с которыми он переговорил в бытность свою заведующим Отделом науки ЦК ВКП(б). Многие оставили в Отделе свои докладные записки, справки о различных сторонах деятельности Лысенко и его группы. Юрий Андреевич, впрочем, указал на то, что часто он встречался и с сотрудниками Лысенко -- Столетовым и Глущенко, "общение с которыми было спокойным и деловым" (175).

Уникальное положение Ю.А.Жданова давало последнему возможность вести относительно независимую политическую линию, хорошо разобраться во многих научных вопросах, включая, вопросы биологии, генетики и биологической химии.

С другой стороны, и Жданов-старший относился к Лысенко с прохладцей, поскольку во многих своих речах с 1946 по 1948 годы, когда он как секретарь ЦК ВКП(б) громил деятелей культуры и науки в СССР, он ни разу не коснулся такой, казалось бы, благодатной темы, как роль выходца из трудового народа Лысенко в укреплении марксистско-ленинских позиций в биологии. Разбор предположений о неуважительном отношении А.А.Жданова к Лысенко в эти годы содержится в книге Л.Грэма "Наука и философия в Советском Союзе" (176), и надо сказать, что аргументация автора представляется мне более логичной, чем высказывания тех западных исследователей, которые склонны видеть в А.А.Жданове одного из покровителей Лысенко, хотя бы потому, что приемы того и другого имели много общего (177). Об отрицательном отношении Жданова-старшего к Лысенко говорил также И.А.Рапопорт, упоминавший, что Жданов рекомендовал Г.Ф.Александрову детально переговорить с Рапопортом и другими сотрудниками кольцовского института по поводу состояния исследований в генетике и затем информировать Жданова об этих беседах.

В то же время не подлежит сомнению, что симпатии Сталина к Лысенко вполне соответствовали политическим идеалам вождя и оставались неизменными почти до конца жизни Сталина.

Вникнув в аргументы обеих сторон, Ю.А.Жданов попытался помочь ученым. 12 февраля 1948 года он послал А.А.Жданову материалы, подготовленные академиком И.И.Шмальгаузеном21 , в которых суммировал ошибки Лысенко в его утверждениях о неверности взглядов Дарвина на процесс внутривидовой борьбы и эволюции. К этому он присовокупил свою записку (178). Через две недели (24 февраля 1948 года) он направил уже непосредственно Сталину (копии А.А.Жданову и Г.М.Маленкову) докладную записку "О тетраплоидном кок-сагызе" (179). Этот вопрос тогда был важным для оборонной промышленности, так как добываемое из каучуконосных растений кок-сагыза и тау-сагыза сырье использовали для получения резины. Промышленность, включая военную, напрямую

зависела от источников сырья для выработки резин. Генетики, используя методы воздействия на хромосомы, добивались получения растений, в клетках тела которых число хромосом было удвоено по сравнению с произрастающими в обычных условиях растениями. Такие тетраплоиды (вместо обычных диплоидов) давали больше каучука, отсюда интерес большевистских властей к этому вопросу был очевидным. Лысенко же нацело отрицал роль упражнений с хромосомами, обзывал тетраплоиды уродцами и тем объективно вредил своей стране. Жданов-младший нашел силы, чтобы прямо об этом сказать:

"Вся история тетраплоидного кок-сагыза является ярким примером того, как полезное дело... всячески тормозится "руководством", находящимся под влиянием неверных установок Т.Д.Лысенко.

Работники системы Министерства резиновой промышленности были или запуганы, или старались всячески угодить господствующему направлению, в силу чего положительные данные о тетраплоидном кок-сагызе "засекречивались" и замалчивались... Наконец, в 1947 году, когда был впервые получен крупный урожай семян (2 тонны) главному агроному... Главрасткаучука прямо было заявлено академиком Т.Д.Лысенко, "Чтобы тетраплоида не было ни в совхозах, ни в колхозах"" (180).

Одной из форм оповещения партийных функционеров на местах о внутрипартийных изменениях служили так называемые партактивы и семинары лекторов обкомов и крайкомов партии. Как правило, к таким семинарам готовили ограниченное число текстов докладов (нередко в тезисной форме), чтобы, разъехавшись по местам, лекторы могли использовать нужные цитаты в качестве руководства к действию.

Именно такой семинар состоялся в Москве в Политехническом музее 10 апреля 1948 года. С лекцией о состоянии дел в биологии выступил Ю.А.Жданов, который фактически посвятил свое выступление критике Лысенко: монополизации им своего направления, постоянным голословным обещаниям огромных практических успехов и антинаучной позиции в ряде вопросов теории. Это событие одновременно представляется и чем-то исключительным и достаточно закономерным. Предыстория сбора материалов, характеризующих реальную картину научной несостоятельности Лысенко, показывает, что Ю.А.Жданов был хорошо подготовлен к выступлению. Но вряд ли дело ограничивалось собственными смелыми взглядами молодого Жданова. Смелость ему могла придать позиция отца, относившегося к Лысенко, как вспоминал Юрий Андреевич в разговоре со мной в 1987 году,"более чем скептически". В 1993 году он утверждал, что его отец "после мимолетних встреч с ним [Лысенко] говорил о низкой внутренней культуре Лысенко" (178)22 . Молодой партаппаратчик мог опираться также на высказанное ему с глазу на глаз лично Сталиным недовольство научной ограниченностью Лысенко. Жданов вспоминал, что во время одной из бесед со Сталиным лидер партии так отозвался о Лысенко:

"Лысенко -- эмпирик, он плохо ладит с теорией. В этом его слабая сторона. Я ему говорю: какой Вы организатор, если Вы, будучи президентом Сельскохозяйственной академии, не можете организовать за собой большинство" (182).

Правда, в том же месте Ю.А.Жданов приводит резкие и совершенно несправедливые высказывания Сталина по адресу ученых, которых он открыто третировал и даже рассматривал как людей подлых, "купленных":

"Большая часть представителей биологической науки против Лысенко. Они поддерживают те течения, которые модны на Западе. Это пережиток того положения, когда русские ученые, считая себя учениками европейской науки, полагали, что надо слепо следовать западной

науке и раболепно относились к каждому слову с Запада.

Морганисты-мендельянцы это купленные люди. Они сознательно поддерживают своей наукой теологию" (183)

В своей лекции Жданов, конечно, использовал ставшие привычными штампованные фразы о положительном значении новаторской идеи Лысенко относительно яровизации, упомянул -- и не раз -- "что он [Лысенко] дал очень много нового нашей биологической науке, нашей стране" (184). Но не эти слова заостряли на себе внимание слушателей, а прозвучавшие негативные суждения. Начав свою лекцию с обсуждения проблем дарвинизма, Жданов не согласился с новизной взглядов Лысенко, отрицательно охарактеризовал роль и позицию "Литературной газеты" и тех философов, которые "вмешавшись в спор [биологов], не только не способствовали его разрешению, но еще больше запутали вопрос" (несколько раз он упомянул в этой связи имя Митина). Затем Жданов характеризовал работу Лысенко следующим образом:

"...Трофим Денисович в значительной мере борется с тенями прошлого.

Концепция Лысенко в значительной мере отражает первую стадию познания, стадию созерцания в целом растительных и животных организмов...

...колхицин был встречен в штыки школой академика Лысенко. Говоря об ученых, работающих с колхицином, он писал: "Действием на растения сильнейшего яда -- колхицина, равно.../как/ и другими мучительными воздействиями на растения, они уродуют эти растения. Клетки перестают нормально делиться, получается нечто вроде раковой опухоли"...

Итак, "сильнейший яд", "раковая опухоль", "уродство", "мучительное воздействие", "ненормальное развитие" -- букет эпитетов, отнюдь не подходящих для того, чтобы поддержать новое дело. Странно слышать, когда новаторы говорят о том, что возникшая новая форма растения является ненормальной. А я вам скажу: плевать нам на то, что нормальная она или ненормальная; главное, чтобы плодов было больше, урожай был выше! (Аплодисменты).

...в 1935 году Трофим Денисович Лысенко, исходя из своей ограниченной концепции, несомненно задержал внедрение у нас новой кукурузы. Я считаю, что здесь мы видим как теоретическая ограниченность перерастает во вполне материальный ущерб, и мы вынуждены смотреть критически на ту или иную оценку какого-либо нового дела, которая исходит из школы Лысенко" (185).

Жданов назвал "нежелательными сенсациями", которые лишь вредят делу,

"...обещание Т.Д.Лысенко буквально "выискать" новые сорта растений за 2--3 года. Таково /же/ данное до войны обещание вывести за 2--3 года морозостойкую озимую пшеницу для Сибири, которая ничем не отличалась бы по стабильности от местных растительных форм" (186).

Заканчивая лекцию, выступавший отметил, что

"попытка подавить другие направления, опорочить ученых, работающих другими методами, ничего общего с новаторством не имеет" (187),

а затем сказал:

"Необходимо ликвидировать попытки установления монополии на том или ином участке науки, ибо всякая монополия ведет к застою.

...Трофим Денисович сделал многое, и мы ему скажем: Трофим Денисович, вы много еще и не сделали, больше того, вы закрыли глаза на целый ряд форм и методов преобразования природы" (188).

Вместе с тем Жданов не был ни в коем случае безусловным защитником генетиков и генетики. Он говорил о материалистичности основных выводов генетиков, критиковал "школу Лысенко" за то, что она

"недооценивает значение анализа, недооценивает работы по изучению химических, физических, биохимических процессов, по кропотливому изучению клеточных структур" (189),

упомянул "дискретность наследственности, современную теорию организаторов и генов", но вместе с тем утверждал:

"Когда некоторые ученые говорят, что есть наследственное вещество -- это чепуха" (190).

Он осудил также генетиков за то, что те

"слишком увлеклись дрозофилой... что дрозофила отвлекает их от важнейших практических объектов..." (101).

Аналогично тому, как Лысенко (и Сталин!) делал акцент на абсолютности идеи переделки природы, Жданов говорил:

"Нам, коммунистам, ближе по духу учение, которое утверждает возможность переделки, перестройки органического мира, а не ждет внезапных, непонятных, случайных изменений загадочной наследственной плазмы. Именно эту сторону в учении неоламаркистов подчеркнул и оценил тов. Сталин в работе "Анархизм или социализм?"" (192).

Сильнейшей стороной лекции было то, что начальник Отдела науки ЦК ВКП(б) восстал против краеугольного положения тех лет, принимавшегося в качестве аксиомы, -- о переносе спора Лысенко с генетиками в сферу политической борьбы, о разделении спорящих на сторонников буржуазного и социалистического мировоззрения. Это была одновременно и смелая (для партийного работника) и принципиальная (в идеологических условиях тех лет) позиция.

"Неверно, -- сказал Жданов, -- будто у нас идет борьба между двумя биологическими школами, из которых одна представляет точку зрения советского, а другая -- буржуазного дарвинизма. Я думаю, следует отвергнуть такое противопоставление, так как спор идет между научными школами внутри советской биологической науки, и ни одну из спорящих школ нельзя называть буржуазной" (193).

Докладчик не делал секрета из содержания своей будущей лекции, и слухи о ней докатились до ушей "колхозного академика". Лысенко решил послушать лекцию, но сделал это необычным путем. Он оказался в кабинете своего дружка М.Б.Митина, исполнявшего обязанности заместителя председателя Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Кабинет Митина находился в здании Политехнического

музея рядом с Большим залом лектория, и в него был проведен динамик, благодаря чему можно было, не ставя никого в известность, подслушать всё, о чем говорилось в зале.

Уже сам этот тайный маневр говорил о многом. Раньше Лысенко не прибегал ни к каким уловкам и открыто вступал в борьбу, но сейчас положение стало, по-видимому, настолько плохим, что ни предотвратить это выступление путем закулисных переговоров, ни, на худой конец, помешать Жданову в ходе лекции как Лысенко, так и его дружки не могли. Можно себе представить, какое сильное впечатление на зал и докладчика могло бы произвести внезапное появление в зале Лысенко, которого вся страна знала в лицо.

Но этого не произошло. Лысенко сидел, отгороженный от зала всего лишь небольшим коридором и вслушивался в голос партийного лидера, впервые за много лет говорившего о его, Лысенко, роковых ошибках. Было что-то трагическое во всей этой сцене. Чем-то унизительным веяло от одного только вида худой, слегка ссутулившейся фигуры пятидесятилетнего Президента Академии сельхознаук, самого известного в стране ученого, вынужденного за плотно затворенной дверью внимать голосу молодого Жданова, беспощадно сбрасывавшего его с пьедестала еще при жизни. Он не нашел в себе сил встать из-за чужого стола и, сделав десяток шагов, войти в аудиторию, чтобы хоть что-то возразить Юрию Жданову. Ему не хватило мужества и для того, чтобы скрестить шпаги с влиятельным критиком сразу после лекции. Они разъехались, не показавшись друг другу на глаза, и виновником умолчания, этой игры в прятки, был не Юрий Жданов, а Трофим Лысенко, трусливо отсидевший всю лекцию в одиночку в соседнем с залом кабинете.

Примечания и комментарии

к главе XII

1 См. Л.Мартынов. Первородство. Изд. "Молодая гвардия", 1965, стр. 42.

2 Евгений Шварц. Дракон. В кн.: Клад, Снежная королева, Тень, Дракон и др. пьесы. Изд. "Советский писатель", М. -- Л., 1962, стр. 386-387.

3 См. журнал "Вестник Академии наук СССР", 1965, 11.

4 Там же, стр. 5.

5 Там же, стр. 6.

6 Т.Д.Лысенко. О некоторых основных задачах сельскохозяйственной науки. Переработанная

стенограмма отчетного доклада на общем собрании академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР в Свердловске 6 мая 1942 года. Цитиров. по книге: Т.Д.Лысенко "Агробиология", 1952, 6 изд., М., Сельхозгиз, стр. 405.

7 Там же, стр. 413.

Полемизируя с высказываниями неназываемых им оппонентов, Лысенко продолжал:

"Я хорошо знаю, что некоторым товарищам казалось и кажется, что работы, изложенные мною в докладе, не являются научными. Им кажется, что в них нет агробиологической теории. Ведь эти работы понятны, сведены до простого действия; только поэтому, на мой взгляд, этим товарищам и кажется, что в основе наших работ нет теории".

8 См.: Т.Д. Лысенко. Над чем будет работать Всесоюзный селекционно-генетический институт в 1939 году. Журнал "Яровизация", 1938, 6, стр. 21-26; его же: Пути выведения зимостойких сортов озимых на Востоке. Там же, 1939, 3, стр. 1-526.

9 Т.Д. Лысенко. Ближайшие задачи советской сельскохозяйственной науки. 1943, ОГИЗ-Сельхозгиз; его же: В чем сущность нашего предложения о посеве в степи Сибири озимых по стерне? Журнал "Совхозное производство", 1944, 4, стр. 16-23. Эта же статья была напечатана отдельным изданием в Омске. Омскгиз, 1944, 27 страниц.

10 Редакционная статья "О принципиальности в научной работе". Журнал "Партийная жизнь", 1956, 9, стр. 27-35.

11 Т.Д.Лысенко. Естественный отбор и внутривидовая конкуренция. Лекция, прочитанная 5 ноября 1945 года на курсах повышения квалификации работников Госселекстанций Наркомзема СССР. Цитиров. по книге Лысенко Агробиология, 1952, 6 изд., М., Сельхозгиз, стр. 492.

12 Там же, стр. 489.

13 Там же, стр. 498.

14 И.В.Сталин. Сочинения, Госполитиздат, М., 1949, т. 12, стр. 83.

15 См. прим. /11/, стр. 496.

16 Т.Д.Лысенко. Естественный отбор и внутривидовая конкуренция. Газета "Социалистическое земледелие", 1946, 3, 4, 5, 6 и 7.

17 П.М. Жуковский. Дарвинизм в кривом зеркале. Журнал "Селекция и семеноводство", 1946, 1/2, стр. 71-79.

18 Только в 1946 году статью опубликовали во втором номере журнала "Агробиология", в первом номере журнала "Совхозное производство", в следующем году она вышла в "Трудах Института генетики АН СССР", вып. 14, затем она была вставлена в очередное издание сводного тома работ Лысенко "Агробиология" и была воспроизведена без каких-либо поправок во всех последующих изданиях этого тома.

19 Т.Д. Лысенко. Не в свои сани не садись (ответ проф. П.М.Жуковскому на рецензию "Дарвинизм в кривом зеркале"). Газета "Правда", 23 июня 1946 г., 152 (10234), стр. 5; см. также его статью "О "кривом" зеркале и некоторых антидарвинистах", журнал "Агробиоло-

гия", 1946, 3, стр. 151-153.

20 Там же.

20а В кн.: Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Документы. Изд. Международного Фонда "Демократия", Гуверовского института войны, революции и мира и Стэнфордского университета. М. 1998, стр. 492.

21 Академик Т.Лысенко, президент Всесоюзной академии с.-х. наук им. В.И.Ленина. Сель-

скохозяйственная наука в борьбе за выполнение сталинской программы. Газета "Известия", 6 марта 1946 г., 56 (8972), стр. 2. В сноске к статье сообщалось: "Из доклада на открытом партийном собрании ВАСХНИЛ".

22 Там же.

23 Г.Ф.Александров. Философские предшественники Маркса, М., 1939; его же Аристотель, М., 1940; его же, Формирование философских взглядов Маркса и Энгельса, М. 1940.

24 Письмо родителей академика Лысенко товарищу Сталину. Газета "Правда", 1936, см. прим. /106/ к главе VI .

25 Журнал "СССР на стройке", 1941, 3.

26 Личное сообщение профессора В.П.Эфроимсона, жившего много лет в Харькове.

27 Личное сообщение доктора биологических наук А. Караванова, 1992 год.

28 R.C.Cook. Lysenko's Brother Escapes in the U.S. J. Heredity, 40, pp. 78-79, March, 1949.

29 См. прим. (148) к гл. VII.

30 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 366, л. 9-10, письмо приведено полностью в публикации В.Д.Есакова и Е.С.Левиной "Из истории борьбы с лысенковщиной" в журнале "Известия ЦК КПСС", 4, 1991, стр. 126-129.

31 Текст выступления Данна был перепечатан в журнале "Science", см L.C.Dunn. Science in the U.S.S.R. Soviet Biology, v 99, No. 2561, January 28, 1944, pp. 6-567.

32 Karl Sax, Soviet Biology. Science, v. 99, No. 2572, April 14, 1944, pp. 298-299.

33 Там же, стр. 299.

34 См. прим. (30), стр. 127.

35 Там же, стр. 129.

36 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 360, л. 5.

37 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 380, л. 5.

38 Личное сообщение Эдуарда Антоновича Жебрака, 1976 год.

39 РЦХИДНИ, фонд 17, оп.125, ед. хр. 54, л. 103.

40 A.R.Zhebrak. Soviet Biology. Science, v. 102, No. 2649, October 5, 1945, p. 357-359.

41 Там же, стр. 358.

42 Там же.

43 Там же.

44 Там же, стр. 359.

45 K.Sax. Soviet Biology. Science, v. 102, Deecember 21, 1945, p. 649.

46 R.C.Cook. Walpurgia Week in the Soviet Union. The Scientific Monthly, v. 68, June, 1949, pp.

367-372; R.C.Cook. Lysenko's Marxist Genetics: Sceince or Religion. J. Heredity, v.40, July, 1949, pp. 169-202; Th. Dobzhansky. The Suppression of Science. Bull. Atomic Sci., v. 5, May. 1949, pp. 144-146; . H.J.Muller. The Destruction of Science in the U.S.S.R. Sat. Rev. Lit., v. 31, December 4, 1948, pp. 13-15 and 63-65; H.J.Muller. Back to Barbarism -- Scientifically. Sat. Rev. Lit., v. 31, December 11, 1948, pp. 8-10; H.J.Muller. The Russian Counterrevolution against Biological Science (A Review of Conway Zirkle's "The Death of Science in Russia"), New York Herald Tribune, December 11, 1949.

47 Сведения приведены В.Д.Есаковым и Е.С.Левиной в публикации материалов "Из истории борьбы с лысенковщиной", журнал "Известия ЦК КПСС", 4, 1991, стр; 130-131.

48 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 359, лл. 11-5119.

49 Там же.

50 Информационное сообщение "В Совете Министров СССР. О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки за 1945 год". Газета "Правда".
27 июня 1946 г., 151 (10233), стр. 1.

51 В заметке "Информационное сообщение о заседании Совета Союза 12 марта 1946 года"

было сказано:

"Председателем Совета Союза единогласно избран депутат Жданов Андрей Александрович, заместителями председателя избраны депутат Лысенко Трофим Денисович и депутат Ундасынов Нуртас Дандыбаевич".

Газета "Известия", 13 марта 1946 г., 62 (8978), стр. 1.

52 20 марта 1946 года в газете "Известия" был приведен снимок с такой подписью:"Совместное

заседание Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР 19 марта 1946 г. На снимке:.. А.А.Жданов, Н.А.Вознесенский, Т.Д.Лысенко, Н.Д.Ундасынов, И.В.Сталин... На трибуне: Н.С.Хрущев вносит предложение об утверждении представленного товарищем И.В.Сталиным состава Совета Министров СССР".

53 И. Бенедиктов, министр земледелия СССР. За высокую культуру советского земледелия. Газета "Известия", 27 марта 1946 г., 74 (8990), стр. 2.

54 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 116, д. 284, л. 38.

55 Там же.

56 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 117, д. 733, лл. -510; см. также журнал "Известия ЦК КПСС", 4,

1991, стр. 137-140.

57 В. Глаголев. Из поколения большевиков. К 90-летию со дня рождения А.А. Жданова. Газета "Правда", 24 февраля 1986 г., 55 (24677), стр. 8.

58 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 449, л. 48-49.

59 Н.П.Дубинин. Вечное движение. Политиздат, М., 1973, стр. 267-268.

60 Журнал "Вестник АН СССР", 1948, 9, стр. 89-90, 183, 184 и др.

61 Е.Л.Фейнберг, Эпоха и личность. Физики. Очерки и воспоминания, М. Изд. "Наука", 1999, стр. 160-164.

62 С. И. Вавилов. Выступление на расширенном заседании Президиума АН СССР. Журнал "Вестник АН СССР", 1948, 9, стр. 26.

63 Сборник "Академия Наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б), ВКП(б) и КПСС. 1922-195"2. М. Изд. РОССПЭН, 2000, стр. 351.

64 См прим. (60), а также выступление Г.К.Хрущова на этом же заседании, стр. 89-90.

65 Там же.

66 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 547, лл., 113-115.

67 Там же, л. 113.

68 Там же, л. 115.

69 Там же, л. 116-117.

70 Там же, л. 118-119.

71 Там же, лл. 120-121.

72 Там же, л.122.

73 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 547, лл. 124-125.

74 Там же, л. 123.

75 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 547, лл. 126-127.

76 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 547, лл. 126.

77 Там же.

78 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 547, лл. 128-131.

79 Письмо Суворова опубликовано в журнале "Известия ЦК КПСС", 4, 1991, стр. 134.

80 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 547, л. 131, выдержки из документа приведены также в журнале "Известия ЦК КПСС", 4, 1991, стр. 137.

81 ЦПА ИМЛ ф. 17, оп. 125, д. 548, л. 104.

82 Журнал "Известия ЦК КПСС", 4, 1991, стр. 138.

83 Там же, стр. 140.

84 Там же.

85 РРЦХИДНИ, ф. 17, оп. 116, ед. хр. 303, л. 122а Этот документ воспроизведен в журнале "Известиях ЦК КПСС", 4, стр. 140-141.

86 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 450, лл. 1-12.

87 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 450, лл. 2-12.

88 Там же, л. 3-6.

89 К.Симонов. Глазами человека моего поколения. О И.В.Сталине. М. Изд. "Правда", 1990, стр. 126-132.

90 Н.Г.Клюева и Г.И.Роскин "Биотерапия злокачественных опухолей", Изд. АМН СССР, М. 1946.

91 См. прим. (89), стр. 126.

92 N.P.Dubinin. Work of Soviet Biologists: Theoretical Genetics. Science, v. 105, No. 2718, January 31, 1947, pp. 109-112.

93 Письмо Жебрака Маленкову, Журнал "История ЦК КПСС", 1991, 4, стр. 126-129, цитата взята со стр. 127.

94 И.Презент. Дарвинистически-мичуринская биология и и зарубежный морганизм. Журнал "Агробиология", -56, 1946.

95 Проф. И. Презент, доктор биологических наук. Борьба идеологий в биологической науке. Газета "Ленинградская правда", 6 марта 1947 г., 54 (9700), стр. 2.

96 Там же.

97 Там же.

98 Там же.

99 Материалы, относящиеся к переписке редакции с Жебраком и Презентом, хранятся в Центральном Архиве Общественного Движения Москвы, ф. 379, оп. 4, д. 4, л. 85.

100 См. прим. (89), стр. 131-132.

101 Дискуссия в редакции журнала "Под знаменем марксизма" описана в главе X, см. прим.

(165) к этой главе.

102 А.Твардовский, А.Сурков и Г.Фиш. На суд общественности. "Литературная газет"", 30 августа 1947 года, 36, стр. 2.

103 Там же.

104 И.Д. Лаптев. Антипатриотический поступок под флагом "научной" критики. Газета "Прав да", 2 сентября 1947 г., 230 (10621), стр. 2.

105 Там же.

106 Там же.

107 См. её письмо в подборке материалов под заголовком "Из истории борьбы с лысенковщи ной", журнал "Известия ЦК КПСС", 6, 1991, стр. 159-153.

108 Там же стр. 160.

109 Там же, стр. 162.

110 Там же, стр. 167-168.

111 Там же, стр. 163-164.

112 Там же, стр. 164-165.

113 Там же, стр. 166.

114 Там же, стр. 168-172.

114а А.С.Сонин; "Дело" Жебрака и Дубинина. Журнал "Вопросы истории естествознания и техники", вып. 1, 2000, стр. 34-68.

115 Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 28 марта 1947 года 758 "О судах чести в Министерствах СССР и центральных ведомствах".

116 Цитировано по имеющейся у меня копии решения суда, стр. 1.

117 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 549, этому делу в архиве отведено два тома.

118 Ю.Н.Вавилов. Обмен письмами между Т.Д.Лысенко и И.В.Сталиным в октябре 1947 года, журнал "Вестник истории естествознания и техники", 2, 1998, стр. 153-157.

119 Там же, стр. 158.

120 Там же, стр. 159.

121 Там же, стр. 164.

122 Там же, стр. 146.

123 Там же, стр. 165.

124 Там же.

125 Т.Д.Лысенко. Почему буржуазная наука восстает против работ советских ученых? "Литературная газета", 18 октября 1947 г., 47 (2362), стр. 4 (перепечатана в книге Т.Д.Лысенко "Агробиология", М., Сельхозгиз, 1952, 6 изд., стр. 544-545).

126 Там же.

127 Там же.

128 Там же.

129 Там же.

130 "Научные дискуссии". "Литературная газета", 29 ноября 1947 г., 59 (2374), стр. 4.

131 Профессора Московского государственного университета академик А. (опечатка, должно быть И.) Шмальгаузен, А.Формозов, А.Сабинин, декан биологического факультета С.Юдинцев. Наши возражения академику Т.Д.Лысенко. Там же. Авторы писали:

"Он жестоко ошибается, считая, что признание внутривидовой борьбы относится только к отдельным ученым. Тысячи квалифицированных ученых, работающих в Академиях, университетах, сельскохозяйственных вузах, опытных станциях, никогда не отказывались и не откажутся от этого важнейшего раздела великого учения Дарвина. Тем более не прав академик Лысенко, считая это буржуазным пережитком.

...Еще 70 лет назад с такой же идеей [отрицания внутривидовой борьбы -- В.С.] выступил петербургский профессор Кесслер (1880) и несколько позже известный анархист Кропоткин, выпустивший монографию "Взаимная помощь как фактор эволюции"".

132 Член-корреспондент АН СССР А.А. Авакян, доктор биол. наук Д. Долгушин, профессор Н.Беленький, лауреат Сталинской премии И. Глущенко, Ф. Дворянкин. За дарвинизм творческий, против мальтузианства. Там же.

133 Там же.

134 Там же.

135 Б.Завадовский, действительный член Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина. Под флагом "новаторства". "Литературная газета", 10 декабря 1947 г., 62 (2377), стр. 4. Б.М.Завадовский писал:

"Мы обязаны довести до сведения широкой советской общественности, что существует третья, единственно правильная позиция - та генеральная линия ортодоксального дарвинизма, которая разоблачает ошибки как наивного ламаркизма, так и ошибки неодарвинистов".

136 В.Столетов. За науку, связанную с жизнью. Там же.

137 Н. Турбин, проф. Ленинградского университета. Мое мнение о теоретических взглядах

академика Т.Д.Лысенко. Там же.

138 В "Литературной газете" от 27 декабря 1947 г., 67 (2382), стр. 4 было опубликовано несколько материалов:

-- подборка писем "Что говорят читатели", в которой сообщалось:

"В обсуждение включились не только биологи..., но и инженеры, врачи, офицеры советской армии, лесоводы, агрономы, учителя, студенты -- будущие биологи, физики, философы, металлурги...

Почти все авторы... отмечают положительность и целесообразность постановки Т.Д.Лысенко вопроса о факторах эволюции";

-- заметка "На кафедре философского факультета МГУ", в которой приводилась выписка из решения заседания кафедры:

"...признание же внутривидовой конкуренции основным фактором эволюции, как и вся формальная генетика, с которой это признание находится в непосредственной связи, представляет собой пережиток буржуазной идеологии в биологической науке";

-- статья академика М.Митина "За расцвет советской агробиологической науки", в которой утверждалось:

"Находятся некоторые консервативные деятели науки, которые цепляются за старые догмы... С глубоким негодованием и возмущением советские ученые отвергают злостную клевету на положение науки в СССР... Вот почему наша советская общественность так решительно осудила низкопоклонство перед зарубежной наукой, проявленное проф. А.Жебраком, выступившим в американском журнале "Сайенс" и фактически солидаризовавшимся с реакционными американскими "учеными" в оценке мичуринского направления в советской биологической науке и собиравшегося строить вместе с ними и им подобными "общую биологию мирового масштаба"";

-- и заметка "От редакции", в которой было сказано:

"Статья академика М.Митина "За расцвет советской агробиологической науки" выражает точку зрения редакции".

Такое заявление было особенно занятно, так как Марк Борисович Митин заведовал в редакции отделом науки и, таким образом, сам себя одобрял.

139 М.Б.Митин. За расцвет советской агробиологической науки. Там же.

139а РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 116, ед. хр. 368, л. 75.

139б Там же, стр. 5.

140 Некролог "Антон Романович Жебрак. 1901-1965". Журнал "Генетика", 1965, 1, стр. 132.

141 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, ед. хр. 547 , л. 260-261.

142 Там же. л. 177-184.

143 Там же, лл. 164-173.

144 Там же, лл. 151-152.

145 Там же, л. 198.

146 Там же, л. 203-204.

147 Там же, л. 206-207.

148 Там же, лл. 208-209.

149 Там же, л. 176.

150 Журнал "Вестник Академии наук СССР", 1948, 9, стр. 63.

151 Газета "Правда", 28 июля 1948 г., 210, стр. 2.

152 Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 63 от 30 августа 1948 года.

153 Личное сообщение А.Р.Жебрака, сделанное автору в 1984 году.

154 Н.В.Цицин. Моя попытка
использовать цитогенетику, журнал "Яровизация", 1, 1939, стр. 141-145.

155 Там же, стр. 141.

156 Там же, стр. 143.

157 Там же, стр. 144.

158 Там же.

159 Н.В.Цицин. К вопросу о ветвистых формах пшеницы. Под этим заголовком письмо Цици-

на Сталину опубликовано Л.Н.Андреевым в журнале "Вестник Российской Академии наук", т. 68, 12, 1998, стр. 1098-1108; цитата взята со стр. 1107-1108.

160 Там же, стр. 110-51108.

161 Там же, стр. 1107-1108.

162 Л.Н. Андреев. "Неизвестный документ академика Н.В.Цицина" Журнал "Вестник Рос-

сийской Академии наук, 1998, т. 68, 12, стр. 1096-1098.

163 Это высказывание Сталина, найденное в РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 138, д. 33, л. 2, приводит Андреев, см. прим. (162), стр. 1097, полностью фразы из данного выступления Сталина приведены в главе XIV.

164 Н.М.Никифоров. Окультуривание хлопчатника в Ташкентском районе. Ташкент, 1898; М. Бушуев. Наставление о возделывании хлопчатника. Главхлопок, 1926, стр. 3-536.

165 В.Я. Юрьев, академик ВАСХНИЛ. Из практики селекции и семеноводства зерновых культур. Газета "Сельское хозяйство", 5 августа 1954 г.

166 Т.Д. Лысенко. Выступление на сессии Академии наук Украинской ССР. Цитиров. по выступлению О.Н. Писаржевского в редакции альманаха "Наш современник", 1956, книга 3, стр. 1 44; см. также статью А.А. Авакяна в журнале "Агробиология", 1946, 1. О разгроме лысенкоистами учения о гормонах растений рассказано в статье Н.Г. Холодного, опубликованной после его смерти в "Ботаническом журнале", 1954, 3.

167 В.П.Эфроимсон. О Лысенко и лысенковщине, журнал "Вопросы истории естествознания и техники", 1989, 1-4.

167а Архив АН, ф. 534, оп. 1/47, д. 80, л. 1.

167б ААН, ф. 534, оп. 1/47, д. 82.

167в Там же, дело 83; приведены также К.О.Кременцовым в рукописи его статьи "Сталин как редактор Лысенко", стр. 16.

168 Ю.А.Жданов. Во мгле противоречий, Журнал "Вопросы философии", 7, 1993, стр. 6-582

169 Там же, стр. 69-71.

170 Там же, стр. 72-74.

171 Там же, стр. 74.

172 Там же.

173 L. Graham. Science and Philosophy in the Soviet Union. A.Knopf, New York, 1972, p. 443.

174 См, например, L.Shapiro. The Communist Party of the Soviet Union, New York, 1960, p. 508; Georg von Rausch. A History of Soviet Russia, New York, 1962, p. 403; Donald W.Troatgold. Twentieth Century Russia, Chicago, 1964, p. 452.

175 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 619, л. 21.

176 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 619, лл. 62-67.

177 Цитир. по публикации части данного документа В.Д.Есаковым, С.Ивановой и Е.С.Левиной в подборке документов "Из истории борьбы с лысенковщиной". Журнал "Известия ЦК КПСС", 7, 1991, стр. 110.

178 Цитировано по воспоминаниям Ю.А.Жданова, см. прим. (168), стр. 70.

179 Там же.

180 Там же.

181 Ю.А.Жданов. Спорные вопросы современного дарвинизма. Стенограмма лекции, прочитанной 10 апреля 1948 года на семинаре лекторов обкомов и горкомов ВКП(б) на 46 страницах. Отрывки из лекции цитированы по экземпляру стенограммы, любезно подаренной мне Ю.А.Ждановым в 1987 году.

182 Там же.

183 Там же.

184 Там же.

185 Там же.

186 Там же.

187 Там же.

188 Там же.

189 Там же.

190 Там же.

Г л а в а XIII

ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС ЗАПРЕЩАЕТ

ГЕНЕТИКУ В СССР

"Их было много, ехавших на встречу.

Опустим планы, сборы, переезд.

О личностях не может быть и речи.

На них поставим лучше крест."

Б.Пастернак. Из поэмы "Спекторский" (1).

"Понятно, что мы и не думали сворачивать с ленинского пути... Правда, нам пришлось при этом помять бока кое-кому из товарищей. Но с этим уж ничего не поделаешь. Должен признаться, что я тоже приложил руку к этому делу. (Бурные аплодисменты, возгласы "ура")."

Из речи Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года (2).

Письмо Лысенко Сталину в 1948 году

Мы подошли к решающему моменту в истории советской биологии. Научные идеи Лысенко к этому времени оказались полностью дискредитированными. Общепризнанным стало, что и практические предложения ничего не дали, наконец, в среде партийных руководителей вырос молодой лидер, не побоявшийся сказать в открытую о монополизме Лысенко и о вреде,

приносимом стране. Буквально через день после этого исторического события в Доме Ученых в Москве собрались биологи, которые с энтузиазмом обсудили лекцию Ю.А.Жданова. Можно было надеяться, что наконец-то, обанкротившийся во всех отношениях Лысенко будет убран с руководящих постов.

Сразу после лекции Жданова Лысенко решился на отчаянный шаг. Он написал письмо Сталину и Жданову-старшему, желая спасти свое пошатнувшееся положение ценой хотя бы и "отречения от престола" -- добровольного ухода с поста президента ВАСХНИЛ.

Занимаемый им тогда пост приравнивался к посту заместителя министра земледелия СССР, и, кроме того, у Лысенко было немало других почетных должностей. Удивительность его просьбы об отставке заключалась в том, что по собственной воле ни один высокопоставленный советский чиновник никогда бы не прибегнул к столь рискованному эксперименту над самим собой, так как было хорошо известно, что при вспыльчивости Сталина, умело им прячущейся под внешней невозмутимостью, и широко распространенной теории, что незаменимых людей нет, подобный шаг мог привести к гибели[5]. Доверили тебе работу, поручили пост -- сиди работай. Всякого рода выговоры сами по себе ничего не значат, а вот нервные жесты и попытки спекуляции на своей незаменимости и отказы от порученного тебе поста просто недопустимы. Партия поставила, партия и решит, когда тебя снимать или повышать, -- таким был непреложный закон для функционеров всех времен -- досталинских и послесталинских -- в СССР. И тем не менее, Лысенко надеялся на свое особое положение в иерархии власти и был полон решимости это правило нарушить. Для начала он послал письмо Сталину.

"ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

товарищу СТАЛИНУ Иосифу Виссарионовичу

СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б)

товарищу ЖДАНОВУ Андрею Александровичу

от академика Т.Д.Лысенко

Мне, как Президенту Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина и даже как научному работнику, стало очень тяжело работать. Поэтому я и решил обратиться к Вам за помощью. Создалось крайне ненормальное положение в агробиологической науке.

То, что в этой науке шла и идет борьба между старым метафизическим направлением и новым мичуринским -- это общеизвестно, и это я считаю нормальным.

В настоящее время по понятным причинам вейсманисты, неодарвинисты применили новый маневр. Они, буквально ничего не меняя в основах своей науки, объявили себя сторонниками Мичурина, а нам, разделяющим и развивающим мичуринское учение, приписывают, что мы, якобы, сужаем и извращаем мичуринское учение. Понятно также, почему весь натиск вейсманистов, неодарвинистов в основном направлен персонально против меня.

В этих условиях, мне, как руководителю Академии, работать крайне трудно.

Но все это было в известной мере нормальным и для меня понятным. Критерием истинности направлений и методов научной работы у нас является степень их помощи социалистической сельскохозяйственной практике. Это была основа, из которой я, как руководитель, черпал

научные силы для развития мичуринского учения и для все большей помощи практике. Это также являлось наилучшим способом борьбы с метафизическими установками в биологии.

Несмотря на отсутствие научной объективности и нередко прямую клевету, к которой прибегали противники мичуринского направления, мне, хотя и было трудно, но, опираясь на колхозно-совхозную практику, я находил в себе силы выдерживать их натиск и продолжать развивать работу в теории и практике.

Теперь же случилось то, в результате чего у меня действительно руки опустились.

Десятого апреля с. г. Начальник Отдела науки Управления пропаганды ЦК ВКП(б) тов. Юрий Андреевич Жданов сделал доклад на семинаре лекторов обкомов ВКП(б) на тему "Спорные вопросы современного дарвинизма".

На этом докладе докладчик лично от своего имени изложил наговоры на меня противников антимичуринцев.

Мне понятно, что эти наговоры антимичуринцев, исходя от докладчика -- Начальника Отдела науки Управления пропаганды ЦК ВКП(б), восприняты большой аудиторией лекторов обкомов ВКП(б) как истина. Отсюда неправда, исходящая от анти-мичуринцев неодарвинистов, приобретает в областях значительно большую действенность как среди научных работников, так и среди агрономов и руководителей сельскохозяйственной практики. Этим самым руководимым мною научным работникам будет сильно затруднена дорога в практику. Это и является для меня большим ударом, выдерживать который мне трудно.

Поэтому я и обращаюсь к Вам с очень большой для меня просьбой: если найдете нужным, оказать помощь в этом, как мне кажется, немалозначащем для нашей сельскохозяйственной и биологической науки деле.

Неправильным является утверждение, что я не выношу критики. Это настолько неправдоподобно, что я не буду на этом вопросе в данном случае подробно останавливаться. Любую свою работу в теории и практике я всегда сам подставлял под критику, из нее я научился извлекать пользу для дела, для науки. Вся моя научная жизнь проходила под контролем критики, и это хорошо.

Докладчик меня ни разу не вызывал и лично со мной никогда не разговаривал, хотя в своем докладе всю критику в основном направил против меня. Мне было отказано в билете на доклад, и я его внимательно прослушал не в аудитории, а в другой комнате, у репродуктора, в кабинете т. Митина, заместителя председателя Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

В чем сущность доклада в моем понимании, можно судить хотя бы по моим, весьма отрывочным, записям из заключительной части доклада. Часть этих записей отдельно прилагаю.

Меня неоднократно обвиняли в том, что я в интересах разделяемого мною мичуринского направления в науке, административно зажимаю другое, противоположное направление. На самом же деле это по независящим от меня причинам, к сожалению, далеко не так. Зажатым оказывается то направление, которое я разделяю, то-есть мичуринское (3б).

Думаю,

что не будет преувеличением, если скажу, что лично я, как научный работник, но не как президент академии сельскохозяйственных наук, своей научной и практической работой немало способствовал росту и развитию мичуринского учения.

Основная беда и трудность моей работы как президента заключалась в том, что мне предъявляли, по моему глубокому убеждению, неправильные требования -- обеспечить развитие разных направлений в науке (речь идет не о разных разделах в науке, а именно о разных направлениях).

Для меня это требование невыполнимо. Но и зажимать противоположное направление я не мог, во-первых, потому что административными мерами эти вопросы в науке не решаются, и, во-вторых, защита неодарвинизма настолько большая, что я и не мог этого делать.

Фактически я был не президентом академии сельскохозяйственных наук, а защитником и руководителем только мичуринского направления, которое в высших научных кругах пока что в полном меньшинстве.

Трудность была и в том, что мне, как президенту Академии, приходилось научную и практическую работу представителей мичуринского направления (явного меньшинства в академии) выдавать за работу всей Академии. Антимичуринцы же не столько занимались творческой работой, сколько схоластической критикой и наговорами.

Я могу способствовать развитию самых разнообразных разделов сельскохозяйственной науки, но лишь мичуринского направления, направления, которое признает изменение живой природы от условий жизни, признает наследование приобретенных признаков.

Я давно воспринял, разделяю и развиваю учение Вильямса о земледелии, о развитии почвы и учение Мичурина о развитии организмов. Оба эти учения одного направления.

Я был бы рад, если бы Вы нашли возможным предоставить мне возможность работать только на этом поприще. Здесь я чувствую свою силу и смог бы принести пользу нашей советской науке, Министерству сельского хозяйства, нашей колхозно-совхозной практике в разных разделах ее деятельности.

Простите за нескладность письма. Это во многом объясняется моим теперешним состоянием.

ПРИЛОЖЕНИЕ: упомянутое

Президент

Всесоюзной академии с. х. наук

имени В.И.Ленина -- академик

Т.Д.Лысенко

17/IV - 1948 г.

--

Л-1/414 17/IV. 1948 г. " (4)

Это письмо, без сомнения, было шедевром. Лысенко мог быть разным в жизни -- веселым с друзьями, беспощадным и саркастичным с врагами, заискивающим оптимистом-бодрячком с вождями. Но сейчас наступил особый час, все прежние маски не годились, их надо было отбросить, и он нашел единственно верный тон: приниженный, извиняющийся, даже какой-то блеклый по форме и несгибаемо жесткий по содержанию. Он почувствовал надвигающуюся катастрофу и находил единственно верные слова.

С пониманием именно сталинской лексики (см. раздел этой главы "Был ли Сталин предрасположен к лысенкоизму?") он называл генетиков "неодарвинистами". Он жаловался на то, что ему предъявляли неправильное (он подчеркивает: "по моему глубокому убеждению") требование -- "обеспечить развитие разных направлений в науке", то есть взывал к исконным чувствам вождей, всю жизнь специализирующихся на искоренении всех линий и направлений, кроме их собственного.

Он силился представить себя несчастным ягненком-теоретиком, на которого точат клыки реакционные волки-генетики, и талантливо развивал миф, что эти же волки ответственны за трудности продвижения его предначертаний в практику. Немногословно он свел критику младшего Жданова к его излишней доверчивости. Дескать, по молодости тот доверился старым волкам, вот они и наговорили. Минимальное количество слов, потраченных на главного обидчика, в сочетании с самоуничижением были метко рассчитаны на то, чтобы, показав свою покорность и готовность к беспрекословному выполнению любых приказов, получить "карт-бланш" на расправу с потенциальными и явными врагами, сумевшими даже Жданову наговорить много неправды.

Пассажи, в коих он жаловался, с одной стороны, на то, что его "неоднократно обвиняли... в административном зажиме другого, противоположного направления", а, с другой стороны, на то, что "это, по независящим от /него/ причинам, к сожалению, далеко не так", были многозначительными. Мысль -- что ему до сих пор не дали устроить погром в биологии, выступала в письме на первый план. И тут же он намекал на тех, кто всё еще продолжал мутить воду в ВАСХНИЛ. Упоминая, что его сторонники до сих пор "в явном меньшинстве", он призывал помочь именно в этом вопросе -- убрать тех, кто не с ним.

Лысенко не без оснований рассчитывал, что придется Сталину по вкусу и последняя сентенция его письма:

"Я могу способствовать развитию самых разнообразных разделов сельскохозяйственной науки, но лишь мичуринского направления... Я был бы рад, если бы Вы нашли возможным представить мне возможность работать только на этом поприще".

Приписка с извинениями за "нескладность письма" и ссылка на любому человеку понятную причину -- расстроенные чувства -- была, возможно, излишней. Вряд ли можно было более рельефно изложить приниженными фразами клокочущую страсть и буйное желание остаться среди любимцев Сталина.

Свидетельством его смелости стало то, что к письму он приложил краткий перечень из семи пунктов критики его Ждановым. Если бы Сталин поверил не ему, а Жданову, то за эти семь пунктов можно было и головы не сносить. Но его не испугала перспектива быть поставленным к стенке. Смел и решителен был он в этот день. Наверное знал доподлинно, что голову на плаху не кладет.

"Приложение к письму академика Т.Д.Лысенко

ЧАСТЬ МОИХ ОТРЫВОЧНЫХ ЗАПИСЕЙ

из заключительной части доклада

"СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ДАРВИНИЗМА"

1. Лысенко ставит препоны для развития науки (отрицание гормонов, витаминов и т. п.).

2. Лысенко отстаивает лишь некоторый круг работ из необходимых, а именно биологический, но он отрицает физику, химию в биологии.

3. Безобразие, когда имеются люди, которые из узких интересов опорочивают работы других. Один из школы Лысенко Андреев в журнале "Селекция и семеноводство" говорит против ростовых веществ (зачитывает).

4. Лысенко отрицает существование гормонов.

5. Лысенко задержал на 13 лет внедрение у нас гибридной кукурузы.

6. Нет критического отношения к Лысенко, а ошибки у него есть. Пример -- его обещание вывести морозостойкий сорт для Сибири. Из этого ничего не вышло. А в статье, помещенной в "Известиях", он уже сдает свои позиции, но нигде не сказал о том, что ошибся.

7. Лысенко пытается оклеветать, зажать много нового в науке. Это уже чем-то отличается от новатора, которым Лысенко раньше был и то, что, например, говорил Жданов Андрей Александрович в своем выступлении о лже-новаторах (зачитал фразу), я от себя говорю, что это к Вам относится, Трофим Денисович Лысенко.

(Т.Лысенко)"

17/IV- 1948 г.

--

Л-1/414

Хотя выступление Жданова наделало много шума, никаких реальных неприятностей сразу оно Лысенко не принесло. Но и ответы от Сталина и А.А.Жданова также не пришли. Тогда Лысенко решил поторопить события и прибег к другому шагу. С помощью Министра сельского хозяйства СССР И.А.Бенедиктова2 он добыл стенограмму лекции Жданова. Возвращая ее 11 мая 1948 года, он присовокупил к ней заявление, теперь уже с решительной просьбой об отставке с поста Президента ВАСХНИЛ:

"Министру сельского хозяйства Союза СССР

товарищу Бенедиктову Ивану Александровичу

Возвращаю стенограмму "Спорные вопросы дарвинизма".

Считаю своим долгом заявить, что как в докладе, так и в исправленной стенограмме (где ряд мест немного сглажен против того, что на слух мне казалось было в докладе), докладчиком излагаются лично от себя давние наговоры на меня антимичуринцев-морганистов-

неодарвинистов.

Такая критика делается в секрете от меня, с тем чтобы я не смог ни устно, ни в печати возразить и опровергнуть.

Для характеристики уровня научной критики моих научных работ прилагаю выписку с 30 стр. стенограммы, где разбирается одно из моих положений. Просьба сравнить данную выписку с тем, что написано в моей статье по этому вопросу. Соответствующая страница моей статьи подклеена к выписке. На таком же научном уровне построена и вся остальная критика.

В исправленной стенограмме не указывается ни названия моих работ, ни страниц, из которых берутся цитаты. Поэтому читатель не имеет возможности сопоставить высказывания докладчика по тому или иному вопросу с моими высказываниями. Я уже неоднократно заявлял, что в тех условиях, в которые я поставлен, мне невозможно работать как Президенту Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина.

Для пользы сельскохозяйственной науки и практики прошу поставить вопрос об освобождении меня от должности Президента и дать мне возможность проводить научную работу. Этим самым я смог бы принести значительно больше пользы как нашей сельскохозяйственной практике, так и развитию биологической науки мичуринского направления в различных ее разделах, в том числе и для воспитания научных работников.

Академик Т.Д.Лысенко"

11/V- 1948 г.

--

Л-1/497

Ознакомление с этим документом позволяет высказать осторожное предположение, что в этот момент Лысенко уже имел некоторую информацию о реакции Сталина на его письмо и посчитал, что ускорение событий пойдет ему только на пользу. Ускорить же можно было, потребовав в категоричном тоне отставки. Именно такой тон письма Бенедиктову -- совершенно отличный от тона первого письма, показателен. Лысенко уже не унижается, а открыто идет в атаку, обвиняя Ю.А.Жданова в низком научном уровне его доклада, в не-компетентности и даже нечистоплотности. Чего стоят одни упоминания о том, что Жданов, дескать, передергивает цитаты из его статей, или сетования по поводу того, что не проставлены страницы его работ, откуда Жданов брал цитаты, а это, видите ли, лишает читателей возможности текстуального сравнения.

Он, конечно, продолжает настаивать на том, что он -- невинно пострадавший, жертва секретной критики, хотя о каком секрете можно говорить, если Жданов читал свою лекцию нескольким сотням человек, если сам Лысенко слышал ее собственными ушами, и стенограмма её была размножена. Ему стыдно было признаться в том, что он не набрался храбрости войти в зал. Ведь ссылки на то, что ему, Президенту, депутату Верховного Совета СССР, директору института и прочая и прочая, "не дали билета" на лекцию, даже наивными назвать нельзя.

Впрочем, требование освободить его от должности президента ВАСХНИЛ, направленное Бенедиктову, было уловкой. Административно президент ВАСХНИЛ министру подчинялся,

как и вся ВАСХНИЛ подчинялась в первую голову именно ему, но и в бюджете страны была отдельная строка о финансировании этого полунаучного ведомства, и сам Лысенко в номенклатуру министра не входил: его кандидатуру на эту должность утверждало Политбюро ЦК партии. Значит, и снять Президента ВАСХНИЛ с работы министр самолично не мог. Он мог лишь послать запрос в отдел руководящих кадров ЦК, основываясь формально на поданном прошении. Сотрудники отдела руководящих кадров также сами против любимчика Сталина пойти бы не захотели. Поэтому Лысенко рассчитал всё правильно -- не министр Бенедиктов должен был решать это дело, а лично Сталин.

Расчет оказался верным -- Сталин вызвал к себе "несправедливо обиженного". По-видимому на этой встрече присутствовал А.А.Жданов -- 20 мая в его записной книжке появилась запись: "О Лысенко выговор Ю[рию Жданову?]" (7)3. На обороте следующей странички записной книжки Жданов-старший дважды подчеркнул запись "Кремль Лысенко". В Кремле располагался кабинет Сталина, сам А.А.Жданов и его сын имели кабинеты в здании ЦК партии на Старой площади, следовательно можно предполагать, что встретить Лысенко в Кремле можно было в кабинете Сталина, и встреча эта (или две последовавшие друг за другом встречи?) произошли в последнюю неделю мая. Занесенные чуть дальше в записную книжку фразы могли принадлежать скорее Лысенко, а не Сталину, настолько характерно они передают мысли "Главного агронома", постоянно на эти темы витийствовавшего:

"Учение о чистых линиях ведет к прекращению работ над улуч[шением] сортов. Учение о независим[мости] ГЕНа (далее одно слово неразборчиво) ведет к иссушен[ию] практики. Успехи передовой науки, выведение новых сортов и пород -- достигнуты вопреки морганистам-менделистам" (10).

Зачем эти рассуждения о генах и их постоянстве могли понадобиться Лысенко в кабинете главного коммуниста страны Сталина? Разумеется, не только для того, чтобы обрисовать идейные разногласия со своими научными противниками, но и для вполне прозаической цели. У Лысенко оставался последний шанс остаться у кормила власти -- довести до состояния стабильного сорта ветвистую пшеницу, семена которой ему вручил в самом конце 1946 года Сталин. Эта пшеница завладела умом вождя, её нужно было приспособить к условиям погоды и почв СССР, приспособить быстро, воспитать. Ученые, уже знавшие, что гены воспитанию не поддаются, что их надо менять другими методами (физическими и химическими), за задачу срочного приспособления ветвистой пшеницы к российским условиям никогда бы не взялись. Надежда оставалась только на одного Лысенко, а ему мешали проклятые гены и верующие в них вейсманисты-морганисты.

"Сталинская ветвистая"

Сотрудники Лысенко всегда "умели" подтвердить на бумаге любую из его идей, поэтому результаты "проверок" великих догадок их шефа всегда сходились с его предначертаниями. Недаром он однажды (уже в пятидесятых годах на публичной лекции в МГУ, на которой мне довелось присутствовать) сказал:

"Я -- такой человек. Что ни скажу, всё сбывается, всё оказывается открытием. Вот подумал, что внутривидовой борьбы нет -- оказалось открытие. Недавно сказал о роли почвенных микробов в питании растений -- опять открытие. И так -- всегда!"

Но одно дело слова, а другое -- реальные урожаи на реальных полях огромной страны. Об этом и поведал в лекции в Политехническом музее заведующий Отделом науки ЦК партии. Жданов не сказал ничего о новом увлечении Лысенко, увлечении еще не проверенном, но уже зажегшем надежду у самого Сталина. И в разговорах, и в письме Сталину Лысенко

пообещал добиться такого успеха, равного которому мировая селекция не знала -- увеличить сборы зерна сразу в пять-десять раз с помощью ветвистой пшеницы. Пока идея была в стадии разработки и проверки, говорить о ней на публике было преждевременно. Но Жданов уже не раз просил генетиков, и в их числе Жебрака, дать материалы об этой ветвистой пшенице, естественно не раскрывая перед ними того, зачем ему понадобились эти данные. Генетики же, в том числе и неторопливый Жебрак, выполнять просьбу не спешили.

Взрыв внимания к этой пшенице и неожиданный интерес к ней самого Сталина были типичными для того времени. Снова замаячила перспектива решения сложной и очень актуальной проблемы простым и дешевым способом. Перед войной -- в 1938 году -- на всю страну прогремела весть о небывалом достижении простой колхозницы из Средней Азии Муслимы Бегиевой, которая будто бы получила огромный урожай, вырастив пшеницу с ветвящимся колосом (11). Число зерен в таких колосьях было в несколько раз больше, чем у обычных пшениц, поэтому колхозница и ожидала, что сбор зерна с единицы площади возрастет. Об успехах передовой колхозницы заговорила печать (11). Пшеницу в газетах назвали по ее имени "муслинкой", а снопик чудо-растения послали в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Туда же привезли крестьян со всех краев страны, и так получилось, что около снопика Бегиевой как-то остановились два грузинских паренька из Телавского района Кахетии, которых могучий вид пшеницы поразил. Они отодрали от снопика несколько колосьев, на следующий год высеяли пшеницу у себя в колхозе имени 26 бакинских комиссаров, но затем ребят забрали в армию, потом началась война, и о ветвистой пшенице вспомнили только после ее окончания.

В 1946 году из Кахетии в Москву был отправлен снопик ветвистой, и без всякой проверки в Государственную сортовую книгу была внесена запись о сорте, названном теперь "кахетинская ветвистая" (12). Такая спешка объяснялась просто: семена и снопик показали Сталину -- ему, грузину по национальности, было приятно, что его сородичи сделали важное дело, тем более, что у автора сорта -- Бегиевой дело разладилось, как оказалось, её семена "выродились", перестали давать ветвящиеся колосья, и, как она ни билась, восстановить ветвистость ей не удалось (13).

В декабре 1946 года Сталин вызвал к себе Лысенко и поручил ему развить успех грузинских колхозников, высказав пожелание, чтобы чудесная пшеница была перенесена на поля как можно скорее (14). Взяв из рук Сталина пакетик с двумястами десятью граммами теперь уже воистину золотой пшенички, Лысенко заверил Вождя Народов, что его поручение будет выполнено, и отправился в Горки Ленинские.

Вот именно этот момент очень важен для оценки личности Лысенко и его поступков. Среди тех, кто знал его близко, чаще всего ходили разговоры о без-граничной честности Лысенко, высокой порядочности в научных, да и в житейских делах. Те, кому довелось познакомиться с ним еще в пору пребывания в Одессе, рассказывали даже о застенчивости молодого Лысенко. Но годы меняют человека, жизнь многому учит и от многого отучивает. Не мог не меняться и Лысенко, особенно оказавшись на верхах. Возможно, раньше он бывал настырен по незнанию, ожесточен вовсе не из-за злобы, а просто потому, что душа горела и искала выхода. Однако теперь настал миг, когда жизнь подкинула ему задачку, решить которую было бы человеку с принципами непросто. Ведь тот факт, что Сталин, великий Сталин, Отец Всех Народов и Вождь Всех Времен не погнушался им и вызвал к себе в то время, когда другие лидеры партии от него отвернулись, был не просто многозначительным. Это был, с учетом всех обстоятельств, решающий факт жизни.

В просьбе Сталина, человека от науки и от знания растений далекого, ничего зазорного не было. Даже наоборот, интерес к ветвистой говорил о нем как о рачительном хозяине. И столь

же естественным было, на первый взгляд, поведение Лысенко. Вождь приказывает -- как же не выполнить. Но в том-то и дело, что ЛЫСЕНКО ПРО ВЕТВИСТУЮ ВСЁ ЗНАЛ, НАВЕРНЯКА К НЕЙ НЕ РАЗ ПРИМЕРИВАЛСЯ, ДА ПОНЯЛ: ОВЧИНКА ВЫДЕЛКИ НЕ СТОИТ. ПУСТЯКОВОЕ ЭТО, ЗРЯШНОЕ ДЕЛО.

Могли это знать и генетики, особенно те, кто занимался пшеницами, так как о ней писали на протяжении более ста лет, и надо было засесть в библиотеку, покопаться и дать толковую справку об этой красавице -- красавице только по виду, а в массе -- неурожайной пшенице. Могли ученые найти аргумент совсем уж убойный. Конечно, трудно их за это сегодня корить, но если бы они следили за саморекламой своих научных врагов, то могли бы вспомнить одну старенькую фотографию отца Трофима Денисовича второй половины 30-х годов. Был изображен Денис Никанорович на поле... и держал в руках колосья этой самой ветвистой пшеницы. Значит, прицеливались лысенковцы к ней еще до Муслимы Бегиевой, и уж если бы можно было за нее ухватиться -- с радостью бы это сделали. Фотография эта хранилась не в домашнем альбоме Лысенко, я обнаружил её в газете "Социалистическое земледелие" (15), подпись под ней гласила:

"Отец академика Лысенко -- Денис Никанорович Лысенко, заведующий хатой-лабораторией колхоза "Большевистский труд" (Карловский район Харьковской обл.) посеял на 60 опытных участках разные сорта зерновых и овощных культур. НА СНИМКЕ: Лысенко (слева) показывает председателю колхоза новый сорт пшеницы. Каждый колос пшеницы имеет более 100 зерен. Фото Я.Сапожникова (Союзфото)".

Дай генетик в руки Жданову эту фотографию, -- что могло бы быть лучше для последующей судьбы науки в СССР!

Описания ветвистой пшеницы в русской литературе вслед за европейской появились в XVIII веке (16). В начале 30-х годов XIX века в России интерес к ветвистой пшенице исключительно возрос. Сначала в Сибири была испробована ввезенная туда кем-то "семиколоска Американка" (17), а затем началась многолетняя история проверок и перепроверок пшеницы "Благодать" и такой же "Мумийной пшеницы".

Историю пшеницы "Благодать" раскрывают следующие строки из книги, изданной в Рос-сии в середине прошлого века:

"Пшеница "Благодать" получила название от того, что будто бы она разведена от зерен, взятых из одной мумии в Египте, где, думают, этот вид пшеницы, теперь переродившейся вследствие дурного ухода, был возделываем некогда в огромных размерах" (18).

Семена этой пшеницы были завезены в Россию, и первые надежды в её отношении были радужными. Сообщалось, что она дает урожай "сам 30-35" (то есть количество зерна собранного превышает количество посеянного в 30-35 раз), мука из зерна выходит нежная, белая, хотя и оговаривалось, что пшеница требует "для выявления своих изумительных свойств ухода тщательного и почв тучных -- в противном случае колос у пшеницы получается простой, а не ветвящийся" (19). Но уже в ближайшие годы стало ясно, что надеяться на чудо нечего:

"Были произведены опыты разведения этой пшеницы во многих местах России и результатов ожидали от нее чрезвычайных... но все попытки получить это баснословное растение в таком виде, как его описывали, оказались тщетными", --

писал один из крупнейших авторитетов того времени профессор А.М.Бажанов (20). При этом

он ссылался не только на свое мнение, но и на выводы как своих русских коллег, так и европейских ученых (см., например, /21/).

Позже русская агрономическая литература запестрела статьями и заметками о неудачах с пшеницей "Благодать". Сообщалось не только о потере свойства ветвления колоса при посеве на бедных почвах (об этом, например, писал М.В.Спафарьев из Ярославской губернии). Приводились и более грустные сведения. Так, О.Шиманский в течение нескольких лет проверял свойства ветвистой пшеницы и обнаружил, что это -- капризная и к тому же весьма непостоянная пшеница: в его посевах год от года число ветвящихся колосьев уменьшалось, и на 4-й год уже ни одного ветвистого колоса не осталось, зерно измельчало, а на -5й год и всходов почти не было (22). Именно поэтому А.М.Бажанов и предупреждал:

"... многоколосная пшеница, как изнеженное чадо, требует, кроме тучной земли, редкого сева, она не переносит даже легкого морозу и терпит более других простых пород от головни и ржавчины. Хотя каждый отдельный ее колос приносит более зерен, нежели колосья простых пород, но при соображении общего умолота всех колосьев с известной меры земли, всегда открывается, что многоколосная пшеница не прибыльнее простых" (23) [выделено мной -- В.С.].

Бажанов добавлял:

"Эти указания были проверены собственными опытами".

Интерес к "Благодати" к концу 30-х годов XIX века угас, но через десятилетие снова возродился, когда Вольное Экономическое Общество стало давать объявления -- в 1849, 1850 и 1851 годах -- что оно рассылает членам Общества (а в 1851 году -- подписчикам трудов Общества) ограниченное число зерен другой пшеницы, также ветвистой, выращенной из зерен (обнаруженных в египетских мумиях), полученных "из Лондона от первых производителей оной" (24). Вокруг образцов начался ажиотаж, газеты и журналы вели полемику о возможности сохранения всхожести семян, пролежавших тысячу лет в саркофагах (поругивали француза Вильморена за его якобы нарочитый обман россказнями о свойствах семян), обсуждались и свойства пшеницы. Как всегда, нашлось несколько энтузиастов, у которых все отлично получилось (25), а потом вышло, что новая мумийная пшеница ничуть не лучше предыдущих ветвистых (26)4.

Позже в России еще не раз возникал интерес к ветвистым пшеницам (например, в 90-х годах прошлого века привлекла внимание китайская пшеница "Хайруза" /28/), но постепенно специалистам стало ясно, что никакого экономического эффекта ветвистые пшеницы не обеспечивают. В конце XIX и начале XX веков это мнение было твердо выражено в трудах многих представителей русской агрономии (29), и ветвистой пшеницей заниматься перестали. После возникновения (на грани XIX и XX веков) генетики и научных основ селекции ученые (и прежде всего школа Н.И.Вавилова) серьезно перепроверили свойства ветвистых пшениц и пришли к обоснованному выводу о тщетности старых надежд увеличить урожаи путем внедрения "многоколосной пшеницы".

Хоть что-то из приведенных здесь сведений Лысенко должен был знать. Еще в 1940 году в его собственном журнале "Яровизация" Ф.М.Куперман опубликовала статью "О ветвистых формах озимых пшениц, ржи и ячменя" (30), в которой описала условия появления этих форм. Если бы он даже ничего другого не читал, то уж свой журнал, где он был главным редактором, наверняка, просматривал. И, вообще, вопрос о ветвистых пшеницах так часто дискутировался в научной литературе, разбирался и учениками Вавилова и другими учеными, что Лысенко, даже не следя специально за научными публикациями, не мог не

знать или хотя бы не слышать об этом (31).

Поэтому будь он на самом деле кристально честным или просто честным, как большинство людей, -- он от выполнения такого поручения сразу бы отказался. Ему было заведомо ясно, что, беря пакет из рук Сталина, он идет на обман. Но такие настали лихие времена, так земля под ногами горела, что не прикажи, а лишь намекни ему Сталин, что не дурно было бы по утрам петухом петь, -- он бы и пел, и с какой радостью пел! Потому он и предпочел ничего плохого о ветвистой Сталину не говорить, надежд его не гасить. Ведь вряд ли он следовал раскладу Ходжи Насреддина, обещавшего шаху научить за 25 лет осла разговаривать и надеявшегося на то, что либо шах за это время подохнет, либо ишак от старости умрет.

Попытки возродить интерес к ветвистой пшенице, якобы способной стать хлебом будущего, давать потрясающие урожаи, как уверял сам Лысенко,

"... по пятьдесят, семьдесят пять, по 100 и даже больше центнеров с гектара; урожай сам-сто должен стать в ближайшие годы для нее средним! (цитировано по /32/), --

были чистым обманом.

Доводить ветвистую до кондиций Лысенко поручил своим самым исполни-тельным сотрудникам -- Авакяну, Долгушину и Колеснику (33). От них требовалось быстро ее размножить, воспитать и вывести на колхозные поля. Приказ есть приказ, и работа у лысенковских помощников закипела. В первый год Авакян и отец Лысенко -- Денис Никанорович посеяли семена, как того и требовали старые рецепты, разреженно. С полученными колосками И.Д.Колесник поехал на родную Украину -- "завлекать колгоспы". Как мы уже знаем из письма Лысенко, направленного вождю в октябре 1947 года, ветвистую пшеницу размножали в четырех местах (34), и Лысенко сообщал, что, по крайней мере, в двух из них дело не пошло, но надежд Сталина на получение огромного урожая Лысенко не гасил. В это же время Долгушин с помощью "брака по любви" принялся "переделывать" яровую ветвистую в озимую.

С весны 1948 года в газетах уже началась шумиха по поводу новой пшеницы (35). По словам корреспондентов, прекрасные результаты были получены и в колхозе имени Сталина в Ростовской области, и в других местах. Как писал один из трубадуров лысенкоизма Геннадий Фиш:

"...и только теперь, когда своим гениальным провидением товарищ Сталин разглядел возможности этой пшеницы и предложил академику Лысенко заняться ею... Трофиму Денисовичу удалось во многом разгадать тайны ветвистой пшеницы и вопреки всему, что до сих пор говорилось и о чем писалось в "мировой литературе", вывести ее с грядок, с мелких делянок, из теплиц на поля совхозов. Уже на втором году работы с нею удалось сделать ее самой урожайной из всех знакомых человеку сортов" (36).

Поставленные в кавычки слова о мировой литературе стали расхожими. Западный образ жизни охаивали на всех углах, "преклонение и раболепство" перед заграницей бичевали во всех органах печати, преимущество всего советского объявляли неоспоримым5, а силу русского духа, русского ума, русской души и русской натуры и в годы войны и после победы над фашистской Германией превозносили на все лады.

Об успехах с воспитанием ветвистой пшеницы Лысенко доложил Сталину, и достоверно известно (38), что в последний раз, когда А.А.Жданов критиковал Лысенко при Сталине, последний возразил ему, указав на то, что товарищ Лысенко сейчас делает важное для страны

дело, и, если он даже увлекается, обещая повысить урожайность пшеницы в целом по стране в 5 раз, а добьется увеличения только на 50 процентов, то и этого для страны будет вполне достаточно. Поэтому надо подождать и посмотреть, что из этого получится (39).

В сталинском окружении так и не нашлось никого, кто развеял бы его преувеличенный оптимизм (возможно, диктатор Сталин и не захотел бы никого слушать. Ведь грандиозная задача исходила от него самого, да и за работу взялся самый крупный, по его мнению, специалист -- академик Лысенко, кто же лучше его мог знать пшеничное дело). А младший Жданов знал со слов Жебрака, что ветвиться некоторые виды пшениц способны только при изреженном посеве, когда "колос от колоса не слышит голоса", и никогда не дают больше урожая, чем обычные пшеницы, но достаточными сведениями, чтобы разоблачить "новатора" в глазах будущего тестя, генетики его не снабдили.

Сталин собственноручно подавляет критику Ю.А.Жданова

и готовит разгром генетики

Начатая шумиха о колоссальном успехе с ветвистой пшеницей позволила Лысенко не просто выйти сухим из воды, но и утопить всех критиков. Обещание увеличить урожаи в пять-десять раз очередной раз поразило воображение Сталина, и он без раздражения отнесся к письму Лысенко, отправленному 17 апреля 1948 года (40). Уже в мае членов Политбюро ЦК ВКП(б) собрали на незапланированное заседание. Пригласили и некоторых людей из аппарата ЦК. Спустя 40 лет, в январе 1988 года бывший секретарь ЦК партии Дмитрий Трофимович Шепилов рассказал мне об этом заседании:

"За мной заехал Андрей Александрович Жданов и сказал, что нас срочно вызывают "на уголок" (так мы между собой называли кабинет Сталина, в котором проводились заседания Политбюро; кабинет этот располагался в угловой части здания в Кремле). "Поедем в моей машине", -- сказал мне Жданов. Когда мы приехали, в кабинете уже сидели почти все члены Политбюро и несколько приглашенных лиц. Я тогда заведовал отделом пропаганды и агитации,
а отдел наш подчинялся М.А.Суслову, ставшему секретарем ЦК партии. Я должен сделать здесь одно отступление, чтобы вы поняли последующие события", --

добавил Шепилов и поведал мне о том, что он по образованию был экономистом, до войны защитил диссертацию и получил степень доктора наук, ему предложили высокий пост директора Института экономики, но он ушел на фронт простым солдатом, а там уже дослужился до звания генерала и был переведен в аппарат ЦК ВКП(б).

"Поэтому, -- продолжил он, -- я чувствовал себя может быть чуточку свободнее, чем остальные работники аппарата, так как понимал, что всегда смогу найти работу экономистом, если меня выставят из ЦК. Когда мы начали готовить семинар лекторов ЦК, и когда Юрий Жданов предложил выступить с лекцией, в которой ошибки Лысенко будут названы ошибками, я согласился с этим предложением и вставил в план лекцию Ю.Жданова. План этот я представил Суслову, и тот его утвердил. На отпечатанной программе курсов была резолюция Суслова: "Утверждаю".

Как только мы с Ждановым-старшим вошли, Сталин тут же начал заседание и неожиданно повел речь о неверной позиции Ю.А.Жданова, незаслуженно обидевшего товарища Лысенко. Зажав трубку в руке, и часто затягиваясь, Сталин, шагая по кабинету из конца в конец, повторял практически одну и ту же фразу в разных вариациях. "Как посмели обидеть товарища Лысенко? У кого рука поднялась обидеть товарища Лысенко? Какого человека

обидели!" Присутствовавшие молча вслушивались в эти повторяющиеся вопросы их вождя. Но вот Сталин остановился и спросил: "Кто это разрешил?" Повисла гробовая тишина. Все молчали и смотрели под ноги. Тогда Сталин остановился около Суслова и спросил: "У нас кто агитпроп?" Суслов смотрел вниз и головы не поднимал, на вопрос не отвечал. Не знаю почему, я до сих пор так и не понял почему, возможно, всё из-за того же внутреннего осознания своей относительной независимости, а, может быть, из-за привившейся во время войны привычки в трудные минуты брать ответственность на себя, я встал и громко, по-военному ответил: "Это я разрешил, товарищ Сталин". Теперь все подняли головы и уставились на меня, как на сумасшедшего, а Сталин подошел ко мне и внимательно стал глядеть мне в глаза. Я свои глаза в сторону не увел, и скажу честно, я никогда не видел такого взгляда. На меня смотрели желтые зрачки, обладающие какой-то непонятной силой, как глаза большой кобры, готовящейся к смертельному прыжку. Он глядел на меня долго, во всяком случае, мне показалось, что это было очень долго. Глядел, не мигая. Наконец, он тихо спросил меня: "Зачем ты это сделал?" Волнуясь, я стал говорить о том огромном вреде, который Лысенко несет нашей стране, как он старается подавить всех научных оппонентов, о том, что его собственные научные заслуги непомерно раздуты, и что помощь от его собственных работ, несмотря на все обещания, мала. Сталин также, как и раньше, ходил по кабинету, потом остановился и, прерывая меня на полуслове, сказал: "Так. Всё ясно. Создадим комиссию по выяснению всех обстоятельств". И стал называть членов комиссии -- кажется, Молотова, Ворошилова, еще кого-то, назвал меня (у меня камень с души упал), потом остановился, довольно долго смотрел в сторону Суслова и, наконец, промолвил: "Суслова" и опять замолчал, а я про себя думал, почему же он не назвал ни одного из Ждановых, это что -- конец их карьеры? Но после долгого раздумья Сталин сказал: "И Жданова". Помолчал еще и добавил: "Старшего" (41).

Шепилов рассказывал это мне сразу после выхода в свет моей статьи о Лысенко в "Огоньке" (42) (разговор с ним состоялся 4-го января 1988 года). У меня нет оснований не доверять Шепилову, но и проверить правоту его слов сегодня вряд ли кто может. Об этом же заседании мне рассказывал пятью неделями раньше Ю.А.Жданов (43), он также присутствовал на заседании, но какие-либо детали сообщить отказался, сославшись на то, что сидел далеко от Стали-на, а тот будто бы говорил тихо, поэтому он мало что расслышал. Жданов сказал мне лишь, что ему было предложено написать объяснительную записку, что он и сделал через несколько дней6. Одна деталь в рассказе Жданова была, впрочем, странной: он обронил фразу о том, что на этом майском заседании его очень подвел Шепилов, будто бы отказавшийся взять на себя ответственность за разрешение читать эту лекцию. Во время беседы 5 января 1988 года Жданов добавил, что по его сведениям в Московский горком партии было спущено сверху указание примерно наказать его. Но события развивались столь стремительно, что никакого взыскания горком наложить просто не успел. Не собиралась ни разу и назначенная Сталиным комиссия: вождь до поры до времени повел защиту Лысенко самостоятельно.

31 мая и 1 июня Политбюро собиралось для обсуждения кандидатур на получение очередных Сталинских премий по науке и изобретательству. Сталин на этом заседании опять вернулся к лекции Ю.А.Жданова:

"Ю.Жданов поставил своей целью разгромить и уничтожить Лысенко. Это неправильно: нельзя забывать, что Лысенко -- это сегодня Мичурин в агротехнике. Нельзя забывать и того, что Лысенко был первым, кто поднял Мичурина как ученого. До этого противники Мичурина называли его замухрышкой, провинциальным чудаком, пустырем и т. д.

Лысенко имеет недостатки и ошибки, как ученый и человек, его надо критиковать, но ставить своей целью уничтожить Лысенко как ученого значит лить воду на мельницу жебраков" (45).

Вскоре после этих заседаний Политбюро Лысенко был вызван к Сталину. О некоторых подробностях их беседы согласно рассказывали в 1970-х годах приближенные Лысенко. Во время этого разговора Лысенко внутренним чутьем уловил, что отношение к нему лично Сталина не такое уж плохое, и решил этим воспользоваться. Он пообещал в кратчайшие сроки исправить положение в сельском хозяйстве. Но выставил одно условие: чтобы его не травили, не позорили, а хотя бы немного помогали, и чтобы всякие критиканы, всякие теоретики и умники, не о благе Отечества пекущиеся, а лишь на Запад ежеминутно оглядывающиеся, больше ему не мешали. Лысенко назвал несколько иностранных фамилий, особенно часто упоминаемых критиканами, -- такие как Моргана и Менделя, и настойчиво повторил, что если вместо мичуринского учения по-прежнему основывать биологические исследования на той, формальной генетике, то страна потерпит огромный ущерб7. А вот если формальную генетику отменить как науку идеалистическую, буржуазную, крайне вредную для дела социализма, то мичуринцы воспрянут, быстро свое дело развернут и смогут пойти в бой за повышение урожайности всех культур. Например, с помощью ветвистой пшеницы, на которую сам товарищ Сталин им указал и которую они уже довели практически до уровня сорта, действительно можно будет поднять урожайность по стране в пять--десять раз. Заодно Лысенко попросил назвать новый сорт -- "Сталинская ветвистая".

Такой подход Сталину понравился (55). Падение Лысенко было предотвращено. Как вспоминал Ю.А.Жданов, Сталин на заседании Политбюро, рассматривавшего кандидатуры для присуждения Сталинских премий,

"...неожиданно встал и глухим голосом неожиданно сказал:

-- Здесь один товарищ выступил с лекцией против Лысенко. Он от него не оставил камня на камне. ЦК не может согласиться с такой позицией. Это ошибочное выступление носит правый, примиренческий характер в пользу формальных генетиков" (56).

Во время работы в партийных архивах историку В.Д.Есакову удалось обнаружить некоторые материалы, позволяющие восстановить то, что обсуждалось на этом или возможно на последовавшем за первым заседании Политбюро, на котором Сталин продолжил свои попытки увести от критики Лысенко. В Центральном Партийном Архиве он обнаружил страницу с записями А.А.Жданова, сделанными в кабинете Сталина видимо в самом начале июня 1948 года. Из них становится ясно, какие именно поручения давал Сталин.

"Одного из

Марксистов в биологии взять и сделать доклад

Короткое постановление от ЦК

Если бы можно было Статью в "Правде"

бы поработать

вместе с Лысенко

Что либо популярное

Доклад неправильный

Два течения -- Первое опирается на мистицизм -- тайна на тайну

Другое материалистическое

Жданов ошибся

Везде биология в духе Шмальгаузена преподается

Теория безобраз

в опыт" (57).

Попытаемся прокомментировать эти записи. Первое положение, связывающее возможность привлечения одного из марксистов к подготовке заказного доклада о том, как с позиций марксизма развивать биологию, уже было реализовано в 1939 году во время дискуссии в редакции журнала "Под знаменем марксизма". Тогда Митин показал себя убежденным марксистом в сталинском понимании этого термина. Можно было повторить этот прием еще раз.

Не сложно понять, что кроется за словами о коротком постановлении ЦК. Таких постановлений, открывавших погромы в общественных науках, в интерпретации истории, в разгроме педологии, литературы, изобразительных искусств, архитектурных "излишеств" и множества других сфер интеллектуальной жизни было при Сталине принято много, как тут не вспомнить и знаменитое "Сумбур вместо музыки", когда был опозорен и чуть не затравлен величайший композитор XX-го века Д.Д.Шостакович (58). Поэтому, еще не зная содержания такого будущего "Короткого постановления", не трудно было представить его идеологическую направленность и стилистику.

В тезисе о статье в "Правде", сопровождающейся словами "Если бы можно было бы поработать вместе с Лысенко" я вижу каверзу. Видимо на самом деле Лысенко сильно подмочил репутацию в глазах вождя, если даже в таком простом вопросе, как подготовка боевой, как говорили коммунисты, статьи для их главного печатного органа возникли сомнения. Два "БЫ" на восемь слов, окруженные словами "ЕСЛИ" и "МОЖНО поработать" даже в комментариях не нуждаются. И нужен был Лысенко для таких дел, но сомнения в его пригодности для этих целей возникли даже у Сталина.

Эта запись, кстати, лучше многих других показывает, кто же руководил схваткой в науке по идеологическим вопросам -- Лысенко или Сталин. Мне представляется, что в этой фразе раскрывается
ясно, что не был Лысенко главной движущей силой в процессе многолетней травли биологов, в особенности генетиков. Закоперщиком и движущей силой был именно Сталин. Лысенко со своей болтовней и нахрапистостью подошел Сталину для выполнения его старых идей о прямом влиянии среды на всё (на человека, на общество, на природу в целом, на экономические взаимоотношения при социализме и на понимание того, ради чего и как восстали рабы в Древнем Риме -- Сталин ведь и в этом вопросе свою линию гнул через головы -- и судьбы! -- историков).

Понятен для меня и отступ в записи после первых трех пунктов. Первая часть была главной, идейной, а всё, что шло ниже -- было технологией проведения в жизнь идейных решений. Ну, конечно, действия надо было "продать" массам, без этого воздействия на умы жителей страны партия работать не могла. Так что затруднений с пониманием слов "что либо популярное" нет. Разъяснения о том, что вся загвоздка в биологии имеет идеологический

характер, то же не нужны. Раз есть два мира -- коммунистический и капиталистический -- значит, должны быть две биологии (одна прогрессивная и материалистическая, вторая загнивающая, вредоносная и к тому же мистическая; веруют, понимаете, там на Западе, чёрт знает во что!). Ясно, что доклад (лекция) младшего Жданова был неправильный, ошибочный, не заметил молодой человек, как вся биология пропиталась миазмами идеализма, как везде эти враги коммунистов пролезли, как отравляют и все остальные сферы, буквально всюду проникли! Вот зачем надо партии вмешаться: чтобы всех спасти, всюду порядок навести. Особенно в тех местах, где кадры новые готовят -- в вузах и техникумах. Из фразы о преподавании биологии становится понятным, что засела в голове Сталина фамилия вовсе и не генетика, а зоолога-эволюциониста, тишайшего академика с аккуратной бородкой, Ивана Ивановича Шмальгаузена. Очень уж его фамилия Сталину показалась к месту, нерусская -- скажешь, как припечатаешь. И будут после этого полоскать имя шшмальххауссена на всех углах. Сломают судьбу великого русского ученого с немецкой фамилией, чьи книги и спустя полстолетия будут переводить и издавать на Западе (59).

Как можно судить по косвенным данным, Сталин поручил готовить главное постановление и практические шаги по внедрению в жизнь этого набора идеологических императивов А.А.Жданову, пока еще главному идеологу. Два человека из идеологических (А НЕ ИЗ НАУЧНЫХ!) кругов -- Шепилов и Митин принялись работать над текстом постановления о биологии. Проект лег на стол Жданова, он внес многочисленные поправки, их учли, и 7 июля Шепилов с Митиным снова представили Жданову проект с запиской: "Направляем на Ваше рассмотрение проект сообщения ЦК ВКП(б) "О мичуринском направлении в биологии", исправленный согласно Ваших указаний" (60). Жданов отложил все дела и срочно внес множество новых исправлений. Он изменил название на такое "О положении в советской биологической науке", переписал и дополнил многие разделы. Получилось большое, а не краткое "постановление", отрывки из него В.Д.Есаков и его коллеги опубликовали в 1991 году (61). Битым слогом вещи назывались своими именами:

"ЦК ВКП(б) считает, что в биологической науке сформировались два диаметрально противоположных направления: одно... прогрессивное, материалистическое, мичуринское,.. возглавляемое ныне академиком Т.Д.Лысенко; другое... -- реакционно-идеологическое, менделевско-моргановское...

Последователи менделизма-морганизма не раз предупреждались, что их направление в биологии чуждо советской науке и ведет к тупику. Тем не менее менделисты-морганисты не только не извлекли должных уроков из этих предупреждений, но продолжают отстаивать и углублять свои ошибочные взгляды. Такое положение не может быть далее терпимо..." (62)8 .

Этот текст был передан Ждановым Маленкову. Уже на следующий день, 10 июля 1948 года, за их двумя подписями проект постановления был направлен Сталину и копии членам Политбюро и секретарям ЦК ВКП(б) Молотову, Берии, Микояну, Вознесенскому, Кагановичу и Булганину (63).

Однако Сталину текст не показался достаточно боевым. А.А.Жданов был вообще отстранен от дальнейшей борьбы с генетикой. Формально это было связано с тем, что 10 июля был его последним рабочим днем перед отпуском (64). Практическое руководство разгромом генетики было поручено набиравшему силу новому Секретарю ЦК Георгию Максимилиановичу Маленкову, назначенному секретарем ЦК 1 июля 1948 года и принявшему 7 июля дела от А.А.Жданова, уехавшего в санаторий на Валдай.

В день отъезда в аппарате ЦК были проведены серьезно затрагивавшие его структурные преобразования. Решением Политбюро от 10 июля вместо Управления пропаганды и

агитации с отделами был сформирован Отдел того же названия (65). Бывший Отдел науки в его составе низводился до уровня сектора, хотя пока еще Ю.А.Жданов сохранили за собой должность его заведующего. А Отделом пропаганды и агитации стал заведовать Д.Т.Шепилов.

В эти же дни Сталин сделал еще один шаг на пути к погрому в биологии. На заседании Политбюро 15 июля было принято следующее решение:

"В связи с неправильным, не отражающим позиции ЦК ВКП(б) докладом Ю.Жданова по вопросам советской биологической науки принять предложение Министерства сельского хозяйства СССР, Министерства совхозов и ВАСХНИЛ об обсуждении на июльской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина доклад академика Т.Д.Лысенко "О положении в советской биологической науке", имея ввиду опубликование этого доклада в печати" (66).

Итак, Политбюро решило не издавать партийное постановление, а выполнить партийный наказ руками Лысенко и его сторонников под присмотром аппаратчиков из ЦК. Лысенко самому надо было подготовить текст доклада в соответствии с идеями, изложенными в проекте постановления, подготовленного Шепиловым, Митиным и Ждановым-старшим. Лысенко затем должен был выступить на сессии ВАСХНИЛ. Никто не должен был в начале сессии знать о вмешательстве коммунистов в споры биологов, лишь в конце можно было разрешить Лысенко объявить публично, что его доклад был заранее одобрен Политбюро и лично товарищем Сталиным. Бригада Лысенко (по словам И.Е.Глущенко /55/, в неё входили В.Н.Столетов, И.И.Презент, А.А.Авакян, И.А.Халифман, И.С.Варунцян, Н.И.Фейгинсон и он, И.Е.Глущенко) срочно уселась за составление доклада. Делалось это в полной секретности. Доклад был готов через несколько дней, а Лысенко писал Сталину:

"23 июля 1948 г.

Товарищу И.В.Сталину

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Убедительно прошу Вас просмотреть написанный мною доклад "О положении в советской биологической науке", который должен быть доложен для обсуждения на июльской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина.

Я старался как можно лучше с научной стороны, правдиво изложить состояние вопроса.

Доклад т. Юрия Жданова формально я обошел, но практическое содержание моего доклада во многом является ответом на его неправильное выступление, ставшее довольно широко известным.

Буду рад и счастлив получить Ваши замечания.

Президент

Всесоюзной академии сельскохозяйственных

наук имени В.И.Ленина академик Т.Лысенко" (67).

Теперь Великий Вождь сам уселся за редактирование текста на 49 страницах. Он выбросил

полностью один из 10 разделов, убрал самые одиозные благоглупости (один из показательных примеров был таким: Лысенко написал "любая наука -- классовая"; Сталин подчеркнул это место и дописал "ХА-ХА-ХА... А МАТЕМАТИКА? А ДАРВИНИЗМ?). Было сделано много сходных замечаний, исправлений, Сталин лично дописал некоторые абзацы, он заменил некоторые выражения (так, вместо "буржуазное мировоззрение" появилось "идеалистическое мировоззрение", "буржуазная генетика" была заменена на "реакционная генетика" и т.д.)9. (Анализ того, как Сталин исправил текст лысенковского доклада был дан Есаковым и др./68/, затем подробно этот вопрос был разобран К.О.Россияновым /69/).

Пополнение рядов ВАСХНИЛ сторонниками Лысенко

Линия на искоренение всех направлений, которые не совпадали с лысенковскими доктринами, была таким образом в докладе проведена до своего логического конца. Теперь нужно было воплотить это решение в жизнь. Нанести удар надо было сокрушительно, причем консолидированно, и, желательно, на самом высоком уровне. Лучшим местом могла быть сессия Академии сельхознаук, проведенная под руководством президента этой академии. Тогда бы решение академиков, поддержанное советской печатью, можно было бы подать не только как волеизъявление ученых, но и как директивное указание, обязательное повсюду к исполнению. Но Лысенко опасался, и вовсе не без оснований, что он вот-вот окончательно потеряет контроль над академией.

Полутора годами раньше, как мы помним, Оргбюро ЦК ВКП(б), заслушав доклад Лысенко о положении дел в ВАСХНИЛ, пошло навстречу призыву трех министров и дало санкцию на выборы в сельскохозяйственную академию. Уже были опубликованы списки кандидатов, выдвинутых для избрания, и лысенковские кандидаты, как показало предварительное обсуждение, практически не имели шансов пройти в действительные члены и члены-корреспонденты ВАСХНИЛ. Если бы выборы осуществлялись нормальным, демократическим путем, Лысенко окончательно потерял бы поддержку в ВАСХНИЛ, большинство было бы не на его стороне.

Однако вмешательство Политбюро не позволило пополнить ряды академии принятым в академиях демократическим путем. Сталин на полпути не остановился. Он решил полностью удовлетворить запрос Лысенко о наведении силой "порядка" в академии. Дикое по сути требование Лысенко заменить выборы в члены академии назначением новых членов приказом сверху было встречено вождем сочувственно. Но опять-таки не единолично, а используя безропотное Политбюро, которое постановило укрепить административно положение Лысенко в ВАСХНИЛ. Для видимости приказ поступил не из партийного ведомства, а от правительства СССР. Сталин был в то время не только 1-м секретарем ЦК партии, но и возглавлял правительство -- был Председателем Совета Министров СССР. Следовательно
и здесь он мог своей подписью под постановлением решить вопрос без ненужных споров. Вместо выборов состав академии был дополнен людьми, нужными Лысенко для того, чтобы взять контроль над академией в свои руки. В "Правде" 28 июля 1948 года появилось следующее информационное сообщение:

"Во Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук

имени В.И.Ленина

В соответствии с Уставом Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина10 и постановлением СНК ССР от 4 июня 1935 года, установившим первый состав действительных членов Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина в

количестве 51 человека, Совет Министров Союза ССР постановлением от 15.VII-с. г. утвердил действительными членами -- академиками Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина: Авакяна А.А., Варунцяна И.С., Долгушина Д.А., Жданова Л.А., Канаша С.С., Кварцхелиа Т.К., Кришчунаса И.В., Лукьяненко П.П., Колесника И.Д., Ольшанского М.А., Презента И.И., Ушакову Е.И., Яковлева П.Н. (растениеводство); Беленького Н.Г., Гребень Л.К., Дьякова М.И., Мелихова Ф.А., Муромцева С.Н., Юдина В.И. (животноводство); Василенко И.Ф., Евреинова М.Р., Желиговского В.А., Свирщевского В.С., Селезнева В.П. (механизация и электрификация); Баранова П.А., Бушинского В.П., Димо Н.А., Самойлова И.И., Власюка П.А. (почвоведение и агрохимия); Замарина Е.Е., Шарова И.А. (гидротехника и мелиорация); Лаптева И.Д., Лобанова П.П., Демидова С.Ф., Немчинова В.С. (экономика сельского хозяйства)" (70).

В числе назначенных академиков большинство составляли ставленники Лысенко: либо непосредственно с ним работающие -- А.А.Авакян, И.С.Варунцян, Д.А.Долгушин, И.Д.Колесник, М.А.Ольшанский, И.И.Презент, либо безгранично ему преданные, такие как П.П.Лукьяненко, Н.Г.Беленький и другие. Был в их числе и ставленник Н.И.Вавилова, его друг еще с времен совместной работы в Саратове -- В.П.Бушинский11, вошедший в доверие к В.Р.Вильямсу, а после смерти Вильямса, подружившийся с Лысенко. В числе назначенных мы видим и И.Д.Лаптева, кандидата экономических наук, выступившего со статьей против А.Р.Жебрака в "Правде". Был причислен к разряду академиков ВАСХНИЛ и совсем уж отвратительный тип: кадровый офицер НКВД (не лейтенант, как Хват, а полковник) С.Н.Муромцев. В то время он имел степень доктора наук, но среди коллег был известен другим. Многие знали его как отъявленного садиста, лично избивавшего находившихся в заключении академиков АМН СССР П.Ф.Здродовского и Л.А.Зильбера (71). Одно время Муромцев работал начальником специальной тюрьмы -- так называемой "шарашки". Однако позже стали известны другие подробности деятельности этого офицера в системе ОГПУ и НКВД. Из публикации в газете "Труд" (72) стало известно, что еще в 30-е годы С.Н.Муромцев участвовал в организации сверхсекретной спецлаборатории по созданию токсических веществ (ядов) и их испытанию на политзаключенных. Яды применяли для уничтожения политических оппонентов и для политических диверсий. Спецлаборатория в начале числилась при коменданте НКВД СССР генерал-майоре Блохине. В 1937-1938 году лабораторию перевели под непосредственное руководство наркома Ежова, а затем под начало заменившего его Берии и заместителя наркома Меркулова (до мая 1946 года), а затем нового министра госбезопасности Абакумова. Последний в 1946 году ликвидировал спецлабораторию. Эти сведения предал гласности генерал КГБ П.А.Судоплатов, осужденный после расстрела Берии. На суде над Судоплатовым12 в 1953 году С.Н.Муромцев, вызванный как свидетель, якобы признал, что непосредственные задания он получал лично от Молотова и Хрущева (73). Такими замечательными кадрами пополнили сельскохозяйственную академию.

В информационном сообщении о решении Совета Министров СССР был абзац, в котором сообщалось, что правительство решило увеличить число академиков и членов-корреспондентов до 75 человек (иными словами, выделялся дополнительный фонд субсидий для выплаты гонорара членам академии: ведь академики получали 3500 рублей в месяц и члены-корреспонденты 1750 рублей в месяц по тогдашнему курсу, а члены Академии наук СССР -- 5000 и 2500 рублей, соответственно). Далее сообщалось, что

"Сессия, посвященная довыборам действительных членов Академии, выборам членов-корреспондентов Академии из числа кандидатов, выставленных научными учреждениями, общественными организациями и отдельными научными работниками, списки которых опубликованы в печати, состоится в сентябре 1948 года" (75).

Выборы так и не состоялись, однако даже если бы их провели, то лысенковское большинство завалило бы теперь всех противников "на законном основании", то есть путем голосования.

Последний абзац правительственного сообщения гласил:

"Очередная июльская сессия, посвященная обсуждению доклада академика Т.Д.Лысенко на тему "О положении в советской биологической науке", состоится в конце июля с. г. в гор. Москве" (76).

Разгром генетики на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года

Сессия проходила с 31 июля по 7 августа и получила название "Августовской сессии ВАСХНИЛ". При сборе ученых на сессию были нарушены общепринятые процедурные правила: сессия была объявлена внезапно, вход на заседания был только по пригласительным билетам, а их получили почти исключительно сторонники лысенковского направления (генетиков можно было перечесть по пальцам), так что обстановка для дискуссии была явно ненормальной. Но, в общем, и защищать генетику от нападок было уже почти некому. Только что (26 июля) скончался А.С.Серебровский, были мертвы Н.И.Вавилов, Н.К.Кольцов, П.И.Лисицын. Н.П.Дубинин -- один из самых именитых из генетиков (он стал в 1946 году членом-корреспондентом АН СССР), хотя и знал о готовящейся сессии, предпочел, по словам С.М.Гершензона, уйти в кусты: срочно уехал охотиться на Урал, хотя на протяжении лет десяти до этого отпусками даже не пользовался.

31 июля Лысенко поднялся на трибуну, чтобы зачитать свой доклад. Политические мотивы, беспримерные обвинения западной науки с применением площадных ругательств отличали доклад. Кое-кому из биологов этот наступательный тон казался в первые дни работы сессии странным, так как и полугода не прошло с того дня, когда Ю.А.Жданов раскритиковал Лысенко13.

Основу лысенковского доклада составили утверждения о несовместимости выводов генетики и коммунистических доктрин, о классовости биологии (78). Самой характерной чертой изложения была безапелляционность. Фразы были решительными, обвинения категоричными, доказательства не приводились, потому что больше они не были нужны: буржуазная сущность генетики и её вредность декларировались отныне навсегда. В центральной части доклада, озаглавленной "Два мира -- две идеологии в биологии", Лысенко заявлял:

"Возникшие на грани веков -- прошлого и настоящего -- вейсманизм, а вслед за ним менделизм-морганизм своим острием были направлены против материалистических основ теории развития (79). Ныне, в эпоху борьбы двух миров, особенно резко определились два противоположные, противостоящие друг другу направления, пронизывающие основы почти всех биологических дисциплин... Не будет преувеличением утверждать, что немощная метафизическая моргановская "наука" о природе живых тел ни в какое сравнение не может идти с нашей действенной мичуринской агробиологической наукой" (80).

Заканчивая доклад, Лысенко сказал:

"В.И.Ленин и И.В.Сталин открыли И.В.Мичурина и сделали его учение достоянием всего народа. Всем своим большим отеческим вниманием к его работе они спасли для биологии замечательное мичуринское учение" (81).

На следующее утро -- это было воскресенье 1 августа -- участников сессии повезли на

автобусах в Горки Ленинские, чтобы те воочию увидели могущество лысенкоистов, воплощенное в посевы. Услужливые борзописцы заливались соловьем, рисуя картину благоденствия, которую якобы могли лицезреть участники исторической сессии ВАСХНИЛ. Так, В.Сафронов в книге "Земля в цвету" (82) (через год он получит за нее Сталинскую премию) писал:

"И они увидели стеной стоящую пшеницу, пшеницу, незнакомую земледельцам, с гроздьями ветвистых колосьев на каждом стебле. Пять граммов зерна было в каждом колосе, кулек семян дал урожай шесть мешков: это сто, может быть даже сто пятьдесят центнеров с гектара, -- и рядом текла простая подмосковная речка Пахра, а невдалеке белел дом, где 24 года назад умер Ленин.

Над этой пшеницей, по сталинскому заданию, работает сейчас Лысенко со своими сотрудниками академиками А.А.Авакяном и Д.А.Долгушиным. И когда заколосится она не на опытных, а на колхозных полях, не будет такой области... на широте Москвы, которая не сможет прожить своим хлебом...

Да, всем было видно, с чем пришли мичуринцы на сессию" (83).

На следующий день все снова собрались на заседание. Начались прения по докладу Лысенко. Особенно изощрялись новоиспеченные академики.

И.В.Якушкин -- главный лжесвидетель по "делу Н.И.Вавилова", человек, оклеветавший многих ученых, утверждал на сессии, что гибридная кукуруза в США -- это "загадки, курьезы и фокусы, которые применяют американские капиталистические семенные фирмы" (84).

Н.Г.Беленький уверял, что "никакого особого вещества наследственности не существует, подобно тому как не существует флогистона -- вещества горения -- и теплорода -- вещества тепла" (85).

Им вторил С.С.Перов, старый партийный функционер, не раз критиковавшийся за ненаучные упражнения, но зато славный другим: в его квартире как-то останавливался В.М.Молотов, он же помог позже Перову стать и сотрудником в аппарате ЦК партии и заведующим Белковой лабораторией АН СССР, невзирая на полное отсутствие знаний о белках. Перов с пафосом восклицал:

"Додуматься до представлений о гене, как органе, железе, с развитой морфологической и очень специфической структурой, может только ученый, решивший покончить с собой научным самоубийством. Представлять, что ген, являясь частью хромосомы, обладает способностью испускать неизвестные и ненайденные вещества -- ...значит заниматься метафизической внеопытной спекуляцией, что является смертью для экспериментальной науки" (86).

Бывший лысенковский аспирант, а теперь директор Института генетики АН Армянской ССР Г.А.Бабаджанян утверждал:

"Менделизм-морганизм... есть носитель идеалистического агностицизма в биологии (аплодисменты), признающий принципиальную непознаваемость биологических законов" (87).

Наряду с этим раздавались и чисто полицейские призывы. Назначенная Сталиным в

академики овощевод Е.И.Ушакова возмущалась тем, что в вузах еще продолжают преподавать законы Менделя, рассказывают о работах Вейсмана, Моргана и других генетиков:

"Студенты -- наши будущие советские специалисты, идеологически воспитываются в духе, чуждом советскому обществу, нашей науке и практике! Как могли дойти до этого? Не пора ли за это отвечать и отвечать по-серьезному? В наших вузах преподается история партии, курс ленинизма и рядом -- моргановская генетика!" (88).

А полковник НКВД С.Н.Муромцев пугал ученых:

"Можно не сомневаться в том, что если представители менделевско-моргановской школы не поймут необходимости творческого подхода к решению задач, стоящих перед биологической наукой, не осознают своей ответственности перед практикой, они не только останутся за бортом социалистической науки, но и за бортом практики социалистического строительства в нашей стране" (89).

Обстановка на этой сессии качественно отличалась от всех предшествовавших дискуссий. Лысенкоисты и раньше могли позволить себе говорить так, как сейчас говорил Н.В.Турбин, ставший заведующим кафедрой генетики и селекции Ленинградского университета:

"Надо... очистить... институты от засилия фанатических приверженцев морганизма-менделизма, лиц, которые, прикрываясь своими высокими учеными званиями, под-час занимаются, по-существу, переливанием из пустого в порожнее" (90).

Однако если раньше эти слова можно было отнести к разряду безответственных выкриков, то сейчас это был поддержанный руководством партии коммунистов клич функционера, ясный призыв к вполне реальным увольнениям с работы тех, кто не подпадал под вердикт победителей.

Решающим показателем серьезности отношения властей к биологическим дискуссиям стало то, что ежедневно газета "Правда" отводила целиком две или даже три страницы для публикации речей, звучавших на сессии (91).

Несмотря на открытую обструкцию науки, в её защиту выступили академики Жебрак (которого всё время репликами из рядов перебивали, стараясь оскорбить), Б.М.Завадовский, П.М.Жуковский, В.С.Немчинов и доктор биологических наук И.А.Рапопорт. Еще двое -- С.И.Алиханян и И.М.Поляков выступили с критикой отдельных частностей в докладе Лысенко. Академик ВАСХНИЛ Б.М.Завадовский, который много лет заигрывал с лысенкоистами, хвалил самого Лысенко (особенно на сессии ВАСХНИЛ 1936 года, когда генетики выступили против идей Лысенко, говорил тогда, что "генетики не могут объяснить крупных научных достижений Лысенко, не могут определить место его учения в системе биологических наук"), наконец, изменил свою точку зрения. Открыто и смело он выступил против ошибок Лысенко. На этот раз он назвал действия Лысенко диктаторскими, противопоставил взгляды лидера мичуринцев дарвинизму и резко возразил против административных гонений на генетику:

"Надо критиковать Сахарова, Навашина и Жебрака там, где они допускают теоретические ошибки. Но, когда я услышал здесь призыв разгромить менделистов-морганистов, не давать им возможности работать, мне стало совершенно ясно, какой ущерб принесут такие действия народному хозяйству" (91а).

Особо следует остановиться на выступлении Иосифа Абрамовича Рапопорта, показавшего, что, к чести ученых, не все они поддались поголовно диктату. И.А.Рапопорт -- ученик Н.К.Кольцова, всю войну провоевавший на фронте, израненный и овеянный славой за свою ставшую легендарной смелость (92) сумел попасть в зал по билету, данному ему приятелем. Он попросил слова сразу же после того, как Лысенко закончил свой доклад, но выступить ему позволили только в середине вечернего заседания 2 августа. Рапопорт первым пошел в бой против лысенкоизма, как он первым шел в бой на фронте. Перед лысенкоистами стоял молодой, сильный духом боец. На его голове белела узкая марлевая повязка, прикрывающая пустую глазницу (на фронте он получил несколько ранений, но остался в строю), его манера говорить -- быстро и страстно -- была убедительной и впечатляющей. (Кстати, из опубликованной стенограммы его выступления были изъяты наиболее острые места /93/).

Иосиф Абрамович Рапопорт (1912-1990) родился в Чернигове, окончил биологический факультет Ленинградского университета, после чего поступил в аспирантуру в кольцовский институт, затем вскоре защитил диссертацию на соискание степени кандидата биологических наук. На конец июня 1941 года была назначена защита им докторской диссертации, но на пятый день войны он ушел добровольцем на фронт. В 1943 году он был направлен на краткосрочные курсы подготовки командного состава артиллерийских войск в Военную академию имени М.В.Фрунзе в Москву, и во время этого приезда успел защитить докторскую диссертацию и сдать в печать крупную работу об искусственном вызывании мутаций несколькими классами алкилирующих соединений. По окончании курсов он вернулся в действующую армию и провел всю войну в боях сначала как артиллерист, а затем как разведчик переднего края. Он был беззаветно храбр, много раз оказывался в кризисных ситуациях, о нем ходили легенды. Дважды его представляли к званию Героя Советского Союза, но оба раза происходило странное -- "бумаги терялись". Он получил восемнадцать ранений, дважды ранения были серьезными (он потерял глаз и всю последующую жизнь ходил с белой повязкой на голове), он мог демобилизоваться на законных основаниях, но каждый раз возвращался в строй. Статья 1944 года о вызывании мутаций увидела свет только в 1947 году, в 1948 году английская исследовательница Шарлотта Ауэрбах получила сходный результат относительного мутагенного действия азотистого иприта (горчичного газа). В том же году вышло пять работ Рапопорта, в которых мутагенное действие было установлено для большого числа различных алкилирующих соединений. Благодаря этому в генетике началось мощное развитие работ в области химического мутагенеза. Поскольку в это же время в США, Европе и в СССР под покровом секретности разрабатывали новые виды химического оружия, в котором алкилирующие соединения были главными компонентами, работы Рапопорта и Ауэрбах попали в фокус внимания многих исследователей. В начале 1950-х годов Нобелевский комитет рассматривал Ш.Ауэрбах в качестве кандидата на получение Нобелевской премии в области химии. Представлявшие её ученые не могли не добавить к Ауэрбах имени Рапопорта, и оба кандидата дошли до стадии так называемого "короткого списка" возможных претендентов. Как мне рассказывал видный шведский генетико Оке Густаффсон, Нобелевский комитет запросил официально у Советского правительства, не возражает ли оно против того, чтобы Рапопорту была присвоена эта премия, если Комитет на последнем этапе проголосует за кандидатуры советского ученого и Ауэрбах. По словам Густаффсона, Советское Правительство прислало по дипломатическим каналам ответ, что СССР не заинтересовано в этом вопросе и не может дать ответа по существу запрошенных кандидатур. После этого обе фамилии из "короткого списка" были исключены. В 1984 году Рапопорту присудили Ленинскую премию "за выдающиеся работы в области мутагенеза", он был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1990 году ему было присвоено звание Героя Социалистического труда за "особый вклад в сохранение и развитие генетики". 31 декабря того же года Иосиф Абрамович попал под машину и погиб.

Рапопорт начал с перечисления успехов генетики: познания природы гена, мутаций,

выяснения способов повышения темпов мутирования, открытия наследственной природы вирусов и изучения их свойств, создания гибридной кукурузы, полиплоидных растений и т. д. Он сказал, что стыдно не использовать генетику в интересах практики на благо социалистической Родины:

"Нельзя согласиться с теми товарищами, которые требуют изъятия курса генетики из программы высших учебных заведений, требуют отказа от тех принципов, на основании которых созданы и сейчас создаются ценные сорта и породы.

Мы не должны идти по пути простого обезьянничания, но мы обязаны критически и творчески, как нас учил В.И.Ленин, осваивать все созданное за границей. Мы должны бережно подхватывать ростки нового, чтобы росли новые кадры, которые смогут двигать науку вперед.

Только на основе правдивости, на основе критики собственных ошибок можно притти в дальнейшем к большим успехам, к которым призывает нас наша Родина" (94).

В этом месте стенограммы значится: "Редкие аплодисменты", что говорит о том, насколько мощным оказалось воздействие этого худенького, ничем внешне не примечательного человека на аудиторию. Всех остальных генетиков ошикали. Его же ни разу не перебили во время выступления, ему не устроили обструкцию по окончании. Его слушали, затаив дыхание, а в конце речи даже аплодировали.

Но уже следующий оратор -- Г.А.Бабаджанян начал кампанию травли Рапопорта. Он отверг всякую пользу изучения хромосом, обругал мутагенез, заявив, что все мутации непременно вредны, а "организмы, полученные таким путем, -- один лишь брак, уроды!" (95).

"Ведь Рапопорт не мог здесь доказать, что вновь полученные мутанты чем-нибудь принципиально отличаются от бесчисленных мутаций, полученных ими раньше, -- утверждал Бабаджанян. -- Наоборот, есть все основания думать, что они той же природы. Наконец, допустим, что на самом деле получено небольшое количество не вредных и не летальных мутаций. Кому они нужны? Кому нужны по своей природе бесполезные дрозофилы?" (96).

Директор армянского Института генетики Бабаджанян с апломбом делал вид, что успехов генетики нет и быть не может, что все они -- фикция, обман, стремление обвести вокруг пальца всё человечество разом.

Рапопорт стал возражать ему с места. Бабаджанян не нашел ничего лучшего, как перейти к оскорблениям
(в частности, он договорился до того, что указал инвалиду войны на отсутствие у него одного глаза, отчего-де он и не видит вредоносности и гнилой сути формальной генетики). Вот часть этой дискуссии, как она была отражена в стенограмме:

И.А.Рапопорт. Но есть полезные мутации, и их много. Почему вы на них закрываете оба глаза?

Г.А.Бабаджанян. Во-первых, это -- полезные мутации на бесполезном объекте (аплодисменты).

И.А.Рапопорт. У нас есть средства против туберкулеза и других болезней.

Г.А.Бабаджанян. Вы только даете обещания.

И.А.Рапопорт. А вы даете обещания выводить сорта в два года, но не выполняете этих обещаний и своих ошибок не признаете.

Г.А.Бабаджанян. Мы несем нашу теорию в практику, говорит Рапопорт. Какую теорию вы несете в практику? Ваша теория по своей внутренней природе направлена против практики. Ваша "теория" относится к практике не только безразлично, не только нейтрально... Менделисты -- противники не только установленных, доказанных успехов, но и потенциальные противники всех будущих успехов. (Аплодисменты) (97).

Имя Ивана Ивановича Шмальгаузена -- известного специалиста в области эволюции склоняли день за днем, глумясь даже над тем, что он болен и не может принять участие в сессии. Но в последний день работы сессии Шмальгаузен приехал и постарался дать внешне спокойный ответ на обвинения. Однако было видно, что он сильно напуган, так как главное, что он хотел донести до слушателей, было желание отмежеваться от взглядов Вейсмана и Моргана и показать, что серьезных разногласий между его взглядами и утверждениями Лысенко нет. В тот же день он отправил Сталину длинное послание, в котором утверждал, ссылаясь на соответствующие страницы в своих книгах, что

"всю жизнь... боролся за материалистические установки... и вел энергичную борьбу против вейсманизма... До 1947 года я никогда не выступал против работ и взглядов академика Т.Д.Лысенко. Наоборот, я давал им весьма положительную оценку" (98).

Шмальгаузен в письме подробно разъяснял, почему он выступал против идей Лысенко о видообразовании, а заканчивал уверениями в том, что осознал эту свою ошибку, обязуется больше её никогда не повторять:

"Ваши указания, товарищ Сталин... помогли мне разобраться во многом... Сессию ВАСХНИЛ я высоко оцениваю и от души желаю новым академикам успеха в их дальнейшей работе. Я лично приложу все свои силы для того, чтобы в дальнейшей преподавательской деятельности максимально популяризировать достижения мичуринского учения..." (99).

Пример гражданского мужества продемонстрировал на сессии директор Тимирязевской академии, крупнейший специалист в области экономики и математической статистики, академик трех академий -- АН СССР, АН БССР и ВАСХНИЛ Василий Сергеевич Немчинов. Двадцать лет он заведовал в Тимирязевке кафедрой статистики, прививая студентам любовь к точным наукам, умение оперировать числом и понятием функции при анализе получаемых данных. В 1940 году его назначили директором академии, и за 8 лет его директорства никому не удалось разрушить этот крупнейший центр агрономической мысли. В те годы, когда Лысенко и его сторонники сумели расправиться со многими оппонентами в других вузах, в Тимирязевке работали великий агрохимик Прянишников, выдающиеся селекционеры и борцы с лысенкоизмом Константинов и Лисицын, эволюционист Александр Александрович Парамонов, генетик Жебрак и многие другие ученые, чьи имена составляли славу и гордость не только лишь Тимирязевки, но и мировой науки. Но Немчинов дал одновременно свободу действий сторонникам лысенкоизма, следя лишь за одним, -- чтобы соревнование идей шло в лабораториях и на полях, а не превращалось в политическую борьбу.

Трудно сегодня представить всю тяжесть ноши, легшей на плечи Немчинова. Изменилась политическая ситуация, отступил в прошлое страшный политический террор, и нам уже не оценить глубины мужества тех, кто не встал тогда на колени. Когда Немчинов поднялся на трибуну, сессия уже фактически закончилась, полная победа мракобесия над наукой была

закреплена. Оставалось выступать лишь двоим -- самым авторитетным лысенковцам -- Столетову и Презенту, прежде чем заслушать заключительное слово Лысенко и одобрить приветственное письмо Сталину. И в эту минуту лысенкоисты услышали нечто такое, чего они никак не ожидали. Немчинов показал, что совесть настоящего ученого -- далеко не разменная монета.

"Я вижу, что среди наших ученых нет единства по некоторым вопросам. И в этом я лично, как директор Тимирязевской академии, не вижу ничего плохого, -- в самом начале своей речи сказал он (100) и продолжил. -- Говорят, что в Тимирязевской сельскохозяйственной академии нет мичуринского направления, что наши работники, профессора и т. д. являются антимичуринцами. Это -- неверно" (101).

Он перечислил тех, кто относит свою работу к мичуринскому направлению.

Затем речь зашла о "проступке" Жебрака. Немчинова на сессии обвиняли в том, что он всегда способствовал работе Жебрака и одобрял все его действия, хотя Немчинов, выступая на "Суде чести" Жебрака, резко (и в целом несправедливо) критиковал последнего. Однако здесь Немчинов подтвердил свое уважение к Жебраку как ученому, отметив однако, что если Жебрак в чем-то ошибется, то доброе отношение не будет означать, что и тогда Немчинов промолчит, а те, кто так говорят, прекрасно знают правду, но "почему-то считают необходимым вводить в заблуждение советскую общественность" (102). В ответ из зала выкрикнули: "Они чуют правду". С этой минуты Немчинову не давали говорить, перебивали, оскорбляли. Тем не менее он не отступил от своей позиции. Вот, что осталось в "отредактированной" стенограмме этого заседания:

"Голос с места. Хромосомная теория в золотом фонде находится?

В.С.Немчинов. Да, я могу повторить, да, я считаю, что хромосомная теория наследственности вошла в золотой фонд науки человечества и продолжаю держаться такой точки зрения.

Голос с места. Вы же не биолог, как вы можете судить от этом?

В.С.Немчинов. Я не биолог, но я имею возможность эту теорию проверить с точки зрения той науки, в которой я веду научные исследования, и, в частности, статистики. (Шум в зале).

Она соответствует также моим представлениям. Но не в этом дело. (Шум в зале).

Голос с места. Как не в этом?

В.С.Немчинов. Хорошо, пусть будет в этом дело. Тогда я должен заявить, что не могу разделить точку зрения товарищей, которые заявляют, что к механизмам наследственности никакого отношения хромосомы не имеют. (Шум в зале).

Голос с места. Механизмов нет.

В.С.Немчинов. Это вам так кажется, что механизмов нет. Этот механизм умеют не только видеть, но и окрашивать и определять. (Шум в зале).

Голос с места. Да, это краски. И статистика.

В.С.Немчинов. Я не разделяю точку зрения, которая была высказана председателем о том,

что хромосомная теория наследственности и, в частности, некоторые законы Менделя являются какой-то идеалистической точкой зрения, какой-то реакционной теорией. Лично я такое положение считаю неправильным, и это является моей точкой зрения. (Шум в зале, смех)...

Голос с места. От директора Тимирязевской академии ее интересно услышать.

В.С.Немчинов. Тогда разрешите ее изложить. Я не считаю правильным, если А.Р.Жебрак совершил антипатриотический поступок, который получил заслуженную оценку, -- что нужно, в связи с этим, закрывать все его работы по амфидиплоидам.

Голос с места. Вам нужно уйти в отставку.

В.С.Немчинов. Возможно, что мне нужно уйти в отставку. Я за свою должность не держусь. (Шум в зале).

Голос с места. Это плохо.

В.С.Немчинов. Но я считаю свою точку зрения правильной, и агрессивный характер выступлений и действий, направленных на запрещение работ А.Р.Жебрака я считаю неправильным...

Голос с места. Скажите о ваших отношениях к установкам доклада /Лысенко/.

В.С.Немчинов. Мое отношение к докладу Т.Д.Лысенко таково. Основные его положения и основные идеи, которые заключаются в том, чтобы мобилизовать агробиологическую науку на нужды колхозного производства и методы его работы перенести на все массивы полей, я считаю правильными.

Голос с места. Теоретически.

В.С.Немчинов. В теоретической основе я считаю, что в отношении к хромосомной теории наследственности Трофим Денисович неправ" (103).

Услышав это, лысенкоисты стали перебивать его еще более яростно. Им хотелось во что бы то ни стало добить Немчинова, склонить его к отказу от собственного мнения. Но своего они так и не добились. Немчинов закончил выступление словами:

"Я несу моральную и политическую ответственность за линию Тимирязевской академии. Я морально и политически ответственен за ту линию, которую я провожу, и считаю ее правильной и буду продолжать проводить. Если эта линия окажется неправильной, то мне подскажут, или выполнят те надежды и чаяния, которые здесь раздаются, чтобы я освободил место. Недопустимо, на мой взгляд, закрыть в Тимирязевской академии работу профессора Жебрака" (104).

Презент не выдержал в этот момент и выкрикнул:

"Типа Моргана, да?" (105),

на что Немчинов еще раз повторил:

"Я несу за это моральную и политическую ответственность и буду нести ее, пока она на меня

возложена" (106),

и с этими словами покинул трибуну7.

Завершая выступления ораторов, Презент, переставший выбирать выражения и буквально глумившийся над оппонентами, заявил, что "вооруженные мичуринским учением, наши советские ученые уже разгромили морганизм" (108). Он утверждал:

"Сейчас у нас в стране открытых и откровенных морганистов остается уже немного. Для этого действительно, может быть, надо быть дубиниными (аплодисменты)" (109).

Презент позволил себе высокомерно отозваться и о работах своего давнего противника, академика П.Н.Константинова. Говоря о том, что такие селекционеры, как Шехурдин и Константинов, использовали основанный на законах генетики метод отбора лучших форм, Презент развязно поучал с трибуны:

"Правда, академик Константинов, нынче, в мичуринские времена, во время планомерной селекции, включающей воспитание, старый метод отбора уже недостаточен...
Морганисты пытаются приобщить достижения работ наших селекционеров, ваши достижения, академик Константинов, благодаря тому, что вы временно не вооружились ненавистью к такой лженауке, какой является морганизм. Это еще придет к вам, академик Константинов, я верю в вас, вы -- настоящий селекционер.

(П р о д о л ж и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы)" (110).

"К сожалению, -- продолжал Презент, -- тлетворное влияние морганизма проникло и в среду небиологов..., если даже академик Немчинов, не генетик, а статистик, если даже он имеет свою точку зрения по вопросам морганизма, (С м е х, аплодисменты)" (111).

Немчинов с места возразил:

"А почему я не должен ее иметь?",

на что услышал от Презента:

"Я говорю не в упрек, а в похвалу тому, что вы имеете свою точку зрения. (С м е х)" (112).

В том же стиле он "проехался" в адрес Б.М.Завадовского, П.М.Жуковского, И.М.Полякова и других. Последнему он адресовал такие слова:

"Дарвинизм сейчас не тот, который был во времена Дарвина... Такого уровня подбора не знало дарвиновское учение, не знало и не могло знать, но вы, профессор Поляков, его знать обязаны. Ведь вы обязаны быть умнее Дарвина, уже по одному тому, что птичка, сидящая на голове мудреца, видит дальше мудреца. (С м е х)" (113).

С явным удовольствием Презент называл генетиков ретроградами и объявлял о наступающей с этого дня расправе:

"Никого не смутят ложные аналогии морганистов о невидимом атоме и невидимом гене. Гораздо более близкая аналогия была бы между невидимым геном и невидимым духом. Нас призывают дискуссировать. Мы не будем дискуссировать с морганистами (аплодисменты), мы будем продолжать их разоблачать, как представителей вредного и идеологически

чуждого, привнесенного к нам из чуждого зарубежья лженаучного по своей сущности направления" (А п л о д и с м е н т ы) (114).

По-видимому, были готовы смириться со своим поражением и кое-кто из тех, кто выступал под знаменем генетики. Скорее всего, этим объясняется желание Шмальгаузена отмежеваться от "вейсманизма-морганизма", смятение Полякова. Генетик А.А.Малиновский попросил слова, эту возможность ему предоставили, но когда председательствующий объявил о его выступлении, Малиновский ретировался, объясняя мне позже, что один из близких друзей... зная его вспыльчивость, отсоветовал близко подходить к трибуне.

И все-таки многие генетики, особенно в первые дни работы сессии, не могли понять, что происходит. Ведь совсем недавно лысенкоисты терпели поражение за поражением, совсем недавно Ю.А.Жданов открыто критиковал Лысенко. На следующий день после публикации в "Правде" информационного сообщения о назначении новых членов академии без выборов и о предстоящей сессии ВАСХНИЛ В.П.Эфроимсон, передавший в ЦК партии материалы об антинаучной деятельности Лысенко и ждавший результатов их проверки, позвонил в отдел науки ЦК ВКП(б) и сказал сотруднице отдела В.Васильевой:

"Я совершенно не понимаю, что происходит, но имейте ввиду, -- все, что я написал, святая правда".

В ответ он услышал:

"Неужели вы думаете, что мы хоть на минуту в этом сомневаемся?" (115).

Слухи об этом ответе быстро распространились среди генетиков, поддержав уверенность, что правда все-таки восторжествует. Способствовало такому ожиданию и неясное объяснение "колхозным академиком" в его первом докладе того, из каких сфер он получил поддержку. Факт предварительного ознакомления Сталина с его докладом обнародован не был, и лишь в "Заключительном слове" Лысенко сказал:

"Меня в одной из записок спрашивают: каково отношение ЦК партии к моему докладу. Я отвечаю: ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его" (116).

После этого в стенограмме значится: "Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают". (В дни, когда Сталина хоронили, в "Правде" появилась короткая заметка Лысенко "Корифей науки", в которой он писал:

"Сталин... непосредственно редактировал проект доклада "О положении в биологической науке", подробно объяснил мне свои исправления, дал указания, как изложить отдельные места доклада. Товарищ Сталин внимательно следил за результатами работы августовской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина" /117/).

Но до последнего дня сессии Лысенко и его приближенные об этом помалкивали и даже пытались вызвать генетиков на более откровенные разговоры, сетовали, что они неохотно включаются в дискуссию, как это сделал А.А.Авакян (118). А ведь ссылка на "одобрение ЦК партии" яснее ясного всё бы объяснила людям, уже привыкшим жить в атмосфере страха, вызванного политическими репрессиями. Но, повторяю, оповещения о том, по чьему указанию громят генетику, сделано не было, и потому многие надеялись, что критика Лысенко и в МГУ, и в докладе Жданова14 не могла остаться гласом вопиющего в пустыне. Эти люди надеялись, что всё происходящее -- лишь авантюра лысенковцев, решившихся пойти ва-банк. И только в последний день работы сессии произошло событие, открывшее

всем глаза. В то утро в "Правде" появилось покаянное письмо Сталину главного критика Лысенко Ю.А.Жданова, в котором он отказывался от своих взглядов и пытался провести водораздел между личной позицией химика-философа Юрия Жданова и партийными позициями заведующего отделом науки ЦК ВКП(б) Юрия Андреевича Жданова. Партийная дисциплина опять оказалась сильнее научной истины, хотя Жданов в "покаянке" и высказал критику в адрес Лысенко. Пытаясь примирить в себе эти противоположности, он ссылался на Ленина, требовавшего от своих сторонников умения абстрагироваться от реально наблюдаемых явлений, чтобы не впасть в "объективизм".

Этот документ ярко характеризует моральную обстановку, рождаемую тоталитарным правлением, абсолютную необходимость подчинения своих взглядов пусть неверному, но исходящему от главаря режима курсу (как будто в насмешку, это и называлось демократическим централизмом в действии).

"ЦК ВКП(б), ТОВАРИЩУ И. В. СТАЛИНУ

Выступив не семинаре лекторов с докладом о спорных вопросах современного дарвинизма, я безусловно совершил целый ряд серьезных ошибок.

1. Ошибочной была сама постановка этого доклада. Я явно недооценил свое новое положение работника аппарата ЦК, недооценил свою ответственность, не сообразил, что мое выступление будет расценено как официальная точка зрения ЦК. Здесь сказалась "университетская привычка", когда я в том или ином научном споре, не задумываясь, высказывал свою точку зрения... Несомненно, что это "профессорская" в дурном смысле, а не партийная позиция.

2. Коренной ошибкой в самом докладе была его направленность на примирение борющихся в биологии направлений.

С первого же дня моей работы в отделе науки ко мне стали являться представители формальной генетики с жалобами на то, что полученные ими новые сорта полезных растений (гречиха, кок-сагыз, герань, конопля, цитрусы), обладающие повышенными качествами, не внедряются в производство и наталкиваются на сопротивление сторонников академика Лысенко. Эти несомненно полезные формы растений получены путем непосредственного воздействия химических или физических факторов на зародышевую клетку (на семена)... Я отдаю себе отчет в том, что механизм действия этих агентов на организм может и должен быть объяснен не формальной, а мичуринской генетикой.

Ошибка моя состояла в том, что решив взять под защиту эти практические результаты, которые явились "дарами данайцев", я не подверг беспощадной критике коренные методологические пороки менделевско-моргановской генетики. Сознаю, что это делячеcкий подход к практике, погоня за копейкой.

Борьба направлений в биологии часто принимает уродливые формы дрязг и скандала. Однако мне показалось, что здесь вообще ничего, кроме этих дрязг и скандалов, нет. Я, следовательно, недооценил принципиальную сторону вопроса, подошел к вопросу неисторически, не проанализировал его глубоких причин и корней.

Все это вместе взятое и породило стремление "примирить" спорящие стороны, стереть разногласия, подчеркивать то, что объединяет, а не разъединяет противников. Но в науке, как и в политике, принципы не примиряются, а побеждают, борьба происходит не путем затушевывания, а путем раскрытия противоречий. Попытка примирить принципы на основе

делячества и узкого практицизма, недооценка теоретической стороны спора привела к эклектике, в чем и сознаюсь.

3. Ошибкой была моя резкая и публичная критика академика Лысенко. Академик Лысенко в настоящее время является признанным главой мичуринского направления в биологии, он отстоял Мичурина и его учение от нападок со стороны буржуазных генетиков, сам многое сделал для науки и практики нашего хозяйства. Учитывая это, критику Лысенко, его отдельных недостатков, следует вести так, чтобы она не ослабляла, а укрепляла позиции мичуринцев.

Я не согласен с некоторыми теоретическими положениями академика Лысенко (отрицание внутривидовой борьбы и взаимопомощи, недооценка внутренней специфики организма), считаю, что он еще слабо пользуется сокровищницей мичуринского учения (именно поэтому Лысенко не вывел сколько-нибудь значительных сортов сельскохозяйственных растений), считаю, что он слабо руководит нашей сельскохозяйственной наукой. Возглавляемая им ВАСХНИЛ работает далеко не на полную мощность... Но... в результате моей критики Лысенко формальные генетики оказались "третьим радующимся".

Я, будучи предан всей душой мичуринскому учению, критиковал Лысенко не за то, что он мичуринец, а за то, что он недостаточно развивает мичуринское учение. Однако форма критики была избрана неправильно. Поэтому от такой критики объективно мичуринцы проигрывали, а мендельянцы-морганисты выигрывали.

4. Ленин неоднократно указывал, что признание необходимости того или иного явления таит в себе опасность впасть в объективизм. В известной мере этой опасности не избежал и я.

Место вейсманизма и мендельянства-морганизма (я их не разделяю) я охарактеризовал в значительной мере по-"пименовски": добру и злу внимая равнодушно. Вместо того, чтобы резко обрушиться против этих научных взглядов (выражаемых у нас Шмальгаузеном и его школой), которые в теории являются завуалированной формой поповщины, теологических представлений о возникновении видов в результате отдельных актов творения, а на практике ведут к "предельчеству", к отрицанию способности человека переделывать природу животных и растений, я ошибочно поставил перед собой задачу "осознать их место в развитии биологической теории", найти в них "рациональное зерно". В результате критика вейсманизма вышла у меня слабой, объективистской, а по-существу неглубокой.

В итоге опять-таки главный удар пришелся по академику Лысенко, то-есть рикошетом по мичуринскому направлению.

Таковы мои ошибки, как я их понимаю.

Считаю своим долгом заверить Вас, товарищ Сталин, и в Вашем лице ЦК ВКП(б), что я был и остаюсь страстным мичуринцем. Ошибки мои проистекают из того, что я недостаточно разобрался в истории вопроса, неправильно построил фронт борьбы за мичуринское учение. Все это из-за неопытности и незрелости. Делом исправлю ошибки.

Юрий Жданов" (120)11 .

Публикация письма в день закрытия сессии ВАСХНИЛ значила слишком много. Упоминания о важных ошибках Лысенко уже не звучали остро. В который раз истина была принесена в жертву политиканству. И если уж каяться заставили Жданова, то что же было ожидать от

людей менее значительных!

О факте предстоящей публикации письма Жданова в "Правде" стало известно вечером 6 августа кому-то из близких к академику Жуковскому, те передали ему роковую весть, а от него круги разошлись шире. Поздним вечером Жуковский и Алиханян -- двое из тех, кто пусть не очень сильно, не так как Рапопорт или Немчинов, но все-таки довольно определенно говорили на сессии в защиту генетики, испугавшись, решили, что нужно срочно объявить о своем раскаянии. Сообразив, что утром, когда письмо будет уже напечатано, их искренность в покаянии будет не столь убедительной, они бросились названивать председательствующему на сессии П.П.Лобанову, чтобы сообщить ему, что они раскаялись, просят их простить и дать им выступить с заявлениями во время закрытия сессии. (С таким же раскаянием выступил после них Поляков). Но если Жданов (неспециалист) нашел в себе силы открыто сказать об ошибках Лысенко, то специалисты, знавшие больше о вреде его деятельности для страны, продемонстрировали другое: раздавленные случившимся, деморализованные они принялись клеймить позором свою науку и, разумеется, себя. Их выступления красочно характеризуют условия, складывающиеся в науке тоталитарных стран, поведение приспособленцев в таких случаях.

П.М.Жуковский

"Товарищи, вчера поздно вечером я решил выступить с настоящим заявлением. Говорю вчера поздно вечером намеренно, потому что я не знал о том, что сегодня в "Правде" появится письмо товарища Ю.Жданова и никакой связи поэтому между настоящим моим заявлением и письмом товарища Ю.Жданова нет. Думаю, что заместитель министра сельского хозяйства Лобанов может это подтвердить, так как вечером по телефону я просил его разрешить мне сделать сегодня на сессии заявление...

С.И.Алиханян

"Товарищи, я попросил слово у председателя не потому, что сегодня прочел в "Правде" заявление Юрия Андреевича Жданова. Я решил сделать заявление еще вчера, и заместитель министра сельского хозяйства П.П.Лобанов может подтвердить, что разговор об этом у меня с ним был еще вчера, 6 августа. Я очень внимательно следил за этой сессией и много пережил за эти дни... Речь идет о борьбе двух миров, борьбе двух мировоззрений, и нам нечего цепляться за старые положения, которые преподносились нам нашими учителями.

Мое выступление два дня назад, когда Центральный Комитет партии намечал водораздел, который разделяет два течения в биологической науке, было недостойно члена коммунистической партии и советского ученого.

Я признаю, что занимал неправильную позицию...

Мы сильно поддались полемическим страстям, которые разжигались в этой дискуссии нашими учителями. Из-за этой полемики мы не смогли увидеть новое, растущее направление в генетической науке. Это новое -- учение Мичурина. И, как я уже говорил, нам важно понять, что мы должны быть по эту сторону научных баррикад, с нашей партией, с нашей советской наукой...

Исключительное единство членов и гостей на этой сессии, демонстрация силы этого единства и связи с народом и, наоборот демонстрация слабости противника для меня столь очевидна, что я заявляю: я буду бороться, -- а иногда я это умею, -- за мичуринскую биологическую науку. (Продолжительные аплодисменты).

Я призываю своих товарищей сделать очень серьезные выводы из этих моих слов. Я, как коммунист, не могу и не должен противопоставлять упрямо, в пылу полемики, свои личные взгляды и понятия всему поступательному ходу развития биологической науки.

Я человек ответственный, ибо работаю в Комитете по Сталинским премиям, в экспертной комиссии по присуждению высоких ученых степеней. Поэтому я полагаю, что на мне лежит моральный долг -- быть честным мичуринцем, быть честным советским биологом.

Я не мыслю своего существования без активной и полезной деятельности на благо советского общества, советской науки. Я верил нашей партии, нашей идеологии, когда шел в бой со своими солдатами. И сегодня я искренне верю, что, как ученый, я посту-паю честно и правдиво и иду с партией, со своей страной, и если вы, товарищи, того же не сделаете, то окажетесь в хвосте, отстанете от прогрессивного развития науки. Наука не терпит нерешительности и беспринципности.

Товарищи мичуринцы! Если я заявил, что перехожу в ряды мичуринцев и буду их защищать, то я делаю это честно. Я обращаюсь ко всем мичуринцам, в числе которых есть и мои друзья и мои враги, и заявляю, что я буду честно выполнять то, что здесь заявил сегодня. (Аплодисменты).

С завтрашнего дня я не только сам стану всю свою научную деятельность освобождать от старых реакционных вейсманистско-морганистских взглядов, но и всех своих учеников и товарищей стану переделывать, переламывать.

Уверен в том, что, зная меня, мне в данном случае поверят и в том, что свое заявление я делаю не из трусости. Важной чертой моего характера в жизни всегда была огромная впечатлительность. Все знают, что я очень нервно воспринимаю все. Поэтому вы поверите мне, что данная сессия действительно произвела на меня огромное впечатление.

Нельзя скрывать, что это будет чрезвычайно трудным и мучительным процессом, может быть, многие этого не поймут: ну что же, ничего не поделаешь, тогда они не с нами. Они, значит, не сумеют правильно оценить ту помощь, которую оказала нам партия в коренном переломе, который произошел в науке, и не сумеют понять, что дело не в разногласиях по отдельным, не принципиальным вопросам.

Здесь говорят и о том (и это справедливый упрек), что мы на страницах печати не ведем борьбы с зарубежными реакционерами в области биологической науки. Заявляю здесь, что я буду вести эту борьбу и придаю ей политическое значение. Я считаю, что должен, наконец, раздаться голос советских биологов на страницах нашей научной печати о том, что нас разделяет огромная идейная пропасть. И только тот зарубежный ученый, который поймет, что мост должен быть переброшен к нам, а не к ним, может рассчитывать на наше к нему внимание.

Пусть прошлое, которое разделяло нас с Т.Д.Лысенко (правда, не всегда), уйдет в забвение. Поверьте тому, что я сегодня делаю партийный шаг и выступаю как истинный член партии, т. е. честно. (Аплодисменты)" (122).

И только в нашей стране, стране самого передового прогрессивного мировоззрения могут развиваться ростки нового научного направления, и наше место с этим новым, передовым. И я, со своей стороны, категорически заявляю своим товарищам, что буду впредь бороться с теми своими вчерашними единомышленниками, которые этого не поймут и не пойдут за мичуринским направлением. Я буду не только критиковать то порочное, вейсманистско-моргановское, что было в моих работах, но и принимать активное участие в этом поступательном ходе вперед мичуринской науки" (123).

Как видим, оба неофита-лысенкоиста за один вечер "передумали" свою жизнь и решили предать анафеме всё, что было для них (или должно было быть) свято раньше. Особенно был категоричным Алиханян, который в своем первом выступлении (за генетику) нажимал на то, что он -- уже поднаторевший в науке человек:

"... я постараюсь сказать о том, как я понимаю научные вопросы, над которыми работаю 18 лет" (124),

хотя и это было неправдой: он сначала пытался разрабатывать "философские вопросы" генетики (как Презент у Лысенко, но не в противовес генетике, а за нее), а потом потихоньку стал приобщаться к экспериментальной работе, но более старательно делал общественную карьеру. Затем у него был перерыв во время войны, когда он был на фронте, где был ранен, лишь потом он вернулся к научной работе, так что ни о каких 18 годах научной работы и речи быть не могло (125). А на этот раз -- в покаянном выступлении -- он решил, что выгоднее выставить себя молодым ученым и свалить всё на учителей, которые и "старые положения преподносили", портя его "мировоззрение", и "полемические страсти разжигали". Этот прием был подхвачен многими в те годы (например, учениками С.С.Четверикова -- И.Н.Грязновым и А.Ф.Шереметьевым в Горьковском университете /126/). Покаялся на сессии ВАСХНИЛ и член-корреспондент Украинской АН И.М.Поляков. Он перешел на сторону научных противников и стал использовать свой талант публициста для оскорблений настоящей науки в газетных и журнальных статьях (126а).

Отказываясь от всех предыдущих убеждений и кланяясь в ноги новым учителям за то, что они наставили их на "путь истинный", кающиеся просили поверить в их искренность (а Алиханян даже готов был взвалить на себя обязанности палача по отношению к тем из своих бывших коллег, кто на сделку с совестью не пошел; теперь "новообращенный" мичуринец Алиханян заявлял даже, что будет их "переламывать"). Но мог ли кто поверить в искренность их сегодняшней позиции и всего, что бы они не взялись делать позже!

Это был, пожалуй,
один из самых показательных публичных примеров самоубиения человеческих душ под напором политического диктата в стране, трубившей на весь мир о благовидности целей, свободе и демократии! Остров свободы в мире капитализма оказался на практике бастионом зла, в котором напуганные до смерти люди отрекались от своих взглядов даже в вопросах, не имевших никакого политического значения.

Погром в советской науке

В Оргбюро ЦК ВКП(б), Секретариате ЦК и в Политбюро Центрального Комитета партии ни нашлось никого, кто бы возразил диктатору Сталину. Решения о разгроме генетики были приняты лидерами партии единогласно, и в этих же органах с внимательностью и обстоятельностью следили за ходом сессии ВАСХНИЛ. Сын Жебрака, Эдуард Антонович, вспоминал со слов отца, что личный лимузин Сталина подъезжал к зданию Министерства сельского хозяйства на перекрестке Садового кольца и Орликова переулка, подгадывая к концу каждого заседания сессии. По лестнице сбегал вниз какой-то человек, рывком открывал заднюю дверь лимузина, и машина срывалась с места, увозя человека на доклад куда-то в сторону Кремля. Уже было сказано, что каждый день вечером Столетов появлялся в кабинете Маленкова и лично докладывал новому Секретарю ЦК о главных событиях дня. В "Правде" каждый день появлялось информационное сообщение о результатах предыдущего дня, а за главным рупором властей следили по всей стране.

О том, как было налажено ознакомление Маленкова с тем, что происходит на сессии, и как высшие чины аппарата ЦК рвались показать себя сражающимися с врагами и заработать политический капиталец, можно судить по одному из таких донесений, находящихся в архиве (бывшем центральном партийном архиве). Оно касалось выступления 4 августа академика Б.М.Завадовского, защищавшего генетику. В тот же день Д.Шепилов доносил Маленкову (прилагая выписку из речи Завадовского и уже добытую справку о нем, подписанную зам. зав. сектором науки Е.Городецким):

"Направляю Вам выписку из речи академика Б. Завадовского...

В связи с тем, что выступление... носит явно провокационный характер, и в своих попытках спасти потерпевшее полное банкротство вейсманистское направление в биологии Б.Завадовский не гнушается явно недостойного ученого средствами -- прощу Вас рассмотреть вопрос о возможности специального заявления на сессии, в котором была бы дана должная оценка поступка Б.Завадовского.

Конкретно возможна одна из следующих мер:

1. Мое краткое выступление на сессии с заявлением по поводу выступления Завадовского;

2. Мое подробное выступление на сессии... т. к. общими вопросами генетики я занимался ранее на протяжении ряда лет и вернулся к ним снова в последние два месяца, такое выступление вполне может подготовлено к 5 августа;

3. Если будет признано нецелесообразным мое выступление на сессии, соответствующее заявление о приемах т. Завадовского можно было поручить председательствующему на сессии т. Лобанову.

Прошу Ваших указаний.

Д.Шепилов." (127)

Донесение Шепилова в тот же вечер было прочитано Маленковым, на нем появились подписи ознакомленного с донесением Суслова и еще двоих аппаратчиков. Выступить Шепилову не дали, его боссы желали сохранить на сессии видимость нормальной дискуссии, и партийный топор показывать было рано.

Но уже через два дня после окончания сессии -- 9 августа -- под председательством Маленкова прошло заседание Оргбюро ЦК партии, на котором были разобраны итоги сессии и приняты решения о том, как изменить работу научно-исследовательских учреждений по всей стране, как обеспечить прекращение издания книг и статей генетического направления и как добиться того, чтобы только труды мичуринцев попадали к читателям с этой поры. Было решено, что все сообщения из разных ведомств о разгроме генетики должны отныне поступать лично товарищу Маленкову.

На этом заседании были приняты первые решения по кадровым вопросам, оформленные в тот же день как решения Политбюро ЦК КПСС (128). На всех из них расписался Сталин, на части была проставлена подпись Молотова, на части расписались другие члены Политбюро и/или личный помощник Сталина Поскребышев. Немчинов был снят с поста директора Тимирязевской академии и заменен Столетовым, Жебрак был освобожден от заведования кафедрой генетики, а на его место Политбюро ЦК ВКП(б) назначило Лысенко (129), Шмальгаузен и Юдинцев был уволены из МГУ, вместо них на обе должности сразу был назначен Презент (130). На следующий день Оргбюро было собрано снова, чтобы продолжить избиение кадров генетиков.

Длинное и казенное название одного пункта в повестке дня Оргбюро от 9 августа 1948 г. звучало так: "О мероприятиях по перестройке работы научных учреждений, кафедр, издательств и журналов в области биологии и укреплении этих участков квалифицированными кадрами -- мичуринцев" (131). Решения по этим вопросам были выписаны с надлежащей пунктуальностью на двух страницах (132). Министра Кафтанова обязывали представить предложения о том, кого надлежало уволить с кафедр вузов, министра Бенедиктова об увольнениях, но уже из научных институтов, от директора Объединения государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ) Ревина и директора Сельхозгиза Абросимова потребовали дать предложения по исключению из планов издания книг и журналов, более не нужных и вредных, и предложения об издании работ, написанных "сторонниками советской агробиологической науки мичуринского направления". Отделу пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) было приказано координировать все действия. Уничтожение коммунистами великой науки и истребление выдающихся ученых должно было пройти быстро и во всех сферах, имевших хоть какое-то отношение к биологии, агрономии, медицине. Сроки для всей работы были сведены (как во время фронтовых действий!) до минимума, всем министрам и всем издателям нужно было представить в ЦК исчерпывающие сведения и планы в 3-х дневный срок!

Однако сроки были выдержаны далеко не всеми. Руководители издательств действительно отчитались через два дня (по их новым планам предстояло напечатать миллионными тиражами труды Лысенко и других мичуринцев /133/). У сельскохозяйственного министра Бенедиктова была в разгаре уборочная страда, и он подать отчеты и предложения не торопился. Министр образования Кафтанов отгуливал положенный ему отпуск, а без него никто всерьез делом мичуринского направления заниматься не хотел, поэтому кто-то соорудил для отдыхающего начальника длиннющую справку обо всем на свете, но без конкретных шагов на будущее. Министр под ней подписался, и справка на 4-х страницах ушла на имя Секретаря ЦК Маленкова (134). В этом документе критиковали выдающихся советских ученых и бичевали себя за былые промахи в запоздалом их истреблении (этот прием коммунисты называли "наведением самокритики"). Снова были опозорены имена Н.И.Вавилова и Н.К.Кольцова. Рассадниками морганизма-менделизма-вейсманизма были названы Тимирязевская академия, Московский, Ленинградский и Харьковский университеты, в которых работали "сторонники реакционно-формальной теории в биологии". Поименно были названы Немчинов, Жебрак, "яростный противник мичуринского учения... недавно умерший Лисицын", Борисенко, Парамонов, Жуковский, Шмальгаузен, Серебровский (в

скобках было добавлено "умер недавно"), Завадовский, Юдинцев, Сабинин и другие. Из Харьковского университета были названы трое -- Поляков, Петров и Эфроимсон. Особо досталось В.П.Эфроимсону:

"Преподаватель Эфроимсон (до этого репрессированный за антисоветскую деятельность) перевел статью невозвращенца-белоэмигранта, реакционного биолога-морганиста Добржанского, в которой последний клеветал на советское государство и мичуринскую биологию. Эту статью Эфроимсон распространял среди работников кафедр и студентов. Министерство высшего образования сняло с работы декана факультета, преподавателя Эфроимсона с запрещением вести ему преподавательскую работу в вузах... т. Ю.Жданов встал на защиту профессора Харьковского университета антимичуринца Полякова и настоял на отмене приказа Министерства об освобождении Полякова от работы..." (135).

Владимир Павлович Эфроимсон после окончания Московского университета быстро приобрел известность в генетических кругах своими работами, особенно по генетике человека (в 1978 году в журнале "Генетика" было сказано:

"В 1932 году он впервые в мире сформулировал применительно к человеку исключи-тельно важный принцип равновесия между мутационным процессом и отбором как основу для расчета частоты мутирования" /136/),

но в конце 1932 года за смелое заявление по поводу осуществленных в том году арестов интеллигентов его также арестовали и осудили. Освобожден он был в 1935 году. В 1947 году Эфроимсон завершил работу над докторской диссертацией и защитил ее. Высшая Аттестационная Комиссия (ВАК) присудила ему степень доктора биологических наук, но после таких заявлений Кафтанова уже в декабре 1948 года в журнале "Вестник высшей школы" было напечатано следующее:

"В.П.Эфроимсон известен как ярый противник передовой мичуринской биологической науки; его диссертация, построенная на позициях вейсманизма, антинаучна и бесполезна... Экспертная комиссия ВАК оценила работу В.П.Эфроимсона как выдающийся научный труд и рекомендовала автора к утверждению в ученой степени доктора биологических наук" (137).

ВАК отменила свое же решение о присуждении ему степени доктора наук. 11 мая 1949 года он был вторично арестован (приговор гласил, что его осудили по статье 35 -- "социально опасный элемент")15 и отправлен в лагерь под Джезказган. (В декабре 2000 года сын Лысенко Олег, выступая по российскому телевидению в программе "Большие родители", не нашел ничего лучшего, как обвинить Эфроимсона в том, что тот нечестно выступал против его отца и распространял о нем якобы неправду, однако почему-то Олег Трофимович не сказал, что за эти "выступления" и за несогласия с взглядами его отца выдающемуся советскому генетику Эфроимсону пришлось отсидеть еще один срок в лагере строгого режима /138/).

Как уже было сказано, сам министр высшего образования
Кафтанов в это время находился в отпуске, поэтому поспеть за решениями Политбюро ЦК он не мог. Но, вернувшись в Москву, надо было проявлять себя хоть задним числом, и он стал ревностно это делать, начал строчить одно за другим длинные послания Маленкову с осуждениями в адрес каждого упомянутого в постановлениях Политбюро ученого. Всех их по приказу Политбюро уволили, трудовые книжки им уже в отделах кадров вручили, но Кафтанов теперь, будто не зная этого, предлагал отстранить уволенных от преподавания, заведования кафедрами, лабораториями и научными станциями. То, что он посылал свои письма вдогонку за совершившимися актами партийного начальства, видимо, никого не

коробило. Все письма оказались в надлежащем порядке подколоты к уже состоявшимся решениям, как будто и впрямь партийные начальники обосновывали свои решения на основании этого предложения.

11 августа на заседании Секретариата ЦК партии был пересмотрен состав Комитета по присуждению Сталинских премий. Все биологи, в чем-либо заподозренные, были из него выведены, а на их место ввели лысенковцев. На этом же заседании Сельхозгизу было предложено в трехдневный срок издать отдельной брошюрой доклад Лысенко на сессии ВАСХНИЛ тиражом 300 тысяч экземпляров и толстенную книгу так называемого стенографического отчета сессии тиражом 200 тысяч экземпляров. Становилось всё очевиднее, что вопрос о судьбе лысенкоистов стал для партийного руководства страны центральным и затмил все остальные проблемы страны.

В эти дни особенно старательно работал руководитель Агитпропа ЦК Шепилов. 10 августа он передал Маленкову огромный документ, в котором информировал о якобы имеющихся серьезных недостатках в работе биологических учреждений Академии наук СССР (140). Критике были подвергнуты работы Дубинина, Рапопорта, Астаурова, Жебрака, Орбели, директора Ботанического института Шишкина, и были предложены организационные изменения в руководстве академией, закрытие ряда лабораторий и увольнение научных сотрудников (141). Затем вместе со своим заместителем Л.Ильичевым 14 августа Шепилов подготовил Маленкову длинное послание о состоянии дел с изданием биологической литературы (142). Особенный гнев партийцев был обращен на работу Издательства Иностранной Литературы, созданного и курировавшегося А.А.Ждановым. "Совершенно нетерпимая обстановка сложилась в биологической редакции" этого издательства, докладывали Шепилов и Ильичев (143), перечисляя "пять книг по вопросам генетики", принадлежащих китам биологии на Западе и изданных в переводе на русский язык за последних полтора года (Шредингера, Уоддингтона, Майра (названного Майером), Симпсона и Флоркена). Беспредельное возмущение вызвало у них желание этой редакции издать на русском языке ставшую классической книгу Ф.Г.Добржанского "Генетика и происхождение видов". Шепилов и Ильичев предлагали Маленкову уволить из этого издательства редактора В.В.Алпатова и его заместителя В.Ф.Мирека, заместив их "последовательным мичуринцем Глущенко", убрать из "научно-редакционного совета Госиноиздата профессоров Н.П.Дубинина и П.М.Жуковского" (144), предлагали освободить от членства в редакционном совете Сельхохгиза Немчинова и Цицина, заменив их С.Ф.Демидовым и В.Н.Столетовым. Через два дня все эти предложения были оформлены распоряжением, подписанным Маленковым на основании решения Оргбюро ЦК ВКП(б) (145). К упомянутым жертвам были добавлены новые фамилии. Лысенковцы не забыли своего старого недоброжелателя, С.Г.Суворова, который пытался в 1946-1947 помочь создать в АН СССР Институт генетики и цитологии. С 10 декабря 1947 года он уже не работал в ЦК, так как был заменен Ю.А.Ждановым на посту нач. отдела науки ЦК, и с тех пор работал заместителем заведующего ОГИЗ при Совете Министров СССР. Теперь он был уволен и с этой работы (вплоть до своей смерти в 1994 году Суворов работал в редакции журнала "Успехи физических наук"). В октябре 1948 года Д.Ильичев и М.Морозов доносили Маленкову, что в дополнение к ранее выведенным из состава редакционного совета ученым надо убрать нововыявленных противников Лысенко -- профессора овощеводства В.И.Эдельштейна и академика П.Н.Константинова (из Тимирязевки), почвоведа профессора Авдонина, снять с работы редакторов издательства Долгополова, Калугина и Твердовского. Полностью был пересмотрен состав редакционного совета Издательства иностранной литературы и заменен сторонниками мичуринского учения -- Лысенко, Опариным, Павловским, Презентом, Варунцяном, Юдиным, Давиташвили, Энгельгардтом, Сисакяном, Нуждиным, Хрущовым, Кострюковой, Турбиным, Студитским и Глущенко. На место великолепного специалиста Виктора Францевича Мирека, уволенного решением ЦК ВКП(б) от 16 августа, был зачислен

Р.И.Белкин (146).

Перечисленные здесь увольнения и замещения были только началом тотальной кампании по устранению инакомыслящих. Решение ЦК партии о допустимости отныне только одного направления в биологии развязало руки для расправы со всеми учеными, на любых уровнях. Все, кто раньше был отмечен лысенковцами как явные или потенциальные их противники, получали кличку "вейсманисты-менделисты-морганисты". Наиболее грамотных и творческих специалистов начали вызывать по всей стране в партийные бюро и комитеты, где от них требовали покаяться в ошибках и отказаться от прежних взглядов. Тех, кто соглашался на эти требования, выставляли на прошедших повсюду собраниях на общее обозрение, их называли врагами науки и под улюлюкание лысенковской толпы и примкнувших к ним повсюду самых ничтожных, но и самых горластых "середнячков в науке" заставляли каяться публично и самобичеваться. Тех, кто этого не делал, гнали из научных учреждений. (Впрочем, самых заметных специалистов часто изгоняли и после публичной экзекуции; счеты сводили, что называется, по-черному).

Труднее всего было руководителям: кары следовали по возрастающей в зависимости от ранга должности. Если простые научные сотрудники с покладистым характером могли отделаться относительно легким испугом, то руководителям выкручивали руки бесцеремонно, не щадили ни больных, ни стариков, ни героев войны.

На периферии масштаб проработок и изощренность моральных пыток был тем сильнее, чем дальше было от центра. Но и здесь направляющая рука Москвы была очевидна. 28 августа Л.Ильичев и вернувшийся из отпуска Ю.А.Жданов обратились к Маленкову с просьбой командировать проверенных товарищей "для ознакомления научных работников периферии с решениями сессии ВАСХНИЛ, для выяснения состояния биологической науки на местах, а также для оказания помощи местным партийным организациям в развитии мичуринского направления в биологии" (147). Показательно, что местами их командировок были указаны не научные организации, как говорилось в преамбуле, а республиканские и областные партийные комитеты. Самые близкие сотрудники Лысенко, такие как Глущенко, Кушнер и Е.Н.Тараканов попали в список. Маленков единолично этот вопрос решать не стал. На обращении стоит его надпись цветным карандашом "На Секретариат. 30. VIII. Г.М.". Секретариат нужное решение принял, но это была на самом деле проформа, так как Глущенко выехал в столицу Украины уже 28 августа, а с 30 августа по 2 сентября в Киеве провели республиканское совещание (148). Вводные доклады сделали И.Е.Глущенко и М.А.Ольшанский. Затем по одному на сцену вызывали генетиков, и те под перекрестным огнем вопрошавших (вся лысенковская братия из Одессы и их сторонники из других городов понаехали и дружно, заражая грязной энергией один другого, -- работали) должны были признавать ошибки.

Бывший студент С.С.Четверикова и его ученик Сергей Михайлович Гершензон, казалось бы, сделал всё, что он него потребовали (признал вредной свою прежнюю научную деятельность, осудил учителей, заявил о полном отречении от своей научной позиции). Осуждая Кольцова, Серебровского, Дубинина, Вавилова, Гершензон старательно оговаривал и себя:

"... я в своих работах стоял на неверных, антинаучных, формальногенетических позициях, справедливо осужденных в докладе акад. Лысенко... я исходил при этом из вполне ошибочных допущений.

... Я всегда высоко ценил работы Мичурина и Лысенко, но в то же время... я извращал самую суть мичуринского учения...

Менделистско-морганистские ошибки, которые есть в моей работе, объясняются тем, что я недостаточно глубоко овладел марксистской методологией, недостаточно изучил труды классиков марксизма -- Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, недостаточно изучил работы Мичурина и Лысенко, и именно поэтому в моих работах была проявлена одна из худших форм преклонения перед буржуазной культурой, что заключалось в принятии и поддержке реакционных идей, импортированных к нам с Запада в виде менделизма-морганизма" (149).

Возможно, Гершензону и многим другим его коллегам казалось тогда, что лысенкоизм утвержден в советской науке навечно, во всяком случае в течение их жизни он поколеблен не будет, и поэтому они брали на себя обязательство никогда больше в жизни к генетике не возвращаться. Нельзя ни на минуту до-пустить мысль, что они делали это искренне, что глаза их, затуманенные прежде зарубежным дурманом, вдруг раскрылись навстречу правде. Да и двух десятилетий не прошло, как все они вернулись к нормальным генетическим исследованиям. Пока же Гершензон произносил такие слова:

"... Я заявляю о своем полном отречении от формальной генетики, от менделистско-морганистского мировоззрения и безраздельно перехожу на позиции мичуринской науки. Я осознаю, что одной словесной декларации недостаточно. Все свои силы и знания в процессе дальнейшей работы я посвящу разоблачению лженаучности и реакционности морганизма-менделизма, беззаветному служению советской агробиологической науке" (150).

Но и после такого заявления его принялся добивать Ольшанский, обвинивший Гершензона в том, что в его работах была не мешанина разных взглядов, как пытался представить Гершензон, а "последовательный вейсманизм".

Конечно, очень тяжелым было положение членов партии. От них по партийной линии требовали непременного
покаяния и отказа от прежних взглядов. Иначе с партией пришлось бы проститься не по своей воле, а там еще неизвестно, не замаячила ли бы перспектива лагерей и тюрем. Подавляющее большинство пошло по пути вынужденного признания ошибок. Так, 15 августа в "Правде" было напечатано письмо Жебрака, датированное 9 августа (151). Антон Романович писал:

"До тех пор пока нашей партией признавались оба направления в советской генетике... я настойчиво отстаивал свои взгляды, которые по частным вопросам расходились со взглядами акад. Лысенко. Но теперь... я, как член партии, не считаю для себя возможным оставаться на тех позициях, которые признаны ошибочными Центральным Комитетом нашей партии" (152).

Естественно, от научного работника такого ранга как Жебрак, одного лишь согласия с линией ЦК партии было мало. Это он хорошо понимал, поэтому постарался провести дальше в письме три линии: /1/ признать ошибочность взглядов Вейсмана, сославшись также на ряд цитат из своих работ по этому вопросу; /2/ показать, что в своих экспериментах он только и занимался тем, что пытался изменять гены разными воздействиями, а, значит, не был сторонником неизменности генов ("я стремился и стремлюсь осуществлять девиз Мичурина: "Не ждать милостей от природы: взять их у нее -- наша задача", и девиз Маркса: "не только объяснять мир, но и переделывать его"") и /3/ отметить получение им перспективных для селекции линий пшениц. Иными словами, он не осуждал людей, не бичевал себя, не распинался о том, как он в жизни ошибался, и уж, разумеется, ни на кого своих ошибок не сваливал. Он повторил в конце письма еще раз:

"... я, как член партии и ученый из народа, не хочу, чтобы меня считали отщепенцем, не хочу

быть в стороне от выполнения благородных задач ученых своей Родины. Я хочу работать в рамках того направления, которое признается передовым в нашей стране, и теми методами, которые предложены Тимирязевым и Мичуриным" (153).

Это заявление не удовлетворило руководящих товарищей. Под ним было напечатано почти такое же по размеру заявление "От редакции", в котором прежде всего было сделано важнейшее уточнение: было сказано, что Жебрак ошибается, когда упоминает о будто бы имевшем место признании партией двух направлений в генетике. Редколлегия газеты -- органа ЦК партии объявляла, что партией признавалось и признается только мичуринское учение. Затем было заявлено о пяти неверных утверждениях Жебрака: фальшивым названо заявление Жебрака о его расхождениях с Вейсманом; неискренним было названо признание им Мичурина; отмечалось, что

"у проф. А.Р.Жебрака имеется тенденция противопоставить учение И.В.Мичурина работам академика Т.Д.Лысенко и других мичуринцев" (154).

Слова Жебрака о положительных результатах его работ с пшеницей были расценены как хвастливые и сами достижения обозваны "мнимыми". Заканчивался весь этот разнос тем, что редакция приняла заявление Жебрака "к сведению, а последующая работа профессора А.Р.Жебрака покажет, насколько это заявление является искренним". Ждать чего-либо хорошего после такой реакции было нечего.

Редакция главной партийной газеты выдавала этот грубый отзыв за свое мнение. На самом же деле письма двух академиков -- А.Р.Жебрака и Б.М.Завадовского -- перед их публикацией -- были направлены на рассмотрение Лысенко. Он ответил в ЦК резко отрицательным отзывом, особо указывая на то, что оба ученых не принесли извинений ему лично, не раскаялись и не поклялись служить делу мичуринцев:

"...раньше [они] высмеивали учение Мичурина, теперь же почувствовали, что выступать прямо против учения Мичурина неудобно.

Поэтому они делают все, лишь бы доказать, что их менделевско-моргановские взгляды не расходятся с учением Мичурина. Учение Мичурина хотят подогнать под менделизм-морганизм...

В заявлениях прямо не говорится, что они не согласны с работами Лысенко, но в этих же заявлениях и не указывается, что они согласны с моими работами.

Тт. Жебрак и Завадовский замалчивают коренной вопрос наших разногласий -- наследование растениями и животными приобретенных под действием условий жизни свойств и признаков.

Простите за нескромное письмо, но я считал своим долгом для пользы дела развития мичуринского учения об этом сказать" (155).

Это мнение Лысенко, отправленное 14 августа в ЦК партии Шепилову и редактору "Правды" П.Н.Поспелову и решило судьбу ученых. Уже на следующий день "Правда" разразилась изложенным выше разносом Жебрака. Он оставался после этого долгое время безработным.

Решение Политбюро ЦК ВКП(б) об увольнении Немчинова и Жебрака и их замене Столетовым и Лысенко, как было указано, предшествовали приказу министра высшего образования СССР С.В.Кафтанова (156), поэтому приказ о снятии их с работы был только

формальностью для вида. Такой же формальностью было решение нового директора Столетова о закрытии жебраковской лаборатории (157). Жебрак все-таки не оставлял надежды сохранить работу. Он написал прочувствованное письмо лично Сталину (158), добавив к нему письмо секретарю Сталина Поскребышеву с просьбой "доложить товарищу Сталину мое письмо" и передал его в секретариат ЦК 3 сентября (159). Поскребышев письмо просмотрел, отчеркнул на нем три параграфа, в которых Жебрак объяснял, на каких проблемах он хотел бы сосредоточиться ("на выведении неполегаюших сортов озимой пшеницы, хорошо пригодных для выращивания на высоком агротехническом фоне и для комбайновой уборки", "мне удалось создать совершенно новые типы пшеницы -- этой важнейшей культуры земли", "я очень прошу, ...чтобы мне предоставили возможность продолжать научную работу в Тимирязевской с.х. академии"). Однако неизвестно, было ли письмо показано Сталину, потому что на углу письма Поскребышев написал направление "Тов. Маленкову", однако Маленков спустил письмо Жебрака (и одновременно краткое письмо Дубинина на имя Сталина) на рассмотрение двух чиновников -- министра с.х. Бенедиктова и зав. сельхозотделом ЦК А.И.Козлова (160). Козлов с ответом не задержался. Ответ был простым:

"Сельхозотдел ЦК ВКП(б) считает нецелесообразным продолжить профессору Жебраку работу и сохранить за ним полевую базу и лабораторию в ТСХА..." (161).

К мнению партийного начальника, разумеется, присоединился и Бенедиктов, который только летом этого же года осмотрел посевы пшениц Жебрака и дал им высокую оценку16.

Иосиф Абрамович Рапопорт, тоже член партии, решил поступить иначе. После партийного собрания, принявшего решение об исключении его из партии, он не стал бороться за сохранение членства в партии, а явился в райком и выложил партбилет на стол17. .

Полоса массовых увольнений прокатилась по всем университетам, по большинству сельскохозяйственных, медицинских, педагогических, лесных, пищевых и других вузов, по многим научным учреждениям. Всего было уволено в стране около трех тысяч ученых-биологов (163). Это была настоящая эпидемия варварских гонений на науку. Русская генетика, давшая образцы великолепных исследований, признанных во всем мире, прекратила свое существование. Над биологическими науками опустилась черная ночь. Никто в то время не мог знать, как долго эта ночь продлится, хватит ли жизни, чтобы дождаться рассвета. Находились люди даже среди проницательных ученых, которые считали, что пройдет много десятилетий, прежде чем развеется кошмар этой вальпургиевой ночи.

Газеты и журналы наполнились статьями, изобличающими врагов "настоящей" науки. Отовсюду, начиная с центра и до самых далеких окраин, маленьких селекционных станций, сортоучастков, станций защиты растений и тому подобных учреждений, всех честных, сколько-нибудь самостоятельных научных сотрудников методично изгоняли и заменяли разом всплывшими наверх "сторонниками мичуринского учения".

24 августа началось расширенное заседание Президиума Академии наук СССР. До того, как президент АН СССР академик Сергей Иванович Вавилов -- физик по специальности, открыл прения, все будущие организационные и кадровые изменения были уже предопределены Центральным Комитетом партии. Напомню, что еще 10 августа Д.Шепилов в упоминавшемся выше письме Маленкову, разосланном также в Оргбюро ЦК партии и трем секретарям ЦК партии, перечислил предложения об увольнениях ведущих руководителей институтов, лабораторий и отделов, которые теперь предстояло провести на заседаниях Президиума АН СССР и дал партийную оценку руководству академии:

"Прикрываясь флагом "объективного" отношения к двум направлениям в биологической науке, Президиум Академии Наук и руководство биологического отделения фактически поощряли и поддерживали одно направление -- вейсманистско-моргановское и всячески третировали и ограничивали мичуринское направление" (164).

Теперь Президиум должен был выдать решения как бы за собственные (165). С.И.Вавилов, который многократно пытался помочь генетикам, оказался сам по партийным нажимом и вынужден был говорить вещи, в какие он, образованнейший физик, разумеется не верил:

"В сложнейший вопрос о живом веществе непозволительно переносить до крайности упрощенные физические и механические представления о строении и функции изолированных молекул" (166).

Теперь, продолжал Вавилов,

"Речь идет не о дискуссии... Нужно также, как и всюду, на биологическом участке научной работы искоренить раболепие и низкопоклонство перед заграницей" (167).

И, давая ясно понять, в каком ключе должно пойти обсуждение дел в биологи-ческой науке и биологических учреждениях, Вавилов озвучил партийное требование:

"обязанность Президиума укрепить работу руководства Отделения биологических наук и создать благоприятные условия для развития Института генетики, руководимого академиком Лысенко... Необходимо реорганизовать работу Института эволюционной морфологии и Института цитологии, гистологии и эмбриологии" (168).

Вслед за Вавиловым с отчетным докладом выступил академик-секретарь Отделения биологических наук, крупнейший советский физиолог Леон Абгарович Орбели, судьба которого была уже предрешена. Однако академик-секретарь нашел в себе силы сделать спокойный уравновешенный
доклад о положении в биологических учреждениях Академии Наук.

Но это только подлило масла в огонь азарта расправы. Тон последующих выступлений задали не ученые, а министры, пришедшие на заседание -- высшего образования (С.В.Кафтанов), совхозов (Н.А.Скворцов), сельского хозяйства СССР (И.А.Бенедиктов). Лексикон Кафтанова и Скворцова был наиболее насыщен крепкими выражениями. Так, Скворцов говорил:

"...наши ученые... обязаны, как указывал товарищ Жданов в докладе о журналах "Звезда" и "Ленинград", не только "отвечать ударом на удар", борясь против этой гнусной клеветы и нападок на нашу советскую культуру, на социализм, но и смело бичевать и нападать на буржуазную культуру, находящуюся в состоянии маразма и растления" (169).

Кафтанов был убежден, что

"та борьба, которую вели мичуринцы... имела огромное научное идейное и политическое значение, ибо они отстаивали марксистско-ленинское мировоззрение ..." (170),

и характеризовал генетиков как прислужников буржуазии и прежде всего американского империализма:

"Не случайно Америка, которая и сейчас является средоточием всего реакционного... оказалась и цитаделью реакционных воззрений в биологии... в этой стране фашиствующие

ученые... клевещут на нашу страну, на наш народ, на наш государственный строй и поносят имена крупнейших деятелей нашей прогрессивной биологической науки -- Тимирязева, Мичурина, Лысенко... Из подворотни американского империализма высунули голову и клевещут на СССР и мичуринскую биологическую науку и такие отъявленные враги нашей Родины, как белоэмигранты Добжанский, Тимофеев-Ресовский18 и другие, которые из кожи вон лезут, чтобы выслужиться перед американскими хозяевами... К нашему сожалению, им вторят такие трубадуры менделизма-морганизма, как Жебрак, Дубинин, Навашин, Шмальгаузен и другие, а Академия наук СССР, которая является штабом советской науки, и Отделение биологических Наук Академии давали им полную возможность с трибуны институтов и журналов Академии наук поливать грязью академика Лысенко и его учеников, поносить прогрессивную, передовую мичуринскую биологическую науку... Не только говорить, -- кричать надо о тех нетерпимых недостатках, которые имели место в работе многих биологических учреждений Академии Наук" (171).

Профессиональный интерес генетиков к исследованию законов наследственности рассматривался теперь всеми -- и высшими чиновниками сталинского государственного аппарата и ближайшими к Лысенко людьми только сквозь призму партийных решений.

Нуждин, в будущем заместитель Лысенко на посту директора Института генетики АН СССР, следующим образом выражал этот настрой:

В одной из своих работ Ленин писал: "...о б щ е с т в е н н о е положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху. Буржуазия все это простит профессорам, лишь бы они занимались "уничтожением социализма"...". В этом причина того, что при всей своей практической бесплодности менделизм-морганизм все еще широко распространен за рубежом" (172).

Член-корреспондент АН СССР Х.С.Коштоянц, сам того не желая, очень точно характеризовал корни, взрастившие древо лысенкоизма:

"Советский ученый прежде всего должен исходить из морали государства, из морали народа. И с этой, основной для нас, точки зрения я должен сказать, что тот вред, который нанесен вейсманизмом-морганизмом на службе сил, враждебных всему прогрессивному и передовому, не может быть искуплен никакой, маленькой, случайной пользой" (173).

А бывший "специальный аспирант" Лысенко, вместе с ним переехавший в Москву, Глущенко с гневом называл имена основателей советской генетической школы -- Филипченко, Кольцова и Серебровского. Последний из упомянутых лишь незадолго до этого скончался, и Глущенко говорил о его учениках:

"Они еще вчера у гроба евгениста Серебровского поклялись высоко держать знамя и продолжать традиции отцов" (174).

Другой лысенкоист -- в то время заместитель директора Института биохимии АН СССР доктор биологических наук Н.М.Сисакян19 также распинался на темы высокой моральной силы сторонников Лысенко и аморальности генетиков:

"Сегодня всем ясно, что цели мичуринцев... благородны и вполне соответствуют духу и чаяниям великих ученых нашего народа... стремления же антимичуринцев диаметрально противоположны и совпадают с чаяниями самых реакционных представителей зарубежной

биологии" (178).

В заключительный день прений в Академии наук еще раз выступил Л.А.Орбели. События развивались таким образом, что он решил отказаться от борьбы, отмежевался от генетики:

"Я никогда не разделял взгляда на ненаследуемость приобретенных признаков, я не признавал исключительной связи наследования с хромосомами, не разделял никогда представления о неизменности и неизменяемости генов" (179).

Он отмежевался также от тех, кого раньше хвалил (в частности, от С.Н.Давиденкова, к книге которого о генетических основах неврологии сделал хвалебное предисловие: теперь Орбели уверял собравшихся, что даже не прочел книгу толком, а некоторые главы -- и в руки не брал). Его принудили подать заявление о собственном желании уйти с должности академика-секретаря Отделения биологических наук:

"Считаю необходимым добавить, что я прошу и Президиум Академии наук и наши правительственные органы, и Центральный Комитет партии не рассматривать мое заявление как попытку уйти от дел... Вместе с тем я должен подчеркнуть, что этот мой уход не должен рассматриваться как какой-либо протест против того поворота, который сейчас совершается. Наоборот, этому повороту я полностью сочувствую. Я рад, что, наконец, прекращается та бесконечная возня, которую мы должны были переживать в Отделении биологических наук и которая мешала спокойной работе и спокойному развитию наших научных достижений" (180).

На заключительном заседании 26 августа С.И.Вавилов еще раз ясно сказал о той идейной платформе, которая послужила базисом для политической оценки положения в биологии. Он подтвердил правомочность деления экспериментальных наук на буржуазные и пролетарские, повторил тезис о партийности в науке. Вместе с приматом практицизма это деление помогало предопределить победу лысенкоистов и поощряло их на вполне определенный стиль дискуссий, на соответственную норму реакции.

"Советское естествознание, -- говорил С.И.Вавилов, -- конечно, использует многие законы и методы, которые вошли и будут входить в буржуазное естествознание. Но нашу науку, науку социалистической страны, идущей к коммунизму, отделяет от буржуазной науки пропасть совсем иной идеологии, пропасть совсем иной задачи, стоящей перед нами, -- задачи всемерной службы народу, его запросам, его практике, его нуждам" (/181/, выделено мной -- В.С.].

Кому-кому, а младшему брату Н.И.Вавилова были хорошо известны значение и сила науки генетики. Но, будучи поставленным в особые условия, ему не оставалось ничего иного, как пойти дальше многих в критике генетики:

"Биологическое направление становилось базой фашизма. С разрешения и одобрения Академии и Отделения биологических наук в лабораториях Дубинина, Шмальгаузена и других названная идеология была положена в основу экспериментальной работы" (182).

Столь же понятно, почему ему пришлось от своего имени озвучить организационные предложения, принятые Центральным Комитетом партии (183). Заканчивая заседание, С.И.Вавилов сказал:

"Товарищи! Расходясь после этих важных обсуждений и решений, мы не можем не вспомнить того человека, зоркий глаз и гений которого исправляют наши ошибки на всех

путях -- в области политической, экономической жизни и в области науки. Я говорю, товарищи, об Иосифе Виссарионовиче Сталине (Бурные аплодисменты. Все встают)... Да здравствует товарищ Сталин! (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию в честь товарища Сталина) (184).

Принятое Президиумом Академии наук СССР постановление полностью содержало пункты партийного решения. Оно гласило:

1. Освободить академика Л.А.Орбели от обязанности академика-секретаря Отделения биологических наук... Ввести в состав Бюро Отделения академика Т.Д.Лысенко.

2. Освободить академика И.И.Шмальгаузена от обязанностей директора Института эволюционной морфологии животных имени А.Н.Северцова.

3. Упразднить в Институте цитологии, гистологии и эмбриологии Лабораторию цитогенетики, возглавляемую членом-корреспондентом Дубининым.

... Закрыть в том же Институте лабораторию ботанической цитологии... Ликвидировать... лабораторию феногенеза ..." (185).

На улицу было выброшено много выдающихся ученых из институтов Академии наук, их учеников и последователей. В опубликованном после заседания Президиума АН СССР отчете были приведены слова ученого секретаря Отделения биологических наук Р.Л.Дозорцевой (жены Н.И.Нуждина):

"Необходимо пересмотреть не только те учреждения, где сконцентрированы гнезда формалистов, но и выявить отдельных морганистов, рассеянных по всем учреждениям Отделения биологических наук" (186).

Об этой ВЫДАЮЩЕЙСЯ победе над "реакционными идеалистами" была оповещена вся страна (187).

28 августа 1948 года газета "Правда" сообщила, что Министерство высшего образования СССР предпринимает широкие санкции против ученых. Министр Кафтанов призвал к скорейшей расправе со всеми, кто нес студентам слово о живой науке -- генетике. Но ко дню публикации в "Правде" отчета о докладе Кафтанова сотни крупнейших вузовских ученых уже были изгнаны из вузов страны. Помимо уже упомянутых в решении Политбюро ЦК Шмальгаузена и Юдинцева, приказом Кафтанова от 23 августа (188) из МГУ уволили заведующих кафедрами профессоров М.М.Завадовского и Д.А.Сабинина, доцентов С.И.Алиханяна (покаяние на сессии ВАСХНИЛ и призыв к дезертирству, обращенный к другим генетикам, не помог), А.Зеликмана, Б.И.Бермана, Н.И.Шапиро, ассистента Р.Б.Хесина-Лурье; из Ленинградского университета -- профессора Ю.И.Полянского (работавшего
тогда проректором ЛГУ), декана биофака М.Е.Лобашева, профессора П.Г.Светлова, доцента Д.А.Носкова; из Горьковского университета -- профессора С.С.Четверикова. В списке уволенных были имена крупных ученых из Харьковского, Воронежского, Киевского, Саратовского, Тбилисского университетов. В том же месяце были изданы приказы об увольнениях из сельскохозяйственных, зоотехнических и ветеринарных институтов. Большинство изгнанных длительное время не могли найти работу в научных учреждениях, часть ученых (из перечисленных мною, например, Н.И.Шапиро) были вынуждены пойти работать в лаборатории лысенкоистов, многие (в частности, Р.Б.Хесин20) предпочли сменить специальность.

Приняв постановление об увольнениях с работы ведущих ученых и рассмотрев персонально каждую из кандидатур, Политбюро ЦК партии и секретари ЦК не ослабили контроль за академией и судьбой уволенных ученых. Теперь надо было проследить, чтобы ни один их наказанных не улизнул из-под контроля и не вернулся под любым прикрытием к работе в запрещенной генетике. 13 сентября 1948 года академик-секретарь АН СССР Н.Г.Бруевич направил письмо Секретарю ЦК партии Маленкову, в котором сначала излагал просьбу президента академии С.И.Вавилова о включении снятого с поста академика-секретаря Отделения Биологических наук Л.А.Орбели в состав членов Президиума АН СССР, а ниже давал понять, что сам он эту просьбу не поддерживает (188а). Трехзвездный генерал медицинской службы Орбели за долгий срок пребывания в начальственных должностях ничем зазорным себя не запятнал, его научные заслуги высоко ценили ученые. Единственный грех Орбели заключался в том, что он -- не сторонник Лысенко. И вердикт ЦК партии был суровым. 15 сентября Маленков пишет резолюцию на письме из Академии наук: "На Секретариат". К письму была приложена справка Отдела пропаганды и агитации ЦК партии, подписанная А.Кузнецовым и Ю.Ждановым, что вопрос об Орбели "должен быть решен на общих основаниях" (188б). 13 декабря 1948 года Академию Наук извещают, что Секретариат ЦК партии просьбу Академии наук отклонил (188в). Но все-таки положение Орбели нельзя было даже отдаленно сравнить с положением ученых-генетиков, лишившихся работы.

30 ноября 1948 года тот же Бруевич направляет Шепилову документ с грифом "Секретно", в котором подробно объясняет, как АН СССР выполнила распоряжение партии и кого из ведущих ученых уволили с их работы (в приложенном списке фигурируют фамилии 36 ведущих биологов, работавших в московских и ленинградских институтах академии). Затем Бруевич просит партийные органы "дать указания соответствующим министерствам об использовании на работе вышеуказанных сотрудников" (188г). Правда, предложения о трудоустройстве касались лишь 19 из 36 поименованных ученых. Меры, которые академия предлагала применить к цвету советской науки иначе как драконовскими назвать нельзя: докторов наук и профессоров предлагали отправить трудиться, во-первых, не по специальности, а, во-вторых, подальше от Москвы -- в совхоз в Молдавии, в Карело-Финскую ССР, на Крымскую базу АН СССР, в Дагестан, на Дальневосточную и Сахалинскую базы АН, в колхозы и совхозы Министерства сельского хозяйства СССР, в психиатрическую больницу Минздрава СССР. Но и эти "индульгенции" советские инквизиторы были готовы дать только половине уволенных, остальным грозило тунеядство (а за ним маячили сроки и лагерное содержание).

ЦК партии рассмотрело это письмо-просьбу и утвердило предложения, но только в отношении пятнадцати из девятнадцати ученых (188д).

Из сельскохозяйственной и биологической науки эпидемия гонений перекинулась в область наук медицинских. 15 сентября газета "Медицинский работник" была целиком посвящена специальному расширенному заседанию Президиума Академии медицинских наук СССР, названному "Проблемы медицины в свете решений сессии ВАСХНИЛ". Заседания проходили два дня -- 9 и 10 сентября. Открывший прения Президент АМН СССР Н.Н.Аничков в присутствии высокого гостя -- Т.Д.Лысенко сказал:

"Товарищи, основные особенности науки в нашем обществе, как известно, заключаются в том, что она тесно связана с вопросами практики, с развитием советского государства, с делом строительства социализма" (191).

Исходя из этого постулата, он и просил собравшихся выступать21.

Обсуждение проблем медицины пошло по двум уже наезженным колеям: большая часть выступавших в жестких тонах осуждала идеологических диверсантов, а меньшая часть -- в вялых и безликих фразах "уклонялась" от резких осуждений, но фактически лишь помогала своей аморфностью усиливать "принципиальную" позицию жестких критиков. И лишь считанные единицы стояли незыблемо на своих позициях, ни от чего не отрекались и ничего не признавали в этой критике.

Клеймили больше всего (по иронии судьбы) даже не генетика, все-таки среди медиков их почти не было в те годы, а теоретика биологии, человека, не раз выступавшего с сомнениями в правоте генетических построений (правда, вполне корректными и позволительными для такого крупного ученого), -- Александра Гавриловича Гурвича, директора Института экспериментальной биологии. Нужно было кого-то бить, и нашли козла отпущения. Возможно, не последнюю роль в таком выборе именно Гурвича сыграли два обстоятельства. Во-первых, создатель теории биологического поля Гурвич был одним из наиболее авторитетных ученых-теоретиков в России первой половины XX века, но далеким от мичуринцев. Во-вторых, он считал, что может существовать и особая "жизненная сила" -- Гурвич был виталистом и за это уже не раз становился объектом нападок марксиствующих биологов (так, еще в 1926 году на него обратила свой гнев старая большевичка, совершенно безграмотная, но весьма воинственная О.Б.Лепешинская /193/, получившая, наконец-то, после сессии ВАСХНИЛ возможность для широкой пропаганды своих антинаучных взглядов).

Обвиняли в грубых ошибках и другого выдающегося сотрудника Института экспериментальной биологии -- профессора Леонида Яковлевича Бляхера, охаивали труды известного невропатолога Сергея Николаевича Давиденкова, использовавшего генетические подходы в описании болезней человека, и академика Орбели. Главный погромщик, выступивший на заседании, профессор И.И.Разенков, характеризуя как неверные работы этого всемирно известного ученого, требовал:

"Недопустимо, чтобы в Институте [эволюционной физиологии, директором которого был Л.А.Орбели -- В.С.] продолжали работать глашатаи моргановского направления" (194).

Многие из выступавших, те, кого раньше, по их мнению, "зажимали" ученые с "буржуазным" мировоззрением, теперь поняли, что настал час отмщения, -- и громили, что называется от души своих научных противников, требовали воздавать им "должное", заодно убрав из науки "рутинеров". Так, Лепешинская уверяла, что морганисты и их сторонники

"ей и ряду других научных работников не только не создавали условий для творческих изысканий, но и мешали и третировали" (195).

М.М.Невядомский жаловался:

"Я в течение 30 лет доказываю, что раковая клетка является паразитическим микроорганизмом, она развивается эволюционным путем из тельца вируса... но в руководящих научных медицинских кругах замалчивается этот замечательный факт" (196).

(Нелепость "замечательного" факта, равно как и вненаучный характер аналогичных рассуждений Лепешинской о "превращении живого вещества в клетки", конечно, была ясна любому грамотному биологу, однако теперь можно было говорить всё, что угодно, _ час настал).

Заслуженные партийцы, проявившие себя еще в начале 30-х годов в Обществе биологов-

марксистов, -- Б.П.Токин и Г.А.Баткис -- говорили о том, что все пробелы в работе медицинских учреждений -- не случайны, что они -- плод забвения заповедей марксизма-ленинизма, пренебрежения партийной идеологией.

"Это не случайно, -- твердил Баткис, -- ...разве не обязаны были работники института экспериментальной биологии заняться проблемами мичуринской эволюционной теории, ее специфическим приложением к медицине" (197),

видимо, не осознавая, что никакой мичуринской эволюционной теории просто не существует.

А старый ленинец, первый нарком здравоохранения в правительстве Ленина -- Н.А.Семашко, тоже с жаром выступивший в числе критиков антинаучных взглядов, шел еще дальше и квалифицировал вейсманистов-морганистов как страшных врагов человечества, приписывая им такое, что ни один генетик никогда не предлагал:

"Если ученый придает решающее значение генам, то... он признает биологический фатум. Это значит -- закрывайте родильные дома, свертывайте профилактическую сеть, ибо они помогают и поддерживают слабых "засоряющих" расу. Вот к каким зловещим практическим выводам может привести вейсманизм" (198).

Но нашлись ученые, кто не пожелал раскаяться и остался твердо стоять на научной платформе. Таких людей было немного, но они были.

"Я не согласен и не соглашусь с вашим мнением, -- возразил Лепешинской Д.Н.Насонов, -- что клетки могут возникать из... какого-то бесструктурного вещества" (199).

Бескомпромиссно выступил Г.Ф.Гаузе, который в эти годы был одним из руководителей советской программы по получению антибиотиков.

Заключая дискуссию, академик-секретарь АМН СССР проф. С.А.Саркисов с показным удовлетворением подчеркнул, что заседание

"еще раз со всей силой продемонстрировало победу и торжество передового мичуринского учения над реакционным вейсманистско-морганистским направлением в биологии" (200),

призвав и дальше

"настойчиво осуществлять принцип большевистской партийности в науке и бороться с проявлениями буржуазной идеологии -- аполитичностью, безыдейностью, объективизмом" (201).

Собравшиеся приняли приветственное письмо Сталину, в котором называли его "нашим любимым вождем и учителем", "мудрым", "родным", "корифеем" и уверяли, в полном объеме выполняя сверхзадачу, возложенную на себя:

"Всеми своими лучшими достижениями, всем своим поступательным движением вперед наша наука обязана Вам, дорогой Иосиф Виссарионович... Владимир Ильич и Вы, его великий преемник, открыли гениального ученого русского народа Мичурина и показали на примере его беззаветного научного труда на благо народа, каким должен быть советский ученый-новатор... Обещаем Вам, наш дорогой вождь, в кратчайший срок исправить допущенные нами ошибки, перестроить всю нашу научную работу в свете указаний великой партии Ленина-Сталина... Мы будем бороться за большевистскую

партийность в медицине и здравоохранении, искореняя враждебную буржуазную идеологию и раболепие перед иностранщиной в нашей среде" (202).

В передовой статье этого же номера газеты содержался конкретный призыв к работникам медицинских учреждений:

"Надо общими усилиями до конца расчистить поле советской медицинской науки от идеалистического и метафизического сорняка, чтобы семимильными шагами двинуться вперед, быстрее решить задачу, поставленную великим Сталиным, -- не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей Родины" (203).

А ниже на газетной полосе крупными буквами было напечатано "ПОСТАНОВЛЕНИЕ РАСШИРЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ МЕДИЦИНСКИХ НАУК СССР", переводившее слова о расчистке поля советской медицины в конкретные действия. Сообщая, что "вейсманизм-морганизм легко находил себе место в трудах лабораторий, для которых было характерно барское, пренебрежительное отношение к практике", Президиум постановлял:

"Освободить проф. А.Г.Гурвича от обязанностей директора Института экспериментальной биологии и проф. Л.Я.Бляхера от заведования лабораторией того же института. Пересмотреть структуру и направление научной деятельности Института экспериментальной биологии... и Института экспериментальной физиологии... создать комиссию для подробного ознакомления с научной деятельностью действительного члена АМН СССР С.Н.Давиденкова... освободить проф. Г.Ф.Гаузе от обязанностей заведующего лабораторией антибиотиков" (204).

В номере газеты "Медицинский работник" от 18 августа два профессора -- И.Кочергин и Н.Турбин22 раскритиковали основной учебник по биологии для врачей, написанный Л.Я.Бляхером (205), а уже в следующем номере газеты зам. Министра здравоохранения СССР Н.А.Виноградов сообщал:

"старый учебник проф. Бляхера изъят из вузов, автор отстранен от руководства кафедрой" (206).

И так было во всех сферах науки, имеющих хоть какое-то касательство к биологии, в школах, техникумах и вузах, в органах информации и управления. Захватив власть, лысенкоисты старались разрушить все, что имело отношение к генетике. Было запрещено пользоваться старыми учебниками, из библиотек изымали труды по генетике, было предписано уничтожить посевы мутантных растений (в том числе и высокоценные линии, потеря которых нанесла ощутимый вред стране), даже коллекции безобидных мушек-дрозофил, на которых издавна работали генетики23.

Освобождающиеся места срочно занимали сторонники Лысенко и ловкие приспособленцы. Честные ученые, неспособные перекраситься, а также неповоротливые люди, не успевшие приноровиться к новым условиям, оказывались за воротами научных учреждений.

"Учение" Лысенко стало всесильным.

Сам создатель учения был удостоен высочайшего почета. В эти дни ему исполнилось 50 лет, и ему устроили помпезное чествование. 29 сентября 1948 года указом Президиума Верховного Совета СССР он был награжден очередным орденом Ленина "за выдающиеся заслуги в деле развития передовой науки и большую плодотворную практическую

деятельность в области сельского хозяйства". Слова Ю.А.Жданова, напечатанные в "Правде" за полтора месяца до этого, о низкой эффективности практической деятельности Лысенко были забыты. Постановлением Совета Министров СССР Одесскому институту селекции и генетики присвоили имя Т.Д.Лысенко (208).

А 2 октября, как сообщила советская пресса,

"В переполненном конференц-зале Дома ученых состоялось торжественное заседание, посвященное 50-летию со дня рождения... Трофима Денисовича... В кратком вступи-тельном слове Президент Академии наук СССР академик С.И.Вавилов отметил, что вся советская страна до самых отдаленных колхозов хорошо знает и ценит активную творческую деятельность академика Лысенко" (209).

Доклад о жизни и деятельности Лысенко сделал новый академик-секретарь Отделения биологических наук А.И.Опарин, начавший верой и правдой служить Лысенко, а за ним выступил И.И.Презент. В присутствии С.И.Вавилова он стал говорить об уничтоженном брате нынешнего Президента, издевался над памятью Николая Ивановича Вавилова. Презент утверждал, что "путь Лысенко оказался правильным... прогрессивным", указывая на первопричину этой "правильности", -- "потому что по своему теоретическому содержанию он был марксистско-ленинским" (210).

После многочисленных выступлений с приветствиями в адрес Лысенко от академий, учреждений и обществ слово для ответа взял юбиляр.

"Дорогие товарищи, -- заявил он, -- что же мне сказать вам и всему советскому народу, партии и правительству в ответ на все то внимание, которое было оказано мне в связи с моим юбилеем?! Вряд ли я сумею выразить словами то, что хочу. Сказать только одно: я являюсь одним из тех многочисленных работников биологической и агрономической науки, которых породил и взрастил самый прогрессивный в мире строй сельского хозяйства -- колхозно-совхозный строй. Нам хорошо известно, что великий Ленин открыл Мичурина. Великий Сталин взрастил силы мичуринского учения, воспитал кадры мичуринцев" (211).

Помпезно чествовали юбиляра и в Минсельхозе. В журнале "Огонек" появилось сообщение об этом событии, о телеграммах, присланных в адрес Лысенко разными людьми, и в их числе С.И.Вавиловым и Н.С.Хрущевым. Председатель Государственной Комиссии по сортоиспытанию А.В.Крылов вручил юбиляру под аплодисменты присутствующих пышный каравай, испеченный из муки, полученной от растений сорта пшеницы, "выведенного академиком Лысенко". С караваем в руках, улыбающийся Лысенко смотрел на читателей со страниц "Огонька" (212). Возможно, он улыбался еще и потому, что знал доподлинно, какое рукотворное чудо он держит: уж ему-то было отлично известно, что муки, из которой якобы испекли каравай, не существует, так как ни на одном гектаре земли его "сорт пшеницы" не растет.

Этим юбилеем закономерно завершилась сессия ВАСХНИЛ. Партия коммунистов вывела Лысенко в разряд абсолютных победителей после многолетней борьбы. Враги его были посрамлены и низвергнуты. Результаты сессии ВАСХНИЛ восхваляли органы информации (213). Представители других наук начали также требовать, чтобы в их сферах были использованы аналогичные подходы. Группа физиков и философов готовила расправу над теоретиками, заявляла о необходимости немедленного разоблачения буржуазных извращений, якобы допущенных А.Эйнштейном в его теории относительности. В декабрьском номере "Вестника Академии наук СССР" за 1948 год академик Е.А.Чудаков требовал срочно перестроить "технические науки в свете решений сессии ВАСХНИЛ" (214),

а крупный астроном Б.В.Кукаркин в 1949 году в предисловии к книге о строении звездных систем утверждал, что он "стремился учесть итоги философской дискуссии по книге Г.Ф.Александрова и сессии ВАСХНИЛ о положении в биологической науке".

Пропагандистская кампания была развернута и вокруг решения выдающегося американского ученого Германа Мёллера выйти из состава иностранных членов АН СССР в знак протеста против "победы" Лысенко. Имя Мёллера -- большого друга Советского Союза, до 1937 года работавшего в Институте Н.И.Вавилова, в будущем лауреата Нобелевской премии (в 1946 году он получил ее за открытие возможности вызывания мутаций облучением), -- и раньше использовалось лысенкоистами в полемике с их научными оппонентами как имя откровенного врага, а теперь Мёллер и вовсе был зачислен в разряд врагов советской власти и ретроградов. Вопрос о Мёллере рассмотрело Политбюро ЦК ВКП(б) и утвердило предложение исключить его из числа членов советской АН (215). В специальном "Ответе профессору Г.Дж.Мёллеру", подписанном "Президиум Академии Наук СССР", было сказано следующее:

"Мёллер заявляет, что в своем решении по вопросам биологии Академия наук преследовала политические цели, что наука в СССР подчинена политике.

Мы, советские ученые, убеждены в том, что не существует и не может существовать в мире наука, оторванная от политики.

... Выступив против Советского Союза и его науки, Мёллер снискал восторг и признание всех реакционных сил Соединенных Штатов.

Академия наук СССР без чувства сожаления расстается со своим бывшим членом, который предал интересы подлинной науки и открыто перешел в лагерь врагов прогресса и науки, мира и демократии" (216).

Вместе с тем само письмо Мёллера не только не было опубликовано, но было немедленно засекречено и никогда в СССР не было воспроизведено. Прочтя это письмо, можно понять, почему к нему и к автору отнеслись с таким страхом. Мёллер писал 24 сентября 1948 года Президенту, Секретарю и Членам Академии Наук СССР, объявляя о своем выходе из состава советской Академии наук:

"Вы заявили о своей поддержке шарлатана Лысенко, в отношении которого унизили себя несколько лет тому назад, приняв его в число своих членов. По его настоянию Вы отрицаете принципы генетики.

Эти позорные действия ясно показывают, что руководители Вашей академии уже не ведут себя как ученые, но злоупотребляют своим положением для разрушения науки ради политических целей, совершенно так, как делали многие из тех, которые выступали в роли ученых в Германии под властью нацистов. ...В СССР до-научный обскурантизм поддерживается так называемым "диалектическим материализмом"... Он должен неизбежно привести и приводит к тем же опасным фашистским выводам, которые делались нацистами...

При наличии вышеуказанных обстоятельств ни один уважающий себя ученый и в особенности ни один генетик, если только он сохранил свободу выбора, не может согласиться на то, чтобы его имя фигурировало в списках Вашей академии" (письмо приведено в официальном переводе, сделанном для Политбюро ЦК ВКП(б); перевод хранился в Центральном Политическом Архиве /217/).

В эти же дни в печати в особенно мажорных тонах расписывали "народность" советской науки, делали упор на связь между появлением в науке таких людей, как Лысенко, и программой партии по привлечению в науку и культуру "красных специалистов". В ноябрьском номере журнала "Вестник АН СССР" в передовой статье (218) были приведены слова С.И.Вавилова:

"Народность советской науки определяется тем, что за советские годы в науку привлечены народные массы, что громадное большинство всей армии советских ученых -- это выходцы из рабочих и крестьян, которые всем своим существом связывают нашу научную культуру с жизнью, бытом, стремлением народных масс" (219).

Подтверждением того, насколько высоко ставили победу Лысенко кремлевские руководители, служило то, что даже в докладе, посвященном 31-й годовщине Октября, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР В.М.Молотов в присутствии самого Председателя -- И.В.Сталина особо остановился на этом вопросе, оценив его с политической точки зрения:

"Дискуссия по вопросам наследственности поставила большие принципиальные вопросы о борьбе подлинной науки, основанной на принципах материализма, с реакционными идеалистическими пережитками в научной работе, вроде учения вейсманизма о неизменной наследственности, исключающей передачу приобретенных свойств после-дующим поколениям. Она подчеркнула творческое значение материалистических принципов для всех областей науки, что должно содействовать ускоренному движению вперед научно-творческой работы в нашей стране. Мы должны помнить поставленную товарищем Сталиным перед нашими учеными задачу: "Не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны"... Дискуссия по вопросам биологии имела и большое практическое значение, особенно для дальнейших успехов социалистического сельского хозяйства. Недаром эту борьбу возглавил академик Лысенко, заслуги которого в нашей общей борьбе по подъему социалистического сельского хозяйства известны всем...

... Научная дискуссия по вопросам биологии была проведена под направляющим влиянием нашей партии. Руководящие идеи товарища Сталина и здесь сыграли решающую роль, открыв новые широкие перспективы в научной и практической работе" (220).

Был ли Сталин предрасположен к лысенкоизму?

В заключение этой главы есть смысл вернуться к вопросу, не раз возникавшему в литературе и носящему хоть и личностный характер, но достаточно важному: почему Сталин с таким воодушевлением воспринял лысенкоизм? Действительно, почему наивные и поверхностные идеи Лысенко о прямом влиянии внешней среды на наследственность, его горячее одобрение принципа наследования благоприобретенных признаков -- эти, в общем, довольно легко отвергаемые экспериментами взгляды, нашли отклик в душе Сталина?

Анализируя этот вопрос, Ж.А.Медведев (221) и Л.Грэм (") отрицают связь между собственными идеями Сталина, выражавшимися им с первых самостоятельных политических шагов, и лысенковскими утверждениями. Грэм, в частности, повторяя слова Ж.А.Медведева, пишет:

"Поддержка, которую Лысенко заслужил у Сталина, была без сомнения очень важной в его непрерывном взлете. Однако трудно отыскать в теоретических писаниях Сталина свидетельства для такой симпатии. Некоторые авторы считают, что с ранних пор Сталин был предрасположен к неоламаркизму; в подкрепление этого взгляда часто ссылаются на

сталинскую работу "Анархизм или социализм?", опубликованную в 1906 году. Эти аргументы становятся менее убедительными при их проверке: одна единственная фраза из "Анархизма или социализма?" имеет отношение к биологии и эта фраза не очень значаща" (223).

Грэм вслед за Медведевым приводит эту, якобы единственную, фразу, использованную Сталиным во время обсуждения периодической системы элементов Менделеева (224), когда Сталин, говоря о переходе количественных изменений в качественные, пишет:

"Об этом же свидетельствует в биологии теория неоламаркизма, которой уступает место неодарвинизм" (225).

Однако утверждение о наличии всего одной фразы, имеющей отношение к биологии, в данной работе Сталина -- ошибочно. Рассуждения о дарвинизме и ламаркизме как способах объяснения эволюционного развития и о теории катастроф Кювье как одной из форм объяснения революционных перемен занимают центральное место в первой части работы, озаглавленной "Диалектический метод". Обращаясь к наблюдениям биологов, касающимся изменений органического мира и безосновательно привлекая эти наблюдения к решению вопросов социального развития, Сталин видит в них иллюстрацию диалектического единства количественных и качественных изменений24,

"когда прогрессивные элементы стихийно [эволюционно -- В.С.] продолжают свою повседневную работу и вносят в старые порядки мелкие, количественные изменения",

и, в конце концов, обусловливают возникновение революционной ситуации, то есть приводят к такому положению, при котором, по словам Сталина:

"... те же элементы объединяются, проникают единой идеей и устремляются против вражеского лагеря, чтобы в корне уничтожить старые порядки и внести в жизнь качественные изменения, установить новые порядки" (226).

Сталин далее утверждал:

"Эволюция подготовляет революцию и создает для нее почву, а революция завершает эволюцию и содействует ее дальнейшей работе" (227).

Завершая обсуждение перехода количественных изменений в качественные и соотношение эволюционных и революционных переходов, он пишет:

"Такие же процессы имеют место и в жизни природы... все в природе должно рассматриваться с точки зрения движения развития" (228),

и затем упоминает периодическую таблицу Менделеева, выписывая предложение о "теории неоламаркизма, которой уступает место неодарвинизм" (229), то есть предложение, приведенное Медведевым и Грэмом.

Сталин продолжает использовать имена Ламарка и Дарвина в своей полемике с анархистами, когда, пытаясь доказать правоту диалектического метода, говорит:

"не были революционерами также Ламарк и Дарвин, но их эволюционный метод поставил на ноги биологическую науку" (230).

Заметим, и здесь примат отдается Ламарку, которого он, разумеется, не в силу хронологических, а идейных причин ставит впереди Дарвина, ибо Сталин уверен, что неоламаркизм25 выходит победителем в борьбе с неодарвинизмом. Последний, по его мысли, вынужден теперь "уступить место неоламаркизму".

Дальше он раскрывает еще больше неприятие неодарвинизма, когда рассуждает о положительных и отрицательных сторонах в развитии, в движении:

"Коль скоро жизнь изменяется и находится в движении, -- всякое жизненное явление имеет две тенденции: положительную и отрицательную, из коих первую мы должны защищать, а вторую отвергнуть" (233).

Конечно, в этом заявлении не может не поражать вульгарное деление жизненных процессов всего на два полярных по своей направленности течения, непонимание и гораздо большего спектра тенденций в развитии, и их взаимозависимость, и примитивное стремление направить творческую активность человека к тому, чтобы "защитить" положительное начало и подавить "отрицательное". В годы расцвета сталинского диктата это его отношение к природе вылилось в особенно уродливое восхваление лозунга И.В.Мичурина: "Мы не можем ждать милостей от природы -- взять их у нее наша задача", и в гибельное для природы отношение к естественным ресурсам26.

Затем в полемике с грузинскими и отчасти русскими анархистами, по его словам, полагающими, что "марксизм опирается на дарвинизм и относится к нему некритически" (234), Сталин делает еще одно -- важнейшее замечание относительно дарвинизма, которое будучи само по себе совершенно неверным и бездоказательным (и, кстати, далеким от взглядов самого Дарвина), тем не менее, весьма характерно демонстрирует корни негативного отношения Сталина к дарвинизму. Отношение это сложилось уже в те годы -- далекие от времени выхода Лысенко на путь борьбы с генетикой. Итак, Сталин утверждает:

"Дарвинизм отвергает не только катаклизмы Кювье, но также и диалектически понятое развитие, включающее революцию, тогда как с точки зрения диалектического метода эволюция и революция, количественное и качественное изменения -- это две не-обходимые формы одного и того же движения" (235).

И, наконец, эта же работа Сталина "Анархизм или социализм?", опубликованная первоначально в 1906 году, дает нам ясное представление о том, что идея Ламарка о наследовании благоприобретенных признаков и вытекающее из неё простое объяснение эволюции за счет медленного приспособления организмов к условиям меняющейся внешней среды принимались Сталиным. Он следовал именно этой идее (причем в упрощенном, вульгаризированном виде), когда брался объяснить поступательный ход эволюции, с одной стороны, и примат материи над сознанием, с другой:

"Еще не было живых существ, но уже существовала так называемая внешняя, "неживая" природа. Первое живое существо не обладало никаким сознанием, оно обладало свойством раздражимости и первыми зачатками ощущения. Затем у животных постепенно развивалась способность ощущения, медленно переходя в сознание, в соответствии с развитием строения их организма и нервной системы. Если бы обезьяна всегда ходила на четвереньках, если бы она не разогнула спины, то потомок ее -- человек -- не мог бы свободно пользоваться своими легкими и голосовыми связками, и, таким образом, не мог бы пользоваться речью, что в корне задержало бы развитие его сознания. Или еще: если бы обезьяна не стала на задние ноги, то потомок ее -- человек -- был бы вынужден всегда ходить на четвереньках, смотреть вниз и оттуда черпать свои впечатления; он не имел бы возможности смотреть вверх и вокруг

себя и, следовательно, не имел бы возможности доставить своему мозгу больше впечатлений, чем их несет четвероногое животное. Все это коренным образом задержало бы развитие человеческого сознания" (236).

"Выходит, -- пишет Сталин, -- что развитию идеальной стороны, развитию сознания предшествует развитие материальной стороны, развитие внешних условий: сначала изменяются внешние условия, сначала изменяется материальная сторона, а затем соответственно
изменяется сознание, идеальная сторона" (237).

Для Лысенко же именно эта основная идея, примененная также в утрированно упрощенном виде, служила в качестве "символа веры".

Длинная тирада Сталина знаменательна еще и тем, что она показывает, как на заре своей политической деятельности, борьбы за власть сначала в среде грузинских социал-демократов, а затем питерских и московских большевиков, Сталин смело брался решать вопросы, требующие специальных и глубоких знаний, которыми он не обладает. Это обстоятельство не останавливало его в 1906 году, оно, тем более, не стало для него препятствием позже, когда он начал вторгаться со столь же выраженной самоуверенностью в объяснение философских категорий, в обоснование экономических "законов" развития социализма, в поддержку лысенковских идей, в проблемы языкознания и т. д.

Из приведенного отрывка следует, что Сталин допускает здесь еще одну вульгаризацию -- на сей раз марксизма: понятие материального базиса развития он подменяет "материальными условиями". Точно так же Лысенко позже будет утверждать примат внешней среды в изменении наследственности.

Таким образом, на вопрос о том, было ли выдвижение Лысенко Сталиным и активная поддержка им лысенкоизма прямым следствием его, Сталина, внутренней подготовленности к восприятию именно лысенкоизма, а не идей генетиков, отрицавших простой путь адекватного воздействия внешней среды на наследственность и искавших хотя и сложные по форме, но вполне материалистические по содержанию закономерности наследственной изменчивости, можно ответить, на наш взгляд, однозначно. Да, Сталин был подготовлен к восприятию именно лысенкоизма. Он, лысенкоизм, вполне соответствовал взглядам и интересам Сталина. Существовало важное сходство в стиле мышления Лысенко и Сталина. Свои концепции оба строили на общей основе, выводили их из одних корней -- полузнания, редукции сложного до простейшего, они были способны родить лишь примитивные и однозначные решения, также как из общности их задач вытекала тенденция к монополизации власти в своих сферах.

Но сводить каузальную сторону упрочения лысенкоизма только к личным свойствам Сталина, как это делает ряд историков, значило бы грубо ошибаться в анализе этого явления, представляющего собой закономерное порождение ленинизма, большевистского отношения к интеллигенции, примата практицизма и других социальных феноменов (см., например, приложение к книге). Лысенкоизм представлял собой социальное явление, закономерное для тоталитарного государства, и в этом заключается главная причина его упрочения.

Несомненно, что доброжелательному отношению Сталина к Лысенко способствовала и та внешняя политическая шелуха, в которую облекали Лысенко и Презент их, в общем, крайне наивные воззрения на сущность наследственности и изменчивости, их постоянная апелляция к высказываниям Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Кроме того, Сталину не могли не импонировать организационные приемчики, коими пользовался Лысенко, а также разговоры

о том, как важно-де "проверять свои предложения на полях колхозов и совхозов", а не в тиши лабораторий.

* *

*

Партийное вмешательство в судьбу науки стало одной из самых трагических страниц в истории науки. Это вмешательство было закамуфлировалоно демагогическими рассуждениями лидеров партии на публике о свободе науки и научных дискуссий в стране. До поры до времени, как мы видели раньше, дискуссии действительно шли: и в 1936 году в ВАСХНИЛ, и в 1939 году -- в редакции журнала "Под знаменем марксизма". Однако и пресса, полностью контролируемая коммунистами, и власти, не позволявшие ученым вырваться из под их цепкого надзора, не оставляли никаких степеней свободы для ученых, сами же ученые влиять на развитие науки не могли даже в минимальной степени. Была лишь видимость свободы дискутирования, но на сессии ВАСХНИЛ 1948 года даже эта видимость была грубо подавлена. С этого времени само слово ГЕН уже не могло быть произнесено, ученым было запрещено свободно спорить друг с другом, они не могли выражать свое мнение, критиковать позиции сторон, и соревновательное начало уже не могло служить двигательной силой в развитии науки. Такая однонаправленность поведения властей в условиях централизованного планирования экономикой вела к гибели науки. Ведь финансирование науки в СССР никак не зависело от реальных успехов ученых, оно жестко определялось их идеологическими взглядами. По сути и ранее научные дискуссии в СССР не вели к прогрессу, аргументы ученых не принимались властью во внимание, а определяющими были партийные взгляды руководителей страны, нисколько не прислушивавшихся к доводам ученых и научным результатам. Была и другая несуразность: все деньги шли из одного источника, альтернативных фондов не существовало, система независимый оценки проектов ученых самими учеными также отсутствовала. Решения о том, чьи взгляды и чью практику поддержать, принимало Политбюро партии, и оно же утверждало все бюджетные суммы. Контроль за использованием средств также находился в руках партийных комитетов, они заказывали "музыку", и от того, какие оркестры приглашались к исполнению "заказных мелодий", зависела судьба коллективов исследователей. Административно этот тотальный контроль за научными разработками полностью исключал всякую "самодеятельность": только то, что одобряла партия, включалось в планы институтов, то же, что не одобрялось или подвергалось даже минимальной критике, разрабатываться советскими учеными не могло. Поэтому столь ожесточенными были попытки лысенкоистов закрепить за собой положение единственного научного направления, одобренного партией. Ученые старались убедить власти в том, что научная истина находится не на стороне лысенкоистов, что практические достижения и дивиденды, приносимые обществу наукой, будут несоизмеримо выше, если вектор партийного одобрения изменит свое направление. Но даже произносить эти слова было уже нельзя, за это можно было в лучшем случае потерять работу, а в худшем получить лагерный срок, как это произошло с В.П.Эфроимсоном.

А Россия тем временем теряла свои славные позиции, некогда с почетом завоеванные. Если вести отсчет от "Августовской сессии ВАСХНИЛ", то всего пять лет оставалось до открытия американцем Джеймсом Уотсоном и англичанином Френсисом Криком двойной спирали ДНК -- открытия, начавшего эру молекулярной генетики. Только ведь не в Америке и не в Англии, а в советской России двадцатью пятью годами ранее Н.К.Кольцов предсказал, что наследственные молекулы должны иметь двойное строение. Подхватить бы эстафету от Кольцова, создать его школе условия благоприятствования! Но нет, затравили и самого Николая Константиновича, обзывали его и фашистом, и мракобесом, и сколько раз призывали

посадить его, школу изничтожить, чтобы ростков не дала, чтоб продолжения не последовало.

Точно также не где-то на "презренном" Западе, а в советской России Четвериков заложил основы популяционной генетики, науки, значение которой сегодня -- в пору всеобщего экологического бедствия -- и оценить-то сообразно весомости этой науки вряд ли возможно. Но выгнан был сразу после сессии ВАСХНИЛ великий ученый, унижен и оскорблен. Он умирал в Горьком, беспомощный, забытый у себя на родине в то время, когда на Западе ему присуждали плакетты, печатали переводы его статей, разыскивали его портреты.

А разве не в советской России Г.А.Надсон и Г.С.Филиппов открыли радиационный мутагенез, а М.Н.Мейсель (ученик Г.А.Надсона) -- мутагенез химический. Но арестовали Г.А.Надсона и сгноили в тюрьме. В советской стране С.Г.Левит создал первый в мире медико-генетический институт. Но расстреляли в тюрьме Левита, а институт и всех сотрудников разогнали. И дух института истребили. Талантливейший ученик Левита С.Н.Ардашников сразу после сессии оказался без работы и маялся несколько лет, да так по специальности места и не нашел. И.А.Рапопорт первым в мире начал широкие опыты с разнообразными химическими мутагенами, но даже книжку с его пионерской статьей велено было в 1948 году сжечь. И сожгли. И Нобелевскую премию рекомендовали не присуждать. И вскоре угнали по этапу вторично бескомпромиссного борца с лысенкоизмом В.П.Эфроимсона.

А впереди страну ждало еще много испытаний: отставание и в генетике, и в селекции, и в лечении наследственных болезней, и в промышленном производстве антибиотиков. И самое тяжкое испытание: полная отстраненность от гонки западных стран в важнейшей отрасли, имеющей и экономическое и военное значение, -- биотехнологии. Советский Союз оказался на обочине дороги, по которой умчались вперед даже те страны, которые некогда и помыслить не смели, чтобы посоревноваться с Россией генетической в изучении свойств и структур наследственности, со страной, в которую будущий Нобелевский лауреат Герман Мёллер приехал жить и работать бок о бок с Вавиловым28.

Тлетворная плесень лысенок и презентов с гигантской скоростью пускала новые поросли, отпочковывала от себя аналогичных деятелей в смежных науках и прекрасно развивалась на том идеологическом сусле, которое булькало, пенилось и пыжилось, заполняя собой все поры государственного организма. Горьким оказался плод, созревший на этой питательной почве!

Примечания и комментарии

к главе XIII

1 Б. Л. Пастернак. Стихотворения и поэмы. "Малая серия поэта", Ленинград, 1977, стр. 506.

2 И.В.Сталин. Речь на выпуске академиков Красной Армии. Газета "Социалистическое земледелие", 6 мая 1935 г., 80 (1889), стр. 1.

3 Архив АН, ф. 1521, оп. 1, д. 114, л. 18-18об, цитировано по К.О.Россиянову, Сталин как редактор Лысенко (К предыстории августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ). Машинописный препринт Института естествознания и техники РАН. 1991.

3а Там же, л. 39.

3б Этот абзац почти дословно повторен в докладе Т.Д. Лысенко на сессии ВАСХНИЛ (см. прим. /78/, стр. 231).

4 Тексты писем Т.Д. Лысенко к И.В.Сталину и А.А.Жданову (и приложения о содержании

лекции Ю.А.Жданова) и к И.А.Бенедиктову хранятся в архиве Президиума ВАСХНИЛ (в конце писем я привожу регистрационные
номера по книге канцелярии Президиума ВАСХНИЛ). Опубликованы в моей статье "Горький плод" в журнале "Огонек". 1988 г., 1 и 2.

5 Личное сообщение академика АН БССР и ВАСХНИЛ Н.В.Турбина.

6 См.некролог, подписанный М.С. Горбачевым, А.А. Громыко и другими, "Иван Александрович Бенедиктов", газета "Правда", 1 августа 1983 г., стр. 8.

7 ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 3, д. 177, л. 30; цитировано по публикации В.Есакова, С.Ивановой и Е.Левиной "Из истории борьбы с лысенковщиной" в журнале "Известия ЦК КПСС", 7, 1991, стр. 111.

8 S. Allilueva. Only One Year. Translation from Russian by P. Chavchavadze, New York and Evanston, Ill., 1969, p. 380.

9 Светлана Аллилуева писала (цитируется по русскому изданию книги):

"То же произошло с теорией Менделя-Моргана в генетике, когда отец поддержал Т.Лысенко, польщенный ложным "практицизмом" этого карьериста, ловко игравшего на пристрастии отца к "практике". Я помню, как работавший в отделе науки ЦК Юрий Жданов выступил в 1948 году против Лысенко, которого сейчас же защитил мой отец. "Теперь генетика кончилась!" - сказал тогда Юрий. Подчиняясь партийной дисциплине, Ю.Жданову пришлось "признать" свои ошибки и написать покаянное письмо Сталину, с опубликованием его в "Правде". Его же самого заставили проводить теоретический разгром хромосомной теории "с позиций марксизма"...".

10 ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 3, д. 177, лл. 50 и оборотный.

11 М. Якубинцер. Пшеница муслинка. Журнал "Колхозное опытничество", 1938, 7, стр. 51. М.М.Якубинцер -- специалист по пшеницам писал в этой статье:

"Для колхозной селекции "муслинка" несомненно представляет интерес... Этот сорт взят ... орденоносцем Н.В.Цициным в целях скрещивания с пыреем".

Ничего путного из этой затеи не вышло, так как никаких сообщений об успехах Цицина в печати больше не появилось.

12 Временные указания по кахетинской ветвистой пшенице. Тбилиси, Изд-во "Коммунист" (на грузинском языке), 16 страниц.

13 История появления ветвистой пшеницы у колхозников Телавского района и последующих

неудач М. Бегиевой, так же как непомерное восхваление "достижений" Т.Лысенко, содержится в книге Е. Мара "Богатырская пшеницв", Детгиз, 1949, (серия "Рассказы о советской науке"), стр. 17-20 .

14 Об этом поручении Сталина писали все популяризаторы лысенкоизма тех лет, см. /13/, /

32/, /82/ и др.

15 Фотография опубликована в газете "Социалистическое земледелие", 156 (2544), 1937, стр. 3.

16 Российский академик В.Севергин в книге "Начальные основания естественной истории,

содержащие царства животных, произрастаний и ископаемых. Часть I -- Царство произрастаний, изданная Академиком Василием Севергиным по Турнефортовой с Линнеевою соединенной системе на французском языке писанной", СПБ, 1794 (404 страницы) на страницах 122-123 приводил сведения о смирнской или удивительной пшенице с ветвящимся колосом.

17 Броневский. О посеве разного рода хлебов в Омске. "Земледельческий журнал", 1834, 6.

18 Профессор А.М. Бажанов. О возделывании пшеницы с описанием пород, разводимых в России. М., Издание Московского Императорского Университета, 1856.

19 Обозрение сельского хозяйства удельных имений в 1832 и 1833 годах. Сост. Байков, СПБ, издание Департамента уделов, 1836; сведения о пшенице "Благодать" приведены на стр. 85.

20 См., прим. /18/, стр. 38.

21 Н. Щеглов. Хозяйственная ботаника, заключающая в себе описания и изображения полезных и вредных для человека растений. Т. I -- Употребляемые в пищу человека луговые и технологические растения. СПБ, 1828.

22 М.В. Спафарьев. Вопрос о пшенице "Благодать". "Земледельческая газета", 1837, 42, стр. 334-335; О. Шиманский. Ответ на вопрос о пшенице -- благодати. "Земледельческая газета", 1837, 68, стр. 542.

23 См прим. /18/, стр. 40.

24 См., например, "Мумийная египетская пшеница". "Труды Вольного Экономического Общества", 1851, СПБ. т. III, отд. I, стр. 1.

25 См. статьи: Кое-что о кормовой траве му-сюй и мумийной египетской пшенице. "Экономи-

ческие записки", 1856, 30, стр. 238-239; Новые факты в пользу мумийной египетской пшеницы. "Труды Вольного Экономического Общества", 1850, т. IV, прибавление, СПБ, стр. 47; П.В.Долгоруков. Сведения об урожае семян, разосланных от Вольного Экономического Общества, СПБ, т.IV, прибавление, 1851,стр. 23; А. Кнуст. Опыты посевов мумийной пшеницы, белого проса, белого мака и целебной (белой) горчицы на Ижевском заводе. "Экономические записки", 1854, 3, стр. 17-18.

26 А. Яблонский. Сведения об урожае мумийной пшеницы. "Труды Вольного Экономиче-

ского Общества", 1852, СПБ, т. I, стр. 69; М.Зензинов. Письмо в Вольно-Экономическое общество из Нерчинска о разведении в том крае пшеницы. "Экономические записки", 1860, 30, стр. 240; анонимная статья "Египетская или мумийная пшеница -- пуф". Там же, 1861, СПБ, 19, стр. 152; А.Фонтон. Опыт над семенами египетской пшеницы. В журнале "Опыт

сельского хозяйства южной России", 1850, Одесса, 7, стр. 448-450.

27 Редакционная статья "Практический ответ теоретическим порицателям египетской мумийной пшеницы". "Труды Вольного Экономического Общества", 1854, СПБ, т. III, стр. 93.

28 И.И.Солнцев. Испытание озимой китайской пшеницы. "Вестник русского сельского хозяйства", 1893, 23, стр. 794; там же: "Заметка редакции Вестника", стр. 378; М.Рева. Опыты посева китайской пшеницы Хайруза, там же, 1894, 16, стр. 266.

29 А.П.Андриановский в книге "Хозяйственные растения, их сорта и способы возделывания",

1888 г., писал о ветвистой пшенице, что она "едва ли не самая требовательная в мире, поэтому в больших количествах не разводится". Н.Васильев в статье "Ботанические разновидности и сорта хлебных растений в России", опубликованной в журнале "Сельское хозяйство и лесоводство", 1905, 1, стр. 1-47 писал:

"Попытка возделывания [ветвистой пшеницы -- В.С.] в России оказадась неудачной: в первый же год пшеница перерождалась и имела обыкновенный колос" (стр. 43).

См. также: А.Филипченко. Стоит ли выводить многоплодный сорт ржи? "Земледельческая газета", 1890, 50, стр. 981-983; его же статья была опубликована в следующем номере этого журнала -- 51, стр. 1003-1005.

30 Ф.М. Куперман. О ветвистых формах озимых пшениц, ржи и ячменя. Журнал "Яровизация", 1940, 2, стр. 101-105.

31 В 20-40-е годы, то есть в годы, когда Лысенко лично занимался селекцией пшениц, ветви-

стые формы были описаны в вавиловских "Трудах по прикладной ботанике, генетике и селекции", -- см., например, следующие статьи: об афганской пшенице "зафрани" -- В.К.Кобелев, Пшеницы Афганистана (состав и распространение), Там же, 1928, т. 19, вып. 1, стр. 21; об армянских представителях пшениц с таким колосом -- М.Туманян, Ветвистая мягкая пшеница, там же, серия 5, 2, 1934, стр. 141.

Изучению ветвистых форм посвящали свои работы физиологи растений, установившие, при каких условиях колос зерновых ветвится (см., например, Г.В.Заблуда, О ветвлении колосьев в условиях короткого дня, Доклады АН СССР, 1941, т. 30, 6, стр. 533-535). Писалось в свое время о ветвистой пшенице и в советских газетах, в том числе и в газете, в которой сам Лысенко постоянно помещал свои заметки -- газета "Социалистическое земледелие", см. напр., выпуск от 15 сентября 1938 г., 212, стр. 3.

32 Геннадий Фиш. Пшеница будущего. Журнал "Молодой колхозник", орган ЦК ВЛКСМ, январь 1949 г., 1, стр. 19. См. также его книгу: Человек создает землю. Изд. ЦК ВЛКСМ "Молодая гвардия", М., 1954.

33 Показательной была судьба академика ВАСХНИЛ лауреата Сталинской премии Ивана Да-

ниловича Колесника, ставшегл в конце 30-х -- начале 40-х годов одним из ближайших к Лысенко людей. Как рассказывал профессору В.П.Эфроимсону бывший профессор Полтавского сельскохозяйственного института Иванов, И.Д.Колесник работал счетоводом в бухгалтерии этого института в конце 20-х -- начале 30-х годов. Чувствуя, что все научные работы Иванова тормозятся из-за самых нелепых финансовых причин, профессор, наконец,

сообразил, что нужна специфическая "смазка", иначе всем его научным проектам уготована плохая судьба. Поэтому он предложил младшему счетоводу Колеснику такую помощь: поспособствовать в зачислении его студентом заочного отделения этого института в обмен на более внимательное отношение к его финансовым просьбам. Взялся Иванов уговорить и других преподавателей отнестись снисходительно к пробелам знаний Вани Колесника -- паренька бойкого, но косноязычного и малограмотного. Стоило зачислить счетовода в штат, как хорошо пошли дела с финансированием исследовательской работы Иванова. Но в 1937 году Иванова арестовали как "врага народа". Будучи человеком физически крепким, он перенес лагерные мучения и в 1955 году вышел на свободу. Как водится, работу по специальности он долго не мог найти, пока кто-то не надоумил его обратиться прямо к Лысенко, который иногда помогал тем землякам, кто не гнушался поклониться ему. В приемной Президента ВАСХНИЛ, когда Иванов ждал возможности хотя бы увидеть Трофима Денисовича, он внезапно заметил, что за ним наблюдает человек с орденом Ленина на пиджаке. Человек этот все время сновал то в кабинет Президента, то обратно с бумагами. Вдруг этот человек подошел к нему и с тем же простецким выговором, какой у него был в бытность счетоводом, спросил: "А вы случаем не будете ли прохфесором Ивановым з Полтавщыны?". Только тогда Иванов сообразил, что это -- его бывший протеже, сделавший головокружительную карьеру и пролезший к своему земляку Лысенко на роль правой руки: Колесник начал работать непосредственно под началом Лысенко во второй половине 30-х годов и в 1937 году он был уже старшим научным сотрудником Одесского селекционногенетического института (см. его статью "Проверка в колхозной практике новейших достижений советской сельскохозяйственной науки". Журнал "Селекция и семеноводство", 1937, 12, стр. 3-539).

34 См. прим. (118) к главе XII, стр. 157.

35 П.Соловьев. Размножение ветвистых пшениц. Газета "Социалистическое земледелие", 1948,

18, 22 января, стр. 4; Редакционная статья "Опыты с ветвистой пшеницей". Там же, 23 мая 1948 года, 119, стр.
4 (описаны посевы в Грузинской ССР); Редакционная статья "Ветвистая пшеница на Украине". Там же, 4 июня 1948 г., 131, стр. 3; П.Полынский. Ветвистая пшеница на Украине. Там же, 25 июня 1947 г. и др.

36 См. прим. /32/, стр. 19.

37 Там же.

38 Личные сообщения профессора В.П.Эфроимсона и академика АН БССР А.Р.Жебрака.

39 Об этом высказывании Сталина стало известно со слов Ю.А. Жданова, предупреждавшего

не раз А.Р.Жебрака и других генетиков, что от ветвистой пшеницы Сталин ждет большого результата. На этом основании Ю.Жданов просил генетиков дать материалы в ЦК партии об этой пшенице. Об этом же интересе Сталина говорили мне академики ВАСХНИЛ В.Д.Панников и Н.В.Турбин и профессор В.П.Эфроимсон.

40 Личное сообщение Ю.А.Жданова.

41 Позже Д.Т.Шепилов опубликовал краткие воспоминания о событиях той поры в журнале "Вопросы истории КПСС", 1989, 2, стр. 53-54.

42 В.Н.Сойфер. Горький плод. Журнал "Огонек", 1 и 2, 1988.

43 Личное сообщение Ю.А.Жданова 22 декабря 1987 г.

44 См. воспоминания Ю.А.Жданова "Во мгле противоречий". Журнал "Вопросы философии", 7, 1993, стр. 67.

45 Статья "Старая площадь". Журнал "Источник" (Издание Архива Президента Российской Федерации), 1997, 5, стр. 100.

46 Советы академика Т.Д.Лысенко звеньевому М.И.Лаптеву. Газета "Социалистическое земледелие", 1949, 70, 25 марта, стр. 4.

47 См. выступление Д.А.Долгушина на августовской сессии ВАСХНИЛ (см. прим. /144/, стр. 204-210); а также Д.А. Долгушин. Мичуринские принципы селекции и семеноводства культурных растений. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Всесоюзного Общества по распространению политических и научных знаний, Москва, Изд-во "Правда", 1949, стр. 23.

48 В.Н. Ремесло. Селекция яровой пшеницы. В кн.: "Научный отчет Мироновской селекционной станции за 1944-1949 годы", вып. 1, Киев-Харьков, 1951, стр. 51-57.

49 Г.С.Давтян, И.Р.Юзбашан. Изменение ветвистой пшеницы под влиянием химических удобрений. Журнал "Доклады АН АрмССР", 1949, т. II,3, стр. 10-5110.

50 Редакционная статья "В Академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. Сове-

щание ученых и руководителей совхозов Московской области по вопросам агротехники и сева ветвистой пшеницы". "Совхозная газета", 14 апреля 1949 г., 45, стр. 1; Редакционная статья "В Академии имени В.И.Ленина. Совещание по вопросам, связанным с возделыванием ветвистой пшеницы", Там же, 29 марта 1951 г., 37, стр. 1.

51 Евгений Мар. Богатырская пшеница. М., Детгиз, 1949 (Серия "Рассказы о советской науке).

52 См. прим. /32/, стр. 21.

53 И. Ильин. В Горках Ленинских (Опытное поле ветвистой пшеницы на экспериментальной

базе Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина). Газета "Комсомольская правда" 13 августа 1948 г.; Пшеница будущего. "Литературная газета", 19 марта 1949 г., 19, стр. 1; Н. Бутенко, И.Бяхов. Драгоценные зерна. Вклад старого хлебороба Андрея Подлиннова. "Совхозная газета", 1949, 156, стр. 3; см. также книгу В.Сафонова "Земля в цвету (История развития агробиологической науки и расцвет мичуринского учения в СССР)". М., 1952.

54 В.Я. Юрьев, академик ВАСХНИЛ. Из практики селекции и семеноводства зерновых культур. Газета "Сельское хозяйство", 5 августа 1954 г.

55 Личное сообщение академика ВАСХНИЛ И.Е.Глущенко.

56 См. прим. (44), стр. 86-87.

57 ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 3, д. 180, л. 21, цитировано по книге "Академия Наук СССР в решениях Политбюро ЦК РКП(б)--ВКП(б)--КПСС. 1922-1952 (Составитель В.Д.Есаков). Москва, РОССПЭН, 2000, стр. 112 .

58 Л.Максименков. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936-1938. Изд. "Юридическая книга", М., 1997.

59 I.I.Schamlhausen. Factors of Evolution. The Theory of Stabilizing Selection. The University of Chicago Press. Chicago and London. 1986.

60 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, д. 991, л. 83. В публикации В.Д.Есакова и др. "Из истории борьбы с лысенковщиной" в журнале "Известия ЦК КПСС", 7, 1991, стр. 112 вкралась опечатка -- сказано, что дело в Центральном Политическом Архиве хранится под 77, должно быть ф. 17).

61 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, д. 991, л. 83-64.

62 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, д. 991, лл. 105 и 123.

63 Там же, л. 104.

64 В протоколе Политбюро 63 от 6.07.48 сказано: "Разрешить А.А.Жданову отпуск с 10 июля 1948 г. на два месяца, согласно заключению врачей".

65 Протокол Политбюро ЦК ВКП(б) 64, пункт 117.

66 Протокол Политбюро ЦК ВКП(б) 64, пункт 124.

67 ЦПА ИМЛ, ф. 558, д. 5285, л. 51.

68 Из истории борьбы с лысенковщиной. Журнал "Известия ЦК КПСС", 7, 1991, стр. 111-112.

69 К.О.Россиянов. Сталин как редактор Лысенко (к предыстории августовской (1948 г.) сессии

ВАСХНИЛ. Тезисы Конференции по социальной истории советской науки. М. 1990, стр. 51; К. Россиянов. Сталин как редактор Лысенко. журнал "Вопросы философии", 1993, 2, стр. 56-69 K. Rossianov. Editing Nature: Joseph Stalin and the "New" Soviet Biology. ISIS, 1993, v. 84, pp. 728-745; K.O.Rossianov. Stalin as Lysenko's editor: Reshaping political discourse in Soviet science. Configurations, 1993, v. 1, No 3, Fall 1993, pp. 439-456.

70 Информационное сообщение "Во Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина". Газета "Правда", 28 июля 1948 г., 210 (10957), стр. 2.

71 В рукописных воспоминаниях академика АМН СССР Льва Александровича Зильбера, хра-

нящихся в его семье, имеется немало строк, посвященных времени его пребывания в неволе. Много раз в беседах с сотрудниками Л.А.Зильбер рассказывал о тех гнусностях, которыми была оплетена жизнь С.Н.Муромцева (1898-1960), его садистского отношения к

заключенным и неожиданного взлета квази-научной карьеры этого профессионального сотрудника карательного органа, "накинувшего" на военный мундир офицера НКВД белоснежный халат врача. Не раз в кругу друзей аналогичную характеристику давал ему и академик АМН СССР П.Ф.Здродовский (по рассказам его сотрудников, Здродовский даже не ходил демонстративно на те заседания, где присутствовал Муромцев, пока последний числился директором Института имени Н.Ф.Гамалея). Однажды Муромцев попытался объяснить академику Зильберу, работавшему зав. лабораторией этого института, что он-де вынужден был избивать Зильбера и Здродовского, иначе бы их били другие чекисты и били бы более жестоко. Зильбера так возмутила эта "покаянка", что он впал в неистовство, ударил Муромцева и разнес всю мебель в кабинете директора, при этом бравый офицерик испугался, но счел за благо помалкивать о случившемся, ведь авторитет выдающегося ученого Л.А.Зильбера (трижды отсидевшего в сталинских тюрьмах и лагерях и знавшего, как за себя постоять) был так высок, что огласка случившегося только больнее ударила бы по Муромцеву. Когда С.Н.Муромцев скончался, сотрудники Института эпидемиологии и микробиологии имени Гамалея единодушно игнорировали похороны: у гроба стояли только охранники.

Возмутительным фактом более поздних дней стало то, что в 3-м издании БСЭ появилась отдельная статья о Сергее Николаевиче Муромцеве (БСЭ, 3 изд., т. 17, М., 1974, стр. 127), в которой сообщалась явная ложь о его "научной деятельности". По статусу БСЭ, статьи о членах отраслевых академий в ней не печатаются. Поэтому публикация статьи об академике ВАСХНИЛ Муромцеве -- событие особое. Нельзя исключить того, что опубликовать статью о своем кадровом офицере могло заставить руководство КГБ.

72 В.Снегирев. Убийства заказывались в Кремле... Проверено: действует безотказно. Газета "Труд", 23 июля 1992, 110 (21634).

73 см. книгу генерала П.А.Судоплатова -- P.& A. Sudoplatov. Special Tasks. The Memoirs of an Unwanted Witness -- a Soviet Spymaster. Little, Brown and Co. Boston, 1994, pp. 400-401.

74 Личное сообщение академиков ВАСХНИЛ В.Д.Панникова, И.Е.Глущенко и Н.В.Турбина.

75 См. прим. (70).

76 Там же.

77 Сразу после сессии Столетов занял место директора Тимирязевской сельскохозяйственной

академии, а с 1950 года стал заместителем министра сельского хозяйства по науке. Через несколько месяцев он стал министром высшего образования СССР при довольно курьезных обстоятельствах. В январе 1951 года исполнялось семьдесят лет члену Политбюро ЦК партии К.Е.Ворошилову -- весьма посредственному и неумному человеку, известному своим лакейством перед Сталиным, занимавшему тогда пост заместителя Председателя Совета Министров СССР. Кафтанов по поводу юбилея опубликовал хвалебную статью, в которой от большого усердия договорился до того, что будто бы Климент Ефремович был вместе с Лениным одним из основателей партии большевиков (на самом деле, Ворошилов -- малограмотный рабочий из Луганска, участвовавший в карательных отрядах и, наряду с Дзержинским, один из руководителей ВЧК, -- всегда был на вторых ролях). Конечно, тут же нашлись "благожелатели", которые показали это литературное произведение Сталину, весьма ревностно оберегавшему миф о своем решающем участии в организации партии, и тот якобы воскликнул: "Да он и политграмоты не знает". Карьера Кафтанова после этого была подрублена: в один из ближайших дней в кабинете Кафтанова появились Ю.А.Жданов и

В.Н.Столетов, и первый представил теперь уже бывшему министру нового министра -- Столетова (личное сообщение академика Турбина, 1973 год). Когда после смерти Сталина министерства объединили, Столетова понизили до заместителя министра культуры СССР, затем сделали заместителем министра высшего образования СССР. В 70-е годы он снова стал министром высшего и среднего специального образования, но не СССР, а РСФСР, позже Президентом Академии педагогических наук, затем председателем Общества по связи с соотечественниками за рубежом (Общество "Родина", которое издавало газету и вело радиопередачи для тех, кто покинул СССР и жил на Западе, и кого советская власть мечтала бы заманить обратно). Почти три десятилетия, начиная с 1949 года, Столетов одновременно был заместителем председателя Высшей Аттестационной Комиссии и вершил на этом посту "высший суд" -- кому быть, а кому не быть кандидатом или доктором наук, доцентом или профессором, кому присвоить звание, а кого лишить всех степеней и званий.

Одним из первых, вслед за Н.В.Турбиным, Столетов почуял в конце 50-х годов, что позиции Лысенко становятся в глазах властей слабыми, и в самый подходящий момент отшатнулся от него. Оказавшись дальновиднее своего учителя, он признал генетику и занял место заведующего кафедрой генетики и селекции Московского университета имени М.В.Ломоносова (благо министру высшего образования сделать это было проще простого). Он стал способствовать изданию книг заклятых врагов лысенковцев (например, был редактором перевода на русский язык книги "Генетические исследования" Арне Мюнтцинга -- редактировал перевод, не зная ни слова по-английски). Помог он и в издании учебника по генетике для вузов М.Е.Лобашева. Не напрасно бывший ректор Ленинградского университета академик А.Д.Александров говорил: "Столетов был мудрый как змий" (см.: Э.И.Колчинский. Взгляд из ректората на биологию в Ленинградском университете. В кн.: Репрессированная наука, вып II, СПБ, изд. "Наука", 1994, стр. 173). Его предательство так возмутило лысенковцев, что однажды ярая приверженница Лысенко, много лет проработавшая с ним и затем приглашенная директором института общей генетики АН СССР А.А.Созиновым работать в этом академическом институте, югославская партизанка Ружица Главинич, узнав, что сын одного из ближайших приближенных Лысенко Д.Филиппова работает на кафедре генетики в МГУ и неплохо о Столетове отзывается, закричала за обеденным столом, где собрались ученики Лысенко: "Да я вашего заведующего, этого подлеца Столетова, своими бы руками застрелила!" (личное сообщение В.Д.Филиппова, лето 1979 года). Скончался Столетов 8 декабря 1989 г.

78 Т.Д.Лысенко. Доклад о положении в биологической науке. В книге "О положении в биологической науке. Стенографический отчет о сессии ВАСХНИЛ 31 июля -- 7 августа 1948 г.", ОГИЗ-Сельхозгиз, М., 1948. Этот доклад был издан отдельным изданием в СССР и переведен на многие языки мира.

79 Там же, стр. 10.

80 Там же, стр. 63.

81 Там же, стр. 40.

82 В. Сафонов. "Земля в цвету (История развития агробиологической науки и расцвет мичуринского учения в СССР)". М., 1952, стр. 338-339.

83 Там же.

84 О положении в биологической науке. Стенографический отчет о сессии ВАСХНИЛ

31июля -- 7 августа 1948 г., ОГИЗ-Сельхозгиз, М., 1948, стр. 40.

85 Там же, стр. 73.

86 Там же, стр. 121.

87 Там же, стр. 138.

88 Там же, стр. 166.

89 Там же, стр. 279.

90 Там же, стр. 411.

91 См. газету "Правда", 4 августа 1948 г., 217 (10958), стр. 1-3; 5 августа, стр. 2-3; 6 августа, стр. 2-3; 7 августа, стр. 2-4; 8 августа, стр. 2-4; 9 августа, стр. 2; 10 августа, стр. 1-4; 11 августа, стр. 2-4; 15 августа, стр. 1 и 3.

91а Б.М. Завадовский. Речь на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., см. в книге: "О положении в биологической науке. Стенографический отчет о сессии ВАСХНИЛ 31 июля -- 7 августа 1948 г.", ОГИЗ-Сельхозгиз, М., 1948, стр. 281-302. Цитата взята со стр. 292.

92 Об исключительной храбрости, проявленной И.А. Рапопортом на фронтах Второй Мировой

войны, см. в статье: Н. Гладков, полковник запаса. На подступах к Будапешту, журнал "Военный вестник", 1964, 12, стр. 10-13. Рапопорт командовал на передовой разведбатальоном, был награжден шестью боевыми орденами и дважды представлен к званию Героя Советского Союза, но оба раза, как информировали Иосифа Абрамовича, документы о представлении к высшей советской награде исчезали мистическим образом "где-то на верху".

93 Личное сообщение члена-корреспондента АН СССР И.А. Рапопорта, сделанное мне в 1969 году. 24 декабря 1987 г. И.А.Рапопорт подтвердил это еще раз, сказав мне со смехом:

"Мне и стенографистки помогли. В один из перерывов я проходил мимо их стола, и одна из них, немного меня знавшая, подмигнув, сказала: "Не беспокойтесь, мы самые острые места из вашего выступления и ваших реплик опустили".

94 См. прим. /84/, стр. 134.

95 Там же, стр. 137.

96 Там же.

97 Там же.

98 РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 120, лл. 49-54.

99 Цитировано по книге "Академия Наук СССР в решениях Политбюро ЦК РКП(б)--ВКП(б)--

КПСС. 1922-195"2 (Составитель В.Д.Есаков). Москва, РОССПЭН, 2000, стр. 381.

100 См. прим. (84), стр. 469.

101 Там же, стр. 471.

102 Там же.

103 Там же, стр. 472-473.

104 Там же.

105 Там же.

106 Там же, стр. 475.

107 М.С. Горбачев. О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС 25 июня 1987 г. В кн.: "Материалы пленума Центрального Комитета КПСС 2-526 июня 1987 г.", стр. 42.

108 См. при. /84/, стр. 510.

109 Там же, стр. 488.

110 Там же, стр. 505.

111 Там же.

112 Там же, стр. 506.

113 Там же, стр. 507.

114 Там же, стр. 510.

115 Личное сообщение проф. В.П.Эфроимсона.

116 См. прим. /84/, стр. 512.

117 Т.Д.Лысенко. Корифей науки. Газета "Правда", 8 марта 1953 г.

118 См. прим. /84/, стр. 153.

119 Т.Д.Лысенко. Он вдохновлял нас на борьбу за дальнейший расцвет науки. Газета "Известия", 1 ноября 1948 г., 207, стр. 1.

120 Ю.А.Жданов. В ЦК ВКП(б), товарищу И.В.Сталину. Газета "Правда", 7 августа 1948 г., 220 (10961), стр. 5.

121 Во время моей беседы с Ю.А. Ждановым 22 декабря 1987 года он сказал, что на самом деле

никакого письма в "Правду" не писал, а что опубликованный в газете материал был текстом

объяснительной записки, подготовленной после майского заседания Политбюро ЦК ВКП(б), на котором Сталин лично обвинил Ю.А.Жданова в ошибках. Появление в "Правде" этого внутреннего документа партии, не предназначавшегося для печати, было, по словам Ю.А.Жданова, неожиданностью для него.

Мне довелось слышать в 1978 году от ранее близкого к Ю.А.Жданову сотрудника, кандидата биологических наук А.Гапоненко, что Ждановым было подготовлено два варианта покаянных письма. В первом из них он якобы свел "покаяние" лишь к пустым формальным фразам. Гапоненко утверждал, что когда эта покаянка была принесена Сталину, тот будто бы написал в верхнем углу одну фразу -- "Ишь, какой прыткий!", чего было достаточно, чтобы молодой заведующий Отделом науки ЦК партии написал то, что от него ждали. Однако во время беседы в декабре 1987 года Ю.А.Жданов сказал мне, что не помнит этого факта.

122 См. прим. /84/, стр. 523-525.

123 Там же, стр. 52-5526.

124 Там же, стр. 358.

125 Личное сообщение ученика А.С.Серебровского члена-корреспондента АН СССР Р.Б.Хесина, лето 1983 г.

126 Покаянные письма А.Ф.Шереметьева и И.Н.Грязнова были опубликованы в областной га-

зете "Горьковская правда", 21 сентября 1948 г., 224 (8982) и в университетской газете "За Сталинскую науку", 1948 г., 19, стр. 1. Авторы писем обвиняли своего учителя С.С.Четверикова в том, что он вел их по неправильной дороге и завел в тупик. Однако в том же Горьковском университете, где подавляющее большинство ведущих биологов каялось в ошибках и поносило своего коллегу Четверикова, нашелся ученый, не отступивший от правды. Им был доцент Петр Андереевич Суворов, читавший курс низших растений. В газете "За Сталинскую науку" появились строки, осуждавшие позицию ученого:

"Доц. Суворов во вводной лекции на 2-м курсе обошел молчанием факт исторического поворота на фронте биологической науки. Он читал лекцию в старом стиле" (передовая статья в 19 газеты). В начале 70-х годов П.А.Суворов защитил докторскую диссертацию.

В 1958 году С.С.Четвериков с мягкой улыбкой рассказывал мне, как сразу после сессии ВАСХНИЛ к нему прибежал, как он его называл, Саша Шереметьев -- тогда ассисент кафедры Четверикова -- и со страхом в голосе спросил, что же ему делать теперь, ведь он член партии, у него семья и т. д. Сергей Сергеевич посоветовал ему: "Вали всё, Саша, на меня, я уже старик, жизнь прожил, мне бояться нечего". И Саша начал валить. Самого Четверикова, незадолго до того освобожденного от должности декана факультета, но оставленного на том же биофаке заведующим кафедрой генетики, вызвал к себе ректор университета ярый мичуринец А.Н.Мельниченко и предложил покаяться, обещав в этом случае сохранить работу. Четвериков отказался, заявив, что как разделял, так и будет до конца дней своих разделять все положения генетики. Тут же он был уволен, несколько месяцев не получал ниоткуда ни копейки денег, пока, наконец, ему не оформили пенсию. Вскоре Шереметьев был назначен деканом биофака (заведовать кафедрой дарвинизма и генетики стал сам Мельниченко), он же ездил в ГДР читать лекции о мичуринской генетике. Он же первым, как только наступили иные времена, опубликовал в той же университетской газете большую статью о С.С.Четверикове, захвалив его, как теперь стало модным, и "вспомнив",

что Сергей Сергеевич был и его учителем.

126а Вот только один из примеров творчества И.М.Полякова после сессии ВАСХНИЛ 1948 года.

Он писал об очередном генетическом конгрессе:

"Только карикатурой на науку можно назвать доклады Ауэрбаха (так в оригинале! -- В.С.), Демерека, Форда и других генетиков, посвященные, например, "актуальным вопросам" современной генетики, как "мутагенное действие" иприта! Меллер, Дэйл, Дарлингтон и другие вопят о "репрессиях против генетиков в СССР". Пользуюсь случаем, чтобы с негодованием опровергнуть этот гнусный бред. Автор настоящей статьи принадлежал к тем биологам, деятельность которых подвергалась резкой критике на прошлогодней августовской сессии Всесоюзной академии с-х наук имени В.И.Ленина. Но никто не мешал выступавшим, в том числе и мне защищать свои всзгляды Никто и ничто не мешает нам продолжать свою работу. ".

Из статьи: И.Поляков. Член-коореспондент АН УССР. Враги науки. "Литературная газета", 24 августа 1949 г., 68(2-), стр. 2.

127 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 40, лл. 1-4.

128 Протокол решения Оргбюро 365, а также протокол постановления Политбюро 65, хранились в РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 116, ед. хр. 365.

129 Протокол 65, пункт 53, протокол заседания Оргбюро 365, п. 12-с; см. также прим. (99), стр. 378 .

130 Протокол решений Политбюро ЦК ВКП(б) 65, пункт 53 и протокол заседания Оргбюро

365, п. 10-с; см. также прим (99), стр. 383.

131 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 116, ед. хр. 365, л. 3.

132 Там же, лл.
3-4.

133 Докладная записка заместителя заведующего Объединением Государственных Издательств при Совете Министров СССР С.Суворова и директора Государственного Издательства сельскохозяйственной литературы М.Абросимова от 11 августа 1948 с грифом "Секретно" Г.М.Маленкову на 11 страницах; хранится в РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 118, д. 129, лл. 40-50.

134 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 116, ед. хр. 368, лл. 72-75.

135 Там же, л. 74-75.

136 Юбилейная статья "Владимир Павлович Эфроимсон". Журнал "Генетика", 1978, т. XIV, 12, стр. "3-"4, цитата взята со стр. "3.

137 См. журнал "Вестник высшей школы", декабрь1948, 12, стр. 17.

138 Сойфер В.Н. Воспоминания детей "Больших родителей и историческая справедливость. Газета "Новые известия", 3 февраля 2001 г., 19 (788), стр. 4.

139 Воспроизведено по фотокопии этого документа, приведенного в качестве иллюстрации к статье Эфроимсона "Авторитет, а не авторитарность", журнал "Огонек", 11 марта 1989, 11 (3216), стр. 10-13

140 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 163, д. 1514, лл. 39-42.

141 Там же, л. 39. Все эти предложения были приняты Оргбюро ЦК ВКП)б) и утверждены этим органом; см. прим. (99), стр. 381-383.

142 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 118, д. 129, лл. 28-32.

143 Там же, л. 29.

144 Там же, л. 32.

145 Решение Оргбюро ЦК ВКП(б) 368, пункт 2-с, хранится в РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 118, д. 129, лл. 26-27.

146 РЦХИДНИ ф. 17, оп. 118, д. 129, лл. 52-53.

147 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 40, л. 13.

148 Про підсумки роботы сесіі Всесоюзноі Академіі Сільскогосподарских наук імені В.І.

Ленина про завдання далійого развитку Мічурінскоі агробіологіі на Украіні (Об итогах работы сессии Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина и задачах дальнейшего развития мичуринской агробиологии на Украине). Стенографічный звіт республиканскоі наради 30 серпеня -- 2 вересня 1948 р. Державне видавництво сільскогосподарскоі літературы УССР. Киів -- Харків, 1948 (Редакційна Коллегія -- П.А.Власюк, П.Ф.Плисецкий, А.Н.Свістельник).

149 Там же.

150 Там же.

151 Профессор А.Р. Жебрак. В редакцию газеты "Правда". Газета "Правда", 15 августа 1948 г., 228 (10969), стр. 3.

152 Там же.

153 Там же.

154 От редакции. Там же.

155 Российский Государственный Архив Экономики, ф. 390, оп. 1, д. 2285.

156 Приказ Министра высшего образования СССР 1213 от 23 августа 1948 года. Цитировано по имеющейся у меня копии этого документа.

157 Приказ 709 по Московской ордена Ленина сельскохозяйственной Академии имени К. А. Тимирязева от 25 августа 1948 года, подписанный директором академии В.Н.Столетовым.

158 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 118, д. 151, л. 73-75.

159 Там же, л. 72.

160 Там же, л. 71.

161 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 24, д. 30, л. 7.

162 В газете "Социалистическое земледелие" было опубликовано следующее объявление:

"Тимирязевская с. х. Академия объявляет, что 7 января 1936 г. ...состоится защита диссертации на соискание ученой степени доктора биологических наук А.Р.Жебрака. Тема диссертации: "Состояние генотипа при модификации организма". Официальные оппоненты: засл. деятель науки акад. Е.Ф.Лискун и член-корр. Акад. наук СССР профессор Техасского университета (США) Г.Г.Мёллер".

163 Данные приведены М.А.Поповским в книге "Дело академика Вавилова", Ихд; "Эрмитаж", Тенафлай (США), 1983, стр. 164.

164 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 163, д. 1514, лл. 39-42.

165 Там же, л. 42.

166 С.И. Вавилов. Вступительное слово на расширенном заседании Президиума Академии наук СССР. Журнал "Вестник АН СССР", 1948, 9, стр. 25.

167 Там же.

168 Там же, стр. 26.

169 Там же, 1948, 9, стр. 105.

170 Там же, стр. 50.

171 Там же, стр. 52. Кафтанов срочно выпустил с помощью М.Б.Митина и Н.В.Турбина брошюру с текстом лекции, прочитанной им во Всесоюзном Обществе по распространению политических и научных знаний, озаглавленную "За безраздельное господство мичуринской биологии", М., 1948, 21 стр.

172 Там же, стр. 162.

173 Там же, стр. 67.

174 Там же, стр. 61. Через два месяца И.Е. Глущенко еще раз выступил с обвинениями в

адрес генетиков (см. его статью "Реакционная сущность вейсманизма". Газета "Правда", 19 октября 1948 г., 293, стр. 2).

175 О.Писаржевский. Кандидат сельскохозяйственных наук Сисакян. Журнал "Знание-Сила",

1938, 10, стр. 10-13.

176 Там же, стр. 11.

177 Там же, стр. 12.

178 См. прим. /169/, стр. 197.

179 Там же, стр. 164.

180 Там же, стр. 170.

181 Там же, стр. 173. Вавилов в конце выступления сказал (см. стр. 175):

"Я считаю, что правильно будет освободить Леона Абгаровича от обязанностей академика-секретаря Отделения биологических наук.

... Я вношу предложение обязанности академика-секретаря возложить на Александра Ивановича Опарина. Необходимо также для обеспечения правильности идеологического руководства Отделением... ввести в состав Отделения академика Трофима Денисовича Лысенко.

Я полагаю, что Президиум подтвердит мое предварительное распоряжение об освобождении академика Шмальгаузена от обязанностей директора института эволюционной морфологии имени Северцова.

... С ясностью следует, что нужно упразднить в Институте цитологии и эмбриологии, а также в институте эволюционной морфологии некоторые лаборатории, работавшие в направлении формальной генетики".

182 Там же, стр. 174.

183 Там же, стр. 175.

184 Там же, стр. 179.

185 Постановление Президиума Академии наук СССР от 26 августа 1948 года "По вопросу о со-

стоянии и задачах биологической науки в институтах и учреждениях Академии наук СССР". Журнал "Вестник Академии наук СССР", 9, стр. 23.

186 Выступление ученого секретаря Отделения биологических наук АН СССР кандидата биологических наук Р.Л.Дозорцевой. Там же, стр. 185.

187 Постановление Президиума АН СССР было опубликовано в газетах "Правда" и "Изве-

стия" 27 августа 1948 года, а затем перепечатано многими другими газетами и жур-налами. В "Правде" за 27 августа 240 (10981), стр. 1, кроме того, в передовой статье "За процветание нашей передовой науки" содержалось следующее указание:

"Необходимо решительно и бесповоротно изгнать из планов [научных учреждений -- В.С.]

вейсманистско-морганистские работы, укрепить биологические институты марк-систско-ленинскими мичуринскими кадрами".

188 Приказ по Министерству высшего образования СССР 1208 от 23 августа 1948 года. Цитировано по имеющейся в моем распоряжении копии этого приказа.

188а РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 40, лл. 6-566 .

188б Там же, л. 67.

188в Там же, л. 68.

188г Там же, лл. 176-182.

188д РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 40, лл. 180-182

189 Приношу признательность члену-корреспонденту РАН В.А.Гвоздеву за предоставление ко-

пий этих документов из личного архива Р.Б.Хесина.

190 Академик, лауреат Ленинской премии А. Спирин, доктор биологических наук, проф. В.

Гвоздев. Гены управляют клеткой. Газета "Известия", 10 марта 1986 г., 70 (21512), стр. 2.

191 Информационное сообщение: "В Президиуме Академии медицинских наук СССР. Проб-

лемы медицины в свете решений сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных на ук имени В.И.Ленина". Газета "Медицинский работник", 15 сентября 1948 г., 39 (797), стр. 2.

192 Личное сообщение профессора В.Я.Александрова.

193 О.Б.Лепешинская. Воинствующий витализм. Вологда, 1926, типография "Северный печатник".

194 Газета "Медицинский работник", 15 сентября 1948 г., 39 (797).

195 Там же.

196 Там же.

107 Там же.

198 Там же.

199 Там же.

200 Там же.

201 Там же.

202 "От участников расширенного заседания Президиума Академии медицинских наук СССР

Москва, Кремль. Товарищу Иосифу Виссарионовичу Сталину". Там же, 15 сентября 1948 г., 39 (797), стр. 1.

203 За передовую биологическую науку, за дальнейшее развитие советской медицины. Газета "Медицинский работник", Там же, стр. 1.

204 Там же.

205 Проф. И.Кочергин, проф. Н.Турбин. Порочный учебник. О "Курсе общей биологии с зоологией и паразитологией проф. Л.Я. Бляхера". Газета "Медицинский работник", 18 августа 1948 г., 35 (793), стр. 2.

206 Редакционная статья "Медицинские работники обсуждают проблемы биологии". Газета

"Медицинский работник", 36 (794), стр. 1. В следующем номере этой же газеты проф. Н.Гращенков, заменивший в 1947 году А.Р.Жебрака на посту Президента Академии наук Белорусской ССР, в статье "Откровенная пропаганда идеализма" обрушился на книгу проф. С.Н.Давиденкова "Наследственные болезни нервной системы" (заслуженно считающуюся по сей день классическим трудом в этой области науки), а проф. В.Тимаков и проф. Н.Жуков-Вережников (в те годы работавший главным редактором Медгиза) в статье "Изучение наслественности микробов и мичуринское учение" описывали якобы имеющий место переход одних видов бактерий и вирусов в другие виды. Позже первый из авторов (В.Д.Тимаков) стал сначала вице-президентом, а затем президентом АМН СССР, а второй -- академиком этой академии, вице-президентом ее, заместителем министра здравоохранения СССР, Председателем Научного Совета АМН СССР по медицинской генетике и крупным функционером в Советском фонде мира и других официальных организациях по борьбе за мир.

207 В изданной в СССР книге К. Циммера "Проблемы количественной радиобиологии", Гос-

атомиздат, М., 1962, автор пишет в предисловии (стр. 6), умело скрывая это от глаз советской цензуры, о том времени, когда он мог из окон лаборатории любоваться красотой Уральских гор.

208 См. журнал "Вестник АН СССР", 1948, 10 (октябрь), стр. 70.

209 Там же, стр. 71.

210 Там же, стр. 76.

211 Там же, стр. 78.

212 Редакционная статья "Народный ученый". Журнал "Огонек", 10 октября 1948 г., 41 (1114), стр. 9.

213 С сентября 1948 года в журнале "Огонек" стали публиковать в каждом номере материалы

о Лысенко и его победе. И.И.Презент, которого в первом сентябрьском номере назвали "известным исследователем мичуринского наследия", сказал (см. И.Презент. Победа мичуринцев):

"...развернувшийся на сессии спор является прямым и непосредственным продолжением ожесточенной, непримиримой борьбы... которую ведут ученые, разделяющие марксистский принцип познаваемости мира, против буржуазных ученых, стоящих на мистических позициях непознаваемости...

Основателями такого ложного учения оказались немцы Вейсман и Мендель и американец Морган" ("Огонек", 22 августа, 34, стр. 11).

В номере, вышедшем 7 ноября, С.И.Вавилов в статье "Торжество материалистических идей" ("Огонек", 45, стр. 9) писал:

"В отличие от Мичурина формальная генетика вела биологию, в сущности, к идеа-лизму...

Долгие годы передовые советские ученые боролись против враждебного науке тече-ния -- так называемого вейсманизма-морганизма. Эта теория была взята "напрокат" из-за границы...

В нашей стране передовое мичуринское направление одержало победу".

Подобные высказывания повторялись из номера в номер.

214 Академик Е.А. Чудаков. К перестройке академической и научной работы в области техни-

ческих наук. Журнал "Вестник АН СССР", 1948, 12 (декабрь), стр. 6-9; Б.В.Кукаркин. Исследование строения и развития звездных систем на основе изучения переменных звезд. Гос. изд-во технико-теоретической литературы, 1949.

215 Решение Секретариата ЦК ВКП(б) от 20 декабря 1948 г., протокол 404, пункт 20-с, решение Политбюро 66, пункт 246.

216 Ответ профессору Г.Дж. Мёллеру. Журнал "Вестник АН СССР", 1948, 12, стр. 4-5. Он же был опубликован в газете "Правда" от 14 декабря 1948 г., 349 (11090), стр. 1.

217 Г.Дж. Мёллер. Президенту, Секретарю и Членам Академии Наук СССР. Хранится в РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, ед. хр. 40, лл. 196-108.

218 Передовая Передовая статья "Наука советского народа". Журнал "Вестник АН СССР", 1948, 11, стр. 5.

219 С.И.Вавилов. Наука и народ. "Литературная газета", 3 ноября 1948 г.

220 В.М.Молотов. 31 годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР. Госполитиздат, М., 1948, стр. 20.

221 Ж.А.Медведев, Биологические науки и культ личности. Машинописный вариант, каждая глава собственноручно подписана автором в сентябре 1962 года.

" Loren Graham. Science and Philosophy in the Soviet Union, p. 214.

223 Там же стр. 512.

224 См. эту фразу в работе И.В. Сталина "Анархизм или социализм?", соч., т. 1,

Госполитиздат, М., 1946, стр. 301.

225 Там же.

226 Там же.

227 Там же.

228 Там же.

229 Там же.

230 Там же, стр. 303.

231 Термин "неодарвинизм" одним из первых применил А.Вейсман, хотя позже (в начале XX

века) его стали применять к описанию взглядов самого А.Вейсмана, причем нередко с желанием охарактеризовать позицию Вейсмана отрицательно.

232 С.С. Четвериков. О некоторых моментах эволюционного учения с точки зрения современ-

ной генетики. "Журнал экспериментальной биологии", сер. А, 1926, т. 2, вып. 1, стр. 3-54. Эта же работа была опубликована в переводе на английский язык в Proc. Amer. Philosophycal Soc., v. 105, 2, pp. 156-191. Она же была перепечатана в журнале "Бюллетень Московского общества испытателей природы, отдел биологический", 1965, т. 60, вып. 4, стр. 33-74. Работа была дополнена примечаниями, сделанными в 1958 году, когда Сергей Сергеевич диктовал их мне, так как сам уже не мог ни читать, ни писать, полностью ослепнув. К сожалению, Б.Л.Астауров, редактировавший этот выпуск, не счел нужным опубликовать все примечания, сделанные Четвериковым, произвольно опустив некоторые из них, считавшиеся Четвериковым самим важными. Впоследствии эта работа еще несколько раз публиковалась, но каждый раз примечания и дополнения воспроизводились по изданию "Бюллетеня МОИП".

233 См. прим. /224/, стр. 307.

234 Там же, стр. 308.

235 Там же, стр. 309.

236 Там же, стр. 313.

237 Там же, стр. 314.

Ч а с т ь т р е т ь я

ГЕНИЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Г л а в а XIV

ПЕРИОД ВЕЛИКИХ АГРОНОМИЧЕСКИХ АФЕР

"А вокруг его сброд тонкошеих вождей,

Он играет услугами полулюдей.

Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,

Он один лишь бабачит и тычет.

Как подкову, дарит за указом указ --

Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.

Что ни казнь у него -- то малина

И широкая грудь осетина".

О.Мандельштам. Без названия, ноябрь 1933 (1).

"Отвратительные средства ради благих целей делают и сами эти цели отвратительными".

А.П.Чехов. Из письма А.С.Суворину (2).

Сталинский план преобразования природы

20 октября 1948 года газеты страны опубликовали "Сталинский план преобразования природы" -- постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР "О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР" (3).

Этот грандиозный проект не был сравним по размаху ни с чем, известным человечеству за всю историю. На территории 120 миллионов гектаров, то есть на площади, равной территориям Англии, Франции, Италии, Бельгии и Нидерландов вместе взятых, должны были посадить лесные полосы, чтобы они преградили дорогу суховеям, изменили климат, обеспечили устойчивое на века, бесперебойное снабжение советских людей продуктами питания. Отведенная для плана площадь охватывала территории, дававшие основную долю твердых пшениц, сахарной свеклы и подсолнечника (главной в России масличной культуры). Отсюда поступала почти половина всей продукции животноводства.

На разворотах газет публиковали огромные карты района, простиравшегося от древнего Измаила до Урала на восток и от Тулы до Крыма на юг. В зону великой стройки попали башкирские и приволжские степи, большая часть украинских хлебородных зон. Их разрезали широкие полосы с севера на юг, от них отходили перекрещивающиеся сети полос потоньше, внутри ячеек этой сети проглядывала паутина межколхозных лесных полос.

В реализации планов по переделке природы должны были принять участие 80 тысяч колхозов и 2 тысячи крупных совхозов, более 3 тысяч МТС (машинно-тракторных станций), несколько десятков миллионов человек. Для работы государство выделило целевым назначением только тракторов 22 тысячи и много другой специальной техники.

Воображение простого советского человека, изголодавшегося за годы войны и послевоенных неурожаев, дразнили цифры невиданных проектов: засухи будут побеждены, урожаи станут стабильными, так как суховеям путь преградят несколько десятков миллиардов саженцев

деревьев, преимущественно дуба, высаженных в степи. Было сказано о том, что если вытянуть в одну линию все лесные полосы (при ширине 30 метров), то они 50 с лишним раз опояшут земной шар по экватору. До 15 процентов насаждений должны были отвести под фруктовые деревья и кустарники, чтобы все дети страны Советов были досыта накормлены фруктами и ягодами! Между полосами деревьев должна была заблестеть гладь 44 тысяч прудов и водоемов. По всей стране в витринах магазинов, в кинотеатрах и конторах были наклеены красочные плакаты с изображением Сталина в виде былинного богатыря и надписью: "И засуху победим!"

Чтобы руководить воплощением планов в жизнь, при Совете Министров СССР было образовано "Главное управление полезащитного лесоразведения" на правах Министерства, а во главе его утвердили ставленника Лысенко Е.М.Чекменева. Во время подготовки августовской сессии ВАСХНИЛ Чекменев работал заместителем министра совхозов СССР (до этого он был назначен постановлением Совета Министров СССР от 30 марта 1946 года заместителем министра животноводства /3а/). С трибуны сессии он громил Рапопорта и Серебровского, но восхвалял Лысенко. Чекменев тогда утверждал:

"Беспартийной науки нет. Это давно доказано. Мичуринская биология -- наука принципиальная, партийная и она не потерпит соглашательства" (4).

Теперь он обещал советскому народу златые горы от деятельности его Главного управления, благодаря которой

"Исчезнет разрушительная язва степей -- овраги. Угаснут грозные черные бури. Сгинет засуха, климат станет мягче, влажней, а жизнь человека в степи -- несравненно удобней, легче, красивей и богаче. Колхозы и совхозы будут собирать устойчивые, прогрессивно возрастающие урожаи хлеба, овощей, фруктов. На роскошных пастбищах будут пастись тучные стада крупного рогатого скота и тонкорунных овец. Вот, что принесет советскому народу Сталинский план преобразования природы" (5)1.

Чтобы реализовать этот фантастический план, начиная с зимы 1948-1949 года, в стране готовили на специальных курсах 70 тысяч звеньевых лесоводческих бригад. Их учили тому, как надо сажать лес.

Тут-то Лысенко и получил возможность применить на практике свое уникальное "открытие" эволюции без внутривидовой конкуренции. Исходя из домысла, что растения одного вида не только не препятствуют развитию друг друга в загущенных посевах, а, напротив, способствуют лучшему росту своих собратьев, Лысенко, демонстрируя еще раз мифический строй своего мышления, посчитал, что традиционные способы посадки леса, когда деревья высаживают на таком расстоянии, чтобы они не мешали друг другу, неправильны. По его мнению, растущие деревья на ранних этапах развития будут помогать друг другу, а потом более слабые из них, проникшись заботой о процветании более удачливых собратьев, отомрут, освободив для них место под солнцем. Сообразуясь с этой теорией "самоизреживания", он настаивал на том, чтобы лес сажали "гнездовым способом", формируя гнезда из 5 лунок, в каждую из которых надлежало бросать горсть семян или 6-7 желудей (итого по 30-35 желудей на гнездо).

Как уже было сказано, ученые раскритиковали взгляды Лысенко о взаимопомощи растений одного вида: 4 ноября 1947 года и 3-6 февраля 1948 года в МГУ состоялись научные конференции, на которых были опровергнуты представления об отсутствии внутривидовой борьбы и о взаимопомощи растений внутри вида (7). Но Политбюро распорядилось все посадки леса в полезащитных полосах делать по методу Лысенко. Двадцать шестой пункт

Постановления ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР содержал особое на этот счет распоряжение, предписывающее руководимой Лысенко "Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина в двухмесячный срок разработать указания о проведении гнездовых посевов"2.

23 ноября 1948 года, через два дня после опубликования в газетах "Сталинского плана преобразования природы", в ВАСХНИЛ началось грандиозное совещание под руководством Лысенко, на котором он объяснил, что все посадки лесных полос будут осуществлять только гнездовым способом. Он начал свой доклад с привычных фраз о том, какой должна быть настоящая наука, а затем перенес категории политической борьбы в вопросы биологии развития:

"Подлинная наука не терпит случайностей, не любит работы на "авось". Она хочет предвидеть, в этом и заключается ее обязанность перед практикой" (8). "Даже не обращаясь пока что к биологической теории, можно чисто практически решить, что если один мешает двоим, то всегда этих двоих можно объединить, хотя бы временно, против их общего врага. Этой простой ссылкой я пока и ограничусь для обоснования мероприятий по гнездовому посеву полезащитных лесных полос в степи на старопахотных почвах" (9).

Не приводя доказательств правоты своих взглядов, он уверенно заявил:

"Дикая растительность и в особенности виды лесных деревьев обладают биологически полезным свойством самоизреживаться" (10).

Правда, странно звучало одно ("случайное") исключение из "закона самоизреживания":

"Культурные растения, например, пшеница и ряд других, не обладают биологическим свойством самоизреживания... Слишком густые посевы, например, хлебов, в особенности в засушливых районах, начисто погибают, не давая урожая семян" (11).

Но "случайности" подстерегали Лысенко. Из посаженных весной 1949 года гнездовым способом 350 тысяч гектаров дуба Главное управление полезащитного земледелия решило проверить осенью того же года 38,7 тысяч гектаров. Проверку провели:

"... в лучших хозяйствах... Рязанской, Воронежской, Курской, Пензенской, Куйбышевской, Чкаловской [ныне Оренбургской -- В.С.], Саратовской, Ростовской, Сталинградской [ныне Волгоградской -- В.С.], Астраханской, Крымской, Киевской, Харьковской, Днепропетровской, Херсонской, Одесской и Запорожской областей, в Ставропольском и Краснодарском краях и в Татарской АССР. В этих районах обследовано 16 процентов всей площади посевов желудей дуба..." (12).

Зная, насколько прочно укоренилась практика приукрашивания любых цифр в стране, вряд ли можно было ожидать, что данные этой проверки будут вполне объективными. Но и то, что пришлось привести Лысенко в сообщении о проверке, рисовало страшную картину. Никакой взаимопомощи растений при гнездовом посеве замечено не было. Уже осенью 1949 года на площади 14 600 гектаров, то есть более чем на трети всей обследованной площади, осталась только половина побегов деревьев, на 37% площади их сохранилось еще меньше -- всего 20%, на 20% площади было обнаружено меньше 10% от высеянных растений, а на 3% площади, т. е. на 1100 гектарах, растения вымерли полностью (13). Это была катастрофа. Огромные средства, вложенные в лесопосадки, оказались выброшенными на ветер!

Как же прореагировал на это Лысенко? Он сделал вид, что ничего страшного не произошло.

Публикуя таблицу с цифрами погибших растений, он снабдил ее оптимистическим выводом:

"Результаты этого большого производственного опыта, как показало обследование, полностью подтвердили жизненность гнездового способа посева желудей дуба... Главной причиной изреженных всходов... было невыполнение основных агротехнических требований, предусмотренных инструкцией. Особенно вредно сказалось запоздание с посевом в засушливой зоне. К сожалению, в этих районах, как показало обследование, 50 процентов посевов произведено несвоевременно" (14)3 .

Тем самым вина за неудачу снова была свалена на нерадивых работников, на засуху, на то, что "вместо 6-7 всхожих желудей обычно сеяли всего 1-2-3 всхожих желудя" (16). Но ведь в перечне областей, обследованных комиссией Главка, были лучшие хозяйства и районы не со столь засушливым климатом. К тому же гнездовые посевы для того и затевали, чтобы деревья в гнезде помогали друг другу выстоять в борьбе с неблагоприятными условиями, включая засуху. Поэтому ссылки на нерадивых работников, погодные условия и невсхожесть желудей были, конечно, пустой отговоркой!

На следующий год история повторилась. Посевы на гигантских площадях гибли (17)4. Однако провал не повлиял на решимость властей следовать предложениям Лысенко. На 1953 год, как и прежде, Главное управление полезащитного лесоразведения утвердило гнездовой способ как единственно прогрессивный (19), а Лысенко по-прежнему твердил:

"...обязанностью и долгом чести всех работников сельскохозяйственной науки, лесоводов и агрономов является оказание максимальной научной помощи колхозам и совхозам в освоении и внедрении гнездового способа посева леса" (20).

Разрекламированный сталинский план превращения страны в сплошной сад рушился на глазах. С 1948 по 1953 год посадили в два с половиной раза больше леса, чем за 250 предыдущих лет, но из них к 1956 году сохранилось в виде полноценных деревьев только 4,3%. Да и те остались лишь потому, что колхозники нарушили лысенковские инструкции и сажали и ухаживали за этими посадками по старинке. Все остальное "самоизредилось" (21).

Но пока шло "самоизреживание", Лысенко "стриг купоны": собирал урожай от щедро раздаваемых мифических авансов на будущее. В 1949 году он в третий раз получил Сталинскую премию в размере 200 тысяч рублей (первой он удостоился в 1941, второй -- в 1943 году). Снова пошли в связи с этим гулять по газетным и журнальным страницам хвалебные речи. Все научные биологические журналы поместили сообщения об этом (в некоторых журналах были напечатаны портреты награжденного). В журнале "Биохимия", совсем уж вроде далеком от проблем, которыми занимался Лысенко, главный редактор В.А.Энгельгардт, заместитель главного редактора Н.М.Сисакян и члены редколлегии А.Л.Курсанов, А.И.Опарин и А.В.Палладин поместили верноподданнический слезливо-восторженный панегирик (тоже с портретом), в котором можно было прочесть такие кудрявые строки (22):

"Т.Д.Лысенко -- это ученый нового склада, научный деятель Сталинской эпохи... Подлинного ученого, воинствующего диалектика-материалиста великий советский народ считает своим, народным ученым... Вот почему каждый гражданин Советской страны с радостью отмечает присуждение Т.Д.Лысенко Сталинской премии.

Разве можно пересчитать все, о чем спрашивают у академика Т.Д.Лысенко и на что он дает мудрые советы с учетом достижений мичуринской науки и народного опыта наших колхозников!" (23).

Далее редколлегия журнала силилась нарисовать перед читателями перспективу будущих сказочных свершений, ожидающих народ от воплощения замыслов "колхозного академика":

"Когда мы говорим академик Лысенко... перед нашими глазами раскрывается величественная панорама недалекого будущего нашего социалистического сельского хозяйства. Мы видим обширные поля ветвистой пшеницы, виноградники в центральных областях, цветущие поля Заполярья, плантации цитрусовых на Украине, Северном Кавказе, в Крыму, Средней Азии. А в знойных степях Сталинграда и многих других районов мы видим зеленые массивы широколиственного дуба, березы, красоту которой почему-то до сих пор связывали только с севером. Мы видим озимую пшеницу, приобретшую свою новую родину в степях Сибири, высокопродуктивные стада на колхозных и совхозных фермах и многое, о чем трудно еще сейчас сказать, но что будет реальностью в недалеком будущем...

Как подлинный ученый он творит ежечасно, ежедневно, он весь есть творчество в постоянном действии" (24).

Нужны были воистину волшебные бинокуляры, чтобы узреть это будущее великолепие, или быть циниками, чтобы печатать в серьезном журнале такие строки о "развесистой клюкве". А пока дубы не желали расти в "знойных степях Сталинграда", и не спасал от недорода квадратно-гнездовой способ посадки. И не было никакого проку от посевов озимой пшеницы по стерне в Сибири. Что уж было надеяться на чудо с ветвистой пшеницей в Подмосковье, или, что совсем дико, -- на сказки про "цветущие сады Заполярья". Миф рушился, хоть подхалимствующие делали вид, что не замечают этого (см. также /25/).

В первый же год после смерти Сталина из газет в основном исчезли упоминания об этом плане. Затем проблема катастрофы с полезащитными полосами была рассмотрена на заседании коллегии МСХ СССР (26), а в июле 1954 года на Всесоюзной конференции по лесоводству вопрос о том, следует ли продолжать сажать лес гнездовым способом, был поставлен на голосование. Лесоводы в присутствии Лысенко единогласно проголосовали против (27).

По официальной оценке заместителя министра лесного хозяйства СССР В.Я.Колданова (28) страна потеряла от этой сталинско-лысенковской аферы около миллиарда рублей! Вряд ли эта цифра сколько-нибудь правильно отражала размер истинных потерь, и сосчитать точно, сколько же средств унесла эта затея -- миллиард или десятки миллиардов, сегодня уже некому.

"Скоро ли советский народ увидит плоды преобразования природы?" --

спрашивал в 1949 году в своей статье в "Огоньке" Е.М.Чекменев и отвечал:

"Несомненно скоро. Накопленный нашей наукой и практикой опыт на полях Кубани, Дона, Украины и Поволжья дает полное право это утверждать" (29).

Однако положенная в основу заманчивого проекта лысенковская "наука" не давала никакого права на такие умозаключения и разрушила радужные планы в самом начале их реализации. Оказался нереальным и чисто волюнтаристский расчет Сталина на изменение климата от сети лесных полос. Те государственные и даже межколхозные полосы, которые, в конце концов, выросли (после многократных пересевов), не стали даже слабым препятствием на пути суховеев и не прекратили засух. А убытки, понесенные страной в результате деятельности безумных прожектеров, были невосполнимы. Но они не сказались на судьбе

Лысенко и нисколько не образумили горе-новатора. Он и позже (вплоть до 1964 года) публиковал статьи о пользе гнездового посева, переиздавал старые инструкции, вставлял их в очередные издания "Агробиологии", не внося даже минимальных поправок. Всё, по его убеждению, было в них правильно. В 1957 году он объявил еще об одном открытии:

"Есть все основания предполагать, что какие-то вещества, выделяемые листьями и ветвями деревьев одной
лесной породы (вида), губительно действуют на деревья некоторых других пород (видов)" (30).

Опять без каких бы то ни было доказательств было заявлено, что отмирающие деревья одного вида срастаются корнями и выполняют фантастическую работу:

"... еще задолго до отмирания перекачивают все свои энергетические пластические вещества в остающиеся деревья, отмирающие... сучья перекачивают энергетические вещества в ствол дерева. Этим и объясняется то, что деревья лиственных пород, усохшие в лесу на корню или усохшие на живом здоровом дереве нижние ветви (сучья) при сжигании, как правило, дают мало тепла. Где же здесь конкуренция или борьба индивидуумов внутри вида у лесных деревьев...?" (31).

Особенно забавно звучало типичное лысенковское -- "как правило" (см. также /32/). Дескать, все несовпадения можно спокойно отнести к разряду нетипичных исключений из строгого правила.

В ноябре 1963 года, видимо, потому, что к Лысенко воспылал любовью Н.С.Хрущев, газета "Известия" еще раз попыталась возродить интерес к гнездовым посадкам. Под рубрикой "Поучительные сравнения" была помещена статья и две фотографии, сделанные на лесной полосе "Волгоград-Черкесск", которые показывали, что гнездовой способ Лысенко якобы лучше (33).

"Закон жизни биологического вида":

отмена дарвинизма еще в одном аспекте

На августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 году Лысенко выступил против дарвинизма еще по одному вопросу -- происхождения видов. На смену принятым в науке положениям, объяснявшим эволюцию путем постепенного перехода одного вида в другой, он предложил иную "теорию".

"В результате развития нашей советской, мичуринского направления, агробиологической науки по иному встает ряд вопросов дарвинизма. Дарвинизм не только очищается от ошибок, не только поднимается на более высокую ступень, но и в значительной степени, в ряде своих положений, видоизменяется" (34).

Спекулируя на квазифилософском законе перехода количества в качество, он заявил, что открыл революционный путь перехода одного вида в другой, минуя всякие промежуточные стадии. Дарвиновскую теорию происхождения видов он именовал теперь "плоской эволюцией", уверяя, что подтверждением его новой "теории" -- "творческого дарвинизма" служит якобы выявленный им и его учениками факт перехода твердой пшеницы в пшеницу мягкую. Никаких данных экспериментального изучения этого фантастического перехода он в докладе не приводил. Лысенко просто заверил слушателей, что

"путем перевоспитания... после двух-трех-четырехлетнего осеннего посева (необходимого для превращения ярового в озимое), дурум [т. е. твердая пшеница -- В.С.] превращается в вульгаре [мягкую пшеницу -- В.С.], т. е. твердая 28-хромосомная пшеница превращается в различные разновидности мягкой 42-хромосомной пшеницы, причем переходных форм между видами дурум и вульгаре мы при этом не находим. Превращение одного вида в другой происходит скачкообразно" (35).

Разговоры о превращении озимой пшеницы в яровую он вел еще в 1936 году, поучая Н.И.Вавилова, что он-де, Вавилов, проморгал великое открытие, не заинтересовавшись таким переходом. Но теперь старая идея обрела совсем уж диковинные очертания. "Превращения" видов друг в друга, как оказалось, запросто происходят в Армении, где имелись особые условия, способствующие таким переходам. Еще в 1941 году в журнале "Яровизация" была напечатана статья М.Г.Туманяна о том, что завозимая из Грузии твердая пшеница превращалась за несколько лет культивирования в Армении в мягкую пшеницу (36).

Семь лет это выдающееся "открытие" оставалось без должного к нему внимания. Но стоило Лысенко заявить о засорении посевов из-за перерождения видов, как открытие Туманяна было "эксгумировано", и, словно по команде, во многих контролируемых лысенкоистами журналах начали появляться статьи об аналогичных чудесах. Сам Лысенко сослался на данные В.К.Карапетяна о превращении одного вида пшениц в другой (37). Научное описание его "экспериментов" отсутствовало, просто констатировался факт превращения, даже ботаническое описание свойств нового вида приведено не было. Однако именно эти данные он объявил на августовской сессии ВАСХНИЛ как окончательно доказанные (см. также /38/).

Зачем же Лысенко понадобилось говорить о превращении видов? Первопричина, конечно, отнюдь не была связана с творческим развитием дарвинизма, а имела сугубо практическую цель. Нужно было объяснить массовое засорение всех посевов сорняками (39). Такое засорение должно было неминуемо наступить из-за внутрисортового переопыления, "брака по любви", анархии в семеноводстве, но согласиться с таким объяснением он не мог (40).

В попытках найти благопристойный выход из положения Лысенко и решил свалить всё на природу. Если сорняки возникают сами собой, без вмешательства извне, то нечего обвинять кого-либо в порче семенного материала. Раз пшеница сама порождает рожь, а рожь -- овес, а овес, своей чередой, -- овсюг и т. д., то нарушение законов семеноводства и сортоиспытания тут не при чем. На природу неча пенять! Тут уж ничего не попишешь.

Лысенко, естественно, постарался теоретически подкрепить превращение вида в вид, порождение сорняков культурными растениями (а заодно противопоставить вавиловскому учению о центрах происхождения культурных растений -- идею порождения одними культурными растениями других культурных растений). В 1949 году он опубликовал статьи на эту тему (41), а затем выпустил к семидесятилетию вождя статью "И.В.Сталин и мичуринская биология", в которой связал имя Великого Кормчего со своим новым открытием (42). В том же 1949 году он опубликовал текст своего доклада, прочитанного 6 июля 1940 года на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами марксизма-ленинизма, в котором утверждал, что внешняя среда немедленно изменяет наследственность организмов:

"наследственность можно формировать через пищу, через обмен веществ Изменяя характер обмена веществ, мы можем направленно изменять породу организма" (42а).

К этому времени Лысенко уже настолько потерял самоконтроль, что даже не старался объяснить, почему его взгляды столь разительно отличаются от общепризнанных положений науки. За сотни лет тщательного наблюдения натуралисты, биологи, агрономы, селекционеры

ни разу не натолкнулись на факты порождения одного вида другим. Однако новатор не обращал на это никакого внимания. Не беспокоило его и то, что он стал противоречить самому себе. Ведь всего несколько лет назад, в 1941 году, он писал:

"Эволюционная теория Дарвина прекрасно объясняет, как создаются новые органические формы путем естественного отбора -- в природе, искусственного -- в сельско-хозяйственной практике" (43).

Теперь Лысенко утверждал, что дарвинизм -- это лишь "плоская эволюция", что дарвинисты не учитывают качественных изменений, что без признания "зарождения нового в недрах старого, без дальнейшего развития нового качества, как иной совокупности свойств" обойтись нельзя (44). Голословное утверждение о порождении видов было выдано за прочно установленное свойство природы:

"Учение о диалектике, о развитии дало советским биологам возможность вскрыть пути превращения растительных видов в другие. В 1948 г. в докладе "О положении в биологической науке" на сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина мною уже кратко указывалось, что 28-хромосомная пшеница (Тритикум дурум) при подзимнем посеве через два-три поколения превращается в другой вид -- 42-хромосомную пшеницу (Тритикум вульгаре)... Этим самым были сняты всякие сомнения в происхождении растений мягкой пшеницы, полученных из семян твердой пшеницы. Отпали подозрения, допускавшие возможность в данных опытах случайных, незамеченных механических примесей мягкой пшеницы" (45).

Так "краткие упоминания", сделанные в устном докладе, трансформировались в "прочные доказательства", отвергающие всякие сомнения (читай -- всякую научно обоснованную критику).

После этих выступлений (46) на поиск новых диковинных перерождений бросился их первооткрыватель М.Туманян, временно уступивший пальму первенства В.Карапетяну5 . В 1949 году он напечатал статью, в коей сообщил, что нашел в посевах пшеницы примесь растений ржи, а в посевах ржи растения ячменя! (49). В.К.Карапетян вместе с М.М.Якубинцером и В.Н.Громачевским сообщили в том же году, что они нашли в естественных условиях -- в предгорьях Кавказа -- зерна ржи в колосьях пшеницы. Дескать, теперь уже всё становится понятным: зерна нового вида зарождаются прямо в колосьях вида старого (50). Н.Д.Мухин перещеголял своих армянских коллег. Ему посчастливилось дополнить их пшеничные превращения другим эпохальным открытием: из мягкой пшеницы у него возникла пшеница ветвистая (51). Затем аналогичные открытия посыпались одно за другим. В.К.Карапетян "доказал" порождение пшеницы однозернянки (полбы) твердой пшеницей, А.А.Авакян -- порождение пшеницы Тритикум полоникум ветвистой пшеницей (Тритикум тургидум), Л.В. Михайлова -- порождение капустой брюквы и рапса. Ячмень в руках лысенкоистов возникал из пшеницы, рожь -- из ячменя, горох превращался в вику, а вика -- в чечевицу!

Упоминая любимый Сталиным "закон" перехода количества в качество, лысенкоисты объясняли, что все эти новообразования -- суть отражение единого процесса: возникновение сорных растений из растений культурных и лишь иногда одних культурных растений из других культурных растений, происходящее из-за постоянного накопления чего-то нехорошего в каких-то недрах. Деградация природы -- вот к чему ведет неправильная, не подчиненная канонам мичуринской (лысенковской) биологии агротехника -- стращали они. Находились умельцы, объяснявшие появление заразихи на подсолнечнике тем, что подсолнечник "порождает" свой особый сорняк -- заразиху, а С.К.Карапетян --

действительный член Академии наук Армянской ССР (не путать с В.К.Карапетяном!) обнаружил вещь совсем занятную: оказывается, деревья граба могут "порождать" ветви лещины (52). Доцент из Риги К.Я.Авотин-Павлов дополнил список порождений, найдя ель, которая якобы породила сосну
(53), а Ф.С.Пилипенко нашел, что одни виды эвкалиптов порождают другие их виды. Эти сообщения были тут же расширены: нашлись "доказательства" порождения березы -- ольхой и граба -- дубом.

Но больше всех преуспел сам Лысенко. Сразу на нескольких конференциях, совещаниях и лекциях он сообщил, на полном серьезе, что ПЕНОЧКИ ПОРОЖДАЮТ КУКУШЕК! Я слышал это собственными ушами в Большой биологической аудитории биолого-почвенного факультета Московского государственного университета имени Ломоносова весной 1955 года из уст Трофима Денисовича, разглагольствовавшего о том, как получается, что один из птенцов маленьких по размеру пеночек оказывается в гнезде всегда крупнее и требует от родителей больше пищи. Раскармливая его всё больше и больше, бедняги пеночки думают, что воспитывают птенца своего рода, а он превращается в кукушку. Прожорливый птенец, становясь кукушонком, выбрасывает своих прежних "биологических" братьев и сестер из гнезда, завершая превращение вида. Лысенко заявлял, что это превращение прекрасно иллюстрирует открытый им "закон жизни биологического вида". В своем рассказе о ротозействе пеночек Лысенко зачем-то приплетал такую деталь, как роль мохнатых гусениц в превращении пеночек в кукушки: из-за изменения пищи, говорил он, кукушки появляются быстрее!

Пожалуй, самая горькая истина заключалась не в том, что Лысенко сообщал с серьезным видом студентам старейшего университета России дикие вы-думки, а в том, что в зале не стоял гомерический хохот, и что студенты в подавляющем большинстве верили всему, что вещал с кафедры великий академик. Лишь немногие из них (а, может быть, кто-то из преподавателей) пытались робкими записками лектору выразить сомнения в доказательности сказанного.

На помощь видопеределыщикам срочно шли микробиологи. Уже через 10 дней после окончания августовской сессии ВАСХНИЛ В.Д.Тимаков и Н.Н.Жуков-Вережников опубликовали статью "Изучение наследственности микробов и мичуринское учение" (54), в которой утверждали, что и в мире мельчайших обитателей нашей планеты идет процесс "порождений": одни виды бактерий и вирусов якобы порождают другие виды.

В 1949 году московский ветеринар Г.М.Бошьян объявил, что наблюдал превращение не видов или родов, а, ломая все "предрассудки", переход вирусов (неклеточных форм) в микроорганизмы (клеточные формы) через "стадию кристаллов" (55). Возможность перехода одних видов микроорганизмов в другие утверждалась и в брошюре полковника НКВД С.Н.Муромцева, получившего, как мы помним, из рук Сталина и Лысенко звание академика ВАСХНИЛ6 (56).

Использовали лысенкоисты и заблуждения биохимиков. Профессор Московского университета А.Н.Белозерский (в будущем вице-президент АН СССР) опубликовал статью, в которой сообщил, что на определенных этапах развития клеток в них исчезают молекулы ДНК (как стало известно позже -- именно молекулы ДНК несут генетическую информацию, являются генами, и никуда никогда не исчезают), а вместо них появляется другой тип нуклеиновых кислот -- РНК (58). Лысенко тут же публично расхвалил эту работу как вполне подтверждающую его выкладки.

Отвергнув сначала центральную часть дарвинизма -- внутривидовую борьбу и введя под

названием "творческий дарвинизм" идею о порождении видов, Лысенко внес огромную путаницу в умы тех, кто привык за годы советской власти безоговорочно подхватывать любую истину, исходящую от официальных авторитетов. Многие сразу же поспешили сообщить, что эволюционное учение Дарвина "в настоящее время представляет лишь исторический интерес" (Веселовский, 1952), что "эволюционная теория происхождения новых видов путем медленных, постепенных изменений отвергнута советской наукой на основе замечательных исследований академика Лысенко, разработавшего новую теорию видообразования" (П.Г.Иванова, 1953), что "Ламарк и Дарвин глубоко заблуждались" (С.Аверинцев, 1953), что загадка видообразования решена лишь недавно в работах Лысенко (Д.Долгушин, 1953), что "нет никаких оснований давать учащимся эту часть учения Дарвина. Учащиеся должны изучать новую теорию видообразования" (Мельников, 1952) и т. д. и т. п. (59).

Новый столп лысенкоизма -- В.С.Дмитриев

Для пропаганды и внедрения приказным путем гнездовых посадок леса Лысенко, как мы помним, использовал крупного чиновника -- Е.М.Чекменева. Теперь же, правоту идеи о порождении одних видов другими укреплял другой высокопоставленный чиновник -- начальник Управления планирования сельского хозяйства Госплана СССР -- В.С.Дмитриев, который был связан с Лысенко много лет. В распространении лысенковских нововведений госплановский начальник играл решающую роль. Без его согласия нельзя было занять ни одного гектара посевных площадей на территории СССР под новые культуры. Было известно, что даже в тех случаях, когда против каких-либо деталей планов Лысенко робко возражали другие руководители, Дмитриев неизменно приходил к Лысенко на выручку. Поэтому, без помощи Дмитриева и подобных ему Лысенко сам мало что мог сделать, а, значит, ответственность за все промахи в сельском хозяйстве ложилась на них в той же мере, что и на Лысенко.

На августовской сессии ВАСХНИЛ Дмитриев выступал с речью (60), в которой под аплодисменты вновь назначенных академиков клеймил всех подряд -- и генетиков, и эволюционистов, и почвоведов, и лесоводов, и картофелеводов, словом, всех, кто возражал против какой-либо из идей Лысенко. Он призывал к тому, чтобы Академия сельскохозяйственных наук обратилась к "Академии наук СССР с просьбой посмотреть на свои институты, освежить явно затхлую и реакционную атмосферу, которая образовалась в некоторых институтах Академии наук" (61), что и было претворено в жизнь и закончилось массовым террором в биологии. В годы, когда СССР терзали последствия страшного голода военных лет и послевоенных неурожаев, Дмитриев, знавший лучше других положение дел, говорил с трибуны сессии ВАСХНИЛ:

"Несмотря на огромные трудности, связанные с большими потерями сельского хозяйства во время войны и сильной засухой 1946 г., сельское хозяйство добилось больших успехов; достигнуты огромные успехи в послевоенном восстановлении сельского хозяйства. Это убедительно говорит о том, что социалистический строй нашего современного земледелия, созданный Лениным и Сталиным -- это самый передовой и прогрессивный строй из всех, которые когда-нибудь знала история мирового земледелия... Перед нами, как указывал товарищ Сталин, в перспективе ближайших пятилеток стоит задача создания изобилия предметов потребления в нашей стране, необходимого для перехода от социализма к коммунизму. Эта величественная задача налагает на деятелей сельскохозяйственной науки особую ответственность" (62).

Через год после сессии Дмитриев был принят (по совместительству) в докторантуру лысенковского Института генетики АН СССР7 . Осенью 1950 года для него сотрудниками

Горок Ленинских был заложен опыт по доказательству реальности перерождения видов. Весь опытный участок занимал 700 квадратных метров, и для того, чтобы поставить растения в неудобные для роста условия (Лысенко считал, что в этом случае один вид будет принужден превращаться в другой), участок разместили в "нижней части склона, прилегающего к перелеску, где грунтовые воды выступают на поверхность почвы" (64). Через два года Дмитриеву уже заканчивали его докторскую диссертацию, готовили таблицы, печатали текст. В 1952-1953 годах за его фамилией были опубликованы статьи о порождении рожью растений другого ботанического вида -- костра ржаного, как говорилось в одной из статей, -- "злостного засорителя посевов ржи, наносящего большой ущерб сельскохозяйственному производству, особенно в северо-западных районах СССР" (65). Сказано было и о якобы имевшем место в его опытах порождении овсюга овсом, а, возможно, и пшеницей, полбой и рожью, а также плоскосеменной вики -- чечевицей (66). Дмитриев пытался подвести базу под будто бы непровоцированное лысенкоистами засорение посевов сельскохозяйственных культур (67). Столь невероятный и действительно ответственный вывод подкрепляли никудышные данные. Согласно описаниям, делянки засевали "чистосортными семенами, перебранными по одному зерну, затем весь урожай просматривался" (68). Автор отмечал:

"... при посеве около 15 кг перебранных по одному семян местной великолукской ржи, в урожае наряду с растениями ржи получено 12 растений костра ржаного. Все эти растения появились на делянках, где было создано избыточное увлажнение" (69).

Этими нехитрыми фразами все доказательства появления растений иного рода из растений ржи были исчерпаны. Возможность заноса ветром, птицами или мелкими животными двенадцати щуплых семечек костра даже не упоминалась. В трех предложениях, как будто это само собой разумеется, автор писал, что в клетках ржи иногда находили "как бы в виде вкраплений, крахмальные зерна, характерные для костра ржаного", что у части семян заметили "пленчатый тип прорастания", а в корешках 150 растений ржи обнаружили два раза клетки с 28 вместо 14 хромосом, присущих ржи (70). Необходимого анализа ботанических, физиологических, биохимических и прочих свойств не проводили, поэтому никаких методик экспериментов не сообщали, статистически данные не обрабатывали. И этот опус опубликовал журнал Академии наук СССР!

Конечно, не один Дмитриев был готов подписаться под статьями, якобы досказывающими правоту Лысенко в этом вопросе. Приведенный выше список тех, кто "прославился" таким способом, был дополнен в 1954 году "Ботаническим журналом" (71). Среди них был Д.А.Долгушин, который "открыл" образование ржи овсом, В.М.Смирнов, "подтвердивший" порождение овсюга овсом и овса -- овсюгом, Н.В.Мягков (порождение пшеницей ржи), А.К.Фейцаренко (ячменем пшеницы), Е.И.Чиркова (пшеницей ржи), М.М.Кислик, который еще раз уверенно заявил, что овес "порождает" овсюг. П.К.Кузьмин "открыл", что щетинник порождается просом посевным, так же как куриное просо возникает обязательно в посевах проса посевного и засоряет эти посевы. С.А.Котт обнаружил такие порождения: овсом ржи, горохом вики, викой плоскосеменной -- вики мелкосеменной и так далее и тому подобное. "Замечательный" закон находил подтверждение в работах все новых и новых "замечательных" ученых!

"Закон перехода неживого в живое"

Несмотря на уверенный тон Лысенко, провозглашавшего -- как твердо установленный -- факт превращения одного вида в другой, он не мог не понимать, что доказательств в его руках нет, что многочисленные находки Туманяна, Карапетянов, Дмитриева и других все-таки не снимают главного вопроса: как же все это происходит? Когда, где и за счет каких процессов клетки одного вида превращаются вдруг в клетки других видов?

Помощь пришла со стороны. Под наивные объяснения была подведена мощная база. С такой базой можно было объяснить и доказать всё на свете. Новая идея исходила от семидесятилетней Ольги Борисовны Лепешинской.

Высшего образования Лепешинская не имела. Она была замужем за большевиком (приятелем Ленина), с которым с 1903 года жила несколько лет в эмиграции в Женеве. После революции смогла каким-то образом внедриться в ряды научных работников. В 1931 году она заявила, что ею открыты отличные от описанных учеными оболочки животных клеток (72), а в 1934 году сообщила о более сенсационном результате: превращении неживого в живое.

"Это было в 1933 году. Я изучала оболочки животных клеток. Желая изучить возрастные изменения оболочек, я решила проследить этот процесс на различных стадиях развития лягушки и начала с головастика. И что же я увидела? Я увидела желточные шары самой разнообразной формы... Внимательно изучив несколько таких препаратов, я пришла к мысли, что передо мной картина развития какой-то клетки из желточного шара.

Развитие клетки -- это совсем ново! Вирхов8 , а вслед за ним и большинство современных биологов считают, что всякая клетка происходит только от клетки.

Но вспоминаю, что Энгельс говорит совершенно другое: Бесклеточные начинают свое развитие с простого белкового комочка, вытягивающего в той или иной форме псевдоподии, -- с монеры"" (73).

Первая публикация Лепешинской на эту тему (74) была раскритикована Н.К.Кольцовым (75). Специалисты отвергли гипотезу о наличии внешних оболочек животных клеток (76).

Но Лепешинская не отказалась от своих взглядов (правда, публиковать ее опусы никто больше не брался, после отрицательных рецензий специалистов статьи возвращали автору), не прекратила своих "опытов". Она растирала в ступке гидры, кашицу пропускала сквозь марлю и разные сита... и в её руках якобы всегда из этого "бесклеточного материала", материала неживого, возникали новые живые делящиеся клетки. Это противоречило всему, что было известно о клетках. Ученые утверждали, что в её "бесклеточном материале", в вязкой и мутной кашице обязательно сохранялись неповрежденными несколько клеток, которые и давали начало новым клеткам. Строгости и чистоты в поставленных ею "опытах" не хватало. Тем не менее, Лепешинская нашла, как преуспеть в научной карьере. Пользуясь связями, она сумела "протолкнуть" свою рукопись к Сталину:

"В самый разгар войны, целиком поглощенный решением важнейших государственных вопросов, Иосиф Виссарионович нашел время познакомиться с моими работами еще в рукописи и поговорить со мной о них" (77).

Один разговор с Великим Кормчим отменил все возражения ученых, которых теперь Лепешинская начала публично третировать:

"Внимание товарища Сталина к моей научной работе влило в меня неиссякаемую энергию и бесстрашие в борьбе с идеалистами всех мастей, со всеми трудностями и препятствиями, которые они ставили на пути моей научной работы" (80)9 .

Поддержанная вождем она сумела в 1945 году опубликовать в Издательстве Академии наук СССР книгу "Происхождение клеток из живого вещества" (79), в которой были описаны все те же опыты, изобилующие погрешностями. Предисловие к книге взялся подписать

Т.Д.Лысенко (текст его подготовили сама О.Б.Лепешинская и И.Е.Глущенко). В предисловии было сказано:

"Многолетняя успешная экспериментальная работа Ольги Борисовны Лепешинской представляет собой большой вклад в теоретические основы нашей советской биологии... И можно быть уверенным, что научно-практическая значимость работы О.Б.Лепешинской будет с годами только возрастать" (81).

Книгу тут же представили в Комитет по Сталинским премиям, но все члены Комитета, кроме одного, проголосовали против этого предложения. За Лепешинскую подал голос Лысенко.

В 1947 году Лепешинская составила на основании своих старых работ об оболочках животных клеток еще одну книгу, издав её в другом государственном издательстве -- Медгизе (82). В 1948 году антинаучность взглядов о происхождении клеток из бесструктурного "живого" вещества была раскритикована тринадцатью ведущими специалистами по изучению клеток (83).

Лысенко, видимо, до поры до времени не осознавал, какую пользу он может извлечь из "открытия" Лепешинской, либо не хотел ей помогать, боясь конкуренции с её стороны. А, между тем, идея Лепешинской подводила базу под заявления о превращении вида в вид10.

И вдруг до него дошло, что это препятствие можно обойти. Лепешинская уверяет, что кроме клеток есть особое "бесклеточное" вещество. Оно не живое, но может при каких-то, пока неясных, условиях стать живым. И тогда из этого живого вещества, как из живой воды в сказках, могут возникать новые клетки. Так, может быть, вид превращается в другой вид, проходя стадию живого вещества? Как только он оценил смысл слов Лепешинской, он возликовал и, не мешкая, принялся за дело. Что-либо проверять, убеждаться, что за словами Лепешинской стоят не одни лишь артефакты, он, естественно, не стал. Авторитет Лепешинской был утвержден апробированным способом: из ЦК партии была дана команда обеспечить триумфальное признание взглядов Лепешинской. Как она сама вспоминала:

"В самый тяжелый момент, когда последователи немецкого реакционера, идеалиста в науке Вирхова перешли к аракчеевским методам борьбы..., ко мне на помощь пришел отдел науки ЦК ВКП(б), под руководством которого Академией наук СССР было созвано совещание биологического отделения Академии наук СССР, совместно с Академией медицинских наук и представителями ВАСХНИЛ" (84).

Совещание это -- "По проблеме живого вещества и развития клетки" состоялось в Москве 22-24 мая 1950 года (85)11. Председательствовал на заседаниях академик-секретарь биологического отделения АН СССР А.И.Опарин, вполне разделявший взгляды Лысенко и безоговорочно поддерживавший любые предложения партии. Полная управляемость Опарина была хорошо известна.

Лысенко выступил на совещании и опубликовал в "Литературной газете" 13 сентября 1951 года свою хвалебную речь об "открытии" Лепешинской в виде отдельной статьи (86). Поддержали Лепешинскую также многие грамотные ученые (например, биохимик С.Е.Северин вознес хвалу Лепешинской и её идеям). Атмосфера тех лет влияла на поступки людей, учила их уму-разуму и тому, как надо приторговывать взглядами, чтобы процветать. Внешняя среда лепила соответствующий модус вивенди. Недавно С.Э.Шноль даже пропел оду этим людям, восславил их угодничество перед ничтожными, но сильными в данную минуту людишками, назвал их "героизм" чуть ли не житейской мудростью (87). Если говорить о моральных ценностях, то с приводимыми Шнолем положительными сторонами

конформизма согласиться невозможно.

Работа Лепешинской была представлена как выдающееся достижение советской материалистической науки, как победа над витализмом и поповщиной12. А чтобы всем стало окончательно ясно, в каком направлении теперь будет двигаться биологическая наука, Лепешинской в октябре того же года преподнесли щедрый подарок: присудили Сталинскую премию первой степени в размере 200 тысяч рублей! Лепешинская и её дочка не стеснялись объяснять всем встречным и поперечным, что распоряжение об этом поступило якобы лично от Сталина (в том же году Сталинской премии был удостоен Глущенко).

В Ленинграде в это время было сделано "открытие", которое стали прославлять лепешинсковеды: искусственный синтез белка из аминокислот под большим давлением. Оно принадлежало ленинградскому физико-химику С.Е.Бреслеру (89). Исходя из утверждений Бреслера о возможности синтеза белков в отсутствие клеток, лысенкоисты делали вывод, что получение живого вещества из неживой материи обычный процесс, который раньше ученые просто не замечали.

Лепешинская тем временем стала утверждать, что подобно тому, как лысенковские идеи несут огромную пользу сельскому хозяйству, так и её идеи важны для практической медицины. В присущем ей уверенном тоне она заявила, что живое вещество облегчает заживление ран, способствует лечению ожогов и т. д. (см. также /90/). Доцентом Кишиневского мединститута Н.Н.Кузнецовым были сообщены сенсационные результаты приживления убитых кусков брюшины к стенкам внутренних органов животных. Он вшивал собакам и кошкам в брюшную полость куски брюшины, взятые из области слепой кишки крупного рогатого скота. Перед пришиванием будущий трансплантат убивали -- обрабатывали водным раствором формалина, 70%-ным спиртом, затем стерилизовали в автоклаве и, наконец, высушивали. Все эти процедуры, губительные для живых тканей, нисколько, по мнению автора, не сказывались на живом веществе, а, значит, позволяли убитой брюшине через некоторое время ожить.

"Несмотря на продолжительное хранение брюшины в водном растворе формалина, она сохраняет... полную жизнеспособность ..., в ней возникают новые сосуды, которые через анастомозы переходят в сосуды подслизистой оболочки", --

писал Кузнецов (91).

Число последователей Лепешинской росло (92). Многие люди, особенно молодые, торопились использовать открывшиеся возможности для скорой защиты диссертаций, продвижения по службе. Например, Жорес Александрович Медведев -- в те годы убежденный сторонник Лысенко, пользовавшийся его личным покровительством, закончил Московскую сельскохозяйственную Академию имени Тимирязева и был принят в аспирантуру к академику ВАСХНИЛ П.М.Жуковскому. Шеф поручил ему подтвердить лысенковские идеи. За три года (с 1947-го по 1950-й) Медведев выполнил работу, которую защитил в Никитском Ботаническом саду в качестве кандидатской диссертации. Называлась она "Физиологическая природа формирования половых признаков у высших растений" (93). Автор привел в ней совершенно дикие измышления, к которым он якобы пришел на основе собственного экспериментального изучения проблемы пола. Его эксперименты были примитивными и по замыслу и по исполнению (например, он измерял кислотность, использовал красители для определения так называемых изоэлектрических точек и т. п.), однако выводы были революционными, и на их основе Медведев отрицал твердо установленные законы науки, а по ходу дела повторял в самом жестком стиле поношения генетики:

"Всякое изменение условий развития пыльника, как показали наши исследования, изменяют как характер диморфизма пыльцы, так и соотношение пыльцевых зерен с различными признаками, что я является наглядным доказательством несостоятельности морганистских объяснений гетерогаметности мужского пола с помощью половых (X и Y) хромозом. Гетерогаметность женского пола также можно объяснить физиологическими особенностями мегаспорогенеза.

Литература по полу у растений большая, но в виде отдельных статей, часто противоречивых и в большинстве основанных на ошибочных положениях морганистской теории наследственности... многочисленные теории пола, основанные на хромозомной теории наследственности ошибочны и архаичны. Ошибочны и представления о наличии специфических половых хромозом... Пол определяется не генами, не зародышевой плазмой, а такими внешними и внутренними факторами развития растений, как стадийность, возрастность тканей, полярность клеток, обмен веществ, условия внешней среды и т. д....При этом не всякие изменения внешних условий и обмена веществ обусловливают изменения половых признаков, а лишь такие, которые по своему характеру отражают диалектически противоречивый характер различных полов..." (94).

От вопросов изменчивости пола под влиянием среды Медведев перешел к еще более одиозным вещам -- стал убежденным сторонником лепешинковщины и опубликовал большую обзорную статью в журнале "Успехи современной биологии" в 1953 году, в которой писал:

"Выдающиеся работы О.Б.Лепешинской обогатили советскую биологическую науку о развитии клеток и полностью опровергли господствовавшие в цитологии метафизические взгляды" (95)13 .

По проблеме живого вещества было защищено множество диссертаций (в частности, в Воронежском университете в 1954 году защитил кандидатскую диссертацию Рэм Викторович Петров, в которой он на 252 страницах доказывал, что бактерии брюшного тифа и дизентерии якобы способны зарождаться из живого вещества /96/)14.

В результате этих и подобных им фальсификаций учение Лепешинской пополнилось несколькими новыми "открытиями" УДИВИТЕЛЬНЫХ фактов. Так, профессор из Еревана Г.А.Мелконян подтвердил правоту Лепешинской еще на одной модели. В том же академическом журнале "Успехи современной биологии" он поведал (97), что если извлечь из кости, пролежавшей несколько лет в формалине, ленточного червя эхинококка, то из него может развиться, в полном соответствии с законом Лепешинской о переходе неживого в живое, -- новая, живая, растущая КОСТЬ! Из червя -- кость! (В результате таких публикаций за контролируемым лысенкоистами журналом прочно укрепилось прозвище "Потехи современной биологии").

"Факты упрямая вещь, -- писал Г.А.Мелконян, повторяя знаменитую сталинскую фразу, -- и с ними нельзя не считаться и игнорировать их, иначе и прогресса в науке не может быть... Этому соблазну отрицания и игнорирования чуть было не поддались и мы ..., когда, заметив факт образования костной ткани в банке вместо хранимого в ней музейного препарата, сочли вначале это озорничеством со стороны кого-либо из больных, подменивших препарат костями... Только более трезвое обсуждение... нас остановило от решения выбросить банку с костями и искать виновника "озорничества"... Вскоре в той же банке и в той же жидкости после извлечения всех костей стали вновь образовываться все новые и новые кости, что дало нам право вполне уверовать в достоверность наблюденного факта..." (98).

Статья Мелконяна наделала так много шума, что любой лысенкоист на его месте ходил бы гордым из-за внимания к его персоне. И не беда, что большинство серьезных биологов и медиков рассматривало его работу как фантазию безумца. Много они понимают! Ведь внимание такое живое, а факты -- упрямая вещь!

Еще более захватывающее дух "открытие" сделала доцент Ростовского университета Ф.Н.Кучерова, заведовавшая кафедрой гистологии и эмбриологии. Она растирала -- что бы вы думали? -- перламутровые пуговицы. Порошок вводила животным. И наблюдала: из порошка ВОЗНИКАЛО ЖИВОЕ ВЕЩЕСТВО (99).

-- А что особенного? -- объясняла доцент Кучерова. -- Перламутр-то из раковин добывают, а раковины ведь раньше живыми были!!!

И защитила на этом материале кандидатскую диссертацию. И ВАК ей без промедления диплом кандидата выдал. Еще бы, не зря Лысенко, Столетов, Опарин и другие лысенковцы занимали в ВАК'е лидирующие позиции.

А иркутский "биолог" В.Г.Шипачев издал книгу под будоражащим ум материалистическим названием "Об исторически сложившемся эволюционном пути развития животной клетки в свете новой диалектико-материалистической клеточной теории" (100). Предисловие к книге написала сама Лепешинская. Автор сообщал читателям, что если зашить животным в брюшную полость семена злаковых растений, а потом, спустя некоторое время, разрезать им живот и исследовать развившиеся вокруг инородных тел воспаления (естественно, гнойные), то можно "без труда" наблюдать, как растительные клетки распадаются, образуют "живое вещество Лепешинской", и как затем из него формируются нормальные животные (а не растительные!) клетки. Чем не триумф учения Лепешинской! Правда, выяснялась совсем уж дремучая безграмотность Шипачева. Он, оказывается, не знал элементарных подробностей строения ни животных, ни растительных клеток. В корневых волосках растительных проростков (которые, как хорошо известно даже школьникам, являются выростами клеток, то есть удлиненными частями одиночных клеток) Шипачев обнаружил сложное клеточное строение. В.Я.Александров в изящно написанном памфлете "К вопросу о превращении растительной клетки в животную и обратно" (101) едко высмеял безграмотного лепешинсковеда15.

Очередную тайну у природы выведал Н.М.Сисакян. Он объявил в журнале "Биохимия" в 1953 году, что в ходе исследования "процесса метаморфоза тутового шелкопряда" ему удалось подсмотреть, как совершается "обмен веществ неклеточного животного вещества в процессе развития" (103), демонстрируя этим поразительную приспособляемость к условиям внешней среды. Среда, в свою очередь, была благожелательной: в этом же 1953 году Сисакян стал членом-корреспондентом АН СССР, а за год до этого был удостоен Сталинской премии16.

Лепешинская теперь с гордостью называла тех, кто якобы подтвердил её "теорию":

"Учение Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина помогает исследователю предвидеть возможные изменения в природе, строить те или иные гипотезы и предположения, проверять их и превращать в доказанную теорию. Руководствуясь учением этих великих гениев науки, мы реализуем теоретические положения Энгельса в повседневной работе. Мы работаем над проблемой происхождения клеток из живого вещества более пятнадцати лет, и до сих пор наши данные еще никем экспериментально не опровергнуты17, а подтверждения, в особенности в последнее время, есть..."18 (105).

О своей собственной деятельности Лепешинская в 1952-1953 годах отзывалась следующим образом:

"Подобная работа могла быть выполнена только в Советской стране, где передовая революционная наука окружена заботами партии и правительства и направляется нашим вождем, дорогим, всеми любимым, величайшим ученым товарищем Сталиным.

В многочисленных письмах, получаемых из стран народной демократии и Китайской Народной Республики, видно, что новая теория встречена с большим интересом. Во всех этих странах переводится и издается книга "Происхождение клеток из живого вещества"...

Совсем не то наблюдается в капиталистических странах. Фашиствующие мракобесы от науки не только в США, но и в Англии, Франции, Бельгии, Италии и в других странах умышленно замалчивают выдвинутые советскими учеными проблемы биологической науки. Однако и через железные занавесы, искусственно создаваемые в странах, где над всем царствует доллар, просачиваются сведения о новом открытии советской науки" (106).

Конечно, не стояла на месте ее "научная мысль". С помощью 1%-ного раствора соды она решила лечить многие болезни и, кроме того, ею была широко обнародована новая теория старения (её первоначальный вариант появился еще в тридцатые годы), согласно которой вся тайна старости заключалась в утере оболочками животных клеток эластичности. Для их "размягчения" Лепешинская советовала принимать содовые ванны (заметим, впрочем, что среди академиков медицины были и такие, кто без стеснения осмеял последнюю идею Лепешинской на том основании, что у животных клеток на самом деле и оболочек-то нет, а есть цитоплазматические мембраны, всегда "эластичные").

Живое вещество стало важной частью мичуринского учения и, формулируя всеобщий закон "превращения неживого в живое", Лысенко писал:

"После возникновения первичного живого в соответствующих условиях из неживого, живое и дальше, по тем же законам стало возникать из неживого, но уже при посредстве живого. Живое создает только условие для превращения неживого в живое. Поэтому существует и действует наиболее общий закон, по которому неживая природа связана с живой, согласно которому реализуется потенциальное свойство неживой материи превращаться в живое" (107).

"Закон жизни вида" и жирномолочные коровы

В 1935 году, выступая перед академиками ВАСХНИЛ, Лысенко сказал:

"Я чуть ли не ежегодно в продолжение последних восьми лет коренным образом меняю свою специальность" (108).

Но при этом он все-таки добавлял, что эти перемены происходят в русле одного набора дисциплин:

"Все время я занимаюсь одним и тем же вопросом -- изучением сельскохозяйственных растений" (109).

Свою связь с растениеводческими дисциплинами Лысенко подчеркивал и позже. Так, став в 1938 году Президентом ВАСХНИЛ, он написал в "Правде":

"Лично я, например, могу считать себя консультантом по вопросам яровизации и производства наилучших семян зерновых культур. Но какой же из меня консультант по вопросам животноводства или механизации?" (110).

Однако менялись времена, менялся и уровень его амбиций. Он распростился с былой личиной скромности и с тем же багажом научных знаний принялся творить чудеса и в животноводстве и в других мало ему известных областях науки. В 1952 году в Горках Ленинских начали претворять в жизнь идею Лысенко о создании в стране стада жирномолочных коров.

Была в Горках своя ферма, которая снабжала рабочих хозяйства молочной продукцией. Стадо состояло из коров и быков одной -- остфризской породы. До 1948 года здесь вели обычную для всех ферм работу. Но вскоре после войны сюда перебрался Сурен Леонович Иоаннисян, которому хотелось, как и всем рвущимся в передовики, не ударить лицом в грязь. Пока у начальства никакой новой идеи не было, Иоаннисян трудился по старинке. Раз, по убеждению Лысенко, среда обитания определяет наследственность, нужно было заняться улучшением содержания и кормления животных. Ведь каков корм -- такова и порода. Как писал позже Иоаннисян:

"В конце 1947 -- начале 1948 года... для повышения продуктивных качеств молочного скота прежде всего улучшили кормление, уход и содержание" (111).

Но в середине 1948 года начались перемены:

"В 1948 году из фермы были изъяты быки-производители остфризской породы и начато скрещивание стада фермы с быками костромской породы" (112).

Предпринимались эти перемены неспроста. За словами о замене одной породы другой скрывалась важная для Лысенко задача -- доказать, что его "закон жизни биологического вида" справедлив не только в отношении отмены внутривидовой борьбы и введения вместо него благородного свойства "самоизреживания", но и в другом отношении -- регулировании жирности молока коров.

Почему мысль Лысенко обратилась к этой проблеме, мы не знаем. Возможно, его занимала животрепещущая для СССР нехватка животного масла, возможно, манила еще неиспробованная им область селекции крупного рогатого скота, а, возможно, была и вполне прозаическая причина, о которой как-то проболтался Иоаннисян (113) -- на ферме начался падеж новорожденных телочек и бычков, а с ними часто и матерей из-за того, что коров раскормили выше всякой меры. С кормами на их ферме катастрофы (как в других хозяйствах страны) не было и быть не могло. С 2147 кормовых единиц на корову в 1947 году ежегодный расход кормов к 1954 году возрос до 6377 единиц (114). Не удивительно, что и вес коров возрос -- с 416 до 675 кг. Но ни на удоях, ни тем более на жирности молока это существенно не сказалось: как было 3,4 -- 3,5% жира в молоке, так и осталось. Но зато с увеличением веса коров пришла, как было сказано, другая беда, еще больше обострившаяся после скрещивания с костромскими быками:

"На ферме стали часты тяжелые отелы, и нередко приходилось лишаться теленка или коровы, а иногда гибли и корова и теленок" (115).

Вот тогда-то Лысенко и вынужден был задуматься над причинами падежа скота. Только искать выход из положения он стал не с помощью специалистов животноводов, а путем

внедрения собственных догадок, казавшихся ему наиболее правильными.

Схема выведения пород с желательными свойствами была разработана до него солидно. Многовековая зоотехническая практика и селекция животных, особенно крупного рогатого скота, знала много старинных, многократно проверенных и подтвержденных временем приемов, позволявших в зависимости от состава собственного стада, от возможности привлечения тех или иных пород для улучшения стада, решать многочисленные задачи, встающие перед животноводами19. А в последние десятилетия селекционеры животных во все большей мере опирались на законы генетики.

Для Лысенко и Иоаннисяна все это было темным царством. Общепринятые методы они использовать не умели, дурашливой же смелости было предостаточно, и они пошли неторенной дорожкой. Стали скрещивать своих остфризских коров, с жирностью молока 3,3 -- 3,4%, с быками костромской породы. Жирномолочность этой породы колебалась от 3,9 до 4,4%.

Начиная скрещивания, Лысенко и Иоаннисян почему-то решили, что жирномолочность у помесей должна стать высокой -- не меньше, чем у костромской породы, хотя согласно законам генетики жирность молока родителей определяется сочетанием генов, а у потомков (в силу того, что на уровень жирномолочности влияет сразу много генов) усредняется20. Иными словами, у приплода следовало ожидать жирность молока, лежащую в диапазоне 3,6 -- 3,9%. Такой она и получилась у дочерей от скрещивания, предпринятого Иоаннисяном, а совсем не такой, как ждал Лысенко. Но согласиться с тем, что законы генетики распространяются и на коров, Лысенко не мог. Он объяснил недостаточную, на его взгляд, жирность молока своим законном -- "законом жизни биологического вида". Объяснение это было сродни "самоизреживанию". Как ни просты были рассуждения Лысенко, как ни далеки они были от научных гипотез (он и слово-то "гипотеза" не любил, предпочитая говорить: "наши исходные предпосылки", "наши предположения"), но все-таки и он стремился соблюдать наукообразие. Жирномолочность, говорил он, зависит от того, как будет развиваться первая клетка, дающая начало организму - ЗИГОТА.

Как известно, любой организм начинает жизнь с того, что сперматозоид (отцовская половая клетка) соединяет свои хромосомы с хромосомами яйцеклетки (материнской половой клетки). Эта оплодотворенная сперматозоидом яйцеклетка (её и определяют в науке термином зигота) могла по мнению Лысенко сама выбрать путь развития, находясь еще в утробе матери. На лекциях он пояснял свое понимание свойств зиготы афоризмом: "Зигота -- не дура".

Конечно, это заявление о "выборе пути развития" находилось в вопиющем противоречии с генетическими и вообще с биологическими данными. Он был уверен, что согласно "закону жизни биологического вида" организмы ведут себя всегда одинаково: строят тело так, чтобы обеспечить процветание своего вида. (Иногда он формулировал эту мысль иначе: говорил, что "развитие конкретного организма направлено на то, чтобы увеличить массу своего вида в максимальной степени"). В приложении к скрещиванию коров его "закон" звучал так:

"Оплодотворенная яйцеклетка может развиваться и по материнскому типу и по отцовскому, или, вернее, по смешанному в разной степени типу обоих родителей... Согласно закону жизни вида, в данных конкретных внешних условиях, вступивших в единство с развивающимся телом, развитие пойдет в соответствии с теми из имеющихся внутренних возможностей его, которые в наибольшей степени обеспечивают процветание данного биологического вида" (116).

Коровы костромской породы (более жирномолочные) крупнее в размерах. Остфризы (у коров этой породы молоко менее жирное) меньше. Конечно, -- заявлял Лысенко, -- плод выберет из двух возможностей ту, которая обеспечит более легкие роды (117). Породе ведь выгодно, чтобы плод оставался живым, а не задыхался при родах. Вот почему в данном случае скрещиваний получилось не такое жирномолочное потомство, -- завершал он свои объяснения и заявлял, что его коровы и быки будут вести себя в согласии с его "законом" (118), сойдут на-нет случаи гибели плодов при родах. Но гибель при родах оставалась значительной (119). Эти неудачи, объяснял Лысенко, происходят из-за того, что на его ферме слишком хорошее питание животных (120).

Чтобы избавиться от неудач, прежде всего заменили быка-производителя. Если зигота способна выбирать путь развития, нужно подобрать ей такого отца, который был бы мелким по весу, но давал жирномолочный приплод. Так на ферме в 1952 году появился джерсейский бык "Богатырь 60". По указанию Лысенко его купили за валюту в Дании. Джерсейская порода коров, размножавшаяся в чистолинейном состоянии более двухсот лет, отличалась высокой жирномолочностью (около 6%), но давала мало молока. Поэтому, исходя из правил генетики, жирность молока у потомства от скрещивания с джерсеями должна была возрасти, а удои упасть. Первые телки, полученные от скрещивания джерсеев с местными коровами, подросли к осени 1954 -- весне 1955 года, были покрыты и начали лактировать в конце 1955 года. Жирномолочность, как и должно было быть, возросла. Удои, как того требовали законы генетики, упали почти на треть по сравнению с уже достигнутыми на ферме: с 6785 кг в год в 1954 году и 6670 кг в 1955 году до 4554 кг в 1956 году. Как отметила позже комиссия по проверке деятельности Горок Ленинских:

"За 10 лет (1954-1964 г. г.) удой молока на корову снизился на 2332 кг, или более чем на одну треть, выход молочного жира уменьшился на 13,7 кг, молочного белка на 41 кг (на 19,5%), средний вес живой коровы упал на 140 кг, причем убойный выход мяса в 1964 году составил 41-43%" (121).

Другая беда заключалась в уменьшении более чем вдвое выхода мяса в тушах после разделки. Но об этой неудаче Лысенко с помощниками предпочитали помалкивать, и вывод этот был обнародован десятью годами позже, а пока Лысенко, не обращая внимания на цифры, которые не могли быть ему неизвестны, продолжал твердить, что его опыты нисколько не противоречат его "теориям" и отлично подтверждаются его же данными21.

Скрещивания с джерсеями вели с максимальной скоростью, допустимой в "Горках". К счастью, Лысенко, видимо в силу крестьянской подозрительности ко всему необычному, отвергал пользу искусственного осеменения, а то бы за это же время можно было бы перепортить в тысячу раз больше коров. В 1957-1960 годах пошли массовые отелы помесными телками и бычками. Их начали партиями продавать на сторону для замены существующих в стране быков-производителей и коров-рекордисток. Причем продажа шла не в обычные колхозы
 и совхозы, а в основном в племенные хозяйства. На 1 января 1965 года было продано только бычков 478, из них 177 -- государственным станциям по племенной работе и искусственному осеменению, 129 -- научно-исследовательским учреждениям и лишь 172 -- совхозам и колхозам (124). Всего же с 1956 по 1964 год включительно "хозяйство реализовало 863 головы молодняка" (125).

И, как и раньше, на поводу у Лысенко шло послушное ему Министерство сельского хозяйства СССР, издавшее специальный приказ на этот счет (126).

Теперь Лысенко и Иоаннисян могли не опасаться за последствия их деятельности.

Ответственность была переложена на Министерство сельского хозяйства СССР. Тем же приказом "Горкам" разрешили продавать помесных бычков по баснословным ценам (превышавшим государственные закупочные цены в ряде случаев на 600 процентов /127/), устанавливаемым к тому же соглашением сторон (128). Конечно, охотников спорить с лысенковцами насчет цены не находилось: сколько те запрашивали, за столько и покупали. Закон при этом нарушали нещадно. Например, согласно Инструкции Минсельхоза СССР продавать племенной скот моложе 6 месяцев было вообще категорически запрещено (129), а Лысенко торговал и трехмесячными бычками.

Год от года практика продажи помесных быков разной кровности, рекомендуемых на племя, ширилась. Особенно усердствовали Лысенко и Иоаннисян, насаждая свои методы в Молдавии. Иоаннисян дневал и ночевал в этой республике, там же он издал одну из своих брошюр, пропагандировавших их новые с Лысенко методы. Как и прежде их поддерживал в печати такой же специалист по коровам, как и они, полковник НКВД С.Н.Муромцев (141).

Обманывая чиновников в аппарате управления сельским хозяйством и в партийных и государственных органах, которые, в свою очередь, с явным удовольствием встречали эту ложь, Лысенко и его помощники заявляли на Пленумах ЦК партии и даже на партийных съездах, что с их помощью СССР скоро догонит и перегонит США по производству мяса и молока. Например, Иоаннисян говорил следующее:

"По валовому производству молока и животного масла на душу населения мы уже обогнали Соединенные Штаты Америки. В 1960 году в СССР было произведено 61,5 млн. т. молока, а в США по их официальным данным, -- 56,9 млн. т. Общее производство животного масла составило в СССР в 1960 году 848 тысяч т масла, или 3,7 кг на душу населения" (131).

Ни одного слова правды в этом заявлении не было. На самом деле по данным, приведенным в Большой Советской Энциклопедии, -- в США поголовье крупного рогатого скота было выше, чем в СССР, среднегодовые удои молока не шли ни в какое сравнение с советскими (которые, наверняка, были приукрашены): в США они составляли 4250 кг в год (132), а в СССР -- 2298 кг (133).

Иоаннисян как специалист не мог к тому же не знать, что в Америке уже давно не стоит задача повышать объем производства масла на душу населения, потому что там его производят столько, сколько может принять рынок сбыта (с учетом и того, сколько закупал в США Советский Союз для снабжения центральных городов: никакой валюты на всё население страны всё равно не хватало!), остальное молоко переводят в сухое, концентрированное, в молочные продукты и торгуют ими по всему свету.

Характерно, что Иоаннисян не приводил никаких ссылок на то, откуда он заимствовал сведения, приведенные им в речи на Пленуме ЦК партии. Но зато он ссылался на Н.С.Хрущева, который, с подсказки Лысенко, подсчитывал, сколько могут дать рекомендации последнего стране, и говорил на январском Пленуме ЦК КПСС в 1961 году, что увеличение лишь на 0,1% жира в молоке (а не на 1 или 2%, чего грозился достичь Лысенко)

"... даст стране дополнительно 30 тысяч т молочного жира, или 36 тысяч т сливочного масла, т. е. такое количество жира, какое дают 300 тысяч коров при среднем удое 2600 кг" (134).

Только вот беда -- и удоев таких в целом по стране не было (а лишь около 1500 кг на корову согласно официальным, сильно приукрашенным данным), и цифра выхода масла была подсчитана неверно. Приняв жирность молока за 3% (такую величину хоть и указывали в советских статистических справочниках, но она была завышена, и ее можно использовать

только в теоретических расчетах), причем учтя стадо всего крупного рогатого скота в стране, а не только коров, дающих молоко, можно было бы ожидать от лысенковского обещания лишь 3,4 тысячи тонн, а не 30 тысяч, как обещал партии и народу Н.С.Хрущев.

Таким образом, аналогично тому, как было раньше со всеми "благодеяниями" Лысенко, ложь сопровождала и эту великую аферу. А ложь могла, в конечном счете, привести только к конфузу.

"Научные труды" Лысенко

Для людей, несведущих в биологии, большинство предложений Лысенко могло казаться вполне логичными, а будучи высказанными человеком, имевшим титул трехкратного академика, они приобретали видимость серьезной научной проработки, солидности последнего слова науки. Мало кому приходило в голову задуматься над тем, почему Лысенко публикует свои новые предложения на страницах центральных газет, а не в авторитетных научных журналах.

Всякому специалисту известно, что перед публикацией любой статьи в научном журнале она должна пройти через сито рецензирования. Если рецензенты требуют (конечно, ссылаясь на весомые доводы) серьезной переделки статьи, из редакции её направляют автору, а по завершении переделки снова посылают на рецензирование, теперь уже повторно. Если же рецензии отрицательные, статью возвращают автору. А так как фамилии рецензентов никогда автору не сообщают, то и "нажать" на них административно или по партийной линии трудно.

Вот почему Лысенко после провала его и Долгушина доклада на съезде генетиков в Ленинграде в 1929 году больше никогда не обращался в серьезные научные журналы со своими статьями, а предпочитал им газеты (заодно давя фактором публикации на возможных оппонентов), популярные издания или публиковал всё, что хотел, в своем журнальчике "Яровизация" (после войны переименованном в "Агробиологию"), где он был главным редактором. Так формировал он багаж своих "научных" работ.

Позже, став неограниченным владыкой биологической науки, Лысенко принялся выпускать толстые фолианты в дорогих переплетах с золотым тиснением, чтобы перепечатывать в них раз за разом -- вторым, третьим... шестым изданиями одни и те же статьи.

Что же за материалы он публиковал в них год за годом?

Вот, например, два его фолианта на семистах с лишним страницах большого формата каждый: "Агробиология" и "Стадийное развитие растений", напечатанные в одном и том же 1952 году Государственным издательством сельскохозяйственной литературы (135).

В "Стадийном развитии растений" помещены 59 его работ, а в "Агробиологии" -- 41 работа, выпущенные за все время его деятельности, начиная с первой публикации в "Трудах" Ганджийской опытно-селекционной станции, увидевшей свет в 1928 году. Ни одна из статей, включенных в "Стадийное развитие растений" никогда не была опубликована в изданиях Академии наук СССР или республиканских Академий! То же характерно и для второго "фолианта". Почти все статьи в нем первоначально появились в малозначительных "Трудах", в газетах и популярных журналах!

Девять приведенных в "Стадийном развитии растений" работ -- сокращенные изложения докладов, тезисы, предисловия к чужим работам. Пять -- производственные инструкции (советы колхозникам, как и когда яровизировать пшеницу, картофель, свеклу, хлопчатник; как

обрывать (или чеканить) верхушки стебля хлопчатника, как обрезать клубни картофеля, чтобы часть их пустить в пищу, а часть -- верхушки или глазки -- сохранить и позже высадить в землю). Семь -- популярные статьи и статьи-призывы ("За тонну хлопка доморозного сбора", "Властью человека отвоюем у природы ключ изменчивости растительных форм" и т. п.). Почти половину остальных публикаций этого тома составляли газетные статьи -- из "Правды" и "Известий", из "Социалистического земледелия", из провинциальной (одесской) газеты "Большевистское знамя" и московской областной "Рабочей газеты".

Другая поразительная вещь -- в сборнике 1952 года нет ни одной работы, написанной после 1939 года. Да и статей 1937-1939 годов только пять! Все остальные были опубликованы до 1936 года. Остается сделать один вывод: публикуя в 1952 году обобщающий том своих трудов, Президент ВАСХНИЛ и академик трех академий демонстрировал, что он никогда не был способен трудиться как подобает ученому, то есть работать в науке, а не около нее, и с 1936 года фактически перестал работать даже на прежнем уровне.

Но, конечно, в "Оглавлении" к фолианту нет никаких ссылок на то, откуда были перепечатаны материалы, а в предисловии "От издательства" весь конгломерат был подан под солидным наукообразным соусом:

"В данном сборнике представлены важнейшие работы академика Т.Д.Лысенко по теории стадийного развития растений, теории и практике яровизации. Открытая и разработанная академиком Т.Д.Лысенко теория стадийного развития растений является одним из крупнейших научных достижений в области биологической науки... Настоящий сборник включает важнейшие, в большинстве своем впервые переиздаваемые работы академика Т.Д.Лысенко по теории стадийного развития, по теории и практике яровизации. Этим определяется его значение для каждого научного работника, для специалистов сельского хозяйства и колхозно-совхозного актива" (136).

Та же картина открывается при анализе второго "эпохального" труда Президента Лысенко -- "Агробиологии", вышедшего в 1952 году уже шестым изданием. В этом томе на ста двадцати с лишним страницах были воспроизведены те же три работы по яровизации 193-51936 годов, которые вошли в "Стадийное развитие растений". Двадцать работ были перепечаткой газетных статей (в том числе и статьи "И.В.Сталин и мичуринская биология"), одна была предисловием к собранию работ И.В.Мичурина, 10 представляли собой тексты докладов и стенограммы публичных выступлений и лекций Лысенко, также ранее опубликованных (выступлений на сессиях ВАСХНИЛ, на семинаре в его институте в Одессе, на лекциях перед студентами Ленинградского университета и перед разношерстной публикой -- от пионера до пенсионера, собирающейся в зале публичного лектория в Политехническом музее в Москве, на встрече в Доме ученых и даже на совещании председателей колхозов). На 11 страницах был воспроизведен текст брошюры "Новое в науке о биологическом виде", против которой, как мы увидим позже, восстали даже многие из его прежних сторонников. Перечисленное составляло семь восьмых тома -- 34 работы.

Наконец, еще пять работ были: статья 1937-го года "Колхозные хаты-лаборатории -- творцы агронауки" (здесь статья называлась чуть поскромнее: "Колхозные хаты-лаборатории и агронаука"), "Мичуринское учение на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке" (1940); две популярные статьи для энциклопедии и "Инструкция на 1951 год по посеву полезащитных полос".

Этот конгломерат был гордо назван: "Работы по генетике, селекции и семеноводству", как значилось на титульном листе под словом "Агробиология". На четырехстах страницах были воспроизведены довоенные работы, еще на 163 страницах -- работы 1941-1950 годов, и лишь

шесть небольших статей были написаны в более позднее время.

Когда читаешь эти "труды", не содержащие обязательных в науке описаний методов, использованных материалов, полученных и обработанных, как положено, данных, зато перегруженных ссылками на "доказательства" никому неведомых крестьян, работников хат-лабораторий, чаще всего объединяемых автором одним словом "опытники", когда видишь, как аргументация заменяется бранью в адрес тех, кто осмеливался его критиковать, и славословием Сталина, колхозного строя и пр. и пр. -- становится не по себе.

"Ученые испокон веков наблюдали, что такие растения, как озимая рожь, озимая пшеница... при посеве их весной, до осени дают только травку. Никакого колошения и плодоношения они не дают... Никто из этих ученых не указал, как же заставить эти озимые растения плодоносить при весеннем посеве. Наша советская наука, чрезвычайно еще молодая, заставила эти растения выколашиваться и плодоносить. Как это произошло? Произошло это очень просто, благодаря советской действительности. В 1929 г. один из начинающих селекционеров, а именно я, оказался на всесоюзном съезде селекции в Ленинграде, прочел доклад о причинах неколошения озимых при весеннем посеве и как их заставить выколашиваться" (137),

-- так "скромно" определил свою роль Лысенко, вспоминая выступление перед Сталиным в 1935 году. Он перепечатывал свои обвинения в адрес ученых, якобы вредивших передовой науке, обвинения, произнесенные и опубликованные за два десятилетия до этого, не забывая себя ("В самом деле, кто разрабатывал научные основы яровизации?... Может быть, это Лысенко, тот Лысенко, который перед вами, ученый Лысенко". /138/), позорил буржуазных ученых ("товарищи, вам известно задание старой науки -- это помогать буржуям, кулакам, всяким эксплуататорам... Буржуазные ученые работают в одиночку, они оторваны от практики, даже буржуазной") и т. п.

В статье "Физиология растений на новом этапе" (1932 год) он заявлял:

"Широкими научными кругами, особенно исследователями по физиологии растений, в подавляющей массе вопрос о яровизации... был или вовсе не осознан или неправильно понят. Неправильная, недиалектическая методология часто приводила исследователей к неправильной постановке опытов, а еще чаще -- к неправильному толкованию фактического материала, полученного ими в опытах" (139).

В статье "Не извращать теорию яровизации" (1934 г.) Лысенко нападал на тех, кто давал научную трактовку вопросов стадийного развития (Чайлахян, Васильев, Церлинг, Чепикова) и глубокомысленно поучал:

"... читать свои собственные опыты не так-то легко и не каждому доступно: для этого нужно иметь в голове теорию" (140).

Вот так -- от страницы к странице, от вопроса к вопросу, всюду и всегда с одними и теми же приемами и мерками -- Лысенко оставался одинаковым. На совещаниях с участием руководителей партии он клялся в верности одной задаче -- обеспечить рост сельскохозяйственного производства. На научных сессиях -- поучал своих более умудренных в науке коллег, как им следует перестраивать работу, чтобы удовлетворить требованиям "мичуринской биологии" и стать поближе к запросам практики. Он давал весьма странный совет насчет подготовки научных кадров:

"Мне часто ставят в укор, что я недооцениваю иностранные работы в биологических

журналах. Когда же я говорил, что иностранные книжки не надо читать? Но я говорил -- где же это видано, чтобы любая иностранная книжка, любой иностранный журнал без разбора должны быть прочтены всяким причастным к аспирантуре работником? Итак, учиться плановости нам нужно и нужно в основном не по иностранным книжкам, а у нашей социалистической промышленности, у нашего социалистического сельского хозяйства, обслуживание которого является нашей прямой и святой обязанностью" (141).

И не уставал он громить крупнейших ученых -- гордость России -- за непонимание задач, буржуазное мировоззрение, идеалистические ошибки, механистичность, поповщину и т. д. Почти все из тех, кто хоть как-то поддерживал его на первых порах за работу по яровизации, отвернулись от него и пытались защищать науку в открытых схватках на конференциях и совещаниях, ученых советах: а постоянные критики -- П.Н.Константинов, Д.Н.Прянишников, П.И.Лисицын, В.С.Кирпичников, А.Р.Жебрак, В.П.Эфроимсон обращались в ЦК партии, к наркомам земледелия, министрам и президентам АН СССР по поводу ошибок Лысенко, несбыточности его обещаний, произвола на посту Президента ВАСХНИЛ. Однако хор протестов не был услышан Сталиным, ни, тем более, его подчиненными. Партия старалась укрепить позиции Лысенко, а параллельно этому росли масштабы непоправимых потерь, опустошений не только в экономике, но и в науке.Вместо развенчания неоправдавшихся посулов партийные лидеры вставали на защиту "колхозного академика", и, казалось, что никого в руководстве не настораживало, что набатные речи Лысенко об успехах, призванных облагодетельствовать сельское хозяйство СССР, оказывались на деле пустым звуком. Сменявшие друг друга предложения Лысенко нисколько не облегчили многолетнего бедственного положения сельского хозяйства. Постоянная нехватка самых элементарных растительных и животных продуктов в исконно земледельческой стране с самыми большими в мире посевными площадями и угодьями для скота всё росла и росла.

Конечно, повинен в этом был не только Лысенко, а прежде всего социализация всего сельского хозяйства страны и затем неквалифицированное руководство коммунистами обобществленным сельским хозяйством, но все-таки и "вклад" Лысенко в этот провал был немалым. Лысенко давал удобную и ставшую уже привычной формулу объяснения очередной неудачи -- "ВРАГИ ПОМЕШАЛИ", если бы не они -- всё получилось бы прекрасно. Этим он отвлекал внимание от главной неудачи -- полного провала социального эксперимента -- коллективизации сельского хозяйства, и этим отвлечением способствовал укреплению самого важного политического тезиса -- тезиса научной обусловленности осуществляемых социальных перемен и их непременной прогрессивности. Власти искусственно поддерживали его как "своего" среди "не своих" в той сфере, которую завоевать им было труднее всего -- в сфере науки.

Борцы, соглашатели и предатели

Вероятно ни в одной другой части общества противостояние приказам из партийного центра не ощущалось так сильно, как в науке, а в самой науке наиболее сильное противодействие властям оказывали выдающиеся ученые. Для них сама мысль подчинить свои взгляды утверждениям и домыслам шарлатана, каковым только и называли между собой Лысенко его знающие коллеги, было смерти подобно. Именно поэтому получалось, что и на ранних этапах выхода Лысенко на лидирующие позиции голоса видных ученых звучали мощно и консолидированно, да и позже критики не примолкли. Многие имена уже были названы выше, несколько раз было сказано и о роли академика Прянишникова, не перестававшего критически отзываться о работах Лысенко и лысенкоистов на протяжении полутора десятилетий. Так, в 1944 году, когда Лысенко уже властвовал в биологии, Дмитрий Николаевич направил руководству Академии наук СССР докладную записку об ошибках, содержащихся в проекте годового отчета Академии в разделе биологии:

"В присланном мне на просмотр проекте записки я нахожу ряд неправильностей (по отделу генетики), которые, на мой взгляд, должны быть устранены во имя заботы о поддержании достоинства Академии наук СССР.

Прежде всего бросается в глаза крайнее противоречие отдельных частей. Так, на стр. 54-55 приводятся метафизические беспредметные рассуждения, напоминающие какое-то возвращение чуть ли не к эпохе флогистона. При этом приводится ряд неверных утверждений (без оговорок, что за них отвечают такие-то авторы), под которыми невозможно подписываться Отделению [биологических наук -- В.С.], (а за ним и Академии в целом). Таков совершенно конфузный тезис, гласящий, что под наследственностью понимается "свойство живого тела требовать определенных условий для своего развития и жизни" -- ничего общего с наследственностью здесь нет.

Также неверным является утверждение, будто "мичуринское направление в генетике представляет акад. Лысенко" -- на деле нет ничего общего в установках Мичурина и Лысенко. Мичурин -- это прежде всего гибридизатор, а если он говорит о воспитании индивидуума (многолетнего дерева), то это вполне рационально, а Лысенко думает, что "воспитанием" однолетних растений создаются новые формы, наследующие свои признаки в следующих поколениях. Мичурин был в основе дарвинистом, а Лысенко даже не ламаркист, так как Ламарк не был все же виталистом, каковым является акад. Лысенко. Главное же состоит в том, что никакого нового направления в генетике акад. Лысенко не представляет и не может представлять, так как он вовсе не является генетиком.

Это видно из следующих обстоятельств:

1) Появившийся отчет АН показывает, что в Институте генетики акад. Лысенко не ведет ни одной генетической работы, это или элементарные вопросы агротехники, обычные для каждого опытного поля НКЗ или вопросы физиологии (снятие покоя и пр.).

2) В книге "Наследственность и ее изменчивость" не содержится никаких новых идей, определения поражают бессодержательностью ("раскручивание и закручивание"22), она полна погрешностей против элементарного естествознания, так как в ней отрицается закон постоянства вещества, установленный Лавуазье, в ней высказывается утверждение, что не только каждая капелька плазмы (без ядра), но каждый атом и молекула сами себя воспроизводят. Видно, автору неизвестны различия между атомом, молекулой, мицеллой и капелькой плазмы.

3) В последних своих выступлениях (например, в Наркомпищепроме) акад. Лысенко сам называет себя уже не генетиком, а агробиологом, т. е. представителем элементарного, недифференцированного опытничества, не пользующегося никакой научной методикой, в том числе и правильной методикой полевого опыта, так как отсутствие повторности лишает полевой опыт всякой доказательности.

Поэтому нельзя говорить о двух направлениях в генетике, есть единая научная школа, материалистическая и дарвинистическая, и есть люди, которым следовало бы пройти хотя бы элементарный курс по ботанике, физике и химии, чтобы не возвращаться к эпохе флогистона, т. е. времени, не только предшествующему Лавуазье, но и Бэкону... Так как появление за границей такой книги как "Наследственность и ее изменчивость" подорвало бы репутацию советской науки, то следует принять меры к тому, чтобы эта книга за границу не попала, а впредь произведения этого автора, претендующие на новаторство в области генетики,

проходили бы через компетентную редакционную комиссию.

Кроме этих замечаний, считаю нужным обратить внимание на заголовок стр. 53: "Вегетативная гибридизация растений". Для меня это сочетание взаимно исключающих друг друга понятий звучит так же как "горячий лед" или "сухая вода". Никакие ссылки на "общепринятость" этого выражения не убедительны, так как гибриды -- это продукт полового процесса, а вегетативное размножение есть путь бесполого размножения; если будут констатированы действительные (а не мнимые) изменения форм под влиянием прививок, то это будут или фенотипические изменения, или мутации (если явление окажется наследственным), а не гибриды. Никакие ссылки на авторитеты здесь не помогут, так как раз обнаруженная логическая ошибка не должна быть замалчиваема, независимо от того, кто внес эту ошибку: Академия Наук не должна прикладывать свою печать к неверной терминологии.

Кроме этих замечаний, которые я считаю своим долгом сделать ради охраны достоинства Академии Наук, у меня есть одно предложение по отделу биохимии, я считал бы важной темой исследования механизма связывания азота микроорганизмами, которое происходит при низких температурах и в среде почти нейтральной (в отличие от синтеза аммиака в технике). Этот вопрос имеет большой теоретический интерес23 , но из него могут вытекать и важные практические исследования. Поэтому следует развить и продолжить попытку А.Н.Баха, видоизменяя состав газовой среды, питательный субстрат и другие условия опыта.

Академик Прянишников

13.IX -- 1944 г." (144).

Прянишников высказывался подобным образом не раз. Поповский описывает такой факт: весной 1941 года Прянишников написал письмо Берии, в котором разоблачал Лысенко как ученого и руководителя ВАСХНИЛ:

"В роли Президента Ленинской Академии Т.Д.Лысенко явился дезорганизатором ее работы; Академия, собственно говоря, не существует -- есть командир-президент и послушный ему аппарат. Собраний академиков для обсуждения научных вопросов никогда не бывает, выборы академиков не производятся... Президент говорит: "Зачем мне новые академики, когда я и с этими не знаю, что делать"" (145).

Он направлял письма в разные инстанции по поводу конкретных ошибок Лысенко, и этим способствовал развенчанию мифа о великом вкладе Лысенко и его последователей в биологическую науку в целом, и в сельскохозяйственное производство в особенности. Например, после публикации в 1943 году Лысенко статьи "О наследственности и её изменчивости" (146) Дмитрий Николаевич отправил телеграмму в Президиум Академии наук СССР с требованием рассмотреть вопрос об исключении из числа академиков автора этого уникального по безграмотности труда.

Однако столь же определенно надо сказать, что длительному господству Лысенко в советской науке не менее сильно способствовала позиция подавляющего большинства других представителей науки, людей может быть не столь ярких, но составляющих основную массу в этой профессиональной группе. Эти люди, не говоря уже о работниках низового звена сельскохозяйственной науки, выступали в роли соглашателей с лысенковской идеологией. Одни из них не только не видели, но и видеть не хотели антинаучности лысенковских предложений, его авантюризма. Многие просто не были способны разобраться в деталях споров и шли по пути наименьшего сопротивления. Ведь для многих из тех, кто вошел в

число научных сотрудников без достаточных знаний, Лысенко был прекрасным защитником от критики со стороны настоящих ученых. Те же, кто получил образование по урезанной лысенкоистами программе и по учебникам мичуринского толка, были на столь низком профессиональном уровне, что просто не могли отличить в лысенковской фразеологии истину от лжи и представляли собой наиболее прочную опору лысенкоизма в стране. При мощном рывке огромной страны к индустриализации и коллективизации нужда в огромной армии биологов и специалистов агробизнеса стала насущной, наготовить в краткие сроки классных специалистов было невозможно, генетика как наука была сложной и трудной для быстрого освоения, и так получалось, что специалисты, воспитанные в условиях развернутого Сталиным и партией коммунистов прорыва к социализированному обществу, часто были людьми полузнания, для которых императивы Лысенко были понятны и приемлемы.

Оставались те, кто обладал знаниями, прекрасно понимал и ситуацию, и корни лысенкоизма, и его тактику, и воплощение тактики в жизнь, но, тем не менее, решил переметнуться в лагерь победивших. Эти люди, частью из-за страха, частью из-за стремления к добыванию средств любыми путями, в том числе и сомнительными, частью из-за маниакальной тяги к пребыванию на виду при любых обстоятельствах шли на любые махинации, сделки с совестью. Они писали восторженные рецензии на "эпохальные труды" Лысенко и его клевретов, выискивали ошибки и заблуждения у "менделистов-морганистов-вейсманистов" и, раздувая их до невероятных размеров, клеймили тех, чье имя вошло в сокровищницу мировой науки, приписывали классикам русской биологии мысли, в которых те будто бы предвосхищали лысенкоизм и заранее его благословляли, или принимались доказывать, как это было одно время при Сталине, что всё достигнутое в мире человеческой мыслью вышло из России, или уснащали свои труды ссылками на статьи Лысенко и цитатами из этих статей, полагая, что этим они обезопасят себя от нападок Лысенко.

С момента прихода коммунистов к власти шел отбор среди деятелей науки, причем верх брали типы отрицательные. Некоторые из них могли быть даже неплохими исследователями, даже критически мыслящими, но удивительно всеядными. Как только дело доходило до принципиальной оценки того, что соприкасалось со сферой политического диктата в научном сообществе, они знали один исход -- идти в услужение властям (и, значит, к лысенкоистам).

С первых дней после 1917 года непокорившихся ученых -- группами или поодиночке -- арестовывали, высылали, расстреливали, или выгоняли с работы, доводили до инфарктов и самоубийств, как случилось с выдающимся физиологом растений Дмитрием Анатольевичем Сабининым, много лет самоотверженно боровшимся с лысенкоизмом, выгнанным, в конце концов, из Московского университета, перебравшегося на работу на юг (в Геленджик), но не выдержавшего травли и застрелившегося 22 апреля 1951 года24.

И если легко понять действия политиканов, официальных философов или второстепенных специалистов, неспособных оценить в полном объеме ситуацию и свое место в научной работе, то вряд ли поддается благожелательной оценке деятельность даровитых, в достаточной мере образованных ученых, все понимающих и, тем не менее, приторговывавших своей совестью.

Николай Иванович Нуждин, учившийся у Вавилова и сотрудничавший с ним, выполнил исследование для докторской диссертации по классической генетике, а затем мгновенно сообразил, что её нужно перекроить на лысенковский лад! Всю последующую жизнь Нуждин служил Лысенко и выслуживался перед ним, "заслужив-таки" в качестве гонорара звание члена-корреспондента АН СССР. Только благодаря принципиальной позиции академиков И.Е.Тамма, А.Д.Сахарова и В.А.Энгельгардта Нуждин не про-шел в академики,

как того хотели в течение ряда лет Лысенко и покровительствовавший ему Хрущев.

Николай Иосифович Шапиро -- тонкий интеллигент, любитель живописи, внешне спокойный человек вдруг "осознал" после августовской сессии, что дело генетики погублено окончательно, а жить надо -- и решил пойти служить Нуждину в Институт генетики АН СССР в Москве?25

Образованный Михаил Ефимович Лобашев, в будущем зав. кафедрой генетики Ленинградского университета, издал в 1954 году книгу (толстую монографию "Очерки по истории русского животноводства"), основной смысл которой заключался в попытках доказать не просто независимость русского животноводства от западного, а приоритет русских во всех вопросах.

"... в России, -- писал Лобашев, -- незадолго по появления теории Дарвина складывалась самобытным путем собственная теория селекции... И тем более неправильным является мнение, что начинающим русским зоотехникам приходилось идти на выучку к немцам, постигать насквозь проникнутую бездарным немецким педантизмом, загроможденную ненужным хламом немецкую науку" (148).

Правда, могли найтись люди, которые сказали бы, что Лобашев -- убежденный большевик, поддавшийся сталинской установке на борьбу с "безродными космополитами", взялся не за свое дело: он не был специалистом ни в области животноводства, ни в области истории науки, а всю жизнь работал генетиком. Но, доказывая, что "русский паралич -- самый прогрессирующий паралич в мире", он делал это не по незнанию. Когда он писал:

"История русского скотоводства показала неспособность капиталистической системы в России обеспечить непрерывный рост поголовья скота и улучшение его качества. Она поучительна также тем, что наглядно иллюстрирует неизбежность депрессии животноводства в современных капиталистических странах" (149), --

Лобашев раскрывал истинные мотивы, руководившие им -- политиканские.

Много лет своей жизни этот ученый посвятил изучению мутаций генов, пытался открыть (правда, безуспешно) индуцированный мутагенез, и вдруг, рассуждая о скотоводстве, принялся клеймить позором свою же науку -- генетику, порочить метод мутаций, допуская фактические ошибки (а без них этого и не сделаешь). Лобашев писал:

"Морган... доказывал, что мутации генов в хромосомах являются основными материальными носителями наследственности" (150),

хотя Т.Морган доказал роль генов в наследственности, а не роль мутаций этих генов. Но необходимость осуждения морганизма была столь ясна Лобашеву, что научная истина уже не могла не пострадать при этом:

"Теория морганизма-вейсманизма, претендовавшая на всеобщее господство в биологии, оказалась нежизненной... в наше время вейсмановско-моргановская теория оказалась нежизненной... в наше время вейсмановско-моргановская теория оказалась бессильной" (151).

"Забвение и недооценка научных открытий являются характерными чертами именно буржуазной науки, оторванной от народа" (152).

На первенствующие позиции Лобашев выставлял то умозаключение, которое он считал в ту пору самым верным (или "необходимым"?):

"Лишь советская мичуринская биология поставила своей задачей изучить богатый народный опыт... и использовать его в социалистическом животноводстве" (153).

Абба Овсеевича Гайсинович, считавший себя учеником Серебровского, перевел в свое время на русский язык отдельные главы из американского учебника генетики Синнота и Данна. С наступлением тяжелых времен Гайсинович переметнулся в "спокойную" область -- историю науки -- и принялся уснащать том "Избранных биологических произведений" выдающегося русского ученого Ильи Ильича Мечникова -- Нобелевского лауреата, проработавшего значительную часть своей жизни в Париже (с 1887 года до смерти в 1916 году), где он стал вице-директором знаменитого Пастеровского института, такого рода собственными примечаниями:

"Мечников талантливо и самостоятельно развивает дальше учение о естественном отборе, ничуть не смущаясь расхождением в этом вопросе с самим Дарвиным. Особенно рельефно выступает продуманность и последовательность Мечникова, если сравнить его выводы с возникшей четверть века спустя мутационной теорией, которая привела к самым антидарвинистическим и метафизическим выводам" (154).

"Мечникову очевидна ограниченность дарвиновского понимания изменчивости как постепенного и непрерывного процесса возникновения мелких изменений... Как известно, в настоящее время академик Т.Д.Лысенко основное значение в видообразовании также придает скачкообразным изменениям... Важно отметить, что и в вопросе о причинах наследственной изменчивости Мечников занимает позиции, близкие к мичуринскому учению" (155).

"Взгляды Мечникова в вопросах о причинах наследственной изменчивости сформировались еще до того, как Вейсман стал обосновывать свою фантастическую и идеалистическую "теорию зародышевой плазмы". Но и после этого Мечников встретил враждебно (1886) только что возникшую "ядерную теорию наследственности" и подверг ее критике" (156).

Среди этих людей был еще один грамотный генетик, ученик Г.А.Надсона, к этому времени уже погибшего в заключении, -- Александр Самсонович Кривиский, до 1948 года работавший в Ленинграде и временно потерявший после сессии ВАСХНИЛ работу. Стараясь сохраниться на научной должности, он фальсифицировал результаты опытов и заявил, что экспериментально подтвердил выводы Лепешинской, Бошьяна и Лысенко (см. прим. /92/) и стал печатать статьи с осуждением генетики (157), в которых утверждал:

"Внешняя среда может, вопреки мнению многих зарубежных микробиологов-морганистов... изменить наследственные свойства клеток" (158).

"Мичуринская биология твердо установила, что наследственные свойства передаются не через удвоение гипотетических наследственных единиц, а путем ассимиляции пластических веществ, что особенно ярко проявляется в процессах вегетативной гибридизации" (159).

В другом подобном же опусе (160) Кривиский настаивал на том, что в мире микробов осуществляется "вегетативная гибридизация" (161), что генов в природе не существует (162). Он предавал анафеме гены, которые теперь заключал в кавычки и обзывал "пресловутыми" (163). Кривиский писал:

"После исторической сессии ВАСХНИЛ, окончательно разгромившей вейсманизм-

морганизм, советская микробиология окончательно избавилась от этих лжеучений" (164).

Захваливая лысенкоистов, Кривиский, например, считал, что бездоказательные утверждения С.Н.Муромцева о переходе одних видов микроорганизмов в другие совершенно верны (165), и добавлял от себя:

"Известное высказывание Т.Д.Лысенко о том, что новое видообразование осуществляется через неклеточные стадии, целиком приложимо и к микробам" (166).

Теми же устремлениями руководствовался физико-химик ленинградец Семен Ефимович Бреслера, фабриковавший данные о якобы возможном синтезе живых белков в отсутствие всяких генов (см. выше, прим. /89/). Бреслер в этих публикациях подчеркивал свою приверженность принципам мичуринской биологии, цитировал, как правильные, утверждения Лысенко и утверждал, что взгляды последнего

"выражают основные положения материалистической биологии и указывают направление, в котором должно развиваться учение о биосинтезе белка" (167).

Выступая с докладом на расширенном заседании Ученого совета Института биохимии АН СССР 26 октября 1950 г., Бреслер заявлял:

"Мичуринская биологическая наука неисчислимыми фактами, экспериментами и наблюдениями, а также всей практикой построения научного земледелия доказала ложность, беспочвенность и субъективность выводов морганистов...

В другой важнейшей области биологических наук -- цитологии -- среди ученых Запада господствует реакционная теория Вирхова о неизменном самовоспроизведении клеток путем деления как единственном пути образования живого вещества. И здесь, как и у вейсманистов, в основе всего лежит предельческая и, по существу, идеалистическая мысль о том, что пути к искусственному созданию живого вещества... для человека закрыты, поскольку имеет место лишь количественное нарастание, копирование, по существу, неизменных клеток. Трудами советских ученых, в первую очередь трудами О.Б.Лепешинской, показана ложность этой концепции" (168).

Публикуя текст этого доклада в журнале "Вопросы философии", автор просто и доходчиво объяснял причину своего подхода:

"Для исследования макроструктуры белковой молекулы метод и подход органической химии оказались недостаточными. Здесь вновь было подтверждено неоценимое значение марксистской диалектики, указывающей на существование различных видов движения материи и на необходимость учета специфики явлений, что, как учит И.В.Сталин, наиболее важно для науки" (169).

Далее он вводил для пущего наукообразия понятие о трех уровнях структуры белка:

"1. Микроструктура белковой частицы.

2. Макроструктура глобулярного белка.

3. "Живой белок"" (170),

и заявлял, что в его экспериментах с бесклеточными очищенными аминокислотами ему и его

сотрудницам удалось получить третью категорию структуры -- живой белок (как будто в сказке -- из живой воды и немножечко физики!). Далее он якобы наблюдал, как из искусственно полученного "живого белка" зарождались клетки:

"В этом "живом белке" полностью проявляется способность к обмену веществ и синтезу. Следовательно, он целиком принадлежит к биологической закономерности. В нем уже полностью выражены свойства жизни, как они определены Энгельсом.

Наконец, из "живого белка" в результате его развития возникает дифференцированная клеточная структура" (171).

Кривиский и его близкий друг Бреслер не были людьми полуграмотными, к успехам мировой науки глухими. И Александр Самсонович и Семен Ефимович были в курсе последних достижений науки, обладали прекрасной памятью, читали и по-немецки и по-английски. Но они предпочли не испытывать судьбу. Этим они отличались от тех их своих коллег, кто был вынужден бросить научную работу (подобно С.С.Четверикову, С.Н.Ардашникову, В.В.Сахарову и другим), или уехать в отдаленные места России, чтобы только не сдаться под напором диктата, не встать на колени, не пойти на сделку с совестью? Но пока В.П.Эфроимсон сидел в тюрьме за открытое отстаивание своих убеждений, другие ловчили и пресмыкались. Они не были похожи на Я.Л.Глембоцкого, Н.Н.Соколова и Б.Н.Сидорова, которых лысенкоисты переманивали всякими посулами на свою сторону, но которые оставили Москву и много лет работали в Якутии, где им все-таки удавалось вести и научную работу. В это же время М.И.Камшилов перебрался в Дальние Зеленцы на Баренцевом море, Е.Н. и Б.Н.Васины оказались на Сахалине, а Ю.Я.Керкис стал директором овцеводческого совхоза "Гиссар" в Таджикистане (172), Р.Б.Хесин уехал в Каунас.

Зато как только над Лысенко стали сгущаться тучи, эти же приспособленцы спохватились и начали возрождать в СССР генетику, ту самую генетику, которую они только что поливали бранью. Лобашев быстро издал учебник генетики для вузов, Гайсинович начал печь как блины статеечки по истории генетики, Кривиский возглавил редакцию в Реферативном Журнале "Биология", Бреслер стал действительно выдающимся организатором сразу нескольких лабораторий в Ленинграде. Им не пришлось терзаться угрызениями совести, что они предают анафеме столь замечательное "мичуринское учение". Они разыгрывали теперь из себя принципиальных борцов, судили и рядили.

Уникальным
 стал пример лавирования между диаметрально противоположными взглядами Соса Исааковича Алиханяна. После 1948 года он горячо проповедовал свою причастность к "мичуринскому учению" и заявил, что сделал "эпохальное" открытие -- обнаружил вегетативную гибридизацию у бактерий. Что служило привоем и что подвоем у бактерий и микроскопических грибов, Алиханян, естественно, сказать не мог из-за малости этих клеток, но само название -- вегетативная гибридизация микроорганизмов звучало так весомо, так чарующе (ведь совершенно новое явление человек открыл, не какой-то там единичный факт описал, а целую науку основал), что Алиханян тут же постарался присоединиться к работе по увеличению продуктивности пенициллумов, которую вели в Институте антибиотиков Минздрава СССР, и стал утверждать, что-де только с помощью вегетативной гибридизации ученые добились увеличения выпуска лекарства, ценившегося тогда в буквальном смысле на вес золота. Попытался он присоседиться и к Сталинской премии за получение антибиотиков, но попытка сорвалась. Тогда он стал рваться в члены-корреспонденты вначале Армянской, а затем и союзной Академий наук. Это также не получилось.

В конце 1954 и в начале 1955 года он стал обходить кабинеты высокого начальства,

рекламируя свое невиданное открытие. Спустя много лет, два человека -- Президент ВАСХНИЛ П.П.Лобанов и его первый вице-президент Д.Д.Брежнев однажды вечером начали вспоминать, как к ним приходил возбужденный Алиханян, пытаясь заручиться их поддержкой. Оба рассказывали мне об этих визитах с чувством, далеким от почтения.

В середине 1955 года Алиханян защитил докторскую диссертацию на эту тему. Главный "вегетативный гибридизатор" -- И.Е.Глущенко дал хвалебный отзыв на нее, в котором утверждал:

"... С.И.Алиханян... получил у пенициллумов настоящие вегетативные гибриды...

Желаю автору дальнейшего успеха в работе, а Ученому совету единодушия в присуждении искомой степени доктора биологических наук.

Экспериментальная работа С.И.Алиханяна требует публикаций в печати, в пределах возможного ее оглашения. Для мичуринской генетики это будет иметь значение в смысле накопления новых фактов, показывающих общность изменчивости у высших и низших организмов" (173).

Ученый Совет был единодушен -- степень доктора наук Алиханян получил. Правда, позже, как только времена поменялись, он наотрез отказался от своего "эпохального" открытия и заявил, что, дескать, им был открыт процесс конъюгации у бактерий (174). Тоже ведь не пустяк.

Неожиданно веяния изменились -- лысенкоистам пришлось туго. И сообразительный Сос Исаакович столь же шумно сыграл отходный марш: в числе организаторов нового -- генетического направления в СССР -- замелькала фигура кипучего деятеля науки. Сообщив в "Правде" цифры (привранные во много раз) о якобы достигнутой под его руководством активности полезных микроорганизмов, Алиханян попытался получить за это Государственную премию. Попытка провалилась, но вранье не помешало ему стать директором Всесоюзного НИИ генетики и селекции промышленных микроорганизмов и одновременно профессором кафедры генетики и селекции МГУ, которой заведовал Столетов.

Его молодые сотрудники и студенты и на мгновение не могли допустить мысли, что Сос Исаакович -- воплощение железной убежденности в необходимости быть принципиальным в науке, каковую он, как настоящий член партии, никогда не переставал демонстрировать на всех собраниях и заседаниях, -- на самом деле прошел такой сложный извилистый путь. И правда жизни и прогресса заключалась лишь в том, что не все были алиханянами.

В 1965 году на конференции в МГУ в Большой биологической аудитории, где присутствовало несколько сот человек, он объявил, что в пятидесятые годы произошла ошибка, -- он, оказывается, открыл вовсе не вегетативную гибридизацию, а нечто другое, а именно описанный на Западе якобы позже его процесс обмена генетической информацией между микробами26. Лысенкоисты потеряли одного из столпов своего учения, и горячая сторонница Лысенко Фаина Михайловна Куперман кричала Алиханяну из первого ряда, но так, чтобы слышала вся аудитория:

-- Так вы когда врали -- в первый раз или сейчас?

* *

*

Среди предложений Лысенко, высказывавшихся им в "период великих агрономических афер", были не только те, что перечислены в данной главе. Так, я мало коснулся вопроса о превращении яровых сортов зерновых культур в озимые сорта (и наоборот), которым Лысенко продолжал заниматься (если можно назвать словоизлияния занятиями). Стиль этих занятий, масштабность посулов, императивность фразеологии оставались прежними и в данном случае. Перечисляя фамилии своих учеников, будто бы добившихся этих переделок, Лысенко с всегдашней убежденностью твердил:

"Эти факты с убедительностью говорят, что яровые сорта можно превращать в озимые путем повторных осенних посевов" (175).

С той же незыблемостью приемов и умозаключений объяснял он механизм такого перехода, непонятного ученым, твердо знавшим, что свойство озимости и яровости зависят от комбинаций особых генов:

"... сравнительно большой полученный в последнее время экспериментальный материал показывает, что... для создания яровых или озимых форм главную роль играют различия светового фактора в весенних или осенних условиях. Мы полагаем, что свет выступает здесь как вещество... При этом весенний или осенний свет в результате ассимиляции его растениями, превращается в неотъемлемую часть живого тела. При ассимиляции весеннего света получается живое тело хлебных злаков со свойствами яровости... в случае ассимиляции осеннего света получается живое тело хлебных злаков со свойствами озимости" (176).

Звучало это заманчиво и даже таинственно, но совершенно непонятно. "Свет выступает... как вещество", "сравнительно большой экспериментальный материал" (сравнительно в чем? и чей? и где опубликованный?), "весенний свет -- осенний свет", "неотъемлемая часть живого" (что за такая -- неотъемлемая? и не просто живого, а живого тела! Да еще при этом -- "хлебных злаков". Туман, сплошной туман!).

Наверно, никто не умел, как он, наполнять такими вот аморфными, расплывающимися, нанизываемыми на пустоту фразами, статью за статьей, доклад за докладом (177). Но из аморфной вязи выводились самые серьезные практические рекомендации:

"... Каждый агроном и колхозник теперь может в течение двух лет превратить любой яровой сорт в озимый, хорошо зимующий сорт в данном районе... (178).

Есть полное основание предполагать, что... можно в два года создать, например, для наших северо-западных районов с глубокими снегами... хорошо зимующие сорта пшеницы, которых в этих районах пока что, к сожалению, нет... Указанным способом могут быть созданы... хорошо зимующие сорта озимого ячменя, зимостойкого клевера, озимой вики, а также других видов растений" (179).

Конечно, все обещания были пустыми. Неизвестно, сколько агрономов и особенно колхозников клюнуло на удочку и занялось никчемным делом (сам Лысенко уверял, что "тысячи людей заняты этим полезным делом", но кто же эти цифры проверит?!). Ни одного сорта, естественно, не получилось, потому что и не могло получиться.

В 1955 году он продолжал утверждать, что превращение одного вида в другой существует, и что основанные на этом "законе" лесопосадки еще принесут пользу народу. Его поддерживали многочисленные лысенкоисты, такие, например, как академики АМН СССР Н.И.Жуков-Вережников (180) и В.Д.Тимаков (181).

Аналогично строил он и "учение о жизненности растительных и животных организмов" (182). Смысл, вкладываемый автором в понятие "жизненность", был столь же туманным, если не сказать мистическим. Фразы типа "жизненностью зародыша и далее организма являются условия жизни, условия внешней среды..." (183) поражали своей бессодержательностью, но практические предложения, выводимые Лысенко из них, были столь же многообещающими, как и посулы, делавшиеся два десятка лет при внедрении яровизации (184).

Как и прежде, Лысенко превозносил роль травопольных севооборотов Вильямса в создании устойчивого, не зависящего от погодных условий земледелия (185), хотя вред их, раскрытый еще в начале тридцатых годов Н.М.Тулайковым, стал за эти годы еще более очевидным. Причем очевидным не благодаря теоретическим доказательствам, а вполне осязаемым многолетним неурожаям на огромных массивах российских полей. Уже и слепому всё было видно, а Лысенко по-прежнему настаивал на "неоспоримых преимуществах правильно примененной на практике травопольной системы".

Как мы увидим в следующей главе, засилье травопольщиков, также как ссылки на "закон биологического вида", оправдывающие засорение полей, на-несли такой урон сельскому хозяйству, что даже Н.С.Хрущев был вынужден, в конце концов, открыто сказать об этом на двух Пленумах ЦК партии. Однако остановить Лысенко полностью в этих вопросах не удалось.

До самой смерти Лысенко продолжал твердить, правда, уже без особого успеха в глазах партийных начальников о порождении видов. Никакой практической пользы, никакого спасительного комплекса мер, которые бы нацело остановили распространение сорняков в СССР, столь помпезно провозглашавшихся в 1948-1953 годах лысенкоистами, конечно, не последовало.

А об убытках, понесенных страной из-за Сталинского плана Преобразования Природы, уже было сказано. В 1983 году газета "Известия" поместила очерк А.Иващенко "Суровая память земли" (186), в котором автор вспоминал о годах властвования Лысенко и о своих наивных послевоенных ожиданиях скорого возрождения земли. Эти ожидания были особенно сильными в год,

"... когда объявили о грандиозном Плане Преобразования Природы. Появился плакат: "И засуху победим!" Верилось, как в это верилось тогда!

Спешно создавались лесозащитные и дубравные станции. Большой академик вы-двинул идею сажать дубы квадратно-гнездовым способом. Особый восторг вызывал проект лесополосы от Урала до Каспия, чтобы остановить губительные ветры пустынь Средней Азии...

Посадки... намерены сейчас корчевать... вода скатывалась между посадок... такими мощными потоками, что разрушала и дороги, и посадки. По балкам стали расползаться промоины, углубляясь, они образовывали овражки, овраги. По всей ветровой тени пшеница здесь красовалась, лесом стояла кукуруза, чуть же поодаль все это оказывалось на голодном пайке... Засух стало не меньше, а больше, подпахались до речных берегов, заилили ручьи" (187).

Примечания и комментарии

к главе XIV

1 Осип Мандельштам. В кн.: Сочмнения, М. Изд-во "Художественная литература", 1990, т. 1, стр. 197.

2 А.П.Чехов. Из письма А.С.Суворину. Собрание Сочинений, Изд. "Правда", 1985, т. 12, стр. 263.

3 В Совете Министров СССР и ЦК ВКП(б) "О плане полезащитных лесонасаждений, внедре-

нии травопольных севооборотов, строительстве прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР." Газета "Правда", 24 октября 1948 г., 298(11039), стр. 1-6. Карта "Сталинского плана преобразования природы" была напечатана на стр. 5, а на стр.6 были опубликованы "Указания Главного управления полезащитного разведения" и было сказано, что они "обязательны для всех министерств и ведомств".

3а См.: Информационное сообщение "В Совете Министров СССР". Газета "Известия",

31 марта 1946 г., 78 (8994), стр. 2

4 Е.М. Чекменев. Выступление на августовской сессии ВАСХНИЛ. В кн.: О положении в биологической науке. Стенографический отчет, М., ОГИЗ-Сельхозгиз, 1948, стр. 23-5 236.

5 Е.М. Чекменев. Перед великим наступлением. Журнал "Огонек", 1949, 10, стр. 2-3;

цитиров. по перепечатке этой статьи, озаглавленной "Великое наступление", в книге: "Сборник статей по вопросам мичуринской биологии. В помощь учителю средней школы." Под редакцией К.Н.Тараканова, Учпедгиз, М., 1950, стр. 38.

6 Валентин Зорин. Советская быль и американские небылицы. Журнал "Огонек", 6 марта 1949 г., 10 (1135), стр. 24.

7 См. сборник: "Внутривидовая борьба животных и растений". Изд. МГУ, М., 1947; С.Д. Юдинцев и А.Д.Зеликман. Итоги конференции. Журнал "Вестник Московского государственного университета", 1948, 4.

8 Т.Д.Лысенко. Опытные посевы лесных пород гнездовым способом. Доклад на совещании

научных работников ВАСХНИЛ 23 января 1948 года; цитиров. по книге: Т.Д.Лысенко. Агробиология. 6 изд., М., Сельхозгиз, 1952, стр. 582, перепечатана также в "Сборнике статей по мичуринской биологии", см. прим. /5/.

9 Там же, цитиров. по "Сборнику статей по мичуринской биологии" (прим. /5/), стр. 11.

10 Там же, стр. 588-589.

11 Там же, стр. 589.

12 Т.Д. Лысенко. Результаты опытных посевов лесных полос за 1949 и 1950 г. г. Цитиров. по книге: "Агробиология", 6 изд., М., Сельхозгиз, 1952, стр. 677.

13 Там же.

14 Та же, стр. 677.

15 Цитиров. по статье: Н.Н. Семенов, академик, лауреат Нобелевской премии. Наука не терпит субъективизма. Журнал "Наука и жизнь", 1965, 4, стр. 38./1/, стр. 41-42; см. также: Т.Д. Лысенко. К новым успехам в осуществлении сталинского плана преобразования природы. Беседа с колхозниками Одесской области, Сельхозгиз, 1950.

16 См. прим. /12/, стр. 677.

17 Лысенко снова утверждал:

"Произведенным осенью 1951 года сплошным учетом однолетних, двухлетних и трехлетних гнездовых посевов дуба в колхозах и совхозах установлено, что гнездовой способ защитного лесоразведения себя оправдал ... главной причиной изреженных всходов дуба как в посевах 1950 г., так и в посевах 1951 г., особенно в засушливых районах, было невыполнение основных агротехнических требований, предусмотренных инструкцией".

Там же, стр. 689.

18 См. "Ботанический журнал", 1958, т. 43, 5, стр. 714.

19 Приказ по Главному управлению полезащитного лесоразведения при Совете Министров СССР 38 от 20 марта 1952 года.

20 Т.Д.Лысенко. Итоги работы ВАСХНИЛ и задачи сельскохозяйственной науки. Доклад на

юбилейной сессии ВАСХНИЛ, 1949, цитиров. по книге: Т.Д.Лысенко. Агробиология, 6 изд., М., 1952, стр. 632.

21 Данные приведены в докладе академика В.Н. Сукачева на годичном собрании Академии наук в 1965 году. См. журнал "Вестник АН СССР", 1965, 3.

22 Редакционная статья "Выдающийся вклад в науку". Журнал "Биохимия", 1949, т. 14, вып. 3, стр. 193-195.

23 Там же, стр. 193.

24 Там же, стр. 195.

25 Например, колхозников Одесской области привезли для встречи с "колхозным академиком" в Москву, где бы они могли своими глазами посмотреть на великого "чудотворца", институт которого располагался в той же Одессе. Во время беседы все свои предложения, в том числе и давно провалившиеся на практике, Лысенко повторил и захвалил. Запись этой беседы была издана отдельной брошюрой: Т.Д.Лысенко. К новым успехам сталинского плана преобразования природы. Сельхозгиз, М., 1950.

26 Информационное сообщение: "В Министерстве сельского хозяйства СССР". Журнал "Лесное хозяйство", 1954, 11, стр. 96.

27 Редакционный обзор: "Совещание по полезащитному лесоразведению". Там же, 1955, 3,

стр. 37-51.

28 В.Я.Колданов. Некоторые итоги и выводы по полезащитному лесоразведению за истекшие

пять лет. Журнал "Лесное хозяйство", 1954, 3, стр. 10-18. Аргументированно, на большом фактическом материале автор обосновал доказательства ошибочности всех положений Т.Д.Лысенко в области лесоводства. Подробно разобрав историю посадок дуба в России, автор рассмотрел практические ошибки Лысенко. Он писал, что вопрос о правильности предложений Т.Д.Лысенко, на основании которых делались посадки в последние 4 года "для производственников и для большинства научных работников... давно уже потерял свое первоначальное значение" (стр. 11). "Жизнь показала, что линия работников лесного хозяйства, занимающихся полезащитным лесоразведением, была правильной, а линия акад. Т.Д.Лысенко была в основе своей неправильной",-- сделал заключение В.Я.Колданов (стр. 17).

19 См. прим. /5/.

30 Т.Д.Лысенко и Н.И.Нуждин. За материализм в биологии. Ротапринтное издание Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, М., 1957, стр. 46

31 Там же, стр. 46-47.

32 М.Ольшанский. О теоретических ошибках и неправильных практических предложениях академика В.Н.Сукачева. Газета "Социалистическое земледелие", 8 января 1952 г., 6 (6112), стр. 3.

33 Редакционная статья Зеленый друг земледельца". Газета "Известия", 16 ноября 1963 г., стр. 1.

34 Т.Д. Лысенко. В книге "О положении в биологической науке. Стенографический отчет", М., ОГИЗ-Сельхозгиз, 1948, стр. 38.

35 Там же, стр. 39.

36 М.Г. Туманян. Об экспериментальном получении мягких пшениц из твердых. Журнал "Агробиология", 1941, 2, стр. 13-18.

37 В.К. Карапетян. Изменение природы твердых пшениц в мягкие. Там же, 1948, 4, стр. -521; его же: Изменение твердой пшеницы в мягкую. Там же, 1948, 6, стр. 18-30.

38 Т.Д.Лысенко в брошюре "Новое о биологическом виде" писал:

"В 1948 году в опытах В.К.Карапетяна было обнаружено, что при подзимнем посеве 28-хромосомной пшеницы Triticum durum часть растений довольно быстро, за два-три поколения превращается в другой вид, в Triticum vulgare -- 42-хромосомную мягкую пшеницу".

39 А.А. Авакян. Управлять развитием растительных организмов. Журнал "Агробиология", 1938, 6 (21), стр. 7-5119.

40 Проф. В.Я.Юрьев. Изоляция озимой ржи и влияние переопыления на разные сорта.

Журнал "Селекция и семеноводство", 11, 1938.

41 Т.Д.Лысенко. См. прим. /20/, стр. 621.

42а Т.Д.Лысенко. Новые достижения в управлении природой растений. Сельхозгиз, М., 1848, 21 стр.

42 Т.Д.Лысенко. И.В.Сталин и мичуринская биология. Газета "Известия", 295, 15 декабря 1949 г., стр. 2; Т.Д.Лысенко. И.В.Сталин и мичуринская биология. В кн.: "Иосифу Виссарионовичу Сталину -- Академия наук СССР", Изд. АН СССР, М., 1949; см. также книгу: "Агробиология", 6 изд., М., Сельхозгиз, 1952.

Лысенко писал:

"Сталинское учение о постепенных, скрытых, незаметных количественных изменениях, приводящих к быстрым качественным коренным изменениям, помогло советским биологам обнаружить у растений факты осуществления качественных переходов, превращения одного вида в другой ... В определенных условиях жизни в растениях пшеницы происходят незаметные, скрытые, постепенные количественные изменения, которые приводят к быстрым, внезапным, открытым превращениям отдельных клеток растений, в качество другого вида. Вместо клетки пшеницы возникают клетки ржи" (стр. 642).

43 Цитиров. по статье Н.В. Турбина. Журнал "Вестник Ленинградского университета", 1954, 10, стр. 31.

44 Там же.

45 Т.Д.Лысенко, см. прим. /42/, стр. 641-642.

46 См., например, статьи и доклады, собранные Т.Д. Лысенко в его книге "Агробиология", 6 изд., М., Сельхозгиз, стр. 622, 623, 639, 641, 669, 672 и др.

47 Личное сообщение академика ВАСХНИЛ И.Е.Глущенко, 1979 г.

48 Личное сообщение доктора наук А.К.Федорова.

49 М.Г.Туманян. Проблема происхождения сорной ржи. Журнал "Известия АН Армянс-

кой ССР", 1949, т. 2, 3, стр. 211-231; его же "Проблема генезиса сорно-полевых овсов". Журнал "Доклады АН Армянской ССР", 1949, т. 2, 1, стр. 3-544.

50 См. Т.Д.Лысенко. Новое в науке о биологическом виде. Цитиров. по его книге: "Агробиология", 6 изд., М., Сельхозгиз, стр. 669.

51 Н.Д. Мухин. Изменения обычных форм мягкой и яровой пшеницы в ветвистые. Журнал "Агробиология", 1952, 4.

52 С.К. Карапетян, действит. член АН Арм. ССР. Порождение лещины грабом. Там же, 1952, 5, стр. 23-29.

53 К.Я. Авотин-Павлов. Самопрививка ели к сосне. Журнал "Лесное хозяйство", 1951, 11, стр. 88-90; его же: "Порождение ели сосной. Журнал "Агробиология", 1952, 5, стр. 30-35. На

стр. 35 была помещена заметка "от редакции", в которой указывалось на важность статьи Авотина-Павлова.

54 См. газету "Медицинский работник", 37 (795), август 1948 г., стр. 3.

55 Г.М.Бошьян. О природе вирусов и микробов. М., Медгиз, 1949.

56 С.Н. Муромцев. Проблемы современной микробиологии в свете мичуринского учения. М., Изд. "Правда", 1950.

57 С.Н. Муромцев. О природе пластических веществ микробов. Журнал "Агробиология", 1952, 5, стр. 145.

58 А.Н. Белозерский. Бактериальные нуклеопротеиды и полинуклеотиды. Журнал "Вестник

Московского университета", 1949, 2, стр. 12-5134; Н.С.Демьяновская, А.Н.Белозерский. Дезоксирибонуклеиновая кислота Actinomyces globisporus streptomycini в процессе развития. Журнал "Биохимия", 1949, т. 19, 6, стр. 688-692. Авторы писали, что в односуточной культуре актиномицетов ДНК полностью отсутствует. "Все количество нуклеиновых кислот, -- утверждали они, -- ... можно предполагать, приходится только на РНК" (стр. 689).

59 Цитиров. по: Н.В.Турбин. За дарвинизм в теории видообразования. Доклад на дискуссии

в Ленинградском университете 20 января 1954 г. Журнал "Вестник Ленинградского университета", 1954, 10, серия биол., геогр., геол., стр. 31-32.

60 Выше (см. раздел "Военные годы", глава XII) было показано, что даже партийная печать бы-

ла вынуждена признать полный провал лысенковской затеи с посевами озимых по стерне в Сибири. Начальник управления планирования сельского хозяйства СССР В.С.Дмитриев, конечно, не мог не знать реального положения дел в этом вопросе. Но это не мешало ему произносить на сессии ВАСХНИЛ в 1948 году такие слова:

"Я хочу подчеркнуть, что для Сибири сделано значительно больше, чем выведение одного сорта. Здесь академиком Лысенко сделано огромное открытие, состоящее в том, что, при правильной агротехнике, нет такого сорта озимой пшеницы, который не мог бы зимовать в Сибири. Речь идет о посеве озимой пшеницы по стерне.

Но какое сопротивление встретили стерневые посевы! Они встретили, прошу извинить меня за грубость, озверелое сопротивление. Противники передового направления в науке, защищая исключительно отсталую позицию, применяют, и это должно быть отмечено и осуждено, неправильные, негодные методы!" В книге: "О положении в биологической науке. Стенографический отчет". М., Сельхозгиз, 1948, стр. 267.

61 См. прим. /4/, стр. 261.

62 Там же, стр. 259.

63 Личное сообщение академика ВАСХНИЛ Н.В.Турбина.

64 В.С. Дмитриев. О первоисточниках некоторых сорных растений. "Журнал общей биоло-

гии", 1952, т. 14, 1, стр. 43. Ранее им была опубликована статья "К вопросу о плодосмене", журнал "Агробиология", 1948, 1, стр. 3-19; статья содержала резкие выпады в адрес Д.Н.Прянишникова.

65 Там же, стр. 41-70.

66 В.С. Дмитриев. О первоисточнике происхождения плоскосеменной вики. Журнал "Агробиология", 1952, 1, см. также прим. /51/.

67 См. прим. /64/, стр. 53. Дмитриев писал:

"Видовой состав засорителей многолетних трав -- один, а однолетних растений -- другой; озимых культур -- один, а яровых -- другой; ранних яровых -- один, а поздних -- другой и т. д. При этом разные виды сорняков сходны с разными видами культурных растений (овсюг с овсом, костер ржаной -- с рожью и т. д.); все виды сорняков, связанные с данными видами культурных растений (например, специальные засорители льна, гречихи или проса) сходны с соответствующим культурным растением, а один и тот же сорняк (например, овсюг), засоряющий разные виды культурных растений, во многих случаях сходен с тем именно культурным растением, которое он сопутствует" (орфография оригинала сохранена -- В.С.).

68 Там же, стр. 43. Вот как Дмитриев описывал свой эксперимент:

"Схема опыта была построена таким образом, чтобы резко ухудшить условия жизни для ржи. С этой целью применялись поздние сроки посева, избыточное увлажнение, ухудшение плодородия почвы, загущенный посев, посев щуплыми семенами и т. д. Никакого ухода за посевами, по условиям опыта, не велось" (выделено мной -- В.С.).

69 Там же, стр. 44.

70 Там же.

71 См. "Ботанический журнал", 1954, 2, стр. 221-223.

72 О.Б.Лепешинская. Оболочка красных кровяных клеток как коллоидная система и ее измен-

чивость. Москва-Ленинград, Главнаука и Главиздат, 1931. Эта работа была прореферирована в советской научной печати. См.: М.Брейтман (Ленинград). Реферат книжки О.Б.Лепешинской "Оболочки красных кровяных телец как коллоидная система и ее изменчивость". Госиздат, 1929, 70 стр. "Центр. мед. журнал", 1931, т. VII, вып 2, стр. 229-230. Вывод автора рецензии: "Работа, выполненная под руководством Абрикосова и Гиршфельда, представляет большой теоретический и практический интерес" (стр. 230).

73 О.Б. Лепешинская. Происхождение клеток из живого вещества. Изд. ЦК ВЛКСМ "Молодая гвардия", М., 1951, стр. 9.

74 О.Б. Лепешинская. К вопросу об образовании клеток в животном организме. 1. Образование

клеток и кровяных остатков из желточных шаров куриного эмбриона. "Биологический журнал", 1934, т. 3, 2, стр. 233-255; см. также O.B.Lepeschinskaya. Die Entstehung von

Flussigkeit im Blastocoel aus Dotterkernern (Beobachtungen an Acipenser stellatus). Cytologia, 1935, 6(2/3), 294-299, 2 pl.

75 Н.К. Кольцов. Возможно ли самозарождение ядра и клетки? "Биологический журнал", 1934, т. 3, 2, стр. 2-55260.

76 Особенно активно против этого домысла выступал В.Н.Орехович.

77 О.Б. Лепешинская. Клетка, ее жизнь и происхождение. Госкультпросветиздат, М., 1952, стр. 3.

78 Там же.

79 О.Б. Лепешинская. Развитие живого вещества и происхождение клеток. В книге: "Учение Павлова в теоретической и практической медицине". М., 1953, вып. 2, стр. 36.

80 О.Б. Лепешинская. Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества в организме. Москва-Ленинград, Изд. Академии наук СССР, 1945, стр. 230.

81 Т.Д.Лысенко. Предисловие к книге О.Б.Лепешинской, см. прим. (80).

82 О.Б.Лепешинская. Оболочки животных клеток и их биологическое значение. Медгиз, М.,

1946 (1947). Приходится ставить две даты, так как на титульном листе книги и на обложке указаны разные годы издания. Из выходных данных явствует, что данная книга могла выйти в свет скорее всего в 1947 году, но автору, видимо, хотелось "застолбить" приоритет годом раньше. Это тоже отражение стиля лепешинских, лысенок и им подобных.

83 Профессор П. Макаров, академик Н. Хлопин, член-корреспондент АМН СССР П. Светлов,

проф. Ш.Галустян, доц. А.Кнорре и др. (всего 13 подписей). Об одной ненаучной концепции. Газета "Медицинский работник", 7 июля 1948 г., 29 (787), стр. 3.

83а А.М.Синюхин. Черты онтогенетичесекого развития клеток конуса роста ячменя. Журнал

"Известия АН СССР, сер. биол.", 1952, 5, стр. -55. Его же: К вопросу об онтогенезе растительных клеток. Журнал "Агробиология", 1952, 6, стр. 80-91. Автор (было указано, что он работает на кафедре дарвинизма МГУ) якобы установил, что сначала из живого вещества образуются оболочки клеток, (получается, как утверждал Синюхин, "безъядерный протопласт", затем из него клеточный пузырь, в нем обособляются другие пузыри, один из них становится ядром и т. д. Белки сначала простые, потом они усложняются).

84 О.Б.Лепешинская.Развитие жизненных процессов в доклеточном периоде. В сб.: Внеклеточ-

ные формы жизни. М., Изд. Академии педагогических наук РСФСР, под ред. действ. члена АМН СССР, лауреата Сталинской премии, проф. О.Б.Лепешинской. Сборник материалов для преподавателей, 1952, стр. 7.

85 Совещание по проблеме живого вещества было подготовлено заранее, о чем свидетельствует

издание типографским способом брошюры на 10 страницах "Тезисы докладов Совещания биологического отделения АН СССР", М., Изд. АН СССР, 1950. В брошюре были опубликованы тезисы к докладам О.Б.Лепешинской, О.П.Лепешинской, В.Г.Крюкова и В.И.Сорокиной. Полностью отчет о конференции напечатан под названием: Совещание по проблеме живого вещества и развития клеток 22-24 мая 1950 г. Стенографический отчет, М., Изд. АН СССР, 1951.

86 Т.Д. Лысенко. Работы О.Б.Лепешинской и превращение видов. "Литературная газета", 13 сентября 1951 г., 109.

87 С.Э.Шноль. Существование "конформистов" -- условие стабильности общества в экстремальных условиях. "Российский Химический Журнал. Журнал Российского Химического Общества имени Д.И.Менделеева", т. XLIII, 6, 1999, стр.56-62.

88 Валерий Н. Сойфер. Красная биология. Псевдонаука в СССР. М. Изд. "Флинта", 1998.

89 С.Е.Бреслер. Некоторые соображения о синтезе белка. Журнал "Успехи современной биологии", 1950, т. 30, вып. 1 (4), стр. 90-111. (Обзорная статья со ссылками на все опубликован ные ранее автором и его сотрудниками статьи). Бреслер указывал, что его соавторами по синтезу белков под давлением были Н.А.Селезнева, Н.А.Финогенова, А.П.Коникова, М.В.Гликина. Они будто бы гидролизовали белки на короткие пептидные участки, затем под давлением восстанавливали из коротких пептидов высокомолекулярные структуры, полностью сохранявшие антигенные свойства и ферментную активность. М.В.Гликина, по словам Бреслера, смогла осуществить это под его руководством на модели миогена и инсулина.

90 См., например, О.Б. Лепешинская. Успехи новой теории происхождения клеток. (Беседа с

действительным членом Академии медицинских наук СССР О.Б.Лепешинской). Журнал "Природа", 1952, 1, стр. 8-587. Лепешинская перечислила тех, кто под ее влиянием "пересматривает основы гистологии, эмбриологии, вопросы происхождения ткани и т. д.". Это -- Г.К.Хрущов (Москва), П.С.Ревуцкая (Ставрополь), В.Г.Шипачев (Иркутск), Н.И.Зазыбин (Днепропетровск), М.И.Тиманович (Дзауджикау), И.Е.Глущенко (Москва), врач А.А.Сафронов (Москва).

В этой же публикации она заявляла о плодотворности применения ее выводов для целей практического здравоохранения:

"В этой связи мне хочется пожелать практическим деятелям медицины -- терапевтам, хирургам, физиотерапевтам и другим в своей повседневной работе учитывать роль живого вещества в деятельности целостного организма" (стр. 87).

91 Полностью доклады, сделанные на этой конференции, опубликованы в книге "Новые дан-

ные по проблеме развития клеточных и неклеточных форм живого вещества. Труды конференции по проблеме развития клеточных и неклеточных форм живого вещества в свете теории О.Б.Лепешинской". М., Изд. АМН СССР (в серии "Проблемы медицины"), редколлегия: И.Н.Майский, О.Б.Лепешинская, С.Е.Северин, А.А.Имшенецкий, И.Е.Глущенко, Г.К.Хрущов, А.Н.Студитский и др., 1954. Кроме того, перед началом конференции была издана брошюра: "Тезисы докладов конференции, посвященной проблеме развития клеточных и неклеточных форм живого вещества в свете теории О.Б.Лепешинской".

М., Изд. АМН СССР, 1952, 23 стр. Доклад
Н.Н.Кузнецова представлен на стр. 151-157.

92 А.С.Кривиский. Биологическая природа бактериофага. Журнал "Природа", 1952, 10,

стр. 53-54. Его же: О роли фильтрующихся форм в биологии микроорганизмов. Журнал "Микробиология", 1952, т. 21, вып. 5, стр. 596-607; его же: Неклеточные формы жизни. (К итогам конференции по проблеме неклеточных форм жизни). Журнал "Природа", 1953, 10, стр. 54-60.

93 Ж.А. Медведев. Физиологическая природа формирования половых признаков у высших рас-

тений. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук. Государственный Никитский Ботанический сад имени В.М.Молотова. Ялта, 1950.

94 Там же. Цитаты взяты со стр. 3, 6, 9 и 10.

95 Ж.А. Медведев. Биохимические закономерности роста, старения и обновления клеточных форм живой материи. Журнал "Успехи современной биологии", 1953, т. 35, вып. 3, стр. 338-356. Цитата взята со стр. 338.

96 Рэм Викторович Петров. Онтогенез вторичных культур бактерий брюшного тифа и дизентерии в процессе их развития из живого вещества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. Воронежский гос. мед. институт (из каф. микробиологии), 252 стр., 1954.

97 Г.А Мелконян. О возможности остеогенеза вне организма после анабиоза костных клеток. Журнал "Успехи современной биологии", т. 30, вып. 2 (5), стр. 309-311.

98 Там же, стр. 309.

99 Ф.Н. Кучерова. Автореферат кандидатской диссертации. См. также ее статью "Управление эмбриональным развитием животных путем воздействия через материнский организм". Там же, 1950, вып. 1, стр. 14-5160.

100 В.Г.Шипачев. Об исторически сложившемся эволюционном пути развития животной клетки в свете новой диалектико-материалистической клеточной теории. Иркутск, Иркутское областное издательство, 1954.

101 В.Я.Александров. К вопросу о превращении растительной клетки в животную и обратно. "Ботанический журнал", 1955, т. 40, 2, стр. 244-250.

102 Копия письма В.Я.Александрова Н.С.Хрущеву была любезно предоставлена мне автором письма.

103 Н.М. Сисакян, Е.Б. Куваева. Обмен веществ полостной жидкости тутового шелкопряда в процессе метаморфоза (изучение обмена веществ неклеточного живого вещества в процессе развития). Журнал "Биохимия", 1953, т. 18, вып. 3, стр. 354-362.

104 Как тут не вспомнить сатирическую поэму "Астронавт", принадлежащую перу крупней-

шего русского зоолога Ивана Ивановича Пузанова. Среди персонажей этой поэмы Пузанов описал и Лепешинскую, просящую своего старинного друга Лысенко, якобы не нашедшего поддержки на Земле и собравшегося продолжить опыты на Луне:

"Старушка древняя пришла,

Трофиму соды принесла.

И молит жалостно его:

"Найди живое вещество

Ты мне в тех кратерах Луны -

Здесь поиски прекращены ..."".

С именем Сисакяна живое вещество пролезло-таки на Луну! Отрывок из поэмы И.И. Пузанова "Астронавт, поэма в трех песнях с прологом" цитирован по машинописному экземпляру, имеющемуся] в моем распоряжении.

105 О.Б.Лепешинская, см. прим. /77/, стр. 36.

106 О.Б. Лепешинская. О жизни, старости и долголетии. Изд. "Знание", 1953, серия III, 1.

107 Цитиров. по статье Н.Н.Семенова, см. прим. /1/, стр. 41.

108 Т.Д. Лысенко. Из материалов первой сессии ВАСХНИЛ, 1935. Цитиров. по его книге "Стадийное развитие растений", 1952, М., Сельхозгиз, стр. 659.

109 Там же.

110 Т.Д.Лысенко, президент ВАСХНИЛ. На новых путях. Газета "Правда", 8 апреля 1938 г., 98 (7423), стр. 3.

111 С.Л. Иоаннисян. Как было создано высокопродуктивное жирномолочное стадо в "Горках Ленинских". Изд. "Знание", М., серия V -- "Сельское хозяйство", вып. 23-24, 1961, стр. 5.

112 Там же.

113 Там же, стр. 7.

114 Там же, стр. 6.

115 Там же, стр. 7.

116 Т.Д.Лысенко. За материализм в биологии! Журнал "Агробиология", 1957, 6, стр. 8.

117 Лысенко писал:

"На ферме многие остфризские или остфризированные коровы давали молоко с небольшим не выше 3,0-3,5% жира. От скрещивания с хорошим в смысле наследственных свойств по

жирномолочности, быком костромской породы (кличка Кумыс) получено потомство, у которого жирность молока почти не повысилась. Так произошло потому, что... костромской скот крупнее остфризского, а бык Кумыс и среди костромского скота выделялся своей величиной. Поэтому зигота, которая способна развиваться по типу и остфризской породы (материнской) и костромской (отцовской), развивалась в данном случае в соответствии с лучшей возможностью. Лучшей же в данном случае возможностью являлся меньший размер плода, более мелкий теленок... Естественно, что скрещивание указанных жидкомолочных коров с быком, обладающим хорошими наследственными свойствами жирномолочности, в данном случае не привело к повышению жирномолочности потомства".

См. брошюру Т.Д.Лысенко: О повышении жирномолочности коров. 1958, стр. 16.

118 Там же. Лысенко дополнял приведенное выше рассуждение (см. прим. /183/) следующим пояснением:

"Но тот же хороший по наследственным свойствам жирномолочности бык Кумыс на других фермах при менее обильном кормлении мог быть улучшателем стада по жирномолочности".

Эта замечательная фраза позволяла еще раз убедиться в том, как просто представлял себе Т.Д.Лысенко влияние среды на наследственность: кормишь много -- получаешь определенное потомство, кормишь плохо -- хорошего не жди!

119 Там же.

120 См. прим. /116/, стр. 8-9.

121 См. журнал "Вестник АН СССР", 1965, 11, стр. 16.

122 См. прим. /111/, стр. 16.

123 С.Л. Иоаннисян. Повышение жирномолочности коров -- задача большой важности. Кишинев, 1964, стр. 21.

124 С.Л.Иоаннисян. О племенной ценности животных, происходящих из фермы в "Горках Ленинских", и их потомков. Журнал "Агробиология", 1965, 4 (154), стр. 483-495.

125 См. прим. /117/, стр. 18.

126 5 января 1961 года Министерство сельского хозяйства СССР издало приказ 3 "Об опыте

работы экспериментального хозяйства "Горки Ленинские# по повышению жирномолочности коров#, в котором узаконило лысенковские методы и потребовало распространения его опыта по всей стране. А через два года, 26 июня 1963 года, министерство закрепило это свое решение еще одним приказом (131) "Об улучшении работы по созданию жирномолочного стада крупного рогатого скота в колхозах и совхозах путем использования племенных животных, происходящих с фермы "Горки Ленинские", и их потомков".

127 См. прим. /121/, стр. 19.

128 См пункт 6 приказа 131 в предыдущей ссылке. Дело дошло до того, что в 1964 г. с фермы

"Горок" трехмесячный бычок весом 66 кг был продан за 800 рублей, другой бычок того же

возраста, но весом 150 кг -- за 1050 рублей, то есть по цене от 7 до 12 рублей 12 копеек за килограмм, при запрете продажи племенных бычков по цене выше 2 рублей за кг живого веса

129 Там же.

130 С.Н.Муромцев. К новому подъему социалистического животноводства. Журнал "Природа", 1952, 10, стр. 58.

131 См. прим. /111/, стр. 3.

132 См.: Большая Советская Энциклопедия, 3 изд., 1976, т. 24 (1), стр. 98 (таблица 8 и текст на этой странице).

133 Там же, 1977, т. 24(2), стр. 225.

134 Н.С.Хрущев. Доклад на январском пленуме ЦК КПСС 1961 года, цитиров. по /177/, стр. 4.

135 Т.Д. Лысенко Агробиология, 6 изд., М., Сельхозгиз, 1952; его же: Стадийное развитие растений, М., Сельхозгиз, 1952.

136 Т.Д.Лысенко. Стадийное развитие растений, М., Сельхозгиз, 1952, стр. 3-4.

137 Т.Д.Лысенко. Яровизация озими -- могучее средство повышения урожайности. Выступле-

ние на 2-м Всесоюзном съезде колхозников-ударников. Газета "Правда", 15 февраля 1935 г., 45 (6291), стр. 2.

138 Там же.

139 См. прим. /136/, стр. 250.

140 Там же, стр. 329.

141 Там же, стр. 659.

142 Т.Д. Лысенко. О наследственности и её изменчивости. В кн. "Агробиология", 6-е издание, М. Сельхозгиз, 1952, стр. 438.

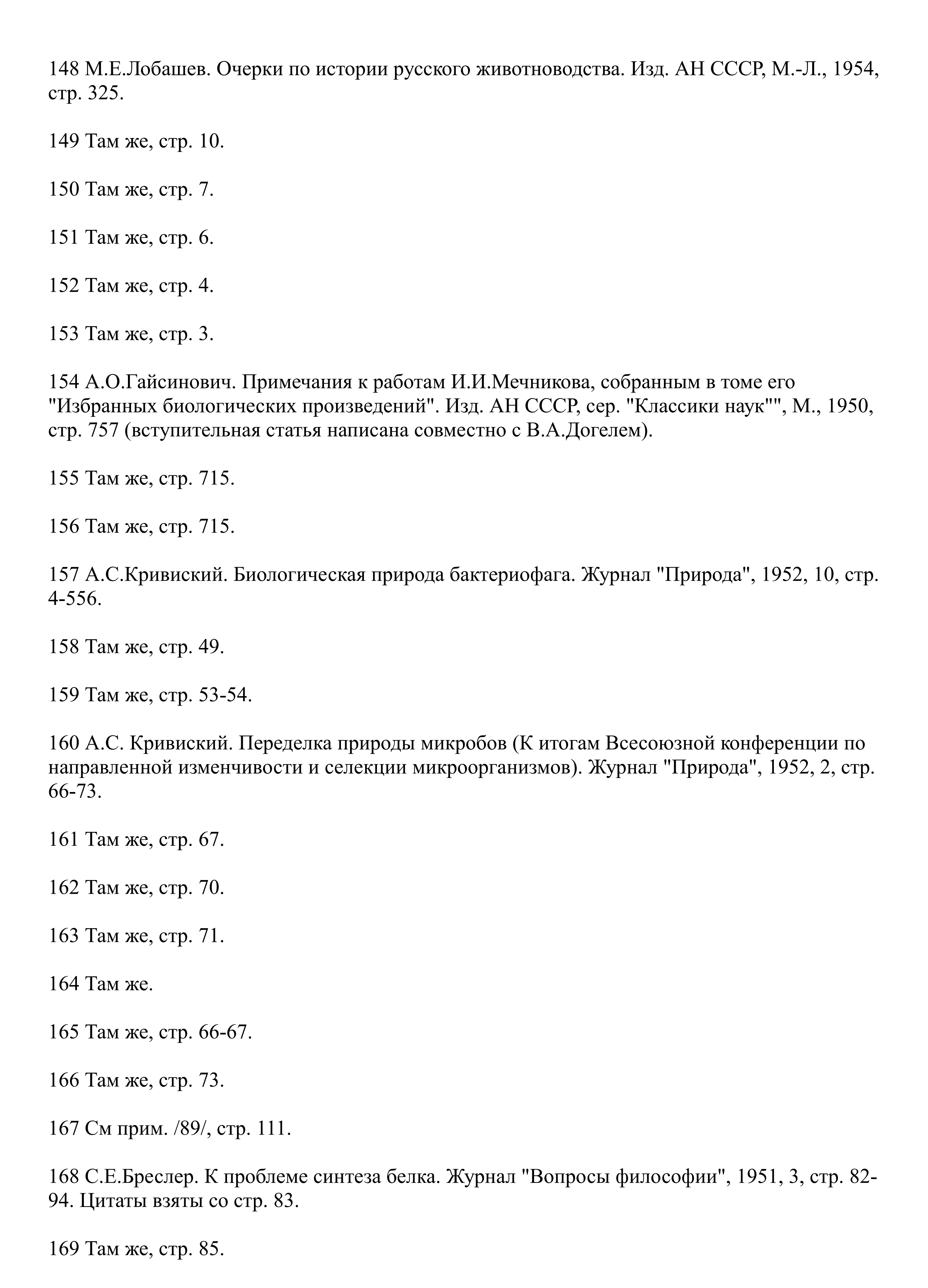
143 Там же, стр. 470.

144 Цитиров. по тексту воспоминаний акад. ВАСХНИЛ И.Е.Глущенко.

145 М.А.Поповский. Дело академика Вавилова. Изд. "Эрмитаж", Тенафлай (США), 1983.

146 Т.Д.Лысенко. О наследственности и ее изменчивости. Журнал "Социалистическое сель ское хозяйство", 1943, 1-2, стр. 47-69.

147 См. сборник: "Д.А.Сабинин и его творческое наследие. Из воспоминаний современников". Редактор и составитель Ф.Э.Реймерс. Изд. "Наука", Сибирское отделение, Новосибирск, 1981.

148 М.Е.Лобашев. Очерки по истории русского животноводства. Изд. АН СССР, М.-Л., 1954, стр. 325.

149 Там же, стр. 10.

150 Там же, стр. 7.

151 Там же, стр. 6.

152 Там же, стр. 4.

153 Там же, стр. 3.

154 А.О.Гайсинович. Примечания к работам И.И.Мечникова, собранным в томе его "Избранных биологических произведений". Изд. АН СССР, сер. "Классики наук"", М., 1950, стр. 757 (вступительная статья написана совместно с В.А.Догелем).

155 Там же, стр. 715.

156 Там же, стр. 715.

157 А.С.Кривиский. Биологическая природа бактериофага. Журнал "Природа", 1952, 10, стр. 4-556.

158 Там же, стр. 49.

159 Там же, стр. 53-54.

160 А.С. Кривиский. Переделка природы микробов (К итогам Всесоюзной конференции по направленной изменчивости и селекции микроорганизмов). Журнал "Природа", 1952, 2, стр. 66-73.

161 Там же, стр. 67.

162 Там же, стр. 70.

163 Там же, стр. 71.

164 Там же.

165 Там же, стр. 66-67.

166 Там же, стр. 73.

167 См прим. /89/, стр. 111.

168 С.Е.Бреслер. К проблеме синтеза белка. Журнал "Вопросы философии", 1951, 3, стр. 82-94. Цитаты взяты со стр. 83.

169 Там же, стр. 85.

170 Там же.

171 Там же.

172 См.: Ю.Я.Керкис "Из воспоминаний генетика. 1948 год в Таджикистане". Журнал "Знаниесила", 1988, 8, стр. 52-59.

173 Цитиров. по машинописному варианту воспоминаний академика ВАСХНИЛ И.Е.Глущенко, стр. 163.

174 С.И. Алиханян во время своего доклада 25 января 1965 года "Некоторые вопросы механизма

индуцированного мутагенеза", сделанного на пленарном заседании конференции "Экспериментальный мутагенез животных, растений и микроорганизмов", созванной Московским обществом испытателей природы, Советом по проблеме молекулярной биологии АН СССР и Советом по комплексной проблеме радиобиологии АН СССР (заседание проходило в Большой биологической аудитории Биолого-почвенного факультета МГУ на Ленинских горах), заявил, что относимые им раньше к вегетативной гибридизации результаты на самом деле были проявлением трансформации у грибов и конъюгации у бактерий, и что он был вынужден идти на уловки, чтобы опубликовать результаты, а то в противном случае и данные было бы невозможно обнародовать, да и работу бы закрыли. Иными словами, он стремился даже представить себя героем, хитро вышедшим из-под гнета лысенкоистов.

175 Т.Д. Лысенко. Превращение незимующих яровых сортов в зимостойкие озимые. Цитиров. по его книге "Агробиология", 6 изд., 1952, стр. 715.

176 Там же.

177 См., например, статьи Т.Д.Лысенко: Новые достижения в управлении природой растений.

Доклад, прочитанный 6 июля 1940 г. на Всесоюзном совещании руководителей кафедрами марксизма-ленинизма, см. книгу "Агробиология", 6 изд., 1952, стр. 330-347; его же статья "Генетика". Большая Советская Энциклопедия, 2 изд., т. 10, стр. 430-438.

178 См. прим. /172/, стр. 718.

179 Там же, стр. 721.

180 См., например, Н.Н. Жуков-Вережников, И.Н.Майский, Л.А.Калиниченко. Еще раз к вопросу о виде и видообразовании в микробиологии. Журнал "Успехи современной биологии", 1955, т. 39, вып. 2, стр. 24-5252.

181 В.Д. Тимаков. Изменчивость микробов и проблема получения живых вакцин. "Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии", 1954, 10, стр. 3-11.

182 Т.Д. Лысенко. Жизненность (в биологическом смысле). БСЭ, 2 изд., 1952, т. 16, стр. 136-139.

Эта же статья была опубликована под названием "Жизненность растительных и животных

организмов". Газета "Известия" 12 июня 1952 г., 138. Она же была опубликована в газете "Советская Белоруссия", 13 июня 1952 г., 139; в журнале "Доклады ВАСХНИЛ", 1952, 9, стр. 3-8; в его книге "Агробиология", 6 изд., 1952, стр. 708-713.

Как не назвать эту статью эпохальным трудом, если понадобилось ее переиздавать в течение одного лишь года 6 раз!

183 Там же, БСЭ, 2 изд., т. 16, стр. 139.

184 Так, в частности, Лысенко обещал следующее:

"Применяя внутрисортовое и межсортовое скрещивания с обязательным последу-ющим отбором в первых двух поколениях типичных растений материнского сорта, можно повышать жизненность районированных сортов хлебных злаков, не нарушая, не изменяя их наследственности".

См. прим. /185/, стр. 138.

185 Т.Д. Лысенко. Об агрономическом учении В.Р.Вильямса. Газета "Правда", 15 июля 1950, 196. Эта же работа была издана в качестве отдельной брошюры.

186 А. Иващенко. Суровая память земли. Газета ёИзвестия", 13 августа 1983 г., 225 (20571), стр. 2-3 и 14 августа 1983 г., 226 (20572), стр. 2-3.

187 Там же (225), стр. 2.

Г л а в а XV

ПЕРВОЕ ПАДЕНИЕ

"Прямизна нашей мысли не только пугач для детей.

Не бумажные дести, а вести спасают людей!"

О.Мандельштам (1).

"Вследствие каких причин ограниченные люди из скромных собирателей справок и наполнителей графленой бумаги вдруг превращаются ежели не в в действительных руководителей общества, то, во всяком случае, в его систематических отуманивателей? откуда идет этот внезапный спрос на ограниченность, который окружает ее ореолом авторитетности и почета?

Существует мнение, что между фактом господства ограниченных людей и эпохами так называемой общественной реакции имеется органическая связь"

М. Е. Салтыков-Щедрин. Самодовольная современность (2).

Плачевный итог "теории порождения видов"

За два-три года, истекших после Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, Лысенко настолько укрепил свои позиции, что, казалось, мог бы больше не бояться критики. В редакции биологических журналов и в издательства были внедрены свои люди, газетчики и

помыслить не могли, чтобы допустить малейшее отклонение от принятых на сегодня установок, да и всемогущая цензура не пропускала ни одного слова, идущего вразрез с официальной точкой зрения.

Поэтому столь сильным было всеобщее ошеломление, вызванное публикацией сразу двух статей, в которых критике подверглось любимое детище Лысенко -- "новая теория биологического вида". В шестом номере "Ботанического журнала" за 1952 год заведующий кафедрой генетики и селекции Ленинградского университета профессор Н.В.Турбин опубликовал статью "Дарвинизм и новое учение о виде" (3), а мало кому известный Н.Д.Иванов статью "О новом учении Т.Д.Лысенко о виде" (4). "Учение" было раскритиковано в самой жесткой форме.

Турбин отверг попытку Лысенко ревизовать теорию видообразования, исходя из широко известных биологических фактов. Он заявил, что "опыты" по порождению видов - бездоказательны, а те, кто пытается утвердить в умах биологов новую теорию, -- безграмотны. Нет теории без фактов, они необходимы ей точно так же, как воздух птице для полета. Новая же "теория" Лысенко, заключил Турбин, -- это взмах крыльев в безвоздушном пространстве (5). Позже Турбин говорил мне, что именно это замечание, образно характеризующее новую "теорию", наиболее сильно обидело Лысенко, заставив не раз со злобой вспоминать эти турбинские фразы в разговорах со своими приближенными.

Н.Д.Иванов -- даже не биолог, а военный, генерал-майор технической службы и к тому же зять М.И.Калинина, решивший переквалифицироваться в историка биологии, исходил в своей статье не столько из биологической необоснованности притязаний автора "новой теории", сколько из неоправданного притягивания в качестве обоснования её правоты разных цитат из классиков марксизма-ленинизма.

Факт публикации критических статей в адрес Лысенко был многозначительным. Будучи опубликованными при жизни Сталина, они воспринимались многими как санкционированное Кремлем наступление на Лысенко. Среди биологов поползли слухи о том, что якобы Сталин в разговоре с кем-то из своих приближенных сказал в самой опасной для судьбы людей краткой форме: "Товарищ Лысенко, видимо, начал зазнаваться. Надо товарища Лысенко поправить!1 "

Распространению этих сведений могли способствовать несколько человек. Иванов мог услышать о высказывании Сталина от знакомых его тестя Калинина (сам Всесоюзный староста скончался в 1946 году). Рукопись статьи Иванова появилась в редакции раньше турбинской. Турбину дал совет "ударить" по Лысенко Д.Д.Брежнев -- будущий вице-президент ВАСХНИЛ и директор ВИР'а, в те годы занимавший высокий пост в Ленинградском обкоме партии и потому имевший доступ к партийным верхам (Брежнев и Турбин, действительно, вместе учились в Воронежском сельхозинституте и были близкими много лет). Брежнев обещал поддержку в партийных сферах (6).

Д.В.Лебедев рассказывал мне (7), что в среде друзей В.Н.Сукачева в начале 50-х годов неоднократно обсуждался вопрос, как начать открытую критику Лысенко. Этим настроениям помогало то, что время от времени разносились слухи о якобы зревшем недовольстве Сталина по отношению к старому любимцу Лысенко. Следует также подчеркнуть, что в начале дискуссии по вопросам вида руководство "Ботанического журнала" имело непосредственные контакты с инспектором отдела науки ЦК партии А. М. Смирновым, учеником Прянишникова и противником Лысенко. Позже доктор биологических наук Смирнов работал заместителем директора Института физиологии растений АН СССР имени Тимирязева.

Но, как нередко бывает в жизни, действия одной группы в руководстве партии шли вразрез с действиями другой группы, и в результате в том же 1952 году одна из передовиц "Правды" содержала резко критические фразы в адрес редколлегии журнала "Почвоведение" за то, что в этом журнале появились антилысенковские материалы (без указания пока имени самого Лысенко), расцененные как ошибочные. По этому факту послушный Президиум АН принял специальное решение (8).

О том, что у Сталина накапливалось недовольство действиями Лысенко стало окончательно ясно в конце мая (или начале июня) 1952 года. Как рассказал мне Ю.А.Жданов (9), его пригласил к себе заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК партии А. И. Козлов и сообщил, что только что был у Г. М. Маленкова, который передал ему личное распоряжение Сталина ликвидировать монополию Лысенко в биологической науке, создать Президиум ВАСХНИЛ (до сих пор Лысенко единолично руководил сельскохозяйственной академией, предпочитая не иметь коллегиального органа -- Президиума), ввести в его состав научного противника Лысенко - Жебрака и человека, менявшего свое отношение к Лысенко сообразно с изменениями политического климата -- Цицина. Тут же А.И.Козлов и Ю А.Жданов наметили состав комиссии из 6-7 человек, которая бы подготовила эти изменения. Председательствовал в ней Козлов, от Академии наук СССР включили А.Н.Несмеянова. Однако позже в комиссию ввели и самого Лысенко. Осенью 1952 года комиссия собиралась раза два, Лысенко на заседаниях шумел, хрипел, по каждому вопросу имел особое мнение и многословно его отстаивал. Затем началась подготовка в XIX съезду партии, и было уже не до Лысенко.

Вот об этой комиссии и прознал Турбин от Брежнева и срочно завершил работу над статьей, которую он будто бы начал писать еще в 1951 году (10).

То, что первый удар по Лысенко нанес человек из его же стана, было симптоматичным -- времена менялись. Турбин выступал на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года с самыми резкими обвинениями в адрес генетиков, призывая гнать их безжалостно из научных и учебных институтов (11). Его перу принадлежал и учебник для университетов по мичуринской генетике, и учебное пособие для студентов вузов и техникумов (12), в котором были собраны выдержки из основных работ тех, кого Турбин называл "корифеями материалистической биологии", главным образом, Лысенко и Мичурина. Долгое время эти книги были единственными пособиями для вузов по мичуринскому учению, благодаря чему имя Турбина прочно связывалось биологами с группой лиц, которых можно назвать лидерами мичуринского направления.

Однако Турбин отличался от большинства этих лидеров начитанностью, познаниями в литературе, искусстве, истории (как-то он более часа рассказывал мне об истории московских храмов, чем, признаюсь, поразил меня). Его выступления были яркими, речь, хотя и многословной, но образной. Выходец из села Тума Рязанской губернии (но из культурной семьи), Турбин
 был начисто лишен деревенских черт, всегда выпиравших из большинства лысенковских приближенных. У него был чисто московский выговор (он даже слегка грассировал). Точно так же двойственно вел он себя и на кафедре генетики и селекции в Ленинградском университете: употреблял "канонические штампы" -- ругал хромосомную теорию наследственности, позволял своим сотрудникам (а, значит, и поощрял их) фальсифицировать доказательства неверности законов Менделя2, но в то же время в лекциях систематически излагал содержание и выводы работ Менделя, Моргана, Вейсмана, Иоганнсена (16). Всё это было хорошо известно Лысенко, что, видимо, и послужило причиной того, что фамилия Турбина не была включена в список лиц, утвержденных Сталиным без выборов академиками

ВАСХНИЛ в конце июля 1948 года, хотя в это время Турбин был в числе немногих лысенкоистов, имевших степень доктора биологических наук и звание профессора, и к тому же занимал высокий пост заведующего кафедрой генетики ведущего университета страны.

Немаловажным было и то, что удар был нанесен по центральной для тех дней позиции Лысенко, да еще в вопросе, имеющем не одно только теоретическое значение. Все понимали, что на самом деле развенчание "теории порождения видов" означает гораздо больше. Ведь признание того факта, что постулаты "нового", "творческого" дарвинизма оказались ошибочными, доказывало, что в основу общегосударственного плана преобразования природы положено неверное представление. Недооценивать серьезность такого обвинения, не понять, что оно подрубает под корень лысенковские построения в целом, "мичуринцы" не могли.

Понятно, что в стане лысенкоистов статьи Турбина и Иванова вызвали шок. Номера "Ботанического журнала" с этими статьями ходили по рукам, их зачитывали до дыр. Кое-кто стал даже поговаривать, имея ввиду Турбина, что крысы бегут с тонущего корабля. Теперь лысенкоистам, как никогда, нужна была консолидация усилий, распределение ролей, чтобы массированным контрударом ответить на критику. Уже в первых номерах за 1953 год тех биологических журналов, которые контролировали целиком и полностью лысенкоисты, появились ответные статьи. Характерной их чертой была настоящая истерия, крикливые обвинения в адрес Турбина и Иванова в предательстве ими материализма и социалистических принципов.

Так, первый номер журнала "Успехи современной биологии" за 1953 год вышел с запозданием -- он открывался портретом Сталина в траурной рамке и сообщением о его смерти. Вслед за тем шел самый важный материал номера -- статья А. Н. Студитского. С бранью и угрозами этот антигенетик обрушился на "отщепенцев", осмелившихся на неслыханную дерзость (17). Аналогичные материалы появились в другом академическом издании -- "Журнале общей биологии", во главе которого стоял Опарин. Статьи против критиков лысенковского учения о виде стали публиковать в каждом номере этого журнала (18).

Стиль всех статей был единым. Аргументация сводилась к жонглированию длинными цитатами -- из Маркса (чаще из Энгельса), из Ленина (чаще из Сталина), из Мичурина и Тимирязева. То, что ни один из них никогда не имел отношения к формированию представлений о том, что такое биологический вид и как он возникает, значения для авторов статей не имело. Опарин, оберегая лысенкоизм от критики, предупреждал в статье "И.В.Сталин -- вдохновитель передовой биологической науки" (19):

"Центральный Комитет Коммунистической партии рассмотрел и одобрил доклад акад. Т.Д.Лысенко. Для всех советских биологов этот документ, лично просмотренный И.В.Сталиным, является драгоценной программой творческого развития биологической науки, определившей ее пути и задачи. Советский творческий дарвинизм составляет гранитный фундамент, незыблемую основу, на которой бурно развиваются все отрасли биологической науки" (20).

Но в корне задавить оппозицию не удалось. Возможно, против своей воли лысенкоисты только усилили решимость биологов не отступать на этот раз. Да и обстоятельства переменились. Первые открыто антилысенковские статьи прорвали молчание и показали, что период, когда позволялось только курить фимиам Трофиму Денисовичу, кончился. Существенно, что первая критика в официальном печатном органе прозвучала еще при Сталине (умри он чуть раньше, и неизвестно еще, решилось ли бы руководство дать санкцию

на публикацию этих слишком резких статей, а тогда не исключено, что падение монополии Лысенко было бы отодвинуто во времени и, может быть, надолго). Наконец, играло роль и то, что подверглись осуждению не чисто научные ошибки Лысенко, но нечто гораздо более важное. Его обвинили в спекуляции высказываниями классиков марксизма. На казалось бы безупречном идеологическом одеянии лысенкоизма появилось позорное пятно. А что может быть опаснее этого в советских условиях!

В это время руководимая В.Н.Сукачевым редколлегия "Ботанического журнала" начала продуманную и целенаправленную атаку на "теорию вида" Лысенко. Сукачев, как и подобает настоящему ученому, пригласил Лысенко выступить со статьей, обосновывающей его "учение". Лысенко вызов принял (да и вряд ли он мог в сложившихся условиях не принять его, ведь слухи о сталинском намерении приструнить товарища Лысенко не могли не дойти до его ушей), и в первом номере "Ботанического журнала" за 1953 год была помещена его статья "Новое в науке о биологическом виде" (21). Статью предваряла краткая заметка "От редакции", в которой было сказано:

"Редакцией получено письмо от акад. Т.Д.Лысенко, который благодарит за приглашение [принять участие в дискуссии по проблемам видообразования -- В. С.] и в то же время отмечает, что в статьях, помещенных в 6 журнала [т. е. в статьях Турбина и Иванова -- В. С.], его высказывания по проблеме вида извращены.

Редакция... и в дальнейшем будет рада опубликовать новые высказывания Т.Д.Лысенко по проблеме вида и видообразования" (22).

Вслед за лысенковской статьей (повтором уже всем известных и многократно опубликованных взглядов -- ничего нового он предложить не смог -- шла большая статья самого Сукачева. На огромном фактическом материале, при полном отсутствии цитат из классиков марксизма-ленинизма-сталинизма, в спокойной, и потому в гораздо более убедительной форме, Владимир Николаевич показал ошибочность исходных позиций, беспомощность аргументации в отвергании внутривидовой борьбы и неверность выводов (23).

С этого времени Владимир Николаевич Сукачев постепенно начал лидеровать в антилысенковском движении. Он уже был пожилым человеком (в 1953 году ему исполнилось 73 года), и имя его еще при жизни пользовалось редким почетом.

Ученик И.П.Бородина и Г.Ф.Морозова (один -- образованнейший русский ботаник, другой -- крупнейший лесовод) В. Н.Сукачев быстро вошел в число известных во всем мире ученых. Первым он сформулировал цели и задачи новой дисциплины -- биоценологии (науки о взаимосвязанных и взаимодействующих комплексах живой и косной природы). Одновременно с В.И.Вернадским, вскрывшим планетарное значение живого, Сукачев начал разрабатывать единый подход к растительному миру, изменяющемуся в зависимости от темпов изменения животного мира и от деятельности человека. А из такого подхода вытекало и чрезвычайно важное значение его работ для развития представлений о продуктивности растительного мира, о границах возможности человека в обеспечении наилучшего состояния кормящей и поящей живой природы -- лесов, лугов и пастбищ (и биосферы в целом). Самый трезвый подход к природным ресурсам -- вот, что следовало из вполне специальных, добротных и красивых именно своей добротностью, обстоятельностью и серьезностью работ Владимира Николаевича.

Он же считался одним из основоположников учения о фитоценозе -- растительных сообществах, занимающих однородные географические участки.

По самой своей специфике научные работы Сукачева всегда попадали в фокус внимания специалистов разного профиля, не только ботаников, но и зоологов, и географов, и климатологов, и даже социологов. Уже в 1920 году он был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1943 году стал академиком, с 1948 года был бессменным Президентом Всесоюзного ботанического общества. Несколько Академий мира избрали его своим членом.

В 1953 году, несмотря на солидный возраст, он еще был полон сил и вдохновения. Крепкий, слегка грузный мужчина, с короткими седыми волосами, с поразительно внимательными глазами, про которые говорят -- глаза мудреца, он с 1941 года постоянно жил в Москве, где в 1944 году основал Институт леса АН СССР (позже по личному распоряжению Н.С.Хрущева институт был перебазирован в Красноярск, и сейчас носит имя В.Н.Сукачева), но часто наезжал в Ленинград, где у него сохранилась группа (с 1962 года -- лаборатория биоценологии) в составе Ботанического института. Он бывал на многих научных заседаниях, был открыт и доброжелателен.

В описываемые годы Владимир Николаевич начал глохнуть и ходил со слуховым аппаратом. Согласно легендам, всегда создающим ореол значительности и даже таинственности вокруг лиц неординарных, к каковым, без сомнения, все относили Сукачева, он никогда не пропускал мимо ушей того, что было ему нужно, но хранил молчание в тех случаях, когда лучше было сделать вид, что он недослышал. В сталинские времена поговорке "слово -- не воробей, вылетит -- не поймаешь" был придан зловещий смысл (говорили так: "слово -- не воробей; поймают -- посадят"), и это умение вовремя промолчать он с пользой применял.

В следующем, втором, номере "Ботанического журнала" за 1953 год появились еще две статьи с анализом ошибок Т. Д. Лысенко в вопросе видообразования (24), то же повторилось в третьем номере (25), в нем же было опубликовано гневное письмо Лепешинской в редакцию "Ботанического журнала" (26). Как и в статьях Студитского, Нуждина и других лысенкоистов, в её письме не было приведено ни одного нового факта, подкрепляющего лысенковские тезисы, но зато била через край энергия идейного осуждения:

"Лысенко подходит к вопросу видообразования как материалист-диалектик и в полном согласии с И.В.Сталиным.

...На
36-году советской власти пора отказаться от защиты всяких метафизических взглядов и под видом критики стараться выгородить свои ошибочные, лженаучные установки" (27).

Волнение Лепешинской было понятно. "Теорию видообразования" Лысенко и ее собственные рассуждения о возникновении клеток из бесклеточного вещества объединял теперь единый для всей природы "ЗАКОН перехода из неживого в живое". Следовательно, за опровержением домыслов Лысенко о превращении пеночки в кукушку или пшеницы в рожь неминуемо последовало бы и ниспровержение лепешинковщины. Было от чего встревожиться.

Но для отпора критикам нужны были надежно установленные факты, а их-то у лысенкоистов и не было. Зато оппоненты находили всё новые и новые данные, "теорию вида" критиковали то с одной, то с другой стороны. Только в 1953 году в "Ботаническом журнале" было опубликовано полтора десятка статей на эту тему (28). Широкой была и география тех научных центров, откуда поступили статьи с разбором ошибочности взглядов Лысенко. Особенно показательными стали два случая, произошедшие в союзных республиках -- латвийской и армянской.

Рижский ученый, доцент К.Я.Авотин-Павлов в 1951 году в журнале "Лесное хозяйство" опубликовал статью о якобы обнаруженном им случае самопрививки ели к сосне в Олайнском лесу вблизи Риги (29). Ничего загадочного и выдающегося в случае самопрививки не было. Прививка как прививка. Но Авотин-Павлов быстро сообразил, что можно придать гораздо больший интерес этому случаю, если выдать самопрививку за пример "порождения" одного вида другим. Поддавшись искушению, он опубликовал еще одну статью, в которой объяснил появление злополучной ветки ели действием "нового закона вида". Не чуравшиеся поэтических сравнений лысенкоисты стали теперь говорить, что дерево сосны "выпотело" ветку ели.

Статьи Авотина-Павлова очень понравились Трофиму Денисовичу, и на них стали ссылаться другие его сторонники. В 1952 году под руководством Авотина-Павлова студент Б. Рокъянис выполнил дипломную работу на тему "Изменение привоя ели под влиянием подвоя сосны", в которой рассматриваемый случай подавался с позиций "новой теории". В июле 1952 года Авотин-Павлов дал высокую оценку этой работе.

Однако долго почивать на лаврах автору открытия "выпотевания" не пришлось. Лавроносца уличили в мошенничестве и публично разоблачили. Оказалось, что этот случай был хорошо известен местным лесоводам, историю дерева они знали не понаслышке. Выяснилось, что два дерева -- ель и сосна росли рядом, и еще в прошлом веке ветвь ели сблизилась со стволом сосны, а затем эта ветвь стала давить на ствол сосны и постепенно вросла в него. За деревьями тщательно наблюдали, и местный лесник Петр Вайда назвал этот случай "усыновлением ветки ели стволом сосны". Саму ель срубили в 1896 году, но ветка осталась жить на сосне, питаясь соками, поступающими через сосуды приютившего ее дерева. История врастания была доложена старшим лесничим Боссэ еще в 1925 году на заседании Рижского общества естествоиспытателей и описана в журнале "Немецкое дендрологическое общество" в 1928 году (30).

Несомненно, и Авотин-Павлов и его подопечный дипломник не могли не знать об истинной природе "выпотевания" (31), но в угоду своим интересам извратили истину. Когда же подделка вскрылась, в дело были вынуждены вмешаться республиканские партийные органы, и в центральной латвийской газете, органе ЦК партии Латвии "Циня" появилась статья, в которой, в частности, было сказано:

"Где же искать причины того, что доцент Авотиньш-Павлов, который хорошо знал, что сосна-ель из Олайне образовалась в результате естественной самопрививки, сознательно подделал научные факты и опубликовал статью, обманывавшую читателей в научном журнале? Ответ может быть только один: доцент Авотиньш-Павлов подделал факты, чтобы создать дешевую сенсацию и удовлетворить свое честолюбие" (32).

Описание обмана было опубликовано в "Ботаническом журнале" (в том же третьем номере за 1953 год, где и сердитое письмо Лепешинской), и, таким образом, история вышла за пределы латвийской республики (33).

Другой случай мошенничества касался утверждения ближайшего сотрудника Лысенко С.К.Карапетяна о порождении лещины грабом (см. главу XIV). На Карапетяна Лысенко неоднократно ссылался сам, поэтому нет ничего странного, что, лишь прослышав о возможности разоблачения своего человека, Лысенко сильно заволновался. Ему изменили нервы, и вместо того, чтобы во всем хорошенько разобраться, он решил заранее надавить на тех, кто собирался бросить тень на Карапетяна. Когда замять дело келейно не удалось, когда звонки из Москвы в Ленинград -- в редакцию "Ботанического журнала" не помогли, он

пошел на опрометчивый шаг. За подписью Лысенко в Ленинград ушло письмо следующего содержания:

"Мне стало известно, что акад. В.Н.Сукачев, главный редактор "Ботанического журнала", сообщил, что в пятом номере вашего журнала идет статья, которая якобы не только опровергает высказывания С.К.Карапетяна о порождении грабом лещины, но и обвиняет тов. Карапетяна в нечестности. Статья тов. Карапетяна была помещена в журнале "Агробиология".

Будучи детально знаком со многими материалами по данному вопросу, и будучи также уверен, что редакция "Ботанического журнала" с этими материалами не знакома, я и решил сообщить вам следующее.

Предположения, высказанные в статье С.К.Карапетяна о порождении грабом лещины в свете новых, выявленных на этом же дереве порождений лещины, являются неуязвимыми. Иными словами, статья, опубликованная С.К.Карапетяном, была и остается научно правильной.

Мне кажется, что, имея данное мое заявление, редакция "Ботанического журнала", для того, чтобы не сделать ошибки, могущей повлечь за собой вред для нашей науки, и чтобы не опорочить честного человека, должна разобраться поподробнее во всех материалах, относящихся к данному вопросу" (34).

И, действительно, редколлегия сняла из пятого номера уже набранную статью. Но, как позже выяснилось, это было сделано вовсе не из согласия с всесильным президентом ВАСХНИЛ или страха перед ним. Через два месяца статья, опровергающая не только "неуязвимые и научно правильные предположения" Карапетяна, но и утверждения самого Лысенко, увидела свет. Понадобилось время, чтобы одновременно со статьей напечатать и это письмо Лысенко.

О чем же шла речь? В свое время С.К.Карапетян сообщил о возникновении ветвей лещины на дереве граба, росшем вблизи Еревана. Карапетян настаивал на том, что эти ветки не могли быть ни в коем случае результатом самопрививки или искусственного сращивания ветвей двух деревьев. Вблизи граба, на котором возникла ветка лещины (этот экземпляр теперь, для пущей солидности, именовали граболещиной), вообще нет никаких лещин, -- утверждал Карапетян.

Однако другой армянский ученый А.А.Рухкян -- специалист в области животноводства, интересовавшийся общими вопросами биологии, решил обследовать описанное Карапетяном дерево и нашел не только неоспоримое доказательство банальной прививки, сделанной рукою человека, но даже разыскал того, кто осуществил много лет назад эту прививку (35). Автором очередного "выпотевания" -- лещины на грабе -- оказался бывший рабочий лесхоза Р.Есаян, который еще в 1923 году произвел эту прививку и несколько аналогичных ей. Прививая от нечего делать, ветвь одного дерева на другое, Есаян и предположить не мог, что через четверть века его невинные любительские упражнения станут основой для великого смятения ученых умов. Свои каверзные прививки Есаян продолжал и позже и по просьбе Рухкяна показал ему, а затем специально собранной комиссии, еще несколько удавшихся прививок.

По ходу разбирательства всплыли и более криминальные подробности3. Оказалось, что Карапетян не просто не смог углядеть следов прививки, но вполне намеренно пошел на подлог. На представленной им фотографии "граболещины", опубликованной в журнале "Агробиология", чудесным образом исчезли очертания нижней части привитой ветки -- она была тщательно заретуширована, иначе бы было видно место прививки. Кроме того,

категоричное заявление Карапетяна, что случайной самопрививки не могло быть хотя бы потому, что в данном лесу вблизи дерева граба нет вообще ни прутика лещины, оказалось результатом не менее чудесной слепоты Карапетяна, так как вокруг "переродившегося" граба из-за сплошного массива лещины было трудно увидеть деревья других пород. Поэтому и другая приведенная им фотография, на которой "граболещина" стояла в гордом одиночестве позади ветхого забора и только вдали виднелось несколько деревьев и толстый пень, была фальшивкой. На самом же деле, как было отчетливо видно на фотографии, опубликованной в "Ботаническом журнале", и перед забором и вокруг "граболещины" теснились "мощные заросли лещины".

Разоблачения подделок Карапетяна вместе с разоблачениями Авотина-Павлова показали, что публиковавшиеся в лысенковском журнале "Агробиология" материалы о "выпотеваниях" были результатом несомненной фальсификации4. Позже список жульнических упражнений лысенкоистов, связанных с якобы имевшими место превращениями одного вида в другой, был пополнен многими фактами (38).

Так на глазах расползалась канва теоретических рассуждений, положенных Лысенко в основу его "новой концепции вида". В 1954 году в "Бюллетене Московского общества испытателей природы (отдел биологии)" появилась статья старейшего ботаника Бориса Михайловича Козо-Полянского (39). Автор привел 18 пунктов, по которым взгляды Лысенко расходились с дарвинизмом, и доказал, насколько лысенкоизм далек от того, чтобы иметь основание претендовать на роль "творческого дарвинизма". Была насыщена фактами и статья И.И.Пузанова "Сальтомутации и метаморфозы" (40).

20 января 1954 года на Биолого-почвенном факультете Ленинградского университета состоялась конференция "по вопросам вида и видообразования" (41), на которой Турбин снова ярко выступил против Лысенко по поводу того, как возникают виды, хотя и сделал при этом следующее уточнение:

"Я нисколько не сожалею о том, что в самом начале своей
научной карьеры, еще задолго до августовской сессии, в период наиболее острой борьбы мичуринского учения с вейсманизмом-морганизмом я активно выступил в защиту мичуринского направления, возглавляемого академиком Лысенко... Я смею также думать, что несмотря на мою критику взглядов Т.Д.Лысенко, я с ним скорее могу найти общий язык, так как он настоящий ученый, чего, к сожалению, нельзя сказать о некоторых нынешних сторонниках и защитниках его взглядов, которые своим поведением напоминают флюгер, точно ориентирующийся в зависимости от того, откуда дует ветер" (42).

В эти же дни редколлегия "Ботанического журнала", не имея возможности опубликовать все присланные в редакцию статьи и письма с критикой лысенкоизма, попросила Л.А.Смирнова и Д. В.Лебедева подготовить обзоры этих материалов, и вскоре такие обзоры появились в журнале (43). Факты, приведенные в статьях, напечатанных в "Ботаническом журнале" и "Бюллетене МОИП", разбили вконец все имевшиеся в руках лысенкоистов "доказательства".

Провал докторской диссертации Дмитриева

Но одними научными публикациями дело не кончилось. Выше упоминалось, что Лысенко торопился сделать всё возможное, чтобы выполнявшуюся докторскую диссертацию для Дмитриева закончили побыстрее. Н.И.Нуждин и другие следовали указаниям шефа, и в 1952 году работа была представлена к защите. На титульном листе диссертации было указано, что её научным консультантом является сам академик Т.Д.Лысенко. Работу к защите принял Ученый Совет его же института генетики АН СССР, защита прошла успешно (любителей

перечить Лысенко в его собственном институте не нашлось). Высшая Аттестационная Комиссия должна была утвердить решение Ученого Совета и выдать Дмитриеву диплом доктора наук. До сих пор дела с утверждением лысенковских ставленников проходили через ВАК без запинки.

Согласно принятой процедуре из ВАК'а диссертацию сначала отправляли так называемому внутреннему оппоненту, фамилия которого диссертанту не сообщалась (в ученом мире его называли "черным оппонентом"). На этот раз таким рецензентом был выбран Турбин. Он и впрямь оказался для Дмитриева оппонентом "черным". Заключение, данное им, было отрицательным. Дело с утверждением застопорилось. Под давлением Лысенко диссертацию послали другому внутреннему оппоненту в надежде, что он даст нужный отзыв. На этот раз её направили профессору Сергею Сергеевичу Станкову, незадолго до того ставшему заведующим кафедрой геоботаники Московского университета5 . Однако Станков тоже пришел к выводу, что докторскую степень за эту работу присуждать ни в коем случае нельзя.

Положение осложнилось еще одним обстоятельством. С критикой фактической стороны "опытов" по превращению видов выступил Сукачев (44):

"Таких фактов, однако, нет в работах ни В.С.Дмитриева, ни других авторов... Следовательно, В.С.Дмитриев просто вводит в заблуждение читателей" (45).

Он также отозвался негативно о полемических приемах, применявшихся Дмитриевым и Нуждиным в попытках отвести от себя критику.

"Мы имеем не дискуссию, двигающую науку, -- писал Сукачев, -- а толчею воды в ступе" (46).

В тот год увидели свет и другие статьи с критикой работы Дмитриева (47).

Тогда Лысенко, состоявший членом высшего органа Аттестационной Комиссии -- пленума ВАК, решил повернуть ход борьбы за диссертацию в свою сторону самым простым способом. На 20 февраля 1954 года было назначено заседание пленума, на котором надлежало вынести окончательное решение о диссертации Дмитриева. Лысенко, обычно отсутствовавший на подобного рода заседаниях, на этот раз явился, чтобы защитить от нападок своего человека. И это ему удалось. "Третейский суд" -- пленум ВАК принял вердикт, что вопреки мнению биологической секции ВАК В.С.Дмитриеву следует присудить ученую степень доктора биологических наук. Лысенкоисты торжествовали6.

И вдруг через месяц, словно гром среди ясного неба, по этому, уже решенному ВАК'ом вопросу, выступила газета "Правда". Под рубрикой "Письма в редакцию" 26 марта 1954 года было напечатано следующее:

"Об одной порочной диссертации

Позвольте мне, старому профессору, отдавшему всю свою жизнь служению науке, сообщить о возмутительном факте, который принижает честь и достоинство нашей советской науки. Дело заключается в следующем.

Несколько месяцев тому назад Высшая аттестационная комиссия (ВАК) прислала мне на отзыв диссертацию докторанта Института генетики АН СССР т. В.С.Дмитриева "О первоисточниках происхождения некоторых видов сорных растений". Основной смысл этой диссертации состоит в утверждении, что культурные растения сами порождают свои

сорняки. Так, рожь якобы порождает костер ржаной, овес -- овсюг, подсолнечник -- подсолнечниковую заразиху и т. д.

Внимательно ознакомившись с этой диссертацией, я пришел к выводу о ее научной бездоказательности и методической несостоятельности. Поэтому я дал отрицательный отзыв об этой работе и направил его в Высшую аттестационную комиссию.

На заседание экспертной комиссии ВАК по биологии был приглашен и докторант т. Дмитриев. На вопросы членов экспертной комиссии относительно методики постановки экспериментов он не дал удовлетворительных ответов. Больше того, докторант проявил слабое знание элементарных биологических закономерностей. Да это и понятно, ибо В. С. Дмитриев, являясь кандидатом экономических наук, глубоко не занимался биологией.

В результате двух обсуждений у членов экспертной комиссии сложилось неблагоприятное впечатление о диссертации В.С.Дмитриева. Стараясь смягчить положение, комиссия вынесла постановление -- вернуть диссертацию автору на доработку, хотя были все основания нацело отвергнуть это исследование как явно ошибочное.

13 февраля состоялось заседание президиума ВАК под председательством академика А. А.Благонравова. Рассмотрев все материалы личного дела В.С.Дмитриева, президиум рекомендовал пленуму ВАК отклонить ходатайство совета Института генетики Академии наук СССР об утверждении В.С.Дмитриева в ученой степени доктора биологических наук7 .

20 февраля собрался пленум ВАК, на котором в числе других членов присутствовал академик Т.Д.Лысенко, являющийся научным руководителем докторанта В. С. Дмитриева. Выступая на пленуме трижды, Т.Д.Лысенко взял под свою защиту диссертацию В.С.Дмитриева. При этом академик Лысенко со свойственной ему резкостью обозвал всех рецензентов, отозвавшихся отрицательно о диссертации, в том числе и меня, вейсманистами. Академик Лысенко безапелляционно заявил, что он несет полную ответственность за научную доброкачественность диссертации В.С.Дмитриева, не приведя в подтверждение своих доводов никаких доказательств.

Выступления Т.Д.Лысенко были поддержаны академиком А.И.Опариным, действительными членами Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина В.П.Бушинским, П.Н.Яковлевым и некоторыми другими. Выступления этих ученых носили общий, декларативный характер, что вполне понятно, ибо никто из них не является специалистом в области ботаники8 .

Несмотря на всю методическую и научную несостоятельность диссертации В.С.Дмитриева, пленум ВАК решил присвоить ему ученую степень доктора биологических наук. Как это ни печально, но сам по себе этот факт свидетельствует о ненормальной обстановке в нашей биологической науке.

Я -- человек беспартийный, но привык видеть в нашей партии воплощение справедливости. Глубоко надеюсь, что и на этот раз справедливость восторжествует. Ведь то, о чем я сообщаю в этом письме, нельзя рассматривать иначе, как глумлением над советской наукой.

С.Станков

Профессор Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, доктор биологических наук" (49).

Внизу под подписью шло краткое добавление:

"От редакции: Вопрос о диссертации т. Дмитриева был вновь предметом обсуждения на заседании пленума ВАК в связи с поступлением в ВАК дополнительных материалов, характеризующих научную необоснованность и неправильную методику исследований в этой диссертации. Учитывая дополнительные материалы по работе В.С.Дмитриева, Высшая аттестационная комиссия постановила отклонить ходатайство Совета Института генетики АН СССР об утверждении Дмитриева В.С. в ученой степени доктора биологических наук, отменив решение ВАК от 20 февраля 1954 г." (50).

И письмо Станкова и примечание редакции с сообщением о поражении теперь уже не одного Дмитриева, но, главным образом, Лысенко были для последнего крайне неприятными событиями. Очень резко звучало то место в комментарии редакции "Правды", а, значит, и ЦК партии (ведь редакция этой газеты выражала мнение только ЦК), что исследования по проблеме видообразования признаны научно необоснованными. Хуже не придумаешь.

Когда и при каких обстоятельствах произошла отмена степени доктора наук, сообщено не было, так что оставалось неясным, присутствовал ли при повторном обсуждении на пленуме ВАК его член Лысенко, и сидели ли, набрав в рот воды, его сторонники -- Опарин, Бушинский и Яковлев. Победа обернулась горьким поражением. Спустя много лет, Сергей Сергеевич Станков рассказывал мне, что цитированное выше письмо он отправил не в "Правду", а непосредственно в Отдел науки ЦК партии, а уже оттуда его передали в газету, даже не сообщив об этом предварительно автору. По его словам, заметка эта была пропущена в печать специальным решением ЦК партии, куда Станкова приглашали на беседу9. Его пытались уговорить не поднимать шум -- "из-за пустяка", но уломать, заставить старого профессора смириться, не смогли10, а тут еще оказалось, что позиция Станкова пришлась по вкусу Хрущеву.

В научной жизни СССР отмена уже присужденной степени доктора наук была событием из ряда вон выходящим. В те годы такое случалось настолько редко, что трудно даже сказать, кто еще, кроме Дмитриева и Бошьяна, был лишен степени11.

Лесоводы отвергают гнездовые посадки леса

Этим событием трудности для авторов "новой теории биологического вида" не завершились. В ноябре 1954 года состоялось Всесоюзное совещание по степному полезащитному лесоразведению. На нем были подробно разобраны последствия использования метода гнездовых посадок леса в реализации Сталинского плана преобразования природы. Впервые лесоводы почти единогласно (490 из 500 участников совещания) проголосовали против гнездовых посадок по методу Лысенко. Один за другим выступали специалисты (зам. министра лесного хозяйства В.Я.Колданов, доктор сельскохозяйственных наук Н.А.Качинский, доктор наук Г.Г.Юнаш, сотрудник Министерства сельского хозяйства УССР Л.Д.Шляханов, доктор сельскохозяйственных наук А.Г.Гаель и другие) и, дополняя друг друга, рисовали картину неудачи, огромного по масштабам промаха, допущенного Лысенко (54). Как писал друг Четверикова и Станкова -- зоолог И.И.Пузанов:

"... академик Лысенко на совещании... заявил, что он теперь занят "теоретическими" вопросами и ему решительно все равно, как и где садить -- на земле или на луне. Присутствовавший зам. министра ему ответил: "Вам-то все равно, а народному хозяйству далеко не безразлично! Поэтому мы охотно предоставляем вам для опытов луну, а на своей советской земле экспериментировать больше не дадим -- себе дороже стоит"" (55).

Со всеми выступавшими Лысенко обошелся самым неделикатным образом. Когда в конце совещания ему предоставили слово, он объявил свой вердикт в отношении всех критиков:

"... большинство заявлений, выступлений и докладов о гнездовом посеве, я заявляю об этом с полной ответственностью, носили не объективный характер" (56).

Он по-прежнему отстаивал тезис об отсутствии в природе внутривидовой борьбы, причем снова повторял, что те, кто придерживаются этого взгляда, -- реакционеры. Он долго в этой связи склонял имя академика Сукачева, повторяя в каждом абзаце слово "реакционеры". Затем он повторил свое предположение о том, что деревья в посадках срастаются корнями так, что образуется единая корневая система деревьев. Он остановился и на своей идее об универсальном распространении в мире деревьев свойства самопожертвования:

"После сращивания [корнями -- В.С.] я думаю, идет перекачивание всех пластических веществ из деревца, внутренне готового к отмиранию, в остающееся деревце того же самого вида... Молодые дубочки, будучи в группе, затеняют почву и этим самым оберегают себя от злейшего конкурента -- пырея. По мере роста... функция ряда дубочков, становясь излишней, отпадает... Поэтому с окончанием функции и сами деревца отпадают, отмирают. Происходит так называемое самоизреживание" (57).

Наверное, он сам не понимал, какие чувства вызывал у присутствующих своими словами. До этого выступавшие показывали диаграммы, таблицы, наполняли свои выступления цифрами, чтобы их слова выглядели доказательно. А Лысенко без единого доказательства повторял -- тезис за тезисом -- свои уже давно сказанные и написанные умозаключения, выведенные не из фактов, а высосанные из пальца. Закончил он свое выступление таким же приемом. До него уже выступило более 40 человек. Большинство из них идею гнездовых посадок отвергло именно потому, что на практике из нее ничего не вышло, потому что на практике она провалилась. Но Лысенко сделал вид, что ничего этого не слышал и изрек:

"Если бы в природе существовала внутривидовая конкуренция, тогда в практике невозможно было бы иметь гнездового способа посева и посадки" (58).

Цифры, данные экспериментов, ссылки на вековечную практику не задерживали на себе его внимания. Он и позже повторял, что порождение видов его сотрудниками доказано, что систематики и ботаники вообще сами не знают толком, что такое вид, а, не зная, и не могут правильно критиковать его положения. 8 апреля 1954 года, выступая на юбилейной сессии Академии наук Украинской ССР в Киеве, он яростно спорил по этим вопросам. Сохранившаяся чудом неотредактированная стенограмма этого выступления хорошо передает речь "колхозного академика".

"Что такое вид, -- говорил он, -- до настоящего времени никто еще в науке не сказал. Вид от вида отличается качеством. Я не философ, значит, но марксистско-ленинскую философию люблю. Я обратился в Институт философии, и товарищи мне сказали: качество от качества отличается не количеством. Они отличаются качественно. (Хохот).

Совокупность свойств отличает один вид от другого. Разве если вы собаку встретите без хвоста, это новый вид -- бесхвостые собаки? Нет.

... любая систематика должна выполнять задачи практики. Вот летает воробей. Летает себе, и пусть. А приложи практик руку -- не то, что разновидности, а штаммы появились бы. На какую породу собак вы ни посмотрите, ни одна из них от собаки не уклоняется. Где же делась настоящая собака, если все породы от собаки уклоняются? (Смех).

Мне без смеха ответили -- вымерла (хохот)...

Порождает ли пшеница рожь или не порождает? Я хочу, чтобы хоть один человек встал и сказал: я не верю, что пшеница превращается в рожь. Тогда я скажу: на мои личные деньги, а когда убедитесь в своей ошибке, вернете, конечно, -- поезжайте летом ко мне. Нарежьте своими руками два снопа пшеницы, принесите домой, посмотрите, чтобы не попалась рожь, а потом обмолотите и вынесите на солнышко, насыпьте тонким слоем, и вы найдете одно, два, три зерна ржи. Если вы не поверите, что это рожь, посейте, и все соседи скажут, что это рожь. Не подобие ржи, а настоящая рожь.

Кто не верит, что из ржи может получиться [к]остер? Приезжайте в Великие Луки и убедитесь. Таких случаев мы знаем сейчас 30 штук...

Можно признавать факты или спорить о толкованиях. Я никогда еще в жизни не отстаивал ни одной формулировки, если мне предлагали лучшую.

Противники мои в науке думают: Лысенко понятия не имеет, что такое вид. А я смотрю на них и думаю: они сами не понимают" (59).

Так до самой смерти он продолжал твердить, что виды порождают скачком другие виды. Долгое время его поддерживали многочисленные лысенкоисты. Солидаризировались с ним в этом вопросе и такие люди как академики АМН СССР Н.Н.Жуков-Вережников и В.Д.Тимаков (60). Никакой практической пользы, никакого спасительного комплекса мер, которые бы остановили распространение сорняков на полях СССР в годы лысенковского правления, конечно, не последовало12.

Н.С.Хрущев критикует травопольщиков за их ошибки

В феврале-марте 1954 года состоялся Пленум ЦК КПСС, продолжавшийся почти неделю. Это был уже второй пленум после смерти Сталина, и, подобно предшествовавшему ему (сентябрьскому пленуму 1953 года, принявшему решение "О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР"), он был целиком посвящен попыткам преодолеть крупные просчеты в этой области.

Впервые на этом пленуме было открыто сказано о нехватке зерна, о низкой урожайности сельскохозяйственных культур, о плохом состоянии животноводства, об истощении пахотных земель. Хотя речи выступавших были полны заверений в том, что в ближайшие годы страна выйдет из прорыва, хотя оптимизм и вера в светлое будущее превалировали в речах людей, говоривших от имени страны, победившей фашизм, тем не менее, реальность просчетов в сельском хозяйстве была всем ясна.

С этого времени 1-й секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущев начал свои бесконечные реформы сельского хозяйства, надеясь путем посылки партийных функционеров на село, закрытия МТС, введением на селе партийных органов, отделенных от других партийных комитетов, и т. п. решить проблемы сельского хозяйства. На этом пленуме он предложил начать освоение огромных пустующих территорий Западной Сибири, Алтая, Казахстана и частично Поволжья. Было принято специальное решение по этому вопросу, названное "О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель".

В речи, произнесенной на пленуме 23 февраля, Хрущев остановился и на ошибках агробиологов. Он объявил, что учение о травопольной системе больше не рассматривается

партией как единственно правильное в земледелии.

Травопольную систему ввел Василий Робертович Вильямс -- известный почвовед. После окончания Петровской земледельческой академии в Москве он съездил вслед за Д.Н.Прянишниковым и П.С.Косовичем13 на стажировку во Францию и Германию (1889-1890). Вернувшись в Россию и защитив кандидатскую диссертацию, он должен был продолжать научную деятельность, но Петровскую академию как рассадник революционной заразы закрыли. Вильямс пользовался доверием властей, и его оставили хранителем имущества академии. В 1894 году вместо Петровской академии царь распорядился открыть (на её базе) Московский сельскохозяйственный институт для привилегированных кругов (в основном для детей крупных землевладельцев), и Вильямсу предложили кафедру. Вскоре он получил звание профессора. В 1907 году после того, как Прянишников отказался принять пост директора этого института, командовать им стал Вильямс. Несомненно, его авторитет как ученого даже и сравнить с авторитетом Прянишникова было нельзя, но зато репутация Вильямса как твердого проводника консервативных тенденций -- и не только в вопросах воспитания -- была отлично известна правительству.

Однако после прихода к власти большевиков Вильямса будто подменили. Революцию он безоговорочно признал, щеголял в рваной обуви и грозившей вот-вот расползтись вязаной куртке (когда рукава куртки вконец разлохматились, он их отрезал, но куртку демонстративно не выбросил: безрукавка, -- гордо позировал он, -- даже удобнее и демократичнее).Он вспомнил свое бедняцкое происхождение (его отец инженер, эмигрировал из Америки еще в середине XIX века, Василий родился в 1863 году уже в Москве, однако отец вскоре умер, и детство Вильямса действительно протекло во всё нараставших лишениях). Указывая на свое американское происхождение, Вильямс любил повторять, что в "жилах его течет кровь индейцев Америки".

В.Р.Вильямс в 1922 году стал первым "красным ректором" Тимирязевки (так переименовали Петровскую академию в честь К.А.Тимирязева, изгнанного в 1891 году из академии за откровенно революционные призывы). Вильямс первым среди профессоров академии в 1928 году вступил в партию большевиков. Его поддерживал Н.И.Вавилов (64). Делал Вильямс и общественную карьеру: в 1922 году стал членом Моссовета, в 1928 году -- членом ВЦИК, в 1938 г.
-- депутатом Верховного Совета СССР. Его шумные декларации так набили многим оскомину, что кто-то обозвал его "коммуноидом", и прозвище настолько прилипло к Вильямсу, что в 1933 году в "Социалистическом земледелии" появилась даже статья, в которой клеймили позором тех, кто якобы пустил в оборот с вредными намерениями это словцо, метко определявшее сущность Вильямса (65). Критикам в статье грозили карами, упоминая о тех, кто уже сидел или был выслан.

Вильямса снедала жажда славы, и, в конце концов, он выдвинул себя на роль столпа земледелия, обосновавшего новое учение -- травопольную систему земледелия. Нужно сеять многолетние травы, -- объявил он, -- обработку почвы вести глубоко, при пахоте переворачивать пласт почвы, переваливая в нижние слои пронизанную корнями дерновину (чтобы улучшить плодородие почвы), отказаться от бороны и катков (чтобы почва "дышала") и т. п. Против этих идей выступили многие авторитетные ученые, пожалуй, одним из первых академик Н.М.Тулайков, предостерегавший от опасности эрозии почв при использовании вильямсовской схемы. После гибели Тулайкова в сталинских застенках, врагом номер один для Вильямса стал Прянишников. Последний считал, что нужно развивать химическую промышленность удобрений и вносить азотные, фосфорные и другие туки в землю, а Вильямс уверял, что можно обойтись гораздо меньшим количеством удобрений, если сеять бобовые смеси и многолетние травы. Эта точка зрения, наконец, дошла до Сталина, и вопрос

тут же был решен приказным порядком. Травопольную систему начали внедрять повсеместно. Особенно активно это стали делать после войны, когда Вильямса и в живых-то не было (он умер в ноябре 1939 г.).

Лысенко был хорошо осведомлен, что Сталину импонировали идеи Вильямса, и не случайно в письме к вождю в 1948 году он упомянул его фамилию, уверяя, что вполне "разделяет учение Вильямса о земледелии", "развивает его", поскольку-де корень его один, общий с "мичуринским учением". В эти годы Лысенко стремился прочно завоевать признание властями как главного травопольщика. Например, в 1946 году в программной статье о путях развития сельского хозяйства он писал:

"... только широкое внедрение... травосеяния создает необходимые условия для плодородия почвы" (66).

То же самое он продолжал утверждать и позже.

Поэтому, когда Хрущев обвинил травопольщиков в монополизме, в насаждении вредных взглядов неприемлемыми административными мерами и даже сослался на внедрение травополья через много лет после смерти Вильямса, все восприняли его слова как прямой выпад против Лысенко. Это казалось тем более естественным, ибо Хрущев вспомнил о некрасивых действиях В.С.Дмитриева (67) и С.Ф.Демидова -- ближайших к Лысенко людей, и о преследовании ими тех, кто пытался честно спорить по вопросам науки (68).

Хрущев также выступил против предложения Лысенко заменить на Украине озимую пшеницу яровой. Попытки такой замены Лысенко предпринимал еще в середине 30-х годов. Не без помощи Хрущева, тогда секретаря ЦК партии Украины, было принято партийное решение, осуждающее подобную замену, но практика замены продолжалась. Спустя 17 лет после начала кампании по замене, стало ясно, и Хрущев об этом в жестких выражениях заявил, что это было ошибкой, и обошлось стране слишком дорого. Озимой пшеницы можно было бы собирать ежегодно по 20 ц/га, а яровая пшеница лишь в лучшие годы давала 10-12 ц/га. Вообще же, как правило, её урожай не превышал -56 ц/га. Таким образом, за годы внедрения яровой пшеницы вместо озимой на многих миллионах гектаров недобор урожая составил, по словам Хрущева, почти миллиард пудов (69).

Многим тогда казалось, что эти выступления имели своей целью ударить по Лысенко. Косвенным показателем падения престижа Лысенко в глазах высшего руководства страны стали два события, предшествовавшие февральско-мартовскому пленуму ЦК КПСС 1954 года.

За три недели до его начала в Кремле прошли одно за другим Совещание работников совхозов и Всероссийское совещание передовиков сельского хозяйства, созванные ЦК партии и Совмином СССР. Эти парадные сборища должны были продемонстрировать народу, что руководители страны жаждут посоветоваться с людьми от земли по поводу того, как дальше вести хозяйство. 4 февраля 1954 года "Правда" и другие центральные газеты сообщили об открытии первого из совещаний и напечатали большую панорамную фотографию президиума совещания, изображавшую Маленкова, Хрущева, Ворошилова, Кагановича, Микояна, Сабурова, Первухина, Шверника, Суслова. В газете перечисляли другие фамилии -- передовиков, ученых, но фамилия Лысенко среди них отсутствовала (70). День за днем -- четвертого, пятого, шестого февраля -- газеты публиковали подробные отчеты о выступлениях, но Лысенко слова не получил.

Затем 11 февраля открылось Всероссийское совещание, и на нем история повторилась: на

видных местах Лысенко отсутствовал, основной доклад сделал заместитель председателя Совмина РСФСР и одновременно министр сельского хозяйства РСФСР П.П.Лобанов (71), выступили и Цицин, и Эдельштейн, и другие ученые, но не появился в составе докладчиков "главный агроном страны". Лишь на третий день Трофим Денисович получил слово, но только в прениях. Впервые за 18 лет он попал в такое положение, да и места в "Правде" изложению его выступления отвели до обидного мало: всего 23 строки (72). Это отключение от парадных ролей в публичных встречах на высшем уровне, стало повторяться раз за разом (73). 23 февраля в Кремле собрали митинг, посвященный отъезду на целину первой группы так называемых добровольцев, но Лысенко опять отсутствовал. Его не ввели и в состав правительственной комиссии по подготовке празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией, хотя, казалось бы, кому, как не самому знатному из украинцев (многолетнему члену УЦИК -- украинского парламента и его Президиума), следовало войти в эту комиссию (74).

Некоторой компенсацией этого морального урона могло быть сообщение о том, что в эти же дни, а именно 12 февраля, в Свердловском зале Кремля Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ворошилов вручил Лысенко очередной орден Ленина (75). Но ничего исключительного в этом жесте лично для Лысенко не проявилось: ордена были вручены почти 75 академикам, причем ордена Ленина -- 67 членам академии (в числе награжденных были И.В.Курчатов, Г.С.Ландсберг, М.А.Леонтович, В.С.Немчинов, И.Е.Тамм, Н.В.Цицин и другие).

С критикой ошибок, произошедших из-за деятельности Лысенко (но, под-черкнем, -- опять без упоминания имени "колхозного академика"), выступил Хрущев и на следующем партийном пленуме (январско-февральском 1955 года). Руководитель партии обвинил руководство сельхознауки (а, значит, можно было думать и Лысенко) в препятствии распространению посевов гибридной кукурузы (76). Пленум ЦК постановил перейти повсеместно на посевы гибридными семенами. Но принять постановление было легче, чем выполнить его. Гибридных сортов не было, а из-за разгрома генетики их некому было вывести. Да и не такое это было легкое дело, которое можно было в мгновение ока, одним волевым нажимом решить. Чтобы срочно поправить положение, было решено закупить в США большие партии семян (пришлось-таки платить золотом за долголетнюю веру вождей в чудеса "мичуринцев"!). Естественно, что для всех площадей, используемых под кукурузу, заокеанских семян не хватило, и весной 1955 года 17,2 млн. га пришлось засеять малоурожайными сортами обычной селекции (77), а всего для создания хозяйств по выпуску гибридных семян, выведения нужных линий, часть из которых появилась благодаря так называемой "карманной селекции" (направлявшиеся за рубеж селекционеры из СССР тайком бросали в карманы пиджаков семена приглянувшихся им заокеанских линий), понадобилось почти десять лет!

Критика Лысенко учеными разных специальностей

Публикации в "Ботаническом журнале" и "Бюллетене Московского общества испытателей природы" подорвали мнение о неоспоримой правоте лысенкоистов. Огромную роль в борьбе с ретроградами имела смелая и бескомпромиссная позиция главного редактора обоих изданий академика Сукачева и окружавших его соратников (следует особо упомянуть заместителя главного редактора биологического отдела "Бюллетеня МОИП" профессора, зоолога Вениамина Иосифовича Цалкина и ленинградских соратников Сукачева из Ботанического института -- Даниила Владимировича Лебедева, Павла Александровича Баранова и Евгения Михайловича Лавренко). А в результате в обоих журналах были опубликованы десятки статей против засилий лысенковских догм в биологии.

Оставаясь, в основном, связанной с проблемами видообразования, эта критика несла в себе заряд против догматизма в целом. В биологических кругах, особенно в Москве и Ленинграде, антилысенковские выступления стали принимать глобальный характер.

В Москве выдающуюся роль сыграла открытая в 1955 году при МОИП'е (благодаря содействию Президента Общества академика Сукачева) секция генетики. Раз в две недели в Большой Зоологической аудитории Московского университета (ул. Герцена, 3) собиралось несколько сот людей -- от убеленных сединами пожилых генетиков, оставшихся в живых после сталинских репрессий, до совсем юных студентов, благоговейно слушавших тех, чьи имена еще год-два назад были, как казалось, навсегда вытравлены из памяти ученых. Во время этих заседаний царила удивительная атмосфера, витал дух праздника науки, воздействовавший не только на участников семинаров, но и гальванизирующий затхлую атмосферу, исходившую от лысенковского болота. Здесь отсутствовали все атрибуты догматизма и прежде всего -- чинопочитание (если не сказать лизоблюдство), приземленность и примитивизм. Здесь главенствовал совершенно иной подход, поражавший в особенности нас -- студентов, которые видели, с каким неподдельным чувством взаимоуважения и одновременно строгого критицизма, глубиной постановки научных вопросов и неизменным юмором и шутками разговаривают друг с другом известные ученые. Слишком разителен был в общении на публике контраст примитивно рассуждавших лысенковцев,
но всегда напыщенных, показательно серьезных и многозначительно важных, и тем, что являли собой генетики -- простые, по-человечески добрые, эмоциональные и порой даже откровенно веселые люди.

Огромную роль в оздоровлении обстановки в биологии сыграли тогда физики и химики. Позже я специально остановлюсь на этом, а здесь отмечу помощь генетикам со стороны академика, всемирно известного физика-теоретика, будущего лауреата Нобелевской премии Игоря Евгеньевича Тамма. В Физическом институте имени Лебедева АН СССР он организовал семинар, на котором рассматривались биологические проблемы. К работе семинара были привлечены наряду с генетиками и крупными биологами специалисты физики, математики, химики. В эти годы был освобожден из заточения Лев Абрамович Тумерман14 , который активно участвовал в таммовском семинаре. На нем можно было видеть таких замечательных ученых, как Лев Александрович Блюменфельд, вскоре организовавший кафедру биофизики на физическом факультете МГУ, заинтересовавшихся вопросами биологии Михаила Львовича Цетлина, Микаэла Моисеевича Бонгарда (ранняя смерть оборвала деятельность этих выдающихся ученых) и многих других.

В борьбу против Лысенко страстно включился и известный химик академик Иван Людвигович Кнунянц, работавший в Академии наук СССР и заведовавший кафедрой в Военной академии химической защиты. Его часто можно было видеть на семинарах и лекциях биологов, его ладная фигура в генеральском костюме, сверкающем золотом погон, живость и демократичность отношений со всеми, кто соприкасался с ним, вызывала симпатии. Обладая несомненным публицистическим даром, он внес в биологическую дискуссию новую струю -- обсуждение не отдельных ошибочных мест в лысенковских псевдотеориях, а догматизма, который был характерен для лысенкоизма в целом. Статью И.Л.Кнунянца и Л.Зубкова "Школы в науке", опубликованную 11 января 1955 года на первой странице "Литературной газеты", читали и перечитывали в советских научных кругах, как свидетельство поворота от лысенкоизма. Авторы писали:

"Нельзя признать нормальным положение, создавшееся сейчас в области таких наук, как генетика, агрономия. Ведь при всем уважении к заслугам Т.Д.Лысенко было бы вряд ли правильно считать его школу единственно возможным здесь направлением... Школа акад.

Т.Д.Лысенко... попросту игнорирует многие, твердо установленные наукой факты и ряд актуальных задач в этой области ..., было бы неправильным признать за школой Т.Д.Лысенко... какую-то монополию на "окончательное" решение всех основных вопросов научной дисциплины "в последней инстанции" (78).

С 1954 года в странах социалистического блока появились первые исследования, вскрывшие ошибочность лысенковских догм. Ученик известного биолога Ганса Штуббе, ставшего Президентом Академии сельхознаук ГДР, Хельмут Бёме, потратил более двух лет кропотливого труда на то, чтобы разобраться, действительно ли возможна вегетативная гибридизация в том виде, как её представляли Лысенко и Глущенко. Бёме учился одно время в Ленинградском университете на кафедре Турбина, свободно владел русским языком и был вполне в курсе дел по вегетативной гибридизации, так как Турбин всецело разделял веру Лысенко и Глущенко в возможность влияния на наследственность путем обычных прививок. Турбин даже опубликовал в 1949 году статью на этот счет (79). Вернувшись домой, Бёме провел педантично спланированные и выполненные с безукоризненной немецкой аккуратностью опыты, доказавшие несомненную ошибочность утверждений о возможности вегетативной гибридизации путем прививок (80)15.

Особо надо сказать о том громовом впечатлении, которое произвела на всех публикация в 1954 году большого очерка писателя Олега Николаевича Писаржевского "Дружба наук и ее нарушения" (82). Впервые за все годы лысенковщины в нем было открыто сказано о главных ошибках этого "учения". Писаржевский начал свой рассказ с упоминания о недавно услышанном выступлении Лысенко на сессии ВАСХНИЛ в сентябре 1953 года. Он писал об уважении, с каким относился каждый простой человек к Лысенко, "победно выводившему науку на бескрайние колхозные поля" и ставшему "командармом полей".

"За ним шла горсточка ученых последователей и армия колхозных опытников, свято поверивших в пламенно им проповедуемую достижимость благородной цели безграничного умножения плодов земных", -- писал Олег Николаевич (83).

Но вот теперь, внимая Президенту ВАСХНИЛ, писатель испытал двоякое чувство:

"Его речь, пленившая меня своей яркой образностью, в то же время оставила ощущение какой-то неудовлетворенности" (84).

Неторопливо, осторожно разворачивал Писаржевский перед читателями факты, из-за которых неудовлетворенность позицией Лысенко нарастала в его душе. Он вроде бы вполне разделял устремления тех, кто, борясь с вейсманистами-морганистами-менделистами, скрещивал оружие с отсталым в науке. Но при чтении очерка невольно чувствовалось, что тревога не покидала автора. Сначала он верил в то, что

"мрачные твердыни вейсманизма-морганизма были атакованы целой армией безупречных экспериментальных фактов и необычной смелости обобщений, для многих прозвучавших как откровение!" (85).

Однако стоило поближе познакомиться с действиями атакующих, как уверенность в безупречности фактов уступила место иному чувству. Пример за примером, приводимые Писаржевским, показывали, что Лысенко и горсточка его "ученых последователей" проявляли яростное желание задавить оппонентов любыми путями, затравить их с помощью то хитрых, а то и топорных ходов, чтобы добиться одной цели, одного результата -- монополизировать свое положение в науке. Писаржевский рисовал перед читателем страшную по своей сути картину лысенковского обмана. Неверной вышла на поверку идея

Лысенко, что микробы кормят растения. Охаянные Лысенко и лысенкоистами полиплоиды оказались на деле ценными растениями, а СССР, в котором были созданы сорта полиплоидных кок-сагыза и других культур, потерял и сорта и приоритет в этом вопросе. Гормоны роста оказались вовсе не разновидностью "флогистона", "теплорода", "жизненной силы", как их обозвал А.А.Авакян в 1948 году, а действительно существующими и реально функционирующими в растениях регуляторами роста. Олег Николаевич подробно рассказывал о тех людях, которые потратили годы жизни на изучение генов, хромосом, на познание важных законов биологии, отвергнутых и опороченных лысенкоистами, и получалось, что эти люди, генетики, почвоведы, физиологи растений -- вовсе не враги науки и прогресса и тем более не враги народа, ужасающие монстры, а настоящие герои науки и симпатичные в жизни люди, опозоренные несправедливо и выброшенные из науки кучкой сподвижников Лысенко. Они работали точнее и грамотнее, чем сторонники Лысенко, говорили им в лицо правду, -- и вовсе не из желания кого-то унизить, а из стремления к истине. Хорошо сказал Писаржевский и о другом грехе лысенкоистов:

"Злую шутку над агробиологами сыграла патриархально отсталая техника их эксперимента" (86).

Писатель делал вывод о необходимости развития тех отраслей, которые были чужды Лысенко, но без которых немыслим был прогресс в науке: биохимии и биофизики, физиологии и агрохимии. Он доказательно объяснял, что словесно расцвеченное бахвальство лысенкоистов относительно величайшей практичности их "теорий" на самом деле ничего, кроме слов, в себе не содержит. По утверждению автора очерка, практика от их домыслов только пострадала, и в связи с этим писал:

"Поиски нового будут плодотворными, если они будут стремиться всесторонне освещать явления жизни... если их единственным стремлением будет не добывание материала для групповой борьбы, а достижение наибольшей пользы для нашего народа... Нельзя не признать, что на некоторое время многие из тех, от кого зависела судьба ряда направлений советской биологии, ... утеряли этот важнейший критерий практики. Надо наверстывать упущенное!" (97).

Заканчивая этими фразами свой очерк, О.Н.Писаржевский звал читателей к раздумьям, к продолжению дискуссии.

Всех, кто болел душой за судьбы отечественной науки, не могли не порадовать в том году строки, появившиеся в передовой статье, озаглавленной "Наука и жизнь" в мартовском выпуске журнала "Коммунист". Говоря о необходимости разворачивания научных дискуссий, о "борьбе с аракчеевским режимом, насаждавшимся в некоторых научных учреждениях учеными, которые пытались установить своего рода монополию в науке", редколлегия центрального партийного журнала назвала имя одного такого монополиста -- Т.Д.Лысенко и в связи с этим писала:

"Монополизация науки приводит к тому, что творческое обсуждение вопросов подменяется администрированием, отсекаются инакомыслящие, глушится научная жизнь. Это проявилось, например, во Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина...

На пути развития научной критики администраторы от науки воздвигают всевозможные препятствия. Иные поклонники научных авторитетов встречают в штыки вся-кую критику со стороны инакомыслящих.

В одном из номеров "Ботанического журнала" была опубликована статья Н.В.Турбина, в

которой подверглись критике взгляды Т.Д.Лысенко по вопросу о видообразовании. Эти взгляды тов. Лысенко широко не обсуждались, хотя обсуждение их необходимо. Однако журнал "Успехи современной биологии" и "Журнал общей биологии" опубликовали статьи А.Н.Студитского и Н.И.Нуждина, в которых вместо делового обсуждения вопросов, поднятых тов. Турбиным, ему приклеили ярлыки вейсманиста-морганиста, вульгаризатора марксизма-ленинизма и т. д. и т. п. Тов. Турбин обратился в редакции данных журналов с письмами, в которых ответил на эти выпады, но его письма не увидели света" (88).

Редколлегия "Коммуниста" завершала этот раздел статьи словами: "Те, кто глушат критику в научной работе, наносят огромный ущерб науке и должны получить своевременный отпор". И многие тогда верили, что, наконец-то, и в партийных верхах раскусили Лысенко, а, значит, скоро придет конец и лысенкоизму в целом.

В 1955 году в журнале "Почвоведение" была опубликована статья Евгения Васильевича Бобко, ученика Прянишникова, в которой он, проанализировав причину постоянных успехов "колхозной науки", приходил к заключению, что методы работы лысенкоистов были порочными и позволяли просто не сообщать результаты тех опытов, которые шли вразрез с установками лиц, ставящих такие опыты (89). Как показывал Бобко, механизм такого подхода сводился к вольному обращению с цифрами (90), ставшему возможным в результате отказа от научно-обоснованных приемов обработки информации:

"В целях упорядочения агрономических исследований, в 1946 году был разработан и напечатан... стандарт по методике сельскохозяйственных полевых опытов (ГОСТ 3487-46). Однако по требованию руководства ВАСХНИЛ, признавшего этот стандарт нарушающим СВОБОДУ ИССЛЕДОВАНИЙ, тираж его был уничтожен" (/91/, выделено мной -- В.С.).

Вместе с тем в это время еще не все биологи хотели глядеть правде в глаза. Многие их них вовсе не зависели от Лысенко и работали в далеких от него областях, но заразились ложными идеями "мичуринцев". Так, сотрудники Института эпидемиологии и микробиологии АМН СССР им. Гамалея Д.Г.Кудлай и А.Г.Скавронская, продолжая верить в направленное превращение одних видов бактерий в другие, посчитали, что они на самом деле открыли превращение кислотообразующих бактерий в щелочеобразователи под влиянием внешней среды. Чтобы придать своему "открытию" пущую наукообразность, они стали искать поддержку у биохимиков, быстро нашли таковую у заведующего кафедрой биохимии растений Московского университета академика А.Н.Белозерского. Он отрядил своего аспиранта, только что закончившего МГУ, Александра Сергеевича Спирина, проверить у исходных и измененных бактерий нуклеотидный (то есть химический) состав нуклеиновых кислот -- молекул ДНК и РНК. Спирин усмотрел существенную разницу в наборе и количестве составных частей нуклеиновых кислот и объявил, что биохимически доказал изменение ДНК и РНК под влиянием внешней среды (Лысенко говорил -- под влиянием воспитания), после чего в печать пошла статья четырех авторов (92)16. Учение "мичуринцев" очередной раз было "подтверждено", Лысенко остался очень доволен работой и много говорил о результатах Спирина и Белозерского на лекциях студентам и в выступлениях.

Разгадка пришла позже, когда американский биохимик и генетик Эрнст Фриз указал на источник ошибок: в чашки с бактериями была занесена элементарная грязь -- посторонние бактерии, которые имели иной нуклеотидный состав и защелачивали среду. Но на разгадку ушли годы, а публикация в 1955 году имела важное для Лысенко оборонительное значение.

Возмутительным примером политиканства стала еще одна история с ленинградским профессором М.Е.Лобашевым. В январе 1954 года член-корреспондент АН СССР Н.П.Дубинин обратился в Президиум Академии наук СССР с предложением принять

срочные меры для развития в СССР генетики и прекратить засилье лжеученых в биологических учреждениях страны. Записку в Президиуме размножили и разослали по особому списку разным лицам, имеющим отношение к руководству наукой, и кое-кому из ученых. Попала она в том числе и к Лобашеву. Этот генетик, в прошлом ученик Ю.А.Филипченко, перешедший после 1948 года в лагерь Лысенко, дал 2 декабря 1954 года поразительный отзыв на записку:

"У каждого советского биолога возникает естественное чувство протеста против общего охаивания профессором Дубининым того мощного прогрессивного направления в биологии и генетике, которое развивается в нашей стране после сессии ВАСХНИЛ 1948 года... Создается впечатление, что профессор Н.П.Дубинин не понял всего того, что произошло в развитии науки после сессии ВАСХНИЛ... Автор записки не скупится на сильные "определения" деятельности института генетики [руководимого Лысенко -- В.С.]... Брать на себя смелость огульно охаивать большой коллектив способных экспериментаторов... недостойный прием аргументации в пользу затеваемого автором предприятия. Я знаком лишь с частью работ института по литературе (проф. И.Е.Глущенко, К.В.Косикова, Х.Ф.Кушнера, Н.И.Нуждина и их сотрудников) и считаю эти исследования интересными и представляющими определенное положительное явление в науке...(93). Нет необходимости создавать новый институт или отдельную лабораторию на правах института. В системе академии уже имеется Институт генетики" (94).

Благодаря таким отзывам (разумеется, коммунист Лобашев был не одинок) Опарину как академику-секретарю Отделения биологических наук АН СССР удалось затянуть решение многих вопросов, связанных с возрождением гене-тики в СССР.

С годами всё больший вес приобретали в государственной системе физики-атомщики (не только создавшие атомное оружие, но и открывшие 27 июня 1954 года в 110 км от Москвы в Обнинске Калужской области первую в мире атомную электростанцию). Физики оказывали постоянное давление на власти, уговаривая открыть возможности для развития генетики в стране. Кое-кто из биологов бомбардировал ЦК письмами о неблагополучии в науке в СССР17. За биологов горой стояли некоторые химики. Все это осознавали, и аппаратчики в ЦК КПСС тоже. Нужно было пригасить недовольство, снять напор страстей.

С этой целью ЦК распорядился создать партийную комиссию, которая бы разобралась с положением дел в биологии. 26 января 1955 года по Москве разошелся слух (видимо, запущенный специально), что комиссия рекомендовала разрешить работу генетиков, наряду с деятельностью "мичуринцев" (95).

После январского пленума ЦК КПСС 1955 года, на котором было заявлено о необходимости использовать гибридную кукурузу, Президиум АН СССР постановил создать комиссию по гибридной кукурузе. Комиссия должна была предложить меры по исправлению положения в этой области, сложившегося из-за позиции Лысенко в данном вопросе. В комиссию не вошел ни один лысенкоист (в нее включили Н.П.Дубинина, члена-корреспондента АН СССР П.А.Баранова, профессора М.И.Хаджинова и сотрудника МСХ СССР М.И.Калинина). Это тоже был ощутимый удар по Лысенко (95а).

Тогда же, в январе, в Академии наук СССР были созданы еще несколько комиссий (их назвали бригадами), которым вменялось в обязанность изучить отставание в таких областях, как проблема наследственности, полиплоидии (в этом вопросе позиции советских ученых до 1948 года были очень сильны, благодаря успехам Г.Д.Карпеченко, А.Р.Жебрака, В.В.Сахарова и других), цитологии. В составе бригад не оказалось ни одного из сторонников Лысенко.

Но в целом, несмотря на этот сдвиг в отношении к генетике, положение дел существенно к лучшему не менялось. Лысенко сохранял все свои посты, так же появлялись в популярной печати пролысенковские материалы (упоминавшийся В.Сафонов опубликовал очерк "Рассказ о крутых вершинах", прославляя мудрость и правоту лысенкоистов /96/), "мичуринцы" по-прежнему защищали диссертации, удерживали власть.

Письмо трехсот

Мы уже много раз встречали имя ленинградца Даниила Владимировича Лебедева, в прошлом аспиранта Карпеченко, которому так и не дали защитить диссертацию: сразу после ареста его шефа он был исключен из комсомола, уволен из университета, через год ушел на фронт и провел всю войну на переднем крае, стал начальником штаба и командиром стрелкового полка, вернулся в декабре 1945 года с боевыми орденами, и был назначен заведующим библиотекой Ботанического института АН СССР, одного из самых старых академических институтов страны. В 1949 году он стал сначала заместителем директора, а через 20 дней и директором Библиотеки Академии наук -- одной из самых больших библиотек мира. Должность была по рангу высокой (для действительного члена Академии), но видимо деловые качества Лебедева были таковы, что руководить такой махиной он смог. Но постепенно НКВД поняло свою ошибку: Лебедев принимал на работу не тех, кого было можно ("засорял кадры лицами еврейской национальности", как было про него сказано, "засорял фонды библиотеки", препятствуя уничтожению книг ставших опальными авторов, допускал "идеологические проступки"). В 1952 году его исключили из партии (он вступил в партию в 1943 году на фронте), сняли с работы, и он вынужден был вернуться в Ботанический Институт АН СССР. До ареста, к счастью, дело не дошло, так как парторганизация института направила в райком поручительство и в июне 1954 года его восстановили в партии, из которой он вышел в январе 1991 года /95а/). Вместе с Сукачевым он стал редактировать "Ботанический журнал",который стал главным рупором антилысенковцев. Основные проблемные статьи с разбором ошибок Лысенко, напечатанные в журнале от имени Редакционной коллегии были на самом деле написаны Д.В.Лебедевым (96а). Обладающий замечательным характером (в общении с друзьями мягкий, добрый, заботливый и застенчивый) Даниил Владимирович проводил несгибаемо принципиальную позицию в отношении научных противников и знал их слабые стороны лучше многих других. Немудрено, что вокруг него сгруппировалась сильная группа думающих и заботящихся об общем благе людей. Д.В.Лебедев решился на довольно отчаянный шаг: написал большое письмо о вреде, нанесенном стране главенством Лысенко, чтобы затем направить его в Президиум ЦК КПСС, и решил пригласить других биологов подписаться под ним. Ю.М.Оленов, Н.А.Чуксанова и В.Я.Александров решили присоединиться к Лебедеву, они внесли свои дополнения в текст (окончательно он занял двадцать одну страницу) . По тем временам поставить подпись под коллективным обращением в высшие органы было небезопасно. В годы сталинского культа развилось в невиданных масштабах писание анонимок -- неподписанных поклепов на любых лиц. Вслед за посылкой анонимок чаще всего следовали аресты людей, ошельмованных в этих "сигналах с мест". За коллективки же могли последовать нешуточные кары вовсе не в отношении тех, о ком сообщалось в коллективном обращении, а тех, кто осмелился принять участие в подготовке такого письма и кто его подписал. Каждый это хорошо понимал.

Первым поставил свою подпись Павел Александрович Баранов. Он переменил свое некогда положительное отношение к Лысенко на резко отрицательное, разобравшись в сути его "учения" и стал противником лысенкоизма. Когда Лебедев и Чуксанова принесли ему текст письма (даже не имея ввиду получить его подпись, а лишь желая услышать его мнение о том, как они написали обращение), Баранов внимательно прочитал письмо, а когда дошел до последнего абзаца, взял ручку и написал: "1. Член-корр. АН СССР, член КПСС

П.А.Баранов (Директор Ботанического ин-та АН СССР)", добавив при этом: "Если я как директор академического института поставлю свою подпись первой, больше людей решится его подписать, да и вас на всякий случай защитить надо". Примерно в это же время Баранов заметил, что неплохо было бы превратить празднование юбилея Мичурина в празднование реабилитации Вавилова.

Вторым подписал письмо директор Лаборатории цитологии АН СССР член-корреспондент АН СССР Д.Н.Насонов. Были, правда, и не столь смелые люди. Так, один из ведущих сотрудников Ботанического института, знавший о том, что Лебедев готовит такое письмо, встречая его иногда в коридоре Ботанического института, советовал писать поострее, но когда письмо было готово и принесено ему на подпись, поставить свою подпись отказался. И все-таки 66 крупных биологов не убоялись подписать письмо (97). В нем была подробно изложена отрицательная роль Лысенко на посту руководителя сельскохозяйственной науки в СССР, перечислены его главные научные ошибки, и в связи с этим было заявлено:

"... материальные потери, которые понесла наша страна в результате деятельности Т.Д.Лысенко, не поддаются исчислению, так они велики...

... августовская сессия ВАСХНИЛ привела не к расцвету советской биологии и агрохимии, а к их упадку, к ликвидации ряда областей науки и фальсификации многих ее разделов (генетика, цитология, эволюционное учение и пр.) и к установлению аракчеевского режима в его худшей форме.

Современная генетика является одной из основ эволюционного учения и дарвинизм сейчас немыслим без генетики. В результате же деятельности Т.Д.Лысенко, представляющей собой беспрецедентный в истории обман государства, генетика была фактически запрещена, а дарвинизм фальсифицирован. В программах по генетике и в соответствующих пособиях современная генетика подменена "теориями" Т.Д.Лысенко... система присуждения Сталинских премий в 1948-1952 г. г., выборы в АН СССР по биологии, утверждение докторских и кандидатских диссертаций, стоящих на низком уровне, но подчиненных господствующей догме, расстановка научных кадров по признаку "преданности" Т.Д.Лысенко, извращение преподавания биологии -- привели к глубокому моральному упадку многих деятелей советской науки, в сильной степени развратили научную молодежь и создали такую тяжелую обстановку, для ликвидации которой необходимы серьезные усилия..." (98).

Авторы письма особо подчеркивали политические издержки, к которым привел расцвет лысенкоизма:

"Деятельность Т.Д.Лысенко оказала резко отрицательное влияние на состояние некоторых важных участков идеологической работы и, прежде всего, философии. Ложные теоретические установки Т.Д.Лысенко в течение многих лет выдавались за новый этап развития диалектико-материалистического понимания биологических явлений...

...теперешнее состояние нашей биологии широко используется идеологами империализма в целях антисоветской пропаганды... Одним из примеров этой пропаганды в США является перевод без комментариев произведений как самого Т.Д.Лысенко (на-пример, его книги "Наследственность и ее изменчивость"), так и его сторонников (перевод статьи А.Н.Студитского "Мухолюбы-человеконенавистники" со всеми карикатурами оригинала)..." (99).

Исходя из сказанного, был сделан вывод:

"... осуждение Лысенко, как человека, нанесшего огромный ущерб науке и народному хозяйству СССР, не только является важнейшей предпосылкой подъема советской биологии и агрономии, но и имеет большое международное значение. Дальнейшие же мероприятия, очевидно, должны быть направлены на ликвидацию ущерба, нанесенного нашей стране деятельностью Т.Д.Лысенко" (100).

Затем были перечислены наиболее важные мероприятия, которые следовало бы осуществить:

"1. Гласное заявление руководящих организаций, что взгляды Т.Д.Лысенко, высказанные им в докладе на августовской сессии ВАСХНИЛ, являются его личными взглядами, а не директивой партии.

2. Восстановление в СССР современного дарвинизма, генетики и цитологии -- как в селекционной, так и в научно-исследовательской работе, так и в преподавании в ВУЗах и в средней школе.

3. Подготовка кадров, владеющих современными методами биологического исследования, особенно в области генетики и цитологии и в таких масштабах, которые бы обеспечили скорейшее преодоление нашего отставания от мировой науки.

4. Смена руководства ВАСХНИЛ и превращение ВАСХНИЛ в действительно научное, коллегиально-управляемое учреждение.

5. Смена руководства отделением биологических наук АН СССР и Института генетики АН СССР.

6. Пересмотр состава редакционных коллегий большинства биологических и сельскохозяйственных журналов, а также биологической редакции "Большой Советской энциклопедии" (101).

В начальной части письма было особо оговорено несогласие с использованием лысенкоистами имени Мичурина в своекорыстных целях, было отмечено, что Мичурин

"не имеет ничего общего с тем, что в течение многих лет после его смерти преподносится Т.Д.Лысенко, И.И.Презентом и другими под видом так называемой "мичуринской" биологии" (102),

и высказано такое опасение:

"Имеется реальная угроза, что юбилей И.В.Мичурина, который может и должен быть смотром служения нашей биологии советскому народу, будет использован группой Т.Д.Лысенко для прикрытия фальсификации научных взглядов И.В.Мичурина, прикрытия его именем отказа от самих основ дарвинизма и всего, чем обогатилась наука после Дарвина. У всех нас вызывает искреннее недоумение утверждение Т.Д.Лысенко докладчиком на торжественном заседании, посвященном И.В.Мичурину. Мы считаем, что это может затормозить оздоровление биологии в СССР и свяжет свободу дискуссий и критики" (103).

Заканчивалось обращение в ЦК партии словами:

"С чувством боли и горечи подписываем мы этот документ о состоянии советской биологии. Однако еще сильнее чувство нашей ответственности перед народом и Коммунистической

партией, которым мы обязаны сказать всю правду, а также глубокая вера в то, что Партия и Правительство помогут советской биологии выйти из создавшегося положения и, подобно другим отраслям естествознания, внести полный вклад в великое дело строительства коммунистического общества" (104).

К этому заявлению, подписанному, в основном, москвичами и ленинградцами, присоединилось еще несколько групп ученых. Конечно, слухи о письме разноеслись по стране, многие ученые на периферии решили, пусть рискуя, но присоединиться к обращению, и вдогонку первому письму в Президиум ЦК КПСС ушло еще одно письмо, подписанное 183 специалистами-биологами, в котором было заявлено:

"Мы, к сожалению, не имели возможности своевременно подписать обращение некоторых биологов в Президиум ЦК КПСС. Ознакомившись с его копией, мы присоединяемся ко всем его основным положениям, но считаем, что в этом документе далеко не полностью обоснован тот моральный и материальный ущерб, который нанесен стране за последние годы деятельности Т.Д.Лысенко..." (105).

Таким образом, общее число биологов, подписавших обращение, составило не менее 250 человек (кое-кто все-таки не решился поставить подпись под "коллективкой", а направил свои индивидуальные письма, в которых сохранялись основные пункты критики Лысенко, в их числе были академик ВАСХНИЛ П.М.Жуковский, член-корреспондент АН СССР В.В.Попов, проф. МГУ Б.А.Кудрявцев и др.).

Недавний выпускник МГУ Н.Н.Воронцов, женившийся на дочери известного математика А.А.Ляпунова, уговорил тестя подписать более короткое (но не менее решительное) письмо с осуждением лысенкоизма. Алексей Андреевич Ляпунов -- человек, пользовавшийся огромной популярностью в кругах математиков, сумел в кратчайший срок подписать письмо у таких ведущих ученых-математиков, как академики Виноградов, М.В.Келдыш, С.Л.Соболев, С.А.Лебедев, М.А.Лаврентьев и еще примерно десяти крупных ученых.

Кроме того, в Президиум ЦК КПСС было подано заявление 24 виднейших математиков и физиков, указавших на пагубную роль Лысенко в таком важном вопросе, как развитие отраслей биологии, соприкасающихся с физикой и химией -- биологической физики, радиобиологии, теории информации и др. Подписавшие это письмо особо подчеркивали:

"Естествознание едино, и то тяжелое положение, в котором в течение многих лет находится советская биология, сказывается отрицательно на смежных дисциплинах и на общем уровне науки в целом. Огромный ущерб нанесен международному престижу советской науки" (106).

Под ним подписались будущие Нобелевские лауреаты И.Е.Тамм, Л.Д.Ландау, П.Л.Капица, создатели советской водородной бомбы (наряду с И.Е.Таммом) А.Д.Сахаров, Я.Б.Зельдович, И.Б.Харитон, Д.А.Франк-Каменецкий и другие физики (107). И.В.Курчатов и А.Н.Несмеянов как члены ЦК КПСС отказались поставить свою подпись, но обещали поговорить лично с Н.С.Хрущевым об этом письме, поддержав его положения. Такой разговор состоялся, и Хрущев охарактеризовал и письмо биологов, и обращение физиков как возмутительное (108). Вместо того, чтобы прислушаться к мнению огромного числа ведущих ученых, лидер партии продемонстрировал "крутой ндрав". В ЦК партии было также направлено письмо 26 специалистов почвоведов и агрохимиков, указавших на отрицательную роль Т.Д.Лысенко в сельскохозяйственной науке (109). В памяти биологов эта смелая акция осталась как "Письмо трехсот" -- по общему числу подписавших обращение в ЦК партии. Спустя 30 лет письмо нашла в делах И.В.Курчатова директор его музея Р.В.Кузнецова и направила статью с сообщением об этом письме в "Правду" (107а). При первой публикации она даже не знала

авторов "Письма трехсот", но позже эта историческая несправедливость была исправлена (107б).

Празднование 100-летнего юбилея И.В.Мичурина

и снятие Лысенко с поста президента ВАСХНИЛ

Начавшееся
брожение умов не могло не тревожить лидера "мичуринцев", осознававшего шаткость своего положения. Прекрасный политик, психолог, ярчайший демагог и редкий по проницательности игрок на человеческих слабостях, он, естественно, искал выход из складывающегося не в его пользу положения. В этот момент подвернулся удобный случай еще раз продемонстрировать всем в стране достижения "мичуринской биологии", заявить громко о якобы грандиозном масштабе свершений самой передовой в мире материалистической науки, как всегда именовали свое направление лысенкоисты. Приближался 100-летний юбилей со дня рождения И.В.Мичурина, имя которого лысенкоисты присвоили для обозначения конгломерата своих постулатов. Правительство приняло постановление о пышном праздновании этого юбилея, и лысенкоисты ухватились за возможность выставить себя на первые роли.

Были подготовлены к изданию очередные книжки статей самого Мичурина, снабженные, конечно, предисловиями и вводными статьями Лысенко, Презента и их сторонников. В газеты пошел косяком поток победных сообщений об успехах тех, кто встал под "знамя Мичурина". Государственное издательство сельскохозяйственной литературы издало трехтомник "Мичуринское учение на службе народу", в котором ученые разных специальностей отчитывались в успехах. Лысенко не значился в редколлегии трехтомника (в нее вошли И.С.Варунцян, И.Е.Глущенко, М.А.Ольшанский, И.И.Презент и др.), но зато первый том начинался с его статьи, в которой было заявлено:

"Некоторым советским и особенно зарубежным читателям непонятно, почему мичуринская биология представляет новый этап развития биологической науки, новую, высшую ступень дарвинизма...

В нашей стране с ее самым передовым прогрессивным колхозно-совхозным сельским хозяйством учение Мичурина развилось ныне в мичуринское учение, творческий дарвинизм..., учение Мичурина, мичуринская биология... как воздух необходимы сельскохозяйственной практике...

До 1948 г. сторонниками вейсманизма, антиподами мичуринского учения в советской стране оставалась только небольшая группа ученых... Не так обстоит дело в ряде зарубежных стран... здесь отдельные биологи-генетики продолжают вводить в заблуждение немалую часть научной общественности" (110).

Далее Лысенко продолжал твердить о вегетативной гибридизации, порождениях видов и о прочем, как о несомненно доказанном. Затем шли статьи его верных сторонников -- М.А.Ольшанского, И.И.Презента, С.И.Исаева, С.Н.Муромцева, К.Ю.Кострюковой и других. Но наиболее важным было то, что более половины объема первого тома сборника занимали присланные из почти 15 стран статьи зарубежных авторов, пусть второстепенных в большинстве своем ученых, мало кому известных, но зато подававшихся как глашатаев всей передовой науки мира (111).

Поддержке мичуринского учения западными коллегами, вернее формированию мифа о такой

могучей поддержке, лысенкоисты придавали особое значение. Пользуясь симпатиями многих западных ученых к социалистической идеологии, лысенкоисты заигрывали с ними, приглашали за советский счет посетить СССР, и каждый такой визит обыгрывали средства массовой информации для внутреннего потребления. Небывалым событием оставались такие поездки и в памяти гостей-иностранцев -- к элите научного сообщества они не принадлежали, почестями в своей жизни окружены не были, а тут им устраивали столь пышный прием, что не запомнить это они не могли. Естественно, слухи о царском гостеприимстве разносились на Западе, и очередь из числа людей без особенных принципов и без научных достижений, желающих побывать в СССР и пошиковать за чужой счет, никогда не уменьшалась.

Другой сферой интереса лысенкоистов и их партийных покровителей стала издательская деятельность невесть откуда взявшихся во всех ведущих странах "Обществ друзей Мичурина". Этот феномен до сих пор остается не исследованным, пути финансирования этих обществ не раскрыты, их далеко не узкая сфера интересов ушла из сфер интереса исследователей (да и разведслужб также), а в свое время, особенно в конце сороковых--первой половине пятидесятых годов XX-го века эти общества росли во всем мире как грибы. Несомненно никакой финансовой базы внутри стран Запада у этих обществ не существовало, их организационную активность и "исследования" финансировал кто-то извне. Важнейшую роль в управлении процессом создания и контроля за "Обществами друзей Мичурина" играл И.Е.Глущенко. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) в 1949 году он был включен в немногочисленный состав так называемых Ученых секретарей при Президенте АН СССР (112). Затем партийные органы ввели Глущенко в состав правления Всемирного Совета Мира. Не зная ни одного слова ни на одном иностранном языке, Иван Евдокимович не вылезал из-за границы, отправляясь на многие месяцы в году вместе с женой (Бертой Абрамовной Глущенко) и с персональными переводчицами в вояжи по заграницам. Список европейских и азиатских стран, в которых Глущенко с супругой побывали, передвигаясь во взятом напрокат лимузине с шофером, на самолетах, на спецрейсах зафрахтованных автобусов и т. п. весьма внушителен. Такие, как Глущенко, эмиссары привозили своим "друзьям" последние сведения о текущей работе лысенковцев. Эти тексты местные активисты "Обществ друзей Мичурина" переводили на свои языки, затем переводы оказывались включенными в виде собственных материалов в начавшие выходить во многих странах бюллетени и информационные листки, перепечатанные на машинке или гектографированные. Бюллетени и листки оказывались переправленными в СССР, где их под присмотром тех же Глущенко и Варунцяна переводили на русский, переводы в виде статей вставляли в журнал "Яровизация" (позже "Агробиология"), и теперь Лысенко мог утверждать, что его учение триумфально шествует по планете. Таким образом он решал двоякую задачу -- умело манипулировал так называемым "общественным мнением Запада" и раздувал собственную популярность в СССР ссылками на своих продолжателей с Запада. Настоящим чудом стал совершенно невозможный итог. Буквально сразу же, мгновенно, все эти журнальчики и "Общества" исчезли, как только Лысенко пал -- будто их ветром сдуло! Могло быть только одно объяснение "чуда": если бы эти фантомы Обществ не были бы сформированными советской властью, они не исчезли бы бесследно с прекращением финансирования советскими властями.

Естественно, попытка использования юбилея Мичурина для пропаганды лысенкоизма не могла пройти мимо тех, кто всегда чувствовал свою ответственность за дальнейшее развитие биологии в СССР -- настоящих, а не псевдоученых. Но, как противостоять напору Лысенко? Издать собственные сборники антиподы Лысенко не могли: все издательства в стране строго контролировали партийные органы, и такие материалы не могли увидеть света. Организовать собственные заседания ученых советов, сессий академий, научных обществ и т. п. было также невозможно, ибо главенство во всех организациях захватили, благодаря многолетним

репрессивным мерам властей, лысенкоисты. Директор Ботанического института АН СССР П.А.Баранов подготовил письмо на имя Н.С.Хрущева, в котором указывал, что нельзя ставить докладчиком на юбилейном заседании Т.Лысенко. Баранов предложил двум другим директорам биологических институтов Академии наук СССР -- А.Л.Курсанову (Ин-т физиологии растений) и Н.В.Цицину (Главный Ботанический сад) подписать это письмо, но оба отказались. Тогда Баранов отправил обращение к Хрущеву за одной своей подписью (это было сделано до того, как "Письмо Трехсот" легкло на стол партийных боссов), чем вызвал гнев Первого секретаря ЦК партии (113).

Несмотря на негативное отношение Хрущева к обращениях ученых, какие-то надежды, что Лысенко нанесен ощутимый урон, еще теплились в сердцах многих биологов, впервые за два с половиной десятилетия главенства Лысенко коллективно выразивших ему недоверие. Как добрый знак рассматривали посмертную реабилитацию летом 1955 года Н.И.Вавилова18. Конечно, в эти дни все внимательно следили за барометром настроений руководящей верхушки партии -- за печатью. Более месяца в "Правде" не упоминали Лысенко, хотя были опубликованы статьи о Мичурине (116) и о Т.Мальцеве (117). Но затем разнеслись слухи о том, что докладчиком на торжественном заседании Академии наук СССР по случаю 100-летия Мичурина утвержден (по распоряжению из ЦК партии) Лысенко. Узнав об этом несколько ведущих членов АН СССР направили возмущенные письма в Президиум АН СССР, заявив, что они не явятся на такое заседание (письма направили академики П.С.Александров, А.И.Алиханов, Л.А.Арцимович, А.Н.Колмогоров, М.А.Леонтович, Л.Д.Ландау, И.Е.Тамм, В.А.Фок и член-корреспондент АН СССР П.А.Баранов /117а/). Эти обращения ведущих ученых ни к какому эффекту не привели. В день празднования юбилея Мичурина всё встало на свои места. В "Правде" красовалась парадная статья Лысенко "Подвиг в науке", пестревшая ругательствами в адрес идеалистов, механицистов, вейсманистов и неодарвинистов (118), под нажимом партийного руководства празднование юбилея Мичурина пошло по лысенковскому сценарию. Когда собравшиеся в Большом театре Союза ССР 27 октября 1955 года рукоплесканиями встретили членов президиума торжественного заседания, посвященного столетию Мичурина, они увидели, что на самом почетном месте усаживается Лысенко, рядом с ним занимали места председатель Совета Министров СССР Н.А.Булганин, недавно назначенный Председателем Президиума Верховного Совета СССР К.Е.Ворошилов, прежний глава государства Г.М.Маленков и члены руководства партии Л.М.Каганович, М.Г.Первухин, Д.Т.Шепилов и другие.

Заседание открыл Президент АН СССР А.Н.Несмеянов, который был вынужден тепло отозваться о славных продолжателях дела Мичурина, а затем слово для основного доклада было предоставлено Лысенко. Лишить его этой привилегии ведущие ученые страны не смогли, а Лысенко, конечно, использовал эту возможность для воздания очередной раз хвалы своему учению и повторам тезиса об абсолютной правильности своих представлений о сути наследственности, жизненности, видообразования и т. п.
(110). Все эти спекуляции, против которых возражали ученые, были поданы им как незыблемые положения науки. Так же их расценила в эти дни "Правда", напечатавшая большой отчет о заседании и опубликовавшая огромную фотографию президиума собрания и Лысенко, возвышающегося над трибуной. Завершающим аккордом в праздновании столетнего юбилея Мичурина стало присуждение Лысенко золотой медали имени И.В.Мичурина. Такой поворот событий многие рассматривали тогда как крупное поражение ученых.

Конечно, власти были в курсе настроений большинства биологов и специалистов многих других дисциплин. Стало ясно и им, что не прислушаться к коллективному мнению ученых опасно. Этим и объясняется двойственная позиция, занятая верхами в это время. С одной стороны, предоставив трибуну для доклада в Большом театре Лысенко и утвердив решение о

том, чтобы увенчать его золотой медалью, руководство сделало реверанс в сторону лысенкоистов. Но, с другой стороны, в это же время начались кое-какие движения и в сторону исправления недостатков, указанных в "Письме Трехсот". Прежде всего симптоматичным было то, что никто из поставивших под ним свою подпись не пострадал. Затем, к удивлению многих, объем "Ботанического журнала" -- главного рупора критиков лысенкоизма -- был в конце 1955 года удвоен. Физикам отдельно пообещали, что будет дано согласие на организацию научного центра по изучению влияния радиации на генные структуры, и что изучать это влияние поручат тем, кто разбирается в генах, а не тем, кто не допускает даже мысли об их существовании (такой Радиобиологический отдел в Институте атомной энергии в Москве был создан через несколько лет).

А между тем гены снова попали в фокус внимания ученых во всем мире благодаря тому, что в английском журнале Nature ("Природа") за 1953 год была опубликована работа Джеймса Уотсона и Фрэнсиса Крика о двунитевом строении молекул дезоксирибонуклеиновых кислот (сокращенно, ДНК), входящих в состав хромосом. Гипотеза содержала три смелых предположений: 1) молекулы ДНК состоят из двух нитей; 2) порядок чередования составных частей одной из нитей строго задает порядок чередования частей в другой; 3) определенные отрезки молекул ДНК -- гигантские по длине -- и есть гены.

Гипотеза строения ДНК была предельно проста и согласовывалась со многими уже известными фактами, из модели вытекало, что стоит нитям разойтись по длине, как около каждой из них возникает новая нить со строго заданной последовательностью нуклеотидов, и образуются две абсолютно идентичные молекулы ДНК, не отличимые от исходной (материнской) двунитевой молекулы. Другими словами, ДНК размножится, сохранив в дочерних молекулах то же строение. Великий смысл, вложенный Уотсоном и Криком в постулированную ими структуру, стал тут же понятен всем, кто хоть отдаленно интересовался проблемами генетики. Скептики могли оспаривать частности, но никто не был в состоянии поколебать генеральную схему.

В 1954 году гипотезу развили дальше. Появилось много статей о том, как ДНК могла бы определять строение молекул белков (именно в этом -- определении порядка чередования аминокислот в белках -- видели главное свойство и предназначение молекул ДНК). А отсюда возникла задача: разгадать тот принцип, который положен в основу кодирования частями ДНК (нуклеотидами) частей белков (аминокислот). В том же году интересную гипотезу предложил Георгий Антонович Гамов -- крупнейший физик19, окончивший в 1926 году Ленинградский университет, в 1928-1931 годах работавший в Гёттингене, Копенгагене и Лондоне, а в 1933 году оставшийся жить сначала во Франции, а затем живший в Англии и с 1934 года -- в США. Гамов стал крупнейшим теоретиком, он дал квантово-механическое объяснение альфа-распада, в соавторстве с Эдвардом Теллером (в будущем отцом американской водородной бомбы) сформулировал теорию бета-распада. Он был признанным авторитетом в астрофизике (ему, в частности, принадлежит гипотеза так называемой "горячей Вселенной"). В 1954 году, Георгий Антонович Гамов попробовал свои силы в разработке нового направления: он задумался над общими закономерностями генетического кода и предложил гипотезу на этот счет. После этого многие выдающиеся физики стали интересоваться проблемами зарождавшейся на их глазах новой науки -- молекулярной генетики.

Советские физики тоже не прошли мимо этого. Поэтому совершенно не случайным стало взволновавшее многих событие, произошедшее в Москве в январе 1956 года. На знаменитом "Капишнике" -- теоретическом семинаре Петра Леонидовича Капицы в Институте теоретической физики АН СССР -- семинаре, известном своей высокой научной репутацией, на 7 февраля 1956 года был назначен доклад академика Игоря Евгеньевича Тамма и содоклад

генетика -- профессора Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского. Тамм собирался сообщить результаты изучения ДНК и генетического кода, а Тимофеев-Ресовский рассказать о закономерностях радиационной генетики, одним из основоположников которой он был20. Слухи об этом семинаре разнеслись по Москве еще до его начала и, конечно, достигли ушей Лысенко. Не осознавать опасности таких "разговоров на публике" он не мог. Но что можно было сделать, чтобы сорвать семинар физиков? Снова Лысенко попробовал применить прием, недостойный ученого, но действенный в условиях советской жизни. Не раз он выручал Лысенко, хотя иногда (как. например, в пору дискуссий в "Ботаническом журнале") давал осечку. Итак, в институт Капицы сообщили "мнение руководства" о том, что постановка докладов -- политическая ошибка. Вот, что вспоминал об этом Н.В.Тимофеев-Ресовский:

"Дня за три до него [до семинара -- В.С.], когда объявления уже были вывешены, кто-то позвонил в Институт физических проблем и предложил снять с повестки объявленные генетические доклады, как не соответствующие постановлению сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Разговор велся не с П.Л.Капицей, а с его референтом. Сам же Петр Леонидович сказал, что обращать внимание на такие заявления не следует. На следующий день звонок повторился со ссылкой на мнение ответственного работника. Тогда Петр Леонидович позвонил этому руководителю21 и получил в ответ заверение, что ему об этом ничего не известно, а программа семинара зависит только от самого директора. Заседание, таким образом, благополучно состоялось" (122).

Вход на "Капишники" был свободным, и к семи часам вечера на Воробьевское шоссе повалили толпы народа:

"... конференц-зал, широкий коридор и лестница, ведущие к нему, были заполнены до отказа. Сотрудники института, ошарашенные таким наплывом публики, срочно их радиофицировали... Семинар явился довольно веским прецедентом, сильно облегчившим и ускорившим процесс развития биологии в ближайшие годы" (123).

В последующем доклады И.Е.Тамма по вопросам строения ДНК и принципа генетического кода он повторил в Москве (в Большой Коммунистической аудитории МГУ на Моховой -- одно время проспект Маркса), в Ленинграде, в Горьком (теперь Нижний Новгород). На всех лекциях неизменно он получал записки о том, какую роль сыграл Лысенко в отставании советской генетики22, некогда славившейся во всем мире. И каждый раз Игорь Евгеньевич темпераментно и честно отвечал на этот вопрос. Так физики протянули руку помощи генетикам и продемонстрировали, что уже не только биологи, но и специалисты других дисциплин открыто говорят об ошибках лысенкоистов.

Кульминацией этого процесса стало неожиданное для многих и столь же многими долгожданное событие -- снятие Лысенко с поста Президента ВАСХНИЛ. В апреле 1956 года газеты сообщили, что он освобожден "по личной просьбе" (124). Его сменил на этом посту П.П.Лобанов, председательствовавший на всех заседаниях августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, но вместе с тем недолюбливавший Лысенко как человека (Лобанов считался специалистом по экономике сельского хозяйства, но скорее его можно было назвать горячим исполнителем приказов сверху, самоотверженным трудягой-хозяйственником, не знавшим десятилетиями ни воскресений, ни долгих отпусков, за что его ценил в свое время Сталин, сделавший совсем молодого Лобанова наркомом земледелия РСФСР, а позже -- с 1938 по 1946 годы -- наркомом совхозов). А.И.Опарин тоже лишился своего поста. Вместо него с 1955 года академиком-секретарем Отделения биологических наук стал биохимик Владимир Александрович Энгельгардт, впрочем много лет рассматривавшийся лысенкоистами как их сторонник (вместе с Белозерским).

Это падение Лысенко многими тогда рассматривалось как окончательное. Казалось, что вслед за этим последует и отмена запрета на генетические исследования, и изменение системы преподавания биологии, и многое другое. Однако позднее стало ясно, что личное падение Лысенко было лишь временным, а падения лысенкоизма как научной системы еще долго не происходило.

Примечания и комментарии

к главе XV

1 О.Мандельштам. Стихотворение без названия, написанное 10 января 1934 года. Цитиров. по книге: Стихотворения, изд. "Советский писатель", Ленинград, 1978, стр. 172.

2 М.Е. Салтыков-Щедрин. Самодовольная современность. Из цикла" Признаки времени".

Цитиров. по Собранию Сочинений в 20 томах, Изд. "Художественная литература", М., 1969, т. 7, стр. 153-154.

3 Н.В. Турбин. Дарвинизм и новое учение о виде. "Ботанический журнал", 1952, т. 37, 6, стр. 798-818.

4 Н.Д.Иванов. О новом учении Т.Д.Лысенко о виде. Там же, стр. 819-842.

5 Н.В.Турбин писал:

"Гениальный русский биолог Иван Петрович Павлов говорил, что факты нужны учетному, как воздух для крыла птицы. Все сказанное о недостаточности фактов, имеющихся в распоряжении Т.Д.Лысенко, заставляет опасаться, что новое учение о виде с его претензией заменить собой дарвинизм -- может оказаться взмахом крыльями в безвоздушном пространстве".

См. прим. /3/, стр. 818.

6 Личное сообщение академика ВАСХНИЛ Д.Д.Брежнева, 1971 г.

7 Личное сообщение Д.В.Лебедева, январь 1985 г.

8 Передовая статья газеты "Правда" от 17 ноября 1952 года. В статье критиковалась редколлегия

журнала "Почвоведение" за отсутствие поддержки "передовых воззрений" советских биологов. После этого состоялось заседание Президиума АН СССР, на котором были указаны меры по исправлению ошибок в работе редколлегии. Решение заседания опубликовано в журнале "Известия АН СССР, сер. биол.", 1953, 6, стр. 117-118.

9 Личное сообщение Ю.А.Жданова, 22 декабря 1987 года.

10 Личное сообщение Н.В.Турбина, 25 ноября 1987 года.

11 Н.В.Турбин в выступлении на сессии ВАСХНИЛ в 1948 году говорил:

"Надо очистить... институты от засилия фанатических приверженцев морганизма-менделизма, лиц, которые, прикрываясь своими высокими научными знаниями, подчас занимаются, по существу, переливанием из пустого в порожнее" (см. прим. /144/ к главе 15).

12 Н.В.Турбин. Генетика с основами селекции. Учебник для государственных университетов. М., Изд. "Советская наука", 1950, 392 стр., с илл.; Н.В.Турбин (редактор). Хрестоматия по г енетике. М., Изд. "Советская наука", 1949.

13 П.Г. Иванова. Влияние возраста половых клеток животных на качество потомства. В кн.:

"Ученые записки Ленинградского университета", сер. биол. наук, 1953, вып. 33 (165); А.Д.Курбатов и М.М.Тихомирова. Влияние интенсивности основного обмена у животных на соотношение полов у их потомства. Там же, стр. 189-199; Я.С.Айзенштадт, Л.Н.Смолина. Влияние срока хранения пыльцы на развитие признаков у гибридов гороха. Там же, стр. 53-71.

14 Я.С. Айзенштадт. Изменение доминирования под влиянием укороченного светового дня.

Журнал "Доклады АН СССР", 1950, т. 70, 1; его же: Влияние воспитания первого поколения гибридов в резко различающихся эколого-географических условиях на характер расщепления. Там же, 1953, т. 76, 3; Я.С.Айзенштадт и В.И.Кузина. Влияние возраста элементов на формирование гибридных семян гороха. В кн.: "Ученые записки Ленинградского университета", сер. биол. наук, 1953, вып. 33 (165), стр. 13-25.

15 В.П. Эфроимсон. О роли эксперимента и цифр в сельскохозяйственной биологии. Журнал "Бюллетень Московского общества испытателей природы, отд. биол.", 1956, т. 61, вып. 5, стр. 83-91.

16 Личное сообщение сотрудников кафедры генетики ЛГУ М.М. Тихомировой и К.К. Ватти, 1968 г.

17 А.Н.Студитский. За творческую разработку проблемы видообразования. Журнал "Успехи современной биологии", 1953, т. 34, вып. 1, стр. 1-26.

18 В первом номере в "Успехах современной биологии" за 1953 год были помещены сразу две

статьи одного автора -- заместителя редактора журнала и многолетнего заместителя Лысенко по Институту генетики АН СССР Нуждина (Рецидив вейсманизма под флагом защиты дарвинизма. "Журнал общей биологии", 1953, т. 14, 1, стр. 3-22; его же: Банкротство морганистской лженауки. Там же, стр. 71-81). Автор грубо отчитал Турбина и Иванова, охарактеризовав в первой статье критику в адрес Лысенко как "рецидив вейсманизма", а во второй -- как "банкротство буржуазной лженауки". В следующем номере были помещены статьи автора "порождения лещины грабом" С.К.Карапетяна (С.К. Карапетян. Новое в науке о биологическом виде -- творческое развитие дарвинизма. "Журнал общей биологии", 1953, т. 14, 3, стр. 229-237), полуфилософа И.И.Новинского (И.И. Новинский. Против защиты вейсманизма. "Журнал общей биологии", 1953, т. 14, стр. 238-246) и других авторов.

19 А.И.Опарин. И.В.Сталин -- вдохновитель передовой биологической науки. "Журнал общей биологии", 1953, 2, стр. 90-95.

20 Там же.

21 Т.Д.Лысенко. Новое в науке о биологическом виде. "Ботанический журнал", 1953, т. 38, 1, стр. 44-54.

22 Там же, стр. 44.

23 В.Н.Сукачев. О внутривидовых и межвидовых взаимоотношениях среди растений. "Ботанический журнал", 1953, т. 38, 1, стр. -5596.

24 М.И.Ильин. Процесс видообразования у покрытосеменных растений. Там же, 1953, т. 38,

2, стр. 21-5231; М.П.Виноградов и Т.В.Виноградова. О критике Н.В.Турбиным и Н.Д.Ивановым новых представлений о видообразовании. Там же, стр. 234-245.

25 Н.В. Павлов. О видообразовании путем перерождений. Та м же, 1953, 3,

стр. 378-385; М.В.Куликов. "Новое в науке о биологическом виде" академика Т.Д.Лысенко и биостратиграфия. Там же, стр. 389-393; Е.В.Бобко. К вопросу о методике изучения образования новых видов. Там же, стр. 401-406.

26 О.Б. Лепешинская. Недоброкачественная критика Н.В. Турбина и Н.Д. Иванова работы Т.Д.Лысенко о виде. Там же, стр. 386-388.

27 Там же, стр. 386.

28 Кроме упомянутых выше, см.: А.И. Толмачев. О некоторых вопросах теории видообразова-

ния. Там же, 1953, т. 38, 4, стр. 530--; Н.И.Косец. Доказана ли возможность порождения лещины грабом и ели сосной? Там же, 5, стр. 696-707; П.А.Баранов. О видообразовании. Там же, стр. 669-695; Б.М.Козо-Полянский. Вопросы нового учения о виде. Там же, 6. стр. 830-845; Е.М.Лавренко. Об изучении процесса видообразования в природе. Там же, стр. 346-352; Д.Ф.Петров. К вопросу о происхождении видов. Там же, стр. 853-861 и др.

29 К.Я. Авотин-Павлов. Самопрививка ели к сосне. Журнал "Лесное хозяйство", 1951, 11, стр. 88-90.

30 K.P.Kuppfer. Adoption von Fischtensweigen durch Kiefernstamme. Mitteil. der Deutsch. Dendrologischen Gesellschaft, 1928.

31 Авотин писал:

"Необходимо отметить, что данная сосново-еловая самопрививка была известна и лесоводам буржуазной Латвии (впервые ее описал Купфер), но на нее смотрели лишь как на "чудо природы", и исследование этого объекта не проводилось". См. ссылку /166/, стр. 90.

32 Редакционная статья "О честности ученого". Газета "Циня", орган ЦК КП Латвии, 1953, 21 марта 1953 г., 69.

33 Л.А.Смирнов. К вопросу об интересном случае самопрививки ели на сосне в окрестностях Риги. "Ботанический журна"", 1953, т. 38, 3, стр. 418-421.

34 Т.Д. Лысенко. Письмо в редакцию. Там же, 1953, т. 38, 6, стр. 891.

35 А.А. Рухкян. Об описанном С.К. Карапетяном случае порождения лещины грабом. Там же, стр. 88-5891.

36 А.А. Яценко-Хмелевский. Дилижанская граболещина и проблема порождения видов. Там же, 1954, т. 39, 5, стр. 882-889. Цитата взята со стр.883.

37 Халифман И.А. Догмы и жизнь. По поводу одного абзаца из одноименной статьи в "Литера-

турной газете". Журнал "Агробиология", 1954, 3, стр. 1-55157. Халифман устроил разнос В.Доброхвалову в связи с его статьей "Догмы и жизнь. Письмо товарищу", "Литературная газета", 20 апреля 1954 г., в которой он писал о подделке граболещины.

38 З.Т.Артюшенко, Б.Н. Замятнин, С.Я. Соколов. Ольхообразная ветка березы. "Ботанический

журнал", 1953, т. 38, 3; см. также статью А.Л.Тахтаджана "Некоторые вопросы теории вида и систематика современных и ископаемых растений. Там же, 1955, т. 40, 6, стр. 789-796.

39 Б.М. Козо-Полянский. Об отношении" нового в науке о биологическом виде" к учению

Дарвина. Журнал "Бюллетень Московского общества испытателей природы, отд. биол.", т. 59, вып. 3, стр. 8-588.

40 И.И.Пузанов. Сальтомутации и метаморфозы. Там же, 1954, т. 59, вып. 4, стр. 67-79.

41 В Ленинградском университете в январе 1954 года была проведена большая дискуссия по во-

просам вида и видообразования в рамках философского семинара Биолого-почвенного факультета. Отчет см.: "Вестник Ленинградского университета", 1954, 10, сер. биол., геогр., геолог. См. также статью: Н.Д.Иванов. Как А.Н.Студитский воюет с неодарвинизмом. Журнал "Успехи современной биологии", 1954, т. 37, вып. 3, стр. 366-367, в которой Иванов опять прибегал к длинному цитированию классиков марксизма и столпов лысенкоизма.

42 См.: "Вестник Ленинградского университета, сер биол, геогр., геолог.", 1954, 10, стр. 87-88.

43 См. Редакционные статьи: Обзор статей и писем, полученных редакцией "Ботанического

журнала" в связи с дискуссией по проблеме вида и видообразования. "Ботанический журнал", 1954, т. 39, 1, стр. 76-89; Обзор статей и писем, полученных редакцией "Ботанического журнала" в связи с дискуссией по проблеме вида и видообразования. Там же, 1955, т. 40, 2, стр. 217-226. Важное значение имели также две редакционных статьи (первая была написана Л.А.Смирновым, вторая -- Д.В.Лебедевым), в которых излагалась точка зрения редколлегии на дискуссию: Некоторые итоги дискуссии по проблеме вида и видообразования и ее дальнейшие задачи. Там же, 1954, т. 39, 2, стр. 202-223 и "Расширять и углублять теоретические дискуссии по проблемам вида и видообразования". Там же, 1955, т. 40, 2, стр. 206-216.

44 В.Н.Сукачев. О внутривидовой конкуренции и о биоценологии (некоторые замечания к

статьям Н.И. Нуждина и В.С. Дмитриева). "Журнал общей биологии", 1953, т. 14, 4, стр. 320-326.

45 Там же, стр. 325.

46 Там же, стр. 326.

47 См., например, А.М. Семенова-Тян-Шанская. Восстановление растительности на степных залежах в связи с вопросом о" порождении" видов. "Ботанический журнал", 1953, 6, стр. 862-873.

48 См., например, Ф. Дворянкин (редактор). опросы мичуринской биологии, вып. 2, Учпедгиз, М., 1951, стр. 468.

49 С.С. Станков. Об одной порочной диссертации, письмо в редакцию. Газета "Правда", 26 марта 1954 г., 85 (13018), стр. 3.

50 Там же.

51 Личное сообщение В.Я.Александрова, 2 июня 1987 г.

52 Личное сообщение С.С.Станкова, 1956 г.

53 Положение о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий. Утверждена Постановлением Совета Министров СССР от 29 декабря 1975 г., 1067, Изд. ВАК СССР, М., 1976, стр. 24.

54 Редакционный обзор: Совещание по полезащитному лесоразведению. Журнал "Лесное хозяйство", 1955, 5, стр. 37-51.

55 И.И.Пузанов. "Астронавт". Поэма в трех песнях с прологом. Машинописный вариант.

56 См. прим. (54), стр. 47.

57 Там же, стр. 49.

58 Там же, стр. 49.

59 Стенограмма выступления Т.Д. Лысенко 8 апреля 1954 года на юбилейной сессии Академии наук УССР, Киев (неопубликованный машинописный текст), стр. 1-2.

60 См., например, Н.Н. Жуков-Вережников, И.Н.Майский, Л.А.Калиниченко. Еще раз к во-

просу о виде и видообразовании в микробиологии. Журнал "Успехи современной биологии", 1955, т. 39, вып. 2, стр. 24-5252; В.Д.Тимаков (ред.). Изменчивость микроорганизмов. Сборник статей, Медгиз, М., 1956.

61 Личное сообщение Д.В.Лебедева, В.Я. Александрова и В.С. Кирпичникова, март 1986 г.

62 А. Эмме, кандидат биологических наук. Наследственность человека.
Журнал "Техника -- молодежи", 1963, 1, стр. 78-79.

63 От редакции, там же, 3, стр. 17. В заметке было сказано:

"... кандидат биологических наук А.Эмме осветил вопрос о наследственности с точки зрения, отвергаемой широкой научной общественностью. Президиум Правления Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, обсудив эту статью, одобрил решение бюро секции биологических наук при Правлении Всесоюзного общества, признавшего ее неправильной. Редакция журнала допустила ошибку, опубликовав корреспонденцию А.Эмме.

Решение президиума обсуждалось на заседании редколлегии журнала, которая признала критику в адрес редколлегии справедливой...".

64 Н.И. Вавилов. Сельскохозяйственная наука и академик В.Р.Вильямс. В кн.: Академик Васи-

лий Робертович Вильямс: 50 лет научной, педагогической и общественно-политической деятельности. М.-Л., Сельхозгиз, 1935, стр. 69-75; его же: Большая утрата (Памяти В.Р.Вильямса). Газета "Социалистическое земледелие" 14 ноября 1939 года.

65 Редакционная статья: Большевик-ученый. На чистке академика В.Р. Вильямса. Газета "Социалистическое земледелие", 5 ноября 1933 г., 256 (1465), стр.3.

66 Академик Т.Д.Лысенко, президент Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина. Сельскохозяйственная наука в борьбе за выполнение Сталинской программы (из доклада на открытом партийном собрании ВАСХНИЛ). Газета "Известия", 6 марта 1946 г., 5 (8972), стр. 2.

67 Н.С.Хрущев. О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 23 февраля 1954 г., Госполитиздат, М., 1954, стр. 48.

68 Там же, стр. 44.

69 См. прим. /15/, стр. 83.

70 Газета "Правда", 4 февраля 1954 г., 35 (12968), стр. 1.

71 Там же, 12 февраля 1954 г., 43 (12976), стр. 1.

72 Там же, 14 февраля 1954 г., 45 (12978), стр. 2.

73 Там же, 18 февраля 1954 г., 49 (12982), стр. 1.

74 Там же, 23 февраля 1954 г., 59 (12992), стр. 1.

75 Информационное сообщение: Вручение орденов СССР деятелям советской науки. Там же, 13 февраля 1954 г., 44 (12977), стр. 2.

76 Н.С.Хрущев. Об увеличении производства продуктов животноводства. Доклад на Пленуме

ЦК КПСС 25 февраля 1955 г., Госполитиздат, М., 1955.

77 См. прим. /15/.

78 Акад. И. Кнунянц, Л.Зубков. Школы в науке. "Литературная газета", 11 января 1955 г., 5 (3350), стр. 1.

79 Н.В.Турбин, А.Н.Хабарова. Новый метод вегетативной гибридизации. "Ботанический журнал", 1949, т. 36, 6.

80 Helmut Bohme. Untersuchungen zum Problem der genetischen Bedeutung von Pfropfungen zwischen Pflanzen. Zeitschr. Pflansenzuchtung, 1954, Bd. 33, Heft 4, ss. 367-418.

81 Helmut Bohme. Einige Bemerkungen zu wissenschaftpolitischen Aspekten genetischer Forschungen der funfziger Jahre in der DDR in Zusammenhang mit der LYSSENKO- Problematik, Sitzungsber. d. Leibniz-Soc., Bd. 29, 1999, H. 2, ss. -5579.

82 Олег Писаржевский. Дружба наук и ее нарушения. Альманах "Год 37-й", 1954, книга 3 (18), стр. 193-254.

83 Там же, стр. 194.

84 Там же.

85 Там же, стр. 196.

86 Там же, стр. 235.

87 Там же, стр. 253.

88 Передовая статья, озаглавленная "Наука и жизнь". Журнал "Коммунист", 1954, 5, стр. 1.

89 Е.В.Бобко. Необходимо повысить качество научной работы в агрономии. Журнал "Почвоведени"", 1955, 12, стр. 77-80.

90 Там же, стр. 80.

91 Там же.

92 А.Н. Белозерский, А.С. Спирин, Д.Г.Кудлай, А.Г.Скавронская. Сравнительное биохимичес-

кое и иммунологическое изучение направленной изменчивости у некоторых бактерий кишечной группы. Журнал "Биохимия", 1955, т. 20, вып. 6, стр. 686-695.

93 Цитиров. по книге Н.П. Дубинина" Вечное движение", Политиздат, М., 1973, стр. 355.

94 Там же.

95 Там же.

95а К 1935 году вавиловские сотрудники прекрасно осознавали значение методов близкородст-

венного скрещивания (инцухта у растений и инбридинга у животных) не только для семеноводства, но и поняли их роль в возможном использования к получению межлинейных гибридов кукурузы. Эта работа шла вровень с разработками американских биологов и прежде всего А.Шелла. В трехтомнике "Теоретические основы селекции растений" под общей редакцией Н.И.Вавилова (Гос. изд-во сельскохозяйственной колхозной и совхозной литературы, М.-Л., 1935, т. 1), Изд. , было помещено два обзора на эту тему: М.И.Хаджинова (стр. 43-5462) и В.Е.Писарева. (там же, стр. 597-646). Лысенко и его сотрудники категорически отвергали пользу этих методов и возможность получения повышенных урожаев кукурузы при использовании межлинейных гибридов этой культруы (см., в частности, Т.Д. Лысенко. О перестройке семеноводства. Журнал "Агробиология", 1935, 1, стр. 25; Т.Д.Лысенко, И.И.Презент. Стахановское движение и задачи советской агробиологии. Там же, 1935, 3, стр. 1; И.И.Презент. Дарвин и Тимирязев о биологическом значении близкородственного разведения. Там же, стр. 57; Д.Г.Корняков, М.А.Любченко. Метод инцухта в селекции сахарной свеклы. Там же, стр. 87; М.Цюпа. О расщеплении чистой линии. Там же, 1935, 1, стр. 124; М.М.Якубинцер. О чистой линии. Там же, 1936, 3, стр. 105; И.Е.Глущенко. О теории инцухта в близкородственном разведении. Там же, 1937, 4, стр. 46 и многие другие статьи). Против использования гибридной кукурузы лысенковцы выступали на протяжении, по крайней мере, 15 лет (см., например, Т.Д.Лысенко В кн.: Стадийное развитие растений. М., Сельхозгиз, 1952, стр. 657; И.В.Якушкин. Речь на сессии ВАСХНИЛ. См. Стенографический отчет о сессии ВАСХНИЛ 1948 года, стр. 63).

Однако создание бригад по изучению различных проблем, связанных с осознанием роли генетики позволило представить впервые как общие результаты применения гибридной кукурузы (См. статью "Гетерозис" в БСЭ, 3 изд., М., 1971, т.6, стр. 441, а также сборник "Гибридная кукуруза". Перевод с англ., М., Изд. иностранной литературы, 1955).Важнейшее значение сыграла обзорная статья П.А.Баранова, Н.П.Дубинина и М.И.Хаджинова "Проблемы гибридной кукурузы (Основные задачи и методы их разрешения)", опубликованная в "Ботаническом журнале", 1955, т. 40, 4, стр. 481-507. Авторы писали:

"... борьба против использования инбридинга... была начата Т.Д.Лысенко в 1935 году и продолжается им и его сторонниками до настоящего времени" (стр. 483).

"Лысенко в 1935 г. говорил: "Кукуруза -- перекрестник ... Любое же инцухтирование перекрестника ведет к биологическому обеднению его наследственной основы ... Сразу же снизится урожай, уменьшится рост растений, ослабеет жезнеспособность. В результате такой операции мы получаем полумертвый организм..."" (цитиров. по "Агробиологии", 1952, стр. 13-5136).

В 1939 г. на совещании по вопросам повышения урожайности кукурузы, созванном Наркомземом СССР и ВАСХНИЛ против инцухта и межлинейных гибридов кукурузы выступил Якушкин. В отчете, напечатанном в журнале "Яровизация", было сказано, что сам Т.Д.Лысенко признает пользу от межсортовой гибридизации, а не от линейных гибридов (Журнал "Яровизация", 1939, -56, стр. 228).

В 1949 г. в Одессе на Всесоюзном совещании по селекции и семеноводству кукурузы М.А.Ольшанский, А.В.Пухальский, А.С.Мусийко, И.С.Варунцян настаивали на тезисах Лысенко (Журнал "Селекция и семеноводство," 1949, 9, стр. 63-67).

В 1954 г. А.В.Пухальский от имени ВСГИ [Всесоюзного селекционно-генетического ин-та -- В.С.] предлагал отказаться от инцухтированных линий и требовал использовать лишь гибриды специально подобранных сортов (А.В.Пухальский. Все силы науки на помощь

производству. Журнал "Земледелие", 1954, 4)" (стр. 483-484).

96 В. Сафонов. Рассказ о крутых вершинах. Альманах "Год 38-й", 1955, кн. 20, стр. 193 - 229. Автор писал:

"От недостатка ясности зрения... органисты.., чтобы выразить свои мысли, действительное содержание которых иной раз близко к нулю... изобрели язык, неведомый лингвистам -- да, да, целый лексикон слов, не существующих нигде, кроме морганистических сочинений" (стр. 198).

В другом месте, желая более ярко обрисовать независимость мышления симпатичного ему героя очерка -- лысенкоиста, его широту взглядов и ненависть к метафизике, В.Сафонов в качестве одной из положительных черт его поведения привел такую:

"Ему... претил и запах пробирок с маленькими мушками "дрозофилами", смешанный с мышиным запахом" (стр. 227).

Автор очерка был уверен, что спор о причинах видообразования еще не завершен, уверяя читателей, что лысенкоисты в этом споре не проиграли (стр. 228).

96а Смотри статьи, написанные Д.В.Лебедевым и опубликованные анонимно -- от имени ре-

дакционной коллегии "Ботанического журнала": Обзор статей и писем, полученных редакцией "Ботанического журнала" в связи с дискуссией по проблеме вида и видообразования. "Ботанический журнал", 1954, т. 39, 1, стр. 76-89; Расширять и углублять теоретические дискуссии по проблемам вида и видообразования". Там же, 1955, т. 40, 2, стр. 206-216; Обзор статей и писем, полученных редакцией "Ботанического журнала" в связи с дискуссией по проблеме вида и видообразования. Там же, 1955, т. 40, 2, стр. 217-226: Советская ботаника к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, там же, 1957, т. 42, 11, стр. 1567-1572; По поводу статьи Т.Д.Лысенко "За материализм в биологии", там же т. 43, 8, 1958, стр.113-51145 и другие. Помимо этого Лебедев опубликовал за эти годы огромное число проблемных статей под своей фамилией или в соавторстве с П.А.Барановым, С.ЮЛипшицем, В.П.Ьочанцевым, В.П.Эфроимсоном и другими. Им были написаны 29 статей для 2-го издания Большой совесткой энциклопедии. Всего в списке печатных работ Лебедева в 1992 году числилось 589 работ (см.книгу "Даниил Владимирович Лебедев. Библиографический указатель", Изд. Библиотеки Российской Академии наук, Санкт] Петербург, 1992, 80 стр.).

97 Письмо подписали: П.А.Баранов, Д.А.Насонов, А.С.Трошин, Н.А.Чуксанова, Ю.М.Оле-

нов, Д.В.Лебедев, К.М.Завадский, Л.Н.Жинкин, А.С.Мончадский, И.И.Соколов, Д.М. Штейнберг, Ю.И.Полянский, Е.М.Лавренко, П.Г.Светлов, Ф.Х.Бахтеев, Б.К.Шишкин, А.А.Юнатов, О.В.Заленский, М.С.Навашин, А.П.Шенников, Ал.А.Федоров, Ан.А. Федоров, В.Б.Сочава,
В.Н. Сукачев, В.И.Цалкин, Л.А.Зенкевич, В.В.Алпатов, И.В.Тюрин, Э.А.Асратян, В.Л.Рыжков, Ю.А. Орлов, В.С.Немчинов, В.Ф.Верзилов, П.И.Лапин, А.М.Негруль, Е.Г.Бобров, К.Ф.Гурьянова, А.И.Иванов, Л.К.Лозина-Лозинский, Р.Л.Берг, М.А.Розанова, И.И.Канаев, Г.Я.Бей-Биенко, В.В.Сахаров, Н.Р.Иванов, М.И.Княгиничев, И.В.Ларин, М.С.Яковлев, В.С.Кирпичников, А.Р.Жебрак, П.Н.Константинов, И.И.Гунар, В.И.Эдельштейн, В.А.Колесников, М.М.Завадовский, И.А.Рапопорт, А.В.Соколов, Б.Л. Астауров, В.В.Хвостова, Н.П.Дубинин, А.Н.Формозов, Д.А. Транковский, Г.В.Кудряшов, З.И.Берман, С.С.Станков, Т.Н.Годнев. Письмо также подписал вначале геоботаник из БИНа

Б.А.Тихомиров, который позже попросил зачеркнуть его подпись.

В.Я.Александров сказал мне, что он помнит, что будто бы письмо было подписано еще проф. С.Я.Соколовым, проф. В.И.Полянским, член-корр. АН Тадж. ССР Овчинниковым.

98 Выражаю признательность В.Я.Александрову за предоставление копии данного письма и

полного списка подписавших его, а также копий писем 183 биологов (прим. /105/) и 24 физиков (прим. /106/).

99 См. прим. /97/.

100 Там же.

101 Там же.

102 Там же.

103 Там же.

104 Там же.

105 Цитировано по машинописной копии письма, имеющейся в моем распоряжении.

106 Цитировано по машинописной копии письма. имеющейся в моем распоряжении.

107 Письмо подписали: Н.Н. Андреев, Л.Д.Ландау, И.Е.Тамм, Г.С.Ландсберг, В.Л.Гинзбург,

Я.Б.Зельдович, М.А.Марков, А.И.Алиханьян, А.И.Алиханов, А.Д.Сахаров, И.Б.Харитон, Е.С.Варга, И.Я.Померанчук, А.И.Шальников, А.С.Компанеец, Д.А.Франк-Каменецкий, И.Л.Кнунянц, М.А.Леонтович, М.А.Арцимович, А.Б.Мигдал, Г.Н.Флеров, Л.А.Смородинский, А.Н.Фрумкин, П.Л.Капица.

107а Р.Кузнецова. Генетика -- наша боль (из архива акад. И.В.Курчатова). Газета "Правда", 13 января 1989 г., стр. 4.

107б В.Я.Александров, Д.В.Лебедев. Это было "Письмо Трехсот", там же, 27 января 1989 г., стр. 3.

108 Личное сообщение Д.В.Лебедева.

109 Это письмо подписали:О.К.Кедров-Зихман, А.Ф.Тюрин, Е.В.Бобко, А.В.Соколов, Д.Л.Ас-

кинази, З.И.Журбицкий, Н.А.Качинский, Ю.А.Ливеровский, М.М.Кононова, В.А.Ковда, Тимофеев, Ф.В.Турчин, А.В.Петербургский,Л.Т.Королев, С.Н.Алешин, В.М.Клечковский, А.Г.Шестаков, Ю.М.Плешков, Ф.А.Юдин, И.И.Гунар, М.М.Гукова, Воронов, М.А.Курахтанов, Федоров, Медведев, Богаев.

110 Т.Д. Лысенко. За дальнейшее развитие мичуринского учения. В сб.: "Мичуринское учение на службе народу", М., Сельхозгиз, 1955, вып. 1, стр. 6-7.

111 В этом разделе были помещены статьи авторов из стран социалистического лагеря

(Т.Сэву-

леску, Р.Георгиевой, Хр.Даскалова, О.Малиша, К.Седдмайера, Ф.Обердорф, Чжу Си и других), из Франции (К.-Ш.Матон), Италии (Ф.Ланцо), Бельгии (К.Сиронваля), Швейцарии (М.Струна), Японии (Д.Касахари, Т.Накамуры и Е.Енаяны), Индии (Дж.Чиноя) и Сирии (Ф.Акселя).

112Решением Политбюро ЦК ВЕП(б) от 11 марта 1949 года был создан Секретариат Президиума

АН СССР в составе Главного Ученого секретаря А.В.Топчиева и пяти членов секретариата (Ю.А.Жданов, С.И.Костерин, И.Е.Глущенко, В.П.Пешков и С.П.Толстов) (протокол заседания ПБ 67Б п. 263ю Архив Президента РФ, ф. 3, д. 121, л. 134)

113 Личное сообщение Д.В.Лебедева.

114 См. сб.: Вопросы эволюции, биогеографии, генетики и селекции. Изд. АН СССР, М.-Л., 1960.

115 Личное сообщение Д.В.Лебедева.

116 П. Яковлев. Полнее использовать наследие И.В. Мичурина. Газета "Правда", 7 октября 1955 г., 280 (13578), стр. 2.

117 Профессор Н. Соколов. Ценный вклад в агрономическую науку. О книге Т.С. Мальцева "Вопросы земледелия". Газета "Правда", 10 октября 1955 г., 283 (13581), стр. 2.

117а Архив АН СССР, ф. 694, оп. 1, ед. хр. 100.

118 Академик Т.Д.Лысенко. Подвиг в науке. Там же, 27 октября 1955 г., 300 (13598), стр. 2.

119 Информационное сообщение: Столетие со дня рождения И.В.Мичурина. Торжественное заседание в Большом театре СССР. Там же, 28 октября 1955 г., 301 (13593), стр. 1.

120 Н.В.Тимофеев-Ресовский.Большая Советская Энциклопедия, 3 изд., т. 25, 1976, стр. 556.

121 Д.А.Гранин. Зубр. Изд. "Советский писатель", Л., 1987.

122 Н.В. Тимофеев-Ресовский. Из истории диалога биологов и физиков. В кн.: Воспоминания о И.Е.Тамме. Изд. "Наука", М., 1981, стр. 194-195.

123 Там же.

123 В газете "Правда" от 10 апреля 1956 года (101 /13764/, стр. 2) появилось следующее ин формационное сообщение:

"В Президиуме Верховного Совета СССР

Президиум Верховного Совета СССР освободил тов. Лобанова Павла Павловича от обязанностей заместителя Председателя Совета Министров СССР в связи с переходом на другую работу.

... Президиум... назначил тов. Мацкевича Владимира Владимировича заместителем Председателя Совета Министров СССР.

В Совете Министров СССР

Совет Министров СССР удовлетворил просьбу тов. Лысенко Трофима Денисовича об освобождении его от обязанностей президента Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина.

Президентом Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина утвержден тов. Лобанов Павел Павлович".

Г л а в а XVI

ХРУЩЕВ СНОВА ВЫВОДИТ ЛЫСЕНКО

В ПРЕЗИДЕНТЫ ВАСХНИЛ

"Нет иллюзорней и нету отчетливей

Данного времени.

Нету гонимей и нет изворотливей

Сорного семени".

Инна Лиснянская (1).

"Он поднял кулак, восторженно и грозно махая им над головой, и вдруг яростно опустил его вниз, как бы разбивая в прах противника. Неистовый вопль раздался со всех сторон, грянул оглушительный аплодисман. Аплодировала чуть ли не половина залы; увлекались невиннейше: бесчестилась Россия всенародно, публично, и разве можно было не реветь от восторга?"

Ф.М.Достоевский. Бесы (2).

Дальнейший развал сельского хозяйства СССР

7-8 мая 1956 года Президент АН СССР А.Н.Несмеянов провел заседания актива Академии наук СССР, посвященные обсуждению уровня научных исследований в разных областях знаний. Хотя сам Несмеянов ни словом о делах "мичуринцев" не обмолвился, в числе выступавших был член-корреспондент В.Л.Рыжков, откровенно сказавший, что мичуринская биология отбросила советскую науку на столетие назад. К этой оценке присоединился член-корреспондент академии Э.А.Асратян. Ни у кого еще не выветрилось из памяти, как Эзрас Асратович активничал во время погрома физиологии высшей нервной деятельности в 1950 году. Теперь, воспользовавшись моментом, он разыграл из себя правдолюбца и сказал, возвысив голос, что, наконец-то, "аракчеевщина в биологии" разоблачена.

Впервые после 1948 года лысенковщина в целом была осуждена в таком тоне на общеакадемическом собрании ученых. От имени "мичуринцев" слово взял И.Е.Глущенко. Отбиваясь от критиков, он поступал вполне логично: опираясь на принцип партийности в науке, отверг сказанное Рыжковым и Асратяном (он охарактеризовал их речи как "более чем

сомнительные выступления по поводу нашей материалистической биологии" /3/):

"... не только в данной аудитории, но и вообще в любой советской аудитории, подобные заявления непозволительны не только потому, что они не радуют слушателя, а потому, что они просто неверны. Это от начала до конца, извините меня за резкость, полнейший вздор" (4).

Глущенко утверждал, что лысенковская "теория стадийного развития стала общепризнанной всеми людьми науки в мире" (5), что от яровизации никто не отказывался, а просто война помешала:

"Причина тому проста: военные невзгоды унесли старые кадры яровизаторов, а новых никто не подготовил. В этом повинны и Министерство сельского хозяйства и, может быть, сам автор яровизации" (6).

Показательным в этом выступлении было то, что ближайший к Лысенко и один из наиболее ярких деятелей из его окружения вдруг осмелился столь открыто бросить камень в самого Лысенко за его мнимую пассивность.

Но то, что именно в вопросе помощи сельскому хозяйству ученые и наука в целом сделали мало, скорее способствовали провалу, говорили в то время многие, причем в большинстве высказываний протягивалась ниточка между бедственным положением в сельском хозяйстве и ролью Лысенко в том, что сельскохозяйственная наука в СССР зашла а тупик.

О том, насколько плохими были эти дела, ясно сказал (естественно, задним числом) сам Н.С.Хрущев на XXI съезде КПСС 17 января 1959 года:

"Многие колхозы в течение ряда лет оставались экономически слабыми, рост сельскохозяйственного производства затормозился, и уровень его не удовлетворял возросших потребностей страны в продовольствии и сельскохозяйственном сырье. Состояние сельского хозяйства тогда было у нас тяжелым и оно таило опасные последствия, которые могли задержать продвижение Советской страны к коммунизму" (7).

Поездив по свету, послушав умных людей в разных странах, он, несомненно, понял, что есть несколько путей исправления положения, но каждый из них был для него неприемлем. Он должен был осознавать, что организационная структура сельского хозяйства в СССР порочна, но коммунистические рецепты ни он и никто другой отменить не могли. Распустить колхозы -- означало признать провал социалистического "переустройства деревни". Этого коммунист Хрущев и в мыслях не допустил бы, да и "родное ЦК" не позволило бы ему этого сделать. Предоставить колхозам экономическую самостоятельность -- тоже нельзя было никак, это бы означало отойти от принятого в данный момент догмата о характере экономических взаимоотношений при социализме. Как паллиатив могла бы помочь химизация сельского хозяйства -- внесение максимума потребных удобрений на всей площади посевов, иначе земли, истощенные вконец хозяевами, живущими одним днем, готовыми себя заложить, лишь бы в выполнении сегодняшнего плана отчитаться, просто перестали бы родить! Но где взять эти удобрения? Ведь химическую промышленность запустили не меньше, чем сельское хозяйство.

К тому же наступила реальная катастрофа с механизацией колхозов и совхозов. Земли, отобранные от индивидуальных хозяев и собранные в колхозы и совхозы, требовали огромного парка мощных машин, а за годы войны все тракторные и комбайновые заводы были превращены в танковые, выпуск другой техники был также приостановлен. Старая, еще

довоенная техника на селе развалилась, скудные
ресурсы ремонтных предприятий были совершенно недостаточны. Да и не из чего было делать запчасти, ибо металл шел на другие, главным образом, военные нужды, и станки работали на другие программы...

Каждая из задач была подобна головоломке, и начал Никита Сергеевич шарахаться из стороны в сторону, словно одержимый порывом -- как бы побольше наломать дров. Вместо облегчения жизни тем, кто мог, если не страну накормить, то хоть себя самого поддержать, -- последовало распоряжение: запретить все стада личные, кроме общественных (в этом вопросе коммунист Хрущев полностью следовал идеологическим принципам -- долой частную собственность!). Личный скот отобрали, по всей стране старые женщины голосили, прощаясь с любимыми буренушками, но самый страшный вред несло стране то обстоятельство, о котором коммунисты нисколько не заботились: в короткий срок сельские жители распростились с вековыми навыками содержания личных животных, ментальность была изменена раз и навсегда, и вместо того, чтобы встать в пять утра, затопить печь, задать корм скоту, потом проводить крупных животных в стадо, позаботиться об остальной живности, сельские жители стали следить за тем, когда в сельпо привезут молоко, хлеб, масло, яйца, говядину или свинину. Последствия изменения ментальности оказались страшнее вреда от сохранения остатков частнособственнической психологии.

В сталинские времена для обслуживания технических нужд колхозов и совхозов были созданы в каждом районе машинно-тракторные станции, МТС, в которых был сосредоточен весь парк тяжелых машин, обеспечен централизованный ремонт этой техники. Но МТС были чем-то вроде собственника в коллективизированном секторе сельской экономики. Колхозы и совхозы вынуждены были зависеть от эмтээсовского начальства, идти к ним на поклон. Вместо укрепления машинного парка Хрущев распорядился -- закрыть МТС и передать всю технику непосредственно хозяйствам (опять это решение вытекало из его коммунистических инстинктов, было обусловлено стремлением устранить подобие собственности на машинный парк). Эта организационная чехарда конечно не могла кого-то накормить. Дела шли лучше только на бумаге, да в залихватских речах. А в это время земля хирела, не стало в достатке коров и лошадей, а, значит, не стало и навоза. Целину распахали, а на исконные угодья ни органических, ни химических удобрений не было.

Здесь и подоспел Лысенко с очередным детищем -- органо-минеральными смесями вместо полноценных удобрений. Через всесильного помощника Хрущева по сельскому хозяйству А.С.Шевченко, да с помощью лысенковцев, сидевших кто в Минсельхозе, кто в Госплане, кто в сельхозотделе ЦК, а кто в таком же отделе в Совмине, Хрущеву подсунули эту идею: можно дела с землей улучшить и из провала выкарабкаться, можно и без того объема удобрений, которого агрохимики запрашивают, обойтись. С удобрениями-то и дурак проживет. А, вот, попробуй, без них вывернуться. Вот где собака зарыта!

Здесь уместно отметить, что Хрущев сформировал особо питательную среду для выхода на верхи прожектёров, обещавших легкое и дешевое решение сложных процессов, он покровительствовал шапкозакидателям и упивался возможностью ссылаться на их сверхнадежные гарантии и взвешенно-разумные обещания. Как в худшие сталинские времена, Хрущев использовал пропагандистские приемчики для одурманивания населения страны. Чтобы нейтрализовать недовольство и вселить веру и оптимизм в обывателей, он в каждой из своих бесчисленных речей повторял многообщеающие лозунги: "Скоро мы догоним Америку по производству мяса и молока, года за три, за четыре"; "Скоро каждая советская семья будет иметь отдельную квартиру или дом"; "Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме"; "Коммунизм наступит в 197-51980 годах"; и пр. и пр. Лысенко с его веером обещаний

превосходно вписывался в эту социальную игру призраков и вполне мог рассчитывать на процветание, на поддержку лидера страны. Загадкой для историков остается лишь тот пункт, на который никто сегодня уже не даст ответа: были ли они оба искренни в своих обещаниях, или оба знали, что лукавят, обманывают окружающих: один, носясь с заверениями в дешевом средстве для придания плодородия советским полям; а другой, радуясь этим обещаниям, и, в свою очередь, произнося такие же безответственные обещания советским людям.

Сегодня можно констатировать, что хрущевская игра в обещания привела к самому страшному, что только было в идеологии коммунистических правителей. Она завершилась окончательной эрозией веры в правильность обещаний линии партии и лишила руководителей права ссылаться на неизбежность скорого чуда. Мифы утеряли притягательность. Им перестали верить все -- от мала до велика. И, может быть, в этом заключался самый роковой просчет Хрущева.

Новая "панацея" -- органо-минеральные смеси

Подбираться к проблеме удобрения пахотных земель Лысенко начал в послевоенные годы. Знаний в этой весьма специальной и глубоко развитой области у него, естественно, не было, а амбиции выросли. Хорошо понятна ему была лишь конечная цель -- тратить поменьше удобрений. А вот механика такой хитрости сразу в руки не давалась. Поэтому окончательную форму идея приобрела не сразу.

В 1946 году в газете "Известия" Лысенко впервые заявил о якобы открытой им роли почвенных микроорганизмов в снабжении растений минеральными веществами:

"В почве растения... питаются продуктами жизнедеятельности микроорганизмов", --

объяснил он (8).

До этого специалисты считали, что растения поглощают из почвы солевые растворы, несущие нужные анионы и катионы, также как более сложные органические молекулы. Эти вопросы почти столетие изучали эксперты по физической и коллоидной химии, агрохимики и биохимики, физиологи растений, но у Лысенко появился иной взгляд на эту проблему:

"Все удобрения, которые мы вносим в почву, даже в усвояемой форме, все равно прежде поглощаются микрофлорой, и уже продукты жизнедеятельности микрофлоры питают наши сельскохозяйственные растения" (9).

Чуть позже он сделал еще одно афористическое по форме и нелепое по содержанию заявление:

"... известно и другое -- навозом растение не питается" (10).

В тот момент он не решился построить на базе своего нового понимания роли микробов в питании растений всеобъемлющие рекомендации для колхозников и ученых, а ограничился локальными советами для земледельцев Сибири. Он просто объяснил это:

"В Сибири почва зимой настолько промерзает, что микрофлора очень сильно стерилизуется, а так как растения питаются только продуктами жизнедеятельности микрофлоры, то пока в почве не оживет микрофлора, не разовьется ее жизнедеятельность, растения голодают" (11).

Естественно, никаких данных изучения "стерилизации микрофлоры" морозами он не

приводил и, наверное, сильно бы удивился, если бы узнал, что бактерии при низких температурах прекрасно выживают, и что наилучший способ их сохранения десятилетиями -- это перенос в морозильные камеры в высушенном состоянии с температурой ниже минус 20о по Цельсию. Из такой неосведомленности вытекал практический совет:

"Исходя из этого и нужно... разбросать... два-три центнера на гектар хорошо прогретой почвы, в которой микрофлора ожила. Получив такую "закваску", вся почва быстрее оживится, и можно предполагать, что в этих случаях и ранние посевы будут хорошо развиваться" (12).

Лихие призывы, требовавшие гигантского ручного труда, и раньше были в моде у Лысенко. Когда он предлагал снабдить 300 тысяч, а затем 500 и 800 тысяч колхозников пинцетами, чтобы они ползали на коленках по полям и кастрировали колоски пшениц, это было выдано за массовое приобщение малограмотных людей к самой высокой науке, "овладение массами науки". Когда предлагал рыть траншеи в рост человека для хранения до лета клубней картофеля -- это было подано под соусом невозможности разом покончить с биологической сутью живой материи: растет подлая живая ткань, так мы её в траншею закопаем.

Но сейчас было выдвинуто нечто невиданное даже по прежним меркам. Разбрасывать талую землю в немыслимом количестве -- такое мероприятие многих повергло в изумление. Ведь где-то эту землю надо было наковырять, отогреть, доставить на поле, там развести по миллионам гектаров площади. И предлагал Лысенко это в 1946 году, когда не только коров, но и лошадей, почитай, всех съели, тракторов и машин практически не было, да и рабочих рук не хватало. Ничем иным, как глумлением над своим же братом-крестьянином, звучали заключительные строки из лысенковской статьи:

"Нигде как в нашей стране, не ценят так человеческий труд, и все направляется к тому, чтобы наиболее бережно его расходовать, делать труд более легким, приятным" (13).

Конечно, следовать совету "колхозного академика" не стали, и к идее разбрасывания земли он никогда больше не возвращался. Позже, в 1949-1950 годах, он услышал от кого-то новую идею -- что, вообще, в СССР неверно готовят удобрения на заводах -- суперфосфат или калийные соли мелко дробят, в пыль истирают, чтобы легче было по полям развеивать, и что не худо было бы делать удобрения в виде мелких гранул. Тогда бы гранулы потихоньку за лето растворялись и питали бы растения в течение всего периода вегетации. Почувствовав, что в этой идее есть разумное зерно, Лысенко стал горячо твердить о пользе гранулированных удобрений. Правда, и здесь его заносило сверх меры. В брошюре 1950 года он, например, сообщил, что потому грануляция полезна, что спасает удобрения от якобы вредного контакта с почвенными частицами.

"Чем меньше суперфосфат или калийные удобрения будут соприкасаться с почвой, -- писал он, -- тем меньше они будут вступать в неусвояемые для растений химические соединения" (14).

Затем прослышал Лысенко о том, что неплохо вроде получается, если смешивать гранулы удобрений с жидким навозом или пометом. То ли в Горьком, то ли в Нижнем Тагиле у кого-то здорово получается: и удобрений меньше идет, и помет, который сразу в дело не пустишь -- надо год выдерживать в траншеях, компосты
с землей и соломой готовить, здесь сразу утилизируется. И то верно, решил Лысенко, и стал трубить, где только можно, о пользе ручного приготовления органо-минеральных гранул. Как вспоминал в 1955 году крупнейший авторитет тех лет в области минерального питания Андрей Васильевич Соколов1:

"Т.Д.Лысенко вначале выступал в качестве сторонника применения заводского гранулированного суперфосфата, затем органо-минеральных гранул, потом органо-минеральных смесей, и то высоких, то малых доз извести. Все эти выступления сопровождались утверждениями о необычайно высокой эффективности рекомендуемых им в данный момент приемов" (15).

К 1953 году Лысенко окончательно утвердился в мнении, что все-таки главное в питании растений не почва, не гумус, не кислотность или щелочность среды, не содержание минеральных веществ или микроэлементов, а почвенные микробы. Ясное дело, что только они и усваивают все вещества из почвы, ясно, что, переработав их в своих клетках в нужные растениям формы, они и кормят последние. На сессии ВАСХНИЛ 15 сентября 1953 года Лысенко поделился этой выдумкой (16), поданной как выдающееся достижение человеческого ума.

"Без жизнедеятельности соответствующих почвенных микроорганизмов в почве нет и нужной для растений пищи", --

сказал он (17) и добавил:

"Для каждого вида... растений... существуют специфические виды почвенных микроорганизмов" (18).

Объяснять, чем он руководствовался при формулировании столь решительного вывода, противоречащего всему, что известно в почвоведении и агрохимии, Лысенко, конечно, не стал. Все они, эти почвоведы и агрохимики -- заскорузлые и зазнавшиеся неучи и невежды, ошибались, -- заранее парировал возможные возражения ученых Лысенко. Конечно, они могут пытаться с ним спорить, но всё это напрасно.

"Но я думаю, что если деятелям науки не ясно, чего они еще не знают в разделе своей работы, то это признак того, что и то, что они знают, не раскрывает существа процессов, имеющих место в разбираемом явлении", --

объявил он (19). По ходу дела он наперед отмел как ненужные разговоры о химиях и физиках:

"... будет ошибкой сводить биологические закономерности к химическим и физическим, отождествлять их" (20).

"Сколько бы химики не вскрывали химические закономерности, как бы они не изучали химические превращения в курином яйце, на основе добытых химиками закономерностей цыпленка из куриного яйца не получить. А вот на основе удовлетворения биологических потребностей куриного эмбриона люди уже давно научились выводить цыплят" (21).

Новый подход был очерчен, аргументация за него полностью исчерпана -- надлежало переходить к воплощению в практику очередного продукта лысенкоизма, революционизирующего сельскохозяйственное производство.

"Нам теперь ясна и тактика минерального питания: нужно кормить микроорганизмы, а не пытаться накормить сразу растения. Тогда и нормы внесения удобрений снизятся, и набор удобрений упростится, и эффект усилится", --

заявил он (22). Незачем возиться и со всякими там улучшениями почв -- устранением лишней кислотности или вредного защелачивания.

"Сама по себе кислотность почвенного раствора для сельскохозяйственных растений и их корневой системы не вредна, вредное для сельскохозяйственных растений действие кислот почвенной среды связано с тем, что, как уже говорилось, в ней не могут жить бактерии, продуктами жизнедеятельности которых питаются эти растения", --

так звучало еще одно его "открытие" (23).

Для практического применения его предложение было сформулировано следующим образом: микроорганизмы станут жить в почве лучше, если вносить органо-минеральные смеси -- на каждый гектар по 3 центнера суперфосфата, смешанного с одной-двумя тоннами навоза, к коим добавлены иногда известь, иногда фосфоритная или доломитовая мука (что под рукой окажется) и всё это запахивать. Вовсе теперь не нужно выискивать, как раньше, много навоза (ведь по 30-40 тонн на гектар вбухивали и еще почитали это кое-где малым количеством!), да и удобрений много не нужно.

Осенью 1952 года все та же верная палочка-выручалочка Артавазд Аршакович Авакян мобилизовал своих сотрудников в "Горках Ленинских" и (наряду с экспериментами с ветвистой пшеницей, посевами озимых культур вместо яровых и яровых вместо озимых, также как и проверкой новой задумки -- посадки чая в гуще подмосковных дубовых лесов) заложил полевые опыты с тройчаткой (так обозвали по аналогии с лекарством от головной боли эту смесь суперфосфата -- навоза -- извести). И снова всё у Авакяна чудесно вышло. Точно так, как и предсказывал Трофим Денисович. Урожай будто бы собрали отменный. Осенью 1953 года все данные Авакяна якобы снова подтвердились. Можно было не сомневаться: тройчатка -- это новое чудо мичуринского учения. Срочно была напечатана об этом победная статья (24), и Лысенко начал трезвонить о новом "открытии" везде, где можно. Выступления следовали одно за другим, он мотался из города в город, рекламируя новое далеко идущее предложение:

- 26 января 1954 года он выступил на Всесоюзном совещании работников машинно-тракторных станций, созванном ЦК КПСС и Советом Министров СССР в Москве;

- 4 февраля на Всесоюзном совещании работников совхозов, созванном этими же органами в Москве;

- в начале марта сделал доклад на ученом совете Тимирязевской Академии в Москве, посвященном 1-5летию со дня смерти В.Р.Вильямса;

- 18 марта 1955 года выступил на совещании сельскохозяйственных работников областей Юго-Востока в Саратове;

- 30 марта 1955 года на совещании работников сельскохозяйственных областей Центральной черноземной полосы в г. Воронеже;

- 6 апреля на таком же совещании работников областей и автономных республик Нечерноземной полосы в Москве;

- 12 апреля в Ленинграде произнес длинную речь на совещании работников сельского хозяйства Северо-Запада;

- 22 июня 1955 года сделал доклад на Международном семинаре студентов сельскохозяйственных учебных заведений в Москве и т. д. (25).

Такой запал можно было понять. Именно в эти месяцы Лысенко доставалось больше всего от критиков его теории вида. Чем-то нужно было заполнить намечавшуюся брешь и стараться удержать свой авторитет. Вот он и старался, уповая на новую "теорию минерального питания".

Опровержение действенности органо-минеральных смесей

Однако уже в апреле 1954 года на совещании почвоведов проявилась реакция специалистов на это предложение. Материалы совещания были опубликованы в последнем номере журнала "Почвоведение" за этот год. Самое сильное впечатление производила убедительностью фактов статья известного агрохимика, заведующего лабораторией азота Всесоюзного НИИ удобрений Ф.В.Турчина2 "Питание растений и применение удобрений" (26). В ней прежде всего был отвергнут исходный постулат Лысенко, гласивший, что питание растений происходит исключительно благодаря жизнедеятельности микроорганизмов. Автор статьи говорил, что во всех развитых странах для изучения питания растений используют тонкие методы хроматографии и радиоактивных изотопов, что позволяет точно определить пути миграции веществ, внесенных с удобрениями в почву. Поэтому время наивных положений и неподкрепленных современными опытами гипотез ушло в прошлое, считать рассуждения Лысенко о микробах научной гипотезой нет никаких оснований, а так называемые "полевые опыты" Авакяна -- ниже всякой критики. В том же номере журнала было напечатано еще несколько материалов об ошибках Лысенко и его приближенных. Вопиющую легкомысленность в постановке экспериментов Авакяном вскрыл, в частности, сотрудник Почвенного института Д.Л.Аскинази:

"Я продемонстрирую опыт, на котором основывает Т.Д.Лысенко свое право давать предложенные им рецепты... По рецепту Лысенко следует вносить 3 ц извести, но когда демонстрировался перед большой экскурсией Биологического отделения АН СССР опыт на больших делянках, то нам тов. Авакян сказал, что они действительно в 1952 г. внесли в почву 3 ц извести, но в 1951 г.... вносили еще три тонны. При последующем обсуждении результатов этого же опыта на сентябрьской сессии ВАСХНИЛ [1953 года -- В.С.] тов. Авакян "уточнил", сказав, что в этом опыте предварительно внесли не три тонны извести, а лишь две (?)... Вопрос, как видите, совсем запутали, а в публикациях, тем не менее, пишется о 3 центнерах извести" (27).

Тем не менее, голос почвоведов Лысенко не услышал. Он старался придать своей идее наукообразный вид, в 1955 году собрал тексты своих речей и выступлений на эту тему за три года (с 1953 по начало 1955 года), издав книжечку под занятным названием: "Почвенное питание растений -- коренной вопрос науки земледелия" (28). В ней к уже изложенным "идеям" были добавлены еще две:

1) микробы одного вида вполне могут переходить в другие виды (слова Лепешинской и Бошьяна о переходе одних видов в другие были изложены им без ссылок на авторов, а от своего имени):

"Если только появляются в поле корни растения, которые мы посеяли, и если там нет микробов, специфических для данных растений, но есть какие-то другие, то под воздействием веществ, выделяемых корнями, микробы не специфические для корней данного растения, превращаются в специфические" (29)

2) если добавлять к органо-минеральной смеси солому (делать компосты с добавлением перегноя, или соломы, или торфа), то для отличного роста растений вполне, даже с лихвой, хватит азота, содержащегося в компосте:

"Создавая в почве соответствующие условия для жизнедеятельности микрофлоры, мы в данном случае, образно говоря, как бы превращаем клетчатку (солому) в азотную пищу для растений. Смотришь на пшеницу, удобренную таким образом, -- она выглядит так, как будто ее удобряли минеральными азотистыми удобрениями" (30).

На эту книгу быстро появилась убийственная рецензия проф. А.В.Соколова. Рецензент указал на грубейшие ошибки "колхозного академика", выдававшего конгломерат околонаучных измышлений за последнее слово марксистской диалектики:

"... все это недопустимо даже для не специалиста в вопросах удобрения и питания растений", -- писал А.В.Соколов (31).

Соколов
 с сарказмом делал такое заключение:

"Закон сохранения материи распространяется и на питание растений" (32).

Аналогично отозвался он и по поводу лысенковских уверений, что азота соломы и запахиваемого вместе с ней перегноя достаточно, чтобы накормить растения. Соколов не поленился посчитать, сколько сотен килограмм азота нужно внести на гектар, чтобы удовлетворить потребности растений для формирования их биомассы (этот расчет напоминал поучения профессора, даваемые зеленому студентику на консультации), потом определил, сколько может максимально содержаться азота в перегное и соломе вместе взятых, и показал, что громкая декларация Лысенко даже отдаленно не походила на истину. Оказывается, верить в такой способ удобрения азотом -- значит заниматься немыслимым самообманом:

"... количество целлюлозы, содержащейся в двух тоннах перегноя, едва ли может обеспечить получение даже 1 кг азота" (33).

Обстоятельная критика предложений Т.Д.Лысенко об использовании удобрений и извести была выражена также в статье сотрудников Тимирязевской академии (34).

Возможно, Лысенко сердили рецензии, но, несмотря ни на что, он оставался верен себе. Авакян продолжал ставить фальсифицируемые опыты в "Горках Ленинских", а из уст Лысенко по-прежнему исторгались восторженные слова о невиданной доселе пользе органо-минеральных смесей.

Агрохимики указывали академику, что известь при перемешивании с суперфосфатом переводит последний в трехкальцийфосфат -- тот исходный компонент фосфорита, из которого на обогатительных, а затем химических фабриках в процессе трудоемкой и дорогостоящей процедуры получали суперфосфат. Лысенко учили, что для того и производят суперфосфат, что трехкальцийфосфат ни растениями, ни большинством микроорганизмов не усваивается, следовательно, тройчатки никакой прибавки в усвоении фосфора дать не могут. С равным успехом можно было бы посыпать поля дробленными булыжниками.

Специалисты-микробиологи, со своей стороны, утверждали: расчет на помощь растениям от одних лишь микробов -- утопия. Активности микроорганизмов не хватит, чтобы обеспечить растения всеми компонентами питания в нужном количестве.

Одновременно почвоведы рассчитывали традиционные уравнения выноса веществ из почвы растениями и вклада микробов и утверждали: баланс будет балансом только в том случае, если человек будет пополнять почву тем количеством минеральных и органических веществ, которые из нее выносятся в результате выращивания растений. Не будешь вносить удобрения, чтобы покрыть дефицит, -- почвы истощатся, а урожайность полей неминуемо упадет.

Агрономы и растениеводы с учетом знаний, полученных биохимиками, физиологами, другими специалистами, давали рекомендации о лучших сроках внесения удобрений, их количестве в те или иные периоды роста, способах подкормок.

Все эти выкладки ученые сопоставляли с данными мировой науки. Они указывали руководству страны, что нельзя увеличить производство зерна в стране без резкого расширения производства удобрений.

А Лысенко тем временем стоял на своем и клеймил оппонентов за то, что они-де несут советскому сельскому хозяйству одни вредные идеи.

В 1954 и в 1955 годах Лысенко еще оставался Президентом ВАСХНИЛ. Споры спорами, а власть он удерживал в своих руках. Поэтому из руководящего центра агрономической науки были даны указания различным научным учреждениям -- поддержать предложение президента, в специальных опытах выявить эффективность органо-минеральных смесей в конкретных условиях, на различных культурах и полученные данные доложить.

Уже в 1954 году такая проверка была начата на полях сразу 43 научно-исследовательских институтов и опытных станций по всей стране. Проверку вели отнюдь не идейные противники Лысенко, не злокозненные его враги. Единственно, чем отличалась эта проверка от предшествующих, -- более тщательным отношением к постановке опытов. Уже гремели по научным журналам раскаты грома дискуссий по проблеме вида, уже знали все из газеты "Правда" о судьбе докторской диссертации Дмитриева. Оказаться на его месте не хотелось никому, а во всесильность Лысенко, не сумевшего защитить даже своего протеже, к тому же занимавшего высокий пост в Госплане, уже не верили.

Схему проверочных опытов разработали во Всесоюзном НИИ удобрений, агротехники и агропочвоведения, где работало много учеников Прянишникова. Схема была составлена грамотно, четко регламентировала условия постановки проверочных экспериментов. Сюда же в институт стекались результаты из всех 43 научных учреждений.

Сведенные воедино и статистически обработанные данные были опубликованы уже в 1955 году (35). Прекрасные результаты, полученные в "Горках Ленинских", не подтвердились. Там, где земля не была достаточно плодородной, прибавки урожая вообще не было. Там, где она все-таки отмечалась, оказалось, что прибавку обеспечил суперфосфат и перегной.

"Однако, -- отмечалось в отчете, -- малые дозы перегноя опасны, так как это ведет к уменьшению последействия в последующие годы" (36).

Иными словами, при лысенковском способе удобрений можно было продержаться год -- другой на богатых почвах, но потом неминуемо они оказались бы истощенными. Известь же была просто вредна в большинстве районов (там, где кислотность почв не была чрезмерно высокой). Была отмечена высокая затрата труда на приготовление смесей.

Авторы доклада сообщали результаты очень осторожно, приводили лишь цифры (памятуя, что специалистам больше ничего и не нужно) и очень деликатно характеризовали органо-минеральные смеси, как не везде и не всегда достаточно эффективные, хотя из их же данных можно было сделать и более решительные выводы. Но слова словами, а смысл был всем ясен: чтобы вести хозяйство не убыточно, нужно вносить в почву высокие дозы удобрений.

Хрущев выдвинул в эти годы лозунг: "Догнать и перегнать западные страны и прежде всего США по производству сельскохозяйственной продукции (и прежде всего мяса и молока) на душу населения" (37). Ученые в связи с этим заявляли: чтобы воплотить лозунг в жизнь, сначала надо догнать США и Западную Европу по уровню производства минеральных удобрений. Тогда будет вдосталь корма для скота, животные не будут пухнуть и дохнуть от голода, и после этого сможет возрасти его поголовье.

Лысенко в противовес этому стоял на своем: тройчатка спасет и без увеличения объема производимых удобрений, за Америкой и Европой в этом вопросе гнаться нечего. Но, конечно, всех, кто был связан с этой проблемой, более всего изумляли неизменно высокие урожаи, получаемые в "Горках" при посеве разных культур на фоне внесения одной тройчатки. Ларчик приоткрылся в 1955 году, когда директор "Горок Ленинских" Федор Васильевич Каллистратов опубликовал в журнале "Земледелие" статью о посевах по тройчатке (38). Оказалось, что каждый сезон посевы сдвигали на то поле, которое за год до этого сезона получило не просто приличную, а сверхприличную дозу удобрений, и не только тех, что входят в тройчатку. На гектар посевов вносили порой по два центнера азотных удобрений (аммиачной селитры), по центнеру хлористого кальция и т. д., а с учетом того, что всё это проделывали в течение многих лет (практически за всё время советской власти), то немудрено, что прибавка к этому фону ничтожных доз тройчатки неизменно вела к хорошему результату.

Важной особенностью опытов в "Горках" было полное пренебрежение непременными правилами постановки и проведения научных работ, без следования которым наука превращалась в подлог. В контрольных посевах наблюдалась поразительная пляска результатов: Лысенко в своей книге сообщил, что в его опытах урожай на контрольных делянках колебался от 16 до 4,9 центнера с гектара (39). Ясно, что такая "аккуратность" никуда не годилась: что можно было считать контрольной урожайностью -- 4,9 или 16 ц/га или какие-то промежуточные цифры? Сравнишь с меньшей цифрой, получишь огромную прибавку. Сравнишь с 16 центнерами с гектара -- прибавки не будет или она будет минимальной. Такие опыты следовало браковать как неудавшиеся, но Лысенко это не смущало, он приводил их в книге и основывал на них рекомендации для всей страны.

С другой стороны, теория эксперимента требует, чтобы опыт был повторен определенное количество раз. Требуемого теорией числа повторностей опытов в "Горках" никогда не достигали. Позже, когда было выяснено, что в "Горках" каждый год вносили на поля огромное количество удобрений, стало ясно, почему так боялись правильно поставленных повторов. При запущенном учете посевов всегда была опасность попасть на участок с неизвестным фоном -- ждешь, что делянка даст маленькие урожаи, потому что её сделали контрольной и никаких удобрений не внесли, а получишь вдруг огромный урожай, только потому, что в предыдущие годы на этот участок не пожалели удобрений. Поэтому, решили лысенковцы, проще всегда ставить в разных концах базы разные опыты (но однократные). Так и способней и уверенней. В крайнем случае, можно данные того или иного опыта попросту выбросить, и делу конец.

Эта практика очередной раз выплыла наружу на сессии ВАСХНИЛ в 1956 году. Сессия была посвящена обсуждению новой "теории питания растений" и привлекла тогда большое

внимание. Пленарное заседание проходило в Царском зале на втором этаже бывшего Юсуповского дворца в Большом Харитоньевском переулке, 21.

Это заседание памятно и мне. Впервые я слышал Лысенко не на лекции в Тимирязевке, а в окружении маститых ученых, заполнивших не только до отказа весь зал, но и толпившихся в прилегающих к Царскому залу маленьком Китайском зале и лестницах, куда были выведены динамики. В полутемном зале со сводчатыми древне-русскими потолками, стенами, расписанными узорными орнаментами, позолоченными витыми декоративными колоннами, отделяющими портреты царей, окнами в мелкую "слюдяную" клеточку звучал надтреснутый хриплый голос Лысенко. Он стоял на царском месте и не говорил, а выкрикивал (вернее сказать, выхрипывал) фразу за фразой. В зале было душно, Лысенко хрипел натужно и долго. Его по-крестьянски витиеватая речь,
пересыпаемая сравнениями, за уши притянутыми (но глубокомысленными!) образами "из жизни", создавала впечатление чего-то вязкого, аморфного, заползающего в мозг и дурманящего. Длинный доклад заключил Президент ВАСХНИЛ П.П.Лобанов, заявивший, как это всегда водится, что практика -- лучший эксперт для проверки любой теории и пора на полях проверить рекомендации Лысенко. Но говорилось это без особого расположения, а даже, как мне показалось, с еле заметной долей иронии.

Полным контрастом лысенковскому было выступление профессора А.В.Соколова, явившего пример иного стиля -- строгого, истинно научного и элегантно-неотразимого. Лысенко рьяно нападал на Соколова и требовал признать, что в тройчатке заложена сила, которую не побороть никаким скептикам. На заседании секции агрохимии А.В.Соколов выступил вторично, охарактеризовав положение опытного дела в Горках Ленинских как ненаучное, и показал на нескольких примерах как были подделаны результаты опытов. Выступление Соколова было встречено с огромным удовлетворением большинством присутствующих. Стенограмма этого заседания разошлась по рукам, и её оживленно обсуждали. Казалось, что новому учению о том, как нужно питать не сами растения, а микробов около этих растений, пришел конец.

Консолидированное наступление на лысенкоизм

Не следует думать, что смелости критикам Лысенко придало только то, что его сняли с поста Президента ВАСХНИЛ в апреле 1956 года. И до этого события находились смельчаки, открыто на публике высказывавшие свое мнение о лысенковских ошибках. Но, конечно, после удаления Лысенко с высокого поста напор критики возрос. Так, прозвучала критика из уст Министра сельского хозяйства В.В.Мацкевича, выступившего на Всесоюзном совещании работников сельскохозяйственной науки 19 июня 1956 года (40). Появились и первые организационные меры явно антилысенковской направленности.

22 июня 1956 года Президиум Академии наук СССР распорядился создать в составе Института биологической физики АН СССР лабораторию радиационной генетики. Заведовать ею поручили Н.П.Дубинину.

В советской прессе, наконец, прорвалось молчание о достижениях мировой науки в изучении наследственности. В 1956-1957 годах в журнале "Техника-молодежи" было опубликовано несколько интервью -- с академиками И.Е.Таммом и В.А.Энгельгардтом, с членом-корреспондентом Н.П.Дубининым и другими (41), в журнале "Биофизика" -- большая статья "Физические и химические основы наследственности" Дубинина (42), в журнале "Химическая наука и промышленность" с благословения его главного редактора И.Л.Кнунянца был опубликован перевод статьи Ф.Крика о строении ДНК (43).

Но, пожалуй, наиболее известной стала история с проведением в 1956 году так называемого "Круглого Стола" в редакции журнала "Наш современник", возникшего на базе прежде издававшихся альманахов, названия которым давали в зависимости от года, истекшего с момента революции 1917 года. В альманахе "Год тридцать седьмой" был опубликован большой очерк писателя О.Н.Писаржевского "Дружба наук и ее нарушения", о котором речь шла в предыдущей главе (44).

Член-корреспондент АН СССР и действительный член ВАСХНИЛ А.А.Авакян написал пространный "Ответ оппоненту", после чего и было решено обсудить в редакции нового журнала очерк Писаржевского и ответ на него Авакяна. Лысенкоистам также понравилась эта возможность, они решили как следует проучить автора неприятного очерка.

В день диспута в редакции появились Лысенко, Авакян, Глущенко, Презент, И.А.Халифман и главный агроном Московского областного управления сельского хозяйства Я.Ф.Кучерявый. Пришел и неизменный восхвалитель лысенкоистов писатель Вадим Сафонов. От "морганистов" приехал один лишь Владимир Владимирович Сахаров, и еще здесь же оказался известный специалист по теории питания растений Ф.В.Турчин.

Мощная боевая дружина лысенкоистов во главе с их вождем расселась, но почему-то начало диспута оттягивалось. Возмутителя спокойствия -- Писаржевского всё не было. Поскольку громить было некого, боевая дружина вынуждена была скучать и ждать, ерзая на стульях от нетерпения.

А в этот момент Писаржевский держал другой бой. Он заехал на квартиру к Дубинину и долго уговаривал струсившего генетика поехать с ним на заседание. Олегу Николаевичу, наконец-то, удалось это сделать, и на машине Писаржевского они помчались в редакцию.

Замысел Писаржевского оказался верным. Стоило в комнате появиться дуэту Писаржевский-Дубинин, и нервы у Лысенко сдали.

"Как только Т.Д.Лысенко увидел, кого им пришлось ждать, он резко встал и, не сказав ни слова, вышел из кабинета" (45).

Этот маленький штрих отчетливо показывал, насколько были напряжены нервы у Лысенко, как он стал избегать острых схваток. Случаев, когда он уклонялся от споров было мало, чаще он не упускал момента, чтобы скрестить шпаги с любым из оппонентов, в чем и заключалась сильнейшая сторона его характера.

Дискуссия, таким образом, пошла в отсутствие лидера мичуринцев. Результаты её были опубликованы через полгода -- во второй половине 1956 года. Сначала был помещен длинный "Ответ оппоненту" Авакяна (46), а затем сокращенная стенограмма дискуссии. Стиль разговоров лысенкоистов был уже всем хорошо знаком. Наклеивание ярлыков, ссылки на массовые опыты колхозников, попытка представить себя честными и принципиальными жрецами науки, а не погромщиками, -- всем эти приемчики давно уже набили оскомину. А вот публикация выступлений Сахарова (47), Турчина (48), Дубинина (49) и, конечно, самого Писаржевского (50) была первостепенной новостью.

Лысенковец И.А.Халифман был искренним, когда сказал, что очерк Писаржевского он "лично воспринял как чрезвычайное происшествие в литературе: ...это, кажется, первое в нашей литературе произведение, направленное против Мичурина и его последователей" (51).

До сих пор примазывание к имени Мичурина неизменно сходило с рук лысенковцам, а на

диспуте Сахаров в исключительном по смелости выступлении сказал, обращаясь к псевдо-мичуринцам:

"...уж если следовать вашим правилам, то с полным и заслуженным правом вам бы следовало именовать себя не "мичуринцами", а "лысенковцами"... Вот это беспримерное единодушие со взглядами своего научного лидера и определяет основной, существенный признак группы работников науки, без достаточного основания предпочитающих для себя название "мичуринцев"... Не может наука развиваться без противоречий, без критики. Я не побоюсь даже сказать, что не может быть и мичуринской биологии... Не может быть по этим же причинам и Павловской медицины" (52).

Во время этой дискуссии генетики привели утаивавшиеся от широких кругов факты вреда лысенковцев в разных направлениях науки. Запрещение работ с полиплоидами, запрет на изучение гормонов роста и вирусов растений принесли стране огромные убытки. В изучении гормонов роста отечественная наука была впереди всех в мире. Но Лысенко заявил, что "лавры генетиков не дают спать физиологам: генетики придумали гены, а физиологи -- гормоны растений" (53). Как грубо звучала эта фраза, сколько в ней было высокомерия. "Лавры", "не дают спать", и это ехидное словечко "придумали"! Доподлинно известно, что украинский академик Н.Г.Холодный в честном соревновании с голландским физиологом Фридрихом Вентом изучал свойства гормонов. Изучал, а не придумывал.

Писаржевский привел длинную выписку из погромной статьи Авакяна, опубликованной в 1948 году (54), в которой было сказано следующее:

"Подобное направление в истории наук не ново, оно является разновидностью теории "флогистона", "теплорода", "жизненной силы", "вещества наследственности". Вряд ли надо доказывать бесполезность воскрешения этих теорий в естествознании" (55).

Пытаясь оправдаться, Авакян пустился в длинные рассуждения о том, зачем, в каком контексте он писал эти строки тогда, в 1948 году. Он силился заверить присутствующих, что вовсе не подводил гормоны и Н.Г.Холодного под запрет и не способствовал преждевременной смерти великого ученого, не порочил его научное завещание. Он договорился до того, что "посмертно опубликованная в "Ботаническом журнале" статья [Н.Г.Холодного, в которой он с достоинством и мужеством ответил и Лысенко и Авакяну /56/, -- В.С.] содержит большое количество неточностей и выпирающую из каждой строки тенденциозность" /57/). Затем он, не тушуясь нисколько, сам прочел цитату из своей статьи, приведенную выше, и объявил, что она вырвана Писаржевским из контекста его статьи, "обезглавлена", как он красочно выразился:

"... О.Писаржевский пишет: "Таким образом твердой рукой А.А.Авакяна гетероауксин был безоговорочно занесен в разряд всяческих "флогистонов"". Звучит это очень определенно. Но ведь А.Авакян вправе попросить своего оппонента, чтобы тот показал, где именно, как именно объявлен им, А.Авакяном, гетероауксин флогистоном... И что же тогда ответит О.Писаржевский?" (58).

Право, трудно понять, на что рассчитывал Артавазд Аршакович. Или он полагал, что из страха перед его высокими титулами какой-то там всего лишь журналист -- Олег Писаржевский проглотит пилюлю. И приходилось этому "ученому", а заодно и всем его сотоварищам, выслушивать достойную отповедь Олега Николаевича.

Насыщенным фактами было выступление Ф.В.Турчина, который начал с общей позиции, заявив:

"... предвзятость, догматизм в подходе к решению биологических проблем не способствует развитию этой науки [он имел ввиду мичуринскую агробиологию -- В.С.]" (59).

Далее Турчин сосредоточился на одном вопросе -- минеральном питании растений, доказав, что теории Лысенко в этом вопросе не существует, а то, что именуется ответственным термином, есть безграмотная выдумка.

И снова Авакян никак не мог успокоиться: он перебивал Турчина, пытаясь грубыми репликами навести слушателей на мысль, что тот нарочито перевирает слова Лысенко, обманывает аудиторию. И каждый раз спокойно и вежливо профессор Турчин отметал реплики, парировал их фактами, цитатами, справками (60).

Обвинения в зажиме полиплоидии отвергал Глущенко:

"Мы против этого явления не выступаем, ибо, повторяю,
мичуринская генетика ни одного факта не отрицает, но толкует по-своему. Это наше гражданское право" (61).

Эти выспренние рассуждения о гражданских правах исходили из уст человека, которого здесь же Сахаров и Дубинин с фактами в руках изобличили в удушении работ по полиплоидии в бытность его ученым секретарем по биологии при Президенте АН СССР С.И.Вавилове (62).

Однако главную линию в обороне своих позиций, лысенкоисты видели в том, чтобы твердить о партийности науки, о материалистической направленности их работ:

"Очерк О.Писаржевского... не украсил альманаха по той причине, что он был написан с целью повернуть развитие материалистической биологии вспять.

Задача эта фантастична, нереальна, а значит и само выступление было, мягко говоря, бесполезно", -- заявил Глущенко (63).

"В последнее время, -- продолжал он, -- некоторые наши биологи совершенно некритически стали относиться ко всему зарубежному. Спору нет, за рубежами нашей родины есть хорошие ученые и хорошие биологические работы. Но немало есть еще и врагов нашей страны и ее науки, немало вредных учений, которые надо разоблачать (евгеника, расизм, мальтузианство) ...а некоторые на все лады восхваляют всё и вся, теряя чувство меры" (64).

Несомненно, эта тактика лысенкоистов имела целью утопить обсуждение в деталях, сдобрить его демагогической приправой идеологического свойства, но на этот раз им не удалось это сделать. Писаржевский сказал в начале своего выступления:

"... в ряде областей биологии наметилось существенное отставание, которое имело место в результате искусственных ограничений, а иногда административного пресечения развития ряда важных областей ..." (65).

Еще более определенно высказался Сахаров:

"Мы были свидетелями, когда... единодушная поддержка всего послушного окружения имела место и там, где Т.Д.Лысенко говорил просто вздор, ныне, правда, уже сокрушенный самой обстоятельной и глубокой критикой...

И именно в связи с культом личности одного, определенного человека в биологии случилось такое, что по ряду разделов этой науки точно Мамай прошел" (66).

Болью за судьбы русской науки и культуры были проникнуты слова Сахарова -- прекрасного педагога, к которому вечно тянулись юношеские души, -- и когда он сказал о страшных провалах в образовании молодежи (67). Заботой о состоянии науки руководствовался он и тогда, когда высказался по поводу захваливания Лысенко теми, кто мог стоять выше внутридисциплинарных споров, а на деле всегда занимал самую худшую позицию:

"Некоторые из философов (Рубашевский, Трошин, Платонов, Новинский и др.), специализировавшись на "новой биологии", с готовностью поддерживали даже те положения, которые находились в самом вопиющем противоречии с основами диалектического материализма" (68).

Во время этой дискуссии некоторые фразы лысенкоистов еще звучали устрашающе. Ведь язык политических обвинений, язык, которым они владели в совершенстве, всегда был опасным в этой стране. И лысенкоисты это прекрасно осознавали и пытались использовать испытанное оружие3.

Публикация материалов дискуссии позволила впервые показать, что критика Лысенко (не по частностям, а по ядру -- по идеологии его "учения") уже не влечет за собой немедленного выгона с работы, или ареста, или других страшных последствий4. Никто из участвовавших в открытом столкновении взглядов не пострадал. Дубинину даже предложили в начале 1957 года сделать доклад на заседании Президиума АН СССР. Сам факт предоставления слова на заседании Президиума "морганисту" был для многих ошеломляющим. Лысенко -- член Президиума, конечно, на это заседание не явился, сказавшись занятым. Но заседание состоялось и было многолюдным. На нем присутствовали не только руководители науки страны (прежде всего Президент Академии А.Н.Несмеянов, вице-президенты и академики-секретари Отделений, ученые секретари Президиума и Отделений), но и такие крупные ученые как академики Тамм, Курчатов, Кнунянц и другие.

Доклад Дубинина об успехах генетики был выслушан с интересом. Он "рас-сказал о событиях в области ДНК, о задачах радиационной и химической генетики, о наследственности человека, о связи генетики с селекцией, медициной и обороной страны" (71). Как вспоминал Дубинин, особенно заинтересованно слушал его доклад организатор атомной промышленности Курчатов, который и пригласил Дубинина выступить на заседании президиума и уговорил Несмеянова включить эту тему в повестку дня заседания (72).

Большой резонанс в биологических кругах получило выступление в Ленинграде в мае 1957 года ученика Н.И.Вавилова Ф.Х.Бахтеева с докладом "О состоянии преподавания ботаники в школе" (73). Многие специалисты поддержали мнение Бахтеева о необходимости срочного изменения учебников. На Втором съезде Ботанического общества была даже принята отдельная резолюция по этому вопросу (74).

Венчала антилысенковскую деятельность акция огромного значения. В стране в это время создавали новый научный центр. В мае 1957 года Совет Министров СССР принял постановление об организации Сибирского отделения Академии наук СССР. Инициаторами стали специалисты в области прикладной математики и вычислительной техники академики Михаил Алексеевич Лаврентьев и Сергей Львович Соболев, убедившие Хрущева, что новый центр даст мощный толчок развитию всей науки в СССР. Оба они отлично понимали, что при рождении комплексного научного центра в Сибири нужно позаботиться о гармоничном его развитии. Вычленять биологию и в особенности генетику из своего комплекса они не

собирались. К тому же оба знали лично Лысенко, и ничего, кроме антипатии, к нему не испытывали. Особенно хорошо был осведомлен о Лысенко Лаврентьев, много лет проработавший на Украине и не раз убеждавшийся в том, насколько опасна, а порой преступна активность этого человека. Позже Лаврентьев напрямую контактировал с аппаратчиками из ЦК партии и в 50-х годах, как он вспоминал, "имел возможность познакомиться с ним [с Лысенко -- В.С.] ближе" (75):

"В то время в ЦК партии поступало много писем и заявлений от ученых с жалобами на Т.Д.Лысенко, который, имея большие административные возможности, тормозит развитие генетики и под прикрытием "мичуринского учения" разгоняет крупных ученых..." (76)5.

В программу Сибирского отделения было внесено предложение о создании двух биологических институтов, и одним из этих институтов стал Институт цитологии и генетики. Лаврентьев принял смелое решение -- пригласить директором этого института Н.П.Дубинина.

Институт был развернут исключительно быстро. В числе сотрудников оказались такие люди, как цитологи В.В.Хвостова, Ю.Я.Керкис, генетики растений А.Н.Лутков, Ю.П.Мирюта, биохимик Р.И.Салганик, статистик Н.А.Плохинский и многие другие. Пришло в Институт много талантливой молодежи. Активную роль в нем стали играть З.С.Никоро и Р.Л.Берг, вокруг которых быстро сконцентрировались яркие молодые исследователи.

4 октября 1957 года в СССР был запущен первый в мире искусственный спутник Земли. Программа работ в космосе была засекречена, и мало кто знал, что сразу после запуска первого спутника Дубинин направил в Президиум АН СССР предложение включить в космическую программу комплекс генетических работ. Как он написал об этом в мемуарах, "эта программа была принята" (78а), что также укрепляло позиции генетиков, и о чем, в силу сугубой секретности проекта, Лысенко даже не догадывался.

Эти успехи генетиков, ставшие возможными благодаря пониманию учеными разных специальностей важности развертывания исследований наследственности, позволяли надеяться, что, наконец-то, отечественная генетика вырвется из хищных лап лысенкоистов и начнет развиваться. Но снова, в который уже раз, несмотря на консолидированные усилия ученых, а, может быть, в какой-то мере из-за этой консолидации, раздражавшей и пугавшей партийные верхи, лидеры коммунистов помогли укрепить позиции Лысенко снова.

Хрущев начинает открыто поддерживать Лысенко

В описываемые годы среди ученых были популярными разговоры о том, что в первый раз Лысенко сняли с поста Президента ВАСХНИЛ не потому, что ученые не раз высказывались против него, а в силу личной неприязни к нему нового первого секретаря ЦК партии Хрущева. Возможно в первые год-два своего правления. Хрущев еще сохранял некоторое недоверие к Лысенко. Но, как оказалось позже, то ли в 1954, то ли в 1955 году он съездил в "Горки Ленинские", и поездка эта оставила приятные воспоминания.

Ходили также слухи, что дочь Хрущева Рада (вышедшая замуж за талантливого журналиста Алексея Аджубея, ставшего любимцем Никиты Сергеевича) благоволила противникам Лысенко. На этом основании нередко высказывались надежды, что в семье Хрущева царит прочная атмосфера недоверия к Лысенко.

Но неожиданно из уст партийного лидера страны прозвучало требование прекратить критику Лысенко. В речи на совещании работников сельского хозяйства 30 марта 1957 года Хрущев

сказал:

"Коротко хочу остановиться на вопросе известкования почвы. Здесь выступал академик Лысенко, который вначале не предполагал выступать, но мы попросили, чтобы он выступил. Некоторые опровергают способ применения удобрений, разработанный товарищем Лысенко. Года три назад я был в экспериментальном хозяйстве, где Т.Д.Лысенко показывал мне посевы на полях, удобренных по новому методу. Теперь этот способ хорошо приживается в Московской и других областях.

Есть ученые, которые все еще спорят с Лысенко по этому вопросу. Если бы меня спросили: за какого ты ученого голосуешь, я бы, не задумываясь, сказал: за Лысенко. И я знаю, что он не подведет, потому что за плохое не возьмется. Я считаю, что мало кто из ученых так понимает землю, как товарищ Лысенко. (Аплодисменты)" (79).

Заканчивая свою страстную речь, наполненную призывами лучше работать, "производить больше одежды, разных продуктов, -- и не просто продуктов, а хороших продуктов, строить больше жилья, удовлетворять и другие потребности народа" (80), Хрущев с гордостью сказал:

"Мы поражаем весь мир нашими успехами. Наши успехи будут оказывать еще б??льшее воздействие,
если мы поднимем на б??льшую высоту жизненный уровень нашего народа" (81),

и закончил такими словами:

"Можно не сомневаться, что вы сделаете все для того, чтобы 1957 год был переломным годом и чтобы через 1-2 года, максимум через 3 года, у нас было мяса вдоволь" (82).

Однократным выступлением в защиту Лысенко дело не кончилось. Побывав в "Горках Ленинских", Хрущев попался на удочку лысенковского бахвальства. Увидев ухоженное, радующее глаз хозяйство "Горок", Хрущев поинтересовался, какими способами Лысенко обеспечивает хорошую урожайность зерновых культур, и услышал, что залог достижения -- применение органо-минеральных смесей6, позволяющих тратить мало удобрений, но зато получать отменные урожаи.

Уверившись однажды в пользе тройчатки, Хрущев решил твердо поддерживать Лысенко. Через неделю восхваление попавшего в любимчики "ученого" повторилось. 5 апреля 1957 года Хрущев приехал в город Горький. Через день здесь открылось зональное совещание работников сельского хозяйства. В "Правде" было сказано, что "участники совещания тепло встретили появление в Президиуме Первого секретаря ЦК КПСС тов. Н.С.Хрущева" (82). Первым среди тех, кто занял места вместе с ним в президиуме, был упомянут Лысенко. Заканчивалось пространное коммюнике фразой о том, что "с большим вниманием было выслушано выступление... академика Т.Д.Лысенко" (83).

На следующий день "Правда" открывалась большой фотографией Хрущева и Указом Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему вторично звания Героя социалистического труда (84). А в следующем номере была напечатана речь дважды героя, в которой он подробно остановился на том, как, по его мнению, неправильно относятся ученые к предложению Лысенко об органо-минеральных смесях (85). Хрущев, со свойственной ему тягой к оживлению речи всякими воспоминаниями, справками, псевдообъективными свидетельствами (порой исходящими от никому не ведомых людей), опирался и здесь на безоговорочное мнение о пользе смесей секретаря Дивеевского райкома партии Арзамасской

области тов. Крюкова. Уж он-то, товарищ Крюков, врать не станет. Затем, чтобы поглумиться над олухами-учеными, он привел выдержку из "протокола 5 заседания бюро секции агропочвоведения и агрохимии ВАСХНИЛ от 4 января 1957 года", в которой было сказано:

"...бюро секции не разделяет рекомендации тов. Т.Д.Лысенко по применению органо-минеральных смесей, как научно-необоснованные.

Широкая пропаганда этих рекомендаций мешает рациональному использованию органических и минеральных удобрений" (86).

Мнение ученых Хрущев обозвал "милицейским подходом", грубо осудил позицию невмешательства, якобы занятую министрами сельского хозяйства В.В.Мацкевичем и совхозов И.А.Бенедиктовым ("Они, как "святые", ручки сложили и не вмешиваются в этот спор. Нельзя министрам стоять в стороне. Зачем вы отворачиваетесь от того, что народ говорит и признает?" /87/), и тепло вспомнил об огромном впечатлении, которое на него произвели посевы в "Горках Ленинских", якобы удобренные по лысенковскому методу.

А 27 апреля в "Известиях" была напечатана большая статья самого Лысенко под призывным заголовком: "Шире применять в нечерноземной полосе органо-минеральные смеси" (88). Лысенко повторял старое:

"...все растения питаются из почвы при посредстве комплекса микроорганизмов, специфического для данного вида растения" (89).

Опять он касался вопроса кислотности почв, определенно решенного наукой, но казавшегося ему решенного неверно и потому требующего нового подхода:

"Почему же без удобрений на кислых малогумусных подзолистых почвах наши культурные растения голодают, плохо растут или даже вовсе не растут? ...потому что нет "поваров", нет тех микроорганизмов, ферменты (энзимы) которых превращают неусвояемые элементы почвы (грунта) и воздуха в усвояемую растениями форму" (90).

Словом, поддержанный секретарем ЦК Лысенко чувствовал себя триумфатором.

В конце июня по Москве поползли слухи, что Хрущев, повторяя уроки Сталина, "раскрыл" новый "заговор" против партии и государства. В Москву были стянуты войска, люди шептались, передавая разноречивые слухи. Наконец, 4 июля в "Правде" опубликовали сообщение о пленуме ЦК, "раскрывшем и осудившем" очередную в истории большевистской партии антипартийную группировку -- Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова (91). Постоянная грызня в верхушке партии закончилась очередной победой -- теперь Хрущева. А это придало энергии его временщику -- Лысенко.

В это время, как уже было упомянуто, Хрущев носился с демагогическим лозунгом, что вот-вот советские люди будут иметь на своем столе столько же мяса, молока и масла, сколько имеют среднестатистические угнетаемые капиталом трудящиеся на презренном загнивающем Западе. Эту байку перепевали на все лады средства информации. Например, в "Правде" 10 июля 1957 года появился большой материал под шапкой: "В ближайшие годы догоним США по производству мяса, молока и масла на душу населения -- социалистические обязательства работников сельского хозяйства Латвийской ССР" (92)7 . Текст обращения заканчивался на мажорной ноте:

"Наше социалистическое сельское хозяйство... будет развиваться еще более быстрыми

темпами, залогом этого является правильность линии, проводимой нашей великой Коммунистической партией и ее ленинским Центральным Комитетом" (93).

Конечно, Трофим Денисович не мог оставаться в стороне от решения этой в высшей степени благородной затеи. В "Горках Ленинских" стали выводить жирномолочных коров. Об этой, ничем не отличающейся от всех предыдущих, "панацее" Лысенко мы уже писали. Ценных качеств своим коровам Лысенко и Иоаннисян привить не могли, но 17 июля 1957 года в "Правде" на двух страницах была опубликована беседа с Лысенко (94) и приведена фотография академика. На оборотной стороне газетного листа красовались "портреты" жирных коров. Фотографу явно не давала покоя популярная в те годы картина "Утро нашей Родины" художника Шургина, на которой на фоне бескрайнего поля был изображен Сталин. Теперь на фоне поля стоял в той же позе Лысенко, мудро взиравший со страниц "Правды" на читателей. Столь же мудрыми были и слова, обращенные к советскому народу:

"Достижение задуманной нами цели будет скромной нашей лептой во всенародное дело борьбы за увеличение продуктивности животноводства в нашей стране.

Для советского ученого нет более благородной задачи, чем оказание помощи Коммунистической партии, советскому народу в их героическом труде по крутому подъему сельского хозяйства" (95).

Нужны ли физика и химия для изучения жизни?

Положение спорящих по вопросам биологии было в это время неравным: в глазах высшего руководителя страны Лысенко был победителем, но ученые не желали признавать его таковым, не прекращали своих усилий, а даже с большей энергией пытались проводить свою линию. Страх перед возможными идеологическими обвинениями и последующими затем карами, который при Сталине заставлял всех цепенеть и молчать, сейчас поослаб, и, надо заметить, это положительное изменение в жизни советского общества было связано с разоблачительными речами самого Хрущева, начавшего развенчание культа личности Сталина. Позже Хрущев стал сам впадать в звездную болезнь, не прочь был создать свой культ, но, несмотря на все потуги, вторым Сталиным он ни формально, ни фактически (в глазах народа) стать не мог. Народ осмелел, анекдоты про Никиту рассказывали, уже не таясь, всерьез его байки никто, естественно, не принимал, над лозунгом "Догоним Америку по производству мяса-молока" откровенно смеялись. От повторений лозунга количество мяса в магазинах не увеличивалось, а вот цены на мясо "Никита" сильно поднял.

Возможно, этот -- психологический -- фактор влиял на то, что открытое противостояние ученых Лысенко продолжалось. Выходили в свет статьи о прогрессе мировой науки, о ДНК и генетическом коде, причем даже в центральных газетах (96). В журнале "Вопросы философии" появилась передовая статья "О разработке философских вопросов естествознания" (97), в которой среди примеров неправильного, как было сказано, -- "нигилистического отношения к науке" -- было названо то, "что выбрасывались за борт ценные достижения хромосомной теории развития" (98). В том же 1957 году после отчаянной борьбы -- сначала с Бошьяном и Жуковым-Вережниковым, а затем с Опариным, Студитским, Нуждиным и редакторами Большой Советской Энциклопедии -- профессору В.Я.Александрову удалось опубликовать в ней большую статью "Цитология", в которой излагались основы генетики (99).

Лысенко приходилось в это время выдерживать тяжкие удары то с одной, то с другой стороны. Даже мелкие неприятности больно жалили его непомерно разросшееся самолюбие. В конце 1957 года он, во время последней моей беседы с ним, хрипя и брызжа слюной,

кричал, что как бы ни зажимали недруги слова правды, она прорвет себе выход. В эти дни все в Тимирязевской академии читали слова правды, которая прорвалась с другой стороны. В многотиражной газете "Тимирязевец" была напечатана большая статья о Н.И.Вавилове, незадолго до того реабилитированном, в которой рассказывалось о жизненном пути этого выдающегося ученого и о значении его трудов (100). Статья заканчивалась строками:

"Дальнейшее развитие работ, начатых Н.И.Вавиловым, и разработка поднятых им идей будут лучшим памятником этому выдающемуся советскому ученому" (101).

В центре газетной полосы был помещен большой портрет Николая Ивановича, а в уголке сбоку, на той же странице была дана маленькая врезка с узеньким клише, на котором и лиц-то было не разобрать, и под ним подпись о прошедшей 22 ноября в Академии лекции Лысенко для студентов, после которой его засняли с группой ребят. Приходилось сносить и такое: закопанный в землю и, казалось, навсегда опозоренный Н.И.Вавилов смотрел с газетного листа и удостаивался высоких похвал, а он -- еще и живой и здравствующий академик Лысенко уже сдвигался в уголок, а зловредные коллеги норовили вовсе "задвинуть" его за пределы даже скромных студенческих многотиражек.

В эти дни Лысенко
использовал любую возможность, чтобы показаться на публике, выступить в любой аудитории. В конце 1957 года он и выходивший на первые роли среди его клевретов Н.И.Нуждин прочли лекции в Центральном лектории Политехнического музея в Москве. Главное, чему были посвящены лекции, -- желанию оспорить прогресс в изучении молекулярных основ наследственности и описанные выше выпады философского журнала (102). По первому пункту было заявлено, что разговоры о связи молекул ДНК с генами -- не более чем досужая выдумка:

"Отказавшись от гена в его классическом понимании как кусочка хромосомы8, представители моргановской генетики перешли на новые позиции, выдвигая в качестве гена молекулу ДНК" (103).

"Разве не выход из положения: гена нет и в то же самое время он есть и им является молекула ДНК... Крылья фантазии с легкостью отрывают людей от почвы, унося их в область беспочвенных спекуляций" (104).

Они также отвергали вывод, сделанный в редакционной статье "Вопросов философии":

"Правильнее будет брошенный редакцией "Вопросов философии" упрек в нигилизме переадресовать по назначению: в адрес формальной генетики, отказавшейся от своих представлений о гене и объяснившей эти представления "наивными" и "детскими". Мичуринцы правильно показали, что учение о гене, как не отражающее объективных закономерностей науки, не может сохраняться в науке" (105).

Насмехались они и над Энгельгардтом, выразившим надежду, что через пятьдесят лет, возможно, будет раскрыта тайна генетического кода (106).

На лекцию Лысенко в Политехническом музее собралось много слушателей. Мне посчастливилось достать билет, и с группой студентов и преподавателей из Тимирязевки мы приехали и с трудом нашли места в зале. Обстановка во время лекции была напряженной. Неожиданно раздался шум (пожалуй, не смех, но что-то на него похожее), когда Лысенко убежденно заявил, что и протекающие по сосудам растений соки, всасываемые из земли, несут наследственную информацию:

"Если говорить о носителе наследственности, то таковым при определенных обстоятельствах может стать любая часть, любое вещество живого тела, в том числе и обычные растительные соки, пластические вещества" (107).

Такое явное завирательство было встречено с недоверием, и Лысенко это почувствовал.

Наиболее разгоряченным он выглядел под конец лекции, когда заговорил о самом больном вопросе -- поддержке генетиков физиками и химиками. Теперь, когда критика лысенкоизма шла не только от биологов, но и от представителей физики, химии и математики, ему не оставалось ничего иного, как на ходу вносить в выступления новую струю. Говорить напрямую, что и слушать их нечего, он, поступая дипломатично, не стал, а начал новую игру: твердил, что физика и химия не имеют никакого определяющего влияния на познание биологических закономерностей, что есть особые -- биологические процессы и законы, не сводимые к более простым физическим и химическим законам и процессам:

"Жизнь, биологические явления не укладываются и не могут уложиться в химические и физические закономерности" (108).

"... биологические объекты -- микроорганизмы, растения и животные живут, питаются, развиваются в соответствии не с химическими, а биологическими закономерностями... Химические и физические законы в биологических явлениях -- те же, что и в неживой природе, но в биологических явлениях они подчинены биологическим закономерностям" (109).

Озабоченность Лысенко вторжением представителей точных наук в дискуссии по вопросам генетики была вполне понятна. Ему стало известно, что заведующий отделом науки ЦК партии В.А.Кириллин прислушивается к физикам, химикам и математикам, хотя и боится, естественно, Хрущева и открыто свою неприязнь к "мичуринцам" не выказывает, а, где может, противоположному лагерю благоволит. Более откровенную позицию занял Президент АН СССР А.Н.Несмеянов, часто выступавший с речами о необходимости развития исследований в области физики и химии живого.

Другой крупнейший химик и организатор науки Николай Николаевич Семенов, получивший в 1956 году Нобелевскую премию по химии за работу по разветвленным цепным реакциям, часто контактировал с академиком Кнунянцем, они, как принято говорить, были знакомы домами, часто виделись в неформальной обстановке, ходили друг к другу в гости, особенно во время пребывания на даче. Семенову импонировал генетик Рапопорт, смело вступивший в бой с лысенкоистами на сессии ВАСХНИЛ 1948 года. С 1957 года Семенов стал академиком-секретарем Отделения химических наук АН СССР и также стремился помочь развитию исследований в области химии и физики живого. В руководимом им Институте химической физики АН СССР был создан отдел во главе с Рапопортом, и теперь в стране появился еще один центр генетических исследований.

Уже было сказано об антилысенковских настроениях членов Президиума АН П.Л.Капицы, И.В.Курчатова, В.А.Энгельгардта, таких крупнейших ученых как физики И.Е.Тамм, А.Д.Сахаров, М.А.Леонтович. Громко выражали свое несогласие с Лысенко математики А.А.Ляпунов и А.Д.Александров. Может быть, не так громко, но вполне определенно антилысенковски были настроены А.Н.Колмогоров и С.Л.Соболев. И это далеко не полный список лидеров советской науки, создателей и руководителей новых и важнейших для государства отраслей науки -- атомной физики, ядерной энергетики, космонавтики, химии полимеров. Без них захирел бы военно-промышленный комплекс, а без этого комплекса

дальнейший прогресс страны нельзя было себе представить. Поэтому оппозиция Лысенко день ото дня становилась всё более могущественной.

Общими стараниями этих ученых в написанный для Хрущева доклад о контрольных цифрах развития народного хозяйства на предстоящее семилетие был внесен пункт, с точки зрения Лысенко провокационный, так как он подводил базу под экспансию точных наук в сферы биологии, до сих пор рассматривавшиеся им как его личная вотчина. Пункт этот гласил:

"Значение комплекса биологических наук будет особенно возрастать по мере использования в биологии достижений физики и химии. При этом большую роль будут играть такие отрасли науки, как биохимия, агрохимия, биофизика, микробиология, вирусология, селекция, генетика" (110).

Позже в этом же году, основываясь на данном положении уже как на директиве партии, А.Н.Несмеянов писал в газете "Правда":

"По мере химизации и проникновения физики в биологию... значение комплекса биологических наук будет быстро возрастать, и в будущем, вероятно, физико-химической биологии предстоит быть лидером естествознания" (111).

Он говорил о необходимости ускорить создание научных городков в Новосибирске, Иркутске, Пущино (научный городок биологических исследований, который предполагалось построить на Оке вблизи Серпухова в 100 км от Москвы (112), и это тоже был удар по Лысенко, ибо он не мог не знать, что в этих центрах планировалось развитие отнюдь не его направления.

С благословения ректора Ленинградского университета А.Д.Александрова в мае 1958 года проходило Всесоюзное совещание по применению математических методов в биологии, подготовленное профессором П.В.Терентьевым и доцентом Р.Л.Берг (113). На первом его заседании присутствовало 137 человек, на втором -- 154 человека, а всего было пять заседаний с докладами Терентьева, Шмальгаузена, Берг и других ученых. На биофаке МГУ под эгидой Московского общества испытателей природы в июне того же года благодаря помощи Президента Общества В.Н. Сукачева проходило совсем уж морганистское "сборище" -- Совещание по полиплоидии у растений (114), где число участников превысило 500 человек, и где триумфально звучали доклады людей, о которых Лысенко не мог и помыслить без содрогания, -- А.Р.Жебрака (115), В.В.Сахарова (116), В.Л.Рыжкова (117), А.Н.Луткова (118) и других. Из докладов следовало, что морганистские "измышления" вовсе не перестали будоражить мозги советских ученых, а даже проникли в среду молодежи и перепортили многих до последней степени: "бредни" воплотились во вполне законченные исследования учеников В.В.Сахарова и А.Р.Жебрака, их вчерашних студентов в Московском фармацевтическом институте (В.С.Андреева /119/) и Московского университета (В.К.Щербакова /120/). Аудитории ломились от желающих присутствовать на конференции, царила праздничная атмосфера. Генетика возрождалась вполне зримо, и многие молодые люди лелеяли мечту -- попасть в лаборатории генетиков, чтобы включиться в самую интересную работу, какая только возможна для биологов!

Несомненно, вместе с постоянными публикациями антилысенковских статей в "Ботаническом журнале" и "Бюллетене Московского общества испытателей природы (отдел биологический)" эти конференции производили на лысенкоистов гнетущее впечатление9. Я убежден, что в эти годы он уже понимал, что если бы наука в СССР была свободна и сами ученые принимали бы решения о том, что и как развивать, его бы давно лишили функций диктатора. Но в том-то и дело, что в СССР политизация науки была всеобъемлющей.

Понимая это, Лысенко стал искать защиты для себя и управы на критиков у тех, кто обладал реальной властью, -- прежде всего у Хрущева. В это время готовили очередной пленум ЦК, опять посвященный сельскому хозяйству, и Лысенко, привлеченный к подготовке материалов для будущего пленума, нашел, наконец-то, удобный момент для нанесения мощного ответного удара.

Партийная критика в адрес "Ботанического журнала"

29 сентября 1958 года в "Правде" был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР:

"О награждении академика Лысенко Трофима Денисовича

орденом Ленина

В связи с шестидесятилетием со дня рождения Трофима Денисовича Лысенко и учитывая его большие заслуги в развитии сельскохозяйственной науки и оказании практической помощи производству наградить академика Лысенко Трофима Денисовича орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

К.Ворошилов

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

М.Георгадзе

Москва, Кремль

27 сентября 1958 г." (121).

Это был уже седьмой орден Ленина, врученный Лысенко, и это был упреждающий знак критикам
-- смотрите, мол, Лысенко ценят, его признают, им дорожат.

К своему юбилею Трофим Денисович приурочил публикацию большой статьи, озаглавленной "За материализм в биологии!" (122). Статья была задумана как ответ на критику всех, выступивших против "мичуринского учения", но так всегда получалось у Лысенко, что ответ в его понимании означал не поиск научных аргументов, а навешивание ярлыков. Так было и на этот раз. В охватившем его полемическом азарте страстность перевесила все чувства, для убеждения не осталось места. А это, в свою очередь, привело к обратному результату. Получив в свое распоряжение новые факты, критики не преминули ими воспользоваться.

Ленинградский ученый Д.В.Лебедев потрудился и собрал все доступные сведения о крупных просчетах в советской биологии, ставших возможными из-за лысенковского главенства: рассмотрел последствия запрещения исследований ростовых веществ, мутаций (включая полиплоидию), инцухта и создания на его основе межлинейных гибридов кукурузы, развала в области селекции и семеноводства. Он свел в одном месте данные об этих провалах, и объяснил, почему в каждом из них решающая роль принадлежала Лысенко. В результате получился исключительно убедительный материал с цифрами, ссылками, цитатами. Статья эта была напечатана в "Ботаническом журнале" анонимно -- от имени редколлегии, что

придало ей весу, так как у читателей складывалось впечатление, что это и есть итог многолетнего коллективного обсуждения в этом журнале ошибок Лысенко (123).

Был символический смысл в этой публикации. Статью опубликовали в августовском номере за 1958 год, и, хотя в подзаголовке значилось "По поводу статьи Т.Д.Лысенко "За материализм в биологии"", многие увидели в этом нечто большее. Ведь именно в августе, десятью годами раньше на сессии ВАСХНИЛ был учинен разгром биологии в СССР, и теперь, спустя десятилетие, можно было убедиться, к каким бедам привела сессия.

Статья не могла не разъярить Лысенко и его верховного покровителя Хрущева. Критикам любимца партийного вождя было решено дать суровый ответ (сам Лебедев считает, как он сообщил мне в телефонном разговоре с ним в апреле 2001 года, что Хрущева могло задеть одно место в статье, где Лебедев нарочно привел его цитату, что "всё должно проверяться на полях" и добавил к этому, что это прекрасные слова. Все последующие данные в статье показывали, что именно на полях-то у Лысенко ничего не получается, а это означало, что Хрущеву надо перестать поддерживать Лысенко).

Главные события развернулись перед самым началом Пленума ЦК КПСС. 14 декабря 1958 года на двух страницах "Правды" была помещена огромная статья "Об агробиологической науке и ложных позициях "Ботанического журнала"" (124). Снова со страниц "Правды" прозвучал окрик в адрес ученых, составленный из фраз, недопустимых в полемике культурных людей:

"... Грязные потоки дезинформации все еще льются в адрес материалистической биологии...

... Вызывает удивление и законное возмущение, что в нашей стране еще находятся люди, которые продолжают чернить и порочить материалистическую агробиологическую науку.

Главной мишенью этих нападок сделаны работы академика Т.Д.Лысенко. В клевете на ученого-мичуринца некоторые работники дошли до того, что не гнушаются никакими средствами" (125).

В статье была жестко продолжена линия 1948 года, и Лысенко мог рассчитывать на реванш после недавних поражений. Редколлегия "Правды" заявляла, что

"Общеизвестны труды в развитии мичуринского материалистического учения академика Т.Д.Лысенко..." (126).

Зато снова доставалось уже мертвому Н.К.Кольцову, который, оказывается, "мало чего дал нашей науке" (127). Смехотворным было объяснение "Правды", что яровизация отброшена только потому, что ныне механизация сельского хозяйства возросла. Конечно, редакторы делали вид, что не помнят старые заверения Лысенко о максимальном эффекте от яровизации при механизации всех работ. Внутрисортовое скрещивание было названо очень плодотворной идеей, было заявлено, что органо-минеральные смеси уже дают тысячи тонн дармовой продукции, работы по повышению жирномолочности коров -- перспективны. Заключение гласило:

"Так называемая дискуссия, которая в течение ряда лет ведется на страницах "Ботанического журнала", не помогает развитию материалистической биологии, наоборот наносит ущерб науке... препятствует мобилизации всех сил на решение важнейших задач, выдвинутых партией..." (128).

Лысенко давно уже жаждал подавить критику, звучавшую со страниц "Ботанического журнала". Он много раз высказывался по поводу зловредной роли этого журнала, говорил в своих выступлениях о врагах, окопавшихся в редколлегии, о беспринципных псевдоученых, ничего в науке не смыслящих. Одно из последних таких обвинений Лысенко высказал в газете "Известия" годом раньше (129). После появления этой статьи в Академии наук СССР была создана специальная комиссия для проверки работы "Ботанического журнала". Комиссия работала несколько месяцев, изучила все номера журнала за два с половиной года, но пришла к выводу, что редколлегия работала хорошо, что

"...журнал стремится наиболее полно освещать вопросы, соответствующие его профилю, и пользуется заслуженным авторитетом как в пределах СССР, так и за рубежом" (130).

В заключении был такой абзац:

"Комиссия стремилась обстоятельно и объективно разобраться в тех тяжелых обвинениях, которые выдвинул против "Ботанического журнала" академик Т.Д.Лысенко в статье "Теоретические успехи агрономической биологии", опубликованной в газете "Известия" 8 декабря 1957 г. Комиссия не нашла оснований, которые позволили бы обвинить этот квалифицированный прогрессивный журнал в протаскивании идеалистических концепций. Комиссия... дважды, 7 апреля и 9 мая 1958 г., обращалась к академику Т.Д.Лысенко с письмами с просьбой сообщить комиссии соображения о деятельности "Ботанического журнала" и возможно более подробно обосновать ту оценку, которая была дана автором в статье в газете "Известия" за 8 декабря 1957 г. Однако акад. Т.Д.Лысенко не ответил ни на одно из этих писем, выразив тем самым нежелание аргументировать тяжелые обвинения, публично сделанные им журналу, который публикует результаты работ большого коллектива советских ботаников" (131).

Бюро Отделения биологических наук АН СССР заслушало на специальном заседании заключение Комиссии и утвердило его, особо отметив два пункта:

"1. Одобрить заключение комиссии...

2. Считать целесообразным опубликовать заключение комиссии... в отделе хроники журнала "Известия АН СССР, серия биологическая"" (132).

Членам комиссии (члену-корреспонденту АН СССР Э.А.Асратяну /председатель/, академику А.Л.Курсанову, члену-корреспонденту АН СССР Е.Н.Мишустину, члену-корреспонденту АН СССР И.И.Туманову и кандидату биологических наук П.И.Лапину) от имени Академии наук СССР была выражена благодарность. Теперь, похоже, партийная уздечка для его обидчиков нашлась: в "Правде" была дана совершенно иная оценка позиции "Ботанического журнала".

Однако статья в "Правде" была лишь прелюдией к спектаклю, разыгранному Хрущевым на пленуме ЦК, открывшемся на следующий день (133). Сам Хрущев, выступая в первый день, говорил плохо о многих ученых (и псевдоученых тоже, например, о С.С.Перове, возможно, зная, что последнему протежировал В.М.Молотов /134/), но о Лысенко было заявлено другое:

"Заслужили всеобщее признание работы товарища Т.Д.Лысенко по вопросам биологии..." (135).

Когда начались выступления в прениях, спектакль продолжился. Роль "представителя масс", обеспокоенного судьбой лучшего ученого страны, разыграл секретарь ЦК Компартии Азербайджана И.Д.Мустафаев10. Его "благородный" гнев живо поддержал Хрущев, и между

ними состоялся такой диалог:

"Мустафаев. Особенно плохо обстоит дело в области биологической науки, как об этом было указано в газете "Правда" от 14 декабря, где говорится о непонятном поведении "Ботанического журнала" и некоторых наших ученых. Вместо того, чтобы по-деловому, по-научному друг друга критиковать и указывать на недостатки, дело переходит на оскорбительный тон, на унижение.

Хрущев. Надо кадры посмотреть. Видимо, в редакцию подобраны люди, которые против мичуринской науки. Пока они там будут, ничего не изменится. Их надо заменить, поставив других, настоящих мичуринцев. В этом коренное решение вопроса.

Мустафаев. Никита Сергеевич, не только в этом журнале такой тон. Иногда ученые-коммунисты не думают о том, как надо вести себя. Недавно до меня дошли слухи, что наша делегация в Китае, среди которых были ученые-биологи, заявила, что теперь с товарищем Лысенко не только в теории покончено, но и на деле.

Хрущев. Это Цицин сказал.

Мустафаев. Это нехорошо. Если у них плохие личные взаимоотношения, то это не дает никому права охаивать достижения нашей науки.

Хрущев. Надо было на партийном собрании спросить, почему он так сказал, потребовать ответа как от члена партии.

Г о л о с а . Правильно" (136).

Затем слово предоставили Лысенко. Теперь в бой мог вступить и бедолага-пострадавший:

"Лысенко...

... Известно, что во всем мире в научных журналах, а нередко и в газетах идет так называемая "дискуссия" вокруг мичуринской биологии, которую реакционеры капиталистических стран называют "лысенкоизмом"... реакционеры в науке и журналисты буржуазного мира, в особенности США, Англии и других капиталистических стран, каких только грехов мне не приписывают. Все мои научные работы в биологии и агрономической практике объявляют жульничеством и обманом11 .

В американском журнале "Наследственность", том 49, 1 за 1958 год явный недруг СССР биолог Добжанский утверждает, что "позорное положение, в которое Лысенко поставил материалистическую науку, не скоро будет забыто"...

Этому автору хотелось бы, чтобы биологические журналы в СССР выступали против диалектического материализма, против марксизма-ленинизма (137).

... президент Академии наук академик А.Н.Несмеянов и академик-секретарь биологического отделения Академии наук СССР В.А.Энгельгардт, как мне кажется, не считают наукой те наши теоретические и биологические положения, из которых вытекают различные агротехнические и зоотехнические практические действия. Еще до сих пор в биологии считается более научным то положение, из которого никаких практических выводов сделать невозможно (с м е х, оживление в зале)" (138).

Снова Лысенко показал отличное знание психологии слушателей. Ошибись он адресом, и вместо смеха мог быть освистан. Но он отлично знал, как лучше всего развеселить ЭТУ публику, вызвать у НЕЁ прилив эмоций. Действительно, вот на кого ОНИ вынуждены тратить народные деньги, вот каковы на поверку эти, с позволения сказать, ученые. И статисты в зале хохотали и оживлялись: такой язык был им понятен и по душе. Члены пленума -- секретари ЦК, обкомов, крайкомов, министры, которые знали истинное положение дел и которые через несколько лет ставили в вину на таком же пленуме Хрущеву то, что он поддерживал Лысенко, смеялись, когда более уместной была бы другая реакция. А Лысенко продолжал гнуть свою линию:

"Желательно было бы хотя бы в какой-то мере подвергнуть работу биологических учреждений критерию практики" (139).

Наверняка, Лысенко, произносившему эту тираду, грезилось второе аутодафе и, может быть, почище 1948 года. Поэтому он шел дальше: высказался крайне неодобрительно в адрес В.А.Энгельгардта с его надеждами лет за 50 расшифровать код генов, а потом опять обнародовал старую свою боль:

"Химию и физику живого тела, конечно, крайне важно изучать, но нельзя химией и физикой подменять биологию" (140).

"Приведу еще один пример. Нашей наукой вскрыт биологический закон почвенного питания растений. Это очень важно для разработки различных агротехнических способов удобрения полей. Противники же не только отрицают этот закон и предложенный способ удобрений, но и высмеивают, ничего не предлагая взамен" (141).

Лысенко говорил очень долго, ему уже несколько раз дружно аплодировали, вместе с ним все посмеялись над "промахами" науки -- и мировой, и отечественной. Пора было кончать, тем более что ничего завлекательного в активе "колхозного академика" не оказалось, и вытащить из-за пазухи волшебную синюю птицу, пленить воображение чем-либо подобным яровизации он уже не мог: старик выдыхался. Но что-то предложить надо было, без многообещающего НЕЧТО уходить с трибуны было бы позорно. И он выдал:

"Коротко теперь о том, что, мне кажется, члены ЦК КПСС ожидают от моего выступления и к чему, признаюсь, меня больше всего тянет...

Исходя из самых глубоко и наиболее спорных биологических теоретических положений, нам удалось на ферме... в Горках Ленинских... получить коров, которые все до одной -- жирномолочные. В среднем процент жира в молоке в полученном стаде не ниже пяти" (142).

Теперь, сказал Лысенко, стоит задача это стадо быстро размножить, и тогда страна будет и с молоком, и с маслом, и с прекрасным мясом. Заключительную фразу он сформулировал коряво, но произнес ее с вдохновением:

"Вообще, товарищи, нет конца, сколько в наших колхозных и совхозных условиях можно решать практических агротехнических и зоотехнических вопросов, познавая все глубже и глубже законы жизни и развития растений, животных, микроорганизмов. Для нас, биологов, это радость и счастье творческого труда. Сердечное спасибо советскому народу, Коммунистической партии и правительству Советского Союза и лично Никите Сергеевичу Хрущеву за большую заботу и внимание к науке и работникам науки" (143).

И снова достойная публика наградила аплодисментами достойного её героя.

Спектакль можно было заканчивать. Главные роли были сыграны, злодеи посрамлены. Еще несколько статистов исполнили свои проходные роли. Превосходно выступил "человек от сохи", "из народу" -- председатель колхоза имени Ленина Чувашской АССР С.К.Коротков. С его слов, колхоз был передовой -- всё у них росло, цвело и доилось лучше, чем у других. Иначе и быть не могло:

"Мы развиваем сельскохозяйственное производство на основе мичуринской науки" (144).

А тревожила председателя одна беда -- плохое поведение ученых, не дающих нормально трудиться товарищу Лысенко:

"Товарищи, я не видел других таких ученых, с которыми мне приходилось встречаться на протяжении 30 лет, которые бы так помогали производству, как Трофим Денисович Лысенко. И вот некоторые недобросовестные люди начинают оплевывать нашу мичуринскую науку. Я прошу защитить дело наших ученых-мичуринцев" (145).

Да, теперь деваться было некуда. Надо было срочно принимать меры. Пора было защищать "нашего" Трофима Денисовича12.

Заключительный аккорд, прозвучавший на пленуме, также был интересным. Председательствовавший на заседании Аристов, встав, обратился к присутствующим:

"Аристов. Предлагается избрать редакционную комиссию для выработки резолюции по докладу Н.С.Хрущева в следующем составе: ... [зачитывает -- В.С.]. Вот состав редакционной комиссии. Какие будут замечания?

Г о л о с а . Принять" (147).

По традиционным нормам голосования менять что-то в принятом документе не годится. Но вдруг из Президиума раздался одинокий голос, назвавший еще одну забытую фамилию. Голос принадлежал столь влиятельной в партии персоне, что А.Б.Аристову -- секретарю ЦК пришлось, забыв всякие нормы и традиции, внести в уже принятый список еще одно добавление:

"Аристов. Предлагается ввести в состав комиссии тов. Лысенко. Других предложений нет? Состав комиссии принимается" (148).

Так беспартийному Лысенко была оказана еще одна -- совсем незаконная, но зато исключительная почесть -- ему поручили редактировать важный партийный документ. Такого дела Сталин ему никогда бы не поручил.

18 декабря в "Правде" на 1-й странице появилась речь Мустафаева с осуждением позиции "Ботанического журнала" (149), а на 3-й странице -- речь Лысенко (150). В Академии наук официальное объявление о смене редколлегии "Ботанического журнала" дотянули до января13. Только тогда в "Вестнике Академии наук СССР" появилось сообщение:

"20 января 1959 г. состоялось расширенное заседание Президиума АН СССР и Отделения биологических наук совместно с активом Отделения, рассмотревшие в свете решений декабрьского Пленума ЦК КПСС работу и задачи Отделения биологических наук" (151).

Однако тон постановления, принятого на этом заседании, коренным образом отличался от

тона прежних подобных решений, принимавшихся в сталинские времена. Текст начинался с каких-то длинных, вязких фраз о "несомненных успехах", "решении задач". Страшные императивы исчезли вовсе, и понять, что это и есть ответ на жесткую критику аж на самом Пленуме ЦК партии -- было трудно. Аутодафе в духе 1948 года не получилось. Лишь после утомительно длинных абзацев с расплывчатыми формулировками следовал нужный пункт:

"... некоторые биологи, вместо того, чтобы сосредоточить все силы на дальнейшем творческом развитии советской биологии и использовании ее достижений в народном хозяйстве, поставили чуть ли не главной своей задачей критику отдельных положений мичуринского учения и дискредитацию достижений акад. Т.Д.Лысенко и его последователей...

Задачу критики отдельных положений мичуринского учения, и в частности достижений академика Т.Д.Лысенко и его последователей ставил перед собой в течение последних нескольких лет "Ботанический журнал". Такое отношение его редакционной коллегии было неправильным и мешало развитию советской биологии..." (152).

Потом опять шло совсем не то, чего следовало ждать, какая-то опереточная суета врывалась в серьезный документ, долженствующий быть сугубо осудительным; неведомо откуда протискивалась назидательная фраза, сказанная будто нарочно, с издевкой (уж, не в адрес ли Лысенко и его последователей):

"Научная критика должна быть проникнута духом доброжелательности и взаимопомощи" (153).

И только после всего этого -- долгожданное:

"Участники заседания признали правильной данную газетой "Правда" критику ошибочной позиции, которую занимала редакционная коллегия "Ботанического журнала"" (154).

И в этом признании снова была какая-то двусмысленность: ну, конечно, "Правда" выступала, слов нет. Но ведь и на Пленуме о том же говорилось, так что же это скрывать! Так и хочется аршинными буквами выписать это слово, кулаком стукнуть -- да, при чем тут "Правда", ведь и на самом ПЛЕНУМЕ ...!!!

А дальше шло уж совсем фантасмагорическое: в постановление был вписан пункт наиважнейший. Было предложено немедленно осуществить мероприятие, которого Лысенко с 1956 года с ужасом ждал и от которого всеми силами отбивался:

"Необходимо реализовать постановление Президиума от 1957 года о создании Института радиационной и физико-химической биологии и обеспечить участие в его работе физиков и химиков" (155).

Все потуги -- не пустить физиков и химиков в биологию и помешать Энгельгардту создать свой институт -- провалились. Решение же о новом составе редколлегии (и в нем, наконец-то, упоминание о Пленуме, но петитом, несерьезно, походя) засунули куда-то вглубь "Вестника АН" на 112-ю страницу (156). Сукачева сняли, сукачевцев заменили, всё как-то тихо, без фанфар.

А Несмеянова -- этого злейшего врага -- не сняли. И в адрес других критиков, всяких там таммов, кнунянцев, дубининых -- ни слова. Правда, вскоре Энгельгардта с поста академика-секретаря биологического отделения сместить удалось. На его место продвинуть своего --

Сисакяна -- удалось! (хоть и исполняющим обязанности: не академик до сих пор!) Но кто бы мог предвидеть, что этот самый преданный из преданных тут же начнет козни строить -- и к Несмеянову подлаживаться, и с врагами якшаться, и в их дудку дудеть!

Хрущев вмешивается в работу Сибирского Института

цитологии и генетики

Болезнь организационных неурядиц, пустой суеты -- обычная для учреждений, создаваемых внови, -- не поразила тех, кто собрался в Сибири в новом научном центре. Дела спорились. А это, чем дальше, тем больше волновало Лысенко, и он, как только мог, "сигнализировал" Хрущеву, что в Сибири вместо науки развели бесполезную для страны ерунду, на которую уйдут деньги, как в бездонную прорву, а толку так и не будет.
 Механика подавления была для таких случаев уже отработана годами. Нужно было подсовывать кандидатуры для включения в комиссии по проверке деятельности, комиссии должны были давать требуемые заключения, а по ним надлежало делать соответственные оргвыводы... В Академгородок зачастили комиссии. Искать подходящие для Лысенко кандидатуры для включения в состав комиссий было несложно: на сытных местах сидело множество своих людей, которых и учить не надо было. Сами знали, что ждет их лично, если Лысенко свалят. Вот и объявлялись в каждой из комиссий свои люди. Съездил в Новосибирск А.Г.Утехин -- теперь заведующий сектором науки Сельхозотдела ЦК (тот самый скромный не то агроном, не то механизатор из Куйбышевской области, который в начале 30-х годов обманывал Москву рапортами о колоссальной удаче с яровизацией). Побывал с проверкой и М.А.Ольшанский -- соратник Лысенко еще с Одессы, где он и научно-организационным отделом заведовал и заместителем директора по науке оттрубил несколько лет. Теперь он солидно именовался академиком ВАСХНИЛ, и его бульдожья хватка была многим известна. Посетил Новосибирск и Н.И.Нуждин -- нынешний фаворит, заместитель директора по науке в московском институте Лысенко. Он теперь состоял в членах-корреспондентах АН СССР, так что вполне подходил. Словом, люди были солидные, в партийных кругах заметные, в проведении в жизнь "линии партии" поднаторевшие.

Все побывавшие на месте комиссии нашли то, что было нужно Лысенко: оказывается, в планы работ нового института были включены темы, осужденные еще в 1948 году за их... (идеалистичность, метафизичность, морганизм, менделизм, вейсманизм, витализм, вирховианство, упрощенчество, упадочничество, реакционность, преклонение перед Западом, нездоровое прожектерство, теоретизирование, отсутствие стимулов для помощи колхозному крестьянству, надуманность, оторванность, изолированность и т. п. и т. п. -- ненужное вычеркнуть, нужное вписать). Из этого богатого арсенала выписывалось, что следует, и доносилось, кому надо... Но руководители Сибирского отделения не обращали внимания на решения пришлых комиссий. Институт цитологии и генетики, по их мнению, развивался нормально, Дубинин с работой директора справлялся, а ненависть Лысенко к генетике была давно известна. Для того и создавали институт в составе Сибирского центра, чтобы развивать генетику, а не "мичуринское учение", задавившее всю биологию в стране.

Иначе представлял себе это дело Хрущев. На очередном пленуме ЦК партии 29 июня 1959 года он твердо выразил свое мнение:

"Замечательное дело делает академик Лаврентьев...

Нам надо проявить заботу о том, чтобы в новые научные центры подбирались люди, способные двигать вперед науку, оказывать своим трудом необходимую помощь производству. Это не всегда учитывается. Известно, например, что в Новосибирске строится

институт цитологии и генетики, директором которого назначен биолог Дубинин, являющийся противником мичуринской теории. Работы этого ученого принесли очень мало пользы науке и практике. Если Дубинин чем-либо известен, так это своими статьями и выступлениями против теории, положений и практических рекомендаций академика Лысенко.

Не хочу быть судьей между направлениями в работе этих ученых. Судьей, как известно, является практика, жизнь. А практика говорит в защиту биологической школы Мичурина и продолжателя его дела академика Лысенко. Возьмите, например, Ленинские премии. Кто получил Ленинские премии за селекцию: ученые материалистического направления в биологии, это школа Тимирязева, школа Мичурина, это школа Лысенко. А где выдающиеся труды биолога Дубинина, который является одним из главных организаторов борьбы против мичуринских взглядов Лысенко? Если он, работая в Москве, не принес существенной пользы, то вряд ли он принесет ее в Новосибирске или во Владивостоке" (157).

Хоть Хрущев и толковал о том, что судьей в споре ученых быть не хочет, но слово партии -- закон, и только так и нужно было понимать его слова, сказанные не за рюмкой водки, а на Пленуме ЦК. Лысенко мог считать дело сделанным. Но прошел месяц, потом второй, начался третий, а Дубинин всё оставался на своем посту. Сибирские руководители науки молча саботировали высказывания главы партии. Чувствуя, что всё им сделанное пока не срабатывает, предприимчивый и инициативный Лысенко попробовал забросить еще одну "удочку". Как вспоминал Лаврентьев:

"Как-то вернувшись из Москвы, С.А.Христианович14 рассказал о разговоре, который с ним имел Т.Д.Лысенко, предлагая Сибирскому отделению своих "уникальных" коров... Учитывая сильную поддержку, которую имел Лысенко, отказаться от его предложения надо было как-то осторожно. Мы обсудили это на Президиуме и решили на предложение никак не откликаться.

В Москве быстро стало известно наше своеволие, оттуда приехала высокая комиссия проверять работу наших биологов. От нас стали требовать ликвидировать Институт цитологии и генетики и создать "мичуринский" институт, ОБЕЩАЯ ПОДДЕРЖКУ ЛЮДЬМИ И ДЕНЬГАМИ. Я довольно бессвязно говорил о единстве науки, о соревновании направлений, о том, что мы все -- за советскую науку, но против мистики.

Комиссия уехала ни с чем..." (/158/, выделено мной -- В.С.).

Политика грубого нажима и чередования кнута и пряника не дала желаемого результата и на этот раз. Это уже переполнило чашу терпения, и яркий образ Лаврентьева как любимца стал в глазах Хрущева тускнеть.

"... уже через неделю, -- вспоминал Лаврентьев, -- мне сообщили, что Н.С.Хрущев сильно сердит на меня и склонен менять руководство СО АН СССР" (159).

Положение становилось критическим, Лысенко набрал такую силу, что даже киты науки рисковали своей карьерой, хотя кто бы мог подумать, что Лаврентьеву -- недавнему баловню Хрущева, которому всё было дозволено (даже набор директоров в институты вести единолично и все штатные единицы замещать без конкурсов /160/), вдруг из-за козней Лысенко придется худо. И когда холодком пахнуло на самого Лаврентьева, он еще раз показал, каким могучим организатором, тонким политиком и напористым человеком был. История эта столь ярко показывала нравы в "управляемой науке", правда о подобных "житейских" случаях так редко прорывалась на страницы советской прессы, что я приведу длинную выдержку из воспоминаний Лаврентьева15, с легким сердцем описывающего эту совсем не комическую драму.

"Я узнал также, что Хрущев летит в Пекин на праздник 10-летия Китайской Народной Республики, а потом собирается заехать в Новосибирск, где будет проведена перестройка СО АН с ликвидацией "цитологии и генетики" и возможной сменой руководства Отделения.

Надо было во что бы то ни стало перехватить Хрущева до его приезда в Новосибирск. Через московских друзей я был включен в одну из делегаций в Пекин, где рассчитывал встретиться с Хрущевым и убедить его в правильности позиции СО АН.

Торжества в Пекине были грандиозные, но мне было не до них. Ситуация получилась сложная: проникнуть к Хрущеву было невозможно; мою делегацию должны были возить по Китаю еще 10-15 дней; способов индивидуально уехать домой не существовало...

Ценой огромных усилий мне удалось попасть на аэродром к моменту отъезда советской правительственной делегации. Я в толпе пробрался к Хрущеву и на вопрос "А вы чего тут?" ответил: "Никита Сергеевич, возьмите меня с собой". Так я попал в машину Хрущева (ИЛ-18). Самолет шел на Владивосток. Я старался занять Хрущева рассказами из области науки и жизни ученых со времен Ломоносова.

После вылета из Владивостока я спросил Хрущева, что бы он хотел посмотреть в Академгородке. "А Вы что предлагаете?" Я назвал вначале геологию, механику и химию (катализ, сверхчистые металлы). План посещений воспринимался благожелательно, но когда я назвал Институт цитологии и генетики, ситуация резко изменилась. Хрущев начал говорить со страшным раздражением о Дубинине и его сотрудниках, упомянул о попытке дать нам хороших практиков, но что именно я помешал этому. Хрущев прямо сказал, что при такой ситуации он резко уменьшит финансирование и прочее обеспечение Сибирского отделения. Мои попытки возражать только еще больше его раздражали. Он встал, ушел в другой конец салона и начал разбирать бумаги, подписывать постановления. Мы летели над горами Восточной Сибири, внизу проплывали отличные панорамы, а я никак не мог придумать, как выйти из положения. Так тянулись длинные 2-3 часа.

За общим обедом настроение несколько улучшилось. Я сказал, что хоть я в сельском хозяйстве и генетике профан, но что Лысенко -- мракобес, я уверен. Я напомнил, как мой сотрудник по Украинской Академии наук Н.М.Сытый с помощью мокрого пороха баснословно дешево проложил каналы для осушения Ирпенской поймы под Киевом и как на комитете по Государственным премиям, куда была представлена работа Сытого, Лысенко заявил, что взрывать нельзя -- "земля живая, пугается и перестает рожать"... Обед кончился в непринужденной обстановке.

Визит в Академгородке прошел хорошо, все наши научные направления были одобрены. Институт цитологии и генетики с его кадрами и тематикой был сохранен, но все же было рекомендовано заменить директора. На совещании в узком кругу при участии Н.П.Дубинина директором был назначен Д.К.Беляев, тогда кандидат биологических наук. Дубинин высказал желание вернуться в Москву, где ему была предоставлена возможность работать.

Два года спустя, когда Хрущев еще раз посетил Академгородок, вопрос об Институте генетики кончился шуткой. Зайдя в сопровождении местного руководства в выставочный зал, он обратился ко мне с вопросом: "А где ваши вейсманисты-морганисты?" Я ответил: "Я же математик, и кто их разберет, который вейсманист, а который морганист"... На это и Хрущев реагировал шуткой: "Был такой случай. По Грузинской дороге шел хохол, его остановили яро споривши грузин и осетин и потребовали: "Рассуди нас. Что на небе месяц или луна?" Хохол посмотрел на одного -- у него за поясом кинжал, на другого -- тоже кинжал, подумал и

сказал: "Я ж не тутошний"... Общий хохот, дальше все смотрели выставку в хорошем настроении" (163).

Вернувшись в Москву, Дубинин продолжал руководить Лабораторией радиационной генетики (которую он эти два года запасливо за собой сохранял). Число его сотрудников в Москве не уменьшилось, а даже прибавилось. И если кто и потерпел неудачу, так Лысенко. Его главные козни не удались.

В борьбу с лысенкоизмом вступают физики

Интерес физиков-ядерщиков к генетическим исследованиям возник не на пустом месте. От облучения прежде всего страдали те, кто сам изучал радиоактивные вещества. Мучительная смерть первопроходцев, открывших радиоактивные изотопы, равно как и тех, кто экспериментировал с источниками рентгеновых лучей, а затем начал использовать их в медицине, была платой за неумение и незнание. Физики в двадцатых -- тридцатых годах уже знали о печальных последствиях облучения. Врачи радиологи и рентгенологи стали применять простейшие средства радиационной защиты. В конце сороковых годов, когда наступил этап бурного развития ядерной физики, защита от облучения приобрела особую актуальность. В эти годы страшная картина последствий облучения генов вырисовывалась всё отчетливее. Платой за незнание принципов повреждения генов была лучевая болезнь, подкрадывавшаяся незаметно, поражавшая организмы медленно, но приводившая к смерти.

Поняв первые закономерности влияния облучения на хромосомы, генетики вкупе с физиками начали срочно исследовать процессы повреждения генов радиацией. Совместное детище биологов и физиков -- радиационная генетика стала развиваться быстрыми темпами. Нашлись и денежные средства, и приборы, и кадры. Арсенал биологов обогатился методами, ранее использовавшимися только физиками. Физики привнесли в биологию важное новое качество -- строгость в постановке самых вроде бы незначительных задач, теоретический (математический) анализ проектов будущих опытов и более строгое обдумывание результатов. И все эти работы велись вне стен научных учреждений СССР, только за границей -- в США, Англии, Японии, Западной Германии. И все успехи были неприложимы к советским условиям. И известно было, что многое уже секретится, закрывается, скрывается. Работы по защите генов стали приоритетными, важными, государственно значимыми. Вот тогда-то физики в СССР буквально на себе поняли, что такое лысенкоизм, что значит отказ от генетики, что несет с собой нигилизм в вопросах биологии. Поэтому физики и стали той силой, которая помогла возродить генетические исследования в СССР и создать новое направление, вопреки лысенковскому табу.

В Институте атомной энергии в Москве по инициативе И.Е.Тамма, поддержанной И.В.Курчатовым, был организован радиобиологический отдел (РБО). Во главе его встал человек с большими организационными способностями, лауреат Сталинских премий Виктор Юлианович Гаврилов, один из "двигателей" проектов атомной и водородной бомбы, бывший правой рукой И.В.Курчатова. С его умением руководить сразу десятками проблем, хранить в уме густую сеть переплетающихся в узлы задач, подзадач, совсем маленьких задачек он в немыслимо короткий срок запустил махину -- огромный отдел с первоклассными лабораториями, самый настоящий большой исследовательский институт, который мог использовать все технические возможности главного научного центра страны по атомной физике. В РБО начали принимать молодых сотрудников-физиков и биологов. На семинары, вначале проводившиеся лично И.В.Курчатовым, приезжали с лекциями Б.Л.Астауров и А.А.Прокофьева-Бельговская, чуть позже раз в неделю под руководством Гаврилова стал собираться общеотдельский семинар, на котором биологи учились мыслить на языке физиков, а последние узнавали факты биологии, без которых буйный порыв мысли физиков,

горевших энтузиазмом, грозил улететь в заэмпирейную даль и никогда уже на грешную землю не вернуться. В отдел перешли работать маститые физики -- Ю.С.Лазуркин, С.Ю.Лукьянов, Б.В.Рыбаков. Биологов (Р.Б.Хесина, С.Н.Ардашникова16 , С.И.Алиханяна и других), химиков (К.С.Михайлова и его сотрудников) консультировали крупнейшие теоретики (и прежде всего Д.А.Франк-Каменецкий17),

Параллельно в двух вузах в Москве появились кафедры по подготовке кадров физиков для работы по биологической проблематике: на физическом факультете МГУ в 1957 году Л.А.Блюменфельд (с помощью всё того же Тамма) организовал кафедру биофизики, и в Московском физико-техническом институте в 1959 году Ю.С.Лазуркин возглавил кафедру радиационных воздействий, позже переименованную в кафедру молекулярной биофизики.

В это время в ряде физических центров активно работали научные семинары, на которых рассматривали вопросы биологии -- и прежде всего теорсеминар Тамма в физическом институте им. Лебедева АН СССР. На этом этапе в общую работу физиков по становлению исследований в области радиационной биологии включился академик Андрей Дмитриевич Сахаров. А затем убежденно, со специфически сахаровской обстоятельностью он начал борьбу с монополизмом Лысенко. Огромный авторитет Сахарова среди атомщиков и высших партийных лидеров, заработанный вкладом в создание водородной бомбы (в 1956 году он получил вторично звание Героя Социалистического труда, ему были присуждены к этому времени Сталинская и Ленинская премии)18 придавал особый вес его усилиям разжать тиски Лысенко на горле советской биологии.

Многое из истории этой борьбы сегодня утеряно, многие важные вехи на пути к возрождению генетики в СССР остались неотмеченными, многое попросту делалось так, чтобы следов не оставалось. Нет стенограмм ряда важных выступлений, всё меньше остается людей, лично участвовавших в борьбе с монополизмом в биологии в СССР.

Тем не менее, забыто далеко не всё. В январе 1958 года Андрей Дмитриевич, пользуясь своим высочайшим положением в кругах элиты советской науки, получил доступ для беседы с секретарем ЦК КПСС М.А.Сусловым. Тема беседы оказалась для Суслова неприятной, но деваться было некуда. Ему, известному покровителю Лысенко, Сахаров стал говорить о неблагополучии в советской биологии, о засилье лысенкоистов и о необходимости срочно выправлять положение (166). Хотя этот разговор и не дал немедленных результатов, он не мог не показать второму по важности человеку в тогдашней партийной олигархии, что думают ученые о вреде Лысенко для страны.

К этому же времени относится и работа Сахарова, показавшая, в противовес выводам американских специалистов, что испытание ядерного оружия в атмосфере -- далеко не безобидное занятие, т. к. от него портится наследственность всех существ на земле. Впервые эти расчеты Сахарова были опубликованы в октябре 1957 года (167). В 1959 году в Атомиздате был выпущен маленький сборник "Советские ученые об опасности испытаний ядерного оружия" с предисловием Курчатова. Центральной статьей сборника стала работа Сахарова "Радиоактивный углерод ядерных взрывов и непороговые биологические эффекты" (168). Вопросы, поставленные в этой статье, касались генетических последствий взрывов водородных бомб и имели принципиальное значение. Известный физик Э.Теллер -- венгерский эмигрант и один из отцов американской водородной бомбы даже заявил, что вред от таких испытаний "эквивалентен выкуриванию одной папиросе раз в полмесяца" (169). Андрей Дмитриевич решил тщательно проанализировать этот вопрос. Анализ опроверг выкладки Теллера и его последователей.

Полемизируя с теми, кто, подобно Э.Теллеру и А.Лэттеру, считал, что

"мутации (наследственные болезни) следует приветствовать как необходимую жертву биологическому прогрессу человеческого рода" (170),

Андрей Дмитриевич, выражая озабоченность будущим Земли заявлял:

"Неконтролируемые мутации мы склонны рассматривать как зло, как дополнительную к другим причинам гибель десятков и сотен тысяч людей в результате экспериментов с ядерным оружием ... (171).

Исходя из этого, Сахаров делал совершенно определенный вывод, не допускающий превратного толкования:

"Продолжение испытаний и всякие попытки узаконить ядерное оружие и его испытания противоречат гуманности и международному праву. Наличие радиоактивной опасности от так называемой "чистой" (т. е. безосколочной) бомбы лишает какой-либо почвы пропагандистские высказывания о качественно особом характере этого вида оружия массового уничтожения" (172).

Разобравшись в существе влияния излучения на гены, Андрей Дмитриевич смело включился в борьбу по двум направлениям: за прекращение ядерных испытаний во всех сферах и за ликвидацию монополии Лысенко в биологии.

Борьба по обеим линиям была плодотворной. По первой линии в августе 1958 года он вместе с Курчатовым выступил против намечавшихся ядерных испытаний, и Курчатов даже специально слетал в Ялту к отдыхавшему там Хрущеву, чтобы повлиять на советского лидера, но это оказалось безнадежным делом. Тогда в начале 1961 года Андрей Дмитриевич написал докладную записку Хрущеву и стал ждать подходящий момент, чтобы вручить её лично. Такой случай представился во время встречи руководителей партии и ученых-атомщиков в июле того же года. Ответ на записку был быстрым и вполне в духе Хрущева: на банкете по случаю встречи он, уже "под градусами", заявил:

"Политические решения, в том числе и вопрос об испытаниях ядерного оружия, -- прерогативы руководителей партии и правительства и не касаются ученых" (173).

Однако уже в 1963 году благоприятный момент настал. В это время между Москвой и Вашингтоном наметился прогресс, лидеры двух стран -- Хрущев и Кеннеди -- искали точки соприкосновения, и Сахаров решил использовать это потепление. Он еще раз обратился к Хрущеву с предложением подготовить проект договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, под водой и в космосе. Хрущев одобрительно отнесся на этот раз к предложению. Сахаров изложил письменно основные пункты договора, причем его формулировки были столь точны, продуманы и логичны, что практически без изменения были выдвинуты от имени СССР для обсуждения с американской стороной. За небывало короткий для подобного рода документов срок (около месяца) все детали пунктов договора были согласованы, и в том же 1963
годy

"Н.Хрущевым и Дж.Кеннеди был подписан "Московский договор" о запрещении испытаний в трех средах, к которому присоединилось большинство государств" (174).

По второй линии -- борьбе с лысенкоизмом также имелось существенное продвижение вперед. Не только разговор с Сусловым, но и многие другие беседы, обращения и

инициативы дали свои плоды. Начиная с 1958 года, Комитет по атомной энергии при Совете Министров СССР и Министерство иностранных дел согласились, что советские генетики будут принимать участие в работе Комитета по радиации при ООН (175). В Женеву для участия в работе Комитета выехали А.А.Прокофьева-Бельговская и М.А.Арсеньева-Гептнер. К этому времени уже были получены советские данные о минимальных дозах облучения, дающих эффект у человека, и эти данные (в их сборе приняли участие М.А.Арсеньева-Гептнер, Ю.Я.Керкис, Г.Г.Тиняков и др.) с интересом были восприняты мировой научной общественностью.

Всё это привело к тому, что ни в 1958, ни в 1960 годах при выборах новых членов Академии наук СССР лысенковские кандидаты не прошли, а вот генетики одержали победу. В 1958 году членом-корреспондентом АН СССР был избран Б.Л.Астауров (на заседании секции генетики МОИП по этому поводу было устроено радостное и волнующее чествование Бориса Львовича).

Присуждение советским ученым "Дарвиновской Плакетты"

Полнокровно текла научная жизнь в ряде лабораторий, особенно в Институтах атомной энергии, биофизики, химической физики, были опубликованы, и в немалом количестве, статьи по генетике (176). Советские генетики приняли участие во Второй Международной Конференции по мирному использованию атомной энергии в Женеве в сентябре 1958 года (177).

Во всем мире готовились к празднованию юбилея -- столетней годовщины со дня выхода в свет "Происхождения видов" Ч.Дарвина. В СССР этот юбилей собирались отпраздновать не только генетики, эволюционисты, экологи, но, разумеется, и лысенкоисты. Хотя последователи "мичуринского" учения так отпрепарировали дарвинизм, что от него остались "рожки да ножки", они уверенно причисляли себя к сторонникам дарвинизма (добавляя, правда, что они -- сторонники творческие: вольны модифицировать постулаты дарвинизма в соответствии со своими нуждами и вовсе не намереваются обращать внимание на протесты заскорузлых и твердолобых догматиков).

В послевоенные годы руководство страны выделяло значительные средства на поддержание за рубежом СССР "борцов за мир". Стараясь держаться на виду, Лысенко был не прочь поговорить на тему защиты мира (178) и пристраивал своих людей в руководство пацифистским движением. Так, Глущенко в 1950 году был введен в состав Советского Комитета защитников мира, затем в члены его Президиума, затем в члены Всемирного Совета Мира. Сам Лысенко, за границу практически не ездил (возможно, и сбежавший на Запад братец дорогу ему перекрыл). Зато Глущенко, как уже было сказано, побывал в ведущих странах мира, познакомился со многими крупными биологами и генетиками. После этого они получали приглашения из солидного учреждения Академии наук -- Института генетики -- посетить СССР за счет приглашающей стороны. Многие принимали приглашения, становясь, таким образом, друзьями страны и, одновременно, друзьями коллег из лысенковского института. Содержательным, плотным и глубоко профессиональным беседам с советскими коллегами всегда мешало то обстоятельство, что приезжавшие не знали русского языка, как, впрочем, вполне на равных условиях, лысенкоисты не знали языков иностранных. А много ли наговоришься через переводчиковы услуги?

Когда подошел год 100-летнего юбилея выхода в свет дарвиновского "Происхождения видов", Лысенко и его заместитель по журналу "Агробиология" И.С.Варунцян решили повторить успешный опыт привлечения статей зарубежных авторов, испробованный в столетнюю годовщину Мичурина. Теперь они хотели отвести специальный выпуск журнала

статьям зарубежных авторов, которые якобы сами обратились к редколлегии советского журнала со статьями, приуроченными к юбилею. Но как добыть такие статьи? Не без самолюбования Глущенко писал в своих воспоминаниях:

"Лысенко и его заместитель И.С.Варунцян дают поручение -- обеспечить в специальном номере "Агробиологии" статьи зарубежных авторов. Почему мне? К этому времени я совершил много поездок за рубеж. У меня большие связи. Выполняю поручение -- пишу письма знакомым и друзьям. В ответ довольно быстро получаю статьи от профессоров..." (179).

Далее Глущенко перечислял имена 18 человек, среди которых были и такие известные ученые как К.Х.Уоддингтон, А. Мюнтцинг19, К. Линдегрен. Полученных статей оказалось так много, что не один, а два номера "Агробиологии" (180) удалось заполнить статьями иностранных авторов. Естественно, лысенкоисты рассматривали этот факт как неоспоримое и наиболее авторитетное доказательство международного признания "мичуринского учения", хотя авторы прислали статьи без выражения восторгов в адрес этого учения.

Радость лысенкоистов, однако, сильно омрачило другое событие. Общегерманская Академия наук Леопольдина (объединяющая ученых и ФРГ и ГДР) -- одна из старейших академий мира решила присудить группе выдающихся ученых, внесших наибольший вклад в развитие дарвинизма (из ныне живущих), специальные награды. В число получивших эту медаль -- "Дарвиновскую Плакетту" не попал ни один лысенкоист, зато наград были удостоены несколько советских генетиков и в их числе С.С.Четвериков, его ученик Н.В.Тимофеев-Ресовский, а также Н.П.Дубинин, И.И.Шмальгаузен и В.Н.Сукачев.

Особенно важным было награждение Четверикова, полностью выброшенного из научной жизни (его уволили с работы из Университета, где он организовал кафедру генетики и где ряд лет был деканом биологического факультета, где закрыли и Лабораторию по селекции моновольтинной породы дубового шелкопряда, организованную им и разорив коллекцию шелкопрядов -- ценных продуцентов натурального шелка). Актом награждения Академия Леопольдина подчеркнула также, что школа Четверикова получила всемирное признание.

Я хочу сделать небольшое отступление, чтобы хоть кратко рассказать о Сергее Сергеевиче таком, каким я его застал в жизни.

В 1956 году я с замиранием сердца (поверьте, это не пустая фраза) стоял у дверей его квартиры (это было в Горьком, Четвериков жил неподалеку от крутого берега реки Волги, на улице Минина, рядом с Кремлем) и никак не решался нажать кнопку звонка. Внезапно на другой стороне лестничной площадки отворилась дверь, и оттуда кто-то вышел. Я совершенно смутился и ткнул пальцем в кнопку. Звонок дзинькнул, и теперь уже деваться было некуда. На пороге стоял слегка ссутулившийся высокий старик с профессорской бородкой, в очках. Я только и сумел выдохнуть:

- Сергей Сергеевич?...

- Заходите, -- просто и мягко сказал он и захлопнул за мной дверь. -- Сейчас я скажу брату.

В маленький коридорчик выходили три двери. Из одной высунулась мужская голова и подозрительно обыскала меня взглядом (позже Сергей Сергеевич рассказал мне, что когда-то вся квартира принадлежала его семье, но после выгона с работы в 1948 году их, как тогда называлось, -- уплотнили: вселили в одну из комнат человека из университета, по мнению Четвериковых сотрудничавшего с НКВД). Рядом была вторая дверь, она была распахнута, и я

услышал фразу, произнесенную тем же негромким и мягким голосом:

- Сережа, к тебе молодой человек.

На кровати полулежал, полусидел, слегка откинув голову назад, как будто силясь меня рассмотреть, пожилой мужчина.

- Чем могу быть полезен?

Путаясь, сбиваясь, я объяснил, что я студент Тимирязевской академии, что читал его работу, что один из моих учителей и сослуживец Четверикова по университету, доцент Петр Андреевич Суворов дал мне его адрес, и вот я пришел. Собственно, сказать определенно, зачем же я пришел, я не мог. Просто взял вот и пришел.

Не помню как потекла беседа. Я украдкой рассматривал небогатое жилище двух ученых. Все вещи в их доме были когда-то добротны и, наверное, даже красивы. Но теперь они старились вместе с хозяевами, вместе с ними переносили невзгоды жизни. Помнится, что после первого посещения дома Четвериковых, я вышел какой-то опустошенный. Не сразу я полюбил этот дом: сначала многое меня смущало, и я стеснялся, сам не знаю чего. И лишь потом, спустя, наверное, полгода, в свой следующий приезд в Горький, я полюбил это убежище двух гигантов, не потерявших ни на иоту любви к жизни -- весне, песне птицы, случайно усевшейся на подоконнике, "Владимирским проселкам" Солоухина -- повести, нечаянно купленной Николаем Сергеевичем и читавшейся вечерами неделю, а то и больше. Никогда не забыть мне той песни, которую мы распевали с Сергеем Сергеевичем довольно часто:

"Шел козел дорогою, дорогою, дорогою.

Нашел козел безрогую мутацию козы.

Давай, коза, попрыгаем, попрыгаем, попрыгаем,

Тоску-печаль размыкаем, размыкаем, коза.

И-э-э-х, шел козел дорогою, дорогою, дорогою.

Нашел козел безрогую мутацию козы..."

И снова, всё убыстряя темп, и всё громче, пока, наконец, Сергей Сергеевич не заливался смехом.

Лишенные самого ценного для ученого -- работы, того, что давало им смысл жизни, они, тем не менее, искали все способы хоть чем-то оказаться полезными людям. Маленькая девочка, которую Сергей Сергеевич учил немецкому, а Николай Сергеевич английскому, студент-биофизик, получавший консультации Николая Сергеевича, реферативная работа -- это были нити, связывавшие их с жизнью, всё это не позволяло опускаться, размагничиваться. Известный генетик и радиобиолог Соломон Наумович Ардашников доставал книги, которые надо было перевести с английского на русский, и отсылал их в Горький Николаю Сергеевичу. За переводы платили, и эти деньги всегда были кстати.

Убежденность в торжестве разума, вера в неистребимость правды -- эти чувства жили в братьях всегда. Несколько лет мы переписывались с Сергеем Сергеевичем. Через два года после знакомства с ним я перешел учиться из Тимирязевки в МГУ на физический факультет,

и Сергей Сергеевич придирчиво следил за моими делами на физфаке. Сам он из-за слепоты писать не мог, поэтому он диктовал свои письма брату, а в конце неизменно подписывался, по памяти, не отрывая руку от того места, куда её устанавливал Николай Сергеевич. Письма Четверикова были неизменно бодрыми, свои советы он старался всегда облекать в мягкую, часто шутливую форму. Несмотря на невероятные боли, которыми его подчас награждали болезни, он всегда с надеждой ждал лучших времен и лучших событий:

"Про себя лично ничего существенного сказать не могу: живу, как жил, день за днем, один день лучше, другой день хуже. Жду мая месяца, когда перед домом появятся лавочки, на которых можно будет отдыхать, и может быть у меня хватит сил спускаться на землю для каждодневной прогулки, а сейчас меня радует солнышко, которое весело и тепло светит с неба и которое я ощущаю всем своим существом ...".

Узнав о расширении исследований по биофизике и генетике, Сергей Сергеевич писал:

"Дорогой Валерий Николаевич! Получил Ваше хорошее письмо. Спасибо! Всё, что Вы пишите, мне было чрезвычайно интересно...

Очень рад я был узнать из Вашего письма, что Ваша группа биофизиков пополняется новыми членами. В добрый путь! Всё это глубоко меня радует и вселяет надежду, что наша русская наука будет развиваться гигантскими шагами и через немного лет догонит другие страны и внесет свою долю нового знания в "золотой фонд" человеческой науки и хочется вместе с А.С.Пушкиным приветствовать Вас: "Здравствуй, племя молодое, незнакомое"...

Дорогой Валерий! Сейчас Вы, конечно, усиленно работаете и с головой ушли в свою учебу. Работайте, работайте и работайте! Но если выпадет свободная минутка -- черкните мне несколько слов о себе. Ведь всё таки Вы мой "генетический внук", и по Вам я ощущаю биение здоровой научной мысли в этой области.

Искренне Ваш С.Четвериков" (183).

Во время встреч мы, конечно, чаще всего говорили о науке. Сергей Сергеевич однажды сказал, что кое-какие положения его работы по связи генетики и дарвинизма требуют уточнения, и я предложил перечитать его работу с тем, чтобы записать его замечания к ней. В связи с приближением столетнего юбилея выхода в свет дарвиновского "Происхождения видов" я подумал, что, может быть, удастся переиздать работу Четверикова, ставшую к тому времени библиографической редкостью. Так появились примечания к работе 1926 года, но замысел переиздания был выполнен лишь в 1965 году после смерти С.С.Четверикова, наступившей 2 июля 1959 года (184).

Нам так понравилось наше ежедневное бдение, что Сергею Сергеевичу пришло в голову продиктовать мне еще и свои воспоминания. О годах мучений он повествовать не хотел, а выбрал два момента, две темы: годы возмужания и свой знаменитый семинар, из которого вышли самые крупные советские генетики. Воспоминания Сергей Сергеевич диктовал около месяца, затем наступил торжественный вечер, когда 6 января 1958 года в его квартире собралось двое близких ему людей и четверо моих друзей. Сергей Сергеевич, взволнованный и светящийся изнутри, захотел встать с кровати и торжественно сел в свое любимое, вольтеровское (с высокой спинкой) кресло, Николай Сергеевич приготовил всем чай, мы зажгли настольную лампу с зеленым абажуром, и я принялся читать. Сорок с лишним лет прошло с тех пор, утекло безвозвратно, но и по сию пору я с волнением, с комком в горле вспоминаю те два вечера, когда минувшее проносилось перед нами, для всех уже далекое -- и для нас, зеленых юнцов, и для самого Сергея Сергеевича, не видевшего наших лиц и, значит,

не узревшего волнения, которое не могло не отражаться на наших лицах (185)...

В момент, когда на берега Волги пришел плотный конверт с извещением, что профессора С.Четверикова просят прибыть в Берлин для вручения ему медали "Дарвиновская Плакетта" и премии, коими его удостоили за выдающиеся заслуги в развитии дарвинизма и в связи со столетним юбилеем "Происхождения видов", Сергей Сергеевич был на грани жизни и смерти. Все чаще он впадал в забытье.

Жизнь медленно оставляла его. В одну из светлых минут Николай Сергеевич сумел растолковать брату, что его наградили, а через несколько дней великий русский генетик, создатель популяционной генетики, учитель Б.Л.Астаурова, С.М.Гершензона, П.Ф.Рокицкого, Д.Д.Ромашова, Н.В.Тимофеева-Ресовского, В.П.Эфроимсона (Н.П.Дубинин также делал диплом в МГУ под руководством Сергея Сергеевича) скончался.

Мне часто везло в жизни. Но все-таки одним из самых больших везений была, да, наверно, и останется навсегда, эта дружба.

Возвращение Лысенко на пост Президента ВАСХНИЛ

На XXI съезде партии, состоявшемся 27 января -- 5 февраля 1959 года, было предоставлено слово беспартийному Лысенко. Снова руководители КПСС могли слышать восторженную речь о том, как огромен масштаб полезных дел "мичуринцев", как неоценим их вклад в решение главной проблемы: настичь США по производству мяса, молока и масла.

Отражением ослабления "твердой руки" в стране (произошедшего благодаря Хрущеву, за что можно было бы многое ему простить) стали выступления Несмеянова и Семенова. Их речи по сути были антилысенковскими, так как они призвали к развертыванию исследований физики и химии живого. Такая дуалистичность отразилась и в решениях съезда: с одной стороны, в партийный документ попали фразы о преимуществе "мичуринской биологии", а, с другой, в нём же говорилось о том, как невозможно дальнейшее развитие комплекса биологических наук без углубленного изучения физических и химических закономерностей живой материи.

Это положение не могло удовлетворить Лысенко, и он искал пути всё большего сближения с Хрущевым и старался вбить клин во взаимоотношения последнего с представителями точных наук. Его упорство начало потихоньку приносить плоды. Хрущев всё чаще брал Лысенко с собой в поездки по стране, советы "колхозного академика" стали приобретать в его глазах всё больший вес, а раздражение учеными, неуступчивыми и непонимающими ценности лысенковских предложений, росло. Временный либерализм Никиты Сергеевича уходил постепенно за кулисы политического "действа", туман дуализма испарялся. Всем цветам цвести было уже непозволительно, а раздражение в адрес теоретиков, писателей и поэтов, абстрактных художников, которых он в открытую называл матерными словами, росло20.

Тонкий психолог Лысенко чуял эти перемены и на ходу менял тактику. В его речах повторялось всё больше мёда в адрес Хрущева. Если брать в качестве отсчета его речи в сталинские времена, когда Лысенко не стеснялся в выражениях своей "сыновней любви и безграничной преданности" к вождю всех народов, то теперь это было извержением потоков лести, не знающей границ. И Хрущеву это явно нравилось, ему -- недавнему борцу с "культом личности" -- теперь несомненно хотелось раздуть свой культ в еще больших размерах. Вот один лишь -- не самый яркий -- образчик сладкопевного захваливания мудрого вождя Трофимом Денисовичем. Выступая в присутствии Хрущева 22 февраля 1961 года на

совещании передовиков сельского хозяйства нечерноземной зоны в Москве, Лысенко, наряду с заявлениями о том, сколь величественно его собственное детище -- "мичуринская биология" ("Я много раз уже заявлял, что мичуринская биология, творческий дарвинизм -- детище социалистического сельского хозяйства" /189/), пропел гимн прямому продолжателю дела Ленина:

"Владимир Ильич Ленин, Центральный Комитет партии, Никита Сергеевич Хрущев неоднократно подчеркивали, что в единстве теории и практики главным, ведущим является практика... Напомню замечание Никиты Сергеевича Хрущева по этому поводу на январском Пленуме. Он говорил, что вести социалистическое сельское хозяйство без науки нельзя. В этих словах выражена забота партии и правительства о науке, определены обязанности работников науки: они должны всей своей научной деятельностью прямо или косвенно помогать колхозам и совхозам ..." (190).

Поговорив затем про микробов, кормящих растения, про "навозно-земляные компосты на полях и навозно-дерновые21 на лугах и пастбищах" (192), Лысенко еще раз вернулся к личности Никиты Сергеевича, приписав ему роль первооткрывателя идеи о том, что можно обойтись меньшим количеством удобрений, если использовать тройчатку и компосты (193). Закончил он свою речь верноподданнической здравицей в честь Никиты Сергеевича.

Говорят, что вода камень долбит. Лесть Лысенко окончательно растопила лед прошлого недоверия к нему Хрущева (или, чтобы быть более аккуратным, скажу так -- его несколько настороженного отношения к Лысенко). А результатом долбления в одну точку стало то, о чем Лысенко не мог не мечтать страстно. Ему удалось вернуть себе главную из утраченных позиций, в августе 1961 года его снова сделали Президентом ВАСХНИЛ.

Примечания и комментарии

к главе XVI

1 И.Лиснянская. Что я увижу в часы одиночества? 1980. Цитиров. по книге: Дожди и зеркала. Стихи, YMCA-Press, Paris, 1983, стр. 213.

2 Ф.М. Достоевский. Бесы. Цитиров. по Полному собранию сочинений в 30 томах, т. 10, Изд. "Наука", Ленинград, 1974, стр. 374.

3 Цитиров. по машинописному экземпляру воспоминаний академика ВАСХНИЛ И.Е. Глущенко, стр. 198.

4 Там же.

5 Там же.

6 Там же. Неоднозначность в трактовке пользы от яровизации понимали кое-кто и из лысенко-

вского окружения. Молодой сотрудник лысенковского Института генетики АН СССР Александр Константинович Федоров (в настоящее время доктор наук, старший сотрудник Московского филиала ВИР) в 1955 году опубликовал результаты исследований, из которых следовало, что, например, многолетние травы вообще неспособны проходить стадию яровизации из-за отсутствия у них достаточного количества питательных веществ. См.: А.К.Федоров. О биологии развития некоторых многолетних трав. "Изв. АН СССР, сер.

биол.", 1955, 2, стр. 19-40. Пожалуй, следует отметить, что, начав с научного несогласия с Т.Д.Лысенко, А.К.Федоров постепенно пришел к несогласию и с его организационными приемами и стал одним из первых критиков Лысенко в его собственном институте. Будучи человеком, уверенным в правоте партийных позиций, коммунист Федоров, тем не менее, не убоялся пойти с жалобами на Лысенко непосредственно в партийные органы, вплоть до ЦК (о чем мне в середине 70-х годов рассказывал бывший заместитель зав. отделом сельского хозяйства ЦК КПСС /заведующим отделом в то время был Ф.Д.Кулаков/ В.Д.Панников, ставший позже вице-президентом ВАСХНИЛ).

7 Н.С.Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 годы. Доклад на внеочередном XXI съезде КПСС 27 января 1959 года, М., Госполитиздат, 1959, стр. 9.

8 Т.Д. Лысенко. Сельскохозяйственная наука в борьбе за выполнение сталинской программы. Газета "Известия", 6 марта 1946 г., 56 (8972), стр. 2.

9 Там же.

10 Т.Д.Лысенко. Почвенное питание растений -- коренной вопрос науки земледелия. М., Сельхозгиз, 1955, стр. 33.

11 Там же.

12 Там же.

13 Там же.

14 Т.Д.Лысенко. К новым успехам в осуществлении сталинского плана преобразования природы. Сельхозгиз, М., 1950, стр. 15.

15 А.В. Соколов. Рецензия на книгу Т.Д. Лысенко "Почвенное питание растений -- коренной вопрос науки земледелия". Журнал "Почвоведение", 1955, 11, стр. 99-102. Приведенная цитата взята со стр. 99.

16 Т.Д. Лысенко. О почвенном питании растений и повышение урожайности сельскохозяйственных культур. Сельхозгиз, М., 1954. Данная брошюра содержит изложение доклада Т.Д.Лысенко на сессии ВАСХНИЛ, сделанного 15 сентября 1953 г.

17 Там же, стр. 9.

18 Там же, стр. 11.

19 Там же, стр. -56.

20 Там же, стр. 7.

21 Там же, стр. 61.

22 См. прим. /10/.

23 Там же. Эти соображения о причине кислотности были изложены в докладе, сделанном

Т.Д.Лысенко на координационном совещании АН СССР, созванном Институтом генетики АН СССР 11-15 января 1954 г. См.: К.В.Косиков. Хроника. Совещание по проблеме "Наследственность и ее изменчивость". Журнал "Успехи современной биологии", 1954, т. 37, вып. 3, стр. 378-381.

24 Т.Д. Лысенко Задача науки о почвенном питании растений в повышении урожайности

сельскохозяйственных культур. Журнал "Достижения науки и передового опыта в сельском хозяйстве", 1953, 11.

25 Перечень выступлений составлен мною на основании сведений, приведенных самим Лысенко. См. прим. /10/.

26 Ф.В. Турчин. Питание растений и применение удобрений. Журнал "Почвоведение", 1954, 6.

27 Д.Л.Аскинази. Выступление по докладам А.В.Соколова, Ф.В.Турчина и О.К. Кедрова-Зих-

мана на совещании почвоведов 20-26.IV.1954 года. Там же, стр. 76.

28 См. прим. /10/.

29 Там же, стр. 57.

30 Там же, стр. 37.

31 См. прим. /15/, стр. 100. См. также: А.В.Соколов. Роль правильных севооборотов в повыше-

нии плодородия почв. Журнал "Почвоведение", 1954, 6, стр. 36-47. Автор критиковал И.В.Якушкина, В.С.Дмитриева, С.Ф.Демидова и писал о "атеях" Лысенко: "Всё это были фантазии, расплачиваться за которые пришлось сельскому хозяйству нашей страны".

32 См. прим. (15).

33 Там же.

34 А.Г.Шестаков, А.В.Петербургский, В.М.Клечковский, И.М.Гулякин, П.М.Смирнов. О

системе применения удобрений в Нечерноземной полосе. Журнал "Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии", 1955, вып. 1 (18), стр. 103-118. Убедительная критика лысенковских предложений об использовании удобрений была дана на стр. 110-118. Авторы писали:

"Рекомендации Т.Д.Лысенко... находятся в противоречии с многочисленными дан-ными науки и сельскохозяйственной практики..., неприемлемы [они -- В.С.] и с орга-низационно-

хозяйственной стороны, ибо они не упрощают, а усложняют применение удобрений"" (стр. 110).

"Широкая реализация предложений акад. Т.Д.Лысенко неминуемо привела бы к потерям" (стр. 111).

35П.Г. Найдин, А.К.Селаври. Об эффективности смесей органических, фосфорных удобрений и извести. Журнал "Почвоведение", 1955, 10, стр. 23-35.

36 Там же, стр. 28.

37 См. прим. /7/.

38 Ф.В. Каллистратов. Опыт применения органо-минеральных смесей под озимую пшеницу.

Журнал "Земледелие", 1955, 7, стр. 52-55. Автор писал в статье невообразимые вещи. Так, он утверждал, что органо-минеральные смеси "почти удваивают урожай озимой пшеницы", что они "дают возможность получать урожаи от 37 до 42 ц/га", что "действие суперфосфата в смеси с органическими удобрениями возрастает в 3,5 раза, а на почвах с низким плодородием -- в 8-10 раз ... Можно заменить суперфосфат фосфоритной мукой и это, тем не менее, не снижает эффективности органо-минеральных смесей".

Эти выводы не покоились на фактах, так как несколько цифр, приводившихся Ф.В.Каллистратовым, никак не подкрепляли его точку зрения. А в то же время Лысенко ссылался на "блестящий опыт Каллистратова". См., напр.: Т.Д.Лысенко. Почвенное питание растений и удобрение полей. Доклад на заседании Ученого Совета ТСХА, посвященного 1-5летию со дня смерти В.Р.Вильямса. "Известия ТСХА", 1955, вып. 1 (8), стр. 11-24. В этом докладе Т.Д.Лысенко ссылался на "опыты агронома Горок Ленинских Ф.В.Каллистратова, использовавшего органо-минеральные смеси под картофель" и добившегося увеличения урожая по сравнению с контролем (153 ц клубней/га) -- "при разных дозах тройчатки от 211 до 251 ц/га", стр. 17.

39 См. прим. /10/, стр. 113.

40 В.В.Мацкевич, Зам. Председателя Совета Министров СССР, министр сельского хозяйства

СССР. О задачах сельскохозяйственной науки по осуществлению решений XX съезда КПСС (доклад на Всесоюзном совещании работников сельскохозяйственной науки в Москве 19 июня 1956 г.). Журнал "Вестник сельскохозяйственной науки", 1956, 1, стр. 9-39. В.В.Мацкевич говорил:

"За 27 лет существования академии [ВАСХНИЛ -- В.С.] выборы ни разу не проводились" (стр. 28).

"... в науке долгое время пользовалась почетом теория о неизбежности появления сорняков в посевах, в связи с перерождением культурных растений.

Докторант академии Дмитриев, например, писал, что "возникновение единичных растений овсюга" (из овса) при определенных условиях "становится неизбежным, то есть представляет не случайное, а закономерное явление...

А мы с товарищем Тихомировым и Бенедиктовым, убаюканные "глубиной исследований"

Дмитриева, Котта и других...ожидали, пока сорняки самоизредятся и исчезнут или превратятся в... ананасы" (стр. 34).

41 Под заголовком "На стыке точных и естественных наук" журнал "Техника-молодежи" в

1956-1957 году опубликовал много выступлений советских ученых (И.Л.Кнунянца, Н.П.Дубинина, А.Р.Жебрака, Е.Т.Васиной-Поповой, Д.К.Беляева, А.А.Ляпунова, Б.Л.Астаурова, Н.В.Тимофеева-Ресовского, И.Е.Тамма): см. в частности, 5, 6, 9, 1957.

42 Н.П. Дубинин. Физические и химические основы наследственности. Журнал "Биофизика", 1956.

43 Ф.Крик. Структура наследственного вещества. Журнал "Химическая наука и промышлен-

ность", 1956, т. 1, 4, стр. 472-477; см. также статью Дж.Уотсона и Ф.Крика "Структура ДНК" в сб.: "Проблемы цитофизиологии", М., Изд. иностр. лит-ры, 1957, стр. 58-70.

44 См. прим. /82/ к главе XV.

45 Н.П.Дубинин. Вечное движение. Госполитиздат, М., 1972, стр. 368.

46 А.А.Авакян. О дружбе наук и ее нарушении. Ответ оппоненту (по поводу статьи). Журнал "Наш современник", Изд. "Литературной газеты", М., 1956, кн. 3, стр. 130-131.

47 Выступление В.В.Сахарова на дискуссии в редакции. Там же, стр. 158-162.

48 Выступление Ф.В.Турчина. Там же, стр. 153-158.

49 Выступление Н.П.Дубинина. Там же, стр. 168-173.

50 Выступление О.Н.Писаржевского. Там же, стр. 141-145.

51 Выступление И.А.Халифмана. Там же, стр. 145.

52 Выступление В.В.Сахарова. Там же, стр. 159.

53 Цитиров. по выступлению О.Н.Писаржевского. Там же, стр. 144.

54 А.А. Авакян. Стадийные процессы и так называемые гормоны цветения. Журнал "Агробиология", 1, стр. 47-77.

55 Там же, стр. 47.

56 Н.Г. Холодный. В защиту учения о гормонах растений. "Ботанический журнал", 1954, т. 39, 3, стр. 403-414.

57 См. прим. /46/, стр. 136.

58 Там же, стр. 133.

59 Там же, стр. 153.

60 Там же. Вот два примера, характеризующих поведение Авакяна:

"Ф.В.Турчин. Несколько лет назад Т.Д.Лысенко пришел к заключению, что почвенные микроорганизмы принимают непосредственное участие в питании растений. Он утверждал тогда, что... минеральные удобрения идут сначала на питание почвенных микроорганизмов, которые перерабатывают их в вещества, пригодные для непосредственного усвоения растениями.

А.А.Авакян. Нужно формулировать точнее.

Ф.В.Турчин. Я достаточно точно излагаю. Вот что писал тогда Т.Д.Лысенко: "Все удобрения, которые мы вносим в почву, даже в увояемой форме, все равно прежде поглощаются микрофлорой, и уже продукты жизнедеятельности микрофлоры питают наши сельскохозяйственные растения" (Газета "Известия", 1946, 56), (стр. 153).

Через несколько минут Авакян повторил свой наскок в попытке уличить профессора Ф.В.Турчина в искажении истины. Турчин говорил о том, что тройчатка Лысенко гораздо менее эффективная, чем рекомендуемые учеными способы удобрений. Авакян, хорошо понимавший, что тень падает и на него, так как именно он давал результаты проверки тройчатки, снова перебил докладчика:

"А.А.Авакян. Это неправда!

Ф.В.Турчин. Зачем же говорить, что это неправда, когда вы сами присутствовали на заседании Технического совета Министерства сельского хозяйства СССР в начале 1955 года, где профессором Н.Г.Найдиным были доложены результаты опытов по проверке эффективности органо-минеральных смесей... После обсуждения результатов этих опытов Техническим советом была принята соответствующая резолюция... Вы разве забыли это?

А.А.Авакян. Нет, не забыл" (стр. 1-55156).

61 Там же, стр. 165.

62 Там же, стр. 161 и 169.

63 Там же, стр. 162.

64 Там же. стр. 167.

65 Там же, стр. 141.

66 Там же, стр. 159.

67 Там же, стр. 160. В.В.Сахаров в связи с этим говорил:

"И тогда еще я ставил вопрос об ответственности тт. Презента, Всехсвятского и некоторых других перед страной. Случилось самое худшее. И в средней школе, и в высшей школе были проведены программы, по которым в течение ряда лет миллионы учащихся получают превратное представление о том, что такое дарвинизм".

68Там же, стр. 162.

69 Там же, стр. 168.

70 Там же, стр. 164-165.

70а Б.Н.Васин, Т.К.Лепин. Рецензия на книгу Н.И.Фейгинсона "Основные вопросы мичу-

ринской биолгии".
Журнал "Бюллетень Московского Общества Испытателей Природы (отдел биологический), 1956, т. 61, 4, стр. 9-5105; В.П.Эфроимсон. О роли эксперимента и цифр в сельскохозяйственой биологии. Там же, 1956, т. 61, 5, стр. 83-91. См. также статью М.Л.Бельговского. Фальсификация науки под флагом мичуринского учения. Рецензия на книгу А.И.Воробьева. Основы мичуринской генетики.. 1953. Там же, 1956, т. 61, 2, стр. 102-106.

71 См. прим. /45/, стр. 374.

72 Там же.

73 Ф.Х. Бахтеев. О состоянии преподавания ботаники в средней школе. "Ботанический журнал", 1958, т. 43, 1, стр. 14-5153.

74 Резолюция по докладу Ф.Х. Бахтеева "О состоянии преподавания ботаники в средней школе". (Утверждена на пленарном заседании Второго делегатского съезда ВБО 17 мая 1957 г.), там же, стр. 153-154.

От редакции. Там же, стр. 154-155.

75 М.А. Лаврентьев. Опыты жизни. 50 лет науке (мемуары). Журнал "ЭКО (экономика и организация промышленного производства)", 1980, 1, стр. 146.

76 Там же.

77 Там же.

78 Там же, стр. 146-147.

78а См. прим. /45/, стр. 378.

79 Н.С. Хрущев. За резкое увеличение производства мяса и молока в районах центральной

нечерноземной зоны. Речь на совещании работников сельского хозяйства областей центральной нечерноземной зоны 30 марта 1957 г. Газета "Правда", 1 апреля 1957 г., 91 (14120), стр. 2.

80 Там же.

81 Там же.

82 Там же.

83 В. Поляков, К.Погодин. Совещание работников сельского хозяйства Арзамасской, Горьковской и Кировской областей, Марийской, Мордовской и Чувашской АССР. Газета

"Правда", 8 апреля 1957 г., 98 (14127), стр. 2.

84 Там же, 9 апреля 1957 г., 99 (141128), стр. 1.

85 Там же, 10 апреля 1957 г., 100 (14129), стр. 2.

86 Там же.

87 Там же.

88 Т.Д. Лысенко. Шире применять в нечерноземной полосе органо-минеральные смеси. Газета "Известия", 27 апреля 1957 г., 101 (12408), стр. 2.

89 Там же,

90 Там же.

91 Информационное сообщение: "Пленум ЦК КПСС об антипартийной группе Маленкова,

Кагановича, Молотова и примкнувшего в ним Шепилова 22-29 июня 1957 г.". Газета "Правда", 4 июля 1957 г., 185 (14214), стр. 1-2. В 1998 г. под редакцией А.Н.Яковлева вышел том с полными стенографическими записями всех заседаний пленума, из которых становится очевидным, как грубо и политикански расправился со своими конкурентами по руководству КПСС Хрущев. См.: Молотов, Маленков, Каганович. 1957. В серии "Россия -- XX век". М. Издание Международного Фонда "Демократия", Гуверовского института войны, революции и мира и Стэнфордского университета. 1998.

92 Газета "Правда" 10 июня 1957 г., 191 (14220), стр. 3.

93 Там же.

94 Редакционная статья "Интересные работы по животноводству в Горках Ленинских. Беседа с академиком Т.Д. Лысенко". Газета "Правда", 17 июля 1957 г., 198 (14227), стр. -56.

95 Там же.

96 Например, академик В.А. Энгельгардт 9 июня 1957 г. писал в газете "Комсомольская правда":

"Расшифровать язык атомных и молекулярных комбинаций -- прямая задача науки ближайшего будущего. Задача эта чрезвычайно трудная. Но не нужно быть беспочвенным оптимистом, чтобы верить, что через пятьдесят лет "биологический код" -- химическая зашифровка наследственных свойств -- будет расшифрован и прочитан.

С этого момента человек станет полным властелином живой материи. Изменяя расположение атомов в генах, хромосомах, он даст растениям и животным такие полезные свойства, которые те, подчиняя воле человека, будут воспроизводить в последующих поколениях".

97 Передовая статья "О разработке философских вопросов естествознания". Журнал "Вопросы философии", 1957, 3, стр. 3-18.

98 Там же, стр. 15.

99 В.Я.Александров. Цитология. БСЭ, 2 изд.

100 Н.А. Майсурян, А. Негруль, В. Эдельштейн, А.Атабекова. Выдающийся советский ученый. Газета (многотиражная) "Тимирязевец", 4 декабря 1957 г., стр. 3.

101 Там же.

102 Т.Д. Лысенко, Н.И. Нуждин. За материализм в биологии. Москва, 1957, Изд. Всесозного Общества по распространению политич. и научн. знаний, ротапринтное издание, имеется в открытом доступе в Гос. Библиотеке им. В.И.Ленина, шифр Б 59-11/112. Негативно

отозвался о значении физики и химии для биологических исследований Лысенко и на заседании Президума АН СССР и Отделения биологических наук 20 января 1959 года. См. его статью "К вопросу о взаимоотношениях биологии с химией и физикой". Журнал "Агробиология", 4, 1958, стр. 484-488.

103 Т.Д. Лысенко, Н.И. Нуждин. За материализм в биологии. Москва, 1957, см. прим. (102), стр. 22.

104 Там же, стр. 13.

105 Там же, стр. 10.

106 Говоря об этих "фантазиях" Энгельгардта, Лысенко заявил:

"Все это -- безответственные попытки увода биологической науки с ясного мате-риалистического пути. В наших условиях такие попытки большого успеха, конечно, иметь не могут. Но они все же тормозят развитие науки, затуманивают головы неко-торой части молодежи. Этим людям в их практической работе придется нелегко". Там же, стр. 68.

107 Там же, стр. 38.

108 Там же, стр. 60.

109 Там же, стр. 50.

110 Н.С. Хрущев. Тезисы доклада "Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 г. г.". Политиздат, М., 1958.

111 А.Н. Несмеянов. Задачи советской науки в свете семилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Газета "Правда", 1 декабря 1958 г., 355 (14729), стр. 2-3. Цитата взята со стр. 3.

112 Проект строительства Пущинского центра биологических исследований долго оставался не-

реализованным. Например, в 1957 году в "Вестнике АН СССР" сообщали, что "намечается сооружение зданий для биологических учреждений в Пущино на Оке" (см. статью: В Отделении биологических наук. "Вестник АН СССР", 1957, 3, стр. 38), но на следующий год президент АН СССР А.Н.Несмеянов (Вступительная речь Президента Академии наук СССР академика А.Н.Несмеянова на годичном собрании 25 марта 1958 г. "Вестник АН СССР",

1958, 5, стр. 4-8) признал:

"Строительство научного городка в Пущине под Серпуховым, одна из основных целей которого -- развитие биохимии, биофизики, микробиологии, химии природных соеди-нений -- пока находится в состоянии моратория" (стр. 7).

Президиум АН СССР много раз возвращался к этому вопросу. См., напр., статью: В Президиуме Академии наук СССР. О строительстве биологических институтов в Пущино. "Вестник АН СССР", 1962, 6, стр. 101. Реальное строительство началось лишь в середине 60-х годов.

113 См.: "Материалы совещания по применению математических методов в биологии, состоявшегося 12-17 мая 1958 года". Ленинград, Изд. ЛГУ им. А.А.Жданова, 1958, 44 с.

114 См.: "Тезисы докладов Совещания по полиплоидии у растений 2-528 июня 1958 г.". М., Изд. МОИП, 103 стр.

115 А.Р.Жебрак. Полиплоидия у пшеницы. Там же, стр. 20-22.

116 В.В.Сахаров. Полиплоидия и радиация. Там же, стр. 16-19.

117 В.Л. Рыжков. Количественно-качественные отношения при полиплоидии. Там же, стр. 10- 11.

118 А.Н. Лутков. Полиплоидия и ее значение у эфирно-масличных культур. Там же, стр. 62-64.

119 В.С. Андреев. Некоторые особенности экспериментальных полиплоидных форм опийного мака. Там же, стр. 73-75.

120 В.К. Щербаков. Методы экспериментального получения полиплоидов. Там же, стр. 9-5 96.

121 Газета "Правда", 29 сентября 1958 г., 272 (14666), стр. 1.

122 Т.Д.Лысенко. За материализм в биологии! Журнал "Агробиология", 1957, 5, стр. 4- 12 и 6, стр. 3-17. Статья также опубликована в журнале "Вопросы философии", 1958, 2, стр. 102-111.

123 Редакционная статья: Дискуссии: О некоторых проблемах советской биологии. "Ботанический журнал", 1958, 8, стр. 113-51145.

124 Редакционная статья "Об агробиологической науке и ложных позициях "Ботанического журнала"". Газета "Правда", 14 декабря 1958 г., 348 (14742), стр. 3-4.

125 Там же, стр. 3.

126 Там же.

127 Там же, стр. 4.

128 Там же.

129 Т.Д. Лысенко. Теоретические успехи агрономической биологии. Газета "Известия", 8 декабря 1957 г.

130 Заключение Комиссии Отделения биологических наук АН СССР о деятельности "Ботанического журнала" на 2-х стр., Приложение к Постановлению Бюро Отделения биологических наук АН СССР от 23 сентября 1958 г., 210-130/277, протокол 28, п. 5.

131 Там же, стр. 1-2.

132 См.: Постановление Бюро ОБН АН СССР от 23 сентября 1958 г., 210-130/277, протокол 28, п. 5, подписанное зам. академика-секретаря Отделения биологических наук АН СССР -- член-корр. АН СССР -- Г.К.Хрущовым и и. о. Ученого секретаря ОБН канд. сельскохозяйственных наук А.А.Маркевич.

133 Пленум ЦК КПСС 1-519 декабря 1958 г. Стенографический отчет. Госполитиздат, М., 1958.

134 Н.С. Хрущев. Выступление на декабрьском пленуме ЦК КПСС. Там же, стр. 84. Хрущев сказал:

"Или возьмите такой пример. При Всесоюзном институте животноводства имеется ла-боратория белковых кормов во главе с академиком ВАСХНИЛ С.С.Перовым. Госу-дарство израсходовало на содержание этой лаборатории только за 1949-1957 годы около 3 миллионов рублей, а результатов никаких".

135 Там же, стр. 83.

136 Там же, стр. 233-234.

137 Там же, стр. 235.

138 Там же, стр. 236.

139 Там же, стр. 237.

140 Там же, стр. 238.

141 Там же, стр. 238.

142 Там же, стр. 239.

143 Там же, стр. 240.

144 Там же, стр.274.

145 Там же.

146 Там же, стр. 375.

147 Там же.

148 Там же.

149 Газета "Правда" 18 декабря 1957 г., 352 (14746), стр. 1.

150 Там же, стр. 3.

151 Редакционная статья "За укрепление связи биологии с практикой". Журнал "Вестник АН СССР", 1959, 3, стр. 3-7. Цитата взята со стр. 4.

152 Там же, стр. 5.

153 Там же, стр. 6.

154 Там же.

155 Там же, стр. 7.

156 Решение Президиума АН СССР гласило:

"Об утверждении состава редакционной коллегии

"Ботанического журнала"

В связи с серьезной и правильной критикой работы редакционной коллегии "Ботанического журнала" в газете "Правда" от 14 декабря 1958 г. и высказанными по нему замечаниями на декабрьском Пленуме ЦК КПСС Президиум утвердил новый состав редакционной коллегии журнала.

Главным редактором утвержден член-корреспондент АН СССР В.Ф.Купревич, его заместителями -- доктора биологических наук П.А.Генкель и М.В.Культиасов, члены редакционной коллегии -- члены-корр. АН СССР А.А.Авакян и Б.К.Шишкин, акад. ВАСХНИЛ П.А.Власюк, доктора биологических наук Н.А.Аврорин, Л.В.Кудряшов, С.С.Прозоров, В.М.Разумов, К.А.Соболевская, А.А.Шахов и М.С.Яковлев.

Новому составу редакционной коллегии поручено разработать предложения по коренному улучшению работы журнала в развитие материалистического направления в биологии". (См. "Вестник АН СССР", 1959, 3, стр. 112.

157 Газета "Правда" 2 июля 1959 г.

158 См. прим. /75/, стр. 146-147.

159 Там же, стр. 147.

160 Это было сделано с высочайшего согласия: см. "Постановление Совета Министров СССР о

создании Сибирского Отделения Академии наук СССР", в кн.: "Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам", т. 4, 1953-1961, Госполитиздат, М., 1968, стр. 347-349; см. также журнал "Вестник АН СССР", 1957 9, стр. 102, где было сказано, что Президиуму СО АН СССР предоставлено право на время организационного периода назначать заведующих лабораториями, отделами, секторами и старших научных сотрудников вновь создаваемых институтов без прохождения по конкурсу.

161 М.А.Лаврентьев. Прирастать будет Сибирью. М., Изд. ЦК ВЛКСМ "Молодая гвардия", 1980; 2-е изд. Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство, 1982; 3-е изд. М., "Молодая гвардия", 1982.

162 Сообщение доктора наук М.Б.Голубовского.

163 См. прим. /75/, стр. 147-150.

164 Д.А. Франк-Каменецкий. Диффузия в химической кинетике. 2 изд., М., Изд. "Наука", 1967.

165 Д.А.Франк-Каменецкий. Физические процессы внутри звезд. М., Физматгиз, 1969.

166 См.: "Сахаровский сборник", Москва-Нью-Йорк, Изд. "Khronika Press",New York, 1981, p. 249.

167 А.Д. Сахаров в "Сахаровском сборнике" (см. прим. /166/, стр. 249) дал следующую ссылку на эту статью:

"1957 октябрь. Статья о вреде ядерных испытаний в научном журнале (перепечатана журналом "Советский Союз" и многими зарубежными изданиями)".

168 А.Д. Сахаров. Радиоактивный углерод ядерных взрывов и непороговые биологические

эффекты. В сб.: "Советские ученые об опасности испытаний ядерного оружия", под общей редакцией члена-корр. АМН СССР А.В.Лебединского, Изд. Главного управления по использованию атомной энергии при Совете Министров СССР, 1959, стр. 36-44. В разговоре со мной 19 декабря 1986 года А.Д.Сахаров сказал, что он послал эту статью в журнал "Советский Союз" и не знал о том, что Курчатов включил ее в сборник "Советские физики о вреде ядерного оружия".

169 E. Teller, A.L. Latter. Our Nuclear Future ... Facts, Dangers, and Opportunities. Criterion Books. New York, 1958, p. 124.

170 Там же.

171 См. прим. /168/, стр. 41.

172 Там же, стр. 43-44.

173 Формулировка дана по памяти А.Д.Сахаровым -- см. прим. /168/, стр. 249.

174 Там же, стр. 250.

175 См. прим. /45/, стр. 370.

176 См., например, кн.: "Сборник работ лаборатории биофизики", Труды института биологии,

Уральский филиал АН СССР, Свердловск, вып. 9, 1957; "Ионизирующие излучения и наследственность", Итоги науки, сер. биологические наука, вып. 3, Изд. АН СССР, 1960.

Частично ссылки на опубликованные в те годы работы можно найти в кн.: В.Н.Сойфер. "Молекулярные механизмы мутагенеза". Изд. "Наука", М., 1960; В.Н.Сойфер. "Очерки истории молекулярной генетики". Изд. "Наука", М., 1970.

177 Канд. биол. наук А.А. Прокофьева-Бельговская, доктор биологических наук С.И. Алиханян.

Важные проблемы генетики. Журнал "Вестник АН СССР", 1959, 1, стр. 98-100. В статье обсуждались работы, представленные на Вторую Международную конференцию по мирному использованию атомной энергии (Женева, сентябрь 1958 г.), и было сказано:

"советские ученые... уже добились крупных успехов, например, в селекции продуцен-тов антибиотиков".

178 О выступлениях Т.Д. Лысенко в защиту мира см. подборку выступлений на заседании в АН СССР в 1951 году -- "Дело мира победит", журнал "Вестник АН СССР", 1951, 9, стр. 3.

179 Воспоминания И.Е.Глущенко, стр. 281.

180 Журнал "Агробиология", 5 и 6 за 1951 год.

181 И.Е. Глущенко. Почта советского ученого. Журнал "Огонек", 1956, 38, стр. 14; его же статья в газете "Вечерняя Москва", декабрь 1956 г.; его же статья в газете "Известия", 8 декабря 1956 г.

182 Цитиров. по рукописи статьи, переданной мне В.П.Эфроимсоном.

183 Цитиров. по оригиналам, хранящимся у меня. Ксерокопии имеются у профессора М.Б.Адамса, Пенсильванский университет, США.

184 См. "Бюллетень МОИП, отд. биол.", 1965, т. 70, вып. 1, стр. 33-74; см. также прим. /266/ к главе VIII.

185 Во время первого чтения воспоминаний С.С.Четверикова на его квартире в Горьком при-

сутствовали С.С. и Н.С. Четвериковы, доцент Горьковского Госуниверситета П.А.Суворов, доцент мединститута Т.Е.Калинина, аспирант ГГУ Н.Н.Солин и студенты горьковских вузов: В.А.Брусин, В.А.Шутов (ГГУ), И.А.Чечилова и В.Шевцова (Горьковский мединститут). Когда я кончил читать текст, было устроено чаепитие, во время которого Сергей Сергеевич, разволновавшись, даже всплакнул. Воспоминания были опубликованы: С.С.Четвериков. Из воспоминаний. Журнал "Природа", 1974, 2, стр. 68-69 и Воспоминания, там же, 1980, 5, стр. 50-55, 11, стр. 86-94 и 12, стр. 76-85. Рукопись продиктованных мне С.С.Четвериковым воспоминаний хранится у меня в архиве. В опубликованном тексте имеются некоторые ошибки, внесенные, скорее всего, публикатором -- В.В.Бабковым.

186 Н.Шмелев Curriculum Vitae -- Повесть о себе. Журнал "Континент", 98, 1998, стр.172.

187 Там же, стр. 173.

188 Там же, стр. 174.

189 Академик Т.Д. Лысенко. Питание растений и удобрение полей. Сельхозгиз, М., 1961,

15 стр. Брошюра представляет собой изложение речи Лысенко на совещании передовиков сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР в Москве 22 февраля 1961 года. Приведенная цитата взята со стр. 3.

Наряду с восхвалениями Н.С.Хрущева Лысенко, конечно, продолжал превозносить и собственное понимание роли диамата и марксистской философии:

"Поэтому если ты хочешь правильно понимать жизнь и развитие органического мира, то должен как можно лучше овладеть единственно правильной теорией развития -- диалектическим материализмом, марксистско-ленинской философией". Там же, стр. 5.

190 Там же, стр. 4.

191 См., например, брошюру П. Гурова под редакцией В.Р. Вильямса: "Фабрика компостов.

Как получить из отходов и отбросов удобрение и привести в санитарное состояние города, колхозные села и усадьбы колхозников". Изд. 2-е, Воронежское областное издательство, Воронеж, 1937. См. также статью П.Гурова "За миллионы тонн добавочного органического удобрения". Газета "Социалистическое земледелие", 29 декабря 1937 г., 297 (2685), стр. 3.

192 См. прим. /189/, стр. 4.

193 Лысенко сказал:

"Нужно последовать совету Никиты Сергеевича Хрущева и создать в каждом колхозе и совхозе своеобразную фабрику хороших и дешевых удобрений, производимых во все возрастающем количестве".

Там же, стр. 13.

Г л а в а XVII

Лысенко удаляют с политической сцены

вместе с хрущевым

"Не пощадит ни книг, ни фресок

безумный век.

И зверь не так жесток и мерзок,

как человек" .

Борис Чичибабин (1).

"Недаром же всемирная история пестрит именами властителей, вождей, полководцев, авантюристов, которые все, за редчайшими исключениями, превосходно начинали и очень плохо кончали, которые все, хотя бы на словах, стремились к власти добра ради, а потом уже, одержимые и опьяненные властью, возлюбили власть ради нее самой".

Герман Гессе. Игра в бисер (2).

Призрачное главенство

Вполне уместен вопрос: мог ли Лысенко, вернувшись в свой прежний кабинет, смирить непомерную гордыню, прервать уже непосильную для него борьбу с выдуманными врагами социализма? Ведь мог же он затаить злобу, разыграть мудрое смирение и стать добреньким патриархом, без пристрастия глядящим на всех своих коллег? Чего другого, а актерских способностей ему было не занимать! В нем всегда жил умнейший царедворец и утонченный лицедей. Да и что было делить! Он снова Президент, снова властитель. Росли дети -- Юрий, Людмила и Олег (дочь кончала медицинский, готовилась стать кардиологом, Юрий работал на кафедре физики моря в МГУ, радовал Олег -- пошел по его стопам). Всё еще бодрячком ходил отец, живший теперь в Горках Ленинских с внуками. Можно же было унять пыл страстей, перестать сводить счеты и... спокойно руководить.

Но, нет, не мог он отсиживаться, не для того бился с ворогами, не для того кровь портил. Да и почивать на лаврах можно тому, у кого с лаврами всё в порядке. А здесь опять и опять ему сообщали о нападках и на "учение о плодородии почвы" и на "закон жизненности вида" со ссылками на никуда негодных иоаннисяновских коров. Не до покоя и не до сна.

Не удавалось и другое: пригасить ход всё более мощно раскручивавшегося маховика генетических исследований. Каждую неделю он узнавал новости -- одна горше другой, и не до самоуспокоенности было, добродушная снисходительность равна была глупости. В сентябре 1961 года Комитет по делам изобретений и открытий выдал диплом на открытие члену-корреспонденту АН СССР Б.Л.Астаурову -- заклятому врагу, генетику. Вручение диплома об открытиях в науке -- событие чрезвычайное. В биологии это было вообще первое открытие, зарегистрированное комитетом. Да и предмет открытия немаловажным назвать никак было нельзя. Пока они с Иоаннисяном и Авакяном мямлили о том, как условиями кормления можно понуждать зиготы развиваться по материнскому или отцовскому пути, Астауров с помощью радиации и других воздействий на ядра клеток, хромосомы и гены научился регулировать пол у шелкопрядов и получать потомство любого пола. Хочешь -- женского, хочешь -- мужского. В начале октября в "Правде" появилась большая статья Астаурова -- на двух страницах газетного листа с портретом автора открытия. Редакция называла работу "выдающейся" (3) и утверждала, что она

"... открывает огромные перспективы в повышении производительных сил сельскохозяйственного производства, укрепляет господство человека над силами природы" (4).

Как будто нарочно, как будто с провокационной целью Астауров начинал статью с вопроса первейшей важности, о котором всегда пекся и Лысенко:

"Сейчас, конечно, рано делить шкуру еще не убитого медведя, но трудно даже вообразить, какой эффект в тоннах масла, количестве яиц или метрах шерстяной и шелковой ткани могло бы дать умение получать по желанию потомство нужного пола" (5).

Два десятка лет генетик Астауров не предавал анафеме хромосомы и гены и подбирался к возможности прямого влияния на женские и мужские половые клетки и теперь разрешил старую проблему:

"Установлено, что точно дозированными воздействиями высокой температуры можно

подавить деление ядра при образовании женских клеток и одновременно побудить их... к девственному развитию... Все потомки девственной матери будут похожи друг на друга, как близнецы, и все они всегда самки" (6).

Женская линия шелкопряда в опытах Астаурова размножалась "этим путем более пятнадцати лет... и среди них никогда не появляется ни одного самца" (7). Меняя характер воздействия, Астауров научился решать и другую задачу: когда было нужно, он получал одних лишь самцов шелкопряда, которые наследовали "все признаки отца и оказывались все самцами" (8). Такого в мировой практике еще никто не достигал.

Благодаря работам Астаурова удалось поднять выход шелка почти на четверть, так как "коконы самцов на добрых 2-530 процентов шелконоснее самок" (9). Этим и покоряла работа Астаурова: он уже умел на практике творить чудеса с шелкопрядами и мечтал о чудесах с другими животными. Астауров провозглашал широкую программу взаимосложения усилий ученых:

"Плодотворное решение таких больших проблем нуждается теперь в координации и компенсировании усилий ученых разных специальностей и должно осуществляться на основе взаимного проникновения методов математики, физики, химии и биологии" (10).

Проявление повышенного интереса главной партийной газеты к открытию Астаурова было неприятно Лысенко. Оно указывало на непрочность его теперешнего состояния, на зыбкость приобретенного главенства.

Впрочем, успокаивало то, что по-прежнему высоко ценил его Никита Сергеевич, пожалуй, даже его отношение крепло, он готов был выгородить своего любимца даже в таком деле, как внедрение "травополья" (11), в то время, как другие ученые пытались образумить руководителя партии.

Хрущев старательно формировал стереотип эдакого рубахи-парня, которому море -- по колено. Его длинные, простецкие, нередко по-мужицки грубые речи следовали одна за другой. Говорить часами на людях он уже привык, и газеты печатались с вкладышами, чтобы воспроизвести эти длинные болтливые речи с прибаутками и поучениями. Вот и очередной раз, выступая 14 декабря 1961 года, он долго рассказывал о том, как, приехав отдыхать в 1954 году в Крым, "посмотрел немножко на море, а потом сел в машину и поехал по колхозам и совхозам" (12), как он встретил переселенцев из Курской области, которым не понравился Крым с его жарой, палящим солнцем и... кровожадными клопами. Проблема клопов так заняла мысли 1-го Секретаря ЦК партии, что он и теперь, спустя несколько лет, с удовольствием вспоминал, как он бойко осадил нытиков-переселенцев:

"А разве, говорю им, курские клопы менее кровожадные, чем крымские? (Веселое оживление)" (13).

Эти байки лидера партии, наверное, были предназначены для того, чтобы рас-положить слушателей, показать, какой он простой, хороший, свой в доску мужик. А на этом пасторальном фоне еще более жестким выглядел длинный раз-дел речи об ученых, не удовлетворяющих его "изысканному вкусу". Упомянув Лысенко первым среди настоящих ученых, которым можно внимать с пользой для дела, Хрущев перешел к тем, кого и слушать вредно и кому, по его словам:

"Хочется сказать: не срамите ученого звания, не позорьте науку! (Аплодисменты)... Извините за грубость, но как тут не сказать: на кой черт нужна народу такая "наука"! (Оживление в

зале. Аплодисменты)" (14).

Знал ли сам Хрущев, какой должна быть наука? В этой речи он еще раз показал, сколь примитивными были его требования к науке: она должна была лишь соответствовать "мировоззрению нашей партии", да быть практичной. Первое требование только провозглашалось, и о нем больше речи не велось, а второе обсуждалось в следующих "изящных" выражениях:

"Многие научно-исследовательские учреждения... не освещают путь практике, отстали от жизни, иных ученых нужно самих из болота за уши вытаскивать и в баню тащить, отмывать (Оживление в зале. Аплодисменты). Поможем вытащить вас, товарищи ученые (Оживление в зале). Но вы и сами выбирайтесь из травопольного болота (Оживление в зале)." (15).

В чем был Хрущев неколебим -- в уверенности, что "СССР в кратчайшие сроки" догонит США по производству мяса, масла, молока и другой продукции.

"Наша страна, -- сказал он в этой речи, -- уже доказала Соединенным Штатам Америки и буржуазные экономисты по существу и не оспаривают того, что СССР в кратчайшие сроки не только догонит, но и перегонит Соединенные Штаты по производству продукции на душу населения" (16).

По его словам залогом этого рывка вперед служила правильная научная деятельность таких ученых, как Лысенко. С тем же пафосом держал речи Лысенко, но к его словам все относились с еще меньшим доверием, чем к словам вожака партии. Предчувствия близкой гибели охватили многих бывших "мичуринцев", и они начали перекрашиваться. Нельзя было без усмешки читать стенания лысенкоистов по поводу тех, кто раньше писал в своих статьях и книгах одно, а теперь другое. "Чему же верить?" -- вопрошал Н.И.Фейгинсон, обсуждая такие случаи (17). Например, профессора В.Е.Писарева раньше лысенкоисты причисляли к своим, а теперь из-под его пера выходили статьи о значении амфидиплоидов, гибридов, о невозможности работать грамотно без учета генетических категорий и понятий, отвергавшихся лысенкоистами (18).

Так вел себя не один Писарев. Снова и снова в ЦК партии "лично товарищу Хрущеву" поступали письма и докладные записки с разбором ошибок Лысенко. Теперь появился новый мотив. Разоблачив "культ Сталина", Хрущев дал возможность открыто обсуждать последствия культа, к искоренению которых он сам призывал. Но кто же не знал, что в науке самым ярким, самым злокозненным последышем сталинизма был Лысенко? Так, открыв ворота для критики, Хрущев вопреки своей воле подставил под удар своего любимца. Хор голосов, осуждавших этого "маленького Сталина в биологии", стал звучать мощно, и в апреле 1962 года Хрущеву пришлось, скрепя сердце, снова дать согласие на снятие Лысенко с поста Президента ВАСХНИЛ. Второе его пребывание на этом посту кончилось еще более бесславно, чем первое. Хорошо хоть Хрущев предложил Лысенко самому назвать кандидатуру на замену. Новым Президентом стал многолетний заместитель Лысенко по Одесскому институту и верный ему до мозга костей Михаил Ольшанский.

Праздники и будни

Летом 1962 года лысенкоисты нашли предлог продемонстрировать всей стране свою монолитность, свои успехи и оптимизм. Отсчитав срок от появления в Одессе опытного поля, на базе которого затем возник Институт генетики и селекции, они получили круглую цифру -- 50. Чем не юбилей! Правда, на долю главенства лысенкоистов из этих 50 приходилось что-то около 30 лет, но отдельные несуразности можно было в расчет не

принимать. На фронтоне главного институтского здания с колоннами появилась цифра 50 в лаврово-дубовом обрамлении. Много приглашений было послано зарубежным ученым. Административный директор института А.С.Мусийко, обсуждая с корреспондентами главные достижения института за 50 лет, делал акцент на идейной стороне:

"В упорной борьбе, открытых дискуссиях с преобладавшим в то время в биологической науке менделизмом-морганизмом, ученые-мичуринцы разоблачали теоретическую несостоятельность и практическую бесплодность менделистов и морганистов" (19).

А один из заправил праздника Глущенко радовался своему трюку: в ряд зарубежных "Обществ друзей Мичурина" были заблаговременно отправлены на-поминания о предстоящем юбилее и соответствующие моменту небольшие меморандумы с перечислением главных достижений института. И вот из-за границы стали поступать приветствия с нужными текстами, во многом повторяющими меморандумы. Теперь надо было успевать давать нужный ход приветствиям. Например, в газете "Сельская жизнь" появилась такая "развесистая клюква":

"На конференцию по случаю 50-летия ВСГИ пришло приветствие от французского общества друзей Мичурина: в нем, в частности, говорится:

"У нас в капиталистическом мире селекция все больше захватывается космополитическими монополистами, которые подчиняют свою работу своим эгоистическим целям. Эти монополии взяли себе за правило распространять только гибридные семена и гибридных животных, качество которых грубо ограничено первым поколением.

...Реакционная идеология морганистов является для них не только идеологическим аргументом, способом оправдать политику империалистов даже в их самых страшных расистских преступлениях. Эта теория стала... основным средством защиты барышей"" (20).

Так задним числом (не своими же руками -- французы пишут) наводили тень на плетень -- и промахи с гибридной кукурузой и другими гибридами отвергали; и ошибки с рекомендациями относительно использования первого поколения гибридов от себя отметали. Уже и партийные лидеры во главе с Хрущевым, съездив в США, убедились, из рассказов фермера из Айовы Гарста хотя бы, что только первое поколение гибридов обладает повышенной жизнеспособностью и дает максимальную прибавку урожая, а вот, видите, французские "друзья Мичурина" этот подход грубым называют: прекрасная реабилитация многолетнего правильного пути соотечественников Мичурина. И проклятых морганистов с их реакционной идеологией, как видите, во Франции не любят, как не любят французы барыши, повышенные урожаи, излишки мяса, молока и масла.

С приподнятым чувством разъезжались гости из Одессы, а в Москве лысенковцев ждали снова неприятности. Гибельность для науки и сельского хозяйства главенства Лысенко снова привлекла внимание общественности.

В Центральном Доме журналиста состоялась встреча с учеными, на которую собралось несколько сот работников редакций журналов и газет. Выступавшие один за другим "морганисты" -- В.П.Эфроимсон, Ж.А.Медведев, А.А.Прокофьева-Бельговская, В.Н.Сойфер рассказывали об успехах науки, а сидевшие в зале могли сами делать выводы о том, куда же завели отечественную науку радетели идейной чистоты "мичуринской биологии". В.П.Эфроимсон остановился на просчетах советской медицины, происходящих из-за недоучета генетических закономерностей. Ж.А.Медведев говорил о тех, кто, занимая высокие посты в руководстве советской наукой, мешали прогрессу и преследовали честных

ученых. Я пересказал работы Ф.Жакоба и Ж.Моно, изучивших регуляцию действия генов, и на этом примере постарался показать, как глубоко ушли генетики вперед в познании генов, и как нелепы на этом фоне потуги Лысенко отвергать само существование генов1.

В 1961 году Несмеянова на посту Президента АН СССР сменил Мстислав Всеволодович Келдыш -- известный аэродинамик, один из главных руководителей космических исследований СССР2. В 1962 году он решил разобраться сам, без помощи "официально признанных" советчиков, в том, каковы реальные достижения обругиваемых Лысенко вейсманистов-морганистов, и каковы успехи самих лысенкоистов. Келдыш обложился книгами, съездил в ряд институтов, побывал, в частности, в Новосибирске и в Минске (21), поговорил с десятком крупных ученых. Для непредубежденного человека картина складывалась ясная. Грехи "реакционеров", "прислужников Запада" были явно придуманы, а вот их заслуги перед наукой, отвергаемые лысенкоистами, оказались неоспоримыми. Теперь предстояло посмотреть работу Лысенко на месте. В октябре 1962 года Президент приехал сначала в лысенковский институт генетики на Калужском шоссе (сейчас Ленинский проспект, 33), а потом, по предложению Лысенко, поехал в Горки. Лысенко повел Келдыша по полям, на ферму коров, показал лесопосадки дуба. Впечатление от этой "высокой науки" было удручающим. Вконец всё испортила перепалка между Лысенко и его ближайшими сподвижниками, когда учитель обозвал своего заместителя Кушнера безграмотным, буквально оскорбил присутствующих на встрече Сисакяна (ставшего в то время большим боссом в Академии наук) и Глущенко. Кушнер и Сисакян дипломатично проглотили пилюлю, а Глущенко взорвался, стал оправдываться перед Келдышем3. Сцена была неприятной. То, что сами с собой лысенкоисты не ладили, знали многие, но что Лысенко уже не может вести себя спокойно с самыми близкими людьми, лучше всяких слов характеризовало и его самого и всю "школу академика Лысенко" (23).

Страшный удар по позициям Лысенко нанесла книга Жореса Александровича Медведева, законченная им в это время. Медведев дал читать рукопись книги нескольким коллегам. С неё были изготовлены машинописные копии, с них делали новые и новые -- самиздат заработал на полную мощь. Книга оставляла неизгладимый след убедительностью фактов4.

Оборона на два фронта

К концу 1962 года окончательно сложилась ситуация, при которой Лысенко пришлось сдерживать нападение с двух сторон -- отражать критику биологов и противостоять напору представителей точных наук. Обороняться же Лысенко мог только с помощью чужих рук -- заступников из верхушки партийного аппарата, то предоставлявших ему трибуну для широкомасштабных обещаний, то лично защищавших его (27).

Характерной чертой этого периода стала двойственность принимаемых верхами решений. В постановлениях, публикуемых от имени ЦК партии и правительства, почти всегда соседствовали разорванные абзацем, параграфом или пунктом два раздела на одну и ту же тему. Сначала говорилось о якобы несомненных успехах мичуринской биологии и необходимости биологам и дальше идти по этому пути, а ниже, после упоминания о физике, химии или математике, шли абзацы о пользе развития новой биологии с применением физических и химических методов. Это отчетливо проявилось в принятом в январе 1963 года Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О мерах по дальнейшему развитию биологической науки и укреплению её связи с практикой" (28)5.

Конечно, Лысенко пробовал изменить это положение, укрепить свои позиции в биологии. В конце 1962 года он созвал в ВАСХНИЛ большую конференцию, на которой было заслушано более 70 докладов "о путях управления наследственностью" (путь, правда, был избран один

-- перенос растений в чуждые для него условия среды, но называлось это всегда громко, всегда во множественном числе). На этот раз основной упор делали на якобы доказанную возможность превращения яровых культур в озимые после посева их в течение 2-3 лет не весной, как положено, а осенью, под зиму. Многие последователи Лысенко утверждали, что доказали возможность такой трансформации любых сортов, показывали таблицы с цифрами, щеголяли терминами. Кое-кто занимался обратными переходами -- из озимых в яровые. И тоже получалось всё чудесно: внешняя среда сама формировала желаемые свойства.

Особенно активен был на этой конференции селекционер с Украины Василий Николаевич Ремесло, с энтузиазмом взявшийся за выведение новых сортов на Мироновской селекционной станции. За ним уже числилось несколько сортов, он постоянно утверждал, что все они получены на основе учения товарища Лысенко, а за это Лысенко и поддерживавшая "мичуринцев" коммунистическая партия показали всем, как они умеют ценить и возвышать своих героев: он стал членом ЦК компартии Украины, депутатом Верховного Совета УССР, зам. Председателя Президиума Верховного Совета УССР, лауреатом Ленинской премии, Героем Социалистического труда, был награжден 22 орденами и медалями СССР, орденом Труда ЧССР, орденом "Возрождения" ПНР, орденом "Звезда Дружбы Народов" ГДР, стал академиком ВАСХНИЛ, членом-корреспондентом Академии наук ГДР. Спустя несколько лет, когда Ремесло получил еще несколько высокоурожайных сортов, его избрали за большой практический вклад в сельское хозяйство академиком АН СССР. Несмотря на все награды и звания академик был крайне плохо образован, в предложении из десяти слов мог сделать двадцать ошибок.

Ремесло объявил на конференции, что сорт мягкой яровой пшеницы "мироновская-264" (42-хромосомный вид пшеницы) получен "путем воспитания" из твердой 28-хромосомной пшеницы6. По окончании конференции Лысенко выступил 3 декабря 1962 года с большим докладом, подводящим итоги. Через два месяца ему удалось напечатать его в "Правде" (29). Воодушевленный услышанными докладами он вопрошал:

"Кто теперь... всерьез усомнится в возможности в прямом смысле лепить, создавать из условий неживой внешней среды, при посредстве совершенно незимостойких растений, например, яровой пшеницы или ячменя, хорошо зимующие озимые растения" (30).

Это открытие он причислял к новым выдающимся достижениям советской науки и радовался тому, что "приоритет этого важного теоретического открытия в биологической науке остается за Советским Союзом, за мичуринской биологией" (/31/, выделено Лысенко).

Новым в докладе Лысенко было желание принизить значение работы Уотсона и Крика о строении дезоксирибонуклеиновой кислоты. Ничего особенного эти молекулы, по его словам, не представляли и никоим образом не могли рассматриваться как молекулы наследственности. Он даже соглашался признать кое-что в представлениях ненавистного Августа Вейсмана, лишь бы отбросить главное -- то, что молекулы ДНК могут быть средоточием генов:

"То, что зачатки новых поколений возникают, получают свое начало не из сомы родителей -- в этом Вейсман и его последователи правы... Но неверно утверждение о наличии мифического наследственного вещества, особого, отдельного от живого тела (сомы)... Нельзя также приписывать нежизнеспособность веществу, например, дезоксирибонуклеиновой кислоте, свойство живого, то есть свойство наследственности" (32).

Коснулся он и еще одного больного для него вопроса -- о роли химии и физики, и снова с небольшим отступлением в одном вопросе:

"Изучать физику и химию живого крайне важно не только для целей медицинской и сельскохозяйственной практики, но и для теоретической биологии" (33).

и наступлением в другом:

"В теории это особенно важно для познания закона превращения неживого в живое при посредстве живого" (34).

Нет, не хотел Лысенко смириться, что нет никакого превращения неживого в живое, что процессы биосинтеза молекул -- это чисто химические реакции, что нет в этом процессе тайны, якобы ускользающей всегда от исследователя.

"Никакое химическое или физическое познание живого не дает представления о тех биологических законах, по которым живет и развивается органический мир" (35).

От этой зауми, от желания возвести Китайскую стену между разными способами познания (и еще хуже: между процессами в живых организмах) несло не материализмом, а настоящей мистикой. И сколько бы раз не возглашал Лысенко, что он самый что ни на есть стойкий материалист, слова его говорили об обратном. Парадокс, впрочем, заключался в том, что и скрытым агностиком он также не был, как не был он и теистом. Просто недообразованность, неспособность понять диалектику развития характеризовали его уровень познания и мышления.

Очередной партийный окрик на критиков Лысенко

Распространение книги Медведева, также как приобщение к числу критиков лысенкоизма крупнейших отечественных ученых разных специальностей, сделали за год то, что не удавалось за десятилетия. Научный и нравственный портрет малограмотного человека, но ожесточенного и ловкого политикана, проступил ясно и стал отчетливо виден огромному числу интеллигентов в стране. Хотя усилиями партии коммунистов в стране была рождена интеллигенция "нового типа", хотя воспитанники советских вузов были в подавляющем большинстве выходцами из рабочих и крестьян, приобщение их к культуре, искусству, науке выточило из них не одни лишь винтики, послушно вкручивающиеся в нужном "углублении" государственного механизма, а породило людей с развитыми мозгами. В свою очередь, это неминуемо повлекло за собой индивидуальность мышления. Как ни спорили между собой социологи и критики советского режима о задавленности мыслей, чувств, а, главное, поступков советского человека, как ни сравнивали степень самоутверждения интеллигента западного и советского, и у последнего способность давать оценки и приходить к суждениям не стопроцентно определялась сегодняшней передовицей "Правды". Отсюда вытекал и массовый интерес к делам, тебя лично вроде бы не касающимся, а, тем не менее, волнующим каждого вполне искренне. Этот интерес исключительно возрос после хрущевских нападок на сталинизм и "культ личности" в целом. В обществе вдруг, в масштабах, сильно напугавших власти и самого Хрущева, проявилась тяга к вскрытию язв общества. Многие были готовы принять участие в их лечении и устранении истоков болезни.

В этот момент книга Медведева в одночасье открыла сущность Лысенко множеству людей. Черты его незатейливой биографии, особенности речи, приземленность лозунгов, приемы борьбы с антиподами в науке, которые рождали общие симпатии в тридцатые-сороковые годы, годы, когда простоватого крестьянского парубка вынесло на гребень общественного интереса, теперь вызывали отвращение. Перестала казаться симпатичной недообразованность, стала коробить примитивная упрощенность помыслов "Главного

Агронома Страны". Преступной предстала мания неразделяемой ни с кем власти, которая привела к гибели в лагерях и тюрьмах одаренных ученых, цвета русской науки. Ни у кого не осталось и тени сомнений о вреде практических выдумок этого сухопарого, злобного человека. Перестала манить цветистость обещаний, их иллюзорность не подлежала сомнению. Отодвигать далее час ответа за эти преступления больше было нельзя. И многие полагали, что час настал.

Насколько наивными были эти ожидания, показало ближайшее же время. Всем было продемонстрировано еще раз, что Лысенко с комплексом ошибок и преступлений рассматривается партийными лидерами как свой, как правильный и последовательный борец за нужные идеалы, а критики были обвинены в отходе от ленинизма и в буржуазных извращениях.

Первым пострадал Ж.А.Медведев. Его выставили из Тимирязевской академии, и несколько месяцев он оставался без работы. В Москве, центре науки с сотней научно-исследовательских и учебных биологических учреждений, Медведев найти работу не смог. На счастье, в 1961 году в городе Обнинске Калужской области, где была построена первая атомная станция, начали создавать Институт медицинской радиологии АМН СССР, и Медведев нашел место там. Правда, пришлось проститься с Москвой.

Выезд Медведева из столицы не помешал первому секретарю Московского горкома партии и члену ЦК Н.Г.Егорычеву в выступлении на пленуме ЦК КПСС 18 июня 1963 года вспомнить бывшего москвича и обвинить его в идеологических ошибках, в "отходе от ленинских указаний" (36):

"... Ж.А.Медведев, бывший старший научный сотрудник кафедры агрохимии Сельско-хозяйственной академии им. К.А.Тимирязева подготовил к печати монографию "Биологическая наука и культ личности". В этой работе неправильно освещаются основные вопросы развития советской биологии, охаивается мичуринская наука, захваливаются те буржуазные исследования, которые не являются последовательно материалистическими" (37).

Разнес Егорычев и другую книгу Медведева "Биосинтез белков и проблемы онтогенеза", изданную Медгизом. В ней Медведев во вводной главе, описывая общегенетические закономерности, в краткой форме обрисовал основы учения о хромосомах и генах и совсем уж лапидарно сказал о трудностях в развитии исследований в этих областях, связанных с деятельностью Лысенко. Сказанное об этом не занимало и сотой части текста книги. Работа, прошедшая цензуру и разрешенная к выходу в свет, была отпечатана. Положенные десять контрольных экземпляров развезли в ЦК партии, в Книжную палату, в Библиотеку имени Ленина. Неожиданно из ЦК, с самого верха, поступил приказ -- задержать весь тираж. Один из помощников Суслова принес ему экземпляр книги, в котором красным карандашом были подчеркнуты несколько десятков фраз о Лысенко и генетике7. Последовало распоряжение внести исправления. Напечатанную книгу разброшюровали, страницы с "крамольным" текстом вырвали, вместо них был дописан "нейтральный" текст. Но и с этим текстом книга опального автора не удовлетворила идейной направленности секретаря самой крупной партийной организации страны Егорычева:

"...Медведев не сложил оружия, перебазировался в Калужскую область и подготовил к печати (а Медгиз издал) книгу "Биосинтез белков и проблемы онтогенеза", содержавшую те же ошибки. За ширмой наукообразности порой прячутся идейные вывихи!.. В борьбе с буржуазной идеологией мы должны наступать, и только наступать, -- этому учит нас партия!" (38).

К счастью Медведева, Егорычеву не успели доложить еще об одном "проступке" Медведева, а то бы его гнев был во сто раз круче. Он не знал, что Медведев успел "протащить свою вредную идеологию", и в ленинградском издательстве в третьем номере журнала "Нева" за 1963 год В.С.Кирпичникову7а и ему посчастливилось буквально чудом опубликовать статью "Перспективы советской генетики" (39). В статье впервые было открыто сказано, что августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года была следствием произвола Сталина, а ссылки на то, что это непогрешимое и некритикуемое событие в истории советской науки -- выгодны лишь врагам науки типа Лысенко.

Такая вольность вызвала взрыв негодования со стороны вновь назначенного Президента ВАСХНИЛ М.А. Ольшанского. 18 августа 1963 года в печатном органе ЦК партии "Сельская жизнь" появилась его обличительная статья (40), в которой воздавалась хвала мичуринской биологии ("Мичуринской биология обладает неиссякаемой жизненной силой"), а критики осуждены:

"... в последнее время появился ряд произведений, представляющих в извращенном виде положение дел в биологической науке. Вышли, например, две книги Н.П.Дубинина, изданные Атомиздатом... с ложью на советскую биологическую науку статьи продолжает печатать "Бюллетень Московского Общества Испытателей Природы". Не удержался от соблазна клеветы на мичуринскую науку литературно-художественный журнал "Нева"" [речь шла о статье Медведева и Кирпичникова -- В.С.] (41).

Автор видел две главных причины появления таких взглядов:

"... отрыв биологических исследований от практики социалистического сельского хозяйства" (42)

и

"преклонение перед зарубежной наукой, стоящей на позициях идеалистического, вейсманистско-морганистского учения... Вместо партийного, критического подхода такие ученые выше всего ставят свое родство с "мировой биологической наукой"..." (43).

Не обошлось и без курьезов. Президент ВАСХНИЛ объявил, что будто бы выведение гибридной кукурузы не было обеспечено успехами генетики, а произошло случайно, и что авторы открытия (был назван один Дж.Шелл) дали ему негенетическое объяснение ("неменделевское", по словам Ольшанского).

Особый вес категорическому осуждению генетики придало то, что через три дня в "Правде" появилась редакционная статья с изложением публикации Ольшанского (44). Кое-какие оценки погромного характера редакция "Правды" сделала самостоятельно. Критиков Лысенко безоговорочно отнесли к разряду мракобесов, идеалистов, механицистов, клеветников -- каждый из перечисленных эпитетов встречался в статье. Сказано было и следующее:

"...бесплодных "пустырей" в науке взяла в свои советчики редколлегия журнала "Нева"... Авторы... статьи в журнале "Нева" видят перспективу мичуринской материалистической генетики, как видно, в ее слиянии с идеалистической концепцией "классической генетики". Такое примиренчество в биологии недопустимо" (45),

хотя даже думать о возможности слияния генетики с лысенковщиной было смешно.

Чрезвычайно важным было то место, в котором была дана оценка сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Медведев и Кирпичников писали об этой сессии:

"/на ней/ был выдвинут и проведен в жизнь принцип классовости биологии8, принцип необходимости признания коренных различий между генетикой советской и генетикой западных стран... Классическую генетику объявили буржуазной наукой, и она оказалась таким образом "вне закона"" (47).

Приведя эту цитату, редакторы "Правды", вслед за Ольшанским, заявили, что ничего подобного на сессии в 1948 году сделано не было, что авторы статьи в журнале "Нева", как было сказано, "извратили итоги сессии", что

"... ни в докладе "О положении в биологической науке", ни в постановлении сессии ВАСХНИЛ нет и намека на то, о чем говорится в приведенной цитате. Тогда... и теперь... речь шла и идет о другом: о борьбе двух противоположных мировоззрений в науке. Советским биологам дорога наша наука, и они хотят ее развивать только на основе марксистско-ленинского учения, диалектического материализма" (48).

Легко заметить, однако, что именно перенесение принципа классовости в биологическую дискуссию было характерной чертой сессии 1948 года, пронизывало выступления большинства сторонников Лысенко на сессии. Отрицать это было всё равно, что называть черное белым. Апелляция же "правдистов" от имени всех советских биологов выглядела просто демагогической уловкой.

Газета "Правда" послушно подлаживались под взгляды Лысенко и в вопросе изучения физических и химических процессов в явлениях жизни. Как уже было сказано выше, в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятом в январе того же года, содержался раздел о необходимости "изучения физики и химии живого" (49). Авторы редакционной статьи в "Правде" разъясняли это место так, что по сути отвергали это направление науки:

"... исследованиями по физике и химии живого ни в коей мере нельзя подменять изучение биологической специфики, раскрытия сущности явлений жизни и отыскания биологических закономерностей развития органического мира" (50).

Однако главным принципом, который коммунисты провозглашали очередной раз, было то, что лысенковские представления партия рассматривает как неотъемлемую часть развиваемой в СССР идеологической доктрины:

"На передовых позициях борьбы за коммунизм стоит мичуринская биология. Прочно опираясь на гранитные основы марксизма-ленинизма, диалектический материализм, мичуринская биология смело вторгается в жизнь, все глубже проникает в тайны природы...

...Поэтому
статью "Перспективы советской генетики", напечатанную в журнале "Нева", надо считать ошибочной и вредной для нашей науки" (51).

Столь суровое и категоричное осуждение Кирпичникова и Медведева не привело, однако, к репрессивным мерам, которые бы неминуемо последовали после такой статьи еще несколько лет назад. Редколлегия "Невы" в сентябрьском номере вынужденно признала (52), что ошиблась, опубликовав статью "Перспективы советской генетики". Но оба автора не только не были арестованы или судимы, но даже не были выгнаны с работы немедленно (53). Не

удалось Лысенко укрепить свои позиции и в Академии наук. Келдыш нисколько не изменил направленности работ в Академии. Физико-химические исследования жизненных процессов продолжались, Институт цитологии и генетики в Новосибирском Академгородке набирал силу, работали многочисленные лаборатории в Москве, Ленинграде, Минске, ученые упрочали свои усилия в изучении наследственных процессов.

Реорганизация Академии наук и провал Н.И.Нуждина

на выборах в академики

Возможно, не без влияния Лысенко ЦК партии дал согласие на проведение в 1963 году очередной реорганизации структуры Академии наук СССР (54). Теперь все академические научные учреждения были разделены по трем секциям: "Физико-технических и математических наук", "Химико-технологических и биологических наук" и "Общественных наук". Во главе второй секции встал академик Н.Н.Семенов, открыто благоволивший генетикам.

В этой секции было организовано пять отделений -- два химических, два биологических (общей биологии и физиологии) и одно, как говорили, на стыке наук: ему дали длинное название "Биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений". Туда же отошла лаборатория Дубинина, входившая в состав Института биофизики. Таким образом в этом Отделении сосредоточились все основные "недруги" Лысенко, тяготевшие к развитию точных направлений биологии. Теперь они при поддержке физиков, таких как Тамм и Сахаров, могли распоряжаться в рамках дозволенных свобод внутри своего Отделения, но им нечего было делать во вновь созданном Отделении общей биологии, и обстановка для Лысенко несколько разрядилась... .

В биологическом отделении главенствующее место стал занимать Институт генетики во главе с Лысенко; в некоторой изоляции после разгромных речей на Пленуме ЦК КПСС и статьи в "Правде" оказался Ботанический институт, а остальные институты -- Зоологический в Ленинграде, Морфологии животных и Палеонтологический в Москве держались подальше от Лысенко. Был еще Главный Ботанический сад АН СССР во главе с Цициным, но директор Ботсада был готов драться за первенство с Лысенко в качестве лидера мичуринской биологии (в этом качестве он иногда вставал в позу и по генетическим вопросам).

Воспользовавшись реорганизацией, Лысенко решил укрепить позиции в Отделении общей биологии, чтобы создать себе большинство в составе академиков. На 1964 год были объявлены выборы в академию, и ЦК партии распорядился выделить Отделению общей биологии дополнительные места (то есть средства для оплаты гонорара) сразу для трех академиков по специальности "генетика". Хотя приставки "мичуринская" не было, само собой разумелось, что выбирать можно будет только "мичуринских генетиков", а не "врагов прогресса и метафизиков". Сам Хрущев включился в обсуждение кандидатур, и в ЦК партии было решено, что на эти вакансии следует избрать селекционеров, твердо придерживающихся лысенковских взглядов (предпочтительно, П.П.Лукьяненко или В.Н.Ремесло), и обязательно, всенепременно -- Н.И.Нуждина, ставшего правой рукой Лысенко в эти годы.

Вопрос об избрании Нуждина стал и для Лысенко и для Хрущева вопросом престижа -- вот до какой степени дошла вовлеченность партийного лидера в дела академии. Кандидатуру Нуждина рассмотрели на заседании Секретариата ЦК КПСС, Хрущев дал ему высокую оценку, после чего было принято специальное на этот счет решение9.

Сам по себе этот факт был экстраординарным. Конечно, кандидатуры избираемых в академию с 1929 года подробно обсуждались в аппарате ЦК (и не только в Отделе науки, но и в других отделах, контактирующих с теми или иными отделениями Академии), предварительные списки кандидатов, начиная с 1929 года, утверждало Политбюро. Обработка академиков, вызываемых в кабинеты в здании на Старой площади с целью инструктажа относительно того, за кого следует подавать голоса, а кого лучше было бы не избирать, всегда была важной частью избирательной кампании. В случае с Нуждиным было оказано жесткое открытое давление -- совсем в духе беспардонного и повседневного вмешательства Хрущева во все вопросы -- и как стихи писать, и как скульптуры ваять, и какие песни петь, и как метромосты строить, и какой этажности дома возводить, и даже как движение автотранспорта по Манежной площади пустить. Хрущев вызвал после заседания Секретариата ЦК Келдыша и в грубых выражениях (видимо, зная антипатию Президента к Лысенко) потребовал обеспечить избрание лысенковских протеже и, в первую очередь, Нуждина в действительные члены Академии. В противном случае, -- сказал он, -- академии грозят административные меры, вплоть до её закрытия и передачи институтов, лабораторий и прочих организаций в ведение Госкомитета по науке и технике. Положение, таким образом, стало критическим.

В 20-х числах июня, наконец, настал срок выборов. Они проходили, как всегда, тайно и двухступенчато. Сначала кандидатов рассматривали в специализированных отделениях: физиков -- в физических, химиков -- в химических, биологов -- в биологических отделениях. В Отделении общей биологии Лысенко, используя "машину голосования", то есть насажденное им в течение полутора десятилетий послушное большинство, довольно легко добился своего. Его кандидаты, за исключением Ремесло, были рекомендованы, и теперь уже общему собранию всех академиков оставалось лишь автоматически утвердить (также тайным голосованием) тех, кто прошел сквозь первое сито.

Как правило, камнем преткновения на выборах было голосование в отделениях. Кто же лучше может знать истинную цену ученого, как не его коллеги? Но здесь получилось иначе. На общем собрании Академии наук СССР 26 июня 1964 года сразу трое академиков выступили против избрания Нуждина в члены академии, задев при этом очень чувствительно самого Лысенко (55). Первым попросил слова В.А.Энгельгардт, который сказал, что за Нуждиным нет никакого вклада практического характера, а его теоретические работы ни один ученый в мире вообще не цитирует (56). А.Д.Сахаров говорил не столько о Нуждине, сколько о преступной деятельности всех лысенкоистов и призвал

"...всех присутствующих академиков проголосовать так, чтобы единственными бюллетенями, которые будут поданы "за", были бюллетени тех лиц, которые вместе с Нуждиным, вместе с Лысенко несут ответственность за те позорные страницы в развитии советской науки, которые в настоящее время, к счастью, кончаются. (Аплодисменты)" (57)10.

И.Е. Тамм сказал, что изучение молекулярных основ наследственности стало важной частью современного естествознания, а Нуждин "был одним из виднейших противников, тормозивших это направление" (58).

Пока Сахаров и Тамм говорили, Лысенко молчал, но затем взорвался и буквально истерически стал требовать от Келдыша, чтобы президиум АН СССР на этом же заседании, немедленно перед ним извинился "за клеветнические заявления Сахарова" (60). Эта истерика ни к чему не привела. Келдыш перешел к раздаче бюллетеней академиков. Голосование для Нуждина (и для Хрущева с Лысенко) оказалось убийственным: "за" были только 23 академика (в основном сторонники Лысенко и философы), против -- 120!

В то время в биологических кругах Тамм и Сахаров стали легендарными фигурами. Конечно, им было отлично известно о предупреждении, сделанном Хрущевым Келдышу, и нужно было иметь изрядное мужество, чтобы выступить против личного протеже партийного вождя. Реальная угроза, нависшая над всей Академией, была велика, но несмотря ни на что и Тамм, и его ученик Сахаров не поступились своими убеждениями.

Мне думается, что борьба Сахарова за интересы науки оказалась важной и для него самого. В нем открылось нечто такое, что выделило его из среды коллег: способность к общественной деятельности, отсутствие страха перед давлением любого рода. В годы, когда он выступил в качестве оппонента лысенкоизму, он еще не проявил себя борцом за идеалы гуманизма, что принесло ему позже мировое признание. Это была, возможно, первая проба, но она ясно продемонстрировала могучую силу этого удивительного человека11.

Провал Нуждина на выборах вызвал гнев Хрущева, и он серьезно приступил к программе разгона Академии наук. В ЦК были сформированы комиссии по проверке различных сторон деятельности академии. Проект объединения ее с Госкомитетом по науке и технике обсуждался полным ходом.

Со своей стороны лысенкоисты тоже пошли в бой. Ольшанский написал Хрущеву раздраженное письмо (60), в газете "Сельская жизнь" 29 августа появилась статья Ольшанского "Против дезинформации и клеветы" (61). Все сообщения об успехах генетики были отнесены Ольшанским к разряду "дешевых сенсаций, не основанных на фактах прожектах". Снова была упомянута статья Медведева и Кирпичникова в журнале "Нева", опять характеризуемая как клеветническая. Обругиванию подвергалась деятельность В.П.Эфроимсона12. Еще более зло отозвался Ольшанский о книге Медведева "Биологические науки и культ личности". Он презрительно именовал ее "записка" и заявлял, что ничего, кроме измышлений, причем измышлений с далеко идущими политическими целями, книга не содержит:

"В высокомерно-издевательской форме он [Медведев -- В.С.], походя ниспровергает теоретические основы мичуринской биологии. Все эти домыслы и небылицы выглядели бы как пустой фарс, если бы в своем пасквиле на мичуринскую науку автор не прибег бы к политической клевете, что не может не вызывать гнева и возмущения... Ж.Медведев доходит до чудовищных утверждений, будто бы ученые мичуринского направления повинны в репрессиях, которым подвергались в ту пору ["культа личности" -- В.С.] некоторые работники науки.

Каждому ясно: это уже не фарс. Это грязная политическая спекуляция" (62).

Однако на этот раз вся эта раздраженная филиппика была направлена, главным образом, не против Медведева, а против якобы подпавшего под его влияние А.Д.Сахарова (Тамма, удостоившегося Нобелевской премии, лысенкоисты предпочитали теперь не упоминать):

"... политическая спекуляция Ж.Медведева производит, видимо, впечатление на некоторых малосведущих и не в меру простодушных лиц. Чем иначе объяснить, что на одном из собраний Академии наук СССР академик А.Д.Сахаров, инженер по специальности13 допустил в своем публичном выступлении весьма далекий от науки оскорбительный выпад против ученых-мичуринцев в стиле подметных писем, распространяемых Ж.Медведевым?" (63).

По-видимому, Лысенко почувствовал в это время, что поддержка со стороны Хрущева простирается столь далеко, что в отношении его врагов могут, на-конец-то, применить

репрессивные меры, вплоть до суда. Отсюда вытекал вопрос, задаваемый его клевретом Ольшаникам:

"Не пришло ли время поставить перед Ж.Медведевым и подобными ему клеветниками такой вопрос: либо они подтвердят свои злобные обвинения фактами, либо пусть ответят перед судом за распространение клеветы" (64).

Ольшанский по сути дела давал инструкцию будущему суду о том, как квалифицировать аргументы критиков лысенкоизма:

"Разумеется, подтвердить свои обвинения фактами они не смогут, потому что таких фактов не существует" (/65/, выделено М.Ольшанским).

2 октября в той же "Сельской жизни" с обвинениями аналогичного свойства выступил ленинградский журналист П.Шелест (66). Не только над генетикой, но и над всей наукой сгустились тучи.

"Малая октябрьская революция"

Запустив в ход машину по подготовке разгрома своевольной Академии наук, Н.С.Хрущев отбыл на отдых на юг, чтобы, вернувшись, с новыми силами довершить задуманное. Но сделать это ему не удалось. Как передавали люди друг другу шепотком, на правительственную дачу в Пицунду приехал Микоян с генералами, заключившими Хрущева под стражу. Срочно собравшийся Президиум ЦК партии 14 октября отправил его на пенсию. Власть в свои руки взял Брежнев. В народе этот бескровный переворот иронично назвали "малой октябрьской революцией". 16 октября сообщение о снятии Хрущева было выплеснуто на страницы газет, но за день до этого в редакциях центральных газет уже стало известно о падении Хрущева и одновременном осуждении его любимчика Лысенко. Неожиданно видные генетики -- Эфроимсон, Рапопорт, литераторы, известные своим негативным отношением к Лысенко, и прежде всего О.Н.Писаржевский были вызваны в редакции, где им предложили срочно, за ночь, подготовить материалы, показывающие ошибки Лысенко.

Но очень скоро, буквально на следующий день, прояснилась одна важнейшая деталь. Высшие партийные лидеры действительно связали имена Хрущева и Лысенко в момент, когда надо было лишить власти Первого Секретаря ЦК, но они вовсе не ставили на одну доску выброшенного на свалку бывшего лидера, мешавшего их личной карьере, и полезного с многих точек зрения, своего по духу, академика Лысенко. Его заботливо ограждали от чрезмерно громкой критики и не торопились удалять с постов (прежде всего с поста директора Института генетики АН СССР и руководителя "Горок Ленинских").

Особенно рельефно это отношение проявилось при следующих обстоятельствах. Как уже было сказано, за день до объявления народу о снятии Хрущева Эфроимсон был срочно вызван в редакцию "Экономической газеты", где ему предложили немедленно -- к утру следующего дня -- подготовить статью на 20 страницах (печатный лист!) с рассказом о вреде, нанесенном Лысенко. "Напишите деловито, без смягчений", -- сказал Владимиру Павловичу сотрудник редакции М.В.Хвастунов. Статья был написана Эфроимсоном за двое суток, понравилась заказавшему её сотруднику редакции, была набрана, но потом вдруг публикация затормозилась. Вмешались какие-то иные силы. Эфроимсону объяснили, что якобы заведующий отделом редакции, испугавшись слишком разоблачительного характера статьи, решил посоветоваться с высокопоставленными друзьями, стоит ли её публиковать и не нагорит ли ему за излишнюю смелость. Набранный текст лег на стол секретаря ЦК партии по идеологии Суслова, и увидев его Суслов распорядился отклонить статью. Заведующий

отделом газеты сообщил автору статьи мнение главного идеолога о его труде: "Здесь всё слишком концентрировано. Выберите четыре главных пункта и давайте по одному каждую неделю!" Верстка пошла в корзину для мусора, четыре еженедельных статьи так и не вышли14.

В других газетах осуждение Лысенко было преподнесено в весьма приглушенном тоне и как правило, без упоминания имени самого лидера мичуринцев. Первой 22 октября 1964 года была опубликована статья И.А.Рапопорта (67). Показательно, что она появилась в бывшей вотчине Лысенко "Сельской жизни". Теперь редакция этого рупора лысенкоистов спешила встать на "правильные рельсы". Ни слова персонально о Лысенко не прорвалось на страницы газеты. Между тем, молчание в данном случае разило еще сильнее. Как будто Лысенко вообще перестал существовать. Рапопорт перечислял успехи генетиков за последние годы, упоминал множество фамилий советских ученых, не изменивших генетике в самые трудные годы, отмечал их важные достижения:

"Открытые у нас раньше, чем в других странах, химические мутагены, также как и физические, позволили советским генетикам развернуть интенсивные исследования по созданию новых сортов..." (68).

С этого дня во многих газетах стали появляться статьи с осуждением лысенкоизма. Особенно часто на эту тему выступала "Комсомольская правда". 23 октября было рассказано о том, как ставленники Лысенко препятствовали работам с перспективным полиплоидным сортом картофеля (69). Наглядной стала картина того, как всё понимавшие люди, такие как П.М.Жуковский потакали диктатору и боялись подать слово в защиту многообещающего направления. 2 ноября был опубликован огромный очерк об выдающемся ученике Вавилова -- Михаиле Ивановиче Хаджинове (70). В статье было упомянуто волне арестов в годы главенства лысенкоистов, были названы имена погибших. Но имя Лысенко упомянуто не было. 10 ноября, наконец-то, была напечатана заметка с критикой в адрес самого Лысенко. В ней был рассмотрен микроскопический штрих из всей картины монополизма -- нездоровый интерес редколлегии журнала "Агробиология" к печатанию статей с оскорблениями молекулярной генетики и о делавшихся в этих случаях выпадах в адрес отечественных генетиков (71). Вот только в связи с этим было сказано о Лысенко:

"Очень печально, что редакционная коллегия журнала "Агробиология", походя оскорбляет видных ученых... Обрушиваясь на "классическую биологию", недопустимо оскорбляя инакомыслящих ученых-генетиков, одним махом перечеркивая их труд, журнал вместе с тем постоянно и только в самых хвалебных тонах говорит о Лысенко. Это выглядит тем более странно, что на титульном листе журнала значится: "Главный редактор академик Т.Д.Лысенко"" (72).

На следующий день была напечатана большая статья Н.Н.Воронцова15 "Жизнь торопит", в которой автор рассказал о просчетах в преподавании биологии в школе, в результате чего несколько поколений советских людей, не получило даже элементарных сведений о законах генетики и вместо этого их пичкали белибердой, подававшейся под соусом самой передовой в мире материалистической "мичуринской биологии" (73). Но снова имя Лысенко отсутствовало.

Очень сильная по тону и по приводимым фактам статья появилась в этой газете 17 ноября 1964 года (72). В ней было совершенно правильно отмечено, что августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года,

"... созванная специально для установления в биологии и сельскохозяйственной науке

монополии только одного научного направления, объявила идеализмом и реакционной метафизикой все другие направления в биологии" (75).

Было честно упомянуто, правда, опять без упоминания имени Лысенко, заботливо вычеркнутого редакционными служаками, что

"яровизация, внутрисортовое скрещивание самоопыляющихся сортов, свободное меж-сортовое скрещивание перекрестников, летние посадки картофеля... не совершили ни-какой революции и были забыты как экономически нерентабельные или просто убыточные" (76).

Перечислив более поздние новинки (вроде ветвистой пшеницы, органо-минеральных смесей и др.), авторы делали общий вывод:

"Плачевные результаты этого псевдоноваторства крайне отрицательно влияли на сельскохозяйственное производство, и рано или поздно об этом надо сказать" (77).

Наряду с этими правильными положениями в статье было несколько грубых ошибок. Утверждалось, что метод полиплоидии был создан в 30-е годы профессором Карпеченко. Кроме того, было высказано предположение, что живи Мичурин во времена, когда Карпеченко получил свой гибрид рафанобрассику и узнай он об этом, как он "без сомнения горячо бы приветствовал эти работы как открывающие новый этап во многовековой истории селекции" (78). Это было неправдой. Мичурин умер в 1935 году, знал о работе Карпеченко и недвусмысленно плохо отзывался о ней (неоднократно!), характеризовал её как пустячную, считал, что рокфеллеровскую премию нужно было присудить ему, а вовсе не Карпеченко (79).

Под статьей стояли две подписи: В.П.Эфроимсона и Роя Медведева -- брата-близнеца Жореса Медведева, кандидата педагогических наук. То, что публицист, историк Рой Александрович Медведев мог допустить эти ошибки, было вполне понятно: он вторгся в далекую от него область. Но странно было видеть под этой публикацией фамилию грамотного биолога Эфроимсона.

Но, как объяснил мне позже Эфроимсон, он имел к этой статье мимолетное касательство. В публикацию вторглись иные силы, что и привело к появлению в печати этих ляпсусов. В редакцию в эти дни поступила резкая статья Эфроимсона и помягче Ж.А.Медведева, и редакторы решили напечатать более умеренную по тону статью. Но когда она была вставлена в номер, выяснилось, что само имя Ж.Медведева было КГБ поставлено под запрет. Тогда в редакции решили не особенно церемониться и придумали "ловкий" ход: под статью подверстали фамилию Эфроимсона и вызвали его в редакцию на улицу "Правды" подписать верстку, надеясь, что он не заметит подмены. Конечно, произошло обратное. Тогда его стали уламывать подписать чужую статью, ссылаясь на то, что выход в свет такой статьи -- самой пока острой из всего, что было напечатано до сих пор -- большое дело. Как вспоминал Эфроимсон:

"Отдел науки "Комсомолки" стал разыскивать Ж.Медведева в Обнинске (может быть, только для виду, кажется, был запрет печатать Ж.Медведева)... Эфроимсон, который не захотел подписывать чужую и слишком мягкую статью, торговался и отказывался, и настоял, чтобы поставили имя хотя бы Р.Медведева, ...который на другой день был потрясен тем, что его фамилия стоит под статьей, которой он в глаза не видал. Второпях, в процессе ругани было пропущено несколько ошибок, которые допустил Ж.Медведев..." (80).

Преждевременная смерть О.Н.Писаржевского

В эти дни еще раз продемонстрировал свои высокие моральные качества писатель Олег Николаевич Писаржевский, опубликовавший статью "Пусть ученые спорят..." (81). На большом материале он в яркой, острой форме высветил убожество лысенкоистов и реальные достижения генетиков. Перед тем как публиковать статью, главный редактор собрал у себя совещание, пытаясь смягчить наиболее острые места. Олег Николаевич смело боролся за её основные положения. Вечером этого же дня мы долго говорили с Олегом Николаевичем, и он весело рассказывал об одержанной победе. Он был полон жажды довести разгром Лысенко до конца, преодолеть тормоза, мягко стопорившие основную критику в адрес лидера "мичуринского направления". Писаржевский был главной пружиной в разворачивавшемся давлении на лысенкоизм. С утра до ночи он переезжал из одной редакции в другую, с одного совещания на другое.

Кончилось это трагически. Статья Олега Николаевича вышла в свет 17 ноября, а через день утром, когда он подошел к машине, чтобы ехать в редакцию на очередное боевое совещание, где решалась судьба следующих статей, его сердце не выдержало. Олег Николаевич взялся за ручку дверцы машины, нажал на кнопку замка, дверь легко открылась, но обмякшее тело сползло на асфальт, и было уже поздно звать врачей...

А 27 января 1965 года в "Литературной газете" была напечатана статья, продолжившая тему, начатую Олегом Николаевичем Писаржевским. Как и следовало ожидать, его предсмертная статья, равно как и опубликованный десятью годами раньше очерк "Дружба наук и ее нарушения" (82), больше других публикаций пришлись не по вкусу лысенкоистам. Они бросились опровергать и отвергать факты, приведенные писателем. Среди присланных ими писем в редакцию было письмо главного зоотехника "Горок Ленинских" Д.М.Москаленко. Это был молодой еще человек, недавно успешно закончивший зоотехнический факультет Тимирязевки. В студенческие годы он проявил себя активным и устремленным к практической деятельности. Поэтому, хотя ему и предлагали остаться в Тимирязевке в аспирантуре, он пошел на ферму к Лысенко. Последний высоко ценил молодого шустрого паренька, выдвинул его в главные зоотехники и, чтобы поддержать еще больше, незадолго до описываемого времени решил помочь Москаленко "остепениться" -- получить диплом кандидата сельскохозяйственных наук. Митя Москаленко, впрочем, теперь уже не Митя, а Дмитрий Михайлович, ждал со дня на день утверждения в ученой степени кандидата наук. И тут вдруг земля закачалась, статейки пошли, и самая неприятная -- Писаржевского.

Не стерпел Дмитрий Михайлович, задело за живое, он сел и разом накатал -- прямо на бланке Экспериментальной Базы Академии наук СССР "Горки Ленинские" письмо этому Писаржевскому, пожалуй, даже не от себя только, а от всех тех, кто могучими колоннами шел за своим вождем Лысенко, и кого сейчас так оскорбляли эти люди, ничего в их деле не понимавшие. Получилось письмо, согласно его воззрениям -- искреннее и честное, а если слегка отрешенно на него посмотреть -- хлесткое, даже, в общем, хулиганское, да еще отражало оно невысокую грамотность автора. Москаленко писал:

"Тов. Олег Писаржевский!

Я прочитал внимательно вашу статью. Прямо надо сказать: Ваша статья произвела на меня потрясающее впечатление. Ну, думаю, договорился тов. Писаржевский до веселой жизни! Пора бы такому писаке поработать там, где его знаменитые "хромосомы" превращаются в мясо, молоко, и масло. Т. е. на колхозных совхозных фермах...

Хватит отвлеченно спорить, тов. Писаржевский. Надо работать, засучив рукава, работать день и ночь. В своей статье Вы подвергли не справедливой критике учение И.В.Мичурина и

защищаете отвергнутое с/х практикой реакционное учение Вейсмана и Моргана, которое было разгромлено как ненужное учение в 1948 году. Кто дал право Вам, писаке, называть августовскую сессию ВАСХНИЛ (1948 г.) началом административного разгрома генетики?! ...

Тов. Писаржевский Олег!

... Призывать ученых спорить много ума не нужно, а вот разобраться в этих спорах надо очень много знать и много работать на полях и фермах.

Приезжайте, тов. Писаржевский, к нам в любое время дня и ночи. Будем спорить с Вами на ферме, а не страницах "Литературной газеты".

С приветом к Вам

Москаленко Д.М.

главный зоотехник э/б Горки Ленинские

АН СССР" (83).

Когда письмо пришло в редакцию, адресата на этом свете уже не было. Письмо показали другу Писаржевского, жившему в одном с ним дворе, также публицисту -- Анатолию Абрамовичу Аграновскому. Он решил заменить умершего друга и ответить на письмо рассерженного зоотехника. Дважды побывал Аграновский в "Горках Ленинских", внимательно ознакомился с хозяйством, долго беседовал с Москаленко. Результатом стал большой очерк "Наука на веру ничего не принимает" (84).

Автору очерка удалось вполне зримо нарисовать портрет молодого специалиста -- хваткого, энергичного, самоуверенного и описать дела на процветающей ферме Лысенко.

"Что я там увидел? -- писал А.А.Аграновский. -- Я увидел скотный двор, образцовый во всех отношениях. Было очень просторно и очень чисто, было много света и много воздуха. И коровы были сытые, красивые, надменные. Дмитрий Михайлович Москаленко вел меня вдоль белокафельных стен, зачитывал таблички удоев, сыпал процентами жира, и по всему было видно, что он горд своим хозяйством и уверен в неотразимости его...

- Факты упрямая вещь, -- сказал Москаленко. -- Это ж коровы, не какие-то хромосомы!

- Что вы знаете о хромосомах? -- спросил я.

- Нам это ни к чему.

- Читали вы о них?

- Зачем? -- сказал он. -- Мертвое дело. Ничего эти хромосомы животноводству не дадут.

- Ну, хорошо, -- сказал я. Вы ответьте хотя бы: существуют они в природе или нет?

Главный зоотехник ничего на это не сказал" (85).

То, с чем журналист познакомился на базе и что он описал в очерке, про-изводило гнетущее

впечатление. Это не был финансовый или научный отчет, Аграновский не сыпал цифрами. Он спокойно, неторопливо повествовал, как на ферме Горок

"пробовали выпаивать телят сметаной... Коровы вырастали жирные, но молоко давали жидкое. Пробовали кормить скот дрожжами... Не было эффекта. Брали с кондитерской фабрики какавеллу, отжимки какао, четыре центнера скормили коровам, и от этого упали надои, а жирность все равно не повысилась" (86).

Вопреки уверениям, что среда формирует наследственность, она не "формировалась".

Аграновский рассказывал о том, как выведенные по рецептам таких вот ученых вырастали в Горках быки, помпезно именовавшиеся "элита рекорд", и как от рекордистов даже среднего по свойствам потомства не получалось. Повествовал о том, как провалились при первой же проверке идеи шефа "Горок" Лысенко относительно того, как удобрять посевы, приводил убийственные строки из его книги, где на разных страницах Лысенко сам от себя отказывался: сначала писал, что его смеси равны "по своей удобрительной ценности 30-40 тоннам хорошего навоза", затем умерял кичливое хвастовство и писал уже о том, что "10-20 тонн компоста действуют лучше 20 т хорошего навоза", а затем опускался до более скромных цифр -- дескать, "тонна компоста равна по своему действию тонне навоза". Аграновский резюмировал:

"Все это у одного автора.

Все это в одной книге", --

и приводил номера страниц, откуда он выписал эти шараханья, нелепые на-столько, что уже не верилось и последнему, хоть и жирным шрифтом выделенному -- "равна" (87).

Не могли не поразить любого читавшего очерк сообщения о чудовищных затратах корма -- не только для коров, но и для свиней, и для кур. Сурен Иоаннисян так раскормил подопытных курочек, мечтая повысить их яйценоскость, что одна среднеучетная хохлатка, оказывается, несла всего 70 яичек в год, а на производство одного яйца уходило по 2 килограмма зерна. Сытно жилось курочкам на ферме у Лысенко и Иоаннисяна с Москаленко.

Тут уж нечего было удивляться, сколь фантастическими оказались приписки в отчетах. Одно и то же сено значилось в разных отчетах то по 20, то по 31, то по 44 рубля за тонну. "Однажды тут списали на корм телятам 1170 кг рыбной муки стоимостью 772 рубля", но оказалось, что никакой муки до телят не дошло, акт на ферме подделали, "куда на самом деле подевалась мука, так и не выяснили" (85). Действительно, по каждому случаю прикажете следствие что ли заводить, да прокуроров от дел отрывать?

"Если рыба молчит, то можете себе представить, как молчит рыбная мука", --

писал журналист (89).

Тем временем умело хозяйствовавшие и ночей не досыпавшие подвижники науки ходили в героях: выпускали книги, защищали ненаписанные диссертации, похвалялись успехами на Пленумах ЦК партии и съездах и, главное, -- грозились повести за собой всех земледельцев и животноводов страны.

"И вот эти "сытые", не разумея "голодных", давали свои великолепные рекомендации...", --

с горечью замечал Аграновский (90).

Но он подметил и другое -- уверенность лысенковцев в том, что и на этот раз им все сойдет с рук, управа на критиков найдется. Тот же главный зоотехник не убоялся сказать ему:

"Откуда это поветрие?
Все шло хорошо, всюду нас хвалили, и вдруг ни с того, ни с сего: "Крой, Ванька, бога нет!". Ну, ничего. Их поправят, писак. Вызовут, сделают внушение. И все. До того, понимаешь, предвзяточно пишут!" (91).

И ведь во многом он оказался прав. Когда самому Лысенко не удалось подавить критику в свой адрес, и когда -- в ответ на эту критику -- ему пришлось потесниться (не со всех!) постов, и Москаленко, и Иоаннисян, и другие лысенкоисты в подавляющем большинстве случаев остались при исполнении прежних обязанностей. А через год и "писаки" поутихли.

Последние раскаты критики в печати

До конца 1964 и в начале 1965 года в газетах появилось много статей на тему о вреде монополизма в науке, написанных генетиками (92), селекционерами (93), биологами других специальностей (94), журналистами (95) и даже сотрудником лысенковского Института генетики В.Н.Вороновым, отвергшим хвалебные достоинства лысенковских жирных коров (96). Но в целом гром критики стихал.

Прекрасный образчик лавирования при смене направления партийных веяний в который раз показал академик А.Л.Курсанов. Вместе с А.А.Имшенецким, А.И.Опариным, Н.М.Сисакяном он много лет благосклонно внимал Лысенко, голосовал за его кандидатур, выступал с липовыми доказательствами правоты лепешинковщины. Но в это горячее время не к лицу было оставаться в стороне. В большой статье в "Правде" Курсанов очень гладко пропел хвалу успехам генетики, восславил Рапопорта, также как погибшего в тюрьме Г.А.Надсона, "смело" сказал об успехах селекционеров П.П.Лукьяненко, В.С.Пустовойта, В.Н.Кузьмина, следующих по пути Мичурина (97). Осуждения лысенкоизма из его уст не прозвучало, но вполне благопристойное, обтекаемо гладкое нечто о чем-то ниспоследовало:

"На фоне всеобщего прогресса биологии, который создает теперь атмосферу оптимизма и уверенности в дальнейших крупных успехах, необъяснимым кажется настойчивое стремление некоторых исследователей игнорировать прогресс в биологии и искусственно ограничивать круг допустимых для нее подходов полукустарными опытами и рассуждениями, не имеющими доказательной силы" (98).

Особняком от этих писаний стояли две по-настоящему обличительных статьи, в которых называли имя Лысенко. В статье академика Н.Н.Семенова в журнале "Наука и жизнь" (подготовленной для академика Л.М.Чайлахяном, М.Б.Беркинблитом, С.А.Ковалевым и другими /99/) и в статье кандидата биологических наук М.Д.Голубовского16 в журнале "Биология в школе" (100) речь шла не вообще о лысенкоизме, а непосредственно о Лысенко. Семенов прямо сказал о неграмотности Лысенко, о его постоянном вранье, о постыдном приспособленчестве представителей его "школы" и о тех, кто просто подпевал Лысенко, не понимая смысла дела, и о тех, кто был вполне образован и всё хорошо понимал, но предпочитал творить неправду, о тех, кто, вроде Презента, переводил

"борьбу с инакомыслием из плоскости научной дискуссии в плоскость демагогии и политических обвинений" (101).

Статья Н.Н.Семенова была им сначала озаглавлена "О науке подлинной и мнимой" и отправлена в "Правду". Семенов тогда пользовался огромным влиянием и как ученый (в 1956 году он был удостоен Нобелевской премии по химии), и как администратор (был членом ЦК КПСС и вице-президентом АН СССР). Казалось бы орган ЦК компартии не мог отвергнуть материал, написанный таким автором. Сначала статью пустили в набор, верстку прислали автору на утверждение, затем было предложено слегка подсократить текст. Все требования были выполнены, но в обещанный день статья из номера "выпала", а затем сотрудник редакции В.В.Смирнов позвонил и сообщил, что статья в "Правде" вообще не пойдет. Лысенко уводили из под огня критики. С большими трудностями член ЦК и Нобелевский лауреат сумел пристроить её в журнале "Наука и жизнь", в котором он был членом редколлегии и где главный редактор В.Н.Болховитинов и его заместитель -- дочь Хрущева Рада Никитична Аджубей были антилысенковцами. Журнал выходил огромным тиражом, поэтому резонанс от статьи оказался особенно сильным.

После этого всякая печатная критика Лысенко прекратилась. Его больше не беспокоили, и в явном виде его имя не упоминали. Каким образом достигалось единодушное молчание, я узнал на собственном примере. В конце 1965 года должна была выйти книга "Микромир жизни", для которой я написал главу об успехах генетики "Человек познает законы наследственности", и в ней был раздел о Лысенко и его ошибках (102). Перед выпуском книги во все редакции поступила команда -- публикацию подобных "выпадов" прекратить! Как только научный редактор книги Д.М.Гольдфарб и я не спорили с издательством, пробить брешь в обороне, занимаемой теперь и редакторами и цензором издательства не удалось. Весь раздел был выкинут.

На страницах еженедельника "За рубежом" был опубликован удивительный документ, созданный Джоном Холдейном -- несомненно талантливым, но столь же тщеславным человеком, перебрасывавшемся из одной области генетики в другую, одно время бывшим влиятельным членом английской компартии и входившим в ее ЦК, затем организационно отошедшим от компартии, но сохранившим верность марксизму. Холдейн знал о своей неизлечимой болезни, ждал смерти и написал в феврале 1964 года самому себе некролог. 1 декабря 1964 он скончался, и в тот же день по английскому телевидению некролог был зачитан. В нем Холдейн высказывался о Лысенко как о крупном самобытном ученом, которому предоставили слишком большую власть, столь большую, что он прямо-таки судьбой был выведен в диктаторы и тираны:

"Я считаю, что Лысенко очень хороший биолог и что некоторые его идеи правильны... И я считаю, что советскому сельскому хозяйству и советской биологии крайне не повезло, что этому человеку дали такую власть при Сталине... Я... глубоко убежден, что если бы меня сделали диктатором в области английской генетики или английской физиологии, я сыграл бы столь же катастрофическую роль..." (103).

Комиссия по проверке Горок Ленинских

Одна суровая оргмера все-таки была предпринята. 10 февраля 1965 года на общем собрании членов ВАСХНИЛ ни Лысенко, ни Ольшанский не были избраны в состав нового Президиума академии сельхознаук. Президентом ВАСХНИЛ был назначен снова П.П.Лобанов (128). Но терять руководство "Горками" Лысенко не хотел, хотя в Академии наук СССР посчитали, что надо проверить его работу и на этом посту.

Формальным поводом для проверки хозяйства "Горок" послужила публикация статьи Аграновского в "Литературной газете". Постановление о проверке было принято 29 января 1965 года через 5 дней после публикации статьи (104). Был утвержден персональный состав

комиссии (по согласованию с Министром сельского хозяйства СССР и Президентом ВАСХНИЛ) и порядок ее работы (105). В комиссию подобрали людей, которые никогда не имели личных неприязненных отношений с Лысенко, никогда против него не выступали и чья профессиональная подготовка не могла ни у кого (в первую очередь, у Лысенко) вызвать подозрения. Комиссия работала в "Горках" почти полтора месяца -- с 9 февраля по 22 марта, причем, как был вынужден признать даже Лысенко, члены комиссии работали все эти дни "с утра до позднего вечера" (106).

Самой поразительной чертой и состава комиссии и её работы было то, что она не предназначалась для анализа ошибок в научной деятельности Лысенко (в комиссии не оказалось ни одного крупного ученого -- не только генетика, физиолога или почвоведа, но даже и крупного селекционера, причем не было в ней и ни одного члена Академии наук СССР, как будто Келдыш старался выполнить неприятную работу руками специалистов из других ведомств). Тем более никто не собирался касаться политиканства "колхозного академика". Все было низведено до самого примитивного уровня -- хозяйственной деятельности лысенкоистов, их ошибкам с разведением жирномолочных коров и с внедрением органо-минеральных смесей. Не было обращено никакого внимания на те посулы Лысенко, благодаря которым он "вылез в люди" и которые использовались им для политической борьбы с инакомыслящими.

Правда, надо сказать, что и в этой, крайне урезанной по масштабу работе комиссии, вскрытые факты были впечатляющими. Когда комиссия представила свои выводы Президиуму АН СССР, все были поражены тем, насколько Лысенко бесконтрольно насаждал антинаучные рекомендации в практику, как глубоко зашла тактика пренебрежения элементарными требованиями к постановке экспериментов. Факты, отмечавшиеся в "Литературной газете", поблекли перед тем, что выявила комиссия.

Прежде всего стало ясно, что никакой современной науки на базе развивать не могли и в целом наукой в общеупотребительном смысле слова не занимались, хотя средства на науку текли здесь полноводной рекой. Но что это была за высокая наука?

"В настоящее время, -- читаем в докладе комиссии, -- лаборатории оснащены несложным научным оборудованием (световые микроскопы, различные весы, термостаты и т. д.)" (107).

В числе тем, которые выполняли сотрудники базы, комиссия отметила наряду с обычными лысенковскими "проблемами" (108) и достаточно экзотические. Так, комиссия писала:

"Надо отметить, что в "Горках Ленинских" проводились и отдельные кратковременные исследования, например, по посевам чая в лесной чаще (1949-1951 г. г.), по изучению эффективности гетерозиса в пчеловодстве, работы с виноградом и грецким орехом" (/109/, выделено мной -- В.С.).

За посадку чая, винограда и грецких орехов лысенкоисты брались в полосе Москвы, где каждую зиму температура воздуха устойчиво опускается ниже минус 20 градусов по Цельсию. Комиссия смогла поставить точку в многолетней проверке органо-минеральных смесей. Далеко не ими, а огромными дозами ежегодно вносимых в разных участках базы удобрений были обеспечены неплохие урожаи в хозяйстве (110). Параллельно комиссия вскрыла парадоксальный для научного учреждения факт: в "Горках" не проводили почвенно-агрохимического обследования земель, и даже простейшее определение кислотности почв было сделано всего два раза -- в 1948 и 1955 годах (111).

Не менее удручающая картина открылась при

анализе животноводства. Лысенко и Иоаннисян трубили много лет о созданной Трофимом Денисовичем ТЕОРИИ племенной работы. Комиссия же отметила:

"Несмотря на неоднократные просьбы... до сих пор не опубликованы научная методика опытов и ее обоснование. На ферме отсутствуют план племенной работы, а также методика проведения опыта. Не опубликована научная информация о результатах скрещивания.

В опубликованных же работах академика Т.Д.Лысенко и С.Л.Иоаннисяна много говорилось о значении "закона жизни биологического вида" и слишком мало о фактических экспериментальных данных, полученных на ферме" (112).

Прежде всего удалось оценить методы Лысенко, положенные в основу создания жирномолочного стада. Методы эти шли вразрез с мировой практикой (113).

Отчет комиссии содержал данные о мошенничестве в вопросах теории и жульничестве в практической деятельности, что было определяющей чертой таких лысенкоистов, как Иоаннисян. Они шли на любые подлоги, чтобы обмануть всех, включая и досточтимого Трофима Денисовича.

Впервые специалисты получили доступ ко всем финансовым материалам, журналам, каждодневным записям. Поэтому на многие вопросы посчастливилось получить ответы. Удобрения (пресловутые смеси) не давали эффекта и в "Горках". Молоко продавали по ценам, намного превышавшим государственные. Если бы не эта чистая спекуляция (по советским законам), ферма имела бы одни убытки (114). То же касалось продажи бычков в племенные хозяйства. Цены, заламывавшиеся за помесных бычков, были умопомрачительными. То же происходило и с кормами: нигде в стране так ловчить не могли, выписывая на корм скоту продукты, которые любой детский сад и столовая были бы счастливы приобрести за цены, по которым покупали лысенкоисты, жившие как восточные цари:

"В июне 1962 года на свиноматок с поросятами и хряков [а их всего в это время было около 40 штук -- В.С.] списано 1254 кг пшеницы, 654 кг овса, 4564 кг картофеля, 300 кг цельного и 300 кг снятого молока, 354 кг мясокостной и 104 кг рыбной муки без разнесения в кормовой ведомости по числам месяца, без указания суточных норм кормления, без подписи главного зоотехника и утверждения директором хозяйства" (115).

Вес списанных кормов превышал 7,5 тонн! И это количество высококалорийных продуктов якобы ухитрились съесть 40 животных свиного рода за месяц! По 6,3 кг сухого веса в день на голову. Когда уж тут разносить разносолы по ведомостям, когда, наверное, и до дома дотаскивать было тяжеловато.

Еще более интересными оказались сведении о курицах с цыплятами. Всего их на птицеферме числилось около тысячи штук и были они не просто прожорливыми, а обладали изысканным вкусом: не просо клевали, а за неделю -- с 24 по 30 апреля 1964 года -- помимо многого другого сожрали:

"6000 шт. яиц, 72 кг творога и 132 кг снятого молока" (116).

Как уже было сказано, курицы неслись плохо, в среднем на несушку в месяц приходилось меньше 6 яиц. Сколько из яиц удавалось вывести цыплят, комиссия не сообщала, и даже если сотую часть творога и молока пустили на корм "молодняка птицы" (как значилось в ведомости), то и в этом случае их аппетиту можно позавидовать!

Это беззастенчивое воровство, ставшее нормой в лысенковском хозяйстве, не было, конечно, уникальным. Но масштабы уворованного и наклонность к гурманству поражали.

Попытка Лысенко отвергнуть результаты проверки

Горок Ленинских

Когда работа комиссии была закончена и текст доклада вчерне составлен, его передали Лысенко для ознакомления. В ответ он подготовил длинный документ (117) из смеси почти детских обид и упреков и одновременно яростных нападок по многим поводам. Он жаловался на то, что члены комиссии были непочтительны в той мере, как бы ему хотелось, не обращались к нему за разъяснениями, не обсуждали "вопросы, относящиеся к науке" (118), с другой стороны, он почти в каждом абзаце твердил, что члены комиссии извратили слова и дела руководителя Горок и исполнителей его предначертаний. "Клевета", "злостная клевета", "клеветнические измышления", "намеренный обман", "кривое зеркало" -- этими и подобными эпитетами пестрел весь текст. До этого

комиссия столкнулась с фактом утайки справки ветврача Комарова о масштабе выбраковки животных, не удовлетворявших "теории" Лысенко. Лысенко и Иоаннисян постоянно заявляли, что они работают в соответствии с новыми законами биологии, не изучают передачу свойств от родителей потомкам, а ВОСПИТЫВАЮТ ЗИГОТЫ, формируют эмбрионы в нужном им направлении, поэтому у них НИКОГДА выбраковка не имела места. Жидкомолочных коров у них якобы возникнуть не может, и, следовательно, браковать было нечего.

Однако корова -- это объект строгой финансовой отчетности. Как Иоаннисян не исхитрялся, но следы забоя некондиционных животных в бухгалтерии оставались. И комиссия раскопала эти следы, уличив Иоаннисяна в обмане (122). Конечно, эта практика забоя "неподходящих" коров изобличала прежде всего Лысенко, не желавшего (или не умевшего) смотреть правде в глаза и продолжавшего твердить, что на его ферме не было ни одного случая отступления от выдвинутого им закона. В последний раз он об этом широковещательно объявил на Пленуме ЦК партии17 в феврале 1964 года, когда он заявил: "За десятилетний период... ни одно животное не было выбраковано по причине жидкомолочности" (123).

Для политикана, каковым являлся Лысенко, обвинение в том, что он ввел в заблуждение коллегиальный орган руководства партии, было тяжким и наиболее опасным. Поэтому в самом начале замечаний по докладу комиссии он вопрошал:

"выходит, что я говорил на Пленуме ЦК КПСС неправду? Пусть комиссия назовет хотя бы одну корову из нового помесного жирномолочного стада, которая была на нашей ферме выбракована именно по причине ЖИДКОМОЛОЧНОСТИ. Такого факта у нас на ферме не было. Нет его и до сих пор..." (124).

Говорилось это совершенно голословно, так как в приложенных к докладу таблицах клички коров были приведены и был строго доказан факт выбраковки коров молодого возраста, то есть коров помесных (125), главным образом, из-за жидкомолочности (126). Общее число выбывших за 10 лет коров (забито, продано, пало) составило огромную цифру -- 68% от всего стада (54 коровы из 79 помесных). Лысенко же в связи с этим утверждал:

"все эти таблицы к разбираемому вопросу никакого отношения не имеют" (127).

Пришлось теперь комиссии давать еще и "Разъяснения в связи с замечаниями академика

Т.Д.Лысенко" (127) и в них перечислить несколько наиболее показательных случаев выбраковки.

Возможно, Иоаннисян тщательно скрывал от своего шефа эти данные. Но крыть приводимые комиссией факты Лысенко было нечем. Он на самом деле обманул партийные органы, когда утверждал, что ни одна корова не была выбракована из стада по причине жидкомолочности.

Помимо своей воли Лысенко своими "Замечаниями..." выпукло охарактеризовал стиль поступков не комиссии, а своих. Ни один ученый с такими аргументами в руках не стал бы называть работу проверявших его коллег клеветнической, не оспаривал бы все выводы. Особенно характерным стало то, что главный для него лично пункт -- об утаивании информации -- он попросту обошел. Трудно сказать, на что он надеялся в эти дни, какого чуда ждал. Но что ждал -- это несомненно. Он оттягивал время, пока писал "Замечания", пока требовал встреч и объяснений. Надежда на спасение не покидала его, так как и он, и директор Экспериментальной Базы Ф.В.Каллистратов упрямо обвиняли комиссию в подлоге, злостной клевете, непонимании специфики "Горок Ленинских" и в непрофессиональности. Поэтому и шли в ход обвинения. Поэтому и звучало рефреном: не хотим эту комиссию -- она -- "предвзяточная", давай другую, а там мы еще посмотрим!

Публичное обсуждение доклада Комиссии

Тем временем Келдыш торопился довести дело до конца. 22 апреля комиссия обсудила текст подготовленного доклада с Лысенко. Он стоял на своем, говорил, что комиссия работала необъективно, допустила многочисленные извращения и лично его оклеветала, но конкретных возражений так и не последовало. 3 мая он переслал в Президиум Академии наук текст "Замечаний". В тот же день представил свои замечания Ф.В.Каллистратов и заместитель директора по административно-хозяйственным вопросам "Горок Ленинских" В.С.Бендерский. Каллистратов утверждал с первой строки:

"В докладе и выводах комиссии по отдельным вопросам допущено необъективное суждение" (129),

причисляя к "отдельным вопросам" все основные выводы комиссии.

В.С.Бендерский писал, что: "За... 1-5летний период не было никаких санкций со стороны вышестоящих органов и других административных и финансовых организаций за нарушения сметно-финансовой дисциплины" (130), что жилья строят много.

"Увеличена площадь детских учреждений со 100 койкомест до 160 койкомест. Расширена амбулатория, в которой работают 5 врачей вместо ранее работавших 2 врачей. Значительно расширено благоустройство дорог, тротуаров (до 41455 кв. м). На территории усадьбы дороги все асфальтированы" (131).

И далее в том же духе.

Затем наступили летние каникулы. Замечаниями и несогласиями Лысенко умело затягивал сроки принятия решения. Только 31 августа 1965 года упоминавшиеся выше "Разъяснения Комиссии в связи с замечаниями академика Т.Д.Лысенко" были приняты в аппарате Президиума. Теперь вроде бы вся подготовительная работа была завершена.

На 2 сентября, уже очень спеша, Келдыш назначил открытое обсуждение всех материалов на совместном заседании Президиума АН СССР, Коллегии Министерства сельского хозяйства

СССР и Президиума ВАСХНИЛ. В этот момент для Лысенко должно было стать ясным, что дело проиграно, и он струсил. Он позвонил Келдышу и сообщил, что на заседание не придет. В тот же день он написал президенту АН СССР письмо, в котором попытался еще раз оспорить нападки на него:

"Глубокоуважаемый Мстислав Всеволодович!

Вчера, 31 августа 1965 г., Вы сообщили мне, что 2 сентября будет совместное заседание... по рассмотрению доклада комиссии... Вы мне передали также проект постановления указанного совместного заседания.

...во вчерашней устной
беседе я опять же говорил Вам, что комиссия в своем докладе возвела на меня совершенно незаслуженное тяжелое обвинение.

Так, на стр. 22 доклада комиссии говорится: "Академик Т.Д.Лысенко утверждал с трибуны Пленума ЦК КПСС (февраль, 1964 г.), что за десятилетний период ни одно животное не было выбраковано из стада по причине жидкомолочности. В действительности это не так".

Я утверждал и продолжаю утверждать, что это злостная клевета... на ферме за десятилетний период ни одно животное не было выбраковано из стада по ПРИЧИНЕ ЖИДКОМОЛОЧНОСТИ...

Я считаю, что главная причина всей истории с обвинением меня заключается в том, что члены комиссии и те, кто разбирают ее доклад, не знают, что существует ТАКАЯ БИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ, исходя из которой можно жидкомолочное стадо коров за -57 лет путем скрещивания превратить в жирномолочное стадо без выбраковки жидкомолочных "выщепенцев"...

Выходит, теперь пусть академик Лысенко говорит сколько ему угодно... все равно этому не поверят... Разговоры же Лысенко о какой-то действенной прогрессивной биологической теории -- это просто так себе, обман.

Комиссия заявляет, что эта теория не подтверждается...

Всю свою жизнь я развивал и буду развивать, в единстве с колхозно-совхозной практикой, прогрессивную биологическую теорию, которая всегда пользовалась поддержкой партии и правительства. Я уверен, что и теперь и дальше партия и правительство поддерживают и будут поддерживать прогрессивное материалистическое направление в науке...

Мстислав Всеволодович, без проверки справедливости высказанного мною заявления с трибуны Пленума ЦК КПСС (в феврале 1964 г.) я не вижу смысла обсуждать на объединенном заседании все остальные вопросы, изложенные в докладе комиссии, допустившей не только многочисленные извращения, но и злостную клевету в мой адрес. И так как, несмотря на мои просьбы, руководство объединенным заседанием не принимает меры по проверке достоверности возведенного на меня тяжкого обвинения, я не могу принимать участия в этом заседании.

Уважающий Вас

академик Т.Д.Лысенко

1 сентября 1965 г." (132).

Возможно, он еще надеялся, что в отсутствие его персоны разбор дел не состоится, а, оттянув время, позже удастся что-то поправить (не потому ли он ссылался на поддержку партией и правительством всего безупречно материалистического). Но это уже было не в его силах. Заседание состоялось в назначенное время. Председательствовал Келдыш, а вместе с ним за столом сидели два министра -- сельского хозяйства и совхозов, президент ВАСХНИЛ, в зале находились наблюдатели из отделов науки и сельского хозяйства ЦК партии.

Открывая заседание, Келдыш зачитал полученное им накануне письмо Лысенко и обратился к присутствующим с короткой речью. Он напомнил о факте утайки от комиссии отчета ветврача Комарова:

"В связи с этим я заявил академику Лысенко, что он сам не содействовал дальнейшему выяснению вопроса, не представив справки" (133),

и продолжал:

"Он ответил мне, что, по его мнению, эта справка отношения к делу не имеет. Я сказал академику Лысенко, что, по-моему, он поступит неправильно, если не явится на совместное заседание, так как он подотчетен Президиуму Академии наук СССР и должен принимать участие в любом обсуждении работы "Горок Ленинских", которые подотчетны Президиуму Академии" (134).

Келдыш внес предложение рассматривать вопрос в отсутствие Лысенко. Все участники единогласно с этим согласились.

Примечательно, что, не явившись на совместное заседание президиумов академий и коллегии министерства, Лысенко, помимо своей воли, дал всем понять, что никто иной, как он сам, не желал серьезного разбора. Все прежние жалобы и последнее письмо об этом говорили. Факты же, которые вскрыла комиссия, не могли быть оспорены. Несмотря на то, что и в Президиуме ВАСХНИЛ и в Коллегии Минсельхоза было много его явных и скрытых сторонников, никто из них не решился взять его под защиту, настолько ярки были обвинения Лысенко в делах, несовместимых с именем ученого.

Комментируя отчет комиссии, профессор Н.А.Кравченко, руководивший группой специалистов, проверявших работу по животноводству, сказал:

"... факты таковы. Никаких методик ведения научных исследований. Селекционно-племенного плана нет. Бонитировка скота не проводится. Данные биометрически не обрабатываются. Достоверность не вычисляется. Нет учета кормов и их остатков, что делается даже на опытных станциях, но даже имеющиеся записи рационов и те не хранятся. И это [происходит], как ни странно, в лаборатории академика, официального лидера мичуринского направления..." (135).

Остановился Кравченко и на постулатах "теории" Лысенко:

"Все эти положения, как показал проведенный анализ, несостоятельны. Это несомненно. Его гипотеза не подтвердилась, она потерпела крах. По законам развития науки ее следует отбросить, убрать с дороги, чтобы она не мешала, заменить более правильной гипотезой и вернуться на путь дарвинизма, генетики и зоотехнии.

Это главный решающий вывод нашего обследования" (136).

Было отмечено, что рекомендации Лысенко о замене всего стада, если бы они были применены в масштабах всей страны, несли в себе заряд разрушительной силы:

"Это... трудный, болезненный процесс, грозящий заболеваниями, яловостью и даже падежом. И если бы исполнилось задуманное академиком Лысенко, это было бы для страны равносильно стихийному бедствию. Сколько бы мы потеряли молока, мяса, кожи и поголовья!" (137).

Как помним, Лысенко делал всё возможное, чтобы выполнить свою про-грамму, и Министерство сельского хозяйства СССР шло ему навстречу, а в 1962 году, после посещения "Горок" Хрущевым и Сусловым, соответсвующее постановление вынес Совет Министров СССР. Можно благодарить лишь небо за то, что Лысенко, подобно "ничьей бабушке" из Вороньей слободки Ильфа и Петрова, не верил в искусственное осеменение, а то бы команда Иоаннисяна успела наплодить такую уйму помесных коров и бычков, что трудно даже и вообразить. Но и того, что они успели сделать, было предостаточно. В Молдавии, где с восторгом встречали любые предложения Лысенко и Иоаннисяна,

"было осеменено около 90% маточного поголовья... для восстановления того, что было испорчено таким скрещиванием, потребуется десяток, а, может быть, и больше лет" (138).

Были приведены также данные десятилетней проверки "теории" минерального питания, проведенной "всеми зональными и отраслевыми институтами и крупнейшими областными опытными станциями, расположенными как в нечерноземной, так и в черноземной зонах Советского Союза" (139):

"действие тройной органо-фосфорно-известковой смеси... было почти в полтора раза ниже, чем навоза, ...а последействие органо-минеральных смесей на второй и последующей культурах было значительно слабее, чем обычных доз навоза" (140).

Что можно было возразить против заключения научных учреждений, вовлеченных в проверку, причем многолетнюю, лысенковских псевдоидей? Казалось бы ничего. Но даже на этом заседании директор "Горок Ленинских" Каллистратов попытался опорочить выводы комиссии и ученых. В конце заседания, когда выступили все желающие, Келдыш обратился к сидящим в зале:

"Я удивляюсь: мы пригласили академика Лысенко, который не пришел, и тов. Каллистратова, и секретаря партийной организации, и тов. Иоаннисяна, -- что же они молчали?" (141),

Кто-то в ответ выкрикнул из зала: "Иоаннисяна не приглашали", хотя Келдышу лучше было знать, кого он приглашал на заседание, да и оно, к тому же, было открытым, и руководитель всех работ по животноводству Иоаннисян, если бы он был настоящим и честным ученым, уверенным в правоте своего дела, не мог не добиться, чтобы его допустили отстаивать свою точку зрения и с вниманием бы выслушали. Но совсем не такими были лысенкоисты. Спор за научную истину был им чужд. Совместное заседание представителей нескольких ведомств хорошо это продемонстрировало. Обратимся еще раз к стенограмме:

"С места

Секретаря партийной организации тов. Позднякову приглашали. Она здесь.

М.В.Келдыш

Хорошо. Вызывает удивление, что товарищи отмалчивались. Как это понять?

Ф.В.Каллистратов, директор научно-экспериментальной базы "Горки Ленинские"

Я подготовился к выступлению и хотел записаться в прениях, но после того, как вы сказали о прекращении прений...

М.В.Келдыш

Если бы вы заявили, что желаете выступить, мы бы вам дали слово.

Ф.В.Каллистратов

Вы сказали, что прения прекращаются. Во всяком случае я не отмалчивался.

М.В.Келдыш

Если вы хотите высказаться, мы вам дадим слово.

Ф.В.Каллистратов

Если вы настаиваете, я выступлю. (Шум в зале).

М.В.Келдыш

Что значит "настаиваем"? -

уже буквально взорвался Президент (142).

После этого Каллистратов был вынужден начать свое выступление, но стиль его был как две капли воды похож на всегдашние попытки лысенкоистов изворачиваться, лгать, использовать политический подтекст в любых научных диспутах. Казалось бы, уже нечем возразить, доклад комиссии, выступления всех до одного специалистов вскрыли ту обстановку, которая царила в подведомственном Каллистратову научном учреждении. Однако и сейчас, действуя по старинке, он пытался мутить воду:

"После того, как я внимательно выслушал доклад тов. Тулупникова и все прения, -- сказал он, -- мне хочется сделать только одно основное замечание: в результате всего сказанного создалось впечатление, что наше хозяйство никуда не годное. Но ведь это совсем не так. За 37 лет моей работы в этом хозяйстве совместно с коллективом, не было дня, чтобы наш коллектив не добивался наилучшего выполнения решений партии и правительства по подъему сельского хозяйства.

... А сложилось впечатление, что это хозяйство никуда не годное. Почему? Потому что данная комиссией оценка необъективна" (143).

Каллистратов предложил гипотезу, объяснявшую такое неправильное поведение членов комиссии:

"На минуточку вдумаемся, товарищи, почему так сложилось? Я никого из присутствующих

не обвиняю, я считаю, что комиссия просто преподнесла этот материал не совсем добросовестно...

Я очень уважаю и тов. Лесика и тов. Тулупникова,
и не считаю, что они сделали это по доброй воле, но их ввели в заблуждение или они закрыли глаза" (144).

Далее он настаивая на том, что урожаи на базе самые что ни на есть замечательные, что все это результат правильных теорий Лысенко (145). Он высказывал надежду, что еще найдутся люди, которые повернут всё вспять:

"До бесконечности благодарю Президиум за то, что он собирается опубликовать материалы комиссии. Цифры... приведенные в докладе комиссии, прямо подтверждают эффективность органо-минеральных удобрений.

Утверждают, что нет производственных опытов, нет данных, которые бы говорили, что можно при меньших затратах удобрений в компостах получить такие же хорошие урожаи. Прекрасный материал! Если он будет опубликован, специалисты разберутся в нем. Мне страшно жаль, что наше совещание проходит в этом хорошем зале. Я был бы счастлив, если бы все здесь присутствующие были на наших полях и посмотрели на урожай этого года в хозяйстве" (146).

О каких он мечтает специалистах, способных разобраться иначе в цифрах, представленных комиссией, Каллистратов не говорил, и лишь предпоследняя фраза его выступления давала прозрачный намек на это:

"Я убежден, что наш коллектив при том большом внимании, которое уделяется ему со стороны районного комитета партии, высоко оценивающего хозяйство... сумеет в очень короткий срок добиться еще лучших результатов и устранить все недочеты, имеющиеся в хозяйстве" (147).

Пора было заканчивать заседание. Келдыш зачитал проект решения. Президиум Академии наук СССР, Коллегия Министерства сельского хозяйства СССР и Президиум ВАСХНИЛ сочли, что

"комиссия дала вполне объективную оценку работы базы и вскрыла ряд грубых нарушений методики научных исследований и ведения экспериментального хозяйства" (148),

и постановили:

"1. Утвердить доклад и выводы комиссии по проверке деятельности научно-экспериментальной базы и подсобного хозяйства "Горки Ленинские"...

2. Материалы комиссии опубликовать в журналах "Вестник Академии наук СССР", "Вестник сельскохозяйственной науки", "Агробиология".

3. Считать целесообразным отменить приказы по Министерству сельского хозяйства СССР от 5 января 1961 г. 3 "Об опыте работы экспериментального хозяйства "Горки Ленинские" по повышению жирномолочности коров" и от 26 июня 1963 г. 131 "Об улучшении работы по созданию жирномолочного стада крупного рогатого скота в колхозах и совхозах путем использования племенных животных, происходящих с фермы "Горки Ленинские", и их потомков".

Считать недопустимым использование помесных быков из "Горок Ленинских" в племенных хозяйствах..." (149).

Так бесславно закончилась последняя попытка Лысенко и его приближенных сорвать обсуждение данных комиссии. Последний пункт постановления гласил:

"7. Считать целесообразным рассмотреть вопрос об укреплении руководства научно-экспериментальной базы и подсобного научно-производственного хозяйства "Горки Ленинские"" (150).

В переводе с бюрократического на общепринятый язык этот пункт означал, что на подотчетном Академии наук СССР хозяйстве "Горок Ленинских", наконец-то, будет наведен порядок, что сменят руководителей и что начнется на базе настоящая научная работа, созвучная достижениям науки XX века. Теперь надлежало быстро привести в исполнение совместное решение могучих ведомств.

Только ни в этом, ни в последующих годах ничего такого не произошло. И Лысенко, и Каллистратов, и Иоаннисян, и другие лысенкоисты отделались легким испугом. Все их замечательные исследования, по их -- замечательным -- методикам ("разным в разных случаях") так и продолжались на экспериментальной базе. Возможные кары, которыми постращали лысенкоистов, потихоньку ушли в небытие. Приказов, правда, по министерствам, кои бы обязывали перенимать опыт "Горок" в непременном виде, больше не издавали. Но всё, что касалось самих лысенкоистов, осталось по-прежнему. Конечно, не надо быть наивными людьми и думать, что это стало возможно по недосмотру кого-то из подчиненных Келдыша или из-за его мягкосердия. Несомненно, в окончательное принятие мер вмешались высшие силы, которым и Келдыш перечить не мог18.

Но и то, о чем на заседании было сказано и по поводу чего было принято совместное решение, претворять в жизнь никто не спешил. Спустя два с половиной месяца был опубликован стенографический отчет о заседании (106). Многие ученые в стране ждали, что Лысенко, пойманный, наконец-то, с поличным, уличенный и в сокрытии данных о его научной работе и в обмане высших органов партии, будет исключен из Академии наук СССР, из Академии наук Украины и из Академии сельхознаук. Разве совместимо звание академика и вранье в научных делах? Но об этом никто даже не заикнулся. В тридцатые годы из рядов АН СССР исключили несколько великих российских ученых, оказавшихся на Западе, а вот своего врага науки Академия наук Советского Союза подвергать справедливой мере наказания и исключать из своих рядов не стала. Могут возразить, что этого им возможно не дали сделать вожди коммунистической партии. Но прошли годы, история убрала коммунистов из власти, Российская Академия наук могла более не обращать внимания на приказы Политбюро ЦК ВКП(б) и вернула звания академиков тем, кто уже давно мертв, но чьи имена украшали эту академию -- академикам Чичибабину и Ипатьеву. Был лишен посмертно звания академика Д.Т.Шепилов. А как с Лысенко? Это грязное пятно на Академии так и остается не смытым, так же как остаются по сей день членами АН Вышинский, Молотов и преступник Сталин, подручные Лысенко Нуждин и Авакян (151а). Когда-то придет пора исключения их из ареопага самых мудрых!?

Только в середине 1966 года, после того как тайным голосованием члены Отделения общей биологии АН забаллотировали Лысенко при переизбрании его на новый срок в качестве директора, этот институт, наконец, был реорганизован, и на его базе создан Институт общей генетики АН СССР (сегодня он носит имя Н.И.Вавилова). В него влилась огромная лаборатория Н.П.Дубинина, который в том же 1966 году, одновременно с генетиком

Б.Л.Астауровым, стал академиком АН СССР. Но практически все ведущие сотрудники Лысенко остались на местах.

В одесском институте жизнь текла размеренно и без волнений. Там вообще все остались на местах, тематику не поменяли и работали, как прежде. Лишь к началу 70-х годов ценой длинных пешечных ходов в кресло директора был продвинут молодой кандидат наук из своих А.А.Созинов, который вооружился отверткой, клещами и кувалдой, пошел к воротам и сбил доску с указанием, что здесь размещается институт имени Лысенко. Официально никто институт этого имени не лишал.

Сам Лысенко сохранил за собой научное руководство "Горками Ленинскими", где под его началом трудилось более ста научных сотрудников. Академик трех академий спокойно продолжал участвовать в сессиях и общих собраниях академиков, неизменно проходил в первые ряды на каждом из таких заседаний и не стеснялся вступать в дискуссии и споры.

В конце каждого года он, как и требуется от академика, отправлял в академии пухлый том своих отчетов. Они, как две капли воды, напоминали его прежние писания. В них по-прежнему утверждалось, что генов нет, что ДНК -- это молекула, не обладающая никакой наследственной специфичностью. Лысенко продолжал считать, что открытые им "законы" -- наивысший продукт человеческой мысли.

Летом 2000 года нынешний директор Всероссийского института растениеводства имени Н.И.Вавилова Виктор Александрович Драгавцев вспоминал в беседе со мной, что в бытность его ученым секретарем Научного Совета по генетике и селекции АН СССР в 1970-м году ему позвонил Келдыш и попросил познакомиться с отчетом, направленным Лысенко в Академию Наук. К отчету, напечатанному на почти двухстах страницах, была приложена записка Лысенко, в которой он упрямо повторял, что "обогатил мировую науку открытиями метода яровизации, теории стадийного развития, превращения видов, летних посадок картофеля, создания жирномолочных коров". Однако, по его словам, его работе "мешают такие вейсманисты-морганисты как Дубинин, Астауров, Рапопорт, Эфроимсон и другие". Он называл их врагами народа и предлагал с ними расправиться. Драгавцев отправил отчет на отзывы трем специалистам, получил отрицательные заключения и вернул все материалы Келдышу. Неожиданно через несколько дней Драгавцева попросили срочно прилететь в Москву из Новосибирска, чтобы встретиться с Келдышем. Встреча состоялась поздним вечером. Просьба, высказанная Келдышем, была простой: каждый год, получая очередной том с отчетами Лысенко и его сотрудников, не направлять его на отзывы, а запирать в сейф. "Не надо подымать волну", -- просил ученого секретаря Президент АН СССР, которому приходилось видимо не сладко из-за жалоб Лысенко властям на то, что его продолжают зажимать. Так Драгавцев и стал делать. Один из отчетов Лысенко (за 1972 год) сохранился у него до настоящего времени. Разбирать его мало интересно. За государственные деньги сын Лысенко Олег и еще с десяток подписавших отдельные разделы сотрудников наглядно показывали, как они фальсифицировали науку, как обманывали -- в лучшем случае -- сами себя. Например, начинавший отчет Олег Трофимович Лысенко, сначала твердил (это себе даже представить трудно -- в 1972 году! -- через 19 лет после открытия двойной спирали ДНК, через 11 лет после расшифровки генетического кода!):

"Мичуринская биологическая концепция в корне противоречит, отвергает вейсманистскую биологическую концепцию во всех ее вариациях /менделизм, морганизм и теперешняя генетика/. Вейсманистская концепция... считает, что в теле /соме/ организмов, в их клетках находится особое вещество наследственности... и размножается это наследственное вещество только путем точного копирования. Поэтому, качество наследственного вещества не зависит от условий жизни, от качества пищи, из которой строится живое тело организмов.

Мы исходим из того, что наследственность -- это не какое-то вещество, а врожденные потребности живого тела в условиях жизни." (152).

На двадцати с лишним страницах
 сын Лысенко описывал примитивнейшие опыты по якобы установленному им доказательству "адекватной внешним условиям наследственности". Он перечислял число растений посеянных, взошедших, развившихся, ставших наследственно новыми и прочее и прочее. Эти опыты десятки раз были повторены учеными в лысенковское время, и ни у кого ни в СССР, ни в других странах не было найдено описываемого эффекта, пора было остановиться, но он продолжал твердить:

"Приведенный нами результат опытного посева 10 сентября 1971 г. при внимательном его разборе показывает, что не только сома, но и все наследственные, т.е. врожденные свойства у опытных растений построились из новых условий, из новой пищи. Построились путем ассимиляции этой пищи организмом. И при повторном развитии в новом поколении эти новые условия являются уже наследственно требуемыми. Потребность в них стала врожденной. В этом и заключается адэкватность наследственной изменчивости.

Ст. научн. сотр. к.б.н. /О.Т.Лысенко/" (153).

Однажды в 1973 или 1974 году Президент ВАСХНИЛ П.П.Лобанов также дал мне очередной отчет Лысенко и попросил подготовить заключение о нем: "Посмотрите, -- сказал Павел Павлович, -- может что-то новенькое появилось, все-таки двести бездельников у него в "Горках" числятся". Я внимательно прочел, но ничего нового не нашел. У меня сложилось впечатление, что Лысенко ничего из критики в его адрес не принял и принимать не собирался. Он просто счел все замечания за желание врагов снести его и оставался в твердом убеждении, что стоит измениться веяниям наверху, стоит появиться другим людям у кормила власти -- и о нем вспомнят, вернут снова наверх и "мичуринский подход" восторжествует. Возможно, при его необразованности он, даже если бы захотел, не смог понять ни значимости новых успехов науки, ни смысла предъявляемых к нему требований.

Всё свободное время Трофим Денисович проводил теперь в столовой для академиков и членов-корреспондентов на Ленинском проспекте. Во всяком случае, те, кто регулярно посещал столовую, неизменно заставал там Лысенко. Он не менялся внешне, может быть, чуточку сгорбился. Новым стало лишь его подобрение к тем членам Академии наук, которые подвергались гонениям.

Так, однажды он столкнулся у раздевалки с членом-корреспондентом Левичем, подавшем заявление о желании выехать из СССР. Левича склоняли на всех углах, позорили, может быть, ждали, что от нервотрепки у него не выдержит сердце или голова. Никогда раньше Лысенко с ним близок не был, а тут шагнул навстречу (рядом стояли люди, с интересом эту сцену наблюдавшие), протянул руку для приветствия и, обменявшись рукопожатиями, спросил:

- Ну что, Вениамин Григорьевич, тяжко?.. Мне тоже тяжко!

Другую историю мне рассказали Андрей Дмитриевич Сахаров и Елена Георгиевна Боннэр. Мы разговаривали вскоре после их возвращения из незаконной 7-летней ссылки в Горький. Зашла речь о Лысенко, о том, как он в день провала Нуждина в академики шипел на Сахарова: "Таких под суд отдавать надо". И вдруг Елена Георгиевна спросила:

- Андрей, а ты помнишь, как мы пришли с тобой в академическую столовую, я что-то замешкалась у входа, а ты прошел в центр обеденного зала, как вдруг из-за углового стола вскочил Лысенко, подбежал к тебе, церемонно про-тянул руку и многозначительно ее пожал.

Андрей Дмитриевич, вспомнив эту курьезную выходку "колхозного академика", добавил:

- Да, тогда как раз было опубликовано письмо академиков, обвинявших меня в предательстве родины, и Лысенко, видимо, хотел показать, что мы оба гонимы -- и он, и я.

Так и оставался Лысенко до конца своих дней (он умер в 1976 году) научным руководителем "Горок Ленинских". Каллистратов тоже года три работал директором, потом его проводили на заслуженный отдых, и вскоре он скончался. Иоаннисян же преспокойно работал в том же качестве в "Горках" и ходил очень важный.

Как и следовало ожидать, распри между приближенными колхозного академика после его смерти резко обострились. Ученики "великого ученого" начали, как умели, сводить друг с другом счеты. Путь для этого они знали один: писать в разные инстанции доносы и кляузы -- подписанные (в одиночку и коллективно) и анонимные. В ответ на эти жалобы партийные органы стали посылать одну за другой комиссии в академию наук (куда смотрит руководство?) и на места (почему бузите?). Увидев, что ничего с таким коллективом поделать нельзя, что поломать сложившиеся традиции не удается -- разве выгнать бы их всех разом, да куда ж их выгонишь, они тут так мясом обросли -- Президиум АН почел за благо тихонько отделаться от "Горок". Беспокойное хозяйство передали в ВАСХНИЛ, а там его прикрепили к новому институту -- Всесоюзному НИИ прикладной молекулярной биологии и генетики. У Иоаннисяна нашлись могучие покровители из числа академиков и молодых докторов наук и в этом институте. Его вскоре ввели в Ученый совет этого лишь по названию молекулярно-биологического института. Иоаннисян подготовил докторскую диссертацию на старом материале, раскритикованном двадцатью годами раньше.

Очередной запрет на критику

Итак, вскоре после снятия Хрущева с поста 1-го секретаря ЦК партии критика Лысенко в печати была прекращена. Многими это воспринималось как следствие мистического умения Лысенко выходить сухим из воды при любых вождях. Однако определяющими в этом подавлении критики были не личностные качества Лысенко, а консолидированная воля коммунистов, остававшихся у руля высшей власти. Лысенко был продуктом их системы, потому публичное осуждение самих себя было для них святотатством. На нескольких инструктажах руководителей средств массовой информации в Отделе печати ЦК КПСС было разъяснено, что больше не следует разжевывать публично суть ошибок Лысенко. Вообще, нужно перестать склонять его имя на страницах книг, газет и журналов. Был дан рецепт ответов авторам, которые будут настаивать на публикации как полностью антилысенковских материалов, так и отдельных "выпадов" против него: мы не можем допустить разжигания страстей, эмоции на пользу не пойдут, и, вообще, мы против РЕВАНШИЗМА. Это словечко -- реваншизм -- было отныне взято на вооружение идеологическими работниками.

И все-таки первоисточник желания подавить критику оставался непонятным. Многие полагали, что Трофима Денисовича защищает Суслов, и он-то как идеологический лидер во всем виноват. Конечно, роль М.А.Суслова была и на самом деле велика. Но мне удалось получить документ, который показал, что и другие руководители аппарата ЦК партии приложили руку к прекращению "гонений" на Лысенко. Из этого документа становится понятным, какие рассуждения были положены в основу запрета, равно как и то, каким мощным оставался политический диктат в советской стране.

"Ц К К П С С

За последние два года на страницах газет, научно-популярных и литературно-художественных журналов опубликован ряд полезных выступлений крупных ученых и специалистов по различным разделам биологии и сельскохозяйственной науки. Но в то же время стали появляться статьи, в которых авторы неправильно информируют читателей о современном состоянии биологии, в частности генетики и селекции, допускают необоснованные выпады против отдельных советских ученых, без достаточно глубокой научной аргументации анализируют развитие биологической науки за последние тридцать лет. Во многих статьях чрезмерно восхваляются научные достижения одного из направлений в генетике, некритически воспринимаются идеалистические высказывания таких зарубежных генетиков как Мёллер, Дарлингтон и др. Вред от подобной односторонней "дискуссии" углубляется еще и тем, что к ней подключились некоторые журналисты, некомпетентные в вопросах биологии.

Идеологический и Сельскохозяйственный отделы ЦК КПСС в декабре 1964 года провели совещание редакторов газет и журналов, на котором были высказаны пожелания о необходимости квалифицированного, правдивого освещения современных проблем науки и практики. После этого совещания поток односторонних необъективных публикаций уменьшился, но в последнее время вновь стали появляться субъективистские выступления, наносящие ущерб интересам развития науки и воспитанию научных кадров и специалистов.

Редакционные коллегии некоторых газет ("Комсомольская правда", "Литературная газета") и журналов ("Вопросы философии", "Генетика", "Бюллетень Московского общества испытателей природы") неправомерно берут на себя роль арбитров в научных спорах, предоставляя возможность выступать определенной группе авторов, односторонне освещающих положение в биологической науке.

В журнале Союза писателей Казахстана "Простор" (7, 8 за 1966 год) была опубликована "документальная повесть" Марка Поповского "1000 дней академика Вавилова". Как выяснилось, это сокращенный вариант последней части книги "Человек на глобусе", подготовленной к печати издательством "Советская Россия". Повесть не раскрывает облика крупного ученого Н.И.Вавилова. Односторонне подбирая исторический материал, автор предпринял попытку к идеализации, канонизации Н.И.Вавилова. В то же время другой, не менее крупный ученый И.В.Мичурин, преподносится как садовод, "которому привычнее держать в руках секатор и лопату, нежели перо".

М.Поповский подробно и довольно недвусмысленно останавливается на причинах и обстоятельствах гибели Вавилова. Вывод автора сводится к тому, что в смерти Н.И.Вавилова и других крупных ученых повинны вся окружающая их политическая обстановка в стране, а также Лысенко и его соратники. Автор искусственно сгущает краски, создавая картину страшных репрессий, террора и беззакония, царившего в описываемый им период.

"... один за другим сменяются наркомы земледелия, заведующие отделом сельского хозяйства ЦК. "Враги народа" -- повсюду и, конечно же, в сельском хозяйстве. Их ищут и находят, находят и списывают на них все промахи, просчеты, ошибки и просто глупости".

"Каждый арест потрясает Николая Ивановича: исчезают люди, которых он знает много лет и уверен в них... Директор института просил вернуть в Ленинград арестованных и высланных, ручался за их лояльность...

Спасти,
однако, не удалось никого".

Эта повесть Поповского в значительно смягченной форме повторяет содержание лекций, с которыми он выступал перед широкой аудиторией ученых, студентов и преподавателей в ряде институтов Москвы и Ленинграда. В лекциях на тему о причинах и обстоятельствах трагической гибели Вавилова он заявлял, что с санкции прокурора СССР получил доступ к следственному делу Вавилова и разрешение на оглашение содержащихся в нем документов. Во время лекции в Институте растениеводства в Ленинграде он зачитал протоколы очных ставок, показания Вавилова, якобы вырванные у него под пыткой, акт о его смерти, "доносы" на Вавилова, написанные умершими и ныне здравствующими учеными. Лектор, присвоив себе функции и следователя, и прокурора, и судьи, обличал многих людей и фактически призывал к расправе с ними.

Такие выступления писателя М.Поповского кажутся тем более странными, что в прошлом он с неменьшей страстностью превозносил "народного ученого" Лысенко, называя его "замечательным ученым и патриотом".

Не случайно также появление статей, в которых в форме научного анализа работ И.В.Мичурина делается попытка доказать, что великий преобразователь природы был простым садоводом, не способным осмыслить полученные им факты, и что сейчас мичуринские принципы селекционной работы находятся в "стороне от главной магистрали развития биологии". Наиболее показательна в этом плане статья Н.П.Дубинина "И.В.Мичурин и современная генетика" (ж. "Вопросы философии", 6, 1966 г.).

Выступления, умаляющие значение работ замечательного ученого-биолога и селекционера, тем более непонятны, что одновременно авторы фетишизируют Н.И.Вавилова -- выдающегося ученого-ботаника, но не лишенного недостатков и ошибок в своих теоретических обобщениях.

Из анализа многочисленных публикаций последних лет создается впечатление, что некоторые ученые пытаются использовать имя Н.И.Вавилова в целях расправы со своими научными противниками. Это напоминает недалекое прошлое, когда с той же неблаговидной целью некоторые ученые, журналисты и философы злоупотребляли именем И.В.Мичурина. Такие методы чреваты опасностью возрождения монополизма и администрирования в науке.

Не может быть оправдана в этой связи позиция редколлегии журнала "Вопросы философии", начавшей систематическую публикацию материалов, односторонне освещающих положение в биологической науке и предоставившей страницы журнала Л.П.Эфроимсону [воспроизведена орфография оригинала: должно быть В.П.Эфроимсону, -- В.С.], статьи которого выделяются особой резкостью, граничащей с грубостью. Во многих публикациях на страницах газет и журналов этот автор бездоказательно и огульно отрицает все достижения отечественной биологической и сельско-хозяйственной науки за последние три десятилетия. Подобная "критика", ставящая под сомнение труд многих честных советских ученых вызывает недоумение не только у наших специалистов, но и у научной общественности братских социалистических стран.

Публикация отдельными органами печати дискуссионных статей, не подкрепленных экспериментальным материалом, преследующих в основном реваншистские, "разоблачительные" цели, может создать у читателей, особенно молодежи, неуверенность, породить нигилизм, неверие в ученых, научные идеалы и принципы. Подобная практика ведет к разжиганию страстей, обостряет отношения в среде биологов, отвлекает их на

ненужные споры, не способствует созданию нормальной творческой атмосферы.

Все это стало возможным вследствие ослабления требовательности со стороны партийных комитетов и руководителей органов печати к обеспечению квалифицированного освещения современных проблем науки и практики.

Отделы пропаганды, науки и учебных заведений и Сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС считают необходимым обратить внимание ЦК КП союзных республик, крайкомов, обкомов партии, руководителей органов печати, а также Президиумов АН СССР, ВАСХНИЛ, АМН СССР и академий наук союзных республик на необходимость повышения ответственности работников за качество и идейную направленность публикуемых материалов.

Просили бы поручить товарищу Демичеву П.Н. [кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС -- В.С.] выступить по этому вопросу перед руководителями органов печати, радио, телевидения и кино.

В. Степаков С. Трапезников В. Карлов

" " февраля 1967 г." (154).

После этого обращения заведующих Отделами ЦК КПСС -- науки С.П.Трапезникова, идеологического -- В.Степакова и сельского хозяйства -- В.А.Карлова высшие руководители ЦК приняли меры. Критика Лысенко была совершенно запрещена. А это лишний раз подтвердило стремление руководителей партии любой ценой сохранить "незыблемость основ и непоколебимость устремлений".

Последние попытки лысенкоистов: 1970 год -- письмо 24-х

Трагедия советской биологической науки заключалась в том, что не один Лысенко заскоруз в своих знаниях и убеждениях. Легион его единомышленников был легионом таких же людей полузнания, и не гнать же их было ото-всюду! Да и кем заменить? В составе только Академии наук СССР числились полноправными академиками люди, насквозь пропитанные лысенкоизмом, и среди них Лукьяненко, Пустовойт, Ремесло. Каждый из них помимо титула академика двух академий был дважды увенчан золотыми звездами Героев социалистического труда.

Действительные члены (академики) ВАСХНИЛ практически поголовно были лысенкоистами. У многих из них лацканы парадных пиджаков сверкали золотом звезд Героев и орденов Ленина. Когда чинно и важно они усаживались на заседаниях академии сельхознаук, стоял малиновый звон от позвякивающих наград, и в глазах рябило от такого средоточия в одном месте уймы высочайших знаков отличия. Всем им Лысенко был ближе и понятнее, чем любой из его критиков. Им был далек смысл трудов классиков науки, неведома терминология. Что уж было говорить о сути новых научных открытий -- темна вода во облацех.

Пожалуй, единственно, что изменилось всерьез в академической среде, -- отношение к публикации работ особо одиозных лиц из сонма лысенкоистов. Был закрыт журнал "Агробиология", и вместо него стал выходить чуть больший по объему журнал "Сельскохозяйственная биология". Трудно стало выпускать откровенно лысенкоистские книги, хотя любые работы этой направленности, но без вызывающей рекламы, выходили в свет. После многолетнего главенства лысенкоисты почувствовали себя ущемленными и пошли в бой. В августе 1969 года Глущенко и философ Г.В.Платонов подготовили текст

коллективного обращения к Брежневу -- тогдашнему генеральному секретарю ЦК партии. Документ был разослан по разным городам для ознакомления. Лысенко был в стороне от этой затеи: Глущенко с ним больше не поддерживал связи после того, как Лысенко попробовал выставить его перед Келдышем в роли бездельника, а невыдержанный Глущенко посмел возражать и разразился скандал. Самые близкие к Лысенко люди своих подписей также не поставили. Окончательный вариант подписали те, кто формально в сотрудниках у Лысенко уже не числился.

Готовивших письмо активно поддерживал член Коллегии и начальник Главка сельхозвузов Министерства сельского хозяйства СССР В.Ф.Красота, заведовавший одновременно кафедрой в Московской ветеринарной академии. Красота, в частности, намеревался собрать совещание заведующих кафедрами генетики и селекции сельхозвузов страны и принять на нем резолюцию в поддержку взглядов, излагаемых в обращении к Генсеку партии. Но о тайной подготовке этого совещания один из "активистов" -- профессор Кемеровского мединститута Е.Д.Логачев рассказал сотрудникам Института генетики и цитологии в Новосибирске. Тут же слух распространился, после чего президент Общества генетиков и селекционеров имени Н.И.Вавилова академик Б.Л.Астауров и Председатель Научного Совета по генетике и селекции АН СССР (одновременно директор Института цитологии и генетики Сибирского Отделения АН СССР) член-корреспондент АН СССР Д.К.Беляев направились к министру сельского хозяйства СССР В.В.Мацкевичу, который их успокоил и посоветовал не переоценивать действенности усилий сторонников лысенкоизма.

Тем временем обращение в ЦК подписали несколько наиболее авторитетных "мичуринских" биологов и некоторые из второстепенных людей -- для массовости. Совещание, планировавшееся Красотой, не состоялось, но письмо к Брежневу было отправлено. В окончательном виде под ним стояли 24 подписи:

"Генеральному секретарю ЦК КПСС

Товарищу Л.И.Брежневу

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Глубокая тревога за судьбы советской биологической и сельскохозяйственной науки, за развитие мичуринского направления в биологии побудила нас обратиться к Вам с настоящим письмом.

Программа Коммунистической партии Советского Союза акцентирует внимание биологов на выяснение сущности явлений жизни, вскрытии биологических закономерностей развития органического мира, изучении физики и химии живого. Вместе с тем в программе подчеркивается необходимость -- "шире и глубже развивать мичуринское направление в биологической науке, которое исходит из того, что условия жизни являются ведущими в развитии органического мира".

В послевоенный период развития советская биология, и особенно селекция, достигли немалых успехов. Многие сорта пшеницы, подсолнечника, сахарной свеклы, хлопчатника и других сельскохозяйственных культур, выведенные советскими селекционерами, оказались лучше массовых стандартов и получили широкое распространение не только у нас, но и в ряде других стран Европы и Азии.

После Октябрьского Пленума ЦК КПСС (1964 г.) был положен конец недооценке изучения тонких структур живых тел, благодаря чему достигнуты известные положительные

результаты также и в исследованиях в области молекулярной биологии, генетики, биофизики, биохимии.

Однако в ходе устранения ранее имеющихся в биологической науке изъянов, ныне допускаются не менее существенные ошибки.

В последние годы под флагом борьбы против ошибочных положений Т.Д.Лысенко, многие биологи и органы печати выступают против идей И.В.Мичурина, И.П.Павлова, а также против основных принципов Ч.Дарвина. Между тем хорошо известна высокая оценка теории Дарвина основоположниками марксизма-ленинизма. В.И.Ленин, Коммунистическая партия и Советское Правительство всегда оказывали решительную поддержку И.В.Мичурину, И.П.Павлову, К.А.Тимирязеву и их последователям. Это принесло немалые положительные результаты не только науке, но и практике. Подавляющее большинство новых сортов сельскохозяйственных растений и новых пород домашних животных создаются дарвиновско-мичуринскими методами.

И вот теперь мы наблюдаем совершенно непонятный поворот против того направления в биологической и сельскохозяйственной науке, который получил со стороны В.И.Ленина горячее одобрение и поддержку.

Издательства, научные и популярные журналы прекратили выпуск работ, написанных с позиций дарвиновско-мичуринского направления в биологии. В учебниках и учебных пособиях учение Мичурина и его последователей не раскрывается, а если и затрагивается, то преподносится читателю в обедненном и деформированном виде. Многие ученые, журналисты стремятся представить мичуринское направление как старомодное, устаревшее, якобы опрокинутое бурным развитием молекулярной биологии и генетики, вооружающими человечество более эффективными методами преобразования живой природы. Массы читателей поверили, что современная генетика овладела необычными способами быстрого выведения новых сортов растений и пород животных, что генетика вплотную подошла к ликвидации опаснейших болезней (как, например, рак), что генетики своими методами могут улучшать весь человеческий род.

Со всей ответственностью мы можем заявить, что это не так. Во-первых, новые направления, достигшие успехов в изучении живого на молекулярном уровне, не только не отвергают, но чаще всего подтверждают и дополняют принципиальные положения теории Дарвина-Мичурина, рассматривающей закономерности живой природы преимущественно на уровне организма и вида. Во-вторых, хотя представители молекулярной генетики выдали в последние годы не мало векселей на эффективное обслуживание сельскохозяйственной практики, их реальные результаты в этом отношении пока еще более чем скромны. Мы отнюдь не считаем, что так будет и дальше. По-видимому, в будущем вклад молекулярной генетики окажется более значительным. Но, ожидая и активно содействуя этому, было бы нелепым и опасным игнорировать или недооценивать проверенные практикой дарвиновско-мичуринские методы генетики и селекции. Поэтому необходимо использовать и всемерно развивать научные направления, ведущие к выяснению истины и ее плодотворному использованию на практике.

Недооценка и третирование мичуринского учения является, на наш взгляд, одним из проявлений чернительских тенденций по отношению к нашему прошлому, ко всему тому, что делалось в Советском Союзе до 1953 г. Против этих пагубных тенденций справедливо выступают некоторые партийные органы (например, журнал "Коммунист", 3, 1969 г.). Однако волна чернительства, особенно в биологии, отнюдь не останавливается. Некоторые советские генетики печатают за рубежом свои книги и статьи, где стараются всемерно опорочить

мичуринское учение.

Весьма опасным в идеологическом отношении является проникновение в совет-скую печать попыток буржуазных идеологов подменить марксистское понимание за-конов общественного развития социально-биологическими концепциями, против чего в свое время решительно выступал В.И.Ленин. Часть советских генетиков и некоторые журналисты упорно добиваются восстановления в правах давно отвергнутых жизнью концепций евгеники, философские журналы вместо того, чтобы организовать отпор подобным настроениям, все более устраняются от идейной борьбы, сводя предмет философии к законам мышления. В некоторых своих статьях эти органы становятся прямо на антимичуринские и антипавловские позиции.

Все это говорит о настоятельной необходимости внести существенные коррективы в организацию научных исследований, освещение в печати и преподавание биологических дисциплин. В частности, представляется целесообразным:

1) Восстановить в правах мичуринскую тематику исследований в научных учреждениях и вузах, прекратить дискредитацию сторонников мичуринского учения.

2) Представителям мичуринского направления предоставить равные права со сторонниками классической генетики в публикации результатов научных исследований.

3) Устранить наблюдающуюся ныне односторонность в освещении биологических проблем в программах, учебниках и учебных пособиях.

4) Предложить редакциям журналов по философии и биологии усилить борьбу против идеалистических и метафизических концепций в биологии, против биологических концепций в социологии.

Некоторые из нас писали по этим вопросам в своих индивидуальных письмах в различные партийные учреждения и печатные органы. Однако письма эти, как правило, оставались без последствий. Вот почему мы решили обратиться лично к Вам с коллективным письмом. Мы твердо верим, что наше письмо не задержится на пол-пути и Вы ознакомитесь с ним, что ЦК КПСС, следуя и здесь ленинским заветам, примет должные меры для сохранения и дальнейшего развития теоретического наследия выдающегося советского ученого И.В.Мичурина

30 января 1970 г." (155).

Из ЦК партии эту смесь жалоб и ссылок на авторитет Ленина переслали в Министерство сельского хозяйства СССР. 8 апреля 1970 года в зале заседаний Коллегии Министерства состоялась встреча Министра В.В.Мацкевича19 и Президента ВАСХНИЛ П.П.Лобанова с некоторыми из тех, кто подписал письмо (И.Е.Глущенко, В.Н.Ремесло, П.Ф.Гаркавым, С.А.Погосяном, Г.В.Платоновым и другими). Министр поступил как мудрый ребе, выслушавший всех спорящих и каждому из них наедине сказавший, что он прав. Как и представителям генетиков, ходокам лысенкоистов было предложено не волноваться. Было обещано доложить об этой встрече в ЦК партии и поправить неправых. Мацкевич также сказал, что кое-кто из генетиков очень преувеличивает свои достижения, и что это неверно.

Существенного значения эта акция не имела, хотя была использована в качестве охранного мероприятия, предотвратившего увольнение кое-кого из мелких сошек "на местах".

Как ни противились молекулярной биологии и генетике увенчанные наградами столпы лысенкоизма, им пришлось самим, хотя бы для вида, демонстрировать интерес к этим направлениям. Каждый из них старался обзавестись одним-двумя молодыми сотрудниками со знанием молекулярно-биологических дисциплин. Так в Одессе в институте имени Лысенко в лаборатории директора института Мусийко появился сынок одного из местных партийных князьков, который без всяких затруднений получил командировку в США на год, чтобы познакомиться с модными штучками. У Ремесло в Мироновке объявился свой "молекулярщик", у Лукьяненко свой. В 1970 году при Президиуме ВАСХНИЛ было решено создать Лабораторию молекулярной биологии и генетики, и меня пригласили заведовать ею, обещав и средства, и кадры, и в будущем институт. По моей инициативе был создан Научный Совет по молекулярной биологии и генетике ВАСХНИЛ, в котором я стал ученым секретарем. Совет был наделен кое-какими полномочиями, но я быстро убедился в том, что любые начинания такого рода обречены на провал без смены общей обстановки.

Примеров тому было много. Вот один из них. Была подготовлена докладная записка для правительства, в которой мы объяснили, что для успехов селекции нужно безотлагательно повести работу так, чтобы все выводимые сорта проверялись не только на урожайность, но и на биохимические свойства, устойчивость к болезням и т. п., и указали, что работа селекционера может быть улучшена, если использовать достижения мировой науки, наладить контроль за многими параметрами, причем, благодаря совершенным приборам есть возможность постоянно вести такой контроль. Председателю Совета Министров СССР А.Н.Косыгину записка понравилась, вопрос был вынесен на заседание Президиума Совета Министров СССР. От нас срочно потребовали список приборов, названия фирм, производящих их (естественно, в СССР соответствующая промышленность отсутствовала), стоимость оборудования. Параллельно, крупные селекционеры и сельскохозяйственные научно-исследовательские институты подтвердили, что они не откажутся от оборудования, если им его дадут. Заседание Совета Министров состоялось, программа по созданию в стране почти 50 селекционных центров, оснащенных самым современным оборудованием, была принята. Потекла валюта, Минвнешторг получил задание на закупку больших партий оборудования, целых лабораторий. А через четыре года выяснилось, что, например, из более сотни закупленных голландских теплиц не установлено и трети, и они пришли в негодность, что большинство американских ультрацентрифуг, японских спектрофотометров, шведских установок для разделения веществ и им подобных приборов не используют. Модные дорогостоящие игрушки никому по-настоящему не понадобились, обученных кадров не было, обучать их никто не спешил, а старикам со звездами все эти сверкающие никелем новинки нужны были для отвода глаз. Явные и потенциальные лысенкоисты прекрасно обходились без них, хотя приезжим комиссиям не ленились показывать рекламное оборудование, объясняя, что вот-де и они переключаются на новые рельсы, работают на уровне лучших мировых стандартов.

Что оставалось тем не менее непонятным, почему же в Советском Союзе власти поощряли лысенок? Почему все они были увенчаны звездами героев, отмечены Ленинскими и Сталинскими премиями, почему властители пошли на то, чтобы отправить в тюрьмы, лагеря, расстрелять цвет науки их страны, чтобы заместить ученых людьми полузнания? Многие исследователи новейшей истории, особенно в среде западных ученых, выражали удивление по поводу алогичности поддержки руководителями коммунистической партии и советского правительства таких деятелей, как Лысенко (а подобных ему было немало и в других сферах советской науки). То, что лысенки наносили вред стране, так очевидно, что не понимать вреда от их деятельности не мог любой здравомыслящий человек, не говоря уже о государственных деятелях.

Равным образом социальный феномен

выноса лысенок на верхи науки не может быть списан на "культ личности Сталина". И сам Лысенко не был "маленьким Сталиным в биологии", и лысенкоизм в целом не был простой внутридисциплинарной разновидностью сталинизма. Не случайно Хрущев поддержал Лысенко, одновременно борясь с "культом Сталина".

В общем виде объяснение такого поведения советских лидеров может быть сведено к простой фразе: успех лысенок был обусловлен особенностями сложившегося в СССР тоталитарного строя, заложенного при самом его основании коммунистическими вождями. Вожди так безоглядно и решительно ухватились за Лысенко и противопоставили его проекты (может быть, правильнее сказать -- его посулы и заверения) трезвым расчетам ученых, потому что посулы соответствовали их верованиям, а вера была для них важнее многого другого.

Феномен веры коммунистических вождей в Лысенко и ему подобных основан на нескольких факторах, в основном связанных с несвободой в тоталитарном обществе, с превалированием элементов веры в насаждаемую идеологию и неверия в свободно развиваемую науку.

Сначала они поверили, что дешевая по своим запросам яровизация поможет победить засухи. Ученые со своей стороны предлагали им много программ, которые способствовали бы защите от губительных засух (мелиорацию, химизацию, введение влагосберегающей агротехники, направленную селекцию засухоустойчивых сортов). Однако внедрение в практику любой научно обоснованной программы требовало ассигнований со стороны правительства, создания деловых взаимоотношений с учеными и гибкости в управлении страной. При этом ни один ученый не мог выдать гарантии, что, применив на практике одну из программ, можно разом разрешить все трудности. А Лысенко именно одним махом всех убивахом, без сомнений, самокопаний и уверток. Его предложения были столь приятны, столь дешевы и столь решающи, что мигом привлекли интерес начальственных персон. Поскольку же борьбой же с засухой власти в основном занимались на разговорном уровне, поскольку финансовые и научные ресурсы тратили на милитаризацию страны, слушать скептиков-ученых никто не стал.

Внедрение мифов в общественное сознание стало вообще важнейшим советским феноменом. Например, вожди нового общества предпочитали декларировать скорое, неминуемое наступление эры коммунизма. Эта мечта преобладала в речах и декретах, ею грезили все -- от верхов до активистов на низах. При этом ни верхи, ни низы даже не понимали, что это за штука -- коммунизм, и до хрипоты спорили об определении понятия, о грядущей мировой революции, о легком изменении природы человека и связанных с ними, далеко не шуточных категориях.

Наука, с её педантизмом, дотошностью, несговорчивостью и отверганием мифов, вызывала раздражение вождей, начиная с Ленина, страдавшего комплексом неполноценности из-за того, что ему не довелось нормально поучиться в университете, познать языки, прикоснуться к чтению серьезных трудов ученых.

Ученые были неспособны дать в руки властям равные лысенковским обещания и при этом вызывали дополнительное раздражение властей тем, что критиковали "новатора". Чтобы парировать научную критику, Лысенко пошел естественным для него путем: словесно отверг законы науки, объявил их несуществующими или вредными. Осторожность ученых и их критическое отношение к "практику" Лысенко были охарактеризованы "практиком" как вылазки против передовой науки, а еще чаще лысенкоисты выставляли ученых перед коммунистическими властителями как идейных врагов и вредителей.

Развязанная коммунистами истерия поиска идейных врагов, расправы с ними самыми кровавыми способами, создала условия, при которых всех несогласных с избранниками Коммунистической Системы квалифицировали однозначно как врагов Системы, и это породило криминально-уголовную практику расправы с научными противниками Лысенко.

Еще одной из причин, обеспечивших восторженный прием Лысенко, был классовый принцип, избранный в качестве решающего при создании красной интеллигенции. В этом смысле даже уж совсем мелкая деталь могла подкупить власти: исполнителем идеи сына выступил его отец -- действительно простой, не обученный ни в каких школах и заочных институтах крестьянин, который открыто заявил о горячем желании помочь партии и правительству. В атмосфере тех лет, ежедневно подпитываемой рассуждениями о неиссякаемых творческих силах простых людей, их желании и возможности горы своротить, но светлое будущее построить ("коммунизм не за горами -- твердили этим людям ежечасно"), реальность таких подвигов представлялась сама собой разумеющейся. Большинству вовсе не казалось тогда странным, что малограмотные, темные люди легко преодолевали затруднения, непосильные для пусть и грамотных специалистов, но "превозмогших лишь казенное образование" (выражение Ленина). Ведь последние, как утверждалось, почти поголовно заскорузли в своих "берлогах", и потому оскудели -- и кругозором и по части смелости. Поэтому даже не возникал вопрос, а как же это могло случится, что наука и ученые прошли мимо столь легкой возможности утроить урожаи одним махом. Ответ был заранее сформулирован: а им это и не нужно было вовсе, они, "казенные специалисты", о себе, о своей выгоде и наживе пеклись, а не о благе народном помышляли.

Также помогли признанию Лысенко властями его личностные качества. Он продемонстрировал недюжинное умение контактировать с руководителями разного ранга, удачно держал речи перед самим Сталиным, зная, кого нужно во время этих выступлений позорить и как нужно щедро раздавать обещания на будущее. Не пасовал он и в общении с самыми маститыми учеными, часто просто третируя их. В сталинское время многие просоветские литераторы умилялись личными талантами Трофима Денисовича Лысенко, его нетерпимостью к идейным противникам, его бульдозерным темпераментом и медвежьей хваткой. Умиляться тут вроде бы было нечему, хотя нельзя не признать, что в своей социальной среде он действовал умело и успешно. Он вырос на специфической питательной среде, он следовал укоренившейся в коммунистическом обществе морали, использовал стиль поведения, признаваемый обществом за единственно правильный. Конечно, Лысенко проявил недюжинный талант в политиканстве, добился на этом пути наивысшего успеха, стал едва ли не самой колоритной фигурой в научной сфере Страны Советов. Но его личностные черты, индивидуальные оттенки ни в коей мере не могут заслонить собой непреложность общей картины, характерологическая сущность которой никак не может быть сведена (или низведена) до уровня личностного феномена.

Слабая образованность большинства новых вождей не только вела к вере в мифы. Она была важным фактором, который обусловил принижение уровня научных исследований, низведение научного творчества до положения служанки при дворе Её Величества Практики. Примат практицизма в науке, требование к науке быть обращенной лицом к практике было внедрено в советском обществе безоговорочно. Лысенко это хорошо уловил с самого начала своей карьеры и быстро приучился противопоставлять в своих декларациях практический подход теоретическому. Деятельность Лысенко и его сторонников развертывалась на фоне непрестанного повторения в качестве исходной предпосылки нужды в срочной помощи практике со стороны науки. Заявления о практической направленности их работы сопровождали все выступления лысенкоистов, всегда противопоставлявших себя тем ученым, которые якобы бездумно мудрствуя и постыдно теоретизируя, лишь поедали хлеб народный.

Однако отнюдь не Лысенко был первым глашатаем этой псевдоистины о вредоносной сути теоретизирования в науке. Споры относительно роли науки в обществе и назначении научных исследований велись в России на протяжении долгого времени. Отметим, что еще в пору дискуссий между западниками и славянофилами о путях развития России выкристаллизовалась идея о полезности, с учетом русского характера, рационального практицизма, о несокрушимой сметливости русского мужика и его способности "завсегда дать фору в сто очков" образованному немцу или, хуже того, жиду-хитрецу1, победителем в любых состязаниях всенепременно выйти. Саркастичный Салтыков-Щедрин, создавший обобщенный образ "изобретателя", равно как и некоторые другие русские писатели тяготели к побасенке об особой практичности русского мужика. Особенно живуча эта побасенка в народном восприятии, и персонажи бажовских сказов в относительно недавнее время были созданы, чтобы иллюстрировать уверенность в могучих талантах русских мужиков, "университетов не проходивших", но от природы сообразительных, знающих всё и находящих самобытные выходы из ситуаций, в которых иноземцы пасуют. Правда, не всё однозначно и в литературе. На протяжении десятилетий существует убеждение что Лесков восхищался народными умельцами, когда вывел образ Левши -- одного из трех тульских умельцев, подковавших аглицкое чудо -- махонькую стальную блоху с подзаводом, способную усами шевелить и дансе танцевать в разные стороны и уморительно подпрыгивать. Не могу понять, почему при всех умилительных разговорах о косоглазом Левше никто не обращает внимание на такую деталь: Лесков рассказывает, что подковки на ножки блохе, даже в мелкоскоп не очень различимые, Левша со товарищами прибил, и усами шевелить блоха еще могла, но дансе она больше уже не танцевала и вообще обездвижела. Поэтому нельзя отрешиться от мысли, что Лесков просто насмехался над своим Левшой, бравшимся всех иноземцев подправлять и улучшать, но неспособного ни дело до конца довести, ни сделать так, чтобы всё не испортить.

Преувеличенные восхваления, на деле принижающие достоинства самобытных умельцев из народа, с течением времени стали переноситься в иную сферу -- начали муссировать тезис о ненужности "сугубых наук" для обучения и без того умелых русских людей. Новоявленные Митрофанушки прикрывались этими байками как щитом и восставали против излишних мудрствований.

В возникшем с новой силой во второй половине XIX века в России споре о пользе наук "отвлеченных" и "практичных" большинство в русском обществе склонялось на сторону противников чистого знания. Конечно, в России дореформенной, когда крепостное право давило значительную часть народа, научные занятия были такой редкостью, что отрицать или защищать тезис о пользе академических знаний для массы русского народа, было нелепо. В то время этот спор был лишен базы и оставался лишь соревнованием в красоте воздушных построений. Но даже к концу XIX века, когда в России была создана мощная промышленность, разрослась сеть университетов и технических учебных учреждений, продуктивно работала Российская Академия наук, старый диспут не только не затих, но возобновился с небывалой силой.

На рубеже XX века в спор включился Л.Н.Толстой -- и снова на стороне тех, кто рассматривал науку лишь как служанку, приглашенную для утоления сиюминутных нужд. Толстой полагал, что отдача от научных исследований была бы выше, если бы интересы ученых сместились в сторону решения чисто практических задач, а это бы, в свою очередь, могло облегчить жизнь народную.

Вместо этого, заявлял Толстой, "все ученые заняты своими жреческими занятиями, из которых выходят исследования о протоплазмах, спектральных анализах звезд и тому

подобному". Написано это было в 1885 году в нашумевшей статье "О назначении науки и искусства", когда литератор настоятельно рекомендовал ученым перестать заниматься всякой заумной дребеденью, повернуться лицом к практике и особо говорил о биологах.

"Ботаники нашли и клеточку, и в клеточках-то протоплазму, и в протоплазме еще что-то, и в той штучке еще что-то. Занятия эти, очевидно, долго еще не кончатся, потому что им, очевидно, и конца быть не может, и потому ученым некогда заняться тем, что нужно людям. И потому опять, со времен египетской древности и еврейской, когда уже была выведена пшеница и чечевица, до нашего времени, не прибавилось для пищи народа ни одного растения, кроме картофеля, и то приобретенного не наукой...

Мы выдумали телеграфы, телефоны, фонографы; а в жизни, в труде народном, что мы подвинули? Пересчитали два миллиона букашек! А приручили ли хоть одно животное со времен библейских, когда уже наши животные были давно приручены? А лось, олень, куропатка, тетерев, рябчик все остаются дикими", --

сердито выговаривал ученым великий писатель (157).

Такое отношение к науке было свойственно не одному Л.Н.Толстому. Отнюдь не случайно в 1894 году при открытии IX съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве К.А.Тимирязев -- известный физиолог растений и публицист горячо возразил приверженцам такого взгляда:

"С гораздо большим правом можно утверждать обратное, что наука... привела к тем небывалым результатам в материальном, утилитарном смысле, именно благодаря тому, что приняла и принимает все более отвлеченный, идеальный характер...

Ослепляющие нас приложения посыпались как из рога изобилия с той именно поры, когда они перестали служить ближайшею целью науки. Только с той поры, когда наука стала сама себе целью -- удовлетворением высших стремлений человеческого духа, явились как бы сами собой и наиболее поразительные приложения ее к жизни: это -- самый общий, самый широкий вывод из истории естествознания" (158).

Тимирязев категорично резюмировал:

"Не в поисках за ближайшими приложениями возводится здание науки, а приложения являются только крупицами, падающими со стола науки" (159).

Затрагивал Тимирязев также вопрос, активно дебатировавшийся в те годы: нужны ли одаренные ученые-одиночки или более успешными были бы коллективные усилия группы средних по уровню мышления и изобретательности специалистов, творчество которых подчинялось бы одной цели и контролировалось бы сверху? В России в те годы стала весьма популярной идея артельного творчества обученных нужному ремеслу людей, Это случилось благодаря широкой распространенности среди читающей публики произведений социалистов и утопистов (см., например, /160/), равно как книг Чернышевского и других публицистов социалистического толка. Тимирязев отверг эту утопию:

"Никакая подобная искусственная организация, именно напоминающая бюрократический прием "получения сведений", не подвинет науки. Артельное, даже подчиненное строго-иерархическому контролю производство науки представляется мне таким же невозможным как и подобное производство поэзии" (161).

Но в среде русской интеллигенции так считали далеко не все. Идея блага, проистекающего из "приземления" научного труда, жила и крепла. Не умолкали голоса людей, обвинявших ученых в оторванности от повседневной жизни, в кастовости и паразитировании на теле общества. Популярным стал тезис о том, что никаких особых талантов не требуется для того, чтобы стать продуктивным ученым. "Не боги горшки обжигают", "И медведя можно научить зажигать спички" -- эти залихватские присказки не переставали звучать в преломлении к проблеме роста талантов. В русской среде особенно популярным стал рассказ о выдающемся успехе даже не в одной науке, а в науках вообще холмогорского паренька Михайлы Ломоносова, пешком дошедшего до Москвы из-под Архангельска, обучившегося в сказочно короткие сроки, а затем якобы покорившего весь современный ему мир первоклассными работами, выдвинувшими имя Михайла Васильевича Ломоносова в число великих умов человечества. Строки из ломоносовской оды

"Похвально дело есть убогих призирать,

Сугуба похвала для пользы воспитать:

Натура то гласит, повелевает вера...

И божественных Платонов

И великих, славных истинно Невтонов

Может и российская земля рождать" (162)

были трансформированы в более привычные современникам стихотворные размеры, и теперь у многих спорящих всегда наготове был убойный аргумент о легком взращивании на российской почве быстрых разумом Ньютонов. Тимирязев возражал против такого упрощенчества:

"...только в мозгу Ньютона, только в мозгу Дарвина совершился тот смелый, тот безумный скачок мысли, перескакивающий от падающего тела к несущейся в пространстве планете, от эмпирических приемов скотовода -- к законам, управляющим всем органическим миром. Эта способность угадывать, схватывать аналогии, ускользающие от обыкновенных умов, -- и составляет удел гения" (163).

Но снова и снова ученые (то есть те, кто знали на своем опыте, что значит научная деятельность) сталкивались с глухой стеной непонимания со стороны большей части общества, непоколебимо уверенной в обратном.

В канун октября 1917 года и после него, в условиях смены старых порядков новыми, спор о роли творческих исследований не прекратился. Так, весной 1917 года М.Горький говорил, обращаясь к ученым, литераторам, и в целом к интеллигенции:

"Русская история сплела для нашего народа густую сеть таких условий, которые издавна внушали и до сего дня продолжают внушать массам подозрительное, даже враждебное отношение к творческой силе разума и великим завоеваниям науки... В представлении мужика ученый -- это барин, а не работник, разбивающий оковы духа...

Народ должен знать, что ныне он живет в атмосфере, созданной для него именно наукой, -- он не знает этого. Ему должно быть понятно, что барин, собирающий в поле цветы, - не бездельник, а человек, который воспитывает деревне агронома, что ситцевая рубаха на его

плечах сработана на станке, который нельзя создать, не зная математики, что лекарство врача явилось результатом кропотливой работы ученого" (164).

Эти слова были произнесены в момент, когда русский царь сложил с себя обязанности монарха. В атмосфере эйфорического ликования либералов Горький, всецело разделявший эти чувства, говорил:

"Вывод должен быть только один: наука, самая активная сила мира, должна разрушить древнее недоверие к ней, коренящееся в русском народе, она должна сорвать с народной души скептицизм невежества, должна освободить эту, всем нам дорогую душу, от оков предрассудка и, окрылив ее знанием, вознести русский народ на высшую стадию культуры" (165).

Он продолжал:

"Нам, граждане, нужно организовать в своей стране ее лучший мозг... создать для развития русской науки такие условия, которые дали бы ей возможность свободного и бесконечного развития...

Чем выше поднимется свободно исследующая наука, тем шире ее кругозор, тем обильнее возможность практического применения научных знаний к жизни, к быту..." (166)7.

Но уже в апреле 1918 года Ленин твердой рукой очертил рамки деятельности Академии наук России, ограничив её работу чисто прикладными задачами: анализом "рационального р а з м е щ е н и я промышленности", изучением наилучших путей для её концентрации в зависимости от природных ресурсов, вопросами поиска новых центров сырья, использования "водяных сил и ветряных двигателей вообще и в применении к земледелию" (168).

"Надо ускорить и з д а н и е этих материалов [имелись ввиду его директивы о том, как теперь надлежит развивать науку -- В.С.] изо всех сил, послать об этом бумажку и в Комиссариат народного просвещения, и в союз типографских рабочих, и в комиссариат труда", --

требовал Ленин (169). Вслед за ним с аналогичными требованиями выступил Зиновьев (170). Ни слова о теоретических исследованиях даже не было произнесено.

И хотя некоторые из вождей нового общества (Н.И.Бухарин, Л.Б.Каменев) на словах поддерживали важность развития теоретических исследований, не направленных непосредственно на разрешение утилитарных целей (171), среди руководителей сохранялось негативное отношение к высокой науке. Дискуссия о призвании ученых, о направленности их труда и о том, кому идти в науку, возродилась на новой основе. Декларации о том, из кого следует формировать корпус "красных спецов" и какими целями следует достичь решения этой задачи, говорили сами за себя. Пожалуй, только голоса таких людей, как В.Г.Короленко и А.М.Горький выбивались из согласно звучащего хора тех, кто считал дело науки посильным для любого человека, в лучшем случае проявляющего любознательность и смекалку, а в худшем просто командированного "грызть гранит науки". "Творчество масс", "Инициатива миллионов" -- эти и подобные им лозунги стали знамением времени.

Особенно активно пропаганда привлечения
 в науку лиц с недостаточным образованием, с отсутствием данных к продуктивному творчеству, но подходящих с точки зрения классового происхождения и лояльного поведения, развернулась при Сталине. Сильный в плетении интриг, но не способный к проявлению высших сторон духовной деятельности, Сталин начал методично проводить в жизнь

политику недоверия к людям умственного труда, требовал насаждать в учебных и научных учреждениях людей, преданных партии. Для "чудаков-ученых" настали тяжелые времена.

Эта мрачная страница в истории отечественной науки еще не до конца прочитана, еще во многом не осознана. Несомненно, что призывы Сталина (повторявшие во многом императивы Ленина) встретили сочувствие у многих в стране, даже в среде интеллигентов. Особенно в ходу был лозунг о привлечении в науку и культуру выдвиженцев из народа. Тот же Горький, например, восхищался возможностью приобщения к литературе только что познавших грамоту людей и тщился создать новый вид творчества -- летописи фабрик, заводов и колхозов, написанных простыми людьми (см., например, /172/).

Разговоры о приближении науки к практике стали еще более популярными. Осуждение "кабинетного стиля", "оторванности от жизни", "витания в эмпиреях" стало широко распространенным. "Чистая наука" превратилась в предмет откровенных нападок.

Лысенкоизм -- общественное течение, опиравшееся на лозунг привлечения к научной работе тысяч полуграмотных крестьян, объединенных в колхозы, -- был плоть от плоти таких представлений. На многих примерах в книге было показано, насколько пренебрежительно относились Лысенко и его клевреты к науке и ученым, занятым не поверхностно-примитивным опытничеством, а глубокой проработкой серьезных проблем, то есть деятельностью, требовавшей и обширных знаний и глубокого ума. Особенно откровенно негативное отношение к науке и к деятелям науки высказывал Презент -- правая рука Лысенко и идеолог лысенковского клана.

Повторявшиеся этими людьми утверждения об озабоченности улучшением сельскохозяйственной практики отражали два существенных для оценки лысенкоизма момента -- с одной стороны, собственный низкий уровень творческой активности лысенкоистов и их неспособность (естественную в условиях недообразованности) к глубоким исследованиям, а, с другой стороны, рожденный Лысенко особый метод делания науки, вернее науки в кавычках, -- метод рассылки по колхозам анкет и оправдывания пользы от своих нововведений на основе якобы сообщаемых в анкетах цифр. В то же время анализ повседневной практики лысенкоистов показывает, что на самом деле ни Лысенко, ни его последователи на самом деле никоим образом результатами "народных опытов" не пользовались и от них не зависели. Постоянные апелляции лысенкоистов к простым колхозникам были примитивной и пустой в своем содержании политической игрой.

В то же время следует заметить, что и сам Лысенко и его ближайшие сподвижники не должны рассматриваться как люди недалекие и примитивные. Они, действительно, были людьми полузнания, не прошедшими серьезную научную школу, но это были умные и тонкие политиканы, лица, прекрасно разбиравшиеся в людях, их психологии, весьма флексибильные к любым изменениям политического климата. Они были хорошими организаторами, как правило, прекрасно ораторствовали на популярные темы и легко приспосабливались как к среде партийных начальников, так и к простонародью. В новом обществе их поведение неизменно встречало хороший прием и рождало симпатии.

Постепенно, шаг за шагом, Лысенко теснил с "поля битвы" тех, кто оставался на чисто научных позициях, и каждая маленькая победа над ними не только не подрывала его реноме, а, напротив, прибавляла веса к его авторитету в глазах руководства и большинства простых людей "на местах".

В целом, зарождение лысенкоизма и тем более разрастание его были закономерными, вытекали из причин социальных, отражали реалии складывавшегося общественного порядка.

Аналоги лысенкоизма можно найти не только в биологии, но и во всех других отраслях советской науки, а научные деятели, поступавшие сходным образом, имелись во множестве. И поэтому приходится с болью за советское общество признать, что если бы на сцену не вышел человек по фамилии Лысенко, его место неминуемо занял бы другой такой же деятель, фамилия которого звучала бы иначе, но основные действия которого были бы такими же. Так складывались нормы поведения в те времена, что для любителя триумфов иного пути не было, в таком поведении заключалась железная закономерность Системы.

Примечания и комментарии

к главе XVII

1 Борис Чичибабин. Из книги: Мои шестидесятые. Киев, Изд. художественной литературы "Дніпро", 1990. стр.198.

2 Герман Гессе. Игра в бисер. Перевод с немецкого, М., Изд. иностр. лит-ры, 1962, стр. 147.

3 Член-корреспондент Академии наук СССР Б. Астауров. На пороге больших открытий. Газета "Правда", 8 октября 1961 г., 282 (15772), стр. 2-3.

4 От редакции. Там же, стр. 2.

5 Там же.

6 Там же, стр. 3.

7 Там же.

8 Там же.

9 Там же, стр. 2.

10 Там же, стр. 3.

11 Н.С. Хрущев. Правильное использование земли -- важнейшее условие быстрого увеличения

производства зерна, мяса, молока и других сельскохозяйственных продуктов. Речь на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик нечерноземной зоны РСФСР в Москве 14 декабря 1961 года. Газета "Известия", 16 декабря 1961 г., 297 (13843), стр. 1-3.

12 Там же, стр. 1.

13 Там же.

14 Там же.

15 Там же, стр. 2.

16 Там же, стр. 3.

17 Н. Фейгинсон (доцент кафедры генетики и селекции МГУ). Чему же верить? Газета "Сель-

ская жизнь", 29 мая 1962 г., 124 (9297), стр. 2. Наряду с обычными уговорами относительно грандиозных успехов Лысенко и его учения ("Развитие мичуринского учения...позволило намного обогнать... биологическую науку капиталистических стран... Крупнейшим достижением... является открытый академиком Т.Д.Лысенко и экспериментально обоснованный процесс порождения одними видами других"), Фейгинсон выражал возмущение действиями тех, кто раньше всецело разделял положения "мичуринского учения", а теперь от него отошел. В связи с этим он ссылался на сотрудника ВИР А.П.Иванова, который в 1955 году присоединился к мнению тех, кто считал возможным, что одни виды способны порождать другие, а в 1962 году издал книгу "Рожь", в которой категорически отверг такую возможность.

18 В. Писарев, профессор. Озимую пшеницу -- на восток. Газета "Сельская жизнь", 1 июня 1962 г., 127 (9300), стр. 2.

19 А.С.Мусийко. Наш вклад. Беседа с корреспондентами. Там же, 20 июня 1962 г., 143 (9316), стр. 2.

20 Информационная заметка "Конференция ученых-селекционеров". Там же, 22 июня 1962 г., 145 (9318), стр. 4.

21 Личное сообщение академика ВАСХНИЛ и АН БССР Н.В.Турбина.

22 Mark B. Adams. Biology after Stalin: A case study. Survey, Winter 1977-1978, vol. 23, no. 1 (102). Publ. by The Eastern Press Ltd., London and Reading, pp. 53-80.

23 Лаборатория Глущенко была в течение ряда лет прикреплена к Почвенному институту имени

В.В.Докучаева, а затем вошла в состав Всесоюзного НИИ прикладной молекулярной биологии и генетики ВАСХНИЛ.

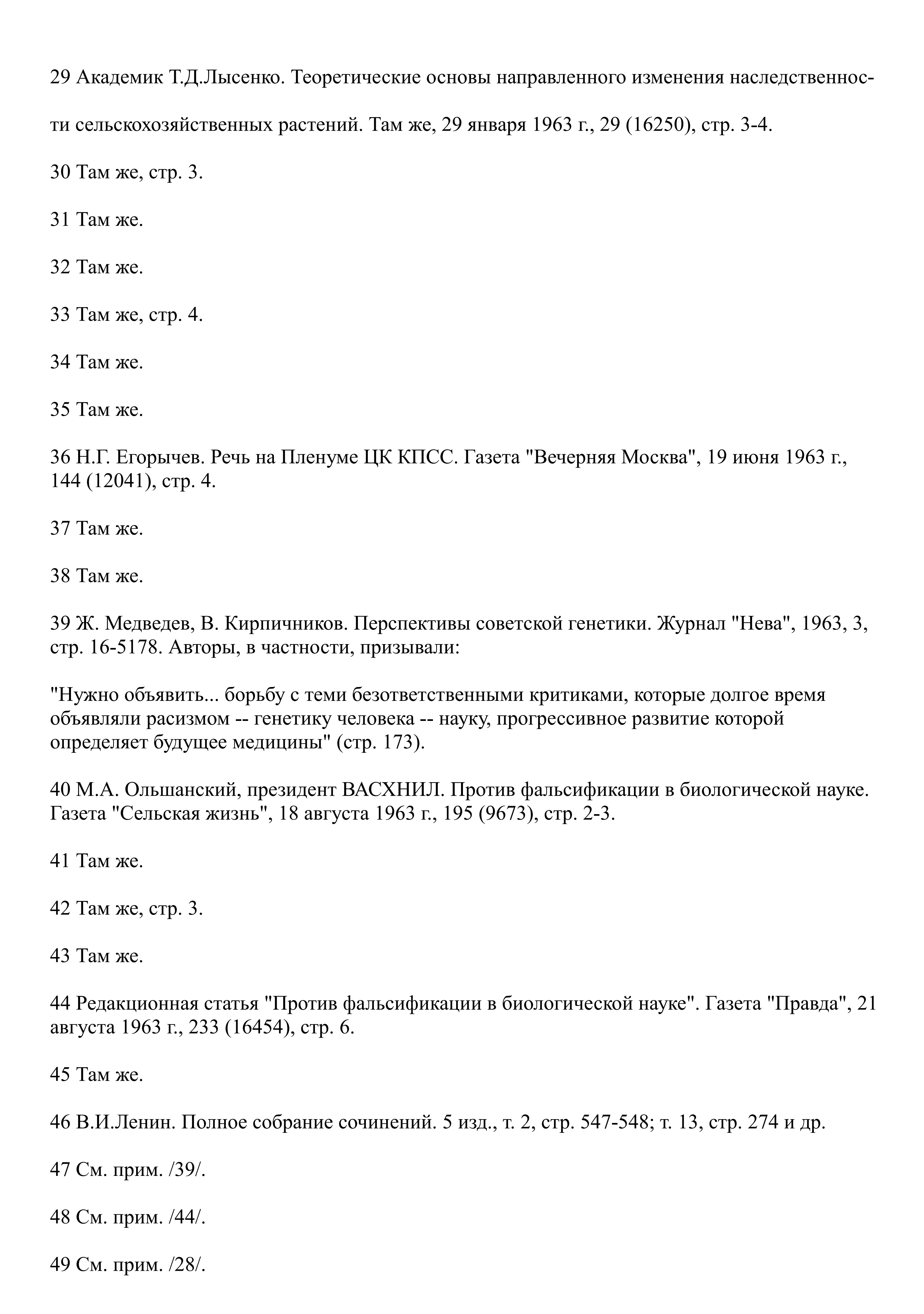
24 История посещения М.В. Келдышем лысенковского института описана в воспоминаниях И.Е.Глущенко, стр. 282-284.

25 Zhores A. Medvedev. The Rise and Fall f T.D. Lysenko. Columbia University Press, New York, 1969. На русском языке книга была издана почти 2-5ю годами позже: Жорес Медведев. Взлет и падение Лысенко; История биологической дискуссии в СССР (1929-1966). М., Изд. "Книга", 1993.

26 H.Mageshwari and Mathur Nirmala. The rise and fall of Lysenko. J. Science Club, March-May 1965, p. 167-172

27 "Полнее использовать возможность роста производства в каждом колхозе и совхозе". Речь товарища Н.С. Хрущева в селе Калиновка Курской области 28 июля 1962 года. Газета "Правда", 3 августа 1962 г., 182 (14036), стр. 1-2.

28 В ЦК КПСС и Совете Министров СССР. О мерах по дальнейшему развитию биологической науки и укреплению ее связей с практикой. Там же, 25 января 1963 г., 25 (16246), стр. 1.

29 Академик Т.Д.Лысенко. Теоретические основы направленного изменения наследственности сельскохозяйственных растений. Там же, 29 января 1963 г., 29 (16250), стр. 3-4.

30 Там же, стр. 3.

31 Там же.

32 Там же.

33 Там же, стр. 4.

34 Там же.

35 Там же.

36 Н.Г. Егорычев. Речь на Пленуме ЦК КПСС. Газета "Вечерняя Москва", 19 июня 1963 г., 144 (12041), стр. 4.

37 Там же.

38 Там же.

39 Ж. Медведев, В. Кирпичников. Перспективы советской генетики. Журнал "Нева", 1963, 3, стр. 16-5178. Авторы, в частности, призывали:

"Нужно объявить... борьбу с теми безответственными критиками, которые долгое время объявляли расизмом -- генетику человека -- науку, прогрессивное развитие которой определяет будущее медицины" (стр. 173).

40 М.А. Ольшанский, президент ВАСХНИЛ. Против фальсификации в биологической науке. Газета "Сельская жизнь", 18 августа 1963 г., 195 (9673), стр. 2-3.

41 Там же.

42 Там же, стр. 3.

43 Там же.

44 Редакционная статья "Против фальсификации в биологической науке". Газета "Правда", 21 августа 1963 г., 233 (16454), стр. 6.

45 Там же.

46 В.И.Ленин. Полное собрание сочинений. 5 изд., т. 2, стр. 547-548; т. 13, стр. 274 и др.

47 См. прим. /39/.

48 См. прим. /44/.

49 См. прим. /28/.

50 См. прим. /44/.

51 Там же.

52 Журнал "Нева", 1963, 9, стр. 162. В заметке было сказано:

"Редакция журнала "Нева" допустила грубую ошибку, напечатав в 3 статью Ж.Медведева и В.Кирпичникова "Перспективы советской генетики", в которой не-объективно, с групповых позиций трактовались проблемы развития биологической науки. Статью... редакция считает ошибочной и вредной для нашей науки".

53 Некоторые неприятности Ж.А. Медведева и В.С.Кирпичникова начались, как считает Кир-

пичников, после того, как Н.С.Хрущев съездил в Югославию для восстановления разорванных Сталиным отношений с И.Броз Тито. Кирпичников даже видел фотографию сидящих визави обоих лидеров двух стран и лежащего между ними на столе номера "Невы" с их статьей. Прямо в Белград был вызван
1-й секретарь Ленинградского обкома партии Толстиков, которому Хрущев приказал навести порядок в подведомственном ему журнале. Редакторов "Невы" тут же вызвали в обком, но так уж изменились порядки, что руководители журнала С.А.Воронин и А.И.Хватов своеобразно выполнили приказ: освободились от мешавших им людей -- поэта Орлова, литературоведа Дмитриевского, секретаря редакции Курочкина и других (всего 6 человек), которые статью Медведева и Кирпичникова и в глаза не видели.

Прорабатывать В.С.Кирпичникова в Государственном НИИ рыбного хозяйства, где он тогда заведовал лабораторией рыбоводства, собирались долго -- дотянули до апреля 1964 года. Руководить проработкой провинившегося обком партии поручил человеку со стороны, но зато своему в этих инстанциях -- академику Б.Е.Быховскому, директору Зоологического Института АН СССР. Собрание института было назначено на 14 апреля 1964 года. На него пришло невиданное ранее в этом тихом институте число научных сотрудников. Выступали в основном люди пришлые: три философа из института усовершенствования врачей, а также М.Е.Лобашев, Ю.И.Полянский, Н.Л.Гербильский, Ю.М.Оленов, В.Я.Александров и А.С.Трошин. Первые трое обвинили авторов в политических ошибках. Особенно неприятным было выступление даже не философов, а коллег Кирпичникова -- биологов Лобашева и Полянского. Они фактически согласились с оценкой философов, но и внесли "свой вклад". В личном плане для Кирпичникова было особенно больно слышать речь Ю.И.Полянского, который сказал, что он полностью согласен с М.Е.Лобашевым, считающим, что в центральной части статьи генетика слишком восславлена, а мичуринское учение слишком принижено, и что совершенно ошибочны начало и конец статьи, т. е. те места, где критиковался лысенкоизм как целое и говорилось о вреде, нанесенном науке и советскому обществу.

"В этом отношении я с Михаилом Ефимовичем [Лобашевым -- В.С.] согласен. Нужно прямо сказать, что это ошибочно, это нехорошо и неправильно", --

сказал Полянский. (Цитировано по выдержке из стенограммы, хранящейся в личном архиве профессора В.Я.Александрова).

Б.Е.Быховский, поддержав вывод Лобашева и Полянского, добавил от себя, размахивая статьей американского историка науки Д.Журавского:

"Смотрите, что они там на Западе пишут в связи со статьей Медведева и Кирпичников. В

СССР будто бы есть два лагеря в научных кругах: академический и другой -- партийных ученых. Это возмутительная клевета. Нет двух лагерей, а формальная генетика -- вредоносна". (Цитировано по записи, хранящейся у В.С.Кирпичникова).

Оленов, Трошин и Александров постарались возразить и Лобашеву с Полянским и Быховскому с философами. Александров, в частности, сказал:

"Почему мы гордимся, когда в американской прессе пишут об ансамбле Игоря Моисеева и считаем ужасным, когда там пишут статьи о советских журналах и советской генетике?"

Вердикт собрания был безликим: было сказано, что в институте слаба идеологическая работа, а в статье "не показана борьба идеалистического и материалистического направлений в науке, допущен объективизм в отборе и освещении фактов". (Цитировано по резолюции, хранящейся у В.С.Кирпичникова). Заранее подготовленный пункт об идеологической ошибочности статьи и о назначении комиссии для проверки лаборатории В.С.Кирпичникова не зачитывался и на голосование даже не ставился.

54 М.В. Келдыш. О мерах по улучшению деятельности Академии наук СССР и Академий наук

Союзных республик. Доклад на общем собрании АН СССР 14 мая 1963 г., журнал "Вестник АН СССР", 1963, 6, стр. 3-22. Келдыш предложил создать 15 отделений в составе АН СССР.

В упомянутом выше очерке американского историка Марка Б.Адамса /22/ говорится, что реорганизация могла проводится под нажимом Т.Д.Лысенко. Это предположение оспаривают ответственные сотрудники аппарата Президиума АН СССР. Они рассказывают, что идея реорганизации возникла у М.В.Келдыша после его очередного вояжа в одну из соцстран. Ему понравилось там деление АН на секции, и он решил сделать то же в АН СССР. Такое деление было действительно на руку Т.Д.Лысенко и было в духе реформаторских инициатив Хрущева. Ирония судьбы заключалась в том, что пока реорганизовывали АН СССР, в "братской" АН деление на секции успели отменить, убедившись в его неэффективности.

55 См. отрывки из стенограммы Общего собрания АН СССР 26 июня 1964 года: Т.Д.Лысенко и Академия наук. Сб. "Репрессированная наука", Л., Изд. "Наука", 1991, стр. 518-522.

56 Там же, стр. 519-520.

57 Там же, стр. 520.

58 Там же, стр. 520-521.

59 Там же, стр.521-522.

60 Там же, стр. 523-525.

61 М. Ольшанский, президент ВАСХНИЛ. Против дезинформации и клеветы. Газета "Сельская жизнь", 29 августа 1964 г., 204 (9989), стр. 5.

62 Там же.

63 Там же.

64 Там же.

65 Там же.

66 П. Шелест. Вдали от производства. О серьезных недостатках в работе Ботанического инсти-

тута Академии наук СССР. Газета "Сельская жизнь", 2 октября 1965 г., 233 (10018), стр. 3. Автор статьи отрицательно, даже ругательно отзывался о генетике, очернил научную работу ученика Вавилова Ф.Х.Бахтеева и других ученых.

67 И. Рапопорт, доктор биологических наук. Химический мутагенез. Там же, 22 октября 1964 г., 250 (10035), стр. 3.

68 Там же.

68 В. Дудинцев. Нет, истина неприкосновенна! Газета "Комсомольская правда", 23 октября 1964 г., стр. 2-3.

70 К. Кожевникова. Берег честь смолоду. Там же, 2 ноября 1964 г.,стр. 2-3.

71 В.Губарев. Когда не хватает такта. Там же, 10 ноября 1964 г., стр. 4.

72 Там же.

73 Н.Воронцов, кандидат биологических наук. Жизнь торопит. Нужны современные пособия по биологии. Там же, 11 ноября 1964 г., стр. 3.

74 В. Эфроимсон, доктор биологических наук, Р.Медведев, кандидат педагогических наук. Критерий -- практика. Письмо в редакцию. Там же, 17 ноября 1964 г.

75 Там же.

76 Там же.

77 Там же.

78 Там же.

79 Например, в обращении к молодежи, названном "Товарищи комсомольцы, юные проле-

тарии и колхозники", опубликованном в газете "Мичуринская искра" в 1932 году, И.В.Мичурин писал:

"С межвидовой гибридизацией стали считаться, однако, не тогда, когда я вывел ценные в экономическом отношении межвидовые гибриды, а с тех пор, когда ученый Карпеченко получил гибрид между редькой и капустой, и хотя этот гибрид имеет лишь голый научный интерес и ничего не даст для экономики, Карпеченко все же была присуждена Рокфеллеровская премия.

Я не нуждаюсь нисколько в капиталистических премиях, так как я счастлив тем вниманием и теми заботами, которые проявляют ко мне коммунистическая партия и советское

правительство, а ныне и вы, комсомольцы -- пролетарии и колхозники".

Цитировано по книге: "И.В.Мичурин". Соч., т. 4, стр. 244, Сельхозгиз, М., 1948.

80 Цитиров. по рукописной заметке В.П.Эфроимсона, написанной после прочтения рукописи этой книги и хранящейся в моем архиве.

81 Олег Писаржевский. Пусть ученые спорят. "Литературная газета", 17 ноября 1964 г., 136 (4878), стр. 1-2.

82 См. прим. (82) к главе XV.

83 Цитиров. по статье А.А.Аграновского. См. следующее прим.

84 Анатолий Аграновский. Наука на веру ничего не принимает. "Литературная газета", 23 января 1965 г., 10, стр. 2.

85 Там же.

86 Там же.

87 Там же.

88 Там же.

89 Там же.

90 Там же.

91 Там же.

92 Н.П. Дубинин. Покорить живую крепость. Газета "Комсомольская правда", 21 ноября

1964 г., стр. 4; Д.Беляев. На основе законов генетики. Газета "Правда", 22 ноября 1964 г., 327 (16913), стр. 3; Ю.Керкис. Что такое вегетативная гибридизация. "Учительская газета", 4 марта 1965 г., его же: Еще раз о вегетативной гибридизации, там же, 17 июля 1965 г.

93 М.Хаджинов. Генетика и проблема гибридных растений. Газета "Сельская жизнь", 1 декаб-

ря 1964 г.; В. Мамонтова. Хороший сорт -- основа урожая. Газета "Правда", 8 января 1965 г., стр. 2.

94 П. Жуковский. О некоторых новых методах прикладной генетики. Газета "Сельская

жизнь", 19 ноября 1964 г.; Б.Соколовская. О чем же умолчал учебник. "Учительская газета", 22 декабря 1964 г.; В.Жданов. Цель -- управлять наследственной изменчивостью. "Медицинская газета", 2 февраля 1965 г.

95 В. Губарев. Два полюса жизни. Газета "Комсомольская правда", 27 февраля 1965 г.;

М.Поповский. Право на истину. Там же, 27 ноября 1964 г.; его же: О чести ученого. Газета

"Советская Россия", 4 февраля 1965 г.

96 В.Воронов. К вопросу о жирномолочности: что показывает опыт работы с джерсеями в совхозе "Коммунарка". Газета "Сельская жизнь", 278 (10063), 25 ноября 1964 г., стр. 3.

97 Академик А.Л. Курсанов. От молекулярной биологии до селекции. Газета "Правда", 19 декабря 1964 г., стр. 2.

98 Там же.

99 Академик Н. Семенов. Наука не терпит субъективизма. Журнал "Наука и жизнь", 1965, 4, стр. 38-43 и 132.

100 М.Д. Голубовский. О развитии генетики в нашей стране и научной истине (по страницам газет и журналов). Журнал "Биология в школе", 1965, 4, стр. 86-90.

101 См. прим. (99), стр. 43.

102 В.Н. Сойфер, кандидат биологических наук. Человек познает законы наследственности. В кн: "Микромир жизни", под редакцией доктора медицинских наук профессора Д.М.Гольдфарба, Изд. "Знание", М., 1965, стр. 124-162.

103 Джон Холдейн. Ученый уходит из жизни. Еженедельник "За рубежом", 26 декабря 1964 г., 52, стр. 22.

104 Распоряжение Президиума Академии наук СССР 33-260 от 13 февраля 1965 г.

105 Согласно распоряжению Президиума Академии наук СССР 37-171 от 29 января 1965 г.

в комиссию вошли: А.И.Тулупников (член-корреспондент ВАСХНИЛ) -- председатель, Э.К.Гунеева и Ю.М.Кринкин (старшие зоотехники Главного управления племенного дела Министерства сельского хозяйства СССР), Н.А.Кравченко (профессор Украинской сельско-хозяйственной академии), Л.С.Лесик (заместитель начальника Главного управления семеноводства Министерства сельского хозяйства СССР), И.Л.Попок (заместитель главного бухгалтера Центральной бухгалтерии Президиума АН СССР) и др.

106 См. Журнал "Вестник Академии наук СССР", 1965, 11, стр. 57.

107 Там же, стр. 27.

108 В докладе были перечислены такие темы:

"...направленное изменение природы растений", "разработка способа массового превращения яровых культур в морозостойкие озимые и озимых в яровые", "выведение новых сортов мягкой пшеницы с обычными и ветвистыми колосьями", "биологические закономерности корневого питания растений", "повышение жирномолочности крупного рогатого скота" и "межпородное скрещивание свиней" (там же, стр. 28).

109 Там же. стр. 29.

110 В докладе было сказано:

"С 1954 по 1964 год на всей площади пашни (500 га) было внесено в почву 16512 т органо-минеральных смесей и 35263 т навозно-земляных компостов, в состав которых входило: навоза -- 22597 т, торфа -- 5000 т, фосфоритной муки -- 763 т и извести -- 2208 т. Кроме того, за эти годы было внесено раздельно: суперфосфата -- 583 т, калийной соли -- 320 т и аммиачной селитры-- 375 т. Это означает, что ежегодно на один гектар пашни на поля "Горок Ленинских" вносилось в среднем навоза-- 5 т, извести -- 4 ц и минеральных удобрений (включая фосфоритную муку) -- по 3,8 ц" (там же, стр. 7).

111 Там же, стр. 3.

112 Там же, стр. 23.

113 Там же.

114 Там же, стр. 6. В заключении комиссии были приведены следующие данные:

"... О важном значении для хозяйства права реализации продукции по розничным ценам свидетельствуют следующие данные. В 1964 г. хозяйство "Горки Ленинские" выручило за продажу молока по розничным ценам 303,6 тыс. руб. Если бы молоко было продано государству по заготовительной цене (по 12,5 руб. за 1 ц), как это происходило в 1964 г. в обычном совхозе, выручка составила бы только 173 тыс. руб., а прибыль не 153 тыс. руб., а 22,5 тыс. руб., т. е. в 7 раз меньше. Если бы и реализация племенного молодняка происходила по средним плановым ценам, установленным для племенных совхозов, то хозяйство не только не получило бы прибыли (186 тыс. руб.), а имело убыток".

Конечно, такой расчет был совершенно обоснован, ибо и Лысенко и за ним другие лысенкоисты постоянно ставили хозяйство Горок в пример другим хозяйствам, а ведь все их успехи были основаны на этой уникальной возможности хозяйствовать не по социалистическим меркам (без заранее запланированных цен на продукты сельского хозяйства, не учитывающих рыночный спрос, без заранее указанной структуры посевных площадей, поголовья того или иного скота и т.д.). Грош цена была этим советчикам, так как их бахвальство и стремление все время всех поучать не имели под собой основания.

115 Там же, стр. 18.

116 Там же.

117 Там же, стр. 56-65.

118 Там же. стр. 57.

119 См. о Пленум Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза. 10--15 февраля 1964 года. Стенографический отчет. Изд. Политической лит-ры, М., 1964

120 Там же.

121 Газета "Правда", 22 декабря 1959 г.

122 См. прим. (106), стр. 22.

123 См. прим. (119), стр. 342.

124 См. прим. (106), стр. 56.

125 Там же, стр. 52.

126 Там же, стр. 52-53.

127 Там же, стр. 57.

128 Там же. Чуть ли не первой эту новость сообщила варшавская газета "Политика" в статье с названием "Граб -- не лещина", Maciej Ilowiecki. Grab nie lezcyna. Politika (Warszawa), 20/II/1965.

129 См. прим. (106), стр. 66.

130 Там же, стр. 69.

131 Там же, стр. 71.

132 Там же, стр. 79-80.

133 Там же, стр. 81.

134 Там же, стр. 81-82.

135 Там же, стр. 91-92.

136 Там же, стр. 94-95.

137 Там же, стр. 97.

138 Там же, стр. 108.

139 Там же, стр. 109.

140 Там же. В этом выступлении было показано, что включение извести в смесь было совершен-

но неоправданным: в 68 опытах проверяли внесение не тройной, а двойной (без извести) смеси и установили, что, если в среднем тройчатка дала 3,8 ц/га прибавки урожая при урожае на контрольных участках 19,6 ц/га, то двойная смесь дала прибавку 3,9 ц/га.

141 Там же, стр. 121.

142 Там же.

143 Там же.

144 Там же, стр. 122.

145 Там же, стр. 123.

146 Там же, стр. 124.

147 Там же, стр. 123.

148 Там же, стр. 128.

149 Там же.

150 Там же.

151 Личное сообщение сотрудницы аппарата Президиума АН СССР Т.Н.Щербиновской.

151а В 2001 году я выступил с печати с предложением исключить всех упомянутых людей из Российской Академии наук (см.: В.Н.Сойфер. Воспоминания детей "больших родителей" и историческая справедливость. Газета "Новые Известия", 3 февраля 2001 г., 19 (778), стр. 4.

152 См. "Отчет о научной работе Экспериментальной научно-исследовательской базы "Горки Ленинские" АН СССР. Москва, 197"2, регистрационный номер экспедиции АН СССР 22/268, 2/IV. 1972, стр. 6-7.

153 Там же, стр. 28.

154 Следующие подписи стояли под обращением:

Герой социалистического труда, депутат Верховного Совета СССР, академик П.П.Лукьяненко

Герой социалистического труда, лауреат Ленинской премии, депутат Верховного Совета УССР, академик ВАСХНИЛ В.Н.Ремесло

Герой социалистического труда, лауреат Ленинской премии, академик ВАСХНИЛ А.Л.Мазлумов

Герой социалистического труда, академик ВАСХНИЛ Л.А.Жданов

Герой социалистического труда, академик ВАСХНИЛ, член-корр. АН СССР И.Г.Эйхфельд

Герой социалистического труда, академик ВАСХНИЛ и АН УССР Л.К.Гребень

Дважды лауреат Государственной премии, академик ВАСХНИЛ, профессор, доктор наук И.Е.Глущенко

Академик ВАСХНИЛ и АН УССР П.А.Власюк

Лауреат Государственной премии, академик ВАСХНИЛ, доктор биологических наук А.В.Алпатьев

Академик ВАСХНИЛ, профессор, доктор наук Н.И.Анучин

Лауреат Ленинской премии, заслуженный деятель науки, член-корр. ВАСХНИЛ П.Ф.Гаркавый

Член-корреспондент ВАСХНИЛ, профессор, доктор наук С.А.Погосян

Член-корреспондент ВАСХНИЛ, профессор, доктор сельскохозяйственных наук А.В.Альбенский

Член-корреспондент ВАСХНИЛ, профессор, доктор биологических наук А.Н.Мельниченко

Лауреат Государственной премии, профессор, доктор философских наук Г.В.Платонов

Профессор Московской сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева, доктор биологических наук Б.В.Добровольский

Профессор Волгоградского сельскохозяйственного института, доктор с. х. наук П.А.Яхтенфельд

Профессор Днепропетровского медицинского института, доктор медицинских наук Е.И.Демиховский

Профессор Московского Государственного Университета, доктор биологических наук Н.В.Лебедев

Доцент Волгоградского сельскохозяйственного института, кандидат с. х. наук В.Н.Рыкунова

Доцент Волгоградского сельскохозяйственного института, кандидат с. х. наук В.Балашов

Доцент Дальневосточного института советской торговли, кандидат философских наук В.И.Минеев

Доцент Крымского сельскохозяйственного института им. М.И.Калинина, кандидат философских наук И.А.Бардин

Доцент Московского Государственного Университета, кандидат философских наук А.И.Куроедов

На имеющемся в моем распоряжении экземпляре этого письма (машинописная копия)

внизу страницы есть важная деталь -- машинистка поставила значок "5л", что означает, согласно принятому в ЦК КПСС делопроизводству, что ею для данного документа было отпечатано 5 страниц. В нашем распоряжении имеется это письмо с собственной нумерацией от первой до четвертой страницы, причем значок "5л" стоит на странице, помеченной "4". Следовательно, кроме данного документа, было еще какое-то письмо, которым мы не располагаем, помещенное впереди приводимого текста.

155 Цитиров. по тексту воспоминаний И.Е.Глущенко.

156 Цитиров. по имеющемся у меня экземпляру коммюнике.

157 Л.Н.Толстой. О назначении науки и искусства. Цитиров. по: Сочинения графа

Л.Н.Толстого. Часть одиннадцатая. Народные рассказы и статьи. Издание одиннадцатое, Москва, Типолитография Товарищества И.Н.Кушнерев и Ко, 1903, стр. 344.

158 К.А.Тимирязев. Праздник русской науки. В кн.: "Некоторые основные задачи

современного естествознания". Издание В.Н.Маракуева, М., 1895, стр. 12.

159 Там же, стр. 13.

160 Томас Мор. Утопия. Перевод А.Г.Генкеля, издание 3-е, испр. и допол., Изд. Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, серия утопических романов, 1918 (первое издание вышло в СПБ в 1902 г.).

161 См. прим. /156/, стр. 37.

162 Цитиров. по статье А.П.Щапова "Памяти М.В.Ломоносова", 1865, перепечатано в сборнике "Шестидесятники", М., Изд. "Советская Россия", 1984, стр. 389.

163 К.А.Тимирязев. Дарвин как тип ученого. Лекция, прочитанная в Московском университете 2 апреля 1878 г., в кн.: "Некоторые основные задачи современного естествознания". Изд. В.Н.Маракуева, М., 1895, стр. 99.

164 М. Горький. Наука и демократия. Журнал "Природа", 1917, -56; перепечатана в журнале "Природа", 1978, 2 (750), стр. 51.

165 Там же.

166 Там же, стр. 53.

167 Там же, стр. 50.

168 В.И.Ленин. Наброски плана научно-технических работ. Т. 27, стр 288-289.

169 Там же, стр. 288.

170 См.: "Речь тов. Зиновьева на юбилейных торжествах в Ленинграде по случаю 200-

летия Академии наук". Газета "Известия ЦИК и ВЦИК", 1925, 10 сентября, 205 (2539), стр. 2. В отчете о речи Г.Е.Зиновьева говорилось:

"...Сегодня мы присутствуем при встрече победоносного рабочего класса с представителями науки.

Далее тов. Зиновьев... указывает, что коммунистическая партия, взяв власть в свои руки, одной из боевых задач поставила распространение науки среди широких слоев населения".

Через три дня, выступая на пленуме Ленинградского Совета в честь Академии наук, Г.Е.Зиновьев снова повторил:

"...мы твердо убеждены, что теперь, когда... марксизм в действии... теперь грянет такая эпоха, когда сближение между лучшими людьми науки и представителями многомиллионных масс трудящихся, в первую очередь, рабочего класса -- когда сближение между ними будет неизбежно". См.: "Единый фронт науки и труда". Газета "Известия ЦИК и ВЦИК", 13 сентября 1925 г., 209 (2543), стр. 2.

171 См., например, приветствие Л.Б.Каменева Академии наук. Газета "Известия", 15 сентября 1925 г., 209 (2542), стр. 2.

172 М.Горький. За работу! О создании большевистской "Истории заводов". Газета "Известия", 28 ноября 1931 г., 327 (4534), стр. 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

"Нет! -- воскликнул я, -- воспитание великое дело, и мальчиков надо пороть под латинской грамматикой".

А.А.Фет. Из письма к Л.Н.Толстому (1).

"Приятно и даже соблазнительно властвовать над людьми, блистать перед другими, но есть в этом и некий демонизм, опасность".

Герман Гессе.
Игра в бисер (2).

За годы, пока я собирал материалы об истории лысенкоизма, читал речи, статьи, книги, разыскивал живых свидетелей тех лет, знавших лично героев случившейся драмы, -- и из лагеря Лысенко, и из среды ученых, противостоявших ему, -- я невольно сживался с образами этих людей, они мне грезились наяву и во сне. Их голоса звучали, как живые. Я снова видел перед собой Трофима Денисовича, каким видел его в студенческие годы, -- в вечно сереньком балахоне, в помятом пиджачонке и в штанах с сальными пузырями, вздувшимися на коленках. Его надтреснутый голос прорывался из строк статей и докладов. Его сухая жилистая фигура, казалось, могла появиться в дверях. И мне хотелось бы еще раз увидеть его, усесться за длинным столом в его маленьком неуютном кабинетике в Тимирязевке, никак не соответствующем его величайшему посту, но так соразмерному с его собственным неказистым видом.

В те годы я сам ходил в шитом-перешитом продувном пальтишке, вечно недоедал и не задумывался над тем, а почему богатый академик и к тому же президент щеголяет в таких нарядах? Что это -- поза, демонстрация самого престижного в те годы пролетарско-крестьянского происхождения или внутреннее кредо, отражение цельности натуры, сущности этого сильного человека, целиком и полностью отданного делам и не желающего знать ничего о внешних атрибутах, модных портных, добротных вещах?

Я жил в общежитии, уехав от мамы, оставшейся в Горьком, пропадал дни и ночи в лабораториях и аудиториях, был робким с девушками, поэтому мне и в голову не приходила простая мысль, а как же смотрела на эту опрощенность его жена, дети, почему академик, еще вовсе тогда не старый человек пренебрегает внешностью, не следит за собой, неужели ему не хочется выглядеть получше перед всегда оценивающими глазами окружавших его женщин? Что он -- и ими пренебрегал? Или совсем уж щекотливый вопрос: а были ли у него любимые женщины? И посещал ли он театры, бывал ли на концертах, почитывал ли романчики, ходил ли в гости? Были ли у него друзья задушевные? Не холуи, не прилипалы, каких около столпов всегда уйма, а настоящие друзья. Встречался ли он с ними в домашнем кругу, и если встречался -- выпивал ли положенные на Руси сто грамм, а, может, пятьсот? Ведь здоровый был мужик. Или вовсе спиртного в рот не брал? А как относился к деньгам? Был скуп или, напротив, добр?

Сколько таких вопросов возникло у меня позже, и как мне хотелось узнать на них ответы. Ведь, что ни говори, а я сжился с моим главным героем, пере-читывал, часто вслух, цитаты из его статей, силился вспомнить, как он сам говорил в аудитории про то же. Я старался

понять мотивы его действий и, если сказать честно, не мог временами не испытывать уважения к его методичным, тонко продуманным акциям.

Если в начале работы над книгой мне казалось кристально ясным, что Т.Д.Лысенко -- не просто посредственность, а отвратительный тип, монстр, негодяй, то со временем я стал стремиться к тому, чтобы не навешивать в каждом случае подобных ярлыков, а стараться подходить к любому из его поступков с пригашенными эмоциями и холодной головой. При таком подходе я нередко не мог не отдать должного изрядной смелости этого человека, его умению концентрировать силы, парировать выпады врагов, прекрасно говорить на публике, решать психологические задачи, выкарабкиваться из ловушек, вскакивать на ноги после падений. Он был так слитен с эпохой, с её идеалами и героями, которых воспевали в книгах и кинофильмах, которым старались подражать миллионы вырвавшихся из захолустья простых девушек и парней, не умевших отличать истинных героев от таких вот прилипал к времени.

В духе времени были и его фанфаронские жесты, вроде отправки телеграмм в адрес "Москва. Кремль. Товарищу Сталину", и даже постоянное стремление пускать пыль в глаза внешней "упрощенностью" -- уже упомянутым помятым пиджачком с загнутыми лацканами, старым дедовским сыромятным ремешком, засаленным и скрутившимся в жгут, подпоясываться коим он предпочитал даже после того, как его ученики подарили ему как-то шикарный ремень (так и не использованный никогда их великим патроном). Отсюда же проистекала такая черта поведения, как нежелание ставить студентам на экзаменах тройки или, упаси Бог, двойки, так как за них лишали стипендий. (Впрочем, допускаю и иное объяснение: он мог не ставить плохих отметок и из-за нежелания признать этим, что кто-то не хочет, как следует, учиться по его предмету. А так, чем не почет: моим предметом все занимаются увлеченно).

Среди даже относительно хорошо знавших Лысенко людей он умело поддерживал легенду о собственной бессребренности, простоте в личной жизни. Лишь крайне ограниченное число людей, буквально единицы, знали (да и те предпочитали при жизни Лысенко об этом помалкивать), что вся его простота была обманчива и, как гласит русская пословица, была хуже воровства. Лысенко был одним из самых зажиточных среди своих коллег. Его зарплата (и приплаты за участие во всяких комиссиях и членство в Президиуме АН СССР1) превышала зарплату самых именитых ученых, полученная от Сталина "в подарок" дача под Москвой в живописном местечке Мозжинка вблизи Звенигорода имела вид латифундии, одной за другой он удостаивался наград в виде орденов, несших при Сталине ежемесячно немалые материальные блага, трижды был удостоен Сталинской премии 1-й степени (по 200 тысяч рублей каждая), приличными были гонорары за газетные и журнальные статьи и бесчисленные переиздания одних и тех же книг. Много лет он получал крупные вознаграждения за "улучшение" сортов с помощью внутрисортового переопыления. Такое вознаграждение было установлено постановлением Совнаркома СССР в июне 1937 года и предусматривало выплату по 4 копейки с гектара всех посевов в стране селекционным станциям и учреждениям, откуда этот сорт вышел, и селекционерам-улучшателям уже имевшихся сортов ("...не выше 50 000 рублей в год", как гласило это постановление /3/). Ж.А.Медведев образно сравнил надежды получить дополнительный урожай от таких "внутрисортовых переопылений" с попытками увеличить объем воды в бутылке посредством ее встряхивания. Но это не мешало властям платить фантастические по тем временам деньги за посев "обновок" на миллионах гектаров.

В очерках советских журналистов его живописали как своеобразного аскета. Его и на самом деле не волновало, как он одет, обут. Он мог десяток лет таскать одно и то же пальтецо, месяцами завязывать всё те же потрепанные шнурки, во многих местах порвавшиеся и связанные узелками, -- и это его нисколько не смущало: раз можно завязать, чтобы ботинки не болтались, -- то и ладно, не в узелках дело.

Да, он не читал беллетристики, вообще читал мало и по пустякам не разбрасывался. Никто не помнил, чтобы он по собственной инициативе хоть раз сходил в театр, на концерт, -- он жил в ином мире и ничуть этим не тяготился. (Впрочем, одно исключение из правила стало мне известно: чета Глущенко пригласила как-то Трофима Денисовича в Центральный Еврейский театр на "Короля Лира". По словам Ивана Евдокимовича Глущенко игра Михоэлса потрясла Лысенко, и он попросил Берту Абрамовну Глущенко сводить его еще раз в еврейский театр на тот же спектакль; но, кто знает, может быть давнишнее чувство Лысенко к жене Глущенко, толкавшее его и раньше на необдуманную прыть, и здесь сыграло свою роль?).

А женщины, в общем-то, волновали его мало: дотошные сослуживицы вспоминали пару историек, когда вроде бы что-то когда-то было, но и здесь инициатива исходила скорее всего не от него, и, кажется, он быстро остывал. "Да, и скажите, -- говорил мне академик Т., близко его знавший, -- при такой жене, как его Александра Алексеевна, которая вообще за ним не следила никак, и, по-моему, и белья ему не стирала, и обедами не кормила, кто бы удержался?" И, тем не менее, выходило, что, в целом, удерживался. Не манило это его, иными целями жил.

В послесталинское время он завел раз и навсегда определенный распорядок дня: с утра на работе, с которой в 6 часов вечера он уезжал всегда в одном и том же направлении: в цековскую столовую на улице Грановского. Там он обедал, брал в распределителе кое-какие продукты для семьи и затем ехал домой. Пока он обедал и отоваривался, шофер успевал купить когда одну, когда две бутылки пива (которое Лысенко любил). Несколько раз в месяц он сам (всегда сам, а не шофер) покупал бутылку сухого вина. Но не водку. (Как разночтение, возникал рассказ человека из противного лагеря -- генетиков, который узнал от своей знакомой, дочери члена-корреспондента АН СССР Арнольда Степановича Чикобавы / 1898--??/ -- советского языковеда, награжденного тремя орденами Ленина, что её отец дружил с Лысенко и иногда зверски с ним напивался, и тогда они якобы на равных ругали советскую власть. Но так ли это?!).

Все близко его знавшие дружно свидетельствовали, что Трофим Денисович не любил оставаться один и всегда вызывал к себе домой кого-либо из приближенных. Вернувшись с работы, он спал час или два, а затем звонил, как правило, Презенту или Глущенко (последний жил неподалеку на Якиманке), и с восьми вечера до двух-трех часов ночи они проводили время в беседах, обсуждая темы, называемые ими научными.

Не любил он оставаться один в своем кабинете и на работе, вечно требовал, чтобы кто-нибудь с ним был рядом.

Собственноручно он своих статей никогда не писал, а диктовал стенографистке. Потом кто-то из грамотных приближенных (опять-таки чаще всего Презент или Глущенко) правили тексты, полученные от машинисток, и отдавали их Трофиму. Он снова что-то диктовал, если считал нужным, и так статью доводили до завершения.

Конечно, такой стиль творчества не споспешествовал тому, чтобы стать более грамотным. Лысенко не знал правил грамматики и при письме не ставил знаков препинания. Я видел как-то посвящение на книге, выведенное рукой Лысенко в 1937 году:

"Дорогому ... дарю свою первую работу думаю и верю что твоя первая работа будет несравненно лучше вернее (затем слова "несравненно лучше вернее" были повторены еще раз и зачеркнуты,
после чего дарственная надпись продолжалась) мечтаю чтобы твои работы были

продолжены и главное более верными как это сделаеш

ТДЛысенко"

Дата была написана так, как пишут врачи на рецептах, -- 19 21/Х 37, запятые и точки отсутствовали, а на конце слова "сделаеш" от буквы "ш" вниз шла какая-то робкая маленькая черточка, будто он задумался, а не следует ли здесь еще что-то дописать, но потом не решился и оставил всё, как было. Поражал в этой подписи и удивительно корявый почерк, "как курица лапой", из криви вкось. Но уже в пятидесятые годы он делал надписи на книгах более четким, хотя всё еще каким-то детским почерком, и по-прежнему без знаков препинания.

К слову сказать, когда я несколько лет работал с Н.П.Дубининым, я не раз удивлялся тому, сколь неграмотен этот человек, каждый день писавший сам по многу и довольно интересно. Несколько раз я пытался в шутливой форме сообщить ему, например, что причастный оборот, стоящий после определяемого этим оборотом слова, выделяется запятыми. В конце концов, после, наверно, десятого упоминания про эти злосчастные запятые, Николай Петрович вышел из себя и, рассвирепев, закричал:

- Запомните, я -- академик и вовсе не должен помнить об этих запятых! У меня всегда найдутся умники, вроде вас, которые за меня их, где нужно, расставят.

В другой раз Дубинин, взявшийся в 60 с лишним лет педантично учить английский и быстро в этом преуспевший, в той же манере проговорил уже не мне, а своей молоденькой жене, приставшей с нотациями по поводу неправильного употребления герундия:

- Не знаю я ничего про эти герундии. И знать не хочу. И без них обойдусь.

Возможно, в таком грамматическом нигилизме сказывалось плохое начальное образование обоих академиков, хотя Дубинин вел происхождение от дворянина, а Лысенко от крестьянина. Во всяком случае, не один Лысенко отличался нелюбовью к запятым.

Было широко известно, что Лысенко не проявлял жадности к деньгам, и, если узнавал о чьем-то безденежье, лишениях (естественно, в своем кругу), просто и без всякой позы давал нуждающимся деньги, порой немалые, причем умел давать их так, чтобы не обидеть человека. Так было в Одессе, так продолжалось и в Москве. Этим, конечно, не раз пользовались ловкачи, но изворотливость и жадность отдельных людей не пригасила готовности Лысенко помогать деньгами ближним. Например, еще в Одессе на его доброте неплохо поживился его заместитель на директорскому посту А.Родионов. Этого простого рабочего (который, как помним, в анкетах в строке "образование" писал: "незаконченное среднее самообразование") Лысенко возвысил. Почему-то он решил, что семья Родионова бедствует, и несколько лет давал регулярно любимцу деньги. В это самое время Родионов, будучи заместителем лысенковского института по административно-хозяйственной работе, прекрасно был осведомлен о том, что лично Лысенко денег не хапает, так как демонстративно не получает положенных ему как научному руководителю гонораров за семерых числящихся за ним аспирантов, объясняя это тем, что ему на жизнь хватает. Заведенное правило -- давать вспомоществование Родионову действовало до тех пор, пока Лысенко не узнал ненароком, что Родионов выстроил себе неплохую дачу, которую, конечно, при бедности не построишь. Он тут же прекратил благодетельство и долго с Родионовым не разговаривал.

Он постоянно ругался со своим зятем -- мужем родной сестры, оставшейся жить в Карловке

в родовом гнезде Лысенко. Зять частенько наезжал в Москву, чтобы поспекулировать какими-то товарами. Останавливаться он мог не только у своего высокого родича, но, тем не менее, всегда приезжал на квартиру к Лысенко. Последний узнавал о цели его приезда, и тогда между ними начиналась перепалка. Но наезды от этого не прекращались, поведения своего никто не менял. Как занимался зять спекуляцией, так он и продолжал это делать дальше; как ругался с ним Трофим в прошлые разы, так ругался и позже. Но чтобы власть употребить -- это ему и в голову не приходило, и зять это хорошо учитывал. Если вспомнить, как обходились с неприятными им родственниками другие люди из верхушки при Сталине, то можно оценить терпимость Лысенко.

Характерно вел себя Трофим Денисович и в отношении еще одного родственника -- родного отца. Денис Никанорович управлял в Горках так называемой бригадой полеводов. Однако положенной ему по закону зарплаты не платили: так распорядился сынок. "Я тебя кормлю, и на одёжку и на обутку даю. Не бедствуешь",-- отрезал как-то сын раз и навсегда, и заносчивый старик по этому поводу никогда не роптал. Он поддерживал хорошие отношения со всеми дружками сына, любил зазвать их в свою избу в Горках, угощая всегда одинаково -- шматом украинского сала (которое никогда не переводилось) и полстаканом водки. Отказываться от угощения было нельзя, иначе старик бы обиделся, при этом он всегда приговаривал, что вот всю жизнь так обедает и здоров, как бык. За четыре месяца до смерти колоритный старик заявил Трофиму, что чувствует приближение конца и просит отвезти на родину в Карловку. Желание было исполнено. Он умер в своем доме, сидя за столом и положив голову на руки.

Я узнавал эти подробности из жизни знаменитого человека, они, конечно, о многом говорили, подтверждая правоту давно известной мысли, лаконично выраженной А.Моруа:

"Нет науки без обобщений, но и нет человеческой истины без индивидуальных черт" (4).

И, тем не менее, на многие вопросы ответа я не знал, и вряд ли кто-нибудь мог их прояснить.

Но все эти детали быта и характера не могли заслонить главное в его жизни: то, что он своим цепким умом понял, как надо использовать создаваемую коммунистической партией систему власти, чтобы продвигаться вверх, лезть по трупам, никого не щадить и ничего не терять. Окровавленные челюсти коммунистической государственной машины перемололи таких гигантов как Яковлев, Эйхе, Чернов, Муралов, Гайстер, с которыми рядом находился и Лысенко, но он уцелел. Против него лично были направлены действия его научных противников, и, если смотреть правде в глаза, кое-кто из них, наверняка, не только думал, но и делал всё, чтобы любыми методами свалить его и изничтожить, как изничтожались десятки миллионов других людей в это страшное время. А он выжил и победил, хотя побывал в непростых передрягах. Было бы неправильным недооценивать ловкости и самообладания этого человека. Тем более что, когда дело шло о научных взглядах, его поведение было в основном открытым, хотя высказывался он подчас грубо. Его позиция была ясной, хотя и неделикатной.

Конечно, для оценки позиции и действий Лысенко в системе власти ответы на многие из вопросов о глубинных характеристиках его личности могли бы пригодиться. Но только вопросы эти должны были приоткрыть не поверхностные стороны его поведения, не детали, связанные с опрощенностью внешнего вида и приземленностью таких сторон, как нежелание ставить плохие оценки студентам. Кое-что о его внутреннем мире я узнал от близких когда к нему людей, кое-что прояснилось в беседах с людьми не столь близкими, но все-таки знавшими его лично. И, тем не менее, картина эта была мозаичной, поступки не всегда оказывались однозначными и легко трактуемыми. Кроме того узнаваемые подробности

уводили от основного, затемняли фундаментальные черты его как части научной среды, черты, ставшие основополагающими для него в профессиональной деятельности. Чертами же этими была уникальная для масштаба его личности серость, узость интересов и скудость знаний.

Рука судьбы оказалась к нему благосклонной на заре жизни, когда забросила в Ганджу под начало талантливого ученого Н.Ф.Деревицкого, когда дала ему возможность в первый же год работы общаться с такими выдающимися людьми, как Н.М.Тулайков, крутиться в атмосфере ВИР'овского энтузиазма, быть включенным в нешуточное дело. Но складывающаяся обстановка государственного благоволения к тем, кого А.И.Солженицын метко обозвал "образованщиной", коснулась и молодого Лысенко. Посланцем Молоха выступил московский журналист Вит. Федорович, прославивший Лысенко на страницах центральной газеты, и не удержался молодой агроном, покатился колобком по сусекам, наращивая силу, но убегая от образования, науки, ученых. Как у Антихриста в легенде Владимира Соловьева, у которого после сговора с Дьяволом ни одно дело больше уже не удавалось, так и у Лысенко вся последующая жизнь пошла в мистическую пустоту -- за что он не брался, всё оканчивалось конфузом и провалом. Мечась от одной догадки к другой и не умея ни к одной из них подойти серьезно, как то подобает настоящему ученому, он падал вниз, не осознавая этого. И как дьявольское наваждение появилась жажда власти -- и он поддался на приманку, стал судорожно карабкаться вверх, расходуя на это все свои недюжинные природные данные. В годы взлета он, наверно, чувствовал себя счастливым, а то, что за внешним процветанием терял всё больше, он и осознать не мог. Цена теряемого ускользала от сознания. Маленькие уступки самому себе оставались незаметными, облепившие его со всех сторон помощнички и ученички, менее талантливые, но более злобные, только ускоряли процесс развала личности, оскудения интеллекта, притупления совести.

В церковь он не ходил, и в Бога, видимо, уже не верил, и не было у него духовника, некому было покаяться в грехах, некогда поразмыслить над ними. Самый страшный грех -- грех гордыни -- обуял душу, а ведь склони он непокорную голову даже перед потаенной иконой, возможно, и навели бы его молитвы на мысли о греховности содеянного и ежеминутно творимого. Но нет, не до того было. Он даже один, наедине со своими мыслями боялся остаться, звал к себе клевретов и подхалимов, искал успокоения в беседах с ними. Так и уходило счастье человеческое, заменялось деловитой суетой.

Вращение в системе власти создавало веселое мелькание в глазах, но от этой ряби настоящее дело не сдвигалось вперед ни на йоту, а лишь обрастало грязью. Как не работала в социалистической системе ни одна деталь, так не работал и Лысенко, оставаясь всё тем же полуграмотным знатоком
из народа, кустарем-самоучкой. Уже первая его работа была построена на обмане, подделке, а вовсе не была "открытием агронома Лысенко", как трубили газеты, и как до сих пор многие наивно полагают (5). Не обрастал он знаниями и позже, не смог стать настоящим ученым. Так выстраивался порочный круг -- плохое образование -- отсутствие в последующем стимулов к самостоятельному росту -- замена необходимости движения вперед в науке движением вверх по лестнице власти -- а там, только бы удержаться, только бы не упасть. Вырваться из круга можно было на начальных этапах, но тут помешала социальная среда, открывшая ворота для середняков, посредственностей, серостей, лишь бы они были своими, и одновременно перекрывавшая все пути для образованных, продуктивных, но "не-своих".

Личные устремления этого человека, его недюжинная работоспособность, крестьянская смекалка и выносливость могли бы помочь его самосовершенствованию. Но оказавшись замешанными на самолюбии, всё более перераставшем в болезненное тщеславие, эти свойства характера постепенно редуцировались в банальное упрямство и нежелание слушать

кого бы то ни было, кто брался учить его уму-разуму. Он потерял самокритичность -- качество абсолютно необходимое ученому, окружил себя льстецами. Они называли его гениальным человеком, а ведь правильнее было сказать, что он всё более превращался в ограниченного человека, в гениальную посредственность.
:
Середняки взяли власть, выдвинулись во всех сферах жизни, стали триумфаторами в массе, а отсюда проистекала массовость признания Лысенко как яркого представителя посредственности. Блистал же он лишь словесными императивами и был готов ежесекундно идти на подлог, лишь бы не утерять не по праву захваченные позиции. Конечно, середняка не советская система породила. Но она призвала их в науку, дала им преимущества в занятии мест и в институтах и в академиях, так что весь феномен лысенкоизма был чисто советским. "Середняк пошел в науку" -- этим сказано всё.

Но не только в науке Лысенко остался навсегда серым. И в другой сфере бытия -- в обыденной жизни он свою серость не поборол. Его личная жизнь, как и жизнь его кумира Сталина, была убогой. Всё, что так ценимо людьми иного, высокого стиля -- искусство, музыка, книги, радость дружеского общения, взлеты духовной жизни, даже пылкая любовь к женщине -- всё осталось вовне, не коснулось его. Его жена была такой же серой посредственностью, как и он сам. Их трое детей выросли кичливыми, они унаследовали его тщеславие и ожесточение, где только можно разглагольствуют о величии их непонятого, опередившего своё время родителя, а как только прослышат о публичных упоминаниях ошибок Лысенко, строчат протесты и опровержения.

Не понимали и сам Лысенко, и даже Сталин и Хрущев, так его защищавшие, что пир победителя Лысенко, богатырски разгромившего врагов его "учения" и недругов социализма, был пиром во время чумы. Всё общество, управлявшееся "победителями", было тяжело и безнадежно больно, и, взглянув непредубежденно на одни лишь проявления лысенкоизма, можно было вы-явить симптомы болезни и узреть её первопричину, её главный болезнетворный "...изм", ибо та же болезнь охватила весь социум. Еще крепким было тело с виду, еще мало кто понимал серьезность надвигавшейся беды, еще радовались большевики, что оказались способными отхватить треть Европы, Монголию и Китай, Вьетнам и Корею, пробраться в Африку, а уже тогда глубокое нездоровье всей системы изобличала история болезни Лысенко.

В самом деле, ведь в любом обществе всегда были и будут шарлатаны и просто ошибающиеся люди. Они могут пытаться надуть окружающих -- с умыслом или по неведению. Но в здоровом обществе коллеги тут же обратят внимание на ошибки, проверят выкладки и вынесут им объективную оценку. За "липовым" открытием быстро наступит черед закрытия. И никто не подвергнет репрессиям закрывателей несостоявшегося открытия, никто из членов правительства или секретной полиции не набросится с политиканскими обвинениями ни на честных ученых, ищущих новое и несущих обществу пользу, ни на тех, кто ошибся или смухлевал. Даже если бы это случилось по отношению к честным ученым. Даже если бы это случилось, то немедленно сказалось бы на судьбе тех, кто посмел поднять руку на мозг нации. То, что случилось в СССР с загубленными или временно репрессированными учеными, возможно только там, где альянс лысенок и сталиных с бериями был частью раскручивавшейся кровавой колесницы социализма.

Конечно, и в жизни цивилизованных обществ бывали моменты, даже в новейший период истории, когда мракобесы временно приобретали вес в обществе, когда из школьных библиотек изымали книги Дарвина, как это было в США, но эта временная лихорадка быстро проходила, организм был достаточно силен, чтобы оказаться подкошенным ею. Однако даже в пору пика болезни ученых не хватали, не заточали в тюрьму, не казнили и не унижали, а

развитие науки не останавливалась ни на секунду.

Бывали и такие случаи, когда отдельные самородки опережали свое время, выдвигали идеи, до которых еще десять и двадцать лет должны были дорастать их менее дальновидные коллеги. Такие истории встречаются и по сей день. Но пионеры науки, первопроходцы и "прорицатели" не на том добивались успеха, что отвергали без всяких на то оснований теорию гена или всю генетику сразу, а предлагали на самом деле новые идеи. Барбара Мак-Клинток в пятидесятых годах открыла явление перескакивания генов в хромосомах, разработала теорию этого переноса, и, тем не менее, голос этой хрупкой и тихой женщины был не то, чтобы не услышан, а просто недопонят и недооценен. Понадобилось двадцать лет, чтобы её идеи подхватили в 70-х годах генные инженеры, чтобы автора по заслугам увенчали Нобелевской премией. Такая грустная (всё-таки двадцать лет потеряно) и радостная (всё-таки труд не пропал) история лучше любой другой подтверждает здоровье свободной (капиталистической) системы, которую ленины, сталины, хрущевы и лысенки обвиняли во всех мыслимых и немыслимых грехах. Эти люди не понимали (вернее, не желали понять) самоубийственность их партийных устремлений. Естественно, не понимали этого и тысячи тех, кого мы сегодня называем постыдным именем лысенкоисты.

Разумеется, было бы жестоким винить в недопонимании принципов научной работы, в замыкании в скорлупу ограниченности и за счет этого в обкрадывании самого себя лишь одного Лысенко. Он жил в том мире, который, во-первых, был создан идейными вождями общества, а, во-вторых, был ему по душе, о чем он так любил разглагольствовать. Мифотворчество, вкупе с шапкозакидательством, с отвержением ценности настоящей науки стали веяниями того времени, и Лысенко следовал этим завихрениям. Водоворот огромных по масштабу социальных перемен втянул в себя Лысенко, закрутил его и поглотил, как поглощают водовороты щепки, а случается и крупные бревна.

При обсуждении таких вывертов советской жизни принято валить все беды на Сталина. Однако наивно считать, что во всем Сталин один виноват. Пожалуй, надо сказать определеннее: ссылки на Сталина особенно нелогичны. И уж совсем наивно обвинять в бедах, случившихся с Лысенко, Сталина. Лысенко выступил на авансцену благодаря своим недюжинным природным данным, он завоевал с боем позиции на вершине пирамиды власти благодаря умению вести борьбу, а не в силу случайности или прихотей Сталина. В созданной системе ценностей он был настоящим самородком чистой пробы, драгоценным бриллиантом. Только караты драгоценности взвешивались на иных весах, -- фальшивые поделки ценились выше подлинных бриллиантов. Так что в своей системе измерений он был рекордсменом. Даже в личных отношениях со Сталиным он переиграл рябого диктатора, сумел втереть ему очки в тот момент, когда другие лидеры партии уже раскусили Трофима. В этом он тоже был рекордсменом. Благодаря поразительной интуиции царедворца и проницательности своеобразного мудреца, благодаря умению разгадывать тайные помыслы Сталина, он смог играть на тех струнах, которые при ином прикосновении издали бы фальшивые звуки и вызвали бы лишь раздражение "великого кормчего". Несерьезно отрицать эти яркие черты его характера.

И никто не мог сравниться с ним в умении общаться с простолюдинами, говорить на их языке. Он обращался не к рассудку крестьян, он взывал к их предрассудкам, он будил в них эти живучие предрассудки, столь близкие сердцу темных и исконно забитых крестьян. Значит, умел он, взлетев наверх, не растерять навыков общения с низами.

Распространено мнение о том, что медвежью услугу оказали ему помощники, накипь, облепившая его со всех сторон. С этим нельзя не согласиться. На ура воспринимали они любой бред, любые эрзацы мысли их шефа. И тут же преподносили ему доказательства

правоты по каждому пункту. Вранье, фальшь, шулерские замашки его помощничков, конечно, оказались страшным бичом лысенкоизма и привели к гибели все "учение". Лысенко должен был бы проклясть свою школу, откреститься от нее. Только ведь для этого надо встать над самим собою, а такого никому не дано. Своими силами этого не сделаешь.

Но, с другой стороны, в школе Лысенко были не одни лишь циничные жулики. Было много и простых людей, может быть, не очень глубоко образованных, но по-своему неглупых. Они все поголовно обожали своего вождя, боготворили его, ни на миг не могли допустить мысли, что он мог в чем-то ошибаться или что-то недопонимать. Я не раз встречал таких людей, каждый раз обнаруживая их гранитную убежденность во всеобщей правоте идей, некогда исходивших от теперь уже покойного шефа.

Как-то раз я столкнулся с этим во время поездки в "Горки Ленинские", когда И.Е.Глущенко уговорил меня посмотреть его опыты по переделке озимых пшениц в яровые. Сопровождать нас он позвал давнишнюю сотрудницу "Горок", много лет проработавшую с Лысенко, а теперь перешедшую к Глущенко. Мы ходили весь день по полям и делянкам, я дотошно спрашивал о деталях их работы, пытался разобраться в количественной стороне дела, найти генетическую причину превращений. Причина эта ускользала.
Я видел, что эта сотрудница очень хотела убедить меня в одном и разубедить в другом. Мы все устали, выдохлись, хотя она превосходно себя вела, была сдержана, терпелива и терпима. Она заинтересовано слушала возражения и старалась мягко их парировать. И вдруг на фоне этой усталости я, видимо, слишком жестко сказал о наивности попыток Лысенко обойтись без генов. На это последовала реплика, смысл которой сводился к тому, что Лысенко понимал всё на свете, а вот мы пока действительно наивно думаем, что можем своим умишком дорасти до него. Тут уж удивился я и спросил:

- Неужели Вам кажется, что Лысенко был прав всегда?

На это она твердо и без внешней аффектации, как-то устало, сказала:

- Трофим Денисович был гением. Все его идеи гениальны и будут восприняты в будущем.

Был конец лета. Желтели бесчисленные колосья. Сухонькая фигура женщины, резко очерченная боковым светом заходящего солнца, контрастно выделялась на золотистом фоне. Было бы бестактно рассмеяться на эти слова. Было, наверняка, нелепо пытаться её разубедить. Я счел за благо промолчать, избрав единственную, как мне казалось, форму несогласия -- оставления её реплики без ответа, глухого с моей стороны молчания. Вскоре я распрощался...

Много раз я вспоминал этот разговор, в памяти всплывал образ старой женщины, долгие годы проработавшей вместе с Трофимом Денисовичем и сохранившей к нему высокое чувство преклонения. Меня изумляло и, признаюсь, даже как-то сердило, что и она и прочие лысенкоисты рассматривали своего бывшего патрона как непризнанного абсолютного гения, просто опередившего свое время и потому несправедливо оплеванного в конце жизни. Они жалели то время, которое ушло и унесло с собой ореол славы великого Лысенко. Это напоминало бесчисленные рассказы о солдатах Наполеона, забывших и тяготы службы, и жестокость тирана, и горечь поражений, а сохранивших лишь святое чувство преклонения перед их великим предводителем. Многих из этих людей Лысенко лично оскорблял, ко многим из них персонально относился высокомерно, третировал, держал в черном теле, не давал защищать диссертации, продвигаться по службе, благоволя в то же время на их же глазах всяким проходимцам и явным мошенникам типа Карапетяна. Обо всем этом они порой рассказывали, не стесняясь. Казалось бы, сделай они всего одно движение, встряхни лишь

Головой и розовые очки спадут с глаз, открывая еще одну черту Лысенко -- его научное убожество и банкротство. Но этого-то как раз никогда и не происходило. Как о человеке говорили порой плохо, вспоминали, правда, с натугой, всякие дурно пахнущие историйки, а стоило копнуть глубже, задеть его научное "кредо", как следовал категоричный и вполне единодушный взрыв признания:

- Лысенко?. . . . . Гений!

И только когда я стал смотреть на этих людей не как на более или менее симпатичных или отталкивающих персон -- то говорящих на чистом литературном русском языке, то на диалекте с исковерканными словами и выражениями, что было чаще, а как на УЧЕНЫХ, то есть специалистов своего дела, я понял, в чем тут загвоздка. Все эти люди, вся "школа Лысенко" несла на себе непременную печать научного убожества, все они были учеными не второго и даже не третьего сорта, а хуже. Каждый из них знал лишь какое-то ремесло, свою узенькую темку, никогда не следил за научными аргументами своих оппонентов. Как закономерный результат такого отбора сотрудников само собой получалось, что все идеи Лысенко воспринимались ими единственно: НЕКРИТИЧЕСКИ. А посему то, что покоробило бы любого образованного биолога, лысенкоистами акцептировалось восторженно. В каждой идее Лысенко яркой стороной выступала демагогическая, бесшабашная ненаучность, сдобренная фальшивой "заботой об урожае". Эрзац бил в глаза неспециалистам повышенной тягой к утилитарности и внешней революционностью. Авторитеты запросто сбрасывались с пьедестала, их заумные, на взгляд середняков, идеи и законы отвергались бездоказательно, но шумно. А от зажигательной революционности, от причастности к "великому труду очищения науки от реакционного буржуазного хлама, оставшегося нам в наследство от старого мира" (Ленин), самомнение этих людей росло. Участие в "величественной деятельности" приятно щекотало нервы, прибавляло веса в собственных глазах. Именно в этой приземленности, излишней и покоившейся на пустом месте самоуверенности и зарождалось чувство преклонения лысенкоистов перед Лысенко, перед его якобы гениальными идеями, которым еще не настал черед.

Стоит ли говорить, что эти люди с порога отвергали малейшее подозрение в преступности поступков и самого Лысенко и его ближайших сторонников в еще одной области -- репрессалиях. Аресты и гибель научных противников списывались на счет Сталина. Иногда вскользь говорилось о том, что не может быть развития науки без драмы идей, хотя кому не ясно, что развитие науки должно сопровождаться драмами, но не драмами человеческого бытия.

Один из самых близких к нему людей как-то вечером рассказывал, как Лысенко спасал невинно арестованных людей, как возмутился, узнав, что его первые в жизни аспиранты написали в газету "Социалистическое земледелие" статейку о непозволительном на их взгляд факте разгильдяйства двух сотрудников одесского института -- Куксенко и Гаркавого, разгильдяйстве, якобы граничащем с вредительством. После публикации в газете письма аспирантов обоих обвиненных тут же арестовали, но Лысенко, узнав о самоуправстве аспирантов, не убоялся написать реляцию в НКВД, и через какое-то время обоих освободили, а Гаркавый позже даже дружил с теми, кто на него "пожаловался в газету". Рассказывал этот сотрудник Лысенко и о замечательном, по его словам, человеке и прекрасном редакторе первых выпусков журнала "Яровизация" Ф.И.Филатове, арестованном только за то, что над его столом висел портрет Есенина. И за него вступился Лысенко, добился освобождения Филатова, тот уехал потом в Саратов, был верным лысенковцем и, спустя годы, защитил докторскую диссертацию.

Но известна мне была и другая история. После ареста А.К.Запорожца -- агрохимика и

директора института, созданного Прянишниковым, его жена, скульптор, Ольга Владимировна Квинихидзе-Запорожец, смогла попасть на прием к Лысенко, завела с ним речь о муже, моля о помощи. Лысенко куда-то спешил, разговор продолжался по дороге, потом Трофим сел в машину. Квинихидзе набралась смелости и тоже села на заднее сидение. Пока машина ехала, она продолжала упрашивать Президента ВАСХНИЛ и депутата Верховного Совета СССР. Лысенко молчал, словно воды в рот набрав, так и не заметил много раз протягиваемого ему прошения, и вышел из машины, зло хлопнув дверцей.

Там, в Одессе, речь шла о своих, здесь его просили за несвоего, за человека из другого лагеря, и доброта испарилась.

Так размывалась пасторальная картинка, появлялись сцены из другого жанра, в котором добрый гений обращался в хищного и злого колдуна.

Не понимали лысенкоисты и те, кто взрастил Лысенко, его пагубной роли в еще одном вопросе. Когда отдается приказание, которое может быть выполнено, начальник выступает в роли вождя, указующего путь к победе и этим укрепляющего свой авторитет. Люди начинают верить в силу этого человека: энтузиазм отдельных маленьких человечков складывается в одну огромную волю, творящую подчас чудеса. А тот, кто придал начальный импульс, приобретает величественные очертания в глазах исполнителей, ставясь реальной силой, подвигнувшей реальные горы. Отражение величия свершенного на лицо, от которого исходил этот начальный импульс, наделяет это лицо силой прозрения, сообщает ему сияние гения. В обществе, имеющем моральные критерии, сказали бы, что на это лицо упала Благодать Божия, что он следовал персту Божию. В обществе бездуховном весь успех припишут гениальности этой личности.

Когда же приказ заведомо неисполним, проигрывают все, но более всего тот, кто такой приказ отдал. Его могут обозвать бранными словами, охарактеризовать как фигляра, игравшего со своим народом в нечистые игры. Этот человек -- при жизни мертвец.

Однако действие этого принципа простирается дальше. Неспособность дать правильный приказ неминуемо ведет к отказу от идеологии, на которой покоил свои взгляды (и выводы) несчастный лидер, превратившийся в фигляра. От неисполнимости его приказов непременно протягивается ниточка к недейственности всей доктрины, руководившей фигляром. Не просто итог жизни этого человека окажется плачевным -- его история высветит пороки и всего общества.

Размышляя над этим выводом, я стал понимать, что со временем концептуальная схема в оценке жизни и деятельности Лысенко менялась и в моем восприятии. В отличие от многих, если не большинства тех, кто изучал историю лысенкоизма, я отходил от однонаправленной концепции, согласно которой осуждению подлежал один Лысенко или он в компании единомышленников. Что мог сотворить во вселенском масштабе один Трофим Денисович или даже Трофим Денисович со-товарищи, если бы не многорукая и многоликая партия коммунистов. Ведь именно партия пестовала "умельцев из народу", партия и только партия, словно гигантский спрут душившая народы Советского Союза -- всех жителей в целом и каждого по одиночке -- ответственна за разгром генетики. Исходя из этого, исследование деятельности Лысенко представлялось мне важным не только само по себе, но и в связи стем, что лысенкоизм отражает пороки Системы, воздвигавшейся коммунистами. В результате совместных действий коммунистов и коммуноидов, коим Лысенко несомненно был, стране и народу был нанесен страшный урон, хотя подавить всех и заставить замолчать всех не удалось. Закончить книгу я хочу мыслью, выраженной Алексеем Константиновичем Толстым, завершившим описание страшных лет царствования Иоанна Грозного в "Князя

Серебряном" словами:

"Да поможет Бог и нам изгладить из сердец наших последние следы того страшного времени... Простим грешной тени царя Иоанна, ибо не он один несет ответственность за свое царствование; не он один создал свой произвол... (6).

...но помянем добром тех, которые,
 завися от него, устояли в добре, ибо тяжело не упасть в такое время, когда все понятия извращаются, когда низость называется добродетелью, предательство входит в закон, а самая честь и человеческое достоинство почитаются преступным нарушением долга!" (7).

1979 -2001 г. г.

Москва -- Фэйрфакс

Примечания к Заключению

1 А.А.Фет. Из письма Л.Н.Толстому. Сочинения А.Фета. Изд. художественной литературы, М., 1982, т. 2, стр. 215.

2 Герман Гессе. См. прим. /2/ к главе XI, стр. 147.

3 В "Постановлении Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 29 июня 1937 г.", оза-

главленном "О мерах по улучшению семян зерновых культур", подписанном Председателем Совета Народных Комиссаров СССР В.Молотовым и Управляющим делами СНК СССР М.Арбузовым, 14 пункт III раздела гласил:

"Ввести, начиная с 1937 года, государственное премирование селекционных стан-ций и селекционеров: ежегодно в размере 6 копеек с каждого гектара хозяйственных посевов -- за выведение нового сорта и в размере 4 копеек -- за улучшение соответствующего сорта. Выдавать 50% премии селекционеру (но не выше 50.000 рублей в год".

(См. газету "Правда" 30 июня 1937 г., 178, стр. 2).

Переопылeные сорта, а также полученные от переопыленных растений семена пшеницы, ржи, ячменя, овса и т. д. считались улучшенными (собственно, в расчете на них и была внесена запись об "улучшенных" сортах). Площади посева такими семенами, цифры о которых сообщались в плановые и финансовые органы (на этом основании и определялась цифра улучшенных площадей, хотя на практике эти цифры были гораздо меньше -- председатели колхозов и директора совхозов предпочитали "улучшать" сорта на бумаге), составляли ежегодно миллионы гектаров. См., например, статью А.Мусийко (в будущем -- директор Института селекции и генетики в Одессе) "Искусственное опыление" в журнале "Колхозное опытничество", 1938, 4, стр. 6-7, в которой автор сообщил, что только в двух областях -- Одесской и Николаевской в 1937 году одна лишь кукуруза была посеяна переопыленными семенами на площади 20 тысяч гектаров. Интересны цифровые данные, представленные Мусийко: в первой части статьи он говорил, что "искусственное опыление кукурузы дало прибавку урожая от 2,5 до 15 ц/га", а ниже, разбирая все имеющиеся в его руках конкретные данные, сообщал, что, на самом деле, в "3 колхозах прибавка была 1 ц/га, а в 46 -- от 1 до 3 ц/га" (там же, стр. 6).

4 А. Моруа. Амио. Цитиров. по книге: "От Монтеня до Арагона". Изд. "Радуга", М., 1983,

стр. 44.

5 Кроме Ж. Медведева, разделявшего это мнение, ту же мысль высказывал в своей статье Н.Ролл-Хансен: Nills Roll-Hansen. Genetics under Stalin (book review). Science, 1985, vol. 227, p. 1329.

6 А.К. Толстой. "Князь Серебряный. Повесть времен Иоанна Грозного". Цитиров. по: Собрание соч. в четырех томах, Библиотека "Огонек", Изд. "Правда", М., том 2, 1969, стр. 497.

7 Там же, стр. 498.

Приложение

ОБЩЕСТВО БИОЛОГОВ-МАРКСИСТОВ -- ПРОВОЗВЕСТНИК

ЛЫСЕНКОИЗМА

"Что скажет о вас история?" -- спросил один невинно осужденный губернатора Дмитрия Бибикова.

- Будьте уверены, -- последовал ответ, -- она ничего не будет знать о моих поступках".

Н. Эйдельман. Лунин (1).

"Как зачем поминать? Если у меня была лихая болезнь, и я излечился и стал чистым от нее, я всегда с радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болею всё так же и еще хуже, и мне хочется обмануть себя. Если мы вспомним старое и прямо взглянем ему в глаза, тогда и наше новое теперешнее насилие откроется".

Л. Толстой. Из разговора с П.И. Бирюковым (2).

Общество биологов-материалистов было создано в 1926 году при Коммунистической Академии. Во главе общества (позже оно было переименовано в Общество биологов-марксистов) стояли большевики с солидным партийным стажем и большими заслугами перед партией -- М.Л.Левин (1), С.Г.Левит (2), И.И.Агол (3). Кроме идеологии, они интересовались фундаментальными науками и даже самостоятельно выполнили оригинальные экспериментальные работы. К руководству Обществом были привлечены также крупные ученые, среди которых на первом месте может быть назван генетик А.С.Серебровский, с пафосом приветствовавший многие начинания большевистского руководства страны и не перестававший декларировать, что он строит свою работу в генетике "под знаменем марксизма-ленинизма"1 . К работе Общества на первых порах сочувственно относился классик отечественной биологии Н.К.Кольцов. Деятельность Общества перекликалась с работами философов А.М.Деборина, Н.А.Карева, Я.Э.Стэна и других (5), пытавшихся обосновать значение законов науки (в особенности, физики и химии) для развития всех форм материи, включая сознание (как одной из форм материи) и найти синтез философских взглядов Маркса и Гегеля.

Однако группу Деборина в 1929 году обвинили в идеологических ошибках, в противопоставлении механицизма диалектическому материализму (в ленинском понимании) (то есть обвинили в попытках свести явления природы к физико-химическим закономерностям и в недоучете, например, общественной борьбы и т.д.). Был рожден

ругательный термин "меньшевиствующий идеализм", были инициированы поиски сторонников этого "идеализма" -- приверженцев Деборина. Быстренько объявились борцы за "чистоту революционного знамени" в разных областях науки и, конечно, в первую очередь, в биологии, всегда привлекавшей внимание марксистов.

Основные споры разгорелись вокруг признания принципа наследования благоприобретенных признаков как основного, по мнению марксистов, фактора эволюции (6). Сторонники обоих противостоящих лагерей обсудили этот вопрос со страстью и взаимными упреками на 2-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений, собравшейся в 1929 году (7). Левин, Левит, а также Агол, за месяц до этого назначенный директором Тимирязевского института Комакадемии (8), выступили с позиции генетики, ламаркисты Е.М.Смирнов и Ю.М.Вермель, также как физик по образованию А.К.Тимирязев (сын К.А.Тимирязева) и партийный функционер С.С.Перов (9) -- в защиту наследования приобретенных признаков. Перов выступал не как простой специалист, а как сотрудник аппарата Центрального Комитета партии, куда он был зачислен за две недели до этого.

Как всегда случалось тогда в спорах с участием коммунистов и коммуноидов в научный спор были внесены политические нотки. Не имея иных аргументов, кое-кто из сторонников ламаркизма пустил в ход идеологические рассуждения и, осуждая генетиков (отвергавших наследование благоприобретенных признаков) как проводников буржуазных взглядов, стремился выставить себя последовательными марксистами-ленинцами, а генетиков врагами марксизма. Особенно усердствовал Перов, заявивший даже, что споры генетиков с ламаркистами -- это настоящая классовая борьба. Такое заявление -- одно из самых опасных в советских условиях -- стало впоследствии наиболее распространенным приемом в обвинениях на политической основе. Конечно, представить себе, что приверженцы разных научных школ и направлений выражают позиции разных классов, можно было либо в крайнем возбуждении, либо преследуя цели, далекие от науки. Но сотрудник аппарата ЦК партии Перов, облеченный особым доверием, никогда бы не допустил пустой горячности в академических диспутах и, следовательно, говорил, трезво взвешивая слова. Его выступление было преамбулой к последующему частому использованию того же приема. Играя на том, что позиции философа Деборина были подвергнуты ранее критике партийными верхами, Перов принялся убежденно доказывать, что генетики -- это скрытые его сторонники, то есть политические уклонисты. Так практика навешивания политических ярлыков вступила в свои права.

Однако эти политиканские наскоки не приносили пока зримых результатов. Споры носили абстрактный характер. На арену еще не выступил человек, который мог бы использовать неквалифицированную, но категоричную идеологию для целенаправленной и вдохновляемой партийными верхами борьбы с учеными, как вскоре начал делать Лысенко. Пока же, в обстановке нагнетания в стране страхов относительно деятельности "врагов народа" и "вредителей", политиканы в биологии не сидели сложа руки.

В марте 1931 года в Москве состоялось сразу несколько заседаний Общества биологов-марксистов (в повестках дня было указано еще название "Общество биологов-материалистов", но его уже именовали в ходе заседаний более определенно: "Общество биологов-марксистов"). Собраниям предшествовало появление в газете "Правда" резолюции общего собрания партячейки Институтов красной профессуры, философии и естествознания, озаглавленной "Об итогах дискуссии и очередных задачах марксистско-ленинской философии" (10). Кроме того, в центральном партийном журнале "Большевик" была напечатана статья Э.Кольмана8 (11), в которой он утверждал, что в СССР в биологии орудуют вредители, срывающие дело строительства социализма. Автор клеймил в первую голову генетиков за евгенические "ошибки", затем зоологов и ботаников за их будто бы

имеющее место противоборство созданию совхозов-гигантов, а также ихтиологов за принижение производительной способности прудов и рек. Кольман, также как и члены партийной ячейки Института красной профессуры, вполне следовал новому стилю: прозвучало утверждение, что теоретические споры ведут к вредным ошибкам в практике, способствуют вредительству в народном хозяйстве, иными словами, он утверждал, что споры эти преднамеренно преследуют далеко идущие политические и подрывные цели. В частности, Кольман заявил, что голосом врага было заявление специалиста в области экологии Н.Н.Подъяпольского (13), что "сплошная распашка больших пространств, имеющая место в наших совхозах-гигантах и больших совхозах, может гибельно отозваться на этих же хозяйствах"2, ибо исчезнут птицы и звери, уничтожающие вредителей полей, изменятся взаимоотношения между видами, распространятся эпидемии. Время показало стопроцентную правоту Подъяпольского, предупреждавшего о бедствиях, к сожалению, во время не устраненных и оставивших в наследство так и не преодоленные до сих пор несчастья.
Как последнее слово в борьбе с вредителями и болезнями в живой природе рассматривают сейчас биологические методы, то есть то самое направление, о котором говорил три четверти столетия назад Подъяпольский. Кольман же хлестко обвинял серьезного ученого и заявлял: "..."охрана природы" становится охраной от социализма" (15).

Показалась Кольману вредительской и оценка ихтиологом Назаровским рыбных запасов в СССР. Смысл тезиса Назаровского сводился к тому, что план добычи рыбы на пятилетку завышен настолько, что если он будет выполнен, то это приведет к нарушению воспроизводительной способности популяций. Он считал, что "...естественные законы размножения рыб таковы, что никак нельзя выполнить пятилетку в рыбоводстве" (16). Доказательство правоты Назаровского было получено позже -- запасы рыбы даже в реках, которые не были перегорожены плотинами, упали ниже всякой ожидавшейся цифры. Вред был нанесен на десятки пятилеток вперед. Но Кольману оценки и призывы грамотного и принципиального биолога представлялись голосом врага, и он перешел, вместо спокойного дискутирования, к поиску "ведьм".

Такими методами выполнялись на практике партийные указания о развитии науки. Публикация в "Правде" постановлений и резолюций, в центарльном журнале компартии "Большевик" -- статей о вредительской деятельности ученых, в сборниках и трудах -- разгромных выступлений, в ведомственных газетах и массовых журналах -- смеси всего этого способствовали разжиганию политических страстей, околонаучных трений, подготовке общественного мнения к тому, чтобы от разгрома "чуждых идей" перейти к обсуждению "не наших людей". Врагов искали не только в промышленности и наркоматах, но и в отвлеченной, теоретической науке. Так, в резолюции партийной ячейки Института красной профессуры, опубликованной в "Правде", было сказано прямо:

"В период обостренной классовой борьбы, напряженной работы по социалистическому переустройству страны, все коренные политические и теоретические вопросы ставятся ребром, в процессе борьбы партия вскрывает все то, что не только в экономике, и политике, но также и на всех теоретических участках является выражением сопротивления развернутому и победоносному наступлению социализма" (17).

Одной из сфер борьбы с "врагами" стала биология. Вслед за расправой над "меньшевиствующими идеалистами" наступило время для атак на "механицистов" (М.М.Завадовского и других), "буржуазных" евгеников (Н.К.Кольцова, В.В.Бунака и др.), автогенетиков (А.С.Серебровского и его учеников). Этому была посвящена дискуссия на общем собрании "Общества биологов-марксистов" 14 и 24 марта 1931 года (18). Ход дискуссии её организаторы пытались представить, как сказал В.С.Брандгендлер, избранный

на собрании Общества заместителем председателя Президиума, "выражением более общего явления":

"...процесс, происходящий здесь, заключается в том, что большевики начинают овладевать техникой и наукой" (19).

Главный докладчик, готовившийся принять в свои руки бразды правления Обществом, Борис Петрович Токин (эмбриолог, в будущем Герой социалистического труда, подобно Лысенко, укреплявший свои позиции с помощью поверхностных новинок, вроде "открытия" фитонцидов, которые были известны несколько веков и лишь не имели этого звучного названия), поделив ученых на "чистых и нечистых", заявил, что наступило время "для коренного поворота в биологии" к строительству социализма:

"...на всех участках теоретической работы происходит сейчас одно и то же -- пролетариат завоевывает науку всерьез и глубоко... Ходом социалистического строительства уже выдвинуто множество таких новых проблем, которые с позиций буржуазной науки, старыми методами работы -- разрешены быть не могут... Как находящаяся в агонии буржуазия способна лишь дать паллиативы для спасения обреченной историей на гибель капиталистической системы, так и буржуазные ученые не могут преодолеть кризиса современной биологии. Преодоление кризиса науки возможно лишь с позиций последовательного диалектического материализма. Перед нами стоит задача реконструкции биологии" (20).

Конечно, никакой действенной программы реконструкции предложено не было. Все свелось прежде всего к поиску врагов среди ученых.

"В Советском Союзе, -- говорил Токин, -- вредитель-биолог пакостит социалистическому строительству, тормозит использование достижений в нашей практике, влияет на все области методологии... Крупнейшие социалистические фабрики зерна, мяса дают совершенно новые неограниченные возможности научно-исследовательской работы биологов. Поэтому на этом участке работы мы имеем жесточайшее сопротивление со стороны классовых врагов" (21).

"Мы должны помнить, -- стращал Токин, -- что необходима борьба -- разоблачение всего антиленинского, антимарксистского" (22).

Развернуть борьбу докладчик призывал уже на этом собрании. Говоря о крупнейших ученых, Токин объявил, что есть специалисты, которых" НУЖНО БИТЬ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ" (23). Не учить, не поправлять, не призывать перейти на верные позиции, а БИТЬ!

"К числу этих лиц, -- сказал он, -- несомненно, надо отнести Гурвича, Любищева, Беклемишева, Берга, Соболева и др. Также совершенно необходимо организовать изучение и разоблачение механистических школ и направлений Кольцова, Павлова, Лазарева, Самойлова, М.Завадовского и др." (24).

Как видим, в список подлежащих избиению "в первую очередь" попал цвет мировой биологии. Поименно были упомянуты и великий И.П.Павлов -- лауреат Нобелевской премии, и Н.К.Кольцов, снискавший уважение во всем мире за работы по изучению клетки, и П.П.Лазарев -- один из основателей биологической физики в СССР, и Л.С.Берг -- создатель теории номогенеза, и А.Г.Гурвич -- удивительный по глубине мышления человек (которого, кстати, Токин лично ненавидел и пытался всячески опорочить), и М.М.Завадовский -- один из создателей биологии развития, и другие крупнейшие ученые. Стоит в этой связи отметить, что и сам Токин, и выступившие за ним в том же ключе Валескалн, Баткис, Боровский, Яффе,

Каганов, Волков, Брандгендлер -- не оставили в науке вообще никакого позитивного следа и не имели морального права нападать на тех, кого они взялись клеймить.

А между тем П.И.Валескалн требовал, чтобы теория повернулась лицом к практике, забывая, что только теория и несла помощь практике, и с изрядной долей демагогии утверждал:

"Об этом нужно говорить, и я бы сказал, прямо кричать. Чертовски мало накопленный материал в области естествознания преломляется конкретно в практической деятельности в народном хозяйстве" (25).

Рецепт поворота был вполне большевистским:

"Давно уже пора перейти на новые коллективные формы научного исследования. Давно пора выбросить здесь черты буржуазного индивидуализма. Комплексные исследования, организуемые по определенному плану, должны заменить существующую кустарщину" (26).

В качестве примера вредности генетики была приведена идея, плодотворно используемая на Западе, а в 20-30-е годы обсуждавшаяся в СССР, а именно, идея разработки тестов для отбора людей, имеющих врожденную склонность к определенному виду профессиональной деятельности. Осуждая этот подход как неправильный в принципе, Боровский заявлял:

"...мы здесь имеем определенное извращение биологии с классовой установкой. Думаю, что борьба с извращениями такого характера будет являться одной из основных задач нашего общества" (27).

Еще более категорично выступал по этому поводу Баткис:

"Тов. Левит заявлял, что проблема генетики имеет ближайшее отношение и к проблеме воспитания... Для меня теперь совершенно ясно, что это является реакционнейшим хламом" (28).

Персонально больше всех досталось присутствовавшему на заседании Кольцову. Отчасти он сам взмутил болото, когда начал свою речь с оценки деятельности марксиствующих биологов. Говорил он при этом не без сарказма:

"Эту работу общество начало с того, что откинуло все старые авторитеты и рассчитывает повести эту работу главным образом силами нового поколения. Это очень хорошо, ибо, конечно, нельзя над новым поколением оставить висеть какие бы то ни было авторитеты" (29).

Язвительность тона Кольцова была тут же замечена и воспринята как оскорбление. Его оппоненты пошли в ответную атаку. Первым принялся клеймить выдающегося ученого Баткис. По его словам, Кольцов

"...фактически в течение ряда лет являлся у нас руководителем реакционной партийной биологии... Сплошное невежество обнаружил Н.К. в своих социально-политических выводах. Это -- невежество особого рода. Это партийное невежество, потому что оборотная сторона медали -- это Ленц, это фашисты Германии, это социал-фашисты. Вот оборотная сторона этой медали" (30).

Так, извращая высказывания Кольцова, выворачивая наизнанку его мысли о евгенике, биологи-марксисты начали травлю Кольцова. Ему было поставлено "в строку каждое лыко".

Издевались даже над его благородным желанием приблизить свою работу к практическим нуждам страны. Токин в заключительном слове с показным гневом обрушивался на Николая Константиновича, демонстративно исключая его из числа тех, кто мог "претендовать на право" строительства лучшей жизни: "Эти люди, в частности Н.К.Кольцов, даже пытались возглавить позицию единства теории и практики" (31).

Требование к Кольцову было вполне определенным, хотя и не имело никакого отношения к науке:

"Мы сегодня от Н.К.Кольцова не слышали ясного ответа относительно общественной позиции, которую занимает Н.К.Кольцов... в настоящее время, когда в стране идет такая ожесточенная борьба, когда мы выдвигаем лозунг партийности в науке, когда фактически вопрос партийности уже решен, когда беспартийных нет, а все -- партийные, только каждый по-своему. Мы зовем к большевистской партийности, и Н.К.Кольцов должен был с этой трибуны определенно ответить здесь по этому поводу" (32).

Токин открыто напал и на Н.И.Вавилова. Обвинив старое руководство Общества биологов-материалистов в самоустраненности от якобы нужного присмотра за работой Всесоюзной Академии сельхознаук, возглавляемой Вавиловым, он сказал:

"Укажем в
 качестве примера на то, что до сих пор мы имеем "святое" невмешательство в основные методологические установки Вавилова" (33).

Раскритиковали также генетика Серебровского, которого, как казалось, никак нельзя было обвинить в аполитичности, ибо он постоянно твердил, что всю свою научную работу строит в согласии с большевистской идеологией.

"Как это коммунист, естественник, ученый, занимается работой, которая кроме вреда для социалистического строительства ничего не дает!",--

возмущался Волков (34), а Токин звал к "решительной борьбе против автогенетических концепций Филипченко и по-существу автогенетических концепций Серебровского" (35). Призывая расправиться с Серебровским, Токин добавлял:

"Было бы полезнейшим делом для учащейся молодежи написать хорошую брошюру по истории генетики в Советском Союзе. Если бы удалось вскрыть классовые причины "грехопадения" партийной части биологов, сгруппировавшихся вокруг школы Серебровского, это была бы поучительная книга" (36).

Он перечислил многих руководителей Общества биологов-материалистов (Агола, Левита, Левина), готовя тем самым почву для устранения их из руководства Обществом и замене их собственной персоной и своими людьми.

"Нужно пересмотреть все, написанное старым руководством", --

требовал он (37).

Резкому осуждению на конференции подвергся Б.М.Завадовский за его якобы "аполитичное" высказывание в журнале "Под знаменем марксизма", где Завадовский совершенно резонно писал:

"Никакими трудами воздействия внешней среды и воспитания мы не сможем никогда поставить массовое производство Марксов и Лениных... и не всякий рабочий при всех его усилиях имеет данные стать хорошим инженером, поскольку к этому не предрасполагает его наследственность" (38).

Важнейшим итогом совещания было, несомненно, не только то, что идеологической, вненаучной критике были подвергнуты многие заслуженные ученые, а то, что впервые в СССР жесточайшим нападкам подверглась генетика как наука. Ранее в советской прессе не раз появлялись статьи, направленные против тех или иных положений генетики (39), но все-таки никто еще не выступал против генетики как таковой. Теперь биологи-марксисты утверждали, что роль внешней среды была низведена генетиками до фактора пассивного отбора (именно с этого вопроса через год Лысенко начнет свои нападки на генетику) и указывали на еще один пункт:

"...многие, называющие себя марксистами, приравняли генетику к марксизму, современную генетику отождествили с диалектическим материализмом (40)... Вместо того, чтобы направить... огонь по Ламарку и Бергу, Вейсману и Моргану с позиций марксизма-ленинизма, то есть с позиций Энгельса... огонь был открыт по Энгельсу с позиций вейсманизма-морганизма" (41).

В резолюции, принятой на пленуме Общества биологов-марксистов 24 марта 1931 года, было сказано:

"...в области техники нагромождено столько реакционного методологического хлама, что и на этом важном участке работы, бывшем в поле зрения старого руководства, мы имели тормоз действительной и полной реализации достижений генетики в практике социалистического строительства... Громадным тормозом в реализации достижений современной биологии в практике социалистического строительства являлось замыкание основных кадров исключительно вокруг вопросов генетики, что было следствием общеметодологических установок" (42),

а также содержался другой немаловажный пункт:

"У старого руководства было неправильное отношение к специалистам: с одной стороны, не было классового дифференцированного отношения к старым специалистам и в подборе новых кадров, с другой стороны, отсутствовала работа по объединению вокруг общества и воспитанию растущей пролетарской научной молодежи" (/43/, выделено мной -- В.С.).

Конкретизируя направление "классовой борьбы" применительно к биологам страны, Токин в своем заключительном слове призвал слушателей к расправе со своими коллегами:

"Классовые враги имеются у нас не только вне этого здания, но они могут быть очевидно и в нашей аудитории. Мы должны быть очень бдительными в разрешении этих вопросов" (44).

Какие же основные задачи выдвигали перед собой и перед биологами страны лидеры Общества биологов-марксистов? В предисловии к печатному изданию стенограммы конференции они были очерчены следующим образом:

"Во весь рост стоит задача по пересмотру "святая святых" современной буржуазной биологии, задача марксистско-ленинского анализа кризиса естествознания, задача большевистской реконструкции самой науки биологии...

Перед марксистами-ленинцами в биологии стоят огромные задачи. Зерновая проблема, проблема превращения озимых в яровые, борьбы с засухой, подбор сортов пшеницы, проблема хлопковой и каучуковой независимости, проблема садоводства и т. д...

Все эти задачи мы не можем разрешить с позиций буржуазной биологии, как бы умело ни использовали достижений мировой биологической науки" (45).

Тем самым биологи-марксисты открыто одобрили классовое деление естественных наук, указав как на первоочередные именно на те области прикладной биологии, в которых начал свою деятельность Лысенко. Нельзя исключить также того, что обвинения генетики стимулировали Лысенко на подобное же отношение к ней.

Однако отбрасывание науки "буржуазной" и замена ее суррогатом в виде "науки колхозно-совхозного" строя отнюдь не способствовало изобилию хлеба и мяса, молока и фруктов. Призывы же к избиению старых кадров, цвета советской науки, были восприняты и приведены в исполнение самыми темными в истории науки силами. Закрывая собрание Общества биологов-марксистов, Токин заявил:

"Сейчас, когда мы вступаем в период социализма, завоевание науки является исторически необходимым и неизбежным делом. Это нужно понять каждому пролетарию, каждому ученому. Предыстория человечества кончается. Начинается настоящая история" (46).

Сегодня, спустя полвека, мы можем констатировать, какая история начиналась, -- это была история лысенкоизма. Было бы наивно думать, что, произнося эту тираду, Токин и его партийные вдохновители и подражатели не ведали, что творят. Всё они отлично понимали, знали цену и собственному вкладу в науку, но им нужна была власть, надо было убирать конкуренцию любой ценой. И они действовали.

* *

*

В обстановке сталинских репрессий "правда" была повернута в ту сторону, которая была выгодна верхам, и Лысенко ловко пользовался этим. Особенно облегчилась задача захвата им власти в биологических науках после многочисленных арестов ученых биологов. Тем общественным фоном, на котором развертывалась победа лысенкоистов в СССР, была, во-первых, обстановка нарушений законности и та кровавая карусель, в которую попали многие ученые, во-вторых, пропаганда близкого чуда, которое вот-вот принесет благоденствие народам страны и приблизит наступление социализма, который сам по себе расписывался как чудесное будущее человечества, в-третьих, тяга партийных руководителей и партийно-государственных чиновников к кадрам, пришедшим от станка и сохи, имевшим, по их мнению, пролетарское чутье, и, в-четвертых, ряд производных от этих причин и, в частности, деятельность философов-марксистов, использовавших лысенкоизм как удобное орудие для разделения биологов на "чистых" и "нечистых", и, наконец, тяга к лысенкоизму огромной армии второстепенных и третьестепенных ученых самых разных биологических, сельскохозяйственных и даже медицинских специальностей. Эти люди ни по своим мыслительным способностям, ни по культурному уровню не могли создать что-либо оригинальное и удовлетворяющее требованиям мировой науки. Они даже не были способны к тому, чтобы мало-мальски сносно разбираться в новых достижениях в своих областях. Для этих представителей красных спецов, составлявших основную, а с годами всё увеличивающуюся долю научных сотрудников в СССР, лысенкоизм был "манной небесной", единственной возможностью сохранить видимость причастности к "глубоким тайнам науки"

на фоне той элементарщины и схоластики, которыми занимались эти люди.

И Сталину, и его наркомам (включая Яковлева), и идеологам партии Лысенко был нужен как воздух. Он нес в себе столь желанные черты управляемости, способности воспринять как руководство к действию любой, в том числе и самый вздорный наказ, провозглашая при этом, что действует по собственной воле, но в полном единодушии в направлением партийных инициатив, провозглашаемых вождями в данную минуту. Мифы, рвспространяемые коммунистами относительно светлого будущего, всегда воспринимались этим выпестуном партии как научно-подкрепленные и незыблемые основы мироздания, что он не уставал декларировать корявым языком, но очень вдохновенно.

Для философов-марксистов ленинско-сталинского толка, успевших расправиться с серьезными учеными, создавшими собственные оригинальные направления, яростная оборона лысенкоизма от нападок специалистов была той мутной кашицей, в которой они с упоением ловили "идеологическую" рыбку, постоянно направляя оружие "критики" (пратийной дубины) на тех, кто мог потревожить их философские догмы.

Для второстепенных ученых Лысенко открывал широкое поле деятельности и потому был уникален и незаменим.

Была, конечно, и такая группа среди ученых, которая отлично понимала весь цинизм лысенкоизма, но по разным причинам шла на сделку с совестью. Эти люди писали восторженные рецензии на "эпохальные труды" Лысенко, громили настоящих ученых и рвались к жирному пирогу гонораров и премий, к званиям и постам. А Лысенко год от году укреплял свои позиции в советской биологии. Параллельно шло истребление лучших кадров советской науки.

Примечания и комментарии

к приложению

1 Макс Людвигович Левин (1885--1937 ?) -- окончил гимназию в Москве, получил высшее

образование в Германии (в Мейсене и Галле), по возвращении в Москву вступил в 1906 году в партию социал-революционеров (эсэров), арестован за революционную деятельность в том же году, пробыл больше года в тюрьме, был сослан в Тверь, бежал в Цюрих. В 1913 г. защитил докторскую диссертацию, был основателем революционного Баварского Союза "Спартак" и Баварской Компартии, был одним из вождей Баварской республики. За его голову власти Германии после падения республики обещали награ-ду в 10 тысяч марок, но Левину удалось бежать. С 1921 года жил в советской России, в 1925 году вступил в РКП(б), с 1927 года работал в Комакадемии: заведовал сначала математическим, а позже биологическим отделением Секции естественных и точных наук, в 1928 году основал Отделение истории наук, был кандидатом в члены и членом Президиума Комакадемии (с 1928 г.). С 1932 года работал в МГУ, одновременно был одним из редакторов Большой Советской Энциклопедии, "Зоологического журнала" и ряда других изданий. В 1937 году арестован, погиб в заключении (расстрелян?), реабилитирован посмертно.

2 Соломон Григорьевич Левит (189--41938) -- выходец из беднейшей еврейской семьи. Родил-

сяв г. Вилкомир (при советской власти город Укмерге Литовской ССР), отец -- сторож (инвалид), в семье еще трое сыновей, С.Г. -- младший из них. Окончил реальное училище, затем учился в Виленской казенной гимназии (с 5 класса). С 10 лет зарабатывал себе на хлеб

и учебу репетиторством. В 1915 году поступил на юридический факультет Петроградского уни-верситета, затем вскоре перевелся на естественный факультет Московского Императорского Университета. В 1919 году пошел в Красную Армию, более года служил фельдшером, переболел тифом и был демобилизован, продолжил учебу в МГУ. Был чле-ном БУНД, с 1920 года -- член РКП(б). В 1921 году окончил медицинский факультет МГУ, был оставлен на кафедре госпитальной терапии (зав. каф. Плетнев), был членом руководства МГУ (1922-1925г.г.), в 1924 году организовал в МГУ кружок врачей-материалистов. В 1925 году командирован в Германию, где специализировался по физической и коллоидной химии (у проф. Ронна). До 1930 года -- ученый секретарь Секции естественных и точных наук Комакадемии. В 1928 году организовал Лабораторию по изучению наследственности и наследственной конституции человека, с 1930 года преобразованную в Медико-биологический институт (позже Медико-генетический институт имени М.Горького). Левит стал директором этого института. В декабре 1930 года получил возможность как Рокфеллеровский стипендиат поехать в США (вместе с И.И.Аголом и М.С.Навашиным) для стажировки, работал в лаборатории проф. Г.Дж.Мёллера в Штатном университете города Остин (штат Техас) в течение чуть более года. После возвращения в СССР, поскольку в его отсутствие директором Медико-биологического института был Борис Борисович Коган, Левит в течение около полугода заведовал кафедрой патофизиологии 2-го Московского мединститута. Затем он смог добиться возвращения к генетической работе в качестве директора института, переименованого по его предложению в Медико-генетический институт имени Максима Горького. По возвращении в институт Левит уделял большое внимание привлечению к работе института клиник Москвы, откуда можно было получать материалы для исследований. Был редактором "Медико-биологического журнала". 5 июля 1937 года Левита сняли с поста директора института, около полугода работу ему не предоставляли, и он был вынужден отмечаться в милиции, в январе 1938 года его арестовали и, по-видимому, вскоре расстреляли. От Института первое время оставалась небольшая лаборатория во главе с Соломоном Наумовичем Ардашниковым (любимым учеником Левита), но вскоре и она была распущена, а институт официально закрыт. С.Г.Левит реабилитирован посмертно. (Выражаю признательность дочери С.Г. -- Тиле Соломоновне Левит за предоставление биографических сведений о ее отце).

3 Израиль Иосифович Агол (1891--1937) -- окончил гимназию в Вильно (сейчас Вильнюс), был

членом партии БУНД, затем социал-демократической партии (эсдеки), с октября 1917 года -- в партии большевиков. В 1919 году -- член ЦИК Белоруссии, входил в состав недолго существовавшего Правительства Литвы и Белоруссии, в 1919--1921 г. г. участвовал в Гражданской войне, с 1921 г. работал в редакции газет "Правда" и "Труд", одновременно обучаясь на медицинском факультете Московского университета, который закончил в 1923 году, работал сначала психиатром, в 1924 году поступил в Институт красной профессуры (каф. философии, позже каф. естественных наук), работал одновременно в лаборатории М.М.Завадовского, а затем А.С.Серебровского при Комакадемии. Выполнил оригинальную работу о трехмерном строении гена ("К вопросу о строении и природе гена". "Журнал экспериментальной биологии", 1929, т. 5, вып. 2, стр. 86--101) и быстро вошел в число авторитетных советских генетиков, стажировался в США, с марта 1929 года был назначен директором Тимирязевского научно-исследо-вательского института при Комакадемии, стал одним из руководителей советской науки (работал в Главнвуке), в 1936 г. "Правда" сообщила о его аресте как вредителя. Реабилитирован посмертно.

4 Письмо Н.И.Вавилова Г.Д.Карпеченко от 10 февраля 1930 г. В кн.: Научное наследство. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия, 1929--1940 гг. Изд. "Наука", М., 1987, стр. 68.

5 Абрам Моисеевич Деборин (1881--1963, настоящая фамилия Иоффе), в 1903 году вступил в

партию социал-демократов (эсдеки), в 1908 году окончил философский факультет Бернского университета (Швейцария), с 1907-1917 г. г. -- меньшевик, с 1928 года -- член РКП(б), с 1920 года занимался научной и преподавательской работой. В течение ряда лет вел полемику с так называемыми "механистами" (И.И.Скворцовым-Степановым, А.К.Тимирязевым, Л.И.Аксельрод-Ортодокс, В.Н.Сарабьяновым и др., поддерживавшимися Н.И.Бухариным) (см.: А.М.Деборин. Диалектика и естествознание. М.--Л., 1929). В 1929 году II-я Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научных учреждений осудила "механистов" и одновременно Деборина и его сторонников как "меньшевиствующих идеалистов" (см. журнал "Естествознание и марксизм", 1929, 3, стр. 211), а еще через некоторое время (в 1930 г.) Деборин был снят с поста ответственного редактора партийного журнала "Под знаменем марксизма" (см. Постановление ЦК ВКП(б) "О журнале "Под знаменем марксизма" от 25 января 1931 г.").

После смерти Сталина термин "меньшевиствующий идеализм" потихоньку исчез из обихода советских пропагандистов, а в последнем издании Большой Советской Энциклопедии можно даже прочесть, что "с конца 50-х годов термин "меньшевиствующий идеализм" оспаривается некоторыми учеными как не имеющий точного теоретического содержания, но сохраняет свое историческое значение" (см.: БСЭ, 1974, т. 16, стр. 83).

6 Этот вопрос разобран в следующих работах: C.Zircle. The Early History of the Idea of the

Inheritance of Acquired Characters and of Pangenesis. Trans. Amer. Philos. Soc., 1946, v. 35, part II, pp. 91-150; H.G.Cannon. The Evolution of Living Think. Manchester, 1958; его же: Lamark and Modern Genetics, Manchester, 1959. Прекрасный анализ этой проблемы дан в книге Л.Я.Бляхера "Проблема наследования приобретенных признаков", М., Изд. "Наука", 1971, в которой подробно разобрана история дискуссии по вопросам ламаркизма в мировой на-уке и в России вплоть до третьей четверти XX-го века.

7 См. Труды II-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений. Вып. I, М., Изд. Комакадемии, 1929.

8 22 марта 1929 года по Главнауке (Центральное управление научных учреждений Нарком-

проса) был издан приказ, согласно которому И.И.Агол назначался директором Тимирязевского научно-исследовательского института вместо С.Г.Навашина. В приказе, в частности, было сказано:

"5. Тов. Аголу предлагается подчинить методологическую работу института таковой деятельности Коммунистической академии ...

6. Организовать генетическую лабораторию под руководством проф. А.С.Серебровского...

8. Освободить т. С.С.Перова от работы в институте в связи с переходом в аппарат Центрального Комитета ВКП(б)".

(Архив АН СССР, фонд 356, опись 1, лист 1; цитиров. в обратном переводе с английского статьи А.О.Гайсиновича, стр. 47, см. A.O.Gaissinovitch. The origins of Soviet Genetics and the Struggle with Lamarkism, 1922-1929. In: J. History of Biology, 1980 (Spring 1980), vol. 13, 1, pp. 1-51 (sep. reprint). Следует иметь ввиду, что эта статья написана небрежно, изобилует

фактическими ошибками и в ряде мест тенденциозна.

9 С.С. Перов на протяжении всей жизни использовал одни и те же приемы для нападок на

ученых (см., например, его выступление на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года в кн.: "О положении в биологической науке. Стенографический отчет". ОГИЗ--Сельхозгиз, 1948, стр. 117-125). Его собственный вклад в науку был отрицательным, что не раз отмечалось в советской литературе. В 1937 году Президиум АН СССР был вынужден создать специальную комиссию под председательством академика А.Н.Баха (в нее входили также акад. А.А.Рихтер и проф. Буткевич), которая дала резко отрицательный отзыв о работе руководимой С.С.Перовым "Белковой лаборатории АН СССР" (см. "Вестник АН СССР", 1938, 1). В ответ Перов опубликовал грубый по тону, но со-вершенно бездоказательный выпад против комиссии, и Академия наук СССР была принуждена еще разбираться с "трудами" профессора С.С.Перова. Вывод и на этот раз был резко отрицательным:

"... приходится лишь пожалеть время и материалы, которые были использованы для этой работы, т.к. выводы Профессора Перова действительно лишены всякой убедительности .../он/ не организует производственный процесс, а дезорганизует его" (Е.Н.Волков. "Еще раз о работе белковой лаборатории", "Вестник АН СССР", 1938, 4, стр. 70-72).

Позже Перов пытался доказать переход "мертвого белка" в "живой белок" (последний он называл "казеиновой белковой протокислотой"). Все его "доказательства" были отвергнуты как антинаучные, т. к. эксперименты оказались плодом фальсификации.

10 "Об итогах дискуссии и очередных задачах марксистско-ленинской философии (из резолю-

ции общего собрания ячейки ИКП, философии и естествознания)". Газета "Правда", 25 января 1931 г., 25 (4830), стр. 2. Поименно критиковались: Сарабьянов, Варьяш, А.К.Тимирязев, Аксельрод, Деборин, Карев, Стэн, Луппол, Франкфурт, О.Ю.Шмидт, группа Обуха и другие.

11 Выражаю признательность д-ру А.Е.Левину за предоставление биографических сведений о Кольмане.

12 Э. Кольман. Вредительство в науке. Журнал "Большевик", 31 января 1931 г., 2, стр. 71-81.

Выискивая врагов в среде ученых, Кольман причислил к ним многих известных своими трудами специалистов:

"Подмена большевистской политики в науке, подмена борьбы за партийность науки либерализмом тем более преступна, что носителями реакционных теорий являются маститые профессора, как махист Френкель в физике, виталисты Гурвич и Берг в биологии, это Савич в психологии, Кольцов в евгенике, Вернадский в геологии, Егоров и Богомолов в математике, которые "выводят" каждый из своей науки реакционнейшие социальные теории" (стр. 78).

13 Н. Подъяпольский. Индустриализация сельского хозяйства и очередные задачи охраны природы (в порядке обсуждения). Журнал "Охрана природы", 1930, 3, стр. 49-50.

"Само собой разумеется, -- писал автор, -- что прогресс сельского хозяйства в целом и его машинизация в частности, будут и должны быть. Необходимо только заблаговременно принять соответствующие меры для предупреждения нежелательных явлений, которые в

противном случае неизбежны.

...откладывать решение этого вопроса при том уровне индустриализации сельского хозяйства, который взят теперь в нашей стране, нельзя, т. к. своевременное неприятие мер охраны природы может обойтись слишком дорого нашей молодой республике и может явиться в дальнейшем существенной задержкой на пути развития социалистического сектора народного хозяйства" (стр. 50).

14 Там же.

15 См. прим. /12/, стр. 75.

16 Там же, стр. 74.

17 См. прим. /10/.

18 Против механистического материализма и меньшевиствующего идеализма в биологии. Сборник под редакцией П.П. Бондаренко, В.С. Брандгендлера, М.С. Мицкевича и Б.П.Токина. Издание Коммунистической Академии, Ассоциации институтов естествознания, Общества биологов-марксистов и Биологического института им. К.А.Тимирязева. Госуд. медицинское издательство, М.-Л., 1931.

19 Там же, стр. 76.

20 Там же, стр. 84.

21 Там же, стр. 9.

22 Там же, стр. 27.

23 Там же.

24 Там же, стр. 30.

25 Там же, стр. 51.

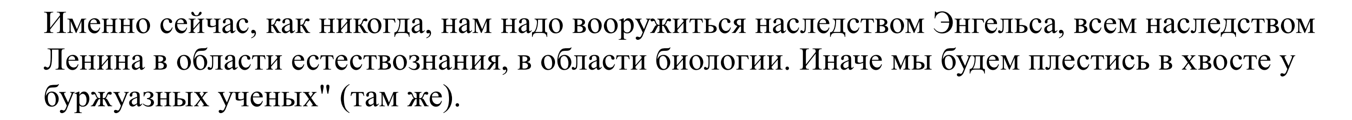
26 Там же, стр. 52

27 Там же, стр. 62.

28 Там же, стр. 55.

Вместе с тем по ходу заседания страсти накалились и начались внутренние распри. Бить начали не только "чужих", но и "своих". Так, Г.Ю.Яффе для начала решил защитить от "нападок" Ф.Энгельса. "Как рассматривают тт. Левит и Серебровский Энгельса?" -- задал риторический вопрос Яффе и ответил: "Они его форменным образом третируют" (стр. 65). По его словам, не только генетики-марксисты Левит и Серебровский принизили величие Энгельса. Яффе обвинил в этом и своего товарища Боровского, сославшись на товарища Сталина.

"Тов. Боровский, -- сказал Яффе, -- говорит, что не будет беды, если мы разойдемся с Энгельсом по какому-нибудь вопросу. Это совершенно неправильная постановка вопроса.

Именно сейчас, как никогда, нам надо вооружиться наследством Энгельса, всем наследством Ленина в области естествознания, в области биологии. Иначе мы будем плестись в хвосте у буржуазных ученых" (там же).

29 Там же, стр. 47.

30 Там же, стр. 56-57.

31 Там же, стр. 79.

32 Там же, стр. 58.

33 Там же, стр. 12.

34 Там же, стр. 75.

35 Там же, стр. 30.

36 Там же, стр. 15.

37 Там же, стр. 33.

38 Там же, стр. 64 (из выступления Яффе).

39 В частности, Н. Сабуров в статье "Среда, наследственность и эволюция", опубликованной в

газете "Известия" (13 июля 1926 г., 158 (2789), стр. 5) говорил, что идеи П.Каммерера о наследовании благоприобретаемых признаков более правильны с точки зрения марксизма и, осуждал генетиков, которых он называл преформистами, утверждал:

"Гены остаются глухи и немы к изменению окружающей среды и, понятно, вызывают сомнение в материальности их основы".

40 См. прим. /18/, стр. 16.

41 Там же, стр. 71.

42 Там же, стр. 87-88.

43 Там же, стр. 89.

44 Там же, стр. 81.

45 Там же, стр. 5.

46 Там же, стр. 84.

Подписи к иллюстрациям

К стр. 55. Со смертью Лысенко лысенкоизм не перестал процветать в СССР и в постсоветском пространстве. Так, академик ВАСХНИЛ Алексей Алексеевич Созинов,

выступая в 1986 году с речью на XXVII съезде КПСС в качестве директора Института общей генетики АН СССР, слово в слово повторил обещание Лысенко, сделанное им полувеком раньше, что, идя навстречу пожеланиям коммунистов, можно резко ускорить темпы выведения сортов, так нужных стране. Лысенко пообещал Сталину на совещании в Кремле в декабре 1935 года выводить сорта за 3-4 года вместо обычных 10-12 лет, и теперь то же же повторил Созинов. Разумеется, ни тот, ни другой обещанного не выполнили. (Фото А. А. Созинова из газеты "Правда" от 5 марта 1986 года в момент выступления на съезде КПСС).

К стр. 68. Вверху: слева -- Оксана Фоминична и Денис Никанорович Лысенко, мать и отец Е.Д.Лысенко, 1940; справа -- Денис Никанорович с внуком у крыльца своего дома по улице Комсомольской в селе Карловка Полтавской области. Внизу: братья Трофима -- Павел и Владимир, 1940.

К стр. 69. Главное учебное здание Уманского училища садоводства, в котором в 1917-1920 годах учился Т. Д. Лысенко. Сейчас в здании размещаются ректорат и администрация Уманского ордена Трудового красного знамени сельскохозяйственного института. С угла здания к нему была пристроена церковь, сейчас разоренная, виден только купол церкви без креста. (Фото В. Сойфера, публикуется впервые).

К стр. 75. Вверху: группа советских генетиков на VII Международном генетическом конгрессе в Берлине в 1927 году. Слева направо: С.С.Четвериков, А.С.Серебровский, Г.Д.Карпеченко, и Н.И.Вавилов. Средний ряд: Николай Иванович Вавилов, энтомолог Николай Николаевич Троицкий (погиб в заключении) и Юрий Александрович Филипченко в Ленинграде, конец 20-х годов; справа -- академик Николай Максимович Тулайков (середина 1930-х годов). Внизу -- Г.Д.Карпеченко.

К стр. 83. Первая фотография Т. Д. Лысенко в советской печати (газета "Экономическая жизнь", 117, 4 августа 1929 г., стр. 4).

Вопрос к редактору: А может быть дать вместо этой фотографии всю страницу? (См. подколотую страницу)

К стр. 85. Отец агронома Лысенко -- Денис Никанорович Лысенко. (газета "Экономическая жизнь", 117, 4 августа 1929 г., стр. 4). (Или по выбору редактора -- из журнала "Яровизация", 1936 -- подколота снизу).

К стр. 90. Фото Т. Д. Лысенко из газеты "Правда", декабрь 1935 года.

К стр. 113. Т. Д. Лысенко, 1936 год.

К стр. 114. Вверху: Здание первой лаборатории Т.Д.Лысенко в Горках Ленинских. (Фото В.Сойфера. Публикуется впервые).

В центре: Основное здание Экспериментальной базы в Горках Ленинских. В нем располагался кабинет Лысенко в 60-е и 70-е годы, здесь же работала часть его сотрудников. (Фото В.Сойфера. Публикуется впервые).

Внизу: родной брат Лысенко, перешедший на сторону фашистов и сотрудничавший с оккупационными властями. Фотография 1940 года (Из журнала "СССР на стройке").

К стр. 120. Яков Аркадьевич Яковлев, нарком земледелия СССР.

К стр. 145. Н. И. Вавилов и Уильям Бэтсон. 1925.

К стр. 153. Н. И. Вавилов в своем рабочем кабинете. 1930-е годы.

К стр. 156. Одно из двух главных зданий института растениеводства на площади перед Исаакиевской площадью. (Фото В. Сойфера).

К стр. 163. Н. И. Вавилов, Томас Хант Морган (в центре) и Н. В. Тимофеев-Ресовский на территории Калифорнийского Технологического Института в Пасадине, США. 1930 год.

К стр. 170. Советские ученые во время VII-го Международного генетического конгресса в Берлине в 1927 году. Слева направо: Сергей Сергеевич Четвериков, Александр Сергеевич Серебровский, Георгий Дмитриевич Карпеченко и Николай Иванович Вавилов. (Впервые опубликовано в статье В. Сойфера в журнале "Наука и жизнь" в 1967 году).

К стр. 187. Н. И. Вавилов в гостях у армянских ботаников. Сидят (слева направо): Болгарский генетик Дончо Костов, переехавший работать в СССР по приглашению Вавилова (?), Н. И. Вавилов, Людмила Михайловна (?), сын Туманняна Толик, профессор Микаэль Галустович Туманян, водитель (конец 1939 года, публикуется впервые).

К стр. 200. Во первом пленуме ВАСХНИЛ в 1930 году. Сидят в первом ряду: (слева направо) второй -- Н. И. Вавилов, третий -- Н. М. Тулайков, четвертый -- Т. Д. Лысенко.

К стр. 203. Т. Д. Лысенко. (Газета "Социалистическое земледелие", 1931 г.).

К стр. 210. Г. Д. Карпеченко в кабинете в Петровской сельскохозяйственной академии в Москве в 1924 году (фото из Архива ВИР).

К стр. 212. Г. Д. Карпеченко среди сотрудников лаборатории Томаса Ханта Моргана в Калифорнийском Технологическом институте в 1930 году. (Слева направо): 2-ой в 1-м ряду -- Т. Х. Морган, во 2-м ряду -- 2-ой -- Ф. Г. Добржанский, 3-ий -- Г. Д. Карпеченко, -5ый -- К. Бриджес (фото из Архива ВИР).

К стр. 219. Н. И. Вавилов в своем рабочем кабинете в ВИР. 1939.

К стр. 230. Во время визита Н. В. Цицина в Одессу в 1936 году. Справа налево: сидят -- Ф. Г. Луценко, И. И. Презент, Н. В. Цицин, Т. Д. Лысенко,

И. Е. Глущенко; стоят -- И. М. Дрожжин, Н. К. Шиманский, --. Снимок 1936 года. (Публикуется впервые).

К стр. 257. Т. Д. Лысенко после избрания его в 1934 году академиком Всеукраинской академии наук. (Фото Шайхета. Из журнала "На стройке МТС и совхозов", 1934).

К стр. 263. Т. Д. Лысенко, неизменно фотографирующийся с орденом Ленина на груди, присел на корточки, чтобы разглядеть поближе цветки сорванного растений в поле в Одессе. Начало 1930-х годов.

К стр. 268. Бритоголовый Лысенко (слева) и начальник отдела рабочего снабжения треста Доннарпит города Сталина (сейчас Донецк) осматривают яровизированный картофель, нанизанный на проволоку и вывешенный под солнечные лучи. (из журнала "Яровизация", 1935, 2, стр. 113).

К стр. 273. Лысенко приехал в Донецк для пропаганды яровизации. Его визит освещали средства информации, с ним встречались партийные руководители, вместе ездили по полям. На снимке запечатлен момент, когда Лысенко (второй справа) дает советы местным жителям о том, как лучше сажать яровизированный картофель.
Первый слева -- приехавший с ним рабочий А. Д. Родионов, которого Лысенко назначил главным ответственным за работу по яровизации. В центре -- зам. зав. сельскохозяйственным отделом Донецкого обкома партии А. Л. Раппопорт (в белой рубашке) и секретарь парткома шахты им. Кагановича. (Из журнала "Яровизация", 1935, 2, стр. 101).

К стр. 341. Выступление Т. Д. Лысенко перед Сталиным и другими руководителями партии и правительства на II-м Всесоюзном съезде колхозников-ударников. (Газета "Правда", 15 февраля 1935 г.).

К стр. 347. И. И. Презент в гостях у И. В. Мичурина. Предположительно 1934 год. Фотография, возможно, фальсифицирована. (Публикуется впервые).

К стр. 352. Исай Израилевич Презент в Одессе в 1936 году. (Публикуется впервые)

К стр. 366. Н. В. Цицин показывает Сталину колосья засухоустойчивого гибрида пшеницы. Справа от них Яковлев. Этот гибрид так никогда и не стал сортом и не вышел на поля страны (из газеты "Правда", 1935).

К стр. 368. Сталин, А. А. Андреев, А. И. Микоян и С. В. Косиор слушают речь Т. Д. Лысенко на совещании передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства в Кремле 29 декабря 1935 года. Снимок М. Калашникова и Н. Кулешова. (Газета "Правда", 3 января 1936 г., 3 /6609/, стр. 1).

К стр. 371. Фотография Лысенко из брошюры, изданной после совещания в Кремле передовиков урожайности и руководителей партии и правительства во главе со Сталиным в 1935 году. В те годы часто под фотографиями Лысенко и в письмах к нему появлялось измененное отчество - Дионисьевич.

К стр. 386. Утверждая в умах советских людей миф о широком применении яровизации зерновых культур в СССР, лысенкоисты публиковали разные рекламные материалы. На снимке приведен один из образцов такой рекламы -- карта европейской части СССР с указанием размера площадей, якобы занятых посевами яровизированными семенами. (Из журнала "Яровизация", 1936).

К стр. 391. Т. Д. Лысенко в ЦК ЛКСМ Украины. Слева направо: (верхний ряд) зав. с. х. отделом ЦК КП(б) Украины Белоцерковский, заместитель редактора газеты "Молодой большевик" (расстрелян в 1937 году), редактор этой газеты Шварцман (расстрелян), зам редактора Приймаченко, зав отделом газеты Кондратенко; (нижний ряд) Ф. Степаненко (в будущем директор ВСГИ), Т. Д. Лысенко, зам. зав. с. х. отдела ЦК ЛКСМУ И. Е. Глущенко (в будущем специальный аспирант Лысенко). Харьков 1931. (Публикуется впервые.)

К стр. 397. Лысенко вместе с бригадиром Т. Полле и звеньевой хлопководческой бригады осматривают плантацию чеканенного хлопчатника в колхозе "Найдорф" Мелитопольского района (журнал "Яровизация", 3 (12), 1937, стр. 151).

К стр. 402. Вверху: Участники беседы, состоявшейся в редакции газеты во время Октябрьской сессии ВАСХНИЛ 1936 года. Слева-направо: Р. Давид, Н. М. Тулайков,

Александров, Мосолов, проф. М. Г. Чижевский, Рождественский, П. Н. Константинов. (Фото Васина).

К стр. 406. А. С.Серебровский, ассистент его кафедры Н.П.Дубинин (в центре) и сотрудник кафедры Е.Н.Васина-Попова. На стене укреплена схема так называемого центрового строения гена, предложенная А.С.Серебровским в 1928 году и разрабатывавшаяся сотрудниками его кафедры, включая Дубинина. Снимок сделан в 1930 году, впервые воспроизведен в книге Дубинина "Вечное движение", Госполитиздат, М., 1973. (Печатается с оригинальной фотографии 1930 года);

К стр. 414. Заведующий кафедрой методики опытного дела академик лауреат Сталинской премии П. Н. Константинов в лаборатории Тимирязевской академии. (Из книги Ал. Канторовича "По Тимирязевской академии". Госкультпросветиздат, М., 1955, стр. 109).

К стр. 415. Т. Д. Лысенко. (Фото из книги о посещении Президиума ВАСХНИЛ колхозниками из Куйбышевской области в январе 1950 года).

К стр. 417. Руководители коммунистической партии СССР в группе депутатов Верховного Совета СССР от Украинской ССР. Первый ряд: Калинин, Молотов, Сталин, Ворошилов, Каганович и Ежов. Третий ряд -- крайний справа -- Т. Д. Лысенко. (Газета "Правда", 24 января 1938 года, 23/7348/, стр. 1).

К стр. 420. Т. Д. Лысенко. Предположительно 1937 г.

К стр. 431. Выступление В. М. Молотова на совместном заседании обеих палат советского парламента 15 января 1938 года; (слева направо) зам. пред. Совета Национальностей А. М. Левицкий, зам. пред. Совета Союза Т. Д. Лысенко, пред. Совета Национальностей Н. М. Шверник, пред. Совета Союза А. А. Андреев, нарком иностранных дел В. М. Молотов (на трибуне), зам. пред. Совета Национальностей Ч. Асланова и зам. пред. Совета Союза С. Сегизбаев (Газета "Правда", 16 января 1938 г., 16/7341/, стр. 1).

К стр. 433. Лысенковская гвардия в Одесском институте. 1936. Стоят (слева направо) -- С. А. Погосян, Н. К. Шиманский, М. Любченко, Ф. Г. Кириченко, Котов, И. Д. Кашперский, Д. А. Долгушин, А. М. Фаворов, И. Е. Глущенко; сидят -- Г. А. Бабаджанян, зам дир. по адм.-хоз. части --, Д. Г. Корняков, Т. Д. Лысенко, Ф. Г. Луценко, А. И. Гапеева, В. Ф. Хитринский, А. Д. Родионов. (Публикуется впервые).

К стр. 435. Учитывая обстановку истерии и поиска "ведьм" в стране, лысенкоисты успешно использовали ее для нагнетания страхов и необходимости борьбы с теми, кто препятствовал яровизации или был недостаточно активен в ее проведении. С этой целью выпускались местные газеты, боевые листки, в которых муссировались фразы: "Противники яровизации не разоружены", "Враг за стенами амбара!", "На фронте яровизации тревожно" и им подобные. В журнале "Яровизация" был опубликован фотомонтаж из таких изданий с характерной подписью: "Яровизация в Куйбышевском районе явилась ареной сопротивления кулацких недобитков. На фото: материалы, печатавшиеся в газетах края, иллюстрирующие борьбу враждебных нам элементов против проведения яровизации". (Из журнала "Яровизация", 1936, 2-3 /-56/, стр. 89).

К стр. 438. Вверху: "Колхозные академики", как их называли в журнале "Яровизация", желая подчеркнуть, что именно эти люди несут науке основные знания. Слева направо: Ф. И. Храпунов -- опытник яровизатор колхоза "Од-Мода" Дубенского района, В. Соловьев -- яровизатор из колхоза "Красный Октябрь" и Г. И. Климахин -- зав. хатой-лабораторией

колхоза "Завет Ильича", направленные делегатами Куйбышевского краевого агрономического съезда. (Из журнала "Яровизация", 1936, 2-3 /-56/, стр. 173).

Внизу: Фотография из журнала "Яровизация", на которой изображен специальный выпуск газеты о "колхозных академиках", посетивших совещание колхозников-опытников в Одесском институте в 1936 году.

К стр. 443. В 1938 году, когда Т. Лысенко выдвинули в депутаты Верховного Совета СССР, органы информации опубликовали несколько хвалебных статей о нем и среди них очерк, написанный родным братом ближайшего к Лысенко сотрудника -- Юрием Долгушиным. В журнале была помещена отретушированная фотография молодого академика Трофима Лысенко. Нелишне обратить внимание на размер колоса: он явно превышает размер лица академика. Эта фотография хорошо показывает, какие приемы фальсификации были использованы советской пропагандой (Из журнала "Знание-Сила", 1938, 7, стр. 12).

К стр. --. Терентий Мальцев во время посещения им в июне 1937 года Одесского института (Из журнала "Яровизация", 1937); справа -- фотография Мальцева, сделанная во время встречи колхозников-ударников со Сталиным и другими руководителями в 1935 году.

К стр. 448 Т. С. Мальцев в гостях у Т. Д. Лысенко в июне 1937 года. Фотография подарена Терентию Мальцеву Трофимом Лысенко со следующей надписью:

"Дорогому т. Мальцеву

В память Вашего пребывания в Институте генетики и селекции (Одесса) и в надежде, что наши личные встречи будут более часты для общего хорошего и любимого Вами и мною дела переделки на социалистический лад растений, а вместе с этим и переделки и самой агронауки.

Вы настоящий мыслитель-биолог. Много сделали вы для практики, верю еще больше вы сделаете для теории с.-х. науки. 28 июня 1937 года"

(Фотография и текст надписи воспроизведены из газеты "Социалистическое земледелие", 1937, 210, стр. 2).

К стр. 452. Т. Д. Лысенко и Т. С. Мальцев в президиуме совещания по полезащитному земледелию в 1950 году. (Снимок любезно предоставлен мне Ж. А. Медведевым).

К стр. 481. Николай Константинович Кольцов в лаборатории. 1930-е годы;

К стр. 489. Рисунок Н. К. Кольцова (1927 год), иллюстрирующий его гипотезу строения наследственных молекул, согласно которой каждая хромосома соматических клеток содержит две двойных молекулы наследственного материала (каждая молекула несет две идентичных копии).

К стр. 496. Кольцов в лаборатории за приготовлением реактивов для изучения клеточной структуры.

К стр. 506. Н. К. Кольцов на отдыхе на юге (Фотография сделана учеником Кольцова В. В. Сахаровым и подарена мне в 1955 году). Впервые опубликована в книге В. Сойфера "Арифметика наследственности".

К стр. 521. А. И. Муралов, (Газета "Социалистическое земледелие", 28 октября 1938 г., 226 / 2833/);

К стр. 530. Генетик Александр Сергеевич Серебровский.

К стр. 533. Часть письма советских биологов на Запад. 23 июня 1937 г. Публикуется впервые (Любезно предоставлено мне лауреатом Нобелевской премии Джошуа Ледербергом)

К стр. 537. Т. Д. Лысенко демонстрирует результаты внутрисортового скрещивания академикам Н. И. Вавилову и Г. К. Мейстеру (в центре) во время их посещения Одессы. (Газета "Социалистическое земледелие", 21 мая 1937 г., 114 /2502/, стр. 3).

К стр. 553. Вверху. Перед расставанием с Одессой Т. Д. Лысенко, назначенный Президентом ВАСХНИЛ, решил сфотографироваться со своей гвардией. Это была парадная фотография, на лацкане пиджака Лысенко красуются орден Ленина и значок депутата Верховного Совета СССР. Сидят (слева направо) в первом ряду -- Исай Израилевич Презент, Т. Д. Лысенко, Эвелина Павловна Долгушина; во втором ряду -- Берта Абрамовна Глущенко, Иван Евдокимович Глущенко, Александра Алексеевна Баскова (жена Т. Д. Лысенко). Стоят: слева -- Алексей Данилович Родионов, справа Донат Александрович Долгушин. 1938 год. (Публикуется впервые).

Внизу: Тогда же была
сделана и другая фотография, уже без жен. Сидят: слева направо -- И. Презент, Т. Лысенко, И. Глущенко, стоят -- Д. Долгушин, А. Родионов. 1938 год. (Публикуется впервые).

К стр. 559. Т. Д. Лысенко. 1940 (фотография из Архива ВИР).

К стр. 571. Лысенко выступает по Всесоюзному радио (конец 1930-х годов)

К стр. 581. Первые гости из Англии в Одессе у Лысенко. Слева направо -- Т. Д. Лысенко, В. Д. Хитринский, --, Э. Д. Рэссел, президент Международной ассоциации почвоведов. Газета "Социалистическое земледелие" (12 августа 1937 г.) сообщила: "11 августа 16 английских ученых во главе с доктором Рессель посетили институт Лысенко в Одессе". ТАСС в связи с тем же визитом в тот же день добавило: "Работы акад. Лысенко, особенно по яровизации, известны всему миру, за ними ученые следят с большим интересом".

К стр. 591. Сотрудники ВИР сфотографировались вместе с гостем из США, учеником и сотрудником Томаса Иоргана Кэлвиным Бриджесом, посетившим Ленинград и Москву. Слева направо: первый ряд -- С. Л. Дрюбина (?), Г. А. Левитский, К. Бриджес, Н. И. Вавилов, Т. К. Лепин, Р. А. Мазинг, А. Р. Жебрак (?); второй ряд -- (?), Я. Я. Лусс, 3 -- 6 (), Н. Н. Медведев, третий ряд _ 1--3 ?), Б. И. Васильев, Ю. Я. Керкис, ?, А. И. Зуйтин. Большинство из присутствующих -- ученики Ю. А. Филипченко. (Фотография любезно предоставлена Т. К. Лассан).

К стр. 607. Участники сессии Верховного Совета СССР аплодисментами встретили сообщение Председателя Совнаркома СССР и Наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова о "добровольном присоединении к СССР прибалтийских государств, Западной Украины, Буковины и Западной Белоруссии". На снимке: (слева направо) Тимошенко, Буденный, Хрущев, Бадаев, Калинин, Маленков, Бабаев Хивали, Жданов, Сталин, Молотов (на трибуне), Микоян, Лихачев, Каганович, Ворошилов, Первухин, Берия, Булганин и Вышинский. За столом Председателя -- Лысенко, Юсупов, Андреев, Шверник, Асланова и Кулагин. (Из газеты "Правда", 2 августа 1940 г., 213/8259/, стр. 1).

К стр. 609. Исай Израилевич Презент (Из журнала "Огонек", 22 августа 1948 г., 34).

К стр. 614. Лысенко в 1940-х годах во время приезда в ВИР. Второй слева -- И. Г. Эйхфельд, Лысенко, И. В. Якушкин (фотография из Архива ВИР, публикуется впервые).

К стр. 615. Г. Д. Карпеченко среди сотрудников отдела генетики ВИР и сотрудников кафедры генетики ЛГУ. 1932 год. Слева направо: первый ряд -- Ю. Я. Керкис, Г. Д. Карпеченко, Кэлвин Бриджес, Н. Н. Медведев, второй ряд -- Т. К. Лепин, Я. Я. Лусис (Фотография их Архива ВИР).

К стр. 626. Фотографии Н. И. Вавилова из его следственного дела.

К стр. 629. Г. Д. Карпеченко (Фотография из Архива ВИР).

К стр. 631. Николай Сергеевич и Сергей Сергеевич Четвериков в квартире на улице Минина в Горьком. Начало 1950-х годов.

К стр. 633. Иван Вячеславович Якушкин с колосьями ветвистой пшеницы. 1950-е годы.

К стр. 640. Г. Д. Карпеченко за беседой с сотрудницей его лаборатории в ВИРе Еленой Ивановной Барулиной -- второй женой Н. И. Вавилова. 1932 год. (Фотография их Архива ВИР).

К стр. 642. Сотрудники и аспиранты отдела генетики ВИР. 1938 год. Первый ряд -- Шванвич, Мина Давидовна Иоффе (жена профессора Разумова), второй ряд -- О. Н. Сорокина, Г. А. Левитский, Г. Д. Карпеченко, В. А. Поддубная-Арнольди, А. Н. Лутков, Е. Мамушина,--, третий ряд -- --, --, Рауза Хазиевна Макашова, --, -- , Щавинская. (Фотография из Архива ВИР).

К стр. 644. Г. Д. Карпеченко с женой Галиной Сергеевной Карпеченко. 1934 год. Детское Село. (Фотография из Архива ВИР).

К стр. 660. Дмитрий Николаевич Прянишников.

К стр. 676. Т. Д. Лысенко - Президент ВАСХНИЛ. Начало 1940-х годов.

К стр. 697. Подготовленный С. Г. Суворовым и Г. В. Александровым проект постановления Секретариата ЦК ВКП(б) о создании в системе АН СССР Института генетики и цитологии. Внизу 15 сентября 1948 года рукой Александрова сделана надпись "В архив", а ниже, секретарь ЦК ВКП(б) А. Кузнецов поставил свои инициалы и дату: 4 октября.

К стр. 719. Фотокопия записки Сталина членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК ВКП(б) о письме Лысенко (Впервые опубликована Ю. Н. Вавиловым в газете "Поиск", 29-30 /479-480/, 11-24 июля 1998 г., стр. 12).

К стр. 763. Отец Т. Д. Лысенко -- Денис Никанорович показывает председателю колхоза "Большевистский труд" ветвистую пшеницу. Этот снимок доказывает, что Лысенко отлично знал свойства ветвистой пшеницы, поскольку еще в 1937 году его отец высевал эту пшеницу и уже тогда похвалялся ее отменными свойствами. Под этой фотографией, опубликованной в 1937 году в газете "Социалистическое земледелие", была подпись: "Каждый колос пшеницы имеет более 100 зерен". Таким образом, в момент, когда Лысенко взял из рук Сталина

мешочек с 210 граммами семян ветвистой пшеницы и обещал ему самым спешным порядком вывести чудо-сорт ветвистой пшеницы, прося разрешить назвать будущий сорт "Сталинская ветвистая", он уже отлично знал, что этот трюк ему вряд ли удастся.

К стр. 781. Окончательная победа над "мракобесами, врагами науки, буржуазными извращенцами, менделистами-морганистами". Т. Д. Лысенко произносит заключительное слово перед закрытием августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года. (Из журнала "Огонек", 15 августа 1948 г., 33, стр. 9).

К стр. 785. И. А. Рапопорт открывает ежегодную научную конференцию генетиков и селекционеров в его отделе в Институте химической физики в Москве. Февраль 1980 г. (Фото В. Сойфера. Публикуется впервые).

К стр. 792. В. П. Эфроимсон в начале 30-х годов (слева) и сразу после выхода из второго заключения в начале 1956 года (справа) (Публикуются впервые).

К стр. 794. Лысенко демонстрирует на сессии ВАСХНИЛ 1948 года гербарные образцы ржи и пшеницы, утверждая, что одно из растений превратилось в другое. (Фото Дм. Бальтерманца).

К стр. 798. Сергей Сергеевич Четвериков в своем кабинете в Горьковском университете. 1947 год. (Впервые опубликовано в журнале "Наука и жизнь", 1967, 9);

К стр. 803. В. П. Эфроимсон в 70-е годы (Публикуется впервые).

К стр. 806. Т. Д. Лысенко. 1949 г. (Из журнала "Огонек").

К стр. 818. Р. Б. Хесин на II Всесоюзном съезде генетиков в СССР, посвященном организации Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н. И. Вавилова 30 мая 1966 г. (Фото В. Сойфера. Публикуется впервые).

К стр. 820. Т. Д. Лысенко держит в руках колос ветвистой пшеницы. 1948 год. (Впервые опубликовано в журнале "Огонек", 26 сентября 1948 г., 39).

К стр. 825. Лысенко с пшеничным караваем, преподнесенным ему Государственной комиссией по сортоиспытанию зерновых культур. (Фото А Гостева. Из журнала "Огонек", 10 октября 1948 года, 41, стр. 9).

К стр. 828. Лауреат Нобелевской премии Герман Джозеф Мёллер. (Из книги В. Сойфера""Очерки истории молекулярной генетики", 1970).

К стр. 830. Рисунки Бориса Ефимова к статье А. Н. Студитского "Мухолюбы-человеконенавистники" (1949 год), изображающие коварство генетиков и их звериный облик. (Из журнала "Огонек". Рисунки были воспроизведены в американском журнале "Heredity" вместе с полным переводом статьи Студитского, эта публикация вызвала шок на Западе и отвратила от СССР многих из западных либералов, до этого веривших в то, что Советский Союз -- оплот демократии).

К стр. 854. Обсуждение плана полезащитных лесных полос на заседании Политбюро ЦК партии. Слева направо: В. М. Молотов, Н. М. Шверник, Н. А. Булганин, А. И. Микоян, Н. С. Хрущев, И. В. Сталин. А. А. Андреев, Л. П. Берия, А. Н. Косыгин, К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, Л. М. Каганович. 1948 год. (С картины Д. Налбандяна).

К стр. 861. Радостный, лучезарно улыбающийся Трофим Денисович в окружении хихикающих от смущения колхозных девиц, возбужденных не только близостью народного академика, но и видом красавицы -- ветвистой пшеницы. 1949 г. (Из журнала "Молодой колхозник").

К стр. 868. Т. Д. Лысенко. 1950.

К стр. 880. Ольга Борисовна Лепешинская. 1952 год. (Из журнала "Природа");

К стр. 903. Георгий Адамович Надсон. 1930-е годы. (Из книги В. Н. Сойфера "Очерки истории молекулярной генетики", М., 1970).

К стр. 930. Профессор Вениамин Иосифович Цалкин -- крупнейший советский зоолог и один из наиболее активных борцов с лысенкоизмом, зам главного редактора журнала "Бюллетень Московского Общества испытателей природы (отдел биологический)". 50-е годы. (Публикуется впервые).

К стр. 938. С. С. Станков. Начало 50-х годов (Публикуются впервые).

К стр. 959. Даниил Владимирович Лебедев и Владимир Яковлевич Александров. Декабрь 1986 года. (Фото В. Сойфера. Публикуется впервые).

К стр. 965, Вверху: прием французского селекционера и предпринимателя Роже де Вильморена в Президиуме АН СССР. Слева направо: сотрудник Иностранного отдела Президиума АН СССР, Т. Д. Лысенко, И. Е. Глущенко, Р. Де Вильморен, переводчица -- . (Публикуется впервые).

Внизу: Встреча Роже де Вильморена со студентами по окончании лекции Вильморена 29 ноября 1957 года в Тимирязевской с.-х. академии. Слева направо: Роже де Вильморен, профессор Н. А. Майсурян, --, студенты В. Сойфер, М. Лапшин. (Фото А. Кувалдина. Публикуется впервые).

К стр. 966. Иван Евдокимович Глущенко и Хиля Файвелович Кушнер в одной из зарубежных командировок. 60-е годы. (Публикуется впервые).

К стр. 966. Советская делегация на Международном генетическом конгрессе, состоявшемся в 1963 году в Гааге (Нидерланды). Делегация была составлена исключительно из лысенкоистов. Слева направо: Х. Ф. Кушнер, И. Е. Глущенко, -- , К. Уоддингтон и Н. И. Нуждин. (Публикуется впервые).

К стр. 971. На летней биостанции Н. В. Тимофеева-Ресовского на озере Миасово под Челябинском (в центре Ильменского заповедника), где под руководством Николая Владимировича сотрудники Уральского филиала АН СССР и приезжавшие на станцию ученые проводили исследования по генетике, биофизике и экологии. Справа налево: Н. Тимофеева-Ресовская, Н. Ляпунова, Н. В. Тимофеев-Ресовский, Н. А. Порядкова, Н. В. Лучник, Ю. Плишкин. На переднем плане: А. Н. Орлов и В. Сойфер. 1958 год. (Публикуется впервые).

К стр. 984. После лекции Роже де Вильморена в Царском зале Юсуповского дворца (ныне здание Президиума ВАСХНИЛ) в 1957 году. Слева направо: (сидят) И. В. Якушкин, Т. Д. Лысенко, Р. де Вильморен, П. П. Лобанов, Д. Д. Брежнев, Н. В. Цицин, К. И. Скрябин; (стоят) --, А. Г. Утехин, -- , И. И. Презент, А. Яблоков, И. И. Синягин, --, Аскоченский, Н.

Щербиновский, --. (Фотография любезно предоставлена Т. Н. Щербиновской. Публикуется впервые).

К стр. 992. Лысенко в своем кабинете в Президиуме ВАСХНИЛ. (Публикуется впервые).

К стр. 999. Т. Д. Лысенко в своем кабинете в Президиуме ВАСХНИЛ. (Публикуется впервые).

К стр. 1003. Н. В. Тимофеев-Ресовский (слева) и В. В. Сахаров (справа), середина 60-х годов.

К стр. 1008. Н. С. Хрущев и М. А. Суслов в Горках Ленинских. Слева направо: директор экспериментальной базы "Горки Ленинские" Федор Васильевич Каллистратов, М. А. Суслов, Н. С. Хрущев и Т. Д. Лысенко. 1955 год. (Публикуется впервые).

К стр. 1011. После вручения Ворошиловым медалей "За трудовую доблесть". Слева направо первый ряд: А. Б. Аристов, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев, Т. Д. Лысенко, В. И. Эдельштейн, Н. Г. Игнатов; второй ряд: Г. А. Денисов, М. П. Георгадзе, А. С. Шевченко, Г. И. Воробьев, Д. С. Полянский, В. В. Мацкевич, Н. Т. Ефремов, П. Н. Демичев, В. И. Конотоп. 1963 год. (Журнал "Огонек").

К стр. 1032. Андрей Дмитриевич Сахаров. Эта фотография была тпечатана несколькими правозащитниками дома и распространена в 1980-1981 годах в нескольких тысячах копий в СССР по каналам Самиздата.

К стр. 1037. Во время генетического конгресса в Монреале. Слева направо: И. Е. Глущенко, К. Линдегрен, В. Н. Столетов, В. Ф. Хитринский. 1958 г. (Публикуется впервые).

К стр. 1037. Советское правительство неизменно направляло на Запад делегации советских генетиков, составленные из одних лысенковцев, и там они старались попасть на самые видные места. Участники Международного Генетического симпозиума в Японии, 1956 г. Первый ряд (слева направо): четвертый -- Глущенко, пятый -- С. С. Сухов, седьмой -- А. А. Имшенецкий; второй ряд: седьмой -- Х. Ф. Кушнер, восьмой -- Бойс (Канада). (Публикуется впервые).

К стр. 1039. С. С. Четвериков спустя десять лет после того, как он был уволен с работы из Горьковского университета, ослеп и жил, забытый своими учениками и коллегами. Зима 1958 года. (Публикуется впервые).

К стр. 1055. На ступеньках парадной лестницы здания Президиума ВАСХНИЛ. Слева направо: М. А. Ольшанский, Т. Д. Лысенко, И. Е. Глущенко. 1956 год. (Публикуется впервые).

К стр. 1056. Участники юбилейной сессии, посвященной 50-летию ВСГИ. Одесса. В центре: Лысенко в теплице Института генетики АН СССР. Москва, конец 50-х годов. (Все три фотографии публикуются впервые).

К стр. 1058. Н. В. Тимофеев-Ресовский с сыном Н. И. Вавилова доктором физико-математических наук Юрием Николаевичем Вавиловым перед главным зданием Тимирязевской академии. Начало 70-х годов. (Публикуется впервые).

К стр. 1061. Жаркая дискуссия во время посещения Института генетики АН СССР иностранными учеными. Слева направо: А. Т. Трухинова, А. К. Федоров, иностранный гость, Л. Извекова, Т. Д. Лысенко, иностранный гость, Ю. Л. Гужов, Н. И. Нуждин. Конец 50-х

годов. (Публикуется впервые).

К стр. 1066. В теплице Института генетики АН СССР. Слева -- секретарь Лысенко Ф. Д. Файнброн, за ней -- И. Е. Глущенко и др. Справа первый -- Т. Д. Лысенко. 1946 г. Москва. (Публикуется впервые).

К стр. 1075. И. А. Рапопорт во время летней школы по молекулярной биологии под Звенигородом. 1964 г. (Публикуется впервые).

К стр. 1078. Лысенко в теплице Института генетики АН СССР. 1959.

К стр. 1101. Основное здание Экспериментальной базы в Горках Ленинских. В нем располагался кабинет Лысенко в 60-е и 70-е годы, здесь же работала часть его сотрудников. (Фото В. Сойфера. Публикуется впервые).

Вверху: слева - Борис Львович Астауров в своей лаборатории в Институте биологии развития АН СССР; справа - портрет Б.Л.Астаурова, выполненный профессором Л.И.Короч-киным в 1980-1981 годах. (Публикуется впервые).

Предметный указатель

Именной указатель

1 За годы работы над книгой некоторые архивы по нескольку раз меняли свои названия. Так, бывший Центральный Политический Архив при Институте марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ) был переименован в Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), а затем в Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), часть бывшего Ленинградского государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства (ЛГАОРСС) стала Ленинградским государственным архивом научно-технической документации Санкт Петербурга (ЛГАНТД СПБ). Ссылки на документы, приводимые в книге, соответствуют тому названию, которое носил архив в момент получения из него соответствующего документа.

1 Недавно в журнале "Континент" появилось начало повести, в которой описаны перипетии тех лет и история моего выдворения за пределы СССР (см. Валерий Н. Сойфер. "Компашка", или как меня выживали из СССР, журнал "Континент", 1999, 102, стр. 257-325)

2 А.Д.Сахаров и судьбы биологической науки в СССР. "Сахаровский сборник", Изд. "Хроника", Нью Йорк. 1981, стр. 145-153. Факсимильное воспроизведение этого сборника напечатано в 1991 году Издательством "Книга" в Москве.

3 Valery Soyfer. Andrei Sakharov and the Fate of Biological Science in the USSR. On Sakharov, Knopf, 1982, p. 172-180.

4 Валерий Сойфер. Лысенкоисты и их судьбы (Главы из книги). Журнал "Континент", Kontinent Verlag GmbH, Париж, 47, стр. 267-305, 1986 и 48, стр. 263-297, 1986.

5 Валерий Сойфер. Горький плод. Журнал "Огонек", 1, 1988, стр. 26-29 и 2, стр. 4-7 и 31.

6 Вкус истины (почта "Огонька"). Там же, 12, 1988, стр. 30-31.

7 Речь товарища Володина Б.М. (1-й секретарь Ростовского обкома КПСС) на XIX Всесоюзной конференции КПСС, газета "Известия", 184, 2 июля 1988 года, стр. 8-9.

8 Валерий Н. Сойфер. Второе падение Лысенко. Журнал "СССР Внутренние противоречия", 21, стр. 191-312.1988.

9 V. Soyfer. New light on the Lysenko era. Nature (Lond.), v. 339, No. 6224, 8 June 1989, pp. 415-420.

10Валерий Сойфер. Колхозные академики. Журнал "Страна и мир", 2(50), стр. 83-90, 1989.

11 Валерий Н. Сойфер. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. Изд. " Hermitage", Tenafly, New York, 1989.

12 Валерий Н. Сойфер. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. Изд. " Радуга", Москва, 1993.

1 Дегтярев поддерживал предложение о создании новых форм вузов в советской России, в которых бы головы студентам не забивали всякой буржуазной чепухой, а ограничивались минимумом знаний. Он писал: "...в 25 "Известий" В.Ц.И.К. от 21 ноября т. Стучка поднимает вопрос об организации Особого Института для изучения Советской Службы..." (8). Это предложение кажется Дегтяреву особенно ценным.

Даже через десятилетие после этого коммунисты предлагали сходные рецепты решения проблем с высшим образованием. Так, Ю.Ларин в "Правде" в 1929 г. предлагал радикальную меру:

"Свежий подход должен быть и к организации работы всех советских органов учрежденческого типа... Необходимо и возможно ввести работу по очереди в одном помещении двух учреждений... Тогда освободятся... целые этажи с жилою площадью для сотен и сотен пролетарских студентов и студенток" (8а).

2 Этим опасениям Горького, как это ни больно сознавать, было дано сбыться. Многолетняя травля интеллектуалов оставила страшные следы в сознании многих людей, вырвавшихся "из грязи в князи". В пору горбачевской "гласности", редакции таких изданий, как "Огонек", "Литературная газета" и др. напечатали "Письма читателей", из строк которых бил яд ненависти к интеллектуалам. Вот один из примеров. Журналист Аркадий Ваксберг пишет:

"Что должно было произойти, какие могучие силы вторгнуться в сознание, чтобы традиции нескольких поколений оказались нарушенными, а качества, органично связанные с подлинной интеллигентностью, подверглись столь зловещей деформации? Какую кошмарную штуку разыграла (к примеру) судьба, изваяв еще одного оппонента "ведущего научного сотрудника" (правда, не гуманитарного, а технического института) и "потомственного инженера из Киева" (так он подписался) со взглядами неандертальца. Приведу лишь несколько строк из его трактата, присланного в редакцию: "В наше суровое время нам нужны не размагниченные интеллигенты, а безжалостные борцы, у которых не дрогнет рука, чтобы уничтожить именно уничтожить! всех алчно жаждущих обогащения, включая и чад их и домочадцев, причем не играя в судебную комедию (она лишь разоряет государство), а доверяя чутью народа. Уничтожать! Иначе мы не сумеем выполоть сорняки стяжательства с нашей широкой нивы" (30).

3 Нельзя не отметить, что это указание Ленина по сей день так и осталось, в основном, на бумаге.

4 Этот и предшествовавший ему пункты, по-видимому, вызывали особое беспокойство у Ленина. Он был хорошо информирован о том, что подавляющее большинство учителей в России скоро отвернулось от коммунистов (см. прим. /48/). Поэтому он был вынужден внести в "Программу РКП(б)" специальный пункт о "необходимости дальнейшего развития самодеятельности рабочих и трудящихся крестьян в области просвещения, при всесторонней помощи Советской власти" и поставить такую задачу для партии как "окончательное овладение не только частью или большинством учительского персонала, как теперь, а всем персоналом в смысле отсечения неисправимо буржуазных контрреволюционных элементов и обеспечения добросовестного проведения коммунистических принципов (политики)" (64).

5 Слова "лет десять назад" не случайно приведены здесь Сталиным. Он подчеркивал этим, что ошибочный лозунг был выдвинут в годы руководства партией и государством Лениным. Пример этот ясно показывает, как Сталину хотелось выглядеть мудрее, дальновиднее и хозяйственнее, чем его учитель.

6 Само смешение терминов "интеллигенция" и "рабочий класс" в один неудобочитаемый термин "производственно-техническая интеллигенция рабочего класса", видимо, не только не смущало Сталина эклектичностью и абсурдностью этого понятия, а, напротив, такая путаница в понятийном аппарате производилась намеренно, так как прямо вытекала из новых задач.

13 Из более ранних работ можно указать на книги П.Хадсона и Р.Райченса (85) и Дж. Хаксли (86). Широко известна книга советского биолога Ж.Медведева "Биологическая наука и культ личности", ходившая по рукам в начале 60-х годов в виде машинописных копий и изданная в 1969 году в переработанном виде в США (87). Затем Медведев, после лишения его советского гражданства, опубликовал несколько других материалов, в которых разбирал различные стороны лысенкоизма (88). Большой интерес представляют работы Д.Жоравского книга (89) и ряд статей (90), затрагивающих в той или иной мере историю этого периода, а также книги Д.Лекура (91), М.Поповского (92) и С.Резника (93). Достаточно подробно возникновение лысенкоизма и борьба Лысенко с генетиками изложены в книгах Л.Грэма (94) и А.Вуцинича (95), а также в ряде статей М.Адамса (96) и Н.Ролл-Хансена (97). Широкую постановку проблемы возникновения и упрочения лысенкоизма можно найти в работе Р.Левонтина и Р.Левингса (98). Появилась на Западе книга Р.Берг "Суховей" (99), позже переведенная на английский, затем в России прекрасная книга, пронизанная личными воспоминаниями, "Герои и злодеи советской наука" С.Э.Шноля (100). В 80-е 90-е годы к той же теме обратились молодые исследователи-историки из Института истории естествознания и техники АН СССР, подготовившие два сборника "Репрессированная наука".

7 В 1999 году в России появилась в свет книга, подготовленная Я.Г.Рокитянским, Ю.Н.Вавиловым и В.Г.Гончаровым, символично названная "Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД" (103) и основанная на части материалов из следственного дела Н.И.Вавилова, изученного сыном репрессированного академика Юрием Николаевичем Вавиловым доктором физико-математических наук, сотрудником Физического Института имени Лебедева РАН, приложившим огромные усилия для воскрешения прежде закрытых для глаз современников деталей жизни и деятельности его отца. Название книги "Суд палача" видимо выбрано для того, чтобы подчеркнуть преступные действия одного палача Сталина, который ответственен за страдания и гибель в тюрьме Вавилова. В тексте биографической части книги Рокитянский выводит Сталинана роль сверхзлодея и Лысенко на роль злодея рангом пониже. В настоящей книге будут приведены материалы о коллективном участии многих членов Политбюро ЦК ВКП(б) и КПСС и рядовых коммунистов в удушении генетики в СССР и в репрессиях, обрушенных на генетиков, селекционеров, растениеводов.

8 За несколько лет до появления книги Медведева двое индийских авторов дали то же название "Взлет и падение Лысенко" их статье (104).

9 О том, насколько глубоко лысенкоизм поразил советскую науку и какое он оставил наследство по сей день, можно судить по нескольким примерам. В моей книге "Красная биология" (105) подробно разобрана история шаманства О.Б.Лепешинской, заявившей, что ею открыто образование клеток из бесструктурного "живого вещества". Примитивная шарлатанка, будучи поддержана Сталиным и аппаратчиками из ЦК партии, добилась запрещения клеточной теории, увольнения с работы настоящих ученых. Извращение морали привело к тому, что многие молодые люди пошли на сделку с совестью и в попытках завладеть учеными степенями фальсифицировали результаты своих исследований. В их числе оказался Ж.А.Медведев, кандидатская диссертация которого включала существенным элементом фальсификацию данных и поношение генетики (106). Был среди этих людей и Р.В.Петров, защитивший в 1954 году кандидатскую диссертацию, в которой он якобы доказал образование брюшнотифозных бактерий и дизентерийных палочек из живого вещества. В 1988 году он стал вице-президентом АН СССР и сохраняет этот пост по сей день. Точно такими же упражнениями занималась академик АМН СССР и председатель комиссии Верховного Совета СССР по науке и народному образованию И.Н.Блохина. С восхваления Лысенко начал свою карьеру А.А.Созинов, ставший в 1973 году первым вице-президентом ВАСХНИЛ, а позже Президентом сельхозакадемии Украины. Данные примеры далеко не единичны.

1 Сохранена орфография оригинала.

2 31 мая 1966 года Б.Л.Астауров в газете "Известия" в связи с учреждением в СССР Всесоюзного

общества генетиков и селекционеров имени Н.И.Вавилова, первым президентом которого Астауров был избран, вспоминал о первом съезде по генетике, состоявшемся в 1929 году (без упоминания о выступлении Лысенко на этом съезде):

"С яркой запоминающейся речью на первом заседании съезда выступил Сергей Миронович Киров. В Ленинграде собралось тогда действительно великолепное созвездие ученых ... на съезде председательствовал Николай Иванович Вавилов... Две тысячи делегатов с большим интересом слушали доклады Ю.А.Филипченко, А.С.Серебровского, С.С.Четверикова, М.М.Завадовского и других замечательных исследователей" (31).

3 Здесь налицо несомненный географический казус: Карловка отстоит от Ганджи на 1400 км по прямой, и не на север, а на запад.

4 Странная ошибка: съезд проходил не августе-сентябре прошлого года, а в январе того же, 1929 года.

5 Еще одна странность: Трофимом звали сына, а не отца Лысенко! К тому же именовать Дениса Никаноровича "дидом" вряд ли было уместно: он был в самом расцвете сил, ему тогда было сорок с небольшим.

6 Иван Евдокимович Глущенко (1907 1987), академик ВАСХНИЛ, закончил в 1930 году Харьковский агроэкономический институт, работал в украинской комсомольской газете, был принят в "специальную аспирантуру" к Лысенко, подготовил кандидатскую диссертацию, переехал вместе с Лысенко в Москву, где заведовал лабораторией в Институте генетики АН

СССР после того как Лысенко стал директором института после ареста Вавилова, получил степень доктора биологических наук, работал ученым секретарем при Президенте АН СССР С.И.Вавилове, причем был назначен на эту должность решением Политбюро ЦК ВКП(б) 19 сентября 1949 г. После ссоры с Лысенко в 1970-х годах перешел с лабораторией из-под начала Лысенко в Почвенный институт имени Докучаева ВАСХНИЛ, затем во Всесоюзный НИИ прикладной молекулярной биологии и генетики ВАСХНИЛ. Двукратный лауреат Сталинской премии (1943 и 1950 годов), лауреат премии имени А.Н.Баха (1950 год), награжден золотой медалью АН СССР имени И.В.Мичурина.

7 Автор этого очерка чуть раньше особо остановился на "обидчиках" молодого новатора, критиковавших Лысенко после доклада, сделанного им в 1929 году на Всесоюзном съезде генетиков и селекционеров в Ленинграде. Портреты тех, кто не пожелал восторженно принять идею яровизации озимых, рисовались с позиций классовых и неприязненных: "Что он, собственно говоря, предлагает, брезгливо поджимая губы, спросил у своего молодого соседа пожилой ученый в золотых очках..." (57) и далее в том же духе.

8 Многократно в своих письмах из США упоминает работы Зайцева и ссылается на них доктор Д.Н.Бородин директор Нью-Йоркского бюро прикладной ботаники и энтомологии / 75/). Зайцев был хорошо знаком с Вавиловым, последний не раз посещал Зайцева в Ташкенте.

9 Обратим внимание: речь шла о яровизации озимых культур. Пройдет полгода и Лысенко быстро сообразит, что никакого выигрыша его метод яровизации озимой пшеницы не дает (82), и срочно переключится к призывам обрабатывать холодом набухшее зерно уже не озимых, а яровых культур: дескать, в этом случае посевы будут быстрее развиваться, избегнут воздействия иссушающей летней жары, наступающей в конце лета на Украине, и урожаи за счет этого возрастут. Но большинство технических трудностей, связанных с зарастанием плесенью набухшего зерна, поломкой развивающихся зародышей, нормами высева и т. п., оставались нерешенными и для яровой пшеницы. Забывая навсегда о яровизации озимых, Лысенко на деле отрекался от своего "открытия яровизации озимых", но делал это так ловко, как будто никакого решающего изменения позиции не произошло. Холодовую обработку он по-прежнему будет называть яровизацией, хотя яровые так и останутся яровыми. Возможно, идею промораживания яровых Лысенко почерпнул из статьи В.Т.Батыренко, опубликованной в 1929 г., в которой говорилось: "...промораживание прорастающих семян яровых культур позволяет в отношении ряда видов и сортов растений достигнуть значительного ускорения их созревания" (72). В своих статьях и брошюрах Лысенко использовал один и тот же термин "яровизация" для обозначения трех различных понятий. Сначала яровизацией он называл приемы предпосевной обработки семян, клубней и саженцев. С 1934 года яровизацией он стал называть одну из стадий развития растений (83). Наконец, то же название обозначало в его более поздних публикациях особую "теорию" так называемую "теорию стадийности развития", которую Лысенко считал научной базой всех своих упражнений. Такая путаница еще раз показывала, что научный метод в подходе к описанию явлений был ему незнаком, и он просто не понимал, как строго надо относиться к терминологии.

10 Лысенко писал в 1935 году;

"В дело управления развитием сельскохозяйственных растений в 1930 г. были втянуты сотни опытников-колхозников и работников совхозов, на основании работ которых была создана техника яровизации озимых и яровых хлебных злаков" (110).

11 Алексей Алексеевич Созинов (р. 26 апреля 1930 г.), начавший свою научную карьеру с

восхвалений Лысенко, благодаря этой тактике быстро продвинулся по служебной лестнице, став сначала старшим научным сотрудником, а затем и директором Всесоюзного селекционно-генетического института имени Лысенко в Одессе. Однако верность своему кумиру он хранил недолго, и как только времена после отлучения Хрущева от власти сменились, вооружившись кувалдой и ломиком, собственноручно сбил с массивных ворот главного входа в институт кованую табличку с именем недавнего кумира. В 1973 году Созинов стал Первым вице-президентом ВАСХНИЛ однако вскоре был перемещен на Украину, где его назначили президентом Украинской сельхозакадемии. Сейчас он зам. академика-секретаря Национальной Академии наук Украины.

12 Т.Д.Лысенко в 1930 г.оду еще не был академиком.

13 Яков Аркадьевич Яковлев (Я.А.Эпштейн) (1896-1938) родился в Гродно в семье учителя, учился в Петроградском политехническом институте. С 1917 г. на партийной работе в Петрограде и Екатеринославе, в 1918-1920 г.г. член бюро ЦК КП(б) Украины, председатель Харьковского ревкома, затем Екатеринославского и Киевского губкомов КП(б)У, с 1926 г. ответственный партийный работник в Москве: зам. наркома рабоче-крестьянской инспекции, в 1929-1934 г.г. нарком земледелия СССР, затем зав. сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б). В 1935-1937 годах Яковлев неизменно упоминается в числе ближайших к Сталину людей Ежова, Ворошилова, Молотова, Микояна, Косиора, Андреева и др., избирается членом ЦК партии на XVI и XVII съездах ВКП(б), включается в один список с другими вождями партии во главе со Сталиным для избрания в Верховный Совет СССР, выступает с программными партийными докладами, присутствует на всех важнейших встречах руководителей партии с ударниками, колхозниками, военнослужащими и т.п., его часто можно встретить на фотографиях тех лет вместе со Сталиным и ближайшими к нему руководителями партии и правительства.

14 Комнезаможи комитеты незаможних селян (то есть бедняков) на Украине аналоги комитетов бедноты, нередко забиравшие власть в деревнях в свои руки.

[1] В 1922 году Рудзинский /Рудзинскаус, 18661964/ эмигрировал в Литву, где организовал и возглавил Дотновскую селекционную станцию.

2 Бюро по прикладной ботанике было организовано в 1894 г . в Санкт-Петербурге при Министерстве Земледелия и Государственных Имуществ "...с целью поставить дело изучения возделываемых растений с точки зрения агрономических знаний, а также, чтобы работники агрономии могли бы обращаться за справками, разъяснениями и т. д." (8) Первым заведующим Бюро был специалист по испытанию качества семян А.Ф.Баталин, после его смерти в 1896 г. Бюро возглавил директор Ботанического Сада профессор А.А.Фишер фон Вальдгейм, в 1899 г. на эту должность был избран выдающийся русский ботаник И.П.Бородин (1840-1930), ставший вскоре академиком РАН. С 1900 года в бюро начал работать помощником заведующего Регель, закончивший сначала в 1888 г. Петербургский университет по специальности ботаника, а затем в 1890 г. в Германии Потсдамскую Высшую Школу Садоводства (он занимался там под руководством Адольфа Генриха Густава Энглера создателя филогенетической системы цветковых растений). Магистерскую диссертацию Регель защитил в 1909 г. в Юрьевском (Дерптском, сейчас Тартусском) университете.В 1902 году Бородина избрали академиком, и бюро перешло с 1905 г. под руководство Регеля, избранного на должность заведующего и утвержденного министром. При Регеле Бюро начало бурно развиваться. Фляксбергер приводит такие сведения: "в 1907 году годовой бюджет Бюро был 3 тысячи рублей, сотрудников трое, а в 1914 году ...100 тысяч, и служащих было приблизительно человек 50" (9).

3 Недавно в комментарии к следственному делу Вавилова Я.Г.Рокитянский (21) привел вавиловскую цитату из предисловиия к книге Р.Э.Регеля "Хлеба в России", вышедшей в 1922 году (при цитировании текста Рокитянский внес в него искажения):

"События последнего 7-милетия отразились на Регеле, сделали его крайним пессимистом, готовым к смерти в любой час.

Ряды русских ученых редеют день за днем, и жутко становится за судьбу отечественной науки, ибо много званных, но мало избранных" (22).

Рокитянский утверждает, что "в ней /цитате В.С./ послеоктябрьские события предстают отнюдь не в радужном свете" (23). Правда, элементарный арифметический подсчет показывает, что, упоминая о семилетии тяжелой жизни ученых, Вавилов говорит в основном о жизни в царское время, т.к. Регель скончался в 1920 году, и к тому времени советское государство просуществовало менее пяти лет.

4 Дмитрий Николаевич Бородин энтомолог и ботаник, получил образование в России, а затем эмигрировал в США и стал исследователем культурных растений, в особенности интересовался их происхождением и интродукцией новых культурных растений (вопросами, которые становились и для Вавилова исключительно важными в те годы). Вавиловская переписка с Бородиным наиболее обширная часть международной переписки Вавилова. За время с 19 апреля 1922 г. по 22 августа 1927 г. из 237 писем, включенных в 1-ый том "Международной переписки академика Н.И.Вавилова", 54 письма были направлены Николаем Ивановичем именно ему (см. /24/). Нередко Вавилов писал этому адресату по 23 письма в неделю, причем письма Бородину самые длинные во всей вавиловской переписке и содержат его мысли на разные сюжеты, от научных вопросов до условий быта.

5 Николай Петрович Горбунов (18921937) окончил в 1917 году Петербургский технологический институт. С июля 1917 г. зав. Информационным бюро ВЦИК, с ноября 1917 г. секретарь Совнаркома и личный секретарь Ленина. В 1919-1920 годах политработник в Красной Армии, за боевые заслуги награжден орденом Красного Знамени. С 1920 г. управделами СНК РСФСР, с 1922 г. управделами СНК СССР и СТО. В 19231929 г. г. ректор МВТУ, в 19241929 председатель Ученого Совета ВИПБиНК (ВИР), в 19281936 председатель Комисси Комитета по химизации, в 1931-1933 г. г. зам. директора химического института им. Л.Я.Карпова, 19321935 возглавлял Таджикско-Памирскую экспедицию при СНК, лично участвовал в восхождениях на высочайшие горные вершины, с 1935 г. академик АН СССР и ВАСХНИЛ, с того же года Непременный секретарь АН СССР. В 1937 году арестован, 7 сентября 1937 г. расстрелян (по другим данным эта дата неверна).

6 Комментируя это высказывание Вавилова, Я.Г.Рокитянский (см. прим. /21/) делает следую-

щее заявление, не имеющее ничего общего с действительным отношением большевистского руководства, включая Ленина, к науке, ученым и интеллигентам в целом в то время:

"Несомненно, вожди большевиков...тогда серьезно относились к науке и не придавали особого значения политическим взглядам того или иного ученого, а учитывали их талант и профессионализм. Во внимание принималась их конкретная работа" (49).

На самом же деле, как это прекрасно известно, Ленин лично распорядился выслать из страны около 2000 наиболее образованных историков, философов, лингвистов (однажды даже на специальном пароходе), он создал трудности ученым в стране, лишь терпел физиолога И.П.Павлова (50), да и то потому, что тот был единственным живущим в России Нобелевским

лауреатом.

7 Вскоре после выхода в свет в 1969 г. моей книги"Арифметика наследственности" (63) я получил от Феодосия Григорьевича теплое письмо, и между нами началась многолетняя переписка. Из его писем все время прорывалась боль, связанная с тем, что советские власти злобно отвергали все просьбы ученого о возможности посещения им родины, где у него оставалось много родных и друзей. В начале 70-х годов генетик Суомалайнен на своей машине подвез Добржанского к самой границе Финляндии с Россией. Добржанский безмолвно поднялся на пригорок, с которого просматривалась лесистая часть русской земли, долго вглядывался в землю, на которую ему даже вступить не позволяли, и тихо, безутешно плакал (64). Во многих письмах его ко мне в 1960-е 1970-е годы звучал рефреном мотив душевного расстройства от насильственного запрещения советскими властями посетить, как он писал, "одну шестую часть суши".

8 Позже М.А.Поповский не раз возвращался к этой теме, но уже изменив в известной мере собственную оценку поведения Н.И.Вавилова. Так, он писал:

"Вавилов также был вовлечен в мифологию своего времени. Советской пропагандой нагнеталась идея преимущества социалистического земледелия, колхозов и т. д. и Н.И., который великолепно знал мировое сельское хозяйство, легко поддался этому мифу. В его работах, выступлениях, даже вполне интимных беседах нет ни малейшего сопротивления идее социализации человека в сельском хозяйстве В начале тридцатых годов Вавилов стал эдаким Эренбургом от науки, человеком, склоняющим общественное мнение Запада к сталинскому режиму" (67).

Правда, мне думается, что сравнение Вавилова с И.Г.Эренбургом вряд ли правильно. Все-таки больше оснований думать, что позиция Вавилова была искренней, в отличие от позиции Эренбурга человека циничного или, в лучшем случае, с двойным зрением.

9 Петр Павлович Подъяпольский (18631930), профессор Саратовского университета, крупный психиатр (77).

10 В ней Горбунов принимал самое активное личное участие участие.

11 Помимо упомянутых выше, это и ставшие в скором времени руководителями атомного проекта И.В.Курчатов, Ю.Б.Харитон, Я.Б.Зельдович и А.П.Александров, выдающиеся ученые, избранные академиками и членами-корреспондентами АН СССР и УССР А.К.Вальтер, С.Н.Вернов, В.П.Вологдин, С.В.Вонсовский, Б.М.Вул, Ю.В.Вульф, Г.А.Гринберг, С.Н.Журков, И.К.Кикоин, А.П.Комар, В.Н.Кондратьев, М.И.Корсунский, Т.П.Кравец, Ю.А.Крутков, Г.В.Курдюмов, Г.С.Ландсберг, В.Е.Лашкарев, Б.Г.Лазарев, А.И.Лейпунский, П.И.Лукирский, Л.М.Неменов, И.В.Обреимов, Н.Д.Папалекси, С.З.Рогинский, Д.А.Рожанский, К.Д.Синельников, Д.И.Скобельцын, А.В.Степанов, П.Г.Стрелков, М.А.Стырикович, Д.Л.Талмуд, Г.Н.Флёров, В.А.Фок, Г.М.Франк, Я.И.Френкель, А.В.Шубников, А.Н.Щукин, великий физик, эмигрироравший в США, Г.А.Гамов.

12 Имеется ввиду рукопись книги Синской (93).

13 География, путешествия стали на всю жизнь сильнейшей страстью Николая Ивановича. В январе 1983 года его сын, Юрий Николаевич
Вавилов, на заседании, посвященном памяти его отца, рассказал, что для него в детстве отец был прежде всего географом: дома у них стоял на полу огромный глобус, и отец часто

усаживался в кресло перед глобусом и экзаменовал Юрия, указывая на ту или иную страну, море, горный хребет, реку, спрашивая их название. Мальчику тогда было меньше десяти лет. Страсть к путешествиям проявлялась и в многочисленных поездках Вавилова по стране, когда он посещал институты, опытные поля и станции.

1 Нужно подчеркнуть, что в эти годы немалое число селекционеров и ботаников пытались добиться искусственного "ресинтеза" видов и сообщали о якобы успешном получении нового вида после скрещивания двух разных видов. Писал об этом не раз и сам Вавилов, крайне восторженно относившийся к таким попыткам и считавший, что с помощью "ресинтеза" можно установить пути эволюции культурных растений и воссоздать условия (включавшие воспитание, отбор и скрещивание), благоприятствующие появлению в природе новых видов.

2 В.В.Таланов был избран в 1931 году членом-корреспондентом АН СССР. Однако это не спасло его от репрессий: он был трижды арестован, первый раз в феврале 1933 года, и погиб в заключении.

3 Как рассказывал мне известный генетик Н.Н.Соколов, посланный в то время Вавиловым к Мичурину, чтобы поучить старого плодовода методам цитологического анализа, Лысенко, приехав на эту конференцию, решил посетить И.В.Мичурина, чтобы в будущем получить возможность ссылаться на личные связи с ним. Однако строптивый старик Мичурин дворянин и довольно высокомерный человек, с первой же минуты заподозрил неладное, не захотел разговаривать с Лысенко и просто захлопнул дверь перед его носом.

4 В своем интересе к использованию высокочастотных воздействий Вавилов неожиданно для себя оказался в неловком положении. На него произвел благоприятное впечатление некто А.Н.Гаман, который цветисто расписывал удивительную силу этих методов в изменении наследственности. Вавилов открыл для Гамана (по-видимому в самом начале 1930 года) лабораторию и расхваливал нового заведующего, который в мгновение ока начал выдавать замечательные результаты, однако быстро был уличен в намеренном приукрашивании данных. Было устроено публичное разбирательство ошибок Гамана на заседании Научного Совета института. Интересно, что громче всех обвинял Гамана, причем как бы от имени директора института, Исай Израилевич Презент (см. его биографические данные в следующей главе), который вошел тогда в доверие к Вавилову. Вавилов в 1934 году дал письменное отрицательное заключение о работах Гамана (26). В том же 1934 году Гаман был обвинен во вредительстве и 16 ноября того же года арестован. К чести Вавилова, он скоро разобрался в качествах Презента и выставил его из института. Судьба Гамана неизвестна.

5 Обратите внимание: он опять называет свою работу "теорией" и сетует, что ее понимают по-разному. Последним замечанием он против своей воли показывал, что "теория" была недоработанной, раз строгости в обосновании центральных ее положений не было, и ученые по-разному понимали смысл яровизации.

6 Полагая, что категоричная точка зрения Медведева обоснована слабо, я направил в редакцию "Нового мира" письмо в поддержку позиции Поповского, но редакция отказалась напечатать его. Тогда я передал мое письмо академику Н.П.Дубинину, с которым мы тогда работали вместе, и предложил вместе подписать его. Дубинин сначала согласился, но затем долго держал письмо у себя, в конце концов, не подписал, а спустя несколько лет мой текст дословно был включен в его мемуары "Вечное движение" как его собственный (45).

7 См. также статью Эйхфельда на эту тему (52).

8 Нелишне заметить, что в данном высказывании Вавилов ясно показывает, что он

додумывает за Лысенко многие важные вопросы и приписывает ему идеи, далекие от собственно лысенковских представлений, замыкавшихся в основном на примитивном изучении температурного фактора. Такое расширительное толкование лысенковских представлений делает честь Вавилову как ученому, но показывает еще раз, что он некритически относился и к Лысенко и к собственным оценкам его работы.

9 А может быть за великой занятостью у него не было времени и желания разобраться в результатах Лысенко, и он некритически принимал всё на веру.

10 Данный пункт первоначально был частью раздела 2, но в машинописной копии письма (так называемом отпуске), хранившейся ранее в Архиве ВИР, а в настоящее время перемещенном в Центральный Архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (77), рукой Вавилова этот пункт помечен как пункт первый. Видимо Вавилов хотел поставить этот пункт первым в письме, однако изменений в нумерацию других пунктов внесено не было.

11 Утверждение, что Лысенко был первым селекционером, разработавшим принцип скрещивания географически отдаленных растений, ошибочно.

11 В описываемое время на Украине была Всеукраинская Академия с.-х. наук. Ее Президентом был Олекса Никанорович Соколовский, почвовед, ученик В.Р.Вильямса, а вице-президентом А.Г.Шлихтер.

12 Обращает на себя внимание тот факт, что из названия института, при Сапегине именовавшегося Институтом генетики и селекции, на титульном листе лысенковского журнала слово "генетика" до поры до времени было выброшено. Такая генетика Лысенко не подходила. Позже с внедрением новой, так называемой "мичуринской" (читай: лысенковской) генетики, Институт стал называться селекционно-генетическим.

13 Колгосп - украинская аббревиатура слова "колхоз" - "коллективное хозяйство" (по-украински - "колективнэ господарство").

1 Во главе РКИ несколько лет стоял сам И.Сталин, этот орган он контролировал и позже, придавая ему функции органа надгосударственного контроля.

2 Сам Лысенко неоднократно говорил о 500 семенах, но в речи, произнесенной в присутствии Сталина, он сказал, что их собрали "в начале 1934 года", а в статье, написанной совместно с Презентом и опубликованной за несколько месяцев до выступления перед Сталиным в Кремле, утверждалось, что их собрали не к "началу 1934 года", а "к 29.VII.1934 г." (54).

3 Всего через неделю после отправки телеграммы 2 августа 1935 г. у президента ВАСХНИЛ А.И.Муралова состоялось специальное совещание, принявшее следующую резолюцию (вопрос об успехе Лысенко в выведении сортов был поставлен первым в повестку дня):

"1. О выведении новых сортов яровой пшеницы

Придавая большое значение результатам, полученным акад. Т.Д.Лысенко в области выведения новых сортов яровой пшеницы, поручить институту растениеводства включить эти сорта в испытание Госсортсети в Одесской и Днепропетровской областях и Азово-Черноморском крае. Просить акад. Лысенко об отпуске необходимого семенного материала" (63).

Нельзя исключить, что последний пункт был вставлен неспроста, ведь из телеграммы было очевидно, что ни пятьюдесятью, ни восьмидесятью килограммами семян, имевшихся в наличии у Лысенко, никакого сортоиспытания обеспечить было нельзя! Все-таки трудно поверить, чтобы люди в Наркомземе этого обстоятельства не понимали.

4 Это же отношение Сталин проявлял и позже, особенно резко он высказался на банкете в Кремле во время встречи с работниками высшей школы 17 мая 1938 года (96).

[2] В 1989 г. в "Огоньке" А.Мосякин писал:

"В январе 1933 года, когда людей, словно чума, косил жгучий голод, на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин разглагольствовал о невиданном подъеме нашего сельского хозяйства, а в марте того же года решением коллегии ОГПУ были расстреляны без суда 35 руководящих работников Наркомзема СССР за "диверсионную деятельность" и "использование служебного положения для создания голода в стране" (3).

"Группа 35-ти" составляла лишь очень небольшую часть репрессированных, наряду с ними были арестованы тысячи агрономов и работников сельскохозяйственной науки.

2 Дояренко был одним из наиболее авторитетных ученых-агрономов, профессором Тимирязевской сельскохозяйственной академии, консультантом Наркомзема СССР. 28 февраля 1926 года в Большой аудитории Политехнического института в Москве (сейчас Центральный лекторий) было торжественно отмечено 25-летие его научной, педагогической и общественной деятельности (В Архиве ВИР хранятся документы, посвященные этому событию /19/). После ареста он был сослан в Киров, но по окончании срока ссылки ему не разрешили вернуться в Москву. Имена Дояренко и Тулайкова были названы в числе безвинных жертв сталинизма в 1956 году (см. газета "Правда" от 19 марта 1956 г.). Начиная с 1958 года, в Сельхозгизе стали выходить его книги: "Из агрономического прошлого", 1958; "Избранные сочинения", 1963; "Занимательная агрономия", 1963; "Жизнь поля", М., изд. "Колос", 1966. Одна из его статей "Пожнивные культуры" была напечатана в газете "Сельская жизнь" 10 мая 1962 г., 108 (9281), стр. 2. Н.В.Орловский написал о нем биографическую книгу "Алексей Григорьевич Дояренко". (Изд. "Наука", М., 1980), в которой дал очерк жизни Дояренко, из которого читатель не смог даже между строк почувствовать, что герой его книги был арестован, сидел, был сослан и т.п. В книге фигурируют "письма и раздумья об агрономии", собранные дочерью ученого и полученные ею то из Суздаля, то из Кирова, то из других "не столь отдаленных мест", живописуется спокойное, полное творческих успехов существование Дояренко, его занятия музыкой и т.п. Единственный, кто открыто и гневно написал об аресте Дояренко, Цинцадзе и других ученых, был О.Н.Писаржевский (см. его книгу "Прянишников", из серии "Жизнь замечательных людей", Изд. ЦК ВЛКСМ "Молодая гвардия", М., 1963, стр. 182 и 209-210).

3 М.А.Поповский пишет о И.В.Якушкине:

"В 1920 году, не найдя общего языка с советской властью, молодой профессор-растениевод, ученик и преемник профессора В.Р.Вильямса, бежал сначала из Воронежа в Крым, потом попытался из Крыма выехать с отступающими частями генерала Врангеля. Злые языки утверждают, что только случайность помешала ему обосноваться за границей. В последнюю минуту Якушкина попросту спихнули с отплывающего в Турцию парохода. Пришлось затаиться
в Крыму... Однако в 1930 году во время "первой волны" массовых арестов, его схватили" (21).

4 Татьяна Абрамовна Красносельская была дочерью крупного банкира, который догадался до революции перевести все активы своего банка в Швейцарию и уехал из России. Дочь банкира получила великолепное образование и не только сама стала физиологом растений, но и всячески помогала мужу, в частности перевела на французский и немецкий его книги. После выхода из заключения супруги поселились в Саратове, откуда Максимова в 1939 году пригласил в Москву на работу директор Института физиологии растений АН СССР академик А.А.Рихтер (39).

5 Писарев по освобождении из заключения уехал в Подмосковье, причем по собственному желанию:

"когда ему неожиданно объявили, что он свободен, и тут же спросили, куда выписать проездные документы, он сразу ответил, что не в Ленинград... Так он оказался в подмосковном поселке Немчиновка (45).

6 В документе была приведена фамилия одного человека из вавиловского окружения, обвиненного в таких действиях П.М.Жуковского.

1 Демьян Бедный (литературный псевдоним Е.Придворова (1883-1945) крестьянский и пролетарский поэт-примитивист, печатавший агитационные рифмованные призывы и басни на злобу дня.

2 Владимир Владимирович Станчинский (1882-1941?) крупный отечественный биолог, специалист в области экологии и охраны природы (19). Окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского Императорского Университета, специализировался у М.А.Мензбира, а затем работал в Гейдельбергском университете под руководством О.Бючли, позже ассистент Н.М.Кулагина в Московском сельскохозяйственном институте, с 1920 года профессор зоологии в Смоленском университете (ученики: Е.М.Воронцов, Н.Д.Перлова, А.Н.Мельниченко все трое перебрались позже в Горьковский университет, последний из троицы стал гонителем выдающегося генетика С.С.Четверикова; Воронцов и Перлова демонстративно не здоровались с Четвериковым после его выгона из университета в 1948 году). С 1926 года В.В.Станчинский начал исследования в заповеднике Аскания-Нова, основанном в 1828 году, с 1929 года заместитель директора заповедника по научной работе, с 1930 года зав. каф. зоологии позвоночных Харьковского университета. В мае 1930 года на IV съезде зоологов, анатомов и гистологов против Станчинского выступил Презент, в 1933 году посетившие Асканию-Нова Презент и Лысенко характеризовали работы Станчинского, "как не имеющие практического значения", в особенности работу "Изменчивость организмов и ее значение в эволюции", изданной в Саратове.

3 Н.И.Вавилов, как и его мать и брат Сергей, всегда спал не более 4-5 часов в сутки, и трудно поверить, что ночное приглашение Сталина могло его смутить, тем более, что все в стране знали, что Сталин работает по ночам (поэты, вроде Исаковского, даже стихи об этом сочиняли). К такому графику работы прилаживались Наркоматы, обкомы и другие крупные (вплоть до областных исполкомов) организации. Да и вряд ли кто угодно, даже Вавилов, мог ответить уже ставшему всесильным Сталину отказом на приглашение придти. Эти детали ставят под сомнение правдивость воспоминаний Ревенковой.

4 Это требование, несомненно предназначенное для того, чтобы еще больше подстегнуть процентоманию и последующий обман властей о количественной прибавке урожая, свидетельствует об обратном: если бы урожаи действительно росли от лысенковских нововведений, то заниматься ерундовой по сути оценкой "на корню" несобранного урожая

нужды бы не было.

5 Ян Эрнестович Рудзутак (1887-1938), сын батрака, член РСДРП с 1905 года, профессиональный революционер, в 1917-1920 г. г. председатель Московского совнархоза, в 1921 г. генеральный секретарь ВЦСПС, в 1922-1924 г. г. председатель Среднеазбюро ЦК ВКП(б), в 1923-1924 г. г. секретарь ЦК ВКП(б), в 1924-1930 г. г. нарком путей сообщения, одновременно с 1928 г. председатель Комитета по химизации народного хозяйства СССР и в 1926-1937 г. г. зам. председателя Совнаркома СССР и Совета по Труду и Обороне СССР, с 1931 г. председатель Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) и нарком рабоче-крестьянской инспекции СССР. Незаконно арестован, расстрелян и посмертно реабилитирован.

6 Как было сказано в главе III, выступление учителя Вавилова, выдающегося агрохимика с мировым именем академика Дмитрия Николаевича Прянишникова было построено совершенно иначе, без дифирамбов избачам, Лысенко и здравиц в честь Сталина (77).

7 Цицин сохранял верность Лысенко не всегда. Еще в 1939 году он опубликовал в лысенковском журнале "Яровизация" статью, в которой охаял цитогенетические методы, которые якобы не дали ему ничего существенного в изучении пшенично-пырейных гибридов (84). Но когда в начале 50-годов среди лиц, близких к Кремлю (а Цицин всегда оставался таким) разнеслась весть, что Сталин готов поменять мнение о Лысенко с прохладного на вполне прохладное, Цицин написал великому кормчему письмо с антилысенковскими выпадами (это письмо недавно опубликовано преемником Цицина на посту директора Главного Ботанического сада РАН Л.Андреевым /85/), однако Сталин призывам Цицина устранить Лысенко с поста руководителя биологии в СССР не внял, и Цицин на время выпал из приближенных к верхам компартии.

8 Все перечисленные ученые, кроме Жебрака, были тесно связаны работой с Вавиловым, поэтому это был удар не просто по Вавилову, а по школе Вавилова. После того, как в 1940 и 1941 годах были арестованы Вавилов и Карпеченко, Лысенко выбросил из последующих многочисленных переизданий все имена, оставив лишь упоминание о Вавилове, после чего это место в речи звучало так:

"Фамилии я могу назвать, хотя тут не фамилии имеют значение, а теоретическая позиция. В общем большинство генетиков с нашим положением не соглашается. Николай Иванович Вавилов в недавно выпущенной работе "Научные основы селекции", соглашаясь с рядом выдвигаемых нами положений, также не соглашается с основным нашим принципом браковки в селекционном процессе" (98).

Были внесены изменения и в реплику задававшего вопрос. После ареста Яковлева в 1937 году, в переизданиях речи, вместо указания его фамилии, стояло безличное: "Голос из президиума" (99).

9 Горячее желание Г.К.Мейстера "отдать все силы" было "вознаграждено" Сталиным именно так, как этот властитель любил делать: в 1938 году Мейстер был арестован как "враг народа", в тюрьме сошел с ума и погиб в заключении (расстрелян?). Реабилитирован посмертно.

10 Слова о том, как весело стало работать после того, как в СССР организовали колхозы, и о том, что вообще жизнь пошла веселая, были пересказаны Сталиным и стали в стране очень популярными. Как писал Б.Л.Пастернак в 1956 году в книге "Люди и положения":

"Были две знаменитых фразы о времени. Что жить стало лучше, жить стало веселее и что

Маяковский был и остался лучшим и талантливейшим поэтом эпохи" (107).

1 Дончо Стоянов Костов (1897-1949) окончил университет в Галле (Германия) в 1924 году, быстро приобрел известность как специалист в области генетики растений. В 1932 году, привлеченный идеями коммунизма, приехал в СССР и стал сотрудником Института генетики АН СССР (с 1932 до 1939 г.), работал одновременно (19341936 г. г.) профессором Ленинградского университета. В 1939 г. сумел вернуться в Болгарию, где стал директором Центрального сельскохозяйственного исследовательского института в Софии (с 1939 г.), с 1946 г. проф. Софийского университета, с 1947 г. директор Института прикладной биологии развития организмов Болгарской АН, в 1948 г. стал членом Югославской Академии наук и искусств. Однако после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года Костова начали буквально травить, и 9 августа 1949 года он умер от сердечного приступа.

2 В другой раз Сталин еще раз выразил свое восхищение работой и умом Лысенко во время разговора с писателем М.А.Шолоховым. Они как-то прогуливались с Шолоховым на сталинской даче в Кунцево, и вдруг Сталин произнес такой монолог:

-Да, все-таки какой молодец Лысенко, как он хорошо знает природу! Вот как-то мы с ним осенью шли по этой же дорожке, и на наших глазах с куста упал помидор. "Посмотрите, товарищ Сталин, сказал Лысенко мне, если этот помидор не трогать, то всю осень и всю зиму он будет своей мякотью питать семя, хранящееся внутри плода, и тогда весной данное семя, вскормленное плодом, взойдет, и вырастет новый куст помидор".

Я приказал не трогать этот упавший помидор, серьезно продолжил рассказ Сталин. И весной семя взошло. И вырос куст. Мало кто так хорошо разбирается в природе, завершил рассказ Сталин.

Поразившие Сталина лысенковские познания о природе были настолько примитивными, настолько знакомыми любому крестьянину, что Шолохова это даже обидело, и он часто вспоминал рассказ Сталина о "мудрости" Лысенко, ругая их обоих. (44).

3 Во многих последующих статьях Лысенко воспроизводил строки из этого постановления, обосновывая пользу от своего предложения не успехами на полях, не повышенными урожаями, а ссылками на то, что его метод утвержден правительством и, следовательно, не может не быть безупречным. Так он поступил, в частности, 27 июня 1937 г., когда привел в статье в "Правде" строки из этого постановления и тут же заявил: "Таким образом и теоретически и практически доказана полная возможность обеспечить южные районы своим семенным и продовольственным картофелем" (54) и даже оценил несобранные урожаи (как бы указывая председателям колхозов какие цифры проставлять в анкетах) "не менее 710 тонн с гектара". Он добавил при этом странную фразу: "но 56 т молодого картофеля с гектара, полученные в середине июня, по ценности равны 1015 т картофеля в осеннее время". Понимай, как знаешь!

4 Так была названа статья в воскресном номере газеты "Правда" от 13 октября 1935 года.

5 Не знаю, насколько правильно еще одно объяснение такого поведения Лысенко: они много раз оказывались с Вавиловым вдвоем, подолгу беседовали, ездили вместе на Кавказ, встречались в Москве, Одессе, Омске и других городах, и умный и хитрый крестьянский парень мог почувствовать, что позволительно
и так вот, бесшабашно и нахально, обходиться с Вавиловым и надеяться при этом, что всё с рук сойдет.

6 Глущенко быстро выдвинулся среди других "специальных аспирантов" Лысенко не только тем, что начал активно помогать шефу в организационных делах. Сохраняя пристрастие к журналистике, он часто публиковал в газетах статьи с обвинениями биологов, не разделявших догматы "мичуринской биологии", а также обвинял их нередко в антисоветских устремлениях (см., например, /69/).

7 Герман Джозеф Мёллер (в России Мёллер представлялся как Герман Германович) (18901967), ученик Т.Х.Моргана, впервые прилетел в СССР в августе 1922 года. (19 августа он посетил летнюю биостанцию Кольцовского института экспериментальной биологии, где передал небольшой набор мутантов дрозофилы С.С.Четверикову). С 1933 по 1937 годы он работал постоянно в СССР в качестве сотрудника вавиловского Института генетики АН СССР. (5 ноября 1933 года прочел лекцию в Академии наук СССР, затем часто выступал с лекциями и докладами в различных аудиториях). Другой ученик Моргана Кэлвин Бриджес посетил СССР в 1931 году; 20 декабря 1931 года выступил на так называемой "методологической проработке" предложенных им тем аспирантам лаборатории генетики АН СССР, созданной Ю.А.Филипченко.

8 Надо отметить, что Бауман, видимо, понимал значение науки и не раз пытался защитить ученых от нападок и помочь им. Известно, например, что в 1936 году Бауман приехал в Ленинград и провел около 4-х часов в вавиловском институте растениеводства. На встрече с коллективом сотрудников он подробно отвечал на вопросы, выслушал мнения многих ведущих ученых. Бауман обещал во время встречи поддержать финансово исследовательскую работу, и вскоре лаборатория Карпеченко получила всё запрошенное и обещанное. Этими действиями Бауман вселил в сотрудников института оптимизм. Суждения Баумана, человека с высшим экономическим образованием и широким кругозором, высокий авторитет в партийных кругах отличали его от тех, кто безоговорочно поддерживал лишь "мичуринцев". Взвешенным и разумным было и его поведение на декабрьской сессии ВАСХНИЛ 1936 года. Но возможно именна эта позиция переполнила чашу терпения Сталина вскоре он был арестован как "враг народа" и по ложному обвинению во вредительстве расстрелян.

9 Уже в старости он опубликовал мемуарную книгу "Вечное движение" (см. прим. /74/), в которой постарался унизить своих бывших учителей и возвысить себя в глазах читателей, из-за чего на книгу немедленно после ее выхода было написано много пародий, памфлетов, ходивших в Самиздате в СССР (одна из них была названа "Вечное выдвижение"), и из-за чего от Дубинина отшатнулись даже многие из тех, кто до этого сохранял к нему остатки уважения.

10 Оппонентом Константинова по вопросу пользы яровизации на сессии выступил его бывший студент (обучался в Куйбышевском сельхозинституте) А.Г.Утехин. Одним из первых Утехин получил орден за яровизацию, после чего окончательно осмелел и принялся поучать Константинова в газетах, на собраниях и даже на заседаниях сессий ВАСХНИЛ (84).

11 Тезис о возможности и желательности забыть законы генетики не выходил из обращения в кругах лысенковцев. В 1938 году близкие сотрудники Лысенко А.И.Воробьев и М.А.Ольшанский предложили "выкинуть законы Менделя за борт корабля науки" (95).

12 Приводить примеры столетнего существования сортов-самоопылителей Вавилов, Лисицын, Константинов стали после заявления Лысенко, что на свете нет "ни одного сорта ни у одной культуры самоопылителя, который продержался бы 40-50 лет в практике на тысячах гектаров" (99). Повторял он подобные заявления и в более поздних своих выступлениях.

13 Это заявление Лысенко о переводе им озимых в яровые и наоборот так и не было экспериментально подтверждено. В 1957 г. Бахтеев документально разоблачил отсутствие якобы выведенного в институте Лысенко сорта ячменя с помощью переделки ярового ячменя в озимый (105). В настоящее время гены, контролирующие свойство яровости и озимости детально изучены.

14 Утехин быстро выдвинулся по партийной линии, став секретарем партбюро лысенковского института в Одессе, затем вместе с ним перешел в аппарат Президиума ВАСХНИЛ, где также стал секретарем парторганизации (и где, по свидетельству Ж.А.Медведева, он подвизался на поприще клеветы на лучших ученых, клеветы, во многих случаях приведшей к арестам), а позже он стал ответственным сотрудником аппарата ЦК партии, заведовал сектором сельскохозяйственной науки. Находясь на этом посту, он всеми силами стремился предотвратить развенчание Лысенко в годы хрущевского правления (см. об этом в главе XVI).

15 Михаил Христофорович Чайлахян (1902-1991) окончил в 1926 г. Ереванский университет, с 1935 г. заведовал лабораторией роста и развития Института физиологии растений им. К.А.Тимирязева АН СССР (в 1946-1948 г.г. одновременно зав. каф. физиологии и анатомии растений Ереванского университета), в 1968 г. был избран академиком АН СССР, в 1971 г. академиком АН Армянской ССР. В 1947-1948 г.г. и позже с ожесточенными нападками на него выступал ближайший сотрудник Лысенко А.А.Авакян.

1 Еще 10 февраля 1930 г. Вавилов писал Карпеченко в Америку:

"Идут курсы, обучаем народ. Вот Николай Николаевич [Кулешов] стоит тут и говорит о своем достижении: читал четыре часа, я восемнадцать; обучаем. Народ со всех концов земли, триста человек курсантов. По проекту, который придет на днях в НКЗ, Сельскохозяйственная ленинская академия должна приготовить 6 тысяч аспирантов. Нужны армии исследователей. Запасайтесь, my dear, капиталом, энергией на столетия, будем готовить с Вами кадры.

Ждем Вас не дождемся." (4)

2 Двумя годами позже были опубликованы данные о числе подавших заявления в аспирантуру в разные институты ВАСХНИЛ и выделенных этим институтам мест: на 43 предусмотренных места в аспирантуре ВИР на 1 ноября 1935 г. подали заявления 88 человек, из них 10 членов ВКП/б/ и 28 комсомольцев; лысенковскому институту было отведено 4 аспирантских места, но никто в этот институт заявлений не подал; в институт экономики на 26 мест подали заявления 25 кандидатов и все 25 были партийцами /7/.

3 В руководство ВАРНИТСО входили: председатель А.Н.Бах, члены Центрального Бюро Б.А.Келлер, В.Р.Вильямс, А.И.Опарин, Е.П.Сепп, Б.М.Завадовский, Л.М.Сабсович, А.В.Немилов, В.П.Бушинский, А.Я.Вышинский, Н.И.Вавилов, Н.М.Тулайков, А.Л.Бродский.

4 С целью увековечения уничтоженного академика в 1980-х годах его именем назвали Куйбышевский (сейчас Самарский) научно-исследовательский институт сельского хозяйства, входивший в состав Всероссийского отделения ВАСХНИЛ (89).

1 Прабабка Николая Константиновича по материнской линии вела свой род от фабрикантов Алексеевых, владевших золотоканительными мануфактурами в Подмосковье и снабжавших священников и даже царский двор золототканной парчой и предметами убранства. Из этой семьи вышли два городских головы Москвы Александр Васильевич Алексеев (1788-1841) и

Николай Александрович Алексеев (1852-1893). При последнем Москва приобрела современный план города, были построены многие здания, являющиеся украшением столицы России. Выборы городского головы Москвы в 1883 году оживленно обсуждались в прессе. Откликнулся на это событие и А.П.Чехов в "Осколках московской жизни":

В сентябре мы будем выбирать нового голову. Кандидатов на белые генеральские штаны, мундир IV класса и чин действительного статского советника в перспективе много. Всё больше тузы первой гильдии. Первым кандидатом называют канительного фабриканта г. Алексеева, вторым строителя московских форумов и "писем к избирателям" Пороховщикова и проч. Прочат в кандидаты и И.С.Аксакова, директора одного из наших банков и редактора "Руси". Кто из них перетянет покажет будущее. Большинство москвичей убеждено, что восторжествует "канитель" (9).

Из этой же семьи вышел реформатор театра К.С.Станиславский (псевдоним Алексеева), а также генетик Сергей Сергеевич Четвериков.

2 После прихода большевиков к власти в ноябре 1917 года и Кольцов и Мензбир вернулись в Московский университет, но заведовали разными кафедрами. Кольцов заведовал кафедрой экспериментальной зоологии до 1930 года, когда он, вернувшись из зарубежной поездки обнаружил, что читаемые им курсы отменены на время отъезда, и начальство не собирается их возобновить. На базе его кафедры возникло пять других.

3 Несмотря на такой приговор, Кольцов не был деморализован, а вел себя как настоящий исследователь. В камере он стал регистрировать состояние различных функций организма, тщательно записывать все показатели. Позже он опубликовал серьезное исследование, посвященное изменение этих функций у человека, приговоренного к смертной казни, в 1-м выпуске "Известий Института экспериментальной биологии (1921).

4 Александр Агеевич Нуринов был приятелем и ставленником Презента. В 1934 году они добились снятия с поста директора института Станчинского, и это место вскоре занял Нуринов. Станчинский был арестован и погиб. Позже был арестован и сам Нуринов, подтверждая истину, раскрытую на огромном материале А.И.Солженицыным в "Архипелаге ГУЛАГ", что те, кто плели интриги, сами частенько оказывались удушенными той же грязной паутиной.

5 Оседлав своего конька, Дунин старался с него уже не слезать. В том же 1937 году он еще раз в той же газете навесил ярлык "фашистский" на Кольцова и Серебровского и сравнил их с "фашиствующими элементами" (52). Он противопоставлял "мракобесам" славных представителей "мичуринского учения" (искусственно притягивая к Лысенко И.П.Павлова): "...в противовес фашистской науке в СССР созданы школы Т.Д.Лысенко и И.П.Павлова" (53).

6 Характерно, что за день до публикации письма с заявлением, что Кольцов и Берг лжеученые, Келлер опубликовал в той же газете "Правда" статью о Н.В.Цицине, который, как он заявил, достоин звания] академика АН СССР (69).

7 Хачатур Седракович Коштоянц (19001961) физиолог животных, закончил медицинский факультет МГУ в 1926 году, вступил в партию в 1927-м и уже в 1930-м стал профессором. Благодаря участию
в травле Кольцова ему удалось в 1936 году внедриться в Институт морфологии животных им. Северцова, созданный из части кольцовских лабораторий, но там он не удержался, так как вместо порыва к науке проявил другое стремление: пошел по партийно-общественной линии депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва, директор Института истории

естествознания и техники АН СССР, член всяких комиссий.

1 Грамотей Каганович, не кончавший и начальной школы, видимо по ошибке вписал в свою резолюцию лишнее "не" и фразу скорее всего надо было читать так: "Не решение ЦК нецелесообразное, а подготовители конгресса негодные, что вначале внесли предложение, а дела не подготовили. Отменить придется. Л.Каганович".

2 Юлиус Шаксель (1887-1943) учился у Геккеля (завершил курс в 1908 году), в 1908 г. работал на Виллафранкской станции во Франции у Давыдова, в 1908-1910 гг. работал у Гертвига, затем ассистентом у Платэ в Йеннском университете, в 1911 г. на Неаполитанской зоологической станции, с 1912 в Йеннском университете (с 1916 профессор). Много времени отдавал популяризации науки, в 1924 г. основал популярный журнал "Урания", ставший позже известным. После прихода нацистов к власти в Германии был вынужден частично из-за своих марксистских взглядов, частично из-за своего еврейского происхождения эмигрировать в 1933 г. в Швейцарию, а затем в СССР, куда он был приглашен заведовать лабораторией механики развития в Институте эволюционной морфологии имени А.Н.Северцова. Некоторые биологи считали, что он покончил жизнь самоубийством. Вдова Шакселя работала в Библиотеке АН СССР в Ленинграде, когда там был директором Д.В.Лебедев.

3 Этот термин появился не случайно. И.Сталин в работе "Анархизм или социализм?" пространно обсуждал роль эволюции в деле подготовки революции (см. раздел Был ли Сталин предрасположен к лысенкоизму в главе XIII). Там он и использовал термины "неодарвинисты" и "неоламаркисты". Желая подчеркнуть генезис своих построений и, чтобы не отстать от великого вождя даже в терминологии, Яковлев, а за ним и лысенкоисты, стали применять этот термин в приложении к генетикам.

4 Надо пояснить, что Лысенко и Презент, претендуя на создание нового направления науки, начали подразделять генетику на две классическую, или формальную (идеалистическую, по их мнению), и материалистическую, или мичуринскую (единственно правильную). Последнюю они часто называли "биологией развития". Даже на титульном листе редактируемого ими журнала "Яровизация" они указывали второе название "Журнал по биологии развития растений".

5 Презент преследовал в этой борьбе и свои личные, корыстные цели, именно поэтому он ставил на первое место Урановского сотрудника Ленинградского университета, в свое время выступившего против аморальных поступков Презента, заведовавшего тогда кафедрой дарвинизма:

"Урановский..., ведя вредительскую линию в области научной политики, отстаивая "чистую науку для науки" всячески охаивал Мичурина и Лысенко, всячески поносил всех тех, кто боролся за поворот науки в нашей стране к нуждам социалистического строительства. Ведь именно руками этих бандитов Урановского, Бусыгина и Ко, при "благосклонном участии" руководства университета, было разгромлено в Ленинградском госуниверситете обучение студентов дарвинизму. Разгромлено в буквальном, а не в переносном смысле... Ползающему на коленях вслед за последним реакционным словом "ученых" за границей Урановскому удалось в качестве своего последнего злобного плевка в сторону нашей советской науки и, так сказать, в порядке лакейского подхалимства в мировом масштабе, опубликовать в академическом журнале "Природа", где он в то время был заместителем редактора, "обращение к ученым СССР" некоего Эмер Вуда, клевещущего на наших молодых ученых ..." (47).

6 Израиль Иосифович Агол одно время даже исполнял фактически должность заместителя наркома образования СССР, возглавляя Главное управление науки (Главнауку), одновременно специализируясь в экспериментальной генетике (48).

7 По-видимому, одним из первых в этой партии арестованных руководителей сельского хозяйства был зам. наркома земледелия СССР и вице-президент ВАСХНИЛ академик Арон Израилевич Гайстер. Он родился в 1899 году в Елизаветграде (в советское время Кировоград). Для еврейских детей, желавших поступить в гимназию, выделяли 5% мест от общего числа принимаемых в гимназию. Арон хорошо подготовился к экзаменам и был принят. Однако закончить гимназию не смог: был выгнан за революционную деятельность из 9 класса. В 1921 году закончил Институт красной профессуры и был оставлен там преподавать. Любимым аспирантом Гайстера был М.А.Суслов. С 1929 (?) по 1931 год работал в Госплане, непосредственно подчинялся Куйбышеву (вместе с И.Кравалем и Б.Троицким), с 1933 года в комиссии советского контроля, с 1935 г. зам. наркомзема СССР и вице-президент ВАСХНИЛ. Гайстер был крупным экономистом (62). 28 июня 1937 года он делал доклад на заседании Совета по Труду и Обороне, на котором председательствовал Сталин. Похвалы Сталина были столь неумеренными, что Гайстер заподозрил неладное и, вернувшись домой, сказал жене: "Рахиль, моя судьба решена". Через три дня, прямо в кабинете наркома М.А.Чернова, его арестовали. Обвинения были нелепыми по сути: он якобы участвовал в покушении на Куйбышева, истребил всех овец в СССР и развалил экономику. 30 октября по решению так называемой "тройки" он был расстрелян. Жена его также была арестована. А уже в начале 50-х годов были арестованы обе дочери погибшего академика и замнаркома. В постановлении на арест каждой из них говорилось: "...достаточно изобличена по статье 7-35 в том, что является дочерью врагов народа Гайстера Арона Израилевича и Каплан Рахили Израилевны". Дочери отбывали срок в Боровом. После смерти Сталина обе были реабилитированы, закончили институты и стали научными работниками.

8 23 июня 1986 года в связи со столетием со дня рождения Александра Ивановича Муралова в газете "Вечерняя Москва" была опубликована статья, сообщающая о вехах жизни заслуженного руководителя. Конечно, ни слова о его трагической смерти не было сказано: старший научный сотрудник Института истории партии Н.Родионова легко и непринужденно повествовала о счастливой жизни А.И.Муралова профессионального революционера, организатора советской власти, наркома земледелия РСФСР, а затем Президента ВАСХНИЛ (63).

9 В эти дни Совнарком СССР издал постановление "О введении штатных должностей и должностных окладов для профессорско-преподавательского состава в вузах" и "О повышении стипендии студентам вузов" (газета "Правда", 12 ноября 1937 г.). Академические свободы в вузах были окончательно истреблены: теперь был введен строгий контроль за замещением должностей преподавателей на всех уровнях.

10 Можно отметить в связи с этим, какую позицию занял Прянишников. Когда Коль опубликовал статью против Вавилова (см. прим. /78/), Прянишников без колебаний вступился за своего бывшего ученика Вавилова и направил в редакцию журнала "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства" и в Президиум ВАСХНИЛ письмо с требованием наложить взыскание на редактора журнала, допустившего публикацию безответственной статьи Коля (88).

11 Напомню: сорок мест в "специальной аспирантуре" было выделено на все институты системы ВАСХНИЛ постановлением ЦК ВКП(б) для зачисления особо проверенных товарищей из числа членов ВКП(б), проявивших себя в качестве активистов на партийной и комсомольской работе. Рассказывая о тех годах, сотрудник и друг Вавилова Е.С.Якушевский

в 1989 году вспоминал:

"Потом появились Г.Н.Шлыков, С.Н.Шунденко, А.В.Пухальский, М.А.Ольшанский, Ф.К.Тетерев. Тогда был большой набор так называемых особых аспирантов. Все они были партийными и запрограммированы на лысенкоизм. Все они оказались малообразованными людьми, обладали очень слабой подготовкой и соответственно были неспособны к научной работе" (95).

12 7 июля в "Правде" опять было восславлено имя Лысенко. На этот раз было рассказано об издании Малой Советской Энциклопедии, причем автор статьи сокрушался /118/, что в новом издании была недостаточно освещена выдающаяся роль самых великих ученых: о работе Лысенко рассказывалось только на 21 строке, И.И.Мечникова на 25 строках, Д.И.Менделеева на 28 строках). В этом перечне Лысенко упоминался на первом месте, а приравнивание его к Мечникову и Менделееву говорило само за себя!.

13 Имеется ввиду написанный под руководством (и, как утверждалось, при личном участии) И.Сталина краткий курс истории ВКП(б) (134), в котором история партии коммунистов и советского государства была фальсифицирована. Изучение этого курса было вменено в обязанность всем людям в стране, начиная со школьного возраста. В 1970-е 1980-е годы даже в советской печати появлялись заметки об ошибках и искажении истории в этой книге.

14 Анатолий Васильевич Пухальский (р. 1909) стал близким к Лысенко сотрудником и активным пропагандистом лысенкоизма. Он до конца 1980-х годов руководил растениеводством СССР, стал академиком и членом Президиума ВАСХНИЛ. 26 и 27 ноября 1987 года он председательствовал на заседаниях по случаю 100-летия Н.И.Вавилова, проводившихся ВАСХНИЛ и Институтом истории естествознания и техники АН СССР, и даже выступил с воспоминаниями о дружеских отношениях с Вавиловым. На последнем заседании я задал ему вопрос: раскаивается ли он в том, что выступал против Вавилова в 1939 году и тем приближал гибель человека, которого сейчас рисует чуть ли не как друга. В ответ Пухальский спокойно разъяснил, что мой вопрос основан на недоразумении никогда в жизни он якобы ничего плохого Вавилову не делал, против него не сказал ни единого слова, а то, что он верил в вегетативную гибридизацию, верил Лысенко, ну, так тогда все ему верили пояснил седовласый господин.

15 Личность Павла Пантелеймоновича Лукьяненко (19011973) интересна для исследователей. Благодаря раболепству перед Лысенко, он рано выбился в крупные администраторы сельскохозяйственной науки, но затем нашел в себе силы отойти от такой деятельности,
стал выдающимся селекционером пшениц. Его сорта, особенно "Безостая-1", заняли миллионы гектаров не только в СССР, но и в соцстранах и помогли существенно повысить сборы зерна в СССР. В отличие от лауреата Нобелевской премии мира Нормана Борлаога американского селекционера, работающего в международном центре в Мексике, Лукьяненко не смог догадаться до использования генов карликовости пшениц при выведении сортов интенсивного типа (о сортах этого типа писал Сапегин, но, например, Вавилов не обратил внимания на гены карликовости, не осознал их роли и не придал значения ответу растений на дозы удобрений).

В связи с этим выглядит странной не только полная личная подчиненность Лукьяненко Лысенко в молодые годы и нескрываемо раболепное преклонение перед Лысенко в старости, когда Лысенко потерял опору в партийных кругах. Лукьяненко в это время использовал любую возможность для защиты Лысенко на самых высоких уровнях, пытался возродить угасающую популярность "мичуринского учения". Таким образом, в лице Лукьяненко

сочетались серьезная тяга к науке, талант селекционера и нетерпимое отношение, даже злобствование, к другим талантам, таким как Вавилов.

Неожиданной стала смерть Лукьяненко. В начале 1970-х годов он добился, пользуясь непререкаемой властью лучшего селекционера, скоростного распространения на больших площадях своих новых сортов "Аврора" и "Кавказ", отличавшихся необычным колосом и высокой урожайностью. Однако их устойчивость к грибным заболеваниям была сильно понижена, и в 1973 году дождливом и теплом огромные массивы полей, занятых его новинками, были полностью сражены болезнью. Лукьяненко привезли на одно из таких полей. Он зашел в глубь участка, увидел своими глазами масштаб опустошения и умер на поле от разрыва сердца (151).

16 После смерти Сталина и реабилитации Вавилова Лукьяненко "переменил" мнение в отношении Вавилова. В апреле 1966 года он даже опубликовал в "Правде" большую статью, в которой ни слова не сказал о своих прежних взглядах и попытках травить ученого. Он сделал вид, что всегда признавал и ценил его работы, пользовался достижениями Вавилова именно в той области, которую в 1939 году пытался подвергнуть обструкции теории происхождения культурных растений и собранной на ее основе мировой коллекции семян. Он писал, в частности:

"Хорошим подспорьем у наших селекционеров является мировая коллекция Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства, созданная под руководством академика Н.И.Вавилова. Используя образцы этой коллекции, советские ученые вывели свыше 60 сортов пшеницы, ржи, ячменя и овса, возделываемых на площади более 20 миллионов гектаров" (153).

Лукьяненко использовал многие приемы классической генетики, но, тем не менее, оставался ярым приверженцем лысенкоизма. Так, в 1965 году он заявил:

"мутантные... формы никакого практического интереса не представляют и в лучшем случае... могут быть использованы для последующего скрещивания... Невольно возникает сомнение в правильности и самой теории, лежащей в основе этих методов" (154).

Стараясь опереться при этом на мнения авторитетов, Лукьяненко пространно цитировал Вавилова, фальсифицируя его взгляды, вырывая из контекста его работ отдельные фразы (155). Крайне отрицательно отнесся Лукьяненко и к статье В.П.Эфроимсона и Р.А.Медведева, в которой Лысенко был раскритикован (156).

17 Митин Марк Борисович (1901-1987), член партии с 1919 г., на XVII, XIX и XX съездах КПСС избирался членом ЦК партии. Закончил Институт красной профессуры, еще студентом обратился к Сталину с письмом по поводу дискуссий в среде студентов, был Сталиным замечен и поддержан, работал заместителем директора Института философии АН СССР, зам. председателя и позже председателем Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (позже общество "Знание"), главным редактором журнала "Вопросы философии".

18 Сос Исаакович Алиханян получил образование по специальности "клубный работник" и был назначен заведующим клубом, но переквалифицировался: сначала, подобно Презенту, в "философа естествознания", а затем в конце 30-х годов оказался на кафедре А.С.Серебровского в МГУ, где смело включился в работу по популяризации теоретических достижений генетики, параллельно проявлял себя в качестве активиста партийной организации. Алиханян начал также вести эксперименты, написал в 1947 году большую

обзорную статью по проблеме гена.

19 Правда, А.А.Малиновский писал в своих воспоминаниях 25 июня 1990 г., что он советовал Вавилову использовать больше материалов о практических успехах западных генетиков в своем выступлении на совещании, чего Вавилов не сделал. Из-за этого, по его мнению, "был упущен последний шанс остановить лысенковщину" (173)

20 Неоднократно высказывавшееся Лысенко, Презентом и другими "мичуринцами" мнение о том, что Вавилов и генетики замалчивают или опошляют "учение Мичурина" было нелепым хотя бы потому, что никто иной как Н.И.Вавилов был тем ученым, который привлек внимание советских руководителей к тогда еще малоизвестному Мичурину. Именно Вавилов дал высокую оценку довольно путаному творчеству садовода из Козлова, именно он направил через Н.П.Горбунова материалы о Мичурине лично Ленину. Вавилов писал об этом в 1936 году:

"В 1920 г. /я/ лично познакомился с Мичуриным. После этого неоднократно у него бывал. В 1923 г. составил докладную записку в Наркомзем РСФСР, а в 1924 г. подготовил первую книгу о Мичурине (180).

Если вспомнить, что Мичурин с теплотой и признательностью относился к Вавилову, дарил ему фотографии с прочувствованными надписями, и в то же время выгнал от себя Лысенко, нелепость домысла о плохом отношении Вавилова к Мичурину становится очевидной. См. также статью Поповского, посвященную этой теме в журнале "Знание сила" (180а).

21 Митин использовал здесь лексикон, примененный за три года до этого Лысенко и Презентом, которые, обыгрывая термины, введенные Серебровским (не прижившиеся, правда, в науке и забытые теперь), назвали свою статью "О "логиях", "агогиях" и действительной науке" (184а).

22 Павел Федорович Юдин (1899-1968) закончил Институт красной профессуры и сразу после этого был назначен директором Института философии АН СССР центрального философского учреждения Академии наук СССР. Позже он работал в разных местах: в аппарате ЦК партии, с 1953 года - заместителем Верховного Комиссара в советской зоне оккупации Германии, а позже (вплоть до 1959 года) послом в Китайской Народной Республике. В 1953 году был избран действительным членом АН СССР.

23 Выступление Шлыкова было построено целиком на охаивании Вавилова как ученого и директора ВИР (189). Оно вызвало почти единодушное осуждение даже в этой, далеко не благодушно к Вавилову настроенной аудитории, что нашло свое отражение в отчете о совещании, когда комментатор В.Колбановский, осудив "недостаточную самокритичность" Вавилова (190), сказал о выступлении Шлыкова следующее:

"Резкость тона, которым тов. Шлыков произносит свою "обвинительную речь", вызывает неоднократно шум в аудитории" (191).

Еще одним предателем из числа сотрудников ВИР стал кандидат биологических наук С.И.Хачатуров, который рассказал, что он скрестил разные линии махорки, но не смог получить менделевского расщепления [ему просто не хватило для этого экспериментального материала В.С.] и на этом основании обвинил во всех тяжких грехах дирекцию института (192).

24 Если он на самом деле этого не знал, то остается только удивляться той степени смелости

(или нахальства), с какой он брался поучать ученых, как им надо относиться к законам Менделя.

25 Соколов Борис Павлович (р. 1897 г.), селекционер кукурузы, академик ВАСХНИЛ, член Советского комитета защиты мира (с 1966 г.), лауреат Сталинской (1951 г.) и Ленинской премий (1963 г.).

26 Хорош был и Дубинин, старавшийся использовать сложившуюся ситуацию в личных целях и постоянно подыгрывавший врагам генетики тем, что порочил своих же учителей А.С.Серебровского и Н.К.Кольцова. Стоит отметить в связи с этим, что даже если закрыть глаза на необходимость выполнения библейских заповедей морали в отношении учителей или норм, выраженных Некрасовым в словах: "Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени", Дубинин должен был помнить, сколь крупным был вклад Кольцова и Серебровского в науку, в воспитание огромного числа ученых и как много добра сделали ему лично и Серебровский и Кольцов.

[3] Всесоюзная сельскохозяйственная выставка или ВСХВ была помпезной выставкой, открытой Молотовым 1 августа 1939 года, в годы Хрущева её переименовали в Выставку достижений народного хозяйства, или ВДНХ. ВСХВ была любимым детищем Сталина, визитной карточкой благоденствия страны, первой страны с полностью коллективизированным сельским хозяйством. Именно для того, чтобы доказать преимущество колхозного строя, Сталин (очень любивший тяжелую промышленность и крейсеры) и распорядился построить целый город с золотыми фонтанами и подавляющими своей роскошью павильонами, в которых бы разместились стенды с продуктами сельского хозяйства.

[4] 30 марта 1983 года на праздновании своего 80-летнего юбилея Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская выступила с замечательной лекцией о своей жизни и работе. Коснулась она и того периода, когда Вавилов исчез в застенках НКВД. Рассказав о том, что в Институте генетики сохранилось всего трое генетиков, Александра Алексеевна задала вопрос: Почему Лысенко оставил в Институте эту троицу? и дала следующий ответ: Лепин был непревзойденным знатоком пшениц, и он был Лысенко просто нужен. Марк Леонидович Бельговский вел при Вавилове основной фонд дрозофилы, а Лысенко относился к излюбленному объекту генетиков странно: он ненавидит дрозофилу, издевается над работами с дрозофилой, но в то же время, подобно первобытному человеку, боящемуся солнца и ветра, боится дрозофилу, боится прослыть невеждой. Поэтому Бельговскому дается самое строгое, но и самое нелепое задание вести коллекцию так, "чтобы ни одна муха не погибла". Я так и не
поняла, сказала Прокофьева, почему он оставил меня. Добавим от себя: может быть, потому, что она работала прежде с Мёллером, а Лысенко боялся западного общественного мнения. Возможно, была и личная причина в тот же юбилейный вечер Александра Алексеевна рассказала на банкете одному из близких друзей, что, оказывается, Лысенко испытывал к ней платоническую любовь.

3 Сами премии были утверждены 23 марта 1940 года, причем Лысенко был назначен заместителем председателя Комитета по присуждению премий. Решение об этом было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), в котором Сталин принял личное участие (15).

4 14 марта 1941 года Постановление о присуждении Лысенко Сталинской премии было обнародовано, и из ВИР Лысенко были отправлены две телеграммы одна в Одессу, в селекционно-генетический институт, другая на домашний адрес. Первую подписали зам. директора Сизов, секретарь партбюро Орел и предместкома Пантелеев (20), а вторую

директор Эйхфельд и ведущие руководители ВИР. Во второй телеграмме говорилось:

"Дорогой Трофим Денисович Искренне радуемся присуждению первой Сталинской Премии Вам лучшему биологу нашей страны тчк Вы единственный в нашей стране сумели поднять биологическую науку до уровня запросов социалистического сельского хозяйства... тчк От души желаем Вам здоровья и энергии для дальнейшей ломки всего отживающего и ложного в науке зпт новых успехов в поднятии биологической науки на уровень задач сталинской эпохи тчк Эйхфельд Сизов Трофимец Мынбаев Костюченко Пономаренко Фляксбергер Мальцев Тетерев Хорошайлов Шлыков Орел Хачатуров Брежнев" (21).

Необычной деталью стало то, что под текстом было несколько строк, в которых для удобства адресата объяснялось кратко, какие должности занимает каждый из подписавших.

5 Иван Александрович Сизов(1900-1968), агроном-растениевод, которого Вавилов в 20-е годы выдвигал в администраторы (об этом говорят строки из писем Вавилова), был назначен одним из руководителей Детскосельского (Пушкинского) отделения ВИР. Но Сизов стал ревностным партийцем, держимордой, а не администратором. Именно он, не обращая внимания на Вавилова, начал травить ведущих сотрудников отделения и центрального ядра ВИР, после ареста Вавилова с 1940-го по 1961 был зам. директора ВИР, в 1961-1965 годах директором ВИР.

6 Иоган Гансович Эйхфельд (р. 1893 г.) был назначен на этом заседании директором ВИР и оставался им до 1951 года, затем директором стал И.А.Сизов, также присутствовавший на заседании и входивший в комиссию. При них ВИР захирел и потерял былую славу. С 1950 года Эйхфельд стал Президентом АН Эстонской, с 1958 по 1961 г.г. Председателем Президиума Верховного Совета Эстонской ССР и зам. Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Он был избран академиком ВАСХНИЛ, АН Эст. ССР и членом-корр. АН СССР, стал Героем социалистического труда. 25 января 1983 года "за заслуги в развитии советской науки и в связи с девяностолетием со дня рождения" был награжден седьмым орденом Ленина (31). В 3-м издании БСЭ, будто в издевку над памятью Вавилова, сказано: "Эйхфельд ученик Н.И.Вавилова" (32).

6 Как уже было сказано ранее, сыну Н.И.Вавилова удалось получить доступ к следственному делу отца и опубликовать его (36). Все цитаты из показаний Вавилова и вопросов следователей (кроме касающихся дел Карпченко и Левитского) вопсроизведены по этому изданию.

7 Характерна и эта дата 1930 г., наверняка подсказанная Хватом: вроде бы и не зря уже в 1931 году чекисты завели на Вавилова "Агентурное дело"!

8 Лев Соломонович Марголин с 1933 г. работал ученым секретарем Президиума ВАСХНИЛ. Был арестован в одно время с Мураловым. Во время допроса 22 августа 1940 г. Вавилов сообщил, что у него были неприязненные отношения с Марголиным.

9 Корреспондент газеты "Московские новости" Евгения Альбац взяла интервью у Хвата, часть из которого привела в своей статье (см. прим. /45/):

"Александр Григорьевич, вы верили в то, что Вавилов виновен?

В шпионаж я, конечно, не верил данных не было. А что касается вредительства что-то такое в науке он вел не в том направлении то я создал экспертную комиссию под руководством одного академика ВАСХНИЛ.

... И у Лысенко был ... Как себя вел? Настороженно, хитро вел ... Вообще, если говорить по симпатии, то Вавилов и Лысенко небо и земля ...

Как держался Вавилов на допросах, не пытался ли кого-то очернить?

Нет. Он не из такой категории людей, по-моему ... А держался спокойно. Отвечал на вопросы, потом делал в протоколе вставочки ...Когда делать было нечего, просил у меня бумагу и карандаш: писал что-то по своей специальности ... Порядочно написал. Я включил в опись и подшил к делу. Названия вот не помню.

История развития мирового земледелия". Эта рукопись утеряна ...

Вам не жаль было Вавилова? Ведь ему грозил расстрел.

А ...-сколько таких было!

Вы потом о нем не вспоминали?

В 1962 году меня исключили из партии в связи с делом Вавилова" (46).

Несмотря на всю пасторальность "воспоминаний" Хвата и его "неверие в шпионаж Вавилова", в том же интервью следователь Хват сказал: "Я написал обвинительное заключение", в котором, как мы знаем, и шпионаж и все другое присутствовало.

10 Имеется ввиду группа Бухарина (правый уклон в линии партии, по определению Сталина).

11 Виктория Ивановна Мацкевич зав. крупяным отделом ВИР, была арестована в 1937 году и приговорена к расстрелу, ее мужа, также сотрудника ВИР Федора Дмитриевича Лихоноса выслали в 1938 году на север, в Архангельскую область.

12 Е.К.Эмме происходила из семьи интернациональной, родителями отца были швед и голландская еврейка, по матери англичанин и немка, родители дома говорили на двух языках, а от дедушек Елена Карловна восприняла английский и шведский. Она была ученицей Г.А.Левитского, то есть отлично владела методами цитологии и плюс к этому много и упорно работала и как генетик растений. В 1935 году она подготовила докторскую диссертацию и защитила ее. В 1936 году Вавилов дал ей прекрасную характеристику, в которой отметил ее научные и педагогические успехи, а также то, что она "проявила себя большим общественником, уделяя большое внимание подготовке аспирантов и проведению курсов, оказывая большую помощь в организации конференций, съездов и т. п. " (65).

13 Вавилову к этому времени уже с десяток раз предъявляли обвинения в том, что он общался с К.Бриджесом, выдающимся американским генетиком, учеником Томаса Ханта Моргана. Чекисты квалифицировали Бриджеса как американского шпиона. Поэтому, вспомнив, что Бриджес как-то жил на квартире у Эмме, Вавилов давал в руки следователям важную улику против Эмме.

14 В конце 1985 года вице-президентом ВАСХНИЛ и ближайшим учеником Якушкина И.С.Шатиловым была опубликована большая статья, посвященная памяти Якушкина. Со страниц журнала на читателей смотрел благообразный человек, характеризуемый восторженно. Снова лысенкоисты побили правду, а коллеги и друзья Лысенко и Якушкина

теперь горделиво демонстрируют опус Шатилова (70).

15 Нельзя исключить того, что Александра Алексеевна не поняла в ту ночь, что за люди стояли на площади. По свидетельству политзека, доцента А.И.Сухно, давшего интервью М.А.Поповскому, в ту ночь всех заключенных лубянской (Внутренней) тюрьмы НКВД, Бутырок, Таганки и Лефортово (и Вавилова тоже?) доставили на площадь перед Курским вокзалом, заставили встать на колени прямо в снег и лужи и продержали (при плотном оцеплении войсками) часов шесть (74).

16 А.И.Мальцев был одним из самых образованных биологов своего времени, прекрасно знал латынь, греческий, немецкий, причем на латыни он не только читал, но и говорил (что было редкостью даже среди интеллектуалов того времени) и в шутку повторял: "Латинский мой родной язык". Когда в 1929 году вышла в свет его монография "Овсюги", Вавилов писал Карпеченко: "Вышла монография "Овсюги". Ею А.И.Мальцев обеспечил себе бессмертие" (98). После ареста Мальцев пробыл в заключении до мая 1945 года, затем его выслали в Майкоп, где он и проработал на Майкопской опытной станции ВИР до смерти, наступившей 5 апреля 1948 г. на 69 году жизни.

17 Дело Левитского проходило в НКВД по сельскохозяйственным каналам, и чекисты, отвечавшие за научные организации, пропустили незамеченным его арест. Поэтому когда Академия наук СССР праздновала в 1945 году 220-летний юбилей, сотрудники Президиума академии представили кандидатуру члена-корреспондента Левитского в наградной отдел ЦК партии, и он был удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Извещение об этом появилось в центральных газетах, вызвав радостное возбуждение у родных и друзей Григория Андреевича. Однако получить награду Родины он не мог, к этому моменту властители родины его убили (или подвели к самоубийству).

18 Андрей Януарьевич Вышинский (1883-1954) советский юрист, сначала ректор МГУ, а затем государственный деятель. Прославился на Шахтинском процессе, на котором он выступал в роли председателя суда, позже участвовал в самых важных политических процессах. Юрист Вышинский считал себя крупным специалистом в области криминалистики и полагал, что его главным научным достижением было "обоснование" необходимости использования с целью получения нужных следователю "признаний" любых насильственных мер, включая пытки, за что приобрел в народе кличку "сталинский палач". На примере Вышинского легко проследить трансформацию официальных отзывов о тех или иных персонах в зависимости от изменения политической обстановки в СССР. В Малой Советской Энциклопедии 1929 года издания его характеризовали как "деятельного участника революционного движения на юге России и на Кавказе (с 1902 года), организатора социал-демократических боевых дружин на Кавказе" (109). А в 3-м издании БСЭ в 1971 году говорится, что он "член меньшевистской партии с 1903 года, с 1920 г. член РКП(б)" (110).

19 В 1890 году Д.Н.Прянишников был удостоен степени магистра агрономии, в 1899 защитил докторскую диссертацию, в 1913 г. стал членом-корреспондентом Академии наук, а в 1929 г. академиком.

20 На том пленуме, проходившем с 13 по 17 апреля 1937 года, "проштрафился" профессор Д.А.Сабинин. В отчете о пленуме было сказано:

"Следует отметить, что Д.А.Сабинин в своем докладе допустил грубейшую политическую ошибку. Развивая мысль о роли стахановцев сельского хозяйства, докладчик сказал, что стахановцы для науки ничего нового не дали... Председательствующий и выступавшие в прениях участники пленума дали заслуженно резкий отпор этому политически вредному

выступлению проф. Сабинина" (119).

21 В том же 1937 году Д.Н.Прянишников опубликовал развернутый и резкий ответ на заушательскую критику некоего "товарища Кукса взявшегося с высоты своего незнания развязным образом поучать других", как писал Прянишников (122). Этот ответ Куксу Прянишников использовал для того, чтобы изложить вполне открыто свое отрицательное отношение к критикам более маститым, в частности, к В.Р.Вильямсу. В этой статье читатель найдет интересный анализ истории почвоведения и агрохимии в СССР.

22 Д.Н.Прянишников непрерывно требовал освобождения из тюрьмы своего любимого ученика Н.И.Вавилова. Известно, что он теребил Президента АН СССР В.Л.Комарова человека осторожного, выжидательного, чтобы тот ходатайствовал за Вавилова перед Предсовнаркома СССР В.М.Молотовым, наркомом НКВД Л.Берия и другими (127). Вместе с братом Николая Ивановича физиком С.И.Вавиловым Прянишников побывал и у Берия и у Молотова с "ходатайством о пересмотре дела Н.И.Вавилова и его реабилитации (возможности попасть на прием к Берии помогло то, что у Прянишникова работала научным сотрудником жена Берии). Получив отказ они снова обратились к В.М.Молотову с просьбой об улучшении тюремного режима с тем, чтобы он мог, хотя бы в заключении, продолжать свою научную работу. Однако и эта просьба не была принята во внимание" (128).

Не один Прянишников благородно и смело защищал имя Вавилова после его смерти. Академик Лев Семенович Берг, в 1946 году в книге, посвященной столетию Российского (позже Всесоюзного) Географического общества на девяти страницах описал деятельность Н.И.Вавилова на посту Президента Общества (129) и его путешествия. В следующем году И.И.Бабков упомянул путешествия Вавилова в обзоре деятельности Общества (130). В 1950 году главный редактор многотомного справочника "Русские ботаники" Сергей Юрьевич Липшиц включил в первый том биографию Вавилова и привел полный список его печатных работ. Том был отпечатана, но цензура в последнюю минуту заметила "крамолу", весь тираж был задержан, сорок страниц книги были выдраны, заменить текст было нечем, и тогда было принято "мудрое" решение: на первых сорока страницах книги строки были раздвинуты, чтобы занять "нейтральным текстом" то, что было из книги выброшено, и том вышел в таком изуродованном виде.

1 В одном из дворцов разместился сам Ленин с женой, в другом жила, как правило, сестра, был еще дом для обслуги. Ленин приказал ничего не менять в обстановке и почти ежедневно ездил в Горки под надежной охраной на одном из двух великолепных Роллс-Ройсов (сейчас один из этих уникальных бронированных и хромированных автомобилей выставлен в большом сарае на территории музея Горок Ленинских; больше в мире таких автомобилей нет. Гиды в Горках не без гордости рассказывают посетителям, что владельцы фирмы "Роллс-Ройс" просили продать им машину за любые деньги, но реликвия оставлена в музее).

2 Этот колхоз был одним из наиболее привилегированных в Московской области, хотя ему, как и любому другому колхозу в СССР (в отличие от Горок Ленинских), был установлен обязательный план сдачи продукции государству по закупочным (то есть минимальным) ценам, которые были гораздо ниже розничных цен в государственной торговле, не говоря уже о рыночных ценах. Государство просто грабило колхозы, объясняя, что в обмен на это предоставляет другие льготы.

3 Петренко пришлось очень скоро покинуть Сибирь. Несогласие с всесильным академиком чуть было не привело к худшим результатам, чем освобождение от поста директора института, и сам Гавриил Яковлевич считал, что он остался на свободе только благодаря тому, что не побоялся публично выступить против Лысенко, чем в известной мере связал ему

руки (личное сообщение дочери Петренко М.Г.Подъяпольской). Вместе с семьей он уехал из Омска, был вскоре назначен заведующим лабораторией бактериальных удобрений института в Немчиновке под Москвой (в 1980-е годы Центральный научно-исследовательский институт сельского хозяйства нечерноземной полосы).

4 Георгий Федорович Александров (1908-1961) окончил в 1932 году Московский институт истории и философии. Автор нескольких работ, выпущенных перед войной (23). Быстро выдвинулся по партийной линии, заняв в 1940 году высокий партийный пост заведующего (начальника по тогдашнему "табелю о рангах") Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Он возглавил коллектив авторов, создавших труд "История философии", в котором с позиций ленинизма пересматривалась история мировой философии, за что был удостоен в 1943 году Сталинской премии, вторично той же премии он был удостоен через три года за руководство коллективом, подготовившим книгу "История западно-европейской философии". Для её обсуждения была проведена дискуссия, не удовлетворившая Сталина. В 1947 году Александров был освобожден от должности в ЦК партии и был назначен директором института философии АН СССР (он был избран в 1946 году академиком АН СССР). В 1954-1955 гг. был министром культуры СССР.

5 Я уже рассказывал об этом законе на примере семьи зам. наркома земледелия СССР и вице-президента ВАСХНИЛ А.И.Гайстера, жену и дочерей которого ждала такая судьба. То же произошло со всей семьей Г.А.Левитского, также пострадали по меньшей мере сотни тысяч других людей.

6 В декабре того же 1945 года Сакс довольно язвительно возразил по поводу этих политических утверждений Жебрака, явно приукрасившего советские порядки и скрывшего правду о судьбе Вавилова, Карпеченко и других казненных генетиков. В кратком ответе Жебраку К.Сакс задал несколько вопросов, ясно показавших, что Жебрак не сказал в своей статье правды о действительном положении дел в советской науке. Он оспорил тезис о свободе дискуссий в СССР, указал на то, что Вавилов и Карпеченко исчезли, причем стало ясно, что Вавилов умер. "Как он умер и почему?" спрашивал Сакс. Не без издевки он спрашивал, почему представители бедных Китая и Индии появились на генетическом конгрессе в Эдинбурге, а советских генетиков там не было? Заканчивал он надеждой на то, что "мы сможем в скором времени возобновить связи и личное общение с нашими русскими друзьями и коллегами" (45).

7 24 февраля 1986 года к 90-летию со дня рождения А.А.Жданова в газете "Правда" появилась статья В.Глаголева "Из поколения большевиков", в которой говорилось:

"Велики заслуги А.А.Жданова в годы послевоенного социалистического строительства. Видный теоретик, пропагандист идей научного коммунизма, он много сделал для улучшения идеологической работы партии...

... Он был страстным публицистом. Его выступления отличали принципиальность, не допускающая никаких отклонений от генеральной линии партии, никаких компромиссов с враждебной советскому народу идеологией, жгучая ненависть к классовому противнику" (57).

8 Характерно, что 1973 году Н.П.Дубинин в автобиографической книге "Вечное движение", описывая его избрание в 1946 году в члены-корреспонденты АН СССР, вопреки отчаянному сопротивлению Лысенко, так и не сумевшему перебороть большинство членов Академии (что также указывает на ослабление позиций Лысенко в это время, и не только в академической среде), уделяет много места рассказу об истории создания института генетики

и цитологии. Правда, в свойственной ему манере Дубинин приписывает все организационные усилия в данном вопросе одному себе (59), не упоминая Жебрака вовсе и даже делая вид, что Жебрак зависел от его покровительства. На деле авторитет Жебрака в партийных кругах в эти годы был несравнимо выше авторитета тогда еще беспартийного Дубинина, далекого от кругов высшей администрации. О действительно решающей роли Жебрака в создании института см. ряд выступлений на расширенном заседании Президиума АН СССР в конце августа 1948 года (60), об этом же рассказывают в личных беседах многие из тех генетиков, которые были привлечены тогда к созданию этого института.

9 Недавно Е.Л.Фейнберг сообщил, что самым реальным претендентом на должность Президента АН СССР, рассматривавшимся Сталиным серьезно, был Вышинский (61).

10 Николай Севастьянович Державин (1877-1953) специалист в области славянской филологии и коммунист с большим партстажем, академик АН СССР с 1931 года, в 1922-1925 года был ректором Ленинградского университета, с 1925 г. до смерти заведовал кафедрой славянской филологии ЛГУ, автор работ по славянской этнологии, с 1947 года руководил ленинградским отделением Института славяноведения АН СССР, в 1945 г. был награжден Болгарским правительством орденом Александра Невского и правительством Югославии орденом Народного Освобождения (63).

11 Тем же числом датировано другое письмо С.Г.Суворова секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Жданову, в котором разбиралась жалоба в ЦК партии академика ВАСХНИЛ Б.М.Завадовского об отказе "Журнала общей биологии" опубликовать его статью о теоретических ошибках Лысенко. Ссылаясь на аналогичные жалобы других ученых (Жебрака, Жуковского и др.), Суворов приводил слова главного редактора журнала Л.А.Орбели, заявившего на беседе в ЦК ВКП(б), что "критика теоретических работ Т.Д.Лысенко связана с неприятностями, ввиду его особого положения, поэтому редакция не будет печатать критических статей без указания ЦК ВКП(б)" (79).

12 Статью на следующий же день перепечатала газета "Социалистическое земледелие".

13 Не могу поверить также, что Лысенко следовал анекдоту сталинских времен, что есть три дела, в которых каждый секретарь райкома, а не то что горкома, обкома или ЦК разбирается лучше всех: как поля засевать, как детей учить, и как генеральную линию партии проводить.

14 То, что один заяц, съев траву под носом у другого зайца, может оставить своего брата без пищи и этим обречь на голодную смерть, Лысенко предпочитал не упоминать. Зато он говорил другие примечательные слова о занимавшем его взаимоотношении волков и зайцев:

"Кто может видеть или показать, что зайцы мешают друг другу больше, чем им мешают волки, или что волки вредят друг другу больше, чем им вредят зайцы, тем, что, имея хорошие уши и длинные ноги, удирают от них и оставляют волков голодными" (127).

15 В последующем Суслов проявил себя несгибаемым сторонником лысенкоизма, не обращавшим внимания ни на научные доводы, ни на экономическую целесообразность, ни на нужды страны. Идеологическая суть лысенковских доктрин была в его глазах главной, а остальное он в расчет не принимал. Спустя многие годы после смерти Сталина на протяжении десятилетий, до конца своих дней, Суслов оставался ревностным охранителем лысенкоизма, продолжал всеми доступными методами оберегать лысенкоистов от критики.

16 В 1980-е годы Турбин не раз говорил мне, как он сумел вместо обвинений выступить чуть

ли не общественным защитником Жебрака, благодаря чему они будто бы даже подружились на всю жизнь. Под влиянием этих не раз повторенных утверждений я ввел в первое издание этой книги упоминание о таком характере выступления Турбина. Однако недавно, ознакомившись со стенограммой суда, хранящейся в Архиве Министерства образования, я увидел истинный текст речи Турбина и ужаснулся тому, как он пытался ввести меня в заблуждение относительно его чисто погромной речи на суде.

17 Автор статьи в "Правде" И.Д.Лаптев был высоко оплачен: через год Лысенко включил его в список лиц, назначенных Сталиным без выборов академиками ВАСХНИЛ (151). Кроме того из кресла заведующего сельскохозяйственным отделом редакции "Правда" он был возведен в ранг заместителя главного редактора этой самой важной в стране газеты. В этой должности он был утвержден постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) (152). Но во времена падения авторитета Лысенко в 1970-е годы тогдашний Президент ВАСХНИЛ П.П.Лобанов издал приказ об исключении из списка академиков (а, значит, и из списка на получение высокого академического гонорара) И.Д.Лаптева, С.Ф.Демидова, а затем и И.И.Презента (смелости Лобанову придавало то, что первых двоих критиковал Н.С.Хрущев, а Презента не уважали поголовно все).

Презента спасла от публичного позора внезапная смерть, наступившая 15 сентября 1969 года, через несколько дней после издания Лобановым приказа. Похоронили Презента как академика. Рассказывают, что Презент, после решения Лобанова лишить его звания академика и соответствующего денежного обеспечения, решил воспрепятствовать выполнению этого приказа весьма ловким путем. Он подготовил письмо в Советский Комитет солидарности с борющимся народом Вьетнама (шла война Вьетнама с США), в котором уведомлял, что отдает распоряжение бухгалтерии ВАСХНИЛ переводить его гонорар академика в дар народу Вьетнама. Презент ходил из кабинета в кабинет в здании президиума ВАСХНИЛ и, потирая руки, рассказывал, какую он затеял игру и как поставил Лобанова в неловкое положение: пусть, дескать, Президент лишит бедных вьетнамских детишек солидной ежемесячной помощи академика. И не умри Презент через несколько дней от заражения крови (в эти дни у него на шее сиял здоровенный фурункул), неизвестно еще, не пришлось ли бы Лобанову и на самом деле отменять свой приказ.

18 В вводной статье, предшествовавшей публикации письма Цицина Сталину, Андреев сообщил, что негативная оценка Цициным вклада Лысенко в сельскохозяйственную биологию могла подтолкнуть Ю.А.Жданова на то, чтобы выступить с его лекцией против Лысенко (см. ниже в этой главе). Однако в телефонном разговоре с Юрием Андреевичем Ждановым, состоявшемся 25 декабря 2000 года, Жданов сообщил мне, что в ЦК партии тогда поступало много писем с негативной оценкой действий Лысенко и что конкретно письмо Цицина не имело той роли, какую ему приписывает Андреев.

19 Позже, в 1958 году, В.П.Эфроимсон попросил меня передать написанную им докладную записку об ответственности Лысенко за просчеты, связанные с использованием генетики в военных целях учившемуся вместе со мной на физическом факультете МГУ сыну маршала М.В.Захарова. Я передал папку с рукописью Эфроимсона Сереже Захарову, тот вручил её отцу. По словам Сережи отец тщательно изучил рукопись и просил передать Эфроимсону, что изложенные им соображения будут им учтены.

20 В 1989 году был опубликован более поздний вариант рукописи Эфроимсона, озаглавленной "О подрыве сельского хозяйства Советского Союза и международного престижа советской науки". В журнале работа была озаглавлена иначе: "О Лысенко и лысенковщине" (167).

21 По-видимому эта записка Шмальгаузена достигла Сталина, так как в его памяти отложилось что именно этот ученый ратует за генетику и противостоит Лысенко, хотя на самом деле эволюционист Шмальгаузен был далек от основных разногласий генетиков с "мичуринцами".

22 Характерно, что Ю.А.Жданов сводит неприятие отцом Лысенко к социокультурным аспектам, а не к его постоянному обману властей, к неосуществлявшимся новациям, вытеснению из научных организаций ученых, несогласных с Лысенко, к криминальной сути всего корпуса лысенковских структур, находивших опору в партийных кругах на верхах власти.

[5] Можно напомнить в этой связи, какой большой ошибкой было со стороны члена Политбюро ЦК ВКП(б) М.П.Томского заявление перед XVI съездом партии, что он собственноручно слагает с себя обязанности председателя ВЦСПС, сделанное с целью "пугнуть" Сталина. Тут же Томский и весь послушный ему аппарат ВЦСПС был смещен со своих постов и заменен верными Сталину людьми, а Томский погиб в застенках.

В то же время проявлять горячку после любого критического выступления в СССР также не было принято, ибо само по себе выступление с критикой, даже весьма резкой, исходящей от сколь-угодно высокого лица, еще не означает непременного и немедленного "вотума недоверия" и репрессий. Можно указать в качестве примера на хорошо известную в высших сельскохозяйственных кругах СССР историю, произошедшую с другим Президентом ВАСХНИЛ П.П.Лобановым. В 1973 году член Политбюро ЦК КПСС Д.С.Полянский, незадолго до этого назначенный Министром сельского хозяйства СССР, на одном из заседаний коллегии Министерства обрушился на престарелого Лобанова с потоком критических высказываний и закричал ему в лицо: "Либо найдите в себе остатки партийной совести и сейчас же напишите заявление о переходе на пенсию, либо мы будем вынуждены снять вас с вашей должности". Лобанов бывший сталинский министр, человек столь же изощренный в подобного рода делах, как и Лысенко, счел за благо отмолчаться и подождать, как будут развиваться события. Такая тактика была с лихвой вознаграждена: он оставался на посту Президента еще почти 5 лет, а Полянский через несколько дней после окончания в марте 1976 года XXV съезда КПСС был освобожден от членства в Политбюро и лишился министерского кресла.

На совершенно особое положение Лысенко в сложившейся системе власти указывает то, что он не раз пытался разыграть роль обижаемого властями и прибегал к давлению на них с помощью угроз собственной отставки. Так, 11 декабря 1944 года желая переломить зревшее в верхних эшелонах власти недовольство тем, как он руководит ВАСХНИЛ, он направил В.М.Молотову (тогда зам. пред. Совнаркома СССР) такое письмо:

Прошу освободить меня от должности Президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина... Будучи Президентом, я почти не имею возможности ни оказывать содействие правильному развитию теорий сельскохозяйственной науки, ни направлять их на максимальную помощь практике, ни предупреждать ложно научные тенденции и рост различных "школ" (3).

Этот же прием Лысенко повторил 3 декабря 1946 года, когда он заявил А.А.Жданову в письменной форме, что выйдет из состава членов АН СССР, если Н.П.Дубинин будет избран членом-корреспондентом АН СССР (3а). Дубинина избрали, но из Академии, конечно, Лысенко не вышел.

2 На людях Бенедиктов и Лысенко нередко появлялись вместе, напоказ были дружелюбны,

но, как говорится в душу не влезешь. Во всяком случае известно, что Лысенко к Бенедиктову относился плохо. Показательным примером может служить история с попыткой Бенедиктова получить диплом профессора. В одном из московских вузов он читал небольшой курс студентам и решил (как это делает большинство крупных администраторов) обзавестись профессорским званием. Ученый Совет этого института послушно выдвинул кандидатуру министра в профессоры и послал свое решение в Высшую Аттестационную Комиссию для утверждения. Обычно в таких случаях отказов ВАК не дает. Но, к удивлению многих, Лысенко, числившийся членом Президиума ВАК, но крайне редко появлявшийся на его заседаниях, приехал и добился, чтобы звание профессора министру присуждено не было (5). Бенедиктов проработал на посту министра до конца 50-х годов, потом был отправлен в почетную "ссылку" послом СССР в Индию (благодаря его беспечности на этом посту дочь Сталина Светлана Аллилуева смогла бежать на Запад) и в Югославию. Он скончался в 1983 году (6).

3 Позже дочь Сталина, Светлана Аллилуева, писала (8), что после того, как Ю. Жданов начал активно выступать против Лысенко, разгневанный Сталин помешал развенчанию своего любимого агронома (9).

4 На общем собрании Вольного Экономического Общества 1 ноября 1854 года князь В.В.Долгоруков продемонстрировал собравшимся два колоса египетской мумийной пшеницы, выращенной им из двух семян, переданных Обществом. На одном из этих колосьев было 25, а на другом 30 разветвившихся частей колоса с полновесным зерном. На этом основании Долгоруков возражал скептикам, у которых мумийные зерна либо не дали роста вовсе, либо дали простые колосья, и объяснил им, что их скепсис ничего не стоит, так как они-де не умеют за дело с умом взяться (27).

5 Не обошла стороной эту тему и кампания по восхвалению свойств ветвистой пшеницы. Вот как характеризовалась немощь западной науки по сравнению с советской:

"Ветвистой заинтересовались
и зарубежные ученые. Впрочем, они отказались от нее вскоре после первых неудач. Крепкое ее зернышко оказалось им не по зубам. Да и какой расчет американским или английским помещикам выводить у себя такой сорт! Если хлеба уродится много, его придется продавать дешевле. А то, что выгодно трудовому народу, вовсе невыгодно богачам, думающим только о наживе" (37).

6 Во время беседы 27 ноября 1987 года на мой вопрос о том, как ко всему этому относился отец, Юрий Андреевич Жданов ответил, что и раньше отец не раз просил его держаться от Лысенко подальше, причем будучи, по словам сына, человеком, склонным к юмору, Жданов-старший говорил ему: "Юра, не связывайся с Лысенко. Он тебя с огурцом скрестит!" (44).

7 Забегая вперед, следует отметить, что и сам Лысенко (46) и его приближенные (особенно, Д.А.Долгушин /47/), а затем и сотни "мичуринцев" продолжали вплоть до 1953 года (года смерти Сталина) утверждать, что ими якобы получены высокоурожайные формы ветвистой пшеницы (48). Многообещающей темой, также якобы с завидным успехом, занялись не только в Москве или в Одессе. Появились публикации на эту волнующую тему и в Докладах Академии наук Армянской ССР (49). Начальство собирало совещания (50), в контролируемых лысенкоистами журналах печатали всевозможные статьи с "доказательствами" высочайшей урожайности этой пшеницы, ее свойства расхваливали в массовой печати. Так, Е.Мар писал:

"Стахановцы полей уже получили и 150 и даже 200 центнеров с гектара" (51),

а Г.Фиш восклицал, сообщая, что А.А.Авакян в 1948 году якобы вырастил из стакана семян шесть мешков зерна:

"Как будто я побывал на поле уже при коммунизме" (/52/, см. также /53/).

В 1953 году Сталин умер. Всё вышло, как в мечтах у Насреддина, ишак Лысенко не заговорил, но и шаха не стало. Уже в 1954 году в центральной печати появилось разоблачение очковтирательства с ветвистой пшеницей, сделанное крупнейшим селекционером харьковчанином В.Я.Юрьевым (54). Колхозники же убедились в бесполезности затеи с ветвистой пшеницей гораздо раньше, и никогда никакого распространения она в стране на полях, а не на бумаге, не имела. Ни на 500, ни на 50 процентов увеличить сборы зерна с ее помощью, как надеялся Сталин, не удалось. Лысенко использовал ветвистую пшеницу и для другой цели: многие его сторонники быстро состряпали диссертации на материале "успехов" с ветвистой пшеницей и получили за них ученые степени кандидатов и даже докторов наук.

8 Несколько абзацев было уделено А.А.Ждановым тому, чтобы показать, в чем якобы его сын ошибался в своей лекции о положении в биологии и сельском хозяйстве. Жданов-младший твердо стоял на том, что двух наук быть не может, что все ученые могут принадлежать к разным научным школам, но отнюдь не к разным враждующим между собой направлениям одной и той же науки. Можно себе представить, каким тяжелым был моральный груз отца, принужденного теперь изобличать сына лишь потому, что главному человеку в их партии не понравилась его принципиальная и смелая позиция. Но таковы были правила их жизни, таковы партийные представления о дисциплине коммуниста, о единстве их взглядов и прочих идеологических императивах, которые сам А.А.Жданов десятилетиями проповедовал в стране.

9 Машинописный текст доклада несколько лет лежал на маленьком столике в кабинете Лысенко на Б.Калужской улице (сейчас Ленинский просп., 33). В 1954 году Лысенко заставили сдать его в Центральный Партийный Архив. Краткие замечания Сталина, сделанные цветным карандашом на полях (в основном отчеркнутые фразы с восклицательными знаками), приводили в трепет посетителей, допускавшихся на прием к Лысенко, и этот эффект особенно ценился хозяином кабинета. Естественно, что слухи об этих сталинских пометах широко распространились в среде советских биологов. Среди замечаний, о которых говорил мне Глущенко, было например, и такое: "А "дважды два четыре" тоже буржуазное измышление? И.Ст.".

10 Ссылка на Устав ВАСХНИЛ, якобы разрешающий замену избрания академиков их назначением, была неверной. Да и никакого Устава ВАСХНИЛ не существовало до середины 70-х годов, когда этот устав, после многолетних споров в сельхозотделе ЦК и в Минсельхозе Союза, наконец, был принят.

11 Во время моей учебы в Тимирязевской академии произошел такой забавный случай. Как-то вечером, накануне годовщины Октябрьской революции, мы работали с заведующим кафедрой доцентом И.И.Гунаром поздно вечером в лаборатории. Я вдруг вспомнил лекции Бушинского и спросил, как же он стал членом-корреспондентом АН СССР и академиком ВАСХНИЛ, будучи плохим специалистом. В ответ на это Иван Исидорович, вдруг воодушевившись, предложил разыграть Бушинского (как оказалось, достоинства этого ученого мужа были хорошо известны и многим преподавателям Тимирязевки). Итак, Гунар позвонил Бушинскому домой под видом поздравления с 7-м ноября и по ходу дела спросил:

- Да, Владимир Петрович, мы вот тут работаем со студентом и столкнулись с одной загвоздкой: забыли формулу угольной кислоты. Вы не подскажете?

Ученый почвовед не может не знать этой формулы, тогда он просто не почвовед, но мой шеф был убежден, что Бушинский ни этой (простейшей), ни какой-угодно другой формулы не знает, а является "специалистом" по общеразговорному жанру. Бушинский формулу, конечно, не назвал. Он принялся с жаром вспоминать, как участвовал в штурме Зимнего дворца в Петрограде (как известно, никакого штурма не было, захват Зимнего был практически бескровным), как боролся за революцию, а потом быстро попрощался. Его познания в своей науке были и на самом деле уникальными!

12 В книге отца и сына Судоплатовых Муромцев, заведовавший до 1950 года секретной бактериологической лабораторией НКВД назван академиком Г.Муромцевым. Это очевидная аберрация имен отца и сына Муромцев. Сын полковника НКВД Сергея Николаевича Муромцева Георгий Сергеевич Муромцев тоже стал академиком ВАСХНИЛ, но в 1970-е годы. Г.С. закончил МГУ, затем много лет работал в секретном институте под Москвой, в Голицино, занимавшемся также микробиологическими военными программами, затем перешел на работу в ВАСХНИЛ, где продвинулся очень быстро до поста Главного Ученого секретаря этой Академии, но вскоре потерял пост в результате жалобы посла СССР в США А.Добрынина на безнравственное поведение Г.С.Муромцева во время его поездки в США (74). Позже работал директором Института прикладной молекулярной биологии и генетики ВАСХНИЛ, переименованном в Институт биотехнологии. Г.С.Муромцев скончался в 1997 году.

13 Вначале генетики, конечно, не могли знать, что данная сессия ВАСХНИЛ представляет собой качественно иное, чем раньше, собрание ученых. Сталин не просто предоставил Лысенко возможность расправиться с оппонентами, он придал этому разгрому большое политическое звучание, которого генетики, да и вообще биологи, в дни работы сессии толком и оценить не могли.

Партийные верхи осуществляли неусыпный контроль за тем, как идет сессия. Согласно рассказу одного из ближайших к Лысенко в то время людей Н.В.Турбина, каждый день по окончании заседаний В.Н.Столетов выполнял роль связного между Лысенко и Политбюро ЦК партии. Он ездил ко второму человеку после Сталина Маленкову и кратко информировал его о том, что было сделано на данном заседании. Он же каждое утро согласовывал с Лысенко список выступающих и клал перед председательствующим на сессии заместителем министра сельского хозяйства СССР Лобановым узенький листок с фамилиями тех, кому надо предоставить слово, а Лобанов лишь оглашал эти фамилии. Деятельность эта пошла на пользу Столетову он понравился своей деловитостью высшим начальникам: и себя показал, и авторитет Лысенко укрепил, к тому же завязал хорошие отношения с Ю.А.Ждановым, что позже очень пригодилось Столетову и помогло ему сделать головокружительную карьеру (77).

7 Замечу в связи с этим, как отмечал и раньше, что такая позиция Кольцова, Константинова, Прянишникова, Лисицына, Кирпичникова, Немчинова порой охраняла жизнь лучше всего и в самые лихие сталинские времена: Немчинов до конца жизни оставался активно работавшим ученым. В центре Москвы, на доме 9 по улице Тверской, где он жил с 1950 года до смерти, наступившей в 1964 году, установлена мемориальная доска с барельефом ученого. С большим уважением о Немчинове говорил в одной из речей М.С.Горбачев (107).

14 В эти дни отец Ю.А.Жданова был еще жив и находился на Валдае в санатории "Долгие Бороды", где внезапно скончался 31 августа 1948 года, как было сообщено, от инфаркта (до

сих пор ходят слухи, что этой смерти очень хотел Л.П.Берия). Лысенко, разумеется, не мог не знать о негативном отношении к нему А.А.Жданова, но это не помешало ему сделать хороший ход: откликнуться в печати на смерть А.А.Жданова настоящим панегириком, названным "Он вдохновлял нас на борьбу за дальнейший расцвет науки" (119).

11 На самом деле никакого письма Ю.А.Жданова Сталину не существовало. Юрий Жданов вообще не был в Москве, а оказался отправленным в отпуск, также как и его отец. Опубликованный в "Правде" текст был состряпан из слегка отредактированной объяснительной записки Ю.Жданова, написанной сразу после первого заседания Политбюро в мае, на котором Сталин требовал ответа по поводу того, кто разрешил прочесть лекцию с обвинениями Лысенко (121).

15 В.П.Эфроимсон был выпущен на свободу в 1955 году и реабилитирован лишь 9 августа 1956 года. Этим числом датирована справка 02/ДСП-5667-56, врученная ученому, в которой было сказано:

Дана гр. Эфроимсон Владимиру Павловичу, 1908 года рождения, в том, что определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 31 июля 1956 года постановление Особого Совещания при Министре государственной безопасности СССР от 24 декабря в отношении его отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления (139).

Но и после реабилитации из-за личной неприязни к нему Н.П.Дубинина выдающийся генетик оставался вне генетической работы. Первое время он перебивался случайными заработками, затем работал в Библиотеке иностранной литературы.

16
На этом завершилась долгая работа Жебрака в его "альма-матер" Тимирязевской академии. Здесь он 7 января 1936 года защитил докторскую диссертацию (оппонентами были Е.Ф.Лискун и выдающийся американский генетик, в будущем Нобелевский лауреат Г.Г.Мёллер /162/). В 1965 году сюда же Антон Романович старался вернуться на созданную им некогда кафедру генетики и селекции, но был завален по конкурсу политиканствующими членами совета, и через короткое время Жебрак скончался.

17 Спустя четверть века, мы как-то шли из Ленинской библиотеки вдвоем, и Иосиф Абрамович, кандидатуру которого в тот год выдвинули в члены-корреспонденты АН СССР, сказал мне, что с ним разговаривал какой-то партийный функционер, уговаривая забрать его старое заявление и вернуться в партию. Тогда, дескать, ему будет обеспечено избрание в Академию, а иначе этого не произойдет.

Пусть сначала ЦК партии опубликует заявление, что поддержка им взглядов Лысенко и его доклада на августовской сессии ВАСХНИЛ была ошибкой, ответил Рапопорт, а тогда я подумаю над вашим предложением.

Так, несмотря ни на какой шантаж, Рапопорт остался честным, своим мнением не торговал. В конце концов, его избрали членом-корреспондентом АН СССР, а позже и Ленинскую премию за выдающиеся работы он получил. Только когда Горбачев начал перестройку в партии, он вернулся в 1989 г. в ряды членов КПСС.

18 Министр Кафтанов делал тут двойную ошибку: ни Ф.Г.Добржанский, ни Н.В.Тимофеев-Ресовский не были белоэмигрантами (оба они оказались на Западе в середине 20-х годов, когда Белая армия перестала существовать). Если уж следовать советской терминологии, оба

они были "невозвращенцами". К тому же Тимофеев-Ресовский жил в Германии и работал в научно-исследовательском институте в пригороде Берлина Бухе, и потому не мог быть "лакеем американского империализма", а в течение всех послевоенных лет он не мог делать ничего такого, ибо сразу же после занятия Берлина советской армией был арестован и помещен сначала в тюрьму, потом в лагерь, а затем в "шарашку".

19 Норайр Мартиросович Сисакян (1907-1966) стал важной фигурой среди лысенкоистов. Он выступал и на сессии ВАСХНИЛ и после нее весьма активно, старательно и ловко делая карьеру.

Советская пресса заговорила о нем впервые еще в 1938 году, когда он защитил кандидатскую диссертацию по биохимии в Институте биохимии АН СССР (175). Его расхваливали тогда как типичного выдвиженца. Действительно, еще в 1924 году он не умел не то, что писать, но даже ни одной буквы не знал, однако в этот год он вступил в комсомол и попал под начало другого яркого выдвиженца, гордо именовавшего себя "бывшим беспризорным" Эзраса Асратовича Асратяна, позже ставшего академиком АН АрмССР и принявшего активное участие в погроме физиологии высшей нервной деятельности в 1950 году. Асратян за год обучил Сисакяна армянской азбуке. Еще за год учитель и ученик показали, что значит творить настоящие чудеса: сверхталантливый Сисакян ухитрился получить документ о сдаче экзаменов (экстерном!) за восьмилетнюю школу! Сам Сисакян говорил, что при этом он еще читал с трудом, но уповал на другое:

"Комсомол сделал из меня не только ученого, но и человека" (176).

По его собственным словам, записанным корреспондентом, в комсомоле Сисакян научился главному - методам борьбы с инакомыслием:

"В 1927 году, при очищении комсомольской организации от троцкистов, Сисакяна ввели в уком. Борьба с политическими врагами под руководством большевистской партии закалила молодого комсомольца и многому его научила" (177).

Закаленный и обученный Сисакян, не зная ни слова по-русски, но, обладая бойцовскими качествами, взял комсомольскую путевку и был зачислен в Тимирязевскую академию. Здесь он научился с грехом пополам объясняться по-русски, в 1932 году закончил Тимирязевку и попал в престижный институт Д.Н.Прянишникова. Но в этом институте надо было серьезно работать, и поэтому пришлось ему перейти в 1935 году в Институт биохимии, там в 1937 году он вступил в партию и возглавил партийную организацию. Одновременно он начал работать на кафедре биохимии животных в МГУ и стал профессором. Он быстро сдружился с Лысенко и занял высокие позиции в управлении советской наукой (стал академиком-секретарем биологического отделения АН СССР, а затем и Главным Ученым секретарем Президиума АН СССР).

20 В выписке из приказа 506 по Московскому государственному университету от 26 августа 1948 года среди других пунктов был и такой:

"С целью освобождения биологического факультета от лиц, в своей научной и педагогической работе стоящих на антинаучных позициях менделизма-морганизма, уволить от работы в Московском государственном университете..."

и далее были перечислены фамилии увольняемых. В их число попал и Роман Бениаминович Хесин. Он был на факультете хорошо известен. Учиться он поступил еще до войны, добровольцем ушел на фронт и воевал не в тылу, не в Омске или Ташкенте, а в частях самых

героических в истребительном батальоне. О том, что представлял собой в те годы этот человек, говорит характеристика, выданная ему летом 1945 года его учителем А.С.Серебровским:

"Характеристика Сталинского стипендиата Р.Б.Хесина-Лурье

Тов. Хесин-Лурье Р.Б. с первого года работы в университете зарекомендовал себя как человек, активно интересующийся наукой и умеющий сочетать интенсивную исследовательскую работу с общественной. Еще на 1-м курсе им выполнено небольшое исследование на тему о времени действия летальных мутаций. Им был организован на кафедре генетики кружок им. Мичурина, в котором Хесин-Лурье в течение нескольких лет был председателем. С начала войны т. Хесин-Лурье вступил добровольцем в истребительный батальон. Участвовал в боях под Можайском, был контужен, при выходе из госпиталя снова пошел на фронт, участвовал в боях под Ржевом, был ранен. В настоящее время, в связи с незаживающей раной отпущен из армии. Т. Хесин-Лурье Сталинский стипендиат с 3-го курса" (189).

После увольнения он с трудом устроился старшим лаборантом в Институт биологической и медицинской химии АМН СССР, затем перешел в Каунасский университет, потом вернулся в Москву, стал первым в СССР заниматься биохимической генетикой, был одним из основателей молекулярной генетики в СССР. Имя члена-корреспондента АН СССР Р.Б.Хесина благодаря его классическим исследованиям переключения работы генов в ходе индивидуального развития (выполнены на модели бактериофага) хорошо известно в мире. За работы в области молекулярной генетики он удостоен Государственной и Ленинской (посмертно) премий СССР. Роман Бениаминович скончался в 1985 году, оставив после себя школу исследователей. См. о его вкладе в науку статью А.С.Спирина и В.А.Гвоздева (190).

21 Вернувшись домой в Ленинград, Аничков, приложивший много сил к тому, чтобы ревностно выполнить указания сверху и заслужить благодарность, признался своему приятелю В.М.Карасику:

"Давление сверху было такое большое, что пришлось все эти пакости с улыбкой произносить. Я потом три дня рот полоскал..." (192).

22 И.Кочергин начальник одного из Главков Министерства высшего образования СССР был председателем "Суда чести" над Жебраком, на котором Турбин выступил с грубыми нападками на Жебрака и на мировую науку.

23 По свидетельству Н.В.Тимофеева-Ресовского, сделанному мне в 1958 году во время пребывания в его летней лаборатории в Миасово на Урале, последним местом в стране, где культуры дрозофил еще существовали в качестве лабораторных объектов, был засекреченный институт шарашка", в котором в качестве заключенных работали Тимофеев-Ресовский и его друг Царапкин, живший с ним в Германии, немец К.Циммер и ряд других ученых, арестованных после взятия Берлина советскими войсками в 1945 году. Об этом пребывании в "шарашке" намекает Циммер в своей книге, изданной в СССР (207). Кстати, именно в уральской лаборатории, по-видимому, впервые в СССР были возобновлены опыты с дрозофилой.

Вспоминаю курьезный случай, связанный с тем, как впервые дрозофила появилась в здании биолого-почвенного факультета МГУ на Ленинских горах. Возвратившись из Миасово от Тимофеева-Ресовского, мы привезли в Москву баночки с мухами-дрозофилами, продолжая работать с ними в пору нашей учебы на физическом факультете МГУ. В день 60-летия

Т.Д.Лысенко в конце сентября 1958 года студенты-физики принесли на биофак несколько пробирок с мухами и выпустили их "летать". Но мало кто из биологов уже помнил, как выглядит проклятая лысенкоистами дрозофила. Поэтому одному из студентов-физиков ныне доктору физико-математических наук В.И.Иванову пришлось объяснять с деланным возмущением в голосе: "Смотрите, смотрите, дрозофила летает! В день рождения Трофима Денисовича и такое безобразие!"

24 Переход количества в качество Сталин на протяжении всей его жизни рассматривал как одну из главных форм движения материи, в силу чего соответствующий "закон" он выдвигал на первое место среди других философских законов. Таким образом, у Сталина уже на этом, раннем, этапе его деятельности сложилась общая схема, причем наиболее примитивная из всех доступных для того уровня развития философии.

25 К 1906 году в России, вслед за европейскими публицистами, многие начали интересоваться вопросами дарвинизма и переносили постулаты дарвинизма в сферу общественных процессов. Но смысловое значение терминов "неодарвинизм" (231) и "неоламаркизм" было отлично от его сегодняшнего понимания. Благодаря популяризаторской деятельности Н.Г.Чернышевского и К.А.Тимирязева в русскую литературу были внесены эти два термина, но, например, слово "неодарвинизм" нередко использовали для определения взглядов Г. де Фриза и С.И.Коржинского, которые считали, что новые виды возникают скачкообразно благодаря внезапно появляющимся новым формам мутациям, а не за счет естественного отбора (как думал Дарвин). Иногда Тимирязев называл "неодарвинистов" "антидарвинистами". С годами положение о роли мутаций в эволюции было признано многими, но в отличие от де Фриза генетики вслед за С.С.Четвериковым (232), считали, что мутации вовлекаются
в отбор. Соответственно этому изменился и смысл, вкладываемый в термин "неодарвинизм": им стали характеризовать направление, представители которого пытались объединить дарвинизм с теорией мутаций.

26 Этот лозунг у Мичурина звучал следующим образом: "Природа не кладет на дороге сковородки с готовой яичницей. Мы не можем ждать милостей от природы взять их у нее наша задача".

28 В декабре 1988 года Нобелевский лауреат Барбара МакКлинток рассказала мне, что она встречалась с Н.И.Вавиловым в Америке и всерьез подумывала над его предложением поехать в СССР, чтобы работать в Институте генетики в Москве. Посмеиваясь, профессор МакКлинток, заметила, что не поехав, убереглась от возможной смерти в сталинских лагерях, где-нибудь в Сайбирии, как сказала она мне.

1 Начинающий журналист Валентин Зорин в статье "Советская быль и американские небылицы" в журнале "Огонек" восславил сталинский план, сообщив, что в США не борются с эрозией почв, а в СССР с эрозией теперь будет покончено (6).

2 Подробная инструкция о том, как вести гнездовые посевы была разработана по указанию Лысенко в 1948 году и в начале 1949 года разослана по хозяйствам.

3 Позже Лысенко так объяснял причины гибели побегов в загущенных посадках:

"... самоизреживание отдельных деревцев в группе идет не потому, что деревцам уже тесно, а для того, чтобы им в ближайшем будущем не было тесно" (15).

4 К 1956 году лесоводы констатировали, что от "гнездовых посевов осталось не более 6%,

остальные 94% погибли... чтобы сохранить их, нужна была неотложная восстановительная работа, связанная с затратой средств, равных примерно 75% проектной стоимости... Но эта работа не была проделана" (18).

5 Зато Ваган Карапетович Карапетян ловко проявил себя на другом поприще. Известно, что в Москве было очень трудно получить разрешение на постоянное проживание (так называемую прописку). Исключения из правил делают только в отношении лиц, имеющих особые заслуги, причем и в этом случае, чтобы получить прописку, нужно представить множество различных документов и ходатайств. Карапетян ухитрился все эти порядки обойти. Возжелав прописаться в Москве, он сначала устно договорился с Лысенко, что тот не возражает против его кандидатуры как возможного сотрудника. Затем он явился в отдел кадров Академии наук СССР и сообщил, что Трофим Денисович берет его сотрудником, и велел, не медля, прописать его в Москве и предоставить ему жилплощадь. Страх перед могучим Трофимом Денисовичем был так велик, что оба желания были немедленно удовлетворены. Никаких бумаг не понадобилось кадровики из Академии наук полюбовно уладили все проблемы с милицией г. Москвы. Позже Лысенко с показным удовольствием посмеивался над "инициативностью" В.Карапетяна, ловко обманувшего паспортистов. Ему, видимо, доставляла радость сама мысль, что одно упоминание его имени рождает такой страх даже у работников милиции (47).

Начав работать в Институте генетики, Карапетян сосредоточился на одном занятии: он дежурил в вестибюле здания и ждал, когда Лысенко появится. Тогда он подбегал, встречал шефа и ходил за ним как тень. Лысенко это нравилось, он не любил оставаться один и предпочитал, чтобы близкие к нему сотрудники сидели в его кабинете и ловили каждое его слово (48).

6 Степень безграмотности этого академика даже по тем временам была уникальной. Например, он писал:

"Нуклеопротеиды же, дезоксирибонуклеиновая кислота это химические вещества, органические соединения белковой природы [?? В.С.], входящие в состав живого тела" (57).

7 Лысенко не только всячески использовал высокое положение Дмитриева, но и вынашивал план выдвижения Дмитриева в вице-президенты ВАСХНИЛ. Ему представлялось, что такой человек, безоговорочно восхвалявший любые его предложения, может быть использован лучшим образом именно как его прямой заместитель (исключалась вроде бы возможность внутренних распрей). Устраивал этот план и Дмитриева, желавшего обеспечить себе безбедное существование и менее ответственную работу. Но для воплощения плана в жизнь Дмитриева должны были сначала избрать академиком (а он был всего навсего кандидатом экономических наук), поэтому Лысенко и решил срочно прикрепить его к докторантуре своего института, чтобы быстро провести его в доктора, а потом избрать уже и в академики ВАСХНИЛ (63).

8 Рудольф Вирхов (1821-1902) выдающийся немецкий ученый, основатель патологической анатомии: обосновал тезис, что каждая клетка может возникнуть только от предшествовавшей ей клетки путем деления. Это правило было строго доказано самыми совершенными экспериментами, причем было установлено, что нет ни одного исключения из этого правила Вирхова.

9 Уже после смерти Сталина Лепешинская добавила некоторые детали её беседы с вождем:

"Весной 1943 г., в самый разгар войны, Иосиф Виссарионович Сталин нашел время

познакомиться с моими работами еще в рукописи и по телефону сообщить мне о своем положительном отношении к моим работам. Слова эти поддержали во мне уверенность, что я стою на правильном пути" (79).

Вслед за этим Лепешинская вставляла дежурные фразы о "бесстрашии в борьбе с идеалистами всех мастей".

10 Влпрос о превращении видов друг в друга, возник во время одной из моих бесед с Лысенко, состоявшейся 14 апреля 1957 года, когда я учился в Тимирязевке. Как-то он с жаром заговорил об этом своем любимом детище и, чтобы переломить мой скепсис, встал из кресла, отодвинул его от стены и пригласил посмотреть стоявший за креслом стенд, на котором был размещен вырытый из земли "куст" пшеницы. Из переплетения корней торчало около десятка стеблей, заканчивающихся колосьями разной формы. Тут были колосья явно разных видов пшеницы.

- Вот видите, - сказал Лысенко, - все эти разные виды выросли из одного зерна. Причем, это не на показ сделано, а для себя.

- Вы сами это сделали? - полюбопытствовал я.

- Нет, - ответил Лысенко, - это мне мои ученики преподнесли.

- Так откуда же известно, что все это выросло из одного пшеничного зерна, и что это одно растение? Ведь корневая система так переплелась, что ничего не разберешь! (Надо сказать, что я уже знал к тому времени, как один из преклоняющихся перед Лысенко студентов биофака МГУ А.Синюхин отличился: склеил на препарате нужные части двух видов, опубликовал статьи о фальсифицированных "находках", но позже был пойман и изобличен. Так что способ производства таких "муляжей" был мне в принципе известен).

- Говорят вам, из одного семени, значит из одного...

- Ну, так дайте мне по зерну из каждого колоса, я высею их в условиях, исключающих переопыление, и тогда посмотрим, что из них вырастет, - предложил я.

Лысенко это предложение, видимо, не устроило. Он сразу замолчал, снова придвинул кресло к столу, уселся и перешел к другой теме, как будто эта тема была целиком исчерпана.

11 В организации совещания активное участие принял Ю.А.Жданов. Как он объяснил мне в 1987 году и писал в 1990-х годах, этим шагом он хотел отвлечь внимание советской общественности от Лысенко и переключить прессу на прославление нового героя "поля чудес" советской научной "эстрады"".

12 История возвышения Лепешинской, разгрома цитологии и родственных дисциплин в СССР подробно разобрана в моей книге "Красная биология" (88), и я не буду подробно разбирать эту проблему в настоящем издании книги.

13 Увлечение лысенковщиной и лепешинковщиной продолжалось недолго: как только над этими учениями сгустились тучи, Ж.А.Медведев пересмотрел свою позицию и стал страстным обличителем лысенкоизма и в том числе лепешинковщины, правда, без малейшего покаяния или намека на упоминание "грехов прежней жизни".

14 Р.В.Петров (р. 1930 г.) член КПСС с 1956 г., доктор медицинских наук (1961), профессор

(1968), академик АМН СССР (1978) и АН СССР (1985). Окончил Воронежский мединститут в 1953 г., в 1962-1983 г. г. заведующий лабораторией Института биофизики Минздрава СССР, одновременно с 1974 г. зав. кафедрой иммунологии 2-го Московского мединститута, с 1983 г. директор Института иммунологии МЗ СССР, председатель Всесоюзного общества иммунологов, сейчас он вице-президент РАН.

15 Еще до опубликования своей статьи В.Я.Александров отправил 18 декабря 1954 г. машинописный экземпляр статьи Н.С.Хрущеву, указав в сопроводительном письме, что

"Эта статья является одной из иллюстраций того нетерпимого состояния, до которого доведена наша биология..." (102).

16 Не остановилось продвижение Норайра Мартиросовича по служебной лестнице и позже. В 1959 году его сделали исполняющим обязанности академика-секретаря Отделения биологических наук СССР (в этот момент Лысенко добился снятия с этого поста известного биохимика В.А.Энгельгардта), и через год Сисакян стал академиком АН СССР (не может же руководить Отделением Академии какой-то член-корреспондент). В 1963 году инициативный Сисакян стал Главным Ученым Секретарем Президиума АН СССР, чтобы теперь определять политику в масштабах всей АН СССР. В этом качестве он внес свой вклад в развитие еще одной модной науки космической биологии. Благодушно настроенные западные коллеги избрали в 1965 году "выдающегося" советского ученого вице-президентом Международной астронавтической академии. Именем Сисакяна назвали кратер на Луне (104).

17 Эта фраза: "еще никем экспериментально не опровергнуты" навела меня на мысль, что Лепешинская жила в ожидании той минуты, когда разоблачение наступит. Не отсюда ли проистекала её неуемная страсть к постоянным ссылкам на классиков марксизма-ленинизма, особенно на Энгельса и Сталина, которые, по ее мнению, никогда не будут опровергнуты, и потому могут считаться лучше всякой палочки-выручалочки? Соответствуют твои высказывания внешне марксизму-ленинизму значит ты прав во веки веков. Невдомек ей было, что и пяти лет не пройдет, как главного из ее защитников - Сталина вычеркнут из числа классиков марксизма-ленинизма вполне официально!

18 Кое-кто из упоминаемых Лепешинской ученых вначале выступал против ее "открытий". Так, подпись П.Макарова стояла первой в письме тринадцати в 1948 году (см. прим. /83/). Среди них был и Ш. Галустян, позже вывернувшийся на 180о. Силен же был напор, если так ломались души, забывалось понятие о принципиальности ученого, о чести и незапятнанном имени.

19 Существовало много апробированных способов размножения животных. Простое (или воспроизводительное) размножение в пределах одного и того же стада требовало своего подхода к выбору лучших для скрещивания быков и коров. Включение в скрещивание одного нового родителя (взятого от другой породы) так называемое вводное скрещивание обусловливало другой подход к выбору лучших быков-производителей. При вводном типе скрещивания нужно было сохранить неизменными основные свойства стада и придать ему лишь какое-то одно свойство, улучшающее характеристику стада. Были разработаны и другие методы поглотительное, перменное и другие схемы скрещиваний. Хорошее знание правил скрещивания и законов наследования было непременным условием работы, без них риск потерять свойства, приобретавшиеся в течение не одного десятилетия, был велик. Поэтому специалисты в области селекции животных, особенно крупного рогатого скота, так придирчиво относились к новинкам, так ревностно хранили старые секреты. Ведь их ошибки оборачивались долговременными неудачами. Корова - не пшеница, её заново не пересеешь, если посевы в рост не пошли. Пока телка растет, пока наступила половозрелость, проходит

не один год. Поэтому для применения разных способов улучшения стад воспроизводительного, вводного, поглотительного, переменного или промышленного типов скрещивания - существуют свои, строгие правила.

20 Эти законы говорили, что если признак контролирует один или малое число генов, то прежде чем делать вывод о характере признака у будущего приплода, следовало узнать, гены какого из родителей будут доминировать. Если же развитие признака зависит от многих генов (именно так было с содержанием жира в молоке), то скорее всего нужно ждать усреднения наследственных свойств отца и матери. Об этом же говорила и народная мудрость: с испокон века было известно, что при покрытии жидкомолочной коровы быком, приплод которого жирномолочен, жди, что будет промежуточное по качеству молоко. Таким образом, и с этой стороны лидера "мичуринцев" ждало разочарование: его надежды на сохранение свойств лучшего из родителей противоречили не только науке, но и народной мудрости.

21 Возможно, главная ответственность за такой обман ложилась на заведующего фермой в "Горках Ленинских" Сурена Иоаннисяна. Именно он поставлял Лысенко весь цифровой материал и, подобно своему патрону, не раз заявлял в печати:

"В этих опытах не установлено никакой связи между содержанием жира в молоке коровы-матери и ее дочери" (122);

или

"На ферме в "Горках Ленинских" не установлено никакой связи между содержанием жира в молоке коровы-матери и ее дочерей" (123).

22 Д.Н.Прянишников указывает здесь на один из наиболее поразительных по бездоказательности и претенциозности тезисов Лысенко:

"Фигурально выражаясь, развитие организма есть как бы раскручивание изнутри спирали, закрученной в предыдущем поколении. Это раскручивание является одновремен-но завинчиванием для будущего поколения. Ведь на основе развития прошлого организма происходит формирование данного организма" (142).

Ниже Лысенко снова вернулся к этому, одному ему понятному, но видимо дорогому для него тезису:

"Происходит как бы развинчивание изнутри той цепи многочисленных изменений и превращений, которые завинтились в предшествовавших поколениях. Нами уже указывалось, что это развинчивание идет только путем завинчивания процессов для будущего поколения" (154).

Вряд ли есть смысл это комментировать! Но нужно ясно представлять себе, что эти несуразицы, при полном одобрении властями, выдавались философами за последнее слово науки.

23 Обратим внимание на замечание Прянишникова, касающееся проблемы азотфиксации микроорганизмами. В этом вопросе он выказал себя провидцем, предвосхитившем будущее развитие биологической науки на несколько десятилетий вперед. В наши дни эта проблема стала одной из центральных в биологии.

24 Еще в январе 1935 года Д.А.Сабинин выступил против Лысенко в Институте генетики АН

СССР после его доклада, заявив, что говорить о каких-либо "требованиях к условиям среды обитания" со стороны неодушевленных растений, как это постоянно делал Лысенко, нелепо. Затем вместе с М.Х.Чайлахяном Сабинин посетил лысенковский институт, пытаясь на месте разобраться в экспериментальной стороне лысенковских построений, но убедился лишь в антинаучной постановке его опытов, о чем вспоминает акад. Чайлахян в статье в сборнике, посвященном памяти Д.А.Сабинина, вышедшем в 1981 году (158). Редактор сборника Ф.Реймерс и авторы статей по цензурным соображениям даже не намекнули ни на то, что Сабинин застрелился, ни на обстоятельства, приведшие к его гибели. Член-корреспондент АН СССР М.В.Волькенштейн в связи с этим вспоминал, как Реймерс часто при личных встречах с ним ругал Лысенко, но однажды Волькенштейн застал Реймерса в академической столовой на Ленинском проспекте за дружескими рукопожатиями с Лысенко. Увидев входящего Волькенштейна, Реймерс поспешил ретироваться, а вечером позвонил ему домой и сказал: "Но я хорошо вымыл руки с мылом". Вот так люди пасовали перед сильным характером Лысенко даже в 70-е годы.

25 Политиканство Н.И.Шапиро проявилось особенно ярко в 1977 году во время обсуждения на заседании Оргкомитета XIV Международного генетического конгресса в Москве кандидатуры будущего Президента Конгресса. Заместитель Генерального секретаря Конгресса профессор Л.И.Корочкин предложил в качестве будущего Президента кандидатуру профессора Калифорнийского университета США Мэлвина Грина тогдашнего Президента Американского генетического общества. М.Грин не раз бывал в Москве и других научных центрах СССР, знал многих из русских генетиков лично. Однако Н.И.Шапиро неожиданно выступил на заседании против этой кандидатуры, сказав, что Грин хороший ученый, но... антисоветчик. С последним утверждением можно было бы поспорить, однако Шапиро в чрезвычайно резкой форме отвел все реплики, настаивая на самом убойном в советских условиях обвинении. При поддержке академиков Беляева и Дубинина и молчании большинства других членов Оргкомитета Грина забаллотировали.

26 Процесс обмена участками ДНК в ходе конъюгации был на самом деле открыт американцем Джошуа Ледербергом в 1951 году задолго до работы Алиханяна. Ледерберг был удостоен за эту работу Нобелевской премии. Затем в 1953 году англичанин Уильям Хейс и французы Эли Вольман и Франсуа Жакоб изучили конъюгацию и связанные с нею особенности поведения клеток на модели кишечной палочки. Если что и было нового на самом деле в работе Алиханяна (конечно, если он не фальсифицировал данные, как он это не раз делал позже), так это обнаружение тех же закономерностей на новом объекте - микроскопических грибах. Но и это открытие пустяком назвать было бы нельзя. Поэтому неизбежен вывод, что как бы ни относиться к человеческим слабостям Алиханяна, но надо признать, что он упустил верный шанс войти в число первых исследователей важного генетического феномена. Предав генетику и отказавшись от генов, он наказал самого себя, захлопнул перед собой дверь в коридор, который только и мог привести его к грандиозному успеху, которого он так алкал всю жизнь. Урок, преподанный Алиханяном самому себе, был жестоким.

1 По другой версии якобы услышанного сталинсого заявления, он сказал: "Надо научить товарища Лысенко полюбить критику!"

2 На его кафедре много лет пытались опровергнуть фундаментальные правила генетики. Сотрудники Турбина стремились, например, доказать, что вовсе не специальные хромосомы половые определяют соотношение полов (13), и что распределение особей в скрещиваниях не подчиняется правилам Менделя (14). Позже В.П.Эфроимсон показал, что эти работы проводились на недопустимо низком методическом уровне (15).

3 К моменту раскрытия подлога Карапетяна Есаян работал милиционером в Дилижане. Он принял активное участие в разоблачении "выпотеваний", и, как сообщил член комиссии проф. А.А.Яценко-Хмелевский, Есаян

"подал президенту АН Арм ССР акад. В.А.Амбарцумяну заявление, в котором сообщал о ... произведенной им около 30 лет тому назад прививке ... двух деревьев" (36).

4 20 апреля 1954 года в "Литературной газете" появилось сообщение о фальсификации армянским академиком С.К.Карапетяном научных данных о самопрививках. Однако нашелся в среде лысенкоистов человек И.А.Халифман, взявшийся оспорить это утверждение (37) и обвинивший автора статьи в "Литературной газете" в клеветнических измышлениях (сделано это было в недопустимых тонах). Халифман продолжал утверждать, что и в Дилижане и в Олайне были обнаружены превращения видов, а не самопрививки.

5 Ранее Станков работал в Горьковском университете и дружил с заведующим кафедрой генетики и селекции С.С.Четвериковым и с членом-корреспондентом АН СССР А.Д.Некрасовым.

6 Еще до утверждения Дмитриева доктором наук лысенкоисты, видимо, твердо надеясь на то, что лысенковских диссертантов никто не осмелится провалить, стали величать Дмитриева не только доктором биологических наук, но и профессором (48).

7 В рассматриваемом случае, как, впрочем, и во многих других, коллегия биологов оказалась более уступчивой нажиму Лысенко, чем коллегия неспециалистов. Первые искали возможность, как бы отодвинуть решение вопроса о протеже САМОГО Лысенко и переложить его на плечи более высокого органа, а вторые сразу решили отказать, так как дело-то было ясное.

8 Все названные лица были близки к Лысенко: с Опариным их связывали контакты и в Отделении биологических наук АН СССР и во многих комиссиях, Бушинского и Яковлева Лысенко вполне мог считать своими людьми (их обоих он вставил в список тех, кого Сталин росчерком пера произвел в васхниловские академики). О Бушинском и его уникальном невежестве я уже упоминал (см. главу XIII). Таким же грамотеем был и Яковлев садовод, ученик Мичурина.

9 В 1987 году проф. А.М.Смирнов, работавший в те годы в Отделе науки ЦК партии, подтвердил в беседе с проф. В.Я.Александровым, что команда напечатать письмо Станкова в "Правде" поступила от Н.С.Хрущева, который относился резко отрицательно к В.С.Дмитриеву (51).

10 После публикации письма Станкова в "Правде" он получил по почте письмо от незнакомого человека врача из Карловки, где родился Т.Д. Лысенко. Этот врач, немолодой уже человек, благодарил Станкова за долгожданное разоблачение Лысенко-младшего и писал о том, как не любили односельчане старшего Лысенко Дениса Никаноровича, прославившегося еще в царские времена своим невероятным холуйством перед власть придержащими (53).

11 В конце 70-х и в 80-е годы лишение ученых степеней начало практиковаться в отношении тех, кто подал заявление о желании эмигрировать из СССР. Основанием для лишения служил пункт 104 "Положения об ученых степенях и званиях", гласивший, что ученые степени и звания могут быть аннулированы в "случаях совершения аморальных, антипатриотических или других поступков, несовместимых со званием советского ученого" (53). Такая практика,

с другой стороны, по советским же законам, была юридически неправомочной, так как ученые, подающие заявление о желании эмигрировать, делали это на основании советских законов.

12 В описываемое время в ряды смелых борцов с лысенкоизмом вступил кандидат биологических наук Андрей Макарович Эмме сын погибшей в тюрьме генетика-профессора Е.К.Эмме (см. о ней в гл. XII). В июле-августе 1953 года состоялось совещание в АН СССР, посвященное организации реферативного журнала, и на нем А.М. Эмме выступил с предложением сделать все возможное, чтобы облегчить советским биологам ознакомление с успехами мировой науки и, в первую очередь, генетики. Примерно в то же время (61) он направил на имя Г.М. Маленкова письмо (это была солидная рукопись страниц на 100) с изложением, как он писал, "преступной деятельности Лысенко, Презента, Опарина, Нуждина, Сисакяна и других" (разбиралась деятельность около 25 работников науки) и с предложением создать партийно-правительственную комиссию по расследованию вредительской деятельности Лысенко, Презента и других. А.М.Эмме боялся ареста и на случай его хранил копию рукописи в надежном месте. Позже он стал работать в журнале "Техника-молодежи", где опубликовал короткую статью "Наследственность человека" (62). Статья вызвала взрыв негодования лысенкоистов, на редакцию было оказано большое давление, после чего на страницах журнала появилось опровержение (63), а сам А.М.Эмме был уволен. Вскоре он скончался.

13 Петр Самсонович Коссович (1862-1915) - агрохимик и почвовед. Окончил в 1887 г. Московский университет и в 1889 г. Петровскую академию. Стажировался в лучших западных лабораториях. В 1891 г. начал преподавать в Московском университете, а затем в Петербургском лесном институте. В 1897 г. основал одну из первых в России лабораторию химического анализа почв, а в 1900 г. ставший широко известным "Журнал опытной агрономии". Доказал, что бобовые усваивают азот только через корни, несущие клубеньки на корнях, исследовал круговорот серы и хлора в природе.

14 Л.А.Тумерман (1900?-1986) после многолетнего пребывания в лагерях вернулся к активной научной деятельности, работал в Институте радиационной и физико-химической биологии (позже переименованном в Институт молекулярной биологии АН СССР), заведуя там лабораторией. После того, как его сын заявил о желании эмигрировать из страны, Тумермана принудили также эмигрировать, что он воспринял с огромной душевной мукой. С 1974 года он жил и работал в Израиле.

15 В 1970-е годы Бёме был избран академиком АН ГДР и назначен директором Центрального института генетики и исследования культурных растений АН ГДР в Гатерслебене. В дальнейшем его основные исследования были посвящены генетике микроорганизмов. Недавно Г.Бёме опубликовал новое исследование на тему распространения лысенкоизма в ГДР (81).

16 Дарья Гаврииловна Кудлай заведовала лабораторией в Институте эпидемиологии и микробиологии АМН СССР им Н.Ф.Гамалея, Аделина Генриховна Скавронская стала членом-корреспондентом АМН СССР и заведующей отделом генетики микроорганизмов того же института (после смерти прежнего заведующего и её учителя В.Д.Тимакова), Андрей Николаевич Белозерский перед смертью в 1974 году стал вице-президентом АН СССР, Александр Сергеевич Спирин академик АН СССР (сейчас РАН), директор Института белка АН, лауреат Ленинской и Государственной премий, член президиума РАН. Поразительно, что он никогда не выступил с публикацией, которая бы объяснила, каким образом под его фамилией вышла в свет статья о "направленной изменчивости микроорганизмов".

17 16 июля 1955 года В.П.Эфроимсон добился приема у заместителя Генерального прокурора СССР Салина и передал ему рукопись своей книги о вреде, нанесенном Лысенко. Как мне говорил Эфроимсон в 1983 году, это "стоило ему лишения права проживания в Москве сроком на год".

18 Сразу после реабилитации Н.И.Вавилова Совет Всесоюзного Ботанического Общества принял решение выпустить сборник, посвященный великому ученому. За составление и редактирование сборника, названного "Вопросы эволюции, биогеографии, генетики и селекции" (114) взялся Д.В.Лебедев. Однако сразу после сдачи готовой рукописи в печать, в Ленинград поступила телеграмма, подписанная Главным Ученым Секретарем АН СССР с требованием снять статью Н.В.Тимофеева-Ресовского, с которым Н.И.Вавилов дружил, Ю.М.Оленова, Р.Л.Берг и самого Д.В.Лебедева (115). Разумеется, посылка такой телеграммы была согласована Сисакяном с аппаратчиками из ЦК партии. Выпуск сборника затормозили, и пока лысенкоисты были в силе, он так и не был напечатан, увидев свет только через пять лет.

19 Г.А.Гамов родился в 1904 г. в Одессе, а умер в 1968 г. в Болдере, штат Колорадо, США.

20 Н.В.Тимофеев-Ресовский (1900-1980) любимый ученик С.С.Четверикова, был командирован в 1925 году в Германию для постановки генетических исследований и прожил там до 1945 года (120). Он участвовал в знаменитом семинаре Нильса Бора по биологии, был одним из авторов "теории мишени" и был хорошо подготовлен к диалогу с физиками понимал их и мог формулировать свои мысли в терминах и выражениях, доступных физикам. Лысенкоисты распускали про него небылицы, что он фашист, чуть ли не любимец Гиммлера и Розенберга, хотя никаких доказательств этого представлено не было. От рук гестапо погиб его сын.

21 Как мне говорил в 1957 году Тамм, в институт звонили от имени М.А.Суслова, и П.Л.Капица позвонил прямо ему. В 1987 году Д.А.Гранин в книге, посвященной жизни Н.В.Тимофеева-Ресовского "Зубр" (121), сообщил, воспроизводя, видимо, сведения, полученные от Тимофеева-Ресовского, что переговоры шли с самим Н.С.Хрущевым.

22 В 1956-1957 годах во время встреч с Лысенко мне не раз приходилось выслушивать от него ругань в адрес Тамма. Однажды он даже договорился до того, что привлечет его (наряду с Дубининым) к суду за клевету. "Тамм ?? никуда не годный физик, ?? кричал Лысенко, распаляясь, ?? я это точно знаю. Все крупные физики участвовали в создании атомной электростанции в Обнинске, их фамилии были напечатаны в газетах. Фамилия Тамма среди них упомянута не была. Это фигура дутая. А сейчас он вообще только критикой меня себе популярность дешевую добывает".

1 А.В.Соколов (1898-1978) окончил в 1922 году Московскую сельскохозяйственную академию им. Тимирязева, с 1930 г. заведовал лабораторией фосфора НИИ удобрений и инсектофунгицидов им. Я.В.Самойлова, параллельно с 1942 г. руководил отделом агрохимии Почвенного института им. В.В.Докучаева АН СССР. В 1964 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. В своих работах развивал широкий биологический подход к пониманию жизни растений, усвоения ими из почвы и воздуха минеральных и органических соединений.

2 Федор Васильевич Турчин (1903-1965) ученик Д.Н.Прянишникова, работал в научно-исследовательском институте удобрений и инсектофунгицидов им. Я.М.Самойлова в Москве, еще до войны стал заведовать в этом институте лабораторией азотных удобрений. Незадолго перед августовской сессией ВАСХНИЛ защитил докторскую диссертацию и успел пройти

утверждение в ВАК'е. Турчин стал одним из наиболее уважаемых специалистов в области питания растений и убедительным оппонентом Лысенко в этом вопросе. Один из сыновей Ф.В.Турчина, Валентин Федорович, известный физик-теоретик, в 70-е годы стал ведущим правозащитником в СССР, соратником А.Д.Сахарова, организатором Московской группы "Международная амнистия". В 1978 г. был принужден эмигрировать из СССР в США, сейчас профессор кафедры компьютеров, .

3 Так, И.Е.Глущенко говорил:

"Исходящие со стороны некоторых биологов попытки реванша, безусловно обречены на неудачу. Порукой тому наша советская действительность и учение марксизма-ленинизма, являющееся основой советской передовой науки" (69),

или:

"...без Ленина не было бы Мичурина, а без Лысенко мичуринского учения в широком понимании этого слова... Наш советский строй способствует тому, что уровень нашей советской биологической науки намного выше биологической науки любой капиталистической страны" (70).

4 Сильнейшая критика лысенкоизма (с массой сслыок, цифр, фактов, при полном отсутствии "общих мест") исходила от Владимира Павловича Эфроимсона. Только в 1956 году он издал две больших статьи, одна из которых была посвящена фактическим подтасовкам экспериментальных данных "мичуринцами", а другая ядру их "теоретических" рассуждений (70а). В 1957 году В.П.Эфроимсон написал большую статью "Компрометация науки вместо пропаганды мичуринского учения" (35 страниц машинописного текста). Как и все работы Эфроимсона, эта статья была насыщена фактами из мировой литературы. Одно из объяснений этого поразительного знания Эфроимсоном всех новинок заключалось не только в том, что он знал несколько европейских языков в совершенстве, что всю жизнь он стремился к уяснению природы самых сложных генетических процессов, а в том, что за свою жизнь был вынужден сменить несколько исследовательских направлений. Была и причина внешнего порядка. Не найдя работы по специальности, после того, как он вышел на свободу, отбыв второй лагерный срок, Владимир Павлович был зачислен библиографом в Библиотеку иностранной литературы (ВГБИЛ). На полях рукописи настоящей книги он сделал в этом месте приписку: "Да будет с величайшей благодарностью помянуто имя директора ВГБИЛ, Маргариты Ивановны Рудомино, которая в самые тяжелые годы спасла сотни московских интеллигентов от ярлыков "тунеядец" и похуже, после того, как они, отбыв сроки, вернулись в Москву". Можно добавить к этому, что на должность заместителя директора Рудомино пригласила генетика Милицу Альфредовну Арсеньеву-Гептнер.

Возвращаясь к данной статье Эфроимсона, следует упомянуть, что особое внимание в ней было обращено на дискредитацию советской науки Х.Ф.Кушнером и И.Е.Глущенко, коих Академия наук СССР постоянно делегировала на разные конгрессы за рубеж.

5 М.А.Лаврентьев вспоминал эпизод, относящийся к этим годам, когда по распоряжению заведующего отделом науки ЦК партии В.А.Кириллина была создана комиссия с целью не разобраться с аферами Лысенко и осудить их, а "наладить контакты с Лысенко и его группой" (77). Лаврентьев писал:

"... В комиссию вошли сторонники как Лысенко, так и "вейсманистов-морганистов" (академики В.А.Энгельгардт, В.Н.Сукачев, П.Л.Капица, М.А.Лаврентьев).

Утром мы собрались сначала в институте, где Лысенко и его помощники рассказали о своих достижениях и их экономическом эффекте. После этого мы поехали в экспериментальное хозяйство института "Горки Ленинские". Лысенко показывал нам своих жирных бычков (их кормили отходами шоколадной фабрики), потом пошли на поля. Здесь Лысенко высказывал свои научные идеи (землю не надо удобрять, ее надо только "разжечь" она живая, будет сама родить...).

Наиболее забавной была дискуссия Лысенко-Сукачев, когда мы подошли к кустовым посадкам по краям полей. Лысенко, показывая кусты, утверждал, что у всех кустов единая корневая система. Сукачев возражал, что это вздор: "Давайте раскопаем несколько кустов и вы сами убедитесь, что ваша теория срастания чепуха". Лысенко: "Если не верите, посадите у себя кусты и там копайте, сколько хотите, а здесь я вам копать не дам, мне это не нужно, я и так знаю, что корневая система едина. А кроме того, я вам скажу, что я буду на вас жаловаться за вашу клеветническую статью в журнале". Дальше было совсем весело. Дело в том, что Лысенко сильно хрипел, а Сукачев плохо слышал и думал, что Лысенко продолжает настаивать на срастании корней. Диалог продолжался минут десять. Сукачев: "Все это чушь, срастания нет", а Лысенко: "Я буду на вас жаловаться ...".

Примирение не состоялось" (78).

6 Хрущева в то время осенила идея сравнить результаты работы двух "чудодеев" Лысенко (с органо-минеральными смесями) и Цицина (много лет морочившего голову руководителям страны, что он вот-вот передаст на поля великолепные сорта нового гибрида сорняка пырея и культурных пшениц и ржи). Сравнение было абсолютно нелепым, ибо каждый работал над своими проектами в разных хозяйствах, так что сравнивать было нечего. По рассказам, барственный Цицин в свое хозяйство никогда не приезжал, а Лысенко бывал в "Горках" регулярно. Узнав про это, Хрущев якобы окончательно расположился в пользу Лысенко. Хрущев потом любил рассказывать при разных обстоятельствах, как он устроил "экзамен" двум академикам, и как Лысенко "побил" Цицина.

7 Обязательства подписали секретарь ЦК КП Латвии Э.Я.Калнберзин, предсовмина республики писатель В.Т.Лацис и другие, в их числе был министр сельского хозяйства А.А.Никонов. Затем последний в чем-то провинился, был удален с высоких постов, потом познакомился с М.С.Горбачевым, работавшим тогда в Ставрополе, а после переезда последнего в Москву и А.А.Никонов перебрался в Москву (не путать с другим ставленником Горбачева, секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству В.П.Никоновым). Переведенному в Москву А.А.Никонову была поручена важная задача он возглавил группу экспертов по подготовке Продовольственной программы, затем был проведен в академики ВАСХНИЛ по специальности "экономика", после чего стал Президентом ВАСХНИЛ, сменив на этом посту растениевода П.П.Вавилова (однофамильца основателя академии).

8 В это время Лысенко и его сторонники постоянно говорили о том, что генетики молекулярные отказались от взглядов генетиков классических и отвергли положение о гене как части структуры хромосом, чего, на самом деле, никто из молекулярных генетиков не заявлял.

9 В начале 1958 года в МГУ состоялась студенческая конференция биологов, на открытие которой должен был приехать Лысенко. По договоренности с председателем Научного студенческого общества биофака аспирантом В.Скулачевым (сейчас В.П.Скулачев академик РАН, крупнейший биохимик) мне было предоставлено слово на открытии конференции под видом приветствия студента физического факультета МГУ. Вместо приветствия я примерно полчаса говорил о вреде лысенкоизма для советской науки. В Большой биологической

аудитории было несколько сот человек. Аудитория слушала молча, меня не перебили присутствовавшие сотрудники кафедр генетики и дарвинизма. Затем посыпалось множество записок с вопросами, и Скулачев дал мне слово для ответа. Эта выходка чуть не стоила мне исключения из МГУ, так как из Тимирязевки (с военной кафедры!) поступило сердитое письмо за важными подписями. Спас меня на последнем этапе ректор МГУ И.Г.Петровский, а по Москве пошли разговоры, что вот и в МГУ, где, казалось бы, позиции Лысенко столь сильны, уже и студенты позволяют себе...

10 По совместительству Имам Дашдемир оглы Мустафаев (род. 1910) состоял в академиках Азербайджанской ССР и числился сотрудником Института генетики и селекции Министерства производства и заготовок сельскохозяйственной продукции АзССР. После снятия Хрущева с поста Первого секретаря ЦК Мустафаев быстро "погорел" его вывели из состава ЦК КП Азербайджана. Но он перекрасился в борца за генетику, пролез в Президенты Общества генетиков и селекционеров Азербайджана, стал членом Президиума Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н.И.Вавилова.

11 Нельзя все-таки не отметить беспримерный полемический талант Лысенко. То, что другой на его месте постарался бы не упоминать, он выпячивал зарубежных "врагов" цитировал, стараясь даже на этом нажить политический капитал.

12 В этот спектакль не вписывалось выступление Президента ВАСХНИЛ П.П.Лобанова. От него вроде бы требовалось полностью подчиниться сценарию, а он как-то выпал из хрущевской драматургии. В то время, когда Лысенко твердил, что он способен поднять жирномолочность на несколько процентов, Лобанов вдруг заговорил так, что можно было понять его двояко, когда он коснулся проблемы жирномолочности:

"... за счет более правильного кормления и содержания молочного скота... можно поднять жирность молока на 0,1 процента... что вполне доступно каждому колхозу и совхозу" (146),

дескать, обойдемся и без вас, Трофим Денисович. Странным было и то, что Лобанов ни разу имя Лысенко не упомянул и мичуринцев не славословил.

13 Хотя официальное принятие решения о смене редколлегии было оттянуто до 20 января, уже на следующий день после пленума в Ленинград из Президиума АН СССР позвонили и назвали новый состав редколлегии "Ботанического журнала". Сделано это было тоже не без умысла: чтобы в Ленинграде не разворачивали процесс с разбором, скажем, по партийной линии, действий провинившихся, с их вызовом в разные инстанции и т. п. Ведь в ходе разбора "виновные" могли легко доказать свою правоту, а так всё становилось просто: редколлегия сменена, новая назначена, спорить и что-либо доказывать уже поздно. Симптоматично и другое, показывающее, как сменились при Хрущеве времена никто из состава прежней редколлегии ни по административной, ни по партийной линии не пострадал, а даже, пожалуй, все ходили в героях.

14 Сергей Алексеевич Христианович (р. 1908) академик АН СССР, член Президиума АН СССР, Герой Социалистического труда (1969), окончил Ленинградский государственный университет, специалист в области механики, затем профессор Московского физико-технического института, заведующий лабораториями в ряде ведущих научно-исследовательских институтов, связанных с развитием новой техники, включая космическую. В описываемое время заместитель Председателя Сибирского отделения АН СССР (сокращенно, СО АН СССР).

15 Стоит ее привести и еще по одной причине. Воспоминания Лаврентьева вышли

отдельным изданием (книга "Прирастать будет Сибирью" /161/). Но история с Лысенко в эту книгу (почему-то!) не попала. Не решились редакторы и цензоры ворошить прошлое, так ясно рисующее методы "управления наукой при еще недоразвитом в ту пору социализме", как шутил один из советских генетиков и историков биологии. Да и в журнале "ЭКО" материал прошел только благодаря настойчивости главного редактора академика А.Г.Аганбегяна, который в ответ на жалобу одного из сыновей Лысенко, откуда-то прослышавшего о готовящемся к печати материале, возразил: "Лаврентьев тоже был большой человек, и я не могу его править" (162).

16 Соломон Наумович Ардашников (1908-1963), врач по образованию, защитил в 1935 году кандидатскую диссертацию по медицинской генетике, работал ведущим сотрудником Медико-генетического института им. Горького в Москве. После ареста директора института С.Г.Левита в 1937 году, краткое время руководил его лабораторией (до того времени, пока коммунисты не закрыли её навсегда), и после закрытия института был принят сначала во Всесоюзный институт экспериментальной медицины, затем в Онкологический институт, а с 1944 года заведовал радиобиологическим Отделом НИИ рентгенологии в Москве. В короткий срок Ардашников стал ведущим специалистом в стране по лучевой терапии опухолей, клинической дозиметрии, развитию вирусных инфекций после возникновения опухолей, одним из первых в мире исследовал биологическое действие альфа-излучений. В 1949 году был привлечен И.В.Курчатовым к проекту по созданию атомного оружия и был направлен
руководителем отдела на предприятие "Почтовый ящик Челябинск-40" (сейчас Комбинат "Маяк"), где производили плутоний для атомных бомб. Как представителя "реакционной генетики" Ардашникова уволили с работы в начале 1950 года. Только защита именем Курчатова спасла его от ареста по обвинению в тунеядстве (почти два с половиной года Ардашников оставался без работы, хотя несколько раз лысенковские "ходоки" советовали ему обратиться лично к Лысенко, уверяя, что тот непременно работу ему найдет, чего Ардашников тем не менее делать не стал). Наконец, он был принят на работу в Центральный институт курортологии, где создал радиологическую лабораторию. В Институт атомной энергии был приглашен И.В.Курчатовым. Ардашников опубликовал 40 работ (включая две монографии), им были переведены многие книги с английского и немецкого языка, которые он знал в совершенстве, он был близким другом семьи Вовси и был особенно дружен с актером С.М.Михоэлсом (псевдоним Соломона Михайловича Вовси).

17 Давид Альбертович Франк-Каменецкий (1910-1970) окончил Томский политехнический институт, работал в 1935-1950 годах в Институте химической физики АН СССР, а с 1956 года в Институте атомной энергии, создал кафедру физики плазмы в МФТИ. Основные научные интересы были связаны с проблемами химической кинетики, теории горения и взрыва, физики плазмы и астрофизики (внутреннее строение звезд, теория пульсации переменных звезд и др.), а в последние годы жизни он увлекся биологией, особенно теоретическими проблемами передачи наследственной информации. Книги Давида Альбертовича "Диффузия в химической кинетике" (164) и "Физические процессы внутри звезд" (165) пользовались большой популярностью.

18 В третий раз это звание было присуждено Андрею Дмитриевичу в 1961 году после завершения очередной проблемы огромной сложности, сулящей человечеству спасение от энергетического голода разработал принцип нагрева дейтерия импульсом лазера для поддержания управляемой ядерной реакции; этот принцип, положенный в основу разработки управляемой термоядерной реакции, стал главным в сегодняшних разработках по термояду как в СССР, так и в США.

19 Многие авторы этих статей, включая крупного шведского генетика Арне Мюнтцинга,

посылали свои статьи в ответ на настойчивые приглашения. Много лет спустя, когда я спросил профессора Мюнтцинга, зачем он это делал, тот ответил:

- Я всегда уважал Россию, помнил о Вавилове и считал, что, посылая строго генетические статьи в СССР, чем могу помогаю делу восстановления генетики в СССР.

И.Е.Глущенко рассказывал, что на его лекции и в Англии, и в Дании, и в Японии собирались толпы слушателей, что Арне Мюнтцинг опубликовал в редактируемом им журнале "Hereditas" его статью. Описывая свою дружбу с видными зарубежными генетиками (181), Глущенко забывал упомянуть только мелкие подробности о себе, например, сообщение газеты "Токио симбун": "Сегодня ученые не пошли смотреть комиксы: выступал развязный русский парень..." и далее в том же духе. "Забывал" Глущенко упомянуть и то, что рядом с его статьей в журнале "Hereditas" было помещено "разящее опровержение" (слова Эфроимсона), что в 1950 году Леван и Мюнтцинг писали:

"... большинство слушателей, присутствовавших на этом заседании [на котором выступал Глущенко В.С.], пришло не столько в надежде узнать новые факты или теории, но чтобы лично повидать и услышать лиц, отрицающих самые элементарные факты о наследственности. Химики, отрицающие существование молекул или атомов, собрали бы столь же многочисленную аудиторию, если бы стали высказывать такие взгляды на международном химическом конгрессе" (182).

20 В 1998 г. бывший зять Хрущева Н.П.Шмелев опубликовал воспоминания, в которых коснулся отношения Хрущева в пору его владычества в СССР к Лысенко.

Люди постарше и сейчас еще... помнят... второе, что называется рождение злейшего гения всей, не только биологической, науки Т.Д.Лысенко. Казалось бы, ...настигло его, наконец, справедливое возмездие (помню, говорили, что Н.С.Хрущев даже как-то самолично отхлестал его по щекам), ан нет опять этот дьявол наверху!

вспоминал Шмелев (186) и рассказал, что Хрущев никогда не любил ученых, в особенности генетиков "высокобровых", как называл их Шмелев, и отзывался о них такими словами:

Какой ото них прок? Да еще иронически усмехаются, губы кривят, насмешничают... Да еще и разговаривают промеж себя на каком-то тарабарском языке... То ли дело "народный академик" Лысенко! Сволочь, конечно, но свой парень, наш. Вон обещает вскорости всю нашу страну мясом завалить. А что? Чем черт не шутит? Может и получится, а? (187).

Однако с такими мыслями не было согласно младшее поколение Хрущевых, и однажды, собравшись за столом, дети Хрущева стали донимать отца расспросами, не повредит ли стране возникшая у него любовь к Лысенко:

Вот и пух он, Никита Сергеевич: пух, мрачнел, багровел, огрызался, как затравленный волк, от наседавшей на него со всех сторон родни, что-то несвязное такое возражал... А потом как грохнет кулаком по столу! Как закричит в полном бешенстве, уже почти теряя, видимо, сознание...

Ублюдки! Христопродавцы! Сионисты! бушевал советский премьер... Дрозофиллы! Ненавижу! Ненавижу! Дрозофиллы! Дрозофиллы-ы-ы будь они прокляты!

Ни до, ни после я его таким больше никогда не видел... (188).

21 Польза компостов для садовых участков и небольших по площади посевов многократно обсуждалась еще в прошлом веке, а в советское время в приложении к крупным хозяйствам о них заговорил Вильямс (191). Теперь о них стал часто твердить Лысенко, не упоминая о громадном труде, потребном для их изготовления.

1 Закончив выступление, я сел на место и вдруг услышал за спиной шепот. Незнакомый мне человек, сидевший сзади, начал говорить, что мы, генетики, неправильно себя ведем: прославляем успехи западной науки, ругаем Лысенко, а надо бы эти нападки оставить и начать обещать "партии и правительству" златые горы и молочные реки в кисельных берегах, тогда, дескать, и поддержат вас, а не "мичуринцев".

- Все-таки за вами наука мировая стоит, много полезного вы сделаете, а если что из обещаний и не сбудется не беда. Надо у Лысенко учиться. Он в таких делах дока! Еще потому надо так себя вести, что в зале сидит дочь Хрущева, Рада Никитична, она домой придет, отцу за ужином расскажет, так, глядишь, и укрепитесь.

По окончании вечера ко мне подошли Л.Б.Финкельштейн, заведовавший отделом техники в редакции журнала "Знание-Сила" (он публиковал статьи под псевдонимом Леонид Владимиров; потом не вернулся из зарубежной поездки и работал обозревателем Русской Службы Би-Би-Си в Лондоне) и шептавший свои советы незнакомец. Финкельштейн представил его мне:

- Познакомьтесь, писатель В.Дудинцев.

Оказалось, что на путь примитивного шарлатанства, так укрепившийся в мозгах советских людей, меня мягко подталкивал автор нашумевшего тогда романа "Не хлебом единым", который начал работать над книгой, посвященной генетике.

2 Историк биологии Марк Б.Адамс из Пенсильванского университета, США, считал, что снятие А.Н.Несмеянова с поста Президента АН СССР было также инспирировано Лысенко (22). Несмеянов в течение всего срока президентства стремился помочь развитию генетики, камуфлируя свои усилия разговорами о срочной необходимости организации исследований физики и химии живого. При его мощной поддержке все потуги Лысенко воспрепятствовать этому остались безрезультатными. Ближайшие сотрудники Несмеянова говорили, что его отставка произошла после разговора с Хрущевым, во время которого Несмеянов категорически возражал против раздачи академических институтов по ведомствам. Кончилось тем, что Хрущев предложил ему подать заявление с просьбой об отставке.

3 То, что И.Е.Глущенко не стерпел и возразил в присутствии Келдыша на уничижительную характеристику, данную Лысенко, возмутило последнего. После этой истории он перестал здороваться с Глущенко, и вскоре с помощью влиятельных друзей Глущенко добился вывода его лаборатории из лысенковского института (23).

4 Книга эта так и не была издана в СССР. Созданная Президиумом АН СССР комиссия (В.А.Энгельгардт, Б.Л.Астауров, М.И.Хаджинов и др.) рекомендовала книгу напечатать. Один экземпляр рукописи валялся несколько лет в сейфе издательства "Наука", но предать гласности спокойный и вполне советский и по духу и по букве труд Медведева власти не решились. В 1969 г. она вышла на Западе в сильно укороченном виде под заглавием "Взлет и падение Лысенко" (/25/, название заимствовано из статьи П.Магешвари и Н.Матур (26). Позже Медведева выставили из СССР и лишили гражданства, он живет в Лондоне.

5 В нем был такой пункт:

"Советские биологи мичуринского направления достигли больших успехов и занимают ведущее место в области генетики, селекции и семеноводства, в особенности в вопросах управления наследственностью и ее изменчивостью, внесли существенный вклад в теорию и практику сельскохозяйственного производства".

В связи с вышесказанным в постановлении была подчеркнута необходимость

"еще шире и глубже развивать мичуринское направление в биологической науке, которая исходит из того, что условия жизни являются ведущими в развитии органического мира".

А затем, снова возвращаясь к обсуждению комплекса биологических наук, ЦК КПСС и Совмин СССР декларировали:

"... Главными задачами этих наук [комплекса биологических наук В.С.] считать выяснение сущности явлений жизни, вскрытие биологических закономерностей развития органического мира, изучение физики, химии живого...".

6 Как-то его пригласили выступить перед студентами и преподавателями биолого-почвенного факультета МГУ. По ходу лекции доцент кафедры генетики и селекции В. С. Андреев, ученик В.В.Сахарова, с помощью умело заданных по форме вопросов сумел вытащить из не разбиравшегося в тонкостях лектора важную информацию. Из слов Ремесло стало ясно, что он отбирал хорошие на вид колосья из сотен тысяч или даже миллиона колосьев. Таким образом, ни о каком массовом "воспитании" нужных растений внешними условиями и речи быть не
могло, селекционер прибегал к индивидуальному отбору. Кроме того, учитывая засоренность посевного материала результат внедрения в семеноводство лысенковского свободного переопыления, можно было допустить примесь семян твердой пшеницы в мягкой и наоборот. Ремесло, обладая хорошим глазом селекционера, отобрал перспективные формы, довел их до состояния сорта, а затем, ловко использовав Лысенко, выдал сорт за продукт "воспитания", и этим обеспечил себе безусловную поддержку на верхах. Его сортам была открыта "зеленая улица" во время сортоиспытаний: и этот сорт и последующие сорта без задержек получали нужные разрешения. Крупным недостатком этих сортов было низкое содержание белков, что сильно снижало питательные и технологические свойства зерна.

7 Дочь этого помощника Суслова работала в то время в радиобиологическом отделе Института атомной энергии им. Курчатова, где я был в аспирантуре. Как-то она взяла у отца экземпляр книги Медведева с пометами партийных лидеров и принесла на работу. Так мы получили возможность убедиться, сколь правильными и невинными были фразы, вызвавшие гнев Суслова, испещрившего поля страниц возмущенными пометами.

7а В 1986 году В.С.Кирпичников был удостоен премии АН СССР имени Н.И.Вавилова.

8 Принцип классовости в науке был провозглашен не во время сессии 1948 года, а гораздо раньше, при формулировании Лениным принципа партийности в науке, искусстве, социальной деятельности и т. п. (46).

9 Помимо открытой борьбы за нужные кандидатуры, существовала еще и скрытая от глаз, внутренняя партийная оценка кандидатов, о результатах которой знают только работники аппарата ЦК и высшие чиновники академий. Я узнал про эту практику при следующих обстоятельствах. В 1972 году были объявлены выборы в ВАСХНИЛ, и академику-секретарю Отделения растениеводства Турбину хотелось провести в академики, или, на худой конец, в

члены-корреспонденты кого-нибудь из молодых людей, знающих современную молекулярную биологию. Он обратился ко мне с просьбой порекомендовать ему такого человека, после чего я познакомил его с И.Г.Атабековым из МГУ. Атабеков понравился Турбину, и вопрос об избрании Атабекова был пущен по партийной линии: в ЦК была выдана анкета на манер анкет для командируемых за границу. Атабеков её заполнил, затем вместе с Турбиным мы отвезли ее в ЦК, откуда она уже вернулась к Президенту ВАСХНИЛ Лобанову с надписью "ЦК рекомендует". После этого Лобанов начал нажимать на своих академиков со всей возможной силой. Делать это пришлось потому, что в академии было сильное недоверие к Атабекову. На последнем этапе по окончании подсчета голосов оказалось, что все равно не хватает двух голосов, и тогда Лобанов приказал на своей машине отправиться к сказавшимся больными М.А.Ольшанскому и Цицину а после того, как их доставили "пред очи грозные" Лобанова, он наорал на обоих и потребовал, чтобы они проголосовали за "кандидата ЦК", что те и сделали в кабинете Лобанова под его неусыпным взором.

10 Спустя много лет, А.Д.Сахаров рассказал мне, что когда он закончил выступление и шел на свое место (он сидел в том же ряду, что и Лысенко), он услышал яростное шипение, исходившее от Лысенко, повторявшего: "Таких клеветников сажать надо, сажать надо...". Затем Лысенко вскочил и быстро пошел, почти побежал из зала, приговаривая так, что было слышно даже на верхней галерее зала: "Я в смерти Вавилова не повинен, не повинен, не повинен!" (последнее пишу со слов присутствовавшей на этом заседании ученого секретаря Отделения общей биологии Т.Н.Щербиновской).

11 Однажды поздно вечером мы прогуливались с И.Е.Таммом вдоль Москвы-реки, и он вспомнил, какое впечатление произвел на него молодой А.Д.Сахаров при первой встрече. Тамм тогда решил, что вряд ли из него выйдет плодотворно работающий физик. "Я ему сказал, что у него какой-то гуманитарный склад ума", вспоминал Игорь Евгеньевич. "Но прошло три года и я делал с Сахаровым водородную бомбу. Вот как я ошибся", заключил Тамм. Время показало, что великий Тамм не ошибся: Сахаров стал выдающимся физиком, но его талант был неоднозначен он приобрел всемирную признательность и как крупнейший гуманист, удостоенный Нобелевской премии мира.

12 В.П.Эфроимсон направил в редакцию "Сельской жизни" ответ на статью Ольшанского, а затем разослал в ЦК партии и в другие органы копии этого ответа, но он так и не был опубликован.

13 Нельзя поверить, что Президент ВАСХНИЛ не узнал к этому времени всю подноготную о критиках его многолетнего патрона и его самого, и что он не был осведомлен о том, какова специальность А.Д.Сахарова. Скорее, упоминание о том, что он якобы инженер, а не физик-теоретик было сделано умышленно, с целью принизить А.Д.Сахарова в глазах читателей (особенно из среды высокопоставленных). Дескать, так себе ученый инженеришка! Ведь Ольшанский хорошо понимал, что о работах засекреченного Сахарова народ в массе не знал.

14 В.П.Эфроимсон передал мне свои заметки об одной из ранних версий настоящей книги, и среди них было замечание об этом случае:

"Но через некоторое время в "Учительской газете" вышла разгромная статья сотрудника редакции "Экономической газеты", заказавшего месяцами тремя раньше статью мне".

15 Николай Николаевич Воронцов (1934-2000) доктор биологических наук, профессор, главный сотрудник Института биологии развития имени Н.К.Кольцова АН СССР, крупнейший советский специалист в области исследования эволюции, автор многих книг и

статей, частично изданных на Западе. Один из создателей Дальневосточного Научного Центра АН СССР, министр природопользования и охраны окружающей среды СССР (1989-1991), народный депутат СССР, Государственной Думы и вице-президент Российской академии естественных наук, член Шведской Королевской Академии наук и Американской академии наук и искусств.

16 Михаил Давидович Голубовский доктор биологических наук, долгие годы работавший старшим научным сотрудником Института цитологии и генетики АН СССР (Новосибирск), один из ведущих советских специалистов в области исследования генома, геногеографии, автор оригинальных работ по подвижным генетическим элементам у дрозофилы. С 1988 года работает в Институте истории естествознания и техники в Ленинграде.

17 Лысенко еще в феврале 1956 г. на XX съезде КПСС пообещал без лишних затрат накормить страну животным маслом. Выступая в январе 1961 года на Пленуме ЦК КПСС, он повторил:

"Мы считаем возможным а посему и предлагаем способ, позволяющий за пять-семь лет повысить средний процент жира в молоке по стране хотя бы до 4,5%" (119).

При этом он добавил:

"Хорошие результаты должны быть во всех нисходящих поколениях" (120).

Аналогичные обещания были даны и в феврале 1964 года.

Лысенко заверял, что все его упражнения научны, что сами по себе они безвредны, и что если у него что-то не выйдет, провалится, не оправдается, то никто не пострадает: выиграет наука. Эти слова он часто повторял и в отношении скрещивания джерсеев (121).

18 О том, на сколь высоком уровне происходила защита Лысенко, говорит следующий факт. Сразу после снятия Хрущева Президиум АН СССР создал комиссию для проверки Горок Ленинских, в которую вошли Б.Е.Быховский, В.А.Энгельгардт, другие академики и даже представитель Контрольно-ревизионного управления Минфина СССР. Комиссия постоянно информировала о своей работе ответственного сотрудника аппарата ЦК партии В.С.Коноплева. Когда комиссия закончила работу, вскрыв огромное число научных ошибок, искажений отчетности и прямых подлогов (особенно в работе Иоаннисяна), состоялось обсуждение отчета о проделанной работе в Президиуме АН СССР (стенограмма этого заседания до сих пор хранится в Президиуме), а затем Коноплев отправился доложить обо всем члену Политбюро ЦК КПСС, председателю Комитета партийного Контроля при ЦК КПСС А.Я.Пельше, который неожиданно приказал работу комиссии прекратить и о собранных материалах забыть. Коноплев был настолько этим потрясен, что через несколько дней скоропостижно скончался. В Президиуме АН СССР были уверены, что приказ такого рода поступил от М.А.Суслова (151).

19 После совещания лысенковцы составили коммюнике и разослали его в разные города. В нем говорилось:

"Совещание у министра

8-9 апреля с. г. Министр сельского хозяйства В.В.Мацкевич и Президент ВАСХНИЛ П.П.Лобанов по поручению ЦК КПСС приняли группу ученых, ранее обратившихся с письмом на имя товарища Л.И.Брежнева... [далее кратко указывалось содержание письма и

перечислялись главные лица из подписавших В.С.]. В совещании приняли участие также заместители министра и вице-президенты ВАСХНИЛ, начальники ряда главков, директор издательства "Колос" и другие официальные лица.

Выступившие на совещании [перечислялись фамилии В.С.] рассказали о многих фактах дискредитации биологов-мичуринцев в печати, в научных, учебных заведениях, о пагубности сложившейся обстановки для науки и практики, для подготовки специалистов.

В заключение выступил В.В.Мацкевич. Он поблагодарил авторов письма за справедливую и принципиальную постановку важных вопросов, подчеркнул значение свободы мнений в науке, строгого соблюдения критерия практики в установлении истинности тех или иных научных взглядов, направлений, школ. Министр высказал критические замечания в адрес представителей классической генетики, которые уже более 30 лет уверяют, что "стоят на грани великих открытий", позволяющих активно обслуживать сельскохозяйственное производство. К сожалению, обещание это до сих пор остается невыполненным. И очень плохо, что наша пресса нередко выдает мнимые успехи классической генетики за действительные, реальные.

В прошлом генетиков зажимали. Это было неправильно. Но не менее ошибочно преувеличивать их заслуги. Еще более пагубны попытки протаскивать расистские и евгенические взгляды в нашу печать. Нельзя мириться и с фактами зажима биологов и селекционеров мичуринского направления, имеющих серьезные заслуги перед наукой и практикой.

Обо всем этом мы с П.П.Лобановым, сказал В.В.Мацкевич, доложим в ЦК КПСС, свяжемся с Президентом АН СССР тов.
Келдышем, председателем Гос. Комитета по науке тов. Кириллиным, с ВАКом. Что касается системы Министерства Сельского Хозяйства и ВАСХНИЛ, то нами будут даны прямые указания об устранении отрицательных явлений, отмеченных в письме и в устных выступлениях ученых.

Группа участников совещания" (156).

1 Необоснованные обвинения евреев (с использованием черносотенного словечка "жиды") в захвате ими помещичьих владений и низведения их до уровня "доходных хозяйств", быстрого разорения "жидами-управителями" процветавших ранее исконно русских усадеб, деревень и сел, с параллельным спаиванием русского народа "жидами-корчмарями" повторялись на протяжении XIX века многими российскими писателями, даже крупными, особенно часто Достоевским.

7 Интерес Горького к проблеме теоретической науки не случаен. Всю жизнь он искренне интересовался успехами науки, дружил с учеными. Особенно тесно ему пришлось контактировать с ними в 1916 году, когда он предпринял издание журнала "Летопись", предназначенного для публикации материалов на темы "науки, литературы и политики". Тогда же он выступил в роли инициатора образования "Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук". Приведенные здесь цитаты взяты из речи Горького, произнесенной 9 апреля 1917 года в Петрограде и 16 апреля и 11 мая того же года на публичных собраниях, посвященных началу работы Ассоциации (последнее заседание было 11 мая 1917 года в Москве в Большом театре) (167).

1 На одном из многолюдных заседаний академик Е.С.Варга задал вопрос Лысенко, как он, может объяснить свою высокую порядочность и принципиальность с фактом получения

денег за членство в Президиуме АН СССР, при постоянном, многолетнем отсутствии на заседаниях Президиума АН СССР? Лысенко побагровел, засопел, но не нашелся, что ответить.

1 В одном из писем к Карпеченко Вавилов насмешливо и даже едко охарактеризовал Серебровского следующим образом: ...мистер Серебровский, профессор Московского университета, диалектик и все прочее... (4).

8 Эрнест (Арност, Эрс в разных публикациях) Кольман (1892 конец 70-х годов XX века), окончил три курса Карлова университета в Праге, считал себя математиком по образованию. В 1914 году был мобилизован в армию и принял участие в военных действиях во время I-й Мировой войны против русской армии, а в 1915 году сдался в плен русским. В Гражданскую войну политработник Красной Армии, в начале 20-х годов деятель Коминтерна, был заслан в Германию для подпольной работы, с 1929 по 1935 годы сотрудник Коммунистической Академии (председатель математической секции), в 1934 году утвержден доктором философских наук без написания и защиты диссертации. С 1936 по 1938 годы заведующий отделом науки МГК ВКП(б), с 1938 года в Московском энергетическом институте (с 1939 по 1945 г. г. профессор). С 1945 по 1952 г.г. жил в ЧССР, работал профессором в автомеханическом институте, с 1953 г. старший научный сотрудник Института естествознания и техники АН СССР, в 19531962 г.г. в основном снова в ЧССР, но наездами в Иоскве, в 1962 году вернулся в СССР на постоянное местожительство (на пенсии), затем оказался на Западе, где опубликовал книгу воспоминаний с нападками на руководителей компартий СССР и ЧССР, но с подтверждением своей приверженности идеалам коммунизма. Специализировался на погромах в области естествознания в СССР, питая особое пристрастие к осуждению ученых математиков, физиков и биологов. В последние годы жизни в СССР резко изменился: в числе самых передовых людей боролся против запрета на кибернетику (и даже отчасти на генетику), в книге воспоминаний описал многие социальные болезни, присущие тоталитарным режимам. (11).

2 Николай Николаевич Подъяпольский закончил Астраханский сельскохозяйственный институт (около 1920 г.), в 1919 году вместе с группой преподавателей ездил к Ленину, чтобы добиться основания Астраханского заповедника. Став позже специалистом в области экологии, он включился в дискуссию о темпах индустриализации сельского хозяйства, обоснованно писал о том, что тракторы и комбайны разрушают почву, призывал к осторожности в обращении с природой: "Ясно, что прогресс сельского хозяйства в целом и механизации, в частности, будет наблюдаться и должен быть. Однако, важно отметить, что необходимо принять нужные меры для устранения побочных нежелательных эффектов" (14).